ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

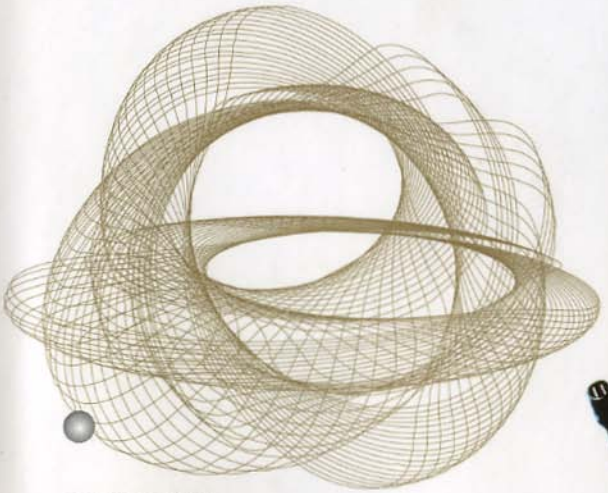

Россия — с верой в будущее!

КАТАРСИС
ТОМ 1

ЭКСМО

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

КАТАРСИС

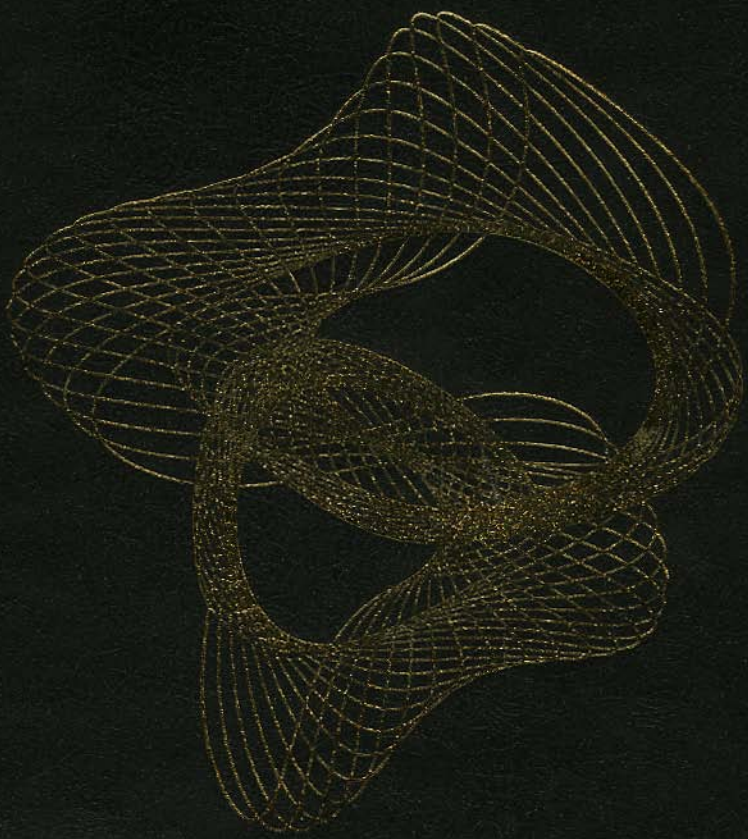
ТОМ 1

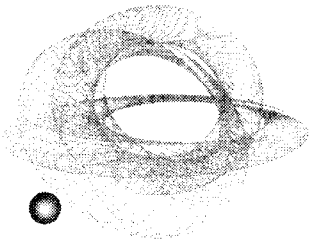

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

КАТАРСИС

ТОМ 1

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

КАТАРСИС

ТОМ 1

ЧЕЛОВЕК БОЯ

ПОЛЕ БОЯ

Эксмо, Москва
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2002 году

Головачев В. В.

Г 61 Катарсис. Том 1: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 800 с. (Серия «Шедевры отечественной фантастики»).

ISBN 5-699-01758-5

Удел свидетелей тайных операций — смерть. Единственный шанс выжить — атаковать самому. Тем более, когда опыт, силы, мастерство и поддержка друзей на твоей стороне. Бывший полковник ФСБ Егор Крутов — не просто свидетель, а один из участников уничтожения секретной лаборатории по производству психотронного оружия, поэтому охота на него разворачивается по всем правилам. Однако с Человеком Боя, Витязем, владеющим воинским искусством и укрепленным верой в добро, справиться не так-то легко. Его полем боя с воинством Сатаны становится Россия.

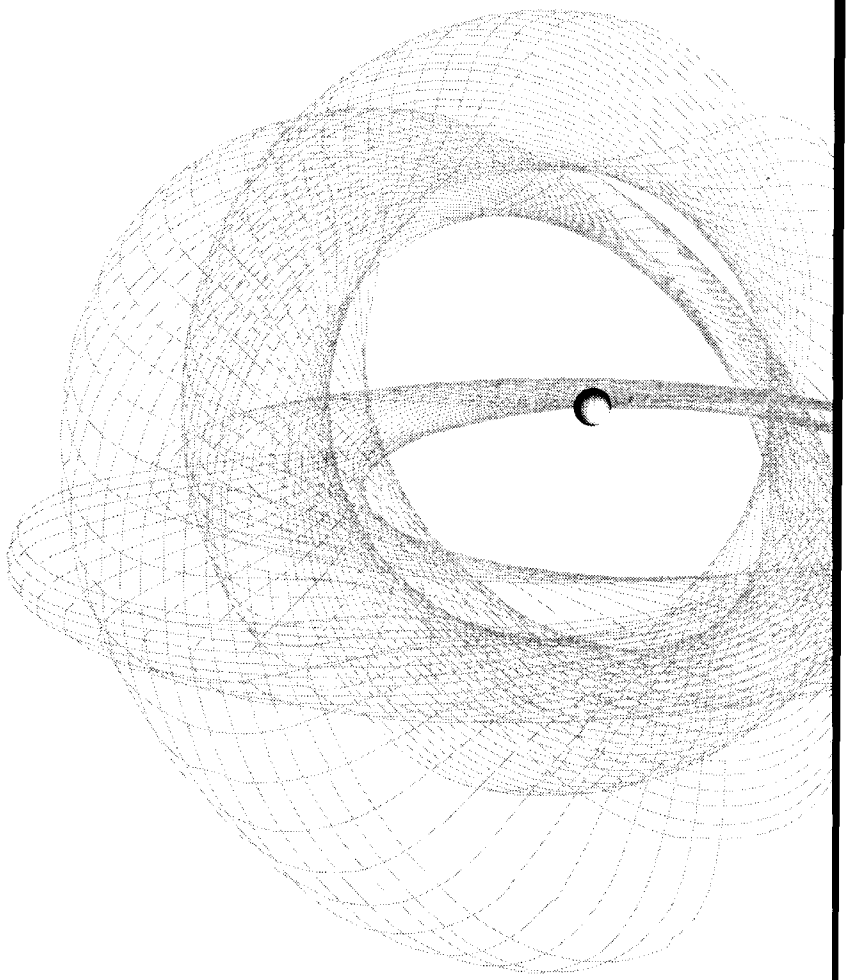
УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-01758-5

© В. Головачев, 2003
© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, 2003

ЧЕЛОВЕК БОЯ

РОМАН

ДЖЕРАХ, ИНГУШЕТИЯ

КРУТОВ

Рация в ухе тихо щелкнула, пропуская бесплотный голос руководителя операции генерала Рюмина:

— Альфа, доложите обстановку.

— Все на местах, — отрывисто бросил Крутов; на нем был спецкостюм «киборг» со шлемом, не пропускающим звуки, который позволял держать связь со всеми членами группы в пределах двух километров.

— Начинайте, Альфа.

— Есть начинать. — Крутов бросил взгляд на экранчик органайзера — компьютерного координатора со схемой объекта, на котором высвечивалось положение бойцов группы, перешел на другую частоту. — Двинулись, орлы. На первом этаже — замереть!

Зеленые огоньки на экранчике органайзера пришли в движение. Оперативно-боевая группа «Витязь» антитеррористического управления Федеральной службы безопасности начала работу...

Горноклиматический курорт Джерах расположен в долине реки Армхи в Дайнахском ущелье, в тридцати шести километрах от столицы Ингушетии Назрани. Курорт занимает плато в так называемой Лунной долине (длина — восемнадцать километров, ширина в самой широкой части — десять) и окружен со всех сторон горами, склоны которых заросли сосново-буковым лесом. Сама долина покрыта смешанным лесом: граб, клен, сосна, бук, карагач, береза, — образующим дивные пейзажи. Санаторий «Джерах» располагается в северной части долины, на крутом берегу Армхи, и может принимать на лечение до трехсот пятидесяти больных туберкулезом. К началу описываемых событий он был заполнен едва ли наполовину, в основном — жителями Ингушетии, Ичкерии и Дагестана, хотя лечились здесь и люди из других закавказских государств и из глубины России, из городов Сибири и Крайнего Севера.

Банда чеченского полевого командира Бадуева, не подчинявшегося официальной власти в Грозном, на счету которой

было около сотни похищений людей с целью выкупа и трех десятков разбойных нападений на поезда и автомашины, двадцатого июля скрытно перешла границу Ингушетии (опыт таких переходов имелся значительный) и захватила санаторий.

Утром двадцать первого долина была плотно окружена войсками МВД Ингушетии и бригадой российского ОМОНа. В середине дня Бадуев, объявивший «священный джихад всей России», потребовал снять блокаду, доставить ему десять миллионов долларов, освободить всех мусульман, «страдающих в застенках российских тюрем», и, чтобы показать серьезность своих притязаний, расстрелял двух заложников из числа русских, прибывших лечиться в санаторий с берегов Иртыша.

К середине двадцать второго июля войска МВД отступили, с бандитами начались переговоры, которые ни к чему не привели. Не помогло даже вмешательство чеченского президента, намекнувшего Бадуеву о законах шариата, по которым он мог стать отщепенцем, кровником могущественного чеченского клана власти. Бадуев продолжал требовать, чтобы ему немедленно доставили в ущелье указанную сумму и чтобы по телевидению выступил российский президент (ни много ни мало!) с заявлением об освобождении узников-чеченцев. После чего расстрелял еще двух заложников: русскую женщину и эскимоса. Ингушей и других братьев по горячей и мстительной крови он все-таки трогать не решался. И тогда пришел черед выхода на сцену антитеррористических подразделений силовых структур, созданных специальным указом президента России еще в девяносто шестом году. Наблюдатели подразделений из ФСБ, Минобороны и МВД прибыли в Джерах сразу же после захвата Бадуевым санатория, но финальную часть операции по освобождению заложников доверили «Витязю» из управления АТ Федеральной службы безопасности, уже не раз доказавшему свою профпригодность в разных уголках страны, в том числе в Кавказском регионе...

Здание санатория было трехэтажным, старой постройки, с псевдоколоннадой по всему фасаду, лепниной, фестонами и широкими карнизами, по которым легко можно было взобраться на любой этаж и пролезть в окно. Однако Бадуев тоже понимал в этом толк и расставил охрану таким образом, чтобы стены санатория были видны как на ладони. Охранников наблюдатели Крутова насчитали двенадцать. Семеро занимали круговую оборону в круглых каменных беседках, расположенных вокруг основного корпуса санатория среди редких

высоких сосен, четверо сторожили входы-выходы из здания, пятый удобно расположился на крыше. Все они были вооружены серьезно: автоматами, пистолетами и гранатометами, а сторож на крыше имел, кроме всего прочего, еще и пулемет. Наблюдатели докладывали, что видели даже минометы, словно Бадуев действительно собирался воевать «со всея Россией», но в данный момент минометы и прочее тяжелое вооружение, будь оно в наличии у банды, волновали Крутова меньше всего. Группа должна была снять часовых и просочиться в здание без малейшего шума, а внутри никакие минометы спасти Бадуева уже не могли... если только он не заметит бойцов спецназа и не начнет отстрел заложников, а этого допустить было нельзя.

Ночь, по счастью, выдалась темной, небо затянуло тучами, и продвижение группы заметить было трудно, даже имея спецоборудование, которого у Бадуева, по докладам наблюдателей, не было. Бойцы Крутова, одетые в «киборги», не пропускающие тепло, сливались с местностью и двигались в особом темпе, умело используя хиккими и готон-нодзюцу — технику передвижения и маскировки ниндзя, проверенную столетиями ее использования. За четверть часа они подобрались к часовым вплотную и замерли, доложив о готовности к броску.

Крутов, следивший за действиями группы по экранчику органайзера, сказал только одно слово:

— Дернули!

И бойцы «дернули», спустив скобы арбалетов. Семеро часовых первой линии охраны Бадуева, практически все находившиеся под наркотическим кайфом, умерли без единого звука.

— Вторая линия! — негромко бросил Крутов, сам смещаясь к углу одноэтажной столовой таким образом, чтобы его не увидел часовой на крыше основного корпуса. Снайперы группы давно держали пулеметчика на мушке, но Крутов хотел подстраховать их.

Он встал за стеной столовой, выходящей к реке, где его невозможно было увидеть со стороны санатория, прикрепил к стеклу окна специальный зажим со струнным стеклорезом и за несколько секунд вырезал круглую дыру диаметром в двадцать сантиметров. Просунул руку в дыру, нащупал шпингалет, открыл нижний запор окна. Затем тем же манером открыл верхний. Бесшумно распахнул створку окна, примерился и одним упруго-змеиным точным броском нырнул в окно, приземляясь внутри помещения перекатом с головы на ноги; в данном случае он не рисковал поднять шум, зная, что это

окно принадлежит торцу коридорчика, пронизывающего столовую. Однако после прыжка Крутов не бросился к лестнице с люком на крышу, а присел и замер, прислушиваясь к пустоте, как учил его первый учитель боевых искусств, мастер кунгфу, и был вознагражден, вдруг почувствовав шевеление в глубине столовой и ощутив холодящий кожу вдоль позвоночника «ветерок смерти».

Бадуев подстраховался-таки, установив пост и здесь, хотя наблюдатели уверяли, что столовая пуста, никто в нее после восьми часов вечера не входил.

Крутов снял шлем, чтобы тот не экранировал тонкие поля и излучения, снова ушел в пустоту, сканируя окружающий мир обострившейся чувственной сферой. Тишина перестала быть абсолютной, внутренности столовой зашептались тихими призрачными голосами, мрак протаял многоцветьем бордовых и коричневых тонов инфракрасного спектра. Такое измененное состояние сознания было частью боевого транса, и Крутов давно привык к тому, что он владеет экстрасенсорикой наравне с известными целителями, но применял свое умение не в пример реже.

Их оказалось двое — засадных сторожей Бадуева, и оба сидели на кухне, выходящей окнами к единственной дороге, которая вела по-над речным обрывом к центральному корпусу санатория. Любая попытка федеральных сил атаковать курорт со стороны горного склона и леса была бы этими парнями пресечена в два счета, потому что у них, кроме автоматов, были еще и пулеметы, в том числе один крупнокалиберный, и гранатометы. Единственное, чего не учел Бадуев, устраивая скрытый пост в столовой, так это подготовки профессионалов «Витязя», работающих против него. А еще он не мог учесть и пристрастий своих людей: оба пулеметчика хотя и несли дежурство, тихо сидя в удобных креслах у окон, но были в сильном подпитии и адекватно реагировать на происходящее не могли. Во всяком случае, атаку спецназовцев на первую линию охраны санатория они не заметили, а также дали возможность Крутову вовремя их почувствовать и обнаружить.

Взмолившись, чтобы не заработала рация в оставленном в коридорчике шлеме, Крутов прокрался к двери на кухню, не запертую ни снаружи, ни изнутри (так болваны и прокалываются!), приоткрыл ее по миллиметру, осторожно, без дыхания, рассмотрел обоих боевиков Бадуева, сидевших в расслабленных позах у окон помещения, по которому витали не слишком аппетитные запахи. Один из парней, с повязкой на лбу, булькая, допил бутылку пива, со стуком поставил ее на пол,

закурил, пренебрежительным жестом отвечая на недовольное ворчание напарника. И в этот момент Крутов прыгнул вперед, огибая длинный стол с посудой и огромную плиту с кастрюлями и чанами. Туго свистнул в ушах ветер. Сброшенная воздушной волной от движения полковника крышка одной из кастрюль плавно полетела на пол, но еще до того, как она упала, Крутов воткнул в шею одного из охранников кинжал и поворотом кисти метнул звездочку сюрикэна в лоб второму, привставшему из кресла с автоматом в руках. Боевик издал удивленное «х-ха!» и осел обратно в кресло. Его напарник с кинжалом в шее дернулся пару раз и затих. И лишь после этого загремела по плиточному полу кухни упавшая крышка кастрюли. Крутов наступил на нее ногой, наступила тишина.

Откуда-то прилетел тихий стеклянный щелчок.

Полковник метнулся назад, чувствуя, как руки и ноги от пережитого напряжения становятся ватными, а лицо заливает пот, подхватил с пола шлем.

— Альфа, почему молчите? — принесла рация шлема голос командира операции.

— Все в порядке, идем дальше, — доложил Крутов. Отключил рацию и несколько секунд постоял, опираясь о стену, приходя в себя, потом рысцой направился в конец коридора, к лестнице на крышу. Вскоре он высунул голову в слуховое окошко на чердаке столовой и разглядел на плоской крыше санатория квадратную башенку воздуховода, возле которой за мешками с песком расположился пулеметчик. Его голова с биноклем у глаз изредка появлялась над бруствером гнезда и тут же исчезала, часовой бдил. Но он больше обращал внимание на дорогу и на реку, чем на то, что делается у него под носом.

— Внимание! — проговорил Крутов, высовывая ствол своего снайперского комплекса в окошко и устраиваясь со всеми возможными в его положении удобствами. — Работаем по вертикали!

На темно-зеленом фоне ночного неба (таким был его цвет сквозь ночной прицел) появилось более светлое пятно — голова часового, и Крутов плавно потянул курок «винтореза».

Светлое пятно в окуляре исчезло. Получив две пули в голову одновременно (снайпер команды тоже знал свое дело и не промазал), часовой умер мгновенно. Остальные спецназовцы, подкравшиеся к санаторию вплотную, в течение нескольких секунд взобрались на карнизы первого этажа и проникли в здание, не нарушив сонной тишины курорта. Последним в корпус пробрался Крутов, которому понадобились две минуты, чтобы вылезти из столовой и добежать до громады здания,

внутри которого слышались голоса и музыка: бандиты были уверены в своей неуязвимости и отдыхали от «трудов праведных».

Очутившись в одной из спален, Крутов глянул на экранчик органайзера и удовлетворенно кивнул сам себе. Операция развивалась точно по плану, все десять человек ударной группы заняли свои места согласно первому варианту захвата санатория. Можно было реализовывать следующий этап операции, для чего спецназовцы должны были оставить на местах огнестрельное оружие и приготовить холодное: ножи, кинжалы, метательные пластины и стрелы. Во избежание потерь среди заложников дальше группа собиралась начать бесшумный «бой теней», то есть взять бандитов без стрельбы.

— В ножи! — тихо приказал Крутов, снимая с себя «винторез» и доставая из петли на поясе отечественный пистолет «бердыш». И в это время с хрипом заговорила в ухе рация:

— Альфа, отбой! Всем вернуться на исходные позиции! Немедленно отойти! Как слышишь, Альфа? Отбой!

— Слышу, — после длинной паузы удивления и гнева процедил сквозь зубы Крутов, унимая рванувшееся сердце. — В чем дело?

— Дуй назад, полковник! — прошипела рация. — Получен приказ, понял? Отбой захвату! Завтра пойдут переговоры. Выполняй!

— Не могу, — после еще одной паузы сказал Крутов. — Ребята уже пошли вперед. Начну отступать — положу всех!

Рация выдала порцию мата и слюны генерала Рюмина, но Крутов выключил ее, не дослушав командира. Ему памятен был случай в Буденновске со штурмом больницы, когда бойцы «Альфы» просочились на первый этаж здания и готовы были покончить с бандой Басаева втихую, ножами, но получили приказ вернуться и вынуждены были отступить, потеряв при этом людей. Кто-то в верхах перепугался последствий штурма и решил перестраховаться таким образом, прекрасно понимая, что он-то не рискует в этом случае ничем: ни жизнью, ни карьерой. А приказ об отступлении, по сути, явился настоящим предательством по отношению к профессионалам, особенно погибшим из-за него. Своих «витязей» Крутов терять не хотел.

— Двинулись! — бросил он команду подчиненным и добавил, хотя это было и не нужно:— Парами!

Бойцы группы и без того понимали преимущества подстраховки в такого рода операциях.

Двинулся чистить свою часть здания от боевиков Бадуева и

полковник, предварительно освободившись от «киборга», максимально облегчив костюм. На нем осталось лишь черное трико и шапочка, оставлявшая открытыми глаза. Из оружия Крутов взял с собой два тонких толедских стилета, африканский кинжал листовидной формы, хорошо сбалансированный, приспособленный для метания, а также сюрикэны — звезды и стрелки, коими владел виртуозно, попадая в пятак с расстояния в пятнадцать-двадцать метров. О приказе отступить он думать перестал, хотя знал, чем рискует в случае неудачи.

Состояние п у с т о т ы пришло автоматически, как только воля сконцентрировалась на решении боевой задачи. Полковник Егор Крутов тридцати пяти лет от роду, командир оперативно-боевой группы «Витязь» антитеррористического управления ФСБ, превратился в боевую машину, реагирующую адекватно воздействию извне и не допускающую ошибок. Такое состояние — мусин, состояние боевого транса, требовало очень большого расхода нервной энергии, зато оно позволяло двигаться в три-пять раз быстрей любого тренированного спортсмена, мгновенно реагировать на неожиданное нападение, предугадывать его и предвидеть развитие событий.

Первого боевика Крутов перехватил у туалета в конце коридора; санаторий строился давно, еще в брежневские времена, и туалеты имелись не во всех номерах. Коренастый молодец неопределенного возраста, одетый в черную куртку и пятнистые брюки, заросший волосом до глаз, с зеленой лентой через лоб, с «калашниковым» под мышкой, пошатываясь, вышел из вестибюля, подергал в пароксизме проверки ручки некоторых дверей по обеим сторонам коридора и прямиком попер в туалет. Крутов нырнул следом, зажал ему рот ладонью правой руки, а левой мгновенно вонзил стилет под лопатку, используя толчковую технику удара ножом. Второго удара не потребовалось.

Выскользнув обратно в коридор,Крутов заметил в дальнем крыле здания сгущение темноты — это шел ему навстречу кто-то из своих. Тогда он проверил комнаты до вестибюля, никого не обнаружил — ни заложников, ни боевиков, и замер за колонной, за которой налево начинался вестибюль, а направо — гардероб и двойная лестница на второй этаж. Света в вестибюле не было, но полковник хорошо видел в темноте и чувствовал присутствие нескольких человек. Здесь, по данным разведки, Бадуев соорудил еще одно пулеметное гнездо, а также показательно расстреливал заложников, выбрасывая потом трупы с высокого крыльца здания.

В коридоре с другой стороны вестибюля сформировалась тень, застыла, не выдавая себя ни одним звуком. По плану операции коридор первого этажа должны были контролировать две двойки: Саши Зубко и Коки Морозова, но Крутов видел пока только одного из парней. Вторая пара, которая заняла позицию у торца здания с той стороны, где в него пробрался полковник, почему-то не появилась.

В вестибюле раздалась возня, ругань, зазвенели, раскатываясь по полу, бутылки, затем затопали тяжелые шаги, и на фоне светлого прямоугольника выхода в вестибюль возникла крупная фигура человека. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Из коридора напротив метнулась к идущему гибкая и быстрая тень. Чмокнуло (так под ударом ножа лопается кожаная куртка), из груди человека вырвался тихий хрип. Но Крутов не дожидался конца атаки, он уже летел в вестибюль, подсвеченный всеми полутонами бордового цвета — диапазон видения сдвинулся в инфракрасную полосу спектра, — и одним взглядом обнял поле боя.

Пулеметов (калибр 12,7 миллиметра, пламегасители, лазерные прицелы) было два, они глядели в окна по обеим сторонам парадной двери, установленные на специальные станки. Мешки с песком слева и справа, какие-то шкафы и лавки. Ящики с патронами и гранатами. Отдельно на полу оружие: гранатометы револьверного типа, автоматы, переносный зенитно-ракетный комплекс типа отечественной «Стрелы». И трое боевиков, сидевших и лежавших на куче матрасов на полу возле батареи бутылок.

Один из них успел вскочить, но стилет Крутова нашел его горло, и боевик осел, не успев крикнуть. Еще одного полковник достал, метнув звездочку сюрикэна, и добил в прыжке ножом. Третьего, очумевшего от изрядной доли спиртного, вставшего на колени и тянувшегося к оружию, вырубил кто-то из «витязей», рывком свернув ему шею.

Оба — и Крутов, и его боец — некоторое время прислушивались к тишине, потом полковник придвинул губы к уху парня:

— Где второй?

— «На спине», — выдохнул тот в ответ, что означало: «держится сзади»; это был Зубко. — У нас только двое, спали. Больше никого.

— Где Кока?

— Не знаю... — Зубко дернулся, хватаясь за кинжал, но это в вестибюль выскользнула исчезнувшая пара Морозова.

Крутов не стал выяснять, почему она задержалась, причина

была наверняка весомой, и ткнул кулаком в сторону лестницы. Жест означал, что первая пара пойдет левой, вторая — правой лестницей, а сам полковник — «на спине» группы, прикрывая тылы.

Заложники в количестве ста двенадцати человек, в том числе пожилые женщины и дети, были собраны Бадуевым в кинозале санатория на втором этаже. Охраняли этот этаж десять боевиков в полной боевой форме, то есть увешанные оружием с ног до головы. По двое расположились в торцах коридора, двое сторожили вход в зал, изредка наведываясь в него и оглядывая сидящих на стульях пленников, остальные четверо стерегли лестницу. Правда, стерегли больше номинально, практически не глядя на нее, будучи уверенными, что никто посторонний снизу подняться на этаж не может.

Сам Бадуев занимал люкс-апартаменты на третьем этаже, охраняемом еще дюжиной боевиков.

Идущие впереди Крутова спецназовцы остановились перед атакой, ожидая сигнала готовности второй четверки, взобравшейся на этаж снаружи. Сигнал прозвучал через две минуты — по рации. Лишь на Крутове в настоящий момент не было спецкостюма, остальные оставались в «киборгах», хорошо защищавших тело от удара кинжалом или другим колющим оружием. Но полковнику командовать группой, которая уже «пошла», не было нужды, ребята действовали слаженно и расчетливо, как единый организм, не раз проверенный в деле.

Два прыжка вверх по лестнице, поворот, еще два упругих прыжка, взмах рукой... Четыре тусклых блика прорезали воздух, четыре метательных ножа нашли свои цели, но «витязи» не остановились, врываясь в коридор, добили тех, кто был еще жив и мог закричать (хотя все четыре ножа вошли в горло и шею боевиков!), и метнули кинжалы в оторопело оглянувшихся на шум охранников у входа в кинозал. Остальных сторожей, потягивающих пиво в тупиках коридора по обеим сторонам здания и ведущих ленивые разговоры, тихо сняли из арбалетов и добили ножами ворвавшиеся в коридор спецназовцы второй четверки «верхолазов». Вся атака таким образом длилась около полминуты, словно прошумел по этажу смертельный ветерок, уронил боевиков Бадуева на пол и стих. Крутову даже не пришлось поучаствовать в атаке, так быстро все произошло.

Двоих бойцов он оставил стеречь кинозал с ничего не подозревающими людьми, остальные собрались у лестницы, ведущей на третий этаж, откуда доносились чьи-то голоса, смех, звуки музыки, стеклянный стук и хруст. Бадуев праздновал

победу, заранее уверенный в успехе своего бравого рейда. Походы знаменитых всему миру «почетных террористов» республики Ичкерия Басаева и Радуева показали бессилие российских спецслужб и властей сладить с «героями народа», и он хотел повторить успех, попасть в разряд таких «героев», нимало не заботясь о судьбе захваченных, а тем более расстрелянных им людей.

Крутов почувствовал нарастающую в душе волну гнева и переключил внимание на предстоящее действие. В принципе после освобождения заложников, пусть и неполного, можно было взяться и за огнестрельное оружие, тем паче что никого из боевиков Крутов шадить не хотел, но профессионал в душе полковника протестовал против такого решения, да и атака получилась бы слишком шумной, грозившей поднять панику среди пленников, и Крутов сделал всем понятный жест: поднял кулак вверх и растопырил пальцы. Бойцы группы ходили с полковником на операции уже четвертый год и понимали его с полувзгляда, ничего объяснять им не требовалось. Однако на этот раз он пошел впереди группы, инстинктивно предвидя серьезные осложнения. Уж слишком просто и тихо прошли они первые оборонительные заслоны террористов.

Интуиция Крутова не подвела. События начали развиваться по другому сценарию уже спустя три минуты после того, как группа на цыпочках взлетела вверх по неосвещенной центральной лестнице к выходу на третий этаж и приготовилась к броску.

Внезапно музыка в коридоре смолкла, наступила полная тишина, потом раздался взрыв восклицаний, ругань, улюлюканье, топот, а вслед за этим — приближающийся гул и стрекот вертолетных винтов. Крутов встретил взгляд Саши Зубко, так же, как и он, снявшего шлем, и прочел в его глазах в прорези маски объяснение происходящему. Генерал Рюмин, а может быть, кто-то и повыше его, принял решение «помочь» десанту и разделить успех операции, либо свалить вину за неуспех на строптивого полковника Крутова, отказавшегося выполнить приказ к отступлению.

Но делать было нечего, приходилось принимать бой в самых невыгодных условиях, когда ничего уже изменить невозможно из-за отсутствия времени и потери эффекта внезапности. И все же следовало извлечь максимум пользы и из этой ситуации, пока еще позволяли обстоятельства, и Крутов, не оглядываясь, но зная, что его парни не колеблясь последуют за ним, прыгнул с лестницы в освещенный коридор, по которому разбегались по своим местам возбужденные боевики Бадуева. Встретить врага лицом к лицу они естественно не предполагали.

Первый из боевиков, смуглолицый и усатый, наткнувшийся на группу спецназа, умер, не успев сообразить, что происходит. Крутов зарубил его на ходу — ладонью по горлу, и тут же достал ножом второго, с автоматом в руках, бегущего следом. Третьего, начавшего что-то понимать и готового открыть стрельбу, он остановил броском сюрикэна: шестилучевая звездочка вошла точно в переносицу звероподобного аборигена, похожего на опереточного партизана с пулеметными лентами крест-накрест на груди. Дверь слева, выглядывающее лицо оттуда — удар «лапой тигра», вопль... не останавливаться, добьют идущие в арьергарде... дверь справа, здоровенный детина — блондин, явно не чеченец, поднимает автомат, не успеет... свист ножа, глухой хлюпающий звук — это нож входит в горло блондина... готов!.. Двое впереди, сейчас начнут пальбу, вряд ли прицельную — глаза у обоих квадратные, испуганно-удивленные, они еще не поняли в чем дело, но очередь вдоль коридора, даже не прицельная, — это не струя гороха, кого-то наверняка заденет, прощайте, ножички... оба стилета улетели вперед, находя цели: парни с воплями выпускают автоматы, хватаются за лица... дальше, дальше, с этими все ясно, где-то тут резиденция Бадуева, вот кого нельзя упускать ни в коем случае! Иначе этот «герой» снова когда-нибудь пойдет в поход, воевать с мирными гражданами...

Состояние, в котором находился сейчас Крутов, имело несколько названий в разных философских школах: тапас, сатори, самадхи, мусин, ментальное просветление или озарение, — но Крутову больше нравился термин тайки-оку — «всеохватывающее единство». Это состояние позволяло ему реагировать на опасность в течение сотых долей секунды и двигаться гораздо быстрее любого человека. Его первый учитель по боевым искусствам сразу заметил в своем ученике неординарные способности держать т е м п, то есть сверхбыструю реакцию и редкую скорость движений, а в процессе тренировок еще больше увеличил эти способности, что и сделало из деревенского парня, попавшего в город после школы, мастера русбоя. В спецвойсках, правда, Крутова учили не спортивному поединку, а реальному бою, но это дела не меняло, воином он был от рождения. Врожденные же способности только усиливали эффект тренировок. Выстоять против него не мог ни один из профессионалов службы (спортивные соревнования проводились и там, хотя и закрытые для зрителей), и полковник недаром получил кличку Крутой Уокер.

Внимание Крутова без усилий воли сканировало пространство вокруг, не задерживаясь ни на одном объекте, но схватывая ситуацию в целом при мгновенной оценке всех ее частных деталей. Личное «я» не только не вмешивалось в деятельность психики, но как бы перестало существовать, растворилось в подсознании. Субъект, каким он был в мирной жизни, слился с объективной ситуацией, начал действовать спонтанно, в соответствии с ее законами и временем, максимально адекватно. И в какой-то момент Крутов вдруг почувствовал, что их крохотные резервы внезапности и неожиданности кончились, бадуевцы опомнились и готовы открыть огонь.

— Огневой контакт! — крикнул он во всю силу легких, уже не боясь нарушить тишину, и в тот же момент в разных концах коридора вспыхнула стрельба.

Она длилась всего минуту, стрелки были все-таки обескуражены нападением и об организованном сопротивлении не думали, к тому же против них действовал не милицейский спецназ, не ОМОН или армейское подразделение, а команда профессионалов захвата и диверсионных акций, но и минутная стрельба из автоматов и пистолетов-пулеметов тяжело обошлась крутовским «витязям». Один был убит, трое ранены, причем двое — тяжело. Сам же Крутов в этот момент, прикрытый со спины Сашей Зубко и его напарником Маратом Балязиным, нашел наконец номер, в котором находился Бадуев со своими «воинами-освободителями», и за ту минуту, пока в коридоре его бойцы сражались с открывшими пальбу боевиками, уничтожил шестерых личных телохранителей Бадуева и самого командира террористов.

Боевики сами помогли спецназовцам сделать это, так до конца и не осознав, что «героями» стать им не суждено. Один из телохранителей Бадуева выглянул в коридор, чтобы выяснить причину стрельбы, и Крутов, мгновенно сориентировавшись, тут же воспользовался этим обстоятельством: выбил щелчком пальца у мужика кадык, втолкнул его обратно в номер и ворвался следом в роскошные апартаменты номера люкс.

Все произошло настолько быстро, что даже опытный и осторожный Бадуев не успел отреагировать на вторжение, будучи уверенным, что находится в безопасности, а когда он понял, в чем дело, было уже поздно. Звездочка сюрикэна, выпущенная Крутовым из-за спины осоловевшего от боли боевика, впилась в рот телохранителя с ручным пулеметом в руках, вторая пробила щеку верзиле у окна, и в то же мгновение в комнате оглушительно лопнула светозвуковая граната, брошенная Сашей Зубко из-под локтя командира.

Все, кто находился в комнате, ослепли и оглохли на несколько мгновений (Балязин в шлеме «киборга» не пострадал, а Крутов и Зубко вовремя прикрыли глаза ладонями), и этих мгновений хватило ворвавшимся внутрь номера парням Крутова довершить разгром террористов. Бадуева убил он лично, выбив оружие из рук и одним ударом «рука-копье» раздробив ему переносицу.

Бой закончился. Стихла стрельба в коридоре. И тогда стал слышен нарастающий шум десанта из севших неподалеку на территории курорта вертолетов.

— Останови их, — выдохнул Крутов Саше, ощутив безмерную усталость и безразличие ко всему происходящему. Сел было на диван в прихожей номера, провонявшего пороховой гарью, сгоревшей магнезией, потом и кровью, но встрепенулся и заставил себя выйти в коридор, где возле тел раненых и убитого бойца собрались все члены группы.

Убитым оказался Валера Беккер, молодой новобранец команды, недавно закончивший Рязанскую воздушно-десантную академию. Стянув с головы шапочку, Крутов постоял над ним в молчании, как и остальные бойцы, подошел к раненым.

— Шансов мало, — оглянулся на него Костя Морозов, Кока-врач, как его прозвали в группе, — у Павла две маслины в легком, у Витька одна в животе.

— Грузите их в вертолет, должны успеть! Понял?

— Как не понять.

Морозов разогнулся, вытирая тампоном кровь с рук, кивком подозвал хмурых десантников. Крутов пожал руку раненному в грудь Павлу Молитвину, уловил слабое ответное пожатие, отвернулся и зашагал прочь. Ребята подхватили раненых, понесли вниз.

Генерала Рюмина в сопровождении каких-то лиц в штатском Крутов встретил в ярко освещенном вестибюле санатория.

— Ну и поработали вы тут, — поморщился Рюмин, высокий и худой, как жердь, с головой яйцом и вислым носом. — Почему не выполнил приказ, полковник? Что ты себе позволяешь? Теперь придется отвечать...

— Отвечу, — тихо согласился Крутов, узнавая в одном из гражданских спутников генерала первого вице-премьера. — Если бы не ваш десант, я бы не потерял людей. Кто отдал приказ вылететь к санаторию на «вертушках»?

Хорошо одетые в дорогие костюмы мужчины переглянулись. Рюмин снова поморщился, собираясь ответить, но его перебил вице-премьер, с высокомерной миной оглядев одетого в трико полковника с ног до головы:

— Я отдал приказ. А что? За самоуправство пойдете под трибунал! Ясно? И не помогут вам...

Крутов молча, без замаха, врезал растопыренной ладонью в лоб вице-премьеру, так что тот отлетел на два метра назад, врезавшись в кого-то из стоящих за спиной, отодвинул бросившихся было к нему телохранителей вице-премьера (ребята группы красноречиво окружили своего командира) и пошел к выходу, не прислушиваясь к гневной речи обалдевшего от неожиданности генерала.

Через два дня Крутова вызвали в управление кадрами ФСБ и предложили написать рапорт об увольнении по состоянию здоровья. До этого с ним разговаривали чуть ли не два десятка вышестоящих начальников от Рюмина до директора службы, но полковник молчал, не ответив ни на один вопрос. От него отступились, приняв его молчание за признаки психической надломленности (что в принципе почти соответствовало истине), а судя по тому, что в конце концов ему предложили уволиться, инцидент с вице-премьером замяли и скандалу развиться не дали. Все же операция по освобождению заложников и уничтожению банды террористов проведена была блестяще, а полковник имел весьма длинный послужной список и кучу наград за проведение многих таких же операций по ликвидации террористических групп. Но простить своевольство офицеру, даже такому заслуженному, как Егор Крутов, руководство службы не могло, хотя штурм санатория «Джерах» потом вошел в учебники по тактике, став классикой операций подобного рода.

Подписав рапорт, Крутов получил годовое денежное довольствие в размере семидесяти двух тысяч рублей и покинул финансовое управление ФСБ, чтобы никогда больше не переступать пороги знаменитого комплекса зданий на Лубянке. О содеянном он, в общем-то, не жалел, жалел только, что не смог уберечь своих парней от пуль боевиков.

ТУЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ВОРОБЬЕВ

Банда Петра Фоменко, получившего в преступном мире кличку Гитарист за пристрастие к игре на гитаре, потрошила автодороги второй год, ни разу не попавшись в поле зрения угрозыска и дорожной милиции благодаря невероятной изворотливости Гитариста, а также помощи наводчика, работавшего в отделе дорожно-транспортного контроля подмосковной милиции. В последние два месяца банда из Подмосковья по совету наводчика перебралась в Тульскую область и показала, на что способна, оседлав Симферопольское шоссе и ряд дорог республиканского значения. Действовала она столь разнообразно, что даже опытные милицейские работники диву давались, когда разработанные их аналитиками планы уничтожения банды Гитариста срывались один за другим, а банда, выколотив дань с водителей на одном шоссе, всплывала через день на другом.

В послужном списке банды, представлявшей, по сути, ядро дорожной мафии, числилось более четырех десятков разбойных нападений на колонны грузовиков, отдельные фуры и личные автомашины, и почти каждый раз Гитарист пускал в ход новый способ выколачивания денег с водителей, не брезгуя ни уговорами, ни угрозами, ни пытками и прямым убийством излишне доверчивых либо желавших подзаработать людей.

Наиболее «благородным» видом поборов было предложение водителям за хорошую плату обеспечить охрану их проезда по территории района. Если шофер не соглашался, в ход шли запугивания и угрозы, в случае же, если он не поддавался и уезжал «без сопровождения», строптивца наказывали. Делали это либо сами «охранники», догнав машину на пустынном участке шоссе, либо наводили на грузовик спецгруппу, дожидавшуюся указанный автомобиль на перегоне в форме гаишников. Останавливали машину и разбрасываемые по шоссе специальные ежи, пробивающие шины, и шипастые цепи. А затем к остановившемуся грузовику подъезжала «техпомощь»...

Следующий способ получил название «ловля на живца». Применялся он обычно к водителям-дальнобойщикам, перегонщикам новых автомобилей и водителям-одиночкам личного автотранспорта.

На дороге голосовала красивая, легко одетая девушка. Согласившийся подвезти ее, ничего не подозревая, крутил баранку, приятно беседуя с попутчицей. В заранее условленном месте «подсадная утка» просила остановить машину якобы по нужде, и на ничего не подозревающего шофера нападали из засады дружки красавицы.

Кроме бандитов, переодетых в форму сотрудников ГАИ, Гитарист использовал и других ряженых: работников милиции, военных, цыган, сельских жителей, «везущих продукты на рынок», учителей с десятком детей разных возрастов, стариков и старух. Но больше всего в практике дорожных «бом-

бил» использовались откровенные разбойные нападения, чаще всего происходящие ночью на безлюдных участках дорог, и много раз проверенный сценарий «помощи».

Один из членов банды, самый обаятельный и тихий, подходил к дальнобойщикам и просил помочь подвезти груз: продукты, мебель, овощи-фрукты, холодильник и тому подобное. Вместе ужинали, беседуя о нелегком шоферском рубле и трудной жизни. Потом ехали на место, где якобы ждал груз (или обед, ужин). Когда водитель выходил из кабины, в него стреляли и добивали ножами. Труп хоронили в заранее вырытой могиле или сбрасывали в реку с глыбой бетона.

Со сбытом похищенного проблем у банды не было. Гитарист покупал у военных чиновников чистые акты на списание армейских машин, бланки актов технического состояния, что позволяло перегонять грузовики из Подмосковья на Кубань и в другие регионы страны для продажи, а многие из автомашин банда легализовала через Госавтоинспекцию: новые номера, документы, пропуска. Вскрылось участие инспекторов ГАИ в деятельности банды недавно, что и заставило Гитариста сменить район базирования.

Правда, совсем безнаказанными бандиты все же не оставались. Кроме энтузиастов-милиционеров, проводящих облавы на дорогах, в Подмосковье объявилась самодеятельная группа мстителей, по слухам, состоящая из бывших водителей-дальнобойщиков, пострадавших от нападений, и родственников погибших от рук бандитов шоферов. Группа нещадно расправлялась с дорожными бандитами, калеча их и убивая, на ее счету было уже несколько ликвидированных бандгрупп, но к Гитаристу подобраться она не смогла, тот действовал похитрей, да и сведения о готовящихся облавах получал из первых рук, от штатного осведомителя из милиции.

Информация о двух грузовиках, перевозящих дорогостоящую электронную технику: компьютеры, мониторы, телеаппаратуру — из Москвы в Крым, Гитарист получил двадцатого июня, и уже к вечеру его заставы ждали появления грузовиков по всей Симферопольской трассе от столицы до Тулы. Кусок был настолько лакомый (стоимость перевозимого товара зашкаливала за миллион «зеленых»), что Гитарист забыл об осторожности и решил лично возглавить операцию по перехвату грузовиков, не сомневаясь в подлинности полученных сведений. Началась операция ранним утром двадцать первого июня, когда наблюдатели банды обнаружили грузовики в районе Московской кольцевой автодороги, неспешно выползающие на трассу.

Вели их несколько машин, сменяя друг друга, пока грузовые фургоны с английскими надписями по бортам не остановились наконец в лесу за Тулой, недалеко от городка Высюгань, в специальном «кармане» для стоянок грузовых автомобилей. Водители решили позавтракать.

То, что водителей четверо и все они мужики с виду крепкие и молодые, Гитариста не смущало, но был он калач тертый и решил подстраховаться, проверить, то ли везут означенные фургоны или не то, для чего выслал вперед разведку, остановившись таким образом, чтобы можно было наблюдать за происходящим на стоянке в бинокли.

К грузовикам, мигая аварийными огнями, подкатила старенькая замызганная «девятка», за рулем которой сидел добродушного вида пожилой мужчина (он же вор-рецидивист Никола Мостовой по кличке Санта-Клаус). Шофер «девятки» открыл капот, поковырялся в моторе и подошел к водителям, усевшимся завтракать возле кабины одного из фургонов. Что он попросил у дальнобойщиков, осталось неизвестным, только один из водителей, повозившись в кабине и не найдя того, что искал, открыл фургон, и Гитарист, в бинокль наблюдавший за стоянкой, разглядел ряды белых коробок внутри фургона, украшенных множеством наклеек, рисунков и надписей на английском и японском языках. Сомневаться не приходилось: грузовики везли компьютерную технику.

— Берем! — сказал Гитарист, опуская бинокль. — Вариант «мудаки». Стрелять, только если они начнут сопротивляться.

— А если не начнут? — осведомился Лева Пинкисевич, правая рука Фоменко.

— Связать, камни к ногам и утопить.

— А не лучше ли подержать пару дней и отпустить? Не зря братва болтает о команде «мочил»...

— Утопить, я сказал!

— Понял.

Бандиты переоделись по варианту «мудаки» в милицейскую форму — причем Гитарист напялил мундир полковника, нравились ему погоны со множеством больших звезд, — установили на крышах «мерсов» и джипов мигалки и, включив сирены, помчались к стоянке грузового транспорта.

Водители, держа в руках бутерброды с колбасой и сыром, кружки с горячим чаем, с любопытством смотрели на «спецназ», не ожидая с виду никакого подвоха, не сделав ни одной попытки сопротивления, даже когда из окруживших стоянку «крутых» машин выскочили «милиционеры» и одетые в штат-

ское мужики зверского вида, направив на них стволы пистолетов и помповых ружей.

— Связать! — коротко распорядился «полковник милиции», руководивший «спецназом», мельком глянув на водителей, и направился к фургонам.

— Эй, начальник, — окликнул его один из шоферов, — а я ведь тебя знаю.

«Полковник» резко остановился, споткнувшись на полшаге, повернулся всем корпусом к водителям, и ему очень не понравились взгляды молодых мужчин, какие-то слишком уверенные, презрительно-угрюмые, без капли страха или недоумения. А особенно не понравились глаза окликнувшего, дерзко-насмешливые, умные, с искрой силы и угрозы.

— Не помнишь меня? — продолжал водитель. — Год назад мы с братом проезжали Калугу, я вышел купить сигарет, а твои «шестерки» в это время напали на брата, вышвырнули из машины — шикарный такой джип был, «Лэнд Круизер», — а когда брат кинулся на них, кто-то выстрелил ему в живот. Ты же сидел в «Тойоте», сзади, наблюдал. Я тебя тогда неплохо разглядел, да и ты меня, наверное, не забыл, Петр Петрович Фоменко... Гитарист. Ну, вспомнил? Вот мы и встретились наконец.

— Убрать! — махнул рукой внезапно вспотевший «полковник», отступая на шаг, и в тот же момент началось то, что не могло ему присниться даже в страшном сне.

Задние дверцы фургонов вдруг распахнулись, и на землю посыпались люди в пятнистых комбинезонах с пистолетами-пулеметами в руках. Раздались выстрелы — это спецназовцы в комбинезонах утихомиривали наиболее прытких бандитов, начавших было сопротивление. Тот, кто узнал Гитариста и заговорил с ним, тоже не стал дожидаться, пока его кто-нибудь не подстрелит, и начал действовать, на доли секунды опередив главаря банды. Он прыгнул к нему с расстояния в пять метров, ногой отбил руку с пистолетом в сторону, нанес еще один удар по руке локтем вниз, обнаруживая прекрасное знание приемов рукопашного боя, и тут же воткнул указательный палец в глаз Гитаристу. С воплем тот схватился за глаз, упал на колени и уже не увидел последнего удара: водитель ребром ладони сломал ему шейные позвонки.

Троих бандитов, успевших воспользоваться оружием, убили сразу, остальных спецназовцы повалили на землю, ломая им в ходе драки пальцы, руки, ребра, выбивая зубы, нанося удары, травмирующие внутренние органы, от которых они теряли сознание либо испытывали сильнейшую боль. Затем всех

бандитов выстроили в лесу на поляне, недалеко от стоянки грузовиков, но так, чтобы их не было видно со стороны шоссе. Принесли и свалили в кучу убитых, в том числе главаря банды с вытекшим глазом. Командовал подразделением спецназа (так думали бандиты — что это спецназ) — всего их вместе с «водителями-дальнобойщиками» набралось девять человек — тот самый светловолосый шофер с дерзко-веселыми глазами, среднего роста, но жилистый и сильный, который узнал в «полковнике милиции» Гитариста. Бандитов же набралось пятнадцать человек, не считая убитых. Затравленно озираясь, они глядели на молчаливых парней в пятнистом, переминались с ноги на ногу, все еще ошеломленные случившимся, и боялись даже стонать.

— Кто не убивал никого — шаг вперед! — приказал командир спецназовцев, оглядывая шеренгу.

Бандиты стали переглядываться, мяться, потом из шеренги вышел бледный худосочный мужик средних лет в ветровке и кедах, со сломанной рукой, которую он бережно прижимал к животу, заискивающе улыбнулся.

— Я не убивал, я только на стреме, что приказывали, меня даже никогда не брали, а винтарь я просто носил, как и все, у кого хошь спросите, я Шестопал, а этих...

— Стоп!

Мужик затих, бледнея еще больше.

— Кто еще?

Вперед выступил «разведчик» банды Санта-Клаус. Ему тоже досталось — за то, что пытался сбежать, и круглое благообразное лицо его украшал красивый кровоподтек в форме полумесяца над верхней губой.

— Ну, я...

— Еще?

Шеренга молчала.

Водитель усмехнулся, глядя, как многих бандитов колотит дрожь.

— Что, сердешные, мандражируете? Страшно? Жить охота? А когда вы ни в чем не повинных людей резали, вешали, душили и топили, не страшно было?! Все, отгуляли! А теперь колитесь, кто сколько душ загубил, может, кого и помилую.

— Панкрат, — понизив голос, сказал один из парней в комбинезоне, подходя к светловолосому, — там твой дружок приехал. Пропустить?

— Приведи сюда, — кивнул водитель, — пусть посмотрит на ублюдков. — Повысил голос: — Ну, облегчайте душу! На-

чнем слева направо, но не с тебя. — Палец Панкрата уперся в грудь Левы Пинкисевича. — Ты амнистии не подлежишь.

Ударил негромкий выстрел, во лбу помощника Гитариста появилась дырочка, ноги его подкосились, и он упал навзничь. Бандиты шарахнулись в разные стороны, но остановились, услышав четкую команду:

— Стоять, уроды!

К светловолосому в сопровождении спецназовца подошел немолодой мужчина в кожаной куртке, несмотря на летнюю жару, с изможденным болезненным лицом.

— Кончай самодеятельность, Панкрат Кондратьевич, — глухо проговорил он. — Отпусти их, ты не судья и не палач. Пусть идут. Банды, считай, уже нет...

— Не мешай, Сергеич, — твердо сказал водитель. — Они убили не только моего брата, на их кровавом счету более двадцати человек, ты же знаешь. На каждом кровь и пытки... Стой и смотри, если хочешь, но молчи. Сегодня будет по-моему. Лева не пожалел двенадцатилетнего пацана, ехавшего в кабине «жигуленка» с отцом, а сам Гитарист убил семерых, в том числе двух женщин. Остальные мучили отцов и братьев моих ребят... стой и молчи!

Панкрат отошел от пожилого мужчины в куртке, ткнул пальцем в толстого, как боров (у него и кличка была — Боров), бандита:

— Ты!

— Я, как все, специально никого, как все, так и я, — тонким голосом заговорил толстяк, глотая слова, — ну, может, и убил кого, так приказывали...

— Сколько?!

— Ну, не знаю, может, одного, двух, но никогда, я же не для того, а когда все, и стрелял мало, и жалел...

— Мразь! — сплюнул под ноги один из водителей, с которым завтракал светловолосый командир операции, угрюмо оглядел сбившихся в кучу бандитов. — Кто знает, сколько человек убил этот боров?

— Я скажу, — услужливо вылез вперед из толпы помятый старик со слезящимися глазами. — Боров убил, значитца, пятерых лично, вешал сам, паяльной лампой, это вот, значитца, кожу на пузе жег...

Раздался выстрел. Толстяк упал. Старик вздрогнул и замолчал, тупо глядя на расстрелянного, потом проворно залез обратно в толпу.

— Ты! — Палец Панкрата указал на могучего телом молодого небритого парня с угрюмым волчьим взглядом, у которого была сломана челюсть.

— Троих! — с вызовом прошипел он, но сморщился от боли и секунду молчал, придерживая челюсть, потом добавил: — И еще буду давить вас...

— Уже не будешь, — равнодушно ответил Панкрат.

Щелчок выстрела, дыра во лбу парня, стук тела о землю.

Приехавший в кожаной куртке шагнул было к светловолосому, однако был остановлен одним из бойцов команды Панкрата.

Тот оглядел поредевшую, затаившую дыхание толпу, криво усмехнулся.

— Действительно, не палач я, к сожалению, хотя по каждому из вас петля плачет. Один только вопрос задам, ответите — отпущу всех, не ответите — положу здесь: кто помогал Гитаристу в органах? Где окопалась эта сволочь?

Наступила тишина. Бандиты переглядывались, перешептывались, но отвечать не торопились. Потом, почесав затылок, заговорил Никола Мостовой — Санта-Клаус:

— Мы его не знаем, Гитарист всегда ходил к нему один. Но, по-моему, стукачок сидит в дорожно-транспортном отделе УВД.

— Он капитан милиции, — добавил кто-то из толпы. — Гитарист называл его Борянчик...

Панкрат поднял пистолет, из которого стрелял, — толпа бандитов подалась назад, затаила дыхание, — со вздохом сунул в кобуру под мышкой, отвернулся от бандитов.

— Рыжего с бородой, что прячется там за спинами, отмудохайте так, чтобы восстановление рельефа лица было невозможно. Эта дохлая крыса ведет канцелярию Гитариста, я его знаю. Остальным отбейте все, что можно, и привяжите к деревьям подальше от дороги, пусть посидят денек в тенечке, это пойдет им на пользу. Милицию вызову я сам. — Он оглянулся через плечо, сверкнул глазами. — Но если кого заметим в другой банде — кранты! Пощады не ждите!

Обойдя приехавшего, которого назвал Сергеичем, Панкрат пошел рядом с ним сквозь заросли к дороге. Там они подождали, пока бойцы команды мстителей выполнят приказ, подожгут машины бандитов, рассядутся по своим автомобилям и уедут. Сели в кабину серой «Волги», на которой прибыл мужчина в куртке.

— Ну, что скажешь хорошего? — сказал Панкрат, лицо которого стало хмурым и усталым.

— Откуда у тебя эти ребята? — кивнул спутник на отъезжающие машины. — Раньше я у тебя их не видел.

— От верблюда, — покривил губы светловолосый. — Это все профи высокого класса.

— Я и так заметил, что они не из стройбата.

— Работать с ними одно удовольствие. — Панкрат вдруг рассмеялся, поймал озабоченно-удивленный взгляд приятеля, работавшего в Московском угрозыске, и пояснил: — Анекдот вспомнил. В американской армии сержант рассказывает своему отделению: у русских есть воздушно-десантные войска — там на одного ихнего двоих наших надо! Есть у них и морская пехота — там на одного пехотинца троих наших мало! Но самое страшное — у них есть войска, стройбат называются, — так тем зверям вообще оружие не выдают!

Спутник Панкрата никак не отреагировал на анекдот.

— Рискуешь провалиться с набором.

— Не беспокойся, Сергеич, не провалюсь, эти ребята — ветераны спецслужб и знают толк в подобных делах.

— Как тебе удалось привлечь их в команду? — Мужчина в куртке тронул «Волгу» с места, не оглядываясь на загоревшиеся «Мерседесы» и джипы бандитов, погнал машину прочь, в сторону Москвы.

— Дал объявление через Интернет о наборе в группу мстителей.

— Я серьезно.

— Имеется у меня приятель на Лубянке, — нехотя проговорил Панкрат, — в отделе кадров, он помог подобрать пару обиженных профессионалов, а те нашли друзей. Кстати, спасибо за помощь с грузовиками, очень здорово все получилось.

Мужчина, которого командир группы ликвидаторов автодорожных бандитов назвал Сергеичем, промолчал. Он работал заместителем начальника оперативно-розыскной бригады МУРа и имел звание подполковника. Помогал же он мстителям по нескольким причинам, самой главной из которых было убийство дорожными бандитами его матери и внука, происшедшее чуть больше года назад на Калужском шоссе. Они ехали с дачи поздно вечером, за рулем сидел зять, и на «жигуленок» напали потрошители машин. Зять чудом выжил, хотя и получил две пули в грудь, а восьмидесятишестилетняя старуха-мать с двенадцатилетним внуком, начавшие сопротивляться и кричать, были зверски убиты. Провалявшийся в больнице с инфарктом полтора месяца после этого случая подполковник поклялся себе, что отомстит убийцам, и выполнил обещание, втайне от начальства использовав появившуюся тогда в Подмосковье команду Панкрата Воробьева. С тех пор они работали вместе.

— Тебе надо уходить из этих мест, — глухо сказал Михаил Сергеевич.

— Почему? — повернулся к нему Панкрат.

— Сверху спущен указ об усилении борьбы с терроризмом, в том числе на дорогах. Твоя деятельность подпадает под статьи «терроризм» и «самосуд», начальство горит желанием вычислить твою группу, как антизаконное формирование, а заодно присвоить себе лавры победителей дорожной мафии. Я вообще посоветовал бы тебе свернуть операции, хотя бы на полгода.

— А что, дорожные бандиты уже вымерли? Перестали хозяйничать на трассах? Решили переквалифицироваться в защитников рядовых шоферюг? Или вы действительно научились бороться с ними?

— Учимся, не сидим без дела, работаем. Только ни рук не хватает, ни средств. Ты же знаешь формулу: раскрываются лишь те преступления, которые должны быть раскрыты. А мы не всесильны. Ты уже многого добился, посеял в душах бандитов страх, заставил задуматься над тем, что воровать, грабить, унижать, убивать — грех! Что честно жить спокойнее. Может быть, этого уже достаточно.

— Ты сам не веришь в это, Сергеич.

— Не знаю, — с внезапно прорвавшейся тоской признался подполковник. — Я не знаю, чему верить, а чему нет. Только убедился, что месть не возвращает убитых.

Помолчали. Машина продолжала мчаться по почти безлюдному шоссе к Москве. Потом Михаил Сергеевич добавил уже более спокойным тоном:

— Но оставаться в Подмосковье тебе опасно. Я уже не могу делать вид, что ты неуловим. Мерин начинает догадываться, что я знаю больше и утаиваю от него оперативную информацию.

Мерином звали начальника ОРБ полковника Конева.

— Опасно... — пробормотал Панкрат. — Опасно одно: ненаказанное зло крепнет, тучнеет, самоутверждается при мысли о своей безнаказанности. Как говорил мой мудрый дед: неназванное зло не знает прощеного воскресенья, потому что как бы и неизвестно, кого прощать. Но свою работу я не брошу, Сергеич, пока не выведу всю эту дорожную мразь под корень! Ты мне только помоги выйти на этого конфидента Гитариста, капитана милиции, кого он называл Борянчиком. Поможешь?

— Не уверен, — после минутного молчания буркнул Михаил Сергеевич. — Со здоровьем не лады, лягу я, наверно, в больницу в ближайшее время.

Панкрат посмотрел на землистое лицо собеседника и придержал острое словцо, готовое слететь с языка.

— Сердце?

— А все: и сердце, и нервы, а теперь и желудок... язву недавно нашли... Короче, не помощник я тебе, Панкрат Кондратьевич.

— Выкарабкаешься, — сказал Панкрат без особой уверенности в голосе.

— Может, и выкарабкаюсь. Послушай, майор, когда тебя поперли из службы за неподчинение приказу, ты ни с кем в конфликт не вступал? Врагов не оставил?

Панкрат задумался, озадаченно пощипывая нижнюю губу и разглядывая профиль подполковника.

— Вроде бы нет. А что?

— Ищут тебя твои бывшие начальники, ориентировку прислали, как на рецидивиста. Сменил бы квартиру.

— Да я давно в столице не появлялся, живу у родственников под Вязьмой, да и там бываю редко. Странно, зачем им меня разыскивать?

— Это мне неведомо. Будь осторожен. Говорят, под Брянском тоже завелась какая-то крутая мотобанда, терроризирует всю округу, нападает на частников, грабит машины. Если хочешь, дуй со своими туда.

— Спасибо за совет.

Михаил Сергеевич поморщился, искоса посмотрел на спутника, и Панкрат поспешил его успокоить:

— Я серьезно, спасибо за все, что ты для меня сделал, Сергеич. Конечно, мне будет не хватать информационного обеспечения, да и твой промоушен — не последнее дело, однако я справлюсь. Завтра же начну перебазироваться под Брянск, у меня и там кое-какие родственники живут по маминой линии. Я этим мотоподонкам такую кувырколлегию устрою, что надолго запомнят!

— Верю, — усмехнулся подполковник. — Если понадоблюсь, звони на мобильный, помогу, чем смогу... если еще буду на ногах. Знаешь, я даже рад, что ложусь на обследование...

Последние слова вырвались у него помимо воли, и он тут же пожалел об этом, однако стыдиться признания не стал. Пояснил в ответ на озабоченно-внимательный взгляд Воробьева:

— Плохи дела, мой друг, в государстве расейском. В стране нарастающими темпами идет процесс поглощения малых преступных формирований большими. Мы в прошлом году «взяли в разработку» около восьми тысяч небольших преступных групп, а сегодня их осталось немногим больше шестисот, но не потому, что органы правопорядка так хорошо поработали, а потому, что малые банды слились в организованные криминальные структуры, контролирующие уже целые губернии. К слову, Брянщина тоже контролируется «авторитетами». Так что оптимизма в моих сентенциях не ищи. Не справляемся мы с организованной преступностью, ни снизу, ни сверху.

— Чего ж удивляться, коли вся головка власти загнила.

— Нужен иной подход, силовые методы борьбы с преступностью не могут быть главным инструментом. — Михаил Сергеевич притормозил, пропуская лихача на джипе. — Отношения человека с миром всегда сводились к формуле: «это мое, а это не мое», и озабочен он всегда был лишь увеличением собственности. В нынешние времена этот закон еще более ужесточен, уже нет понятия: «это не мое», есть императив: «все, что еще не мое — будет моим!»

— Ну, положим, не каждого человека заботит увеличение собственности? — осторожно вставил Панкрат, сочувственно глядя на Михаила Сергеевича.

— Может, не каждого, — неожиданно легко согласился подполковник. Взгляд его стал тверже. — Не обращай внимания на старческое брюзжание, похоже, я привыкаю плакать в жилетку. Это от усталости. Тебя куда?

— Останови, выйду здесь.

Михаил Сергеевич свернул на обочину, остановил «Волгу», и они некоторое время смотрели друг на друга, ничего не говоря. Потом подполковник дернул щекой, криво улыбнулся.

— Капитана — осведомителя Гитариста мы найдем, не бери в голову. Звони. Ни пуха тебе, ни пера!

— К черту! — улыбнулся в ответ Панкрат.

Они встряхнули друг другу ладони, и бывший майор армейского спецназа вылез из кабины. «Волга» сорвалась с места, вписалась в поток машин на шоссе, исчезла за холмом. Панкрат постоял немного, глядя ей вслед, и сел в подъехавший фордовский микроавтобус с затемненными стеклами.

МОСКВА

КРУТОВ

Курган был древним и напоминал пирамиду. Склоны его поросли травой, сейчас пожелтевшей и пожухлой, и были усеяны камнями разных размеров, среди которых кое-где виднелись кости не то животных, не то птиц. Веяло от кургана тоской, безнадежностью, обреченностью и смертью, хотя, ка-

залось бы, над ним промчались тысячелетия, которые должны были без следа растворить в себе память тех лет и унести чужую боль, и горе, и запахи смерти.

Крутов, чувствуя себя призраком без тела, обошел курган, приглядываясь к белеющим костям, и вдруг увидел свежий пласт земли под курганом, будто здесь недавно копали яму, подкоп под курган, да потом бросили и заровняли. Заинтересованный, он подошел ближе и, холодея, увидел торчащие из жирно блестевшей ржаво-красной насыпи кисти рук. Не веря глазам, нагнулся, разглядывая синеватые скрюченные пальцы, и отшатнулся, встретив взгляд пустых глазниц черепа. Впрочем, этот череп еще не был чистым, на нем сохранились остатки кожи и волос, но жуткий оскал провалившегося рта от этого не становился более приятным.

Что-то хрустнуло под ногой. Крутов шагнул в сторону, зацепился за торчащую из земли руку и полетел куда-то вниз, в холодную жуткую трясину и темноту...

Очнулся он лежащим навзничь в постели. Сердце колотилось о ребра, лицо и тело были покрыты холодным потом. Перед глазами все еще стоял курган и торчащие из свежевырытого шурфа кисти человеческих рук и чей-то череп. Покачав головой, гадая, какими мыслями навеян этот странный сон, Крутов привычным усилием воли успокоил взбудораженную нервную систему, взглянул на часы и пошел умываться. Шел еще только седьмой час утра, на работу собираться было уже не надо, мог бы и поспать подольше, но организм привык подниматься рано и требовал активного действия, повышения тонуса.

Почистив зубы, Крутов сделал зарядку, покидал через всю комнату в специальный щит ножи и сюрикэны, потом принял душ и позавтракал. После чего принялся собирать и упаковывать вещи. Мысль посетить родные места на Брянщине, где он родился и вырос, закончил школу, возникла у него сразу после увольнения и прохождения цикла специальных процедур, предусматривающих подписание неких обязательств «не разглашать государственных тайн и служебных секретов». Не то чтобы он стал «невыездным», но обязан был при выезде за границу предупредить соответствующие органы.

Крутов возился со второй сумкой, когда в прихожей пустил трель дверной звонок. Недоумевая: кто бы это мог быть в такую рань? — он открыл дверь. Перед ним в легком летнем платье стояла Ольга с белой сумочкой через плечо, с сигаретой в пальцах, загорелая, уверенная в себе, красивая и сильная. Несколько секунд они рассматривали друг друга с одинаковым

прищуром глаз, потом во взгляде девушки мелькнула растерянность и она сказала со смешком:

— Может быть, кавалер наконец пригласит даму войти?

Крутов отступил в сторону.

— Извини.

Ольга, покачивая бедрами, прошла в квартиру, остановилась на пороге гостиной, разглядывая разбросанные по комнате вещи.

— Ты собираешься уезжать?

— Кофе хочешь? — проигнорировал он ее вопрос.

— Нет, спасибо. Ты же знаешь мои вкусы.

— Кофе нам не по нутру, нам бы водки поутру, — пробормотал полковник. — К сожалению, твоего любимого коньяку нету, выпил. Шампанское, быть может?

— Сгодится, — кивнула девушка, переложила с кресла на стол рубашки хозяина и села, закинув ногу на ногу.

Крутов кинул равнодушный взгляд на ее красивые колени, принес бутылку шампанского, открыл, разлил в бокалы.

— За что пьем?

— За свободу, — с иронией ответила Ольга. — Ты же теперь вольная птица? Или все же остался в службе?

— Нет, — коротко сказал он, сделав глоток.

— Почему? Не мог договориться с начальством, взять всю вину на себя, попросить, чтобы оставили?

— Зачем? — Крутов поставил бокал на стол, но садиться не стал, принес конфеты, предложил даме.

Ольга Сошникова тоже работала в ФСБ, только в другом управлении. Познакомились они три года назад, спустя полгода после гибели жены полковника, но отношения их так и не перешли границ приятного совместного времяпрепровождения. Хотя Ольга изредка и пыталась узаконить их альянс, тренируя на нем командирский голос. Женщина она была красивая, эффектная, умная, однако чересчур самостоятельная и властная. Крутов таких не то чтобы не любил, но старался обходить стороной.

— Зачем? — переспросила Ольга. — Да затем хотя бы, что ты профессионал и жить не сможешь без службы.

— Ошибаешься, — усмехнулся он, начиная укладывать вещи во вторую сумку. — Смогу.

Гостья посмотрела на его открытое лобастое лицо с твердо сжатыми упрямыми губами, с прямым пронизывающим взглядом карих, часто светлеющих до желтого «тигриного» свечения глаз, и шутить не рискнула. Если Егор что-нибудь решал, то уж решал окончательно и решения свои никогда не пере-

сматривал. Месяц назад он застал у нее в гостях сослуживца, капитана Зеленского, красивого брюнета с ниточкой усов: ничего особенного не было, легкий флирт, поцелуйчики, объятия, смех, до постели дело не дошло, — но после этого не приходил, не звонил и на ее звонки не отвечал, словно отрезал. А ведь любого другого мужика она запросто могла уговорить, обольстить, свести с ума, объяснить все обыкновенной игрой, да еще и заставить при этом просить прощения. Любого другого, только не Егора Крутова.

— Ты не... — Она хотела спросить: «Ты меня так и не простишь?» — но вместо этого сказала: — Ты не прав, Крутой. Боевая работа — как наркотик. Без нее ты засохнешь.

Крутов продолжал методично собираться, потом задернул «молнию» на сумке, оперся на нее и глянул на девушку.

— Ты только для этого ко мне зашла? Чтобы сообщить, что я не прав?

Ольга вспыхнула, уловив понятный обоим подтекст, резко поставила бокал на стол, расплескав шампанское, встала и пошла к выходу. На пороге гостиной оглянулась.

— Ты всегда будешь один, Крутой, потому что никого не любишь, даже себя. Мне тебя жаль. Но если захочешь что-нибудь изменить в своей жизни в лучшую сторону — позвони. Может быть, я тебе помогу.

Простучали по полу прихожей каблучки, глухо вздохнула дверь. Крутов, склонив голову к плечу, прислушивался еще некоторое время к тишине в доме, потом сел в кресло, хранящее тепло женского тела, и невесело усмехнулся, вспомнив вычитанные в каком-то журнале детские откровения. На вопрос журналиста: что такое верность? — одна из восьмилетних девочек ответила: «Больше всего этого, естественно, у собак. А на втором месте стоят некоторые женщины».

— Некоторые... — пробормотал Крутов, подумав: но к тебе, Ольга Викторовна, сие определение не относится. Хотя, может быть, я излишне категоричен.

И вдруг до спазма в горле с ним случился приступ свирепой тоски по жене. Уткнув лицо в ладони, он сжал его изо всех сил, и память услужливо прокрутила перед глазами ленту их первых встреч.

Впервые Крутов познакомился со своей будущей женой на студенческом балу, организованном по случаю успешного завершения очередной летней кампании студенческих строительных отрядов. Он тогда учился в Рязанском высшем училище воздушно-десантных войск, но имел приятелей среди студентов радиотехнического института, они и пригласили

будущего героя Джераха на вечер. Крутов увидел ее сразу же, как только вошел в фойе актового зала, в окружении большого числа парней. Как во сне подошел к ней, перестав вдруг ощущать мир вокруг, забыв о приятелях, замер, глядя на удивительно милую девушку со слегка раскосыми глазами, сидящую на стульчике у стены с опущенными на колени руками. Сказать, что она была красивой, значит, ничего не сказать! Хотя он в тот момент не оценивал стати фигуры девушки и ее параметры. Он с л у ш а л ее, он в и д е л, он ч у в с т в о в а л. Он ее з н а л!

Она же, мельком глянув на еще одного поклонника, пожиравшего ее глазами, лишь досадливо повела плечиком, и только когда Крутов подошел вплотную и хрипло сказал: меня зовут Егор, — внимательно посмотрела на его горящее лицо, и, видимо, что-то поразило ее в нем, потому что зеленые глаза незнакомки вдруг широко открылись и в них просиял интерес.

В тот вечер он никому не дал танцевать с ней, не отходя от зеленоглазой ни на шаг, и пошел провожать, хотя друзья предупреждали о возможных последствиях: девушка — ее звали Наташа — хотя и не училась в радиоинституте, а была приглашена подругами, но произвела впечатление и на местных студенческих «авторитетов».

Крутова встретили у парка, когда он, проводив Наталью, возвращался в расположение училища. Но он к тому времени уже весьма недурно владел барсом[1] и мог отбиться и от более серьезного противника, чем четверо студентов радиотехнического института.

Они виделись чуть ли не каждый день и страдали одинаково сильно, если встретиться по каким-либо причинам не удавалось. Даже когда Наташа стала его женой, их жажда видеть друг друга, страстное желание обладать друг другом не утихали, разве что оба научились скрывать это от других...

Сердце сжалось, превращаясь в ком льда. Крутов остановил воспоминания. Жены не было рядом уже почти четыре года, и ни одна женщина не смогла ее заменить. В том числе и капитан-инструктор Ольга Сошникова.

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих... —

всплыли в памяти строки Блока. Во времена первых встреч с Наташей он специально заучивал целые тома Блока, Бальмонта, Есенина, Верхарна, чтобы не ударить лицом в грязь и

[1] Б а р с — боевая армейская система защиты-нападения.

выглядеть в ее глазах образованным человеком, а не дубовым накачанным курсантом училища, как большинство его сокурсников. Правда, потом чтение стихов стало потребностью, но случилось это позже. Однако на Наташу он произвести впечатление успел...

В прихожей снова запиликал входной звонок.

Крутов помял ладонями лицо, как бы стирая след переживаний, и пошел открывать. В квартиру со смехом и приветственными возгласами ввалилась целая компания: Костя Морозов, Саша Зубко, Марат Балязин, Сергей Погорелов, Воха Васильев — все лейтенанты, кроме Зубко — капитана, члены команды «Витязь», самые близкие друзья, с которыми он прожил бок о бок четыре года и прошел много боевых дорог в Чечне, Ингушетии, Таджикистане, Украине, России.

— Он уже собирается, — прогудел в бороду Марат Балязин, огромный, как шкаф; в руках он нес два объемистых целлофановых пакета. — Вовремя мы его перехватили.

— Принимай гостей, хозяин, — весело сказал белозубый Саша (хотя все передние зубы у него были не свои — металлокерамические), — будем гудеть. Сам ты, понятное дело, не додумкал собрать друзей перед дорогой, так мы решили перехватить инициативу.

Ребята гурьбой ввалились в гостиную, сдвинули в угол сумки, переложили неубранные вещи, стали расставлять стулья, посуду на столе, заняли кухню, подтрунивая друг над другом и над хозяином.

Крутов, чувствуя, как у него перехватило дыхание и к глазам подступила теплая влага, сбросил оцепенение и вмешался в процесс, сердито выгнав бывших подчиненных из кухни.

— Наследили тут, навели беспорядок, еще посуду побьете... Идите отсюда, я сам все приготовлю.

Но его не послушали, засунули в духовку две курицы, стали жарить лук, резать овощи, колбасу, сыр, хлеб, и Крутов вынужден был отступить.

В гостиной Саша сунул ему тяжелый плоский кожаный чехол, напоминавший ножны. Впрочем, это и были ножны. Внутри лежал, мерцая синеватым зазубренным лезвием, самый натуральный бетдаггер — так называемая «летучая мышь», кинжал, сочетавший в себе пилу, двухсторонний топорик и собственно кинжал. Это было личное оружие Саши, с которым он не расставался и которое не раз проверил в деле.

— Дарю, полковник, хорошему человеку не жалко.

Крутов, взвесив кинжал в руке и отметив его балансировку — кинжал действительно напоминал по форме летучую

мышь, — с чувством пожал руку Саше и метнул бетдаггер в щит в углу комнаты. Кинжал вошел точно в глаз гедзя, нарисованного на щите средневекового японского воина.

— И я кое-что хочу подарить, — подошел к майору Воха Васильев, протягивая Крутову еще один кожаный чехол, чуть поменьше.

Егор вытащил оттуда серповидное лезвие с дополнительным центральным когтем и кивнул, оценив подарок. Это был бяньдао, метательный серп без рукоятки. Воха владел им великолепно. Крутов не решился метнуть бяньдао в щит, и Васильев сделал это сам, воткнув серп в другой глаз нарисованного на щите лица.

Потом они пили легкое вино — шабли и бургундское, ребята практически не потребляли спиртного, — шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, вели философские беседы, и ком в груди Крутова почти растаял. Он знал, что не одинок, но не чаял получить доказательства, и его «витязи» решили проблему играючи. Он всегда мог на них положиться, даже будучи уже не их командиром. Точно так же он принял их помощь, когда решил отомстить подонкам, убившим жену.

Убийство было бессмысленным и жестоким, как и вся жизнь «отморозков», не признающих ни существующих норм поведения, ни законов, ни прав людей на собственное мнение и жизнь.

Банда молодых людей в возрасте от девятнадцати до двадцати четырех лет, возглавляемая более высоковозрастным подонком (Шамиль Свиридов по кличке Копченый в свои двадцать девять уже дважды сидел за бандитизм), забавлялась тем, что прокалывала шины у стоящих возле центрального парка автомобилей. Крутов, приехавший с женой отдохнуть, пройтись по аттракционам, отлучился буквально на две минуты, чтобы купить мороженое, за эти две минуты все и случилось.

Наталья, увидев проделки компании, сделала замечание, и молодые подонки, окружив ее с хохотом и угрозами, принялись рвать на ней платье, а когда она стала отбиваться и кричать, кто-то ударил ее ножом. Просто так! Чтобы не кричала. Словно прихлопнул муху!

Крутов, услышав крик, прибежал, чтобы увидеть, как стая бандитов рассыпалась в разные стороны, однако догонять никого не стал, увидев лежащую на тротуаре жену. Она умерла у него на руках...

Следствие, длившееся два месяца, так и не доплелось до финала, потому что вели его, во-первых, неквалифицированно, во-вторых, в банде Копченого оказался племянник на-

чальника отдела милиции Западного района столицы, который постарался закрыть дело «за недостаточностью улик». И тогда Крутов сам начал расследование, в течение недели выйдя на всех участников трагедии, вычислив и главаря, и того, кто убил жену.

Саша Зубко был первым, кто предложил ему помощь в ликвидации банды. Вторым подошел Марат Балязин. А потом собралась группа из семи человек, почти треть всей команды «Витязь». В воскресенье вечером, определив место гуляния банды: Сокольники, ресторан «Луч», — «витязи» вошли в ресторан и за минуту обработали всех подонков, уже изрядно накачанных спиртным. Все были в масках, кроме Крутова. Он подошел к Копченому и его двадцатичетырехлетнему дружку по кличке Люкс и сказал, четко и тихо, не сводя глаз с бледно-бессмысленных лиц бандитов:

— Полтора месяца назад вы убили молодую женщину возле парка Горького. Помните?

— Чево? — прохрипел Люкс, держась за подбитый глаз.

— А-а? — выдал Копченый.

— Вы ее убили, — терпеливо повторил Крутов. — Это была моя жена. Вам все понятно?

— Какого х...?! — выговорил Люкс, вдруг трезвея.

И тогда Саша Зубко легонько ткнул его пальцем в темя.

Люкс умер мгновенно: Саша попал в нервный узел, в точку поражения котю. Копченого ударом в солнечное сплетение убил Балязин. Ребята не хотели, чтобы в этом деле свидетели потом показали, пусть даже случайно, на их командира. Наталья была отомщена, однако эта месть ее не вернула, и душа Крутова еще долго стонала и корчилась, переживая случившееся, хотя слова Саши: это была не месть, а восстановление справедливости, — где-то пересекались с этой горькой истиной.

Убийство двух бандитов (остальных «витязи» весьма здорово покалечили) много шума не произвело, все было сделано так, будто две банды устроили разборку с применением холодного оружия, а Крутова все же вычислили муровцы, и лишь «железное» алиби, тонко разработанное ему сослуживцами, спасло майора от тюрьмы. Правда, он потом все же пострадал: очередное звание — подполковника, которое он давно заслужил, все понимающее начальство так ему тогда и не присвоило...

— Не тужи, командир, — обнял Крутова за плечи Саша Зубко, понимавший, что творится в душе майора. — Можешь всегда на нас рассчитывать. Если понадобимся — звони, и мы

примчимся, где бы кто ни находился. И не жалей о содеянном.

— Шел бы ты лесом, утешитель, — грубовато отрезал Крутов, проглотив ком в горле. — Давайте выпьем за то, чтобы наш профессионализм требовался как можно реже.

— И за то, чтобы передохли все террористы! — добавил Балязин. Все дружно встали, со звоном сдвигая рюмки с вином.

Подоспела картошка, потом Марат принес противень с распространяющими оглушительный аромат курами, Сергей, закончил готовить салаты — он не только умел искусно кидать кинжалы, но и мог этими кинжалами нарезать любой овощ на ломти любой толщины, — заработали челюсти.

— Куда собрался? — спросил Зубко, кивая на сумки.

— На родину, — ответил Крутов, переживая удивительное чувство единения. — Брянская область, Жуковский район, деревня Ковали. Почти вся деревня — родственники, тетки и дядьки.

— А потом?

— А потом суп с котом, — вмешался Балязин. — Не приставай к человеку, пусть отдохнет пару месяцев, прежде чем решать, чем ему заниматься. С его опытом он везде устроится.

— Его опыт слишком специфичен, чтобы он мог устроиться без напряга, — возразил Костя Морозов, прозванный Кокой за чубчик надо лбом. — Разве что в охранные структуры. Только не думаю, чтобы командир согласился охранять пивзавод или частную контору. Я правильно думаю, Егор Лукич?

— Когда ты успел стать таким мудрым? — удивился Зубко. — С виду лопух лопухом, а мысль излагаешь не хуже моего шестилетнего племянника. Конечно, командир не станет мальчиком на побегушках у новых русских, у него достаточно сил, чтобы изменить ситуацию и зажить в удовольствие. Теперь он сам себе голова.

Крутов улыбнулся.

— Может быть, ты и прав, философ. Только я теперь исповедую другую религию. Один мудрец[1] изрек: «Вчера я был умным, вот почему хотел изменить мир. Сегодня я мудр, вот почему меняю себя».

Морозов, а за ним и остальные, зааплодировали. Кроме Вохи — Владимира Васильева. Этот тихий с виду парень, мастер ниндзюцу и адепт философии дао, видел дальше других и не верил в особый путь бывшего майора безопасности. Крутов

[1] Шри Чинмой.

перехватил его взгляд и понял, что его личные сомнения, спрятанные в глубине души вопреки высказанной уверенности, имеют под собой основания. Мир вокруг был слишком жесток и неблагополучен, чтобы разрешить индивидууму жить спокойно в своей личной экологической нише. Да и сам Крутов никогда не проповедовал философии пофигизма, а также не любил людей, исповедующих этот принцип и плюющих на всех остальных людей.

Среди гостей разгорелся спор, должен ли хозяин искать справедливость и восстанавливаться в рядах спецназа. Спорили недолго, пока не надоело Балязину. Перекрывая гвалт и смех, он рявкнул:

— Прекратить бардак! Всем упасть и отжаться!

Смех вспыхнул с новой силой, и спор прекратился. Крутов понимал, что его таким образом пытаются утешить, успокоить, поддержать, но обидного ничего в этом не чувствовал, ребята все были насквозь свои и понимали ситуацию не хуже, чем он сам.

Разговор перескочил на проблемы школы: у Кости Морозова сын пошел во второй класс, и он выдал несколько историй, происшедших с отпрыском, судя по рассказу, очень смышленым и подвижным мальчуганом. Больше всего хохотали над последним событием, когда жена вечером сообщила Косте, что его вызывают в школу.

— Зачем? — спросил Морозов, с трудом доплевшийся из ванной до постели после очередной крутой разборки с бандитами.

— Витька стекло опять разбил в школе.

— Черт возьми! — возмутился Костя. — Сколько же у них там стекол?!

Улыбнулся и Крутов, хотя знал, что история, рассказанная Морозовым, — всего лишь пересказ анекдота. Сын у Кости был вполне самостоятельным парнем, однако стекла в школе не бил.

Потом пришла пора прощаться, и майор был страшно благодарен ребятам, по-мужски сдержанно и просто пожелавшим ему добрых встреч, показавшим всем своим видом, что они не вычеркивают его из списков друзей и не видят ничего печального в его судьбе, что они остаются рядом. Лишь Саша Зубко, встряхивая ладонь Крутова, по-особому глянул на него и сказал странную фразу, которую Егор потом вспоминал не раз:

— Когда вернешься, не спеши принимать судьбоносные решения. Сначала позвони мне, хорошо?

— Хорошо, — слабо улыбнулся Крутов, не спрашивая, почему балагур Сашка, с виду трепач и повеса, а в душе — философ и тонкий знаток эзотерических учений, считает, что его бывший командир вернется. Но чувствовалось, что Зуб (кличка прилипла к нему еще со школы) з н а е т, о чем говорит. И вдруг Крутову показалось, что он стоит, связанный по рукам и ногам, на пороховой бочке, и уже кто-то черный, злобный и страшный, с провалом вместо лица, спешит поджечь фитиль...

БРЯНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

КРУТОВ

Из Москвы Крутов выезжал с чувством неопределенного ожидания чего-то: все казалось, что ему позвонит кто-нибудь из руководства управления и прикажет прибыть на базу под Орехово для дальнейшего прохождения службы. При подготовке машины — у него был «Рено-Меган» — и посадке возникло ощущение, что он что-то забыл, хотя забывчивостью никогда не страдал. На всякий случай Крутов добросовестно перебрал в памяти все, что необходимо для дороги, проверил оружие: бетдаггер и бяньдао он положил в бардачок, пистолет (штатный «макаров-М1» с лазерным указателем) под сиденье — у него имелось разрешение на ношение личного оружия как у офицера-оперативника ФСБ, и никто его, конечно, не забрал. После чего Крутов сел в машину и с некоторым сомнением в своей нормальности выехал со двора. Лишь за Кольцевой автодорогой он понял, что интуиция просто предсказывает ему скорое возвращение, хотя сам он возвращаться в столицу в ближайшие два-три месяца не собирался.

До Брянска он доехал за три с половиной часа, проходя подновленные участки шоссе со скоростью сто шестьдесят километров в час, послушно притормаживая в попадавшихся на пути селах и городках, и даже остановился на взмах жезла инспектора ГАИ в Малом Полпине, который, узрев удостоверение Крутова, от неожиданности взял под козырек. В Брянске Егор пообедал плотно — шел уже пятый час дня — и в начале шестого выбрался на Смоленскую дорогу, ведущую к районному центру Жуковка, откуда он мог добраться до родных Ковалей, располагавшихся от Жуковки в пятнадцати верстах.

Чувство, заставившее его остановиться возле одного из курганов недалеко от Сельцовского городища — по преданию, курганы на Брянщине были насыпаны еще во времена

походов Батыя, — вряд ли мог объяснить сам Крутов. Во-первых, вспомнился его странный сон с торчащими из земли руками мертвецов. Во-вторых, показалось, что старик, сидевший сбоку от дороги, рядом с обшарпанным «жигуленком» четвертой модели, плачет.

Крутов остановился, сдал назад, вышел из машины, приглядываясь к старику, вытиравшему ладонью лицо, и понял, что тот действительно плачет.

— Что случилось, отец? — подошел к нему Егор, только теперь заметив, что вокруг рассыпано зерно, раскиданы картофель и морковь, а колеса у «жигуленка» спущены.

— Варнаки ловитву[1] устроили, — поднял морщинистое мокрое лицо дед, обнаруживая знание местного диалекта. — Подъехали на мотоциклах, попросили бензину, а потом вот... — дед беспомощно кивнул на свою самобеглую коляску, с виду такую же старую, как и он сам.

— Что, просто так, от нечего делать? — не поверил Крутов, уже понимая, что несчастный труженик села нарвался на банду местных хулиганов на мотоциклах. — Может, ты их чем-то обидел?

Дед махнул рукой, отворачиваясь, и в душе Егора ворохнулась тяжелая дубина гнева. Как сказал бы штатный психосоциолог конторы: несмотря на некое улучшение финансово-экономической ситуации, в стране продолжается падение духовного потенциала, ухудшается морально-психологическое состояние общества. Выливалась же эта формулировка в конкретное проявление агрессии, в бессмысленные разбои, хулиганство и бандитизм, в зверские прорывы низменных инстинктов. И рождалась эта волна уже не по приказу свыше, а внутри народа как результат общего падения закона нравственных колебаний. Крутову вспомнилось признание одного отечественного мыслителя, разработавшего теорию социальных катаклизмов: «Предвестниками событий 1917 года стали жестокие и бессмысленные погромы дворянских имений в России, бессмысленное уничтожение домов, парков, оранжерей, церквей, икон, библиотек, мебели, картин — всего того, что этим самым народом создавалось веками... Наш народ всегда сам уничтожал свое будущее, и то, что с ним потом произошло, он подготовил своими руками. Поэтому я не могу сострадать ему в должной мере». Крутов в принципе был согласен с мнением мыслителя, однако душа его еще не зачерствела до состояния хлебной корки, и, не обливаясь слезами о судьбе народа в целом, он сочувствовал отдельным его представителям.

[1] Варнак — беглый каторжник, бандит; ловитва — разбой, грабеж (*ст. рус.*).

— Давай помогу, отец. Клей, резина есть?

— Да откуда им быть, мил человек? Я даже ноне без запасного колеса ездию, денег нема, штоб купить.

— Понятно. Сколько же тебе лет, если не секрет?

— Годков-то? Полдоста[1] десятка, — вздохнул дед, поднимаясь. — Спасибо за добрые слова, мил человек. Дай бог тебе здоровья. Почапаю пешком, свояк поможет.

— Давай я тебя хоть на машине подброшу, чай, не спешу.

— Да я недалече тут живу, на Выселках.

— Все ж не ногами дорогу мерить. Садись, отец.

Крутов помог деду, которого звали Селиваном Федотовичем, собрать зерно, овощи, усадил его в машину, и они поехали обратно в сторону Брянска. Однако до поворота на Выселки не доехали. Буквально в трех километрах от того места, где на Селивана Федотовича напали хулиганы на мотоциклах, Крутов увидел бегущую к дороге по полю овса женщину в платке, за которой гнались два парня на мотоциклах. По тому, как напрягся дедок, Крутов понял, что парни ему знакомы.

— Они? Это они просили бензин?

— Они, башибузуки, ёры проклятые! Старшой у них — совсем страшный человек, настоящий бардадым[2], хучь и молодой.

Крутов нашел съезд с шоссе в небольшой овражек за обочиной и, выехав на поле, рванул машину к двум лихачам на ревущих мотоциклах, кружившим вокруг женщины, которая остановилась и застыла в позе отчаяния, прижав стиснутые кулачки к груди.

Маневр Крутова был так быстр и неожидан, что мотохулиганы отреагировать на него не успели. Первого парня, в черной майке с черепом и черной повязкой через лоб, майор сбил, догнав сзади, второго — заехав чуть ли не в лоб: тот рванул руль вправо и вывалился в метельчатые заросли овса.

Егор остановил машину, заглохли и мотоциклы, наступила тишина. Женщина, оказавшись совсем не старой, чуть ли не ровесницей самого Крутова, стояла, округлив глаза, и лишь по привычке поправила выбившиеся из-под платка светлые волосы.

[1] Девяносто пять.

[2] Ёра — лихой человек, забияка; бардадым — здоровенный верзила (*ст. рус.*).

Крутов вышел из машины, поглядел на бампер своего «Рено» и, не заметив царапин и вмятин, удовлетворенно кивнул: взял он мотоциклистов «на абордаж» вполне квалифицированно. Подошел к женщине, отметив живую глубину ее прозрачных серых глаз, слегка поклонился.

— Извините, что я вмешался. Чего они от вас хотели?

— Не знаю, — прошептала женщина, и вдруг глаза ее заполнились слезами. — Я корову доила, а тут они налетели... молоко разлили... Пасену испугали... а остальные в деревне гулимонят[1].

Крутов поднял голову, прислушиваясь. Из-за редкого сосняка в распадке, откуда выглядывали крыши домов близкой деревни, доносился треск и грохот мотоциклетных моторов и чьи-то веселые вопли. Банда байкеров «гулимонила».

— Ты чо, псих! — пришел в себя мотоциклист в черной майке с черепом. — Ты чо сделал? Ты же мне аппарат угробил! Знаешь, чо мы тебе сделаем?

— Яйца оторвем! — пообещал второй, вылезая из-под своего мотоцикла, рыжий, худой, небритый, в грязной рубахе, с пейджером на ремне. Вид у него был столь потешен, что Крутов невольно улыбнулся в душе, вспомнив услышанное: раньше говорили — черт-те что и сбоку бантик. Теперь это звучало иначе: черт-те что и сбоку пейджер.

— Ну, фраер, сам напросился! — «Черносотенец» с повязкой через лоб неожиданно ловко достал и крутанул нож-бабочку. — Или ты платишь за борзость, не поднимая кипежа, или я тебя щас порежу, кишки выпущу!

Крутов вздохнул и шагнул вперед.

Вряд ли мотоциклист успел сообразить, что произошло.

Нож вдруг вырвался у него из руки, в голове вспыхнуло пламя, ноги оторвались от земли, начался свободный полет «в невесомости»... который закончился в кустах метрах в четырех от мотоцикла. Второй байкер дожидаться своей очереди не стал, рванул к лесу, демонстрируя смекалку и приличную скорость. Крутов сел в машину, где его ждал обиженный байкерами дед, несколько оживший после показательного выступления майора.

— Ну-к, ты и вяхи[2] раздаешь! — крякнул он. — Не дай бог — окочурится сердешный!

— Выживет, — усмехнулся Крутов, высунул голову из окна, обращаясь к женщине: — Вас подвезти?

[1] Гулимоны — забавы, гулянье, развлечения.

[2] Вяха — затрещина, удар.

— Не надо, — опасливо отступила она, — сама доберусь. Спасибо вам.

Егор погнал машину по полю, пока не выехал на проселочную дорогу, ведущую к Выселкам. Через пять минут он был в деревне.

Выселки представляли собой одну длинную улицу, идущую вдоль оврага, с двумя десятками разнокалиберных домов, одним колодцем посредине и одним магазином под названием «Сельпо». В разгар лета здесь царили зной и пыль, и спасало от этого деревню только отсутствие постоянного потока автотранспорта и ухоженные сады. В настоящий же момент наводнившая деревню дивизия байкеров — Крутов насчитал полтора десятка мотоциклов, три из которых носились из конца в конец деревни, — превратила улицу в реку пыли и грохота, от которого в панике разбегались куры, собаки и прочая домашняя живность, а люди глохли, как от стартующего авиалайнера.

Селиван Федотович приуныл, заерзал на сиденье, с сомнением поглядывая на водителя. Вид его красноречиво говорил: лучше бы с ними не связываться! Крутов похлопал его по плечу, остановил машину у колодца, поразмышлял несколько секунд — брать ли с собой оружие или нет, и решил не брать.

— Пошли, отец, — сказал он, — восстанавливать справедливость.

Главаря байкеров, действительно выглядевшего настоящим бардадымом — за два метра ростом, могучего телосложения, с громадным пузом, обладавшего бордового цвета круглой физиономией с глазками неопределенного цвета и носом-туфлей, Крутов обнаружил в саду, окружавшем один из опрятных домиков под черепичной крышей. Здесь же сгрудились устрашающего вида железные кони мотоциклистов, обвешанные кучей прибамбасов от дополнительных фонарей и стоп-сигналов до обтекателей и труб, антенн, счетчиков, эмблем, фигурок зверей и птиц. В окружении молодцов и молодиц в коже и черных майках бардадым лакомился клубникой, которую ему собирали подчиненные, вытаптывая при этом цветы, грядки с овощами и не обращая внимания на причитания хозяйки усадьбы, пожилой женщины с неизменным платком на голове. Она стояла у крыльца, то и дело вытирая слезы кончиками платка, но подойти к бесчинствующим гостям боялась.

Мимо пронесся орущий во всю глотку молодой человек на своем «Харлей-Дэвидсоне». Увидев идущих Крутова и Селивана Федотовича, он резко свернул к ним, желая, видимо, об-

дать пылью, заставить отскочить, и Егор, увернувшись, ударом ноги выбросил наездника из седла. Мотоциклист пролетел по воздуху несколько метров, врезался в деревянный штакетник, едва не сломав его, и затих на некоторое время. Его мотоцикл заглох, пропахал борозду в дороге и уткнулся в стоящие мотоциклы. Стало тихо. Лишь на другом конце деревни взревывали моторы: еще двое байкеров гонялись там за курами.

Команда вожака стаи, с хохотом кормившая своего повелителя, примолкла. Оглянулся и он, увешанный цепями и блях ами, не человек — киборг, монстр из американского «светлого» будущего. На вид ему можно было дать лет тридцать.

— Эй, морда, — окликнул вожака Крутов негромко, но так, что его услышали все. — Забирай свою кодлу и выметайся отсюда. И побыстрей, а то я рассержусь.

Гигант озабоченно моргнул, с недоумением посмотрел на своих притихших приятелей.

— Это он мне?!

Молодцы и девицы разом заржали.

Крутов подошел к стаду мотоциклов, определил машину главаря — самую мощную, крутую и навороченную, и одним ударом ребра ладони отбил металлический штырь с зеркалом.

— Я жду.

Смех стих. Молодые люди, озадаченные действиями незнакомого мужика в джинсах и футболке, высокого и жилистого, невозмутимого и спокойного, стали переглядываться, бросая взгляды на вожака, и тот, побагровев еще больше, рявкнул:

— А ну-ка, воины, откнокайте этого карася! Он мне аппарат убезобразил, падла!

Трое парней перескочили через забор, выдергивая из него штакетины, четвертый достал длинную металлическую цепь. Именно его и взял первым Крутов, не ожидавшего стремительного нападения, приготовившегося к потехе.

Парень улетел в заросли лопуха у колодца, а цепь, оказавшись в руках майора, тут же нашла жертву: взвизгнув от боли, завертелся вьюном молодой человек слева с буйной порослью на голове, — прической назвать ее было трудно, — выронил штакетину и отскочил. Блокировав цепью удар палкой второго нападавшего, Егор перетянул через плечо и его, принудив спасаться бегством. Третий пытался оказать сопротивление и продержался три секунды, пока удар цепи не выбил у него из рук импровизированную дубинку. Затем цепь обвилась вокруг его шеи, последовал рывок, и низкорослый отрок с петушиным гребнем вместо волос кубарем покатился по земле.

— Хороший шнурок, — одобрительно собрал цепь в руке Крутов, — почти манрики-гусари. — Глянул на обалдело взиравшую на него компанию. — Ну так как, господа хулиганы, будем и дальше вести разговор в том же духе? Или вы добровольно оседлаете своих коней? Кстати, не забудьте заплатить этому пожилому человеку за ремонт его автомобиля. Вы прокололи ему колеса.

— Ах ты, гнида! — пришел в себя вожак стаи и попер из сада на улицу, проломив забор, как танк. На широком кожаном поясе его со множеством заклепок висело не меньше десятка цацок, в том числе яйцо тамагочи, и Крутов невольно покачал головой. Эти небольшие брелоки с экранчиком и тремя кнопками, в которых «жили» маленькие виртуальные зверушки, выпущенные в свет японской фирмой «Bandai Co», уже давно стали модными во всем мире, в России же они только начинали завоевание рынка, и первыми обладателями игрушек стали почему-то люди с ущербной психикой, бандиты, террористы, бизнесмены. Не считая молодежи.

Вожак байкеров был почти на голову выше и вдвое шире Крутова, однако никакими видами борьбы никогда не занимался, привыкнув надеяться на свою природную силу. И удар он держал великолепно, как бык — щелчок пальцем по лбу. Во всяком случае, первые два удара Крутова: кулаком в подбородок и ногой в живот, — он словно бы и не заметил. Не остановили его и удары ребром ладони по мощным ляжкообразным рукам и сбивающие круги ногой по лодыжкам. Он пер вперед и желал только одного — заключить Крутова в объятия, из которых тот, вполне вероятно, уже и не освободился бы живым. Тогда Егор вошел в п у с т о т у, и его боевые инстинкты вывели его на иной уровень боя, позволяющий не убивать противника.

Сначала он остановил напор гиганта толчком в грудь растопыренными пальцами руки, а затем сделал выпад «копытом лошади» — согнутыми костяшками пальцев в лоб противника. Хрюкнув, вожак байкеров пошатнулся и тяжело рухнул навзничь, едва не угодив на сруб колодца.

Сзади раздались аплодисменты. Крутов оглянулся. К ним подходили трое парней в камуфляжных комбинезонах спецназа, двое — в вязаных масках, третий — с открытым, располагающим к себе, скуластым лицом, на котором выделялись желтые кошачьи глаза. Взгляд его был колюч и насмешлив, выдавая характер неукротимый и упрямый. Это был взгляд п р о ф е с с и о н а л а. Возраст его вряд ли превышал двадцать восемь — тридцать лет. Именно этот парень и аплодировал Крутову.

— Мастерски деретесь, — сказал он, останавливаясь у ног лежащего гиганта, в то время как его спутники стали пинками сгонять байкеров в кучу. — Спасибо за помощь, вы, по сути, сделали нашу работу.

— Кто вы? — полюбопытствовал Егор.

— Дорожные мстители. Слыхали, может быть? Идем по следу одной серьезной мотобанды, но это, к сожалению, не они. — Парень с презрением сплюнул на медленно приходящего в себя вожака байкеров. — Саранча! Хотя тоже, конечно, подонки изрядные. Петро, — повернул он голову к одному из своих спутников, — мотоциклы отволочь за околицу и в овраге сжечь, их хозяевам накостылять по шее и отпустить. С вожаком поговорить посерьезней, чтоб не вздумал потом снова собирать команду.

— Сделаем, — пообещал Петро.

— Круто вы с ними, — покачал головой Крутов.

— А иначе нельзя, задавят. Внушить им благие намерения невозможно, так пусть хотя бы боятся. А вы не простой гражданин. — Молодой человек с кошачьими глазами прошелся оценивающим взглядом по фигуре Крутова. — Оч-чень непростой, судя по владению приемами барса и диммака. Часом не из Конторы будете?

Так мог выражаться только человек, сам имеющий отношение к Конторе, то есть ФСБ или другой спецслужбе, и Крутов вдруг ответил откровенно, парень ему понравился:

— Уже нет. А вы случайно не оттуда?

— Тоже уже нет, — засмеялся молодой человек, сунул Егору сухую твердую ладонь. — Панкрат. — Снова засмеялся. — Это меня дед так назвал, не отец, крутой был мужик, царство ему небесное.

— Егор, — представился Крутов. — Бывший полковник-«ходок». Еду на родину, отсюда уже недалеко, в Жуковском районе есть деревенька Ковали. — Он оглянулся на Селивана Федотовича, о чем-то разговаривавшего с хозяйкой подвергшейся набегу усадьбы. — Хотел помочь деду, эти шакалы разбили ему машину.

— Ясно. За что тебя «ушли»?

— За неподчинение приказу.

— Надо же, — удивился Панкрат, — и меня тоже вышибли из службы за то же самое! Бывают в жизни совпадения. Тебе еще далеко ехать?

— Километров двадцать пять в общей сложности.

— Будь осторожен. В этих краях на дорогах разбойничает стая бандитов посерьезней этой вшивой команды. — Панкрат

кивнул на потерявшую прежний блеск и азарт группу байкеров. — Оружие у тебя есть? Может, одолжить на всякий случай?

— Не надо, кое-что имеем. По вечерам я никуда ездить не собираюсь, а днем они вряд ли посмеют напасть.

— Ошибаешься, мой друг, действуют они нагло и открыто, и раздевают в основном иномарки. К тому же у них в ГАИ есть свои люди, небось уже дали ориентировку на твою машину: весьма заметный аппарат. В Брянске тебя останавливали гаишники?

— Дважды.

— Вот видишь. Ну, бывай. Может, заеду как-нибудь в гости. Как твоя деревня, говоришь, называется?

— Ковали.

Панкрат хлопнул ладонью по подставленной ладони Крутова и направился вслед за своими спецназовцами, конвоирующими притихших, плохо соображающих, что происходит, любителей вольной жизни и рева мотоциклетных моторов. Из подъехавшего мощного джипа высадились еще трое парней в камуфляже и принялись подцеплять мотоциклы к заднему форкопфу. Восемь мотоциклов они поставили на колеса боками вместе, образовав две платформы, остальные положили сверху. Уехали. В деревне стало так тихо, будто ее внезапно накрыло ватное покрывало. Дед Селиван Федотович, вытянув шею, и хозяйка дома с разоренным огородом, приставив козырьком руку ко лбу, смотрели вслед исчезнувшим «мстителям», прислушивались к тишине и молчали, потрясенные развязкой драмы. Потом в некоторых домах деревни стали робко открываться двери, появились первые жители, прятавшиеся до этих пор по домам. Где-то закричал петух, ему откликнулся второй, третий. Жизнь продолжалась, жизнь села российской глубинки, неторопливая и спокойная, не приемлющая шума и космических скоростей, отвергающая суетливость и нервозность, жестокость и страх.

— Ах, черт! — спохватился Крутов, вспомнив, что хотел отобрать у мотохулиганов средства на ремонт автомобиля Селивана Федотовича. Но тот, поняв, о чем идет речь, замахал руками и перекрестился:

— Упаси меня господь брать у этих варнаков мзду, чай, не скудаюсь[1], сам управлюсь с ремонтом. А тебе, паря, спасибо за помощь, очень нам понравилось, как ты прилобанил этого

---

[1] Скудаться — нуждаться, испытывать недостаток в чем-либо.

пузатого бардадыма. Может, в гости зайдешь? Моя хата с краю, старуха стол накроет.

— Благодарю за предложение, отец, но пора и мне ехать домой. Желаю здоровья всем.

Крутов сел в машину и выехал из деревни. Из оврага справа поднимались в небо клубы дыма, там горели мотоциклы байкеров, но Егор не стал останавливаться. К этому моторизованному племени пофигистов он жалости не испытывал.

ДЕРЕВНЯ КОВАЛИ

КРУТОВ

Шел седьмой час вечера, когда Крутов свернул со Смоленской трассы, проехал Летошники, Гостиловку, пересек железнодорожные пути и остановил машину на площади у Жуковского вокзала. Не потому, что захотел полюбоваться архитектурными красотами райцентра, а потому, что ему пришлось остановиться: Жуковка встретила его странной молчаливой демонстрацией, в которой участвовало по меньшей мере пятьсот человек.

Процессия, ведомая седым мужчиной с траурным крепом на рукаве пиджака, медленно двигалась по дороге, собирая любопытных ребятишек и женщин. Пара милиционеров наблюдала за ней издали, но регулировать движение не пыталась. На лицах молодых ребят было написано молчаливое сочувствие и понимание.

Крутов выбрался из кабины, подошел к негустой толпе у вокзала, наблюдавшей за процессией, и тихо обратился к пожилой женщине со скорбными глазами:

— Что случилось, мать? Что за шествие?

Женщина не ответила, словно не услышала вопроса, зато ее соседка, старуха лет семидесяти, осенявшая себя торопливыми крестами, обернулась к майору:

— Второй раз идут, мил человек. Первый в мае прошлй, когда девочку восьмиклассницу подружки убили.

— Так это похороны?

— Какие похороны — «черный марш», как говорят, против... этой... разгульности... преступленности...

— Разгула преступности? — догадался Крутов.

— Ее, ее, — закивала старуха, снова начиная креститься.

Крутов продолжил расспросы и в результате узнал, что причиной марша стало убийство девятнадцатилетнего парня, приехавшего к родителям после окончания первого курса Брянского машиностроительного института.

Евгений Сергачев отмечал с друзьями успешную сдачу сессии возле Жуковского дома отдыха, на берегу Десны, когда к ним подошли четверо накачанных парней с бейсбольными битами. Завязалась ссора, драка. «Спортсмены» похитили Сергачева и увезли с собой. Мучили, истязали его пять дней, пока не забили до смерти. Ни за что, из спортивного интереса. Труп аккуратно закопали.

Убийц удалось поймать: четверых молодых парней, неплохих, кстати, спортсменов-футболистов, в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, и молодую женщину, оказавшуюся вожаком банды. В свои двадцать два года она была матерью троих детей и оказалась жестокой садисткой, по сути, добившей Сергачева. Как потом показало следствие, на счету банды числилось еще два убийства и разбойные нападения на отдыхавших ветеранов в домах отдыха Брянской области.

Процессия свернула к центральному проспекту Жуковки, собираясь провести митинг у здания местного отделения внутренних дел. Крутов задумчиво глядел ей вслед, и душу раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он был рад возвращению, с другой — огорчен и расстроен таким совпадением, встречей с траурной процессией, с третьей — вдруг понял, что возвращается вовсе не домой, не в страну детства, а в другую страну, совершенно не похожую на прекрасные картины детства, живущие в памяти. Семнадцать лет назад, когда он уезжал из Ковалей и из Жуковки, людей ради спортивного интереса не убивали.

Так, с растрепанными чувствами, удивляясь своей сентиментальности, Крутов и выехал из райцентра, решив не заезжать к дядьке Ивану, который жил недалеко от железной дороги. Остро захотелось поскорей увидеть родные места, вдохнуть полузабытый запах родины и вспомнить молодость, что тоже, в общем-то, не было свойственно полковнику безопасности в расцвете сил, обладающему трезвым взглядом на жизнь и накопившему кое-какой жизненный опыт.

Пятнадцать километров от Жуковки до Фошни Крутов преодолел за двадцать минут, а вот оставшиеся три до Ковалей ехал со щемящим чувством узнавания и ожидания. Знаком был каждый куст, каждое дерево, каждый поворот дороги. За мостом через Березну он и вовсе остановился, разглядывая уходящее вправо болотце, где он когда-то собирал малину. В памяти всплыли строки Некрасова:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства...

Егор усмехнулся невольно, мысленно произнося последние слова. Мелкого тиранства в жизни отца и деда было много, а вот насчет пиров и разврата — чего не наблюдалось, того не наблюдалось. Зато хватало работы и беспросветной нужды: дед с войны вернулся инвалидом и вынужден был хвататься за любую работу, отец же пил по-черному, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и мягким. Умер он два года назад в возрасте шестидесяти лет, почти вслед за дедом. Мать Крутова, переехав к родственникам по линии бабушки на Украину, пережила отца всего на один год. Зато бабка Аня в возрасте девяноста семи лет еще держалась молодцом, Егору в прошлом году удалось навестить ее и получить заряд бодрости и любви, в которых он подспудно нуждался, не признаваясь в этом даже самому себе. В Ковалях же у него остались только двоюродные дядьки — двое, Осип и Василий, тетки — трое, Ксеня, Валя и Фруза, и двоюродные сестры — тоже трое, Татьяна, Нина и Лида, имевшие собственные хозяйства и подрабатывающие на полях бывшего колхоза «Ленинский путь», теперь — агрофирмы «Медвежий угол».

Сдерживая сердцебиение, Крутов подъехал к деревне, обогнав какого-то велосипедиста — незнакомую девушку в джинсах и футболке, и притормозил на пригорке, глядя на панораму Ковалей. Его дом, в котором он прожил без малого восемнадцать лет, стоял вторым от дороги, на берегу небольшого пруда, и с виду совсем не изменился: оцинкованная крыша, светящаяся нежным янтарным блеском мансарда, стеклянная веранда, полускрытая яблонями (антоновка и штрифель), зеленые дощатые стены, антенна над крышей, за высоким — в рост человека — деревянным забором из ровных фигурных досок кусты черемухи и сирени. Какими словами можно выразить чувства человека, вернувшегося домой после долгих странствий? Не было этих слов и у Крутова.

Девушка на велосипеде проехала мимо, глянув на водителя с явным интересом, но мысли Егора были заняты другим, и на взгляд из-под густых длинных ресниц он не отреагировал никак. Отпустил тормоз, тихо скатился с пригорка к дому и остановил машину у ворот. И тотчас же распахнулась дверь в сени, словно его здесь ждали, и на пороге возник дядька Осип, великан с круглой лысой головой и седыми усами, громадный и меднолицый, с хитрыми вечно смеющимися глазами. Он

был старше Крутова на тридцать лет, однако выглядел гораздо моложе, несмотря на почти голую голову.

— Батюшки-светы, никак Егорша приехал! — пробасил он, приближаясь и вытирая громадные руки о фартук; видно, готовил ужин. — Вспомнил наконец. Баба Аксинья ономнясь[1] тебя во сне видела, будто бежал ты по болоту голый, а за тобой какая-то девица невиданной красоты гналась. Грит: это ён приедет непременно. Вишь, ты и прикатил. Ну, проходи, проходи, чего застрял? Дом-то твой теперя. А я тут ужин варганю.

Они обнялись. От дядьки вкусно пахло дымом, стружками и жареным луком. Он обхватил Крутова за пояс и приподнял от земли на метр, демонстрируя хватку охотника на медведей. Судя по всему, силы в его руках не убавилось. Егор еще помнил, как эти руки подбрасывали его, мальчишку, вверх на добрых два метра и шутя валили с ног быка, ухватившись за рога.

— Топай, племяш, — подтолкнул его к дому дядька. — Комната твоя стоит нетронутая. Аксинья кажен день молится на нее.

— А где она?

— К Фросе пошла, за молоком.

Крутов вошел в прохладные сени, где стояла кадка с колодезной водой, лежали дрова, а по стенам был развешан домашний инвентарь, потом шагнул в дом, жадно разглядывая его убранство, не менявшееся из века в век.

Справа стояла огромная русская печь с лежанкой, на которой он когда-то по вечерам в зимнюю пору любил читать приключения и фантастику, коник напротив — скамья в виде длинного ящика с крышкой, стол с выскобленной до блеска столешницей, слева — комната бабушки Ули, покойницы, дальше горница на полдома с телевизором в углу, сервантом, кроватью и столом с четырьмя стульями, и за печью — две спальни. Крайняя принадлежала ему, Егору Крутову.

Не замечая сочувственного взгляда дядьки, полковник с неким внутренним трепетом вошел в спальню и споткнулся, увидев на этажерке с книгами, которые он собирал в детстве, фотографию: он и Наталья, обнявшись, стоят под яблоней. Этой фотографии было ровно пять лет.

— Ну, ладно, ты давай устраивайся, — прогудел сзади Осип, — а я пойду дела доделывать. Ужинать будем через полчаса. Потом в баню. Я как знал, что ты приедешь, с утра истопил. Или ты сначала желаешь в баню, а потом ужинать?

---

[1] Ономнясь — недавно.

— Сначала в баню, — обрадовался Крутов. — Жаль, пива захватить не догадался. Чего улыбаешься? Или и пиво у тебя в холодильнике припрятано?

— А то! — ухмыльнулся дядька, удаляясь на кухню. — Местное, конечно, «Дебрянское» называется, но очень вкусное. Кстати, и сиводер имеется, если вдруг захочешь опохмелиться.

Крутов улыбнулся. Сиводером местные мужики называли самогон, причем по многим параметрам он был качественнее государственной водки. Но Егор спиртное такого свирепого градуса не пользовал, позволял себе лишь пиво да легкое вино.

— Надысь встрел твоего дружка, Мстислава Калиныча, — продолжал Осип, возясь у печки. — Ничуть не изменился человек, только важным стал, осанистым.

Крутов, стягивая с себя рубашку, вышел из спальни с удивленным видом.

— Учитель был в Ковалях?!

— В Жуковке, я туда по делам ездил, за семенами. Сидел он в автомобиле навроде твоего, с какими-то важными такими господами в костюмах и при галстуках. Меня увидел, но сделал вид, что не узнал. Ну, и я, понятное дело, не стал подходить.

— Ты точно его видел?

— Обижаешь, генерал, — укоризненно проговорил дядя, выглядывая из-за печки. — Глаз у меня еще зоркий, комара за версту видит.

— Странно... — Крутов переоделся в спортивный костюм. — Что Мстиславу делать в Жуковке? Он же в столицу подался...

Мстислав Калинович Джехангир был первым учителем Егора по рукопашному бою — в те времена это называлось «карате» — и смог дать юному Крутову главное — волю к победе и умение добиваться поставленной цели. Технику реального боя Крутов изучал уже под руководством инструкторов комитета.

— Надолго-то в наши края? — снова выглянул в горницу Осип. — Или снова на два-три дня?

— Насовсем, — вздохнул Крутов.

Дядька высунулся в изумлении — руки в муке, уставился на племянника.

— Али выгнали со службы?

— Уволили, Демьяныч. — Крутов подумал и, вспомнив местный термин, добавил: — За огурство[1].

[1] Огурство — своеволие, строптивость.

От расспросов его спасло появление супруги Осипа, бабки Аксиньи, дородной и неспешной женщины, ходившей, сколько помнил себя Крутов, в одном и том же наряде: понева со множеством сборок и убрус — платок, расшитый узорами, расписанный золотом и жемчугом. И выглядела она всю жизнь одинаково доброй, с кротким ласковым лицом, которое не брали невзгоды и старость.

— Мальчик приехал, Егорша мой родной, — запричитала Аксинья, бросаясь обнимать и целовать Крутова. — Какой зазвонистый[1], ладный! А я смотрю — машина-от вроде не наша, не местная, думаю, кто это к нам на такой красавице...

Несколько минут Крутову пришлось терпеть ее поцелуи, слезы, ахи да охи, расспросы и причитания. Потом Осип решительно отодвинул жену в сторону:

— Все, хватит требесить[2] и нюни разводить, размокнет. Готовь на стол, я икру и суп уже сготовил, а ты все остальное ставь. Пусть человек пока в баню сходит. Габерсуп небось давно не хлебал?

Крутов с улыбкой покачал головой. Габерсупом Осип называл овсяный суп с крапивой и грибами.

Ему дали простыню, полотенце, проводили во двор, где стояла новая баня, поставленная уже Осипом, и вскоре Егор сидел в парилке и с удовольствием хлестал себя по спине березовым веником, разомлев от жары и приятных чувств. Блаженство, наступавшее после бани, он не испытывал давно.

Через час распаренный, розовый, благоухающий травами и березовым духом, счастливый, переполненный ни с чем не сравнимым чувством чистоты тела, он сидел за столом в компании родственников: прибежал дядька Василий, подвижный, худой, с гривой черных волос без единого седого волоска — несмотря на солидный возраст, пришли тетки — Ксения и Валя, и сестры — Нина и Лида. И Крутов впервые за много лет (со времени своего последнего появления на родине с женой) почувствовал себя семейным человеком.

Верховодил за столом, конечно, Осип, умело направляя разговор, сыпля прибаутками и анекдотами, подшучивая над всеми, в том числе и над Крутовым, почти не вмешивающимся в общую беседу. Егор с эйфорическим удовольствием слушал дядьку, и мысли его были легки и просты, занятые только теми, кто сидел рядом. Осип же смешил и смешил всех, неистощимый на выдумку и острое слово. Обладая истинно рус-

[1] Зазвонистый — важный, знатный, великолепный.

[2] Требесить — говорить вздор, нести околесицу.

ским характером, он всю жизнь стойко терпел лишения, любил выпить, хотя до скотского состояния никогда не напивался, любил поесть и побалагурить, побунтарствовать — среди равных ему, был везде лидером и нередко кидался из крайности в крайность. Последнюю черту его характера хорошо иллюстрировал тот факт, что еще пять лет назад, когда Крутов приезжал в Ковали с Натальей, Осип был рьяным атеистом, сегодня же, судя по иконам в горнице и постоянным поклонам красному углу с иконой Божьей матери, дядька ударился в богоискательство, правда, не теряя при этом природного юмора и добродушия.

Аксинья, бдительно присматривающая за «енеральным» гостем, подложила ему в тарелку «чертовой бороды», и Крутов, давно не едавший икры из кочетыжника, он же орляк, а проще говоря — папоротник, с удовольствием очистил тарелку. А поскольку на расспросы о житье-бытье он отвечал коротко и неохотно, женщины завели беседу о видах на урожай, перешли на местные новости и сплетни и говорили бы долго, если бы не неутомимый Осип, принявшийся травить анекдоты. Все они были с бородой, и все же успех у аудитории имели шумный. Однако на последнем Крутов задремал, и вечер кончился. Его всей гурьбой отвели в спальню, уложили на кровать с хрустящими простынями, и в доме наступила тишина. Последней мыслью Крутова была удивленно-благостная: как же здесь хорошо!..

* * *

Утром он по привычке вставать рано проснулся в семь часов, но, вспомнив, где находится, повернулся на другой бок. Окончательно Егор встал в начале десятого, уловив прилетевшие с кухни запахи поджаривающихся шкварок: баба Аксинья пекла блины.

— А где Демьяныч? — Егор вышел из спальни в спортивных трусах, обнял сзади Аксинью, чмокнул в щеку.

— По грибы пошел, — расплылась в улыбке стряпуха, румяная от печного жара; печку она летом не топила, но ради гостя решила истопить, попотчевать его деревенской вкуснятиной.

— Я пока физкультурой позанимаюсь, через полчаса прибегу.

Крутов вышел во двор, по которому бродили куры, заглянул в «хитрый домик», который Осип оборудовал унитазом без дна, и сделал в саду за домом зарядку, после чего выбрался через огород к пруду и побежал вокруг, вдыхая всей грудью

чистый, не отравленный никакой химией или газами воздух, напоенный ароматами трав и цветов. А спрыгивая с огромного пня на тропинку, ведущую в лес, неожиданно нос к носу столкнулся с девушкой на велосипеде, которую встретил еще вчера, при въезде в деревню, только на сей раз на ней был летний легкий сарафан вместо джинсов, а волосы были распущены, а не увязаны в длинную косу.

Она бы упала с велосипеда, если бы Егор не успел подставить руку.

— Простите... держитесь.

— А вы не выскакивайте из леса, как леший... извините.

Несколько секунд они рассматривали друг друга: незнакомка сердито, он заинтересованно и оценивающе, — потом Крутов улыбнулся и получил ответную снисходительную улыбку. Девушку нельзя было назвать красавицей. Большегубая, большеглазая, глаза цвета морской волны с густыми и длинными ресницами, лицо продолговатое, с курносым носиком, грудь небольшая, но крепкая (и похоже, девица лифчик не носит), талия тонкая, ноги длинные, но полноватые... И все же присутствовал в ней некий таинственный шарм, проявляющийся не то во взгляде, не то в улыбке, в повороте головы, в жесте, который заставлял вглядываться в нее снова и снова и ждать откровения или чуда, а может быть, просто улыбки.

— Я вас видел вчера.

— Я вас тоже, Егор Лукич. А вы меня не узнаете?

Крутов пригляделся повнимательней и вдруг с удивлением понял, что перед ним повзрослевшая на семнадцать лет толстушка-хохотушка Лизка, дочь соседей Качалиных.

Когда он уезжал из Ковалей, ей едва исполнилось восемь лет.

— Елизавета? Ты же была... такой... такой кругленькой...

— Толстухой, вы хотите сказать? — засмеялась Лиза. — Как видите, кое-что изменилось, узнать меня трудно. А вы на побывку приехали, Егор Лукич? Надолго?

— Зови меня Егор, а лучше Горка, как прежде. Приехал же я скорей всего надолго, не меньше чем на месяц. Так что заходи в гости, буду рад. Поговорим.

— Ой, непременно зайду, да и вы тоже не забывайте...

— Не забывай, мы же перешли на «ты».

— Ой, ну хорошо, Егор Лу... то есть Горка, — она снова засмеялась, — надо еще привыкнуть, Горка, уж очень ты... суровый и крутой, городской.

— Зазвонистый, как сказала бабка Аксинья. Ты где сейчас обретаешься? Работаешь, учишься?

— Уже год как работаю менеджером в одной брянской рекламной фирме, «Навигатор» называется, может, слышал?

— Я телеболвана смотрю редко. А что заканчивала?

— Рекламно-дизайнерскую академию в Москве.

— Глянь-ка, — удивился Крутов, — я ведь тоже там прописан. Были рядом, можно сказать, и ни разу не встретились. А куда это ты с утра на велосипеде? Я смотрю, это твой «национальный» вид транспорта?

— Удобно, — в который раз улыбнулась Елизавета, и от этой улыбки в душе Крутова тихо зазвенели какие-то чуткие струны. — Я здесь пейзажи снимаю, совершенно чудные, пригодятся для работы.

Только теперь Егор обратил внимание на лежащую на багажнике велосипеда коробку с видеокамерой «LG».

— Понятно. А не боишься заблудиться? Проводник не нужен?

Елизавета сморщила носик.

— Я с отцом здесь все чащобы облазила, не заблужусь. К тому же в лесу теперь стоит какая-то воинская часть, забор из колючей проволоки, дорогу асфальтированную проложили, говорят — прямо к Московской трассе. В общем, цивилизация стучится в наш медвежий уголок.

— Воинская часть еще не цивилизация, — хмыкнул Крутов. — Интересно, кто это решил загнать солдат в наши болота?

— До встречи, Егор Лукич, — устроилась в седле девушка. — Продолжайте свою кросс-прогулку, но не удивляйтесь, коль увидите перемены. Увидимся вечером.

И уехала. Взметнулся подол сарафана, открывая полные бедра девушки. Крутов постоял в задумчивом трансе некоторое время и рысцой направился к дому, теперь уже не огородами, а проулком и улицей. А возле коммерческой палатки с рекламой кока-колы на крыше, прятавшейся в тени раскидистой ивы, его окликнули:

— Эй, спортсмен!

Крутов притормозил, оглянулся. За палаткой стояли двое крупногабаритных молодых людей в майках и джинсах: угрюмоватые квадратные лица, короткие прически, бритые виски, у одного золотая серьга в ухе, у другого на груди и плечах цветные наколки — драконы и девы.

— Ты лучше обходи эту девочку стороной, — продолжал тот, что с серьгой. — А то неровен час с машиной твоей что случится.

— А-а, — потерял интерес к парням Егор, вспомнив известное изречение Вишневского: «Тебя сейчас послать или по факсу?» — но вслух произнес другое, повежливее:— Я гляжу, крутые вы ребята, и лбы у вас крепкие...

Не оглядываясь более, он свернул с проезжей части улицы на «тротуарную» тропинку вдоль забора и через минуту был дома, гадая, как его могли увидеть с Елизаветой эти двое. Разве что в бинокли. Или же у них есть наблюдатель, который следит за девчонкой и передает по рации своим хозяевам о каждом ее шаге. Егор усмехнулся, оценивая свою фантазию: «по рации», — и принялся обливаться водой и умываться, фыркая и ухая. Аксинья с крыльца наблюдала за ним с довольным видом, приготовив полотенце.

Вскоре пришел и Осип, в плаще и сапогах похожий на лешего, с лукошком грибов: молоденьких подосиновиков, подберезовиков, сыроежек и белых.

— Надо было меня с собой взять, — сказал Крутов, с завистью перебирая грибы. — Где брал? Вроде ж не сезон.

— У нас тут всегда сезон, а два дня назад дожди прошли, грех грибам не появиться. Да и мест грибных достаточно. Ты их и сам знаешь. Белые я собирал в основном в Еремином раменье[1], за болотцем.

— А я в дубнячке за Добрушкой.

— Туда сейчас нельзя — запретная зона. Загородили колючкой, ни пройти, ни проехать. Ты уже умылся? Тогда пошли завтракать.

— Что еще за зона такая? — полюбопытствовал Егор, вытираясь. — И Лизка мне говорила — военные, мол, какая-то часть стоит.

— Лизка Качалина, что ль, дочь Ромки? Уже успел к соседям сбегать?

— Да нет, я ее у пруда встретил, не узнал, конечно.

— Она на велосипеде тут всю округу исколесила, снимает наши красоты деревенские на камеру. Вот и сходи с ней по грибы, сам убедишься, что в лесу чей-то лагерь разбит. Только сдается мне, это не военные, больно тихо стоят. Ромка Качалин клянется, что слышал какие-то крики за проволокой, даже перепугался — страшные такие крики, смертные. Но как туда пройдешь? Вернулся, конечно. Я лично ничего такого не слышал, хотя стоит зона уже года три. А как тебе Лизавета-Лизка? Вытянулась-то как девка, прямо красавица! Ты-то себе зазнобу сердешную не завел? — Осип покосился на задумчиво покусывающего травинку племянника. — А то пригласил бы ее в гости.

---

[1] Раменье — густой дремучий лес.

— Я пригласил. — Крутов вспомнил двух крепких молодых людей, предупредивших его об опасности продолжения знакомства с Елизаветой. — Демьяныч, а кто это тут у вас палатку рискнул поставить? Возле гришанковской хаты?

— Приезжие, — потускнел Осип. — Старый Гришанок умер, а сын его дом продал, ну и приехали какие-то... рожи бандитские, поставили киоск, торгуют всякой всячиной. Четверо их, двое постарше, двое помоложе. Ни с кем особенно не общаются, живут довольно тихо, лишь изредка к ним откуда-то целая компания приезжает на черном автомобиле, в баню помыться. Одни мужики. Ромка грит — это точно из зоны, но я не проверял. Один из этой компании к Лизке захаживает, когда она к родичам приезжает по субботам-воскресеньям. — Осип прищурился, пытаясь прочитать на лице Крутова его мысли. — Но она его не сильно привечает.

— Понял я, понял, — улыбнулся Егор. — А не боишься, что они мне накостыляют?

— Пусть попробуют, — ухмыльнулся в усы старик, показав громадный свой кулак. — Они чужие тут, а у нас полдеревни — свояки да шурины.

— Хватит балакать, тары-бары-растабары разводить, старый, — возникла на крыльце Аксинья, — блины давно на столе стынут. Идите завтракать, потом нагомонитесь.

Крутов послушно поплелся вслед за Осипом в дом и вдруг почувствовал на спине чей-то взгляд. Стремительно обернулся. По улице медленно шествовал, засунув руки в карманы, давешний молодой человек с кольцом в ухе. Отвернуться он не успел, поэтому демонстративно оглядел дом, сад, повернулся и так же медленно зашагал обратно.

БРЯНСК — ЖУКОВКА

ВОРОБЬЕВ

Панкрат еще спал, когда позвонил заместитель и сообщил о новом нападении мотобанды на автомашину, принадлежащую одному из известных брянских коммерсантов, известному тем, что на свой страх и риск построил заводик по производству пива и малоалкогольных напитков.

— Где это произошло? — хриплым со сна голосом осведомился Воробьев.

— В Овстуге.

— Что он там делал?

— Родители его жены живут там.

— Он один ехал или с охраной? — Панкрат бросил взгляд на часы: стрелки застыли на половине девятого утра. Спал он, таким образом, почти шесть часов.

— С женой, гувернанткой и ребенком. Он-то как раз уцелел, хотя и получил три пули, а жену, гувернантку и ребенка убили.

— Ясно. — Панкрат помолчал, приходя в себя, с силой провел по лицу ладонью, словно стирая остатки сна, и поднялся. — Ты где?

— Жду ребят, я их уже поднял.

— Что говорит милиция?

— А что она говорит в таких случаях? Разборки, мол, двух банд, хотя парень как раз не был замечен в связях с бандитами.

— За это, наверное, и убили: не поделился. Ждите меня за мостом, через полчаса буду. Поедем в район. Инструмент захватить не забудьте.

— Обижаешь, майор, — хмыкнул заместитель.

Зарядку делать Панкрат не стал, умылся только да выдул пол-литра кефира. Оделся, останавливаясь на пороге, разглядывая комнату и силясь вспомнить, не забыл ли чего. Эту квартиру он снял в центре Брянска, на улице Вербного воскресенья, четыре дня назад, однако ночевал здесь всего один раз и теперь считал, что сделал это напрасно. А с другой стороны, все время метаться по дорогам Брянщины было невозможно, следовало иметь пару помещений для офиса и отдыха, не считая базы для команды.

Базой они обзавелись сразу же после передислокации из Подмосковья в Брянскую губернию, выбрав заброшенное стрельбище в двух километрах от вокзала, выходящее краем пустыря к Десне. Починили ворота и забор вокруг стрельбища. Жили ребята пока у родственников Вити Баркова, бывшего подполковника московского ОМОНа, списанного по состоянию здоровья, ставшего заместителем Панкрата. Ему, как и Панкрату, недавно исполнилось тридцать лет, а в команду «асфальтовых мстителей», которую он предложил назвать отрядом «Час», что было аббревиатурой слов «чистый асфальт», Барков попал по наводке приятеля Панкрата из отдела кадров Федеральной службы безопасности: у бывшего подполковника дорожные бандиты убили сестру. Когда к нему пришли и предложили войти в отряд мстителей, он, прошедший школу Афгана и Чечни, согласился без колебаний.

Панкрат выгнал из сарая, приспособленного под гараж, свой «Лендровер», закинул в кабину сумку с костюмами спец-

назначения и оружием и выехал со двора, окруженного старыми пятиэтажками. А выезжая на площадь перед автовокзалом, вспомнил наконец, что забыл дома жвачку; он любил, чтобы от него пахло травами и мятой. Остановил машину у киоска и вылез.

— Здесь платная муниципальная стоянка, — подошел к нему немолодой прихрамывающий охранник в серой униформе.

— Сколько?

— Пятерка в час.

— Какие проблемы? — Воробьев достал два рубля. — Я всего на минуту, квитанцию можешь не выписывать.

Он выбрал в киоске мятный «Орбит», кинул в рот подушечку, вернулся к джипу и, уже садясь в кабину, обратил внимание на разыгравшуюся сцену. Невдалеке, через машину, садился в бежевого цвета «БМВ» какой-то молодой мордоворот, стриженный под ноль, небритый, пузатый, и, судя по его реакции на появление сторожа стоянки, платить за стоянку он не собирался. Панкрат приоткрыл дверцу.

— Вы стоите уже больше часа, — говорил охранник заискивающим тоном. — Платите пять рублей.

— Щас, разбежался, — отвечал жирным уверенным голосом пузан. — Вали отсюда, хромой, не раздражай.

Панкрат подумал и вылез из кабины, подошел к «БМВ», возле которого топтался охранник, и, нагнувшись к окошку водителя, сказал с ласковым укором:

— Дядя у нас такой крутой? Платить не хочет? Здоровьем рискует?

— А ты кто такой? — вытаращился водитель.

— Я блюститель закона в этом конкретном месте, — доходчиво объяснил Панкрат. — Платить будем?

— Какой еще бля... блю?..

— ...ститель, — докончил Панкрат, повернул голову к опасливо отодвинувшемуся сторожу стоянки. — Сколько времени он здесь торчит?

— Полтора часа.

— С тебя семь пятьдесят, — не меняя притворно ласкового тона, сказал Воробьев. — Гони, мальчик, копеечку и выезжай.

— Да я тебя... — пузан недоговорил, к машине подошли еще двое молодых людей в пиджаках и черных брюках, несмотря на жару, с деревянными лицами «деловых» людей. — Эй, Тимчик, а ну уговори мудака отойти от аппарата, наверное, пьяный или жить надоело.

Тимчик, широкий в плечах, но тоже с заметным брюшком, оглядел выпрямившегося Воробьева, обошел машину и шагнул к нему, вынимая из кармана пиджака черный пенальчик с металлическими рожками, в котором Панкрат с удивлением узнал электрошокер «павиан».

— Ну, долго будем надоедать уважаемым людям? — просипел Тимчик.

— А недолго, — вздохнул Панкрат, нанося два удара: ногой по голени и тыльной стороной ладони по морде парня.

Тимчик выронил электрошокер, ударился головой о дверцу «БМВ» и упал. Его напарник и водитель, вылупив глаза, смотрели то на своего приятеля, то на Воробьева. Вокруг стала собираться толпа, и Панкрат понял, что надо заканчивать спектакль. Светиться ему было не резон. Однако и проходить мимо проявлений беспардонного хамства не хотелось.

Вынув из кожаного чехольчика, крепившегося к ремню изнутри брюк, слегка изогнутый бакмастер[1], он приставил его к шее водителя и сказал с нажимом, уже без ласки в голосе, не обращая внимания на дернувшегося к нему второго молодчика, длинноволосого и смуглого:

— Плати, крутой, и мотай отсюда! Шутить я больше не намерен. Ну?!

Небритый пузан, побледнев, достал бумажник, вынул десятирублевую купюру. Панкрат взял ее и передал встрепенувшемуся охраннику, не верившему своим глазам.

— А теперь вели своим дружкам сесть в машину и жми на газ. В следующий раз плати сам. Договорились?

— Договорились... — пробормотал парень, включая двигатель.

Его приятель, держась за щеку, смерил Воробьева нехорошим взглядом, проковылял к машине, выставив вперед круглый, как у роженицы, живот, с трудом уместился на заднем сиденье. Машина уехала.

Мужчину портят три вещи, глубокомысленно подумал Панкрат, глядя ей вслед: алкоголь, шорты и брюхо. Молодые, а уже пузатые, как им себя в зеркале видеть не противно?

— Спасибо, — выдавил подошедший охранник. — Только вы с ними будьте поосторожней, это охранники местного авторитета Пашки Первицкого.

— Будь здоров, — отозвался Панкрат, садясь в джип. Вскоре он был за мостом через Десну, где его на двух машинах ждала команда «Час» во главе с Барковым.

---

[1] Нож американской фирмы «Бакмастер», соединяющий в себе несколько инструментов.

— Ты же обещал приехать через полчаса, — влез в кабину джипа Барков, — а мы тут уже больше часа прохлаждаемся.

— Обстоятельства, — буркнул Панкрат, трогая машину с места.

Остальные машины двинулись следом.

— Что еще за обстоятельства?

Панкрат помолчал немного, прибавляя скорость, и рассказал об инциденте на площади у автовокзала.

— Что-то ты в последнее время слишком сентиментальным становишься, командир, — хмыкнул Барков, низкорослый крепыш с лицом пьяницы, — если уж начинаешь реагировать на такие мелочи.

— Это не мелочи, это проявление хамства, а хамство я с детства не терплю.

— Тогда давай вообще переквалифицируемся в народных защитников, будем чистить города и села от всякой мрази, раз государство с этим не справляется. Я даже книгу читал о создании такой команды «чистильщиков» под названием «Стопкрим».

— А что, — неожиданно согласился Воробьев, — это идея. Вот закончим разборку с дорожной мафией и создадим свой реальный «Стопкрим».

Заместитель, желавший всего лишь поиронизировать, промолчал. Он еще не научился различать, когда Панкрат шутит, а когда говорит серьезно.

— И в Брянске уже появились муниципальные стоянки? — пробормотал он. — Быстро идет прогресс. — Он усмехнулся. — Анекдот вспомнил столичный: частник поставил машину на Красной площади, милиционер кричит ему: «Вы что делаете?! Тут же правительство, президент!» А тот отвечает: «Ничего, у меня сигнализация и замки хорошие».

Панкрат улыбнулся.

— Любишь ты анекдоты с бородой. Подробности нападения в Овстуге выяснил?

— Я не дежурный УВД по области, подробности мне не докладывают. Известно лишь, что остановили машину молодцы на мотоциклах, стреляли с двух сторон, машина вся в дырках, как решето. Коммерсант вез немалую сумму денег, они исчезли. И я уверен, что без наводки здесь не обошлось. Так как банда орудует на дорогах Брянщины уже месяц и еще ни разу не попалась, то у нее наверняка есть аналитики, контролирующие коммерческие и силовые связи, а также агенты в ГАИ и милиции.

— Добавь еще — и база. После каждой операции они куда-то прячутся, исчезают. Эту базу надо вычислить и уничтожить. Где они уже показали свои зубы?

— Да практически во всех районах Брянщины, кроме Жуковского, зафиксировано двенадцать нападений, сегодняшнее в Овстуге — тринадцатое.

— Кроме Жуковского, говоришь? Приятель наш как раз оттуда родом.

— Какой приятель?

— Что вчера отметелил байкеров в Выселках, Егором зовут. Видно, судьба у него такая — встревать в наши дела. О чем это говорит?

— Что судьба у него такая?

— Что Жуковский район пока бандой не тронут.

Барков помолчал. Джип выбрался из Брянска на Смоленское шоссе и увеличил скорость.

— Одно из двух: или у банды база в Жуковском районе, или они наметили нанести удар по нему в последнюю очередь.

— Соображаешь, полковник. После Овстуга придется переключить внимание на Жуковку.

Через час они приехали в Овстуг и узнали подробности нападения мотобанды на машину коммерсанта. Удостоверение майора спецназа внутренних войск, имевшееся у Воробьева, действовало безотказно, тем более что объяснял он свой интерес к расследованию дорожных нападений поиском сбежавшего с оружием военнослужащего.

Бандитов было пятеро, одеты все были в черные комбинезоны, а вооружены автоматами («калашников» с укороченным прикладом — судя по описанию свидетелей) и пистолетами-пулеметами «клин» отечественного производства. Действовали нагло и открыто: перегородили дорогу мотоциклами и открыли огонь, не потребовав документы, словно точно знали, кто едет и что везет. Куда потом делись, никто объяснить толком не смог, ни свидетели, ни милиция. План «Перехват», задействованный силами местного ОМОНа и милиции спустя час после происшествия, ничего не дал, да и немудрено: за час бандиты могли преодолеть около ста километров и залечь на базе до следующего мероприятия.

— Едем в Жуковку, — сказал Панкрат, оглядев хмурые лица своих гвардейцев, после того как они получили всю возможную информацию о нападении и собрались в лесочке за Овстугом, у какого-то ручья. — Либо действительно база банды находится в Жуковском районе, либо там они скоро выйдут на охоту. Витя, твое направление — милиция, ты у нас подполковник московского ОМОНа «в командировке».

Барков молча кивнул.

— Петро, тебе с группой придется поколесить по району, поспрашивать в деревнях и селах, не видели ли парней на мотоциклах.

Петя Ладыженский, бывший лейтенант-афганец, раненный в ногу и потому прихрамывающий, но не потерявший мастерства разведчика и бойца, также промолчал. Он был не из разговорчивых.

— Бандиты должны питаться и снабжаться боеприпасами, — продолжал Панкрат, — поэтому твоя задача, Тагир, объездить все базы снабжения в районе, в том числе военные. Давно известно, что армия торгует.

Тагир Темирканов, молодой дагестанец с красивыми усиками, поднял вверх сжатый кулак, показывая, что задание понял.

— Остальные вместе со мной займутся ресторанами района. Такие наглые твари, как эти убийцы на мотоциклах, наверняка любят потусоваться в своей среде, пофорсить, показать ловкость и силу. Жить будем в гостиницах, связь по рациям постоянная. Легенда у каждого своя, продумайте. Все понятно?

Мстители стали расходиться по машинам, все было ясно и без слов.

КОВАЛИ

КРУТОВ

Послеполуденный дождик прибил пыль, освежил воздух и слегка снял жару, что весьма положительно сказалось на настроении Крутова. В пять часов пополудни он зашел к соседям, где его встретили старик Качалин, совсем больной семидесятипятилетний Евграф, седой, как лунь, и отец Елизаветы Роман Евграфович, или, как его звал Осип, Ромка, которому скоро должно было исполниться пятьдесят лет. Это был худой, подвижный мужичок с ясным взором ястребиных глаз, не дурак выпить, малоразговорчивый и стеснительный в трезвом состоянии и неудержимо болтливый в подпитии. Уже через полчаса он был навеселе, рассказал кучу страшных историй о своей охоте на медведя, о встречах со стаей волкособак, потом стал требовать от гостя «откровенного мужского разговора», и спасло Егора лишь появление женского населения семьи Качалиных: дородной Степаниды, матери Елизаветы, и самой девушки, одетой на этот раз в юбку, открывающую ноги выше колен, и белую вышитую блузку, которую тут называли шемизеткой.

Посидев еще полчаса в компании Качалиных, Крутов перемигнулся со все понимающей Лизой, и они сбежали из гостеприимного дома Качалиных, сославшись на встречу с друзьями, что было не совсем правдой, потому что ни Егоровых одногодков, ни Елизаветиных в деревне практически не осталось. Все они поразъезжались кто куда и дома появлялись редко, как и сам Крутов. Однако у него в Ковалях оставалось достаточно родственников, которых он и навестил по очереди вместе с Лизой. Закончился этот поход — под прицелом глаз белобрысого молодого человека с наколками, бдительно охранявшего киоск, — у Крутовых на веранде, выходящей в сад, где Аксинья накрыла стол, приготовив роскошный по деревенским меркам ужин.

Осип сначала поучаствовал в распитии напитков, посмешил молодежь (хотя себя Крутов считал молодым относительно), порасспросил соседку о житье-бытье в Брянске, потом сослался на дела и ушел. Таким образом Егор и Елизавета остались одни, нимало не смущаясь этим обстоятельством. Егор везде чувствовал себя нормально, столичная жизнь и быт профессионального перехватчика террористов приучили его маскировать свои ощущения, играть любую роль, Елизавета же работала в такой фирме, которая за основу профпригодности брала такие параметры, как живость, контактность, ум и умение влиять на клиента. Влиять на клиента Лиза Качалина умела, Егор испытал это на себе.

— Ну что ж, господин Крутов, — заявила она, раскрасневшаяся, сверкающая глазами, превратившаяся в прекрасную даму, — вы так мне ничего и не рассказали, где работаете и кем. Моя разведка донесла, что вы работали в каком-то спецназе и якобы уволились. Это правда?

Егор понял, что Осип уже проговорился соседу о его увольнении, подумал в сердцах: ах ты, болтун старый! Вслух же сказал:

— Яволь, фрейлейн. Все так и есть, как вы сказали. Разведка у вас на высоте.

— И что же, ты теперь безработный? — Глаза Елизаветы еще больше распахнулись, полные любопытства и участия.

Боясь окунаться в них надолго, Крутов поднял рюмку с ирландским сливочным ликером «О Casey's», — он привез пару квадратных бутылок без особой надежды на то, что его поймут в деревне, — пожал плечами и проговорил философски:

— Каждый благородный дон имеет право хоть раз в жизни побыть безработным.

Елизавета рассмеялась, лукаво взглянула на собеседника поверх своей рюмки.

— Мне говорили, что ты был женат. Не сошлись характерами?

Крутов с трудом сделал глоток, поставил рюмку, чтобы гостья не заметила, как у него задрожали пальцы. Сказал бесстрастно:

— Она погибла.

Елизавета перестала улыбаться, глаза ее потемнели, на щеки легла краска.

— Извини, я не знала... — Она посидела немного, глядя на Крутова странно, испытующе, накрыла его руку ладонью. — Прости...

— Ничего, все нормально. — Егор заставил себя успокоиться; было приятно чувствовать прикосновение пальцев и ладошки девушки, душа от этого замирала и мурлыкала. — Расскажи лучше о себе. Что ты рекламируешь? Чем вообще занимаешься в своей фирме?

— Начинала я с маркетинга, точнее, со стайлинга.— Елизавета сняла с его руки ладонь, закинула руки за голову и выгнулась, так что грудь ее рельефно обозначилась под натянувшейся блузкой, а у Крутова перехватило дыхание: лифчик девушка действительно не носила. Каждый жест ее почему-то кружил голову, и это было нечто новое в его отношении к женскому полу после гибели жены. Присутствие Ольги в свое время так на него не действовало.

— Стайлинг — это придание какому-нибудь изделию внешнего вида, соответствующего тренду современной моды, — продолжала Елизавета, словно не замечая состояния собеседника, — и психологии покупателя. Я неплохо рисую, и дизайн давался мне легко. Знаешь что, давай погуляем? Не хочется сидеть в такую погоду за столом.

— Давай, — согласился Крутов.

Они предупредили Аксинью, что еще вернутся пить чай, и по тропинке между огородами вышли к пруду, в котором когда-то молодой Крутов ловил рыбу и стрелял из самострела по лягушкам. Шел девятый час вечера, жара ушла окончательно, природа благоухала, пребывая в тишине и спокойствии, душа ждала какого-то чуда, и хотелось говорить стихами.

— В общем, стайлингом я занималась недолго, — вспомнила Елизавета о теме разговора, искоса глянув на задумчиво-умиротворенное лицо Егора, — в начале карьеры. Теперь я служу в отделе по работе с клиентами, разрабатываю полную

рекламную концепцию каждого. Продолжать? — Лиза снова искоса посмотрела на Крутова.

— Очень интересно! — поспешно сказал он.

— Ну а в полную рекламную концепцию входит куча всякого рода брифов: рекламные цели, маркетинговые цели, общая целевая аудитория, исследование конкретных разработок, рынка вообще, выбор СМИ, разбивка бюджета по позициям, дизайн макетов, выбор времени проведения кампании и тому подобное. Кроме того, я ищу подрядчиков, устанавливаю контакты с видеостудиями, работаю с крупными модельными агентствами, даже с такими, как «Red Stars» и «Modus Vivendis». Все понял?

— Так точно! — вытянулся Егор, не моргнув глазом, потом подошел к воде поближе, разглядывая кувшинки в десятке метров от берега. — Но ведь для этого надо знать чертову уйму тонкостей!

— Главное — нужно знать Пи-Си компьютер вдоль и поперек, иначе не справишься ни с одним проектом.

— Ты знаешь?

Елизавета засмеялась.

— А как ты думаешь? Или мне вручили должность менеджера за красивые глаза?

Крутов оценивающе оглядел лицо девушки и серьезно кивнул:

— Я бы так и сделал. — Потом, не предупреждая, вдруг вошел в пруд по пояс, сорвал три кувшинки и вручил Елизавете. Ее широко раскрывшиеся глаза сказали ему, что она чувствует, и Крутов, толком еще не разобравшись в своих собственных ощущениях, не желая размышлять, что соединило его с девушкой, внезапно понял, что это судьба!

Их руки и губы встретились, поцелуй был таким долгим и нежным, что оба как бы растворились в нем, едва не задохнувшись, и лишь спустя несколько минут она тихо спросила, все еще прижимаясь к нему всем телом, так что он чувствовал сквозь ткань рубашки и блузки ее грудь:

— Ты не слишком спешишь, Крутов?

— Я опаздываю, — хрипло отозвался Егор, и девушка засмеялась, отодвигаясь, поправляя волосы, прижала кувшинки к лицу.

— Как давно я здесь не гуляла! С детства... Пройдемся?

Крутов послушно двинулся в обход пруда, остановился у полузатопленной коряги. Воспоминания обрушились на него, как лавина.

— Здесь меня укусила змея...

— Когда? Расскажи.

— Я тогда учился в Жуковке, жил у дядьки Ивана, а сюда приезжал на лето. Это уже в десятом классе случилось. Я ее не заметил, удочку закидывал, а она сидела под корягой. Ну и укусила. Знаешь, я боли не почувствовал, только поплыл куда-то, как от стакана самогонки. Хорошо, бабка Уля еще жива была, дала мне выпить трехлитровую банку молока, пошептала что-то, погладила, ногу разрезала... В больницу меня привезли без сознания, врач посмотрел, говорит: ну, этот не жилец... А я, как видишь, выжил.

Елизавета покачала головой, не сводя огромных глаз с лица Егора, погладила его по плечу.

— Видно, бабка твоя была целительницей, царство ей небесное! Ты у нее ничего не перенял? Каких-нибудь экстрасенсорных способностей?

Крутов подумал о своих возможностях, основанных на медитации и пробуждении сверхреакции, но говорить об этом не стал.

— Да нет, вроде бы нормален.

Елизавета фыркнула.

— Был бы нормален, не целовал бы ведьму. У меня в роду одни колдуны да ведуньи были, то сглаз лечили, то порчу снимали, то кровь заговорами останавливали. Даже мама умеет это делать.

— А ты?

— И я тоже. Уверен, что я тебя не околдовала?

Они вышли на поляну за прудом, окруженную березняком. За поляной начиналось болотце, где молодой Крутов когда-то собирал крапиву для подкормки домашних кур. Не отвечая на вопрос Лизы, он вслух медленно прочитал:

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Тихой пустоты...

Елизавета оглянулась, недоумевающая и заинтересованная.

— Ты любишь Блока?

— Не то чтобы люблю, но знаю, у него есть замечательнейшие строки. Бальмонта уважаю, Верхарна, Рубена Дарио. А ты?

— Я деревенская девчонка, и вкусы у меня деревенские, поэтому я люблю Есенина.

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

— Это хрестоматийное. Больше ничего не помнишь?

Крутов наморщил лоб.

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я, привет тебе, привет!

Елизавета покачала головой, засмеялась, хотя глаза ее затуманились, погрустнели. Вполне вероятно, она вспоминала сейчас какую-то не слишком веселую страницу своей жизни. Крутов так и не решился задать ей вопрос, как ей жилось и была ли она замужем.

— А вот это помнишь?

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок...

Крутов качнул головой.

— Читал, но не помню.

Лиза взялась рукой за ствол березы, обошла ее кругом, глаза ее стали и вовсе темными и печальными.

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?..

Прервала себя, оборачиваясь к наблюдавшему за ней Егору.

— Что ж ты не спросишь, замужем я или нет?

— А это существенно? — осторожно сказал он.

— Конечно, нет, — со странным смехом ответила она, убегая вперед, касаясь берез ладонью. — Но замужем я уже побывала и больше не хочу. Так что не зови.

Крутов не нашелся, что ответить, гадая, что на нее нашло, двинулся следом, потом побежал и встал у нее на пути. Однако обнимать и целовать не стал, тонко чувствуя ее настроение. Ее ресницы удивленно взлетели вверх, Лиза почувствовала его желание и одновременно железное самообладание, насмешливо оглядела его лицо.

— Ты сильный, Крутов, но, боюсь, и ты не в силах мне помочь. Ребят у киоска возле гришанковской хаты видел?

Егор кивнул.

— Один из них — брат моего бывшего мужа. Как и почему он оказался здесь и что делает, я не знаю, но проходу он мне не дает, следит... — Она передернула плечами. — Все пытается вернуть заблудшую овечку в загон брата...

— А ты?

— Я давно указала бы им на дверь, да боюсь. Муж замешан в каких-то криминальных делах, всегда приезжает с телохранителями, все надеется... даже тут меня достает, стариков моих уговорил... а я не могу на него смотреть!

— Чего же боишься, коли не любишь и в разводе?

— Не в разводе, Егор Лукич, в том-то и дело. — Елизавета отвернулась, смахивая повисшую на ресницах слезу, улыбнулась невесело. — Такие вот дела. А боюсь я не за себя. Полгода назад появился у меня ухажер, хороший парень, специалист по маркетингу, нравился мне очень... а они его подстерегли однажды и... в общем, калека он теперь, ходит без глаза...

Крутов подошел ближе, обнял девушку, осторожно вытер ей глаза кончиком платка, потом поцеловал оба.

— Как сказал бы Вишневский: не от хорошей жизни вас целую. Успокойся, все будет хорошо. Мой глаз твоему мужу не по зубам. А почему ты развод не взяла?

Елизавета глубоко вздохнула, улыбнулась, взяла его под руку.

— Не будем об этом. Всему есть причина. У него связи чуть ли не во всех властных кабинетах Брянска, мэр города его отец. Ни одно мое заявление до суда не дошло... В общем, Егор Лукич, не повезло тебе, брось-ка ты обхаживать Лизку Качалину, выйдет это тебе боком.

— Ну уж извини, этого не дождешься, не брошу!

Она остановилась, поворачиваясь к нему лицом, раскрывая глаза шире, и плавилась в них такая надежда и признательность, что Крутова шатнуло. Он притянул ее к себе, слабо сопротивлявшуюся, и поцеловал, как давно уже никого не целовал — до эйфорического головокружения. Наверное, он мог бы пойти и дальше, но, ощутив под руками упругую грудь и почувствовав, как Лиза вздрогнула, вовремя остановился. Воздушный замок, который он начал было строить в мечтах вопреки скептическому взгляду на жизнь, слишком легко можно было разрушить.

— Почитай мне Блока, — шепнула она, удивленная и испуганно-обрадованная его безошибочным чутьем ситуации и желанием не причинить ей боль, — то самое, что начал, про кнут.

Крутов с некоторым трудом разжал объятия, отстранился от Елизаветы, и они пошли по траве краем березняка, мимо болотца, переживая удивительное чувство взаимопонимания и единения, ощущая себя частью природы и влекомые тайной, соединившей их дороги. Девушка часто поглядывала на

него, по-новому оценивая его жесты и речь, отмечая его выдержку, собранность, внутреннюю решительность, независимость, умение держаться и убеждать, наталкиваясь на его ответный взгляд, прямой, волевой и пронизывающий, и сердце ее замирало отчего-то и шептало на своем языке: он — не он... тук-тук... он — не он... Хотелось верить, что — он...

Крутов повторил прочитанные строки и, вспомнив стихотворение полностью, с выражением продолжил:

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой так же стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт...

Что-то изменилось вокруг, словно тень накрыла солнце, скатившееся к горизонту, хотя небо было глубоким и чистым, без единого облачка. Крутов замедлил шаги, остановился, уже поняв, в чем дело. Из-за кустов слева от болотца вышли навстречу трое парней, среди которых Егор узнал длинноволосого смуглого красавца с серьгой в ухе и белобрысого крепыша с наколками. Третий был в два раза шире каждого и напоминал двустворчатый шкаф, обзаведшийся короткими и толстыми ногами. Квадратная челюсть его вполне могла бы принадлежать гигантопитеку.

На всех троих были одинаковые рубашки защитного цвета с четырьмя кармашками и стоячим воротником — последний писк моды, серые джинсы и кроссовки «хард» с металлическими заклепками по всему канту. Почему-то именно они привлекли внимание Крутова. Такая обувь была одинаково удобна как для драки, так и для бега, и носили ее все спецформирования Министерства обороны. Парни явно не были обычной гражданской шпаной.

— Эй, спортсмен гребаный, — сказал смуглолицый абориген с серьгой в ухе, — мы тебя предупреждали по-хорошему. Что же это ты чужих замужних баб лапаешь и целуешь?

Елизавета вспыхнула.

— Гафур! Что вам здесь надо? Я не просила следить за мной!

— А тебе слова не давали, — наставил на нее палец белобрысый с наколками. — Сделай фокус — смойся с глаз, с тобой потом разбираться будем. Георгий будет очень недоволен твоим поведением.

— Я свободный человек! Борис, я требую!..

— Требовать будешь соску у мамаши дома, иди, а мы тут поговорим с твоим хахалем.

Елизавета беспомощно посмотрела на Крутова, и тот успокаивающе погладил ее по плечу.

— Подожди меня у пруда, я скоро догоню.

Девушка, непрестанно оглядываясь, обошла троицу и остановилась за кустами, кусая губы и сжимая кулачки, решив посмотреть, что будет. Троица двинулась к Егору, заходя с двух сторон.

— Мужики, — проникновенно сказал Крутов, — лучше бы вам не связываться со мной. Человек я мирный, никому зла не желаю, но всегда готов ответить адекватно. В данном же случае все не так просто, как вам кажется. Девушка не желает жить с твоим братом, парень, и заставлять ее не стоит, и следить за ней не надо. Она действительно свободный человек. Ферштеен зи?

— Заткнись! — скривил губы белобрысый Борис. — Тебя предупреждали, ты не внял, теперь придется тебя слегка поучить. Не сможешь уехать отсюда сам, вызовем «Скорую».

Крутов вздохнул. Его миролюбивое поведение воспринималось этими безмозглыми качками как проявление слабости, и убедить их в обратном можно было только наглядно. И все же первую атаку он пропустил.

Они бросились на него не всем скопом, а согласно тактике групповых действий (что говорило об их принадлежности к какой-то военизированной организации): длинноволосый Гафур отвлек его внимание, а Борис тут же прыгнул сбоку, довольно умело нанося удар ногой в живот Крутову.

Если бы не боевые инстинкты, срабатывающие помимо сознания Крутова, схватка могла бы закончиться для него плачевно. Однако, пропустив удар (ослабив его поворотом тела и напряжением мышц живота), он тут же захватил ногу белобрысого, рванул ее вверх и ответил ударом ноги в пах. После чего, заблокировав удары Гафура (кулак в лицо, кулак в шею), Егор применил «шат» — щелчок по носу снизу вверх, что мгновенно приводит к временному ослеплению противника, и от души врезал ему в грудь ногой. Смуглолицый с серьгой кубарем покатился по толстому ковру слежавшихся листьев.

Борису к этому времени удалось разогнуться, но бойцом он был уже никаким, удар по гениталиям — это вам не пощечина, и Крутов свалил его спиралью захвата-броска за руку через локоть. Оглушенный падением брат мужа Елизаветы выбыл из борьбы окончательно. Оставался шкафоподобный бугай с челюстью, напоминавшей отвал бульдозера, но его-то как раз

Крутов боялся меньше всего, парень был громаден и ощутимо силен, но слишком малоподвижен, за полминуты с начала атаки на Крутова он успел всего лишь сделать два шага и посмотреть на своих упавших приятелей. У Крутова же в арсенале хватало приемов борьбы с такими гигантами. К тому же силой бог его тоже не обидел. Егор мог не только гнуть пальцами гвозди, но и по часу висеть над пропастью на двух пальцах, зацепившись ими за ребро скалы.

— Может быть, ограничимся поклонами и разойдемся? — предложил Егор серьезно, не замечая на квадратном лице бугая следов размышления. Скорее всего этот тяжеловес думать не умел вовсе.

— Ты мертвец, — сообщил он, надвигаясь, неожиданно жидким по сравнению с массой и размерами тела голосом.

— Тогда тебе не понравится полный контакт с мертвецом, — хладнокровно отозвался Крутов.

Бугай ударил — одной рукой-кувалдой, потом другой. Каждый такой удар, наверное, мог бы свалить быка. Однако для мастера реального боя, которым был полковник антитеррористического подразделения ФСБ, опасности они не представляли. Егор просто ушел с линии атаки поворотом тела и одновременно врезал локтем в спину бугая ниже плеча, в район третьего ребра. Но и его удар не достиг цели. Гигант его почти не почувствовал, только сделал полшага вперед, пытаясь определить, куда девался его противник.

— Ну ты и бронепоезд! — с невольным восхищением проговорил Крутов, ощупывая занывший локоть. — Тебя, наверное, только гранатометом и можно взять!

— Егор! — вдруг крикнула видевшая драку Елизавета. — Сзади!

Но Крутов и сам почувствовал движение за спиной, упал вперед, спасаясь от удара палкой сзади, перекатился на бок, выполняя тэнкай — «круг нейтрализации», и уронил бугая ударом ноги под колено. Вскочил разгибом вперед (учитель называл этот прием «тати-нагарэ») и успел перехватить еще один удар палкой. Захватил руку нападавшего, выкрутил влево и вверх, церемониться не стал — влепил ногой по гениталиям и Гафуру.

— Хватит, Егор! — снова окликнула его Елизавета.

Крутов остановился, оглядел поверженных соперников, из которых мог продолжать бой лишь мало получивший бугай с квадратной челюстью, вытянул навстречу ему растопыренную ладонь:

— Остынь, бронепоезд, защита хозяина — дорогое удовольствие, оправдывается редко.

— Оставь его, Хряк, — сквозь зубы прошипел Борис, вставая с явным трудом. — Мы с ним еще поговорим... по душам.

— Мадам, не улыбайтесь, это страшно... — пробормотал Егор и не спеша направился к вышедшей из-за кустов Елизавете, круглые глаза которой говорили сами за себя.

— Мне говорили, что ты в каком-то спецназе, но я не представляла...

— И не надо, — добродушно сказал Крутов, дотрагиваясь до саднящего места на животе, куда пришелся удар ногой Бориса. — Это совсем не так красиво, как подается в кинобоевиках.

От ее внимания не ускользнул жест полковника.

— Что это ты за живот держишься?

— Попал, каратист хренов. Пустяки, до свадьбы заживет.

Елизавета остановила его, заставила задрать рубашку, и Егор обнаружил у себя ссадину с темной полосой гематомы — след заклепки на кроссовке Бориса.

— Ерунда, не стоит беспокоиться.

— Давай полечу.

— Я же говорю, заживет...

Елизавета отняла его руку и положила на живот свою ладошку, закрыла глаза. Коже стало горячо, внутри мышц началось какое-то странное щекочущее шевеление. Постояв с минуту, Лиза несильно надавила на живот ладонью, потом прошептала что-то, пальцами второй руки погладила кожу вокруг ладошки, отчего по спине Егора пробежали приятные мурашки, и сняла ладонь. Крутов глянул на живот и не поверил глазам: ссадина и гематома исчезли!

— Ну как? — слабо улыбнулась Елизавета, открывая глаза.

— Ведьма! — искренне восхитился он, обнимая и целуя девушку так, будто они были в лесу одни. Ругань, шелест и возня приходящей в себя троицы не волновали уже ни его, ни Лизу.

В деревню они вернулись, когда совсем стемнело. Попили чаю вместе с Осипом и Аксиньей, и Егор проводил девушку домой.

— Знаешь что, давай пойдем завтра по грибы? — вдруг загорелся он. — Дядька целую корзину белых и подосиновиков приволок, а я тоже места знаю.

— Почему бы и не сходить? — кивнула Елизавета, пребывая все это время в задумчивом состоянии; она вдруг поверила, что может окончательно порвать с прошлым и начать новую жизнь. Уверенность и мастерство Крутова произвели на нее

сильное впечатление. Хотя сам Крутов в душе считал, что родственник и телохранители неведомого Георгия, мужа Лизы, могут пойти и на более эффективные меры вплоть до применения оружия, а воевать Егор ни с кем не хотел.

— Тогда встаем в шесть утра и в полседьмого выходим, я стукну в окно. О'кей?

— Ол райт, — засмеялась девушка.

В рассеянном свете фонаря, освещавшего киоск коммерсантов, загадочно и маняще блеснули ее глаза, Крутова с огромной силой повлекло к девушке, задыхаясь от чувств, не понимая, что с ним творится, он обнял ее, целуя лицо, шею, губы, грудь, и резко отодвинулся, уловив тревожный толчок сердца и удержав язык от признания в любви. Его остановил не рассудок, а некое высшее чувство, глубинное понимание сути явления, видение ауры девушки. Эти слова не следовало произносить под влиянием минуты, чтобы не разочаровать Елизавету впоследствии и не разочароваться самому. На ум пришли строки Константайна, потрясшие когда-то Егора:

Не раньте ангелов словами.
Они открыты, словно дети.
Дарите ласку им. За ней
И сходят к нам созданья эти...

И тогда она, женским чутьем угадав, что творится в его душе, сама обняла его и поцеловала...

Прервал их объятия и полет в астрале лишь скрип двери дома: отец Елизаветы вышел на улицу, чтобы посмотреть, кто стоит с его дочерью.

* * *

В семь утра они перешли по мостику через ручей, впадающий в маленькую тихую речку Добрушку, и углубились в лес, простиравшийся на десятки километров на север и восток Брянщины. Крутов был одет, как завзятый грибник, в спортивный костюм, ветровку, головной убор под названием панама и кеды — вместо сапог; в руках он нес вместительную ивовую корзину и подаренный бетдаггер вместо грибного ножика. Елизавета, впервые увидев необычной формы нож, попросила его поносить, но Крутов дал ей всего лишь подержать «летучую мышь», способную резать, колоть и рубить.

На девушке были джинсы, футболка, ветровка, платок и сапожки, а корзину она несла вдвое меньшую — туесок из березовой коры.

Оба понимали, что поход за грибами лишь предлог побыть

вдвоем, однако делали вид, что выбрались в лес, чтобы полюбоваться природой, насладиться ее вечным покоем и отдохнуть от городского шума, и обоим эта игра нравилась, будто к ним вернулись школьные годы, беззаботная и ветреная юность. Лиза взяла с собой видеокамеру, запечатлела на кассету переход Крутовым мостика, потом они поспорили, кто будет нести камеру дальше, поцелуй их помирил, и камера осталась у Елизаветы.

Обычно Крутов начинал грибные маршруты с березняка за болотцем на окраине Ковалей, однако на этот раз решил сразу повести девушку за Добрушку, в сторону Николаевки, где в дубовой роще всегда собирал боровики.

За речкой пошли смешанные березово-сосновые леса, сменявшиеся в низменных местах осинничками с кленами и дубками, где росли подберезовики и подосиновики. За час похода грибники набрали по полкорзины молоденьких красноголовиков, и настроение у обоих поднялось до возвышенно-мечтательного, умиротворенного, жизнерадостного. Забылись беды, невзгоды, неприятные встречи, заботы, рутинные дела, впереди маячила призрачная фигура птицы счастья, обоим было весело и хорошо, и поцелуи их, будоражащие душу и заставлявшие чаще биться сердце, были как бы прологом будущих наслаждений.

В девять часов вышли к Бурцеву городищу, и Елизавета долго снимала со всех сторон осевший, десятиметровой высоты курган, частокол заостренных бревен вокруг вершины, почерневших, но до сих пор не сгнивших, хотя возраст их перевалил за тысячу лет. А вот идол, венчавший вершину холма, к которому любил взбираться Крутов, исчез. И еще одна деталь неприятно поразила Егора — раскоп. За кучей валунов у подножия кургана виднелось целое поле свежевырытой земли площадью с волейбольную площадку. Складывалось впечатление, что подножие и часть склона холма перекопали любители старинных кладов.

Крутову вспомнился сон с человеческими руками, торчащими из разрытого кургана, и настроение его упало.

— Пойдем, — подошел он к увлеченной видеосъемкой, раскрасневшейся Елизавете, не отрывающейся от видоискателя камеры. — Скоро станет совсем жарко, а мы еще не добрались до места.

Девушка с видимым сожалением закончила съемку, сменила кассету, и они углубились в чащобный елово-сосновый лес, который Осип называл раменьем. Однако до дубовой рощи добраться им не удалось.

Сначала путь преградила асфальтовая лента дороги, о которой говорил Осип, что она будто бы ведет аж до Минско-Московской трассы. Выйдя на дорогу, Егор и Лиза посмотрели в одну сторону, в другую, потом друг на друга, и Крутов покачал головой.

— Чудеса в решете, да и только. Кому понадобилось класть асфальт по нашим болотам?

— Здесь недалеко начинается запретная зона, — задумчиво проговорила девушка. — Какая-то воинская часть стоит. — Она помолчала, теряя жизнерадостность. — Я слышала краем уха, что якобы это не то экспериментальный военный полигон, не то военная лаборатория.

— От кого слышала? — подозрительно прищурился Крутов.

— От деда моего, — отрезала девушка и, видя, что он готов обидеться, с неохотой добавила: — От Георгия слышала...

— А он откуда знает?

— У него очень широкий круг знакомств. — Лиза вдруг рассердилась. — Что ты меня пытаешь? Я передаю только то, что слышала.

— Дядька мне говорил, что к брату твоего мужа раз в месяц компания приезжает на крутых машинах, поразвлечься, попариться в баньке. Не отсюда ли?

— Ну что тебе до этого?.. — Елизавета замолчала, прикусив губу, потом прямо посмотрела на флегматически рассеянное лицо Егора, призналась: — Знаешь, я об этом не думала. Может быть, ты прав. Но что из этого следует?

— Да ничего особенного. Я просто размышляю вслух. Но чует мое сердце, странные дела тут у вас делаются. Ну, потопали дальше?

Они сошли с узкой асфальтовой ленты со следами протекторов (ездили на каких-то тяжелых машинах), углубились в лес, но через двести метров уперлись в забор из колючей проволоки высотой метров в пять. Он был двухрядным и добротным, сделанным надолго и прочно. Вместо столбов использовались стволы деревьев, вершины которых были спилены. И вдоль забора с той стороны Крутов увидел протоптанную тропинку, что говорило о наличии живой охраны зоны.

— Похоже, белых грибов нам сегодня не видать, — глубокомысленно сказал Крутов. — Но контора здесь устроилась серьезная, если судить по дороге и колючке. Сними-ка эту изгородь на пленку.

— Зачем?

— Пригодится когда-нибудь.

Елизавета послушно подняла видеокамеру, и в тот же момент слева, метрах в двадцати, раздался чей-то голос:

— Эй, телеоператоры, а ну прекращайте съемку!

По ту сторону изгороди зашевелились кусты акации, за деревьями замелькали тени, и на свободное от кустов пространство вышли двое угрюмого вида мужчин в пятнистых комбинезонах и беретах, с автоматами через плечо.

— Здесь снимать запрещено, — продолжал один из них, лобастый, темноволосый, с глубоко посаженными прозрачно-серыми глазами и морщинистым лицом. — Поворачивайте и валите отсюда подобру-поздорову.

— Кем запрещено? — полюбопытствовал Крутов, сразу оценив профессиональную подготовленность охранения: один прикрывал второго, а оба двигались по-особому гибко и свободно.

— Не твоего ума дело. Сказано — поворачивай, значит, поворачивай.

Второй, что шел сзади, худой и горбоносый, со впалыми щеками дистрофика, но жилистый и сильный, коснулся спины напарника и кивнул на нож в руке Крутова, который тот не успел спрятать. Они о чем-то заговорили, понизив голос, в то время как Егор и Елизавета, переглянувшись, начали отступление. Тогда морщинистолицый окликнул Крутова:

— Эй, малый, а ну подойди ближе.

— Зачем? — оглянулся Егор.

— Кидай сюда свой ножик.

— Иди, не останавливайся, — одними губами бросил Крутов девушке, сам же приостановился на секунду.

— А больше ты ничего не хочешь, лягушка пятнистая?

— Двигай сюда, я сказал! — Часовой заученным движением снял «калашников» с плеча, поднял ствол и спустил скобу предохранителя. — Не то уложу на месте!

— Какой ты храбрый, — хмыкнул Крутов, подбрасывая бетдаггер с особой подкруткой, поймал нож и одним точным безошибочным движением воткнул его в чехол на поясе. — Может, посоревнуемся, кто окажется быстрей, ты или я?

Парни переглянулись, и в то же мгновение Крутов взял т е м п и исчез в кустах, догоняя ушедшую вперед Елизавету. Наверное, он произвел впечатление на сторожей за колючей проволокой, а может быть, они только пугали грибников, во всяком случае, стрелять вслед молодой паре они не стали.

— Зря ты их дразнил, — сказала девушка, когда они снова выбрались на асфальтовую дорогу. — Таким, как они, ничего не стоит убить человека.

— Здрасьте, — поклонился Крутов, — с какой это стати я должен был отдать им нож? И с какой это стати они открыли бы огонь по мирным гражданам? Партизанские войны в этих краях кончились еще в сорок четвертом году.

— В сорок третьем.

— Тем более. Кстати, куда ты так спешишь? Во-первых, мы не завтракали, во-вторых, не набрали боровичков. Я знаю еще одно место неподалеку, завернем туда...

Елизавета замедлила шаг, но не остановилась, лицо ее стало хмурым и озабоченным.

— У меня дурное предчувствие... — Она передернула плечами. — И оно меня никогда не подводило. Что-то случилось в деревне. Пошли домой.

— Ну вот еще! Что там может случиться?

— Я тебя прошу.

Егор подумал, молча догнал ее и ускорил шаг.

В Ковали они вошли в половине одиннадцатого, сразу увидев столб дыма посреди села: дымилась куча угля и золы, оставшаяся от коммерческой палатки. По деревне ходили потерянные жители, многие из них, в основном женщины, собрались возле гришанковской хаты, у которой были выбиты стекла. Во дворе дома стоял «уазик» «Скорой помощи», на земле лежал человек в окровавленной рубашке, а над ним склонились двое мужчин в белых халатах.

— Что случилось? — спросил Крутов у женщин возле соседнего дома, ища глазами своих, потом увидел на улице четкие следы колес и понял, что в деревне побывала банда на мотоциклах. С плачем к нему кинулась тетка Ксения, за ней подошла сестра Лида.

Через минуту он узнал, что Осипа и Аксинью подстрелили подонки, ворвавшиеся в село, и что обоих уже увезла машина реанимации. Пострадали и коммерсанты: одного из них, смуглолицего Гафура, ранили в грудь и в ногу, второму — старшему из продавцов, проломили голову; именно он и лежал в палисаднике у дома. Бориса, брата мужа Елизаветы, в момент нападения в деревне не было, прибыл он буквально за минуту до возвращения Крутова и Лизы из леса и на их появление лишь бешено сверкнул глазами. Подходить к ним не стал.

— Когда они уехали? — спросил Егор, прижимая к себе плачущих женщин, вдруг понимая, что его план мирного отдыха на природе рушится на глазах.

— Еще девяти не было, — опомнилась сестра Лида, вытирая слезы.

— Я пойду к своим? — тихо проговорила Елизавета.

— Иди, — кивнул Крутов, добавил торопливо: — Расспроси там, что они видели. Сколько их было?

— Человек двадцать, — еле выговорила бабка Ксения.

— Семь или восемь, — покачала головой Лида. — Все такие черные, страшные... на таких огромных мотоциклах... полезли по домам, стали отбирать деньги, еду... Дед Осип шуганул одного, а дружки полезли в драку. Он за ружье, они за автоматы...

— А бабу Аксинью как подстрелили?

— Ее не подстрелили, сильно побили. Она вступилась за деда... один ударил ее ногой, потом прикладом...

Крутов стиснул зубы. В голову шибануло волной ненависти, в глазах поплыл кровавый туман. Усилием воли он задавил ненависть, голова стала чистой и холодной. Не обращая внимания на причитания и вопросы бестолково суетящихся женщин, он быстрым шагом направился к дому и сразу же обнаружил, что колеса его «Рено» пробиты. Догонять бандитов было не на чем. Присев на корточки, Егор потрогал спущенные шины, выругался сквозь зубы и вдруг услышал шаги. Стремительно обернулся.

На него из-за свежесобранного стога сена смотрел светловолосый молодой человек, в котором он не сразу узнал нового знакомого, Панкрата Воробьева.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН

ВОРОБЬЕВ

К обеду подразделение милиции и следователь Жуковской районной прокуратуры уехали, и деревня опустела. Женщины еще продолжали судачить о случившемся, но всех ждали дела, некормленая и недоеная скотина требовала забот, и сельчане разбрелись по домам, садам и огородам. Ковали снова превратились в идиллически мирную деревеньку конца двадцатого века, еще не исчезнувшую с лица земли, но уже постепенно приходящую в упадок по причине старения. Средний возраст ее жителей уже давно перевалил за пятьдесят лет.

После того как все следственные процедуры закончились, Крутов уехал на мотоцикле родственника в больницу навестить своих пострадавших дядю и тетю, и Панкрат остался один в его доме. Он ждал известий от своих разведчиков, помчавшихся вдогон за бандитами. В принципе он мог быть доволен своей прозорливостью, позволившей ему определить предполагаемый район удара банды и примчаться к месту

происшествия буквально через час после нападения на деревню. Но столь открытое и наглое нападение заставляло задуматься, и Панкрат час просидел на веранде дома Крутова, размышляя над случившимся, пока не пришел к выводу: банда имела не только аналитиков, просчитывающих объекты операций, но и какую-то серьезную «крышу», позволявшую ей не слишком беспокоиться о возможных последствиях своих действий. Самыми же надежными «крышами» в данной ситуации следовало считать две конторы: милицию и армию. А поскольку милиция в последнее время, по данным разведчиков Воробьева, сама понесла потери в результате контактов с бандитами, предполагать ее участие в деятельности банды было трудно, хотя этот вариант и не исключался, и Панкрат переключил свое внимание на военные объекты района и области. В непосредственной близости от Ковалей располагалось три таких объекта плюс охраняемый склад ГСМ, разведчики отправились по адресам, и теперь надо было лишь ждать результатов разведки, сдерживая Крутова, который рвался преследовать банду и воздать каждому по справедливости.

В час дня из больницы вернулся хозяин, с виду сдержанно спокойный, хладнокровный и целеустремленный. Панкрат с удовольствием оглядел его ладную, сильную, мускулистую, хотя и не слишком накачанную фигуру, худощавое, узкое, замкнутое лицо с крутым лбом и умными, все понимающими, карими, с желтым блеском глазами, способными становиться теплыми либо ледяными, в зависимости от чувств. Этот тридцатипятилетний ас из спецгруппы ФСБ, вынужденный уйти в отставку из-за какой-то несогласованности и безответственности командиров, знал и умел многое и был отличным кандидатом в команду «Час», но Панкрат не хотел торопить события и удочку в этом направлении пока не закидывал. Всему свое время, подумал он, в том числе и время собирать камни. Поинтересовался, имея в виду больницу:

— Ну, что там?

— Дядя потерял много крови, но выживет. Уже в сознании и пытается веселить больных и медсестер. У тети разорвана подвздошная сумка и сломано ребро, бил ее специалист, но в общем ничего страшного. Врачи там неплохие, поднимут на ноги.

— В Жуковке?

— Их отвезли в Фошню, тут рядом, в трех километрах. Год назад американцы построили в Фошне реабилитационный центр, вся губерния лечиться ездит. Узнал что-нибудь?

— Терпение, мой друг, терпение, разведка дело не быстрое,

сам знаешь. К вечеру, я думаю, кое-что знать будем. С милицией больше не общался?

Крутов постоял возле веранды, поглядывая на дом соседей, потом с видимым усилием пошел к себе. Сказал на ходу:

— Разговаривал с дежурным в Фошне. Послал он меня...

— Ясно. Значит, ничего у них нет. Может, чаю попьем?

— Сейчас обедать будем. — Крутов появился через минуту переодетый в джинсы и такую же рубашку с короткими рукавами. — К нам никто не заходил?

— Кого ты имеешь в виду? — прищурился Панкрат. — Соседка приходила, тебя спрашивала. Симпатичная молодая аборигенка, очень сексуальная.

Крутов на словах «очень сексуальная» сдвинул брови, и Панкрат с усмешкой поднял руки вверх.

— Понял, понял, это она... губа у тебя не дура, Егор... э-э, как там тебя по батюшке? Лукич? Вкус у тебя почти безупречен, Егор Лукич.

— Она замужем.

— Ну, это делу не помеха... шучу, шучу, вижу, что у тебя серьезные намерения. Сходи к ней, успокой.

Крутов загремел чугунками и тарелками у печки, налил щей, нарезал хлеба, и вскоре они обедали на веранде, где было не жарко и свежо, несмотря на жару снаружи.

— Гаишника встретил... — проговорил Крутов как бы между делом, — на мотоцикле.

— Ну и что? — насторожился Воробьев.

— ГАИ у нас только в Жуковке, в села заезжает редко, а тем более — гоняет по лесным дорогам на роскошном «Харлее» с кучей прибамбасов.

— Та-ак. — Воробьев отставил тарелку. — Ты думаешь?..

— Ничего не думаю. Он ехал из Петуховки и свернул на проселочную дорогу, которая скорее всего выходит за речкой на новую асфальтовую трассу.

— Понятно. — Панкрат достал рацию, щелкнул кнопкой. — Второй, я Первый, как слышишь? Прием.

— Хорошо слышу, Первый, — почти сразу же ответила рация. — Готов к докладу.

— Погоди с докладом. Прочеши-ка район Петуховки и лес севернее реки Добрушки на предмет выявления постов ГАИ. Как понял?

— Понял нормально, Первый, выполняю.

— Сразу после рейда ко мне.

Панкрат выключил рацию, снова принялся за еду.

— Подождем. ГАИ — тоже интересный вариант для создания «крыши». Кстати, знаешь, кто был первым на Руси гаишником? Соловей-разбойник. Он нес дозор на перекрестке дорог, свистел и грабил проезжающих.

Крутов на шутку не прореагировал, только поморщился.

— Еще что-нибудь заметил?

Крутов покачал головой, думая о своем.

— Никак не возьму в толк, почему они действуют так нагло. И почему в качестве объекта для нападения выбрали Ковали, маленькую деревушку с единственным коммерческим ларьком. Всего-то и взяли — ящик водки, консервы да пару тысяч деревянных...

— Все дело в «крыше», Егор. Есть у меня кое-какие версии на этот счет, сейчас они проверяются. Не гони лошадей, подождем. Вспомни китайскую стратагему номер шестнадцать: если хочешь схватить, прежде дай отойти.

Крутов промолчал, с видом флегматика доедая щи. В свое время он изучал китайские стратагемы — тридцать шесть китайских секретов успеха в воинских делах, поэтому знал точное значение стратагемы номер шестнадцать, но говорить об этом не стал. А Панкрат вдруг ощутил, насколько напряжен его новый приятель. Подумалось: если бы не я, парень уже разыскивал бы бандитов сам.

— Как ты думаешь, как у них поставлен дележ добычи?

— Что? — не сразу понял вопрос Егор. — Львиная доля небось идет вожаку. Зачем тебе это знать?

— Да просто любопытно, — хмыкнул Панкрат. — Знаешь, как у русских казаков делилась военная добыча? Лишь одна десятая шла царю, то есть главному «вожаку», такая же доля отходила храму, еще одна десятая самим казакам и семь десятых — вдовам и сиротам.

Крутов непонимающе уставился на Воробьева.

— Ты к чему клонишь?

— Просто анализирую. У бандитов, конечно, расклад иной. Да перестань ты копаться в себе самом, возьмем мы этих лихоимцев, возьмем.

— Я не сомневаюсь. — Егор собрал посуду и через минуту вышел из дома. — Я сейчас.

Панкрат посмотрел, как он заходит к соседям, и понимающе усмехнулся. Если бы у него был такой раздражитель под боком, как соседская дочь, он тоже вряд ли усидел бы дома и остался спокоен, как скала.

Крутов вернулся через полчаса, а вслед за ним приехал на джипе Барков, координирующий действия разведчиков. Пан-

крат познакомил их, и все трое уединились не на веранде, а в спальне Егора, будто это гарантировало их от прослушивания.

— Они нигде не засветились, — сообщил бывший подполковник, с любопытством приглядываясь к хозяину дома. — То есть ни в одном селе их не видели!

— И о чем это говорит? — отеческим тоном осведомился Воробьев.

— О том, что у них где-то здесь недалеко база.

— Предположения, версии?

— Воинская часть. Некоторые следы мы все же обнаружили. Километрах в пяти от деревни проходит хорошая асфальтовая дорога, Родик понюхал ее и определил, что по ней недавно проехала группа мотоциклистов. А деваться им, кроме как на территорию воинской части, некуда. Я оставил там ребят, они понаблюдают за солдатиками и доложат, если обнаружат интересующие нас объекты.

— А если нет?

— Тогда остается другой вариант: болота. Но для их прочесывания у нас нет никаких средств. В первую очередь нужен вертолет, во вторую собаки.

— Погодите, — вмешался внимательный Крутов. — О какой воинской части речь? Тут их как минимум три. На одну я сегодня напоролся с... со спутником, когда ходил по грибы, расположена километров в пяти на север.

— Эта на западе. Судя по всему, там стоит радиотехнический батальон.

Крутов повернул голову к Панкрату, отрицательно качнул головой.

— Вряд ли банда прячется на территории батальона... если только он не липовый.

— Не липовый вроде, все чин по чину: локатор, куча антенн, КПП, охрана.

— Тогда их там нет. Настоящая армия не потерпит криминальной связи с байкерами. Поищите следы в зоне на севере. Оч-чень странная территория. Охраняется, как государственная граница, но при этом часовые не носят знаков отличия на форме.

Панкрат и Барков переглянулись.

— Да оставил я там двоих, оставил, — пожал плечами зам Воробьева. — На всякий случай. Но все же считаю... — он не договорил, запищала рация. — Слушаю, Второй.

— С территории зоны два выехал гаишник на мотоцикле, — доложил наблюдатель.

— Куда направился?

— На восток, в сторону Николаевки.

— Один за ним, на цыпочках, второй — продолжать наблюдение за зоной.

Барков выключил рацию, посмотрел на собеседников; оба насторожились и напружинились.

— Один мотоциклист только что выехал с территории северной зоны. В форме инспектора ГАИ.

— Едем? — встал с кровати Крутов.

— Не спеши, — мягко возразил Панкрат. — Необходимо действовать наверняка.

Крутов мгновение смотрел в пол, излучая нетерпение и недружелюбие, не направленное, впрочем, на гостей, потом расслабился и расправил плечи.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю.
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

— Стихи твои? — уважительно проговорил Панкрат.

— Некрасова, — усмехнулся Крутов. — Ладно, ждем. Что-то я сегодня несобран. Чаю хотите? Могу кофе сварить. А у дядьки в погребе десятилитровая бутыль медового квасу стоит. Принести?

— Давай, — кивнул Панкрат.

Когда Егор принес всем по кружке исключительно вкусного холодного кваса, наблюдатели Баркова сообщили, что гаишник на мотоцикле свернул к складу ГСМ, а из зоны на севере выехали еще два мотоциклиста.

— Они! — поднялся Панкрат. — Чует мое сердце, это они! Собирай команду, Витя. Не трогай только жуковских, пусть контролируют милицию.

К складу горюче-смазочных материалов, расположенному в шести километрах от Фошни, на берегу небольшой речушки Березны, команда Панкрата подъехала к пяти часам дня. Разведчики уже обосновались там, наблюдая за территорией склада с двух сторон.

— Мотоциклисты в наличии, — сказал один из них по имени Родион, высокий, как жердь, и такой же худой. — Еле устерегли. Гоняют по буеракам, как на соревнованиях, только треск стоит. Хорошо, что дороги здесь петляют, словно кишки в животе.

Панкрат взял у него бинокль, высунулся из-за елового молодняка на пригорке, откуда склад ГСМ был виден как на ладони.

Территория склада, обнесенная двумя рядами колючей проволоки, была невелика — сто на сто метров, и вмещала всего четыре штабеля металлических бочек, три цистерны, одна из которых была врыта в землю, небольшой автопарк в четыре военных заправщика, плюс старенький «газик» по прозвищу «козел» и две новенькие машины: «Газель» и «бычок». Кроме того, здесь имелись: караульное помещение, вышка с часовым, небольшое кирпичное строение без окон, низкий деревянный барак и совсем маленький, на две комнаты, домик комендатуры, где жил комендант склада, пожилой старлей. Мотоциклы «гаишника» и его приятелей стояли возле этого домика.

— Часовых трое, — пробубнил Родион в спину Панкрата. — Один на вышке, двое у ворот. Контингент еще тот — все в дымину! Можно брать голыми руками. Смена дожидается своего часа в караулке — трое. Двое водил ковыряются в моторах на площадке. Кроме коменданта, в его халупе находятся две женщины. Плюс мотоциклисты.

Панкрат передал бинокль Крутову.

— Поразмяться с девочками приехали. Непостижимо высоки ндравы в родной армии! Что скажешь, Лукич?

— Никакой стрельбы! — тихо сказал Егор. — Эти пацаны не виноваты.

— Обижаешь, полковник, — развел руками Воробьев. — Возьмем всех без шуму и пыли, тихо и живыми. Мы еще не озверели до степени противника. И я далеко не убежден, что в клетку попались те самые птички, что грабили твою деревню.

— Солдаты — твои, мотоциклисты — мои.

— Как скажешь, начальник. — Панкрат, не глядя на подчиненных, поднял вверх ладонь и сжал ее в кулак. Жест этот был понятен всем, в том числе и Крутову. Началась операция захвата часовых.

В другое время Панкрат дождался бы темноты и разоружил солдат в секунды, но в нынешнем положении не было уверенности, что приезжие останутся здесь до ночи, приходилось действовать днем, уповая только на выучку «мстителей».

Всего отряд Воробьева насчитывал девять человек, включая и разведчиков-наблюдателей. Однако малая численность состава компенсировалась профессионализмом каждого члена отряда, каждый из них когда-то работал в органах или был ветераном спецслужб. Двое из них, одетые в пятнистые спецкостюмы, спустились к реке и вплотную подобрались к вышке с часовым, который изредка присасывался к бутылке пива, делал три-четыре шага по периметру своей «мечети» и садился на пол. Еще трое подползли к проволочным воротам с красными звездами на створках. Где-то на задворках склада тарахтел движок, взревывал двигатель одного из заправщиков, что облегчало задачу.

Часовых сняли за несколько секунд.

Ударом ноги Барков распахнул ворота, сорвав замок, а его напарники мгновенно скрутили обалдевших солдат, находившихся в состоянии опьянения и не успевших сообразить, что происходит, заткнули им рты и связали. В то же самое мгновение те, кто стерег часового на вышке, дождались, когда он встанет на ноги, чтобы «обозреть окрестности», и одновременно метнули самодельные игадама[1], в качестве которых использовались трехсантиметровые стальные шарики, вынутые из шарикоподшипников нефтенасосных механизмов. Метили, конечно, не в голову — такой шарик мог свободно убить человека, — а в шею, но промахнулись: один шарик попал в плечо часового, другой в челюсть. Правда, этого оказалось достаточно, часовой отшатнулся, сломал перила вышки и кувыркнулся вниз. Остальная команда Воробьева точно так же технично и тихо обезоружила сменное отделение охраны и успокоила водителей, копавшихся у своих машин. Вся операция по захвату территории склада длилась четыре минуты. Крутов вынужден был признать, что его «витязи» вряд ли сработали бы лучше. Никто из охраны, руководства и гостей склада ГСМ не ожидал нападения. Они были хозяевами здешних лесов и болот и никого не боялись.

К домику комендатуры Панкрат и Егор подкрались с двух сторон, стали по обе стороны двери, прислушиваясь. Из одной комнаты доносились понятные всем стоны и охи: там занимались любовью сразу две пары. В другой разговаривали двое мужчин, с хохотом перебивая друг друга.

— И тут она нагибается, — басил один, — и я вижу трусики красного цвета. Представляешь?

— Такая строгая дама, жена полковника — и в красных? — визгливо отвечал второй. — Никогда бы не подумал. Ну а ты что?

— А я делаю вид, что поднимаю с пола авторучку, и разглядываю ее задницу...

— Счастливые люди, — раздвинул губы в презрительной полуулыбке Панкрат. — Какие красоты природы они видели! И как умеют их описать!

---

[1] Игадама — «металлические каштаны», метательные снаряды ниндзя.

Крутов легонько толкнул оказавшуюся незапертой дверь и вошел в помещение. Двое собеседников, сидевших за столом с початыми бутылками водки и закусками, замолчали и вытаращились на него. Один был толстый и обрюзгший, с жабьим лицом, с залысинами и редкими волосами на круглой голове; на нем мешком сидела кургузая полевая армейская куртка с погончиками старшего лейтенанта. Видимо, он и представлял собой местную власть, коменданта.

Второй щеголял в мундире инспектора ГАИ, и Крутов сразу узнал в нем морщинистого стража зоны, встреченного им с Лизой во время похода за грибами. Этот был опытней и намного опасней хозяина, заведующего охраной и выдачей горюче-смазочных материалов. Одно мгновение он переводил взгляд с Крутова на вошедшего следом Панкрата и вдруг метнулся к автомату, стоящему в углу помещения.

До автомата дотянуться он не успел, наткнувшись лицом на ногу Крутова. Удар отбросил его к столу, зазвенела сбитая на пол посуда.

Комендант склада привстал было со стула, багровея и силясь сообразить, что происходит, открыл рот. Егор навел на него указательный палец и сказал:

— Сидеть!

Старший лейтенант закрыл рот и сел.

Крутов шагнул вперед и перехватил выпад «гаишника», целившего носком сапога ему в колено. Ответил рубящим блоком и хлестко шлепнул его ладонью по уху. Охнув, морщинистолицый ударился спиной о стену и, зажав рукой ухо, остался в таком положении, глядя на гостей мрачным, но отнюдь не испуганным, волчьим взором.

Звуки горячей любви за стеной стихли.

— Я сейчас, — шагнул к двери в комнату Панкрат.

Мгновение там стояла тишина, потом раздался удар, грохот, треск, звон стекла и визг женщин. Одна из них, совершенно голая, вылетела в первую комнату со столом, оглядела всех присутствующих расширенными глазами и метнулась обратно.

— Тихо! — рявкнул Панкрат.

Визг и крики стихли.

— Лечь и молчать!

Шорох простынь, поскуливание, стон кроватей и тишина. Воробьев вышел из спальни с двумя автоматами, пистолетом и дубинками, собрал остальное оружие, кивнул.

— Все в порядке. Можно начинать допрос.

— Ты вожак шайки, напавшей утром на деревню? — тихо спросил Крутов.

— О чем ты? — криво усмехнулся «гаишник».

— Отвечать только «да» или «нет», — не повышая голоса, так же внешне спокойно продолжал Егор. — Я тебя узнал. Утром ты охранял зону за колючкой. — Егор показал бетдаггер. — Узнаешь? Он тебе очень понравился. Так вот, в девять утра ты еще был охранником, а после полудня стал инспектором ГАИ. Мотоцикл у тебя такой же, как и у твоих подельников, и точно на таких же прибыли бандиты. Ход рассуждений понятен?

— Позвони в ГАИ, — продолжал криво ухмыляться «инспектор». — Там тебе подтвердят, кто я.

— Позвоню в свое время, — кивнул Крутов. — Заканчиваю. Ты живешь в зоне, и банда после нападения смылась туда же, почему ее и не обнаружила милиция. В рабочее время вы — военнослужащие, хотя это еще вопрос, в свободное время вы — бандиты, ради развлечения грабящие и убивающие людей. Доказывать я ничего не буду, я не следователь, поэтому будь паинькой, отвечай на вопросы точно и быстро. Ты командовал бандой во время налета?

— Ребята, вы, наверно, не понимаете, во что вляпались, — перестал кривить губы морщинистолицый, опуская руку и поправляя китель; глаза его злобно сверкнули. — Да вас через час вычислят и похоронят так, что никто никогда не найдет!

— Не в кургане часом? — простодушно поинтересовался Крутов, по наитию решив проверить реакцию мотоциклиста.

Тот вздрогнул, отшатываясь и бледнея, шире раскрывая глаза, и внезапно сунул руку за борт кителя. В ту же секунду Крутов оказался рядом и приставил к горлу «гаишника» нож. Затем левой рукой вытащил из-под мышки пистолет — отечественный девятимиллиметровый «дротик», кинул через плечо Панкрату, покачал головой.

— Интересно ты реагируешь... инспектор... Не твоя ли банда разрыла курган на Бурцевом городище?

Морщинистолицый сглотнул, глаза его остекленели.

— Время, — негромко сказал Панкрат. — Коли его по делу.

Крутов отнял нож.

— Отвечать будешь?

«Гаишник» молчал. Лицо его покрылось крупными каплями пота, словно внутри его происходила какая-то борьба.

— Я принесу паяльную лампу, — предложил Воробьев. — Жареные яйца очень помогают выяснять истину.

«Гаишник» дернулся, ненавидяще глянул на Панкрата, потом на Крутова, прохрипел:

— Вы покойники...

Егор шлепнул его тыльной стороной ладони по щеке, отрезвляя.

— Думать уже можешь? Вот и отлично. О зоне я с тобой поговорю в следующий раз. А сейчас меня интересует другое. Вопрос первый, причем задаю я его в последний раз: ты вожак банды?

— Нет, — с видимой неохотой ответил «инспектор». — Он на...

— На базе?

Глаза пленника сверкнули. Он действительно не боялся допроса и человеком был сильным.

— Да.

— Базой является воинская часть за колючкой?

— Воинская, — покривил губы «инспектор».

— Что за база? Какому ведомству принадлежит? Министерству обороны, ГРУ, ФСБ?

«Гаишник» сузил глаза.

— Да кто ты такой, черт возьми?!

Крутов замахнулся. Пленник вжался спиной в стену.

— Ведомство?

— Пошел ты!.. — Глаза пленника снова начали стекленеть, и эта его нестандартная реакция на стандартные, в общем-то, вопросы заставила Крутова насторожиться. Парень не нехотел говорить — не мог.

Удар по щеке — глухой стук затылка о стену.

— Ну?!

— Я же сказал...

— Ну его к хренам, — проворчал Панкрат. — Некогда выяснять, что за секретная часть прячется в лесу.

За стеной послышалась какая-то возня, стук, вопль и падение тела. Воробьев на это и бровью не повел. Сказал спокойно:

— Все нормально, это мои орлы вернули наших мотодрузей, сбежать, наверное, хотели через окно. — Он резко наклонился к бледнеющему «инспектору». — Кто главарь банды?! Имя?!

— Дима... Чабан...

— Кто участвовал в нападении на деревню?

— Не знаю.

Панкрат воткнул палец в кадык «инспектора», тот закатил глаза от боли, но быстро пришел в себя.

— Повторяю: кто был в команде налетчиков?

— Я не интересовался, — «гаишник» заторопился, видя сдвинутые брови Воробьева. — Знаю только троих: Петуха... Петухова, Харчука и Силкина. Петух здесь. — Он кивнул на спальню.

Панкрат вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с голым мужиком, тощим и нескладным, со впалой грудью, с рыжей порослью на подбородке, которую трудно было назвать бородой, и крупным носом, действительно напоминавшим клюв. Грива у него зато была выдающаяся, рыжая, пышная, хотя и неухоженная, грязная. Кличка Петух ему вполне подходила. Прикрывая гениталии руками, он просеменил на середину помещения и быстрым взглядом исподлобья оглядел присутствующих. Панкрат вернулся в комнату с девицами, принес черные кожаные штаны, бросил на руки Петуху.

— Надевай. Ты был в деревне утром?

Петух снова оглядел допрашивающих исподлобья, облизнул губы, посмотрел на «гаишника» с красными пятнами на щеках от пощечин, и Панкрат поразился тому, как эти два разных человека похожи, особенно волчьими взглядами. Шагнув вперед, он легонько стукнул рыжего по затылку.

— Повторить вопрос?

— Не надо, — заторопился Петух, постоянно облизывая узкие бледные губы. — Я был... не один... я ничего... никого не трогал... только водку взял...

— А кто трогал?

Взгляд на «гаишника», тусклый блеск в глазах, короткая заминка, и тут же новый щелчок по затылку: Панкрат был неплохим психологом и не хотел упускать инициативу.

— Не тяни время.

Крутов резко шагнул к мотоциклисту, так что тот отшатнулся, взял его за шею и приблизил его лицо к своему, глядя, как у парня расширяются зрачки:

— Кто стрелял в деда и бил старуху?! Быстро!

Петух вдруг натурально заплакал, рухнул на колени, глядя на Крутова снизу вверх.

— Не убивайте меня, у меня дети... мать больная, я не стрелял, не убивайте... дети...

— Тьфу! — сплюнул Панкрат. — Таких подонков надо убивать еще до того, как они обзаведутся потомками. В крайнем случае кастрировать. — Он присел возле плачущего бандита на корточки. — Успокойся, мразь, не будем мы тебя убивать, только покалечим маленько... чтоб на мотоцикл не смог больше сесть. Кто стрелял в деда, если не ты?

— Серый... Боб... то есть Борис Силкин... а кто старуху бил, не знаю, может, Харчо... Киса Харчук...

— Брешешь, сучара! — донеслось из спальни, и на пороге возник еще один любитель сексуальных утех, плотный, низкорослый, с широким плоским лицом, на котором выделялись маленькие глазки-буравчики. Затылок и виски у него были выбриты, а посреди головы проходил колючий гребень коротких волос.

— Это же ты ее ударил, сначала в грудь, потом ногой в живот! На кого свалить хочешь, падла?!

Последующие события произошли в течение долей секунды.

Рыжеволосый вдруг взвился в воздух прямо с колен, как пружина, увернулся от руки Крутова, схватил со стола нож и метнул в своего приятеля: взмах руки, бросок — и нож вошел в шею широколицего. Удар этот назывался дзигай и выполнен был мастерски. Но больше ничего сделать Петух не успел. Панкрат ухватил его за плечо, развернул к себе и растопыренной ладонью ударил в лицо, вплющивая в него нос. Рыжеволосый обмяк, теряя сознание.

Потеющий от избытка переживаний комендант склада привстал было, расширенными глазами глядя на лужу крови, расползавшуюся под убитым, но тут же сел.

Воробьев поймал взгляд Крутова, говоривший: и что теперь? — кивнул на дверь. Они вышли.

— Что дальше? — угрюмо пробормотал Егор.

— Следовало бы повесить всех троих, — серьезно сказал Воробьев, — но я не палач, безоружных не убиваю. Попробуем попугать мерзавцев, чтобы они призадумались, стоит ли и дальше бандитствовать на дорогах. Однако, судя по всему, это «отморозки», причем опирающиеся на секретную базу. Им на все наплевать, в том числе на собственную жизнь.

— Но он же убил своего!..

— Ну и что? Это еще раз подтверждает мои слова. Будешь говорить с этим «инспектором»?

Крутов подумал и качнул головой.

— Нет смысла. Он ничего не скажет, а если и скажет, мы его все равно не сможем проверить. И все же эта зона за колючей проволокой не дает мне покая. Чует мое сердце, что мы зацепили нечто очень и очень странное, верхушку какого-то секретного айсберга.

— Не вздумай копать, — посоветовал Панкрат. — Мы-то люди никому не известные, сегодня здесь, завтра там, а ты у всех на виду, и деревня твоя рядом с зоной. В один прекрасный день тебя просто пристрелят.

— Пусть попробуют.

— Полковник, это профессионалы. Видал, как он ножик

бросил? Такое могут вытворять только классные мастера. И бабку твою он бил со знанием дела. По-дружески советую: не лезь к ним с расследованием, лучше уезжай отсюда поскорей.

Крутов отвернулся. Панкрат мельком глянул на своих бойцов, прохаживающихся по территории склада, с пониманием и сожалением посмотрел на Егора и вошел обратно в комендатуру. Через секунду послышался его выразительный голос:

— А теперь давай разберемся с тобой, парень. Ты явно не рядовой бандит, раз тебе доверяют рекогносцировку местности. Тебя сегодня я не убиваю только потому, что не могу доказать степень твоего участия в прежних акциях банды, за которой я вышел на охоту.

— Я только исполнял приказы, — пробубнил «инспектор» в ответ.

— Удобная позиция для убийцы: я только исполнял приказы... Но для того, чтобы исполнять приказы, достаточно иметь позвоночник, голова для этого не обязательна, ты же на вид гораздо умнее рядового исполнителя. И все же — живи, сволочь. Но передай вожаку: еще раз выйдете на большую дорогу — ликвидирую всех! Обещаю! И не поможет вам ни «крыша», ни бог, ни дьявол!

— Не много на себя берешь?

Молчание, стук, вопль, грохот бутылок, тарелок, звон стекла. Крутов покачал головой, побрел с территории склада к выходу. Последнее, что он услышал, было:

— Не буди во мне зверя, ублюдок! О дорожных мстителях слышал? Так вот я — их командир...

В помещении же комендатуры разыгралась следующая сцена.

Поскольку морщинистолицый «инспектор» смотрел на него непонимающе, Панкрат сделал вывод, что о «мстителях» здесь не слышали.

— Значит, не в курсе, — усмехнулся он. — Что ж, будем знакомы, урод. Но не дай тебе бог еще раз встретиться у меня на пути!

— Мы тебя сами... — начал было «инспектор», явно примериваясь к прыжку, и Панкрат с наслаждением влепил ему усиро кэри[1], прямо через стол, в голову. «Инспектор» отлетел назад, ударился затылком о стену и сполз со стула на пол.

Зашевелился и рыжеволосый Петухов, шаря рукой по полу — полубессознательно — в поисках оружия. Рефлексы у него были явно боевые, тренированные. Панкрат терпеливо

[1] Усиро кэри — удар ногой назад (ниндзюцу).

подождал, пока он придет в себя, и жестоким ударом — ребром выгнутой ладони — сломал ему правую руку. Вскрикнув, Петух снова рухнул на пол.

— Это тебе за старуху, — одними губами выговорил Панкрат. — Шлафензиволь[1]. — Повернул голову к побелевшему затрясшемуся старлею-коменданту. — Я не знаю, жаба, с какого ты боку попал в эту грязную компанию, но будет лучше всего, если ты сам позвонишь в милицию и расскажешь, чем занимаются твои приятели.

Забрав оружие мотоциклистов, Панкрат вышел из домика горюче-смазочной канцелярии, махнул рукой своим бойцам и сел в подогнанный к воротам джип, где его ждал Крутов. Машина резво побежала по разбитой бетонке, выехала на проселочную дорогу.

— Вы теперь куда? — спросил Егор.

— Мы туда же, куда и ты. Тебе надо срочно организовывать приличное алиби.

— Зачем?

— На всякий пожарный случай. Эти негодяи запросто могут заявить в милицию о нападении банды и укажут на тебя. А комендант тебя опознает.

— Но тогда они сами засветятся...

— Только в том случае, если не связаны с органами правопорядка. Мы не знаем их связей и возможностей. Конечно, какое-то время мы еще покрутимся по здешним лесам, понаблюдаем за твоей запретной зоной, но придет время, когда ты останешься один... если только не послушаешься совета и не уедешь. Короче, бери сейчас мотоцикл, на котором ездил в больницу, предупреди соседей и поезжай снова в... эту... в Фошню. В случае чего в больнице должны будут подтвердить, что ты весь день просидел возле своих пострадавших родственников. А мы подготовим еще одну дезу. В Фошне ресторан или кафе есть?

— Какие там рестораны — столовая да два магазина, продуктовый и промтоварный.

— Отлично. В три часа ты обедал в столовой.

Крутов усмехнулся, покрутил головой, разглядывая рассеянное лицо Воробьева, сказал виновато:

— Спасибо за заботу. Но ей-богу же, не стоит со мной возиться, как с мальцом. Уверяю тебя, все будет нормально, они не рискнут связываться со мной.

— Плохо ты знаешь жизнь, полковник, — меланхолически вздохнул Панкрат. — В чем-то ты профессионал, а в чем-то откровенный дилетант. — Он вдруг оживился. — А что это ты говорил о курганах? Этот «гаишник» аж позеленел. Что за курганы? При чем тут они?

— Да так... — Крутов замолчал, не желая пересказывать Воробьеву свой сон. — Будет время, побывай у местной достопримечательности — Бурцева городища. Говорят, ему тыща лет. Стоит это городище на кургане... и кто-то вскопал его подножие.

— Ясно, — сказал Панкрат, не дождавшись продолжения, хотя ничего ему ясно не было. — Посмотрю.

Больше они не разговаривали, занятый каждый своими мыслями.

Джип довез Крутова до Ковалей и в начале восьмого вечера высадил его у поворота на мостик через канаву. Не оглядываясь, Егор зашагал по обочине дороги к деревне.

— В Фошню, — коротко сказал Панкрат водителю.

ДЕРЕВНЯ КОВАЛИ

КРУТОВ

Из Фошни он вернулся в начале десятого вечера, побывав в больнице и заодно у троюродной бабки, родственницы дяди Василия, еще очень подвижной и бойкой старушки, быстро сообразившей, что ей надо говорить, если кто-нибудь станет спрашивать о Крутове. Осип тоже понял, что от него требуется, но ему стало хуже, и Егору не удалось поговорить с ним по душам и объяснить все досконально.

Побывал он и в палате, где лежала Аксинья, бледная и потерянная, так и не уразумевшая, за что ее избили. После этой встречи настроение Егора упало, и он как о чем-то второстепенном подумал, что, возможно, придется до конца разобраться с бандой на гособеспечении и выяснить, чем занимаются люди в камуфляже на территории запретной зоны. «Нормальная» воинская часть вряд ли позволила бы военнослужащим вести себя подобным образом.

Елизавета прибежала, как только Крутов поставил на дворе мотоцикл дядьки Василия. Она была в халатике и босиком, и Егор невольно залюбовался фигурой соседки с крутыми бедрами и тонкой талией, удивляясь при этом, почему его так тянет к этой девушке. До сего дня его мужское естество не то-

[1] Schlafen sie wohl — приятного сна (*нем.*).

порщилось и не возбуждалось от желания при одном взгляде на красивых юниц.

— Ну как там у них?

— Нормально, — ответил Крутов, успокаивая дыхание. — Аксинью выпишут дня через четыре, Осипа позже, у него легкое задето. Но состояние неплохое... для подстреленного.

Елизавета ойкнула, закрыв рот ладошкой, и Крутову, чтобы успокоить ее, пришлось пошутить:

— Я там анекдот в больнице услышал. Больной прибегает к хирургу и говорит: помогите, доктор, у меня живот болит. Хирург ему: надо срочно уши отрезать! Больной в ужасе прибегает к терапевту: доктор, у меня живот болит, а хирург предлагает уши отрезать. Ох уж эти хирурги, — ворчит терапевт, — все-то им резать надо. Вот тебе таблетки, выпьешь — сами отвалятся.

Елизавета прыснула. Крутов удовлетворенно кивнул сам себе и зашел в дом, стягивая с себя запыленную рубашку.

— Ты посиди у меня, пока я к родичам загляну, надо сообщить им новости. А если хочешь, пойдем вместе.

— Пойдем, — согласилась Лиза, — только я переоденусь. Кстати, к вам какой-то парень заглядывал, я его раньше не видела. Обошел хату, постоял на огороде. Заметил меня и заспешил прочь.

— Странно... Как он был одет?

— Обыкновенно: брюки, рубашка с короткими рукавами, черного цвета, и ботинки. Знаешь, такие высокие, со шнуровкой, как у солдат.

— Очень интересно... ты, оказывается, наблюдательна. Ну, беги, надевай туфли на высоких каблуках.

Прикидывая, что за гость приходил в отсутствие хозяев, Крутов переоделся, подождал Лизу, и они начали обход крутовских родственников. Длился он всего полчаса. Все тетки и сестры собрались у деда Василия и ждали появления Егора, не расходясь по домам. Расспрашивая его, они то и дело посматривали на ничуть не смущавшуюся Елизавету, и в глазах женщин ясно читалось осуждение. Они знали, что Елизавета замужем. Крутов пожалел, что взял ее с собой, однако чувства сестер понимал и лишь посмеивался в душе над их умозаключениями.

В десять часов вечера он оказался предоставлен самому себе, точнее — Елизавете, которая не спешила домой и словно чего-то ждала. Егор даже заподозревал, уж не ждет ли она визита мужа или его послов, однако вслух высказывать свои предположения не стал. Он надеялся просто отдохнуть и не встревать ни в какие разборки, тем более — с «охранниками

нравственности», которых корчили из себя Борис и его приятели. Правда, им в этот вечер тоже было не до слежки за Лизой: Гафура и киоскера увезли в больницу, что, во-первых, отрезвляло остальных, во-вторых, говорило об отсутствии связи между коммерсантами и бандитами из секретной воинской части.

Крутов и Лиза прошлись по деревне, опустевшей к вечеру, обошли пруд, но долго гулять не стали, настроение не способствовало прогулкам даже в такой чудесный, теплый, тихий вечер.

— Зайдешь? — предложил Егор у калитки своего дома, ни на что, собственно, не надеясь и ни на что не намекая. — Грибов жареных поедим, чаю попьем. Или ты занята?

— До пятницы я совершенно свободна, — с улыбкой ответила девушка словами Пятачка из мультфильма «Винни-Пух». — Вспомнила байку о грибах. Подбегает к отцу сын: папа, что такое «кранты»? Тот удивленно: почему ты об этом спрашиваешь? Сын: мама звонила кому-то по телефону и сказала: «Я своего дурака накормила грибами, и теперь ему кранты».

Крутов усмехнулся, открывая калитку и пропуская Лизу.

— Этого можешь не бояться, мухоморы и поганки мы с тобой не собирали. Кстати, а что такое действительно «кранты»?

— Я не филолог, могу только предположить, что это слово родственно другому — «каюк». А вообще, конечно, это абракадабра.

— А что такое абракадабра?

— Случайно я знаю, что оно означает: «он исцелил». Это арабское слово.

— Ну вот, а говоришь — не филолог. — Егор включил свет на веранде, заглянул на кухню, спросил оттуда: — Так что будем пить-есть?

— Тащи свои грибы, я голодная.

Крутов включил электроплиту, подогрел грибы, приготовленные еще днем, поставил чайник, достал икру, и вскоре они ужинали, уютно устроившись на веранде, с неопределенным интересом присматриваясь друг к другу. Обоим было так хорошо и спокойно, словно они были знакомы уже целую вечность. То, что они бок о бок провели детство, воспринималось как-то отстраненно, информационно, память не затрагивала эмоциональных центров и слоев, где хранился бы образ соседской девчонки или мальчишки, семнадцать лет назад ничего общего — ни игр, ни развлечений — у них не было.

— А куда ты ездил со своим знакомым, Панкратом? — спросила Лиза.

Врать Егор не любил, сказать правду не мог, поэтому решил отмолчаться, но Елизавета оказалась проницательней, чем он думал.

— Искал бандитов, да?

«Любимая, да ты и собеседник!»— вспомнил Егор своего незабвенного Вишневского, вслух же сказал:

— А если да, то что?

— Я так и поняла, когда ты уехал. У тебя было такое лицо... Ну и как, нашел?

Крутов перестал есть, внимательно и серьезно посмотрел на девушку, близость которой все больше волновала и кружила голову.

— Лиза, ко мне никто не приезжал... я имею в виду Панкрата. Ты его не знаешь и никогда не видела. Я же никуда не уезжал, только разве что в больницу. Ты поняла?

Легкая насмешливость в глазах девушки уступила место тревоге.

— Я поняла. Значит, вы их все-таки нашли... и что сделали?

Крутов собрал и унес посуду, принес чай.

— Один из них мертв.

Елизавета вздрогнула, глаза ее расширились.

— Ты...

— Не я. Бандит пришил бандита, причем по собственной инициативе. И я уверен, что на этом дело не закончится. Ты ничего не слышала о зоне, возле которой нас с тобой пытались задержать?

— Ничего. Говорят — воинская часть. Кому после такого объяснения придет в голову проверять?

— Да, конечно. Только уж больно странная эта часть... если на ее территории базируется мотобанда.

— Откуда ты знаешь?

— Сорока на хвосте принесла. А твой Борис с ними не связан? Сама же говорила, что к нему в баню приезжает раз в месяц целая компания. Не из той ли части?

— Он такой же мой, как и твой, — поморщилась Лиза. — Я не интересовалась, кто его навещает и зачем. Только едва ли эта компания из воинской части. Если бандиты оттуда, зачем они напали на киоск, на деревню вообще?

— К сожалению, ты права, не стыкуется. Ладно, давай поговорим о другом.

— А почему ты сам решил искать бандитов? Чтобы отомстить? Тебе мало, что ими занимается милиция? Закон?

Крутов покатал в ладонях чашку с чаем, не пролив при этом ни капли, исподлобья глянул на собеседницу.

— Во-первых, местная милиция скорее всего связана с бандитами, во всяком случае, ищет она их плохо. Во-вторых, с такими «отморозками», как эти мотоциклисты, невозможна фэйр плей.

— Честная игра? — перевела Лиза.

— Игра по правилам. Они презирают все законы, отрицают любые нормы поведения, ненавидят других людей и руководствуются только своими желаниями. С ними можно и нужно разговаривать только на их языке. Что касается меня... Многие люди всю жизнь ищут истину, доброту, красоту, гармонию, совершенство, справедливость, так вот я из всего этого спектра предпочитаю последнее...

— Справедливость?

— По характеру я — борец за справедливость, понимаешь? В школе за это попадало, в институте... Так уж получалось, что мне все время приходилось ее восстанавливать.

Елизавета несколько мгновений смотрела в глаза Крутова, потом вдруг встала, обошла стол и оказалась рядом, наклонилась к нему, закрывая глаза. И ему ничего не оставалось делать, как поцеловать ее...

Поцелуй был долог и нестерпимо нежен. Они целовались, не касаясь друг друга руками, не пытаясь прижаться друг к другу; казалось, у обоих живут только губы... и только они могут выразить то, что ощущали оба. Потом Елизавета отодвинулась и села на место, как ни в чем не бывало, глядя на захмелевшего Егора насмешливыми, дерзкими, потемневшими глазами.

— Ты... ты колдунья! — хрипло проговорил он. — Такого со мной никогда не было.

— Я предупреждала, — пожала плечами Елизавета. — Только я не колдунья, а всего лишь внучка ведьмы. Всего, что знала моя бабка, я не знаю.

Крутов засмеялся, чувствуя удивительную легкость во всем теле и приятное головокружение.

— Мне только ведьмы в жизни не хватало. Надеюсь, ты меня в лягушку не превратишь?

— Будешь вести себя плохо — превращу!

— Я так и понял. Придется вести себя хорошо. Хочешь посмотреть мою коллекцию металлических рублей? Я ее лет десять собирал, почти сотню насобирал.

Лиза встала, и Крутов повел ее в дом. Включил в спальне свет, достал из тумбочки бювар с монетами и вдруг почувствовал, как Елизавета осторожно положила ему на плечи ладони. Замер. Медленно выпрямился и повернулся к девушке, вби-

рая глазами ее лицо, огромные, загадочно мерцающие глаза, губы, волосы. В памяти снова всплыли строки блоковского «Демона»: «Прижмись ко мне крепче и ближе, Не жил я — блуждал средь чужих...»

Почти неслышно касаясь руками его тела, Елизавета расстегнула рубашку, сняла, бросила на пол. Увидела шрам на груди слева, там, куда пришелся удар кинжала таджикского моджахеда.

— Нож?..

Крутов кивнул. Голова кружилась все быстрей, и сил сдерживать себя уже почти не осталось.

Елизавета наклонилась и поцеловала шрам. Потом увидела еще один — на предплечье, поцеловала и его. Повернула послушного Егора спиной, обнаружила под лопаткой темное пятнышко — след пули, погладила пальцем.

— Пуля?..

Егор не ответил. Что-то зашуршало за спиной, упало на пол, холодком обдав ноги. Он обернулся: девушка стояла перед ним без блузки, дерзко глядя ему в глаза. Ее упругая, идеальной формы грудь с торчащими сосками была на расстоянии ладони, и Крутов потянулся к ней, уже не желая бороться с магией взаимного притяжения и с самим собой...

Ровно в полночь они мылись в бане, еще не потерявшей тепло после суточного простоя — с момента прибытия Крутова. Мылись, не стесняясь друг друга, дважды при этом бросаясь в горячие хмельные объятия, пока не насытились надолго. Да и то, как оказалось, не окончательно. Жажда любви, подстегнутая долгим ее ожиданием, была сильнее их.

Потом пили чай, сидя на кровати в спальне: Елизавета — в рубашке Егора на голое тело, он — по пояс голый, завернутый ниже талии в простыню.

— Расскажи, — кивнула девушка на шрам на груди Крутова.

Перед мысленным взором Егора всплыла сцена боя, в котором он получил ранение.

Это случилось в девяносто втором году в Таджикистане. Крутов, тогда еще майор спецназа Чучковской бригады особого назначения, был двадцать восьмого сентября поднят по тревоге и в составе «ограниченного контингента» (сводный отряд в количестве четырехсот человек) российских войск перебазирован в Курган-Тюбе. Задачу им поставили — охранять военные и государственные объекты в Республике Таджикистан. Тогда они еще не знали, какой сложной окажется эта легкая на первый взгляд задача в условиях межнационального конфликта.

Бой, в котором произошла проверка возможностей спецназа и качеств входящих в отряд людей, по сути, мог бы послужить яркой иллюстрацией того, с чем пришлось столкнуться чучковцам. Тогда ни Крутов, ни другие командиры не ведали, к каким хитростям могут прибегнуть боевики таджикской оппозиции, чтобы завладеть военной техникой, оружием и боеприпасами. Так, например, при погрузке и сопровождении боеприпасов для двести первой дивизии правительственных войск командиру отряда сопровождения давали приказ: там-то и там-то груз будут досматривать таджикские контролеры. Ну, досматривать так досматривать, приказ есть приказ, ничего особенного, хотя зачем нужен такой контроль — непонятно. А досмотр этот выливался потом в захват техники и боеприпасов: о транспортировке боевики предупреждались заранее. Успевал командир сообразить, в чем дело, давал бой — засада срывалась, не успевал — мало того, что гибли люди, российские командиры обвинялись потом как торговцы, специально сдавшие груз боевикам.

Крутову этот момент удалось определить: сработала интуиция, реакция организма на «ветер смерти».

Колонна БТРов и грузовиков вползла на перевал. Кругом скалы, камни, горные склоны, голое пространство с редкими кустиками какой-то травы. На дороге самодельный шлагбаум, военная палатка, пост, мотоцикл и почему-то бульдозер. Пять человек: три солдата в касках, офицер в пилотке, почему-то небритый и седой — «контролер», и женщина в камуфляжном комбинезоне.

Крутов ехал впереди, сидя на лобовой броне переднего бронетранспортера. В бинокль оглядел пост и остановил колонну. Интуиция заговорила, как только он разглядел заросшее седой щетиной лицо таджикского офицера.

— Седьмой, — сказал он в микрофон рации, — приготовьтесь отразить атаку. Второй, высади группу слева, за скалой, чтобы не было видно с поста, пусть ребята обойдут пост и посмотрят, что за скалами на склоне. Остальным следовать за мной.

Не доезжая метров пятьдесят до шлагбаума, Егор снова остановил колонну, спрыгнул на дорогу и в сопровождении ординарца направился к ожидавшим его солдатам.

— Старший группы сопровождения майор Крутов, — козырнул он. — С кем имею честь?..

— Полковник Рахимбоев, — ответил с акцентом небритый офицер, сделав жест, лишь отдаленно смахивающий на козыряние. — Пройдемте.

Он направился к палатке. Крутов последовал за ним, отметив краем глаза заинтересованный взгляд женщины, судя по типу лица и цвету волос — литовки или эстонки. В палатке его и ординарца ждал сюрприз.

Палатка оказалась пустой, ничего в ней не было, если не считать четверых вооруженных людей: кожаные и ватные безрукавки, дикого покроя штаны грязно-зеленого цвета и такие же грязно-зеленые чалмы на головах, бородатые небритые лица. Они стояли неподвижно и молча, направив на вошедших автоматы, и были готовы открыть огонь в любой момент.

Полковник Рахимбоев сделал разворот и приставил к виску ординарца Крутова пистолет. Несколько мгновений длилась тишина, потом к вошедшей группе подошел низкорослый чернобородый таджик с мощными бровями Карабаса Барабаса, снял с Егора его автомат, забрал из кобуры пистолет, разоружил ординарца и отступил в сторону. Все это — без единого слова. Крутов пожалел, что не оставил ординарца у палатки. Будь он здесь один, трюк с угрозой — пистолет к виску — у боевиков не прошел бы.

— Что вам надо?

— Прикажи своим освободить бэтэшки и грузовики, — сказал «полковник». — Оружие на землю. Колонна окружена. Начнете сопротивляться, перестреляем всех, как шакалов.

Крутов уловил косой взгляд сержанта (впоследствии получившего звание лейтенанта) Вохи Васильева и понял, что тот ждет команды. Этого парня не смущали численный перевес противника и его вооружение.

— Только не убивайте! — плачущим голосом взмолился вдруг Крутов, кривя лицо, безвольно опуская плечи. — Мы все отдадим, все сделаем, только не стреляйте, прошу вас...

Хлюпнул носом, притворяясь до смерти испуганным, и ординарец.

На лице «полковника Рахимбоева» появилась понимающая ухмылка, стволы автоматов четверки, ожидавшей жертву в палатке, чуть опустились. Боевики поверили в трусливое желание жить русских командиров.

«Полковник» опустил пистолет, махнул рукой в сторону выхода из палатки.

— Командуй, капитан.

Остальные боевики сломали строй, задвигались, начали переговариваться, и в этот момент Крутов, проходя мимо, с поворота достал «полковника» ногой под колено, упал вместе с ним и отнял пистолет. Открыл огонь он, еще не достигнув пола.

Сделал свое дело и Васильев, в подкате сбив ближайшего боевика и вырывая у него автомат. Стрелять он начал почти в тот же момент, что и Крутов.

Два выстрела, очередь — три трупа и двое раненых, — таков был итог мгновенного боя внутри палатки. Бой снаружи тоже завязался, но уже по сценарию, разработанному спецназовцами. Боевики, потеряв нескольких человек, отошли. А ранил Крутова тот самый моджахед, чернобородый и мощнобровый, что разоружал его и Васильева. Он незаметно выбрался из палатки и метнул в Егора, командовавшего боем, кривой горский кинжал. Оглянувшись на шум, Крутов чудом успел отклониться, буквально на пару сантиметров, и кинжал миновал сонную артерию. Боевика пристрелил Васильев, а Егор, вырвав кинжал из груди, еще полчаса продолжал руководить отрядом. Плохо ему стало позже, после значительной потери крови...

Всего этого он, конечно, Елизавете не рассказал, придумал более или менее правдоподобную историю с тренировкой на базе и назвал рану «царапиной».

— Ох, обманываешь ты меня, Егор Лукич, — вздохнула девушка, еще раз погладив шрам пальцами. — Два сантиметра левее, и ты был бы мертв. Тебя ударили из засады? Так ведь? Не отпирайся.

— Недаром говорят: умная женщина — следователь по природе, — проворчал Егор.

— Больно было?

— Чепуха.

— А если бы этот бандит не промахнулся?

— Я знал, что встречу тебя, и берег себя, как мог, — отмахнулся Крутов. — Ты спать очень хочешь?

— Нет.

— Я тоже нет. Давай пройдемся до пруда. Ночь тихая, луна... красота!

Елизавета потянулась к нему, чмокнула в шею, вскочила и начала деятельно собираться. Через несколько минут они шли по тропинке вокруг огорода, обнимаясь, целуясь, отбиваясь друг от друга и беззвучно хохоча. А еще через минуту наткнулись на берегу пруда на лежащего ничком человека.

Луна сияла вовсю, высвечивая все детали пейзажа, и было видно, что куртка на спине человека порвана, как и светлые брюки ниже колен, а бурые пятна на них — кровь.

Словно почуяв приближение людей, человек вдруг зашевелился, приподнялся, упираясь в землю одной рукой, просипел: помогите!.. — и уронил голову в траву.

— Господи!.. — прошептала Елизавета, бледнея. — Что с ним?!

— Он ранен. Берись за руки, — сказал Крутов, приподнимая застонавшего незнакомца, и заученным движением перекинул его через плечо. — Иди вперед.

Они вернулись, но понесли раненого не в дом, а в баню, где Крутов мог обмыть его и перевязать. Однако стоило ему снять куртку и рубашку, как сразу стало ясно, что парень — это был молодой человек лет двадцати — не жилец. У него были три огнестрельные раны — цепочка кровавых дыр пересекала верхнюю часть груди, стреляли скорее всего из автомата — и сломана ключица. Одна из пуль попала в легкие, в груди парня что-то клокотало и хрипело, а на губах пузырилась кровавая пена. Когда Крутов начал обмывать его грязное бледное лицо и раны, он пошевелился и открыл глаза.

— Где... я?

— В деревне Ковали.

— Кто... вы?

— Мы тут живем... временно. Кто ты сам? Что произошло?

— В меня стреляли... — В глазах раненого с расширенными зрачками шевельнулся ужас. — Я раскапывал курган...

— Зачем?

— Я археолог... почти... четвертый курс института... здесь пять тысяч лет назад жили древляне и кривичи... я ищу следы... материал для дипломной работы... — раненый выталкивал слова порциями и на глазах слабел.

— Его надо срочно в больницу, — прошептала Елизавета.

— И ты раскапывал курганы? — добавил Крутов.

— Да... я знаю, что нельзя... но там... там! — Глаза раненого еще больше раскрылись. — Мертвые люди!.. голые!.. много!..

— Где? На Бурцевом городище?

— Я начал бить шурф... а там... человеческие руки!.. — Раненый вздрогнул, закашлялся кровавой пеной. — А потом появились люди в форме... один меня ударил в грудь... я потерял сознание... очнулся, пополз... а они начали стрелять по кустам... больше ничего не помню...

Будущий археолог замолчал, обмяк, глаза его погасли.

— Берись, — сказал Крутов, — выносим его во двор.

Они вынесли раненого из бани, с трудом уместили его в коляске мотоцикла, и Егор забежал в дом, чтобы накинуть на себя куртку. А когда выбежал обратно, увидел во дворе людей с собаками и фонарями, окружившими мотоцикл.

Его осветили.

— Стоять! — гаркнул из темноты властный голос. — Никому не двигаться! Руки на затылок!

Несколько фонарей скрестили лучи на Крутове, ослепив его на некоторое время, хотя он успел увидеть стоящую у стены сарая Елизавету: ее держал за руки кто-то в камуфляжном костюме, с маской на голове. Сопротивляться было бесполезно, непрошеные гости были вооружены автоматами, и Егор послушно поднял руки, сцепив их на затылке. Он не знал, что это за люди, но догадывался, что пришли они за раненым археологом.

— В чем дело, мужики?

В то же мгновение чей-то приклад с силой врезался в живот Крутову. Тот охнул, инстинктивно прикрывая живот, опустился на колено и получил еще один удар — по спине.

— Руки за голову, тебе сказано!

Вскрикнула Елизавета. Зарычала собака. Крутов напрягся, прикидывая свои возможности и дальнейшие действия, и замер, увидев перед глазами дуло автомата. Невидимый из-за бьющего в лицо света человек проговорил:

— Ты здесь хозяин?

— Я, — сквозь зубы ответил Крутов. — Что вам надо?

— Что успел вам рассказать этот самодеятельный золотоискатель?

— Раненый, что ли? Он был без сознания, когда мы его нашли. Я хотел отвезти его в больницу, умирает парень. А кто он в самом деле? Что сделал? Сбежал из тюрьмы, что ли?

— Сбежал, — хмыкнул допрашивающий. — Не врешь?

Крутов сделал испуганно-заискивающее лицо.

— Вот те крест!

Человек присел напротив на корточки, и Егор увидел в прорези маски его бешеные глаза.

— Если ты, гнида, врешь, пожалеешь, что на свет родился! И она тоже!

Командир рыскающей по двору команды резко встал.

— Его надо в реанимацию, — недобро сказал Крутов, прислушиваясь к возне у сарая.

— Мы доставим, — с иронией бросил командир. — Уходим, янычары! Дайте хозяину по морде пару раз, чтоб проникся, пеленайте археолога и по коням.

— Можно, я тут немного задержусь, Сват? — сказал кто-то со смешком. — Уж больно деваха хороша.

Луч фонаря, бьющий в лицо Крутову, ушел в сторону, он повернул голову и увидел молча отбивавшуюся от парня в ка-

муфляже Елизавету. Тот тискал ей грудь и норовил поцеловать.

И Егор не выдержал.

Упругий подъем-прыжок с колена, удар в маску того, что стоял рядом с собакой и с фонарем. Прыжок к сараю, удар ребром ладони по затылку того, кто лапал Елизавету, рывок за руку, удар коленом в грудь и одновременно перехват автомата...

Рукоять «калашникова» удобно легла в ладонь, вторая ладонь подхватила ствол, и Крутов дал короткую очередь в землю, перед носом рвущейся с поводка собаки, направил оружие на замерших парней в пятнистой форме спецназовцев, отступил к стене сарая, прикрывая спиной девушку.

— Держите собак! Перестреляю! И выметайтесь отсюда!

Изумленная тишина длилась несколько секунд. Потом защелкали предохранители автоматов и пистолетов и пять или шесть стволов нацелились на Крутова. В овал света от упавшего фонаря вышел командир отряда, покачал головой.

— Лихой ты казак, однако! Похоже, я в тебе ошибся. Ну, ничего, это мы скоро выясним. А вот пушечку верни, верни, не доводи до греха. Хотя ты и умеешь с ней обращаться, но ты один, а нас десяток плюс четыре собаки. Многовато даже для профессионала. Да и девочку жалко. Ну, договорились?

— Убирайтесь! — повторил Крутов, понимая, что ситуация патовая. — Сейчас сюда прибегут мои родственники, и придется вам иметь дело со всей деревней.

Командир группы думал недолго, прислушался к скрипу дверей, доносившемуся со всех сторон, сделал какой-то жест, и его подчиненные начали отступление, забрав раненого археолога и пострадавшего от атаки Крутова приятеля.

— Отдай «калашечку», а? — проговорил командир. — По-хорошему.

Егор подумал, поставил автомат на предохранитель и бросил на землю.

— Вот спасибо. — Чужак поднял оружие, осветил Крутова и дрожащую за его спиной Елизавету, сказал со зловещим спокойствием: — А с тобой я еще разберусь, ковбой. Зря ты полез на рожон, я такого не прощаю. И запомни: ты ничего не видел! Понял? И подруге своей посоветуй молчать.

Послышались голоса, звуки шагов, деревня проснулась и заворочалась.

— Иди, иди, — насмешливо сказал Крутов. — Я все запомню и тоже постараюсь разобраться, кто вы такие... Сват.

Фонарь погас. Человек в маске исчез. Ходил он бесшумно и

форму спецназовца носил не зря. За воротами замелькали огни, раздался голос соседа:

— Егор? Ты дома? Кто стрелял? Лизка с тобой?

Крутов обнял девушку, погладил ее по спине, шепнул на ухо:

— Никому ни слова! — Шагнул к воротам, распахнул створку. — Здесь я, Роман Евграфович, и Лиза здесь. А стрелял не я. Мы чай пили на веранде, разговаривали о том о сем, вдруг стрельба! Выскочили во двор — никого...

С трудом успокоив возбужденных сельчан, а также дядьку Василия, примчавшегося с ружьем, Крутов проводил Елизавету до дому и остался один. Прошелся по улице, прислушиваясь к затихающему шуму, вернулся к пруду, но следов никаких не нашел. Команда, преследовавшая студента-археолога, который неожиданно для себя открыл какую-то страшную тайну, сгинула вместе с ним, не оставив ни одного намека на свое происхождение. Кроме одного: действовала она слишком прямо, по-армейски, профессионально, и могла принадлежать только какой-то военной конторе. А базировалась она скорее всего в таинственной зоне за колючей проволокой, там же, где прятались после рейдов по району бандиты на мотоциклах. Но больше всего Крутов размышлял над загадочным совпадением своего сна и открытия археолога: сон не был порождением фантазии Егора, он отражал реальность. Кошмар с закопанными в кургане людьми существовал на самом деле.

Уснул Егор в третьем часу ночи. А утром, в шесть часов, его подняли с постели омоновцы...

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН

КРУТОВ И ДРУГИЕ

Никогда прежде Крутов не чувствовал себя таким униженным, оскорбленным и бессильным. Ему в голову не могло прийти, что с ним кто-нибудь когда-нибудь будет вести себя как с обыкновенным преступником.

Сон Егора не был крепким, интуиция разбудила его вовремя, еще до того, как в дом ворвались омоновцы, и он скорее всего мог бы уйти, просочиться сквозь цепь оперативников, пришедших брать «опасного рецидивиста». Однако Крутов просто не мог представить себя в роли преследуемого и на стук в дверь отреагировал мирно: в одних плавках, босиком, прошлепал к выходу из сеней, спросил: кто там? — получил ответ: откройте, милиция, — и отодвинул щеколду.

В следующее мгновение удар ногой распахнул дверь, в сени

ворвались вооруженные люди в масках и пятнистых комбинезонах (он даже подумал — не вернулись ли давешние преследователи археолога?) и, насев на хозяина с трех сторон, начали выкручивать ему руки. Сопротивляться Крутов стал инстинктивно, мгновенно переходя в состояние боевого стресса. Ему удалось вывести из строя двоих нападавших, повредив одному кисть руки, второму коленную чашечку, но третий ударил его прикладом автомата по затылку, и на какое-то время Егор потерял сознание. Пришел в себя от того, что кто-то два раза ударил его ногой по ребрам, и раздался зычный сытый голос:

— Хватит, волоките его в «воронок».

Крутова схватили за ноги и поволокли лицом вниз по ступенькам крыльца, потом по дорожке от дома к калитке. Связанные за спиной руки не позволяли ему изменить позу, однако ноги действовали, и Егор, чуть подтянувшись, рывком выбросил их вперед, отбрасывая тащивших его людей. Вскочив, он встретил их классическим хаппо кэри[1], но снова получил удар — как показалось — по затылку и позвоночнику одновременно, лишь позже он понял, что это был разряд полицейского электрошокера, — и упал вперед, сломав телом низкий штакетник палисадника.

— Силен, скотина! — буркнул тот, что бил его сзади. — Свяжите ему ноги и врежьте как следует, не церемоньтесь. Птица, видать, крупного полета.

Крутова наградили несколькими умелыми тумаками, от которых он снова потерял сознание, и как бревно закинули в стоящий на улице «воронок» — милицейский джип с мигалкой на крыше и зарешеченным задним окном. Очухавшись, он взвыл про себя от боли и унижения, от осознания нелепости и безнадежности ситуации, которую обязан был просчитать и предупредить. Бандиты после разборки с ними на складе ГСМ, видимо, пошли самым простым путем: вычислили, кто участвовал в налете, во всяком случае, его они таки нашли, вызвали милицию и обвинили в убийстве военнослужащего. В этой ситуации Крутов на месте омоновцев, вызванных по тревоге, тоже не поверил бы ни одному его слову. Теперь приходилось только скрежетать зубами от злости на самого себя, выдерживать хамство и зуботычины чувствующих свою правоту омоновцев, терпеливо ждать, пока им не начнет заниматься следователь, и верить, что алиби, которым он обзавелся, сработает.

[1] Хаппо кэри — тройной удар ногой вперед, вбок и назад (не опуская ноги на землю).

Дверца кузова, на металлическом полу которого он лежал, открылась. Крутов с трудом повернул голову и увидел Елизавету: ее под руку вел по улице громила в камуфляже. Глаза девушки расширились, когда она заметила лежащего в машине Егора. Вырвавшись из рук конвоира, Елизавета бросилась к «воронку» и упала от толчка в спину. Крутов дернулся, пытаясь сесть, не обращая внимания на боль в избитом теле, скрипнул зубами. Но сесть ему не дали, кто-то наступил ногой ему на голову, придавил к полу.

— Не мечи икру, скотина! — раздался ленивый равнодушный голос. — Еще раз шевельнешься — сниму скальп!

— Позови командира, — выдохнул Егор, поклявшись в душе выдать по справедливости всем, кто его задерживал.

— Обойдешься, — отмахнулся страж и больно наступил каблуком ботинка на ухо пленнику.

Если бы Крутов не прошел огни и воды военных операций, не пережил десятки боевых схваток, он бы, наверное, заплакал от оглушающей обиды и уязвленного самолюбия, но отчаиваться полковник не привык и лишь вывернул голову, чтобы посмотреть на омоновца, чтобы узнать его, когда придет время.

Елизавету посадили в другую машину. Со стуком закрылись дверцы джипа. Знакомый зычный голос скомандовал:

— Разойтись! Всем разойтись по домам! Задержан опасный преступник, киллер, убивший военнослужащего. Поехали. — Это уже своим подчиненным.

Голоса односельчан, среди которых Егор узнал тенорок дядьки Василия, слились в неразличимый гул, отдалились. Крутов провалился в полубредовое состояние и перестал воспринимать действительность. Способность чувствовать вернулась к нему час спустя, когда отряд брянского ОМОНа привез его в Жуковское отделение милиции.

Егора грубо подняли, пинками выгрузили из чрева милицейского автомобиля, поставили на ноги и на виду у всех повели — почти голого, в одних плавках! — через двор к небольшому каменному строению со щелевидными окнами под крышей: это была местная КПЗ. На пороге Крутов остановился, поворачиваясь лицом к конвоирам.

— В чем меня хоть обвиняют?

— Еще спрашивает, паскуда! — замахнулся автоматом безбровый верзила и промазал — Егор уклонился от удара. Он мог бы даже в этом состоянии обезоружить омоновца или «уронить его до нуля» — по терминологии спецназа, то есть серьезно вывести из строя, но драться в предлагаемых условиях

не имело смысла, его могли просто пристрелить и лишь потом начать разбираться, виновен он или нет, как это уже случалось.

— Я требую адвоката! — еще раз попытался отстоять свои права и воззвать к справедливости Крутов. — Я ни в чем не виноват.

— Будет тебе адвокат, бандит! — буркнул лейтенант милиции, возникший за спинами омоновцев. — В общак его.

— Дайте хотя бы штаны.

Крутова схватили за руки, втолкнули в домик КПЗ и заперли в одной из общих камер, где уже находилось трое задержанных: коричневолицый мужчина средних лет, похожий на чеченца, и двое совсем молодых людей семнадцати-восемнадцати лет, абсолютно лысых, то есть наголо обритых, щеголявших в кожаных безрукавках со множеством «молний» и заклепок и грязных джинсах. Это были, вероятно, местные скинхэды. Они захихикали, показывая на голого Крутова пальцами. Небритый чеченец молча подвинулся на нарах, и Егор, благодарно кивнув, сел, вдруг почувствовав, как болит избитое, исцарапанное тело, не тело — английский пирог с отбитыми почками, как говаривал по данному поводу Саша Зубко.

— Эй, качок, тебя прямо с бабы сняли? — поинтересовался один из бритоголовых, с синяком на лбу, в то время как второй покатился со смеху.

Крутов подумал немного и молча лег, расслабляясь, начиная вспоминать детали задержания и анализировать свое поведение. Было досадно, что он не смог предвидеть подобного оборота событий и не учел связей бандитов с милицией. И еще настораживало, что вычислили его местонахождение слишком быстро. Вокруг зоны в лесу располагалось по крайней мере шесть деревень, «гаишник», и он же — часовой зоны, не мог знать, из какой именно деревни пришли грибники, и тем не менее Крутова и Лизу нашли уже через несколько часов после инцидента на складе ГСМ.

Егор встрепенулся, вспомнив, что не спросил, куда поместили Елизавету, но снова затих. Ему бы все равно не ответили.

Через полчаса принесли мятые серые брюки, оказавшиеся слишком широкими и короткими, и фланелевую голубую рубаху с длинными рукавами, явно из комплекта нижнего белья. Крутов оделся, однако качать права не стал, дежурный милиционер помочь ему был не в силах. Тогда Егор забрался на второй этаж нар, не обращая внимания на ехидные подколки юных скинхэдов, и углубился в самосозерцание, переходящее в медитацию по методу цигун «железной рубашки», помогавшему залечивать раны и травмы.

* * *

Лизу привезли туда же, куда и Крутова, в отделение жуковской милиции, но в КПЗ сажать не стали. Растерянную, ничего не понимающую, ее привели в один из пустых по причине раннего утра кабинетов ОВД и оставили на попечение немолодого сержанта с бочкообразным туловищем и мясистым красным лицом. На все вопросы девушки он отвечал стандартным «не положено», и Елизавета в конце концов отстала от него, сев на стул в уголке комнаты и сгорбившись от переживаний.

В девять часов утра пришел хозяин кабинета, немолодой, но сухощавый, подтянутый, с сединой в пышных волосах, красивый капитан. С интересом окинув взглядом безучастную ко всему Елизавету, он отпустил сержанта и сел за стол, подвигая к себе лист бумаги и авторучку.

— Рассказывайте, — предложил он, задерживая взгляд на голых коленях пленницы.

Лиза попыталась натянуть на колени юбку, вспыхнула, села по-другому и смело глянула милицейскому начальнику в глаза.

— Я не знаю, что рассказывать.

— Как это, не знаете? — удивился капитан. — Вас задержали как сообщницу опасного рецидивиста, убившего под Фошней, на складе горюче-смазочных материалов, человека.

— Чушь! — сердито сдвинула брови Елизавета. — Это же Егор Крутов, приехал на родину из столицы, у него полдеревни — родственники. К тому же на его родных деда и бабушку напали бандиты, чуть не убили! Вы бы лучше их искали, а не хватали честных людей. Между прочим, он тоже работает в каком-то столичном спецназе, и вам не поздоровится, если там станет известно о вашем самоуправстве.

— Ух ты, как страшно! — улыбнулся капитан. — С ним мы еще разберемся, давайте пока решим, что делать с вами, Елизавета Романовна Качалина. Итак, вы отрицаете, что являетесь сообщницей этого бан... э-э, человека?

— Конечно, отрицаю. Я не сообщница, а он не бандит.

— И связь с ним отрицаете?

— А связь не отрицаю, — с вызовом ответила Елизавета. — И лезть в мои личные дела не советую.

— Значит, связь не отрицаете, — снова улыбнулся капитан; улыбка у него была неприятная, ехидненькая, намекающая на некий скрытый от подследственной смысл. — Прямо скажем, муж ваш не будет в восторге от этого заявления.

— Плевать мне на мужа, с которым я давно не живу, и на

ваши угрозы! Немедленно выпустите Крутова! И накажите тех, кто его избивал и издевался над ним.

— Он — убийца и при задержании оказал сопротивление.

— Сначала докажите, что он убийца. Как он мог кого-то убить на этом вашем горючем складе, если он целый день провел в больнице в Фошне, возле раненого деда? Пошлите туда сотрудников, выясните.

— Выясним, золотце мое, выясним, не волнуйтесь. Что вы еще знаете о... гм, вашем приятеле?

— А того, что я уже сказала, мало?

— Вы с ним давно... имеете близкие отношения?

— Какое ваше дело?! — возмутилась Елизавета. — Какое это имеет значение?

— Для вас действительно никакого, — согласился капитан, продолжая оценивающе разглядывать — буквально раздевать глазами! — Елизавету. — А вот для вашего мужа очень даже большое значение имеет. — Он многозначительно и цинично подмигнул девушке. — Теперь только от вас, Елизавета Романовна, зависит, выйдете вы отсюда или нет.

— Не поняла, — искренне удивилась Лиза. — Как это — от меня? Почему от меня? Разве я в чем-нибудь виновата?

— Будете выгораживать своего... м-м, сожителя — разделите его участь. Понятно? То есть станете соучастницей убийства. А это означает — прощай свобода, работа, карьера. Понятно?

— И что же я должна по-вашему говорить? — стиснула зубы девушка, переживая приступ внутренней дрожи.

— Умница, — расплылся в улыбке капитан. — Ничего особенного от тебя не потребуется, надо только сказать, что видела, как к дому вашего... Крутова подъезжали на джипе какие-то люди, а он в разговоре с тобой нечаянно упомянул склад ГСМ.

— И все?

— И все. Как видишь, безобиднейшая информация. Мы подружимся?

Елизавета покачала головой, внезапно успокаиваясь, смерила красивого самоуверенного милиционера презрительным взглядом.

— Какая же вы все-таки сволочь!

Капитан вздрогнул, перестал улыбаться, хищно раздул ноздри, сказал вкрадчиво:

— Напрасно ты ерепенишься, шлюха. Посидишь денек-другой с проститутками и воровками, поумнеешь. — Он вдавил кнопку вызова дежурного на столе. — Симачева ко мне!

На пороге возник бочкообразный краснорожий милиционер, с которым она дожидалась начальства.

— Во вторую ее.

— Там же... — начал краснорожий.

— Во вторую, я сказал! Пусть поизучает изнанку жизни, ей это будет полезно. А завтра... — капитан не договорил.

В кабинет без стука вошел высокий, крепкого сложения молодой мужчина с коротким ежиком волос, в дорогом костюме и при галстуке. Губы у него были тонкие и прямые, подбородок тяжелый, глаза стального цвета — просто образец мужской силы и обаяния. Это был Георгий Мокшин, муж Елизаветы. Он махнул рукой телохранителю, чтобы тот остался за дверью, небрежным жестом приказал выйти сержанту, подождал, пока тот покинет кабинет начальника ОВД, и проговорил не терпящим возражений тоном:

— Я ее забираю, Евгений Сергеевич.

Капитан нахмурился, бросил в рот сигарету.

— Рад бы помочь, Георгий, да не могу, она под следствием.

Мокшин мельком посмотрел на замершую, потерявшую дар речи Елизавету, тоже достал сигареты; он курил дорогие «Галуаз».

— Ты же знаешь, Сергеевич, что она не виновата. А начнешь допрашивать, шить дело, всплывет моя фамилия. Мне же это ни к чему. Ситуация понятна?

— Черт! — сморщился начальник ОВД. — Мне приказано этого молодца... — он посмотрел на Лизу и умолк. — А улик нет, кроме оружия. Мы обнаружили у него пистолет и вот эту штуку. — Капитан достал из свертка, который принес, нож в форме летучей мыши и бросил на стол.

Мокшин взял нож, повертел в руках, попробовал пальцем остроту лезвия и чуть не порезался.

— Действительно, интересный ножичек. Откуда он у него?

— Узнаем после допроса. В общем, кроме этого — ничего.

— Найди улики. Я тоже заинтересован, чтобы он сел, и надолго. — Мокшин затянулся, ловко бросил сигарету в урну с бумагами, повернулся к Елизавете. — Пошли, любимая.

— Не пойду, — тихо отрезала Лиза. — Вы оба — подонки, ноготя Егора не стоите! Он ни в чем не виноват и обязательно выйдет отсюда, и тогда — берегитесь! Он не бандит, но он не беззащитен! А я все расскажу, о чем вы тут договаривались!

Мокшин и капитан переглянулись.

— Хороша у тебя женушка, — с кривой улыбкой покачал головой начальник милиции. — Хахаля защищает, а родного

мужа называет подонком! Плохо ты ее учил, как надо слушаться мужа.

— Еще не поздно. — Георгий шагнул к жене. — Идем отсюда.

— Не пойду! — вздернула подбородок Елизавета. — Я выйду только вместе с Егором. И ты не смеешь мной командовать!

— Еще как смею, — заверил ее Мокшин, распахнул дверь. — Слава, забери ее, а будет сопротивляться, отнеси в машину на руках.

Елизавета секунду смотрела на мужа, прикусив губу, ненавидяще и презрительно, потом резко встала и вышла. Мокшин подождал, пока закроется дверь, повернулся к начальнику ОВД.

— Первое, Сергеич. Как говорится: нет человека — нет проблемы. Устрой этому засранцу побег и пристрели при попытке к бегству. Что-то мне подсказывает, что он не простой любитель чужих жен. Сможешь?

— Не знаю, — почесал затылок капитан. — Мне он ничего не сделал.

— Зато для меня — как шило в заднице! Ладно, не справишься, я сам им займусь. Второе: прекрати дело о нападении бандитов на Ковали.

Капитан изумленно поднял брови.

— Они же твоих парней покалечили, деда чуть не пришили...

— Закрой дело. Я сам с ними разберусь. Тут замешаны очень высокие люди, им невыгодна огласка происшествия. Пусти слух, что бандитов нашли и скоро будут судить, и тихо спусти все на тормозах.

Начальник милиции снова почесал затылок, крякнул:

— Ну и задачи ты мне ставишь, Георгий! Я же запросто могу слететь с кресла!

— Мы что, мало тебе платим? Добавлю еще пару кусков. Ну?

Начальник поерзал, что-то подсчитывая в уме, вздохнул.

— Хорошо, попробую, если не будут шевелить дело из области. А с этим... дружком твоей жены как? Он того кретина из зоны не убивал.

— Найди свидетелей, поработай с ним, посади в камеру с уголовниками, пусть помучают, а лучше «опустят»... он и признается. В общем, заказ тебе поступил?

— Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю. Вот и выполняй.

Мокшин кивнул и вышел из кабинета походкой независимого, уверенного в себе человека. Капитан посидел за столом,

бесцельно перебирая бумаги и папки, снял было трубку телефона, тут же бросил обратно и рявкнул, забыв о кнопке вызова:

— Симачева!

Сержант появился буквально через три секунды, будто ждал за дверью, приставив ухо к замочной скважине.

— Приведите мне задержанного.

Бочкообразный милиционер испарился. Начальник ОВД посидел еще минуту и вызвал командира отряда ОМОН, сказал, с удовольствием разглядывая его мощную фигуру и простоватое застывшее лицо:

— Сейчас приведут вашего подопечного, лейтенант, будем его допрашивать. При малейшей попытке увиливать и грубить — пресекать немедленно! Задача понятна?

— Так точно, — усмехнулся омоновец.

* * *

Плёс был гладким, как стекло, без единой морщинки. Вода притягивала взор, хотелось смотреть на нее и смотреть, пропуская мир сквозь глаза и уши. Солнце, отражаясь в водной глади, слепило глаза. Тишина стояла такая, что ее можно было зачерпывать горстями и есть. Лес над речным обрывом стоял сонный, торжественно-тихий, умиротворенный, полный медленной, не зависящей от человека, жизни. Все леса, насколько было известно Панкрату, формировали свои биополя, большинством людей не воспринимаемые, но он их с л ы ш а л, проникаясь чувством единения с природой и терпеливого ожидания. В отличие от большинства он обладал необходимым запасом терпения, чтобы успеть раствориться в лесном пространстве и стать его частью. Впрочем, подумал он отрешенно, терпение, как говорил известный ученый, всего лишь перевод собственного сознания в позицию стороннего наблюдателя. Жаль, что не всегда удается этого достигнуть.

Недалеко за кустами жимолости раздался взрыв тихого смеха: неунывающий Родион Кокушкин спозаранку травил анекдоты.

— Тихо вы там! — цыкнул Панкрат. — Медведя разбудите! Ваш смех за сто километров услышать можно.

К реке вышел улыбающийся Барков с полотенцем через плечо.

— Родик анекдот рассказал сексуальный.

— А вы готовы ржать по любому поводу. Секс, между прочим, по теории даосов — дар Вселенной, в нем нет греха.

И вообще, много спишь, полковник[1], я уже успел размяться и зарядку сделать.

— Айкидо? — уточнил Барков, спускаясь к реке с обрыва и начиная умываться.

— Айки после, — пробормотал Панкрат. — Ребята должны были уже вернуться. Ты им никакого дополнительного задания не давал?

— Нет. Да не волнуйся ты, командир, разведчики они опытные, не раз хаживали в рейды, еще будучи на службе.

— Почему же молчит рация?

— Ну, мало ли по какой причине... наблюдают за кем-нибудь, соблюдая режим радиомолчания, выдавать себя не хотят.

— Все равно странно... не нравится мне их молчание. Быстро завтракаем, собираемся и к городищу. Посмотрим, чем они там занимаются.

Воробьев беспокоился не зря. Еще вечером он послал двух своих разведчиков, Эдика Шмакова и Тагира Темирканова, покопаться в кургане Бурцева городища, и с тех пор от них не поступило ни одного сообщения. Ребята как в воду канули, хотя операми действительно были опытными: один четыре года воевал в Афганистане, второй два с половиной года проработал в Тульском угрозыске, пока при задержании сбежавшего рецидивиста не пристрелил его собутыльника, оказавшегося впоследствии помощником депутата областной Думы.

За кустами снова раздался смех.

Панкрат рывком встал, пролез сквозь кусты.

— Прекратить веселье! Родион, рот заклею!

— Да я что, я молчу, — начал оправдываться смущенный, худой, жердеобразный Родион, — они сами меня подначивают. А я просто порезался, когда брился.

— Электрической бритвой надо пользоваться.

— А куда я ее подключу?

— К заднице Толика, — подсказал появившийся Барков.

Бойцы команды, уже практически собранные и готовые к действию, снова засмеялись, поглядывая на могучего телом, никогда ни на кого не обижающегося Анатолия Зеленова. Панкрат осуждающе покачал головой.

— Аккумулятор в машине есть, юморист. Консервы открыли, хлеб нарезали, чай вскипятили?

---

[1] В разговорах между собой военнослужащие не употребляют предлог «под» или прилагательное «младший» (применительно к званию младший лейтенант).

— По-домашнему поесть хотца, — вздохнул Родион, — или в ресторане. В Жуковку не скоро поедем, командир?

— Как только — так сразу.

— Понял. Тогда потолстение мне не грозит.

Через четверть часа они свернули временный лагерь на берегу Березны, расселись по машинам и взяли курс на Фошню. Однако в деревню заезжать не стали, объехали стороной и вскоре выбрались на узкую проселочную дорогу, петлявшую по лесу и окрестным болотам. Прямо к Бурцеву городищу подъехать было невозможно, но эта дорога проходила от него достаточно близко, в полутора километрах. Оставив машины под охраной двух «мстителей», Панкрат повел остальных к городищу.

Шли уступами, внимательно прочесывая лес, глядя под ноги и обшаривая подозрительные кучи валежника. Лес был спокоен и беззаботен, а главное — безлюден, если не считать старика, мирно пасшего корову, и у Воробьева постепенно сложилось впечатление, что они опоздали. Разведчики, посланные вчерашним вечером, были здесь, Родион обнаружил на лесной тропинке след мотоцикла, на котором они уехали, но куда они девались потом, приходилось только гадать. Старик, к которому подошел Панкрат, прикинувшись грибником, никого не видел. Корова его, худая и длинноногая, носилась по лесу, словно тоже кого-то искала, и старику-хозяину было явно не до наблюдений за «оперативной обстановкой».

Не удалось отыскать Шмакова и Темирканова и на городище, зато команду Панкрата здесь ждал сюрприз — огромная яма, почти котлован, вырытый совсем недавно у подножия кургана скорее всего с помощью экскаватора. Она даже не успела еще наполниться водой, хотя место было низменное, болотистое и вода стояла в почве высоко.

Остановились на краю котлована, разглядывая неожиданно возникшее искусственное понижение рельефа. Барков опустился на корточки у кучи земли, просеял горсть песка сквозь пальцы, спрыгнул в яму.

— Интересно, что здесь искали... Древние клады?

— Не клады, — покачал головой Панкрат. — Здесь что-то было зарыто недавно, спрятано, а теперь это «что-то» забрали.

— Что?

— Не знаю, нужны эксперты.

— Такой объем работ можно сделать только экскаватором, а следов никаких.

— Можно и вручную, если заставить копать под страхом

смерти. Ищите, парни, кто бы тут ни копался, он должен был оставить след.

Группа рассыпалась вокруг городища, не забывая о подстраховке друг друга. Панкрат спустился в котлован вслед за Барковым, и они тщательно осмотрели овальную выемку, убеждаясь, что она действительно вырыта лопатами. Что-то блеснуло на склоне котлована. Панкрат нагнулся и вытащил из песка металлическую пуговицу.

— Что там у тебя? — подошел Барков.

Воробьев протянул ему пуговицу.

— Wrangler, — прочитал Барков вытисненную надпись. — От джинсов?

— Или от джинсовой куртки. Тебе это не кажется странным?

— Что именно?

— В глухом брянском лесу на дне раскопа легче встретить гранату или патрон, а не пуговицу от современных джинсов. Наверное, это могила, Володя, здесь были захоронены люди.

— Ерунда, — отмахнулся Барков. — Кому понадобилось черт-те где рыть братскую могилу, а потом забирать мертвецов?

— Я тоже ломаю голову над этим вопросом. И очень боюсь, что ребята увидели процесс выкапывания...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Что мы их не найдем. Они в руках тех, кто приспособил курган для братской могилы, надеясь, что никто не станет проверять, что здесь зарыто. Полковник был прав.

— Какой полковник?

— Наш новый знакомый, Егор Крутов. Кстати, неплохо бы его проведать, как он там в своих Ковалях? Собирай ребят.

Через полчаса они собрались у машин. Ни разведчиков, ни мотоцикла, ни каких-либо следов их пребывания у городища найти никому не удалось.

— Обстановка изменилась, — сухо сказал Панкрат, оглядев озабоченные и хмурые лица «мстителей». — Нам объявили войну. Дальнейшую совместную работу считаю невозможной.

Стало совсем тихо. Суровые парни, прошедшие тяжкие испытания в рядах спецназа, потерявшие близких людей во время налетов дорожных бандитов на автомашины, не раз рисковавшие не только свободой, но и жизнью, с недоверием и недоумением смотрели то на командира, то друг на друга.

— Ты о чем говоришь, командир? — нарушил наконец молчание Барков. — Что значит «совместную работу считаешь невозможной»?

— Против нас начала работать не какая-то мотобанда, дорожная мафия, грабители дорог, а хорошо оснащенная и информированная армия. Может быть, не совсем военные или совсем не военные, но армия! Я это почувствовал, когда мы брали бандитов на складе ГСМ. А теперь я в этом убежден. Поэтому не могу заставить вас воевать в условиях повышенной опасности и ответственности, так сказать, «не по профилю».

«Мстители» зашумели и смолкли по жесту Баркова.

— Командир, не пори горячку. Мы согласны воевать не только с дорожной мафией. Ты же сам недавно предлагал создать команду «чистильщиков» и работать против бандитов всех мастей. Неужели передумал?

— Для всех органов защиты правопорядка мы — незаконное формирование. Против нас будут работать не только мафиози, но и все правоохранительные структуры. Это вы понимаете?

— А для людей, пострадавших от бандитов, мы тоже выглядим антизаконно? Или ты знаешь другой рецепт ограничения беспредела?

— И тем не менее...

— Что ты предлагаешь? Разойтись? После двух лет совместной охоты на подонков?

— Я предлагаю тем, кто не хочет больше воевать и считает дальнейший переход из «мстителей» в «чистильщиков» лишним, принципиально невозможным, покинуть команду.

Члены отряда переглянулись, но не сдвинулись с места.

— Командуй, — хмыкнул Барков. — Мы остаемся.

Воробьев оглядел лица мужчин, ставших не просто соратниками в борьбе с бандитами, а друзьями, подумал, поднял палец.

— Хорошо, но с одним условием: если кому-нибудь из вас в дальнейшем надоест подпольно-бродячая жизнь и постоянный риск, он имеет право уйти в любой момент.

— Принято, — ответил за всех, пожав широченными плечами, Толик Зеленов.

— Что ж, тогда... давайте о деле. Будем выручать ребят, если они в плену. План такой. В данном районе лишь два объекта претендуют на роль секретных баз, о которых никому ничего не известно, кроме факта их расположения. Это зона за рекой Добрушкой и воинская часть западнее Фошни. Поскольку мотобанда базируется в зоне, о которой у нас нет никаких сведений, с нее и начнем. Вполне вероятно, что наших парней захватили и увезли туда. Полковник, возьми троих и дуй туда.

Выяснишь все, что можно и что нельзя. Но тихо. Связь держать постоянно. Питание — сухой паек, во всяком случае, на ближайшие сутки.

Барков оглядел отряд, молча ткнул пальцем в грудь троим «мстителям», посмотрел на Панкрата.

— Пешком?

— Берите «Опель». Если представится возможность, экспроприируйте мотоциклы у нашего противника. Отправляйтесь, — Панкрат усмехнулся, — партизаны. Никогда не думал, что буду возглавлять партизанский отряд в мирное время.

Барков сел в кабину «Опеля», опустил стекло.

— Пошли кого-нибудь в Жуковку, кто-то из руководства района вполне может знать, что за воинские части расположены в лесах.

— Проверим.

Барков уехал.

— Родион и Миша, ваша задача — понаблюдать за воинской частью под Фошней, порасспрашивать о ней в селе, только очень осторожно. Думаю, что это настоящая армия, но лучше перебдеть, как говорят, чем недобдеть. До Фошни я вас подброшу, а там смотрите сами.

— Ничего, попартизаним, — легкомысленно махнул рукой Родион. — Так даже интереснее.

Панкрат внимательно посмотрел на парня, у которого дорожные бандиты когда-то убили жену и мать, и поразился той готовности «партизанить», которая в нем жила. Вряд ли ее основой была ненависть к бандитам и убийцам, ненависть все же слишком сильное чувство, сжигающее душу и калечащее нервную систему, чтобы она могла долго руководить поступками человека. Скорее всего Родиону было действительно интересно воевать с подонками, восстанавливать справедливость, чувствовать себя сильным и правым. Судя по всему, его не мучили сомнения и в душе он был уверен в необходимости скорого и сурового правосудия, пусть оно и не являлось законным с точки зрения демократической морали.

— Никаких ковбойских трюков, — предупредил Воробьев, — никаких непродуманных шагов! Вы всего лишь разведчики, которые должны вернуться домой во что бы то ни стало и доложить результаты разведки. Понятно? — Панкрат хотел добавить: «иначе подставите всю команду!» — но промолчал.

— Обижаешь, генерал, — оскорбленным тоном заявил Родион. — Не впервой мне ходить в разведрейды. Послушай лучше анекдот про Петьку и Василия Иваныча.

Панкрат повернулся и молча сел в машину. Переглянувшись, остальные «мстители» последовали за ним. Джип, переваливаясь на колдобинах и кочках, развернулся и пополз по лесной дороге в обратном направлении, где уже скрылся «Опель» с группой Баркова.

Высадив Родиона и Михаила недалеко от Фошни, Панкрат снова повернул и через несколько минут остановился у Ковалей. Машину загнал в лес, оставил возле нее двух человек, а сам с Толиком, налегке, без оружия, спустился к деревне.

Дом Егора Крутова оказался пустым. Двери его были не заперты, но хозяин не отзывался, и территория усадьбы активно не понравилась Панкрату. Он увидел открытую машину Крутова с вывернутыми багажником и бардачком, множество рубчатых следов во дворе и в саду, а также опрокинутые стулья в комнатах, разбросанную одежду и вещи, битую посуду на кухне и понял, что здесь шел обыск. А в бане обнаружились следы крови, что и вовсе привело Воробьева в состояние горестной тревоги.

— Забрали нашего полковника, — глухо проговорил он, разглядывая разгромленную спальню Крутова, поднял с пола джинсы, рубашку, положил на кровать. — Знать бы — кто...

— Расспросим соседей, — предложил Толик.

Панкрат еще раз пригляделся к отчетливому следу рубчатой подошвы (армейский ботинок «леопард», сорок пятый размер) на полу спальни и вышел. У калитки его ждал небольшого роста быстроглазый мужичок лет пятидесяти пяти в выгоревшей до цвета соломы ветровке, защитного цвета брюках и сапогах.

— Роман, — представился он, быстро переводя взгляд с одного гостя на другого и обратно, — шабер[1] я, рядом живу. А вы не Егора ищете, часом?

— Кто к нему приходил? — оглянулся на дом Воробьев.

— Да почитай целый взвод, — заторопился Роман, — на трех машинах аж, ОМОН, кажись. Забрали Егора и Лизку мою увезли тож.

— Лизу, вашу дочь? — удивился Панкрат. — Ее-то за что?

— А кто их разберет. Сказали — как свидетельницу, мол, отпустим скоро. Утром раненько и забрали. Тут чего ночью-то случилось!.. — Роман покрутил головой, зажмурился; было видно, что он не особенно переживает из-за дочери. — Ночью к Егору военные приходили, стрельбу подняли... ну, мы и попросыпались, людей собрали... я ружье взял... В общем, пуг-

[1] Шабер — сосед (*ст. рус.*).

нули армию, убрались оне подобру-поздорову. А вы кто Егору будете?

— Товарищи, — сказал Панкрат, — вместе служили. Так вы говорите, ОМОН его забрал? Точно?

— А как же, точно, я в этом деле разбираюсь, сам служил. Все в маскировочных комбинезонах, в масках, с автоматами, и начальник у них — лейтенант, по две звездочки на плечах. Конечно, ОМОН. Говорят, в Жуковке они теперя обосновались, Казанов из Брянска вызвал, для усиления... это... борьбы, значит, с бандитами.

— Кто-кто?

— А начальник милиции, фамилия у него такая — Казанов, а кличут все — Казанова. Шут его знает, что за Казанова такая, но баб, говорят, любит... третий раз женился.

Панкрат и Толик переглянулись.

— Да-а, кликуха у него знаменитая, — ухмыльнулся Толик.

— Что ж, спасибо за информацию, отец. Больше никто к Егору не приходил?

— Дак кто ж придет, коли Осип и Аксинья в больнице? Разве что сестры да Васька... дядя евонный, Василий Иванович, дак оне все знають, где он.

— Что ж не убрали в доме, если знають?

— Дак вить не велели подходить. Как не послушаешь? Власть...

— Понятно. Всего вам доброго.

— Прощевайте, добрые люди. Что говорить-то, ежели спросят — кто заходил?

— Кто спросит?

— Да мало ли... семо и овамо... милиция, к примеру.

Панкрат глянул в хитроватые карие глазки-живчики Романа: отец Елизаветы был далеко не дурак и не так прост, как казался с виду. Он многое замечал и все понимал.

— А ничего не говорите, — посоветовал Воробьев. — Меньше видишь — меньше знаешь, меньше знаешь — меньше отвечаешь.

— Это оно конечно, — покивал Роман с пониманием и вдруг быстро спросил: — А правда, что Егор человека убил?

Панкрат спокойно закрыл калитку, посмотрел на мужика, лицо которого выражало теперь сомнение и какой-то тревожный интерес.

— А кто сказал, что он убил человека?

— Да ОМОН жа...

— Не верьте. Егор — очень хороший человек, правильный, зря никого не обидит.

— Дак оно-то конечно... — с облегчением вздохнул отец Лизы, — я же и говорю... обознались ОМОНы-то.

— Обознались, — кивнул Панкрат. — Скоро все выяснится. До свидания.

Он догнал ушедшего вперед Толика, и оба ускорили шаг, заметив выглянувших из окон домов с обеих сторон улицы женщин.

— Ты слышал? — задумчиво спросил Воробьев.

— Слышал.

— А понял?

— Если полковника взял ОМОН, то это означает, что его подставили бандиты, инкриминировав ему убийство своего приятеля на складе ГСМ.

— А это означает в свою очередь, что у хозяев зоны очень большие возможности и связи. Они запросто могут организовать свидетелей и доказать вину Крутова, несмотря на его алиби. Полковника надо выручать!

— Как? Атаковать райотдел милиции в Жуковке?

— Пока не знаю.

Панкрат оглянулся. Отец Елизаветы стоял у своей хаты и смотрел им вслед.

ЖУКОВКА

КРУТОВ

«Светящееся снежное поле... ночь... звездный купол неба... торжественная морозная тишина... дорога с цепочкой телеграфных столбов... и тихий гул проводов, который можно слушать долго-долго, ни о чем не думая, ничего не желая, кроме бесшумного полета над бесконечным заснеженным полем...»

Что-то кольнуло в сердце, словно растаявшая льдинка...

Крутов очнулся. Никакого снежного поля, никаких столбов с проводами (память детства), никаких звезд — тюремная камера с рядами двухэтажных нар и зарешеченным окном высоко под потолком. И гул в ушах — не от звенящих от мороза проводов, а гул крови в многострадальной голове, получившей немало ударов утром, днем и вечером.

Крутов пошевелился, соображая, что лежит на одной из коек нижнего яруса, повернул голову и встретил внимательный взгляд длинноволосого — волосы собраны в пучок на затылке — молодого человека с буквально светящимися прозрачно-голубыми глазами.

— Живой? — вежливо спросил молодой человек.

— Уйти живым— сейчас уже красиво[1]... — пробормотал Егор, прислушиваясь к себе. — Странно... помню, как били, но ничего почти не болит... только в голове звон...

— Я вас немножко подпитал, энергетически, не сердитесь.

— За что же? — Крутов задержал взгляд на лице парня, излучавшем удивительное, непоколебимое, наполненное внутренней силой спокойствие. — Кто вы?

— Меня зовут Ираклий, Ираклий Кириллович Федотов, если угодно. А живу...

— Эй, сявки, кончайте базлать, человеку спать мешаете.

Ираклий и Крутов посмотрели на говорившего, переглянулись.

— Блатные, — понизил голос Ираклий. — Позавчера задержали, за ограбление. Права качают.

— Чмо, тебе говорят! Облома захотел?

Крутов оглядел компанию.

Их было четверо, неуловимо похожих друг на друга, как шишки одной сосны, угрюмых, обветренных, с застывшими старыми лицами, хотя возраст самого старшего из них вряд ли достигал пятидесяти лет. Один спал, укрытый простыней, трое тихо играли в карты, раздетые по пояс. Тот, кто оборвал разговаривающих Ираклия и Егора, был худ, но жилист, с волосатой грудью, не загорелый, а какой-то темный, словно кожу его специально дубили. На плече у него красовалась цветная наколка: синий мужской член в зеленом лавровом венке и две красные ладони.

— Им место не в КПЗ, — сказал Егор, — а где-нибудь на Колыме. А вы как сюда попали?

— Что-нибудь о РОЧ слышали?

— РОЧ? Это Российское общество...

— Российский Орден чести. Я магистр Жуковского отделения РОЧ.

Крутов присвистнул.

— Каким же образом вы оказались в камере?

Темнотелый татуированный «братан» что-то сказал соседу, огромному пузану с висящими грудями, и тот, тяжело ступая, подошел к нарам, где сидели Егор с Ираклием.

Камера притихла. Кроме четверых уголовников, здесь находилось еще четверо человек: лысый дедок, свернувшийся калачиком у параши, двое молодых парней с бритыми головами и мужчина средних лет, спавший на койке верхнего яруса.

— Жить надоело, бобики? — Пузан протянул пухлую руку к Ираклию, и Крутов аккуратно, не вставая, ударил его ногой под колено.

Пузатый присел и едва не упал, хватаясь руками за стояк нар. Выпучил глаза.

— Ты чё, оборзел, баклан?!

Двое его приятелей перестали играть, посмотрели друг на друга, бросили карты и подошли к месту инцидента. Крутов сел, прикидывая, кого отключать первым, но голубоглазый магистр Ордена чести остановил его жестом и повернулся к уголовникам, не вставая с места, глянул в бешеные глаза татуированного.

— Успокойтесь, господа, все нормально. Мы будем разговаривать тихо.

Несколько секунд длилось тяжелое молчание, потом татуированный лидер повернулся и сел на место возле тумбочки в углу камеры.

— Тасуй, Кощей.

— Ну, фраер, я тебе еще... — прохрипел толстяк, кидая на Крутова выразительный взгляд.

Троица снова принялась шлепать картами.

— Ловко вы их, — покачал головой Крутов. — Владеете психическим дальнодействием? Гипнозом?

— Можно сказать и так, — улыбнулся Ираклий; улыбка у него была очень приятная: вежливая, дружелюбная, чуть извиняющаяся и в то же время гордо-уверенная, как бы предупреждающая. — Я с раннего детства занимался тем, что называется сейчас трансперсональной психологией и НЛП — нейролингвистическим программированием. Раньше это называлось гармонизацией человеческого духа с принципами Вселенной. Я исповедую эту философию уже тридцать пять лет.

— Тридцать пять?! Постойте, — Крутов нахмурился, — сколько же вам тогда лет?

— Сорок, — блеснул улыбкой Ираклий.

— Вы случайно не занимались боевыми искусствами?

— Совсем не случайно. В принципе вся моя жизнь — это путь Воина, а Орденом я занимаюсь всего второй год по совету моего друга Сергея Моисеева. Имя знакомо?

— По-моему, он президент Международной ассоциации контактного карате...

— И гроссмейстер Международного Ордена чести, кавалер Креста чести.

— Понятно. И вы уехали из Москвы...

— У меня в Жуковке родственники, а работать можно и нужно везде, в том числе и в провинции.

[1] В. Вишневский.

— И все же непонятно, как вы оказались здесь, в камере с этими типами.

— Вы же тоже попали сюда, хотя явно не принадлежите к криминальному миру. Говорят, вы кого-то убили?

— Гражданин Коркия, за что вы убили человека? За мэчту. Поясните суду, что вы имеете в виду. Я его убил нэ за то, что он спал с моей женой и тещей, дегустатор, понимаешь. И нэ за то, что он спустился по водосточной трубэ из моего окна, каскадер, понимаешь. Я его убил за то, что он сказал: я еще вэрнусь! — мэчтатель, понимаешь.

Ираклий улыбнулся.

— Старый анекдот.

— Кое-кто решил предъявить мне счет... хотя я никого не убивал. Крутов Егор. — Полковник сунул руку Ираклию.

Тот пожал руку, слегка поклонился.

— Очень приятно познакомиться. Я слышал, что вас обвиняют в убийстве, но не поверил. Расскажете, как все произошло?

— Сначала вы.

Ираклий дернул уголком губ, пряча улыбку.

— Конечно. Все очень просто. РОЧ — организация общественная, но официально зарегистрированная, ей необходим офис или хотя бы помещение. В декабре прошлого года мы арендовали у Райкомимущества весь второй этаж бывшего Жуковского Дома культуры. Как положено, составили и подписали договор, заплатили аренду за год вперед. А в начале июля нас начали выселять.

— Почему? Вы же заплатили.

— Вот и я задал тот же вопрос, а мне ответили, что расценки аренды изменились, а поскольку мы вовремя не доплатили — извольте покинуть помещение.

— А в инстанцию повыше не ходил?

— Не успел. Приехали крутые парни в униформе «деловых людей»: черный пиджак, серые брюки, галстук в горошек, туфли а-ля «копыто лошади», — и нам пришлось защищаться. Первый натиск мы выдержали, как-никак у нас все документы в порядке, а второй раз они приехали рано утром, связали сторожа, взломали двери, начали выбрасывать наши вещи, мебель, аппаратуру...

— Беспредел! Но ведь должна быть какая-то причина такого наглого вторжения.

— О, конечно, причина есть. У брянского мэра есть брат, «новый русский», ему и приглянулись наши апартаменты под свое представительство, а может быть, под какую-нибудь фирму. Я знаю, что он начал скупать дома и земли в деревнях района якобы для создания сети современных магазинов и строительства клубов, но так ли это на самом деле, не проверял.

— А в Ковалях он случайно не купил хату?

— По-моему, да, приобрел.

— Его не Борисом кличут?

Ираклий внимательно посмотрел на Крутова.

— Ты с ним знаком?

Егор покачал головой.

— Как тесен мир! Он наехал на меня в первый же день, как только я приехал к родственникам. Но тогда получается, что его брат-мэр — муж Елизаветы?!

Ираклий продолжал выжидающе смотреть на Крутова, и тот, мрачнея, рассказал ему историю своих отношений с Борисом Мокшиным, не вдаваясь в подробности.

— Ты не знаешь, куда поместили Лизу?

— К сожалению, нет. Здесь есть женская камера, но кто там сидит, не интересовался.

Крутов поморщился, потер виски пальцами, чтобы снять боль от поднявшегося волнения, подумал и лег.

— Что, голова заболела? — спросил Ираклий. — Хочешь, научу снимать любую боль и даже вообще ее не чувствовать?

— Да я вроде и сам умею.

— Изучал систему или научил кто?

— Приходилось по роду деятельности заниматься китайским цигуном.

— Хорошая система, особенно если знать «рубашки», но есть получше. С лунггом не знаком?

— С чем его едят?

— Это тибетская система психофизических тренировок. Тебе как подготовленному человеку овладеть ею будет легко.

— Спасибо, будет время, расскажешь и покажешь.

— С удовольствием. Только мне кажется, что ты здесь не задержишься.

— А ты рассчитываешь сидеть долго?

Они перешли на «ты», не заметив этого.

Ираклий улыбнулся.

— Больше трех суток они не имеют права держать меня здесь, но уж очень сильно я обидел команду крутых мальчиков Бориса. У тебя ко мне еще какие-нибудь вопросы имеются?

Крутов понял.

— Что ты хотел узнать от меня?

— Где ты работаешь?

— Сейчас нигде, уволился... по состоянию здоровья, как написано в приказе. А работал в спецназе эсбэ, полковник.

— Я понял, что ты профессионал по выживанию, еще когда лечил тебя. Что там произошло, на допросе, что вся милиция на уши встала? Кстати, похоже, тебя несколько раз долбали электрошокером. Я обнаружил на шее и на спине специфические пятна и рисунок.

— Мне не привыкать... — пробормотал Крутов. — В Таджикистане я от этого чуть не сыграл в ящик. Жили мы на окраине Курган-Тюбе, в маленьких деревянных домиках, коекак приспособленных для жилья. Провели свет, установили электронагреватели воды. Однажды я пришел с... э-э, работы, решил искупаться, включил воду и нагреватель, а свет вырубили. Я минут десять повозился во дворе с техникой, вернулся в дом и первым делом распахнул дверь в ванную...

— И что же?

— Произошло то, что я меньше всего ожидал. Пока я возился во дворе, отключили и воду, а электронагреватель продолжал естественно работать. Обшивка ванной комнаты деревянная, начала тлеть, а когда я открыл дверь, волна угарного газа выплеснулась мне в лицо. Я успел выдернуть шнур из сети, получил удар током и упал. В общем, все одно к одному. Не помню, как добрался до кухни, пытался выбить стекло, а оно двойное, знаешь, рамы с двойным стеклом, одно пробил, порезался, второе не смог. Когда приехали пожарники, на кухню они заглянули в последнюю очередь, я уже был еле теплый... — Крутов усмехнулся.

— И все-таки выжил.

— В больнице врач посмотрел и говорит — хана, сердце не бьется... Но откачали. Как сказал потом врач, хороший мужик, между прочим, классный специалист, меня спасло именно то, что долбануло током. Организм как бы перестроился и не среагировал на угарное отравление.

— Интересный случай.

— Да уж, на всю жизнь запомнил. Поэтому я, наверное, и на электрошокеры реагирую не так, как другие, не сразу отключаюсь, а просто воспринимаю как самый обычный удар палкой.

Егор вспомнил сцену на допросе.

В кабинете следователя, куда его доставили из КПЗ, находилось три человека: красивый седоватый капитан, оказавшийся начальником милиции, молодой, но какой-то серый, замученный то ли жизнью, то ли болезнями следователь и

верзила-омоновец с лейтенантскими звездочками. Видимо, это его подразделение и приезжало за Крутовым в Ковали.

Егора посадили на стул посреди комнаты, и следователь начал задавать вопросы, умело оперируя фактами происшествия на складе ГСМ. Было видно, что он хорошо знает, что именно там произошло.

Отвечал Крутов коротко, почти не задумываясь, гадая, зачем в комнате присутствуют еще двое милицейских начальников. Однако это он понял уже через минуту, когда в разговор вмешался капитан и задал тот же вопрос, что и следователь в начале разговора:

— Имя, фамилия?!

— Егор Лукич Крутов, — ответил Егор и, не удержавшись, добавил: — Вы же забрали мои документы, там все написано, или читать не умеете?

— Отвечать без рассуждений! На кого работаешь на самом деле?

— На китайскую разведку, — с иронией ответил Егор и тут же получил удар по уху, сбросивший его со стула.

— На кого работаешь, скотина?! Быстро!

Крутов полежал на полу, справляясь с головокружением и шумом в голове, потрогал ухо, глянул снизу вверх на возвышавшегося над ним, как башня, омоновца, спросил безразличным тоном:

— Ты случайно не бейсболист?

— Встать! — рявкнул капитан.

Егор встал, поднял глаза на лейтенанта.

— Еще раз ударишь, сверну шею, понял?

— Ты еще хамишь, паскуда?! — удивился начальник милиции. — А ну-ка, Онопченко, осади бандита!

Лейтенант шагнул к Егору, схватил его за плечо и попытался, надавливая на ключицу, усадить на стул. Крутов убрал плечо, перехватил мощную руку омоновца, мгновенно заблокировал предплечьем и нанес точный удар в шею, называемый в карате кодзеку — «коготь и крыло». Лейтенант дернул головой и, наверное, упал бы, не поддержи его Крутов. Егор отвел омоновца к столу и усадил на второй свободный стул. Сам же вернулся и сел на стул посреди комнаты. Все произошло так быстро, что ни капитан, ни следователь не успели среагировать, да и потом просто сидели и смотрели то на Егора, то на гаранта своей безопасности, закатившего глаза.

— Собака бешеная! — первым опомнился начальник милиции. — Ты что же это себе позволяешь?! Нападение на работника милиции при исполнении...

— Капитан, — проникновенно сказал Крутов, — тебе не страшно связываться с Конторой, в которой я служу? Она же от тебя мокрого места не оставит. Я же, со своей стороны, когда выйду, а я обязательно выйду, обещаю, что угрохаю весь твой сраный ОМОН, ворвавшийся ко мне в дом. Я таких вещей не прощаю. Может быть, лучше будем сотрудничать? Я ведь много чего могу рассказать о бандитах, отдыхавших на складе ГСМ. Это именно они напали на Ковали, чуть не застрелив деда и избив старуху.

Начальник милиции побледнел, глянул на растерявшегося следователя, и кто знает, что он предпринял бы дальше, если бы не вмешался пришедший в себя командир взвода ОМОНа. Он помотал головой, взревел и бросился на Крутова, доставая с пояса пистолет. Понимая, что сопротивление работникам милиции будет поставлено ему в вину, но не желая пассивно ждать избиения, Егор принял предлагаемый сценарий действий.

Не вставая со стула, он ударом ноги в живот остановил омоновца, а вторую ногу (прием «ножницы») впечатал ему в скулу. Верзила отлетел к столу, сбивая с него телефон, чернильный прибор и бумаги, но пистолет не выронил, обучен был таким вещам. Он, наверное, мог бы и стрельбу начать, однако вскочивший капитан остановил лейтенанта и вдавил кнопку вызова дежурного.

В помещение вбежали двое парней в камуфляже, за ними сержант милиции, и дело приняло другой оборот. Крутов отскочил к стене, выставил вперед ладони.

— Все, все, сдаюсь, давайте поговорим спокойно...

Но его схватили за руки, надели наручники и по команде лейтенанта начали избивать: один омоновец имел дубинку, второй — электрошокер. Зажатый в угол, Егор сопротивлялся некоторое время, разбив омоновцу лоб, а второму сломав нос, однако силы были не равны, в схватку вмешался лейтенант и, выждав момент, ударил Крутова по затылку рукоятью пистолета. Затем, упавшего, его с минуту били ногами, пока он не потерял сознание окончательно...

— Они что же, не поверили, что ты полковник? — помолчав, спросил Ираклий, когда Егор закончил рассказ.

Крутов качнул головой.

— Им нужен козел отпущения, на которого можно многое свалить. Они будут из кожи лезть, чтобы доказать мою вину.

— А ты действительно был на складе?

Крутов встретил заинтересованный взгляд магистра Ордена чести и вдруг под влиянием импульса, поверив в его искренность и достойное отношение, принялся рассказывать историю своего появления в Жуковском районе. Закончив, тут же пожалел о своей откровенности, не понимая, чем она была вызвана, но реакция Ираклия его несколько успокоила. Магистр Ордена чести остался задумчиво-спокойным, и в глазах его не было сомнений и недоверия.

— Да, влип ты крепко, — сказал он. — Им будет легко доказать, что ты был на складе, свидетелей — хоть отбавляй. И ты слишком много знаешь, чтобы они тебя выпустили.

— А ты случайно не интересовался, что за воинская часть прячется в лесах за колючей проволокой? И воинская ли?

— Кое-что слышал, — уклончиво ответил Ираклий, — но это лишь слухи. Говорят, что там находится какой-то военный полигон, оружие новое испытывают. Но сам я в тех местах не бывал и свидетелей испытаний не встречал.

— Понятно, — разочарованно пробормотал Крутов. — Действительно, солидная вывеска — полигон... если только не фальшивая. А я думаю, что фальшивая, потому что те, кто сидит в зоне, действуют слишком по-бандитски, не оглядываясь по сторонам. Настоящие армейские профи вызвали бы меня к себе или приехали бы ко мне и спокойно дали бы понять, что охраняют гостайну, я ведь не хрен с бугра, а все-таки полковник ФСБ... хотя и бывший. О чем мало кто знает. Ладно, разберемся. Знаешь, что меня поразило после нападения бандитов на деревню? — реакция сельчан. Как-то народ воспринял случившееся слишком просто, будто ничего особенного не произошло. Ну, постреляли, пошумели, избили кого-то, ну ранили... и все! Посудачили и разошлись.

— Привык народ к беспределу.

— Но ведь это страшно! Страна становится не просто криминальным «раем», но государством террора! В последнее время нас вызывали для захвата тер... — Егор осекся.

Ираклий смотрел на него с улыбкой, хотя взгляд его оставался строгим и оценивающим.

— Договаривай, хотя я и так догадался, что ты в пятом управлении работал, спецподразделение «АТ». Угадал?

— С умным человеком и поругаться приятно... — Крутов закрыл глаза, полежал немного, стиснув зубы, оживился. — Ты не из нашей Конторы, часом, коль знаешь такие вещи?

— Не из вашей, — засмеялся Ираклий, — но из родственной. И тоже полковник... в отставке.

Засмеялся и Крутов.

— Родственные души, значит? Жаль, О'Генри умер давно, а то написал бы о нас новеллу.

— Еще найдется литератор, напишет.

— Если выживем. Рассказал бы ты о своем Ордене, все же любопытно, чем вы там занимаетесь.

Раздался звук зевка. Беседующие оглянулись.

Спящий под простыней человек зашевелился, сбросил простыню, сел, помассировал затылок, глянул из-под тяжелых век на Крутова с Ираклием, сказал хрипло:

— Эй, вы, двое...

Крутов оглядел уголовника, вызывающего уважение не только габаритами и массивным, бугристым от мышц торсом, но и татуировкой на груди, изображавшей батальную сцену морского сражения, выколотую с большим мастерством. И взгляд у мужика был очень нехороший, недобрый, тяжелый, с легким флером безумия, говоривший о полном пренебрежении этого человека к нормам человеческого общежития.

— Подойдите, — поманил он приятелей толстым пальцем.

Ираклий хотел что-то сказать, но Егор опередил его:

— Сам подойди, если чего надо.

В камере установилась пугливая тишина.

— Я же говорил, оборзели, фраера! — негромко произнес темнолицый зэк с татуировкой на плече.

— Что ж ты их не успокоил? — буркнул вожак, не поворачивая головы.

— Да мы...

— Засохни!

Вожак соскочил на пол со второго яруса нар с грацией медведя, встал во весь рост. Тело его напоминало ствол эвкалипта: грудь, талия и шея казались одной толщины, — а руки походили на узловатые корни. Вероятно, этот экземпляр человеческой породы был очень силен.

— Бардадым... — вспомнил Крутов старика-водителя из Выселок. — Снежный человек.

— Шишголь[1], — согласился Ираклий.

Они переглянулись с улыбками, отлично понимая друг друга.

— Пошли, — почти нежно проговорил «снежный человек», — поговорим с парашютистами[2].

Игравшие в карты уголовники с готовностью встали за спиной вожака, и тот, одетый в спортивные штаны с надписью «адидас», направился к Ираклию и Крутову. Остановился в

[1] Шишголь — сброд, голь (*ст. рус.*).

[2] Парашютист — заключенный, который выносит парашу (*тюремно-воровской жаргон*).

метре от койки, на которой сидел Ираклий. Крутов стал приподниматься, но Ираклий остановил его жестом.

— «Дурь»[1] есть? — тяжело спросил вожак.

— Откуда? — пожал плечами Ираклий. — Мы тут люди случайные.

— Чего ж тогда особняка[2] из себя лепишь?

— Да ты успокойся, король, хочешь держать зону[3] — держи, мы не препятствуем, — тон Ираклия внезапно изменился, похолодел, — но и нас не тронь!

Вожак лениво почухал себя за ухом, так что заиграли чудовищные мускулы на руке и плече, перевел взгляд с Ираклия на Крутова, задумчиво сплюнул. Было видно, что ему что-то мешает чувствовать себя хозяином положения.

— А если мы вас попишем, а ночью мокруху спроворим?

Пузан с пухлыми руками и грудью услужливо подсунул главарю самодельный нож-заточку, сделанный из напильника.

— А если мы в ответ устроим кипеж? — кротко сказал Ираклий.

Вожак хмыкнул, повертел в пальцах нож, все еще пребывая в нерешительности, как ему поступить, чтобы не потерять лицо: эти двое явно его не боялись, — и вдруг выбросил вперед руку с ножом, норовя попасть в глаз Ираклию. В ту же секунду Крутов, поймавший кровавый блеск в глазах уголовника, змеиным движением перебросил тело на другую сторону койки, а Ираклий, отклонившись, легко отбил удар и вонзил два пальца в глаза вожака. Одновременно с ним атаковал противников и Крутов: захватив голову татуированного за затылок, ударил его лбом о стойку нар, пузатого игрока толкнул в грудь «лапой тигра», а третьего просто сбил с ног коленом.

Нож из руки вожака выпал, а сам он схватился за лицо, но не закричал, лишь утробно ухнул, отшатываясь, и, мелко переступая ногами в кроссовках (он так и спал в них!), попятился в проход, натыкаясь на своих охающих сподвижников. Остановился, вытирая слезы, раскрыл покрасневшие глаза, исподлобья глянул на спокойно стоявших плечом к плечу полковников.

— Вам хана, люди! Я вам устрою шитвис... — он не договорил.

[1] «Дурь» — наркотик.

[2] Особняк — особо опасный рецидивист.

[3] Держать зону — быть неофициальным лидером среди заключенных.

Крутов, подобрав нож, метнул его между уголовниками, так что тот пролетел мимо них и вонзился в тумбочку.

Компания обменялась понятливыми взглядами, отошла в свой угол и успокоилась. Ираклий и Крутов сели на койку, посмотрели друг на друга.

— Профессионально бросаешь ножичек, — похвалил Ираклий.

— Да и ты не слабо дерешься, — хмыкнул Крутов.— Я не заметил, что ты сделал, хотя владею темпом.

— Тренировка.

— Лунг-гом?

— И она тоже. Образ жизни.

— Хитришь ты, полковник. Путь Воина, которым ты идешь, не декларация, это действительно образ жизни, который предполагает постоянное участие в драке. Все равно какой — спортивной или реальной. А судя по твоим кондициям, ты человек боя.

— Полковник, ты неплохой психолог, но слишком прям. Тебе это наверняка мешает в жизни. Наверное, из службы за просто так не увольняют, где-то ты проштрафился. Или сказал что-то невпопад, или приказ выполнил по-своему.

Крутов усмехнулся.

— Кажется, мы достойны друг друга. Когда-нибудь я расскажу тебе, по какой причине я ушел в отставку. Кстати, я не одинок в этом вопросе. У меня появился приятель, бывший майор ОМОНа, которого тоже уволили... за некие грехи. Так вот, он в отличие от меня продолжает работать.

— Каким образом?

— О «дорожных мстителях» не слышал?

— Нет.

— У него бандиты убили сестру, и он решил мстить. Собрал бригаду из шоферов, пострадавших от грабителей и убийц, и теперь колесит по дорогам отечества, «мочит» этих скотов без суда и следствия. И совесть его чиста.

Ираклий задумчиво подергал себя за нос.

— Я его понимаю, хотя сам придерживаюсь другой точки зрения. Злобных и трусливых, агрессивных людей, садистов и убийц убивать нельзя, так как их ущербные души слишком рано обретают свободу и возвращаются в мир, чтобы овладеть новыми жертвами.

— Ты веришь в теорию реинкарнации? В устах бывшего полковника это звучит несколько... м-м, необычно.

— Вера — лишь одна из ступеней Лестницы Иакова, — засмеялся Ираклий, — причем самая первая. Всего же ступеней

семь. Человек, поднявшийся по всем семи, становится воплощением бога. Но начинать надо с первой, с Веры.

— В бога?

— В человека.

— Я читал, — кивнул Крутов, — но как-то не задумывался над практическим воплощением Лестницы. Семь ступеней — это Вера, Надежда, Любовь, Чистота, кажется, и... э-э... Смирение...

— Благодать и Слава. По сути, Лестница Иакова — это лестница самосовершенствования и самореализации человека. Но вряд ли последние две ступени одолимы человеком, даже адептом духовного Пути. Даже магистром Ордена чести. — Ираклий подмигнул Егору, подшучивая над собой.

Крутов хотел расспросить его о каноническом смысле Лестницы Иакова, однако в это время загремели запоры на двери камеры и тюремщик возвестил:

— Собирайсь на ужин!

Возникла небольшая заминка. Обычно первыми из камеры выходили уголовники, привыкшие считать себя «тюремной элитой», но на сей раз все четверо сначала посмотрели на Егора и его собеседника, как бы признавая их первенство — сработал закон силы, — и лишь потом, увидев, что они не торопятся, зашевелились, воспрянули духом и важно прошествовали к выходу. Крутов встретил иронический взгляд Ираклия, подмигнул ему, и они вышли следом.

Столовая в местном СИЗО была небольшая, всего на двадцать человек, поэтому уединиться было негде, стол здесь был один, и беседовать не хотелось. Лишь поужинав: овсяная каша, хлеб, чай, — и дойдя до камеры, бывшие полковники заговорили, и Ираклий наконец рассказал Крутову историю создания Ордена чести и объяснил его цели.

Егор узнал, что кавалером Ордена может стать каждый человек, добровольно подчиняющийся правилам и дисциплине Ордена, соблюдающий его иерархию и этику вне зависимости от положения, которое он занимает в обществе. Главным же условием продвижения кавалера по иерархической лестнице Ордена было соблюдение «принципа мушкетеров»: один за всех — все за одного! А также признание постулата: честь служения Ордену — выше любых должностей!

— Ну, хорошо, звучит красиво, — сказал Крутов. — Однако каждый понимает слово «честь» по-своему. Какой смысл вкладываете в него вы?

— Толкование смысла этого слова может быть только одно, — возразил Ираклий. — Честь означает гармоническое со-

единение нравственного, разумного и волевого начал — это я цитирую Кодекс кавалеров Ордена, — следование пути, определенного этическими нормами человеческого опыта. С честью несовместимы проявления трусости, малодушия, слабоволия, лживости, алчности, моральной распущенности, унижения одного человека другим. Или ты не согласен?

— Согласен, — вздохнул Егор, вспоминая историю своих отношений с Елизаветой, — только где вы отыщете таких идеальных кавалеров? Существуют ли они в природе вообще?

— Существуют, — кивнул оставшийся серьезным Ираклий, — один из них перед тобой. — Веселая искра в глазах говорившего явно относилась к реакции Егора. — Среди кавалеров Ордена немало офицеров, как действующих, так и в отставке, бывших военнослужащих, в том числе афганцев и ребят, воевавших в Чечне, Абхазии, Молдове, но есть и ученые, писатели, актеры и даже политики.

Крутов скептически поджал губы.

— Политика — дело грязное. Неужели в ваших рядах наблюдаются честные политики?

— По большому счету ты прав. Еще Конфуций сказал: честные речи и любезный вид редко сочетаются в людях. И все же среди кавалеров Ордена чести есть и политики.

— Кто же, если не секрет?

— Моисеев Сергей Евгеньевич, например, Лебедев Александр Иванович, ряд политиков помоложе.

— Ну, хорошо, допустим. Но я так и не разобрался, каких целей добивается ваш Орден, чем занимается.

— Высшая цель Ордена — влияние на судьбу страны, на выбор стратегии развития. Если хочешь — споспешествование росту духовного потенциала народа.

— Ни больше ни меньше, — с иронией поднял бровь Крутов. — Сам-то ты веришь в достижение столь значимых целей? К слову, как ты представляешь себе «споспешествование росту духовного потенциала»?

— Выход один, — Ираклий вдруг погрустнел, — создание воспитательно-этических систем. Этот путь очень долог и труден, но он единственно правильный. И мы — в самом начале пути. Мы создаем детские сады, гимназии, школы, клубы по интересам, спортивные базы, работаем с правоохранительными органами, военкоматами и армией, отдача слабая, но она есть.

Крутов сделал вид, что переваривает информацию. Впечатление, сложившееся у него от всей беседы с Ираклием Кириловичем, что Орден чести — лишь «крыша» какой-то «новомасонской ложи», укрепилось окончательно. Уж больно эрудированным был этот бывший полковник, ставший магистром районного Ордена, слишком свободно он оперировал понятиями психологического программирования и чересчур профессионально владел рукопашным боем. Вслух же Егор сказал:

— Как ты думаешь, спать можно спокойно или лучше по очереди подежурить?

Ираклий оглянулся на примолкшую в углу четверку уголовников, подумал и решил:

— Лучше подежурить.

МОСКВА. 29 ИЮЛЯ

ДЖЕХАНГИР

Дубневич позвонил в семь утра, когда Мстислав Калинович принимал душ в своей роскошной ванне с гидромассажем. Ванна была под стать роскошной шестикомнатной квартире, расположенной на Новой Басманной, напротив церкви святых Петра и Павла, но Мстислав Калинович Джехангир, официально — владелец мощного рекламного агентства «Премьер-WW», жил в ней один. Менее известно было другое занятие Джехангира — патронаж российских спортивных баз, в том числе — школ восточных и славянских единоборств. И совсем неизвестной, причем не только широкой общественности, но и спецслужбам, оставалась миссия Мстислава Калиновича на поприще создания и руководства Российским легионом, а также его деятельность в качестве начальника службы безопасности секретного третьего отделения ФУМБЭП — Федерального управления медикобиологических и экстремальных проблем. Когда-то и сам Джехангир занимался боевыми искусствами, завоевал звание мэйдзина — мастера, достигшего совершенства, стал победителем двух финальных боев без правил, создал свою школу в Брянске и три года учил детей и юношей искусству кунгфу (тогда это называлось «карате»). Однако в начале девяностых годов на него вышли наниматели РВС, предложили применить его знания и опыт несколько в иной области, и Мстислав Калинович согласился. Через семь лет он стал генералом и командующим Российским легионом, о создании которого не знал даже президент страны.

— Появились кое-какие проблемы, — сказал Дубневич. — Я могу говорить?

Джехангир с телефонной трубкой в руке вылез из ванны, вытираясь на ходу полотенцем, бросил взгляд на аппарат в гостиной, на зализанном корпусе которого горел зеленый зрачок — сигнал включенного скремблера.

— Говори.

— Нами заинтересовалась военная контрразведка. Их агент прибыл в Брянск.

— Точнее.

— Пока неизвестно, кто он и какой легендой прикрыт, но мы работаем.

Джехангир вытер полотенцем лицо и шею, поддерживая плечом трубку возле уха. Полковник Дубневич был начальником охраны военных объектов в Брянской губернии, а также командиром одной из бригад Российского легиона. Кроме того, он лично курировал работу «Объекта № 2» на территории Жуковского района, и если он поднимал тревогу, к этому стоило прислушаться.

— Что еще?

— Меня беспокоит психическое состояние команды, охраняющей «Объект № 2». По-моему, у охранников начались необратимые изменения в психике, они превращаются в дебилов. Я только что узнал о создании ими мотобанды, которая в свободное от службы время гоняет по дорогам области, нападает на автолюбителей и жителей деревень.

— Ты в своем уме?! — тихо спросил Мстислав Калинович.

— Я-то в своем, — угрюмо ответил Дубневич, — а кое-кто нет. Я еще полгода назад возражал против испытаний «ЗГ» на охранниках...

— Короче, — перебил полковника Джехангир. — Твои предложения?

— Срочно заменить охрану, послать в район «командуноль». Если только уже не поздно.

— Что ты имеешь в виду?

— Эти идиоты налетели на деревню Ковали всего в шести километрах от нашего объекта, напоролись на негосударственную контору «Час» — так называемых «дорожных мстителей»...

От щек Джехангира отлила кровь.

— И ты ничего не предпринял?!

— Предпринял, как только узнал. «Мстителей» мы возьмем, лишь бы не возникло резонанса. Кстати, вам фамилия Крутов ни о чем не говорит?

— Крутов? — Мстислав Калинович не сразу вспомнил

одного из своих учеников. — Да, я знаю одного, если только это тот Крутов. Егор?

— Так точно. Так вот, он — полковник ФСБ, правда, в отставке, и, по его словам, приехал к родственникам на побывку. Однако приехал он именно в тот момент, когда произошли те самые события. Вы его хорошо знаете?

— Я его не видел больше пятнадцати лет.

— Это может быть простым совпадением — его появление и участие в драке?

— Не знаю.

— Проверь. Понаблюдай за ним.

— Его взяли люди Казановы... э-э, капитана Казанова, начальника жуковской милиции, по обвинению в убийстве военнослужащего, и сейчас он сидит в камере жуковского СИЗО. Сватов подсуетился.

Мстислав Калинович крякнул. Майор Сватов был начальником охраны «Объекта № 2», жестким и умным, но излишне самостоятельным и грубым. Это он предложил зомбировать охранников объекта «с целью усиления ответственности каждого за порученное дело», а директор Проекта, начальник «Объекта № 2», пошел ему навстречу. Что с него взять, для него это был лишь дополнительный материал для испытаний «ЗГ»...

— Подробный отчет о происшедшем — мне на стол! Крутова отпустить.

— Но он же...

— Отпустить! Но держать под контролем. Не исключено, что он — подсадная утка. Не исключено также, что он станет нам полезен. «Мстители» должны исчезнуть, тихо. Охрану объекта... заменить.

— Понял. Будет сделано.

Связь прервалась.

Мстислав Калинович подержал трубку в руке, потом набрал номер.

— Винсент Аркадьевич? Как насчет рандеву?

— Что-нибудь важное? — бархатистым раскатистым голосом отозвался председатель РВС Винсент Аркадьевич Валягин.

— Возникли небольшие проблемы, но посоветоваться необходимо.

— Если только вечером.

— Где?

— Можно в сауне клуба.

— Это идея, давно не принимал массаж. Хотя есть поговорка: в баню ходит только тот, кому лень чесаться.

Трубка донесла сытый смешок, и Валягин отключил линию. Мстислав Калинович с улыбкой положил трубку и пошел обратно в ванную.

В семь часов вечера они встретились в баре ночного стрип-клуба «Баттерфлайз»[1] на Садово-Каретной. Посетителей было еще мало, завсегдатаи клуба собирались позже, к девяти-десяти часам вечера, но беседовать в баре все равно было не с руки, и после двух кружек пива «Кайзер» обе особо важные персоны отправились в сауну.

Рядом с Валягиным Джехангир, сам, в общем-то, далеко не хилый человек, смотрелся как «Запорожец» рядом с «Мерседесом». Винсент Аркадьевич в молодости был культуристом: рост два метра один сантиметр, плечи — метр двадцать (почти косая сажень), объем шеи и бицепсов — пятьдесят пять сантиметров, — но и к пятидесяти пяти годам не потерял фигуры, разве что мышцы подзаплыли жирком да пропала былая легкость движений.

Посидев в парной, они нырнули в пустой бассейн с подсвеченной снизу водой и в блаженном расслаблении медленно и долго плавали от стенки к стенке, пока нервная система не пришла в состояние гармонии со всеми частями тела, потом вылезли из бассейна, завернулись в простыни и уселись в низкие удобные кресла в комнате отдыха.

— Ну, что там у тебя стряслось? — поинтересовался наконец Валягин, беря со стола уже открытую незаметной прислугой сауны бутылку пива «Миллер».

— Ничего особенного, — взял вторую бутылку Джехангир. — У меня все нормально. Проблемы возникли у системы.

— Конкретнее.

— Я предупреждал, что нельзя брать на работу уголовников.

— О ком ты?

— И я был прав. Но Юрий Тарасович не пожелал тогда выслушать мои доводы, и вот результат.

Валягин вытер красное, распаренное, мясистое лицо, смерил Мстислава Калиновича насмешливым взглядом.

— Ты как тот китаец, который никогда не признается, что не знает маршрута, о котором его спрашивает случайный прохожий. Скоро мне твоя манера разговора надоест, и я сошлю тебя в Сибирь, поближе к объектам номер один и три. Что случилось?

— «Объектом № 2» заинтересовалась контрразведка.

Валягин спокойно допил пиво, взял вторую бутылку.

— Ну, этого следовало ожидать. Спецслужбы не может не заинтересовать контора, я имею в виду наше управление, которую они не контролируют.

— И тем не менее эту проблему надо решать.

— Кто говорит, что не надо? Только способы решений могут быть совершенно разными. Вот как ты, например, олицетворяющий безопасность системы, собираешься ее решать?

Мстислав Калинович пососал клешню рака, понимая, что инициативу ему предоставили неспроста, у Винсента Аркадьевича явно были с в о и заготовки и идеи.

— По-моему, решение напрашивается простое. Оперативная разработка — это агентурная и техническая разведка, слежка, проверка, инженерно-технический контроль, внедрение своих людей во все эшелоны спецслужб, выход на агентурную сеть противника. Но этот метод стар и не всегда эффективен. Могу позволить себе предложить другое решение, с одной стороны — традиционное, ему много тысяч лет, с другой — мы его еще не применяли, я имею в виду российские спецслужбы.

— Ну-ну? — благосклонно поощрил собеседника Валягин.

— Это одна из китайских стратагем, стратагема номер двадцать семь. Звучит она примерно так: притворяться глупцом, не поддаваясь вожделениям.

— Какой в нее вкладывается смысл?

— Смысл таков, что лучше сделать вид, что ничего не знаешь и не хочешь ничего делать, чем делать вид, что владеешь знанием, и действовать торопливо и безрассудно.

Валягин разломил крупного рака, пожевал мясо, разглядывая флегматичного с виду Джехангира.

— Ты случайно не китаец, Калиныч?

— В моей крови течет кровь русских и монголов.

— Я пошутил. Ну и как ты собираешься воплощать свою стратагему в жизнь?

— Пусть контрразведка занимается своим делом, мы же запустим в ее сеть слух о приеме на работу на интересующий их объект и проверим всех, кто захочет получить работу.

— Приятно иметь умного начальника охраны, — хохотнул Валягин, намеренно принизив должность Джехангира. — Не зря мы тогда обратили на тебя внимание. Ты прав, у меня есть ноу-хау, хотя ему тоже не менее тысячи лет. Допустим, некая

[1] Batterflies — бабочки (*англ.*).

мощная структура хочет подчинить другую, равную себе. Как это сделать, не рискуя погибнуть? Война ведь может быть проиграна, силовое соперничество стратегически невыгодно. Между тем ответ действительно прост — сотрудничество! И последующее постепенное поглощение.

Джехангир перестал хрустеть раками, вытер руки краем простыни, не торопясь высказывать свое мнение.

— Идея неплохая... по большому счету. Однако военная контрразведка — не коммерческая фирма и даже не криминальная структура со своими методами защиты, с ней не очень-то посотрудничаешь, а тем более — не заставишь работать на себя.

— Ошибаешься, Калиныч. Ты все время забываешь, над чем мы работаем. Испытания «ЗГ» проходят успешно, скоро мы их запустим в производство, а имея генератор, можно легко заставить любого человека делать то, что нам нужно. В том числе — руководителей ФСБ и других силовых структур. А потом мы начнем работать над более глобальным проектом, над Проектом ПИ.

Джехангир промолчал. Он не был ученым и в терминологии Проекта разбирался слабо, знал только, что аббревиатура ПИ означает «психотронное инициирование», а сам Проект состоит в разработке квазиоружия на основе ПИ. Разработка и испытание «ЗГ» — зомбигенераторов «удав» и «черный глаз» на «материале», то есть на людях, на «подопытных кроликах», в качестве которых использовались заключенные, приговоренные к смертной казни или к пожизненному заключению, была лишь первым этапом Проекта.

— Совсем скоро мы испытаем действие «ЗГ» на тех, кто нам мешает, — продолжал, импозантно развалившись в кресле, Винсент Аркадьевич, также переставая насыщаться, и контрразведчики сами сообщат нам, кто из агентов сидит в Брянске и крутится вокруг объекта. Это все твои проблемы?

— Нет, — помолчав, ответил Мстислав Калинович.— По данным Дубневича, у охранников объекта начались изменения в психике, из-за чего они «засветились» сами и «засветили» объект.

— А вот это уже гораздо хуже. Ты обязан был предусмотреть подобные инциденты. Пошли туда свою «нулевую» группу, пусть зачистит все, что можно.

— Я уже дал команду, но боюсь, что поздно. В инцидент впуталось множество посторонних людей.

Лицо Винсента Аркадьевича стало твердым и злым.

— «Зачистить» всех! Подставьте кого-нибудь, свалите все на какую-нибудь банду, показательно уничтожьте ее, подготовьте свидетелей... короче, не мне тебя учить, как это делать. «Объект № 2» практически исчерпал свои возможности, но мы еще не готовы свернуть все работы, перебазировать его и ликвидировать следы деятельности. Займись этим сам.

— Хорошо, — меланхолически согласился Мстислав Калинович.

— А кого ты имел в виду под уголовниками? Якобы у нас работают уголовники...

— Я имел в виду зятя Юрия Тарасовича.

— Сватова, майора охраны объекта? Какой же он уголовник?

— Он сидел, а это уже характеристика. Все его приятели — бандиты и уголовники, и связи остались, и действует он, никого не признавая, бандитскими методами. По сути, он и допустил утечку информации, глядя сквозь пальцы на «шалости» своих дебильных мальчиков.

— Я этого не знал. Но Юрий Тарасович не стал бы...

— Он директор Проекта, ему наплевать на проблемы охраны тайны и защиты территории, и слушать меня он не станет.

— Хорошо, я поговорю с ним. А пока готовься к легализации Легиона. — Валягин встал. — Пошли, посидим в парилке еще раз.

Мстислав Калинович с недоумением посмотрел на председателя РВС.

— Не понял. О какой легализации речь? Легион — часть системы...

— Рано или поздно о его создании станет известно не только Совету безопасности и первому вице-премьеру...

— Которому мы заткнули рот взяткой.

— К сожалению, не каждого политика можно купить за деньги.

— Что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги.

— Лебедева ты не купишь, а профессионал он ушлый, и команда помощников у него грамотная. Так вот, прежде, чем о Легионе узнает оппозиция, надо его проверить в деле и порекомендовать президенту как боевую единицу, способную решать л ю б ы е проблемы. Что не так уж и далеко от истины.

Валягин вышел. Мстислав Калинович вынужден был присоединиться к нему в парной, температуру которой — сто с лишним градусов по Цельсию — мог выдержать далеко не каждый здоровый человек.

— Я считал, что дело Легиона — поддержка РВС...

— Расслабься, Калиныч, дыши через нос. Легион был и ос-

танется в твоем подчинении, в качестве стратегического резерва РВС, хотя это действительно военная основа Реввоенсовета. Что касается первых вице-премьеров и лидеров оппозиции, то у нас родилась идея испытать один из «ЗГ» на них. Если испытания пройдут успешно, получим мощных сторонников, которые помогут нам в «час икс» реализовать революционную ситуацию.

— Вице-премьера можно отправить в отставку с помощью стандартного приема: сформировать «джентльменский набор» улик — взятка, злоупотребление властью и служебным положением, употребление наркотиков, женщины... Проще и надежней.

— Но дольше и дороже, дорогой генерал. С «ЗГ» это будет намного быстрее и дешевле: наставил аппаратик — ты же видел «удав»? — похож на пистолет, — нажал на курок — и человечек твой, со всеми его амбициями, идеями, идеалами и связями. Никакой крови, никаких угроз.

Мстислав Калинович попытался подрегулировать деятельность внутренних органов секреции, чтобы выдавить из себя как можно больше пота, очистить организм от шлаков, но это у него не получилось, сказывалось отсутствие постоянного тренинга, соблюдения режима. Надо заняться собой, подумал он, дыша, как рыба на берегу.

— Что замолчал? — покосился на собеседника мокрый, могучий Валягин, разрисованный ручьями пота. — Или припас еще одну неразрешимую проблему?

— Да нет, думаю...

— Думай, думай, это полезно. Хочешь историю? Мне ее Ицкович рассказал. У него сын работает редактором какого-то военного журнальчика, и решили они объявить конкурс на рассказ из пятисот слов на военную тему. Первое место у них занял рассказ некоего Киселева: «Сержант Иванов приказал построить себе индивидуальный сортир, которым потихоньку пользовались солдаты. Однажды он застукал в туалете одного, влетело всему взводу. Солдаты обиделись и подпилили стойки». Здесь двадцать пять или двадцать шесть, не помню точно, слов, остальные четыреста семьдесят пять, недостающих до пятисот по условию конкурса, произнес сержант Иванов, вылезая из выгребной ямы».

Валягин захохотал.

Улыбнулся и Мстислав Калинович, хотя советника председателя РВС Пашу Ицковича не любил и его истории не слушал. Из парилки Джехангир выбрался первым, организм уже не выносил таких перегрузок.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН. 29 ИЮЛЯ

ВОРОБЬЕВ

Ночевал Панкрат в Жуковке, в гостинице «Услада», предприняв, конечно, все меры предосторожности. Ночь прошла нормально, никто приезжими «коммерсантами из Тулы», как они себя представили, не интересовался, и все же Панкрат чувствовал какой-то внутренний дискомфорт, который в принципе можно было передать всего двумя словами: идет гроза. Интуиция подсказывала, что впереди «мстителей» ждут нелегкие времена.

В семь утра, после зарядки и водных процедур, Панкрат разбудил Мишу Ларина, бывшего десантника-афганца, и связался с Барковым, который за сутки дважды выходил на связь с командиром, но ничего существенного рассказать не мог. Зона за колючей проволокой выглядела мертвой, безлюдной, если не считать бдительно вышагивающих по периметру часовых да выехавшего из ворот одинокого мотоциклиста.

— Ждите, — приказал Воробьев, — не высовывайтесь, обнюхайте там каждое дерево, каждую кочку. В зону идти пока рано.

— О'кей, — коротко отозвался Барков, на что Панкрат с усмешкой, больше ради психологической поддержки подполковника, нежели ради шутки, произнес:

— Ты своим «океем» напоминаешь одного мужика-пивохлёба, который заказал пиво бармену: пиво энд омары... это ничего, что я по-английски?..

Барков понял, засмеялся и отключил рацию.

Связь с другой группой разведчиков — Родионом и Мишей-вторым также не принесла особо важной информации. Ребята проверили воинскую часть недалеко от Фошни, определили, что она настоящая — радиобатальон со стационарным базированием, и Панкрат послал их в Ковали, чтобы понаблюдать за домом Крутова и выяснить обстановку в деревне после нападения бандитов. Сам же Воробьев начал прикидывать план освобождения полковника из жуковского СИЗО.

— Пошли, погуляем по центру, — сказал он Ларину, сухонькому, низкорослому, невзрачному на вид, но великолепному самбисту.

Они переоделись по местной моде: брюки местной фабрики «Выгода», ковбойки, кроссовки, — и направились из гостиницы мимо школы к вокзалу, ничем не отличаясь от редких пешеходов. Обошли здание милиции, двор, где стоял серый

барак СИЗО, осмотрели подходы и подъезды к нему, прикинули высоту забора и его прочность. Потом Панкрат проголодался, и они завернули в кафе возле рынка, почти пустое по причине летней жары и раннего времени.

Ларин был неразговорчив по натуре, поэтому Панкрат обращался к нему редко, но видел, что парня гложет какая-то мысль и настроение у него далеко не радужное.

— Ты не заболел? — спросил он Михаила, допивая кофе. Тот, почти не притронувшись к завтраку, который можно было охарактеризовать словами: я вас умоляю! — отрицательно качнул головой.

— Тогда в чем дело? Хочешь уехать?

Еще один отрицательный жест.

— Тогда почему такой смурной?

— У меня мама заболела... — пробормотал Ларин. — Позвонить бы...

— Что тебе мешает? — удивился Панкрат. — Пошли вместе, мне тоже надо позвонить кое-кому. Потом поедем в Фошню, проведаем родственников нашего бравого полковника и заберем ребят из Ковалей.

Слегка вспотев от выпитого кофе, называемого здесь «фирменным напитком «Голливуд», «мстители» вышли из кафе в жаркое летнее утро и не спеша побрели к главпочтамту, где находился центральный переговорный пункт. Михаил скрылся в одной кабинке междугородного телефона, Воробьев в другой, набрал номер МУРа и через минуту услышал голос заместителя начальника оперативно-розыскной бригады:

— Губарев.

— Привет, Михаил Сергеевич, — сказал Панкрат. — Рад слышать. Не чаял застать на работе, ты же собирался ложиться на обследование.

— Некогда, дел невпроворот. Откуда звонишь?

— Из Брянской области, городок Жуковка. Слушай, Сергеич, у меня к тебе просьба: проверь-ка по своим каналам...

— Остынь, Воробьев, — перебил Панкрата подполковник, — на тебя началась настоящая охота! Очевидно, ты кого-то тронул там, на Брянщине, раз вопрос о ликвидации «преступной группы» «Час» стоял даже на повестке дня совещания у министра. Что ты натворил?

— Да ничего особенного, — озадаченно дернул себя за ухо Панкрат. — Нашел базу мотобанды, троих достал... но никого не замочил, один из них пришил своего же. Я поэтому и звоню. Эти бандиты сидят на территории какой-то секретной воинской части...

— Брось это дело и немедленно сматывайся оттуда! Ты в разработке нашего управления, я ничем не смогу тебе помочь.

— Сможешь, если захочешь. Мне и надо всего-то выяснить, что за база здесь дислоцируется, в шести километрах от села Фошня.

— Откуда ты, говоришь, звонишь?

— Из Жуковки, с переговорного пункта...

— Совсем ошалел! Звони с какой-нибудь квартиры, завтра.

— Ты узнаешь?

— Попробую. — Тихий щелчок в трубке — отбой скремблера и гудки. Панкрат посмотрел на трубку, внезапно осознавая, что линия может прослушиваться, и обозвал себя идиотом. Он расслабился, чего не имел права делать. Телефон Губарева имел кодирующе-защитное устройство и определить его номер и владельца было невозможно, но если линия действительно прослушивалась, слухачам станет известно, что некто из Жуковки звонил в Московский уголовный розыск, и руководитель местных крутых ребят сделает надлежащие выводы.

Ларин говорил дольше, и, когда вышел из кабины, вид у него был уже не такой хмурый.

— Пока все нормально, готовят к операции...

— Что с ней?

— Камни в почках.

— Ну, это легкая операция, лазером чик — и готово!

— Ультразвуком.

— Ну, ультразвуком. Теперь можно и ехать, хотя вести тревожные. Над нами, кажется, начинают сгущаться тучи.

Они вернулись к гостинице, чтобы забрать вещи в номере, и тут у Панкрата сработала интуиция. У здания стояла белая «Волга» с двумя пассажирами, разглядывающими вход, а по тротуару напротив прогуливалась тройка крепких ребят, делая вид, что интересуются проходящими мимо девушками.

— Стоп! — негромко сказал Панкрат, нагибаясь, чтобы завязать шнурок на кроссовке. — Мне идти туда не хочется.

— Мне тоже, — отозвался Михаил, закуривая. — Здесь пахнет «дипломатическим» приемом. Те трое не похожи на гуляющих мальчиков.

— Я тоже так думаю. Хорошо, что у нас здесь только куртки остались да предметы туалета, хотя, конечно, все равно жалко. Пошли потихоньку.

Они миновали гостиницу и у Дома культуры напротив парка присели на скамеечку в окружении кустов черемухи.

— По наши души? — вопросительно глянул на командира Ларин.

— Не знаю, — буркнул Панкрат, — но свободу нашу начинают ограничивать. — Он достал из кармана брюк рацию, вызвал Баркова. — Что у вас, Саша?

— Порядок, — донесся тихий голос полковника. — Во-первых, в зону заехал рефрижератор. Знаешь, такие громадные фуры величиной с вагон, с синей полосой и огромными цифрами «200» по борту.

— «Груз 200»[1], что ли? — хмыкнул Панкрат.

— Ну, рентгена у нас с собой нет, просветить рефрижератор нечем, может, и «двести». Хотя с какой стати воинской части нужны трупы? Это же не кладбище.

— Вспомни курган.

— Да, о курганах. Мы тут неподалеку обнаружили еще один и тоже со свежим раскопом. Если не возражаешь, мы там покопаемся слегка.

— Только осторожно, с подстраховкой.

— Командир, что с тобой? Мы не дети, как говорится, не первый раз замужем.

— Эдик и Тимур тоже не дети, но их все-таки взяли! И не бандиты, а профессионалы.

— Хорошо, — после некоторой паузы сказал Барков. — Будем работать по полному профилю.

— У тебя все?

— Да, в общем-то... комбинезончик у шофера рефрижератора мы разглядели интересный, когда он вылезал, черно-желтый, с необычной эмблемой в виде шестилучевой звезды.

— Пентакль?

— Что?

— Эту звезду называют пентаклем, печатью Соломона.

— А-а... может быть. А между зубчиков шесть букв: Ф, У, М, Б, Э и П.

— ФУМБЭП?

— Да их можно прочитать и так, и сяк, но если предположить, что буквы Ф и У означают Федеральное управление... ты не знаешь организации с такой аббревиатурой? Управление чего? Малых и больших электрических приводов?

— Их. Полковник, из тебя вышел бы отличный дешифровальщик. Я свяжусь с вами через пару часов. — Воробьев спрятал рацию. — Поехали, Михайла, пора работать.

Машину они еще вечером оставили не на платной стоянке у гостиницы, а на окраине Жуковки, возле лесочка, рядом с добротным кирпичным домом, и теперь весьма порадовались своей предусмотрительности. Джип стоял на прежнем месте, будто принадлежал хозяину дома, и никто возле него не слонялся.

Из Жуковки выехали без каких-либо происшествий. Либо местная ГАИ не получала еще приказа проверять машины с чужими номерами, либо не спешила его выполнять, либо не имела для этого сил и средств.

В Фошню приехали в половине одиннадцатого утра. У здания больницы, построенного по английскому проекту из стекла, бетона и стали, на которое после сдачи его в эксплуатацию приезжали посмотреть чуть ли не со всей области, Панкрат машину ставить не стал, загнал в тупичок переулка с обыкновенными сельскими домами и полчаса наблюдал за входом и автостоянкой напротив, где вместе с двумя десятками запыленных мотоциклов, стареньких «Запорожцев», «Жигулей», «Нив» и «газонов» парковались красавцы «Форды», «БМВ», «Ауди» и даже один «Мерседес». Больница принимала всех — и старых, и новых русских.

Интуиция голоса не подавала, поэтому Панкрат приказал Михаилу ждать его возле больницы и направился к приемному покою. Узнав, где лежит раненый дед Осип из деревни Ковали, он взял в раздевалке халат и прошествовал на третий этаж в первое хирургическое отделение, где располагалась палата Осипа.

Дядя Егора Крутова выглядел почти здоровым. Панкрата он не знал и на «привет от племянника» сначала прореагировал как на шутку и лишь потом, после короткого рассказа о происшествии с племянником, заговорил с Панкратом серьезно.

— За что же его забрали, сукины дети? Он же сам военный человек, ничего дурного не замышлял.

— Поэтому я и пришел к вам, — сказал Воробьев. — Хочу понять, что случилось. Егор действительно хороший человек, в тюрьме ему не место, надо выручать.

— А ты адвокат али еще кто?

— Еще кто, — усмехнулся Панкрат. — Друзья мы и делаем одно дело.

— Ясно, — усмехнулся и Осип. — Лихой ты человек, я гляжу, пролаз[1]. Но верить можно. Егор с каждым дружить не стал бы. Лишь бы твои планы хинью[2] не пошли. Чего знать-то хочешь?

---

[1] «Груз 200» — трупы, перевозка мертвецов.

[1] Пролаз — проныра, плут, хитрец.

[2] Хинью — даром, без пользы, на ветер.

В палате находились еще трое больных, посматривающих на гостя с любопытством, и Панкрат понизил голос:

— До того, как Егор приехал, у вас в округе ничего странного не происходило?

— А что у нас должно происходить? Тишь да гладь, да божья благодать. Разве что вот корова у кума пропала, месяц искал — не нашел. Машка еще Спиркина ногу сломала, за брагой в погреб лазила... вот и все чудеса.

— А чужие люди в деревню не заглядывали?

Глаза Осипа остро блеснули. Старик понимал больше, чем прикидывался.

— Как же, чуть ли не каженную неделю ватага варнаков налетает... в баню помыться к Гришанкам. Но тихо гуляют, без вытребенек. Да вот еще ономнясь[1] каженик приходил, — оживился старик.

— Кто? — не понял Панкрат.

— Каженик, человек, которого леший обошел[2]. Весь трясется, бормочет что-то, шарахается от всех, глаза бегают. Я с ним не балагурил, издали-то посмотрел, а Ромка сполагоря[3] угомонил его, погутарил, домой отвел.

* * *

— Ромка — это сосед ваш, Роман Евграфович?

— Он, Ромка Качалин. Дед у него колдун был, да баба евонная, Степанида, заговоры всякие знает, боль снимает. Хорошая баба, да все же посуровей моей Аксиньи, хотя, конечно, всяко бывает. Как говорится: жена в больших количествах — яд, в малых — лекарство.

Панкрат засмеялся.

— Оригинальный у вас подход к жизни. А что он бормотал, каженик этот ваш?

— Ромка сказывал, околесицу всякую нес. Что за ним будто черти гонятся, с гадюками... или не, с удавами, ну тоже змея такая большая, что его похоронить живьем хотели, а кто он такой — не помнит.

[1] Ономнясь — недавно.

[2] По русскому поверью, у человека, которого «обошел леший», наблюдается потеря памяти, помешательство, бред, столбняк. Каженик не то делает, что думает, не то говорит, что слышит, в его речи нет смысла, печаль его неисходима.

[3] Сполагоря — легко, просто, без особого труда.

— Ясно, — спокойно кивнул Панкрат, у которого от предчувствия свело живот. — И куда он потом делся?

— А приехали за ним из психбольницы, машина такая специальная, желтая, сплюснутая, гладкая, как лепешка, с черной звездой на заду. Оказывается, сбежал он из больницы, псих. Ну, увезли, конечное дело.

— А звезда на заду машины не шестиконечная была?

— Шут его знает, не разобрал.

Панкрат поднялся.

— Спасибо вам, Осип... э-э, не знаю, как по батюшке.

— Просто Осип. За что спасибо-то, мил человек? Я ить и не сказал ничего. И ты вот тоже не говори моей бабе про Егора ничего, а то почнет тугу носить, хизнуть[1].

— Хорошо, не буду, — пообещал Панкрат, отмечая вдруг, как изменилось лицо старика — расплылось в улыбке, и оглянулся.

В палату входила молодая, очень симпатичная женщина с шикарными густыми русыми волосами по плечи, с тугой полной грудью, натянувшей оранжевую блузку, с красивыми ногами. Она смотрела на Осипа и улыбалась, показывая ямочки на щеках, и лицо ее кого-то напомнило Панкрату. Через секунду он сообразил — она была похожа на Егора Крутова.

— Лидка, — радостно зашевелился Осип, — пить принесла?

— Как просил, сколотки, — подняла трехлитровый бидон женщина, посмотрела на примолкшего Панкрата. — А вы кто?

— Это друг Егорши, — представил Воробьева Осип,— Панкратом кличут. А это сестра Егора двоюродная, Лидка, незамужняя, между прочим, хотя и с детями. — Осип хохотнул.

На щеках Лиды расцвел румянец.

— Что ты говоришь, дед!

— То и говорю, что ты у меня красавица. Вдруг сосватаю? Литр самогону поставишь? — Он снова засмеялся. — Заходи еще, хлопче, погутарим. А еще лучше к нам в гости в Ковали приезжай, я здесь не задержусь, через недельку сбегу.

Панкрат поклонился, пряча в душе взгляд Лиды, теплый, смущенный и заинтересованный одновременно, сказал «до свидания» и пошел из палаты, но на пороге остановился.

— Если хотите, Лида, я вас подожду, довезу до деревни.

— Ой, не надо, — смутилась женщина, — тут недалеко, сама дойду.

[1] Туга — скорбь, печаль; хизнуть — становиться слабым, болезненным.

— Да мне все равно в ту сторону ехать.

— Жди, жди, — шевельнул забинтованной рукой Осип, — подвезешь, ежели по пути.

Лидия нерешительно посмотрела на деда, и Панкрат, проговорив: «Так я жду», — торопливо вышел в коридор.

Ларин топтался у киоска возле больницы, как две капли воды похожего на тот, что сгорел в Ковалях, и Воробьев даже подумал мимолетно — не одного ли хозяина они имеют? — но мысли тут же свернули в иное русло, душа была занята женщиной и топорщила перья, как бы прихорашиваясь и подыскивая предлог, чтобы продолжить знакомство, заявить о себе в полный голос. В принципе Панкрат испытывал сейчас сладкий, кружащий голову шок и не мог ничего с собой поделать. Да и не хотел. В пустоте сердечного пространства плавала лишь одна сияющая фраза: не упусти судьбу, парень, это она — т в о я женщина... не упусти...

— Что это с тобой? — перепугался Михаил, глянув на лицо Воробьева. — Дед умер, что ли? Засада в больнице?

Панкрат очнулся.

— Заводи машину, подгоняй ко входу.

— Повезем кого?

— Повезем. Попутчицу.

Ларин безмолвно повернулся и пошел за машиной, через десять минут пригнал джип, и в этот момент из больницы вышла Лидия, уже без халата, в оранжевой футболочке, а не в блузке, как подумал сначала Панкрат, и в короткой юбке, открывающей колени. Михаил посмотрел на нее, потом на командира, присвистнул и распахнул дверцы.

— Садитесь, — пригласил Лиду Панкрат. — Если вам еще куда надо ехать — нет проблем.

— На базар если только да в магазин, в булочную... Но я это и сама...

— Поехали.

Они посетили Фошнянский рынок, накупили фруктов, овощей, колбасы, хлеба, заехали в местное кафе — по предложению Панкрата — и выпили по чашке кофе с пирожными. Лидия сначала стеснялась, с некоторым удивлением приглядываясь к майору, словно не понимая, почему она его слушается, потом перестала, покоренная манерой поведения Панкрата, шутливо-ироничной, энергичной, располагающей к себе, и они заговорили уже как давние знакомые, перейдя на «ты», с удовольствием делясь впечатлениями бытия и рассказывая о себе без утайки и смущения.

Так Панкрат узнал, что Лида уже два года не замужем, разведена, муж — бывший военный — начал пить, гулять и в конце концов признался, что у него в Минске есть еще одна семья. Узнав об этом, Осип его чуть не прибил, и с тех пор Лида жила в Брянске одна, работая диспетчером автоколонны, на лето отдавая детей — пятилетнего Антона и трехлетнюю Настю — маме в деревню. В данный момент она была в отпуске, чем и объяснялось ее присутствие в Ковалях.

Неожиданно для себя самого разговорился и Панкрат, поведав историю своей жизни, правда, без некоторых подробностей, касающихся работы в разведке. И все же на один вопрос Лиды ему захотелось ответить.

— За что тебя уволили из органов? — спросила женщина, когда они уже ехали в Ковали, удобно расположившись на заднем сиденье джипа; Михаил вел машину медленно и в разговоре участия не принимал.

— За игнорирование директивы, — усмехнулся Воробьев, вспоминая тот разведрейд, ставший притчей во языцех среди профессионалов спецслужб и предметом разбирательства на закрытом военном суде.

Случилось это еще во время войны в Чечне, куда была заброшена группа «ходоков» Службы внешней разведки для охоты на террориста Басаева. О цели рейда знали очень немногие люди: генерал Карпухин, начальник управления разведки ближнего зарубежья, командир оперативно-диверсионной бригады полковник Зайцев и командир отряда «ходоков» майор Воробьев. Официальным прикрытием рейда было получение данных о каналах поступления в Чечню оружия, неофициальная задача состояла в ликвидации Басаева и его боевиков. А поскольку любая разведка предполагает максимальное сохранение тайны рейда, существовала негласная директива службы, отражающая специфику разведдеятельности: свидетелей р а б о т ы группы быть не должно! Свидетель — это, как правило, провал, и Панкрату было известно, что многие рейды разведгрупп разных спецслужб оплачены ценой жизни свидетелей. Но он не знал, что ему самому придется столкнуться с той же проблемой.

В районе Хасавюрта группа наткнулась на двух чеченских охотников, молодого и старого, двое суток таскала их за собой, так как Воробьев не хотел убивать ни в чем не повинных людей, имевших, по их словам, большие семьи и бывших единственными их кормильцами. В конце концов охотников отпустили, поверив в их принадлежность к «простому народу», а через несколько часов группу настигла погоня.

В результате во время боя был убит один из разведчиков и

ранено четверо, в том числе и Воробьев, но группе все же удалось оторваться от преследователей и унести убитого и раненых, и тем не менее задачу группы посчитали невыполненной, а Панкрата спустя месяц судили и тихо уволили, не создавая прецедента, хотя причина стала известна многим.

— Бедный, — пожалела его Лидия, положив прохладную ладошку на локоть майора. — Сколько тебе пришлось пережить! — И добавила с женской непосредственностью: — А жена как на это прореагировала?

— Я не женат, — усмехнулся майор. — Но на самом деле я лучше, чем моя репутация.

От Фошни до Ковалей было всего три километра, поэтому как ни старался все понимающий Ларин ехать медленно, все же вся дорога заняла не более четверти часа, так что Панкрат с разочарованием вздохнул, когда показался мостик через ручей перед въездом в деревню. И тут же Михаил резко затормозил: из-за кустов на берег ручья вышел длинный, нескладный с виду, одетый в живописное тряпье — для маскировки, наверное, — Родион. Панкрат открыл дверцу машины. Родион хотел что-то сказать, но увидел пассажирку и вопросительно глянул на Воробьева.

— Ну, вы тут поговорите, а я пойду, — заторопилась Лида, — тут уже близко. Спасибо, что подвезли, заходите в гости, хата мамы — слева, третья с краю, у колодца.

Она пошла по дороге с увесистой продуктовой сумкой, а мужчины молча смотрели, как она идет в босоножках, женственная и сильная. Потом Панкрат дернулся было помочь ей поднести сумку, но Родион остановил его за рукав.

— Погоди, командир, тут возникли некоторые трудности. За домом нашего полковника следят. Это раз.

Панкрат оторвал взгляд от ног Лидии, подобрался, глаза его приобрели острый деловой блеск.

— Та-ак. Ты не ошибся?

— Елы-палы! — оскорбился Родион, постукал пальцем по голове. — Эта дыня меня еще не подводила!

— Ладно, не обижайся. Кто следит, усекли?

— Как минимум трое, в камуфляже, с разных сторон, в том числе со стороны огородов. Там сзади дома есть пруд, окруженный ивами и ракитником, и в кустах торчит бинокль.

— Понятно. Что еще?

— Мы встретили соседа полковника, такой смешной мужичок...

— Ромка, Роман Евграфович, отец Елизаветы.

— Так он сообщил, что дочь его выпустили. Точнее, ее забрал из милиции муж и увез в Брянск.

Панкрат озадаченно выпятил губы.

— Она же с ним давно не живет, по словам полковника. Может, муж увез ее насильно?

— Сие мне неведомо. Кстати, ты упадешь, если узнаешь, кто ее муж. Держись за что-нибудь.

— Мэр Брянска, — равнодушно сказал Панкрат.

— Ты уже знаешь?! Откуда?

— Корова на ухо шепнула. Придется, видимо, навестить этого мэра в Брянске, выяснить, с чего это у него интерес к жене загорелся, а главное, почему он так много внимания уделяет Жуковскому району. Садись в машину, поедем к Сашке, он где-то еще один курган нашел разрытый. Где Михаил-первый?

Родион свистнул в два пальца. На другом берегу ручья показался Михаил Зуев, Миша-первый, таща на себе рюкзак и оружие. В отличие от Родиона одет он был в десантный комбинезон и выглядел устрашающе. Буркнув: «Привет», — он залез в джип. Панкрат кивнул Ларину, достал рацию, и та, словно дождавшись этого момента, запищала. Барков вышел на связь первым:

— Командир, на нас напали! Костя убит! Мы отходим...

Одним из главных достоинств Воробьева было его мгновенное вхождение в любую ситуацию. Времени на анализ событий ему не требовалось, он сразу включался в дело, не задавая лишних вопросов и не высказывая своего отношения к происходящему.

— Где вы?!

— «Опель» сгорел, отходим в глубь болота на север от зоны. Асфальтовая дорога в километре справа...

— Едем, держитесь!

Панкрат еще не закончил говорить, а Ларин уже врубил передачу, развернул джип и рванул прочь от деревни, не обращая внимания на стон амортизаторов.

— Что там? — спросил Родион, упираясь руками в потолок кабины.

Панкрат молча достал из-под сиденья «никонов», проверил магазин, буркнул:

— Приготовьте оружие. На Баркова напали.

— Кто?!

— Сейчас разберемся.

Спустя полчаса бешеной гонки и дикой тряски джип вывернул на асфальтовую ленту, ведущую к зоне за колючей

проволокой, и погнал на север. Еще через несколько минут стала слышна стрельба. Ларин свернул с трассы в лес, минуты три петлял между деревьями и кустами, влетел в колдобину, и мотор заглох. Ни слова не говоря, «мстители» выскочили из джипа, растянулись цепочкой и углубились в чащу, прислушиваясь к звукам боя: стрельба велась в основном из автоматов, изредка бухали помповые ружья и сухо щелкали пистолеты. Судя по всему, группу Баркова гнали к болоту сознательно, а прорваться сквозь цепь атакующих с мертвым Константином на руках он не мог.

Ускорили бег и вскоре вышли в тыл загонщиков, неторопливо постреливающих из автоматов («калашниковы», десантный вариант) и «помпушек». Ребята Баркова отвечали редкими пистолетными выстрелами, заставлявшими тем не менее преследователей тыкаться носом в землю. Судя по несуетливым действиям и ленивой с виду неспешности, это были не просто охотники или бандиты, но профессиональные военные в камуфляже, опытные и бывалые. Они точно знали, что беглецам никуда не уйти, и поэтому не торопились, уже празднуя победу.

Панкрат насчитал десять стволов, передал по цепи: берем левый фланг, каждый — своего, сигнал — моя атака. Сделал бросок вперед, выбирая мелькавшие за кустами спины преследователей Баркова и радуясь, что у них нет собак, и когда до загонщиков осталось меньше десяти шагов, остановился, поднимая автомат. Задержал дыхание, дал очередь по широкой спине гиганта в пятнистом комбинезоне, поливавшего пулями край болота, произнес одними губами:

— Штирлиц стрелял в упор, упор упал...

Сомнений никаких он не испытывал, жалости тоже. Это была война, навязанная «мстителям» теми, кто прикрывал бандитов на своей территории, и поступать с ними надо было адекватно.

Тотчас же раздались еще три очереди, чей-то истошный крик, стоны, и Панкрат перенес огонь вправо, туда, где цепь преследователей огибала болото. Затем заорал во всю мощь легких:

— Саша, мы здесь! Замри! Мы их сейчас умоем!

Огонь загонщиков резко ослабел, среди них началась паника, раздались крики:

— Нас обходят!

— Сват, отходим!..

— А-а-а!..

Панкрат для острастки дал еще очередь на голоса, рявкнул, подражая ротному старшине:

— Кургузов, зайди от болота! Смирнов, пленных не брать! Шапетин, гони эту мразь к дороге!..

Слева затрещал автомат Родиона, кто-то заухал, забарабанил палкой по стволу дерева, засвистел, но никто из подчиненных Воробьева с места не сдвинулся. Это был блеф, имитация атаки, и она имела полный успех, потому что ответная стрельба охотников стала удаляться, стихать, они бежали с поля боя.

В просветах между деревьями зашевелились тени — с болота выползали люди. Впереди двигался Барков, измазанный в болотной жиже, за ним двое «мстителей» тащили убитого Константина. Михаил-первый и Михаил-второй бросились им на помощь. Панкрат встретил полковника, пожал ему руку.

— Пошли к машине, пока они не опомнились.

— Вовремя вы, еще бы полчаса, и пришлось бы сдаваться.

— Они бы вас в плен брать не стали.

— Да уж, — скривил губы Барков, — влезли мы в их огород по самое некуда.

Оглядываясь, держа пальцы на спусковых скобах автоматов и курках пистолетов, они поспешили за ребятами к дороге, где оставили джип.

— Как убили Костю?

— Мы оставили его в охранении, сами пошли смотреть курган. Они подкрались незаметно, убили его ножом в спину, профессионалы, ё-моё! Только он все равно успел нажать на курок пистолета. Атаки они не ожидали, отошли, но потом... у них автоматы...

— Понятно. Крутые ребята, не боятся шума.

— Да, ведут себя как хозяева.

— Что-нибудь нашли на кургане?

— Раскоп, такой же, что и на Бурцевом городище. И вот это. — Барков достал из кармана продолговатый предмет, замотанный в носовой платок. Панкрат развернул платок и едва не выронил предмет — это был посиневший, закостенелый человеческий палец с почерневшим ногтем.

— Вот именно! — пробурчал полковник в ответ на ругательство Воробьева.

Панкрат выбросил палец, вытер руки о листву деревьев.

— Значит, это все-таки могила...

— Братская. Что-то здесь творится непонятное, командир, оч-чень некрасивое. Влезли мы в такую халепу...

— Вылезем. Поможем нашему приятелю из Ковалей и подадимся поближе к столице. Мне тоже перестает нравиться здешний климат.

«Мстители» вытащили джип из ямы, уложили на заднее сиденье мертвого Константина, втиснулись сами, и Панкрат сел за руль. Вскоре они были возле Фошнянского кладбища, совершенно безлюдного на данный момент, что упрощало похороны Кости. Вырыли могилу, завернули Константина в палатку, похоронили. Постояли над могилой, склонив головы, потом не сговариваясь посмотрели на Воробьева.

— Еще раз предлагаю всем подумать, оставаться со мной или нет, — сурово сказал Панкрат. — Война с бандитами переросла в войну с армейской силовой структурой, имеющей секретную базу. У нас же нет ни базы, ни транспорта, ни оружия, ни знания местности, мы на чужой территории. Долго мы в таких условиях не продержимся. Но мне очень хочется узнать, что за дрянь здесь деется. Людей закапывают в курганы, а потом выкапывают не ради забавы. Сдается мне, кто-то прячет концы в воду.

— Я с тобой, — буркнул Барков. — Они убили Костю, а я не из тех, кто прощает убийц.

— Я тоже остаюсь, — флегматично пожал плечами Родион. — Мы все остаемся. Женатый среди нас только Мишка, и детей у него двое, пусть уходит. Дети не должны расти без отца.

Михаил-первый посмотрел на Панкрата и отвел глаза. Воробьев обнял его за плечи, сказал негромко:

— Уходи, Миша, Родион прав. Ты свое дело сделал. Бери джип и езжай в Жуковку, оставишь машину у вокзала. Нам она уже не пригодится, слишком заметная.

Михаил в нерешительности потоптался у могилы, потом обнялся с каждым, сел в джип и уехал. «Мстителей» осталось шестеро, если не считать Ивана Любченко, ждущего группу в Брянске.

— Переходим на нелегальное положение. — Панкрат оглядел хмурых парней. — Сейчас идем по магазинам, переодеваемся во все цивильное, чтобы не отличаться от местных жителей. Ищем транспорт — мотоциклы и велосипеды. Оружие ношения — только ножи, все остальное спрячем в одном месте, в какой-нибудь из деревень.

— В какой? — подал голос Ларин.

Панкрат подумал.

— В Ковалях. После покупки одежды и переодевания просочимся туда по одному, чтобы не вызывать подозрений. Лучше поближе к вечеру. Третья хата с краю от ручья. Я буду там. Вопросы?

«Мстители», грязные, оборванные, мрачные, словно сбежавшие из другого мира в яркий, летний, солнечный день Земли, молчали.

ЖУКОВКА — КОВАЛИ. 30 ИЮЛЯ

КРУТОВ

Его вызвали в начале десятого, сразу после завтрака:

— Крутов, на выход!

Камера притихла. Хотя компания уголовников во главе с лидером (Сергей Симонов по кличке Пушистый) и «держала зону», то есть верховодила в СИЗО, все знали, что ни Крутов, ни его приятель Федотов никому не подчинились, хотя и вели себя тихо. Поэтому уход одного из них резко менял соотношение сил в пользу Пушистого.

— Если не вернусь — держись! — сунул руку Ираклию Егор. — Не знаю, куда меня забросит судьба, но обещаю вернуться и выдернуть тебя отсюда, а заодно и посчитаться кое с кем.

— Не беспокойся за меня, — улыбнулся Ираклий. — Я здесь не задержусь, у меня тоже есть друзья на воле, в беде не оставят.

Крутов кивнул, исподлобья посмотрел на делающих вид, что они заняты игрой в карты, уголовников и вышел.

Его привели не в комнату следователя, как он ожидал, а в кабинет начальника милиции по фамилии Казанов, к которому, по рассказу Ираклия, не зря прилипла кличка Казанова: капитан очень был падок на женщин.

— Гражданин Крутов, — сухо сказал он, не поднимая головы от стола, за которым что-то писал. — Вы освобождаетесь из-под стражи под подписку о невыезде. До окончания расследования дела по убийству военнослужащего Джумагельдыева. Распишитесь.

Крутов посмотрел на тумбой стоявшего возле стола лейтенанта-омоновца, проявившего невиданное усердие при избиении подследственного, то есть его, Егора Крутова, перевел взгляд на капитана и молча подошел к столу, гадая, что бы это могло быть, какая сила заставила тюремщиков отпустить его. Взял ручку, расписался на постановлении.

— И не безобразничай, — растянул узкие губы в недоброй

ухмылке лейтенант, — а то снова сюда угодишь и уже не выйдешь так легко.

Крутов забрал свои документы, протянул руку.

— Оружие.

— Что?

Лейтенант и начальник милиции переглянулись.

— Прошу вернуть табельное оружие: пистолет «волк» и нож. Имею разрешение на их ношение как сотрудник спецслужбы.

Сотрудником он уже не был, но об этом вряд ли знали в милиции.

Капитан поколебался, потом выдвинул ящик стола, достал чехол с бетдаггером, бросил на стол.

— Забирай. Пистолет пока побудет у нас, до окончания следствия.

Егор вынул «летучую мышь», заученно крутанул в пальцах, так что бетдаггер превратился в веер, сунул обратно в чехол.

— Девушка-соседка, которую вы забрали вместе со мной, еще здесь?

Представители власти снова переглянулись.

— Какое тебе до нее дело, полковник? Она кто тебе, жена, сестра, родственница?

— Я спросил.

Казанов налился темной кровью, подался вперед.

— Вы свободны!

— Иди, иди, — добавил лейтенант с пренебрежением, — залезь в свою деревню и сиди там тихо, как мышь.

— Приходи в гости, мурло, — сказал Крутов, открывая дверь. — Побеседуем. Да и сам жди гостей.

Вышел. Постоял секунду в коридоре под внимательным взглядом дежурного милиционера. Улыбнулся, вспомнив изречение поэта: «Нет, я не тот, кого вам заказали», — и подошел к дежурному.

— Извините, гражданин начальник, девушку из Ковалей, Лизу Качалину, выпустили или нет?

— Увезли, — буркнул милиционер.

— Куда?

— Почем я знаю? Вчера еще. Проходи, не задерживайся.

— Что ж, спасибо за информацию.

Размышляя, кто и куда увез Елизавету, почему его выпустили на свободу, Крутов вышел из милиции, постоял немного, с удовольствием подставив лицо солнцу, и решительно зашагал к станции. За линией железной дороги, на улице Пушкина,

жил еще один его дядя, Иван Поликарпович, пришла пора навестить и его.

Ивану Поликарповичу Саковцу пошел семьдесят четвертый год, но был он стариком крепким и все еще продолжал столярничать в своей мастерской, пристроенной к собственному дому, зарабатывая на кусок хлеба починкой мебели, дверей, оконных рам и хозяйственной утвари. Но славился он не столько мастерством, сколько добротой и широтой души, в жизни не обидев ни одного человека. Ему всегда хотелось, чтобы никто ни на кого не обижался и всем было хорошо. Егора он встретил не хуже, чем если бы встречал любимого сына.

— Господи, Егорша приехал! — Ходил Иван Поликарпович плохо, хромал, кости левой ноги у него начали размягчаться, — болезнь по-ученому называлась: облитерирующий эндетерит, — но он скрывал свои боли от всех и даже пытался работать на огороде.

— Сколько лет, сколько зим! А мы уж думали, забыл нас совсем. Проходи, родной, проходи. Фруз, накрывай на стол.

Жену Ефросинью Павловну, тихую и незаметную, но неизменно приветливую, он звал Фрузой.

Вскоре на столе в маленькой веранде, напомнившей Егору отцовскую веранду в Ковалях, стояла початая бутылка водки, соленые грибы, салат из овощей, свекольник, телячий язык под соусом. Пока баба Фруза пекла блины, Иван Поликарпович пропустил стаканчик, благо был повод, и разговорился, давно не имея благодарной аудитории. Старик он был занятный, знал многое, интересовался и политикой, и экономикой, и новостями культурной жизни страны, и мировыми событиями. Конечно, источником его знаний был в основном телевизор да газеты, однако Иван Поликарпович умел делать выводы, зачастую парадоксальные, и слушать его было любопытно. Крутов только кивал и поддакивал, налегая на грибы, а потом на блины со сметаной, продолжая размышлять над тайной своего освобождения. Не приходилось сомневаться, что ему помогла какая-то сильная рука, буквально заставив местную власть выпустить полковника «на поруки», но что это была за рука, кто заинтересовался судьбой бывшего командира спецподразделения антитеррора, приходилось только гадать. Предположение о том, что Крутову помог кто-то из бывшего начальства, узнав о его приключениях, не выдерживало критики. Бывшими сотрудниками спецслужб по обыкновению интересовались мало, а точнее, не интересовались совсем. Этим занимались только разного рода союзы ветеранов спецслужб да коммерческие и криминальные структуры.

— Или вот недавно я смотрел передачу по телевизору, — продолжал разглагольствовать довольный вниманием Иван Поликарпович. — В Швеции новую премию изобрели, Игнобелевскую.

— Может быть, Нобелевскую? — рассеянно уточнил Крутов.

— В том вся и закавыка, что эту премию назвали по имени какого-то Игнациуса або Игнатия Нобеля, вот и получилась Игнобелевская. А вручают ее ученые из Гавра... Гарвар... ского университета за наиболее бесполезные и никчёмные изобретения. Ну, там еще открытия и книги. Ты книги-то читаешь?

— Редко, — признался со вздохом Крутов, — в последнее время недосуг было. Но вот отдохну в деревне и начну читать. И что же с премией?

— За книгу одному писателю «игнобелевку», значит, дали, как же его звали, дай бог памяти... Майк... Майкл Дросман... или Дроснин... да шут с ним! В общем, он Библию перелопатил, нашел в ней кучу предсказаний и написал роман. По медицине премию разделили два пролаза-медика, и знаешь, за что им ее дали? За то, что они сделали «открытие», будто тихая музыка в лифте способствует, значит, выработке в организме муноглобина.

— Иммуноглобулина?

— Во-во, точно, глобина, значит, который препятствует простуде. — Иван Поликарпович зашелся мелким смехом. — Представляешь, прокатился в лифте и выздоровел! Вот чем люди занимаются у вас в городах-то. Ну, совсем крыша поехала!

Крутов меланхолически кивнул, соглашаясь. Дядя одним глазом, хитренько, посмотрел на него и вдруг забеспокоился.

— Что-то выглядишь ты хреново, племяш. Аль случилось что? Не заболел ли? Бледный ты какой-то, руки в синяках, на скуле царапина... аль подрался с кем?

— Подрался, — наметил улыбку Крутов, раздумывая, сообщать ли дяде о ранении Осипа, потом все же решил рассказать, слегка приуменьшив размеры драмы.

Иван Поликарпович выслушал весть с изумлением и недоверием, хмель его как рукой сняло. Он даже переспросил, правда ли это, так был поражен новостью, а затем только хлопал руками себя по коленям, приговаривая: ах, варнаки, ах, поганцы! — и взгляд его, взгляд человека, всю жизнь дарившего людям добро, говорил о том, как глубоко он подавлен и растерян.

Ефросинья Павловна была потрясена не меньше мужа, однако по натуре умела сдерживаться и лишь вздыхала, промокая слезящиеся глаза. Она было тут же засобиралась в Фошню, чтобы навестить родственников, и Егор с трудом уговорил стариков не спешить.

— Я достану транспорт, — обнял он обоих, — и отвезу вас в больницу. Не переживайте. Осип уже вовсю травит анекдоты, да и баба Аксинья поправляется, так что скоро выйдут. А бандюг тех уже нашли добрые люди и воздали им по заслугам. Дядь Вань, у меня к тебе просьбочка небольшая имеется. Вишь, в каком обмундировании приходится щеголять? Стыдно на глаза людям показываться.

— Да и я тоже обратил внимание, — слегка ожил Иван Поликарпович, — неужто, думаю, ограбил кто? С тобой-то все в порядке? Надолго приехал?

— Скорее всего надолго. Отпуск взял. — Крутов не стал разочаровывать старика рассказом о своем содержании под стражей. — Дядь Вань, мой кэш временно отощал, одолжи деньжат. Пойду куплю что-нибудь поприличней.

— Фруз, неси шушпан.

Ефросинья Павловна принесла старинный кафтан с длинными карманами, в которых Иван Поликарпович хранил наличность.

— Сколько тебе надо?

— Рублей пятьсот, думаю, хватит. Я отдам через пару дней.

— Не требеси, бери и не думай о долгах. На жизнь нам со старухой хватает — и ладно. Подожди-ка, я тебя сейчас ерофеичем напою.

Старик, припадая на больную ногу, скрылся в сенях, загремел дверцей погреба и вскоре вернулся с трехлитровой бутылью темно-зеленого стекла, вытащил пробку, понюхал, зажмурился.

— Эх, хороша, ядрена корень! Всю хворь вытянет.

— Что это? — с настороженностью спросил Крутов, зная пристрастие дяди ко всякого рода наливкам и настойкам.

— Это — ерофеич, — веско поднял палец Иван Поликарпович, — настой на травах. Он тебя прогреет и силу даст.

— Может, не надо?

— Не боись, племяш, я плохого не посоветую, а этот настой еще моя бабка Маша делала, траву тирлич собирала. — Иван Поликарпович на треть наполнил рюмку густой зеленой жидкостью, пахнущей камфарой, смолой и травой, протянул Егору.

— Пей.

Крутов покорно взял рюмку и сделал глоток, смакуя жидкость на языке, прислушиваясь к своим ощущениям. Вкус у

настоя был специфический — перец пополам с орехом и медом, и глотать его было не очень приятно. Но потом вдруг началась череда странных движений языка, гортани и стенок кишечника: будто там стали появляться и лопаться пузырьки газа, — у Егора закружилась голова, и он вынужден был присесть.

Метаморфоза его ощущений между тем продолжалась. Его прошиб пот, жаркая волна прокатилась по телу от макушки до ног, пальцы рук стали ледяными, уши, наоборот, запылали огнем, голова распухла, стала пустой, ясной и звонкой, а сердце заполонило все тело и с шумом фонтанировало не кровью — огненной лавой. Затем все шумы стихли, их задавил звенящий гул, похожий на густой звон проводов зимней морозной ночью, а тело превратилось в глыбу стекла. Казалось, шевельнись — и оно рассыплется на кристаллы и осколки! Но и это ощущение быстро прошло, Крутов снова стал человеком, хотя — огромным, не вмещавшимся не только в собственное тело, но даже в дом дяди. Во всяком случае, в дверь он сейчас бы не прошел! Возбужденная параэнергетика не пустила бы его, увеличив объем тела, а вернее, энергочувственный объем, до размеров комнаты.

Еще с минуту Крутов отдувался и приходил в себя, а когда окончательно очнулся, осознав себя сидящим на стуле, то поразился тому ощущению бодрости и силы, которое кипело в крови и заставляло мышцы играть и требовать нагрузки.

— Ну как, живой ты ай нет? — довольно ухмыльнулся старик.

— Нет слов! — искренне ответил ошеломленный Егор. — Ощущение совершенно сказочное: я все могу!

— Еще бы, я этим снадобьем только и спасаюсь, ногу мажу и внутрь принимаю. Врач приходил, грит — ложись в больницу немедля, а то ногу отрежут, а я вот ужотко второй год держусь. Хочешь, отолью склянку? Только пей не часто и помаленьку, сто лет жить будешь.

Иван Поликарпович нашел плоскую стеклянную фляжечку из-под алтайского бальзама, отлил в нее ерофеича и вручил Крутову.

— Пользуйся и заходи почаще, не обижай стариков, всегда будем рады.

Егор обнял дядю, поцеловал Ефросинью Павловну и вышел. У перекрестка оглянулся, чтобы помахать рукой: старики стояли у калитки и дружно ответили на его жест. А у Крутова защемило сердце: жить обоим осталось не так уж и много,

несмотря на умение дяди хорохориться и выглядеть здоровым и сильным.

В центральном универмаге Жуковки Крутов купил себе рубашку цвета маренго с короткими рукавами, джинсы, плавки, носки и кроссовки, тут же переоделся в парке, за кустами, а выданные в милиции обноски свернул и положил на скамеечку — для бомжей или тех, кто нуждался даже в таких вещах. Так как в райцентре ему делать было нечего, Крутов не спеша зашагал по дороге к выезду из города, надеясь на попутку. Пешком топать восемнадцать километров до Ковалей все-таки было не здóрово, несмотря на распиравшее грудь после приема ерофеича чувство бодрости.

Остановилась третья по счету машина — новенький молоковоз, в кабине которого, кроме водителя, сидела девочка лет двенадцати, как оказалось, его дочка. Разговорились. Посудачили о том о сем, о жаре и видах на урожай, о ценах на продукты, а также о проблемах воспитания детей.

— Ты знаешь, что творят в школе эти оглоеды? — возмущался шофер Витя, примерно одного возраста с Егором, быстро перейдя с пассажиром на «ты». — Не поверишь! Ну, учиться и мы не особенно хотели, но нынешняя молодежь совсем учителей не замечает, в упор! Да еще угрожает: не поставишь тройку — дом спалим! Или вот аборты делают в шестом классе! Да разве такое было в наше время?! Хорошо у меня Танька воспитанная, книжки всякие любит читать, не оторвешь. А то тоже залетела б... Или вот еще случай. Я в Фошне в своем доме живу, а сосед мой Колька квартиру получил в девятиэтажке, у нас тоже такие строить начали. У него пацан в четвертом классе учится, и в школу теперь ему ходить надо через три улицы, так что пацаны удумали: плати, говорят, за проход по нашей территории! Это, мол, «зона наших интересов». Каково?! Насмотрелись американского дерьма по телику...

Крутов засмеялся.

Шофер Витя тоже блеснул зубами.

— Не, я правду говорю. Как вот в таких условиях детей воспитывать? Телики поразбивать? Или головы тех, кто эти сволочные фильмы крутит?

Лучше головы, подумал Егор, но вслух сказал:

— От нас тоже кое-что зависит. Ты вот много внимания дочке уделяешь?

— Да так, когда вечером... — смешался Витя. — С ней мамка больше возится, а я чего — шоферю...

— А ты займись и увидишь результат. Для них внимание взрослых — едва ли не единственный стимул показать себя с

лучшей стороны. — Егор подмигнул покрасневшей девочке, делавшей вид, что она не слушает разговор взрослых. — Как учишься?

— Хорошо, — тихо проговорила она.

— А кем стать хочешь?

— Космонавткой, как Терешкова, — чуть слышно донеслось сквозь шум мотора.

— Это она начиталась фантастики, — осуждающе сказал Витя, — вот и мечтает. Лучше бы о чем-нибудь реальном мечтала.

— Хорошая мечта, — одобрил девочку Егор, поймав ее благодарный взгляд. — Только надо всегда быть достойным своей мечты, чтобы она исполнилась. Это очень трудно, но возможно.

Машина остановилась в центре Фошни, и Егор вылез, мучаясь вопросом, давать деньги водителю или не давать. Но Витя сунул ему руку, белозубо улыбнулся, проговорив: заходи в гости, улица Рогова, дом восемнадцать, — и уехал. А Крутов подумал, что если дети простых деревенских парней мечтают стать космонавтами, то еще не все потеряно, глубинный духовный запас России не исчерпан и она, как всегда, устоит, несмотря на все ухищрения врагов... кто и где бы они ни были.

В больнице он пробыл всего несколько минут. Поговорил с Осипом, узнал, что к дяде заходил Панкрат, передал привет от Ивана Поликарповича, забежал к Аксинье, с горечью в душе осознав, как она похудела и осунулась, и попытался поднять ей настроение шутливым пересказом своей встречи с родственниками в Жуковке. Это ему удалось, и Крутов покинул больницу с некоторым облегчением. Через полчаса он был в Ковалях.

* * *

Узнать о судьбе Елизаветы у ее родителей не удалось. Степанида вообще не знала, где дочь, а Роман Евграфович лишь разводил руками и говорить явно ничего не хотел. Либо тоже не знал, либо его запугали, то ли Егор ему не нравился. Впрочем, Крутов надеялся, что последнее предположение не соответствует истине, повода к тому, чтобы у соседей сложилось о нем плохое мнение, он не давал, кроме разве что ухаживания за дочерью в ее неразведенном положении.

Крутов наведался к теткам и сестрам и был весьма удивлен, когда его сестрица Лида рассказала ему о своем знакомстве с Панкратом Воробьевым, предводителем «мстителей», о чем она, естественно, ничего не ведала. По тому, как сестра в некоторых моментах рассказа мялась и смущалась, Егор сделал вывод, что Панкрат ей понравился, и решил при первом же удобном случае поговорить с бывшим майором, дабы тот не поддался искушению продлить знакомство. Судьба у сестры и без того складывалась не слишком удачно, а женщина она была впечатлительная и гордая, могла чего доброго и влюбиться — двадцать семь лет — не пятьдесят семь, — и пережить еще одну трагедию ей было бы непросто.

Поговорив с Лидой и успокоив родню, Крутов попытался починить свой автомобиль, заклеил пробитые шины-бескамерки изнутри, разложил их во дворе для просушки и после недолгих колебаний решил кое-кого навестить. Пообедав собственноручно приготовленными окрошкой и тушеными овощами, Егор надел футболку, спортивные штаны и отправился в гости к хозяевам, купившим хату у Гришанка.

Пока он сидел в милиции, здесь успели навести порядок, остатки сгоревшего киоска убрали, навезли кирпича, досок, бревен и принялись возводить новую торговую точку, уже не киоск, а целый магазин. Дела, видать, у Бориса, брата мужа Елизаветы, шли хорошо.

Строители были чужие, и спрашивать ничего Егор у них не стал, просто отпер калитку и прошел в дом, знакомый ему еще по старым временам, когда он часто захаживал в гости к Шурику Гришанку, с которым вместе учился. В доме тихо разговаривали двое мужчин, в одном из которых Егор узнал Бориса; второй собеседник, черноволосый, с густыми бровями и острым, как топор, лицом, был незнаком. Оба сидели на диване в майках и шортах и потягивали пиво из жестяных банок, батарея которых стояла на столе. Судя по количеству пустых банок в ведре у порога, сидели они давно.

— Привет, — сказал Егор, засовывая руки в карманы спортивных брюк. — Прошу прощения за вторжение, но у меня только один маленький вопросик имеется. Где Лиза?

— Вот бляденыш! — обрел дар речи опешивший Борис. — И ты осмелился заявиться ко мне домой, внаглую, чтобы спросить, где эта братова сучка?! А ну, Шамиль, проводи... — договорить он не успел.

Удар ногой в подбородок смел его с дивана и переместил в угол залы, к телевизору. Черноволосый Шамиль вскочил, вставая в стойку каратека. Егор, спокойный и уверенный, смерил его взглядом, не вынимая рук из карманов, покачал головой.

— Не влезай, парень, себе дороже обойдется.

Черноволосый прыгнул вперед, нанося удар ногой по колену Крутова и тут же рукой в лицо, однако Егор подпрыгнул

вверх, пропуская ногу противника и блокируя предплечьем удар рукой, и ответил звонким, оглушающим, «штампующим» ударом-шлепком ладони по макушке черноволосого. Тот присел, хватаясь руками за голову, и Егор, толкнув его коленом, свалил на пол. Наставил палец.

— Сидеть! А то рассержусь.

Борис начал подавать признаки жизни, застонал, завозился на полу, сел, держась рукой за челюсть.

— Это тебе аванс, — подошел ближе Егор, — за «сучку». Еще раз скажешь об этой девушке гадость, вобью язык в глотку. А теперь еще раз повтори, где она.

Глаза Бориса стали осмысленными, и в них, на фоне безмерного удивления, зашевелился страх.

— Пошел ты!..

Егор отвел ногу для удара, Борис в испуге вжался в угол, едва не опрокинув тумбочку с телевизором, и в это время ожил его приятель.

— А-а-а, амени баласы ахмат! — заорал он, вскакивая, хватая стул и замахиваясь.

Крутов мгновенным движением сцапал со стола банку с пивом и метнул в надвигающуюся фигуру. Банка попала в лоб Шамилю, пиво брызнуло во все стороны, черноволосый выронил стул и растянулся на полу. Егор проводил его падение взглядом, повернул голову к Борису.

— Ну?

Видимо, последний довод доконал хозяина, потому что он, все еще ощупывая вспухшую челюсть, невнятно пробубнил:

— Она в Брянске... у Дмитрия...

— Адрес.

Борис нехорошо усмехнулся, но от боли его физиономия тут же перекосилась, хотя глаза продолжали таить злобно-веселую искру.

— Проспект Машиностроителей, дом два. Попробуй сунься, смельчак.

Крутов отвернулся и вышел из дома, на пороге не забыв вежливо сказать «спасибо». Раздумывая, что ему теперь делать, ехать ли сразу в Брянск или дождаться возвращения Осипа и Аксиньи, он вернулся домой, постоял в нерешительности возле машины, вышел в сад, и вдруг в голове тоненько треньк-нул звоночек тревоги. Кто-то наблюдал за ним, очень осторожно и тихо, на расстоянии, скорее всего в бинокль, и обнаружить эту слежку могла только никогда не дремлющая боевая интуиция профессионала.

Ощущение «пульсировало» — то появлялось, словно шею

покусывал комарик, то исчезало, что объяснялось, очевидно, действиями наблюдателя: он то прикладывал бинокль к глазам, то опускал, а так как Егора можно было видеть в саду только с одной стороны, со стороны пруда, то он решил искупаться. Скрылся в доме, взял полотенце, тонкое одеяло и в плавках, надев темные очки, демонстрируя намерения, пошлепал босиком через огороды к пруду. По-хозяйски расположился на лужайке, свободной от коровьих лепешек, расстелил одеяло и растянулся на нем навзничь, раскинув руки и ноги. К этому моменту он уже примерно знал, где скрывается наблюдатель — на одной из ракит со свисающими до земли «косами» — длинными ветвями, но теперь надо было выманить его оттуда, заставить покинуть свой пост для проверки наблюдаемого.

С минуту Крутов прислушивался к тихим птичьим трелям, к звону насекомых, шелесту листвы деревьев — ко всему тому, что называется т и ш и н о й природы, потом расширил диапазон слуха с помощью медитации и нырнул в бездну п у с т о т ы.

Сеанс внечувственного восприятия длился всего несколько секунд, выходил Егор из этого состояния гораздо дольше, несколько минут, зато теперь он точно знал, где сидит наблюдатель, знал, что он вооружен и что у него есть по крайней мере один напарник. А поскольку вылезать из убежища он не торопился, считая, что объект действительно решил позагорать и искупаться и никуда не денется, Крутов понял, что пришла пора действовать. Он окунулся в пруд, с наслаждением полежал на воде, остужая тело и вспоминая детские забавы с постройкой плотов и охотой на местных «акул» — лягушек, потом вылез из воды и, насвистывая, перекинув через плечо полотенце, направился обратно к деревне. Однако на краю огородов вдруг свернул к группе больших ракит, возрастом, наверное, превосходящих Ковали, сделал вид, что хочет справить нужду, влез под шатер самого большого дерева и, не давая наблюдателю опомниться, стремительно взлетел по стволу ракиты вверх на три метра и одним ударом сбросил его на землю. Спрыгнул следом, добавил локтем в основание черепа так, чтобы не убить, а только обездвижить. Отобрал у парня в камуфляж-костюме рацию, панорамный бинокль армейского образца, пистолет-пулемет «ОЦ-22» с магазином на тридцать патронов, известный под названием «овца», и штурмнож с зазубренной кромкой, пошлепал парня по щекам.

— Вставай, вставай, отдыхать будешь потом.

Парень зашевелился, открыл затуманенные глаза, увидел перед собой лицо того, за кем должен был наблюдать, и попы-

тался отодвинуться. Егор прислонил его спиной к стволу ракиты, резко дернул за ухо; боль, как известно, отрезвляет.

— Кто ты, откуда, зачем следил за мной?

— Я не за вами... за деревней... у нас учения... — пробормотал постепенно приобретавший уверенность парень с коротким ежиком волос и сломанным «боксерским» носом.

Егор укоризненно покачал головой, дернул наблюдателя за ухо посильней, так что тот вскрикнул.

— Не обманывай старших, малыш, а то я тебя поставлю в угол и родителям сообщу. Имя?

— Кафельников... Леонид...

— Ух ты! Не родственник ли знаменитого теннисиста? Звание!

— Лейтенант.

— Откуда?

Наблюдатель сверкнул глазами, набычился, решая в уме какую-то задачу, и Крутов вынужден был влепить ему пощечину, чтобы не упускать инициативу.

— Быстрее отвечай!

— Воинская часть 1369 Д, мы стоим тут недалеко...

— За колючей проволокой? Асфальт вам провели?

Глаза наблюдателя на мгновение остекленели, он не был готов к беседе с глазу на глаз и не успевал придумывать «дезу».

Егор снял пистолет-пулемет с предохранителя, сунул ствол в рот парню и ласково проговорил:

— Ты понимаешь, что мне есть, где тебя похоронить так, что никто не найдет?

Парень вспотел, покивал.

— Отлично. — Егор вынул ствол изо рта лейтенанта. — Говори. Что за часть стоит там на самом деле? Чем там занимаются? Кто тебя послал следить за мной? Зачем?

— Это секретный объект третьего... — начал было наблюдатель и не закончил. Кто-то возник за спиной Крутова, бесшумный и опасный, и хотя интуиция предупредила Крутова, бросив его ничком на землю, все же он был слишком увлечен допросом, чтобы прореагировать адекватно.

Сухо треснула короткая, в три патрона, очередь, пули прошли над спиной Егора, срезали ветки ракиты, канули в лес. И тотчас же раздался чей-то недобрый угрожающий голос:

— Лежать! Пристрелю! Руки на затылок!

Егор еще в падении мог бы открыть огонь из «овцы», но не стал этого делать, не зная, с кем имеет дело. Поэтому он подумал, медленно отодвинул от себя «овцу», сцепил пальцы на затылке и слегка повернул голову, чтобы в полумраке ракиты

разглядеть говорившего. На него смотрел зрачок такого же пистолета-пулемета, а поверх него виднелись глаза пригнувшегося к земле парня в пятнистом комби. Судя по выражению глаз этого человека, демонстрировать знание рукопашного боя было бесперспективно. Тот, кого Крутов взял в плен, отклеился наконец от ствола ракиты, подобрал свое оружие, ткнул носком ботинка в плечо Егора.

— Вставай, но не резко, и выползай.

Крутов повиновался, прислушиваясь к знойной тишине природы. Ему показалось, что, кроме захвативших его наблюдателей, где-то прячутся другие люди. И он не ошибся. Выйдя из-под полога ветвей ракиты, он сначала увидел третьего члена группы, экипированного точно так же, как и его приятели, но с автоматом под мышкой, а затем в пяти шагах позади него заметил затаившегося в траве четвертого человека. И по тому, как этот четвертый держался, Егор вдруг сообразил, что он из другой команды, не из той, что следили за ним.

— Иди! — подтолкнули его в спину.

Двое парней вылезли из-под дерева вслед за ним, они вполне могли заметить лишнего свидетеля, и тогда Крутов начал действовать, спасая положение, не вполне, впрочем, уверенный, что прав.

— Караул! Грабют! — заорал он внезапно, заставив конвоиров вздрогнуть. — Спасите! Помогите!

Замешательство спецназовцев длилось всего секунду, но этого хватило тем, кто следил за ситуацией со стороны.

Двое наблюдателей отвлеклись на Егора, направив на него оружие, третий попытался зажать ему рот, и действие разбилось на два фрагмента. В первом Крутов по-змеиному вывернулся из захвата, перехватил руку вцепившегося в него парня, пригнул его к земле и ударил коленом в лицо.

Второй фрагмент оказался посложней: сзади на парней в камуфляже вдруг бросились какие-то люди, одного с ходу угостили ударом пистолета по загривку, второго скрутили и сунули лицом в землю, чтобы не кричал. Только после этого участники короткой схватки взглянули друг на друга.

— Панкрат! — сказал без особого удивления Крутов.

— Что это вы сегодня без охраны, полковник? — с ироническим укором ответствовал Воробьев. — Тут же по лесам полно недобитых фашистов!

Они с улыбкой обменялись рукопожатием, потом Панкрат махнул рукой своим подчиненным:

— Свяжите этих бугаев и оттащите подальше в лес, через

пару минут допросим. Хочешь поучаствовать? — это уже Крутову.

— Непременно, — отозвался тот, глянул на свои измазанные травой плавки, — только переоденусь.

Через несколько минут, сбегав домой и натянув на себя джинсы и рубашку, он вернулся к пруду. Троица неудачливых наблюдателей уже сидела спина к спине под поваленной сосной и только сверкала глазами в бессильной ярости; у каждого во рту торчал кляп.

— С кого начнем? — спросил длинный жердеобразный парень из команды Воробьева, кивая на пленников.

— Погоди, — буркнул Панкрат. — Во-первых, по одному, во-вторых, надо посоветоваться. — Он отвел в сторонку Егора. — Зачем тебе понадобилось связываться с ними, полковник? А если бы мы не успели?

— Вряд ли они пришли сюда ликвидировать меня, для этого не стоило организовывать полномасштабную слежку. Меня выпустили по чьему-то приказу и решили, очевидно, понаблюдать, чем я стану заниматься.

— Не учли твоей квалификации. А что значит — выпустили по приказу?

Крутов помрачнел, невольно ощупывая ссадину на скуле, помолчал немного, потом коротко поведал Воробьеву историю своих злоключений.

— Н-да! — почесал тот затылок. — Крепко тебя обрабатывали! И очень неожиданно выпустили. Что собираешься делать?

— Сначала разберусь с этими служаками, — кивнул на связанных наблюдателей Крутов. — Затем посчитаюсь с местным ОМОНом. Терпеть ненавижу служебного произвола, хамства и унижения! После этого поеду в Брянск.

— Искать Лизавету, — докончил Панкрат с хитровато-простодушным прищуром. — Присох-таки к чужой жене... — Он поднял руки вверх. — Молчу, молчу.

— И молчи! — сурово сказал Крутов. — Сам-то на кого глаз положил? Смотри, майор, обидишь Лидуху — убью!

— А ты откуда знаешь? — округлил глаза Воробьев.

— Она сама призналась. — Егор нехотя улыбнулся. — Видать, заинтересовал ты ее. Девчонка она интересная, слов нет, но лучше бы ты в ее сторону не смотрел.

— Это почему же? — осведомился Панкрат.

— Потому... ты же перекатиполе, нет? Один такой у нее уже был.

— Эх, не будь ты ее братом, полковник, дал бы я тебе! — вздохнул Панкрат.

— Помечтай, помечтай. Я тебя предупредил. Расскажи, как ты сам-то здесь оказался.

Воробьев дернул себя за ухо «фирменным» жестом, поколебался немного и ввел Крутова в курс здешних событий, рассказав о бое возле кургана, о потерях среди «мстителей», о посещении больницы в Фошне и о встрече с Лидой. Заканчивая рассказ, он вдруг смущенно посмотрел на Егора и сказал:

— Ты дурное в голову не бери, запала она мне в душу. Так что не только обидеть — оберегать согласен... всю оставшуюся жизнь. Кстати, она меня в гости пригласила. А правда, что у нее сейчас никого... ну, ухажера нет?

Крутов хмыкнул, смерил майора взглядом.

— Я не спрашивал, но, по-моему, нет. Да и кому она с двумя детьми нужна? Ты хоть знаешь об этом?

— Да хоть четверо!

— Такой ты у нас примерный отец? Ладно, хватит трепаться. Не об этом думать надо. Ты только что соратника похоронил, выяснять надо, ради чего он погиб.

Лицо Панкрата стало угрюмым.

— Выясню, не беспокойся. Всю душу вытрясу из...

— Эти ребята могут быть ни при чем. Что еще ты можешь сообщить по делу?

— Ты о такой организации — ФУМБЭП ничего не слышал?

— Нет. Что это за организация?

— Если бы я знал, не спрашивал бы. В зону рефрижератор заехал, водитель в черно-желтой форме, и эмблема у него на груди — шестиконечная звезда и эти буквы.

— Федеральное управление...

— Это и мы поняли. Федеральное управление чего?

Крутов подумал.

— По-моему, что-то связанное с медициной. Могу уточнить у своих знакомых в Москве.

— Уточни, если сможешь. Я тоже дал запрос, но за ответом надо в Жуковку ехать. Может, ты и прав, что зона за колючкой как-то связана с медициной, с какой-то военной лабораторией. В свое время газеты писали о «парадах уродов», не читал? С помощью специальных упражнений, поз и питания людей в секретных лабораториях превращали в уродов, а потом демонстрировали публике.

— Где это у нас такое было?

— Не у нас, на западе. А что, мы сильно от них отличаемся? Образ жизни, чуждый нам, с порнопотоком, насилием и рек-

ламой, мы уже практически переняли. Но я не об этом. Может быть, тут в лесах прячется подобная лаборатория? Недаром же курганы были приспособлены под общие могилы. — Глаза Панкрата загорелись. — Слушай, идея! А что, если рефрижератор, заехавший в зону, заказан для транспортировки выкопанных мертвецов?!

Крутов покачал головой.

— Не подгоняй факты под теорию. Хотя, с другой стороны, идея неплохая. Вы своим настырным любопытством заставили руководство зоны занервничать, и оно решило подстраховаться, замести следы.

— Точно! Я подумал о том же самом.

— Пошли. — Егор направился к пленникам.

Они выдернули одного из наблюдателей, самого первого, с которым столкнулся Крутов, со сломанным носом, отвели подальше в лес, поставили спиной к сосне и привязали парня за шею к стволу, чтобы он все время стоял на цыпочках.

— Слушай меня внимательно, — сказал Панкрат с обещанием в голосе. — Будешь говорить — будешь жить. Нам терять нечего, мы и так вне закона. Как понял? Прием. — Он вытащил кляп изо рта пленника.

— Вы все трупы, — сказал тот неповинующимися губами, с трудом сплюнул, вынужденный высоко держать голову, чтобы веревка не врезалась в горло. — Сейчас сюда прискачет Сват с ребятами... — наблюдатель прикусил язык.

Крутов и Воробьев переглянулись.

— Я уже слышал это имя, — сказал Егор, — когда ко мне заявилась команда, чтобы забрать раненого археолога. Кто такой Сват?

Пленник ответил презрительным взглядом и стал смотреть в небо.

— Что ж, не хочешь говорить, пойдем другим путем. — Панкрат без размаха вонзил согнутый палец в солнечное сплетение парня. Тот охнул и обвис, теряя сознание.

— Сдвиньте веревку пониже, а то задохнется. — Воробьев подмигнул несколько озадаченному Егору, достал пистолет. — Голь на выдумки хитра, как говорится, устроим маленький спектакль.

Он выстрелил в воздух, кивнул своим помощникам.

— Приведите второго.

Крутов понял, поднял большой палец.

«Мстители» привели второго наблюдателя и привязали к другому дереву, так чтобы тот мог боковым зрением видеть

своего «убитого» приятеля. Панкрат вытащил у него кляп, поиграл пистолетом, сказал многозначительно:

— Твой напарник говорить отказался, а времени у нас мало. Говорить будешь?

В глазах парня мелькнуло какое-то чувство, но Крутов мог поклясться, что это не страх. Наблюдатель смерти не боялся.

— Отпустили бы вы нас, — разлепил он губы. — Все равно мы ничего не знаем. Нас послали следить вот за этим типом, — парень кивнул на Крутова, — и докладывать о каждом его шаге. Это все.

— Кто приказал?

— Майор Сватов.

— Кто он?

— Начальник охраны объекта.

— Того, что за колючей проволокой в лесу? С асфальтовой дорогой? Что это за объект?

Парень угрюмо скривил губы, смерил Крутова взглядом.

— Стреляй, разговор окончен.

Егор и Панкрат снова переглянулись, отошли в сторону, и в это время к ним из леса выбежал запыхавшийся Ларин.

— Сюда движется группа, человек десять в камуфляже, при полном боевом. Что будем делать?

— Это обещанная им команда, — кивнул Воробьев на привязанного пленника. — Либо услышали выстрелы, либо всполошились, не получив ответа по рации. Ну, что, дадим бой?

— Не сходи с ума! Это профессионалы.

— Мы тоже не лыком шиты.

— Они не боятся смерти, и это очень странно... Бери своих парней и уходи. Есть где пересидеть какое-то время?

— Я хотел остановиться в деревне, у твоей сестры, но теперь вижу, что это не самый лучший вариант. Мы тут недалеко, возле Николаевки, дачу обнаружили шикарную, еще недостроенную, прямо на берегу речки, вот там и устроимся. Вряд ли кто догадается искать нас на таком важном объекте.

— Хорошо, отправляйтесь.

— А ты?

— Я дома, займу круговую оборону. — Крутов усмехнулся. — Через пять минут вся деревня будет у меня.

Панкрат сунул руку Егору, махнул все понявшему Ларину, бросил: «Передавай привет Лидии, пусть ждет в гости», — и исчез.

Крутов подошел к настороженно глядевшему на него наблюдателю, заглянул в его пустые, словно задернутые шторками, глаза и медленно проговорил:

— Передай Свату, что, если с этого момента вы не оставите меня в покое, я вас начну отстреливать, как фазанов.

И, не дожидаясь ответа, нырнул в кусты. Через десять минут он был дома.

БРЯНСК. 30 ИЮЛЯ

ЛИЗА

Сутки Елизавета провела, предоставленная самой себе, в ненавистной ей пятикомнатной квартире мужа на проспекте Машиностроителей, куда ее привез Станислав, телохранитель Мокшина и его агент по особым поручениям. Сам Георгий не появился ни днем двадцать девятого июля, ни вечером, лишь позвонил откуда-то и сообщил, что приедет тридцатого. И тогда Лиза в ответ заявила, что, если он ее не выпустит, она подожжет квартиру и сгорит в ней сама.

Трудно сказать, что подействовало на Мокшина, то ли решимость в голосе бывшей жены, то ли какое-то другое соображение, только в семь утра приехал Станислав и открыл квартиру.

— Вот ключи, — сказал он, оглядывая одетую в пеньюар Елизавету. — Шеф приказал тебя выпустить, но одну никуда не отпускать.

— А если я позвоню в милицию? — поинтересовалась она.

— Милиция подчиняется мэру, — отмахнулся двухметровый Станислав, — а мэр у нас — твой муж, так что давай не ерепенься.

Закусив губу, Елизавета постояла в прихожей, пытаясь обуздать свой гнев, и бросила в квадратное, ничего не выражающее лицо телохранителя:

— Жди внизу, прихвостень!

Понимая, что ей действительно не удастся самостоятельно избавиться от надзора, Лиза долго размышляла, что делать в таком безвыходном положении, потом решила поехать на работу. Отпуск ее заканчивался только через шесть дней, однако сидеть целую неделю в пустой квартире и ждать мужа, способного на любой поступок, было выше сил, а перспектива на всю жизнь остаться пленницей и вовсе приводила Елизавету в ужас, поэтому она решила пока подчиниться обстоятельствам и поискать какой-нибудь выход. А еще она очень надеялась, что Крутов выйдет из жуковской КПЗ и найдет способ вызволить ее из неволи.

В десять утра она была в фирме, удивив сотрудников и обрадовав начальника отдела, которому приходилось самому вести ее клиентов, разрабатывать стратегию «new business» и доводить до ума рекламную концепцию «нового отечественного шампуня от перхоти «Братья Киселевы». Перекинувшись парой слов с женской половиной фирмы и пообещав остаться попозже и рассказать о своем отдыхе, Елизавета с головой окунулась в работу, вдруг обнаруживая, что соскучилась по ней и готова чуть ли не рыть землю от усердия, чтобы сделать нескучный рекламный креатив.

День пролетел незаметно, полный переговоров с клиентами, фотографами, дизайнерами, видеостудией и модельным агентством «Ерофеев-Б». Лишь дважды Лизе удалось хлебнуть кофе и поговорить с подругой Катей, тянувшей лямку помощницы менеджера. Наконец в десятом часу вечера гонка закончилась, а так как, кроме «двух Е» — Екатерины и Елизаветы, в офисе больше никого не осталось, подруги решили посетить ближайшее от фирмы кафе «Партизан», где они изредка обедали.

У выхода из здания бывшего кинотеатра, где фирма «Навигатор» арендовала несколько помещений под офис, дорогу Лизе заступил Станислав.

— Велено отвезти тебя домой.

Лиза оглянулась на Катю, взяла ее под руку, сказала медовым голосом:

— Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы поужинаем? Твой шеф будет очень недоволен, если я пожалуюсь, что ты оставил меня голодной.

Телохранитель Мокшина, не получивший от него на этот счет никаких инструкций, потоптался в нерешительности, потом отступил.

— Ладно, ужинайте. Куда отвезти?

— Здесь всего сто метров, дойдем пешком, в «Партизане». Жди у машины.

Лиза увлекла ничего не понимавшую подругу за собой, и они побрели по тротуару к площади Ленина, постепенно приходя в себя от суеты и гула компьютеров.

— Кто это? — оглянулась Катя.

— Телохранитель мужа. — Елизавета потускнела и вдруг расплакалась, всхлипывая и не вытирая слез. — Мерзавец поганый!.. Схватил, увез, запер...

— Да в чем дело? — удивилась Катя. — Ну-ка перестань реветь, рассказывай, что случилось. Я так и поняла, что ты вышла на работу не по своей воле. Шеф вызвал? Криворуков? Точно, мерзавец!

Лиза помотала головой, проглотила ком в горле, достала платок, чтобы вытереть лицо.

— Шеф ни при чем. Георгий меня достал... — И она рассказала подруге все, что с ней приключилось в последние три дня, в том числе и о своей встрече с Егором Крутовым.

Катерина выслушала подругу с таким участием и восторгом, что Елизавете стало гораздо легче.

— Вот видишь, — вздохнула она, смущенно улыбаясь, достала зеркальце, поправила прическу, вытерла следы слез. — И я влюбилась, как девчонка. Знала его столько лет, никогда не обращала внимания, да он и старше меня был на десять лет...

— На десять?! — ахнула Катя. — Это он такой старый?!

Лиза невольно улыбнулась.

— Тридцать пять лет — старый? Видела бы ты, как он дерется! Он любому крутому фору даст. Ну, чего стали посреди дороги? Пошли в кафе, раз собрались, посидим, расслабимся. Рассказывай теперь ты о своих подвигах.

Они зашли в кафе, выбрали столик у окна, заказали бутылку шампанского, кое-какую закуску и кофе и принялись болтать, то и дело скатываясь к интересующей обеих теме — о мужчинах, которые нравятся. Катя спросила:

— А как же муж? Он же тебя любит? — и Лиза чистосердечно призналась:

— Но ведь я-то его не люблю! А его так называемая «любовь» — это чувство собственника. Ему бы мусульманином родиться — имел бы самый большой гарем! И потом, ты знаешь, как он стал мэром? Кто его финансировал? Какие-то военные. А эта его подозрительная деятельность, постоянные разъезды, встречи, вьющиеся вокруг темные личности, тупые телохранители... — Елизавета махнула рукой. — Все! Не хочу! Наелась.

— Но он такой сильный, мужественный, красивый...

— Только с виду. — Лиза улыбнулась. — У меня на него аллергия. Помнишь, у Дюма в «Виконте де Бражелоне»? «Каждая женщина скажет, что между красотой любовника и красотой мужа огромная разница».

Засмеялась и Катя.

— Я не люблю Дюма, но сказано верно. Интересно было бы взглянуть на твоего Крутова, уж очень ты его превозносишь.

— Увидишь еще и убедишься. Он приедет.

— Почему ты так уверена в нем?

— Я же тебе говорю, он человек слова. Никогда не думала, что встречу...

— Соседа.

— Вот именно, что встречу соседа, способного меня увлечь и зажечь.

— А как же все-таки муж?

— Никак. — Лиза нахмурилась. — Жить с ним я не буду... и в его квартиру не поеду. Приютишь на пару дней? У тебя он меня искать не станет, надо только от телохранителя избавиться.

Катя закурила, обдумывая свое решение. С одной стороны, ей было боязно вмешиваться в чужую жизнь, с другой — интересно, и еще хотелось помочь подруге. Она наклонилась к уху Лизы.

— Устроим маленькую комедь. Он ждет тебя у входа? Выйдешь через служебный выход и дворами дойдешь до парка, там встретимся. Я его отвлеку.

— А не боишься? Вдруг полезет выяснять отношения?

Екатерина с пренебрежением повела плечиком.

— Пусть попробует. Так завизжу, что полгорода сбежится.

Лиза прыснула, Катя засмеялась тоже. Настроение у обеих поднялось, им было приятно осознавать себя решительными и сильными.

Кафе между тем заполнилось, появились целые компании веселых молодых людей, привыкших чувствовать себя властелинами мира. Один из них заметил беседующих подруг, что-то сказал оркестру и, когда тот заиграл танго, подошел к столику.

— Пошли, потанцуем, — развязно сказал он Елизавете.

— Я не танцую, — покачала головой девушка.

— Чо?! — удивился молодой человек; он был одет в черные брюки, белую рубашку апаш и супертуфли с пряжками и заклепками, а на руке носил не часы, а целый агрегат величиной с туристский компас.

— Ты чо, в натуре?!

— Чо слышал: я не танцую. — Лиза с иронией оглядела парня.

— Да ты чо выпендриваешься? Я же музыку заказал.

— Иди и танцуй, если заказал.

— Ну, ты даешь! — покрутил головой танцор. — Я по-хорошему, а ты кобызишься. Ну, смотри!

Покачнувшись, он расправил плечи и отошел от стола.

— Раздайся, грязь, навоз плывет! — засмеялась Катя.

На ее беду, парень услышал ее слова. Круто развернулся, сузил глаза.

— Чо ты брякнула?!

— Иди, иди, она пошутила, — с досадой отмахнулась Елизавета. — Приходи завтра, обещаю станцевать.

— Нет, что она сказала?! — Он оперся кулаками о столик, едва не смахнув на пол посуду. — Ты знаешь, с кем дело имеешь, вобла сушеная?! Я Божедомов, помощник депутата! Щас кликну хлопцев... — молодой человек не договорил, на его плечо опустилась мощная ладонь Станислава.

— Уймись, мальчик, — сказал телохранитель Мокшина. — Эта мадам заказана.

И «помощник депутата» сник, съежился, пробормотал что-то и почти на цыпочках отошел от стола. Видимо, он хорошо знал телохранителей мэра и их возможности.

— Пошли домой, уже поздно, — посмотрел на часы Станислав.

Подруги переглянулись.

— Мы еще не пили кофе, — робко проговорила Катя.

— Дома попьете.

— Мы будем пить здесь! — твердо глянула на парня Лиза.

Командный тон подействовал.

— Ладно, даю десять минут, — сдался Станислав и пошел к выходу из зала, оглянулся. — Георгий будет очень недоволен.

— Это его проблемы, — холодно сказала Елизавета, хотя внутри ее все сжалось.

Станислав вышел.

Катя посмотрела на лицо подруги и накрыла ее руку своей.

— Ну что, поедешь домой?

Лиза сжала губы, помотала головой упрямо, сдерживая подступившие слезы, решительно поднялась.

— Будем действовать, как договорились, если ты не передумала. Я ему не вещь, с которой можно делать все что заблагорассудится, не интересуясь ее мнением.

— Правильно! — с жаром махнула рукой Катя. — Мы им покажем, как надо свободу любить! Иди первая, я выйду позже. — Она хихикнула. — Представляю рожу этого лакея, когда до него дойдет, что его обвели вокруг пальца...

Лиза, понимая, что все не так просто и ей еще придется долго выдерживать осаду мужа, но и не желая быть игрушкой в его руках, глубоко вздохнула и быстро направилась к двери, ведущей из зала кафе на кухню. Компания молодых людей во главе с «помощником депутата» проводила ее глазами, но преградить путь не решилась.

Катя посидела за столиком несколько минут с сигаретой в пальцах, глотнула кофе и тоже поднялась. На мгновение ей стало не по себе, словно холодное облачко накрыло ее сверху, но девушка она была решительная и отступать не привыкла.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН

ВОРОБЬЕВ

Дача, которую разведчики Панкрата обнаружили в трех верстах от деревни Николаевка, явно принадлежала кому-то из сильных мира сего, то ли депутату областной Думы, то ли какому-то начальнику из губернской администрации, то ли крутому мафиози, но главным было то, что достраивать ее не спешили. За высоким двухметровым кирпичным (!) забором неторопливо ворочались всего двое пожилых строителей — отделывали комнаты внутри здания, да лениво обходил владения страдающий от жары сторож, здоровый мускулистый малый с круглым сонным лицом, голый по пояс. Вооружен он был неплохо — помповым ружьем калибра двенадцать миллиметров, однако носил его как дубинку — на плече. Кроме него, дачу охраняла собака — черно-белый северный шпиц, известный своей недоверчивостью. В Финляндии такие собаки использовались в основном для охоты на медведей, а для чего ее завели хозяева дачи, было непонятно, но едва ли в качестве сторожевого или охотничьего пса, скорее для создания имиджа: чистопородный шпиц силен и красив.

Посовещавшись, «мстители» решили действовать просто и прямо, без специальных разведмероприятий, хотя и приняли кое-какие меры безопасности на случай засады, которой здесь в принципе не должно было быть. Идея звучала так: захватить сторожа и строителей, аккуратно связать, допросить и... дальше надлежало действовать в зависимости от полученной информации. Если сторож не докладывал хозяину дачи обстановку каждый день, а сам хозяин не проверял, как идет строительство, можно было расположиться на даче, поместив сторожа и строителей в одном из помещений под замок. В любом другом случае использование дачи в качестве базы отпадало.

Просчитали варианты, подготовились, окружили двухэтажный коттедж за глухим забором, и Панкрат начал осуществлять свой план.

В шесть часов вечера к воротам дачи подкатил мотоцикл, реквизированный Воробьевым у Егора Крутова после разборки с наблюдателями, и водитель пару раз бибикнул, вызывая сторожа. Ничего не подозревающий белобрысый соннолицый качок приоткрыл калитку, окинул мотоциклиста равнодушным взглядом и, разморенный жарой, лениво осведомился:

— Чего надо?

Карабин он так с плеча и не снял.

— Позови Сергеича, — сказал мотоциклист (Миша Ларин), — я за цементом еду, надо узнать, сколько привезти. И будь другом, дай сигарету.

То, что одного из строителей звали Сергеичем, «мстители» узнали после часового наблюдения за территорией дачи, услышав их неспешные разговоры.

Сторож достал сигареты, одной рукой ловко выщелкнул одну, подал Михаилу.

— Откуда ты взялся? Я тебя раньше не видел. Бык еще одну бригаду взял?

— Нет, — выпустил струю дыма Ларин, — решил эту заменить.

Нападения сторож не ожидал и, хотя мышечный каркас имел солидный, все же точного удара в солнечное сплетение не выдержал: выронил ружье, охнул, сел на корточки, выпучив глаза и держась за живот. Потом дернулся было к ружью и замер: Ларин приставил ему ко лбу пистолет, сказал негромко:

— Как звать-то?

— Сидоров... Серж...

— Кричать будешь, Сидоров Серж?

— Не-е...

— Вот и отлично. Привяжи собаку, веди меня в апартаменты и не оглядывайся.

Михаил подобрал ружье, помахал рукой, подзывая остальных «мстителей», и повел ничего не соображавшего парня к великолепному коттеджу из красного кирпича, с вычурными фронтонами, колоннами и карнизами. Собака было рванулась к незнакомцу, но сторож остановил ее окриком и привязал за ошейник к будке.

Со строителями справились без шума, легко, просто загнали в почти законченную баню-сауну и заперли дверь. Лишь спустя минуту после этого обалдевшие мужики опомнились, начали ломиться в дверь, кричать, и Родиону пришлось пригрозить:

— А ну тихо! Сожгу вместе с баней к чертовой матери!

Стук и крики прекратились, наступила тишина, строители сообразили, что ими занялись серьезные люди.

Сторожа допрашивал сам Воробьев, после чего запер парня вместе со строителями. Ситуация складывалась благоприятная. Хозяин дачи, некто Аркадий Шанталинский, заместитель мэра Брянска, появлялся под Николаевкой редко, раз в месяц, и последний раз отметился на строительстве всего четыре дня назад. Бык, о котором упомянул сторож дачи, был прорабом на стройке, но посещал дачу не чаще раза в неделю,

и последний его визит совпал с визитом Шанталинского, то есть ждать его следовало не раньше чем через три дня. Строители оказались приезжими сезонниками с Украины и харчевались и жили прямо на территории дачи, точнее — в палатке. Хозяин пользоваться удобствами своего владения не разрешал. Ну и, наконец, сторож также обитал на даче, имея сменщика из местных аборигенов, который должен был заявиться только через два дня. Таким образом у «мстителей» появилась возможность затаиться хотя бы на два-три дня на базе, которую искать в дачной зоне вряд ли догадался бы какой-нибудь милицейский начальник. Панкрата это устраивало, его несколько потрепанную команду тоже, не устраивало же создавшееся положение только строителей и охранника, но это никого не волновало. Теперь надо было хорошо замаскироваться и не тревожить соседей Шанталинского, начавших строить особняки вдоль ручья. Правда, «мстителям» повезло: дача Шанталинского стояла немного на отшибе, в лесу, между взгорком и изгибом ручья, поэтому увидеть, что творится на ее территории, было трудно. Тем не менее Панкрат решил подстраховаться, зная, что мелочей в их работе не бывает, собрал народ, и через пять минут после собрания у дачи уже был «сторож» (его роль играл гигант Коля Каширин), а во дворе возились «строители» — Родион и Миша Ларин. Остальные укрылись в коттедже, где были готовы почти все спальни (всего их насчитывалось четыре), каминный зал, столовая и кухня. В принципе здесь уже можно было жить, осталось только поклеить обои в кабинете, отделать стены холла мрамором и отрегулировать оборудование ванной и туалета.

Больше всего «мстителей» поразил тем не менее не холл площадью около ста квадратных метров, а кинозал с тридцатью роскошными стульями с мягкой обивкой. Впрочем, был достоин удивления и двухсекционный эскалатор, ведущий из холла на крышу коттеджа, где был оборудован солярий с небольшим бассейном.

Побродив по коттеджу, ошалевшие от интерьеров комнат «мстители» разбрелись согласно дежурному расписанию кто куда: одни «работать», другие отдыхать, — а Панкрат вдруг загорелся желанием посетить Ковали и навестить сестру Крутова, которой он обещал быть вечером в гостях.

— Я на пару часов отвлекусь, — сказал он Баркову, занявшему одну из спален дачи. — В случае тревоги дашь знать по рации.

— А работа? — недовольно сказал заместитель, не понимая,

что собирается делать командир отряда. — Ребят же искать надо.

— Работать начнем ночью, как стемнеет, сейчас к зоне лучше не подходить. Нужен транспорт, а у нас только один мотоцикл.

— Куда ты собрался?

— За кудыкины горы. Свидание у меня.

— Что за свидание? С медведем, что ли? Возьми кого-нибудь для подстраховки.

— Пусть отдыхают, обойдусь.

Барков покачал головой.

— Как говорил мой батя: ты своей смертью не помрешь — или блинами обожрешься, или куры обсерут.

Панкрат засмеялся.

— Оригиналом был твой батя, как дед Осип, дядя Крутова. У того что ни фраза, то изречение. Мне особенно понравилось его высказывание о жене: жена в больших дозах — яд, в малых — лекарство.

Барков усмехнулся.

— В самую точку. И все-таки я бы тебе не советовал шататься по здешним лесам в одиночку. Неужели к бабе пойдешь?

— К ней, — признался Панкрат. — Но эта баба... нет, женщина, достойна того, чтобы и генерал сбежал в самоволку. Короче, Склифосовский, ждите, я не задержусь.

Взяв с собой пистолет и нож, Воробьев оседлал мотоцикл и выехал за ворота дачи. Вскоре он был у Ковалей, но, прежде чем заехать в деревню, остановился на опушке леса и набрал букет полевых цветов, и лишь после этого в начале девятого вечера подкатил к дому Лиды, точнее, к дому ее матери, ничем не выделявшемуся из ряда таких же бревенчатых хат, крытых шифером, образующих самую длинную — в двенадцать домов — из трех улиц деревни.

Возле дома с визгом возились на траве двое ребятишек в одних трусиках, очевидно, дети Лидии Антон и Настя. Панкрат слез с мотоцикла, понаблюдал за их игрой и открыл калитку, вдруг ощутив странное волнение, будто перед прыжком с парашютом. Прислушался к себе, удивляясь реакции сердца на предполагаемую встречу с понравившейся ему женщиной, пробормотал про себя: «Если вы мне откажете, я умру», — поклялся кавалер. Она отказала. Через пятьдесят лет он умер»...

И в это время на крыльцо хаты вышла Лида, обеспокоенная остановкой мотоциклиста возле играющих детей. Она была в

простенькой маечке, туго обтягивающей высокую грудь, и в спортивных мужских трусах. Ойкнула, узнав Панкрата, и юркнула в дом, тут же высунув голову в дверь:

— Извините, я сейчас...

Остолбеневший Воробьев расслабился, выдохнул воздух, застрявший в легких, и засмеялся от переполнявших его чувств. Ощущение было такое, будто он вернулся домой, где его давно ждали. Вспомнил о цветах, сбегал за ними к мотоциклу, и вовремя: Лидия вышла, уже переодетая в блузку и юбку. Прикрикнула на детей:

— Ну-ка тише, башибузуки! Распищались.

Но было видно, что строгость она напустила на себя лишь для проформы, чтобы подчеркнуть свое отношение к детям. Панкрат протянул ей букет, галантно поклонился.

— По-моему, я где-то вас видел, мадам. Вы случайно не артистка?

Лида засмеялась, взяла букет, прижала к лицу, вдыхая аромат цветов, бросила на гостя благодарно-изучающий взгляд.

— Спасибо, господин бывший майор. Проходите в хату, я как раз чай собралась пить. Мам, — позвала она, поворачивая голову.

Из сеней вышла седая женщина, удивительно похожая на Лидию фигурой, осанкой и лицом. На вид ей можно было дать не больше сорока лет, но седина прибавляла к возрасту еще лет десять.

— Мам, это Панкрат.

Воробьев поклонился.

— А это моя мама, Валентина Архиповна, — представила мать Лидия. — Мам, забери детей с улицы, пусть поиграют в саду, а мы почаевничаем в горнице.

— Проходи, мил человек, — низким голосом проговорила Валентина Архиповна, окидывая Панкрата одновременно понимающим, оценивающим и вопросительным взглядом. — Самовар уже готов, стол накрыт. Лид, ты уж сама поухаживай за гостем, а я к Василию Поликарповичу схожу, с детьми.

— Только не задерживайся, им спать скоро.

— Будь спокойна, лягут сами.

Еще раз посмотрев на Воробьева, мама Лиды забрала детей и ушла с ними в соседний дом.

— Хорошая у тебя мама, — сказал Панкрат.

— Не жалуюсь, — отозвалась Лида, смущенная тем, что мать фактически призналась в ожидании дочерью гостя. — Ну, что стоите, заходите в хату.

— Только руки помою.

Панкрат умылся под рукомойником, висящим во дворе, возле погреба, прошел в горницу, где на столе действительно попыхивал парком самовар и были расставлены чашки и блюдца для двух человек, стояли вазочки с сахаром, медом, вареньем, печеньем и воздушными пирожными с кремом, явно сработанными в домашних условиях. Лида уловила взгляд Воробьева, покраснела. Он понял, что не ошибся: его здесь ждали.

— Отлично! — потер он весело руки. — Давно не пил чай с медом и пирожными.

Они сели за стол, поглядывая друг на друга, не зная, о чем говорить, с чего начать, словно школьники на экзамене, потом встретились глазами и рассмеялись, чувствуя облегчение. В принципе ничего особенного изрекать и не надо было, их чувственно-эмоциональные сферы уже соприкоснулись и приняли друг друга, а общение было уже делом вторым.

— Можно, я за тобой поухаживаю? — предложил Панкрат.

— Нет уж, ты гость, — серьезно возразила женщина, — в здешних обычаях не принято гостей понуждать. Может быть, поужинаешь? Есть щи, пельмени, питье — юрага, квас, молоко.

— Тащи пельмени, — подумав, махнул рукой Панкрат.

Лидия радостно и недоверчиво привстала.

— Только придется подождать несколько минут, пока я сварю пельмени в приспешне.

— Где?

— Здесь так называют кухню.

— А что такое юрага?

— Сыворотка, остается после сбитого масла.

— Неси.

Лида упорхнула из горницы, принесла из погреба кувшин с холодной юрагой — зеленовато-беловато-прозрачной жидкостью и снова убежала на кухню варить пельмени. Воробьев напился — сыворотка оказалась очень вкусной, зашел было в «приспешню» предложить помощь, но был выдворен и стал рассматривать семейные фотографии, развешанные по стенам горницы в рамочках под стеклом.

Через десять минут Лида принесла тарелку самодельных пельменей, литровую банку сметаны и стала смотреть, подперев кулачками подбородок, как гость уплетает ужин.

Панкрат ел с удовольствием, заставил ее рассказать историю семьи, кое-что сообщил о своей, потом они пили чай и беседовали так, будто были знакомы с детства, будто переступили некий порог, разделяющий обоих.

— Вот ты говоришь, что служил в спецвойсках...

— В разведке.

— Ну, все равно. Значит, воевал? Где? Или не пришлось?

— В принципе я побывал везде: в Афганистане, в Чечне, в Абхазии, в Карабахе и в Таджикистане. Короче, во всех «горячих точках» СНГ. Но я не воевал. Разведка — совсем другое дело.

— Все равно это война. Ведь тебя же могли убить?

— Это да, сколько угодно, — согласился Панкрат.

— А где было страшней всего? Можешь рассказать какой-нибудь случай?

Воробьев мог припомнить не один такой случай, когда его запросто могли убить или ранить, но из страшных больше всего запомнился один эпизод в Таджикистане, когда обкурившийся наркотой таджикский боевик при передаче автобуса с женщинами и детьми вдруг выхватил гранату и заорал, вращая глазами:

— Взорву всех! Отойди! Взорву! — и сорвал чеку гранаты.

Автобус сопровождали спецназовцы ФСБ, Воробьев со своей группой оказался рядом с КПП, где происходила передача, случайно и, в общем-то, ни во что вмешиваться не собирался, да и угрожали не ему, а таджикским беженцам, соотечественникам «славного бойца революции», но в тот момент ему стало страшно. Не за себя — за женщин и детей. Терроризм в любом виде — явление подлое, гнусное и трусливое, поэтому так свободно жертвует женщинами, стариками и детьми. Этот боевик исключения не представлял.

— Как его зовут? — быстро спросил Панкрат у растерявшихся соратников боевика; на решение оставались секунды.

— Ахмад, — ответили ему.

Панкрат, одетый в такой же пятнистый наряд, что и остальные, бросил свой автомат подчиненному, достал сигареты, сунул одну в зубы и так с пачкой в руке направился к автобусу. В десяти шагах от орущего боевика окликнул его:

— Ахмад, закурить хочешь? Дай огоньку, а то спичек нет.

Черноволосый, лохматый, бородатый, давно не мывшийся «солдат оппозиции» замолчал, оглянулся, продолжая сжимать поднятую над головой гранату побелевшими пальцами. Панкрат, излучая дружелюбие, приближаясь к нему с виду неторопливыми шагами, протянул ему пачку сигарет.

— Держи, отличные, настоящий «Кэмел».

Выпучив глаза, боевик перевел взгляд с лица Воробьева на сигареты, и в то же мгновение Панкрат рванулся вперед, как спущенная тетива лука. Правой рукой он перехватил кулак таджика с гранатой, левой же нанес мощный удар в грудь, с хрустом ломая ему ключицу. Боевик тонко взвизгнул, выпус-

кая гранату, оцепеневшие зрители — спецназовцы, десантники, солдаты КПП, боевики — бросились на землю, но Панкрат подхватил гранату и отшвырнул на десяток метров в сторону, за стену густого низкорослого кустарника. Взрыв никого не задел, лишь у автобуса вылетело заднее стекло от воздушной волны, да осколками посекло кустарник.

— Берите своего приятеля, — сказал Воробьев, небрежно опуская потерявшего сознание боевика на дорогу, хотя у самого часто колотилось сердце и рот пересох от желания убить идиота на глазах у всех...

Но всего этого Панкрат Лиде рассказывать не стал. Только подтвердил, что страшно ему было не один раз.

Лида и дальше, наверное, продолжила бы расспросы на заинтересовавшую ее тему, но в это время в сенях хлопнула дверь и на пороге горницы появился Егор Крутов в футболке и шортах, босиком.

— Я так и знал, — сказал он не слишком приветливо, окидывая взглядом замерших, будто их поймали на краже сметаны, молодых людей. — Ты что, совсем голову потерял?

Панкрат открыл рот и закрыл, беспомощно посмотрел на Лидию, впервые не зная, что ответить. Вместо него это сделала хозяйка.

— Ну-ка не кричи на него, — строго сказала она. — Не у себя в казарме командуешь. С чем пожаловал?

Крутов озадаченно посмотрел на нее.

Панкрат облегченно засмеялся.

Лидия смутилась.

Крутов усмехнулся.

— Ну и пролаз ты, майор, как сказал бы Осип. Пошли, поговорим во дворе.

— Говорите здесь, — подхватилась со стула Лида, — я за детьми сбегаю.

Оба посмотрели ей вслед, потом друг на друга. Крутов покачал головой.

— Не слишком ли резво ты начинаешь, приятель?

— Хотел говорить о деле, говори, — прищурился Панкрат. — Я не виноват, что она твоя сестра.

— Тебя и твою команду объявили в розыск. Официально. Час назад передали по радио и по телевидению. Тебе нельзя показываться в деревне. И охотники за тобой идут серьезные.

— У охотника только одна дорога, — беспечно отмахнулся Панкрат, — у волка — сто. Пусть ищут.

Крутов нахмурился.

— Ты что, не понимаешь?..

Воробьев стал серьезным, положил локти на стол, подался к Егору.

— Полковник, не будь занудой. Я тоже прошел кое-какую школу и знаю, где можно рисковать, а где нет. Если тебя интересует мое отношение к твоей двоюродной сестре, то могу сказать прямо: она мне нравится, очень. И меня не смущает то обстоятельство, что у нее двое детей.

— Это уж точно.

— Я в другом смысле. Кстати, она уже взрослая и сама способна позаботиться о себе и оценить ситуацию. Не вмешивайся в ее жизнь.

— Это что — угроза?

— Это дружеский совет.

Мужчины посмотрели друг другу в глаза. Крутов вдруг улыбнулся, сел за стол.

— Вот теперь я тебе верю.

Панкрат хмыкнул.

— Это следует расценивать как комплимент? Видать, ты крупный психолог. Что изменилось-то? С чего это ты вдруг мне поверил?

— У меня дар. — Крутов налил себе сыворотки. — Я неплохо вижу ауру у взволнованных людей. У тебя аура зеленого цвета.

— Что сие означает? Что я еще зеленый?

— Зеленый цвет — цвет роста и дружелюбия. Но все-таки я тебя предупреждаю: если ты решил поразвлекаться с деревенской девкой, потрогать ее за титьки...

— Стоп! — сказал Панкрат негромко, но с угрозой. — Таким тоном со мной больше не разговаривай! Это опасно. Мне почти тридцать лет, я не мальчик.

Крутов оценивающе глянул на затвердевшее лицо Воробьева и внезапно метнул невесть как оказавшийся у него бетдаггер через всю комнату в стену. Нож сочно вошел в деревянную обивку стены, пробив глаз нарисованного детскими руками на картоне клоуна. В то же мгновение Панкрат кистевым вывертом бросил свой нож, воткнув его в другой глаз клоуна.

— Годится, — кивнул Крутов. — Кажется, я в тебе не ошибся.

— Спасибо за оценку, — с иронией ответил Панкрат.

В горницу заглянула встревоженная донесшимися до ее слуха звуками Лидия, всплеснула руками.

— Вы с ума сошли?! Стену мне исковыряли, рисунок испортили, Антон рисовал, старался!

— Свари-ка и мне пельменей, — спокойно сказал Егор.

Лида бросила быстрый виноватый взгляд на Панкрата и

вышла. Тот, будучи гостем, пересилил раздражение, сказал почти так же спокойно:

— Машину свою не дашь?

— Не дам, — сказал Крутов. — Она не для здешних дорог, да и заметна очень.

— Нужен транспорт, хотя бы еще один мотоцикл.

Крутов задумался.

— Попрошу у соседа, если не откажет...

— Мы заплатим.

— За эксплуатацию, что ли? А если угробите мотоцикл?

— Купит новый.

— Уговорил. Где вы остановились?

— Там, где я и рассчитывал, на даче под Николаевкой. Местные тузы строят целый дачный поселок. Не дача — сказка!

— Хозяин не заявится?

— Мне буквально пару дней пересидеть надо, пока не разыщу пропавших ребят, а потом мы покинем твою вотчину. К тебе за это время никто не приходил?

— Нет, пока все тихо.

— Зализывают раны? Будь осторожен. Тебя, по-моему, выпустили из милиции в качестве наживки.

— Может быть. Поэтому ты тоже будь осторожен. Что намерен делать дальше?

— Ночью пойдем к зоне. Надо в конце концов разобраться, что там прячется за колючей проволокой. Уверен, мои ребята находятся там.

Крутов меланхолически допил сыворотку.

— На мой взгляд, это бесперспективно. Вас засекут, и тогда придется отходить с боем. Потеряешь людей. Сколько их у тебя?

— Осталось шестеро, седьмой сидит в Брянске. Они все профессионалы и знают законы спецназа.

— Ну-ну?

— Видят всех — их никто, раз, и два: в любое время, в любом месте, любую задачу.

Егор скептически покачал головой.

— Они б ы в ш и е профессионалы, друг мой, командой их сделали обстоятельства.

— Команду из них слепил я.

— Все равно, они не тренированы так, как обучены профи спецподразделений, одно из которых наверняка оберегает покой зоны. Моя группа — да, прошла бы здесь, но я уже ею не командую.

— Ты хочешь отговорить нас или что-то посоветовать?

Крутов посмотрел на часы.

— Через зону протекает ручей...

— Мы собирались воспользоваться им.

— Так вот, откажитесь от этой затеи, ручей наверняка перекрыт, охранники там не дураки. А вот болотом подойти к зоне можно. С севера к зоне подступает мшара. Я думаю, с той стороны колючей проволоки нет, она ни к чему. Попробуйте подойти оттуда. По болотам не ползал?

— Приходилось. Мы подумаем.

Лида принесла пельмени, поставила на стол. Панкрат поднялся.

— Мне пора. Спасибо за угощение, хозяйка.

— Не за что. Заходите еще, я пирог испеку.

— А мотоцикл? — поинтересовался Крутов, принимаясь за еду. — Подождешь, пока я узнаю?

— Если тебе его дадут, поставь у себя во дворе, через час я или кто-то из моих ребят заберет.

— Может, я с вами пойду?

— Нет, — твердо сказал Панкрат. — Вызволение ребят — наше дело. Мы справимся.

Крутов пожал плечами, продолжая есть, и Воробьев в сопровождении Лиды вышел к калитке.

Смеркалось, на небе выступили первые звезды, жара ушла, в воздухе был разлит аромат фиалок и резеды — под окнами хаты цвели цветы. Уходить не хотелось.

— Приходи еще, — тихо проговорила Лидия.

Панкрат повернулся к ней, пытаясь разглядеть глаза, и вдруг быстро поцеловал в губы, отпрянул, словно боясь взрыва негодования. Однако женщина не обиделась, лишь улыбнулась.

— Я приду, — пообещал Воробьев.

Через минуту он был уже за околицей деревни.

* * *

Мотоциклы оставили в километре от въезда на территорию зоны, в кустах недалеко от асфальтовой ленты, забросали ветками. Все было обговорено и спланировано, каждый знал свое место и что должен был делать, но Панкрат на всякий случай спросил:

— Может, у кого появились сомнения? Или предложения?

«Мстители» молчали. Экипированы все были примерно одинаково — в камуфляжные костюмы с шапочками на головах и выглядели братьями, как патроны одной обоймы, только Родион выделялся из шеренги, будучи выше всех на голо-

ву. Вооружение группы состояло из пяти пистолетов «бердыш» калибра девять миллиметров с насадками бесшумного боя, с магазинами на восемнадцать патронов, пистолета-пулемета «ОЦ-22» («овца»), автомата «АКС», снайперской винтовки «ВСК-94», двух гранат и шести ножей. Для прямого штурма любого укрепрайона этого явно было недостаточно, но штурмовать зону Панкрат не собирался, рейд группы был диверсионно-разведывательным, бой на незнакомой территории был крайне нежелательным.

— Сверим время. — Панкрат включил подсветку часов. — На моих одиннадцать двадцать четыре. Готовы? Вперед!

Выбрались на дорогу и в пять минут преодолели расстояние до ворот в колючей изгороди. Остановились в полусотне метров, разглядывая сиреневые огоньки на воротах.

— Никого, — шепнул Барков. — Взять и по-простому — через ворота...

— Огоньки видишь? Это электрическая защита. Уверен, там и лазерная подсветка, и датчики, и телекамеры припрятаны, и куча сюрпризов вроде пулеметов в скрытых ячейках. Наскоком эту базу не... — Воробьев не договорил.

С территории базы послышался отдаленный гул мотора, медленно приблизился, сквозь частокол деревьев замелькали фары идущего с малой скоростью грузового автомобиля. Через минуту он выполз к воротам и стало видно, что это длинный белый рефрижератор с синей полосой по борту.

— Черт возьми! — шепотом воскликнул Барков. — Еще один! Что они туда возят?

— Или оттуда.

— Какая разница? Может, остановим?

Панкрат думал недолго.

— Берем! Миша, Коля, быстро на дорогу, пока он не выехал, свалите какое-нибудь дерево подальше отсюда, мы подойдем сзади.

Двое «мстителей» отделились от отряда и исчезли в лесу.

В бинокли были хорошо видны ворота, освещенные фарами машины, и часть дороги, но все же наблюдавшие за процедурой выезда парни Воробьева не увидели ни одного человека, который должен был охранять ворота. И тут проявилась в действии автоматическая система контроля и пропуска автомашин на территорию зоны.

Сиреневые лампы на столбах ворот погасли. Зато вспыхнули два оранжевых лазерных луча, скрестились на капоте рефрижератора, разошлись, создавая узкий коридор для выезда. Створки ворот начали раздвигаться, хотя исполнительных механизмов видно не было, вероятно, они прятались в кожуха под землей. Ворота открылись, и в асфальте стал виден ряд острых металлических штырей высотой в десять сантиметров. Но вот спрятались и они, ушли вниз, утонули в специальных пазах.

Взревел двигатель рефрижератора, машина по коридору из лазерных лучей выкатилась за ворота и, набирая скорость, устремилась прочь от зоны. Досматривать процедуру закрывания ворот «мстители» не стали, все бежали к дороге, чтобы успеть к моменту, когда водитель начнет тормозить, увидев препятствие.

Все так и произошло.

Сделав два поворота, асфальтовая лента вывела автомашину к поваленному деревцу: Ларин и Каширин сделали свое дело. Рефрижератор затормозил, начал было останавливаться, но потом вдруг пыхнул клубом дыма и рванул вперед: очевидно, водитель решил не задерживаться и собирался переехать упавшую осину толщиной в двадцать сантиметров. И тут с двух сторон на подножки машины вскочили две фигуры в масках, раздался звон стекла. Рефрижератор повело в сторону, однако тормоза гулко вздохнули и машина остановилась.

— Выходи! — приказал басом Каширин. — Свет!

Фары погасли.

На дорогу спрыгнули двое: водитель в кабине был не один. Панкрат подбежал к задержанным, осветил фонариком лица. Никого из них он раньше не видел. Один из них был одет в черно-желтый комбинезон с эмблемой на груди: шестиконечная звезда и буквы ФУМБЭП, — второй носил камуфляжную форму с погончиками капитана. Оба не выказывали никаких признаков страха! Словно вооруженные люди останавливали их каждый день, вернее, каждую ночь. Панкрат снова столкнулся с загадочным поведением людей зоны, не боящихся смерти.

— Что везем? — глухо спросил он.

— Кто вы? — вместо ответа поинтересовался капитан, по привычке трогая подмышечную кобуру, из которой Ларин вынул пистолет.

— Отведи его в сторонку и шлепни, — повел стволом Панкрат. — Только без шума.

— Есть шлепнуть без шума, — понимающе прогудел Каширин.

Он увел капитана за деревья, и спустя несколько секунд оттуда донесся стон и всхлип. Панкрат повернул голову к водителю, толстенькому и благообразному.

— Теперь поговорим с тобой. Что за часть стоит здесь за колючей проволокой?

— Не знаю, — начал вдруг задыхаться и бледнеть водитель, дрожащей рукой расстегнув ворот комбинезона.

— Как это не знаешь? — удивился стоящий позади шофера Барков. — Приезжаешь сюда из Брянска чуть ли не каждый день и не знаешь, что за фирма?

— Это секретная часть... никто не вправе... — шофер схватился за горло, будто его кто-то душил.

— Что с ним? — обеспокоился Воробьев. — Эй, в чем дело? Ты больной, что ли? Ответь на три вопроса, и мы тебя отпустим. Что везешь? Что за контора скрывается под аббревиатурой ФУМБЭП? И главное: не видел ли ты на территории части двух пленников? Их захватили возле кургана... — Панкрат замолчал, видя, как водителя начинает корчить. — О черт! Помогите ему!

Водитель покачнулся и упал, царапая себе горло и грудь. Еле слышно прохрипел:

— Они меня...

Голова его безвольно свесилась в канавку на обочине дороги, по телу прошла судорога, руки разжались.

— Готов! — сказал нагнувшийся к нему Родион. — Он что, капсулу с ядом раскусил?

— Дьявольщина! — изумленно посмотрел на Панкрата Барков. — Да что тут творится? Что за секреты кроются в зоне, из-за которых даже шоферы травят себя, чтобы не проболтаться?!

— Это не яд, — пробормотал Панкрат.

— А что?!

— Не знаю. Похоже на сильнейшее внушение. Его запрограммировали на каком-то очень глубоком психическом уровне, снимающем инстинкт самосохранения. Он просто перестал дышать.

— Не может быть!

Панкрат отвернулся.

— Коля, что там у тебя?

— Труп! — возник из темноты леса Каширин. — Я хотел его оглушить, а он вдруг схватился за грудь и упал. Сердце не бьется.

На дороге стало тихо.

— Ох и не нравится мне все это! — сквозь зубы процедил Родион.

— Посмотрите, что в кузове, — распорядился Воробьев. — Этих двоих посадите в кабину. Миша, после осмотра отведешь машину в Жуковку и оставишь у милиции. Потом позвонишь откуда-нибудь Краснову, пусть едет к нам, в Брянске ему нечего делать.

— Сделаю, командир. Куда возвращаться?

— На дачу. В разведку мы сходим без тебя.

— Командир, — окликнул Воробьева Родион, — загляни.

«Мстители» открыли задние двери рефрижератора, включили фонари, и лучи света выхватили из темноты ряды продолговатых дощатых ящиков.

— Мать честная, гробы! — сказал кто-то.

— «Груз 200», — пробормотал Барков.

— Откройте один.

В вагон вскочил Каширин, ударом кулака оторвал одну доску от ящика, посветил внутрь и выпрямился.

— Мертвец!

Барков сплюнул.

— Даю голову на отсечение: они привозят сюда живых людей, а увозят трупы! В курганах их стало хоронить опасно.

— Не легче ли топить трупы в болоте? — прогудел Каширин. — Камень на шею — и в прорву. Сроду никто не найдет.

— Может быть, окрестные болота уже переполнены.

— Тоже скажешь! Не стреляют же их тысячами...

— Зачем стрелять? На них проводят эксперименты...

— Тихо! — приказал Панкрат, с усилием вылезая из дебрей самоанализа: душа корчилась от недоброго предчувствия и желала очутиться за сотни верст от этого места. — Закрывайте холодильник. Миша, езжай.

— А мы? — задал вопрос в наступившей тишине Родион.

— Мы пойдем дальше, как планировали. Скорее всего мы действительно нарвались на секретную военную лабораторию, но необходимо выяснить это окончательно и точно. И выручить ребят. Если только... — Панкрат не закончил, но все и так поняли, что он хотел сказать: если только мы не опоздали...

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА

ВОРОБЬЕВ

Болото, подступавшее к зоне с севера, было олиготрофным, то есть верховым. Такое насыщенное влагой болото, в сущности, представляет собой выпуклый подвешенный водоем с растительностью, отделенной от почвы накопившимся за сотни лет слоем торфа. Если сделать поперечный разрез верхового болота, можно увидеть нечто вроде линзы из торфа,

покрытой толстым ковром из сфагновых мхов и небольшого количества других растений: жирянки, пузырчатки, бруснички, черники, клюквы, багульника, вереска, мирта. Всех названий болотной растительности Панкрат, конечно, не знал, но вполне ориентировался в мочажинах, кочках, травяных зыбунах — «трясеях» и «окнах» — лужицах чистой прозрачной воды на серо-зеленой рясковой поверхности. «Окна» были страшными ловушками: берега их, лежащие вровень с водой, представляли тонкие торфяные прослойки, а под ними — бездонная топь, стоит шагнуть — и конец! Но таких «окон» в этом болоте, к счастью, не оказалось, оно почти везде было проходимым, хотя и жутко пружинило и чавкало под ногами. Однако для обитателей зоны оно показалось надежной защитой от проникновения случайных и неслучайных гостей, и колючую изгородь они с этой стороны ставить не стали. Правда, лазерно-фотоэлементные датчики все-таки установили: их тоненькие алые лучики были хорошо заметны на фоне темной громады леса на высоте полуметра над землей.

Приборов ночного видения у группы не было, поэтому «мстители» с полчаса лежали на болотных кочках, всматриваясь в темноту лесного массива, и, лишь убедившись в отсутствии патрулей, начали перебираться на сухое место, на берег болота, стараясь не попасть под луч лазера. Сушиться было некогда и негде, пришлось сохнуть в движении. Шли «иголочка-ниточкой»: Панкрат впереди, остальные цепочкой за ним, замыкал колонну Родион.

Через сто метров наткнулись на вторую линию контроля зоны, на сей раз это была проволока, подвешенная на изоляторах в метре от земли. Панкрат не заметил ее, но почуял опасность и включил фонарик в самый последний момент, когда до проволоки осталось буквально с десяток сантиметров. Очевидно, она образовывала индукционный контур, который изменял емкость при приближении к нему любых живых существ и служил датчиком активности.

Под проволокой пришлось проползать на пузе, вжимаясь в траву и слой опавшей листвы, чтобы как можно меньше влиять на поле контура. Но Воробьев понимал, что контролирующий зону компьютер наверняка засечет изменение параметров контура и заставит охрану если и не поднять тревогу, то насторожиться. Предположение Баркова о расположенной в этом месте секретной военной лаборатории обретало реальную основу, обычная воинская часть не должна была иметь защиту такой высокой степени.

Еще через полкилометра группа вышла к патрульной тропе, образованной десятиметровой ширины просекой, за которой виднелись слабо освещенные окна каких-то одноэтажных строений, окруженных густым сосновым лесом. Несколько минут лежали у просеки, вслушиваясь в тишину ночи и шаря биноклями по окнам. Разглядеть, конечно, ничего не удалось, мешали деревья.

Странно, что они не используют собак, подумал в который раз Панкрат. Неужели так совершенна их электронная система защиты? Или существуют другие способы охраны, о которых я не имею понятия? Что нам приготовили? Почему мне так не хочется туда идти?..

— Чего ждем? — не выдержал Барков, подползая ближе. — Так и ночь пройдет.

— Лежи! — выдохнул Панкрат, продолжая анализировать свои ощущения: показалось, что ему в спину посмотрел кто-то большой, злобный и опасный, как медведь-шатун. Ощущение то проходило, то накатывалось вновь, и в конце концов Панкрату самому стало невмоготу лежать на холодной земле и пялиться в темноту. Но и желания идти вперед он не испытывал.

— Хоть режь! — прошептал он еле слышно.

— Что? — не понял Барков.

«В случае успеха ты — король, в случае неудачи ты — разбойник», — вспомнил Воробьев китайскую пословицу. Приблизил губы к уху подполковника:

— Я чую опасность, но не могу определить, в чем она заключается. Будем перебираться через просеку по одному, остальные страхуют. Пойдешь первым.

— Наконец-то. Все будет нормально, командир.

Барков поправил шапочку на голове и пополз по-пластунски через просеку, лавируя между пнями и кустами. Исчез из виду. Через минуту под мышкой Панкрата тихо пискнула рация. Воробьев подтолкнул Каширина. Один за другим «мстители» преодолели просеку с утоптанной тропинкой посередине и углубились в лес, где их ждал подполковник.

— Нам бы пару сканеров, — шепнул он Воробьеву, — да инфраочки...

— И ключ от квартиры, где деньги лежат, — добавил Панкрат. — Как ты думаешь, почему охрана не использует собак?

— Я тоже задаю себе этот вопрос.

— Плохо. Надо ждать сюрпризов.

Следующую сотню метров до строений с окнами они преодолевали долго, опасаясь ловушек и всякого рода контролирующих приборов, но их не оказалось на всем пути следова-

ния. Лес был девственно чист и пуст, явных следов человека он не хранил.

Некоторое время рассматривали представшие перед глазами строения — литые бетонные кубы с узкими, щелевидными, похожими на горизонтальные бойницы, окнами и плоскими крышами. Всего кубов насчитывалось пять. Кроме них, в центре большой поляны стояли два длинных барака из кирпича, с двускатными металлическими крышами, круглое строение с тарелкой спутниковой связи наверху, два темных домика, скорее всего деревянных, и шестигранное здание с выпуклой, в форме купола, крышей, окруженное высоким забором из металлических решеток. На военный городок этот комплекс сооружений походил мало.

Барков дотронулся до плеча Воробьева, вытянул палец в сторону шестигранной громады без единого огонька и окна́. Панкрат понимающе кивнул. Это здание явно главенствовало над всем комплексом и имело собственную охрану. Идти к нему без подготовки не имело резона, хотя именно там, вероятнее всего, можно было получить ответы на все вопросы.

Панкрат оглянулся на присевших на корточки подчиненных, махнул рукой, приглашая их следовать за собой.

Они обошли поляну по кругу и остановились напротив автопарка части, состоящего из двух десятков разнокалиберных мотоциклов (Барков толкнул командира, показывая на них), трех «Нив», двух военных грузовиков, двух отечественных джипов марки «газон» и одной БМП. Автопарк был окружен сетчатым забором, но его ворота никто не охранял. Асфальтовая дорога здесь делала зигзаг, огибая территорию автохозяйства, и упиралась в шестигранное здание.

— Петя, — нашел Панкрат в темноте пятого члена группы, — проверь БМП и «Нивы», на ходу они или нет. Может быть, придется уходить на них.

Бывший десантник Петя Ладыженский нырнул в траву на поляне и скрылся из глаз. Медленно потянулись минуты ожидания. Край неба на востоке посветлел — всходила луна. Панкрат выругался в душе: это было очень некстати. На поляне деревья и кустарник не росли или были вырублены, и подходы к зданиям, соединенным асфальтовыми дорожками, просматривались прекрасно.

Петя вернулся через четверть часа.

— Порядок, командир. «Бээмпэшка» на ходу, соляры полный бак, «Нивы» тоже вроде как в рабочем состоянии, но все на сигнализации. Если уходить с шумом, то рекомендую мотоциклы, легче завести.

— Учтем. Полковник, начнем осмотр с бараков, пока луна еще не взошла. Это или казармы, или общежития. Нужен «язык».

Барков молча вскинул кулак и быстро, пригибаясь, побежал через поляну к ближайшему бараку, в одном из окон которого горел свет. За ним тенью метнулся Родион. Панкрат, Петя и Каширин отстали, прикрывая тыл разведгруппы. Тишина в лагере стояла такая, что Панкрату снова стал мерещиться подсматривающий за ними наблюдатель, от взгляда которого неприятно сводило мышцы шеи. Впрочем, они и так ныли от напряжения и непрестанного вращения головой по сторонам.

Барков и Родион достигли длинного здания барака, замерли по обе стороны от двери. Остальные «мстители» залегли в десятке метров от барака, напряженно вслушиваясь в ночные шорохи и всматриваясь в спящие строения городка. Дверь тихо скрипнула — она была не заперта, одна из темных фигур протиснулась в щель, за ней другая. Снова потянулись минуты ожидания, постепенно приближая момент появления луны над лесом.

Что-то бухнуло внутри барака, упало, зазвенело стекло.

В два прыжка Панкрат достиг здания, юркнул в дверь и столкнулся с Родионом, тащившим на себе чье-то обмякшее тело.

— Где полковник? — выдохнул Воробьев.

— На мне, — сдавленно просипел разведчик. — Это не общежитие... там в коридоре дежурный офицер...

Родион вынес Баркова, уложил на траву.

— Несите к лесу, быстро! — приказал Воробьев. — Родион, за мной!

Они снова вскочили в барак, в коридоре которого, слабо освещенном единственной лампочкой, лежал человек в пятнистом комбинезоне с погончиками лейтенанта. Панкрат пощупал его пульс — человек был жив, но без сознания.

— Он схватился за автомат, полковник его вырубил, но не до конца. Гад, вытащил пистолет и выстрелил, только как-то странно, совсем без шума... полковник упал, а я добавил этому...

Родион поискал что-то на полу и протянул Воробьеву необычной формы черный пистолет с толстым гофрированным стволом.

— Вот его пушка.

— Так в дуле ж дырки нет!

— А черт его знает! Я ж и говорю — без шума стрелял.

На тумбочке в конце коридора тихо прозвенел телефон.

«Мстители» переглянулись.

— Рвем когти! — бросил Панкрат.

Они выбежали из барака и как на крыльях пересекли поляну. Но уйти тем же путем им не удалось. Когда группа собралась на опушке леса — поляну залил призрачно-серебристый свет луны, — в лагере раздался леденящий душу вопль сирены.

— Петя — в БМП! Отвлеки их! Родион — за мотоциклом!

«Мстители» повиновались без слов, операция перешла в фазу цейтнота, и на все размышления и действия отпускались секунды.

С четырех сторон поляны загорелись прожектора, но они почему-то осветили не поляну, а здания городка — пять бетонных кубов и шестиугольник центральной постройки. Из барака, соседнего с тем, куда заходили разведчики, начали выскакивать люди в маскировочных костюмах и тоже по странному расчету бросились к бетонным строениям и к двум бревенчатым домикам с телеантеннами на крышах. Их автоматическая реакция, связанная с какими-то внутренними условиями быта, наводила на размышления, но она же позволила Ладыженскому и Родиону беспрепятственно добраться до автохозяйства городка и завести БМП, и лишь после этого охрана сориентировалась, что тревога поднялась не по тем причинам, на которые был рассчитан их подъем, и обратила внимание на движение транспорта.

Петя действовал быстро и правильно, направив боевую машину пехоты сначала на цепь охранников, начавших пальбу, а потом по дуге рванул в противоположную сторону, увлекая стрелков за собой. Это дало возможность Родиону объехать всю эту суетливую компанию и нырнуть в лес, прежде чем его заметила часть охранников.

Панкрат с Кашириным мгновенно зашвырнули безвольное тело Баркова в коляску мотоцикла, и Панкрат, подтолкнув гиганта к машине, повернулся к ней спиной:

— Прорывайтесь через ворота! Держи гранату! Я их отвлеку. Встретимся на даче!

Каширин вскочил на заднее сиденье мотоцикла, Родион дал газ и в мгновение ока оказался за поворотом дороги.

Панкрат выбежал на опушку леса, дал очередь из «овцы» под ноги приближавшихся охранников, заставив их залечь, а сам рванул влево изо всех сил, вдоль опушки, туда, где ворочалась в зарослях кустарника громоздкая «бээмпэшка». Но до машины не добежал: наперерез ему метнулась тень и прошипела голосом Пети:

— Командир, я здесь!

Панкрат выматерился, с трудом удержав палец на спусковой скобе пистолета-пулемета.

— Я же тебя чуть... за мной, к болоту!

Они во всю прыть бросились бежать на север, оставляя позади рев двигателя забуксовавшей в кустах БМП, редкую стрельбу, стихшую уже через минуту, и далекий гранатный хлопок — «мстители» на мотоцикле подорвали ворота. И все же этой минутной форы, добытой Петей — он умело заклинил рычаги машины, чтобы она ехала самостоятельно, выпрыгнул в люк и скрылся в лесу, в то время как БМП увлекла преследователей за собой, — хватило командиру отряда и подчиненному на то, чтобы оторваться от преследования, миновать просеку, в коридоре которой зажглись вдруг ярчайшие прожектора, создавшие плотную, слепящую, световую стену (вот он — сюрприз!), пересечь лес и заползти в глубь болота на полсотни метров. Лишь спустя минуту на берег болота выбежали охранники и открыли стрельбу из автоматов, буквально выкосив пулями луг и срезав все, что там росло выше двадцати сантиметров над поверхностью мхов.

У Панкрата было большое желание ответить очередью по вспышкам, ибо охрана зоны не желала щадить беглецов и вела огонь на уничтожение, однако на карту была поставлена не только его жизнь, но и жизнь товарища, и пришлось, стиснув зубы, вжиматься в слой мха и ждать, когда стрельба утихнет.

Вскоре охрана перестала поливать болото огнем, посуетилась, перекликаясь, и растаяла в лесу, но еще почти час Воробьев и Саша лежали в мочажинах за кочками без движения и вслушивались в наступившую тишину. Обоих мучила одна и та же мысль: успели ребята с потерявшим сознание Барковым скрыться или нет? И еще Панкрат мимолетно подумал, что, если бы у охранников были собаки, уйти им с Сашей вряд ли бы удалось.

Он потрогал в кармане рифленую, очень удобную рукоять пистолета, подобранного Родионом в бараке, тихо позвал:

— Петро...

— Живой я, — отозвался еле слышно Ладыженский.

— Отходим...

И они поползли в глубь болота, выбирая места посуше и поплотнее, хотя все равно при каждом движении слой торфа над трясиной вздрагивал, колебался и прогибался, грозя прорваться под тяжестью тел в любой момент.

На твердую почву они выползли спустя три часа, когда уже начался рассвет, проделав отчетливо видимые во мху четырех-

километровые дорожки. В шесть утра оба подошли к даче, вымазанные подсохшей грязью с головы до ног, и с облегчением узрели во дворе угнанный мотоцикл. Однако радость их была преждевременной.

Во время отступления был ранен в спину Каширин, а Барков так и не вышел из своего странного состояния: он дышал, нигде не был ранен, глаза его были открыты, но он никого не видел, на голоса не откликался и ни на что не реагировал.

— Ты точно помнишь, лейтенант-дежурный по голове его не бил? — хмуро спросил Панкрат.

— Абсолютно, — так же хмуро, не делая оскорбленного вида, ответил Родион. — Дежурный достал пистолет, направил на полковника, и тот упал. Выстрела я не услышал, только показалось...

— Что?

Родион почесал затылок.

— Боюсь даже сказать... показалось, будто меня шарахнуло током. Не больно, но сильно так, аж мышцы свело. Но потом отпустило.

— Странно...

— А я что говорю?

Воробьев достал пистолет, из которого стреляли в Баркова, погладил пальцем пупырчато-гофрированный ствол без дульного отверстия и процедил сквозь зубы:

— Хотел бы я знать, что это за штуковина!..

КОВАЛИ — ЖУКОВКА

КРУТОВ — ВОРОБЬЕВ

Утро было таким тихим, теплым и ласковым, что Егор, проснувшись, просто долго стоял во дворе и смотрел в небо, закинув руки за голову. Из этого состояния его вывел только душераздирающий крик петуха, напомнившего «ио» хозяина, что пора кормить живность, разведенную Осипом и Аксиньей.

Процедура кормления кур и поросенка много времени не заняла, в отличие от зарядки и тренинга. Закончив дырявить поленницу дров ножами и стрéлками, Егор сбегал на пруд, искупался, не забывая поглядывать по сторонам, облился в саду водой из колодца и приготовил чай. А в половине восьмого в дом заявился Панкрат Воробьев, слегка осунувшийся, усталый, с мрачным блеском в глазах.

— Привет. Гостей принимаешь?

Крутов вместо ответа вышел на улицу, кинул взгляд на огороды, зашел обратно в дом.

— Ты один?

Панкрат понимающе усмехнулся.

— Все нормально, полковник, меня подстраховывают во избежание... слежки не обнаружено.

— Чаю хочешь?

— Мне бы посущественней чего-нибудь...

— Посущественней только яичницу с салом могу сварганить, да квашеной капусты принести.

— Готовь яиц на десять, если не жалко, я пока приведу себя в порядок.

Егор приготовил яичницу, еще раз подогрел чай, сделал бутерброды с маслом, и они сели завтракать. Пока ели — молчали, потом Панкрат промокнул рот полотенцем и вытащил из штанов тяжелый черный пистолет с толстым гофрированным стволом, положил на стол.

— Мы побывали в зоне... Не знаешь, что это такое?

Крутов взял пистолет, повертел в руках, разглядывая ствол, рукоять, какие-то наплывы и каверны, стеклянные глазки на затворе.

— Отличная эргономика, сидит в руке как влитой. А патроны?

— Посмотри.

Егор выщелкнул магазин и хмыкнул. Вместо обоймы с патронами в магазине торчал покрытый пленкой плоский аккумулятор со множеством медных дужек. На корпусе аккумулятора красовалось стилизованное изображение космической ракеты и ниже надпись: «Российское космическое агентство».

Крутов посмотрел на гостя и встретил его изучающий взгляд.

— Что это?

— Значит, ты не знаешь. — Панкрат отобрал пистолет, вставил магазин, спрятал оружие в карман. — Из этой штуковины дежурный в зоне выстрелил в Баркова, моего зама.

Крутов продолжал молча смотреть на Воробьева, и тот добавил:

— У полковника шок не прошел до сих пор. Мы отвезли его в больницу, врач говорит — похоже на фрустрацию личности после сильнейшего стресса, состояние «психических сумерек». У Баркова подавлены все реакции организма, кроме физиологических, заторможена мыслительная деятельность. Он все слышит, видит, выполняет все команды, но словно спит на ходу. Как ты думаешь, что это означает?

— Только одно, — пожал плечами Крутов.

Воробьев подобрался, исподлобья глянул на задумавшегося Егора.

— Может быть, наши оценки совпадают?

— Это психический удар. А игрушка твоя — какой-то мощный психотронный генератор, излучатель.

Панкрат выдавил воздух сквозь стиснутые зубы, откинулся на спинку стула.

— Да, я тоже подумал о том же. Армия давно работает над проблемой создания таких генераторов. Мы испытали его на даче... — он криво улыбнулся, — на собаке. Взвыла и сдохла. Вот почему в зоне, наверное, не держат собак, они чуют излучение. Теперь ясно, чем там занимаются. Это действительно военная лаборатория, каким-то образом связанная с космическими исследованиями.

— Не обязательно.

— Аккумулятор-то — для космической аппаратуры.

— Он может просто использоваться в генераторе, отвечая требуемым параметрам мощности и защиты.

— Ты прав, связи может и не быть.

— Как тебе удалось пробраться в зону?

— Через болото. Ты был прав, там у них нет забора из колючки, хотя нам пришлось пройти три линии контроля. Мы нашли городок, где квартируется часть, но дальше пройти не смогли, поднялась тревога.

— То есть выяснить, там ли твои парни, не удалось.

— К сожалению. — Панкрат поморщился, с силой потер затылок. — Голова трещит и устал как собака. Пришлось побегать по лесу да все болото на пузе проползти.

— Хочешь, напою ерофеичем?

— Самогоном, что ли?

— Эликсиром жизни. — Крутов поднялся. — Дед Иван в Жуковке мне снадобья одного отлил, тонус поднимает великолепно, головную боль как рукой снимет.

Он принес фляжку с зеленой жидкостью, налил полрюмки, протянул Воробьеву. Тот подержал ее в пальцах, с подозрением разглядывая на свет, вздохнул.

— Ты явно отравить меня хочешь, чтобы я к твоей сестре не приставал. Кстати, ночью мы остановили рефрижератор, выехавший из зоны, и знаешь, что он вез? Гробы с мертвецами!

Панкрат опрокинул рюмку в рот, проглотил, прислушиваясь к своим ощущениям, постоял так немного и вдруг широко раскрыл глаза, с изумлением посмотрел на Крутова, с любопытством ожидающего его реакции.

— Дьявольщина!.. Что ты мне дал?! Это же пчелиный

улей... — майор замолчал. Лицо его покраснело, лоб заблестел от пота, глаза стали черными и глубокими, словно в них раскрылась космическая бездна. Расправились плечи, стала выпуклой грудь, напряглись мышцы рук и живота. Впечатление было такое, будто в Панкрата вливалась тугая струя силы, распирая тело и горяча кровь. Рюмка в руке его хрустнула, на пол посыпались осколки, но он этого не заметил. Резко встал, так что стул отлетел к стене, а со стола чуть не полетела на пол посуда, поднес к глазам ладони со скрюченными пальцами, провел ими по лицу, вытирая испарину. Затем метаморфоза организма пошла на убыль, он перестал потеть, кровь отлила от щек, мышцы перестали напрягаться, «космос» в глазах растаял, взгляд Панкрата теперь выражал растерянность и одновременно чувство облегчения и силы.

— Что я выпил?! — шепотом спросил он. — Такой подъем!.. ни капли усталости... башка свежая... я же горы могу своротить!..

Крутов закрыл фляжку и унес. Вернувшись, похлопал Воробьева по плечу.

— Я испытал то же самое. Удивительное ощущение! Наши деды и бабки знали такие секреты, делали такие снадобья, что никаким современным фармацевтам не снились. Могу отлить капельку, дашь своему полковнику, вдруг это его встряхнет, выведет из состояния сомнамбулизма.

— Слушай, дай! — загорелся Панкрат. — Это же чудо что за эликсир! Сейчас же поеду в больницу. А ты что собираешься делать?

— В Жуковку поеду. — Крутов нашел пузырек, отлил дядиного ерофеича, сунул Воробьеву. — Хочу кое с кем... побеседовать.

— С омоновцами, что ли, которые тебя лупцевали? Я тебя подстрахую. Один не начинай, вместе разыграем красивый спектакль. Ты прямо сейчас поедешь? Давай встретимся в Жуковке часов в десять, где-нибудь в центре или на вокзале.

Крутов хотел отказаться от помощи, но подумал и кивнул.

— В десять, но не на вокзале, а возле ДК, в парке. Заодно проверим, выпустили моего приятеля из милиции или нет.

Панкрат сунул ладонь Егору и исчез, бодрый, свежий, как огурчик, переполненный впечатлениями и играющей в жилах силой. Ерофеич деда Ивана буквально выдавил из него усталость, головную боль и плохое настроение, наполнил энергией и желанием жить.

Крутов навестил соседей, узнал, что никаких вестей от их дочери не поступало, и начал готовиться к поездке в Жуковку:

накачивать залатанные шины, ставить колеса, мыть корпус, пылесосить салон. Тревожный импульс — словно внутри головы прозвенел стеклянный звоночек — он ощутил в тот момент, когда заканчивал уборку салона. Вертеть головой во все стороны, высматривать причину тревоги, не стал, зная, что сторожевая система организма зря сигналы подавать не станет, а сразу пошел в дом, вооружился бетдаггером — засунул чехол с ним под ремень брюк на боку справа — и дядиной двустволкой. Ружье зарядил картечью «четыре нуля»[1] и положил под сиденье, а сам продолжил протирать сиденья машины влажной тряпкой. В это время с улицы донесся звук мотора, оборвался возле дома, хлопнула калитка, за ней с визгом распахнулась дверь в сени — кто-то ворвался в дом, и тут же во двор выбежали два мордоворота в камуфляже с автоматами в руках. Один направил оружие на Крутова, второй рванул дверь в погреб, заглянул в свинарник, в курятник, переполошив кур, выбежал на огород и вернулся, также направив ствол «АКС» на хозяина. Все это время Егор молча сидел в кабине и вытирал руки тряпкой, разглядывая верзилу напротив. Его очень заинтересовали береты спецназовцев — зеленые, с золотой полоской, двуглавым орлом и буквами РЛ. Таких головных уборов полковник еще не видел.

— Ну, и что дальше? — поинтересовался он.

На улице хлопнула дверца автомобиля, скрываемого дворовыми воротами, простучали шаги еще нескольких человек, и во двор в сопровождении двух великанов в таких же костюмах и беретах вошел знакомый Егору по ночному рандеву майор, увезший раненого археолога.

— Никого, — доложил ему один из парней.

— Какая приятная встреча! — с иронией сказал Крутов. — Майор Сватов собственной персоной. А вам не кажется, господа, что вы нарушаете закон экстерриториальности?

— Вылезай, — поманил его пальцем майор, сухолицый, узкогубый, длинноносый, с глубоко упрятанными и близко посаженными бесцветными глазами. Взгляд у него был жесткий, прицеливающийся, неприятный.

— Не хочу, мне и здесь хорошо.

Майор повел рукой.

— Выньте его оттуда и отведите в дом.

В то же мгновение Крутов достал ружье и навел на Сватова. Тот замер на полуобороте. Дернувшиеся к машине парни в камуфляже тоже остановились, схватившись за оружие. Пауза

[1] Калибра 8,1 мм.

длилась долго, секунды две, потом Крутов хладнокровно произнес:

— Вели своим нукерам убраться со двора! Я все равно успею спустить курки, а с пяти шагов картечь из тебя сделает дуршлаг.

Лицо майора не дрогнуло, лишь в глазах мелькнули колючие злобные огоньки. Опасность он чуял натурально.

— Садитесь в машину, ждите, я сейчас.

Громилы в форме перестали есть Крутова глазами, расслабились, закинули автоматы за спину и по одному потянулись со двора.

— Шагай за ними, — шевельнул стволом ружья Крутов, вылезая из машины. — Я уже предупреждал: не лезьте ко мне, не вмешивайтесь в мою жизнь, иначе начну отстреливать твою сволочную команду. Сегодняшнее предупреждение последнее. Усек, майор?

Сватов оглядел Егора с ног до головы, проговорил ровным голосом:

— Очень ты рисковый, полковник, так и норовишь зубы подставить. Не боишься спать один?

— Не боюсь. Кстати, откуда ты знаешь, что я полковник? Я ведь тебе не представлялся. Или у тебя прямая связь с жуковской милицией?

Майор раздул побелевшие ноздри, понимая, что проговорился, развернулся и зашагал со двора, бросив через плечо:

— Уезжай отсюда. И передай своему приятелю: мы его из-под земли достанем!

Хлопнула дверца автомашины, взревел мотор, команда Сватова уехала, а Крутов в задумчивости прошелся по двору с ружьем в руке, поминая в душе Панкрата Воробьева нехорошими словами. Сомнений не было: майора выследили, когда он заходил в деревню. Останься он еще на полчаса, мог бы завязаться нешуточный бой, чреватый серьезными последствиями.

В половине десятого Крутов подъехал на своем запыленном «Рено» к Дому культуры и заглушил мотор. По пути сюда он завернул в Фошню, навестил Осипа с Аксиньей, выздоравливающих медленно, но уверенно, а также нашел в психотерапевтическом отделении больницы заместителя Панкрата — Баркова. Видимо, Воробьев уже успел дать ему глоток ерофеича, который вывел подполковника из состояния «психических сумерек»: выглядел Барков нормально, хотя реакции

его все еще были заторможены. И все же надежда на его скорое выздоровление у медиков появилась.

До встречи с Панкратом у Крутова еще оставалось полчаса, поэтому он решил прогуляться по центру города, продолжавшему застраиваться пяти- и девятиэтажными зданиями. Летняя жара не располагала к прогулкам, и на улицах народу было мало. Егор съел мороженое, зашел во двор школы, неуютный и унылый по причине вечного ремонта и отсутствия школьников, отгуливающих каникулы, понаблюдал за суетой милиционеров возле рефрижератора, стоящего на площади возле здания милиции, и вернулся к ДК. У машины никто не крутился, парк тоже выглядел пустым, и Крутов направился к Дому культуры, помещения которого арендовали какие-то конторы и фирмы, в том числе — Орден чести.

К удивлению Егора, дверь в офис Ордена чести с Георгием Победоносцем, пронзающим копьем змея, была открыта. Крутов вошел, но тут же был остановлен двумя молодыми людьми в костюмах, напоминающих форму американского полицейского: голубые рубашки с короткими рукавами и погончиками, правда, без знаков отличия, темно-голубые брюки, ремни, дубинки на ремнях. На кармашках рубашек также красовались эмблемы с Георгием Победоносцем, но уже в другом оформлении — с вязью слов: «Международный Орден чести».

— Что вам угодно? — вежливо спросил один из охранников.

— Мне угодно видеть господина Федотова.

— Он занят. Вам назначена встреча?

— Нет, но меня он примет.

— Сожалею... — начал молодой человек, но в это время первая дверь слева по коридору распахнулась, оттуда выглянул Ираклий и с извиняющейся улыбкой подошел к гостю.

— Пропустите, это ко мне.

Они обменялись рукопожатием, пробуя силы и глядя в глаза друг другу.

— Я знал, что ты зайдешь сегодня, — сказал Ираклий.

— Рад, что тебя наконец выпустили, — сказал Егор.— Все в порядке?

— Как и предполагалось, нашлись защитники. Проходи, посмотришь, как мы живем.

Кабинет президента жуковского отделения Ордена чести был небольшой, но уютный, светлый, с окном чуть ли не на всю стену. В нем умещались рабочий стол президента с компьютером и факсом, стеклянный шкафчик с какими-то кубками и хрустальными вазами, книжный шкаф и несколько стульев. По стенам висело холодное оружие, но не боевое — либо копии, либо новоделы.

— Бутафория, — кивнул хозяин, заметив взгляд гостя. — Когда-то я увлекался коллекционированием, потом охладел. Лишь один кинжал из всех этих ножичков был в деле, хотя об этом никто не догадывается. — Он снял со стены широкий кожаный чехол и вынул из него странной формы клинок с толчковой рукоятью в форме буквы Н. — Это катар, индийский кинжал. Мне его подарил один индийский генерал.

— Ты был в Индии?

— Где я только не был. — Ираклий повесил кинжал на место. — Присаживайся. Чай, кофе, пиво, кока, кефир?

— Последнее, — согласился Крутов. — Но я ненадолго. Вообще не чаял тебя здесь увидеть. В десять у меня встреча с приятелем, мы кое-что с ним обсудим, и я до вечера освобожусь. Ты случайно не знаешь, где расквартирован отряд ОМОНа, приданный местной милиции?

Ираклий бросил на Егора острый взгляд.

— Ты уверен, что тебе это необходимо?

— Да! — твердо сказал Крутов. — Для самоуважения. Я полковник ФСБ, хотя и бывший, а когда со мной поступают как...

— Понятно. Что ж, восстановление справедливости — дело стоящее, только ведь ты никому ничего не докажешь, а тем более дуболомам, которые тебя избивали.

— Я ничего не хочу доказывать, я только хочу защитить свою честь.

— Да я тебя не отговариваю, поступай как считаешь нужным, но и голову в петлю совать не советую. Не задумывался, почему тебя вдруг ни за что ни про что выпустили? Ведь следователь запросто мог тебя закопать, повесить дело об убийстве, тем более что ты чужак здесь.

— Задумывался, — признался Крутов, — и ничего не надумал. Ясно одно: вмешался кто-то из высоких эшелонов, но кто — вопрос темный. Грешным делом я даже подумал, что это кто-то из моих бывших начальников узнал и решил выручить.

— Вряд ли это соответствует истине. Раз ты уволен, на тебе служба поставила крест. А за это время вокруг тебя ничего не происходило?

Теперь уже Крутов внимательно заглянул в прозрачно-серые с оттенком голубизны глаза Ираклия. У него появилось ощущение, что магистр Ордена чести все о нем з н а е т.

— За мной пустили наружку.

— О! — Брови Ираклия поползли вверх. — Это интересно. Ты их вычислил? Кто следит?

— Следил. Я их взял... с помощью приятеля, но пришлось отпустить. Это ребятки из одной весьма засекреченной зоны в лесу. Я даже знаком с начальником ее охраны, майором Сватовым.

— Даже так? Очень интересно! При каких же обстоятельствах произошло знакомство?

Крутов невольно засмеялся.

— Что это ты мне устроил форменный допрос? Потом расскажу, времени нет. Ну так как, поделишься информацией об ОМОНе?

— Что ты хочешь узнать?

— Где расквартирован взвод...

— Отделение, всего пятнадцать человек. Живут в казарме на улице Краснофлотской, в здании бывшего ПТУ.

— Кто командир и где живет?

— Лейтенант Хелемский, живет там же, но в отдельной комнате. Неплохой рукопашник и стрелок, но очень поганый человек.

— Я это уже понял. Спасибо за сведения. До встречи.

— Заходи после решения всех своих проблем, вместе пообедаем.

— Непременно. — Крутов поднял вверх кулак, вышел из кабинета Ираклия, но вернулся. — Ты не знаешь расшифровку аббревиатуры ФУМБЭП?

Федотов наморщил лоб, делая вид, что вспоминает (у Егора снова возникло ощущение, что магистр Ордена чести з н а е т, о чем идет речь), покачал головой:

— Нет, к сожалению, не слышал.

— А что означают буквы РЛ?

Взгляд Ираклия отвердел.

— Где ты их видел?

— На беретах охранников зоны. Они заявились ко мне утром, вместе с майором, кого-то искали, как я понял.

— А ты об этом ничего не знаешь?

— А ты? — Егор выдержал пытливый взгляд Федотова.

— Я слышал, что в лесах за Фошней ночью была слышна перестрелка.

— Я слышал то же самое.

— Понятно. Ну, заходи.

— Часа в два.

Крутов покинул офис Ордена чести с твердым убеждением, что его глава знает гораздо больше, чем говорит, а главное — гораздо больше того, что положено знать руководителю неполитической общественной организации.

В парке, за кустами акации, среди которых пряталась удобная новая деревянная скамья, его ждал мрачный Воробьев.

— Опаздываешь, — недовольно проговорил он, шлепнул ладонью по сиденью. — Приземляйся. И не крути головой, нас охраняют мои ребята.

— Что успело произойти за это время? У тебя вид, будто ты червонец потерял.

— Убили моего приятеля в Москве, замначальника оперативно-розыскной бригады МУРа.

Крутов посерьезнел.

— Извини, я не знал. Как это случилось?

— Не знаю. Но догадываюсь, по какой причине. Я просил его выяснить значение слова ФУМБЭП. Вероятно, он начал искать выходы на эту блядскую контору, и его убили.

— Вы разворошили муравейник. Если в зоне действительно располагается секретная военная лаборатория по разработке психотронного оружия, живыми отсюда вас не выпустят.

Панкрат оскалился.

— Пусть попробуют взять!

— А никто пробовать не будет, просто вас найдут и ликвидируют, как двух твоих парней возле кургана.

— Ты думаешь?..

— Уверен.

Панкрат сгорбился, посидел несколько секунд с закрытыми глазами, сказал глухо:

— Все равно я должен проверить... еще раз сходить в зону и убедиться, что их там...

— Не рекомендую, это верная смерть. Теперь там тебя будут ждать после вашей ночной вылазки. Забирай команду и уезжай, за пределами области, может быть, искать вас не станут.

— Спасибо за совет. — Воробьев снова стал самим собой, с иронией подал руку. — Только бегать от врагов я не привык. Знаешь, что меня смущает во всей этой истории? Во-первых, охраняют зону явно не солдаты и даже не офицеры, а какой-то сброд, хотя и в маскформе. Не знаю, к какому роду войск причислить всех этих дебилов, но это не армия, зуб даю. Спецслужба Минобороны — может быть, но не воинская часть. Во-вторых, все они, на мой взгляд, зомбированы. Стоило мне задать пару вопросов водителю рефрижератора и его сопровождающему, как оба стали задыхаться и померли. Представляешь уровень программы?!

— Ничего удивительного, если лаборатория работает с пси-

хотроникой. Меня лично смущает другое: почему работники лаборатории, долженствующие свято блюсти ее тайны, допустили утечку информации, абсолютно непозволительную для деятельности конторы подобного типа?

— Ты имеешь в виду наш рейд?

— Я имею в виду выезды охранников лаборатории на мотоциклах за пределы зоны, их бандитские налеты на дороги. Это же прямая угроза рассекречивания ее деятельности, даже если охранники зомбированы.

— Может быть, у них от этого крыша поехала?

— Разве что. Но я еще раз предлагаю тебе уехать. Как гласит китайская стратагема номер тридцать шесть: бегство — лучший прием. Что означает: бегство еще не есть поражение.

— Я подумаю над твоей стратагемой, — буркнул Панкрат. — Но русская пословица гласит: хрен посадишь — хрен и вырастет. Что означает: если ничего не делать...

— Понял, понял, — кротко кивнул Крутов. — Давай о деле. Ты всерьез хочешь мне помочь?

— Ты еще сомневаешься?

— Тогда давай обсудим план. Он очень прост. Я выяснил, где квартируются мои друзья, рыцари, так сказать, без страха и упрека и зазрения совести. За общежитием надо понаблюдать, прикинуть расположение комнат, где хранится оружие, как они дежурят, ну и все такое прочее.

— Сделаем.

— Вот. А вечером заявимся к ним в гости.

— Что, прямо так, внаглую? — восхитился Воробьев.

— Во-первых, их всего пятнадцать человек, а во-вторых, обижали меня только трое, включая лейтенанта Хелемского. К нему у меня счет особый.

— Ты уже знаешь его фамилию?

— Подсказали.

— Кто?

— Ты его не знаешь, сидел со мной в СИЗО. Потом познакомлю. Поскольку улица Краснофлотская находится за линией железной дороги, встречаемся возле больницы в девять вечера. Найдешь?

Панкрат встал, подставил ладонь под удар ладони Крутова и пропал за кустами. Егор дождался стрекота мотоциклов — «мстители» седлали свой неприхотливый транспорт — и неторопливо побрел к своей машине, подумывая, не съесть ли еще пару порций мороженого. Потом вспомнил о своем долге дяде Ивану и решил навестить старика, все равно до намеченного обеда с Ираклием оставалось еще больше двух часов.

* * *

Вечером, без десяти минут девять, Крутов оставил машину на территории больницы и, встретив Воробьева, повел его на Краснофлотскую улицу, к двухэтажному зданию бывшего ПТУ. Оружие с собой ни тот, ни другой не взяли, и даже бэтдаггер Крутов оставил в машине, чтобы не было соблазнов пустить его в дело.

Вечер обещал быть тихим, но не душным, у местной природы хватало сил справляться с жарой и пылью, дарить людям свежие ночи. Однако бывшим профессионалам спецслужб было не до красот природы, настроение у обоих, хотя и по разным причинам, складывалось минорное.

В десяти шагах от входа в обшарпанное, с обвалившейся кое-где штукатуркой здание они остановились, краем глаза отмечая движение группы Панкрата, изображающей «случайных» прохожих. Панкрат достал сигареты, автоматически протянул одну Крутову, закурил сам.

— Хочешь анекдот? Для поднятия тонуса? Звонок в больницу: «Это реанимация?» — «Реанимация». — «Иванов еще жив?» — «Еще нет».

Крутов выгнул бровь.

— Да уж, поднял тонус.

Панкрат засмеялся.

— А что? Славный анекдотец, как раз под нашу ситуацию. Ну, пошли? Раньше зайдем, раньше выйдем.

Крутов вместо ответа скомкал так и не прикуренную сигарету, точным броском швырнул ее в урну у двери, зашел в подъезд, но за дверью его остановил ражий детина в камуфляж-костюме с лихо заломленным краповым беретом на крошечной голове.

— Вам чего?

— Хотим набить морду двум твоим сослуживцам, — вежливо проговорил Панкрат. — А заодно и боссу, лейтенанту Хелемскому. Надеюсь, он уже пришел?

— Чего?! — вытаращился охранник.

— Не обращайте внимания, — покосился на Воробьева Крутов, — это он к ночи такой остроумный. Нам бы действительно поговорить с вашим лейтенантом. Не подскажете, где его комната?

Детина наморщил лоб, напрягая извилины, однако смог додуматься только до краткого служебного изречения:

— Не положено!

— А вон и лейтенант идет, — кивнул за спину дежурного Панкрат, — у него самого и спросим.

Охранник развернулся (никого сзади, естественно, не было), и в то же мгновение Крутов заученным движением сорвал с него автомат и приставил дуло к уху:

— Тихо! Нам надо пройти, и мы пройдем. Не шевелись.

Панкрат махнул кому-то рукой в проем двери, в подъезд зашли двое «случайных» прохожих, мгновенно заклеили рот охраннику пластырем, связали и усадили на пол. Крутов бросил им автомат, направился по коридору до первой двери, из-за которой слышались чьи-то голоса, перебиваемые музыкой.

Омоновцы занимали весь первый этаж здания — восемь комнат, в каждой — по двое, и теперь надо было пройтись по всему этажу и найти тех, кто «профилактически» издевался над Крутовым, не допуская даже мысли, что тот может быть не виновен.

Дверь оказалась незапертой. Егор мягко распахнул ее и вошел.

В довольно просторной комнате гостиничного типа стояли две кровати, две тумбочки, платяной шкаф, стол, два стула, телевизор на подставке, в углу за шкафом прятался умывальник. В другом углу на крюках, вбитых в стену, висели автоматы. Один жилец лежал на кровати прямо в пятнистых штанах, не сняв носки, и смотрел телевизор; второй ел: на столе стояла двухлитровая бутылка минеральной воды, сметана в банке, лежала нарезанная толстыми ломтями колбаса и хлеб. Этих ребят Крутов не помнил.

— Извините, — сказал он как можно любезнее, — промахнулся дверью. Алексей Свирин дальше живет?

Омоновцы переглянулись.

— Может быть, Синякин?

— Во-во, Синякин, — обрадовался Егор. — Хочу поскорее долг ему вернуть.

— Дальше по коридору, — махнул рукой тот, что смотрел телевизор.

Егор еще раз извинился, поблагодарил ребят и закрыл за собой дверь, прислушиваясь к звукам за ней. Но омоновцы, очевидно, были уверены, что гость имеет право здесь быть, раз его пропустили на входе, и выяснять личность спрашивающего не стали.

Панкрат вопросительно посмотрел на Крутова, тот отрицательно мотнул головой, и они пошли дальше.

Ни во второй, ни в третьей комнате общежития обидчиков полковника не оказалось, первый из них обнаружился лишь в

четвертой комнате от угла. Это был дюжий парень, заросший рыжим волосом по шею, — он сидел на кровати в одних трусах и ел кильку в томате прямо из банки, — не мускулистый, а какой-то бугристо-узловатый, как ствол саксаула. Его напарник спал поверх одеяла на своей койке, отвернувшись к стене, также почти голый и потный. Воздух в комнате был спертый, и запахи по ней бродили самые что ни на есть «естественные».

Детина поднял голову, окинул вошедшего Крутова невыразительным взглядом, буркнул:

— Чего надо?

Крутов усмехнулся: лексикон местного спецназа не отличался разнообразием.

— Ты меня не помнишь, малыш?

Омоновец перестал есть, всмотрелся в Егора, потом, не торопясь, по-хозяйски, поставил банку с кильками на стол и потянулся к оружию, висящему на стуле. Крутов шагнул вперед и ребром ладони ударил парня по толстой руке, отодвинул стул с автоматами, покачал головой:

— Как тут у вас все запущено! Оружие при себе держите, не сдаете в спецхран... непорядок! Ну, вспомнил?

Детина, даже не ойкнув, хотя удар парализовал руку, начал бледнеть, потеть, вдруг вскочил, хватаясь левой рукой за нож на столе, и Егор вынужден был обездвижить ему и вторую руку. Парень упал задом на край кровати, чуть не сломав ее, зашипел от боли, в глазах его зажглась ненависть.

— С-сука бандитская!..

В комнату заглянул Панкрат.

— Что за шум, а драки нет?

— Все нормально, — сказал Крутов. — Он меня вспомнил.

— Что-то не вижу в его глазах радости. А хорош, зверюга! В зоопарке можно выставлять. Ему бы в киноактеры пойти — киборгов играть, цены бы не было! А второго смотрел? Ты глянь на него, спит, как младенец.

— Не он. — Егор присел на стол напротив потеющего омоновца. — Больно? Извини, брат, без боли мое лечение неэффективно. В принципе я на тебя зла не держу, но все же хочу кое-что уточнить: когда ты меня бил прикладом по шее, я сопротивлялся?

Омоновец углубился в анализ вопроса.

— Было приказано...

— Я знаю, что тебе было приказано. Так я сопротивлялся или нет?

Еще одна попытка понять, к чему клонит гость.

— Так ведь было приказано...

— Да или нет?

— Ну... и чего?

Сзади засмеялся Панкрат, на всякий случай контролирующий спящего.

— Зря ты его пытаешься разговорить, у него одна извилина и та от берета. Пошли к лейтенанту, он тут всему голова, он и приказывал, и устанавливал меру пресечения, эти болваны действовали так, как обучены были действовать. Вообще раньше я был склонен полагать, что в ОМОН идут крутые и умные ребята, не чета обычным постовым милиционерам, теперь вижу, что ошибался.

Крутов коротко взмахнул рукой. Омоновец врезался головой в стену, закрылся локтями, ожидая побоев. Крутов сплюнул, повернулся к кровати спиной.

— Пошли отсюда.

— Может, связать эту образину?

— И так никуда не денется. — Егор вышел.

Воробьев сгреб автоматы, посмотрел на парня, сидевшего с выпученными глазами и державшегося за челюсть.

— Сиди тихо, как мышка. Понял? В коридоре мои люди, высунешься — пристрелят.

Омоновец сглотнул, открыл рот, но говорить ему было больно, и он только кивнул.

— Ну и ладушки, отдыхай, да напарника не буди, умаялся, бедный, пусть спит.

Панкрат вышел в коридор, положил автоматы у стены. В тупике коридора, у выхода на лестницу, ведущую на второй этаж, его ждали Крутов и Родион.

— Мы проверили все здание, — отрапортовал Родион. — Наверху какие-то классы, кабинеты и всего две жилые комнаты. В одной спят два амбала, в другой занимается сексом их командир.

Крутов и Воробьев переглянулись.

— Может быть, это его жена?

— Какое это имеет значение?

— В принципе никакого. Но войду к нему я один.

— Ради бога, мы подождем в коридоре.

Они поднялись на второй этаж, и Родион указал на дверь комнаты, которую занимал лейтенант Хелемский. Егор попробовал рукой — заперта, но замок был легкий, простой, и Крутову ничего не стоило открыть его за две секунды с помощью гвоздя. Приоткрыв дверь, он скользнул за порог и остановился, разглядывая залитую светом комнату и сплетенные на кровати обнаженные тела лейтенанта и какой-то девицы с

роскошными бедрами и грудью. Их любовная игра приближалась к финалу, и гостя они не видели и не слышали.

Крутов кашлянул. Но и после этого пара не сразу отреагировала на появление постороннего наблюдателя. Первым пришел в себя Хелемский — он лежал под дамой, — повернул голову к двери, в то время как наездница продолжала самозабвенно работать, постанывая и вскрикивая, с глаз его сползла масленая пелена наслаждения. Он попытался дотянуться до кобуры пистолета, лежащей на тумбочке, не смог и одним ударом сбросил с себя взвизгнувшую девицу. Скатился с кровати, протягивая вслепую руку к пистолету, и наткнулся на Крутова, успевшего к тумбочке на мгновение раньше. Поднял глаза вверх, попытался было привстать, но Егор нажал ему на плечо, и лейтенант остался на полу, только сел поудобней, даже не пытаясь прикрыть рукой естество.

Девица по другую сторону кровати округлила глаза — до нее наконец дошла пикантность ситуации, — открыла рот, собираясь закричать, но Крутов погрозил ей пальцем и сказал негромко:

— Молчать! Залезь под кровать и тихо отдохни!

Девица проворно завернулась в простыню, нырнула под кровать и затихла. Крутов подвинул к себе стул, сел напротив лейтенанта, разглядывая его, потного и скользкого, с царапинами на груди. Фигурой природа лейтенанта Хелемского не обидела: был он широкоплеч, мускулист, тонок в талии, имел сильные ноги с узкими бедрами и весьма представительный фаллос. Да и красив был по-мужски, с узким сухим лицом, голубыми глазами и крупными губами, которые портил лишь пренебрежительно оттянутый уголок. И шевелюра у него выглядела отменно, подчеркивающая природное здоровье. А внутри он был весь гнилой, как трухлявый гриб, — такое у Крутова сложилось впечатление.

— Привет, командир, — сказал Егор ровным голосом. — Не ожидал меня в гости?

— Ты сам роешь себе могилу, — криво улыбнулся Хелемский. — За тобой уже... — он прикусил губу, понимая, что проговорился.

— Продолжай, — поощрительно кивнул Егор, — не бойся, я никому не скажу. Очень уж хочется понять, что за возню устроили вокруг меня... и вокруг моей деревни. А также поделись информацией, по чьему приказу меня выпустили из милиции и зачем. Уверен, что ты знаешь. Может быть, кто-то хочет сделать из меня козла отпущения? Подсадную утку? Еще какую-нибудь живность? Говори, не стесняйся, и я забу-

ду, что ты и твоя сволочная свора унижала и избивала полковника ФСБ.

— Ты такой же полковник, как я папа римский, — с той же кривой ухмылкой проговорил лейтенант. — Прими совет: хочешь остаться в живых — сматывайся отсюда, и побыстрей. Если бы не...

— Ну-ну?

— Пошел ты на...

Крутов встал, обманчиво расслабленный, спокойный, углубленный в свои мысли.

— Вставай.

Лейтенант удивленно вскинул на него глаза, помедлил и поднялся, расправляя плечи.

— Говорят, ты хороший боец, прямо-таки барс. Воспользуйся шансом. Я безоружен. Даю слово: уложишь меня — делай со мной что хочешь, не сможешь — не обессудь. Я не стану в отместку за унижение бить тебя ногами и разряжать электрошокер через яйца, хотя и очень хочется, право слово. Ты только ответишь на мои вопросы. Идет?

— Ты серьезно? — Лейтенант дураком не был и опасность чувствовал хорошо. — Ты представляешь, чем тебе грозит нападение на офицера милиции? Лет десять припаяют!

— А ты никому не пожалуешься... офицер, слуга закона! — В последние слова Крутов вложил все свое презрение к этому человеку. — Это я офицер, полковник, прошедший четыре войны, а ты просто сопляк в погонах, возомнивший себя властелином мира. Давай, демонстрируй свою силу, начинай делать из меня фарш. Или без оружия кишка тонка?

Хелемский поднял руки, все еще раздумывая, что ему делать в этой ситуации, и вдруг ударил Егора ногой, целя ему в колено. Ушел вбок, снова ударил, почти достал, но Егор подхватил его ногу изнутри-снизу и рывком свалил на пол. Лейтенант подхватился на ноги, вставая в стойку каратеков, снова пошел на Крутова, ударил слева-справа, выходя на атаку связкой: прямой удар левой ногой в живот — боковой удар в лицо правой ногой — поворот спиной к противнику и удар ногой в грудь, — но Егор прервал эту комбинацию в самом начале, выполнив кодзеку[1], и ответил точным ударом сложенными щепотью тремя пальцами («клюв орла») в верхнюю губу лейтенанта. Хелемский охнул, обмяк, рухнул на колени, и Егор с поворота, дуговым ударом ноги перебросил его через кровать.

[1] Кодзеку — блок предплечьем.

С грохотом свалилась на пол японская магнитола, приглушенно вскрикнула под кроватью притихшая девица.

В комнату заглянул Панкрат, все понял и скрылся.

Крутов приподнял оглушенного омоновца, посадил спиной к платяному шкафу, треснул дважды ладонью по щеке. Глаза лейтенанта открылись, мутные и пустые.

— Дерешься ты слабо. Говорить будешь?

— Мы... тебя... — вяло пригрозил Хелемский.

— Понятно, не хочешь. — Егор вытащил из кобуры лейтенанта штатный «макаров». — А если я тебе чего-нибудь отстрелю? — Он снял пистолет с предохранителя, загнал патрон в ствол и приставил дуло к гениталиям Хелемского. — Может быть, вы меня потом и достанете, только тебе радости секса будут уже недоступны. Итак?

Лейтенант побледнел.

— Чего ты хочешь?

— Вот это другое дело. Я не спрашиваю, кто из вас сделал не оперативников, а хамов, действующих по-бандитски; каков командир, таковы и подчиненные. Я спрашиваю, кто тебе дал приказ мчаться не просто в деревню Ковали, а именно ко мне, и вязать именно меня.

Хелемский нервно облизал разбитые губы.

— Казанова...

— Начальник жуковской милиции? Он не мог знать обо мне ничего! Кто приказал ему?

— Не знаю...

— Знаешь. — Крутов сильнее вдавил ствол пистолета в гениталии лейтенанта. — Ну?!

— Я не знаю... предполагаю... — заторопился Хелемский. — К Казанове приезжал майор из части...

— Сватов?

— Д-да, он... я случайно слышал разговор... ты убил их человека...

— Я никого не убивал. — Егор убрал пистолет, разрядил, вынул обойму и спрятал в карман, пистолет бросил на кровать. — Меня просто решили подставить. Но и майор Сватов не мог сам решиться прищучить полковника безопасности, кто-то ему подсказал этот ход. Кто?

Хелемский снова облизал губы, слегка приободрился.

— Над ним только начальник службы безопасности округа полковник Дубневич... — Лейтенант встретил заинтересованный взгляд Егора, и вдруг от щек его отлила кровь, лоб заблестел от испарины, дрожащими губами он выговорил: — Но я точно не знаю... может, кто еще... я же только в ОМОНе...

— Спасибо за информацию, — усмехнулся Крутов. — Быстро умнеешь, прямо на глазах. Ответишь на последний вопрос, я забуду, что ты меня пытал электрошокером, и мы с тобой мирно разойдемся. Кто дал приказ Казанове выпустить меня из СИЗО?

Хелемский дрожащей рукой провел по лбу, мотнул головой.

— Из Брянска кто-то звонил... больше я ничего не знаю...

— Не полковник ли Дубневич?

Лейтенант сник, отвернулся.

— Ладно, командир, не переживай. Надеюсь, ты понимаешь, что, если всплывет история моего сегодняшнего разговора с тобой, станет известно и то, от кого я получил ценнейшие сведения. А с Дубневичем я еще разберусь. Чао, командир. Лови бандитов и не трогай честных людей, себе дороже будет.

Егор вышел, махнул рукой Панкрату, и они покинули здание ПТУ, приспособленное под общежитие для милиции особого назначения. Когда они подошли к больнице, окончательно стемнело.

— Ну, что он сказал? — поинтересовался Воробьев, залезая в кабину крутовского «Рено».

— В принципе я ожидал чего-то такого... брали меня по совету нашего общего знакомого майора Сватова, а тот якобы получил разрешение от начальника службы безопасности округа полковника Дубневича. Не слышал фамилию?

— Нет. Откуда полковник мог узнать о твоем участии в расправе с мотобандитами?

— От того же Сватова.

— А от кого поступил приказ тебя освободить?

— Казанову звонили из Брянска. Это мог быть и полковник Дубневич, и кто-нибудь еще, знающий меня лично. Я это выясню.

— Поедешь в Брянск? Когда?

— Прямо сейчас. У меня там есть пара знакомых, у кого можно остановиться на пару дней. А потом я кое-кого навещу.

— Мэра?

— Его, господина Мокшина, почему-то проявляющего особый интерес к тому, что делается в Жуковском районе.

— Где тебя можно будет найти?

Егор подумал и продиктовал адрес.

— Если меня там не будет, я оставлю координаты. А ты все-таки собираешься снова идти в зону?

Панкрат отвернулся.

— У меня нет выбора. Я своих парней на произвол судьбы не бросаю.

К машине подошел кто-то из «мстителей», наклонился к окошку со стороны Воробьева.

— Лейтенант в сопровождении двух своих орлов выехал куда-то на «рафике».

Крутов и Панкрат переглянулись.

— Побежал докладывать Казанову? Или кому-то поглавней?

— Проследить?

— Не мешало бы.

— Дуй за ним, — сказал Панкрат своему подчиненному, — да не спугни. Встретимся у ДК. — Он повернулся к Егору. — До встречи в Брянске, полковник?

Крутов молча подал руку.

ЖУКОВСКИЙ РАЙОН

ДУБНЕВИЧ

Официальная должность полковника Игоря Эдуардовича Дубневича звучала просто: заместитель начальника штаба Брянского военного округа, начальник службы армейской безопасности. Неофициальная его должность по статусу была выше генерал-лейтенантской: командующий бригадой Российского легиона Юго-Западного округа.

Российский легион был создан недавно, в девяносто шестом году, в соответствии с секретным указом, но не министра обороны или другого должностного лица равной силовой структуры, а одного из первых вице-премьеров правительства, предвидевшего очередной кризис власти в стране, Лурье Семена Григорьевича. Сам Лурье вряд ли подозревал, что послужил лишь пешкой в чужой игре, которой спокойно можно пожертвовать в нужный момент. Руководителем же Легиона стал генерал-майор юстиции Мстислав Калинович Джехангир.

По замыслу создателей Российский легион призван был координировать и реализовывать агентурно-оперативную информацию, получаемую разведывательными управлениями спецслужб: Федеральной службы безопасности (ФСБ), Главного разведуправления Генерального штаба (ГРУ), Службы внешней разведки (СВР), Министерства внутренних дел (МВД), Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) и тому подобных, на самом деле он

стал инструментом локализации и нейтрализации политических и военных конфликтов на территории России с использованием комбинированных методов информационно-психологических и специальных операций. Когда же в Москве был создан Реввоенсовет (РВС), Российский легион превратился в главную опору новых революционеров, мечтающих о «глобальной мировой революции». Начинать они, само собой разумеется, собирались с России.

Конечно, на случай утечки информации Реввоенсоветом были разработаны и «легальные» задачи Легиона: ликвидация вдохновителей и лидеров сепаратистских и террористических движений, а также руководителей организаций, чья деятельность могла нести угрозу национальной безопасности страны. Однако основными задачами Легиона оставались выявление, психологическая обработка (в том числе с использованием психотронных средств), изоляция, вербовка, дискредитация и в конце концов уничтожение непокорных лидеров властных структур и партий, представляющих угрозу деятельности РВС.

Формировался Легион из числа добровольцев-профессионалов действующего состава спецназа ГРУ, СВР и ФСБ, а также из ветеранов спецслужб и локальных войн — в Афганистане, Абхазии, Таджикистане и Чечне. Ко времени описываемых здесь событий костяк Российского легиона был уже сформирован, проверен в деле и мог быть использован в любой точке России. Одной из его бригад, расквартированной в Брянской губернии, и командовал полковник Дубневич.

Игорю Эдуардовичу Дубневичу пошел пятьдесят первый год. Это был приземистый, широкоплечий, толстоногий и короткорукий мужчина с круглой безволосой головой (голову он брил регулярно) и мощным животом. В молодости Дубневич занимался тяжелой атлетикой, и это в дальнейшем сильно сказалось на его фигуре. Голову же он начал брить уже в двадцать пять лет, когда увидел, что лысеет тем быстрее, чем тщательнее скрывает это от других.

Лицо у Игоря Эдуардовича было квадратное, безбровое, с цепкими круглыми желтоватыми глазами и приплюснутым носом. Губы на этом лице, какие-то бесформенные и безвольные, казались лишними, занимая чересчур много места. Однако характер полковника безвольным назвать было нельзя. Обладая природной хваткой, изворотливостью и хитростью, он всегда добивался поставленной цели. Джехангир не зря обратил на него внимание и сделал своей правой рукой.

Карьеру молодой Игорь Эдуардович начинал прапорщиком хозчасти «Белый орел» в Афганистане. Вернулся оттуда

живым и невредимым, закончил курсы комсостава в Туле, отличился на поприще борьбы с коррупцией в собственной части, где сменил три должности, пока не стал командиром в/ч 2111 спецвойск МВД. Служил в Подмосковье, в Петрозаводске, на Алтае, в Брянске, где и получил звание подполковника и должность командира особой мотострелковой части быстрого реагирования. Полковником он стал в тысяча девятьсот девяносто шестом году с подачи Джехангира, встретившегося с ним для отбора резерва Легиона и вербовки командного состава. Уговаривать Игоря Эдуардовича, тогда еще подполковника, долго не пришлось, он сразу понял цели РЛ и проникся важностью стоящих перед ним задач.

Ранним утром первого августа Игорь Эдуардович выехал из Брянска в Жуковку в сопровождении двух машин охраны, предварительно согласовав поездку с командующим округом. Целью поездки была проверка боеготовности воинских частей Жуковского района и подготовка к предстоящим в конце августа учениям. Однако у полковника были и другие цели, диктуемые деятельностью РВС и личным приказом Джехангира. Дубневичу предстояло выявить агента военной контрразведки, подбиравшегося к сверхсекретному «Объекту № 2», и ликвидировать наметившуюся утечку информации как о деятельности объекта, так и о деятельности бригады Легиона.

В начале девятого утра Дубневич высадил свой «десант» в Жуковке и после завтрака в местном кафе «Десна» нанес визит начальнику жуковской милиции, обнаружив стоящий перед зданием ОВД рефрижератор со знакомой голубой полосой по борту. У полковника ёкнуло сердце: фургон принадлежал транспортной сети РВС и никак не должен был находиться здесь, в центре Жуковки, а тем более рядом со зданием милиции.

Его встретили у входа двое парней в камуфляже, но, разглядев внушающую уважение свиту, отступили в сторону. Дубневич покосился на парней, и предчувствие беды у него усилилось: парни в камуфляже также не должны были разгуливать по райцентру с оружием в руках.

В кабинете начальника милиции Игоря Эдуардовича ждал не только капитан Казанов, но и майор Сватов собственной персоной, начальник охраны «Объекта № 2». Оба были, что называется, захвачены врасплох: ни тот, ни другой увидеть полковника не ожидали.

Дубневич глянул на их лица — растерянно-испуганное у красавца капитана и хмуро-обреченное у майора — и сел за стол.

— Ну-с, господа офицеры, какой сюрприз на этот раз вы мне приготовили? Почему на площади торчит белый фургон?

— Да я... мы тут... кофе хотите? — засуетился Казанов. — Сейчас прикажу принести...

— Отставить! Итак, я вас слушаю, господа.

— В районе объявилась группа «дорожных мстителей», как они себя называют, — проговорил Сватов, отводя глаза.

— Это я знаю. Дальше.

— Они перехватили фургон и доставили зачем-то сюда. Водитель и сопровождающий груз... мертвы.

— Убиты?

Сватов посмотрел на медленно багровеющего полковника и снова отвел глаза.

— Нет. Вероятно, их допрашивали, и у обоих сработала программа самоликвидации.

— Груз?

— В фургоне, не тронут. Но гарантий, что его не вскрывали, нет.

Дубневич ослабил галстук и, цедя слова, страшно выругался. В кабинете наступила гулкая тишина. Казанов вообще перестал дышать и готов был провалиться сквозь пол, Сватов, на все случаи жизни имевший цивилькураж[1], полковника не боялся, но понимал, что допустил непростительный промах, и размышлял теперь о том, как этот промах квалифицирует начальство. К визиту Дубневича он не был готов, надеясь до того, как тот узнает о случившемся, исправить положение, теперь же приходилось выкручиваться на ходу.

Полковник достал громадный носовой платок, вытер гладкую, как плафон, голову, посидел с минуту, отходя, достал было мобильный телефон, чтобы позвонить, но передумал.

— Что еще?

— В зону пытались проникнуть посторонние люди, — продолжал майор. — Но были остановлены. Двое из них задержаны. — Это была ложь, «мстителей» охрана объекта захватила возле кургана, но полковник этого знать не мог.

— Кто они?

— Те же «мстители», что напали на...

— Ваших молодчиков, майор, обнаглевших до предела. Надеюсь, вы прекратили отпускать их «расслабляться» на дорогах области? Где остальные «мстители»? Кстати, вы уверены, что это не «легенда» контрразведки? Какого черта им понадобилось искать на территории объекта?

[1] Цивилькураж — способность открыто выражать свое мнение.

— Думаю, они хотели выявить, кто руководит... э-э, мотоциклистами. Но это не контрразведка. Мы допросили захваченных «мстителей», и они подтвердили, что принадлежат к группе «Час», «чистый асфальт», занимающейся уничтожением дорожных... э-э, бандитов. Но это мое дело, Игорь Эдуардович, «мстителей» я в скором времени достану, уже есть план. Капитан мне поможет.

— Конечно, нет проблем, — ожил Казанов, — устроим облаву и... накроем...

— Но у нас есть еще одна проблема, — перебил его Сватов. — Все чаще мы натыкаемся на одного приятеля, которого вы приказали отпустить...

— Полковника Крутова. Что значит — натыкаетесь? Он что, тоже лезет в зону объекта? Мешает вам работать? Следит за вами?

— Нет, но... — майор замялся. — Ведет себя до неприличия дерзко, независимо. Захватил моих наблюдателей, якшается с «мстителями», вчера заявился к омоновцам, избил двоих, в том числе их командира...

— Что?! — не сразу понял Дубневич. — Зачем?

— Они при задержании полковника несколько перестарались, — с готовностью пояснил Казанов, — применили силу, он обиделся...

— Ясно. Правильно обиделся, наверное. Я бы на его месте вообще перестрелял бы всех. И что, он один справился с подразделением ОМОНа?

— Их было человек пять, — сказал Сватов, играя ножом. — Вероятно, те же «мстители». Не знаю, как этот полковник оказался в их компании, но работают они вместе. Я даже считаю, что он и есть агент контрразведки, о котором вам сообщили ваши люди.

— Он действительно полковник ФСБ, хотя и в отставке.

— Очень удобная «легенда» для контрразведчика: отставка, желание навестить родственников... Он же профессионал, это за версту видно, и ведет себя так, будто за спиной мощная база. Зачем вы возитесь с ним, затеваете какую-то сложную игру? Не проще ли захватить и допросить... с применением наших игрушек? Вряд ли он сможет выдержать разряд «глушака».

— Займись «мстителями», — жестко сказал полковник, — Крутова не трогай, за ним пойдут мои люди. Если он из контрразведки, тем более нельзя его спугнуть, пусть пока работает под нашим контролем. Если же это пустышка... у начальства есть на него виды. Теперь слушайте приказ. Рефрижератор перегнать в Брянск, груз уничтожить, без следов. На время

транспортные линии объекта заморозить, до особого распоряжения. Засветившихся охранников... ликвидировать!

Майор посмотрел на Дубневича, но промолчал.

— Омоновцев отослать в Брянск. Это же черт знает что, когда пять человек спокойно захватывают казарму, разоружают бойцов и бьют им морды! Я заменю их своими парнями.

Казанов кивнул.

— И последнее: срочно установите, с кем полковник Крутов имел контакты. Это больше касается вас, капитан. Вы же, майор, отправляйтесь на объект, я подъеду позже, через часдва. Позаботьтесь о своих лихих молодцах... в том смысле, что я уже сказал. Ваш тесть сейчас где? На даче или на объекте?

— На даче.

— Пусть приедет на объект, у меня есть к нему разговор.

Сватов спрятал нож и вышел, не взглянув на Казанова, которого начала колотить нервная дрожь. Дубневич усмехнулся, понимая чувства начальника милиции.

— Садитесь, капитан, поговорим о вас. Вам предстоит убедить меня в том, что вы умеете работать. Сколько вам платит мэр Брянска за умение закрывать глаза на его незаконную деятельность в Жуковском районе?

Лицо Казанова стало серым.

— Я... н-не понимаю...

— Все вы отлично понимаете. Господин Мокшин занялся строительным бизнесом на землях, которые принадлежат государству. Мало того, эти земли имеют еще и культурно-историческую ценность и входят в реестр памятников археологии и палеокультур, подлежащих охране. Ведь вы это знаете?

— Я... э-э... м-м-м... д-да? — выдохнул Казанов. — Но, клянусь, что...

— Не клянитесь. Я не собираюсь посылать запрос в прокуратуру или докладывать вашему непосредственному начальству об использовании вами служебного положения в личных целях, ради наживы. Мне необходимо сотрудничество. Вы готовы?

— Н-ну... конечно... — промямлил капитан, поймал презрительно-насмешливый взгляд Дубневича и вытянулся. — Так точно, товарищ полковник!

— Отлично, Степан Петрович. Сегодня вам предстоит одно небольшое дельце: взять одного человечка и посмотреть, как отреагирует на это его начальство. Готовьте людей.

— ОМОН?

— Можно и ОМОН. Для этого дела сгодятся и дуболомы лейтенанта Хелемского.

* * *

Разговор Дубневича с Юрием Тарасовичем Бессарабом, руководителем Проекта, начальником «Объекта № 2» и тестем майора Сватова, не состоялся. Бессараб на объекте не появился, сославшись на усталость и необходимость в течение субботы—воскресенья поправить пошатнувшееся здоровье. Дубневич вынужден был ограничиться беседой с его заместителем, осмотрел подземное хозяйство объекта, его главный корпус и полигон, проверил, как несет службу охрана, и убедился в близости к истине самых мрачных своих предположений. Объект как лаборатория, технический комплекс еще мог функционировать, объект как группа единомышленников, объединенный системой связей и отношений, начинал распадаться, терять психологическую устойчивость, превращаться в массу психически неполноценных людей, у которых постепенно вырабатывалась биологическая потребность в насилии. В скором времени все это должно было выплеснуться за пределы огороженной зоны, да уже практически и выплеснулось — если принять во внимание походы на мотоциклах подчиненных майора Сватова, прошедших зомби-обработку. Дубневич понял, что необходимо предпринимать срочные меры, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля. Юрий Тарасович либо не хотел видеть, что творится у него под носом, либо считал, что защита объекта — не его прерогатива. Человек же, призванный эту защиту обеспечивать, майор Сватов, был женат на его дочери, поэтому и держался так вызывающе со всеми проверяющими, в том числе с полковником, будучи уверенным в своей неуязвимости. Именно благодаря его самоуверенности и излишней самостоятельности и создались предпосылки критической ситуации, которую сам майор оценивал чересчур оптимистично. Этот порочный круг необходимо было разорвать. Судьба Проекта если и не висела на волоске, ибо, кроме «Объекта № 2», над ним работали «Объекты № 1, 3 и 4», то приближалась к опасной черте раскрытия тайны, за которой мог последовать не только взрыв народного негодования, но и распад Системы, свертывание деятельности Реввоенсовета.

Уезжал из жуковских лесов Дубневич с твердым убеждением в необходимости полной смены охраны объекта и принятия жестких превентивных мер, но прежде, чем приводить в действие комплекс страховочных мероприятий, следовало убедить в этом генерала.

В Жуковку Игорь Эдуардович заезжать не стал, послал толь-

ко туда четверых своих агентов по особым поручениям, сам же выехал с территории объекта по новой трассе и через час с небольшим был в Брянске, в штабе округа, в своем кабинете, оборудованном системой прямой компьютерной связи e-mail, которая давала возможность связаться с любым абонентом за считанные секунды. Джехангир отозвался мгновенно, будто ждал звонка. На экране компьютера вспыхнул зеленый паучок, превратился в точку, которая вывела слова:

«Включите защиту».

«Включена хай-ди», — выбил на клавиатуре ответ Игорь Эдуардович.

«Докладывайте, полковник».

«Объект № 2» на грани обнаружения. Предлагаю срочную зачистку по программе «зеро».

«Вы советовались с директором Проекта?»

«Он меня не принял под смешным предлогом «усталости».

«Он действительно много работает. Но без его санкции мы не сможем свернуть объект».

«Так поговорите с ним сами, объясните, что под объект копает контрразведка. Программа испытаний «ЗГ» практически завершена, можно ее закрывать, а техническим персоналом объекта пожертвовать. Нетрудно будет набрать новый. Зачистку же следует начать с охраны. Люди Сватова в худшем состоянии, чем я предполагал, они психически неустойчивы и практически вышли из-под контроля».

«Вы обнаружили контрагента?»

«Еще нет, но есть неплохие шансы вычислить его в ближайшее время. Дайте мне три дня, и я назову его имя».

«Работайте. Через три дня и решим, что делать с объектом. Как ведет себя мой бывший ученик?»

«Вы имеете в виду Крутова? Он ведет себя весьма свободно и раскованно. Есть подозрение, что именно он и работает на контрразведку, хотя, с другой стороны, действует он слишком прямо».

«Понаблюдайте за ним. Он мне нужен в любом случае».

«Люди Сватова пытались это сделать, он их вычислил и грозился «начать отстрел» всех, кто ему будет надоедать».

«Узнаю орла по полету. Все равно пока не трогайте его. Он человек структуры, его действия всегда можно спрогнозировать и успеть ответить. До свидания, полковник. Через трое суток жду в Москве с докладом о принятых мерах».

Зеленая звездочка перестала бегать по экрану, превратилась в линию, в паучка, погасла. Дубневич выключил компьютер, походил по кабинету, посасывая трубку, — он недавно бросил курить, но еще не отвык, — и вызвал помощника. Надо было срочно придумать для командующего округом причину своего скорого возвращения из Жуковского района.

БРЯНСК

КРУТОВ

Ночевал Крутов у бывшего своего однокашника Федора Белова, поэта и философа, закончившего лесотехнический институт, но нашедшего призвание в нетрадиционной медицине; в настоящее время Федор работал в поликлинике мануальным терапевтом и потому зарабатывал неплохо, что благотворно сказалось на его облике: он пополнел, возмужал, приобрел осанку и солидность; его вескую речь больные наверняка воспринимали сразу и верили каждому его слову. Егору он обрадовался, несмотря на его ночное прибытие, и проговорил с ним до трех часов ночи, пока не встала жена Таня. Пришлось знакомиться, пить вино, снова рассказывать о себе, и уснул Крутов лишь в половине пятого утра. Зато проснулся один: и Белов, и его жена уже ушли на работу, оставив гостю записку на столе в кухне — где стоит завтрак, что хранится в холодильнике, когда придут сами. Детей у них, как понял Егор, пока не было: жена Таня только-только закончила институт (местный машиностроительный), хотя работала в банке, а сам Федор в силу философской направленности мышления о детях думал весьма отстраненно, а точнее — не думал совсем. Ему казалось, что заняться их производством можно всегда.

Вставать не хотелось, спал Крутов всего четыре часа, но время торопило, и, вспомнив пословицу: «Лень-потягота, поди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого», — он заставил себя сделать зарядку, принял душ и позавтракал. Сил прибавилось, и в машину Егор садился уже бодро, предвкушая встречу с Елизаветой, которая грезилась ему чуть ли не в каждой встречной девушке.

Мэр Брянска Георгий Мокшин, он же муж Елизаветы Качалиной, по каким-то причинам не дающий ей развода, жил на проспекте Машиностроителей в новом шестнадцатиэтажном кирпичном доме комфортной планировки, единственный подъезд которого охранялся нарядом вневедомственной охраны. Это осложняло задачу Крутова, так как он не хотел ни с кем делиться своими замыслами. Однако ему повезло: спус-

тя четверть часа после его появления у дома Мокшина к подъезду подкатил мебельный фургон и рабочие принялись разгружать мебель и таскать в подъезд. Егору удалось «помочь» молодым ребятам втащить на второй этаж роскошный диван, судя по тяжести — местного производства, и путь в дом оказался свободен. На четвертый этаж, где располагалась квартира мэра, он взобрался пешком.

На звонок в дверь долго никто не реагировал, так что Крутов, разочарованный до глубины души, уже собрался уходить, когда наконец загремели засовы, дверь открылась и на пороге возник светлоголовый здоровяк в спортивном костюме, широкоплечий, с мощной шеей борца и длинными руками. Взгляд его бесцветных глаз был уныл и не предвещал ничего хорошего.

— Чего надо?

Крутов усмехнулся. По уровню культуры парень не отличался от омоновцев, с которыми общался полковник вчерашним вечером.

— Сэр Георгий Мокшин дома?

Привратник моргнул, озадаченный словечком «сэр».

— Нету.

— А его жена Елизавета?

— А в чем дело? Ты типа кто вообще?

— Типа родственник, — охотно признался Крутов. — Будь добр, позови ее или дай пройти.

Здоровяк нахмурился, уловив иронию в словах гостя, окинул его взглядом, буркнул: «Нет никого», — и попытался закрыть дверь, но Егор сунул в щель ногу.

— Доложи мадам, холуй, что приехал родственник из Ковалей. Со слухом у тебя хорошо? А то такое впечатление, что уши у тебя заложило.

Охранник перевел взгляд с ноги Крутова на лицо, порозовел и, распахнув дверь во всю ширь, двинулся на гостя, поднимая руки и собираясь схватить его за грудки. Драться Егор не хотел, поэтому от объятий борца уклонился и применил стандартный вакигатамэ, выкручивая плечо и сжимая тело охранника сбоку. Продержав его пару секунд в таком положении — более длительное удержание привело бы к удушению противника за счет сдавливания надпочечников, — он опустил парня на пол.

— Отдохни немного, я только сообщу хозяйке о своем прибытии.

Однако в огромной пятикомнатной квартире Мокшина с мебелью в стиле «мобайл» и спальней, которой мог бы, наверное, позавидовать король Франции, никого не оказалось.

Елизавета отсутствовала, хотя кое-какие следы ее пребывания здесь имели место: небрежно брошенный на кровать пеньюар, помада и гребень на тумбочке трюмо, и запах ее любимых духов «Оревуар».

Настроение у Крутова упало. Не было сомнений, что Лиза ночевала в этой квартире, оставалось лишь выяснить — одна или нет. В последнем случае чувства Крутова уже роли не играли, как не играл роли факт события: заставил ли Мокшин жену спать с ним или она сделала это без принуждения.

Зазвонил телефон в прихожей.

Егор некоторое время колебался, снять ли трубку, потом все же подошел.

— Не пришла? — раздался в трубке густой, с легкой хрипотцой, голос.

— Нет, — глухо сказал Крутов.

— Громче. Не звонила?

— Нет...

— Что у тебя с голосом? Я говорил — не пей пиво из холодильника.

— Это от молока, — сказал Крутов и положил трубку.

В коридоре он присел на корточки возле начинавшего приходить в себя охранника мокшинской квартиры, легонько потрепал его по щеке.

— Оклемался, болезный? Что же ты сразу не сказал, что Елизавета Романовна не ночевала дома?

— Вчера вечером... не пришла... — Парень закашлялся, прижимая ладонь ко рту. — Сбежала с подругой... сука! А мы за нее... получаем...

— Ясно. Каждому свое, как говорится. Извини, что я тебя помял немного. Сказал бы, что хозяйки нет, и в обморок бы не упал.

Через несколько минут Крутов ехал к центру города, примерно зная, где находится рекламная фирма «Навигатор», в которой работала Елизавета. Фирму он нашел по интуиции, остановившись возле старого шестиэтажного здания с колоннами, напротив которого парковались в основном иномарки. Как оказалось, здание принадлежало управлению по культуре губернской администрации, и большинство его помещений сдавалось в аренду разным конторам и компаниям, в том числе таким, как брянский «ДиДиБи-Банк» и фирма «Навигатор», располагавшаяся на втором этаже левого крыла здания. Вывески на фасаде не было, вероятно, рекламному начальству она была ни к чему, зато отделка принадлежащей фирме территории внушала уважение: в глазах рябило от обилия зер-

кал, хрустальных подвесок, декоративных панелей и панно, никелированных поверхностей, кнопок и ручек. Слегка обалдевший Крутов заметил наконец охранника в серой форме, наблюдавшего за ним из специальной ниши слева от входа, и с видом просящего милостыню обратился к нему:

— Простите, мне бы увидеть Лизу... Елизавету Романовну Качалину...

— Ее нет на работе, — равнодушно ответил охранник.

— То есть как нет? Где же она?

— Вы по какому вопросу?

— По личному, — едва не ляпнул Егор и спохватился. — Я из фирмы... э-э, «Плащ и кинжал», нам нужна реклама...

— Обратитесь в отдел «New Business».

— Мне не нужен отдел бизнеса, мне нужен менеджер Качалина, которая ведет нашу компанию.

— Тогда ждите. Вчера она засиделась допоздна, может, сегодня придет позже. Да вот ее сотрудница идет, спросите у нее.

В коридор вышла высокая и очень худая, с короткой прической и симпатичным личиком девушка лет двадцати пяти, одетая в короткое платьице и туфли на каблуках «серебряное копытце».

— Вам кого, гражданин?

— Хочет видеть Качалину, — буркнул охранник.

Девушка с интересом глянула на Егора.

— Вы случайно не Крутов?

Елки-палки, подумал Егор, слава обо мне успела дойти и досюда!

— Да, это я. Вы не подскажете, где я могу найти Лизу?

— Подождите минутку, я сейчас. — Девушка скрылась за одной из белых дверей.

Егор поймал взгляд охранника, брошенный на чересчур худые ноги девушки, и понял его чувства. Такие ноги следовало бы прятать под длинной юбкой. Как сказал бы по этому случаю дед Осип: худая корова еще не газель.

«Минутка» напарницы Елизаветы длилась минут пятнадцать, так что Егор запаниковал: уж не забыли ли его? — но девушка наконец выпорхнула из кабинета с сумочкой в руках и увлекла полковника за собой.

— Пойдемте, мне надо организовать презентацию у клиента, по дороге поговорим. Меня зовут Катя, а вас Егор?

— Так точно, — пробормотал Крутов, не зная, радоваться или печалиться тому, что о его существовании знает посторонний человек. Однако вскоре все выяснилось. Катя оказалась не только сотрудницей Лизы, но и ее подругой, и вчерашним вечером они, естественно, говорили о Крутове.

— Сейчас поймаем тачку... — подняла руку на улице девушка, но Егор ее остановил:

— У меня машина, подвезу, куда скажете.

— Ой, как здорово! — обрадовалась Катя. — Лиза решила не идти на работу сегодня, да и отпуск у нее еще не кончился, и на меня свалилось столько дел...

— Но потом вы покажете, где она остановилась? — осторожно сказал Егор, унимая душевное нетерпение увидеть Елизавету немедленно.

— Конечно, только вы уж подбросьте меня в одно место.

Они сели в машину Крутова, отъехали от здания фирмы, и Егор сразу же обратил внимание, что выехавшая следом со стоянки иномарка — «Тойота-Королла», в салоне которой сидели водитель и два пассажира, увязалась за ними. Поглядывая за ней, Егор вырулил на площадь Ленина и, руководствуясь подсказками спутницы, довез ее до речного порта.

— Я быстро, — пообещала Катя, успевшая за то время, пока они ехали, рассказать Крутову о своей работе и о том, как они с Лизой ходили в кафе и освободились от опеки охранника, приставленного к Елизавете ее мужем. — Потом мне надо будет заскочить в мэрию, и мы поедем к моей маме, где вас ждет Лизка.

Минут пять Егор сидел в машине и наблюдал за белой «Тойотой», пристроившейся к парапету справа от речного вокзала. Потом дал газ и сделал круг по площади у речпорта. Реакции пассажиров «Тойоты» на этот рейд не последовало, они кого-то ждали. Но стоило в машину сесть Кате, как «Тойота» немедленно двинулась за «Рено» Крутова. Сомнений не было, преследовали именно Екатерину, что позволило Крутову сделать вывод: Лиза сбежала от мужа так удачно, что Мокшин потерял ее след и теперь с помощью своих людей пытается через подругу выяснить ее адрес. Правда, тут же пришла более здравая мысль: Мокшин мог бы выяснить это и более простым способом, заявившись в фирму и расспросив Катю. Единственное, что его могло остановить, — неуверенность в том, что Катя знает, где находится ее подруга.

— Они у меня уже выпытывали, — сказала девушка, когда Крутов осторожно спросил ее, не приходил ли к ней кто-нибудь от имени Мокшина. — Естественно, я ответила, что ничего не знаю.

Через час Катя наконец освободилась полностью, впорхнула в кабину «Рено», с облегчением вздохнула.

— Все, можем ехать к Елизавете. Мама живет на улице Гомонова, это за рекой, надо ехать через мост...

— Если позволите, я поеду один, — сказал Егор. — Высажу вас у фирмы и поеду, скажите только адрес.

— А вы найдете? — наивно засомневалась Катя.

Крутов улыбнулся.

— Язык до Киева доведет.

Екатерина продиктовала адрес, Егор довез ее до здания управления культуры и, пожелав высокой зарплаты, уехал. «Тойота» послушно пристроилась сзади, держась в ста метрах, но потом вдруг отстала и исчезла. Крутов, настроившись на игру с преследователями, даже почувствовал себя разочарованным, но предстоящая встреча с Елизаветой вытеснила все остальные мысли, и к дому Катиной мамы на окраине Брянска он подъезжал, уже с трудом сдерживая нетерпение.

Здесь начинался частный сектор города с незаасфальтированными улочками, кирпичными, панельными и деревянными домами, с садами и огородами. Дом Катиной мамы представлял собой бревенчатую избу чуть ли не столетней постройки с крышей из потемневшего от времени и непогоды шифера, окруженную небольшим яблоневым садом. Чем-то он напоминал родной дом Крутова, но без веранды, да размерами был вдвое меньше.

Понаблюдав на перекрестке за пустыми в этот предобеденный час улицами и ничего подозрительного не заметив, Егор подъехал к дому номер двадцать три по улице Гомонова, оставил машину и, оглядываясь, открыл калитку и вошел в палисадник. В нерешительности остановился у двери, прикидывая, что лучше: постучать или войти без стука, тихо, и в этот момент дверь распахнулась и с тихим визгом на шею Крутову кинулась Елизавета, одетая в белую маечку и шорты.

— Нашел, нашел, мой хороший, я же говорила, я знала, я ждала!.. — взахлеб запричитала она, целуя Егора в щеки, в шею, уши, губы, и длилось это блаженное сумасшествие до тех пор, пока Крутов, у которого закружилась голова, не обнял девушку сам и не прервал ее лепет долгим поцелуем. Потом подхватил на руки и внес в дом, ногой закрыв за собой дверь.

— Хозяйка дома? — спросил он, останавливаясь в сенях.

— Ушла по делам, — прошептала счастливая Елизавета, зажмурив глаза, — придет к двум. У нас уйма времени...

Крутов открыл дверь в светлицу, внес Лизу... а когда и как им удалось освободиться от одежды, вспомнить потом не могли ни он, ни она. Очнулись оба через час, полежали друг возле

друга, у м и р а ю щ и е, разгоряченные, умиротворенные, хотя и не удовлетворенные до конца, потом Лиза вскочила, затормошила Егора, и тому пришлось мыться в чистом дворике усадьбы вслед за Лизой: сначала он поливал ее водой из ковшика, потом она его.

В половине второго был накрыт стол, Лиза принесла бутылку грузинского вина «Саперави», и они выпили по рюмке, заново присматриваясь друг к другу, словно только что познакомились. А Крутов внезапно испытал удивительное чувство домашнего покоя и тепла, которого он не испытывал уже очень давно, несколько лет, с тех пор как похоронил жену.

— Что? — заметила его непривычно мягкий и нежный и одновременно жадный взгляд Елизавета, улыбнулась с оттенком смущения и вызова. — Понравилось?

Крутов рассеянно качнул головой, затем понял, что отвечает своим мыслям, не совпадающим с мыслями девушки, и проговорил как о чем-то само собой разумеющемся:

— Сейчас мы поедем к тебе на работу и ты напишешь заявление об уходе. Ну а потом... — он поднял рюмку. — За нас.

Лиза изумленно округлила глаза.

— Ты хочешь... чтобы я?..

— Я хочу увезти тебя в Москву. Думаю, рекламное агентство мы там тебе отыщем.

Елизавета засмеялась, покачала головой.

— Ты настоящий полковник, как поет Алла Пугачева. Пришел, увидел, победил. Не забыл, что за мной «хвост», то есть муж? У него такие связи!..

— Мы их отрубим, — небрежно пообещал Крутов. — А откуда ты знаешь про связи?

— У него в гостях перебывали все крупные шишки из области, депутаты, милицейские чины, генералы, даже из Москвы приезжали, так что и не хотела бы — все равно всех встречала. Представляешь, ни одного симпатичного лица! Особенно мне не нравились его ученые гости: сколько спеси, сколько высокомерия, бог ты мой! А настоящей культуры, интеллигентности — ноль!

— Ученые? Зачем мэру друзья-ученые? И какие именно? Физики, химики, металлурги, машиностроители?

— В основном медики, врачи-психиатры, насколько я помню.

Крутов насторожился.

— Ты не путаешь? Именно психиатры?

— Или психологи... не помню точно.

— Раньше ты мне о друзьях-психиатрах мужа ничего не говорила.

— Ты не спрашивал.

— А о чем они разговаривали с мужем, на какие темы, не слышала?

— Так, о разной ерунде, в моем присутствии о делах никто не заговаривал. Кое-что я, конечно, слышала, обрывки фраз, когда приносила вино или кофе, но не понимала ничего. Например, что такое «груз 200»? Я не знаю...

— Они говорили о «грузе 200»? — медленно произнес Крутов.

— Ну да. Потом о каких-то испытаниях... о курганах... ну, не помню я, о чем еще.

— А о ФУМБЭП не упоминали?

Елизавета наморщила лоб.

— Кажется, мне знакомо это слово, но что оно означает... какое-то управление по медицине, по-моему. Это так важно для тебя?

— Очень! Вот почему твой муж пытается ограничить твою свободу: ты слышала так много, что стала ценным секретоносителем. У него теперь только два выхода: держать тебя при себе или... — Егор помрачнел, — или убить!

Елизавета вздрогнула, с недоумением посмотрела на него.

— Что ты говоришь? За что?

— Черт! Как я сразу не сообразил... — Крутов насторожился: на душе стало беспокойно, неуютно, словно там подул холодный ветер и принес дождь со снегом.

В сенях стукнула дверь. Егор вопросительно глянул на Лизу, та сделала успокаивающий жест:

— Это, наверное, пришла тетя Саша, Катина мама.

В ту же секунду дверь в горницу распахнулась от удара ноги, и в дом ворвались двое молодых людей в черных костюмах и при галстуках, несмотря на летнюю жару. В руках они держали только дубинки «а-ля усмиритель толпы», но наметанный глаз Крутова по некоторым признакам определил под костюмом одного из парней наплечную кобуру, и ему стало понятно, что это те самые пассажиры из «Тойоты», следовавшей за его машиной во время поездки с Катей. Теперь стал понятен их демонстративный отказ от преследования машины Егора: они просто передали полковника своим сменщикам, а потом появились по вызову.

— В чем дело, мужчины? — почти доброжелательно спросил Крутов. — Врываетесь в чужой дом, как в свой собственный, пугаете мирных граждан, крутите у них под носом какими-то палками... Адресом не ошиблись?

— Собирайся, — навел свою черную дубинку на Елизавету один из парней, высокий, белобрысый, мощного сложения, с ничего не выражающим взглядом.

— Он тебя знает? — посмотрел на девушку Егор.

— Это Станислав, — тихо проговорила Лиза, — телохранитель Георгия... — Поднялась из-за стола. — Убирайтесь! Никуда я с вами не пойду.

— Пойдешь! — двинулся было к ней белобрысый, и в ту же секунду Крутов метнул вилку.

Вилка вонзилась в дубинку, едва не выбив ее из руки парня, в горнице стало тихо. Крутов лениво встал, держа в руках еще одну вилку и кухонный нож, укоризненно качнул головой.

— Вы слышали, что она сказала, джентльмены? Возвращайтесь к боссу и доложите, что любой, кто попробует дотронуться до его бывшей жены, включая его самого, подчеркиваю — б ы в ш е й жены, — будет иметь дело со мной.

— Вадик, поговори с ним, — бросил опомнившийся Станислав, снова направляясь к Елизавете, и Егор бросил вторую вилку, со свистом прорезавшую воздух перед носом белобрысого и вонзившуюся в притолоку.

Станислав отпрянул, сунул было руку под пиджак, но Крутов отвел назад руку с ножом и покачал головой.

— Не стоит рисковать, мальчик. И давайте-ка выметайтесь отсюда по-хорошему, не доводите до греха, попишу обоих.

Парни застыли в нерешительности, переглядываясь, и Егор демонстративно достал свой бэтдаггер.

— Вам помочь или найдете дверь сами?

Вид «летучей мыши» заставил визитеров переоценить ситуацию, они опустили дубинки и попятились к выходу.

— Тебе хана, мужик, — сказал белобрысый эмиссар Мокшина с равнодушной уверенностью. — Мэр таких шуток не прощает.

— А я не шучу, — с таким же равнодушием сказал Крутов. — Эта девушка не является собственностью мэра. Или у вас имеется постановление прокурора на ее арест?

— Обойдемся без прокурора.

Крутов потемнел.

— Я тем более. Проваливайте!

Парни вышли. Егор прислушался к звукам, долетавшим с улицы, подошел к окну, сделав жест Елизавете: палец к губам. Двое в черном стояли в палисаднике и о чем-то разговаривали, жестикулируя и поглядывая то на дом, то на подъехавшую

машину — белую «Тойоту-Короллу», потом белобрысый вытащил из кармана трубку мобильного телефона, и Егор понял, что дело принимает нежелательный оборот. Помощники Мокшина сдаваться не хотели и теперь советовались с боссом, что делать. Тот же вряд ли собирался дать отбой «операции».

— Псы! — с выражением сказал Крутов, обернулся к Лизе. — Быстро беги на огороды, оттуда к мосту через Десну, тут недалеко, должна была видеть.

— Я знаю, где это. Что ты хочешь делать?

— Преподам им урок отхода с боем. Залезь под мост и жди, пока я не подъеду и не окликну. Давай!

Елизавета несколько мгновений рассматривала ставшее решительным и строгим лицо Крутова, чмокнула его в губы и выбежала из дома в сени, а оттуда во двор, закрытый со стороны улицы высоким дощатым забором. Крутов подождал минуту, переводя организм в состояние боевого транса, рассовал по карманам кое-какие предметы домашнего обихода: вилки, ножницы, ручку, пилочку для ногтей, кухонный нож воткнул в карман рубашки на груди, бэтдаггер сунул под ремень брюк и, взяв в руки кочергу, стоявшую возле печки, вышел в сени.

Ждать долго не пришлось. Боевики Мокшина получили, очевидно, приказ босса «взять жену живой или мертвой», вызвали подкрепление в лице водителя «Тойоты» и пошли в атаку на гарнизон дома. Дверь в сени рывком отворилась, в проем шагнул спутник белобрысого Станислава и получил удар кочергой по руке. Взвыл, выронил дубинку, которая вдруг с треском выпустила голубую извилистую искру: дубинка имела электрошоковый разрядник!

Реакция Крутова сработала мгновенно.

Он подхватил дубинку и сунул ее в лоб идущему следом толстяку с такой же черной палкой. Раздался треск, изумленный вскрик, толстяк вытаращил глаза и упал за порог лицом вниз. Егор остался один на один с белобрысым телохранителем — помощником мэра, успевшим вытащить пистолет («глок-24», как сразу же определил Крутов).

Мгновение они смотрели друг на друга, прикидывая готовность каждого сражаться до конца и возможности для поединка. Крутов, очевидно, выглядел более убедительно, несмотря на отсутствие огнестрельного оружия, потому что в глазах Станислава протаяла неуверенность, рука с пистолетом, наведенным в грудь Егора, дрогнула.

— Хочешь попробовать? — дернул уголком губ Крутов. — Дерзай, мальчик. Может быть, и успеешь.

Сидевший в сенях с прижатой к животу рукой напарник

Станислава, бледный и потный, заскулил от боли, Станислав перевел взгляд на него, и Крутов молниеносным ударом ноги выбил у него пистолет.

В принципе на этом можно было бы и закончить урок, однако недоставало эффектной концовки, которая запомнилась бы мокшинским подручным надолго, и Егор закончил сольное свое выступление показательным метанием.

Он ушел влево от выпада правой руки Станислава (парень, вероятно, когда-то занимался боксом и стойку принял грамотно), перехватил руку, развернулся по часовой стрелке, заходя противнику в спину, и рывком сдернул с него пиджак таким образом, что получилась как бы смирительная рубашка. Затем другим рывком поставил парня спиной к забору справа от сеней дома, показал ему нож, чтобы он не дергался, и отошел на несколько шагов назад. Станислав и переставший баюкать руку второй молодой человек смотрели на Крутова во все глаза, не понимая, что он хочет делать. Егор прищурил левый глаз.

— Внимание, господа, демонстрирую смертельный цирковой номер. Нервных прошу из зала удалиться.

С этими словами он выгрузил из карманов весь свой боевой арсенал и в течение двух секунд расстрелял его в Станислава, пригвоздив пиджак парня к доскам забора в пяти местах — двумя вилками, ножницами и пилочкой для ногтей. Не пробила ткань пиджака только шариковая авторучка, хотя и застряла в воротнике в миллиметре от шеи. Напоследок Егор метнул бэтдаггер и срезал им прядь волос над левым ухом помертвевшего Станислава. Подошел к нему, удовлетворенно оглядел свою работу, выдернул «летучую мышь», спрятал в чехол, пошлепал белобрысого порученца Мокшина по щекам.

— Все в порядке, можешь дышать.

Закрывая калитку, он оглянулся. Очнувшийся от электроразряда толстяк — водитель «Тойоты», парень с ушибленной рукой и бледный Станислав смотрели ему вслед и молчали. Крутов помахал им рукой, собираясь сказать что-либо значительное, чтобы они передали его слова Мокшину, но в этот момент в конце улицы появилась какая-то машина, и сработавшая интуиция заставила Егора обойтись минимумом слов и жестов.

— Я сегодня добрый, — бросил он, — но не дай бог вашему боссу меня разозлить!

Вскочил в машину, врубил сцепление и за несколько секунд домчал до перекрестка. Свернул к реке и... снял ногу с педали газа. Фары мчащейся с большой скоростью машины,

за которой по улице вздувался хвост пыли, дважды мигнули. Если бы это были преследователи, кого бы они ни представляли, подавать такой сигнал они не стали бы.

Автомобиль — джип «Судзуки-Витара» цвета «серебристый металлик» — снизил скорость, достиг перекрестка, повернул и остановился в двух шагах от машины Крутова. Из него выскочил человек в светлом костюме, темной рубашке с белым галстуком и в белых туфлях, ни дать ни взять — киноактер Челентано, и Егор с удивлением узнал в нем Ираклия Федотова, магистра жуковского отделения Международного Ордена чести.

— А говорят — гора с горой не сходятся! — хладнокровно сказал Крутов, вылезая навстречу, испытывая неприятное чувство рентгеновского просвечивания. — Какими судьбами, господин магистр?

— Быстро уходи отсюда, — сказал Ираклий, подходя и пожимая руку Егора. — Забирай девушку, садись в мою машину, твою разыскивает вся милиция Брянской губернии, и рви когти куда-нибудь подальше. Ключ зажигания внутри, техпаспорт в бардачке.

— С какой стати меня разыскивает милиция?

— С подачи мэра, надо полагать.

— Быстро он сработал, полдня не прошло, как я навестил его квартиру. Что мне инкриминируется?

— Нападение на охранника с целью грабежа квартиры и похищения его жены.

Крутов присвистнул.

— Ловко! Одним ударом двух зайцев хочет убить господин мэр. Откуда ты узнал, что я здесь?

Ираклий с необидной насмешкой в глазах подтолкнул Егора к джипу.

— У Ордена чести своя разведка. Уезжай, ни пуха...

— К черту! — Крутов оглянулся назад, но из-за пыли дома Катиной мамы и «Тойоты» мокшинских посланников не увидел. — А ты?

— Обо мне не беспокойся. Отгоню твою красавицу и спрячу в гараже на время. Кстати, в Брянске тоже есть филиал Ордена; базируется в здании губернской администрации, под надежной крышей... Давай, полковник, не тяни время, даю слово ответить на все твои вопросы, но позже.

Крутов сел в кабину джипа, огляделся, знакомясь с расположением ручек и приборов, потом вылез, забрал из багажника и салона «Рено» свои вещи, снова сел за руль «Судзуки», поднял вверх кулак и включил зажигание. Последнее, что он

увидел перед тем, как пыль из-под колес скрыла задний обзор, был безошибочно точный прыжок Ираклия в кабину «Рено»: т а к о е могли выполнять только исключительно координированные и специально обученные люди.

Через пять минут Егор забрал Елизавету из-под моста, а спустя еще четверть часа выехал за город.

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА

ВОРОБЬЕВ

В шесть утра Панкрат отправил Родиона и Мишу Ларина к зоне, чтобы они понаблюдали за въездом на ее территорию, а сам остался с Каширинym на даче дожидаться прибытия из Брянска последнего члена группы «Час», Андрея Краснова, которого вызвал вчерашним вечером после разборок с омоновцами, обидевшими полковника Крутова.

Строители и охранник дачи, запертые в бане, просидели сутки смирно, не делая попыток освободиться, и были за это покормлены консервами из их же собственных запасов.

Делать было нечего, план нового похода в зону никак не складывался, и Панкрат, голый по пояс, улегся в тени забора на чьем-то матрасе и поставил рядом ведро с водой для охлаждения: уже к восьми утра температура воздуха перевалила за двадцать семь градусов, днем же и вовсе жара должна была достичь градусов тридцати пяти.

Каширин, также голый по пояс, вынужден был время от времени вылезать из тени и обходить территорию стройки: он играл роль штатного охранника дачи, Панкрат же принялся подсчитывать арсенал группы и вскоре пришел к выводу, что для проведения настоящей, хорошо подготовленной операции перехвата какой-либо банды, не говоря уже о проникновении в зону, средств у «мстителей» явно недостаточно. Не хватало пистолетов-пулеметов, светозвуковых гранат, арбалетов, метательных пластин, раций, бронежилетов, обмундирования, транспортных средств. А где все это можно было раздобыть в условиях «партизанской войны», Панкрат не знал. В Подмосковье у него была своя база, запасы которой непрерывно пополнялись после проведенных операций по уничтожению дорожных бандитов, а также после налетов на склады мафиозных структур, координаты которых сообщал Воробьеву покойный Михаил Сергеевич, в Брянской же области снабжением группы никто специально не занимался, а потрошить

местные армейские склады Панкрат не хотел. Надо было или уходить из этих мест, как советовал Михаил Сергеевич, или посылать кого-нибудь из ребят на старую базу за оружием и техникой.

Панкрат достал из груды снаряжения «пистолет», похищенный ими в зоне, повертел в руках и сунул в карман. Эту штуковину следовало показать знакомым экспертам с Лубянки, чтобы они разобрались в принципе ее действия, но до экспертов еще надо было добраться, а пока — беречь «пистолет» как зеницу ока. Да и испытать его не мешало на живом объекте. Панкрат усмехнулся про себя. Почему-то он был уверен, что объект скоро подвернется — из числа охранников проклятой зоны или бандитов на дорогах.

До десяти часов он лежал на матрасе, мучился, думал, глядя в небо и обливаясь водой из ведра, но так и не принял никакого решения. А после десяти события начали ускорять ход и на отвлеченные темы думать стало некогда, надо было приниматься за работу.

Сначала по рации позвонил Родион и сообщил, что из зоны выехал приличный отряд мотоциклистов — человек десять на восьми мотоциклах. Куда они направлялись, Родион, естественно, не знал.

Потом на сером «Ниссане Патрол» с затемненными стеклами прибыл наконец Краснов, поджарый, гибкий, смуглолицый, гладко выбритый, уверенный в себе, любитель риска и женщин, и привез известие о каком-то строительстве в жуковских лесах, которое патронировал лично мэр Брянска.

— Клево устроились, — со знанием дела сказал Краснов, оглядывая двор строящейся дачи и снимая рубашку; он был смуглым от природы и казался загорелым. — Где здесь можно помыться? Весь в пыли. Баня работает?

— Там сидят арестанты. — Панкрат вылил на себя остатки воды из ведра, подал его Андрею. — За баней скважина, можешь включить насос и искупаться. С чего ты взял, что мэр Брянска курирует строительство в здешних лесах?

Краснов трижды набрал воды и, ухая и стеная от наслаждения, вылил на себя три ведра, согнал ладонями воду с волос.

— Ух, хорошо! Без кондишна в джипе все-таки ездить не комфортно. А узнал я это от свояка, который работает экономистом в администрации мэра и видел «проект возрождения края», как он выразился. А поскольку экономист он толковый, то разглядел в проекте статьи расходов, не связанные с определенными населенными пунктами. Для меня все его

расклады — темный лес, поэтому я понял лишь одно: где-то за Николаевкой... есть тут такая деревня?

— Имеется.

— В общем, за Николаевкой, в болотах, ведется какое-то крупное строительство, но что именно строится — свояк так и не выяснил.

— Что ему помешало?

Краснов напился прямо из ведра, сел в тень березы на траву, потом лег, раскинув руки. Живое подвижное лицо его застыло.

— Его убили.

Панкрат постоял рядом, склонив голову к плечу, присел рядом с парнем.

— Когда?

— Вчера вечером. Мы договорились с ним встретиться, потом позвонил ты, я приехал к нему... стреляли из пистолета «ТТ», две пули в грудь, одна в голову.

— Много узнал?

— Получается, что так. Закончим здесь, я поеду обратно в Брянск, покопаюсь в этом деле. Я свояка недолюбливал, честно говоря, засранец он хороший, но у него остались двое детей, жена, мама...

— Странно, — сказал Панкрат с хмурой задумчивостью. — Как тесно порой сплетаются судьбы людей... Дело в том, что и в наших делах просматриваются следы деятельности господина Мокшина, мэра Брянска. Надо бы действительно заняться им вплотную. Еще раз убеждаюсь, что пора создавать «чистилище» наподобие того, что описано в романе одного современного писателя, и мочить всех подонков подряд без суда и следствия. От Крутова сведений не поступало? Ты заходил по адресу, который я тебе дал?

— Твой Крутов записки не оставил.

— А обещал. Значит, что-то случилось. Узнал, что такое ФУМБЭП?

— Это было не сложно. У меня свояк в Москве...

Панкрат невольно засмеялся.

— Похоже, у тебя свояки по всей матушке Расее разбрелись.

Краснов тоже улыбнулся.

— Всего трое. Так вот, он работает в ФАПСИ и легко выяснил, что в столице легально существует некое управление Минздрава — Федеральное управление медико-биологических и экстремальных проблем, сокращенно — ФУМБЭП.

Панкрат сорвал травинку, пожевал.

— Вот, значит, как далеко тянется ниточка...

— Ты о чем?

— Зона, где скорее всего держат наших ребят, связана каким-то образом с ФУМБЭП. Впрочем, не каким-то, а самым непосредственным: здесь экспериментируют с живым материалом! — Панкрат достал черный «пистолет». — Знаешь, что это такое?

— Какая интересная пушка. Это у нее глушитель?

— Это не пушка, а психотронный генератор! И теперь я стопроцентно уверен в том, что в зоне идут разработки и испытания его на людях... которых потом хоронят в курганах или перевозят в гробах под видом «груза 200» в другие места захоронения.

Краснов приподнялся на локтях, перевел взгляд с «пистолета» на изменившееся лицо командира и тихо свистнул.

— Это мы, выходит, влезли в самое пекло?

— Похоже, что так.

— Как же вас выпустили из зоны живыми?

— А вот на этот вопрос я и сам не могу найти ответа. Ну, отдыхай пока, я тоже прилягу в тенечке, помозгую над тем, что ты сообщил, прикину планчик на ближайшие сутки. Но чую, придется-таки нам отсюда уносить ноги.

Со стороны ворот вдруг раздался короткий свист: Каширин предупреждал о приближении людей.

Панкрат метнулся к оружию, накрыл его куском линолеума, повязал голову платком, взял в руки лопату и принялся делать цементный раствор.

— Носи в дом доски, только помедленней, лениво. Мы с тобой сейчас строители.

Краснов невозмутимо водрузил на голову грязно-белую кепочку, оставленную настоящими строителями, стащил со штабеля досок одну, распилил ее ножовкой и поволок обе части в коттедж. То же самое он сделал со второй доской и с третьей, играя свою роль с уморительной серьезностью. Во всяком случае, со стороны он ничем не отличался от типичного работника стройки.

Тревога, поднятая Кашириным, с одной стороны, была объективной, с другой — несущественной, несмотря на серьезность намерений появившейся стороны. По дачному поселку двигался «УАЗ» с синей полосой по борту и надписью «милиция», останавливался у каждой дачи, и работники милиции в количестве трех человек осматривали стройку или заводили разговор с теми, кто в это время находился на участке. Подъехали они и к базе «мстителей».

На стук в дверь Каширин с помповым ружьем на плече неспешно открыл дверь, молча уставился на представителей власти с ничего не выражающим лицом, явно не собираясь никого впускать на охраняемую территорию.

— Это дача Шанталинского? — спросил один из милиционеров, с уважением глянув на могучую фигуру «охранника».

— Ну? — буркнул Каширин.

— Вы здесь никого подозрительного не видели?

Паша почесал за ухом, зевнул.

— Когда?

— Вчера, сегодня...

Каширин задумался, морща лоб, и думал так долго, что милиционеры переглянулись, оценив умственные способности «охранника» ниже своих.

— Нет, не видел, — изрек наконец Каширин, — разве что утром вертолет пролетел над лесом, да вы вот приехали.

— А осмотреть дачу можно? У вас во дворе машина стоит.

«Охранник» опять задумался.

— Это машина бригадира. Вообще-то мне не велено никого впускать... но если вам надо... а документы посмотреть не дадите?

Один из блюстителей порядка с лейтенантскими звездочками на погонах раскрыл красную книжечку с золотым тисненым двуглавым орлом, Каширин глянул на нее, отступил в сторону.

— Проходите.

Двое милиционеров прошли за калитку, разглядывая еще не ухоженную территорию дачи, копавшихся во дворе «строителей», красновский джип и мотоцикл. Лейтенант подошел к Панкрату, кивнул.

— Здравия желаю. Вы здесь давно работаете?

— С семи утра.

— Я имею в виду вообще.

— Тогда с мая, — разогнулся Воробьев. — Заканчиваем скоро. А вы ищете кого или так, ради профилактики?

— Ищем, ищем, — рассеянно сказал милиционер, снимая фуражку и вытирая влажный лоб платком. — Машина ваша?

— Нет, бригадира. Оставил с утра, в лес подался, за грибами. Хотя в такую жару какие грибы... Да вы подождите его, он скоро придет.

— А откуда он сам? Номера-то у его танка не брянские...

— Шут его знает, нам он не докладывается. С хозяином на «ты», часто приезжает с какими-то военными шишками, но дело знает, хоть и молодой. А что случилось-то, командир?

— Ладно, мы к вам еще заедем попозже. — Лейтенант махнул рукой напарнику, рассматривающему баню. — Пошли, Сергеев.

Милиционеры убрались за калитку, «УАЗ» отъехал, в лесу снова стало тихо. «Мстители» посмотрели друг на друга, прислушиваясь к тишине.

— Это они ведь нас ищут, — сказал Каширин флегматично. — Все деревни, наверное, прочесывают.

— Весело вы тут живете, — покачал головой Краснов.

Панкрат бросил лопату: он успел сделать приличный замес цементного раствора, — вылил на голову полведра воды, отошел в тень.

— Уходить надо, — продолжал тем же тоном Каширин. — Если они вернутся и начнут искать бригадира...

— Уйдем завтра, — сказал Панкрат. — Вернутся Родион и Миша, обсудим ситуацию. Коля, съезди-ка в Фошнянскую больницу и привези полковника... если, конечно, он уже оклемался и в состоянии соображать.

Каширин молча начал одеваться.

— Я поеду с ним, — сказал Краснов. — По одному ездить в такое время опасно.

— Давай, — согласился Панкрат, подумав. — Только не на джипе. Возьмите мотоцикл, не так бросается в глаза.

Каширин завел мотоцикл, Краснов бросил в коляску ружье, сел сзади, и они уехали. Панкрат остался один, вдруг впервые в жизни испытав непривычное чувство безысходности и гнетущей подавленности. С бандитами на дорогах его команда управлялась неплохо, но бороться на равных со спецслужбой, да еще на ее территории, явно не могла.

* * *

Баркова в больнице не оказалось.

Как сказала старшая медсестра отделения, за ним приехали из области и увезли в центральную Брянскую психиатрическую клинику имени Семашко для прохождения реабилитационного курса лечения.

— Хотя он уже и у нас вышел из состояния фрустрации, — добавила пожилая медсестра. — Начал сам есть, умываться, смотреть телевизор.

— А у тех, кто за ним приехал, были какие-нибудь документы? — поинтересовался насторожившийся Каширин.

— Я не знаю, они беседовали с врачом, но, наверное же, были, как же иначе. Мы больных без документов не выписываем.

— Могу я поговорить с врачом?

— А кто вы приходитесь больному?

— Двоюродный брат.

— Пойдемте. — Старшая медсестра вывела Пашу из своего кабинета и провела в кабинет дежурного врача. — Лев Борисович, тут вот товарищ к вам, интересуется больным...

— По фамилии Барков, — сказал Каширин. — Мы привезли его два дня назад, у него была потеря памяти и...

— Я знаю, — кивнул врач; у него было породистое мясистое лицо с двумя подбородками. — Увезли его сегодня утром.

— Кто, куда? Вы с ними разговаривали?

— Само собой разумеется. Это наши коллеги из военно-полевого госпиталя Бурденко в Тросне. Показали документы, все чин-чином, сказали, что он крупный армейский начальник, чуть ли не генерал, но страдает расстройством психики и часто впадает в депрессивное состояние.

Каширин повернулся к медсестре, которая с видимым удивлением смотрела на врача.

— Лев Борисович, вы же говорили, что они из центра Семашко...

— Ничего подобного я не говорил, — с неудовольствием сказал врач. — Среди них был сотрудник ЦПБ, но в качестве консультанта. Увезли его военные медики, хотя я и возражал. Он вполне мог вылечиться и у нас.

— Ясно. Спасибо за информацию. — Каширин поспешил из кабинета и на вопрос врача: а кто вы больному, молодой человек? — не ответил. Он понял, что Баркова забрали в зону те же люди, что захватили у кургана двух членов отряда. Теперь надо было уходить из больницы как можно быстрей, потому что профессионалы зоны наверняка оставили здесь группу для перехвата тех, кто придет проведать больного.

Однако никто не препятствовал его выходу из больницы и никто не бросался к мотоциклу на стоянке, возле которого слонялся изнывающий от жары Краснов. И все же стоило им отъехать от здания больницы, как за мотоциклом сразу двинулся тупорылый новенький «бычок» с брезентовым верхом, младший брат нижегородской «Газели». Он мог перевозить не только любой груз весом до трех тонн, но и около двух десятков вооруженных людей — целый десант, а сельские дороги ему были не страшны.

Краснов все понял без слов, поэтому на ходу пересел в коляску и, как только мотоцикл выскочил за деревню и углубил-

ся в лес, достал помповик и аккуратно прострелил «бычку» правое колесо. Так и осталось неизвестным, кто сидел за рулем автомобиля — обычный сельский шоферюга или армейский ас: догнать мотоцикл ни тот, ни другой без колеса не могли.

Панкрат выслушал доклад Каширина с виду спокойно, скрестив руки на груди, потом поднял посветлевшие, буквально засветившиеся желтизной, как у кошки, глаза на подчиненных и криво улыбнулся.

— Мы проигрываем по всем направлениям. Начальство зоны держит здесь все под контролем, даже милицией командует, не говоря уже о средствах массовой информации. Майор Сватов землю будет рыть, чтобы найти нас и ликвидировать, как источник беспокойства и предполагаемой утечки информации. Тем более что мы стащили в зоне образчик продукции лаборатории.

— Я вообще удивляюсь, как вам удалось так долго держаться здесь в таких условиях, — признался Краснов. — Все как на ладони, чихнешь в одной деревне — слышно в другой, только леса и спасают, да и то до поры до времени.

— Нас здесь не ждали, — пробасил Каширин. — Эти сволочи привыкли чувствовать себя хозяевами положения и в мыслях не допускали, что кто-то может действовать так же нагло, как они.

— Теперь они очнулись.

— К чему ты клонишь?

— Хочу выяснить ваше отношение к происходящему. Что посоветуете делать? Сидеть здесь — это верная гибель группы, уйти — это значит бросить ребят.

— Зачем же бросать? — пожал плечами Краснов. — Давайте тихо исчезнем за пределы области, доберем людей, экипируемся и вернемся.

Панкрат потянул мочку уха, задумался, кивнул.

— Здравая мысль. Ты, Николай?

— По-моему, Андрей прав. Мы потеряли четверых, если считать Витьку Баркова, чуть ли не половину группы, впятером осилить зону не удастся.

Панкрат облокотился на крышу джипа, размышляя о чем-то. В кабине машины чирикнула рация. Панкрат достал трубку, поднес к уху, выслушал сообщение и повернул голову к выжидательно глядящим на него подчиненным.

— Есть возможность устроить напоследок прощальный концерт. Из зоны только что на пяти мотоциклах выехали наши приятели, причем — не в форме, а в прикидах байкеров.

— Неужели опять пошли на охоту?! — не поверил Каширин.

— Похоже. Перехватим? Как говорит китайская стратагема номер два: нападай там, где уступают, и не нападай там, где дают отпор.

Краснов и Каширин переглянулись.

— Я — за, — сказал Андрей. — Соскучился по делу.

— В конце концов, мы ничего не теряем, — согласился Каширин. — Только где и как мы их перехватим?

Панкрат достал рацию.

— Родион, догоните мотоциклистов и следуйте за ними. Мы выезжаем и будем держаться сзади. Командуй, куда нам двигаться.

— Ждите, — лаконично отозвался разведчик.

— Собираемся, — бросил Воробьев.

Они покидали оружие в кабину джипа, переоделись в пятнистые комбинезоны спецназа, выпустили из бани утомленных долгим сидением пленников и выехали с территории дачи. Джип вел Краснов, мотоцикл — Каширин, пристроившись в кильватере.

Через пять минут вышел на связь Родион:

— Они едут к Фошне...

Панкрат развернул карту Брянской области, нашел Жуковский район, ткнул пальцем в россыпь кружочков и линий.

— Мы вот здесь... проедем Николаевку, Саково и на развилке повернем налево.

— Я не ориентируюсь, будешь показывать.

— Сюда же ты доехал нормально, тут не так много дорог, по которым можно проехать на машине. Через Саково ты проезжал, вот за селом сразу и повернешь налево.

Снова зачирикала рация.

— Они свернули направо, в сторону Петуховки.

Панкрат сделал жест, и Краснов затормозил.

— Они едут к Петуховке, то есть практически нам навстречу. Дорога здесь одна, придется сворачивать в лес.

— Куда они могут направляться?

— Если не остановятся в Петуховке или в Сакове, то дальше развилка: направо дорога ведет в Николаевку, налево в Косилово. Будем ждать.

Родион позвонил через полчаса: мотоциклисты остановились, не достигнув Петуховки, потом повернули назад, миновали развилку на Фошню и устремились к Жуковке, но через несколько километров свернули в деревню Велея.

— Теперь они где-то в центре деревни, — докладывал Роди-

он, — и скорее всего развлекаются в обычном своем стиле: я слышал рев моторов и стрельбу. Их шестеро, чем вооружены — неизвестно, мы не разглядели, хотя они проехали мимо; пришлось прятаться в лесу. Что делать, командир?

— Ждите, — сказал Панкрат, — мы сейчас подъедем.

Краснов дал газ, джип помчался по разбитой асфальтовой дороге, поднимая за собой пелену пыли, которая вскоре проникла в машину и заскрипела на зубах. Каширин на мотоцикле отстал, чтобы не глотать пыль, но вряд ли чувствовал себя лучше, чем пассажиры «Ниссана Патрол».

Проехали Саково, Петуховку, а недалеко от поворота на Велею из леса наперерез джипу вырвался мотоцикл Родиона и Михаила. «Мстители» собрались у машины Воробьева.

— Плана действий у меня нет, — сказал Панкрат, — будем импровизировать. Мы с Андреем и Мишей поедем вперед, понаблюдаем, что творится в деревне. Окна у джипа темные, и нас никто не увидит. Паша и Родион ждут сигнала и по команде врываются в деревню с двух сторон. Другие варианты есть?

— Отсутствие вариантов — тоже вариант, — пробурчал хмурый Родион, — но самый худший.

— Ты можешь предложить что-нибудь поинтересней?

— Мне не хочется туда идти, — признался Родион смущенно. — Без разведки, подготовки и страховки, в ослабленном составе.

Панкрат задумался. По правде говоря, ему тоже не хотелось начинать операцию без подготовки, но и не воспользоваться шансом узнать что-нибудь о пропавших разведчиках группы он не мог.

— Кто-нибудь еще сомневается в необходимости атаки? Не неволю, можете со мной не ходить.

— Погоди, командир, — укоризненно прогудел Каширин, — не гони волну. Мы не отказываемся от перехвата, тем более что мотоциклисты — из зоны и могут знать о судьбе Эдика, Тагира и Витьки. Но Родион прав: нас мало и все предусмотреть мы просто не в состоянии.

— Что ты предлагаешь?

Каширин крякнул, почесал грудь под комбинезоном.

— Да черт его знает! Раз уж мы их догнали, не стоит давать отбой, надо доводить дело до конца. Захватим «языка» и смоемся.

Панкрат оглядел сосредоточенные лица «мстителей», подставил ладонь, получил четыре шлепка и сел в кабину джипа. Через несколько минут они были в центре села.

Байкеры действительно развлекались.

Трое из них на бешеной скорости гонялись друг за другом по узким улочкам Велеи, пугая и давя пернатую живность: кур, уток, цыплят; улицы деревни были почти сплошь покрыты травой, и пыли мотоциклы поднимали мало. Жители деревни то ли попрятались, то ли отсутствовали по причине рабочего дня, во всяком случае, никого из них видно не было, лишь кое-где в окна выглядывали любопытные лица ребятишек.

Еще двое мотоциклистов пили пиво возле продуктового магазина и швыряли пустые бутылки в кузов стоящего рядом грузовика или на площадку перед местным клубом с афишей американского боевика «Терминатор-2». Здесь же притулился к стене клуба коммерческий киоск, продавец или владелец которого, не то грузин, не то армянин, сидел на земле спиной к своему киоску, а третий байкер, буйно заросший волосами, бородатый, пузатый, громадный, в сапогах сорок пятого калибра, с покатыми плечами борца, изредка прикладывался к горлышку двухлитровой пластмассовой бутыли с фантой, лил ему на голову пенящуюся оранжевую жидкость, приходя от этого в неистовый восторг. И веяло от всей этой кретинической развлекухи таким театральным переигрыванием, что Панкрат похолодел, внезапно осознавая, что их здесь ж д у т.

— Уходим! — сквозь зубы процедил он, доставая рацию.

Краснов с удивлением глянул на командира.

— Почему?! Да мы с ними справимся в два счета! Возьмем эту парочку у магазина или бычару у киоска, никто и пикнуть не успеет, а те болваны пусть себе так и катаются.

— Родион, Паша! — позвал Панкрат.

Рация молчала.

— Родион, почему не отвечаешь? Ты где? Паша, в чем дело?!

Через несколько секунд отозвался Родион:

— Командир, тревога! Деревню окружают... — свист, скрип, ворчание, шум, сквозь который донеслись обрывки слов:— ...ловек... двен... собак... дить... дленно!..

— Уходи сам! — повысил голос Воробьев, ткнул Краснову рукой вперед, приказывая уезжать и продолжая вызывать Каширина.

Джип тронулся с места, и в тот же миг байкеры перестали валять дурака, выхватывая загодя приготовленное оружие. Это была самая настоящая засада, заранее спланированная и неплохо организованная, развернутая с одной только целью — выманить «мстителей» из их схрона. Цели этой организаторы засады добились: «мстители» клюнули на приманку.

Но и те, в свою очередь, действовали быстро, сразу принимая предлагаемые условия и не ожидая приказа командира. Ларин открыл огонь по двум мотоциклистам из пистолета практически одновременно с ними, а Краснов направил джип прямо на медведеобразного байкера у киоска, вскидывающего к плечу помповое ружье.

Выстрел — удар заряда крупнокалиберной дроби в верхний правый угол лобового стекла и в крышу — удар бампера о тело мотоциклиста — крик — грохот: мужик врезался в киоск, разламывая хрупкое строение. Краснов сдал назад и по дуге объехал площадь перед магазином, в то время как Ларин и Воробьев стреляли каждый по своей цели: Миша заставил замолчать одного из стрелков и попал в бак ближайшего мотоцикла; после взрыва замолчал автомат и его напарника. Панкрат выстрелом из помповика выбил из седла первого приближавшегося мотоциклиста, а затем прострелил колесо второго мотоцикла. Таким образом бой в центре села закончился, но решающим он не был: «мстителей» ждали за околицей деревни, перекрыв все три дороги, ведущие из Велеи к соседним селам, в лес и к Жуковке.

Краснов начал было притормаживать, поглядывая то на выползающий из леса грузовичок, то на Панкрата, но тот, налитый злой силой и яростным желанием идти до конца, сверкнул пронзительно желтыми глазами.

— Жми! Прорвемся! Родион — уходи, не жди нас! Паша, отзовись! Если ты меня слышишь...

Ларин тронул Панкрата за плечо, тот замолчал, заметив за сараем последнего двора деревни лежащий на боку мотоцикл Каширина и три фигуры рядом в пятнистой форме. Стрелять начали одновременно — и те, и другие, и если бы не мастерство Краснова, опытного водителя, «мстителям» пришлось бы туго, но Андрей резко свернул к сараю, тут же сделал крутой зигзаг и, пробив ветхий заборчик огорода, вывел «Ниссан» к парням в камуфляже.

Джип принял на себя несколько автоматных очередей. Михаила ранило в плечо, Панкрату пуля пропахала правую лопатку, но ни он, ни Ларин не промахнулись. Выскочили из джипа, вытащили из-под мотоцикла невероятно тяжелое окровавленное тело Каширина, с трудом впихнули в кабину, и Краснов погнал машину навстречу редкой цепи пятнистых фигур, выскочивших из перегородившего дорогу «бычка».

Шансов прорваться у них почти не было. Против джипа с тремя пассажирами, вооруженными пистолетами и помповым ружьем, противник на сей раз выставил восемь человек, вооруженных автоматами и гранатометом. И тут Панкрат вспомнил о захваченном в зоне психотронном генераторе и, не колеблясь, пустил его в ход. Дальнейшие события пронеслись в темпе урагана, умещаясь всего в полминуты плотного огневого контакта.

Десантники в камуфляже открыли огонь из автоматов уже с полусотни метров, не заботясь об экономии патронов. Огрызнулись в ответ и «мстители», хотя плотность их огня была на два порядка ниже, несмотря на то что и Ларин, и Воробьев стреляли по-македонски, с обеих рук. Но если эффективность стрельбы из пистолетов (у Михаила были восемнадцатизарядный «бердыш» и пятнадцатизарядный «глок-23», Панкрат предпочитал отечественный «леопард») из идущего по неровной тряской дороге джипа была невысокой, то первые же выстрелы из пистолета-генератора, которых Панкрат не слышал, но чувствовал — мышцы руки каждый раз сводила судорога, — принесли ощутимый результат: гранатометчик справа, выцеливающий машину, выронил оружие и сел в бурьян, его сосед тоже перестал стрелять, а спецназовец, пустивший очередь в лобовое стекло «Ниссана», крутанулся волчком, поливая огнем все вокруг, и накрыл двух своих сослуживцев.

И все же силы были слишком неравными.

В джип попало не меньше полусотни пуль, высадив все стекла, изрешетив дверцы и передок машины, и многие из них нашли седоков. Ларин умер мгновенно и тихо, получив пулю в голову. Краснов закричал, когда разлетелись остатки бокового стекла, изрезав ему лицо и попав в глаза, но успел обогнуть «бычок» по склону канавы и последним усилием выключил зажигание. Джип мягко уткнулся носом в стену кустарника, за которым начинался лес, и зашипел паром из пробитого бачка охлаждения.

Панкрат тронул опустившего на руль голову Андрея за плечо, испачкался в крови, секунду посидел, закусив губу, но бой еще не закончился и надо было исполнить свой долг до конца.

Сзади простучала очередь, пули забарабанили по корпусу джипа, в ответ раздалась еще одна очередь — из леса, кто-то завопил, треснул выстрел и вопль оборвался. Из леса выбежал Родион с автоматом в руках, уложил длинную очередь в поле, где мелькали фигуры уцелевших врагов, подскочил к джипу.

— Уходим, ребя!.. — продолжение фразы застыло у него на губах.

Панкрат перевалил тело Краснова на свое место, пересел за руль.

— Где Петро?
— Убит.
— Садись!

Вымазанный в грязи и зелени Родион вскочил в кабину, споткнувшись о безвольное тело Михаила, и Воробьев погнал «Ниссан» по дороге в лес, не обращая внимания на чихающий двигатель. Родион перестал смотреть на Ларина, встрепенулся, высунулся в окно и дал очередь по грузовику, целя по колесам. Сел, глядя то на Ларина, то на Краснова, потом откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

* * *

Они похоронили ребят на Фошнянском кладбище, рядом с убитым Константином. Переоделись. Джип загнали в реку и оставили. Мотор его грелся и стучал, но тянул и мог бы, наверное, продержаться до Жуковки, однако «Ниссан» был теперь слишком заметен, превратившись в решето, и рисковать передвигаться на нем даже в течение получаса не стоило. «Мстителей» наверняка искали по всему району.

Родион, почерневший и осунувшийся, не сказал Панкрату ни слова, но взгляд его, все чаще останавливающийся на лице командира, был так красноречив, что Панкрат наконец очнулся. Напившись прямо из реки, он вылез на береговой откос и остановился напротив парня, расставив ноги и засунув пальцы рук под ремень.

— Мы проиграли, лейтенант. Группа «Час» прекратила существование. Если хочешь — плюнь мне в лицо.

— За что? — с угрюмым удивлением спросил Родион.

— За то, что я пренебрег твоей и своей интуицией. Засаду можно было вычислить, если бы я не торопился. Можешь уходить, возвращаться на родину. Ты тульский?

— Из-под Тулы, городок Богородицк.

— Вот и поезжай. Деньги есть на билеты? Могу дать пару сотен.

— Не надо, обойдусь. — Родион отвел глаза, потоптался на месте. — А ты куда?

— А я еще здесь побуду, должок верну... Петро похороню, если его не забрали... потом тоже вернусь в Москву.

— Если снова надумаешь выйти на тропу войны, вспомни обо мне. — Воробьев смотрел непонимающе, и Родион добавил: — Ты же хотел создать «чистилище» или как его там... союз борьбы с мафией.

— А-а... — Панкрат улыбнулся, — да, собирался. Может, еще действительно повоюем.

Они пожали друг другу руки, потом обнялись и разошлись в разные стороны. Родион направился к дороге на Жуковку, путь Воробьева лежал в Ковали. Не попрощаться с Лидией, сестрой Крутова, он не мог.

БРЯНСК — КОВАЛИ

КРУТОВ

Первый пост ГАИ за Брянском они проехали, не останавливаясь: Егор воспользовался тем, что оба инспектора проверяли документы у водителей двух иномарок одновременно и на какое-то время отвлеклись от дороги. Второй пост за Бежицей можно было бы и объехать, но Крутов был уверен, что будут искать не джип, а машины, хотя бы отдаленно напоминающие «Рено Меган», и спокойно отреагировал на жест инспектора, подрулив к обочине дороги. Подал подошедшему гаишнику права, техпаспорт.

— Я что-то нарушил, командир?

— Проверка, — буркнул добродушного вида гаишник. — По доверенности ездите?

— Забыл, — сокрушенно развел руками Крутов. — Только вчера, понимаешь, купил и новые номера поставил, а поехал по привычке...

— Пройдемте, — повернулся спиной к Егору инспектор.

— Стоп! — негромко, но властно сказал полковник, доставая свое удостоверение. — Подойди. Читай.

Инспектор бросил взгляд на документ и невольно подтянулся, протянул Крутову права.

— Что же вы сразу?.. Все равно непорядок, товарищ полковник, в следующий раз не забывайте.

— Постараюсь, — остывая, вежливо пообещал Егор. — Не подскажешь, как мне покороче проскочить в Рославль?

— Прямо по трассе, никуда не сворачивайте.

Инспектор отошел, поднимая жезл перед очередной иномаркой.

Крутов посмотрел на сидящую сзади тихо, как мышка, Лизу, подмигнул, трогая машину с места.

— Поджилки не трясутся?

— Нет, — ответила девушка, благодарно улыбнулась, уловив заботу в голосе спутника. — С тобой мне почему-то ничего не страшно. Можно, я рядом сяду?

Крутов подумал, кивнул.

— Перебирайся.

Машина вырвалась за город, мимо побежали поля и перелески, сменились целым морем кирпичных коттеджей разного калибра, в основном двухэтажных: здесь начинались дачные поселки чиновничьей рати Брянска, мало чем отличающиеся от новостроек бандитов и коммерсантов.

— Кокшино, — кивнула на коттеджи Елизавета, — дачи депутатов областной Думы и администрации. Сколько ни писали журналисты, сколько ни разоблачали, а дачи строятся и строятся, растут как грибы. А ведь на официальную депутатскую зарплату построить такой коттедж невозможно.

— Чему ты удивляешься? Я где-то читал: раньше лица, не имеющие определенной профессии, становились фотографами, нынче же они становятся депутатами.

— Или мафиози.

— Поэтому я и не удивляюсь криминальному беспределу, царящему в стране. Власть, опирающаяся на принципы подобного отбора чиновников, всегда будет плачевно недееспособной.

— Ты говоришь, как политик перед выборами, как ярый оппозиционер.

— При нашей жизни невольно становишься политиком, — улыбнулся Егор. — Или философом. — Он подумал и добавил: — Или бандитом. Я вот все думаю, пытаюсь анализировать: кто же все-таки твой муж?

— По должности — хозяйственник, по связям — политик. — Елизавета помолчала, сморщила носик. — По способу действий — бандит...

— Хорошо формулируешь, прямо слоганами. Сразу видно работника рекламы.

— Это одобрение или порицание? — притворно нахмурилась Лиза.

— Одобрение, одобрение. — Крутов наклонился к девушке, поцеловал ее в щеку и боковым зрением заметил выезжающий на дорогу справа милицейский «Форд» с рядом мигалок на крыше. — О, дьявол!

— Что такое?! — всполошилась Елизавета.

— Посмотри назад.

Девушка оглянулась.

— Боже мой! За нами?!

— Надеюсь, что нет. Посмотрим. Пока не сигналят...

Словно услышав слова Крутова, «Форд» включил мигалки и сирену, увеличил скорость, догоняя джип.

— Пристегнись на всякий случай, — негромко сказал Егор.

Елизавета глянула на его затвердевшее, но спокойное лицо и послушно защелкнула страховочный ремень, вдруг преисполнившись уверенности в том, что все обойдется.

«Форд» обошел притормаживающий «Судзуки», остановился в десяти метрах впереди. Двое мужчин, сидевшие в нем, в голубой летней форме капитана и лейтенанта милиции, не спеша двинулись к машине Крутова, на ходу поправляя кобуры пистолетов на ремнях. Лейтенант зашел справа, со стороны пассажирского сиденья, капитан остановился у окна водителя, козырнул:

— Капитан Огурцов, дорожный патруль. Ваши документы.

— А что случилось, капитан? — миролюбиво спросил Крутов. — Неужели мы похожи на угонщиков или бандитов?

— Район объявлен на особом положении. Документы, пожалуйста.

— Кем объявлен? Губернатором области, мэром Брянска?

— Начальником УВД. — Капитан нагнулся, ища глазами Елизавету. — Вы тоже покажите свои документы.

Крутов успокаивающе положил руку на локоть шевельнувшейся было девушки, достал удостоверение офицера ФСБ, раскрыл, но в руки капитану не отдал.

— Этого достаточно?

Капитан глянул на фото, протянул руку.

— Прошу.

Егор спрятал удостоверение, правой рукой перехватил руку милиционера и особым образом нажал, заставляя того присесть. Лейтенант по другую сторону машины выхватил пистолет, направил на Крутова. Тот с улыбкой сказал в бледнеющее лицо капитана:

— Прикажи ему опустить пушку, руку сломаю.

На лбу капитана выступили капли пота. Он попытался дотянуться до своего пистолета, не смог, застонал от боли, прохрипел:

— Терещенко, спрячь оружие!..

Лейтенант перевел взгляд с лица Крутова на своего начальника, с неохотой опустил пистолет, спрятал в кобуру, отступил в сторону.

— Так-то лучше. — Крутов слегка ослабил нажим. — А теперь выкладывай, в чем дело, капитан. Ты ведь понимаешь, что с моей Конторой лучше не связываться? Мигнуть не успеешь, как вылетишь из органов за нападение на сотрудника службы безопасности.

— Отпусти... — фальцетом сказал милиционер. — У нас приказ — задерживать все иномарки и проверять документы...

— Не смеши, командир, такие задачи ставятся гаишникам, вам же называют конкретные фамилии и приметы. Кого ищете?

Лицо капитана позеленело. Кусая губы, он просипел:

— Бандита ловим, фамилия Воробьев, объявил себя «мстителем», сколотил шайку, нападает на мирных граждан.

— Я слышал обратное. — Егор наконец отпустил руку милиционера. — Что «мстители» как раз поставили цель избавить страну от дорожных бандитов и грабителей. Так что не все правда, что вам говорит начальство. Надеюсь, мою фамилию на корочках прочитал? Не Воробьев?

Капитан мотнул головой, разминая руку, приходя в себя, и по лицу его было видно, что ему очень хочется взяться за оружие.

— Не советую, — угадал его мысль Крутов. — Я здесь не один, за мной следуют мои парни, которым я по рации уже передал ваши приметы. Предсказывать вашу судьбу не надо?

Капитан выпрямился, махнул рукой лейтенанту, поковылял к своей машине, водитель которой вылез из кабины с автоматом в руках. Оглянулся, хотел что-то сказать, но передумал. Хлопнули дверцы, «Форд» круто развернулся и поехал назад, в сторону Бежицы. Егор посмотрел на Елизавету и встретил ее радостно-удивленный взгляд.

— Ну ты даешь, полковник! — пробормотала она. — С тобой не соскучишься! Если ты все время так живешь...

— Как? — Егор включил мотор, тронул джип с места.

— Беспокойно... под страхом задержания...

— Надеюсь, не все время. Просто пошла такая полоса в жизни, беспокойная, хотя я сам стремлюсь исключительно к мирной жизни.

— Что-то не вижу я этого твоего стремления. Ты как какой-то катализатор, вокруг которого начинаются странные и, что хуже, страшные события.

Крутов засмеялся, постаравшись выразить смехом беззаботность и уверенность в своих силах, хотя в душе его копились холод и мрак.

— Вот увезу тебя в Москву, и все переменится. Как говорил поэт: «И по-другому прожить обещаю...»[1]

Егор не стал декламировать четверостишие дальше, потому что там шли совсем не подходящие ко времени строки:

[1] Р. Рождественский.

И по-другому прожить
обещаю,
если вернусь...
Но ведь я
не вернусь...

До Жуковки их никто больше не останавливал и не догонял, шоссе Брянск — Рославль в обе стороны было почти пустым, однако особой радости это обстоятельство пассажирам «Судзуки» не доставило, оба пребывали в некотором расстройстве духа и разговаривали мало. Проехали пост ГАИ у поворота на Летошники, ожидая указания инспектора остановиться, и, когда его не последовало, даже повеселели.

— Неужели нас больше не тронут? — воскликнула Елизавета. — Еду и только об этом и думаю. Если бы ты знал, как мне все это надоело!

— Что именно? — сухо, с показной обидой спросил Крутов.

Девушка грустно усмехнулась.

— Слежка, погони, драки, постоянный страх... извини, что я тебе это говорю, ты не виноват, но мне от этого не легче.

— Я понимаю, — после долгой паузы проговорил Егор уже нормальным тоном. — Все это действительно неприятно и душу не греет, но, даже если бы я не появился, твой властолюбивый Мокшин все равно действовал бы так, как действовал. Твоя свобода и жизнь зависели бы от него.

— Знаю. — Лиза зябко передернула плечами. — Не представляю даже, что бы я делала без тебя... на душе так гадко...

Крутов чувствовал почти то же самое, поэтому поспешил успокоить девушку, а сам все прикидывал и прикидывал варианты своих дальнейших действий и не мог выбрать ни одного. Самым оптимальным вариантом был бы самый простой и надежный: ликвидация Мокшина, но он был недостижим.

В Жуковке джип тоже никто не остановил, а вот у Фошни его ждал милицейский наряд на «уазике» в составе трех человек: лейтенанта и двух сержантов. Лейтенант вышел на дорогу, поднял руку, и Егор сбросил скорость, подъезжая к потеющему от жары офицеру вплотную, так что тот испуганно отступил. Егор перевел дух: профессионал остался бы на месте, этот же парень оперативником явно не был и Крутова не знал.

— Что надо? — грубо сказал Егор, демонстрируя агрессивное право сильного человека, не зависимого ни от каких обстоятельств.

— Проверка документов, — промямлил милиционер, с трудом сдержавшись, чтобы не откозырять. — Объявлено особое положение...

— Я что, похож на уголовника?! — продолжал напирать Крутов, небрежно махнул перед носом лейтенанта малиновым удостоверением. — Служба безопасности, полковник Егоров. Что стряслось?

— Бандиты на дорогах, товарищ полковник, проверяем все машины. Вы там будьте осторожны.

— Спасибо за предупреждение, — уже благодушно сказал Крутов. — Продолжайте службу.

Они миновали пост, Елизавета прыснула.

— *У тебя было такое лицо... он только что не ножкой шаркнул.*

— Будет знать, как останавливать полковников! А вообще, дилетанты в любой службе — страшное дело! Из-за них чаще всего и гибнут профессионалы, хорошие люди. Ведь он так любого бандита отпустит, поверив ему на слово.

Заехали в Фошнянскую больницу, проведали Осипа и Аксинью, собиравшихся через день-два выписываться, выслушали два новых анекдота, мастерски рассказанных и показанных в лицах Осипом. Во время беседы дядя так хитро посматривал на Елизавету, что Крутов поспешил закруглиться, боясь, что Осип скажет что-нибудь невпопад, однако тот все же успел задать каверзный вопрос.

— Ты все-таки ответь, племяш, — сказал он с наивно-простодушным видом, — кто из вас с Лизкой передовик? Ты ее заохотил или она тебя словила?

Крутова бросило в жар, он осторожно посмотрел на Елизавету и перевел дух: девушка улыбалась. Негромко проговорила:

— От того, что мужчины охотятся, а женщины ловят, суть процесса не меняется... Если вам, Осип Демьянович, будет легче от того, что инициатор ловли я, то так тому и быть.

— Оно-то конечно... — почесал затылок смущенный Осип, и Крутов тайком показал ему кулак. Перехватил инициативу:

— У тебя второго ружья не припасено где-нибудь?

— А что, неужто мою тулку реквизировали?

— ОМОН забрал.

— Ах ты, ироды, супостаты, варнаки, такой мушкет унесли! — Осип понизил голос. — Загляни в погреб, за кадку с капустой.

Выйдя из больницы, Елизавета, задумчивая и рассеянная, не ответила на какой-то пустяковый вопрос Крутова, и тот проворчал себе под нос:

— Вот пень старый, нашел-таки, чем испортить настроение...

— Я на него не сержусь, — возразила Лиза, — его можно

понять: замужняя баба цепляется к неженатому мужику. Да и другие родственники твои так думают.

— Они же не знают, что ты не живешь с мужем.

— Если бы и знали, все равно смотрели бы косо. Но я же не виновата... — Глаза Елизаветы подозрительно заблестели.

Егор остановился, поцеловал ее в каждый глаз на виду у прохожих, достал платок и мягко вытер глаза.

— Главное, что думаю я. Так ведь?

Лиза улыбнулась, кивнула, забралась в машину, и Егор вырулил за околицу Фошни.

Вскоре показались Ковали.

Егор медленно проехал по «главной» улице деревни, приглядываясь к знакомому пейзажу, прислушиваясь больше не к тишине, а к своим ощущениям, ничего особенного не уловил и остановил джип у ворот дома.

— Зайдешь к своим?

— А ты как думал? Мне же собраться надо. Ты серьезно задумал уехать отсюда в столицу... вместе со мной?

Крутов медленно повернул голову к девушке, так же медленно привлек ее к себе, поцеловал в губы с властной непреклонностью, открыл ей дверь.

— Выметайся, жду через час!

И было это исполнено и сказано с такой твердостью и силой, что Елизавета засмеялась, обхватила голову Егора руками, поцеловала его сама и легко выскочила из машины.

— Слушаю и повинуюсь, мой повелитель! За тобой — хоть на край света!

Крутов проводил ее взглядом, открыл ворота. Загнал джип во двор, обошел дом кругом, внимательно присматриваясь к чужим следам, постоял на огороде, прислушиваясь к шепоту интуиции, ничего подозрительного не заметил и вернулся. Шел седьмой час вечера, когда он наконец переступил порог своего дома.

* * *

Елизавета пришла даже раньше, чем ждал Егор, задумчивая и чем-то огорченная.

— С родителями поссорилась? — догадался Крутов, отнимая у нее сумку и чемодан.

Лиза кивнула, присела на диван, одетая по-дорожному в джинсы, футболку и кроссовки.

— Отец накричал... мама никогда меня не ругала.

— За что накричал-то? Не глянулся я ему?

— Дело не в тебе, а во мне. Дура я набитая, что бросаю тако-

го богатого и всеми уважаемого человека, как Георгий. И чего мне не хватает?

— И чего тебе не хватает?

Елизавета подняла на Крутова грустные глаза, некоторое время они смотрели друг на друга, ничего больше не видя, и начали целоваться. Вполне возможно, дошло бы дело и до большего, оба непрерывно хотели друг друга, жажда эта не пропадала и приходилось сдерживаться в предощущении удовольствия и мига высшего наслаждения, что Крутову даже нравилось, но в это время в сенях стукнула дверь и блаженство улетучилось под натиском тревоги.

Вошла Лидия в сарафанчике, открывающем стройные загорелые ноги и обтягивающем высокую грудь. Посмотрела на раскрасневшуюся, застигнутую врасплох пару, попятилась к двери, смущенная не тем, что увидела и поняла, а как бы в ответ на смущение взрослых людей.

— Извините, что без стука... Егорша, у меня к тебе дело.

Крутов еще раз глянул на фигуру сестры, понимая внезапно чувства Панкрата Воробьева, «положившего глаз» на нее, и успокаивающе тронул поднявшуюся Елизавету за плечо.

— Сиди. Что за дело, сестрица? У меня тайн от Лизы нет.

Лидия покраснела, отвела глаза.

— У меня гость...

Егор потемнел, сжал зубы.

— Панкрат, что ли?

— Он просит тебя прийти, поговорить. У него беда...

Егор и Лиза переглянулись. «Этого нам только не хватало», — говорили глаза девушки. Точно так же думал и Егор, но вслух сказал:

— Зови его сюда. Я... мы уезжаем... и заберем его с собой.

— Куда? — с непонятным испугом воскликнула сестра.

— На кудыкины горы... Мы едем в Москву, он — куда захочет.

Лидия как бы погасла, сникла, постояла у порога, глядя в пол, и вышла. Егор по знаку Лизы догнал ее в сенях, успокаивающе погладил по спине.

— Ты что, Лидуха, как в воду опущенная? Все будет нормально. Неужто влюбилась?

Лида вздрогнула, сморщилась, будто собираясь заплакать, ткнулась лбом в грудь Егора, постояла так, трогательно беззащитная и робкая, отстранилась и выбежала на улицу, не сказав ни слова. Крутов молча смотрел ей вслед в полном раздрае со своими чувствами. Он понимал, что сердцу не прикажешь, что сестра слишком долго была одна, и что двоих детей воспитывать архитрудно, и что жить без любви нельзя, но и принимать вариант Лиды не хотел. Не потому, что не верил в чувства Панкрата, а потому что знал его путь, путь воина, жестокого к врагам и к самому себе.

— Может быть, я пока посижу дома со своими? — предложила Елизавета.

— Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это, — дурашливо пропел Крутов, — и за это, и за то, принеси-ка мне пальто... — Посерьезнел. — Помню, в детстве кто-то пел. Побудь здесь, не помешаешь, мы недолго. В крайнем случае я поговорю с ним на веранде.

— Как ты думаешь, она поняла? — кивнула на дверь Лиза, имея в виду сестру Егора. — Ну, что мы...

Крутов рассмеялся.

— Классически застукала. Ну и видик бы у нас был с тобой, если бы мы успели раздеться.

Елизавета порозовела, нахмурилась, потом фыркнула.

— Это я такая невезучая, вечно приходилось водить, когда мы играли в прятки, всегда со мной случалось что-то нелепое.

— Значит, наши встречи — нелепость, да? — Егор схватил слабо сопротивлявшуюся Лизу в охапку, закружил по комнате, целуя и смеясь, и в это время пришел Панкрат.

Егор остановился. Немая сцена длилась несколько секунд. Потом Крутов и Лиза посмотрели друг на друга, засмеялись, Крутов поставил девушку на пол и шагнул к гостю.

— У нас день сегодня такой, не получается побыть вдвоем, все непрошеные гости являются.

— Прошу прощения, — угрюмо, без улыбки сказал Воробьев, пожимая руку хозяина. — Поговорить надо.

— Валяй, говори. Чаю хочешь?

Панкрат покосился на отошедшую к окну Лизу, кивнул на дверь.

— Давай выйдем.

Крутов тоже посмотрел на Лизу, ответившую ему понятным жестом: иди, я посижу здесь, — и они вышли. Сели на веранде, накрытой тенью от яблонь.

— Что случилось? Почему ты здесь?

Панкрат провел ладонью по лицу, словно стирая паутину, и Егор только теперь обратил внимание на его вид: командир «мстителей» словно постарел на несколько лет, черты измученного лица его заострились, а в глазах горел угрожающе-враждебный огонек.

— Команда погибла. Осталось всего двое, я и Родион. — Панкрат заговорил отрывисто и сухо, не глядя на собеседни-

ка, и за минуту поведал историю засады и гибели группы. Замолчал.

Молчал и Егор, вдруг ощутив тревожную атмосферу вокруг этого парня, в которой он жил и работал, взяв на себя тяжкую ношу ассенизатора-чистильщика, освобождавшего землю от скверны — грабителей, бандитов и убийц.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил Крутов наконец.

Воробьев поднял на него светящиеся глаза и опустил.

— Пока не знаю. Но ребят своих не брошу... и того, что произошло, никому не прощу.

— Один в поле не воин... и тебя сейчас ищут по всей области, даже нас остановили, чтобы проверить, кто едет.

— Ты меня плохо знаешь, полковник, я выжил там, где выжить было невозможно, прорвусь и здесь. Помоги только с оружием.

Крутов качнул головой, вспоминая о ружье деда Осипа в погребе.

— У меня ничего нет, кроме ножа и дедова ружья. Может, тебе стоит на какое-то время лечь на дно, переждать шумиху, пока тут все успокоится? Да и один ты ничего не сделаешь против подразделения профессионалов, нужна спецкоманда.

— Ты со мной пойдешь?

Крутов усмехнулся.

— Не провоцируй, не пойду.

— Я понимаю, девица эта рядом... далеко собрался?

— Обратно в Москву. Согласен, нехорошие дела тут творятся, но я уже вне игры. Пусть зоной занимаются те, кому положено.

— Значит, по-твоему, пусть и дальше делают свои психотронные игрушки, превращающие людей в зомби, как Витьку Баркова?

Крутов встал.

— Это военная лаборатория, майор, и «крышу» имеет очень мощную, может быть, даже из моей бывшей Конторы.

— Ну и что? Разве это меняет суть того, что здесь происходит?

Крутов помолчал, сел, посмотрел в глаза гостя.

— Меня это не касается, майор. Я не пойду с тобой. Мне и так досталось неизвестно за что. Вот игрушку твою могу захватить с собой, чтобы посмотрели эксперты. Она у тебя с собой?

— Оставил у твоей сестры. Не надо, я и сам ее доставлю кому надо. А за прямой ответ спасибо. Но попомни мои слова: в этом деле, которого я нечаянно коснулся, не может быть людей, чья хата с краю, оно касается всех! — Панкрат поднялся. — Пойду я, отдохнуть надо. Чья это у тебя тачка во дворе?

— Магистра Ордена чести. Не поверишь: он отыскал меня в Брянске!

Панкрат остановился, поднял брови.

— Ты понимаешь, чем это пахнет? Спецслужбой!

— Он сказал, у них своя разведка.

— Естественно, своя... военная контрразведка, например, или «семерка» ГРУ.

— Зачем им заниматься мной, отставным полковником службы безопасности?

— Почему ты считаешь, что они занимаются тобой? Они занимаются своим делом, а ты путаешься у них под ногами.

Крутов задумался.

— Резонно. Твое предположение многое объясняет, хотя возникает ряд вопросов... — Он замолчал.

Где-то на огородах истошно залаяла собака. Егор встретил сверкнувший взгляд Панкрата, и его внутреннее беспокойство, возникшее с приходом гостя, обрело очертания и вес догадки.

— Уходи! — выдохнул он.

— Поздно, — отозвался Панкрат, прислушиваясь к приближавшемуся гулу.

И тотчас же возле дома с визгом затормозил знакомый «бычок», из него посыпались камуфляжные мальчики с автоматами и ворвались в калитку.

— Бегите, я прикрою! — бросил Воробьев и метнулся в сад.

Мгновением позже Крутов ворвался в дом, схватил встревоженную Елизавету за руку и потащил за собой во двор, прикидывая на ходу план отступления. Но сориентироваться и выбрать оптимальную стратегию поведения ему не дали. Во дворе уже мелькали пятнистые фигуры, и пришлось сразу, без промедления вступать в бой, принимая навязанный противником сценарий. Мысль о том, что надо было уезжать отсюда, не задерживаясь ни на минуту, либо вообще не заезжать домой, а ехать в Москву сразу из Брянска, мелькнула и ушла, оставив глубокий след сожаления и досады на самого себя: он не имел права расслабляться до такой степени.

Его встретили пять человек в камуфляже, вооруженные автоматами (суперсовременными «никоновыми» и «калашниковыми» десантного образца), способными в секунды превратить человека в дуршлаг, но, во-первых, у гостей был приказ взять хозяина живым, а во-вторых, Крутов уже не владел собой, то есть его сознанием управлял боевой транс, а не рассу-

док, и он превратился в идеальную боевую машину, не делавшую ошибок. Если бы не Елизавета, он скорее всего ушел бы, прорвался, так как эти парни не были обучены скоростному движению и не владели рукопашным боем так, как владел полковник, но судьба распорядилась иначе.

Двух парней, нарвавшихся на него первыми, Егор уложил ударами по горлу и носу в стиле барса, двигаясь быстро, гибко, легко и мощно. Отобрал у одного из них автомат, подтолкнул Елизавету к машине, надеясь, что по ней никто стрелять не станет:

— Садись! Заводи мотор!

Еще двое бросились на него с двух сторон, приготовив наручники. Егор пропустил первого над собой, сбил второго нижней подсечкой, добавив удар локтем в грудь сверху вниз, прогнулся, уворачиваясь от удара ногой в спину: парень был хорошо координирован и дрался здорово. От второго удара ногой Крутов тоже уклонился — выгибом назад, сделав мостик, тут же разогнулся, перехватил ногу противника и одним ударом снизу вверх — в пах — отправил парня в беспамятство. Прислушиваясь к шуму за домом — там прозвучала автоматная очередь, — прыгнул к последнему парню, еще не понявшему, что произошло, и достал его в подкате, стараясь не выбить оружие, а просто сбить с ног. Парень пошатнулся, инстинктивно нажимая на курок. Очередь прошла рядом с головой Егора, вонзилась в стену и окна дома, посыпались стекла. Кто-то закричал в доме, наверное, одна из пуль прошила стену и досталась бойцу подразделения. Егор рывком поднял ногу парня, бросая его на землю, добил ребром ладони по горлу... и только теперь увидел шестого противника, спокойно наблюдавшего за сражением.

Время остановилось, как стоп-кадр.

Крутов, узнавая майора Сватова, напрягаясь, уже понимая, что не успевает, подобрал автомат упавшего, но выстрелить не успел. Сватов выстрелил первым.

Егор почувствовал страшный огненно-колющий удар по голове, причем удар странный — распределенный по всей поверхности головы и одновременно полученный как бы изнутри, словно под черепом разорвалась граната! — и все поплыло перед его глазами. Последнее, что он услышал, был пронзительный крик Елизаветы:

— Егор!..

Та же участь постигла и Панкрата.

Он успел вырубить троих спецназовцев, отобрал у одного из них автомат и даже всадил очередь в ненавистный «бычок»,

за которым спрятались еще двое камуфлированных солдат, но водитель грузовика хладнокровно поднял знакомый черный пистолет без дульного отверстия и выстрелил через стекло. Сознание вылетело из Панкрата, словно шарик для гольфа после удара клюшкой.

БРЯНСК — КОВАЛИ

ФЕДОТОВ

Федотов сидел в приемной магистра Брянского отделения Ордена чести Кумока уже полтора часа, терпеливо ожидая его прибытия, когда в приемную вошел заместитель Федотова Сергей Корнеев и, слегка кивнув на дверь, тут же вышел.

— Наверное, не дождусь, — развел руками Федотов, поднимаясь с дивана, поставил на столик рядом с диваном чашку с недопитым кофе. — Яночка, скажи шефу, что я буду к вечеру, пусть дождется. Все-таки надо решить проблему с арендой нового помещения под офис, житья не дают большие жуковские начальники.

— Хорошо, Ираклий Кириллович, — сказала миловидная секретарша Кумока, не отрываясь от экрана компьютера, — непременно передам.

Федотов вышел, приблизился к стоящему у окна Корнееву, доставшему сигареты, черноволосому, широкоплечему, с умными, слегка печальными глазами.

— Ну?

— Он поехал к себе домой, в Ковали. Ребята засекли маячок примерно в том районе.

Ираклий усмехнулся.

— Не послушался меня бравый полковник, решил все-таки сделать по-своему.

— Бунтарь твой Егор Крутов.

— Это уж точно, типичный русак. Стойкость к лишениям и бунтарство у русских в крови.

— Ты разве не русский?

— На три четверти, на одну четверть я грузин. Ладно, это лирика, генацвале. Что предлагаешь делать?

— Оперировать.

Ираклий с иронией приподнял бровь.

— Ты случайно не медучилище кончал?

— Ага, по классу фортепьяно.

— Оно и видно. Говоришь ты, как всегда, правильно, но

неверно. Оперировать пока некого, я не вижу прямых доказательств, что... э-э, пациент созрел.

— Тогда предлагаю пожертвовать ферзем.

— То есть Крутовым? Тоже плохой вариант. Он еще не расшевелил всю эту свору в достаточной мере, не довел до кондиции. К тому же мне не хотелось бы рисковать его жизнью, мужик он хороший, правильный, очень сильный, крутой и жесткий, но в меру.

— Прикрыть его?

Федотов задумался, боковым зрением наблюдая за действиями трех бритоголовых юнцов, непонятно каким образом попавших в охраняемое здание губернской администрации.

— С одной стороны, уже поздно, с другой — надо бы посмотреть, чем он будет заниматься. Пошли ребят в деревню.

— Слушаюсь.

— Рефрижератор успели осмотреть?

— Только издали, через оптику, уж больно много людей крутилось вокруг него, но это безусловно фургон ФУМБЭП для перевозки живого груза.

— И мертвого тоже. Проследите, где его будут выгружать. И ждите внизу, через полчаса скорее всего поедем обратно в Жуковку.

Корнеев кивнул, закурил и двинулся по коридору к выходу на лестничную площадку, перемигнувшись с одним из телохранителей Федотова.

Ираклий же, делая вид, что смотрит в окно, еще раз внимательно оглядел скинхэдов, ведущих себя на удивление тихо и смирно, и вернулся в приемную Кумока, чтобы продиктовать письмо секретарше. Через полчаса он сел в серебристый «Судзуки», ждавший его у подъезда, и скомандовал водителю направляться в Жуковку. Следом за ним с небольшим интервалом отъехали еще три машины: две — с работниками Жуковского отделения Ордена чести, одна — с тремя бритоголовыми мальчиками.

* * *

В Жуковку Федотов приехал в начале восьмого вечера, ознакомился в офисе с документами и сообщениями, поступившими из разных городов и поселков района, вызвал заместителя.

— Судя по всему, мы все же растревожили муравейник.

— Может, не мы, а твой крутой приятель-полковник? — меланхолически возразил Корнеев.

— Он тоже приложил руку, — согласился Ираклий. — Но

валить с больной головы на здоровую последнее дело. Надо либо сворачиваться на какое-то время, либо запускать форсаж.

— Я бы предложил форсировать события, материала для инспекции больше чем достаточно. Но если действовать официальным путем, они успеют подготовиться. А главное, мы не знаем заказчиков, командиров.

— Вот тут ты, к сожалению, прав. Копнуть бы глубже...

— Спугнем.

Они посмотрели друг на друга, полковник и майор военной контрразведки ФСБ, более полугода играющие роль руководителей регионального отделения Ордена чести.

— А пойдем неофициальным путем, нам свои же начальники головы поотрывают, — высказал вслух общую мысль Корнеев. — Пообщайся с генералом, он вроде мужик опытный, подскажет что-нибудь дельное.

— В общем, дела наши, как в присказке: одна нога короче, зато другая длиннее. Как там полковник? Твои топтуны нашли его в Ковалях?

— Еще не докладывали. Будет что интересное, сообщу.

Корнеев вышел.

Ираклий задумчиво покопался в бумагах на столе, отобрал три документа, остальные письма и бумаги отправил в пасть бумагорезки и включил компьютерную систему связи e-mail. Пора было докладывать в Москву о проделанной работе.

Он уже заканчивал «беседу» — через экран компьютера, — когда в кабинет ворвался заместитель:

— Его взяли!

— Кого?! — не сразу понял Ираклий.

— Крутова!

— Когда? Как?!

— Человек пятнадцать в камуфляже, на двух машинах: газовский «бычок» и «Нива». Была слышна стрельба, но слабая, как бы для острастки, всего пара очередей. Ребята видели все через оптику, но вмешаться не успели, да и приказа не было. Пятнистая команда сработала профессионально, взяли всех троих.

— Кого еще?

— С Крутовым была девушка, соседка по имени Елизавета, кстати, жена Мокшина, и один из «мстителей».

— Кто именно?

— Сам Воробьев.

— И они дали себя захватить? Странно...

— Подробностей я не знаю, но могу уточнить.

— Погоди, собирай группу и поедем туда.

— З глузду зъихав, пан полковник? И так по нашему следу гончие шпарят, а мы еще им задницы подставим.

— Загримируемся под байкеров, поедем на четырех мотоциклах, никто сразу не разберется. Давай, майор, без возражений.

Корнеев безмолвно исчез.

Спустя сорок минут, когда уже завечерело и жара спала, в Ковалях появились мотоциклисты. Один из них занял позицию в начале «главного проспекта» деревни, второй в ее конце, еще двое подъехали к дому Крутова, напротив которого стояли замызганные «Жигули» девятой модели. У дома стояла небольшая толпа возбужденных сельчан, в основном женщин, притихшая при появлении байкеров.

Из «Жигулей» вылез, сонно потягиваясь, заросший двухдневной щетиной разведчик Корнеева в майке и спортивных штанах, подошел к мотоциклистам.

— Подразделение, бравшее полковника, было сплошь в камуфляже, — быстро доложил он Ираклию. — Так здесь ходят только охранники из секретзоны. Сосед Крутова видел, как полковника и его гостя несли на руках и грузили в машину. Похоже, что обоих либо ранили, либо убили. Грузили их без признаков жизни. Женщина кричала и плакала, рвалась к телу Крутова. Ее посадили в «Ниву» и увезли. Наше вмешательство вряд ли могло увенчаться успехом, противник был вооружен лучше. Но дрались Крутов и Воробьев великолепно, давно такого не видел.

Ираклий, игравший роль лидера байкеров, в кожаной безрукавке, в шортах, с бородой, с зеркальными очками на пол-лица, слез с мотоцикла и вразвалку подошел к группе женщин и пожилых мужчин, с опаской наблюдавших за ним.

— Шо тут за базар?

— А ты кто такой будешь? — полюбопытствовал лысоватый мужичок в пиджаке, зеленоватых брюках военного покроя и галошах на босу ногу.

— Я тут самый главный, — веско сообщил Ираклий. — Крестный отец.

— Енерал, что ль? — с ехидством ввернул сосед лысого, с клокастой седоватой шевелюрой.

— Ты, дед, не умничай, заасфальтирую. По какому случаю гуляем?

Женщины зашушукались, засуетились, начали отступать, расходиться, мужчины в нерешительности завертели головами, не зная, как отвечать мотоциклисту. В памяти еще был

жив случай с Осипом и Аксиньей, получившими ранения и травмы от таких же автогуляк. Наконец тот, что был в галошах, буркнул:

— Война тут была, нашего племянника Егоршу повязали... ни за что... Лизку вот Ромкину тоже забрали...

— Кто?

— Дак кто ж их, супостатов, знает? Военные, в маскировке. Налетели с автоматами, пулять начали, елкин лес, и... вот... Егоршу-то и взяли. — На глазах лысого мужичка навернулись слезы. — А может, и убили.

— Ты точно знаешь, что убили?

— Лизка зря убиваться не станет, втюрилась девка в него.

— Да не требеси ты, Васька, — недовольно проворчал второй мужик. — Еще ничего не известно, не за что Егора-то убивать. Я вот сейчас в милицию поеду, сообщу, пусть разбираются да Лизку мою ищут.

— Посмотреть в доме можно?

— А чего ж нельзя, смотри, — тяжело вздохнул лысый, — никого там нетути.

Ираклий медленно прошелся мимо палисадника по дорожке к дому, приглядываясь к следам недавнего боя, осмотрел дом, двор, заглянул в стоявшую во дворе машину — тот самый серебристый джип «Судзуки-Витара», который он дал Крутову в Брянске, и вернулся. Толпа сельчан уже разошлась, остался лишь седовласый Ромка, сосед Крутова и отец Елизаветы, да и тот тихонько отступал к своему дому, прислушиваясь к голосу жены, зовущей его из окна.

— Ну что? — спросил заместитель.

— Крови не видно, — сказал Ираклий. — А насколько я знаю полковника, его могли взять, только тяжело ранив или убив. То же касается и Воробьева. Оба они профессионалы-рукопашники.

— Против них действовал армейский спецназ, могли и выключить обоих, тем более что участвовали в нападении полтора десятка человек. Семенов, как их взяли?

— Мы не поняли, — сказал небритый Семенов. — Сначала упал полковник, причем мне показалось, что никто в этот момент не стрелял. Потом так же молча и резко упал Воробьев.

— Может быть, их подстрелили из арбалетов?

— Мы бы заметили.

— Ладно, уходим, — бросил Ираклий. — Заберите джип во дворе, он нам еще пригодится. И вот еще что... — Федотов замолчал, увидев подходившую к ним весьма симпатичную молодую женщину, державшую в руке полиэтиленовый пакет.

— Кто вы? — тихо спросила она, останавливаясь в двух шагах. — Вы не похожи на... бандитов. Вы друзья Панкрата?

Ираклий и Корнеев переглянулись.

— Да, — сказал Ираклий. — Вы хотите нам что-либо сообщить?

— Вот. — Женщина протянула ему пакет. — Меня зовут Лида, я сестра Егора. Панкрат оставил эту вещь у меня. Мне кажется, она вам нужней. И я вас очень прошу: найдите их! Я уверена, что они живы.

Лида покраснела под взглядами мотоциклистов, повернулась и быстро пошла, почти побежала, по улице прочь, свернула к дому в конце деревни, исчезла.

— Надеюсь, это не бомба? — пошутил Корнеев.

Ираклий развернул пакет и вынул из него тяжелый черный пистолет необычной формы с дулом, в котором отсутствовал пулевой канал.

МОСКВА — БРЯНСК

ДЖЕХАНГИР

Спать Мстислав Калинович ложился рано, обычно не позднее одиннадцати часов вечера, чтобы потом встать, как говорится, с первыми петухами. Перед сном он обязательно читал и медитировал, изредка позволяя себе погулять по астралу. В этот вечер «погулять» ему не дал поздний звонок.

Жил Мстислав Калинович один в четырехкомнатной квартире еврокласса в новом доме на Большой Ордынке, охраняемой молодцами из Российского легиона не хуже, чем апартаменты премьер-министра или президента. Женщины в этой квартире появлялись крайне редко и только тогда, когда хозяину требовалось решить какую-то сложную проблему, которую он мог доверить только лучшей половине человечества. По-мужски же он расслаблялся в женском обществе в другом месте, имея еще одну квартиру — с будуаром — на Пятницкой. Раз в неделю охрана подбирала ему молоденьких девочек для досуга в количестве трех-пяти экземпляров, и Мстислав Калинович давал волю своим инстинктам и силе, которой позавидовали бы знаменитые ловеласы прошлого и настоящего. Но знали об этой стороне его таланта очень немногие люди, буквально пять-шесть человек: охранники, прошедшие псиобработку аппаратурой «ЗГ», и старинный приятель Джехангира, Умар Гасанович Тимергалин, астролог, экстрасенс и целитель, обязанный Мстиславу Калиновичу жизнью.

Звонок прозвучал снова, напоминая пиликанье сверчка.

Джехангир накинул халат, прошел в кабинет, автоматически проверил включение криптофонной системы, реагирующей на любую попытку прослушивания, снял трубку телефона. Звонил Дубневич:

— Прошу прощения за поздний звонок, Мстислав Калинович, требуется ваша помощь. Люди Сватова взяли вашего полковника, Егора Крутова, а вместе с ним и главаря шайки «мстителей» Воробьева.

— Я же приказал не трогать Крутова, а только понаблюдать за ним.

— Сватов на мои приказы не реагирует. Еще раз прошу вас поговорить с Юрием Тарасовичем, только он может повлиять на своего зятя.

Джехангир помолчал.

— Юрий Тарасович убыл на другой объект, связь с ним проблематична.

— Вот как? — В голосе Дубневича прозвучало удивление. — Почему я узнаю об этом в последнюю очередь?

— Занимайтесь своими непосредственными обязанностями, полковник, и не задавайте риторических вопросов. Вы отвечаете за секретность «Объекта № 2», других наших объектов на территории области, вот и работайте. Нашли агента контрразведки?

— Три дня еще не истекли, — после паузы сказал, сбавив тон, Дубневич. — Разрабатываются три варианта его «крыши»: ОМОН, Орден чести и отряд «мстителей». Кстати, не исключено, что полковник Крутов тоже является контрразведчиком и...

— Как раз это исключено. Я выяснил: его действительно уволили в связи с инцидентом в Джерахе, в Ингушетии. Полковник не выполнил приказ командования свернуть операцию и уничтожил всю группу чеченских террористов.

— Понятно, — медленно проговорил Дубневич. — Анархист ваш ученик... пардон. Что мне с ним делать? Допросить? Пропустить через полигон «ЗГ»?

— Не торопитесь. Я приеду завтра, решим на месте. Как Сватову удалось взять Крутова?

Дубневич помолчал.

— С помощью «глушаков».

Джехангир отнял трубку от уха, произнес беззвучное ругательство, досчитал до десяти, укрощая гнев, и снова поднес трубку к губам.

— Кто... разрешил?!

— Не я, — угрюмо буркнул полковник. — Захват Крутова — личная инициатива майора Сватова со всеми вытекающими. Если Крутов не является агентом, то его захват наверняка послужит предупреждением настоящему агенту. Предлагаю принять превентивные меры и ударить по предполагаемым «крышам» агента.

Джехангир молчал, думал.

— Не слышу, Мстислав Калинович.

— Утро вечера мудренее, полковник, — сказал наконец командующий Российским легионом. — Ждите. Утром я с вами свяжусь. Ничего без моего приказа не предпринимать. Предупредите Сватова.

— Слушаюсь, мой генерал.

Связь прервалась. Джехангир усмехнулся в душе: в последних словах Дубневич тонко показал свое ироничное отношение к шефу, что говорило о его уме, а это качество Мстислав Калинович ценил в людях меньше всего. Он отключил криптофон, походил по комнате, принимая окончательное решение, потом снова включил защиту и велел компьютеру найти Валягина.

Председатель Реввоенсовета ужинал в ресторане «Славянская трапеза» в Барвихе и ответил не скоро:

— Что стряслось, Мстислав Калинович? Обычно в такое время ты уже спишь.

— Звонил Дубневич. Судя по всему, требуется п о л н а я зачистка «Объекта № 2», причем немедленная. Начальник охраны объекта не справляется со своими обязанностями. Мало того, он допустил использование «ЗГ» для захвата группы людей...

— Поезжай туда, — перебил генерала Валягин, — разберись лично. Нужна зачистка — дай команду ликвидаторам. По сути, «Объект № 2» свою задачу действительно выполнил, мы начинаем следующий этап Проекта, в связи с чем Юрий Тарасович и убыл к месту нового назначения. И вот что еще надо сделать, Мстислав Калинович. Надо инициировать программу «ложная цель». Пусть общественность выпустит пар, журналисты покричат и успокоятся, а народ воспримет все как выдумку литераторов. Твои эксперты уже должны были сделать анализ писательской братии и найти «агентов влияния».

— Анализ готов.

— Вот и запускай в свет «ложную цель». Спокойной ночи, генерал. Приятных тебе снов.

Валягин хохотнул и отключил связь.

Боров, подумал Джехангир, позавидовав жизнерадостности председателя РВС, умеющего расслабляться даже тогда, когда, образно выражаясь, под ногами у него земля горела. Программа «ложная цель», о которой говорил Валягин, представляла собой разработку целенаправленной дезинформации в виде литературных произведений и журналистских расследований, якобы претендующих на роль особого рода «утечек информации» о деятельности военных и специальных лабораторий, занимающихся разработкой новых видов оружия, в том числе психотронного. Отобранным экспертами РВС писателям и журналистам подавалась специальным образом препарированная информация, и они начинали писать романы и разоблачительные статьи, в основном политико-фантастического плана, «разоблачая» ученых-монстров и вояк, стремящихся подчинить психику человека и погубить цивилизацию. Эти романы и статьи убивали сразу двух зайцев: настраивали читателей на скептическое отношение к работе настоящих секретных лабораторий и успокаивали государственные службы, призванные блюсти нормы права и заботиться о контроле над подобными разработками, потому что по большому счету н и о д и н ф а к т о действительных целях разработок не попадал в поле зрения спецслужб, не говоря уже о журналистах и о широкой общественности. Информация, доступная писателям и журналистам, была искажена изначально и таким образом, что казалась — всего лишь казалась! — полуправдой, а полуправда, как известно, то же самое, что полуфантастика, то есть ложь. По сути, программа «ложная цель» была программой своеобразного зомбирования населения, успешно прокатанная в США и других странах мира. Теперь пришла очередь России.

Джехангир посмотрел на часы и вызвонил Тимергалина.

— Салют, Умар, не спишь?

— Я знал, что ты позвонишь, Мстислав. У тебя неприятности?

— С чего ты взял?

— Вижу твою ауру с дырой в куполе. И цвет ее мне не нравится. Возможно, это некорректирующее воздействие, возможно, болезнь. Остерегайся энергоинформационных контактов, пользуйся еёми, как я тебя учил.

Мстислав Калинович хмыкнул, вспоминая значение упомянутого термина. Еёми означало умение читать намерение по выражению лица противника.

— Не хочешь совершить со мной небольшое и не очень приятное путешествие?

— Куда?

— В Брянскую губернию. Только не спрашивай, зачем и куда именно.

— Я догадываюсь, в район жуковских лесов. — Голос в трубке сумел донести эмоции хозяина, и Джехангир явственно увидел перед собой темное, рябоватое, аскетически худое и выразительное лицо экстрасенса с пронзительными черными глазами ясновидца. — Когда?

— Завтра в шесть я пришлю за тобой машину.

— Хорошо, — после секундной заминки согласился Тимергалин, и трубка замолчала. Он никогда не пытался увильнуть от поручений, объяснить нежелание выполнять задания Мстислава Калиновича отсутствием свободного времени, которого у него действительно было мало, либо нездоровьем и плотным графиком работы, он всегда соглашался и никогда потом не пенял Джехангиру, что тот оторвал его от дел. В принципе это был единственный друг Мстислава Калиновича, по жизни и характеру просто отрицающего дружеские связи. Наверное, он догадывался или даже знал, чем занимается Джехангир, но ни разу не спросил об этом напрямую и не упрекнул генерала в его связях с государственно-криминальной структурой, которой, по сути, являлся Реввоенсовет, опирающийся на собственную армию —Российский легион, собственные финансовые институты типа «Омега-банка», собственные территории, системы связи, лаборатории и каналы получения секретной информации от МВД, ФСБ, ГРУ и других спецслужб. Недаром Тимергалин любил повторять, что в России существует лишь одна по-настоящему оперативная спецслужба, а именно — мафия. РВС был мафией, только более высокого уровня, чем организованная отечественная преступность.

В брянском аэропорту Джехангира и Тимергалина с их командой из десяти человек встречал лично Дубневич, понимавший, что независимо от обстоятельств большая часть вины за происходящее в регионе лежит на нем. И хотя Мстислав Калинович не кинул в его адрес ни одного упрека, полковник чувствовал раздражение и недовольство генерала, стараясь вести себя скромно и предупредительно. Он хорошо знал, чем заканчиваются инспекционные вояжи командующего Российским легионом.

Тимергалин, в свою очередь, незаметно, как умел делать только он один, наблюдал за Дубневичем и его окружением, чтобы потом наедине с Джехангиром дать ему свои умозаключения и оценки.

Из аэропорта они поехали сначала в штаб округа, потом посетили одну из баз Легиона в Унече, которой Дубневич гордился как частью с образцовой дисциплиной и подготовкой. База действительно производила неплохое впечатление. Она имела суперсовременное вооружение, стрелковое и тяжелое, новейшие вертолеты и боевые машины и могла передислоцироваться или прибыть к месту назначения в любую точку страны за считанные часы, то есть не хуже любой государственной бригады быстрого реагирования.

— Мы собираемся воевать? — поинтересовался Тимергалин у Мстислава Калиновича, когда они на короткое время остались одни.

— Пока нет, — ответил Джехангир, понимая чувства Умара Гасановича. — Но революции без крови почти не бывают. Эта сила — гарант нашего будущего успеха.

— Президент знает о существовании Легиона?

— Скоро узнает. Пусть тебя не волнуют такие пустяки, да и проблемы РВС тоже.

— Зачем ты взял меня с собой? Чтобы я, зная секреты вашей системы, уже не смог быть в стороне?

— И для этого тоже, — признался Мстислав Калинович. — Но больше для другой цели, чтобы ты проанализировал поведение и психические отклонения некоторых людей.

— Полковника Дубневича?

— Как он тебе показался?

Тимергалин усмехнулся. Одетый во все черное, не боящийся ни жары, ни духоты, ни холода, он напоминал черного колдуна, мага, какими их изображают многие современные художники, вот-вот готового превратиться в гигантскую хищную птицу.

— Полковник не простой человек. Умен, хитер, явно занимается какой-то системой поддержки здоровья, в том числе психического, обладает природной защитой... и метит в генералы.

— Ну, это я знаю, — в свою очередь, усмехнулся Джехангир. — Как говорится, плох тот солдат, а тем более полковник, который не хочет стать генералом. Меня интересует, не скрывает ли он что-либо от меня? Не ведет ли двойную игру?

Тимергалин покачал головой.

— Так глубоко я не вижу, но, судя по цвету ауры и пульсации чакр, он многоэтажен и способен на любой сюрприз.

— Спасибо, Умар, именно это я и хотел услышать. Что ж, здесь нам больше делать нечего, ясно, что база готова выполнить любой приказ... полковника Дубневича.

Позавтракав, команда Джехангира села в вертолет и в десять часов утра прибыла к «Объекту № 2» в жуковских лесах. Через минуту выяснилось, что захваченный накануне вечером в деревне Ковали полковник Крутов бежал.

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА

КРУТОВ

Он блуждал в этом странном мире без ориентиров уже целую вечность, не ощущая своего тела, не видя ничего, кроме серого тумана, в котором то протаивали черные дыры и тоннели, то вспыхивали редкие злые синие звезды. Одна из этих звезд больно уколола глаза, и с этого момента началась медленная трансформация окружающего пространства, сопровождавшаяся возвращением телесных ощущений.

Туман поредел, засветился перламутром, в нем появились и задвигались какие-то гибко-медленные пластичные тени, вдруг прорываясь к Егору и жаля его змеиными выпадами, отчего каждый раз в месте «укуса» разгорался пожар, плоть начинала тлеть, пузыриться, дымиться и таять, а боль вонзалась в глаза и в голову и на какое-то время отключала и без того мутное сознание. Затем туман рассеялся окончательно, Крутов осознал себя лежащим на твердом шершавом бетонном полу, совершенно разбитым, больным и старым. Тело казалось пластом рыхлого снега, а голова — пустым мыльным пузырем, готовым лопнуть от дуновения ветра в любой момент; голова была буквально высосана каким-то чудовищным пылесосом, и в ней ворочалась лишь одна вялая агонизирующая мысль: ты труп, парень... ты труп... Мысль изредка пробивала сферу эмоций, и тогда на голову обрушивались, как струи воды из-под душа, чувства безысходности, тоски и отчаяния.

И все же Егор нашел в себе силы задавить почти все негативные ощущения и мысли и, напрягаясь до тошноты, встал сначала на четвереньки, а потом на ноги.

— Молодец, полковник, — раздался чей-то скрипучий знакомый голос, — быстро адаптируешься к двойному раппорту.

Одна из змеевидных теней, «жаливших» Крутова, оформилась в человека с неприятным бледным морщинистым лицом, держащего шприц, и тотчас же у Егора сработал стереотип аварийного поведения, автоматически повышающий тонус и переводящий организм в состояние предбоевого подъема: он

узнал этого человека, встреченного «мстителями» Панкрата Воробьева в облике инспектора ГАИ.

— А-а... привет, инспектор, — сказал Крутов, кое-как слепив улыбку из разъезжавшихся губ. — Ты еще лейтенант? Или тебя уже повысили в звании? Что ж ты не пришел на свидание, как мы договаривались?

Стоявшие рядом с морщинистым мужчины, в одном из которых Крутов узнал майора Сватова, глянули на своего коллегу с недоумением и подозрением. Тот метнул на Егора ненавидящий взгляд, шагнул к нему и ударил в лицо прикладом автомата. Егор упал.

— Что он плел насчет договоренности? — поинтересовался Сватов.

— Понтует, сволочь, — скривился морщинистый, бросая на пол шприц. — Понимает, что ему кранты, вот и берет на понт.

— Сам сволочь, — зашевелился Крутов, сплевывая кровь. — Ты же мне все рассказал, когда мы тебя на складе за жопу взяли. И кто старший в группе байкеров — Дима Чабан, помнишь? И кто посетил деревню Ковали — Петухов, Силкин и Харчук, и кого вы хороните в курганах и чем занимается лаборатория... — Крутов не договорил, потому что морщинистый ударил его ногой, когда Егор пытался встать, и отбросил на несколько метров в сторону, к стене совершенно голого помещения, с узким горизонтальным окном, с бетонными стенами, таким же полом и потолком.

— Убью, с-сука! Ничего я ему не говорил.

— Погоди, Чабан, — остановил его Сватов, разглядывая лицо морщинистого «инспектора» с выступившими красными пятнами. — Если ты ничего не рассказывал полковнику, откуда он знает такие подробности и имена?

— Они и Силкина допрашивали...

— Которого потом убил Петух, так что проверить уже невозможно. Что у тебя еще есть в запасе для своего оправдания?

— Да ты что, Сват? Мне не веришь?! Эта падла ментовская нас пересечь хочет, а ты ему подыгрываешь?!

Сватов улыбнулся. Лицо морщинистого помертвело.

— Я не верю никому, даже тебе. Даже себе. Такие времена. Очень плохо, что этот полковник знает так много. Больше, чем я думал. Или он дурак, или...

— Сам дурак, — зашевелился Крутов, делая вид, что ему больно, что он совсем обессилел и о сопротивлении не по-

мышляет. — Если вы такие все умные, крутые, опытные, откуда же я тогда знаю, чем занимается лаборатория?

— И чем она занимается? — ласково спросил Сватов.

— Разработкой психотронных генераторов.

В помещении камеры наступила тишина. Трое тюремщиков смотрели на Крутова и молчали. Егор, кряхтя, разогнулся.

— У нас даже образец имеется. В свое время мое подразделение выковыривало одних таких деятелей из подпольной лаборатории, они занимались исследованием влияния пульсирующих электромагнитных полей на сознание человека, поля эти якобы вызывали определенные настроения и мысли... но вы явно пошли дальше.

— ...твою мать! — с изумлением сказал морщинистый. — Я точно такого не говорил!

— Где же образец? — поинтересовался майор.

— В надежном месте. Могу показать, сами не найдете.

— Да врет он!..

— Постой, Димон, не пыхти. Где ты его спрятал?

— Я же сказал, не найдете. Кстати, Дмитрий пообещал добыть еще один пистолетик...

Морщинистый прыгнул к Егору, ударил в связке рукой — ногой — рукой, метя в голову, и Крутов, тонко заблокировав выпад в голову, принял на себя остальные удары, делая вид, что отключился, падая на пол плашмя. На еще один удар ногой, который нанес ему «инспектор», когда он уже лежал на полу, Егор не отреагировал.

— Остынь, — недовольно проговорил майор, — он мне нужен живым и здоровым. Полковник Дубневич приказал не трогать.

— Да на хрен он тебе сдался вообще! Не надо было выводить его из сумеречного состояния, тогда на все вопросы он ответил бы правдиво и точно. Не видишь, что он пытается столкнуть нас лбами? Давай еще раз пропустим его через «глушак», допросим и закопаем. Переживет твой Дубневич.

— Откуда у него «глушак»?

— Значит, он тоже был в зоне вместе с группой «мстителей». И скорее всего он и есть резидент из конкурирующей конторы.

— Так грубо контрразведка не работает. Ладно, разберемся, иди займись отправкой фургона. Уйдет груз, вернешься. Мы тут пока побеседуем с полковником мирно, посмотрим на его реакцию. Может, он признается и без мордобоя.

Морщинистый бросил на лежащего без движения Крутова сверкнувший взгляд и вышел из камеры.

— Приведи его в чувство, — приказал майор своему молчаливому телохранителю.

Двухметровый гигант в пятнистой форме подошел к Егору, нагнулся, переворачивая его навзничь, и Крутов, давно готовивший атаку, ударил его в пах ногой снизу вверх. Вскочил выгибом вперед, нанося еще один удар согнувшемуся телохранителю Сватова — локтем в висок и тут же прыгнул к замешкавшемуся майору, недооценившему прыть своего противника.

О мастерах рукопашного боя недаром говорят, что из них истинно готов тот, кто кажется ни к чему не готовым, но Сватов, в принципе неплохой боец, знаток барса и азиатских стилей, давно не занимался тренингом реактивного срабатывания, привык считать себя всегда хозяином положения, стал самоуверенным, отяжелел и внутренне расслабился. От поверженного врага он не ждал ничего, кроме просьб о пощаде. Будь на его месте сам Крутов, он не оставил бы ему ни одного шанса выиграть схватку. Сватов же, уверовав в свою победу, недосягаемость и силу оружия, вместо того, чтобы встретить противника одной из систем боя, начал хвататься за пистолет и потерял драгоценные доли секунды на адекватный ответ.

Между ними было метров пять, Егор пролетел это расстояние за две десятых секунды, перехватил руку майора с пистолетом (все тот же генератор, названный в разговоре «глушаком») и от души влепил ему пятерней удар в лицо, сплющивая нос, разбивая губы. Затем, не колеблясь и не давая опомниться, применил тот же эффективный прием, что и в коротком поединке с телохранителем — удар ногой в пах, а закончил контрольным добивающим ударом ребром ладони по болевой точке над ухом. Прислушался к звукам, долетавшим сквозь дверь камеры, вооружился, прихватив «бердыш» и «глушак» майора и автомат телохранителя. Болели ребра — умеет бить, гад! — живот, грудь, голова, саднили разбитые губы, хотелось пить, а потом лечь на пол и забыться, но Егор преодолел приступ слабости и склонился над телохранителем Сватова. Потряс парня, пошлепал его по щекам, дождался, пока у того откроются глаза.

— Говорить можешь?

— У-у-у-у... — ответил здоровяк.

— Что, больно? Извини. Как говорил один поэт: так поступают только со своими. Где мужик и девчонка, которых вы захватили в деревне?

— В виварии... — сквозь зубы прошипел телохранитель.

— В каком еще виварии?!

— Мы так называем... главный корпус... туда тебе... не пройти...

— А мы сейчас где находимся?

— В отстойнике... здесь держат расходный...

— Что? Говори!

— Расходный материал...

— Людей, что ли? Подопытных кроликов? Тех, что доставляют сюда на рефрижераторах? Откуда вы их привозите?

— Из тюрем... это смертники... им все равно... не жить...

— Понятно. Вы, значит, гуманисты. Хорошо устроились, ребята. А вообще странно, что ты отвечаешь на все вопросы, неужели майор забыл тебя запрограммировать? Когда он очнется, передай ему, что я вернусь. Но не дай ему бог сделать что-нибудь с девчонкой! Да и с парнем тоже.

Крутов несильным, но точным уколом в сонную артерию усыпил телохранителя и скользнул к двери. Где-то недалеко взревывал мотор автомашины, но человеческих голосов слышно не было. Тогда он приоткрыл дверь, выглянул наружу.

Судя по цвету неба и россыпи звезд, была глубокая ночь. Слева располагался ряд бетонных строений в форме кубов с плоскими крышами; Егор понял, что находится в одном из них. Людей поблизости нигде видно не было, но справа, за какой-то деревянной постройкой, располагалась автостоянка, где тарахтел дизель, а в центре большой поляны с темной громадой здания — это и был, очевидно, «виварий», — ворчал мотором длинный рефрижератор с горящими габаритными огнями. В свете подфарников сновали какие-то люди, таскали тюки и ящики, укладывая в фургон.

Мгновение Крутов не двигался, прокачивая через обострившееся восприятие всю поступавшую информацию, и метнулся к опушке леса, подступавшего к бетонным кубам почти вплотную. Сделал круг, обходя поляну с севера, и засел в кустах недалеко от асфальтовой дороги, по которой рефрижератор должен был выезжать с места погрузки. Ни Елизавету, ни Панкрата он в данном положении вызволить не мог, но надеялся, что его побег, если он удастся, заставит «вивисекторов» отложить эксперименты над новыми «кроликами». Вернуться же Егор рассчитывал скоро и с полным боекомплектом.

Расчет на отсутствие бдительности у охраны был небезупречным, но психологически верным: пока загружался фургон, Крутов был в безопасности, пусть и относительной, охранники, в том числе и морщинистый «гаишник» Георгий, находились на своей территории, чувствовали себя спокойно и уверенно. Все решал тот запас времени, какой оставался у полковника до того момента, когда откроется тайна его отсутствия в «отстойнике». Хватит ли этого времени на перехват рефрижератора и бегство за пределы зоны? Однако другого выбора у Крутова не было, шанс прорваться к болоту или через центральный выезд за территорию зоны почти равнялся нулю.

Взревел двигатель фургона, вспыхнули нижние ратьерные фары, хорошо освещавшие дорогу, но невидимые сверху. Громадный автовагон медленно покатил по дороге к лесу. Счет пошел на секунды. Тревога началась в тот момент, когда рефрижератор проехал открытое пространство поляны и углубился в сосновый лес. В то же мгновение Крутов вспрыгнул на подножку автомобиля, рванул дверцу, одним движением вышвырнул из кабины сопровождающего и упер в бок водителя ствол пистолета:

— Гони!

Рефрижератор зарычал сильнее, набирая скорость. Расстояние в один километр от поляны с хозяйством лаборатории до ограждения он преодолел за две минуты, выскочил в редколесье перед воротами, начал тормозить. Справа и слева от него вспыхнули рубиновые лучики света, как бы оконтуривая путь, указывая «взлетно-посадочную» полосу, и тотчас же водитель бросил руль, закатил глаза и безвольно обвис на сиденье.

Выматерившись сквозь зубы, Крутов перехватил руль, чтобы останавливающийся фургон не съехал в кювет, кое-как свалил тело водителя вправо, догадываясь, что у того сработала закодированная в подсознании программа самоликвидации, и пересел на его место. До ворот в колюче-проволочном заборе оставалось всего с полсотни метров, когда включилась наконец система тревожной защиты зоны.

Слева и справа от дороги вдруг загорелись мощные прожекторы, мгновенно создавшие плотный поток света, практически ослепивший Крутова. А потом заговорили скрытые от посторонних глаз автоматические пулеметы на поворотных турелях, простреливающие дорогу и лес на многие сотни метров. По капоту, кабине, вагону забарабанил горячий свинцовый град, посыпались стекла, с мяуканьем и визгом запел рикошет.

Крутов сполз с сиденья под руль, ничего не видя, придерживая его рукой так, чтобы машина продолжала двигаться в прежнем направлении, и рукой же вдавил педаль газа, взмолившись в душе, чтобы не заглох и не взорвался двигатель.

Долгих десять секунд рефрижератор плыл в море света и огня, вздрагивая от пулевых попаданий, рыча и плюясь дымом. Потом послышался скрежещущий удар, автомобиль вздрог-

нул, приостанавливаясь, но прорвал сетку ворот и покатился в ночь, оставив позади нечто вроде извержения вулкана.

Егор взгромоздился на исклеванное пулями сиденье, включил фары дальнего света, но все равно еще ничего не видел и вел рефрижератор вслепую, в любой момент ожидая столкновения с деревом или попадания колеса в яму, интуитивно выворачивая руль в соответствии с поворотами дороги. А когда глаза начали наконец привыкать к новому освещению и реагировать на детали, его самым бесцеремонным образом остановили.

На подножку слева вдруг вскочил невидимый человек, в шею Крутову уперся ствол пистолета, раздался чей-то негромкий, но выразительный голос:

— Тормози! Выходи!

Егор схватился было за автомат на груди, но его ударили по голове, сорвали оружие, выдернули из кабины и придавили к земле на обочине дороги.

— Савин, гони фургон в Дятьков! — прозвучал сквозь рык двигателя чей-то властный голос, показавшийся Крутову знакомым. — Малько, Бажов — в арьергард! Остальные за мной!

Обладатель голоса подошел к лежащему Крутову, осветил его фонарем.

— Кто это? Спросили, что за шум поднялся в зоне? Почему он выезжал с таким музыкальным сопровождением?

— Сейчас спросим.

Егора перевернули, рывком поставили на ноги, он попытался заслониться рукой от луча света и услышал изумленное восклицание:

— Крутов?! Мать твою!.. Так это ты устроил переполох?!

— Ираклий... — пробормотал Егор, узнав наконец голос магистра Ордена чести. Ноги его подкосились, и он едва не упал, поддержанный под локоть кем-то из подчиненных Федотова.

— За ним погоня, товарищ полковник, — вынырнула сбоку темная фигура. — «Нива», «бээмпэшка» и четыре мотоцикла.

— Уходим!

Егора подтолкнули в спину, усадили в кабину джипа, и машина понеслась в темноту, не включая фар и габаритных огней, как стрела, выпущенная из арбалета. Видимо, за рулем ее сидел филин, прекрасно видящий в темноте. Вскоре она была далеко от места прорыва Крутова из зоны, свернула на проселочную дорогу. И тут Егор осознал, что очень слаб. В голове его поплыл звон, уши заложило, как при старте самолета, перед глазами завертелись цветные пятна, и на некоторое время

он нырнул в омут беспамятства. Очнулся, когда джип выруливал на окраину какого-то селения.

— Где... мы?

— Оклемался, полковник? — тронул его за плечо невидимый спутник. — Это Жуковка. Держись, сейчас я тебя посажу в ванну и приведу в чувство.

— Мне... надо... в Ковали...

— Вот как раз там тебе и не стоит появляться. Сватов в первую очередь побежит искать тебя в деревне.

— Откуда ты знаешь Сватова?

Ираклий рассмеялся.

— Я же говорил, что у нас своя разведка.

— Для магистра регионального отделения Ордена чести ты слишком много знаешь... товарищ полковник.

— Догадался? — Федотов подал руку. — Приехали, вылезай. Помочь?

Крутов с превеликим трудом выполз из машины. Перед глазами все расплывалось, мерцало и качалось, желудок стучался в рот, тянуло на рвоту, голова гудела, будто барабан. Его поддержали под руки, ввели в дом, свет больно резанул глаза.

— Падай.

Он послушно сел, почти рухнул, на топчан. Чьи-то заботливые, похоже — женские руки стали расстегивать и снимать с него одежду, обувь, погладили шрамы на груди, и тут Егор поплыл, поплыл, медленно проваливаясь в зыбкое марево без мыслей и ощущений, уже не сопротивляясь, никого не видя и ничего не пытаясь понять.

— Сомлел полковник, — раздался чей-то гулкий соболезнующий голос.

— Они его взяли с помощью генератора, — отозвался второй. — Удивительно, что он еще нашел силы сбежать... Кстати, видели, что у него было с собой?

— Генератор?! Почему не доложили сразу?

— Некогда было.

— Тащите его сюда. Ну и сукин сын, этот Крутов! Ну и везунчик!

— Ферзь!

— Несите его в ванную...

Егора подхватили сильные руки, он вяло попытался встать на ноги, не смог и смирился. Вода в ванне на миг отрезвила его, заставила вспомнить реалии бегства и что в плену остались Елизавета и Панкрат, однако шум в ушах усилился и Крутов окончательно сдался убаюкивающему, обволакивающему сознание, теплому блаженству...

МОСКВА

ВАЛЯГИН

Они встретились в ресторане «Президент-отеля» — председатель Реввоенсовета Винсент Аркадьевич Валягин и второй советник посольства США Гарри Грисберн, утром прилетевший из Штатов. Встреча была приватной, неофициальной, но хорошо подготовленной, поэтому ни журналисты, ни спецслужбы России никаких подробностей не узнали, кроме факта события: советник не числился в списках резидентов разведки Соединенных Штатов и в отслеживании не нуждался, а Валягин сам представлял одну из спецслужб, будучи экспертом Совета безопасности страны.

Грисберн, верзила баскетбольного роста в безукоризненном светлом костюме, с неизменной улыбкой, словно приклеенной к лицу, обнял Валягина длинными руками, чисто по-американски похлопал его по спине.

— Хорошо выглядишь, Винсент, почти как дипломат.

— Ты тоже выглядишь неплохо, Гарри, — ответил Валягин, — почти как президент. Что заставило тебя позвонить мне прямо из аэропорта?

— Я заказал столик для «парти», пошли, поговорим. — На русском языке Грисберн, выпускник Гарварда, говорил почти без акцента.

Ресторан имел отдельные кабинеты для особо важных персон, обставленные по последнему слову интерьерного искусства разных стилей и эпох, но американский советник предпочитал славянский стиль, точно так же, как он больше любил славянскую кухню.

Стол был уже накрыт, и вышколенная прислуга, тихая и незаметная, но мгновенно реагирующая на любой жест гостей, в течение минуты выполнила заказы на «царские кушанья»: молоки с хреном, черемшу квашеную, соленые и маринованные грибы, блинчики с икрой, лососину с маковым молочком, икряники, ксени, щучьи головы под чесноком, белужий скаб, тетерева и рябчики жареные, с луковым взваром, жареного гуся и баранину «по-императорски». Из напитков Грисберн больше всего налегал на водку, Валягин же отдавал предпочтение молдавскому коньяку.

Выпили, закусили, обменявшись традиционными пожеланиями, потом Валягин, несмотря на то что кабинет был проверен на предмет наличия в нем подслушивающих устройств, включил «глушилку» — многодиапазонный радиозвуковой

генератор шума, не позволяющий прослушивать разговоры даже с помощью лазерных сканеров, и откинулся на спинку кресла, громадный, уверенный в себе, сытый во всех отношениях, кроме отношения к власти, довольный миром и собой.

— Ну-с, господин советник, что произошло? Зачем понадобилась эта поспешная встреча?

— Это не у нас произошло, а у вас, — парировал американец. — Наши программы работают безупречно, мы ждем только ваших результатов. Но нам стало известно, что некоторые ваши объекты вышли из-под вашего контроля.

— Это какие же? — лениво поинтересовался председатель РВС.

— Например, «Объект № 2».

Валягин глотнул коньяку, зацепил вилкой кусочек лососиного балычка с лимоном, сказал с добродушным видом:

— Уважаю вашу разведку, дорогой Гарри, она, как всегда, на высоте. Действительно, в работе «Объекта № 2» наметились кое-какие негативные тенденции, но мы контролируем ситуацию. В ближайшее время туда отправится эксперт... э-э, по зачистке, так сказать, и вопрос будет закрыт.

— Это не скажется на сроках решения задачи?

— Ни в коей мере. Разработка «ЗГ» первого поколения закончена, мы можем продемонстрировать опытные образцы хоть завтра. Но ты же знаешь, это всего лишь уровень накопления технологии, отработки линий воздействия, как говорит Директор Проекта. — Валягин засмеялся. — Я не ученый, поэтому в терминах разбираюсь слабо, всю жизнь, например, путал витилиго с либидо. Так что не обессудь, если ошибусь. Однако «ЗГ» — игрушки, хотя и имеющие военно-прикладное значение, нам же пора выходить на уровень два — то есть разработку систем инициирования поведенческих реакций. Говорят, вы в этом деле уже собаку съели.

— Работаем, — уклончиво ответил Грисберн. — Будут какие-нибудь результаты, сообщим. Все зависит от того, как сработаете вы. Но у нас есть опасения, что кое-кто в Думе, крупные политики, чиновники в правительстве заинтересованы в усилении роли государства, мечтают о Великой России, об империи.

Валягин подвинул к себе грибы.

— Дорогой Гарри, этого уже не будет никогда. К власти в России рвутся политики-неудачники, прежняя партийная номенклатура второго и третьего эшелонов, вторые и третьи секретари, инструкторы райкомов и горкомов, бывшие комсо-

мольские работники, те, кто сумел приспособиться к изменению жизни, но не сумел понять, как прорваться в опричнину, поближе к телу государя. Их желания мелки, уровень низок и позволяет им лишь рвать горло на трибунах, делать они ничего не умеют. Другое дело — нынешние лидеры. Но и с ними справиться можно, причем с помощью уже существующих методов и армий.

— Российский легион?

— Вот именно. Аплодисменты вашей разведке. Подавить сопротивление одиночек легко, труднее сладить с духовно ориентированными группами, так называемыми эгрегорами, проводниками которых и являются лидеры. Вот почему мы приступили ко второму этапу Проекта — созданию искусственных эгрегорных систем, не дожидаясь завершения первого этапа. Время поджимает, Гарри. Вы ждете нас, мы ждем ваших результатов, а время уходит. И вам, и нам необходимо ускорить революционные процессы, чтобы прийти наконец к консенсусу и поделить мир. А возможность управлять им есть. Кстати, я знакомился с трудами ваших футурологов, в которых они предлагают сократить население Земли до десяти миллионов человек. Так вот, наши эксперты считают, что эта цифра завышена. На Земле должно быть одно государство с численностью населения в один миллион человек. Избранных.

Валягин, зажмурившись, пожевал щучью голову и закончил обыденным тоном:

— Плюс десять миллионов морлоков. Помните у Герберта Уэллса в «Машине времени»? Фантастику читаете? Только наши морлоки будут абсолютно управляемы.

— Декларации, — поморщился Грисберн. — Вы, русские, любите мечтать и грезить. Все ваши планы — дальняя перспектива. Вернемся к вашей действительности. У нас есть сведения, что против вашего РВС работают государственные спецслужбы. Если они выйдут на ваши разработки...

— Пока в России наблюдается «групповщина», — перебил американца Валягин, — мы неуязвимы. Лидеры каждой общественно значимой группы «национального спасения» лишь на словах ратуют за объединение и духовное возрождение родины, на самом деле объединяться они не хотят. Они талдычат об одном и том же, но каждый кричит, что прав только он! В том числе — и спецслужбы. На словах они работают на государство и под его контролем, на деле они работают на себя. Смени лидера, поставь своего человека и...

— Понятно. Что ж, вы не успокоили меня, дорогой Винс,

но кое-что объяснили. Через два дня мне надо иметь информацию для доклада Директору нашего Проекта. Надеюсь, судьба «Объекта № 2» к тому времени будет уже решена?

— Не сомневайтесь. — Валягин поднял рюмку с коньяком. — За наше здоровье, Гарри!

— За мировую революцию!

Коньяк грел пищевод, приятно туманил голову, «царские кушанья» были вкусными, жизнь впереди казалась полной побед, приобретений и удовольствий. Обед прошел в теплой и дружественной обстановке.

Провожать Грисберна Валягин не стал. Попрощавшись, еще некоторое время неторопливо ковырялся во рту зубочисткой, пил кофе и размышлял. Размышлял он и в машине по пути в канцелярию Совета безопасности, располагавшуюся в особняке князей Голицыных в Малом Знаменском переулке. По кабинету, оборудованному кондиционером, гулял приятный прохладный ветерок. Председатель РВС некоторое время походил кругами, потом сел за стол, разобрал бумаги, потягивая коньяк, почитал сообщения, присланные по электронной почте, потом дал задание компьютеру найти Директора Проекта.

Юрий Тарасович Бессараб откликнулся через двадцать с лишним минут: на экране компьютера вспыхнула алая звездочка и превратилась в пылающий иероглиф «бакухацу», кодовый знак Директора. Затем голубой лучик вывел светящуюся строку:

«Я вижу, Винсент Аркадьевич. Что случилось?»

«Приехал посредник Грисберн, — выбил на клавиатуре ответ Валягин. — Американцы обеспокоены слухами о работе против нас контрразведывательных структур».

«Это слухи?»

«Это не слухи. Джехангир занимается этим делом лично. Однако американцы не торопятся делиться с нами своими технологиями. Директор их Проекта настаивает на приостановке обмена. Может быть, вы с ним поговорите сами?»

«Мне плевать на американцев, Винсент Аркадьевич, они такие же исполнители заказа, как и мы, разговаривать надо с Заказчиком».

«А разве Заказчик... не наша сторона? Не мы?!»— отпечатал ошеломленный Валягин, которого неожиданно прошиб пот.

«Заказчик Революции — эгрегор России, дорогой Винсент, а не Реввоенсовет или какое-то физическое лицо. Мы с вами тоже лишь его исполнители. Хотя приятно, конечно, думать, что именно вы стоите на вершине пирамиды и контролируете

сознание социума. У меня нет времени вас разубеждать. Что вы еще хотели мне сообщить?»

«Объект № 2» необходимо зачистить».

«Это ваши проблемы».

«Но там работает ваш зять...»

«Завтра я заберу его к себе, он мне понадобится на новом объекте. Что еще?»

«Все».

«Тогда примите заказ: для завершения испытаний «ЗГ» мне нужны дети в возрасте от пяти до пятнадцати лет, в количестве не менее двадцати голов. Срок доставки — неделя».

Валягин хватанул коньяку, застучал по клавиатуре:

«Но если мы «зачистим» «Объект № 2»...»

«Я разверну полигон на новом объекте».

«Где я вам найду детей?»

«Пройдитесь по детским приемникам, детдомам, тюрьмам для малолетних, поищите беспризорников. Заказ должен быть выполнен к девятому августа».

«Сделаю все, что в моих силах».

«Вы же только что считали себя вершителем судеб всей страны, для которого нет ничего невозможного. Вот и докажите это, причем не только самому себе, но и мне. До свидания».

На экране снова высветился алый паук иероглифа «бакухацу», и связь с Директором Проекта прервалась.

— Яйцеголовый индюк! — вслух произнес Валягин, вытирая пот с лица. Ему вдруг показалось, что с экрана на него смотрит лицо Бессараба, узкое, длинное, сухое, с хищным носом, со щелевидным ртом и горящими глазами человека, фанатично преданного науке. Этот человек не пожалел бы для исследований расчленить любого родственника, люди для него были всего лишь «расходным материалом».

Успокоившись немного, Валягин закурил сигару и вызвал Джехангира. Командующий Российским легионом уже должен был знать ситуацию в Брянске.

БРЯНСК — ЖУКОВКА

ДУБНЕВИЧ

Джехангир не сказал ему ни слова в связи с побегом Крутова, пребывая в каком-то задумчиво-рассеянном состоянии, но Дубневич был в ярости и едва не сорвался при встрече с майором Сватовым, не посчитавшим нужным даже объяснить, как все произошло. Через час все стало известно, хотя настроение Игоря Эдуардовича от этого не улучшилось. Он понимал, как выглядят в глазах командующего Легионом происходящие на «Объекте № 2» события, а особенно — какую роль в этом неприглядном инциденте играет он сам, и принял немедленные жесткие меры, способные, по его мнению, исправить положение.

Джехангир, как и его молчаливый спутник-экстрасенс, ни о чем полковника не спрашивал, советов и рекомендаций не давал, свое мнение о случившемся не высказывал, однако было видно, что он уже принял какое-то решение и только чего-то ждет. Чего именно — не знал никто. Дубневич тоже, хотя догадывался: Мстислав Калинович ждет вестей от своих резидентов, о работе которых в Брянской губернии ходили легенды, но в лицо также не знал никто, в том числе агентура Дубневича.

Побеседовав с охранниками Сватова — лично с майором Игорь Эдуардович разговаривать не стал, — с начальником полигона и его помощниками, Дубневич посетил один из отстойников, где содержался плененный Сватовым командир дорожных «мстителей», и, попросив привести его в чувство, допросил. После этого, приказав заместителю Сватова не трогать Воробьева и захваченную в деревне девушку, разыскал Джехангира на краю зоны, созерцающего вместе со своим мрачным спутником мшистое болото.

— Меня ждут неотложные дела, — сказал он, глядя в спину Мстислава Калиновича. — Обещаю к вечеру доложить о поимке беглеца и разрешении конфликта. Разрешите убыть в Брянск?

— Поезжайте, полковник, — сказал Джехангир, не оборачиваясь. — Может быть, вы еще успеете спасти положение. Одна просьба: полковник Крутов нужен мне живым.

Дубневич крутанул желваки на щеках, сдерживаясь.

— Он будет доставлен сюда живым.

— Вы анализировали, полковник, почему на территорию секретной части, охраняемую двумя поясами электронной и электрической защиты, лазерными и фотоэлементными трассами, датчиками полей и частиц, людьми, наконец, свободно проникают посторонние лица или бегут пленники?

Полковник помолчал.

— Охраной объекта заведует майор...

— Полно, Игорь Эдуардович, я вас не обвиняю ни в чем. Но если бы вы проанализировали, то пришли бы к интересному умозаключению: происходит целенаправленная подготов-

ка к взрывной утечке информации. Как вы думаете, кому это выгодно?

— Не знаю, — пробурчал шокированный Дубневич.

— Одна китайская стратагема[1] утверждает, что с врагом все ясно, а насчет друга нет уверенности. Проверьте весь персонал лаборатории, всех охранников снизу доверху и к утру представьте свои выводы.

— Слушаюсь. — Сбитый с толку Дубневич потоптался на месте, не решаясь отойти. — Вы летите с нами?

— Нет, я побуду здесь. Природа, лес, воздух — не каждый день увидишь и почувствуешь такую красоту, знаете ли. Берите вертолет, полковник, решайте свои проблемы. Вечером свяжемся.

Дубневич отдал честь, хотя на него никто не смотрел, повернулся и, темный от прилившей крови и злости, зашагал к ожидавшим его в отдалении телохранителям. Через час он был в Брянске.

Агентурная сеть службы безопасности Российского легиона в Брянской области насчитывала без малого две сотни человек. Люди Дубневича работали практически во всех правоохранительных и властных структурах, на предприятиях связи, транспорта, теле- и радиовещания, в редакциях газет и журналов, в штабах воинских частей и соединений, на заводах и фабриках оборонного значения, в коммерческих и финансовых кругах. Поскольку побег бывшего полковника ФСБ Егора Крутова был чреват непредсказуемыми последствиями, Дубневич напряг всю эту огромную сеть, не без основания полагая, что все попытки Крутова вырваться за границы губернии будут пресечены. Но так как стопроцентной уверенности в успехе перехвата беглеца у Игоря Эдуардовича не было, он решил на всякий случай подсластить пилюлю в случае неудачи и задействовал план «Шпион», предусматривающий задержание лиц, подозреваемых в разведывательной деятельности против Реввоенсовета.

На данный момент у Дубневича были три группы подозреваемых, попавших в поле зрения контрразведчиков Легиона: дорожные «мстители», брянский Клуб ветеранов войны в Афганистане и Чечне и растущие, как грибы, филиалы Международного Ордена чести, один из которых обосновался в Жуковке, то есть в непосредственной близости от «Объекта № 2». С захватом командира «мстителей» эту группу подозреваемых можно было отбросить, озабоченные местью бандитам люди действительно попали в переплет не по своей воле. Остальные же «общественные организации» следовало проверить на местах. К тому же у Игоря Эдуардовича уже были на руках козыри: московская агентура Легиона засекла чиновников МВД и ФСБ, заинтересовавшихся деятельностью ФУМБЭП. Через этих лиц можно было выйти и на исполнителей. Дубневич в связи с этим ждал только звонка из столицы.

В семь часов вечера звонок раздался, но не тот, какого ждал полковник: звонил начальник отдела кадров РВС Трипольский.

— Примите заказ, полковник, — сказал он безапелляционным тоном. — Директору для испытаний «ЗГ» нужны дети в возрасте от пяти до пятнадцати лет. Мы наскребли по регионам два десятка, найдите хотя бы еще столько же. Срок исполнения — неделя.

Не выслушав ответа, Трипольский положил трубку.

Дубневич посидел за рабочим столом в своем кабинете, оглушенный свалившейся на него заботой, — угрызений совести или каких-то моральных сомнений он не испытывал, проверка работоспособности пси-генераторов на «расходном материале» давно превратилась для него в рутинное мероприятие, — и вызвал Мокшина.

Мэр Брянска словно ждал этого момента, откликнулся сразу же и через полчаса подъехал к штабу округа, где его знали и пропуска не требовали. В кабинете полковника он появился мрачный и целеустремленный, как боксер перед боем.

— Мог бы и не утруждать себя визитом, — встретил его Дубневич посреди кабинета, пожимая протянутую руку. — Что это ты напряженный, как бык на корриде?

— Отпустите Лизу, — сказал Мокшин, не отвечая на шутку. — Ваши люди захватили в деревне мою жену. Отдайте ее мне.

Лицо Дубневича затвердело.

— Сядь. — Он указал на стул, обошел стол, сел в свое кресло. — И успокойся. С чего ты взял, что мои люди захватили твою жену?

Мокшин слегка расслабился, в глазах его вспыхнул насмешливо-злобный огонек.

— Сорока на хвосте принесла... У меня тоже есть агенты в некоторых ваших структурах. С гребаным полковником, увезшим Лизу, разбирайтесь сколько вашей душе угодно, а Елиза-

[1] Стратагема № 3.

вету верните, она влипла в наши разборки случайно, из-за этого прыткого... — Мокшин хотел выругаться, но сдержался.

— Крутов сбежал, — спокойно сказал Дубневич, наблюдая за реакцией мэра, на лице которого отразилось сначала удивление, потом недоверие и озабоченность.

— Сбежал?! Один? Вы его упустили?!

— Не я конкретно — Сватов. Еще будем разбираться, как это случилось.

— Человек бежит с территории секретной части!..

— Так получилось, — нахмурился Игорь Эдуардович. — Это хороший урок нам всем. Теперь надо его ловить. Раз у тебя есть свой круг помощников и шпионов, подключайся. Но вообще-то я звонил тебе по другому поводу. Директору понадобились дети.

— Какие дети? Зачем?

— Для доводки «ЗГ». Возраст — от пяти до пятнадцати лет. Есть какие-нибудь соображения?

Мокшин с усилием заставил себя думать о теме разговора.

— Черт!.. Где его теперь искать?.. Дети? Ну, с двенадцати-пятнадцатилетними проблем особых не будет, отловим беспризорников... послушай, Игорь Эдуардович, я тебе гарантирую: все, что Лизка узнала, — умрет у меня дома. Я ее запру и никуда не выпущу. Отдай ее мне.

— Не могу, — покачал головой Дубневич. — Там теперь распоряжается другой начальник.

— Кто? Юрий Тарасович?

— Сам командующий Легионом. Если хочешь, связывайся с ним и проси. Только вряд ли он захочет рискнуть. Твоя жена видела столько, что оставлять ее на свободе опасно.

— Мне что, не доверяют?

— Если бы не доверяли, разговаривали бы иначе. Командующий час назад поведал мне китайскую стратагему, смысл которой сводится к тому, что с врагом всегда все ясно, а в друзьях уверенности нет. Понимаешь, о чем речь?

Губы Мокшина раздвинулись в ехидной усмешке.

— Значит, и тебе не доверяют, полковник? Хорошо же ты себя зарекомендовал. Но я-то перед ним не обязан ходить на задних лапках. Поеду и потребую...

Дубневич побагровел.

— Заткнись, мальчишка! Это мы тебя сделали мэром, а не избиратели, так что, если нужно, будешь и на задних лапках прыгать. Поймаешь Крутова, может, тебе и разрешат забрать жену... хотя совершенно непонятно, почему ты так за нее цепляешься. Баб вокруг мало?

Мокшин набычился, хотел сказать: таких больше нет, — но передумал. Дубневич, прищурясь, ждал ответа, не дождался и сказал уже тоном ниже:

— Иди работай, ищи полковника, подбери детей Директору, докажи свою полезность. В Жуковке в ближайшие два-три дня не появляйся, возможны разборки.

— Как же я буду искать Крутова?

— Натрави своих псов, начальник УВД под тобой ходит.

Мокшин посидел, сгорбившись, глядя в пол, размышляя о чем-то, поднял на хозяина кабинета угрюмый и упрямый взгляд.

— И все же я позвоню Юрию Тарасовичу, объясню...

— Твое право, ты обеспечиваешь его стройку, он к тебе расположен. Но вряд ли он пожалеет твою бывшую жену.

— Мы не разведены. — Мэр встал, расправляя плечи, приобретая прежний внушительный вид, и, не прощаясь с полковником, вышел. Дубневич задумчиво посмотрел на закрывшуюся дверь, вызвал адъютанта и приказал подать ужин.

Через полчаса, когда он в одиночестве уже заканчивал трапезу, позвонил майор Гоглидзе, командир особого подразделения внутренней разведки Легиона:

— Мои парни засекли джип «Судзуки-Витара», на котором Крутов и женщина приехали в деревню Ковали. Теперь он стоит в Жуковке. Водитель — работник местного отделения Ордена чести.

— Где сам магистр Ордена?

— Был на рабочем месте. Но ходить за ним рискованно, если он тот, за кого мы его принимаем, то есть профессионал, он сразу учует слежку.

— Выяснили, где он живет?

— У него две квартиры, вернее, двухкомнатная квартира в новой девятиэтажке недалеко от рынка и собственный дом на окраине Жуковки, прямо возле соснового леса, на улице Воропаева.

— Заблокируйте оба объекта, но ничего без меня не предпринимайте, я через час прилечу. Сколько у тебя людей?

— Шестеро, но... — Гоглидзе замялся, — они же не оперативники, наблюдатели и охотники.

— Хорошо, я возьму свой СОБР.

Дубневич бросил трубку, но снова поднял и вызвал командира своей личной охраны:

— Отряд в ружье! Через двадцать минут встретишь на аэродроме, готовь вертолет.

Еще через сорок минут всепогодный «Ка-60» выгрузил

Дубневича с десантом легионеров численностью в десять человек на окраине Жуковки, во дворе лесопилки, где их уже ждали «топтуны» Гоглидзе.

Наблюдателями оказались совсем юные с виду бритоголовые мальчишки, играющие роль скинхэдов, новоявленных последователей хиппи и пофигистов, любителей полной свободы самовыражения. Где их откопал майор, каким образом обучил азам и секретам слежки, было неизвестно, однако держались они хорошо, вышколенно, а докладывали о положении объектов со знанием дела, так что Дубневич остался доволен.

— Магистр Ордена Федотов в настоящий момент находится в своем офисе, — сказал баском старший из бритоголовых агентов, с красной повязкой через лоб. — С ним пять человек охраны. В его квартире на улице Мальцева живет пожилая женщина, квартира не охраняется. А вот к дому на Воропаева мы подходов не нашли, там все улицы и переулки перекрыты людьми Федотова.

— Почему вы уверены, что это люди Федотова?

— Потому что некоторые из них появлялись возле офиса.

— Сколько тебе лет? — усмехнулся Дубневич.

— Двадцать, — усмехнулся в ответ бритоголовый «топтун».

Брови полковника прыгнули вверх.

— А выглядишь на пятнадцать... Молодец, умеешь маскироваться. Приятелям тоже по двадцать?

— По восемнадцать.

— Что ж, неплохо выглядите, никогда бы не подумал, что вы работники «наружки». За хорошую работу будете поощрены.

— Служим Российскому легиону! — не моргнув глазом, ответил скинхэд и, бросив два пальца к виску, отошел к своим напарникам, стоявшим у грязной запыленной «девятки».

— Боюсь, мы засветились, — понизил голос Дубневич, глядя на них. — Достаточно увидеть их один раз, чтобы запомнить. Если Федотов агент Конторы, он их уже вычислил.

— Думаю, они все-таки работают со сменой, — безразличным тоном отозвался крупнотелый Шевчук, командир оперативной группы быстрого реагирования. — Гоглидзе дилетантов в своей епархии не держит.

— Если проколемся с операцией, я его уволю к чертовой матери! Ну, что, поехали? Где будем брать Федотова?

— Если он еще в офисе — лучше всего там, из дома у него наверняка приготовлены пути отхода, в том числе подземные.

Дубневич думал недолго.

— Командуй, объясняй своим бойцам задачу.

— На месте. Им достаточно двух слов.

Стемнело, когда они на двух машинах подъехали к парку со стороны жуковской пожарки. Дом культуры, на втором этаже которого располагался офис Ордена чести, стоял с другой стороны парка, напротив его центрального входа. Бойцы Шевчука в камуфляже один за другим вылезли из машин и растаяли в темноте. Дубневич остался ждать сигнала готовности с личными телохранителями, лица которых не выражали никаких эмоций. Оба парня, в прошлом профессионалы знаменитой «Альфы», недавно были закодированы с помощью «ЗГ» и людьми быть перестали. Теперь они представляли собой живых роботов, готовых умереть по первому слову хозяина.

Рация в ухе полковника заговорила через четверть часа:

— Мы готовы. Все тихо.

— Иду.

Дубневич махнул рукой своим телохранителям и первым вылез из машины. До штурма оставалось несколько минут, сам же штурм, по расчетам полковника, не мог продлиться больше десятка минут, и он рассчитывал еще до десяти вечера позвонить Джехангиру и доложить о захвате агента контрразведки.

ЖУКОВКА

ФЕДОТОВ

Голова гудела от обилия сообщений, цифр, таблиц и символов, но Ираклий все же заставил себя довести анализ обстановки до конца и снова подсел к компьютеру, поблагодарив заместителя за чашку кофе. Вывел на экран список лиц, имеющих хоть какое-то отношение к секретной лаборатории в жуковских лесах, и откинулся на спинку стула, разглядывая фамилии. Первой в этом списке стояла фамилия мэра Брянска Георгия Мокшина.

— Все его связи нам недоступны, — сказал Корнеев, пристроившись за спиной Ираклия. — Но и так ясно, что он осуществляет тыловое обеспечение секретных баз. Для того и поставлен наверху. А вся его коммерческая деятельность и строительные программы — всего лишь прикрытие, дающее определенную свободу действий.

— У прокуратуры на него ничего нет, а между тем он напрямую связан с криминальным миром Брянска.

— Значит, прокурор области тоже в его команде, только и всего. Если уж он всю губернскую милицию купил и подкар-

мливает постоянно, то должен быть последовательным. Далеко пойдет парень, если не остановят. Судя по замашкам, он явно хочет играть более важную роль в дележе будущего пирога власти.

Ираклий подвел курсор к фамилии Дубневич и нажал ввод. Компьютер послушно развернул досье на заместителя начальника штаба округа. Некоторое время президент Ордена чести и его зам рассматривали волевое тяжелое лицо полковника и читали его послужной список, потом Корнеев пробормотал:

— Выдающаяся личность... с замашками министра. Курирует все военные объекты на территории области, в том числе секретные.

— Вы проверили, что за база расположена в Унече, куда он летал сегодня днем?

— С виду — обычная воинская мотострелковая часть, но вот охраняется она по высшему разряду, с применением новейших технических средств. Но самое интересное в другом: все военнослужащие носят необычные береты — зеленые, с двуглавым серебряным орлом и буквами РЛ.

— Российский легион?

— Очевидно. И зона в лесу за Ковалями тоже принадлежит Легиону, охраняют ее те же мальчики в камуфляже с такими же беретами. Ты давал запрос в контору по Дубневичу?

— Дважды, шеф как воды в рот набрал. Попробую еще раз.

Ираклий вывел на экран аббревиатуру ФУМБЭП, под ней появился список деятелей управления, посещавших Брянскую губернию. Среди фамилий известных медицинских светил стояли две фамилии, не обремененные особенными заслугами и степенями: генерал-майор юстиции Мстислав Калинович Джехангир и Умар Гасанович Тимергалин. Но если на Тимергалина кое-какие данные имелись: экстрасенс, целитель, врач-психиатр одной из московских клиник, — то о Джехангире было известно лишь то, что он в прошлом — известный тренер по айкидо и карате. Чем он занимается в настоящее время, где получил юридическое образование и какое отношение имеет к ФУМБЭП, Ираклий не знал. Его запросы в информбюро военной контрразведки относительно личности Джехангира остались без ответа.

— Как там наш гость? — отвлекся от экрана магистр Ордена.

— Спит, — усмехнулся Корнеев. — По его просьбе мы съездили к его дяде Ивану и привезли ему флакон какого-то зелья, которое он назвал ерофеичем. Знаешь, я такого еще не видел: он сделал глоток и буквально возродился, ожил, засветился,

ощутил прилив сил. Сам встал, умылся, поел... и снова отрубился, но уже как совершенно здоровый человек.

— Что еще за «ерофеич»? Самогон, спиртовая настойка на травах, отвар?

— Не знаю, не пробовал.

— А зря, надо было попросить и испытать. Ладно, пусть спит, рано утром мы его вывезем отсюда.

У Корнеева запищала в ухе рация. Он выслушал сообщение, нахмурился, спросил:

— Где они сейчас? — Получил ответ, повернулся к Ираклию. — Ребята засекли встречу скинхэдов с некими неизвестными, прилетевшими на «вертушке». Близко подойти им не удалось, но судя по камуфляжу «вертушки» — новейший «Ка-шестидесятый» — это какие-то военспецы.

— Когда произошла встреча?

— Час назад на территории лесопилки.

— Почему же твои орлы не сообщили сразу?

— Пытались подобраться к прилетевшим на дистанцию прослушивания.

— Значит, бритоголовые...

— Я тебе давно говорил, что их надо брать. Слишком часто их видели возле ДК и на Воропаева.

— Нас тут же вычислили бы.

— Нас и так вычислили... — Корнеев не договорил. Вспыхнул экран стоящего на отдельном столике монитора связи, на руководителей Ордена глянуло лицо начальника охраны Брайдера:

— ДК окружают какие-то люди в камуфляже.

Федотов и Корнеев переглянулись.

— Сколько их?

— Человек десять-двенадцать. По повадкам — армейский спецназ. Что будем делать?

— Нас шестеро, отобьемся. — Корнеев бросился к двери, но был остановлен Ираклием.

— Не гони лошадей, майор. Начнем пробиваться, сразу дадим повод обвинить нас в сопротивлении властям. Пусть начинают свою операцию. Мы их впустим без сопротивления. Ни на одну грубость не отвечать. — Федотов улыбнулся, видя растерянность на лице заместителя. — Как только мы усыпим их бдительность, я дам сигнал, но прежде следует убедиться в серьезности обвинений. Проинструктируйте охранников. Все ясно?

— Так точно, — ответил Брайдер; монитор погас.

— Предупреди на всякий пожарный Крутова, — продолжал Ираклий. — Пусть подготовится к маневру.

Корнеев кивнул, помедлил и вышел, все еще сомневаясь в правильности принятого решения. Федотов включил программу, стирающую все оперативные файлы в памяти компьютера, — никаких бумажных документов, по которым можно было бы вычислить род его настоящей деятельности, он не держал, — и вызвал Москву по каналу спутниковой связи. Начальник военной контрразведки генерал Мячин отозвался через две минуты:

— Первый у аппарата. Кто говорит?

— «Брянский волк».

— А, Федотов? Почему по прямому?

— Офис окружен, Евгений Михайлович, нет времени на раскрутку имейловых прибамбасов. Скорее всего нас вычислили, причем не без помощи коллег.

— Что ты имеешь в виду?

— Я давал запросы на поиск информации по Дубневичу и Мокшину, а вместо ответов получил слежку. Это как понимать?

Генерал помолчал.

— Сворачивай операцию в районе, Ираклий Кириллович. Тебе все равно завтра сообщили бы, но коль уж ты сам дозвонился... короче, мы получили разъяснение сверху... ну, ты понимаешь... что Брянская аномалия... гм-гм, курируется на самом высоком уровне.

— Президентом, что ли? — бесстрастно осведомился Федотов.

— Ну, не президентом, но людьми около него... исполняй, полковник! — внезапно рассердился Мячин. — Нам в Жуковском районе делать нечего. А тебя уже ждет работа в Туле.

Связь прервалась. Вошедший в этот момент Корнеев с удивлением увидел на лице своего всегда уравновешенного хладнокровного командира гримасу отвращения.

— Что тебе сказали?

— Ничего хорошего, майор. Нас просто сдали, вот и все. Выкарабкивайтесь, мол, сами, полковник, сворачивайте работу.

— Как это сворачивать?

Федотов посмотрел в глаза заместителя, лицо его разгладилось, снова стало спокойным.

— А с другой стороны, нам развязали руки, майор. Будем драться. Давай-ка сделаем вид, что мы озабочены делами Ордена, пока у нас есть время.

Он вставил в дисковод дискету и быстро переписал в память компьютера файлы, касающиеся работы Ордена чести, а потом вывел на экран игрушку и углубился в проводку героя по лабиринтам заколдованной крепости. Корнеев не мешал, аккуратно заполняя за соседним столом план работы филиала на неделю вперед.

Атака неизвестного спецназа началась ровно в половине одиннадцатого, аккурат в тот момент, когда Ираклий перешел со своим героем на второй уровень игры.

Нападавшие ворвались в офис сразу с трех сторон: в коридор со стороны главного входа, в дверь со стороны запасного выхода и в окно — прыжком с крыши на специальном тросике. Однако их оперативно-страховочные мероприятия: грозные крики «лежать!», «на пол!», «к стене!», специальные позы — полуприсед, пистолеты в обеих руках вытянуты вперед, готовность немедленно открыть огонь — оказались излишними. Никто десантников в камуфляже, с вязаными шапочками на головах, с автоматами в руках, не встречал, никто не сопротивлялся, двое охранников офиса, играющие в шахматы за стойкой турникета, тотчас же подняли руки и легли на пол, еще двое, выглянувшие на шум из дежурки, также не оказали сопротивления, а хозяин офиса, азартно расправлявшийся с нечистью на экране компьютера, лишь повернул голову к ворвавшимся в кабинет спецназовцам и спокойно, с легким удивлением, спросил:

— В чем дело, господа?

— Встать! — рявкнул первый из штурмовиков. — Руки за голову!

Ираклий глянул с иронией, встал, сцепил пальцы на затылке.

— В чем все-таки дело, господа омоновцы? Или кто вы там? Нас опять выселяют вопреки закону?

— Молчать! Лицом к стене!

— А начальство у вас имеется? Можно с ним побалакать?

— Тебе сказано — к стене! — Верзила в камуфляже шагнул к Федотову, взмахнул прикладом автомата, норовя попасть Ираклию в челюсть, но промахнулся. Озлившись, ударил его в лицо, снова не попал, и в это время в кабинете появился еще один человек, лицо которого ни с чьим спутать было невозможно, — полковник Дубневич.

— Отставить! — негромко сказал он.

Верзила нехотя опустил автомат, отступил в сторону.

— Выйдите. Оба. И уведите этого.

Десантники молча повиновались. Дубневич и Федотов остались в кабинете с глазу на глаз, не торопясь начинать пере-

говоры, присматриваясь друг к другу, оценивая внутренние резервы воли и выносливости. Потом Ираклий, на чьей стороне в данный момент было небольшое психологическое преимущество, вежливо произнес:

— Можно, я опущу руки?

— Да, конечно, — сделал небрежный жест Дубневич. — Мне нравится, как вы держитесь. Умеете проигрывать.

— Убей меня бог, не понимаю, о чем вы, — спокойно сказал Ираклий. — Разрешите узнать, кого вы представляете и по какому праву вторглись в пределы частного владения? Я думал, проблема с арендой решена, мне разрешили пользоваться этим помещением до конца года. Или у местного начальства снова поменялось настроение?

— Не имею к местному начальству никакого отношения. Да вы садитесь, господин Федотов, в ногах правды нет, а разговор нам предстоит долгий... если только вы не станете прикидываться казанской сиротой.

— Казанской не стану, — согласился Ираклий, усаживаясь за свой стол. — Но все же требую объяснить...

— Требовать буду я, вы будете отвечать на вопросы. Попробуете рассказать мне сказку про белого бычка, я применю вот это. — Дубневич вытащил необычной формы пистолет с толстым дулом, в котором не было пулевого канала. — Узнаете?

— Что это? — с абсолютно естественным любопытством спросил Ираклий, хотя внутри у него все напряглось; он явно проигрывал, и теперь надо было не упустить момент к о н т р - а т а к и, потому что допроса с применением пси-генератора он мог не выдержать, несмотря на специальный тренинг и природную силу воли. Хотя, может быть, еще есть шанс договориться? — пришла мысль. Если на самом верху, как уверял генерал Мячин, все договорились и лаборатория как бы перешла в другое подчинение, в область оборонки, то об этом и Дубневич должен знать?..

— Это газовый пистолет? — продолжал Ираклий. — Или что-то вроде электрошокера?

Дубневич поморщился.

— Перестаньте паясничать, Федотов. Ваши люди захватили один «глушак» на полигоне во время последней и совершенно нелепой, кстати сказать, разведки боем. Тоньше надо играть, господин резидент контрразведки. Кстати, полковнику Крутову вы помогли скрыться?

— По-моему, вы ошибаетесь, — покачал головой Ираклий с сожалением. — Мои люди никогда и нигде не проводили разведку боем. Им это ни к чему.

— Возможно, — легко согласился Дубневич. — Значит, это все-таки были «мстители». Но ведь «глушак» теперь у вас? Вместе с Крутовым.

— Вы ошибаетесь, — повторил Федотов тем же тоном. — С полковником Крутовым я знаком, это верно, вместе имели честь сидеть в жуковском СИЗО, но я не имею ни малейшего понятия, где он сейчас. Точно так же я не имею ни малейшего представления, что такое «глушак». Почему он должен находиться именно у меня, магистра жуковского филиала Международного Ордена чести? Если хотите, обыщите офис, но уверяю вас...

— Может быть, он и не здесь, — кивнул Дубневич, брезгливо разглядывая хозяина кабинета, — а на квартире на улице Мальцева. Или в доме на Воропаева. Мы, естественно, поищем. Но лучше бы вы сами сказали, где он. Понимаешь, Ираклий Кириллович, — перешел полковник на «ты», шевельнув стволом «глушака», — против «ЗГ» нет защиты, он ломает волю и развязывает языки лучше любого наркотика. А самостоятельно восстановиться после облучения очень трудно, почти невозможно, неподготовленные люди в конце концов деградируют, становятся идиотами.

— Как вы сказали — «ЗГ»? — переспросил Ираклий с выражением детского любопытства на лице.

Дубневич нахмурился, потом усмехнулся.

— Вы неплохой актер, Федотов. «ЗГ» — это аббревиатура слов «зомби-генератор», так наши яйцеголовые умники назвали первый опытный образец психотронного генератора, «глушак» его младший брат, подавитель воли. Кстати, очень точный термин.

— Не сомневаюсь. Однако при чем тут все же мы, работники неполитической общественной организации Орден чести?

Лицо Дубневича отяжелело, взгляд стал жестким, угрожающим.

— По-видимому, откровенного разговора у нас не получится. Я думал, мы сразу поймем друг друга. Кто вы по званию? Капитан, майор?

— Полковник, — с улыбкой сказал Ираклий.

— Да, похоже, именно такая крупная птица и должна была свить здесь гнездо, уж больно уровень внедрения высокий и прикрытие отличное. Вы здесь уже полгода работаете, а мы только-только зашевелились. Если бы не... кое-какие обстоятельства...

— Например, утечка информации из Москвы.

— Нам намекнули... но в принципе — да, конечно, в вашем аппарате есть и наши люди.

— Наши — это чьи конкретно?

— А вы еще не выяснили?

— Российский легион?

— Российский легион лишь вершина айсберга, дорогой полковник, его военная основа, обеспечивающая устойчивость и охрану тайны, подводная же часть айсберга называется РВС — Реввоенсовет. Неужто не докопались?

— А зачем Реввоенсовету понадобились «зомби-генераторы»? Ведь у вас сила — Легион.

— Мы не хотим войны, — веско проговорил полковник, явно повторяя чьи-то слова. — Революцию можно совершить бескровно. Власть в стране менять не обязательно, достаточно изменить мировоззрение существующей власти, поменять ее программу.

— Понятно. Значит, вы — новые русские революционеры. Насколько мне помнится определение, революция — это способ перехода от исторически отжившей общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественный переворот во всей социально-экономической системе общества. Какая же формация вам кажется более прогрессивной, чем ныне существующая? Коммунистическая?

— Диктатура на базе коммунистических отношений. До сих пор идеалы коммунизма извращались всеми, кто приходил к власти, мы этого не допустим.

— Что ж, отличная идея. Можете сказать, чья?

— Существует председатель РВС...

— Джехангир?

Дубневич с неподдельным интересом посмотрел на малоподвижное лицо Ираклия.

— Вы знаете Джехангира? Браво! Но Мстислав Калинович — всего лишь командующий Легионом в масштабе государства, председатель Реввоенсовета — другой человек.

— А вы какое занимаете место в иерархии РВС?

— Я командую бригадой Легиона в Брянской области, имею звание генерала.

— Поздравляю. И зачем вы мне все это рассказываете, генерал? Надеетесь на сотрудничество? Вербуете?

Дубневич покачал головой.

— Еще день назад я бы предложил тебе сотрудничать с нами, полковник. Но обстоятельства изменились. Благодаря вмешательству «мстителей» и полковника Крутова в наши

местные разборки наметилась нежелательная утечка информации о деятельности объекта...

— Лаборатории?

— Приходится принимать меры.

— То есть вызывать службу ликвидации?

— Мы называем ее командой «зачистки».

— Возглавляете команду тоже вы?

— Если этого требуют обстоятельства.

— Так что же, у меня нет никаких шансов? И вас не остановит, что я — полковник военной контрразведки ФСБ?

— Боюсь, что нет. Ведь вы просто исчезнете, а уж мы постараемся, чтобы тело не нашли.

— А если я соглашусь работать на вас?

Дубневич пристально глянул в глаза Федотова. Было видно, что он колеблется, что-то решает в уме.

— Хорошо, допустим, я сведу тебя с человеком, который решит твою судьбу, но только сначала ты отдашь мне похищенный «глушак» и представишь всю информацию о своей работе здесь.

— Тогда извольте выслушать встречные условия, генерал. Прежде всего вы отпускаете моих людей, сводите меня с тем человеком, от которого зависит моя судьба, а уж потом я отдам «глушак» и все остальное. Вы же понимаете, что без надежных гарантий такие сделки не совершаются.

Дубневич встал, навис горой над столом, сузил глаза.

— Вот что, полковник, тут я решаю, что надо делать в первую очередь, а что во вторую. Или ты подчиняешься, или...

— Понял, беру возражения назад. Придется верить вам на слово. — Ираклий встал, опять сцепил руки на затылке. — Пойдемте.

— Куда? — насторожился Дубневич, приподнимая дуло «глушака».

— Что ж вы думаете, я прячу такие важные улики, как «глушак», в офисе? Он у меня в тайнике, ждет посыльного.

Ираклий, не дожидаясь ответа полковника, двинулся к двери кабинета. Дубневич в нерешительности шагнул следом, и это промедление стоило ему победы. Что случилось, он так и не понял. Спина президента Ордена чести впереди вдруг исчезла, «глушак» из руки выскочил как живой, а потом тяжелый удар потряс голову и всю нервную систему полковника, и ему все стало безразлично.

Ираклий замер над телом упавшего Дубневича, прислушиваясь к звукам, долетавшим из коридора, отобрал у него вто-

рой пистолет, быстро подошел к монитору и, включив громкоговорящую связь, четко произнес одно слово:

— Буза!

Это было ключевое слово запуска программы сопротивления.

После этого Ираклий достал свой «глушак», вышел в коридор и разрядил оба пси-генератора в телохранителей Дубневича, томящихся за дверью. И тотчас же смирно лежащие на полу охранники офиса, они же — сотрудники опергруппы контрразведки, подчиненной Федотову на время проведения следственных мероприятий в Брянской области, включились в процесс.

Парни из команды «зачистки» Российского легиона были опытными специалистами своего дела, но и они слегка расслабились, убаюканные мирным поведением побежденных и их безнадежным, с точки зрения победителей, положением. Поэтому атака контрразведчиков оказалась для них неожиданной. Они начали сопротивляться лишь спустя несколько мгновений, но было уже поздно, оперативники Корнеева имели не меньший опыт боевых действий, а по части знания рукопашного боя могли дать ликвидаторам фору.

Бой закончился через три секунды. Семеро ликвидаторов оказались обезоружены и обездвижены, четверо из них потеряли сознание от разрядов «глушаков», один был убит, но оставались еще их приятели вне здания ДК, и теперь надо было пройти мимо них незамеченными.

— Гасим свет, прыгаем в окна — и тю-тю... — предложил Корнеев. — Их осталось всего человек пять, не больше, в крайнем случае возьмем всех на штык.

— Это армейский спецназ, майор, они наверняка подстраховали себя, держат под прицелом окна и двери.

— Тогда единственный путь — на чердак через служебку.

— Пошли.

Оперативники Корнеева погасили свет в служебном помещении, чтобы их нельзя было увидеть снаружи, вскрыли в потолке замаскированный люк на чердак и один за другим начали подниматься в проем. В комнате оставались трое — Корнеев, Федотов и его телохранитель, когда в коридор ворвались двое ликвидаторов Дубневича, почуявшие неладное. Бросив взгляд на тела товарищей, они с ходу ударили из автоматов по дверям кабинетов, привыкнув реагировать на опасность только таким образом. В то же мгновение начали стрельбу по окнам офиса и те профессионалы «зачистки», что стерегли команду Федотова снаружи.

Телохранитель Ираклия погиб сразу, получив с десяток пуль в грудь и живот. Корнеева ранило в голову пулей с улицы, Ираклию тоже достались две пули — в шею и в плечо, поэтому он потерял сознание не сразу, успев выстрелить в коридор из «глушака». Огонь из коридора прекратился, можно было отступать, но сил уже не хватало, боль туманила кружившуюся голову, кровь из пробитой шеи толчками выплескивалась на рубашку, стекала по груди и спине, а вместе с ней уходила и жизнь.

Ираклий последней вспышкой сознания выбросил из разбитого окна один из «глушаков», сел на пол, потом лег и перевернулся на спину. Голова кружилась все сильней, но он все же смог мысленно произнести мантру, останавливающую кровотечение. Произнося последние слова мантры: лунг-гом ин-ё-до, — он почувствовал умиротворение и заставил глаза остаться открытыми. Сознание померкло...

Когда в помещение заглянул телохранитель Дубневича, он увидел три неподвижных окровавленных тела, подержал их под дулом автомата и отступил в коридор.

— Трупы, товарищ полковник.

В комнату, тяжело ступая, вошел Дубневич с бледным землистым лицом, еще не полностью пришедший в себя после укола, снимающего психическую блокаду от разряда «глушака». Постоял над лежащим навзничь с открытыми глазами Федотовым, сплюнул.

— Их здесь трое. Где остальные?

— Ушли через чердак на крышу, там их и сняли.

— Хорошо. Убираемся отсюда.

— Там милиция подъехала...

— Я сейчас спущусь.

— А их куда?

— Вот милиция и похоронит. — Дубневич помял лицо ладонями, все еще глядя на умиротворенное лицо магистра Ордена чести, покачал головой. — Ах, полковник, полковник, ну почему ты был таким несговорчивым? Что я теперь предъявлю Джехангиру? — Он вышел из служебной комнаты. — Сколько человек мы потеряли?

— Двоих, Чешко и Громова, товарищ полковник. Еще пятеро попали под «глушак», но уже отходят.

— По машинам. Поедем на Мальцева, а потом на Воропаева...

Стуча ботинками, спецназ Дубневича покинул офис Ордена чести, унося погибших ликвидаторов. На короткое время в Доме культуры установилась тишина, лишь снаружи доноси-

лись возбужденные голоса да ворчали двигатели нескольких автомашин.

Федотов зашевелился, моргнул дважды, слезами промывая глаза, повернул голову и встретил затуманенный взгляд Корнеева.

— У нас всего две минуты, командир, сейчас сюда заявится доблестная жуковская милиция.

— Я думал, тебя убили.

— Хрен меня убьешь одной пулей! Череп крепкий, а вместо мозгов одна кость.

— Тогда все в порядке. Помоги-ка...

Майор с залитым кровью лицом — пуля пропахала голову прямо надо лбом и вырвала длинную полоску кожи с волосами, сделав аккуратный пробор, — помог Ираклию встать, и они, ковыляя, поддерживая друг друга, кое-как добрались до запасного выхода с сорванной дверью. Сошли по лестнице вниз, пересекли холл и затаились в туалете на первом этаже.

Суматоха возле Дома культуры несколько улеглась, но прибывший по тревоге отряд ОМОНа и сотрудники милиции продолжали носиться вверх и вниз по двум лестницам, бухая ботинками и сапогами, таскали тела погибших охранников Ордена, обыскивали помещения на втором этаже, потом на первом, однако в туалет с табличкой «не работает» заглянуть так и не удосужились.

К двенадцати часам ночи шум стал стихать. Забрав трупы, омоновцы опечатали офис Ордена и удалились. Еще некоторое время слышались голоса примчавшихся на выстрелы владельцев других офисов, арендующих помещения на первом этаже ДК, затем все окончательно стихло. Домом культуры завладела мрачная, пропитанная пороховой гарью тишина.

— Уходим, — шепнул Корнеев. — Я открыл окно.

— Подожди, — отозвался Ираклий, все это время просидевший у стены в позе горы и пытавшийся подпитаться энергией с помощью медитационной техники лунг-гом; кровотечение из ран ему удалось остановить давно, однако вынуть пулю из плеча и заштопать дырки в шее и плече усилием воли он не мог. — Поищи пистолет...

— На кой черт тебе сейчас пистолет?! У меня есть...

— Это пси-генератор... я выбросил его из окна служебки, сориентируйся, куда он мог упасть.

— Его, наверное, давно нашли бойцы полковника.

— Поищи.

Корнеев вылез в окно, пропадал минут десять, потом в проеме окна появилась его голова.

— Порядок, нашел! Давай руку.

Федотов с трудом взобрался на подоконник, с помощью майора сполз вниз, на асфальтовую полоску вдоль стены здания, выпрямился, шепча что-то сквозь зубы.

— Что? — не понял Корнеев, наклонившись к нему.

— Это стихи... я вспомнил... у меня друг — поэт, у него есть такие строки:

С волками выть по-волчьи не привык,
Хотя всегда отчаянно кусался.
Я под ударами не сдался и не сник,
И сквозь флажки, израненный, прорвался...

— Хорошие стихи, в самую точку. Но нам пора рвать отсюда когти. Куда мы теперь, Кириллыч? На Воропаева?

Словно в ответ с окраины Жуковки донеслись отчетливые щелчки, поодиночке и сериями, похожие на выстрелы. Впрочем, это и были выстрелы — пистолетные и автоматные. Жителям города, еще не пришедшим в себя от стрельбы в самом центре, в районе Дома культуры, предлагалось стать свидетелями еще одной крутой разборки.

— Это у нас? — прислушался к выстрелам Корнеев.

— Крутов! — сцепил челюсти Ираклий. — Дубневич со своими волкодавами поехал туда...

— Ну и что? Не собираешься же ты в таком состоянии мчаться на помощь?

Стрельба стихла. Прошла минута, другая, третья, однако ночная тишина больше не нарушалась ни одним звуком. Ираклий и майор посмотрели друг на друга и двинулись прочь от здания ДК, в котором недавно разыгралась кровавая драма. Оба понимали, что остались в живых лишь благодаря капризу судьбы, но хватит ли им сил и везения, чтобы покинуть Брянщину и добраться до столицы, не знали.

ЖУКОВКА

КРУТОВ

Он шел по березовой роще, не ощущая ни рук, ни ног, веселый и довольный, и вслушивался в голос Елизаветы, напевающей что-то себе под нос, собирающей цветы и то и дело исчезающей впереди. Стволы берез буквально светились белизной, лучи солнца пронизывали рощу насквозь и превращали ее в лучезарный храм природы, прекрасней которого не было ничего на свете. Егор шел-плыл в невесомости и тишине, улыбался своим мыслям, эйфорическому состоянию счас-

тья и беззаботности и все никак не мог догнать летящую впереди фигурку. А потом откуда-то потянуло холодом, сыростью, гнилью, солнце скрылось за иссиня-черной мрачной пеленой туч, и эйфория кончилась. Тревожное чувство потери заставило Крутова оглядеться, и он вдруг с ужасом понял, что неизвестно каким образом зашел в ядовито-зеленое мшистое болóто.

— Лиза! — крикнул он. — Вернись! Ли-и-за-а!..

— За-а... за-а... за-а... — отозвалось со всех сторон гулкое эхо.

В ответ послышался далекий крик:

— Его-о-ор!..

— Иду! — рванулся на голос Крутов. — Стой на месте, не двигайся! — и обнаружил, что впереди расстилается черно-зеленая топь с редкой россыпью кочек. Запрыгал по кочкам, как заяц, хватаясь за искривленные стволы осинок и березок, увидел за очередным островком мелькнувшее белое платье и прыгнул туда изо всех сил, уже осознавая, что не дотянет...

— Его-ор!..

Гулкий удар тела о маслянисто-ржавую поверхность, гул потревоженной трясины, темнота, булькающая очередь пузырей из носа и рта...

— Лиза! — хотел крикнуть Крутов, но вместо этого изо рта вырвалась еще одна очередь воздушных пузырей. Топь сомкнулась над головой, дышать стало нечем, в легкие хлынула черная мерзкая жижа...

Он подхватился на кровати и некоторое время не мог понять, где находится и что с ним. Огляделся. Небольшая комнатка с беленными известкой стенами, окно с занавесками, выход в соседнюю комнату, также занавешенный портьерой, побеленный задник настоящей русской печки, тишина. Эта комнатка так напоминала спальню в родном доме, что Егор даже приготовился позвать Осипа, однако вовремя остановился.

Шевельнулась голубенькая, в белый горошек, штора, в комнату заглянула мужская голова.

— Вы проснулись? Как себя чувствуете?

— Нормально, — сказал Крутов хрипловатым голосом, расслабился, — сон дурной приснился. Который час?

— Десять с минутами. Ужинать будете?

Егор подумал.

— Буду.

Голова скрылась. Она принадлежала одному из охранников Федотова, и находился Егор в его доме на улице Воропаева.

Минут пять лежал расслабленный и безвольный, вспоминал странный сон, отчаянный крик Елизаветы, нырок в болотную трясину, ужас удушья. Вероятно, таким образом подсознание реагировало на трагедию положения. Лиза оставалась в руках «вивисекторов» психотронной лаборатории, и один бог знал, каково ей там.

Не раньте ангелов словами.
Они открыты, словно дети.
Дарите ласку им. За ней
И сходят к нам созданья эти...

Скрипнув зубами, Егор встал, сделал несколько упражнений, поднимающих тонус, глотнул ерофеича, переждал метаморфозу превращения в великана, поддерживаемого всей Вселенной, и на кухне появился уже бодрым и голодным, как волк: ерофеич не только «ремонтировал» психику и энергетику организма, но и усиливал аппетит.

— От вас позвонить по межгороду нельзя?

— Вообще-то нельзя, — улыбнулся симпатичный молодой человек с длинными волосами, собранными в пучок на затылке, и ямочками на щеках; звали его Олегом. — Но если очень хочется, то можно.

Олег принес из сеней толстую, как полено, трубку телефона с окошком дисплея и рамкообразной антенной.

— Выход на спутник. Звоните, только не долго. Наши частоты сканируются, не хотелось бы лишний раз «светиться».

Крутов в сомнении повертел необычный телефон в руках, потом все же набрал номер. Саша Зубко отозвался почти тотчас же, будто ждал звонка:

— Командир?! Лукич? А мы тут только о тебе говорили...

— Кто — мы?

— Костик, Марат... день рождения справляем, мне тридцать стукнуло.

— Ах, елкин лес! — Крутов шлепнул себя ладонью по лбу. — Я ж совсем запамятовал... Поздравляю! Желаю достичь всего, чего ты еще не достиг, главное — поставить цель. Потребность ставить цель еще сохранилась?

— А как же, — засмеялся Александр. — Желаю стать директором конторы. Пока ты там в своих лесах грибочки собирал, мне подполковника кинули, так что я теперь занимаю твое место.

— Поздравляю, — еще раз сказал Крутов, не видя в назначении ничего удивительного. — Это очень кстати. Мне может понадобиться помощь команды. Сможешь организовать?

— Что случилось, командир?

Крутов слабо улыбнулся на это упорное «командир»: Саша давал понять, что ничего не изменилось, что он готов снова стать заместителем командира «Витязя», вернись Егор в службу, и всегда готов помочь. На этого человека можно было положиться как на самого себя.

— В двух словах не расскажешь. В здешних лесах окопалась одна сволочная кодла, терроризирующая местное население, надо свести все ее возможности к нулю.

— Понял, Лукич. Когда мы тебе будем нужны?

— Может, уже завтра, я еще позвоню. Как ты доложишь начальству, зачем и куда убываешь?

— Это моя забота. Команде нужен тренинг на «натуре», так что не переживай. Откуда ты звонишь?

— Из Жуковки. А что?

— Звонок какой-то странный, будто бы ты рядом и одновременно на Луне.

— Спутниковая связь, подполковник. Передавай привет «витязям».

Крутов выключил телефон, подержал его в руке — отечественная машинка, но весьма качественная, — и положил на стол. В комнату вошел Олег.

— Дозвонились?

Он наверняка должен был слышать разговор, находясь в соседней комнате, но настолько хорошо владел собой, что по его открытому взгляду невозможно было что-либо прочитать.

— Да, спасибо. Техника на грани фантастики, причем, я заметил, наша, не японская. Как говорится, наука идет вперед.

— Наука идет вперед, а мы идем назад, — серьезно изрек Олег. — Если бы человек использовал ее только во благо, на земле давно наступил бы золотой век. Но, судя по направлению новейших разработок наших, да и западных тоже, военных лабораторий, золотого века не будет. Не дотянем. Слишком мал запас духовности. Даже наша отечественная демократия не способна решить проблемы роста духовности народа.

Крутов с любопытством посмотрел на простоватое с виду лицо парня.

— Да ты философ, я гляжу. Не рано ли стал пессимистом?

— Не рано, — покачал головой Олег. — Мне уже двадцать шесть, насмотрелся всякого. Между прочим, есть такая пословица: когда к власти приходят оптимисты, пессимисты начинают понимать, что их пессимизм был вполне обоснован.

Крутов засмеялся.

— Вот это уж точно. Ты случайно не заканчивал филфак МГУ?

— Заканчивал, — спокойно кивнул Олег. — Четыре года назад. Садитесь ужинать, стол накрыт. — Он вышел на кухню.

Ошеломленный Егор последовал за ним, подумал: вот так пошути — а шутка правдой оборачивается! Еще и по морде за это схлопотать можно... но каков Ираклий! Неужели у него все бойцы в команде с университетским образованием?..

— Что ты там говорил насчет отечественной демократии? — Крутов сел за стол, на котором стояла сковорода с яичницей, белело нарезанное сало, дымилось блюдо с вареной картошкой, на отдельных тарелках лежали грибы, колбаса, масло, сыр, зеленый лук и помидоры.

— Тема моей дипломной работы была: «Философские аспекты демократии в посткоммунистических режимах». По сути, это проблемы добра и зла, решаемые у нас в стране садомазохистскими методами. Ни один современный политик, прикрывающийся заботами о благе народа, не знает, что демократия — арабское слово и переводится не «власть народная», как утверждают ортодоксы, а «власть гуманная». Кстати, как вы сами относитесь к этому термину, затраханному в хвост и в гриву?

— Да никак, — сказал Крутов, цепляя на вилку крепенький боровичок. — Во всяком случае, я не принадлежу к числу людей, которые при слове «демократия» хватаются за пистолет. Но цену ей знаю и друзей-демократов не имею. Возможно, в силу того, что истинный смысл этого слова в нашем отечестве сильно искажен. Однако слово «демократия» у меня аж никак не согласуется со словом «добро». Может быть, ты сможешь убедить меня в обратном?

Олег покачал головой.

— Не смогу, хотя вы не философ, а прагматик. Другое дело, хотелось бы выяснить ваше отношение к добру и злу, как к философским категориям.

— Боюсь, у меня к этим категориям очень нефилософское отношение: добро следует защищать, зло уничтожать. Или и тут я не прав?

— Уничтожить зло до его полного исчезновения нельзя. Помните у Шекспира? «О, польза Зла! Зло — верная основа, добрей Добро становится на ней». Исчезнет зло, не станет и добра — опять же в глобальном, философском плане. Зло и Добро взаимно ограничивают друг друга и регулируют социум. В сущности, Зло — это процесс деструктуризации и имеет пределом Хаос, то есть абсолютную бесструктурность. Предел

же Добра — Совершенство, то есть сверхгармония. Но главное — с точки зрения равновесия оба предела совершенно равнозначны! Это Абсолюты. Понимаете? Вселенная не может реализовать отдельно ни тот, ни другой. Они могут существовать только вместе, дополняя друг друга.

— Оригинальная концепция. Я считал, что категории Добра и Зла больше касаются духовного мира, чем материального.

— Мироздание не делится на материальное, мысленное и духовное, это просто выражение нашего отношения к нему. Только так человек может оценить законы Вселенной, вычленив те, которые он постиг.

— Очень оригинальное суждение, — искренне сказал Крутов; ему нравился сотрудник Федотова, свободно оперирующий философскими понятиями вселенского масштаба, слушать парня было интересно. — Уж не хочешь ли ты доказать, что Зло и Добро — синонимы?

— Вы очень точно уловили суть проблемы, — без улыбки проговорил Олег, прислушиваясь к чему-то. — Извините. — Он вышел в светлицу, где пропел «Подмосковные вечера» телефон. Через минуту вернулся.

— Звонил заместитель Ираклия Кирилловича. Назревают какие-то события, вам советуют приготовиться.

Крутов кивнул, прислушиваясь к своим ощущениям. По спине вдруг забегали мурашки, а во рту появился кислый привкус — верные признаки того, что вторая сигнальная система организма поймала изменение психоэнергетических потенциалов данного конкретного уголка пространства и пытается предупредить хозяина. Это состояние еще нельзя было назвать инсайтом — озарением, но оно никогда Егора не обманывало, в чем он убеждался не раз.

— Пойду проверю посты, — сказал Олег, поправляя подмышечную кобуру.

Крутов доел грибы, попробовал сало с луком и уплел всю яичницу, чувствуя внутренний подъем и прилив сил. Предупреждение зама Федотова в принципе запоздало, Егор и так был готов к действию, прекрасно понимая, что основные заботы и тревоги впереди. Майор Сватов наверняка перекрыл все дороги района, а его коллеги сделали то же самое в масштабе области. Выбраться отсюда без посторонней помощи, то есть без помощи контрразведчиков Федотова, было невозможно. Только Крутов делать этого и не собирался, у него были другие планы.

Он налил в кружку чаю и с удовольствием влил в себя ароматный напиток. Олег не возвращался, делать было нечего, и

Егор прошелся по комнатам дома Ираклия с плотно зашторенными окнами, разглядывая старые фотографии на стенах, репродукции с картин Васильева и Врубеля, икону Божьей матери в красном углу, расшитые полотенца. В маленькой спаленке он обнаружил лежащие на кровати старинные доспехи и сначала подумал, что это подделки, копии из картона, однако, взяв в руки бармицу[1] и ощутив ее скользкую тяжесть, понял, что доспехи настоящие. В крайнем случае — новоделы, то есть выполненные по образу и подобию современными мастерами. Любопытства ради он примерил шлем с шишаком, нагрудник, латы — все оказалось впору, будто делали доспех под его размеры, но потом вспомнился Ираклий, имевший тот же рост и ширину плеч, и стало ясно, что доспехи его. Поворошив налокотники и поножи, Егор вдруг увидел под ними несколько клинков в ножнах и вынул один. Он держал в руках дентайр, кинжал с клинком, обух которого был выполнен в виде расчески с подвижными зубьями. Кинжал принадлежал к так называемому невозвратному оружию. При проникновении в тело зубья его проворачивались, что при вытаскивании клинка из раны делало повреждения более серьезными, но основным назначением зубьев был все же захват и удержание клинка противника.

Егор профессионально крутанул дентайр вправо-влево, покачал головой. Сделан кинжал был мастерски, рукоять его лежала в ладони как влитая.

Второй клинок носил название дезарконнер — трезубец со складными боковыми остриями-защелками, оружие, в общем-то, малоизвестное и применявшееся редко даже в кино. Видимо, Ираклий тяготел к экзотическим видам холодного оружия, коллекционировал его, что говорило о его увлечении историей воинского искусства.

Доспехи Егор снял, а вот дентайр решил оставить у себя, жалея, что с ним нет «летучей мыши», которую у него скорее всего отобрали после схватки во дворе дома боевики Сватова.

Олег все не возвращался, это было неправильно, и легкая обеспокоенность Крутова переросла в тревогу. Найдя выключатели, он по очереди погасил свет во всех комнатах и затаился у окна с открытой форточкой, прислушиваясь к естественной тишине ночи.

Кто-то разговаривал на улице в отдалении, послышался женский смех, возня, потом шаги двух человек, мужчины и

[1] Бармица — металлическая сетка из мелких колец для прикрытия затылка, плеч и груди воина.

женщины, удалились. Издалека, от станции, донеслись свистки электрички, где-то заржала лошадь, закудахтали куры, и снова стало тихо. Глаза Егора постепенно привыкли к темноте, и хотя ночь выдалась безлунной, темной, он вдруг явственно увидел движущиеся по улице полупрозрачные тени.

— С-суки! — беззвучно выдохнул он. — Нашли-таки!..

Стало понятно и долгое отсутствие Олега — жаль философа, коли убили, — и предупреждение Федотова. Что-то случилось там, в его епархии, то ли приказ начальства пришел, резко меняющий ориентиры, то ли сработала разведка Сватова и вычислила принадлежность Ираклия к конкурирующей структуре, но факт оставался фактом: обстановка изменилась в худшую сторону. Следовало немедленно уходить отсюда. Правда, время ухода «по-английски» безвозвратно потеряно, он промедлил, считая себя в безопасности, понадеялся на охрану дома, хотя особой вины в том не чувствовал, теперь же отступать предстояло с боем. Ладно, волкодавы, посоревнуемся, поиграем в кошки-мышки, оценим, на что вы способны...

Еле слышно скрипнула дверь из сеней в кухню. Егор отвел назад руку для броска дентайра и едва успел остановиться, услышав шепот:

— Крутов... не стреляйте... это я, Олег...

— Дьявол! — Егор метнулся на голос и едва не наступил на голову охранника, вползающего в дверь. — У меня нет оружия. Ты ранен?

— Нас окружили... идут сюда... я почуял... — говорил Олег прерывистым шепотом, и при каждом выдохе в груди у него что-то клокотало. — Уходите... через подпол... там подземный ход, в лес выводит... вот пистолет, возьмите...

— Куда тебя ранило?

— В спину...

Крутов ощупал спину парня и наткнулся на рукоять ножа, торчащего под левой лопаткой.

— Лежи, не дергайся! Бинт есть?

— В спальне... в тумбочке...

Егор привидением метнулся в спальню, нашел скрутку бинта, подскочил к Олегу, доставая из кармана склянку с ерофеичем.

— На, пей!

— Что... это?

— Глотай!

Олег с трудом сделал глоток чудо-настоя и... потерял сознание. Егор выматерился про себя, сделал тампон, смочил ерофеичем, выдернул нож и, приложив тампон к ране, туго обмотал тело парня бинтом, чувствуя спиной приближение смертельной опасности; штурмгруппа на улице и во дворе готовилась к атаке. И все же бросить контрразведчика он не смог. Нашел в полу кухни под половиком люк подпола, открыл, опустил в него безвольное тело Олега, закрыл — очнется — выживет, если не найдут, — и кинулся в сени. С парнем на плечах даже через подземный ход уйти было невозможно, его быстро догнали бы и просто бросили бы гранату в лаз. Уходить надо было дворами, с шумом, отвлекая погоню на себя, давая шанс Олегу уцелеть. Остальные охранники на постах, которых ходил проверять контрразведчик, были, наверное, убиты или захвачены ночными гостями.

Сени дома представляли собой часть бревенчатого сруба без потолка, не обитого изнутри досками, поэтому Егору не составило труда взобраться по стене и зависнуть над дверью во двор, держась за вбитый крюк с подковой. Через несколько секунд дверь стала бесшумно открываться, в образовавшуюся щель скользнула, пригнувшись, темная фигура, замерла, прислушиваясь. Обернулась назад, махнула рукой, и в сени прошмыгнул еще один человек. В то же мгновение Крутов прыгнул вниз и сбил обоих штурмовиков на пол, вонзая дентайр в шею одного из них. Второй начал отбиваться, норовя вывернуть ствол автомата в грудь Егору, и тот дважды ударил бугая по голове рукояткой пистолета. Снял с него автомат, выглянул в приоткрытую дверь и увидел приблизившегося вплотную к крыльцу мужчину в камуфляже с шапочкой на голове. Выстрелил в него, не целясь, потом послал две пули в дверь на улицу — послышался тихий вскрик — и кувырком скатился по ступенькам крыльца во двор, минуя упавшего спецназовца. Мгновением позже по сеням с двух сторон ударили автоматы.

Во дворе прятался еще один автоматчик, следивший за окном кухни, и среагировал он на выстрел Крутова слишком торопливо, пустив очередь вслепую. Егору этого мгновения хватило, чтобы из положения лежа выпустить две пули на вспышки автоматной очереди и откатиться в сторону. Сделал он это своевременно, так как из соседнего сада, прилегавшего ко двору дома, прилетела еще одна автоматная очередь и легла точно в то место, где только что находился полковник. Тогда он лег за корыто, из которого кормили поросенка, и ответил длинной очередью из «никонова», обводя полукруг, прошивая дровяной сарай и шалашик погреба. Не дожидаясь новой ата-

ки, на четвереньках нырнул в калитку, ведущую на огороды, и нарвался на удар ногой человека, скрывавшегося за ней.

Если бы не мобилизованный ерофеичем резерв сверхчувствования и реакции, все тут же и закончилось бы, попади нога в тяжелом армейском ботинке в голову. Однако Егору удалось по-змеиному увернуться и, несмотря на то, что ботинок врезался ему в грудь пониже ключицы, вышибить дух удар не смог, только отбросил Крутова к забору.

Вспышка боли все же была достаточно ощутимой — не сломал бы ребро, подлюка! — но сработавшая интуиция заставила Крутова остаться на месте, сыграть оглушенного, потерявшего сознание человека, и это его спасло от очереди из автомата, потому что противник держал палец на спусковом крючке и готов был растрелять полковника в упор.

Стрельба вокруг дома стихла, послышался чей-то вибрирующего оттенка властный голос:

— Приготовить гранаты! Крутов, выходите! Иначе разнесем дом в клочья, вместе с вами...

— Тут он, товарищ полковник, — подал голос глыбистый противник Егора. — Я его забодал...

Крутов выстрелил, мгновенно откатываясь вбок, и очередь «никонова», которую судорожно выпустил раненый великанспецназовец, уже ничего не видя и не чувствуя, ушла в забор. Егор обогнул дощатое строение, судя по запаху — туалет, и рванул через огород к лесу во всю прыть, прыгая через грядки с картофелем, считая секунды, ожидая выстрелов в спину, потом осознал свою ошибку и резко свернул вправо, к соседскому огороду и перемахнул забор прежде, чем за домом, откуда он бежал, появились преследователи и дали несколько очередей в сторону леса.

Крутов замер, унимая бешено бившееся сердце, и вдруг почувствовал за спиной движение. С тоской оглянулся, ожидая встретить вспышку выстрела, и... отшатнулся, увидев приближавшуюся к нему лошадиную морду. Чуть не выругался вслух. Медленно, чтобы не испугать животное, погладил лошадь по лбу, прижался к морде щекой, сжимая рукой трепетные ноздри, чтобы лошадь не заржала, опустился на корточки и развязал ремешок пут; лошадь была стреножена, но не привязана, хозяин просто оставил ее в загончике на ночь. Это была удача, и следовало использовать шанс до конца.

Крутов вдел ремешок пут в рот лошади вместо удил, одним прыжком вскочил ей на спину и заставил повернуться мордой к лесу, затем, чувствуя, что его сейчас вычислят, дернул импровизированные поводья и погнал лошадь к лесу. Автоматная очередь ударила ему вслед, когда он уже проскакал три десятка метров — треть длины огорода. Лошадь вздрогнула на бегу, всхрапнула, видимо, одна из пуль попала ей в круп, и поскакала быстрей. Через несколько секунд спасительная темнота леса приняла в себя лошадь и всадника, и стрельба прекратилась. Группа захвата, пришедшая по душу Крутова, осталась ни с чем.

Егор не знал имени человека, командующего группой, но поклялся выяснить, кто это был, и вернуть долг сторицей. А еще он надеялся, что группе будет недосуг переворачивать дом вверх дном и искать его защитников, потому что по всей округе в окнах домов зажегся свет и жители окраины Жуковки начинали звонить в милицию и собираться в толпу, чтобы пойти и выяснить причины стрельбы.

Сделав пятикилометровый крюк по лесу, Егор оставил раненую лошадь, по коже которой пробегали волны, погладил ее по шее, поцеловал в нос и, прошептав: «Спасибо, дружище, прости, что так получилось», — вышел к железной дороге. Через полчаса он набрел на леспромхоз, нашел у здания управления чью-то «Ниву», от капота которой струилось тепло и несло бензином (отлично, должна ходить!), взломал дверцу и залез в кабину. Ключей в замке зажигания не оказалось, но они и не требовались. Соединив нужные провода на ощупь — практика угона «вражеской» техники у полковника была большая, — Егор завел двигатель и выехал со двора хозяйства на дорогу, ведущую на восток, к Тросне.

Планы, составленные еще в доме Федотова, — где он сам, хотелось бы знать? успел ли уйти? проверить бы офис, да времени нет... — приходилось корректировать уже на ходу. Теперь у Крутова была только одна дорога — в Брянск, к Жоре Мокшину. Бывший муж Елизаветы, питавший к ней какие-то чувства, должен был знать, где находится его жена, и попытаться вызволить ее из лап «вивисекторов»...

БРЯНСК

МОКШИН

Георгий Владиславович Мокшин привык считать себя «авторитетом», что называется, с младых ногтей, ведь судим был уже трижды, хотя и по мелочи: за участие в массовой драке — еще в возрасте восемнадцати лет, за угон автомобиля двумя годами позже и за незаконное хранение пистолета. Правда, все эти судимости не помешали ему в тысяча девятьсот девя-

ностo шестом году баллотироваться в депутаты областной Думы. Но замечен наблюдателями Реввоенсовета он был годом раньше, когда занял пост президента АОЗТ «Ассоциация игорного бизнеса Брянской губернии». Ясно, что статус короля игорного бизнеса не является удобным плацдармом для кандидатства, несмотря на то что ассоциация оказывала щедрую спонсорскую помощь следственному управлению ОблУВД, поэтому в ходе избирательной кампании Мокшин стал начальником производства на птицефабрике. Пресса начала хвалить Георгия Владиславовича задолго до выборов, так как он воспользовался — не без помощи социологов и экспертов РВС, разумеется, — беспроигрышным ходом: учредил премии созданного им же Славянского фонда журналистам. После чего выборы в Думу будущего главы администрации Брянска прошли без сучка и задоринки. Правда, один раз он все же сорвался, избив в ресторане молодого человека, девушку которого пригласил за свой столик, но скандал удалось замять, на сей раз до суда дело не дошло. В этом конкретном случае от суда его спас депутат Совета Федерации Маланников, член Реввоенсовета, курирующий Брянщину. После этого мнение Георгия Владиславовича о своей необходимости и незаменимости укрепилось, он почувствовал себя фигурой, сравнимой по масштабам и значимости чуть ли не с председателем РВС, и, уже став мэром, начал действовать самостоятельно, без оглядки на экспертный отдел Реввоенсовета. Тем неприятнее и больнее оказался для него выговор полковника Дубневича и его отказ отпустить на свободу жену, связавшуюся с каким-то приезжим полковником ФСБ и благодаря ему влипшую в историю с секретной лабораторией Российского легиона. Мокшин любил ее, по-своему, конечно, нетерпимо и эгоистично, как принадлежавшую ему дорогую и красивую вещь, и терять не хотел, несмотря на угрозу утечки информации о его делах, а тем более не собирался отдавать ее прыткому полковнику, имевшему наглость заявиться в Брянск и выкрасть Елизавету из-под носа группы по особым поручениям. Теперь же Лиза выплыла в застенках «Объекта № 2», ее надо было спасать, а полковник Дубневич вдруг решил показать свою власть и освобождать Елизавету отказался.

Георгий Владиславович сгоряча позвонил Директору Проекта Бессарабу, получил отповедь в несколько слов: не вмешивайтесь не в свои дела, господин мэр, это будет стоить вам карьеры и головы, — психанул и разбил трубку мобильного телефона об асфальт. Удар по самолюбию был так силен, что он, вернувшись в офис, буквально надрался и проспал в кабинете до вечера, оберегаемый секретаршей и начальником личной бригады телохранителей. Потом пришел первый зам Мокшина Аркадий Шанталинский, разбудил мэра, и Мокшин, взбодрившись от рюмки «Столичной», невольно рассказал ему о проблемах с женой и пожаловался на Дубневича.

— Да что ты к ней привязался? — выкатил водянистые глаза дородный, вальяжный, с пегой бородкой и всклокоченными седыми волосами Шанталинский. — Свет клином на ней сошелся, что ли? Твои порученцы девочками перестали снабжать?

— Это совсем другое, — буркнул Мокшин, разглядывая в зеркале мешки под глазами. — Не могу я без нее... приворожила, ведьма... и хватит об этом, Львович! — остановил он попытку заместителя продолжить тему. — Давай о деле. Сколько ты наскреб детей?

— Пятерых, — притворно оскорбился Шанталинский. — Поместил пока в детприемник третьего отделения милиции, до утра посидят, а потом отправим их в Жуковку.

— Не спеши отправлять. Там предвидится какая-то заваруха, пару дней подождем, чай материал не скоропортящийся. Не хочешь, кстати, съездить туда, посмотреть, как строится дача?

— Мне звонил бригадир строителей, на них кто-то наехал, чуть ли не двое суток продержал в бане...

— Тем более. Унесли что-нибудь?

— Да нет, вроде все на месте.

— Вот и проверь, убедись, а заодно зайдешь в гости к нашему Казанове, угостишь его хорошим коньячком. Что-то он в последнее время перестал мне докладывать новости.

— Лучше пошли своих особистов, — завилял глазами Шанталинский, — некогда мне, работы много.

Мокшин исподлобья глянул на слегка вспотевшего заместителя, подумал: чует, гад, что жареным пахнет! — сказал с насмешкой:

— Да, Львович, помощник из тебя еще тот, скользкий, как угорь. Недаром про таких говорят: бойся, не верь, не проси. Ладно, иди работай, мне тоже с делами разобраться надо.

Шанталинский потоптался на месте, побрел к двери, на пороге задержался.

— Поужинать вместе в «Партизане» не желаешь?

— Вместе с кем?

— С девочками, конечно, — ухмыльнулся понятливый заместитель.

— Подумаю.

Мокшин остался один, вызвал секретаршу и до восьми часов вечера решал насущные проблемы города, не забывая о своих личных. В начале девятого в кабинет снова зашел Шанталинский, и главные люди городской администрации поехали в ресторан «Партизан», известный своим казино и очень приличной русской кухней.

В ресторане Георгий Владиславович задержался до двенадцати часов ночи, сбросив груз забот, отложив решение всех основных проблем на завтра, расслабившись в компании юных красавиц, соискательниц титула «Мисс Брянск», конкурс среди которых должен был состояться через месяц. В принципе Мокшин уже знал, кто победит: семнадцатилетняя Оксана Гриневская явно выделялась из своих подруг-конкуренток красотой и умением держаться на публике, но даже у нее не было того шарма, как считал Георгий Владиславович, и эротического обаяния, притягивающих взор мужчин, какими обладала Елизавета.

Домой он ехал в плохом настроении, не отвечая на попытки спутниц — он взял с собой Оксану и Вику — поднять его тонус, расшевелить, обратить внимание мэра на их прелести. В какой-то мере им это все-таки удалось, и они втроем занимались любовью больше часа, пока у Георгия Владиславовича снова не упал тонус. После этого он выгнал девиц в другую спальню, принял душ и завалился спать. Однако, проворочавшись до половины третьего, накинул халат и пополз в гостиную, чтобы достать початую бутылку виски, подумывая, не продолжить ли общение с красавицами; из-за двери в их спальню доносились голоса и смех; девушки не спали. И в это время послышался звонок в дверь.

Зная, что дом охраняется, а его квартиру стережет целая группа телохранителей во главе с бывшим капитаном ГУОП, Мокшин не боялся никого и ничего, поэтому пошел открывать, не сомневаясь, что звонит охранник. Однако вместо рябоватого лица главного телохранителя или широкого равнодушно-спокойного Станислава увидел незнакомого мужчину с карими глазами и шапкой темно-русых волос, одетого в джинсы и просторную серую рубашку, измазанную в зелени.

— Вам чего? — вытаращился Мокшин, внезапно увидев лежащее у стены в коридоре тело охранника. Побледнел, пытаясь закрыть дверь, но не смог. Незнакомец оттеснил его от входа, вошел, не спуская с хозяина глаз, и сказал низким звучным голосом:

— Привет, Жора. Я — Крутов. Поговорим?

Мокшин попятился, бросая взгляд на полку в прихожей, на

которой лежал «макаров». Гость, усмехнувшись, взял пистолет, разрядил, положил обратно, передвинул со спины на грудь новенький красивый автомат.

— Может, не стоит начинать с этого? Я ведь всех твоих мальчиков прошел.

— Проходи... те, — пробормотал Георгий Владиславович, проводил гостя в гостиную, усадил в кресло, сел сам. — Что вам от меня нужно?

— От вас — только одно. Вы знаете, что ваша бывшая жена сейчас находится в руках «вивисекторов» из психотронной лаборатории?

— Благодаря тебе, с-скотина! — взвился Мокшин, прикусывая язык. Обмяк. Налил в стакан виски и залпом выпил.

— Значит, знаешь. Странно. Тогда такой вопрос: что же ты ничего не предпринимаешь, чтобы ее освободить? Так гонялся за ней, приставал, проходу не давал, склонял к тому, чтобы вернулась, клялся в любви... или разлюбил уже? В связи с обстоятельствами?

Мокшин сжал кулаки, губы его побелели.

— Если бы не автомат, я бы тебе...

— Так в чем дело? Давай. Автомат не помеха. — Крутов снял «никонов», поставил за кресло, положил на журнальный столик кинжал с насечкой, остался сидеть. — Ну, вперед, красавец? Покажи, какой ты крутой.

Мокшин вскочил, сбросил халат, оставаясь в одних трусах. Выглядел он великолепно: высокий, широкоплечий, с хорошо развитой мускулатурой, узкими бедрами, загорелый, без капли жира — недаром занимался спортом почти каждый день. К тому же неплохо владел восточными единоборствами, даже имел черный пояс по карате-до. Однако уверенный вид противника действовал на него угнетающе и отбивал охоту драться, доказывать свое превосходство. Наверное, в конце концов он усмирил бы гордыню и не полез в драку, надеясь отыграться в другое время и в другом месте, но в этот момент в гостиную заглянули очаровательные, в одних кисейно-прозрачных трусиках, участницы конкурса красавиц, и Георгий Владиславович почувствовал прилив сил.

— Вставай! — сказал он, картинно принимая тансин.

— Зачем? — поднял глаза на него Крутов. — Разве тебя не учили сражаться с сидящим воином? Не трусь, зрители жаждут крови.

Мокшин шагнул вперед и нанес удар ногой; в карате он назывался ики-о кирасэру, в русбое и барсе тоже почти по-японски — «коси коса». Крутов подставил руку, сделав ее

«железной», и Мокшин отскочил, захромав. Девушки захихикали. Георгий Владиславович налился злобой и с воплем прыгнул к гостю, нанося два удара ногами — вперед в грудь и тут же косо в голову. Но и эти удары цели не достигли. Крутов заблокировал первый и ушел от второго. Покачал головой.

— Абунай, приятель. — Встал. — Корэ ва ярката-о каэнакэраба наримасэн[1]. — С этими словами он вдруг оказался рядом с Мокшиным и в немыслимом темпе нанес три несильных, но точных удара: два — ногами по икроножным мышцам противника (кобура ори, или «клюв петуха»), сбивая его на колени, и третий — растопыренной ладонью в нос. Мокшин грохнулся на спину, разламывая журнальный столик, и несколько секунд не двигался, оглушенный. Девицы завизжали.

— Цыц! — сказал Крутов, поднося палец к губам. — В спальню, быстро, и не высовываться!

Красавицы (а фигурки действительно ничего!) испарились. Георгий Владиславович пришел в себя, завозился на полу, сел, поморщился, трогая нос рукой.

— Эксперимент закончен? — поинтересовался Крутов.

— С-сволочь!..

— Вот и хорошо. Давай поговорим теперь о деле: как вызволять Елизавету. Если ты ею в самом деле дорожишь, подумай, что можно сделать.

— Дорогое удовольствие...

— А удовольствия должны быть дорогими, как сказал поэт. Итак?

— Я пытался...

— И что же?

— Ничего... глухо...

— Видать, не показал себя в должной мере, не считаются с тобой начальнички.

— Это ты виноват!.. — взорвался снова Мокшин и умолк, перехватив нестерпимо холодный взгляд Крутова.

— Не вали с больной головы на здоровую, парень! Это ты виноват, что впутал ее в свои грязные дела! У бандитов век короткий... Так нет же, увез силой, вопреки ее воле, упрятал в сейф...

— Я спасти ее хотел...

— А до того не думал, куда может привести тебя твое неукротимое желание властвовать? Не видел, что ходишь по краю пропасти?

---

[1] Абунай — осторожно, корэ ва ярката-о каэнакэраба наримасэн — это надо делать иначе (*яп.*).

— Скоро все изменится...

— А как же, произойдет революция, власть в стране захватят твои дружки из Российского легиона, надо думать, с помощью пси-генераторов, разрабатываемых в лаборатории под Ковалями, и ты станешь президентом.

Мокшин сверкнул глазами, глядя на гостя исподлобья, и Крутов вдруг посерьезнел.

— Черт возьми, да ты, я гляжу, в самом деле на это рассчитываешь! Очнись, крестный отец брянской мафии! Если уж твои приятели не захотели отдать твою жену, представляешь, что будет, когда ты станешь им не нужен?

Мокшин молчал. Замолчал и Крутов, провел ладонью по усталому лицу с ввалившимися глазами. Сказал тихо и невыразительно:

— Звони.

— Куда?

— В лабораторию. У тебя должен быть канал связи. Потребуй отпустить Елизавету, пригрози... чем можешь.

— Меня не станут слушать.

Крутов поднял на Георгия Владиславовича рассеянный взгляд.

— Я знал, что ты «шестерка»... в глянцевой обертке. Звони!

Мокшин взял лежащую на крышке пианино трубку сотового телефона, помедлил и набрал номер. С минуту ему никто не отвечал, потом в трубке раздался голос Сватова:

— Кому я понадобился в такое время?

— Это я, Георгий... Мокшин. Елизавету еще не отпустили?

— Какую Елизавету? — нарочито удивился майор.

— Мою жену.

— А разве она у нас?

— Кончай прикидываться! — угрюмо буркнул Георгий Владиславович, покосившись на Крутова. — Где она?

— Жора, шел бы ты спать. — Голос Сватова изменился, стал брезгливо-скрипучим, высокомерным. — Звони утром и не мне, а начальству. Может, оно и пожалеет твою бабу. Только напрасно ты за нее стараешься, она знает слишком много. Дубневич ее допрашивал, и его мнение однозначно — в расход!

— Полковник ее... допрашивал?!

Сватов засмеялся.

— Пока без применения «ЗГ», но все еще впереди. Чао, мэр.

— Погоди... — Мокшин увидел жест Крутова и передал ему трубку.

— Слушай меня внимательно, — сказал Егор.

— Кто это? — мгновенно насторожился Сватов.

— Полковник Крутов. Не перебивай. Если вы утром не отпустите девушку, я вернусь. И тогда пощады не ждите! Клянусь, не оставлю от лаборатории камня на камне! Ты хорошо меня понял?

— Приходи, полковник, — с насмешливым превосходством и некоторым удивлением отозвался Сватов. — Буду ждать. Ты и Жорку перевербовал?

Крутов выключил телефон, посмотрел на бледнеющего Мокшина, усмехнулся.

— Вряд ли они поверят, что ты был не заодно со мной.

— Т-ты, т-тварь, я тебя...

Егор щелкнул Георгия Владиславовича по лбу, и тот, отшатнувшись, замолчал, тяжело дыша.

— Думай не о мести, герой, а о том, как вызволить Елизавету. Если бы ее просто убили, а то ведь пытать будут, пси-генератор калибровать. Или ты можешь только с девицами развлекаться?

Мокшин ссутулился, сжался, словно из него, как из воздушного шарика, вышел весь воздух.

— Что я могу сделать? Не воевать же с Дубне...

— Ну-ну, договаривай, с кем? С Дубневичем? Кто это? — Крутов уже слышал фамилию полковника от Федотова, но делал вид, что не знает его.

— Полковник, замначштаба округа...

— А он тут при чем?

— Он...

— Смелей, красавец, терять тебе уже нечего, я и без тебя в курсе, чем занимается лаборатория в жуковских лесах, а чего еще не знаю — узнаю. Дубневич связан с Легионом? Или с РВС?

Мокшин снова стал стремительно бледнеть.

— Ты... уже...

— Мы говорим о Дубневиче.

— Он командир бригады Легиона, генерал... и начальник службы безопасности Проекта...

— Имеется в виду то, чем занимается лаборатория?

Взгляд Георгия Владиславовича стал стекленеть, лицо посинело, приобрело землистый оттенок, у него перехватило дыхание: легкие отказывались сокращаться, засасывать воздух. Судорожно хватаясь рукой за горло, он упал на колени.

— Спокойно! — Крутов оказался рядом, ударил Георгия

Владиславовича по щеке, раз, другой, потом брызнул на лицо из бутылки виски. — Как тебя скрутило-то, болезного.

Мокшин закашлялся, начал дышать, ожил, на щеки вернулась краска, взгляд отразил страдание и ненависть. Поддерживаемый рукой Крутова, он доплелся до кресла и рухнул, обессиленный странным приступом. Выпил воды, которую гость принес с кухни.

— Поздравляю, — сказал Крутов с ноткой жалости.— Они и тебе не доверяли, всадили на всякий случай программу самоликвидации. Ну, что, и дальше будешь ерепениться, считать себя пупом земли, главным претендентом на президентское кресло?

Мокшин помассировал горло, допил воду.

— Что ты предлагаешь?

— Предлагаю завтра... впрочем, уже сегодня, с утра пораньше поехать в Жуковку, прихватив с собой своих телохранителей. У тебя ведь есть личный спецназ, выполняющий особые поручения? Вот и прикажи.

— И что дальше?

— В Жуковке сообщишь Казанове о том, что твою жену похитили вояки из секретной части, и поедешь с ним в зону. Даже если Сватов и этот... полковник Дубневич и не отпустят Елизавету, какое-то время она будет в безопасности, они побоятся ее трогать. А потом подключусь я.

— Каким образом?

— Увидишь. — Крутов встал. — В шесть утра я приду за ответом. Собирай команду. — Он пошел к двери, но вернулся, взял телефон и набрал номер: — Саша, это я. Готовность «ноль». Ты договорился с начальством?

— Да, все в порядке, разрешили поработать на «натуре», — ответил Зубко.

— Когда вас ждать?

— Если «по нулю» и полной программе, — сказал, помедлив, Зубко, — то после обеда. Где нам выгрузиться?

— Ты знаешь, где я?

— Ну?

— Возьми карту и сориентируйся.

Зубко молчал несколько минут.

— Нас могут засечь, радары у них есть?

— У них все есть.

— Тогда нам лучше выгружаться ночью.

— Боюсь, будет поздно.

— Понял. Тогда пойдем на пузе, с применением маск-сис-

тем.Так, вот Жуковка... — Саша зашелестел картой. — Куча деревень... с какой стороны лучше зайти, с юга, с севера?

— С востока.

— Тогда это... Сельцо годится? Километров семь по прямой.

— Я вас встречу, ориентир — «царевна-лягушка».

У «Витязя» был разработан целый набор сигналов сбора и ориентации, зашифрованный под разными поэтическими названиями. «Царевна-лягушка» представляла собой выложенную на болоте из ошкуренных осинок стрелу, хорошо видимую с высоты.

— Понял.

— До встречи.

Крутов выключил телефон, спрятал его в карман.

— Какой у тебя номер телефона?

— Мобильного или домашнего?

— Мобильный я забираю.

Мокшин продиктовал шесть цифр. Крутов сделал ему «ручкой».

— Пока, господин мэр. Собирай людей, у тебя не так много времени осталось.

Он исчез, тихо вздохнула входная дверь, наступила тишина. Мокшин тупо посмотрел на стакан в руке и швырнул его в стену.

БРЯНСК — СЕЛЬЦО

КРУТОВ

Спал он прямо в машине, откинув сиденье, привычно заставив организм работать в режиме «куриной дремы». Машину же поставил рядом с городским УВД, зная, что, если даже об угоне «Нивы» хозяин сообщит в ГАИ, искать машину возле милиции не станут. Ровно в пять сорок пять утра внутренний «будильник» разбудил Крутова, и он сразу вспомнил, где находится и как сюда попал. Бросил взгляд на часы. Спал он всего два часа пятнадцать минут, но и этого времени оказалось достаточно, чтобы тело отдохнуло и включилось в привычный ритм жизни. В былые времена иногда приходилось не спать по трое суток подряд, и ничего, организм выдерживал.

— Ну что, Жора, ты собрался? — вслух проговорил Крутов, доставая флакон с ерофеичем. Сделал глоток, прислушиваясь к ощущениям. Он не очень верил, что Мокшин последует совету, соберет своих лакеев и поедет выручать жену, однако

упускать такой шанс не следовало. Руководство лаборатории если и не отпустит Лизу, то хотя бы не решится пойти на крайние меры. Появление Мокшина в зоне давало Крутову небольшой запас времени на подготовку операции, поэтому мэра надо было уговорить, дожать, заставить действовать.

Глоток ерофеича прокатился по пищеводу огненным клубочком, сорвался куда-то вниз, в пропасть Манипура-чакры, и мир вокруг волшебно преобразился. Но если раньше Егор просто прислушивался к своему состоянию, теряясь в смене ощущений и видений, то теперь почти сознательно управлял процессом изменения мировосприятия, ощущая окрыляющий душу восторг и многократный подъем сил. Случись непредвиденное, подойди, например, к машине милиционер, Егор не смог бы даже вылезти из кабины, так плотно напор внутренней энергии «раздул» его эфирное тело до размеров «Нивы». А затем внешняя эфирная оболочка тела Крутова вышла за пределы машины и ушла в космос, обнимая всю Землю...

Процесс «подключения к астралу» длился несколько минут и завершился неожиданно — «падением с огромной высоты» в собственное тело. Технологией плавного возвращения в реальность Крутов еще не владел. Некоторое время отдыхал, оглушенный падением, приходил в себя, анализировал поступившую информацию и вдруг понял, что, кроме телесных ощущений, получил и предупреждение: к Мокшину идти было нельзя! Полковника ждал там неприятный сюрприз.

— Спасибо... — пробормотал Крутов неизвестно кому. — Я приму меры.

Через пять минут он медленно проехал по проспекту Машиностроителей мимо дома Мокшина, оценивая обстановку, и свернул в арку соседнего дома, образующего с многоэтажкой мэра букву Г. Остановил «Ниву» за рядом гаражей-ракушек, заглушил мотор. Интуиция, усиленная ерофеичем, не обманула: в квартире Георгия Владиславовича Крутова наверняка ждала засада. Но организовывали ее не профессионалы спецслужб, так грязно они бы не сработали.

Во-первых, у подъезда стоял мощный «Чероки» с затемненными стеклами, внутри которого сидели люди. Стекла машины были подняты, и хотя утро только наступило — часы показывали шесть с минутами, температура воздуха уже близилась к двадцати градусам, а сидеть летом в духоте никто просто так не стал бы.

Во-вторых, чуть дальше, наискосок через дорогу, стоял еще

один автомобиль с пассажирами — «пятьсот тридцать пятый» «БМВ» и тоже с поднятыми стеклами.

В-третьих, у закрытого по причине раннего утра киоска «Роспечати» курили двое молодых людей в стандартной униформе «крутых»: строгие костюмы вишневого цвета, белые рубашки, клетчатые галстуки, лакированные штиблеты. Они делали вид, что ждут открытия киоска.

— Ай-яй-яй, Георгий Владиславович, — покачал головой Крутов, с разочарованием расставаясь с мечтой заставить Мокшина ехать в Жуковку. — Решил подсуетиться, захватить беглого полковника? Реабилитировать себя в глазах большого начальства? Ну-ну, попытайся, деляга, сатана тебе в помощь!..

Крутов включил двигатель, дал задний ход, собираясь выбираться со двора и ехать в Сельцо, встречать десант «Витязя», как внезапно созрело другое решение. А вот те шиш! — подумал он с веселой злостью, чувствуя небывалый душевный подъем. Я вам сейчас устрою цирк с засадой! Покажу сольный эквилибр! И один «витязь» в поле — воин...

Телефон Мокшина отозвался на втором гудке: звонка Крутова ждали.

— Я слушаю.

— Доброе утро, Жора, — бодро сказал Егор. — Ты готов?

— Давно, — быстро сказал Мокшин. — Ты где?

— На мосту через Десну, подъеду через полчаса на черной «Волге». Учти, времени у нас нет, будь готов сразу отправиться в путь.

— Хорошо, хорошо, буду. Забеги ко мне на минуту, кофе попьем и поедем.

Крутов дал отбой, улыбнулся и выгнал «Ниву» со двора.

Подъезжая к дому Мокшина, он еще раз убедился, что стерегли его не опытные специалисты перехвата местного отдела ФСБ или ОМОНа, а «орлы» мэра, привыкшие чувствовать себя хозяевами жизни. Интересно было наблюдать, как они суетились, переговаривались по сотовым телефонам, бегали взад-вперед, из машины в машину — утрясали планы, ожидая приезда «черной «Волги». Они были на сто процентов уверены, что у них впереди еще целых полчаса до прибытия жертвы, и не скрывали своих хлопот. На «Ниву» Крутова никто из них внимания не обратил.

Егор остановился в метре от джипа «Чероки», спокойно вышел из машины, без оружия, лишь за поясом под рубашкой торчал федотовский дентайр, и направился к подъезду. И ни один из мокшинских «особистов» не остановил его, не поинтересовался, куда направляется молодой мужик в серой рубахе и джинсах, изрядно измазанных травой.

На посту, охраняющем подъезд, дежурил уже другой милиционер, не тот, кого Крутов «уговорил» ночью пропустить его в дом. Оглянувшись назад и делая вид, что заканчивает разговор с теми, кто оставался на улице, Крутов сказал:

— И пусть проверит, нет ли кого в подвале, — подошел к окошку стеклянной будки поста, предъявил удостоверение.

— Полковник Егоров. Открывайте.

Происшествие с напарником никак не научило его сменщика. Он с готовностью нажал кнопку на пульте, открывающую дверь дистанционно, и Егор спокойно вошел, бросив на ходу:

— Никого без моего разрешения не впускать! Даже охранников Георгия Владиславовича.

— А что случилось, товарищ полковник? — пискнул вдогонку тщедушный парень в серо-голубой форме.

— Через полчаса сюда приедет губернатор.

Оставив озадаченного стража двери млеть от ожидания визита столь важной персоны, Крутов шумно, разговаривая сам с собой, поднялся по лестнице на пятый этаж, боковым зрением отметив встрепенувшихся телохранителей Мокшина. Оба торчали за стеклянной дверью в перегородке коридорчика, куда выходили двери трех квартир, в том числе и мэра, и держались нервно. Оба были Егору знакомы: широкомордого, с бычьей шеей и сонным взглядом, звали Станиславом, второй охранял квартиру шефа в его отсутствие, когда Крутов заявился к Мокшину в поисках Елизаветы.

Оглядевшись на лестничной площадке пятого этажа, Егор заметил батарею пустых пивных бутылок возле трубы мусоропровода, прикинул открывающиеся возможности и быстро скатил вниз по ступенькам две бутылки. Прием сработал. Услышав звонкое щелканье бутылок по лестнице, охранники Георгия Владиславовича не утерпели и открыли дверь, чтобы проверить — что гремит. В то же мгновение Крутов в два прыжка преодолел оба пролета лестницы и с ходу влепил первому выглянувшему — Станиславу «двойной потряс» — ногой в колено и кулаком в челюсть. Его напарник сумел вытащить из подмышечной кобуры пистолет, но выстрелить не успел, ребро левой ладони Крутова нашло его запястье, выбивая оружие, а костяшки сжатой в «копыто кабана» правой руки коснулись шеи над ключицей.

Шум от падения двух тел получился изрядный, и Егор метнулся в коридор, к металлической двери квартиры Мокшина,

чувствуя за ней шевеление многих людей: там явно услышали шум и решили выяснить, в чем дело. Появления Крутова они еще не ждали, также уверенные в том, что он подъедет, как обещал, «через полчаса».

Дверь приоткрылась, высунулась чья-то коротко стриженная круглая голова. Крутов мгновенно втолкнул детинушку в прихожую, «копытом кабана» вбил кадык парня в горло (будет жить, это не смертельно, хотя и больно) и тут же в прыжке, распластавшись в воздухе, достал ногой ошалевшего от неожиданности второго охранника. Добавил для верности удар локтем в ухо, отобрал у того и другого пистолеты с глушителями, нож, два электрошокера, подобрал стоявший в углу автомат и шагнул в гостиную, откуда доносились голоса разговаривающих мужчин.

Собеседников было трое: хозяин квартиры Георгий Мокшин, одетый в белый летний бизнес-костюм, слегка возбужденный, уверенный в себе и красивый, как новенькая сторублевая купюра, незнакомый седоватый мужчина в летней форме полковника милиции и молодой кавказец с шапкой блестящих черных волос, черноглазый, черноусый, гибкий и ощутимо сильный. Именно он был самым опасным из всех троих, потому что среагировал молниеносно, как только Крутов вошел: выхватил пистолет и, держа его двумя руками, направил гостю в лоб. Егор остановился, держа кавказца под дулом автомата, сказал, раздвинув губы в иронической усмешке:

— Хочешь посоревноваться, кто выстрелит первым?

Мокшин, враз потеряв лоск и блеск, перевел взгляд с Крутова на своего приятеля и обратно, нервно облизнул губы и выдавил:

— Э-э... спокойно, господа... Рамазан, осторожно... Давайте... э-э, поговорим без надрыва.

Черноусый Рамазан продолжал сжимать пистолет абсолютно твердыми, ни разу не дрогнувшими руками, и Егор уже решил было стрелять, досчитав до десяти, следя за пальцем противника на курке, и в это время заговорил милицейский начальник:

— Опустите оружие! Рамазан!

Кавказец (чеченец, ингуш?) помедлил, опустил пистолет, крутанул его на пальце, собираясь сунуть за пазуху, но Крутов повел стволом автомата, и черноусый (профессионал, черт побери!) бросил оружие на стол.

— Вы Крутов? — продолжал полковник тем же напористым тоном, в глубине которого пряталась почти незаметная неуверенность. — Положите автомат! Дом окружен...

— Я знаю. — Егор встал спиной к стене, сдвинул ремень второго автомата таким образом, чтобы он смотрел в прихожую, оглядел всех троих. — Спасибо за торжественную встречу, господа. Но мы ведь так не договаривались, Жора?

Оторопевший Мокшин снова облизнул губы, не зная, как оправдываться, и злясь на себя за это.

— Я... думал...

— Теперь я вижу, о чем ты думал. Стандартные мысли для такого деятеля, как ты. Забирай свою вшивую команду и езжай куда мы договаривались. Живо!

— Вы не понимаете, что происходит, — попытался было перехватить инициативу милиционер. — Вы арестованы! Сдайте оружие и...

Крутов выстрелил. Пистолет был с глушителем (красивая мощная девятимиллиметровая «беретта»), и звук выстрела напоминал хлопок в ладоши. Пуля разнесла стоящий на столе стакан вдребезги. Полковник милиции вздрогнул и осекся. Вздрогнул и Мокшин, отшатываясь и бледнея. Никак не прореагировал на выстрел кавказец Рамазан, лишь в глазах его мигнул нехороший огонек.

— Иди, — сказал Крутов. — Твои гости пока побудут моими заложниками. В Жуковке я тебя догоню. И не надейся на помощь легионеров Дубневича, они тебя первого пустят в расход... за разглашение тайны.

Мокшин в растерянности встал, глядя то на Егора, то на своего милицейского приятеля, на помощь которого рассчитывал, и Крутов выстрелил еще раз, сбивая на пол пистолет Рамазана.

— Ну?

Георгий Владиславович опустил плечи и поплелся к двери, опасливо обходя страшного гостя, и как только он закрыл собой кавказца, тот, как сжатая пружина, рванулся вперед, толкая Мокшина на Крутова.

Этот парень был мастером рукопашного боя, равного которому Егор еще не встречал. Достаточно сказать, что он не сделал ни одной ошибки и не колебался ни секунды, если надо было пожертвовать другим человеком или пустить в ход оружие. Единственное, чего он не учел, так это подготовки противника, и не владел в должной мере трансовым, измененным сознанием, позволяющим человеку реагировать на опасность практически мгновенно и двигаться быстрее, чем любой другой человек. Поэтому их бой длился недолго и разбился как бы на три этапа, время описания которых намного превзошло бы время самого боя.

Этап первый.

Рамазан воспользовался возникшим обстоятельством и под прикрытием Мокшина, к которому не питал никаких симпатий, толкнув его в спину, атаковал Крутова. Егор мог бы ответить очередью из автомата, что, наверное, и сделал бы в другое время и в другой обстановке, например, во время операции по обезвреживанию террористов или бандитов, но Георгия и милиционера в погонах полковника убивать не хотел и стрелять не стал. Только увернулся от тела и сбросил с правого плеча ремень автомата. И тотчас же летящий вслед за мэром, как снаряд, кавказец, характерно хекнув, саданул Егора сжатыми в «копыто» костяшками пальцев в переносицу. Если бы не реакция Крутова и его чутье сакки — «ветра смерти», он бы тут же и погиб — противник бил с выплеском энергии и целил в носовую перегородку. Такой удар ломал перегородку, перебивал пучок носогубных артерий и вгонял острый край кости в мозг. Ушел от него Крутов в самый последний миг, миг сатори — боевого просветления. Но и без того, не попав в цель, удар был слишком силен и порвал кожу на щеке под глазом, слегка оглушив Егора. И опять же, если бы не его боевые рефлексы, натренированные сотнями схваток и тренировочных боев, безошибочно управляющие телом даже в моменты отключения сознания, противник добил бы его, остановись он хотя бы на мгновение, однако полковник за секунду сделал еще четыре движения: ушел от «связанной спарки», то есть удара, наносимого другой рукой в голову вслед за первым, травмирующим, слегка присел, убирая голову от «клюва орла», опустил левую руку вниз, прикрывая пах, и толкнул — не ударил, а именно толкнул, потому что для нанесения ответного удара пространства в этом положении не было, — противника в плечо.

Это позволило ему заблокировать четвертый удар — коленом в промежность и на несколько мгновений прервать атаку Рамазана, не ожидавшего, что противник устоит. Тогда кавказец начал второй этап боя, применив методы захвата, выкручивания суставов, сжимания тела и удушения. Действовал он все так же быстро, плавно, без остановки, а обладая большой физической силой, вполне мог сломать руку, передавить горло или скрутить тело противника до сжатия надпочечников, что приводит к смерти от удушения.

Крутов тоже не остановился на достигнутом, опережая Рамазана на какие-то доли секунды за счет угадывания приемов и предвидения его действий. Поэтому, как только кавказец захватил его правую руку и блокировал ее предплечьем, одновременно надавливая на плечо левой и заводя ее за спину, удерживая ноги Егора своими и с силой закручивая его торс влево, Егор ответил «гирей», то есть подогнул ноги, падая вниз, и тут же, выскальзывая из захвата, ударил поднимающимися вверх кулаками по ушам противника.

Рамазан отшатнулся, невольно поднимая локти для защиты верхней части груди и горла: обычно после удара по ушам последователи восточных единоборств применяли прямые удары в открывшееся «пространство верхнего пояса», но Крутов был воспитан по системе барса и ударил «двойным топором дровосека» — ребрами ладоней сверху вниз по почкам кавказца, заставляя его защищаться по длине, то есть комбинацией блоков, уклонов и отходов. Понимая, что проигрывает Крутову в скорости мышления и проведения приемов, он сориентировался и начал третий, судорожный этап боя, «технический», с использованием того арсенала, который он носил с собой.

Сначала он метнул в Крутова нож, а когда Егор отбил его неуловимым движением автомата — искусству отбивания летящих сюрикэнов — тотоку хиёси его научил еще Мстислав Калинович, — Рамазан ласточкой нырнул на пол, за своим пистолетом, одновременно ухитрившись достать из ножной кобуры еще один пистолет — «глок-27» из так называемой «карманной» серии. Но ему, чтобы проделать этот трюк и начать стрельбу, требовалось выполнить четыре движения за полсекунды, Крутову же достаточно было нажать курок автомата, висевшего на левом плече. Но стрелять он не стал — метнул дентайр. Для этого ему понадобилось всего две десятых секунды.

Федотовский кинжал вошел в ухо Рамазану по самую рукоять и отбил ему всякую охоту воевать и двигаться. Выстрелить кавказец так и не успел.

В гостиной Мокшина наступила пугливая тишина. Белый, как полотно, хозяин и его высокий гость молча смотрели на труп коллеги, под головой которого расплылась небольшая лужица крови. Тихий щебет мобильного телефона прозвучал как взрыв гранаты, заставив всех вздрогнуть. Крутов шевельнул стволом автомата.

— Отвечай.

Мокшин, сглотнув слюну, трясущейся рукой (да, не герой ты у нас, господин мэр, только на вид кажешься героем, и то лишь, когда тебя прикрывает кодла в пятнадцать человек) взял трубку телефона.

— Я слушаю... да... н-нет, все в порядке, Рамазан... развле-

кается... нет, не надо, ждите. — Он выключил телефон и посмотрел на Крутова собачьими глазами.

— А теперь делай то, что я тебе сказал, — тихо проговорил Егор. — Еще раз попытаешься зайти мне в спину — убью!

— Георгий... — начал было полковник милиции, на которого победа Крутова тоже оказала впечатление, и умолк, заметив его жест.

Мокшин помог своим телохранителям прийти в себя и повел их, ничего не соображавших, за собой. Дверь за ними закрылась. Надежды на него было мало, вряд ли он собирался ехать в Жуковку спасать Елизавету, но Егор был уверен, что в ближайшие полчаса никаких решительных действий от него можно не ждать. Мэр Брянска оказался достаточно впечатлительным человеком.

— Теперь разберемся с тобой, — сказал Крутов, присаживаясь на краешек стола напротив полковника. Потрогал щеку под глазом, озабоченно посмотрел на окровавленные пальцы, достал платок. — Фамилия, должность.

— Я не обязан... — угрюмо бросил строптивый милиционер, поглядел в ледяные глаза Крутова и поежился.

— Фамилия, должность? — повторил тот.

— Свирь, начальник горУВД.

— В хорошую же ты компанию влип, начальник Свирь. Ты хоть знаешь, чем занимается твой друг Жора Мокшин?

— Он мэр...

— Да какой он мэр, — поморщился Егор, — гангстер! О Российском легионе что-нибудь слышал?

Взгляд исподлобья, с проблеском недоумения.

— Что за Легион?

— Значит, не слышал. Видишь, как они тебя не уважают? Держат за пешку, чтобы подставить в любой момент, да денежками, наверное, снабжают регулярно... чтобы не слышал того, что слушать не положено. Впрочем, скоро у тебя спросят, что ты делал в компании с Мокшиным и Дубневичем. Ты мне, в общем-то, не нужен, ответь только на пару вопросов. Кто это? — Егор кивнул на тело Рамазана.

— Какое это имеет значение?

— Никакого. — Крутов остался спокоен. — Но если ты, проститутка милицейская, будешь и дальше отвечать в том же духе, я тебя евнухом сделаю! Кто этот человек?

Полковник Свирь понял, что собеседник не шутит. Сказал нехотя:

— Рамазан Рахимов, эксперт... из спецподразделения РУОПа...

— Уж не эксперт ли по «зачистке»? Слишком хорошо для руоповца владеет рукопашной. Как он оказался в вашей компании? Он тебе подчиняется?

— В особых случаях... когда требуется обезвредить особо опасного преступника...

— Каким мэр представил меня, так?

Свирь дернул щекой, отвернулся.

Крутов глянул на часы, подошел к телу эксперта РУОПа и проверил его карманы. У Рамазана оказалось не одно, а целых два удостоверения с вытисненными золотом двуглавыми орлами. Одно — капитана регионального управления по борьбе с организованной преступностью, второе — майора какого-то спецподразделения, прячущегося под аббревиатурой РЛ СОЛООС. Хмыкнув, Крутов перечитал удостоверение, сунул под нос начальнику УВД.

— Расшифровывай.

Тот прочитал, в недоумении пожал плечами.

— Я такой организации не знаю.

— Зато я знаю, вернее, догадываюсь, — вздохнул Егор, пряча платок: кровь из раны на щеке перестала течь. — Расшифровать эту мудреную дурь можно примерно так: Российский легион, спецотдел по ликвидации особо опасных свидетелей. Вставай, полковник, оторви недвижимость от стула. Иди вперед.

— Куда?

— Спустимся к машине, во избежание соблазнов застрелить меня «при попытке к бегству».

— Тебя все равно поймают.

— Это еще бабушка надвое сказала. — Егор уткнул ствол автомата между лопаток начальника милиции и повел его из квартиры на улицу. — Кстати, полковник, а почему ты не взял своих ребят, из ОМОНа или СОБРа? Уверен, они подготовлены лучше мальчиков мэра.

Свирь, низкорослый, плотный, косолапый, засопел, но не ответил. Крутов толкнул его стволом автомата.

— Заснул?

— Не велели... — через силу буркнул полковник. Шея его налилась кровью.

— Верю, зачем поднимать лишний шум? Кто не велел-то? Жорка?

— Георгий Владиславович.

— Спасибо, что послушался. С собровцами мне пришлось бы воевать всерьез.

Во дворе машин Мокшина с «братвой» не оказалось, мэр все-таки ослушаться своего врага не посмел. А может быть, сделал вид, что подчинился приказу, а сам решил отсидеться где-нибудь в сторонке. Не обнаружил Егор и оставленного прикрытия в виде наблюдателей и снайперов на крышах соседних домов. Помощники у Георгия Владиславовича опыта операций по захвату профессионалов спецслужб не имели. Тем не менее Крутов усадил начальника УВД Брянска в «Ниву», не обращая внимания на увеличившийся поток пешеходов, и выехал с ним за город по московской трассе. Сказал, высаживая полковника в лесу:

— Не говори никому, что случилось, даже прямому начальству в области, иначе к тебе придет другой Рамазан и уберет как свидетеля. Если ты умный — попробуй выяснить, что такое Российский легион, только тихо, без помощников, самостоятельно, и сообщи в Москву. Есть к кому обратиться в случае чего?

— Найду.

— Тогда бывай здоров. — Крутов закрыл дверцу и погнал «Ниву» дальше, оставив растерянного полковника на дороге, но, как только тот скрылся за поворотом дороги, развернул машину и проселочной дорогой выехал на трассу, поворачивая к городу. У него еще оставалось время на то, чтобы заехать в офис брянского филиала Ордена чести и справиться у его магистра о судьбе Федотова. Заодно Егор надеялся поменять вид транспорта, на «Ниве» передвигаться становилось опасно.

В начале одиннадцатого он зашел в здание областной администрации, где располагался Орден чести, побалагурил с миловидной секретаршей магистра, которая ничего о Федотове не слышала, и дождался самого магистра. Однако Дмитрий Евстафиевич Кумок тоже ничего не слышал о разгроме жуковского отделения Ордена и скорее всего резидентом военной контрразведки не был, уж слишком открыто выражал свои эмоции. Оставив его в горестном недоумении, Крутов с тяжелым сердцем сел в «Ниву» и снова выехал из Брянска, но уже не по Московской дороге, а в сторону Рославля. Оставил машину за посадкой, проголосовал, и через час неразговорчивый старикан на старой «Волге» высадил его на окраине поселка под названием Сельцо.

До встречи десанта «Витязя» оставалось еще два с половиной часа.

ДЖЕХАНГИР

Несмотря на пятьдесят пять лет занятий кунгфу, а впервые привел его в додзё[1] отец в трехлетнем возрасте, Мстислав Калинович не стал ни последователем какой-то определенной философской школы типа Дао, ни адептом боевых традиций предков — русских и монголов, кровь которых текла в его жилах, ни духовным учителем десятков молодых воинов, хотя ему и случалось их учить. Не стал он и духовно богатым человеком, несмотря на свой опыт общения со многими выдающимися мастерами единоборств и мудрецами, такими, как Морихэй Уэсиба или Шри Чинмой. Во всяком случае, он не испытывал угрызений совести, если ему приходилось кого-то обманывать — всегда с благими намерениями — или предавать — это называлось «сменой позиций».

«Позиции» он менял, надо отдать ему должное, не часто, всего три раза в жизни. Впервые это произошло в тысяча девятьсот шестидесятом году, когда он отбил девушку у своего друга. Второй раз Мстислав Калинович «сменил позицию» двенадцатью годами позже, в семьдесят втором, поделившись секретами с американцами во Вьетнаме, где он работал офицером-инструктором: его взяли в плен, и, чтобы выжить, Джехангир выдал координаты нескольких советских баз. КГБ, естественно, об этом не узнал.

Третья «смена» произошла сравнительно недавно, два года назад, когда вербовщики РВС предложили ему поделиться знаниями о методах тренировки диверсантов и разведчиков в спецподразделениях ГРУ. Чтобы стать н а д обстоятельствами и получить чин генерала Российского легиона, он пошел и на это, не видя в поступке ничего предосудительного: в этом государстве все продавалось и покупалось во все времена, а тем более во времена строительства коммунизма, например, диплом об окончании юрфака МГУ. Как говорилось: что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги, в том числе славу, честь и жизнь. А торговаться Джехангир умел, видя в людях то же неуемное желание власти, что жило и внутри его. Люди для него были разными не из-за несходства характеров, вкусов и темперамента, а в силу разного запаса властолюбия, поэтому он делил их на «сильных» — тех, кто

[1] Додзё — «место, где постигают Путь», тренировочный зал.

ставил цель и добивался ее, на «питающихся» — то есть способных отобрать у ближнего кусок хлеба, и на «траву» — всех остальных, мнением которых можно было пренебречь. И не только мнением, но и жизнью. Каково же было удивление Мстислава Калиновича, когда тот, кого он считал своим последователем и соратником, умеющим выслушать, успокоить и дать дельный совет, вдруг возразил ему:

— И все же ты меня не убедил, Мстислав...

Джехангир споткнулся, как остановленный на скаку конь, посмотрел на Тимергалина, разглядывающего проступившие в быстро темнеющем небе звезды.

Шел одиннадцатый час ночи, они гуляли по неосвещенной территории научного городка «Объекта №2» и беседовали о смысле жизни, о целях Реввоенсовета вообще и Российского легиона в частности, вернее, говорил в основном Джехангир, Умар Гасанович слушал. И вдруг сказал:

— Все же ты меня не убедил, Мстислав... Построение «коммунистической монархии» такая же утопия, как и построение «полного коммунизма». Вы построите Империю, которая снова рухнет.

— Но если Россия не будет Империей, ее не будет вообще! — не сдержался Мстислав Калинович. — Придет иной народ, иная культура, может быть, иная раса или этнос, и исполнит миссию, которую геополитика возложила на плечи нашего народа. И это требование не идеологии, а русского пространства! Мы выживем, если только станем Империей!

— Возможно, ты прав... — Тимергалин продолжал смотреть в небо. — Да, наверное, прав, и все же печешься ты не о сохранении культуры и уж точно не о судьбе русского народа, а о чем-то другом... хотя я тебе не оппонент. Я тебя внимательно выслушал и понял, что ты не мне пытаешься доказать свою или чужую правоту, а самому себе, и до сих пор сомневаешься, правильную ли позицию выбрал. Так?

Джехангир увидел отразившиеся в темных глазах Умара Гасановича звезды, превратившие его в пришельца, сдержал крепкое словцо. Тимергалин великолепно разбирался в психологии людей и читал душу Джехангира свободно, будто книгу. В последнее время Мстислав Калинович действительно начал сомневаться в правильности последней «смены позиции», смутно ощущая угрозу, исходящую от РВС. Машина, называемая Проектом, детище Реввоенсовета, набирала ход и грозила подмять под себя любого, кто осмелился бы встать на ее пути, независимо от ранга, звания, должности и качеств его

личности. Любой, кто попытался бы самоустраниться от этого процесса, самовольно изменить какой-либо параметр Проекта, просто ошибиться, наконец, был бы безжалостно раздавлен. А Джехангир всегда предпочитал быть свободным в выборе цели, а не слепо повиноваться приказу. Себе он мог в этом признаться, приятелю-экстрасенсу и магу — нет, хотя тот, наверное, и так знал о нем всю правду.

— Просто мы выходим на иной уровень реализации Проекта, — сказал Мстислав Калинович, — и я отчего-то нервничаю.

— Хочешь прогноз?

— Хочу... впрочем, нет. Поговорим об этом дома, в Москве. Как ты думаешь, Дубневичу удастся удержать ситуацию под контролем?

— Нет, — ответил Тимергалин тихо. — Он торопится и делает ошибки.

— Что ж, увидим. Похоже, я вовремя вызвал бригадира по «зачистке».

— Я его знаю?

— Рамазан Рахимов, бывший рэкс[1] ГРУ. Он как-то приходил ко мне в твоем присутствии.

— Помню. Он боец, но слишком самоуверен.

— Главное, что он знает дело. Утром вызову его сюда, пусть приценится.

— Не жаль гробить такой мощный исследовательский центр? Оборудование, кадры? Образцы продукции?

— «ЗГ» никто уничтожать не собирается, хотя все эти «зомби-генераторы», «глушаки» и «болевики» — мелочь, вчерашний день. Самое страшное психотронное оружие на сегодняшний день — телевизор. — Джехангир издал короткий смешок. — И мы это оружие успешно применяем. Но Директор обещает в скором времени создать систему пси-управления, опирающуюся на компьютерные сети, системы связи и телевидение вместе взятые. Вот тогда мы и заговорим в полный голос.

— Есть объекты, подчинить которые невозможно даже с помощью глобальных психотронных систем.

— Это какие же?

— Природные психотронные генераторы — эгрегоры.

— Эгрегоры — всего лишь коллективное бессознательное групп людей, выбирающее лидера, так вот мы этих лидеров

---

[1] Рэкс — разведчик экстра-класса (*жаргон спецслужб*).

либо подчиним, либо уничтожим, а остальное, как говорится, дело техники.

— Ну хорошо, допустим, вы достигнете цели, сделаете революцию, подчините правительство, президента, станете контролировать всю страну, а дальше? Начнете воевать с лидерами других стран, переделывать мир, расширять «русское пространство»?

Джехангир нахмурился: ему не понравился не сам вопрос, а тон, каким он был задан.

— Нет, войны не будет, дорогой Умар. Коллеги в других странах тоже работают над проблемой глобального управления обществом и близки к решению задачи. Мы контактируем с ними.

Тимергалин наконец оторвался от созерцания звезд, и они не спеша двинулись по асфальтовой дорожке вокруг центрального корпуса лаборатории, сопровождаемые внимательным оком скрытой телекамеры.

— Значит, я был прав, вами движет не желание сохранить уникальную русскую культуру, а примитивная жажда власти. И как же вы ее поделите?

Джехангир почувствовал в словах друга насмешку, но не обиделся, проговорил с легкой улыбкой:

— А вот этого я и сам не знаю. Главное сейчас — выстроить пирамиду власти, остальное потом.

Тимергалин молча покачал головой, не желая возражать вслух. Он был уверен, что руководители Проекта эту проблему давно решили, распределив властные функции между теми, кто претендовал на определенные посты в будущей постреволюционной структуре. Но, зная человеческую природу, Умар Гасанович сомневался, что исполнителям Проекта, даже таким основным, как Джехангир и председатель РВС, полагались места у трона «фараона», того, кто окажется на вершине пирамиды.

В кармане Джехангира свистнула рация. Из Жуковки звонил командир оперативной группы, которую он взял с собой. Мстислав Калинович выслушал сообщение, глянул на часы.

— Дубневич вычислил агента контрразведки, но живым взять не смог.

— Почему он не известил тебя о проведении операции?

— Захотел отличиться. Чует, что я ему не доверяю. Ты намекал на то, что знаешь будущие события. Давай свой прогноз.

— У вас объявился какой-то очень серьезный противник.

Он жаждет уничтожить «Объект № 2» и готовится к нападению.

Джехангир остановился.

— Неужели Крутов? Но ему не на кого рассчитывать, он остался один.

— Не знаю. Угроза вырисовывается достаточно рельефно, я вижу определенного цвета «поток внимания», а кто окажется ее реализатором...

— Понял. Что ж, это может быть и Крутов, и резидент военной контрразведки, переигравший Дубневича. Придется ускорить «зачистку».

Мстислав Калинович поднес к губам брусок рации.

— Мелещенко, свяжитесь с Рахимовым. Он и его люди должны быть здесь не позднее завтрашнего полудня.

— Я бы посоветовал другое, — сказал бесстрастно Умар Гасанович. — Не мешать Крутову или тому, кто задумал посетить объект. Пусть они начнут... а потом твои люди довершат начатое и уберут ненужных исполнителей, свалив вину на них.

Джехангир задумался, тихо рассмеялся, сжал локоть Тимергалина.

— Все-таки я не зря взял тебя с собой. Ты прав. Это идеальный выход из положения. Подождем Дубневича, что он скажет в свое оправдание. Если он не захватит Крутова, оправдаться ему будет очень трудно. — Мстислав Калинович снова достал рацию. — Кремера ко мне.

Через минуту из темноты вынырнула черная фигура.

— Я здесь, товарищ генерал.

— Забери у Сватова девчонку из Ковалей и отвези на склад ГСМ. Оставь с ней двух легионеров.

— А парня?

— «Мститель» пусть останется в отстойнике. Если повезет, он дождется своего приятеля.

Личный телохранитель Джехангира исчез.

Тимергалин остановился поодаль, снова запрокинул голову в небо.

— Какая ночь!.. Посмотри на звезды... они ведь разговаривают с нами... неужели не слышишь?

Джехангир мельком глянул на купол небосвода с крупными звездами, перечеркнутый серебристой полосой Млечного Пути, и равнодушно ответил:

— Не слышу...

СЕЛЬЦО — ЖУКОВКА

КРУТОВ

Вертолеты шли на бреющем, прижимаясь брюхом к поверхности земли, буквально цепляясь полозьями за вершины самых высоких сосен, — два легких многоцелевых «Ансата» в камуфляже, способных нести по пять-шесть десантников с полным боекомплектом. Сигнал Крутова — выложенную из тонких осиновых стволов стрелу на поверхности болотца в трех километрах от поселка, они обнаружили практически сразу, не выписывая поисковых кругов. Сели на песчаном мысу в сотне метров от стрелы, и Крутов вышел к ним из метровой высоты тростниковой крепи.

Отодвинулась дверца отсека, на песок спрыгнул Саша Зубко в обычном гражданском обмундировании: серый пиджачок под названием «лапсердак», застиранная до цвета «линялый» футболка, не первого надёва брюки, лапотного вида сандалеты, — сорвал травинку и, засунув ее в рот, двинулся навстречу. Вслед за ним никто не вышел, и у Егора екнуло сердце: стекла кабин вертолетов были затемнены, и ему показалось, что внутри никого нет.

— Привет, командир. — Саша подал шершавую твердую ладонь. — Давно ждешь?

— Ты один?

Зубко понял, ухмыльнулся.

— Дисциплина, Лукич. Сидят, ждут.

— Кто?

— Марат, Кока, Серый, Воха... все наши, одиннадцать волкодавов. Я мог бы взять и второе отделение, но подумал, что справимся.

— Правильно подумал. Как прошли? Кто-нибудь видел?

— Может, кто и видел, только не локаторщики. Во-первых, вертолеты покрыты спецпомадой, поглощающей ВЧ, во-вторых, шли мы на пузе, противозигзагом, обходя радиобаты. Я карту достал с координатами.

— Молодец. Разгружайся. Впрочем, погоди. Ты хорошо понимаешь, что будет, если мы проколемся?

— Дальше Чечни не пошлют, меньше взвода не дадут, — беспечно махнул рукой Зубко, посерьезнел. — Ну уволят из службы, так ведь и на гражданке жить можно? Частное антитеррористическое агентство открою. Расскажи лучше, что за контору надо взять.

— Позже. Зови ребят.

— Отсюда пойдем?

— Ближе на технике не подойти, засекут.

— Тогда принимай командование, Лукич. Кадры тебе все знакомы, а условия ты знаешь лучше, чем я. Давай вводную.

Крутов стукнул кулаком в плечо Александра и вскинул кулак над головой. И тотчас же сдвинулись двери кабин и на землю посыпались десантники, похожие в своих спецкостюмах на космонавтов. Егора обступили со всех сторон: громадный Балязин, худенький живчик Погорелов, высокий и гибкий, как лоза, Костя Морозов, сильный, с железными пальцами Воха Васильев, — сдержанно выражая радость от встречи, хлопая его по спине и плечам, и тут же мгновенно выстроились в шеренгу после негромкого «гм!» Зубко. Крутов проглотил ком в горле, прокашлялся.

— Итак, я повторяю свой вопрос: никто?

Шеренга отозвалась разнокалиберным смешком: ребята были полны сил, здорового мироощущения и желания действовать. Сомнений в том, что их бывший командир может использовать спецгруппу антитеррора не во имя справедливого дела, они не испытывали.

Инструктаж занял четверть часа. Разжевывать обстановку и объяснять «витязям» условия предстоящей операции по нескольку раз не требовалось. Затем Зубко принес Крутову еще один «космический» комплект, переоделся сам, и они проверили экипировку костюмов и вооружение.

Каждый «витязь» имел пистолет-пулемет (отечественные «овца» или «бизон» с подствольным гранатометом), бесшумный пистолет («бердыш» или «дротик»), наборы ножей, метательных пластин и стрел, гранаты, в том числе светозвуковые, шарики и «ежи» для метания и отхода, комплект выживания с кислородным и замораживающим патронами. Кроме того, штатные снайперы группы Балязин и Погорелов несли бесшумные снайперские винтовки «винторез» и арбалеты, а Зубко взял пиропатроны и взрывчатку: он имел подготовку подрывника.

Крутов убедился в готовности своего оружия к бою, пожалел, что у него нет бэтдаггера и был весьма удивлен и обрадован, когда Саша подал ему еще одну «летучую мышь» в ножнах.

— Вот, захватил на всякий случай. Подумал, вдруг ты тот первый бэтдаггер посеял где-нибудь...

Егор шлепнул ладонью по подставленной ладони бывшего заместителя, скомандовал:

— Походный «уступ». Бегом марш!

И отряд углубился в лес, в тени которого послеполуденный зной почти не ощущался. Вертолеты остались у болота. Они должны были по радиокоманде подскочить в район проведения операции и забрать группу.

К болоту, подходившему к зоне с севера, вышли через час. Задача, которую поставил Крутов, была проста: незамеченными пробраться на территорию объекта, освободить Елизавету и Панкрата Воробьева и так же незаметно выйти обратно. Правда, себе лично Егор усложнил задание, но говорить об этом никому не стал. Ему необходимо было еще разок встретиться с майором Сватовым и навсегда отбить ему охоту грубить полковникам службы безопасности.

Полтора часа ушло у «витязей» на рекогносцировку местности и разведку охранных систем зоны. Ровно в пять часов пополудни Крутов собрал группу в кустах на склоне пологого холма, за которым начиналась территория зоны, выслушал доклады разведчиков, взопревших, разгоряченных, на время снявших свои «космические» шлемы, и повернулся к сосредоточенно жующему травинку Зубко.

— Соображения?

— Если дождаться ночи, то идти надо со стороны болота, колючки там нет, хотя лазеры и телекамеры стоят. Если начинать операцию сейчас, то идти надо через самый защищенный участок границы, где нас не ждут. — Александр помолчал. — Или вообще действовать внаглую, через центральный вход.

— Через зону протекает ручей, — проворчал Балязин. — Я бы рискнул пройти по нему.

— Может, вызовем вертолеты и десантируемся сразу в центр? — подал голос Морозов.

— Еще варианты?

«Витязи» замолчали, переглядываясь. Крутов оглянулся на подползшего Васильева.

— Нашел?

— В пределах версты — ничего...

— Жаль.

— Что ты искал? — спросил Зубко.

— Корову.

Александр в недоумении посмотрел на Егора, и тот добавил:

— Можно было бы попытаться отвлечь внимание охраны.

— Идея неплохая, но требует много времени. Что ты решил?

— Тихо пройти не удастся.

— Я тоже так думаю.

— И ждать нельзя. Сватов запросто может приказать «вивисекторам» испытать пси-генератор на... моих друзьях. Придется реализовывать самый сложный вариант. Сейчас расходимся вокруг зоны, оставляя сектор восток—север. По сигналу начнем с минутным интервалом «трогать паутину» — заставлять срабатывать сторожевую автоматику...

— Чтобы охрана начала бегать по вызовам...

— Я пойду в зону один, по ручью, найду Сватова и «уговорю» его отдать один пси-генератор.

— Он согласится? — Крутов усмехнулся.

— Отдать генератор — нет, а встретиться — да. Он очень большой любитель красоваться перед самим собой и ждет меня не дождется. Думаю, он не откажется доказать мне, что он круче. Потом я вернусь сюда и проведу группу в зону. С генератором сделать это будет нетрудно.

— Бредятина... — пробормотал Балязин. — Пардон, командир. Я человек простой, не знаю, что такое пси-генератор, и вижу только один реальный путь — десант с «вертушек».

— Ты уверен, что Сватов не откажет себе в удовольствии покуражиться? — сказал быстроглазый, юркий Погорелов.

— Уверен, — кивнул Крутов. — Мы встречались трижды, и каждый раз он проигрывал, а самолюбия у него — выше крыши.

— Тогда я предложил бы соединить два «наглых» варианта. Я ползу в зону по ручью и залегаю с «винторезом» на краю поляны, чтобы держать под прицелом весь центр. Командир же идет туда через центральный вход, один, без оружия, вызывает Сватова... остальное по плану. Сразу его не убьют.

«Витязи» оживились, Балязин прижал голову Погорелова к земле огромной ладонью.

— Я знал, что ты псих, но не думал, что до такой степени.

Крутов и Зубко встретились глазами.

— Идея настолько бредовая... — начал Александр.

— Что имеет право на осуществление, — закончил Егор. — План принимается, хотя и с уточнением: «трогать паутину» не будем. Охрана сразу догадается, что я пришел не один. Сергей, отправляйся. Марат, Воха, подстрахуйте его, пока он будет вползать в зону. Остальные ждут меня здесь.

Егор начал переодеваться.

— Как мы узнаем, что ты дошел?

— Погорелов даст знать. Хочу всех предупредить: психотронный излучатель — не легенда, меня взяли только с его помощью. Поэтому, если увидите в руках охранников черные пушки с толстым дулом — стреляйте немедленно! Эффектив-

ной дистанции поражения излучателя я не знаю, но метров на двадцать он действует.

Крутов натянул на себя костюм, в котором прибыл Зубко: «лапсердак», футболка, брюки, сандалии, — повертел в руках «летучую мышь» и с сожалением отдал Александру.

— Потом вернешь.

— Что ж ты, вообще без оружия пойдешь?

— Кое-что возьму. — Егор засунул в волосы две метательных иглы — ядзири, бросил в карманы пиджака и брюк тяжелые шарики, а на шее под волосами приклеил маленькую плоскую трехлепестковую звездочку — касугаи. — Все, я пошел.

— Я тебя провожу. — Зубко отобрал у Балязина его «винторез».

— Будь осторожен, командир, — сказал Морозов.

Егор и Саша спустились к кромке болота и побежали, лавируя между поваленными деревьями и кочками, забирая к югу, где проходила асфальтовая дорога к зоне. Крутову бежать было легче, но длинноногий и жилистый Зубко не отставал, демонстрируя мощный и бесшумный бег воина-невидимки. У шоссе они остановились. Крутов достал флакон с ерофеичем, сделал глоток, протянул заместителю.

— Дай ребятам по капле и сам хлебни.

— Что это за отрава?

— Стимулятор. Не удивляйся ощущениям, они пройдут, а запас бодрости обеспечен часа на два. Погорелов уже в зоне?

Зубко глянул на циферблат часов.

— Должен быть уже там.

— Ждите.

— Ни пуха...

— К черту!

Чувствуя разгорающийся красочный фейерверк взбудораженной ерофеичем нервной системы, Крутов вышел на дорогу и, не оглядываясь, зашагал в сторону главного въезда в зону, скрытого за поворотом. Когда он подошел к воротам, мир вокруг уже успокоился и по жилам заструилась не кровь — чистая энергия, а чувства обострились так, что Егор слышал, как в двух километрах отсюда квакают лягушки. Остановившись перед воротами, с виду никем не охраняемыми, и определив расположение телекамер, он двумя бросками металлических шариков разбил их окуляры и стал ждать. Охрана появилась через минуту — два здоровенных камуфлированных жлоба с эмблемами Российского легиона на беретах. Автоматы в их руках казались игрушечными.

— Ты что, козел, оборзел?! — с угрозой сказал один из них.

— Вызови Сватова, — ровным голосом сказал Крутов, испытывающий огромное желание залепить шариком в глаз амбалу. Он чувствовал присутствие за спиной Саши Зубко, смотрящего на ворота через прицел снайперской винтовки, и охранников не опасался.

Жлобы переглянулись.

— Он что, твой родственник?

— Крестник. Скажите ему, полковник Крутов пришел.

Один из верзил подвинул к губам усик микрофона, бросил несколько слов, выслушал ответ и направил автомат на Егора.

— Заходи. Руки за голову!

Крутов поднял руки, сцепил пальцы на затылке и вспомнил блоковскую «Песнь Офелии»:

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро.
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

Створки ворот раздвинулись. Егор шагнул вперед. Его остановили, обыскали и, ничего не найдя, оставив шарики (ну, ребята, спасибо!), повели по дороге к центру зоны. Однако пешком идти далеко не пришлось: Сватов прислал транспорт — мотоцикл, — и через пару минут Крутова высадили возле центрального здания лабораторного комплекса, где его ждали майор Сватов и полковник Дубневич в сопровождении десятка мощных качков в пятнистых костюмах.

— Какая приятная встреча, — растянул губы в саркастической улыбке Сватов.

— Где девушка? — бесстрастно спросил Егор, гадая, добрался ли Погорелов до центральной поляны.

Полковник Дубневич, внимательно разглядывающий Крутова из-под тяжелых век, усмехнулся.

— Ну вы и наглец, Крутов! Признаться, я не верил, что у вас хватит духу заявиться сюда после того, как вы дважды ушли от моих людей, однако ошибся. На что вы рассчитываете? На кого надеетесь?

— На себя, — ответил Егор. — И на закон справедливости. Отпустите девушку, Елизавету Качалину, она ни в чем не виновата.

— Не могу. Ее здесь нет.

— То есть как нет?! — Свет в глазах Егора померк.

— Ее забрал генерал Джехангир. Кстати, он что, правда ваш знакомый?

— Мстислав Калинович?!

— Знакомый, значит. Интересно. Вы давно его знаете?

— Где... он?

— Не имею понятия. — Дубневич с сочувствием пожал плечами. — Ну?

Это «ну?» относилось уже не к Егору. Из-за его спины выступил небольшого роста мужчина в камуфляже:

— Никого. Похоже, он пришел один.

— Странно. — Взгляд Дубневича стал тяжелым и подозрительным. — Неужели такой битый волк, каким является полковник Федеральной службы безопасности, решится прыгнуть в пасть более крупного зверя без поддержки? Не верю. Кстати, полковник, это не ваши вертолеты совершили посадку возле Сельца?

— Не имею понятия, — без запинки, спокойно ответил Крутов, хотя внутри у него все сжалось. Группе Зубко все-таки не удалось обмануть противника и пройти над Брянщиной скрытно. Хоть бы Погорелов слышал разговор и передал ребятам о том, что десант обнаружен!.. Но где же Елизавета? Зачем она понадобилась Джехангиру? Почему он оказался здесь?.. Мысли метались, как зайцы, а времени на анализ ситуации было мало.

— Ну, это мы скоро выясним, — продолжал Дубневич. — Майор, пройдись-ка вокруг зоны со своими охотниками, через час привезут собак. Полковника Крутова заприте пока в отстойнике, до приезда генерала.

— Я хотел бы... э-э, побеседовать с полковником, — сказал Сватов.

— Ничего не имею против. — Дубневич отвернулся, сделал знак своим телохранителям и зашагал прочь. — Только не переусердствуйте, генералу он нужен живым.

— Вот и исполнилась твоя мечта, — осклабился Сватов, меряя Крутова оценивающим взглядом. — Где желаешь принять геройскую смерть? Можем поговорить в спортзале, можем на свежем воздухе.

— На свежем воздухе, — коротко ответил Крутов. — В тенечке.

— Можно и в тенечке. Шагай.

Они пересекли поляну, остановились в тени лесной опушки. Майор освободился от амуниции, сбросил куртку, майку и остался в одних пятнистых штанах и ботинках, голый по пояс.

— Пусть молодежь посмотрит, поучится, не возражаешь? Ты ведь хороший рукопашник, барс, насколько я знаю?

Развит Сватов был великолепно, мышцы перекатывались по его тренированному телу при каждом движении, и по хищной грации и свободной осанке Крутов угадал в нем мастера боя одной из школ русского стиля. Интересно, пистолет в кобуре, который майор так бережно положил на траву, обычный пистолет или пси-генератор?

— Далеко оружие-то не клади, — не меняя равнодушного тона, бросил Крутов. — Вдруг снова придется глушить меня психотронной колотушкой?

— Обойдусь и без нее, — раздул ноздри Сватов. — Давай, поторапливайся, у меня много дел.

Что и требовалось доказать, удовлетворенно подумал Крутов. Майор ходит с пси-генератором, и теперь надо лишь завладеть им. Зрителей немного, всего шесть человек, но все вооружены. Когда они поймут, что поединок завершается не в пользу командира, придется туго, если не поможет Погорелов. Стратегия ясна, полковник? Вперед! Посмотрим, на что способна эта высокомерная дубина... Как там говорил в таких случаях поэт? Ну что ж, придется вами насладиться?.. И где же все-таки Елизавета? Неужели и вправду ее забрал Джехангир?..

Крутов скинул пиджак и сандалии, оставаясь в брюках и футболке. Без брюк двигаться было бы легче, но в их карманах лежали метательные шарики, которые могли пригодиться в дальнейшем, какое-никакое, а вместе с иглами и звездочкой — оружие, и пренебрегать им не стоило. Бой начался, как только он нагнулся и снял сандалии, собираясь драться босиком. Разогнуться не успел — Сватов не стал ждать, когда противник наконец приготовится. И дрался майор не хуже, чем специалист по «зачистке» Рамазан Рахимов, с которым Крутова свела судьба в Брянске у Мокшина. Если бы не умение уходить в трансовое состояние п у с т о т ы, усиленное приемом ерофеича, Крутов вряд ли продержался бы долго, ошеломленный натиском майора. Такого града приемов, выполненных на самом высоком уровне мастером рукопашного боя в течение нескольких первых секунд поединка, он от него не ждал.

Сватов наносил удары из любого положения, неожиданно меняя их направление, безошибочно находя уязвимые места обороны противника. Его кисть, стопа, локоть, колено, палец — начинали свой путь именно туда, куда требовалось, в конкретную точку поражения, а не в формальный «верхний» или «нижний» пояс. Работал он в основном ребром ладони — по горлу, суставам, ребрам, что действительно напоминало

технику русского суева, но изредка вдруг наносил тычковые удары-уколы, способные пробить грудную клетку, перебить кость, сломать позвоночник, и это была уже техника иного уровня, близкого к карате или тайдзюцу, хотя выполнялась не «по-японски» — с выплеском энергии в финальной стадии приема, а чисто «по-славянски» — с использованием спирально-закрученной динамики телесной организации. Крутов когда-то в начале спортивной карьеры практиковал подобные стили под руководством Джехангира, но не в таком объеме. Похоже было, что тренировал Сватова адепт боливака, системы боя, якобы восходящей к истокам Атлантической и Лемурийской цивилизаций, опирающейся на триггерную динамику, то есть на сверхбыстрое изменение состояний движения, как абсолютно адекватное отражение внешних воздействий и внутренних факторов телесной организации.

Конечно, майор владел боливаком (если это и в самом деле был легендарный боливак) не в совершенстве, ему не хватало внутренней духовной подпитки, морально-этических ограничителей, что для русского воина всегда было главным аспектом его мировоззрения. Русский боец никогда не убивал ради развлечения, удовольствия или спортивного интереса. Сватов жил по другим законам, на первом месте у него всегда стояло его «я», собственные желания, а право соперника на свободу и жизнь он никогда не ценил. Если для истинного воина путь овладения боевыми искусствами сводится к постижению истинного смысла жизни через воинскую практику, то для Сватова главной движущей силой было приобретение власти, а целью — победа любой ценой. И Крутов испытал это на себе, недооценив противника чуть ли не по всем статьям.

Первая же комбинация приемов майора повергла Егора в состояние грогги: он не успел защититься, не успел сгруппироваться (ставил сандалии на траву), хотя обязан был все предвидеть, не успел ответить — лишь невероятным ухищрением тела ослабил удары в область сердца и живота. Если бы это ему не удалось — разрыв сердечной сумки или селезенки был бы обеспечен, а как следствие — верная смерть!

И следующие два каскада приемов боливака, отзывающихся вспышками боли в точках контакта, Егор практически пропустил, сбрасывая сознание в «параллельный поток» и переходя полностью на рефлекторное реагирование. И лишь ухитрившись перехватить ногу Сватова и скрутить его броском на землю, перевел дух и начал строить систему защиты — уклоны, нырки, уходы на дистанцию, стопорящие ответы, а потом

и нападения, основанные прежде всего на отсутствии ненависти к противнику, преодолении собственного страха, чутье опасности и на восстановлении энергетического равновесия. Дождавшись состояния п у с т о т ы, Егор перешел в наступление, исподволь готовя комбинацию, в результате которой он смог бы овладеть психотронным излучателем.

Сознание его как бы разделилось на два параллельных потока: один контролировал боевой транс, не вмешиваясь в движение тела, совершаемое в вихревом пространстве энерготелесных взаимодействий, второй просчитывал варианты развития событий и разрабатывал сценарий поведения, наилучшим образом соответствующего решаемой задаче. Со стороны он, наверное, выглядел печально: измочаленный, проигрывающий, готовый сдаться в любой момент и не помышляющий о победе. На самом же деле, приноровившись к манере боя Сватова, Егор мог уложить его в любое мгновение и не делал этого только потому, что не подготовил пока окончательный эпизод атаки. Поэтому бой длился еще несколько минут, захватив зрителей, заставив их забыть обо всем, кроме зрелища и з б и е н и я.

Наверное, Сватов почувствовал, что схватка происходит «в киселе» — противник не падал! Он принимал на себя в с е удары, но эти удары вязли, теряли силу и не достигали цели. Крутов держался! И когда майор решил выйти из боя и разобраться, что происходит, наступил финал.

Комбинация в русбое называлась весьма образно — «пулемет» и представляла собой связку приемов типа японского «хаппо кэри» — тройного удара, поражающего нескольких противников сразу. Егор нанес Сватову боковой удар ногой в колено, тут же «ножницами» — то есть не опуская бьющую ногу на землю — врезал майору второй ногой в горло и в полете бросил двумя руками две иглы, поразившие двух громил, наблюдавших за поединком. Следующие броски он выполнил, уже катясь по траве, в темпе пулеметной очереди выстреливая один за другим шарики, дождавшиеся своего часа в карманах брюк, и звездочку-касугаи, прикрепленную к шее.

Иглы и звездочка вывели из строя троих мгновенно, шарики тоже нашли свои цели и, хотя выбить из бугаев Сватова сознание не смогли, все же заставили их отвлечься на внезапные попадания, и тут в схватку вмешался Сережа Погорелов, хладнокровно всадивший по пуле в лоб каждому еще стоявшему на ногах легионеру.

Когда Крутов докатился до одежды майора и выхватил из

кобуры тяжелый пси-излучатель, все было кончено: все шестеро бойцов охраны зоны и сам Сватов лежали на земле, кто — дергаясь в агонии, кто без движения. Воспользоваться оружием они не успели.

В лесу возникла тень, сформировалась в стремительно текучую фигуру Погорелова.

— Я уж думал, он тебя свалит... рвем когти, командир?

— Успел-таки, пострел. Как прошел?

— Почти без стрельбы. Но двоих пришлось уложить, стерегли мостик.

— Подержи-ка под прицелом площадь. — Крутов нагнулся к Сватову и увидел его остекленевший взгляд. — О, ч-черт!..

— Что там? — всполошился Погорелов.

— Дуба дал майор... а я хотел спросить его, где они держат Панкрата...

— Кого?

— Моего товарища. Включай рацию, гони приказ: вертолетам — взлет!

— Я уже передал.

— Услышал признание Дубневича? Молоток! Тогда всей группе — атаковать зону с двух сторон! Мы встретим ребят здесь.

На объяснения не было времени, да Погорелову объяснений и не требовалось. Бормоча распоряжения полковника в усик микрофона, он устремился было следом за ним, но был остановлен:

— Займи позицию правее, следи за территорией, стреляй только в случае необходимости...

Крутов добежал до первого отстойника — железобетонного строения с плоской крышей, заметил краем глаза движение слева, однако темпа не сбросил. Человек, выглянувший из второго куба-отстойника, упал. Погорелов знал свое дело.

До офицерского общежития, в котором когда-то побывал Панкрат Воробьев со своими «мстителями», было около сотни метров, и Егор преодолел это расстояние, как хороший спринтер, за двенадцать секунд, отмечая на бегу обострившимся слухом щелчки снайперской винтовки Погорелова; всего он их насчитал четыре. Домчался до двери, боковым зрением отмечая появление на горизонте, у ворот автохозяйства, целой группы мужчин в камуфляже. Они его заметили, но до них еще было далеко, и бегали они не так быстро, как Крутов.

В подъезде он нос к носу столкнулся с двумя рослыми парнями и выстрелил, готовый в случае невключения излучателя

продолжить атаку на материальном уровне, но пси-генератор сработал.

Руку Егора свело, ледяной озноб пробежал по руке от кончиков пальцев до локтя. Оба бугая мягко, как тряпичные куклы, сложились и оплыли на пол. Подхватив автоматы, Крутов повесил их себе на шею и ворвался в коридор здания.

Дежурный в коридоре был один и сообразить ничего не успел, без звука укладываясь головой на столик у тумбочки с лампой. За стенами здания зародился шум: охрана лаборатории опомнилась и начала отрабатывать свои обязанности. Потом мгновение спустя дурным голосом взвыла сирена.

Не теряя ни секунды, Егор заскочил в первую же попавшуюся незапертую дверь и застал хозяина комнаты врасплох: тот торопливо одевался, жуя на ходу бутерброд, тревога застигла его за ужином, и гостей он не ждал. Увидев Крутова, замер, стоя одной ногой в штанине, рванулся было к автомату на стуле и застыл, услышав клацанье затвора и негромкий, но бешеный голос:

— Стоять!

Крутов шагнул к парню, воткнул ствол автомата ему в горло и, глядя в расширяющиеся глаза, спросил:

— Где девушка и парень, которых вы захватили в деревне?

— Не я... — дернулся борцовского вида детина, чуть не подавившись бутербродом.

— Где?!

— Женщина была в седьмом отстойнике... он стоит с краю, возле леса... мужик — у вивисекторов... в лаборатории...

Крутов скрипнул зубами: ах ты, сучара, Дубневич, обманул!..

— Как открыть отстойник?

— Ключи у майора... и есть еще у Кинского...

— Кто это?

— Доктор... зав лабораторией биологических иссле...

— Где его можно найти?

— Сейчас он должен быть в центральном корпусе...

Крутов ткнул пальцем в сонную артерию здоровяка, натянул на себя его пятнистые брюки, куртку и ботинки, и выскочил из комнаты.

По коридору к выходу топали рослые парни в камуфляже, не обратившие внимания на Крутова, Егор уложил их всех двумя разрядами генератора и выбежал на улицу, надеясь, что Погорелов разберется, в кого надо стрелять, а в кого нет.

ФЕДОТОВ

Им удалось добраться до «фазенды» деда Ивана, родственника Крутова, о котором вспомнил Ираклий, незамеченными. Дед оказался понятливым, цыкнул на заворчавшую жену, попытавшуюся было «качать права», и расспрашивать гостей о причинах ночного визита и их бедственного положения не стал. Лишь поинтересовался, где его племяш, от имени которого и заявились гости.

К этому времени Федотов еще не знал о том, что произошло в его доме на улице Воропаева, и ответил уклончиво:

— С ним все в порядке, поехал по своим делам...

Смыв грязь, пот и кровь во дворе дома — поливали друг друга по очереди из ведра, — бывший магистр жуковского филиала Ордена чести и его бывший заместитель легли в сарае на копне свежескошенного сена, источавшего удивительные запахи луга и солнца, и отрубились начисто, не слыша ни лая собак, ни крика петухов, ни мычания коров утром, которых собирал по улице пастух.

Проснулись в полдень, разбуженные квохтаньем кур и голосом хозяина, выговаривающего что-то повизгивающей собаке. Ночью ее не было, Ираклий мог в этом поклясться. То ли дед Иван привязывал ее на огороде, то ли привел откуда-то еще.

— Пора уходить, — проговорил задумчиво Ираклий. — Нас ждут пусть и не великие, но дела.

— Смерть как не хочется! — признался Корнеев, тоже прислушиваясь к долетавшим в сарай звукам мирной сельской жизни. Жуковка считалась городом, но ее окраины всегда жили по-деревенски.

— Как ты думаешь, Дубневич накрыл наше гнездо в Брянске?

— Позвони — узнаешь.

— У деда Ивана есть телефон?

— Спроси.

Ираклий невольно улыбнулся, но тут же помрачнел, вспомнив ночной бой и гибель товарищей. Пообещал с лютым предвкушением:

— Ну, Игорь Эдуардович, я тебя достану даже из кургана!

Умылись, позавтракали. Хозяйка сготовила омлет из десяти яиц, поставила на стол грибы соленые, капусту квашеную, моченые огурчики, хозяин притащил штоф водки, но выпил

один — гости отказались. После этого Ираклий засел за телефон и начал обзванивать резидентов в Жуковке и Брянске. Жуковские не отзывались, что наводило на мрачные размышления, а в Брянске ответил лишь один номер — начальника группы информации и связи:

— Полковник?! Ты жив?! Не может быть!

— Не понял! — удивился Ираклий.

— Пришло сообщение из центра, тебя убили... и Серегу Корнеева...

— Что там стряслось? — понизил голос Корнеев, увидев, как изменилось лицо полковника.

Ираклий закрыл трубку ладонью, задумчиво посмотрел на заместителя.

— Нас, оказывается, убили, майор... — Поднес трубку к уху. — Где Пастухов, Рыбалко, Крюков, Марчиадзе? Я не могу их вызвонить.

— Они уехали, всех отозвали, я тоже уезжаю. Откуда ты звонишь?

Федотов положил трубку на рычаг, встретился взглядом с Сергеем.

— Нас окончательно сдали? — утвердительным тоном спросил тот.

— Похоже, крепко прижали нашего шефа, если он спокойно вычеркнул нас из списка живых. Ладно, разберемся. Какие-нибудь идеи есть?

— Надо ехать в Контору. Что они, обалдели все?

— А если еще маненько пошебуршиться тут, попартизанить?

Корнеев понимающе глянул в непроницаемые глаза Ираклия.

— Ты предлагаешь...

— Дубневич нас теперь не ждет. А терять нам нечего.

— Не темни, полковник.

— Собираем наших, кто еще не уехал, едем к зоне и ждем выезда какого-нибудь начальника. Захватываем, допрашиваем, записываем исповедь... а уж с материалами и вот с этим, — Ираклий похлопал по карману брюк, где лежал «глушак», — можно будет и в Контору заявиться.

— Ты гений, Кириллыч, — сказал Корнеев, — или сумасшедший.

— Что примерно одно и то же. Ты со мной?

— А куда я денусь? Я ведь тоже похоронен.

— Тогда начинаем, майор.

Попрощавшись с дедом Иваном и поблагодарив его и хо-

зяйку за гостеприимство, контрразведчики добрались до улицы Воропаева и, понаблюдав за своим домом-базой некоторое время и не обнаружив следов ночного боя, спокойно вошли. Внутри их ждал сюрприз: Олег Фокин был жив!

Обнялись, уступив порыву чувств. Олег выглядел бледновато, но бодрился. Быстро поведал историю нападения на базу и о том, как его спас Крутов. Выжидающе глянул на Федотова.

— Мощный мужик этот твой Крутов, — проворчал Корнеев. — Нам бы его в команду.

— Да уж, — согласился Ираклий. — Если он ушел, полковнику Дубневичу спать спокойно не придется. А остальные наши ребята?

Олег опустил голову.

— Николаша и Лева убиты, Армен был ранен... увезли их всех, милиция понаехала, ОМОН... сразу после стрельбы.

Посидели в угрюмом молчании, сжав зубы. Потом Ираклий обвел подчиненных странным шалым взглядом и тихо сказал:

— Ну что, разведка боем закончилась? Выходим на тропу войны? Пощупаем зону в натуре?

— Очень хочется взглянуть, чем же они там занимаются, — признался Корнеев, — что потом десятками хоронят трупы. А после хорошо бы вернуться в столицу и взять за яйца того оригинала, который нас сдал.

— Дойдет очередь и до столицы.

В течение часа они собирались, меняли пробитое пулями колесо на джипе «Чероки», проверяли оружие и экипировку, переодевались и уничтожали следы своего пребывания в доме, который принадлежал тетке Людмиле, переехавшей недавно на квартиру с удобствами по улице Мальцева. Дозвониться до остальных членов команды Ираклию не удалось. Видимо, посчитав командира погибшим, ребята по приказу сверху сразу убыли в распоряжение центра. Таким образом из всей разветвленной контрразведывательной сети, наброшенной на Брянскую губернию для контроля таинственной деятельности негосударственной организации Российский легион, осталось всего три человека, да и те считались погибшими. С одной стороны, это обстоятельство развязывало руки Федотову, с другой — он понимал, что вряд ли в службе обрадуются, когда узнают, что они живы. И все же шанс доделать работу до конца оставался. Только имея на руках неопровержимые доказательства противозаконной деятельности секретной лаборатории в брянских лесах, можно было появляться пред светлые очи начальства. Оставался пустяк. Самим уцелев, добыть сведения и доставить их в Москву.

В начале третьего выехали из Жуковки, не обнаружив ни слежки, ни преследования. Уверенный в гибели резидентов Федеральной службы, Дубневич дал отбой своим собственным контрразведчикам. Чувствовать себя свободным человеком, а не букашкой под микроскопом было непривычно и приятно, чувство свободы пьянило, кружило голову не хуже бокала шампанского, и у Ираклия даже мелькнула мысль бросить все к чертовой матери, уехать на родину, на Алтай, и, сменив профессию, остаться там жить. Но мысль мелькнула и ушла, нейтрализованная более трезвыми соображениями, чувством долга и холодной ненавистью. Следовало все-таки довести начатую работу до финала и восстановить попранную справедливость. Дубневич и иже с ним занимались здесь слишком гнусными делами, чтобы все им сошло с рук, даже если кому-то в верхах и выгодна была их возня с психотроникой.

За Велеей их лихо обогнал коричневого цвета микроавтобус «Крайслер» с московскими номерами, и Федотов, сидевший сзади, вдруг встрепенулся.

— Ну-ка, давай за этим лихачом.

Корнеев кивнул, увеличивая скорость.

— Мы с тобой одинаково думаем. Чего в наших лесах и болотах делать такому красавцу?

Гнались за микроавтобусом, соблюдая осторожность, недолго, через десять километров он свернул по узкой асфальтовой ленте налево в лес, и Корнеев притормозил, оглядываясь.

— Дальше тупик, склад ГСМ. Но вряд ли они свернули, чтобы заправиться, «Крайслер», кроме девяносто пятого, ничего не потребляет, а на складе такого бензина нет.

— Давай за ними.

Джип свернул с шоссе в лес, проехал полкилометра и, свернув еще раз, заехал в балочку, остановился за кустами. Теперь с дороги его увидеть было невозможно.

— Останься, — сказал Олегу Ираклий. — Мы скоро.

Взяв оружие и бинокли, они с Корнеевым углубились в заросли изрядно вытоптанной малины и вскоре вышли к складу, огороженному колючей проволокой и охраняемому двумя часовыми — на вышке и у ворот. «Крайслер» стоял у домика коменданта склада, никакого движения возле него не наблюдалось. Полежав с биноклем у глаз пять минут, Корнеев прошептал:

— Слева, за сортиром, ничего не видишь?

— Вижу, — отозвался Ираклий, тоже заметивший металлический блик: в зарослях высокой травы за будочкой туалета и штабелем металлических бочек прятался человек, а так как часовые не обращали на него никакого внимания, вывод мог

быть только один — это был дополнительный скрытый пост охраны.

— Что они там прячут?

— И кто?

Из домика вышел громадный, как асфальтовый каток, парень в камуфляже с бритым наголо черепом. За ним появился еще один мужчина в белой тенниске и бежевых брюках. Федотов подался вперед, плотнее прижал к глазам бинокль, впиваясь глазами в незнакомца.

— Ёшь твою медь!

— Ты кого-то узнал?

— Если только память мне не изменяет... это полковник Джехангир, инструктор по рукопашному бою из ГРУ... я видел его пару раз, водил курсантов на тренинг...

— Когда водил?

— Давно, года три назад... Черт! Что он тут делает?!

Мужчина что-то сказал бритоголовому, быстро вернулся в дом, но тут же вышел в сопровождении еще одного человека, одетого во все черное, несмотря на жару. Все трое деловито сели в микроавтобус и выехали за пределы склада.

— За ними? — приподнялся Корнеев.

Ираклий придавил его к земле.

— Лежи. Я хочу знать, зачем они сюда приезжали. Возможно, это их база. Видишь? — пост остался.

— Может быть, разведчики тоже сидят здесь по той же причине, что и мы? Дублируют?

— Такой дубляж никому не нужен, да и не занимаются гэрэушники такими делами. Хотя связь, может, и существует. Гони за Олегом, бери «винторезы» и ко мне. Посмотрим, что тут устроили коллеги.

Через несколько минут рядом улеглись Олег и майор.

— Расходимся, — сказал Ираклий. — Я возьму замаскированный пост, вы часовых. Убивать ребят не надо, они люди подневольные и просто несут службу. Попробуйте обезвредить обоих.

— Может, чпокнем их из «глушака»?

— Я не знаю, с какой дистанции он работает, не хочу рисковать. Сигнал атаки — свист. На подготовку даю двадцать минут.

Не спрашивая, как поняли задачу подчиненные, и не оглядываясь, Ираклий отполз в глубь леса, встал и бесшумно побежал, делая петлю, заходя к складу с той стороны, где сидел в секрете еще один часовой. Через несколько минут он увидел его зеленоватый головной убор над высокой травой и невольно пожалел парня: тот выбрал позицию на самом солнцепеке

и мучился, наверное, от жары, то и дело прикладываясь к металлической фляге с какой-то жидкостью; именно фляга и стала причиной его обнаружения.

От кромки леса до колючего забора в этом месте было около тридцати метров свободного пространства. К счастью, травы и кустов хватало, и Федотову удалось подобраться к забору почти вплотную, хотя приходилось ползти с оглядкой на часового, дремавшего на вышке. Еще раз оглядев территорию склада в бинокль, Ираклий прицелился из винтовки на ладонь ниже берета, беззвучно прошептал: прости меня, господи! — и плавно потянул за спусковую скобу.

Чпок!

Берет исчез. Ни крика, ни стона. Ираклий подождал еще немного и свистнул. Часовой на вышке поднял голову, прислушиваясь, затем вдруг выронил карабин, схватился за голову и упал. Чертыхнувшись в душе — неужели промазали и залепили парню в черепушку?! — Ираклий змеей пролез под колючей проволокой забора и, прячась за бочками и баками, подскочил к домику коменданта с тыла. Выстрелов и криков он не услышал, значит, и часовой у ворот потерял сознание или был убит, не успев ничего предпринять.

Слева мелькнула тень, обошла площадку заправки со стоящими на ней «ЗИЛом» и легковушкой, со следами мазута, бензина и солярки, нырнула в заросли травы и оформилась возле угла домика в Олега. Ираклий поманил его к себе.

— Где Корнеев?

— Туточки мы, — возник сзади майор.

— Кто стрелял в часового на вышке?

— Ну, я.

— В голову?

— Обижаешь, командир, конечно, в голову, но гарантирую, что не насквозь, а скользом, по темечку... проверь, если хочешь.

— Я тоже... в голову, — прошептал Олег, — чиркнул по лбу.

— Миллиметровщики, мать вашу!.. В локоть надо стрелять, шок обеспечен.

— Так ведь локоть лечить потом долго, а голове что — даже сотрясения не будет, потому как там одна кость.

— Юморист... Я — в дверь, вы — в окна. Пошли!

Ираклий ударом ноги распахнул дверь и ворвался в домик, состоящий всего из двух комнат. В первой сидели за столом двое мужчин, пили пиво и играли в карты: молодой, сейфообразный, с могучей шеей, бритоголовый, как две капли воды похожий на того, что уехал с Джехангиром, и пожилой толстяк старший лейтенант, олицетворявший собой местную власть —

коменданта склада. Со звоном вылетело стекло окна, в комнату ногами вперед влетел Олег. Одновременно с ним ворвался в другую комнату и Корнеев: там раздался треск, звон и испуганный женский вскрик.

Реакция у бритоголового «сейфа» была неплохая, он почти успел достать пистолет из-под мышки, но Ираклий выстрелил из «глушака», не вынимая его из кармана, и гигант обмяк.

Из соседней комнаты вышел Корнеев, ведя перед собой бледную молодую девушку, обхватившую плечи руками. На Федотова глянули огромные зеленоватые глаза, полные страха и надежды.

— Кто вы? — мягко спросил Ираклий.

— Лиза... Елизавета Качалина.

— Где живете?

— В Брянске... родные в Ковалях...

Контрразведчики переглянулись. Корнеев кивнул на обомлевшего коменданта, сидевшего в ступоре с открытым ртом и державшего в одной руке бутылку пива, а в другой карты. Ираклий выстрелил в телефон. Девушка слабо вскрикнула, комендант вздрогнул, со стуком захлопнул рот.

— Поехали, — спокойно сказал Ираклий, — по дороге поговорим.

Уже в кабине «Чероки» Елизавета рассказала свою историю, заставившую контрразведчиков еще раз убедиться в верности высказывания «мир тесен», и заплакала. Ираклий вынужден был потратить несколько минут на то, чтобы ее успокоить, проговорил, разглядывая затихшую подругу Крутова:

— М-да-а... чего только не случается в жизни. Такого поворота я не ожидал.

— Выходит, Джехангир тоже с ними? — подал голос Корнеев. — С Дубневичем, Сватовым?

— Выходит, так. Куда он поехал, хотел бы я знать?

— Куда же еще, кроме зоны? Знаешь, о чем говорит его самодеятельность с жен... с Елизаветой? О том, что он ждет Крутова.

Девушка рядом с Ираклием подняла голову, поглядела на Корнеева за рулем, потом на полковника.

— Он... жив?!

— Скорее да, чем нет, — хмыкнул Корнеев. — Кстати, командир, куда мы с ней? Может, высадим? Тут до Ковалей рукой подать.

— Довезем, — твердо сказал Ираклий.

Больше они не разговаривали. Заехали в Ковали, высадили Елизавету у ее дома и уехали, пообещав вернуться с Крутовым.

— Посидите пока в хате, не показывайтесь никому, — посоветовал Ираклий.

— Хорошо, — покорно согласилась девушка.

Джип проехал мимо строящегося киоска взамен сгоревшего у одного из домов села, и Федотову очень не понравился взгляд стоящего на пороге дома молодого человека с короткой стрижкой, но выяснять, кто он такой, не было времени. Через полчаса добрались до новой асфальтовой автострады, проложенной военными строителями к зоне, и оставили машину в балочке, под сенью кленов и акаций. Вооружились, прислушиваясь к глубокой первозданной тишине леса, и устремились вдоль дороги к главному въезду на территорию секретной части. А когда вышли к забору, услышали стрельбу: в зоне шел бой...

ЖУКОВСКИЕ ЛЕСА

КРУТОВ

Тремя выстрелами Погорелов расчистил путь к лесу, и Крутов даже подумал, что это, возможно, его последний шанс прорваться и уйти, но решения своего не изменил, лишь ускорил бег до предела и, добравшись до места своего недавнего поединка с майором Сватовым, разрядом из пси-генератора обезвредил двух боевиков майора, пытавшихся привести командира в чувство. Обшарил карманы его брюк и куртки.

Ключей там не оказалось. По карманам Сватова было рассовано множество разных предметов от набора сюрикэнов до ножа и зажигалки, но ключи отсутствовали. Крутов повертел в руках связку каких-то черных шайбочек с металлическим ободком и хвостиком, похожих на батарейки для часов, хотел было выбросить и передумал. Ничего ненужного майор с собой не носил, «батарейки» наверняка для чего-то предназначались.

В камень неподалеку цвинькнула пуля. Крутов оглянулся.

Суета на центральной площади городка почти улеглась, охранники и работники лаборатории, поднятые по тревоге, уже не метались как угорелые по территории, а начали сосредоточиваться у главного корпуса, возле гаража и решетчатой мачты с прожекторами. На Крутова они особого внимания пока не обращали, принимая его за своего, но длиться это неведение долго не могло. Даже в отсутствие Сватова охрана знала, что ей надлежит делать. Один отряд пятнистых мордоворотов в беретах численностью в пятнадцать человек устремился в лес, где уже шла перестрелка их коллег с идущей в атаку груп-

пой «Витязь», вторая группа в пять человек вдруг побежала к бетонным кубам отстойников, а третья, самая многочисленная, состоящая не только из парней в камуфляже, но и из мужчин (и женщин!) в гражданском, рассредоточилась вокруг центрального корпуса лаборатории и исчезла внутри его.

Крутов, заинтересованный действиями этих людей, предпочел бы броситься за ними, но интуиция подсказывала, что пятерка целеустремленных парней в камуфляже не зря кинулась к бетонным строениям, и не ошибся: это был отряд ликвидаторов.

Они подскочили к первому стоящему рядом со столовой кубу, один из парней что-то сунул в дверь, Крутову показалось — палец, дверь отъехала в сторону, и в ту же секунду второй спецназовец бросил внутрь гранату. Дверь тут же встала на место, и взрыв прогремел негромко, только вздрогнула земля да из щелевидного окна под крышей куба вынеслось облачко пыли и дыма, но Егора он буквально подбросил в воздух: в одном из кубов-отстойников должен был находиться Панкрат, в другом — Елизавета!

— Серега! — рявкнул Егор во весь голос.

С противоположной стороны поляны, где стояли штабеля каких-то ящиков и длинных белых бочек, раздался короткий свист. Крутов показал рукой на бегущих к очередному отстойнику ликвидаторов и сделал жест — большой палец вниз. Погорелов понял. Уже через секунду один из парней кувыркнулся на землю с пулей в затылке и затих, затем упал второй, но еще дергался, садился, вставал и снова падал, в то время как оставшиеся, будто это их не касалось, продолжали свою работу и взорвали еще один куб. Сергей достать их уже не мог, двери в отстойники располагались с другой стороны.

Крутов прыгнул вперед, набирая скорость. Туго свистнул воздух в волосах — берет сорвало ветром. Свело правую ногу, потом левую — такая нагрузка для икроножных мышц даже для чемпиона по спринту была бы слишком велика. Зрение расфокусировалось, в закружившейся голове поплыл комариный звон — кровь отлила от нее, прокачиваемая сердцем в основном через легкие и ноги, — так быстро он никогда раньше не бегал! Стрелять в него начали — от здания лаборатории, разобрались, гады! — когда Егор за пять секунд преодолел семьдесят метров, отделяющих опушку леса от шеренги бетонных кубов, и длинной очередью свалил ликвидатора, собиравшегося метнуть гранату в дверь отстойника. Раздался взрыв — граната рванула в руке парня, оторвав ему кисть и сразив коллег, но и после этого, раненные, изрешеченные осколками, они все еще пытались доделать свое дело, ползли к двери, тыкались друг в друга и доставали гранаты.

Пули прочертили впереди Крутова дорожку пыльных фонтанчиков, а он бежал к ним с диким криком: н-не-е-е-е-т! — и палил из двух автоматов сразу до тех пор, пока парни не затихли. То, что они зомбированы, он понял позже. Как на крыльях пролетев оставшиеся двадцать метров, не чувствуя попаданий (его ранило трижды — в бедро, в плечо и в бок — пуля скользнула по ребру, да и остальные раны тоже оказались касательными — счастлив твой бог, полковник!), Егор толкнул полуоткрытую дверь и заскочил внутрь строения, в каком сам сидел два дня назад.

Панкрат Воробьев находился здесь! Но освободителя не видел, хотя и смотрел на него остановившимся взглядом, сидя у стены. Он был жив, но никак не реагировал на то, что происходит вокруг. Это был транс, вызванный разрядом пси-генератора, а как вывести Панкрата из этого состояния, Крутов не знал.

— Посиди, майор, — пробормотал он, сжав его безвольную руку. — Я вернусь, только освобожу Лизу.

Он выглянул в дверной проем. К домику, где он нашел Панкрата, бежали четыре камуфлированных амбала, поливая его из автоматов. Еще несколько охранников перебежками приближались к штабелям ящиков, где выбрал себе позицию Погорелов. Сергей не стрелял. То ли экономил патроны, то ли был ранен.

Крутов глянул на лежащих у двери убитых им ликвидаторов и вдруг увидел в ладони одного из них черную шайбочку-«батарейку». Вытащил из кармана связку таких же шайбочек, найденных у Сватова, перевел взгляд на дверь и понял — это были электронные ключи! Огонь усилился, пули пели и визжали, рикошетируя от камней, звучно шлепаясь в стены. Охранники патронов не жалели и смерти не боялись, они тоже были зомбированы, запрограммированы хозяевами лаборатории на выполнение приказа любой ценой, даже ценой собственной жизни.

— Елкин лес! — прошептал Егор, чувствуя, как костюм начинает липнуть к телу в местах ранений. — Я же никому не желал зла! Почему же вы пытаетесь сделать зло мне?.. Ну, держись, полковник, сейчас тебя слегка замочит свинцовый дождик...

И в тот момент, когда он кубарем выкатился из двери на дорожку перед отстойником, откуда-то из-за столовой раздался знакомый веский голос подствольного гранатомета: буххш! буххш! Перед приближавшимися зомби-охранниками выросли два огненных веера, и стрельба с их стороны прекратилась.

Однако Егор не остановился, хотя и понял, что «витязи» наконец прорвались к центру зоны, припустил к соседнему кубу, уже не отвлекаясь на бой, и с помощью шайбочки-клю-

ча, не сразу сообразив, как она вставляется в щель на двери, открыл замок. Дверь поползла вбок. Внутри двое, дети! Подростки лет по двенадцати-четырнадцати. Испуганные лица, блестящие глаза. Лизы нет.

— Ждите, не высовывайтесь! — крикнул им Егор, бросаясь к соседнему отстойнику.

Но и там Лизы не оказалось. Не было ее и в последнем бетонном склепе, где сидели пять молодых женщин в невообразимом рванье.

Из Крутова словно вынули сердце. Мир в глазах потух, он перестал видеть и слышать, пока кто-то не затеребил рукав его куртки.

— Командир, ты ранен? Что с тобой, командир?

Егор очнулся, посмотрел на озабоченное лицо Саши Зубко, прошептал:

— Ее здесь нет... Дубневич не солгал...

— Может быть, она в том сером здании?

По телу Крутова словно прошел электрический ток, он снова ожил.

— Сможем пройти внутрь?

— Что за вопросы, Лукич? Если надо — пройдем.

Зубко махнул рукой кому-то из парней.

— Леня, к зданию! Будем вскрывать!

Но приблизиться к угрюмому корпусу лаборатории «витязи» не успели. Послышался стремительно нарастающий гул вертолетных винтов, и над поляной на небольшой высоте появился военный «Ми-8» в боевой раскраске с четырьмя подвесками ПТУР и НУР. Он пошел вокруг поляны по дуге и с ходу дал залп по перебегающим внизу фигурам, не щадя ни своих, ни чужих. Серия взрывов протянулась стометровой полосой через всю площадь городка, поднимая в воздух тучу земли, камни, осколки стекол, ветки деревьев, куски бревен и кирпичей, остатки мотоциклов и машин. Клубы пыли на мгновение скрыли солнце.

Не дожидаясь приказа Крутова, Зубко включил рацию:

— Всем в лес!

Второй залп накрыл два бетонных куба, в воздух полетели осколки бетона и металлические лоскутья. Крутов остановился, скрипнул зубами, порываясь броситься к отстойникам. Саша удержал его за рукав.

— Куда?! Взорвут к чертям!

— Там Панкрат, дети! — Крутов вырвал рукав и, напрягаясь до боли в натруженных мышцах ног, метнулся к ближайшим боксам. Зубко скомандовал: «Огонь по вертолету!» — и бросился за ним.

Они успели вывести перепуганных до смерти подростков и вынести Панкрата, но женщин в крайнем отстойнике спасти не смогли. Вертолет сделал еще один заход и разнес в клочья оставшиеся домики, где хозяева лаборатории держали «материал» для испытаний психотронной техники — людей.

Но на этом дело не закончилось. «Ми-8», сделав вираж, сел за зданием лаборатории, ближе к лесу, и высадил десант. В бинокли было видно, как во все стороны разбегаются пятнистые фигуры с собаками, вытягиваясь в цепь. Их насчитывалось не меньше трех десятков, и вел десантников полковник Дубневич, окруженный четырьмя могучими богатырями под два метра ростом.

— Ну что, командир, это уже не пограничный инцидент, как говорится? — оскалился Зубко. — Война? Против нас двинули армию?

— Это еще не армия, — процедил сквозь зубы Крутов, не отрываясь от окуляров бинокля. — Это всего лишь Российский легион, образование незаконное, насколько я знаю. Собирай отряд. Впрочем, нет времени. Дай рацию.

Зубко вытащил из кармашка на рукаве запасной комплект. Егор нацепил на голову дугу с наушником, придвинул к губам усик микрофона и начал командовать, уже определив стратегию и тактику предстоящего боя. Через несколько секунд группа «Витязь» начала отрабатывать поступившую вводную.

Снайперы группы, Балязин и Погорелов, залегли по краям поляны справа и слева от здания лаборатории и начали в первую очередь отстрел собак и проводников, создавая коридор, по которому устремилась к зданию «змея» основного ядра группы. Крутов и Зубко в кинжальной атаке не участвовали, они в это время мчались на пределе сил вдоль опушки леса, обходя поляну слева, пока не вышли в тыл севшему вертолету. У них была другая задача.

Крутов, конечно, прибежал к намеченному месту первым. Зубко отстал и появился лишь через полминуты, свалился рядом, почти бездыханный.

— Ну ты и бегун, командир! Без ружья охотиться можешь, ни один зверь не уйдет!..

— Отдышись, — посоветовал Егор, ввинчиваясь в траву, выполз на край поляны и скользил по земле до тех пор, пока не увидел лениво вращающиеся лопасти вертолета. Оглянулся на ужом ползущего следом Александра. — Готов? Пошли!

Они поднялись и тенями понеслись к боевой машине.

Остальные «витязи» к этому моменту выполнили программу минимум — добежали до корпуса лаборатории. Все действия группы — атака и перемещение — заняли всего полторы

минуты, десантники Дубневича не успели пройти и половины площади, вынужденные огрызаться и передвигаться ползком под огнем снайперов. А затем «витязи» показали, что такое в натуре профессиональный штурм объектов, занятых «террористами».

Лишь одна собака — черный, с подпалинами, мастифф — домчалась до «змеи» атакующих, но и та была тут же убита короткой очередью. Затем добравшиеся до корпуса лаборатории «витязи» в мгновение взорвали входную дверь, четверо остались снаружи отбивать атаку уцелевших десантников, а пятеро ворвались внутрь. В этом мероприятии не участвовал только Воха Васильев. У него было задание пробраться в гараж зоны и вывести стоявший там БТР.

Задача у Крутова и Зубко была посложней: им предстояло захватить вертолет и взять в плен Дубневича. Первую часть задачи они решили быстро и тихо. Александр выстрелил из пистолета с глушителем в стоящего к ним спиной десантника, охраняющего вертолет, а Егор разрядил в пилотов пси-генератор, надеясь, что бронированное стекло кабины не послужит препятствием для излучения. Расчет оправдался, хотя кабина вертолета все же отразила часть разряда: пилоты не потеряли сознания, но «поплыли», переставая соображать, что делают. В расчет их какое-то время можно было не брать. И командиры «Витязя» переключились на более важный объект.

Полковник Дубневич был опытным бойцом и сразу сообразил, что ситуация складывается не в его пользу. Проникшие на территорию зоны профессионалы какой-то спецслужбы перехитрили защитников лаборатории. Вместо того, чтобы отступить перед превосходящими силами противника, они нанесли внезапный кинжальный удар по городку и рассекли преследователей на две части, поддерживаемые огнем первоклассных снайперов. Если бы не их задержка у здания главного корпуса лаборатории, участь полковника была бы решена, обучены они были гораздо лучше его телохранителей. Но они остановились, и у Дубневича появился шанс отступить, что он и сделал, сориентировавшись раньше своих подчиненных.

— Назад! — рявкнул он, останавливая увлекшуюся боем четверку легионеров прикрытия. — К вертолету!

Парни с неохотой повиновались, начиная отступать лицом к зданию лаборатории, занятому противником, и наткнулись на застывшего почему-то полковника. Оглянулись. В полусотне метров от них, перед вертолетом, стояли двое мужчин и смотрели на них. Один был в новейшем спецкостюме «киборг», которыми снабжались только сверхсекретные элитные подразделения ФСБ и ГРУ, второй в камуфляжном мундире

армейского спецназа, и оба были вооружены не хуже легионеров Дубневича. Полковник ощутил слабость в ногах, узнав в одном из мужчин Крутова, и понял, что обречен. Он хотел крикнуть, остановить грядущую свинцовую метель, но воздух застрял в легких, губы пересохли, сердце сбилось с ритма, как бы ожидая, чем все закончится.

Миг ожидания и растерянности прошел. Слаженно ударили автоматы Крутова и его «космического» напарника. И Дубневич остался один, по пояс в траве, помертвевший и застывший, как гипсовая статуя. Все четверо его телохранителей попадали в траву, не успев открыть ответную стрельбу.

— Подойди, — сказал Крутов. И хотя голос его был тих и почти не слышен из-за непрекращавшейся перестрелки, полковник услышал. Бросил в траву пистолет-пулемет, побрел к вертолету, все еще ожидая выстрела.

— Где Елизавета? — спросил Егор, когда между ними осталось два десятка шагов.

— Да не знаю я!..

— На этот вопрос могу ответить я, — раздался откуда-то сзади гортанно-глубокий голос. — Стоять! Не оборачиваться! Оружие на землю!

Крутов и Зубко переглянулись, готовые прыгнуть в разные стороны и открыть огонь, но раздавшиеся две автоматные очереди, срезавшие траву слева и справа от стоявших офицеров, предупредили их действия. Окликнувший их человек был профессионалом.

Крутов медленно повернул голову. К ним подходил Джехангир в сопровождении двух огромных качков с автоматами.

— Опусти оружие, Егор. Я знаю, ты в великолепной форме, но эти ребята знают толк в «гашении обликов».

— Слава аллаху! — ожил Дубневич, лицо которого приобрело малиновый оттенок. — Вовремя вы, Мстислав Кали... — он не договорил.

Сухо треснул выстрел. Во лбу полковника расцвела кровавая звезда. От удара пули голова его откинулась, и упал он, уже мертвый, плашмя, навзничь.

— Есть разговор, — продолжал, как ни в чем не бывало, Джехангир, пряча пистолет. — Твоя девушка у меня, так что не ищи ее здесь, не суетись.

Крутов дунул в усик рации.

— Кока, что там у вас?

— Обыскали все гнездо, тут целых три этажа под землей, твоей подруги нигде нет, — ответил Морозов, руководивший группой «витязей» в здании лаборатории.

— Минируйте и уходите.

— Не надо минировать, — улыбнулся Джехангир, все поняв из реплик Крутова. — Территория объекта и так заминирована, а ключ от системы ликвидации у меня. Поговорим?

Крутов встретил взгляд Саши, дернул ухом, что означало — слушай и действуй по обстоятельствам, повернулся к бывшему учителю.

— Я весь внимание.

— Подержи «космонавта» на мушке, — сказал Джехангир одному из гигантов, махнул Егору рукой. — Пройдемся.

Второй великан обыскал Крутова, нашел пси-генератор, бросил шефу. Тот поднял брови, с любопытством посмотрел на отрешенно-спокойное лицо бывшего ученика, качнул головой.

— Да, полковник тебя недооценил.

Они пересекли открытое пространство поляны, углубились в лес, прошагали в молчании около сотни метров и вышли на утрамбованную сотнями ног грунтовую волейбольную площадку с натянутой сеткой и судейской вышкой. Чуть поодаль располагались турники, брусья, стенка, стойки с баскетбольными щитами. Здесь, очевидно, работники лаборатории проводили спортивные состязания.

— Хочу сделать тебе деловое предложение, — начал Джехангир. — Я знаю, что тебя уволили, знаю также, что ни к какому берегу ты еще не прибился. Иди к нам.

— К нам — это к кому? — с угрюмой иронией спросил Егор. — К вивисекторам, экспериментирующим на людях? На детях?

— А у тебя есть выбор?

— Безвыходных положений не бывает.

— Ну да, если признать выходом смерть. Нет, я предлагаю тебе работу не с психотроникой. Хотя косвенно ты будешь касаться службы безопасности других подобных объектов.

— Российский легион?

— Я же сказал, Дубневич тебя недооценил, раз ты узнал о Легионе. Да, ты будешь связан с Легионом, точнее, с его службой охраны тайны. Возглавишь отдел. Идет?

Крутов покосился на телохранителя Джехангира, стоявшего в двух шагах с непроницаемым квадратным лицом. Мстислав Калинович понял.

— Не беспокойся, он понимает только то, что необходимо для исполнителя его ранга.

— Зомби?

— В некотором роде. Победить его невозможно, можно только убить, да и то лишь выстрелом в голову.

— Легион весь из таких?

— Ну что ты, такой задачи не ставилось, достаточно лишь определенным образом запрограммировать офицеров.

— С помощью пси-генераторов? — Крутов кивнул на пистолет в руке Джехангира. Тот посмотрел на него, спрятал в карман.

— Нет, это «глушак», генератор подавления воли, а уже появились «болевики», излучатели второго поколения, возбуждающие нервную систему таким образом, что человек чувствует сильнейшие боли в нервных узлах. Программирование же выполняется с помощью «ЗГ» — «зомби-генераторов», это стационарные установки. Кстати, все они вместе с «глушаками» — вчерашний день, на очереди более серьезные идеи.

Крутов поднял руку, останавливая Джехангира.

— Ни слова больше, учитель. Я не хочу этого слышать. И на Легион, организацию явно незаконную, работать не намерен.

— Уже сегодня о существовании Легиона будет доложено президенту. Думаю, он не станет наказывать тех, кто радеет за отечество и создал такую мощную и оперативную службу, как Легион, во имя возрождения былого могущества России.

Крутов покачал головой.

— Слова, учитель. Даже в случае узаконивания Легиона я работать в нем не хочу.

— Не спеши с выводами, полковник. Давай зайдем с другой стороны. Ты знаешь, что ни в одной стране мира нет такой крутой кривой смертности, как в России? Особенно это касается мужчин трудоспособного возраста. Они гибнут от несчастных случаев, травм, отравлений, нелепых случайностей, аварий. Если в странах Европы по этим причинам в мир иной отправляются около пяти процентов общего количества умерших, то в России — до тридцати процентов.

— Ну и о чем это говорит?

— О целенаправленном воздействии. Легион и нужен для того, чтобы это воздействие прекратить.

— Благими намерениями устлана дорога в ад...

— Идем дальше. Ситуация в стране, когда человеку противостоит огромная, жестокая, коррумпированная бюрократическая система, уродующая рынок, подминающая все общественные отношения, надо менять. Государство снова встает над личностью, а собственность превращается в добычу властных структур. Ты это понимаешь?

Крутов молчал. С этими положениями он был согласен, но ждал продолжения.

— Доколе будем мириться с тем, что идет разграбление госсобственности государственными же чиновниками? С номенклатурной приватизацией? С продажей земли не ее реальным

хозяевам, а тем, кто имеет деньги? С тем, что объемы производства как не росли, так и не растут, в то время как усугубились проблемы занятости? Но бог с ними, с финансово-экономическими и социальными проблемами, в конце концов, они решаемы. Но есть вещи куда более глобальные.

Джехангир замолчал и поправил под волосами дужку мини-рации, он тоже, оказывается, носил ее на себе, мельком посмотрел на притихшего Егора.

— Твои вертолеты в Жуковке захвачены моими людьми. Это к сведению. Ты меня слушаешь?

Егор кивнул.

— Тогда о наиболее важном. Деятельность отдельных политических фигур и партий привела в России к тому, что слово «демократия» превратилось в синоним антигосударственности, антинародности. Исторический путь России, ее святыни оплевываются, советский период истории страны вообще растаптывается, хотя именно при нем были созданы великие произведения искусства, литературы и кино. И, наконец, пощечины России стали наносить даже те, кто зависим от нее на все сто процентов. Как можно терпеть, когда великую империю ставит на колени какая-то «банановая республика»?! Нефтяная, грязная, бандитская Чечня?!

Джехангир замолк, глядя на застывшее лицо Крутова. Тот шевельнулся.

— Войну в Чечне развязали политики, греющие на ней руки, а не чеченский народ.

— И такие же политики сели на ее престол. Тебе не кажется, что скоро так растащут всю Россию по кусочкам?

— Не кажется. Хотя, может быть, я не все понимаю. И как же вы собираетесь наводить порядок? Объявить Чечне войну?

— Дело не в Чечне. Исламская республика Ичкерия, как они себя называют, лишь лакмусовая бумажка процесса. Необходима революция. Только она способна решить все возникшие проблемы.

— Великая Россия... великая идея... а как это согласуется с тем, что делают здесь «вивисекторы», разработчики психотронного оружия?

Джехангир оживился.

— То, что ты увидел, — верхушка айсберга. Если станешь работать с нами, узнаешь все. Могу сказать лишь одно: поставленная цель оправдывает любые средства. А люди, о которых ты говорил, — преступники, они все равно рано или поздно были бы казнены.

— А женщины, дети?

— Женщины неизлечимо больны, а дети... что ж, ты прав, это перегиб. Я был против использования детского материала в тестировании техники. Уверяю тебя, этот этап Проекта позади.

— Проекта? Какого?

Джехангир понял, что сказал лишнее. Но останавливаться было уже поздно.

— Данный объект, на территории которого ты сейчас находишься, олицетворяет собой малую часть Проекта, начальную стадию. Но серьезного воздействия на сознание людей наши разработки на этой стадии обеспечить не могут, нам же необходимо именно б о л ь ш о е, глобальное воздействие.

— Зачем? Чтобы избранные, элита, управляли остальными?

В глазах Джехангира зажглись колючие огоньки.

— В первую очередь для того, чтобы избежать кровопролития на первом этапе революции, во вторую — для того, чтобы построить общество, о котором мечтали многие великие умы.

— А тех, кто с вами будет несогласен или не поддастся внушению, вы будете отстреливать?

— Около восьмидесяти процентов населения — это психически нормальные люди с нормальной суггестивностью, которых легко погрузить в социопатический транс с помощью телевидения. Для остальных мы создаем в рамках Проекта системы ИПА — информационно-психологической атаки. Но об этом ты узнаешь позже.

— Вы не ответили на вопрос, учитель.

Джехангир нахмурился, пожевал губами, не спуская потемневших глаз с рассеянно-равнодушного лица Крутова.

— В принципе мы предполагаем столкнуться с сопротивлением со стороны сил трех категорий. Первая категория — обстоятельства, вторая — люди, третья — системы и структуры. С обстоятельствами, наподобие тех, что возникли, например, в Брянской области, бороться трудно — в организационном плане, но просто — в техническом: есть деньги, есть ресурсы — задача будет решена. С людьми бороться сложнее, потому что в принципе желательно не убивать их направо и налево, а изучить пси-параметры и подчинить. А вот с системой есть лишь один способ борьбы — направить ее на самоуничтожение. Например, в начале девяностых годов у нас в стране были высвобождены зверски агрессивные инстинкты огромной массы психически неполноценных людей, у которых выработалась биологическая потребность в насилии. О всплеске бандитизма, терроризма, преступлений, совершенных маньяками, ты должен был слышать. Так вот, образовался странный квазиустойчивый эгрегор преступников, криминально-пси-

хическая структура, которую разрушить извне в сложившихся условиях невозможно. Что прикажешь делать?

Крутов молчал.

Джехангир прислушался к очередному сообщению по рации.

— Мне передали, что в Брянске убит Рамазан Рахимов, начальник моей службы «зачистки». Не твоих ли рук дело? Впрочем, это уже не имеет значения. Бригада «зачистки» уже на подходе. Итак, твое решение?

— Нет, — тихо сказал Крутов, сдерживая яростно-хладнокровную силу боевого транса.

— Вольному — воля. Но отпустить тебя, сам понимаешь, я не имею права. Ты слишком многое узнал и слишком многое можешь.

— И что вы собираетесь делать? Ликвидировать утечку? То есть убить меня?

— Ну зачем же терять такую боевую единицу, — усмехнулся Джехангир, вынимая одной рукой «глушак», а другой какую-то плоскую черную коробочку с усиком антенны и кнопкой. — Сейчас я нажму эту кнопочку, сработает система ликвидации, и от засвеченного объекта, со всеми, кто там находится, ничего не останется. Потом я испытаю на тебе действие «глушака» и увезу в Москву, где ты придешь в себя и станешь работать на Проект, но только уже в состоянии зомби. А без этого ты слишком опасен, Егор. Ведь ты даже сейчас готов начать бой, в абсолютно безнадежной ситуации, не так ли? — Джехангир смерил Крутова насмешливым взглядом, заколебался. — Даже интересно было бы посмотреть, на что ты сегодня способен. Не хочешь размяться с Витюшей? Несколько минут у меня еще есть.

Крутов повернул голову к гиганту-телохранителю, могучая мускулатура которого внушала не уважение, а страх, встретил ничего не выражающий взгляд и понял, что любые приемы для этого геракла — все равно что массажное похлопывание. Нужен был лишь один удар из арсенала дим-мак[1], да и он не гарантировал успеха.

— Начинай, — повел стволом «глушака» Джехангир. — Если сможешь продержаться пару минут, я, возможно, изменю свое решение.

В то же мгновение Крутов прыгнул к телохранителю и на выдохе, с «энергетическим выхлопом», ударил гиганта «рукой-копьем». Сжатые пальцы пробили грудную клетку телохранителя, минуя ребра, вонзились в сердце. Егор сжал руку и вырвал его из груди. Повернулся к Джехангиру, бросил ему

[1] Дим-мак — искусство «ядовитой руки», техника нанесения ударов пальцами в уязвимые точки тела.

под ноги сердце тяжело рухнувшего за спиной парня. Сказал глухо:

— Я не хочу вас убивать, учитель. Где Лиза?

Джехангир поднял руку с «глушаком», лицо его пожелтело, потеряло былую бесстрастность каменного идола, глаза сузились, наполнились тьмой.

— Кажется, я тоже тебя недооценил...

Крутов шагнул вперед, и Джехангир выстрелил. И... ничего не произошло! Егор продолжал идти. Мстислав Калинович посмотрел на пистолет в руке, на полковника, еще раз нажал на курок и наконец понял.

— Ты вынул аккумулятор... стой! — Он поднял зажатую в левой руке коробочку. — Это дистанционный взрыватель. Еще один шаг — и я нажму кнопку!

Егор остановился.

— Учитель, вы заставляете меня действовать по закону зэков: не верь, не бойся, не проси. Это не моя философия, но я готов исповедовать и ее, если вы откажетесь от своей. Может быть, лучше решим проблему иным путем? Боевым? Победите вы — делайте все, что хотите, если же победу одержу я, вы скажете, где Лиза, и я вас отпущу. Клянусь!

Джехангир попятился.

— Стой, где стоишь, Крутов. Иначе будешь виновен в гибели своих коллег. А этого тебе не простят...

За спиной командующего Российским легионом возникло движение, из-за низкорослого ельника выскочили две фигуры в черном. Джехангир оглянулся и поднял над головой руку с дистанционным взрывателем.

— Не-е-е-ет! — закричал Егор, бросая давно приготовленный сюрикэн.

Но было уже поздно, Джехангир нажал кнопку. Стрелка сюрикэна угодила ему в шею одновременно с раздавшимся взрывом.

Казалось, взорвался весь лес! Содрогнулась под ногами земля. Над деревьями выросла стена выброшенной вверх земли, дыма и пламени. Деревья шатнуло мощной ударной волной, запутавшейся в ветвях и кустарнике и, к счастью, не доставшей Крутова. И все же на какое-то время он оглох, ослеп и остолбенел, не в силах перенести боль утраты... потом почувствовал чью-то горячую ладонь на своем локте и очнулся. На него смотрели внимательные озабоченные глаза Ираклия Федотова, магистра Ордена чести и контрразведчика.

— Ты как? В порядке? Идти можешь?

Крутов пошевелил занемевшими губами. Ираклий понял.

— Все в норме, полковник, мы предупредили твоих «витязей», все живы-здоровы, ждут у дороги.

— Что?! — Егор не поверил своим ушам. Перехватило дыхание. — Что ты сказал?!

— Пошли, нас ждут. Мы следили за вами и слышали, как этот твой бывший учитель вещал о будущей революции. Ну, и предупредили твоих парней. Кстати, твоя Елизавета ждет тебя в деревне...

Крутов посмотрел на Ираклия зачарованно-недоверчиво и вдруг бросился бежать.

— Да постой ты!.. — Федотов попытался его остановить, но ухватил только воздух, отрицательно покачал головой Корнееву, готовому броситься наперерез полковнику. — Пусть бежит. Мы найдем его в Ковалях.

Кусты зашевелились. Контрразведчики схватились за оружие и увидели человека в черной рубашке и таких же брюках, смуглого, с усиками и бородкой. Длинные блестящие волосы цвета воронова крыла были перехвачены на затылке красной лентой, образовывая хвост. Не обращая внимания на Федотова и Корнеева, он подбежал к лежащему ничком Джехангиру и склонился над ним.

Ираклий и майор переглянулись.

— Отправить его туда же?.. — вполголоса сказал Корнеев.

Черный человек оглянулся, и взгляд его был так угрожающе плотен и физически ощутим, что контрразведчики вздрогнули.

— Пусть живет, — пробормотал Ираклий. — Пора уходить. Скоро здесь будет весь Российский легион...

Крутов задержался у зоны лишь на мгновение: тряхнул руку легко раненному Саше Зубко, помахал остальным «витязям», глянул на о т с у т с т в у ю щ е г о психически Панкрата (ничего, главное — он жив, а из ступора мы его выведем) и помчался дальше, не отвечая на удивленные взгляды бывших подчиненных — объяснять, куда он спешит, не хотелось, — лишь крикнул на бегу:

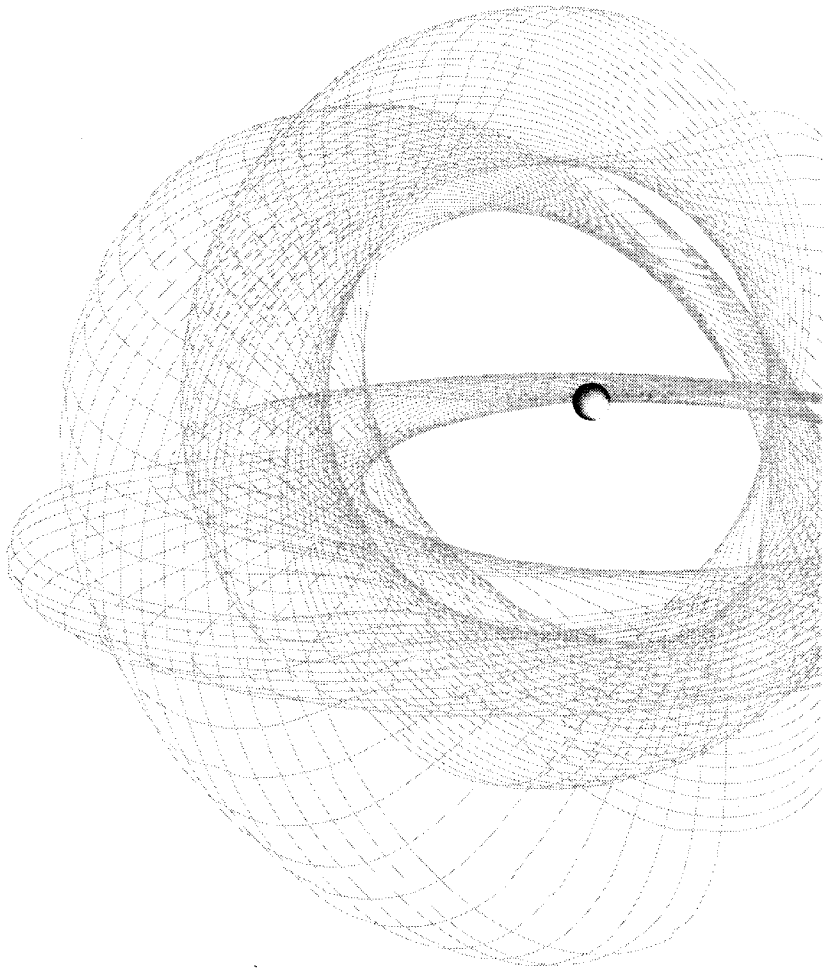
— Жду в деревне...

До Ковалей он добрался напрямую через лес за полчаса. Сил хватило только на то, чтобы открыть калитку к дому Качалиных. Чувствуя, что легкие вот-вот разорвутся, пытаясь не упасть, он вцепился в штакетину забора и остановился. В тот же миг распахнулась дверь дома и на пороге показалась босоногая, бледная, с огромными, сияющими, полными неистовой радости и слез глазами Елизавета...

Господи, не только ли ради этого света в глазах любимой женщины и стоит жить?.. — мелькнула мимолетная мысль, а потом Крутов уже ни о чем не думал, прижимая Лизу к груди...

ПОЛЕ БОЯ

РОМАН

МОСКВА

МОРОЗОВ — ЗУБКО

Капитан спецподразделения «Витязь» антитеррористического управления ФСБ Константин Морозов получил кличку Кока за своеобразный чубчик, напоминавший казацкий оселедец времен Запорожской Сечи. Шел капитану всего двадцать восьмой год, однако успел он к этому рубежу закончить Рязанскую воздушно-десантную академию, полтора курса юрфака Высшей школы милиции, пройти четыре войны — в Абхазии, в Карабахе, Таджикистане и Чечне и приобрести опыт, далеко превышающий средневозрастной.

Жизнь антитеррористического отряда была настолько сурова и плотно забита событиями, что редко кто из «витязей» имел семьи. Не составлял исключения в этом плане и Кока Морозов. Иногда он, конечно, знакомился с девушками и некоторым из них даже нравился, но дальше знакомств дело не шло: девушки не жаловали кавалера, способного исчезнуть без предупреждения не на день-два, а на три-четыре недели и больше. Любимым же видом развлечения Кости в свободное время было вырезание из дерева различных фигурок. Практически все его коллеги из группы «Витязь» имели такие фигурки — медведей, волков, лосей, бегемотов, крокодилов и прочих представителей животного мира.

О том, что произошло в Брянских лесах под Жуковкой в начале августа, Костя начал задумываться сразу же по прибытии в Москву. Командир группы подполковник Зубко, раненный в ходе операции («тренинга на натуре», как было доложено начальству), приказал всем молчать, но желания докопаться до сути от этого у Кости не убавилось. Дождавшись возвращения Александра из госпиталя, озабоченный Кока заявился к подполковнику домой — жили все члены группы на территории военного городка в Митине. К этому времени главных вопросов у Морозова набралось семь:

Что за контора пряталась в лесах под вывеской секретной воинской части?

Чем она занималась на самом деле?

Каким боком оказался втянутым в ее дела бывший командир «Витязя» полковник Крутов?

Кто и почему взорвал весь комплекс с центральным зданием лаборатории, так что от него ничего не осталось?

Что за люди помогли «витязям» выбраться из этой мясорубки живыми и невредимыми?

Что такое «глушак», которого Крутов посоветовал бояться как огня и стрелять в любого, кто применит этот самый «глушак» в бою?

И, наконец, куда после всех разборок делся Крутов?

Зубко выслушал подчиненного по службе и друга по жизни внешне спокойно, предложил глотнуть водочки, а когда Костя отказался, кивнул и заговорил:

— Ты не первый, кого это заинтересовало. Но самое удивительное в том, что ни один из этих вопросов мне почему-то не задало начальство! Это вот как понимать?

— Да хрен с ним, с начальством, — пожал плечами Морозов. — Хотя, конечно, странно. Что же, ни директор, ни Рюмин, ни Воскобойников не поинтересовались, где мы «тренировались»?

— В том-то все и дело, Кока. Складывается впечатление, что они з н а ю т, что произошло на самом деле, но получили приказ дело замять, а нас не трогать. Что это означает, я не знаю, но хорошего ничего не жду. Лукич действительно втянул нас в грязную историю.

Костя кругами походил по комнате подполковника, обставленной по-спартански: кровать, стол, два стула, тумбочка и телевизор, — сел на кровать.

— А если бы ты знал все заранее, что, отказался бы помочь?

Александр усмехнулся.

— Я — нет, я слишком многим ему обязан, но вас попытался бы отговорить. Впрочем, дело сделано, теперь-то уж чего? Поживем — увидим, как будут развиваться события. Но предчувствие у меня скверное.

— Могут снять?

— Если бы только снять — это еще полбеды, не расформировали бы всю команду. Водку почему не пьешь?

— Завязал, потребляю теперь только пиво, да и то по праздникам. Ты не темни, не увиливай от ответов.

Зубко глотнул водки, поднес к носу соленый огурец, понюхал и с хрустом откусил.

— Я не увиливаю, просто не знаю всего. Знаю только, что в лесах пряталась секретная лаборатория третьего управления ФУМБЭП, баловавшаяся психотронными игрушками. «Глушак», о котором предупреждал Лукич, это их последняя разработка — генератор подавления воли или что-то в этом роде. Об НЛП — нейролингвистическом программировании — что-либо слышал?

— Ну это же... медицинский термин, — Костя пошевелил пальцами, — методы психологической обработки...

— Вот лаборатория этим и занималась, создавала технические системы НЛП, а как далеко забралась, можно только догадываться, если ее не пожалели взорвать к чертям со всеми работниками и оборудованием.

— Зачем?

— А ты не догадываешься? Чтобы не произошло утечки информации.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! Нас-то почему выпустили оттуда живыми?

— Благодаря коллегам из военной контрразведки. Если бы не полковник Федотов, остались бы от нас в Брянских лесах только рожки да ножки.

— Так это контрразведчикам спасибо надо сказать за то, что мы живы? — Константин почесал затылок. — Ну и компот! Они-то как там оказались?

— Работали по профилю, — невнятно сказал Зубко, хрустя огурцом.

Морозов внимательно посмотрел на его лицо, подсел к нему, положил локти на стол и, придвинувшись ближе, тихо произнес:

— С кем же мы воевали, Сашка?

Взгляд Александра стал угрюмым.

— А вот этот вопрос ты больше никому не задавай... если не хочешь лишиться языка... а то и головы.

— Так серьезно?! — Морозов присвистнул. — А все-таки?

Зубко помолчал, налил себе еще водки, выпил залпом.

— Лаборатория охранялась подразделением Российского легиона. А кому пришла в голову идея создать Легион и для каких целей, — можно только гадать. Но это птица очень высокого полета, судя по вложенным средствам.

Костя подумал, подвинул к хозяину рюмку.

— Налей и мне.

Выпил, закусил огурцом, пожевал хлеба.

— Ты всерьез говорил о расформировании группы? Это слухи или реальные разработки?

— Чистого расформирования не будет, грядет, как говорится, «структурная реорганизация» подразделения. Марата переводят в управление разведки, Серегу вообще в МЧС, Воху

в опергруппу «Альфа». Вместо них нам добавили трех бывших пограничников.

— Зачем?

Зубко посмотрел на Костю исподлобья, покривил губы.

— Для усиления.

Морозов кивнул, понимая чувства командира. Ни одно элитное подразделение силовых структур и спецслужб в стране по мобильности, мощи, тренированности и опыту не могло сравниться с «Витязем», не нуждающимся ни в какой «структурной реорганизации». Идея начальства «усилить» группу говорила больше о каких-то планах ее развала или медленного переподчинения. В начале девяностых годов такое уже случалось с аналогичным соединением КГБ «Альфа», не восстановленным в полной мере до сих пор.

— Да-а, подставил нас Лукич, — пробормотал Морозов после уничтожения бутерброда с красной икрой. — Ты не знаешь, где он сейчас? Куда подался из Брянских лесов?

— В Нижегородскую губернию он подался, есть там такой городишко — Ветлуга.

— Чего это его понесло именно туда?

— Как я понял, там живут дальние родственники его женщины, Елизаветы. Неделю назад он звонил оттуда, но где и как устроился, не сказал.

— Зачем звонил?

— Просил кое-что выяснить.

Костя подождал продолжения, не дождался, напился холодной минеральной воды и поднялся.

— Пойду прогуляюсь. Порыбачить не хочешь?

— Спать буду, устал я от всего. Одно дело — быть рядовым «витязем», совсем другое — руководить. Лукич умел это делать без напряга, я еще не научился.

— У тебя все впереди, не психуй. Пока.

— Пока.

Костя вышел из общежития, погулял по спортгородку, поглядывая на вечереющее небо, уговорил себя собраться на рыбалку, благо речка Старка текла в границах городка, но порыбачить не успел — началась тревога. Группу «Витязь» срочно бросали по вызову итальянского посольства: тройка террористов захватила машину с итальянским дипломатом и его подругой и требовала стандартный «джентльменский» набор: десять миллионов долларов и беспрепятственный вылет в одну из ближневосточных стран.

* * *

«Витязи» действовали по давно разработанному сценарию, не один десяток раз прокрутив «на натуре» подобную ситуацию: вооруженные пистолетами и гранатой террористы сидят в машине, накинув на шею заложнику-мужчине тонкую бечевку и прикрываясь телом заложницы. Еще памятен был прецедент с освобождением шведского дипломата в декабре девяносто седьмого года, когда в результате несогласованных действий спецназа погиб полковник Соловьев, один из создателей и первых руководителей легендарной «Альфы». К сожалению, «альфовцы» тогда сработали из рук вон плохо, а «витязей» к участию в операции не допустили из-за корпоративного чванства и ревности — они были из другого ведомства, хотя и занимались антитеррористической деятельностью. Федеральной службе безопасности команду «Витязь», состоящую из одних офицеров, переподчинили только в августе девяносто восьмого.

Захват итальянского дипломата произошел у ограды Пятницкого кладбища со стороны Первой Мытищенской улицы. Что там делал советник Паоло Пазолини вдвоем с дамой в десять часов вечера, можно было только догадываться, но факт оставался фактом: сейчас в его «Мерседесе» сидели трое террористов, вооруженных пистолетами и гранатой, которую они грозились взорвать в случае «неправильных» действий правозащитных органов. Террористы заставили дипломата связаться с посольством и потребовали выкуп. Первоначальная сумма равнялась одному миллиону долларов, но ко времени высадки «Витязя» она увеличилась в десять раз. То ли террористы одурели от наркотиков, то ли обнаглели от сознания собственной значимости, заставив съехаться к месту похищения чуть ли не все московские спецподразделения по борьбе с терроризмом.

Прибыв на место происшествия, Зубко развернул группу за четверть часа, проанализировал ситуацию и доложил генералу Рюмину, ответственному за исход переговоров от Федеральной службы безопасности, о готовности «витязей» к проведению операции. Рюмин, ожидавший прибытия особо важных персон — секретаря Совета безопасности Валягина и первого вице-премьера, буркнул подполковнику: «Ждите», — и отвернулся к работникам итальянского посольства, шокированным происходящими событиями. Зубко взял под козырек и отошел, прекрасно зная манеру генерала вести дела.

Потянулись минуты ожидания. Прибыл Валягин, затем ви-

це-премьер Козлов с группой высокопоставленных чиновников российского МИДа, директор ФСБ, министр внутренних дел. Переговоры затягивались. Наконец террористы заявили, что, если в течение получаса им не принесут требуемую сумму, они начнут отрезать у дипломата и его женщины пальцы, уши и выбрасывать из машины. Тогда Рюмин подозвал Зубко и отдал приказ начинать операцию.

— Пусть ваш работник отнесет им деньги и попытается уговорить их освободить заложника, — сказал он Зубко.

— Какого? — поинтересовался подполковник, имея в виду, что заложников двое.

— Дипломата, — отрезал Рюмин. — Женщина не относится к категории особо важных лиц. Если не получится — начинайте свои танцы. Как поняли?

— Разрешите выполнять? — вытянулся Зубко.

— Выполняйте, — буркнул генерал, отворачиваясь.

— Костя, — окликнул Морозова по рации Александр. — Подойди.

Капитан, готовивший группу «последнего броска» за оградой кладбища, проверил связь со снайперами и рысцой подбежал к толпе чиновников, топтавшихся вокруг вице-премьера и директора ФСБ в трехстах метрах от места инцидента, на Второй Мытищенской улице.

— Переоденьте его, — приказал Рюмин, оглядывая «киборг» Морозова, делавший капитана похожим на космонавта или инопланетное существо. — Не стоит пугать террористов такими нарядами.

Косте пришлось снять спецкостюм, накинуть на бронежилет рубашку и пиджак, надеть галстук. Ему вручили «дипломат» с деньгами и вмонтированной в него рацией, и, облившись холодным потом, чувствуя легкий эйфорический звон в голове, Морозов отправился к машине, навстречу неизвестности. Вопреки приказу генерала он договорился с Зубко не предпринимать никаких «действий по обстоятельствам», просто передать доллары, оценить вооружение и готовность бандитов к отпору и быстро отойти назад. И все же капитану было не по себе, хотя ситуаций, подобных этой, он пережил немало.

«Мерседес» Паоло Пазолини стоял носом к ограде кладбища между двумя ржавыми гаражами-«ракушками». Ограда здесь делала изгиб влево, улица — вправо, в результате чего образовалась небольшая площадь размерами тридцать на сорок метров, с единственным фонарным столбом на противоположной стороне улицы. Фонарь горел, но освещал площадь

плохо. Ни деревьев, ни кустов, ни каких-либо строений или машин на площади не имелось, и местность была открытой как со стороны улицы в пределах видимости, так и со стороны кладбища. Атаковать террористов в лоб было бессмысленно, и Зубко расположил «витязей» таким образом, чтобы они были не видны из-за гаражей. Время от времени один из террористов вылезал из машины, прикрываясь итальянцем, оглядывал улицу справа и слева от себя, за гаражами, но каменный бордюр, на котором была установлена металлическая решетка кладбищенской ограды, все же позволил оперативникам подползти ближе, почти вплотную к «Мерседесу», а на преодоление ограды им требовалось всего несколько секунд.

— Мы высылаем человека с деньгами, — проревел милицейский мегафон.

— Пусть поднимэт руки и идот мэдлэнно, — ответил голос с заметным кавказским акцентом. — Мы его отпустим, как только будэт вэртолот.

Костя пошел медленней, чувствуя на себе взгляды десятков людей, среди которых были и очень-очень недобрые, поднял левую руку над головой, вдруг пожалев, что не взял с собой оружия. Все-таки лучше всего в сложившейся ситуации действовать внезапно, используя самый мизерный шанс, который мог появиться в любой момент, и нейтрализовать террористов до того, как они отважатся стрелять. Крутов поступил бы, наверное, именно так, мимолетно подумал Костя, надеясь, что первыми открывать огонь террористы не рискнут.

— Стой! — окликнули его из машины, когда до «Мерседеса» оставалось шагов двадцать. — Открой партфэл!

Морозов остановился, щелкнул замками «дипломата», показал содержимое — аккуратно уложенные пачки стодолларовых купюр. Наступила пауза. Террористы рассматривали «дипломат» в бинокль. Неизвестно, какую опасность они увидели в фигуре парламентера, но реакция их была почему-то истеричной.

— Нэ подходи! — завопил главный переговорщик бандитов, разговаривающий с акцентом. — Убэритэ его! Застрэлю! Пускай подойдот ихний посол! Давайтэ вэртолот!

— Возвращайся, — пробубнила рация в ухе Морозова голосом подполковника. — Что-то их испугало.

Костя повернулся было, но в этот момент услышал еще чей-то голос, утробно-гулкий, завораживающий, раздавшийся прямо в голове, как бы в глубине черепа:

— Иди и освободи заложников! Это приказ!

Морозов хотел сказать: «Я же не взял оружия!», но вместо

этого снова повернулся, как сомнамбула, и пошел к «Мерседесу», переставляя ставшие деревянными ноги.

Зубко, наблюдавший за капитаном в панорамный ночной бинокль, первым догадался, что с ним что-то не так. Бросил в микрофон рации:

— Костя, назад! В чем дело?! Очнись! Возвращайся!

Морозов продолжал идти, и толпа начальников разного ранга, ответственных работников правительства и МИДа, затихла, затаила дыхание, не понимая, что происходит. Не удивился лишь Валягин, знавший о вмешательстве в операцию контролеров Легиона. Замолчали и террористы, ошеломленные на несколько мгновений наглостью парламентера. Действовать они начали, когда расстояние между «Мерседесом» и капитаном сократилось до десяти шагов.

Дверца машины открылась, один из террористов вытолкал из кабины молодую женщину и, прячась за ее спиной, выстрелил в дорогу перед Морозовым.

— Убью, тихарь! Брось партфэл! Уходи!

Морозов замедлил движение, но продолжал идти, словно не слышал ни выстрела, ни крика. Бандит выстрелил еще раз, и одновременно Зубко показалось, что прозвучал второй выстрел — со стороны ближайшего дома. Костя сделал шаг, другой и упал лицом вниз.

Установилась пугливая, полная внутреннего драматизма и напряжения тишина. И, пользуясь секундным замешательством, Зубко скомандовал:

— Вперед!

Все остальное произошло в течение десяти секунд.

Прятавшиеся за бордюром ограды подрывники «Витязя» двумя специальными зарядами направленного действия взорвали решетку, одновременно взрывая перед «Мерседесом» свето-звуковую гранату, чтобы ослепить и оглушить террористов, отвлечь их внимание. Снайперы, давно выцеливавшие бандитов в машине, спустили курки, попав двум, сидевшим на переднем сиденье, в головы: два выстрела — два трупа. Оперативники «последнего броска» мгновенно нырнули в проделанные в ограде «окна» и выросли слева и справа от «Мерседеса» в тот момент, когда оставшийся в живых террорист с гранатой пытался вытолкнуть из кабины итальянца. Сделать он это не успел. Один из «витязей» выстрелил ему в ухо, а второй, зажав рукой кулак с гранатой, одним ударом ножа отрубил бандиту кисть и перебросил ее через ограду вместе с гранатой. Взрыв гранаты, упавшей за одну из могил, вреда никому не причинил.

Операция закончилась.

Зубко подскочил к Морозову раньше своих начальников. Хмурые спецназовцы, поднявшие забрала шлемов «киборгов», расступились. Александр склонился над Костей, которого успели перевернуть на спину, лицом вверх, увидел открытые глаза, струйку крови, перечеркнувшую висок и щеку, подсунул ладонь под голову друга и поднес к глазам окровавленные пальцы.

Морозов был убит пулей в затылок. А это означало, что в него стреляли не бандиты, а кто-то еще. Снайпер. Может быть, из своих. Тот выстрел со стороны жилого дома подполковнику не почудился.

* * *

— Ну что я могу сказать? — проворчал Сергей Алексеевич, штатный патологоанатом «Витязя», низенький, толстенький, в очках. Вытер руки полотенцем. — Пуля попала в затылок и застряла в лобной кости головы, смерть наступила мгновенно.

— И это все? — угрюмо осведомился Зубко, глядя на тело Морозова на каталке; в морге было холодно, и Александра охватил ледяной озноб.

Патологоанатом пожал плечами.

— В принципе, все. Стрелял мастер, калибр пули девять миллиметров, масса шестнадцать и две десятых грамма, стреляли...

— Из «винтореза», — закончил Зубко.

— Совершенно верно, голубчик. Очень чистая работа.

— Да уж. — Александр закрыл лицо убитого простыней, пошел к двери. — До свидания.

— Э-э, подполковник, — окликнул его Сергей Алексеевич. — Если вам это будет интересно...

Зубко остановился, поворачиваясь.

— Что?

— Понимаете, голубчик, — доктор снял очки, протер носовым платком и водрузил на нос, — у вашего работника произошли определенные физиологические изменения специфического свойства... еще до смерти...

— Какие изменения?

— Понимаете, я в свое время работал в лаборатории химико-токсикологической экспертизы и не раз сталкивался с подобным явлением. Как бы вам это объяснить...

— Покороче и без терминологии.

— В общем, впечатление складывается такое, будто ваш капитан перед смертью принимал наркотик...

— Это исключено! Вы что же, нашли следы наркотика в крови?

— В том-то и дело, что не нашел, но в тканях головного мозга обнаружены... э-э, кое-какие «шлаки», вырабатываемые организмом в ответ на определенного рода воздействие, в том числе — наркотическое.

— И о чем это говорит, по-вашему? На Коку... на капитана было оказано воздействие? Ему вкололи наркотик?

— Не наркотик. — Патологоанатом снял очки, и глаза его стали беспомощными и растерянными. — Повторяю, я обнаружил реакцию организма на какое-то воздействие, а какое именно — не знаю.

— Сможете выяснить?

— Не уверен, голубчик. Наша лаборатория не имеет необходимого оборудования для исследований подобного рода. Я, конечно, попытаюсь, но...

— Спасибо, Сергей Алексеевич. Очень вам признателен. Если что-нибудь раскопаете интересное, сообщите мне, пожалуйста.

— Хорошо. Обязательно.

Зубко вышел из помещения морга в жаркий августовский день, постоял немного, жадно вдыхая запахи травы и близкого леса, и направился к штабу части, где недавно заседала комиссия аналитиков службы, разбираясь в обстоятельствах гибели Кости Морозова. Вердикт комиссия вынесла железный: член группы «Витязь» капитан Морозов погиб в результате непрофессиональных, непродуманных решений командира группы подполковника Зубко и слабого обеспечения операции по обезвреживанию террористов. Что такое «слабое обеспечение» операции, Александр не понял, но его возмутила не формулировка вывода комиссии, а подчеркнутое пренебрежение председателя комиссии генерала Коняхина к доводам самого Зубко. Не сдержавшись, Александр обозвал генерала мудаком и был выдворен из помещения. Решение комиссии ему сообщил уже генерал Рюмин, в общем-то, тоже, по мнению Александра, не слишком рвавшийся защищать своих подчиненных.

— Но вы же понимаете, что мои ребята сделать этого не могли! — сказал Зубко, сдерживаясь, когда его вызвали в кабинет командира базы. — Я расставил их лично, все три снайпера контролировали «мерс» и в своего попасть просто не имели возможности. В Морозова стреляли со стороны жилого дома, где не было ни одного оперативника группы.

— Оставим этот разговор, подполковник, — подчеркнул звание Зубко Рюмин. — Твой снайпер мог и поменять позицию, не предупредив тебя, а доказать обратное невозможно. Скажи спасибо, что комиссия не сняла с тебя погоны.

— Да на хрен они мне с таким подходом! — вскипел Зубко. — Был бы на моем месте полковник Крутов, и он не смог бы оправдаться перед вами. Разрешите идти?

Рюмин оперся кулаками о стол, собираясь встать, лицо его побагровело.

— Вы даете себе отчет?! При чем тут Крутов?

— При том, что я его ученик. Если бы не смерть Кости, мы бы взяли террористов вчистую. Нас просто кто-то подставил. — Александра внезапно осенило. — Не метит ли кто на наше место? Я имею в виду группу? Например, отряд особых операций Российского легиона?

Рюмин откинулся на спинку стула, долго смотрел на подполковника, как на диковинное насекомое, потом вдруг успокоился.

— Откуда вы знаете... о Легионе?

— Земля слухом полнится, — усмехнулся Александр. — Я слышал, что о Легионе было доложено президенту, и он отнесся к этому благосклонно. Настолько благосклонно, что велел засекретить все с ним связанное. К чему бы это?

— Идите, подполковник, — махнул рукой Рюмин. — Советую не делиться своими предположениями ни с кем и никогда. Даже с друзьями. Ваш язык может повредить шее.

— Спасибо за предупреждение, товарищ генерал. Я не любитель трепаться, так что о моей шее не беспокойтесь. Но я все же попытаюсь выяснить, какая сволочь стреляла капитану Морозову в спину.

Зубко закрыл за собой дверь кабинета и не услышал реплики генерала:

— Куда один баран, туда и все стадо...

Генерал имел в виду полковника Крутова, бывшего командира антитеррористической группы «Витязь».

«Витязи» с утра занимались изучением систем нового оружия. В оружейном классе, куда зашел Зубко, было шумно, ребята спорили с экспертом и друг с другом по поводу достоинств пистолетов серии «глок» перед пистолетами Стечкина.

— Сергей, — Александр поманил пальцем Погорелова, — выйди на минуту.

Они вышли из штаба на улицу.

— Что, сняли? — поинтересовался снайпер.

— Оставили, — понял старлея Зубко, закурил. — Дело закрыли, но вывод тот же: виноваты мы. Как ты думаешь, никто из наших не мог поменять позицию?

— Марат не мог, — твердо заявил Погорелов. — В крайнем

случае предупредил бы. Лукьяненко я знаю плохо, — Сергей говорил о третьем снайпере группы, — но и он не стал бы стрелять по директрисе через спину Кости.

— Я тоже так считаю. Но слушать меня не стали. Давай после занятий съездим к кладбищу, на место боя, посмотрим все, пощупаем, прикинем на местности. Я примерно знаю, где мог сидеть чужой снайперок.

— Хорошо, — пожал плечами Погорелов. — Поедем.

В два часа дня, освежившись купанием в пруду, Зубко и Погорелов сели в джип, принадлежащий автохозяйству «Витязя», и отправились на Мытищенскую улицу к Пятницкому кладбищу, возле которого советнику итальянского посольства Паоло Пазолини вздумалось устроить свидание с одной из примадонн российской эстрады.

На месте недавнего ночного инцидента не осталось никаких следов происшествия, если не считать дыр в решетке ограды кладбища, у которых возились ребятишки. Александр и Сергей прошлись по улице, постояли на месте гибели Кости Морозова, оглядываясь по сторонам, ничего не говоря друг другу. Кем были террористы, захватившие работника итальянского посольства, не интересовало ни того, ни другого. Оба не испытывали к ним жалости, презирая эту породу людей, ни в грош не ставивших чужие жизни. Но существовала и другая сторона медали, однажды поразившая Александра до глубины души.

В мае «Витязь» обезвредил группу террористов, захвативших школу в Невинномысске, среди которых оказалось несколько — трое — молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати лет; именно они и были самыми жестокими истязателями и мучителями заложников, расстрелявшими двух пятиклассников. При штурме школы все террористы — всего их насчитывалось одиннадцать человек — были убиты и похоронены на отдельном участке за городским кладбищем. Каково же было удивление Зубко и его «витязей» (тогда группой еще командовал полковник Крутов), когда они узнали, что на могилах молодых террористов-убийц появились деревянные иконки и груды цветов! Неизвестно, кто принес эти иконы и цветы, родственники или друзья погибших, но факт был поразительный: «профессия» террориста становилась буквально героической среди молодежи!

Погорелов, походив по площадке и полежав на асфальте лицом к жилым домам на противоположной от кладбища стороне, встал и проговорил:

— Стреляли вон из той пятиэтажки. Но не с крыши. Пуля

попала Коке в основание черепа, значит, снайпер сидел не выше третьего этажа, слева от лестничного пролета. Кстати, тебе не кажется, что за нами следит какая-то зараза?

Александру и самому стало неуютно, будто на спину кто-то положил омерзительно холодную и влажную ладонь, поэтому он ограничился кратким:

— Чую. Делай вид, что мы ничего не замечаем. Вычислил окно, из которого вел огонь снайпер?

— Примерно.

— Пошли к дому, посмотрим, что там за хозяева.

Одеты оба они были в гражданское и не могли вызывать особого любопытства ни у редких прохожих, ни у жителей близлежащих домов, вздумавших поглазеть на улицу, однако ощущение взгляда не проходило, за ними явно наблюдали — прицельно, зная, кто они такие, и это обстоятельство заставило «витязей» включиться в работу серьезно. И тем не менее определить позицию наблюдателя не удалось, прятался он профессионально.

— Сволочь! — выругался Зубко сквозь зубы. — Уж не малый ли СЭР[1] используется? Сережа, иди во двор, посиди в тенечке, я вызову группу.

— А что ты скажешь командиру базы?

— Ничего. Поработаем на природе, ради «собственного удовольствия».

Погорелов побрел во двор дома, а Зубко вернулся к джипу и вызвал Воху Васильева.

— Оружие брать? — спросил быстро соображавший лейтенант, всегда готовый поучаствовать в авантюре.

— Только холодняк.

— Понял. Будем через сорок минут.

Выключив телефон и отойдя от машины, Александр снова почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд и на сей раз понял, что за ним следят как раз из того самого жилого пятиэтажного дома, из окна которого стрелял снайпер. Скрипнул зубами: не зря тебя здесь посадили, глазастик, что-то спрятать хотят твои хозяева. Что ж, посиди, пока приедут мои орлы, мы тебя выковырнем из щели...

Во дворе Погорелова не оказалось.

Подполковник озадаченно осмотрел гаражи, машины, одноэтажное здание котельной с высокой металлической трубой, лесок за забором, выругался про себя и вошел в подъезд,

[1] СЭР — средство электронной разведки на базе компьютерного распознавания и слежения.

который предположительно вел в квартиру с засадой, расстрелявшей Морозова. Где-то наверху стукнула дверь, послышались мужские и женские голоса, музыка, потом все стихло. Чувствуя нарастающую тревогу и раздражение, Александр бесшумно поднялся на второй этаж, затем на третий, остановился на лестничной площадке, разглядывая четыре двери, выходящие на площадку; дом был старый и лифта не имел. Погорелова не было и здесь.

Постояв с минуту в непонятном для себя напряжении, прикидывая, не заглянуть ли в квартиру справа, где, по расчетам, мог находиться ночной снайпер, Зубко все же решил спуститься во двор, поискать Сергея там и подождать группу, но его опередили. Дверь крайней левой квартиры, обитая ядовито-зеленым дерматином, вдруг резко распахнулась, и на площадку выскочили двое парней в спортивных костюмах, вооруженные пистолетами.

Это была засада, явно рассчитанная на прибытие самодеятельных следователей вроде подполковника ФСБ и его друга, и она была уверена в полном своем превосходстве, действуя открыто, прямолинейно и нагло. И все же, если бы с Зубко был его «Витязь», шансов у засадников было не очень много, несмотря на внезапность нападения, однако он шел один и, хотя встретил парней как надо, предупрежденный интуицией, справиться со всеми бойцами неведомого спецназа не мог.

Отреагировал на появление противника он мгновенно: нанес удар парню слева, сбивая его с ног, перехватил руку с пистолетом второго, подставляя плечо под его подбородок. Парень лязгнул зубами, обмяк, Александр вырвал у него пистолет, собираясь стрелять в любого, кто появится из-за распахнутой двери, и услышал сзади вздох открываемой двери еще одной квартиры. Оглянулся со смертной тоской, понимая, что не успевает, увидел фигуру во всем черном с пистолетом в руке, разглядел даже пистолет — с толстым дулом, но без дыры пулевого канала, — и в тот же миг удар по голове, точнее, удар, нанесенный как бы изнутри головы, погасил его сознание, как порыв ветра — пламя свечи...

— Тащите его в квартиру, — сказал человек с пистолетом, поглядев на часы. — У нас всего полчаса до прибытия группы. За это время они должны очухаться и выглядеть, как огурчики.

Спортсмен, которого оглушил Саша, пришел в себя, с трудом поднялся, взял Зубко за ноги. Его напарник, у которого болела челюсть, подхватил Александра под мышки, и они внесли потерявшего сознание подполковника в квартиру. Дверь закрылась.

КРУТОВ

Егор проснулся с первым лучом солнца и некоторое время лежал, не двигаясь, рассматривал лицо Елизаветы с полуоткрытыми губами и ни о чем не думал, просто любовался им, проникаясь безмятежной доверчивостью и детской естественностью этой женщины, проявлявшейся во время сна. И тотчас же она открыла глаза, чутко реагируя на его взгляд и чувства. Улыбнулась, также продолжая лежать неподвижно, и тогда он потянулся губами к ее набухшему соску на груди, беззастенчиво выглядывающей из-под сползшей простыни. И она потянулась к нему — руками, губами, всем телом, и не было сил сдерживать желание, и мир вокруг исчез, растворился в оглушительном гуле крови и грохоте сердец, и миг неистового безумства и блаженства плоти соединил не только их тела, но и души восторгом растворения друг в друге и во Вселенной... и длился этот миг необыкновенно долго... хотя не мог длиться вечно.

Потом они купались во дворе в огромной лохани, которую Крутов приспособил в качестве бассейна, и обливались из шланга: Егор насчет скважины договорился с местными буровиками земслужбы, и теперь с водой проблем не было.

Вообще устраивался на новом месте Крутов основательно, решив навсегда порвать с военным прошлым, переменить профессию и начать новую жизнь. В маленький городок Ветлуга, к родственникам Елизаветы, он переехал сразу после разборок с ликвидаторами Российского легиона в Жуковских лесах. Здесь, в Нижегородской губернии — Ветлуга располагалась в двухстах с лишним километрах от Нижнего Новгорода, — тоже были леса, болота и реки, а жизнь небольшого городка русской глубинки ничем не отличалась от жизни той же Жуковки, жизни патриархально-размеренной, неторопливой и простой, несмотря на угрожающее наступление цивилизации.

Этот деревянный одноэтажный дом на улице Герцена достался Елизавете практически по наследству. До прибытия четы Крутовых (о том, что они еще не женаты, а Лиза даже не разведена с мужем, мэром Брянска Георгием Мокшиным, говорить они, естественно, никому не стали) дом стоял пустой, и троюродный дядька Елизаветы Парамон Арсеньевич навещал его раз в неделю, чтобы покопаться в огороде да протереть пыль с мебели. Когда встал вопрос — где жить молодым,

дядьки и тетки Лизы в один голос заявили: да живите в дворянской хате... — так они называли дом, потому что построен он был еще в первой половине девятнадцатого века и вполне мог считаться памятником архитектуры федерального значения. О доме этом стоит поговорить особо.

По рассказам Парамона Арсеньевича и его супруги Устины Карповны, которым перевалило за семьдесят, дом принадлежал еще Савве Макарьеву, средней руки купцу, торговавшему лесом и пушниной. В маленькой Ветлуге таких строений наберется сотни две, но лишь два десятка из них считаются памятниками архитектуры девятнадцатого столетия. Остальные потихоньку сносятся или сжигаются, а на их месте строятся особняки «новых русских» или коммерческие центры. Дом номер семь по улице Герцена избежал этой участи, хотя к Парамону Арсеньевичу уже приходили просители с предложением продать участок. Дед отказал. А потом приехали Крутовы, которые принялись его обживать, подновлять, реставрировать и ремонтировать. Каково же было удивление Егора, когда он, сдирая слой за слоем старые обои, обнаружил под ними штукатурку, разрисованную отнюдь не ветлужскими пейзажами: крепость на берегу моря, парусный корабль, дом с крутой двускатной крышей, женщины в нерусских — ближе к греческим — одеждах, канал с баржей, летящий на крыльях бородатый мужик... Ахнула и Елизавета, когда обалдевший Крутов позвал ее в дом.

— Господи, красота-то какая! И даже краски не выцвели! Кто же это рисовал?!

— Не я, — засмеялся Егор. — Я не знаток живописи, но мне почему-то вспоминаются картины старых голландских мастеров.

— Откуда в такой глуши появились голландцы?

— Мало ли? Может, пленный какой остался. Хотя какая разница? Главное, что это явный раритет, этим росписям цены нет! Обычно в старину в России расписывали храмы, церкви да дворцы вельмож, а тут — жилой деревянный дом. Может быть, в твоем роду бояре да дворяне обнаружатся? А то и князья?

— Вот только князей мне и не хватало, — улыбнулась Елизавета и вдруг прыгнула к нему с криком: «И-и-йа-а!» — одновременно нанося удар ногой в грудь; в последнее время она усиленно тренировалась под руководством Егора и достигла кое-каких успехов.

Конечно же, удар застиг его врасплох, и, конечно же, он с жутким грохотом укатился в сени, вполне натурально теряя

сознание, так что перепуганная Лиза принялась приводить его в чувство. А закончился процесс лечения в постели, куда отнес осознавшую свой промах, сердитую, сопротивлявшуюся подругу «очнувшийся» Крутов, заглушив ее гневную филиппику долгим поцелуем.

Сам он тоже тренировался, получив от полковника Федотова еще в Жуковке подробное описание тибетской системы психофизических упражнений лунг-гом, приемы которой комбинировали концентрацию мысли и воли с разнообразной дыхательной и боевой техникой. В идеале, как говорил Ираклий, бывший контрразведчик, а теперь такой же безработный, как и Егор, у человека должна развиваться сверхнормальная скорость и легкость движений, чего достиг он сам, занимаясь лунг-гом уже более двадцати лет. В принципе, Егор к этому времени уже был близок к идеалу, умея в трансовом состоянии пустоты уходить в темп, то есть двигаться на сверхскорости, но уменьшать по желанию или увеличивать вес тела, что гарантировал лунг-гом, он еще не мог и занимался с удовольствием и без обычного скептического отношения к разного рода философско-боевым школам. Ираклию Федотову он верил.

Дед Парамон однажды застал его за тренировкой и, понаблюдав «бой с тенью», вдруг снисходительно заявил:

— Тебе бы с моим свекром погутарить, он тоже, вот как ты, руками машет и столбом по часу стоит без единого шороха.

— Медитирует, что ли? — полюбопытствовал Егор.

— Что?

— Ну размышляет о чем-нибудь долго, думает.

— Наверное, медитирует, мил человек, а спросишь — молчит або улыбается. С него вообще занужду[1] слово выпросишь. Хошь, познакомлю? Только будь с ним поосторожней, пообходчивей, с виду-то он простыня[2], а на самом деле ох как много чего может и знает.

Крутов, заинтересованный характеристикой старика, пообещал быть начеку. Спросил:

— Сколько же лет вашему свекру?

— А почитай, сто лет, — спокойно ответил Парамон Арсеньевич в ответ на изумленный взгляд Егора. — И супруга евонная жива еще, бабка Евдокия. Тоже, скажу тебе, непростая женщина, костовстрёха. Ведунья, значитца, по-нашему, людей лечить могёть.

---

[1] Занужду — с трудом, едва (*ст. слав.*).

[2] Простыня — о простом, простодушном человеке.

К говору коренных ветлужан Крутов привык быстро, их терминология не так уж сильно отличалась от других российских диалектов, в том числе от родного жуковского, поэтому слушал степенную речь деда Парамона с удовольствием, лишь изредка спрашивая, что означает то или иное слово. Так, например, он узнал, что хозяйственные постройки во дворе дома называются одним словом «ухожь», а сам дом или собственный угол — «кубло». Но сообщение о каких-то таинственных занятиях столетнего старца, свекра Парамона, заинтересовало Егора настолько, что он тут же попросил старика представить его свекру. Однако получил строгий, хотя и необидный, отказ.

— Не спеши в Лепеши, мил человек, в Сандырях ночуешь. К Спиридону просто так, на козе, не подъедешь, он сам решает, кого звать к себе в гости, а кого нет. Я, конешное дело, сообчу о тебе, а уж там — что он скажет.

Парамон Арсеньевич обошел дом, с одобрением поглядел на ремонтные потуги Крутова, на стояк скважины во дворе, без особого удивления полюбовался фресками на штукатурке — Егор снял обои почти во всех комнатах — и, огладив седую бороду, с интересом взглянул в лицо нового хозяина.

— А ты, однако, мастак, Егор Лукич, агемон. Поначалу-то я, грешным делом, подумал — не лайдак, так баловень або попсуй. А ты вон чо могешь... Помощь не нужна?

— Нет, я сам, — твердо сказал Крутов. — Справлюсь. Хотя спасибо на добром слове.

После этого разговора прошло две недели, Парамон Арсеньевич наведывался к молодым через день-два, но о своем свекре не вспоминал, пока в конце августа не пришел с известием, что Спиридон Пафнутьевич изъявил желание встретиться с четой Крутовых. Утро, начавшееся с любви, как раз и было началом назначенного дня.

До восьми утра они валялись в постели, дурачились, боролись, целовались, вели себя, как дети, не обремененные заботами. Потом Елизавета вспомнила о своих обязанностях и побежала готовить завтрак. Крутов полежал еще какое-то время, ощущая удивительный душевный покой, но и у него было многое запланировано на сегодняшний день, что требовало известных усилий и смекалки. Позанимавшись в одной из комнат дома — всего их было восемь, — которую он превратил в спортивно-тренировочный зал, Егор еще раз искупался во дворе, слыша, как Лиза напевает на кухне, и успел закончить свой утренний тренинг как раз к завтраку.

Расположились в столовой, где Елизавета накрыла стол, делясь своими планами на день. Лиза хотела навестить ближайший коммерческо-издательский центр, где ей предложили место секретаря главного редактора, а также салон моды, где работала Саша, двадцатисемилетняя внучка Парамона Арсеньевича, доводившаяся Елизавете какой-то уж совсем дальней родственницей типа «седьмой воды на киселе». Тем не менее девушки быстро подружились, и Саша изредка забегала к Крутовым в гости.

Вообще связи у родственников Елизаветы в Ветлуге были довольно обширные. Узнав, что Лиза ищет работу, ей предложили целый спектр профессий от продавца косметики до юриста. Но так как она считала профессию юриста второй после журналистской — по сволочной античеловеческой сущности, то от предложений подобного рода отказалась, а поскольку рекламных фирм и компаний в Ветлуге не существовало, остановилась она на издательском центре, выпускающем местные газеты, журнал «Ветлуга-предприниматель» и книги местных «новых русских», пожелавших стать писателями.

У Крутова выбор оказался не столь велик: начальник охраны местного отделения «Вист-банка», милиция — предлагали должность замначальника городского УВД, и либо тренер по выживанию, либо опять же начальник охраны местного КММ — Клуба молодых миллионеров, созданного совсем недавно. Ни одно из предложений энтузиазма у Крутова не вызвало, и он пока думал, прикидывал варианты, веря, что выход в конце концов найдется. Деньги от выходного пособия, выданного в бухгалтерии службы, еще не закончились, к тому же у него оставались две машины, одну из которых можно было продать: собственная «Рено-Меган», изрешеченная пулями, требующая ремонта, и джип «Судзуки-Витара», подаренный Федотовым. Ираклий сам разыскал Егора в Ветлуге и оставил машину, перед тем как уехать на родину — на Алтай, к родственникам. Бывший полковник военной контрразведки ФСБ, едва уцелевший во время разборок с Российским легионом, секретная лаборатория которого обосновалась в Жуковских лесах, смог доказать в конторе свою состоятельность, предъявив материалы расследования деятельности психотронной лаборатории, уничтоженной хозяевами, но потом подал в отставку и покинул столицу. Подобно Егору, он тоже рассчитывал начать новую жизнь, не связанную со спецслужбами.

Издательский центр располагался всего в трех кварталах от дома Крутовых, в десяти минутах ходьбы пешком, но Егор все же подвез Елизавету на «Рено», а потом направился в авторе-

монтную мастерскую возле рынка. Мастер, пожилой и степенный, обошел «Рено» кругом, потрогал пальцем пулевые пробоины, которые Крутов замазал не везде, и с любопытством спросил:

— Случайно, не через Чечню проезжал?

— Партизаны обстреляли в Брянских лесах, — не менее серьезно ответил Егор.

Больше вопросов мастер не задавал, сказал только, что машину можно будет забрать через три дня, и назвал цену, которая вполне устраивала хозяина. Автосервис в Ветлуге еще не достиг уровня московского, вполне достойного называться авторэкетом.

Домой Крутов возвращался мимо миниатюрного ветлужского кремля — небольшой крепостцы, уцелевшей не то с пятнадцатого, не то с шестнадцатого века, оседлавшей холм над рекой Ветлугой. Кремль сегодня был почему-то многолюден, и Крутов задержался, гадая, что здесь происходит, пока не дознался, что местная федерация фехтования проводит на территории кремля праздник исторического фехтования, где каждый мог стать участником интереснейших баталий. Во дворе кремля раздавался звон мечей, лязг старинных боевых топоров и пик, ржание лошадей, азартные вопли сражавшихся и гул зрителей, болевших за своих «рыцарей». Понаблюдав за сражением и отметив довольно уверенное владение оружием «рыцарей» в фиолетово-красных кафтанах, представителей КЛИО — Клуба любителей истории отечества, Крутов покинул кремлевский двор и внезапно заметил другое действо, развернувшееся втихаря на бесплатной стоянке машин. Заинтересованный, сманеврировал так, чтобы обзор был приличным, а самого его никто не видел.

Дело заключалось в следующем.

Трое молодых людей, одетых вполне прилично, в брюки, рубашки с галстуками, один даже был в шортах и летней шляпе под американский «стетсон», протыкали шины стоящих у стены кремля автомобилей, а когда появлялся хозяин и начинал возмущаться — очень вежливо предлагали ему услуги по охране машины. Если владелец платить отказывался, следовал совет в этом месте больше не появляться.

Возможно, Крутов и не вмешался бы в обычный местечковый рэкет, не касающийся его лично, если бы одной из жертв не оказался худосочный очкарик интеллигентного вида, хозяин подержанной «Вольво» триста сорок третьей модели. Такую тачку нынче можно было купить буквально за тысячу долларов, но выглядела она вполне презентабельно, и рэкетиры

планировали снять с ее хозяина приличный навар. Продырявив ей колесо, тройка «охранников» дождалась хозяина и, видя его полную беспомощность, дошла в своих «предложениях» до угроз. В этот момент к ним и подошел Крутов, возникнув рядом неожиданно и бесшумно.

— Проблемы, молодые люди?

Троица отпрянула, шаря глазами по сторонам, но быстро успокоилась, обнаружив, что подошедший мужик в джинсах и футболке один.

— Шел бы ты, паря, на позорище, — прогудел крупногабаритный молодой человек в шляпе. — Не вмешивайся не в свое дело.

Словцу «позорище» Егор не удивился, на местном наречии оно означало «зрелище», а его применение в разговоре двадцатилетними, или около того, парнями говорило о преемственности юным поколением культурного наследия и традиций отцов, однако хамства полковник не прощал ни старым, ни малым, поэтому сказал, приятно улыбаясь:

— Во-первых, *я не лишний, а охранник стоянки*. Во-вторых, я видел, как вы пробили колеса не только у этой машины, но и двух других. В-третьих, чтобы не доводить дело до разборок в милиции, предлагаю тихо-мирно заплатить клиенту за порчу колеса сто баксов. Подходит сумма? Или вас поставить на счетчик?

Молодые люди озадаченно переглянулись. Известие о том, что стоянка охраняется, оказалось для них неожиданным. Самый старший из них, тот, что носил шляпу, он же самый здоровый и сильный, с толстой шеей борца, оценивающе прошелся взглядом по фигуре Крутова и сунул ему под нос ладонь.

— А документы есть, дядя, что ты охранник? Покажи.

Погрузив палец в его солнечное сплетение и проводив падение бугая глазами, Крутов повернул голову к оцепеневшим подельникам главаря.

— Так как насчет документов? Показывать или не надо? Платить будем?

— Будем, будем, — торопливо закивал головой очнувшийся черноволосый рэкетир, в то время как его напарник собирался дать деру, и Крутов ловко поймал его за ремень.

— Не спеши, малыш. Мы еще не пришли к консенсусу.

— А? — вытаращился юнец.

— Родители есть?

— Есть... мама, отец... не работает...

— А ты, значит, единственный кормилец в семье?

Молодой человек с тоской оглянулся и схватился было за карман, где у него лежал нож с выстреливающимся лезвием. Егор, отобрав нож, решил воспитательную беседу отложить на другой раз. Взял деньги — две купюры по полсотни долларов, сказал наставительно, отпуская молодых людей:

— А теперь чтоб я вас здесь больше не видел! Замечу — покалечу! Забирайте своего пахана и объясните ему ситуацию популярно.

Парни помогли бугаю в шляпе подняться и, ковыляя, скрылись за магазином хозтоваров. Крутов сунул деньги обомлевшему хозяину старой «Вольво».

— На починку.

— С-спасибо... н-не надо... — заикнулся было очкарик, но Крутов уже шел прочь, удивляясь в душе тому, что его потянуло пресечь бандитскую акцию, восстановить справедливость в масштабе автомобильной стоянки. Вспомнился вдруг Панкрат Воробьев, предводитель «дорожных мстителей», бывший майор службы внешней разведки, пострадавший от разряда психотронного генератора во время атаки на лабораторию. Захотелось увидеть его, поговорить, справиться о здоровье, узнать о планах на жизнь, но Панкрат остался в Ковалях, на родине Крутова, где его принялась выхаживать Лида, сестра Егора, и о дальнейшей судьбе майора он ничего не знал. Завернул на почту, благо все равно проходил мимо, и, реализуя мелькнувшую идею, тут же позвонил в Жуковку, дядьке Ивану.

Старик явно обрадовался, услышав голос племянника, потому как, наслушавшись от родни всяческих страхов о войне в лесах под Ковалями, он уже хороших вестей от Егора не ждал. На вопрос же, как поживают остальные родичи, сообщил, что дед Осип и баба Аксинья, пролежавшие в больнице больше недели, выписались и чувствуют себя хорошо, сестры Крутова Нина и Татьяна по-прежнему работают в агрофирме, а вот Лида с детьми уехала.

— Куда? — удивился Крутов.

— А шут ее знает, — ответил дядька Иван. — Говорят, куда-то под Вязьму, там якобы ейный ухажер живет, которого она выходила. Но где на самом деле остановилась, неизвестно.

— И не звонила?

— Нет, конешное дело. Видно, талан[1] ей такой достался. А ты своей заразе кто — обручник або так, прихехе?

Крутов улыбнулся, подумав, что, услышав такие слова, любой современный городской житель обиделся бы вусмерть, в то время как дед Иван и не думал никого обижать. «Зараза» по-старорусски означало увлечение, прельщение, обаяние, «обручник» — жених, муж, а «прихехе» — любовник.

— Жена она мне, — ответил Егор. — Никому не отдам.

— Ну-к что ж, коли слюбились, живите, — проворчал старик. — Будете в наших краях, непременно заходите, мы с Фрузкой будем рады.

Крутов попрощался с дядькой и вышел из главпочтамта, размышляя, куда Панкрат мог увезти Лиду с детьми. Было бы здорово, если бы он завязал с деятельностью «мстителя» и зажил нормальной мирной жизнью. С другой стороны, забирая Лиду, он, наверное, сам рассчитывал на поворот бытия, на создание семьи, теплого уютного домашнего уголка, достойного любимой женщины. А в то, что бывший майор службы внешней разведки влюбился в сестру, поверил и Крутов. Ему стоило лишь раз увидеть, как загорались глаза Воробьева при появлении Лиды.

Когда Егор пришел домой, его встретила Елизавета, пришедшая на минуту раньше, задумчивая и невеселая.

— Что такое? — встревожился Крутов. — Аль обидел кто? Неужто главный редактор позволил намекнуть, чем придется заниматься его секретарше?

— Остынь, полковник, — нехотя улыбнулась Лиза. — Никто меня не обижал и намеков не позволял. С завтрашнего дня выхожу на работу, хватит сачковать. Рекламных агентств здесь нет, буду переквалифицироваться в секретарши.

— А вид такой похоронный почему?

— Сашу встретила...

— Чем же она тебя расстроила?

— На машину ее мужа наехал какой-то здоровенный джип.

— Ну и что?

— Хозяин дал телефон — мол, звони, договоримся. Шурик позвонил, договорился о встрече, приехал, а там его ждали четверо мордоворотов. Сказали: будешь возникать — долго не проживешь.

— А он что?

— Он — не ты, — вздохнула Елизавета. — Утерся и уехал. Он такой худенький, маленький, бледненький, одним словом — компьютерщик.

— Саша такая красавица, а вышла за...

— А если это любовь, Крутов?

Егор посмотрел на Елизавету дурным глазом, хотел было подхватить на руки и утащить в дом, но «зараза» (по меткому выражению дядьки Ивана) уперлась ему в грудь кулачками и сердито сверкнула глазами.

[1] Талан — счастье, удача.

— Полковник! Не веди себя, как старшина! Лучше подумай, как помочь хорошим людям.

— Что, сильно помяли машину-то?

— Полкорпуса со стеклами менять придется.

Крутов присвистнул.

— Здорово звезданули! Хорошо хоть Шурик живой остался. Какой марки у него машина?

— Какая-то новая жигулевская «десятка». Саша ее «акулой» называет.

— Серьезная машина. Видать, неплохо компьютерщики зарабатывают, раз на таких тачках раскатывают. Что ж твои родственнички из милиции ему не помогут? Дядька Петр там ведь работает?

— Дядька ему и отсоветовал искать справедливость. Владельцем джипа оказался какой-то местный авторитет. Так что лучше не связываться.

— А мне предлагаешь связаться?

— Я предлагаю подумать, — отмахнулась Лиза, снимая кофточку и подставляя солнцу грудь; лифчики она по-прежнему не носила. — Ты у нас умный и сильный и всегда находишь выход из положения.

Слегка остуженный тоном подруги, Крутов поплелся за ней в дом, тоже снимая футболку; начало сентября в этом году в средней полосе России ознаменовано было небывалой для этих мест жарой — за тридцать пять градусов, и до глубокой ночи ходить лучше всего было без одежды.

— Значит, хозяин джипа дал телефон, а сам на встречу с пострадавшим не явился?

— Если хочешь узнать подробности, поговори с Шуриком. Чай пить будем?

Крутов зашел на кухню, оборудованную благодаря его стараниям вполне по-современному, следом за Елизаветой, посмотрел, как она возится с плитой, и не удержался — обнял сзади, ощущая под ладонями напрягшуюся тугую грудь. Последствия этого шага были энергетически разоримыми для обоих. Пить чай они начали лишь спустя час. А как только закончили — к чете Крутовых заявились визитеры.

* * *

Их было трое: двое крутоплечих парней в майках и одетый в дорогой летний костюм — весь белый вплоть до туфель и шляпы — джентльмен средних лет с одутловатым или скорее отечным лицом. Такие лица Крутов видел у людей с больной печенью. Джентльмен вел себя по-хозяйски уверенно и независимо. Представившись заместителем главного архитектора города Павлом Эмильевичем Семашко, он оглядел двор дома, захламленный по причине ремонта, небрежно отказался от прохладительных напитков и сказал, рассматривая покрасневшую под его взглядом Елизавету; Крутова он как бы вовсе не замечал, только поздоровался кивком, и все время обращался к Лизе:

— Гражданка Качалина, я слышал, что вы собираетесь оформить данное строение как объект наследства...

— Уже оформила, — ответила Лиза.

— Да? Как вы оперативны. Собственно, дела это обстоятельство не меняет. Руководство города решило в скором времени разбить здесь парк культуры и отдыха и построить деловой центр, а ваш дом с участком попадает в зону отчуждения. В связи с этим мы хотели бы предложить вам продать это ветхое строение и участок земли в двадцать соток...

— Оно не ветхое, — робко возразила Елизавета.

Павел Эмильевич сделал пренебрежительный жест.

— Ему больше ста лет, дом скоро развалится, и вам все равно придется переезжать, а деньги мы предлагаем немалые.

— Какие же? — поинтересовался Крутов, отодвигая Лизу в сторону.

Джентльмен в шляпе наконец заметил его.

— А вы кто будете, гражданин... э-э?

— Начальник охраны этого памятника старины, — веско проговорил Егор. — А вы, между прочим, как архитектор города, должны бы знать, что памятники охраняются государством. Закончится реставрация здания — милости просим на экскурсию. А сейчас вам лучше покинуть пределы участка, принадлежащего частному лицу. Кстати, в следующий раз не забудьте взять с собой постановление городской думы о строительстве делового центра на этом месте.

— Ну ты, паря... — шагнул было к Егору один из парней и остановился, споткнувшись о сверкнувший насмешливый взгляд Крутова.

— Понятно, — вздохнул джентльмен в белом. — Моего слова вам, значит, недостаточно?

— Ну кто в наше время верит словам? — тем же насмешливым тоном ответил Крутов. — Не смешите меня, господин архитектор. И не надо никому вешать лапшу на уши о постановлении руководства о строительстве парка. Какому-то «новому русскому» захотелось построить на берегу реки в красивом месте ресторан или баню, не так ли? И он начал кампанию по

выселению законных владельцев этих мест. Так вот передайте ему...

— Егор, — слабо окликнула Крутова Елизавета.

— Что? — оглянулся он.

— Не надо...

— Понял, буду предельно вежлив. Передайте боссу, уважаемый, что эта территория принадлежит Российскому Ордену чести со всеми вытекающими последствиями, пусть сделает выводы.

Шкафообразный молодой человек снова попытался двинуться к Егору, но был остановлен жестом Павла Эмильевича, на лицо которого легла печать задумчивости.

— Вы, очевидно, умный юноша, но еще не знаете наших порядков... и возможностей.

— А вы моих, — отрезал Крутов. — Выметайтесь!

— Н-ну, с-су... — прошипел телохранитель архитектора, — мы же тебя встретим...

Крутов потемнел, прикидывая, каким образом выбросит всех троих за ворота, однако почувствовал на плече руку Лизы и расслабился.

— Я запомню твои благие намерения, мальчик. Эх, господа, господа, как же больно вам придется учиться уважать других людей.

Троица удалилась. Крутов рассеянно смотрел ей вслед и думал, что спокойствие и мирная жизнь, похоже, закончились. Эти ребята не отстанут, а воевать с ними не было ни сил, ни желания.

— Они придут еще, — тихо сказала Елизавета, зябко вздрагивая, словно прочитав его мысли.

— Пусть приходят, — легкомысленно сказал Егор, обнимая девушку, — я приму меры.

— Боже мой, какой жестокий мир!.. В Ковалях мы с тобой попали в мясорубку, еле выжили, и здесь покоя нет...

— Не волнуйся, все будет хорошо, я не за тем сюда приехал, чтобы меня пинали под зад, не учитывая моих интересов. Да и родственники твои должны помочь, если что.

Елизавета приободрилась, сморщила носик.

— Нет, Крутов, что-то все-таки в тебе есть эдакое, умеешь ты вселять в людей надежду.

«Даже если не веришь в нее сам», — мысленно добавил Егор, однако вслух сказал другое:

— Я есть хочу. Давай пообедаем сегодня в кафе? Когда к деду Спиридону явиться надо?

— К семи вечера.

— Успеем еще весь этот мусор убрать.

— А зачем ты сказал им, что наш дом — памятник архитектуры?

— А разве это не так? У меня вообще возникла идея сходить в бюро инвентаризации и зарегистрировать его как памятник, за которым мы же сами и будем ухаживать. Ну иди, я тут повожусь немного, пока ты соберешься. — Крутов поцеловал Лизу в щеку и, когда она пошла к дому, облил ее водой из шланга. С визгом она погналась за ним, и длилась эта охота до тех пор, пока оба не оказались в спальне...

* * *

Деда Спиридона Крутов представлял стареньким, седым, сморщенным, маленьким и худым, похожим на многих учителей воинских искусств Востока; на самом деле он оказался могучим, высоким — под два метра ростом — стариканом с длинными и скорее пепельными, чем седыми волосами, бородой и усами. У него были широкие покатые плечи, длинные мощные руки и железные пальцы, которыми он мог запросто ломать подковы и гнуть сантиметровой толщины гвозди. Чем-то он напоминал былинного богатыря и одновременно старика с филином с картины Константина Васильева, хотя ста лет ему дать было нельзя. Взгляд его прозрачно-серых невероятно спокойных глаз был глубок и мудр, и, встретив его, Крутов понял, что старик мгновенно разгадал и оценил гостя, прочитал его мысли и тайные движения души.

После знакомства с хозяевами — встретила гостей и Евдокия Филимоновна, — а также обязательных — по обычаю — разговоров о здоровье, погоде, расспросов о житье-бытье сели за стол, накрытый по причине жары не в доме, а в саду, среди яблонь, вишен, кустов малины, где было совсем не жарко. Хозяева выставили на стол все, что характеризовало русскую трапезу, слегка подкорректированную современным отношением к еде. Здесь были блины с медом, пироги с вязигой, солянка с грибами, просто грибы разных видов, соленые и маринованные, кулебяка, расстегаи, свекольник, пять сортов варенья, в том числе из водяники и голубики, и разнообразное питье: сбитень, клюквенный напиток, морс из поленики и медовый квас. Присутствовал также кисель из морошки. Двухлитровая пластмассовая бутыль с кока-колой, которую принесли с собой гости, на этом столе явно была лишняя, как и торт с бутылкой шампанского. Зато чего не было на столе, так это ни вина, ни водки, ни самогона.

— Аль хочется алкогольного чего-нибудь? — хрипловатым басом поинтересовался Спиридон Пафнутьевич, заметив взгляд Крутова.

— Спасибо, не пью, — вежливо ответил Егор.

— Совсем али как?

— Только по праздникам, да и то — глоток шампанского.

— Одобряю, хотя говорят, что это не по-русски. Привыкли, что славяне пьют всегда и помногу. Могу предложить настойку на травах, еще мой дед делал.

— Не ерофеич случайно? У моего дядьки в Жуковке есть такая наливка, на траве тирлич настаивается.

Глаза деда Спиридона сверкнули.

— Пил?

— Было, — признался Крутов. — Очень здорово лечит и сил прибавляет.

— То-то я зрю, что у тебя параэнергетика высокая.

Крутов переглянулся с Елизаветой. Взгляд подруги предупреждал: веди себя естественней. Хотя и сам Егор понимал, что дед явно начитанней и современней, чем можно было ждать, о чем говорило его знание научной и эзотерической терминологии.

— Веры какой будешь, сынок?

— Православной, — смутился Егор.

Мама его в детстве, конечно же, крестила, однако в церковь он практически не ходил и к церковному выражению любви к Богу относился скептически, считая, что достаточно эту любовь и веру носить в душе.

— Понятно. — Спиридон Пафнутьевич делал ударение на букве «о», отчего его говор походил на речь коренных вологодчан. — Мне говорили, что ты якобы служил в спецназе?

— Служил, — подтвердил Крутов, вспоминая разговор с отцом Елизаветы, который задавал почти те же вопросы, но, помня совет Парамона Арсеньевича, сказал прямо: — Уволили меня... за неподчинение приказу.

— Это не из-за случая ли в Ингушетии?

Крутов заглянул в глаза старика, остающиеся спокойными и мудрыми. Было ясно, что знает он гораздо больше, чем можно было предположить.

— Так точно, из-за этого.

— Да, человек ты своенравный, это заметно, — задумчиво качнул головой Спиридон Пафнутьевич. — И до какого же звания дослужился?

— До полковника.

— Мог бы и до генерала дойти?

— Наверное, мог бы, хотя для меня это было совсем не главным.

— Хватит, старый, мучить гостя расспросами, — вмешалась Евдокия Филимоновна, под стать мужу крупная, величавая, с добрым и одновременно строгим лицом, хранящим остатки былой красоты. — Ешьте, гости дорогие, ешьте, еще успеете наговориться.

Крутов встретил взгляд ее таких же прозрачно-серых, как у мужа, живых и ясных глаз и поразился выражению кротости, беспредельного терпения, понимания и покоя, идущих из глубины всего ее существа.

На время беседа измельчала, перешла в стадию естественных житейских реплик; говорили в основном женщины, мужчины молчали, присматриваясь друг к другу. Хотя мнение Крутова о том, что старик давно разобрался в его душевном состоянии, только укрепилось. И все же стесненным он себя не чувствовал, словно был не в гостях у чужих людей, а у своих родных, с удивлением прислушиваясь к себе: внутри царили удивительный мир и тишина, поддерживаемые сутью жизни стариков, их простым отношением к себе и доброжелательным к окружающим.

Яства, приготовленные ими, были по-настоящему вкусными, и заставлять себя есть не приходилось, поэтому сытым Крутов себя почувствовал быстро. Но сколько ни ел сверх того — хотелось попробовать все, что стояло на столе, — тяжести в животе не ощущал и легкость движений не потерял. С недоверием встретил взгляд наблюдавшего за ним деда Спиридона.

— Что, притомился? — ухмыльнулся тот в усы.

— Вовсе нет, — возразил Крутов. — Раньше говорили: не ел — не мог, поел — без ног, — а я хоть сейчас могу стометровку бежать.

— И я тоже, — подтвердила Елизавета. — Чем это вы нас накормили, бабушка Евдокия?

— Все свое, природное да лесное, — хитро прищурился дед. — Только уметь приготовить надо. Сбитень пробовали? Очень тонус повышает.

— Никакого вина не надо, — согласился Крутов, отметив еще одно современное словцо в лексиконе старца — тонус. — Дедушка, а по какой системе вы занимаетесь, если не секрет? Мне Парамон Арсеньевич рассказывал, что вы медитируете и делаете специальные упражнения...

Глаза Спиридона Пафнутьевича снова сверкнули, в них на мгновение проступили властность и сила. Но ответил он сдержанно и уклончиво, не спеша раскрываться перед гостем, которого раньше никогда не видел:

— Да это я так, противу ломоты в костях... стар стал, малоподвижен, не то что раньше. А ты, сынок, по какой такой системе работаешь? Мне ить тоже Парамоша докладывался.

Крутов улыбнулся.

— Это называется система реального боя, хотя в ее основе лежат достаточно древние школы от китайской кунг-фу, японских карате и айкидо до русских — самбо, русбой и суев. Говорят, где-то практикуется и боливак, но я лично им не занимался. А в настоящее время увлекся лунг-гом...

— «Тибетским огнем», — кивнул дед Спиридон, становясь задумчивым. — Есть успехи?

Ошеломленный Крутов — дед знал такие специфические вещи! — сглотнул слюну, глянул на Елизавету, с удовольствием прихлебывающую холодный медовый квас, снова посмотрел на хозяина, в глазах которого мелькнула насмешливая искорка.

— Вы знаете, не хочу утверждать, но кое-что у меня начало получаться. Во всяком случае, я начал глубже понимать, что такое движение.

— Ты почувствовал себя вящим?

— Каким? — Егор не сразу сообразил, что слово «вящий» означает — более сильный. — Нет, я почувствовал себя более... умным, что ли, стал больше понимать мир.

— И все ж таки не удержался от насилия, когда некие молодые сорвиголовы баловались на автостоянке у кремля.

Крутов подобрался: дед знал и о его стычке с рэкетирами, а это означало, что за ним следили.

— Откуда вы знаете?

— Наш городок-то махонький, — уклончиво ответил Спиридон Пафнутьевич, — в одном конце пошепчешь — в другом аукнется. Так как же твое понимание мира согласуется с насилием?

— Это не просто насилие, — тихо сказал Крутов, понимая, что его проверяют по всем статьям. — Люди преступили закон человеческого общежития и должны были получить по справедливости.

— Так ты подрался, Крутов? — поглядела на него удивленная Елизавета. — Когда и где?

— Это не главный вопрос, — улыбнулся дед Спиридон. — Главный вопрос — зачем. Какая цель преследовалась? Стоило ли восстанавливать справедливость силой?

— А вы знаете другие способы? — глянул на хозяина исподлобья Крутов.

— Да как тебе сказать, сынок? Все зависит от обстоятельств. Вот, например, как ты отреагируешь на туз?

Егор наморщил лоб, силясь вспомнить значение слова, и дед поспешил ему на помощь:

— Тебя ударили кулаком, допустим. Как ты ответишь?

Ощущение экзамена усилилось, мышцы живота неприятно свело, и Егор некоторое время успокаивал нервную систему, одновременно формулируя ответ.

— Все зависит от обстоятельств, — ответил он наконец словами деда. — Иногда я реагирую раньше, и дело кончается миром. Но чаще... — он помолчал и честно признался: — Я отвечаю на удар. Но никогда не начинаю драку первым... если не считать прямую работу. Когда я служил в антитеррористическом подразделении...

— Я понимаю, — кивнул Спиридон Пафнутьевич. — Есть другой путь, более древний и более эффективный.

— Какой? Ударили по щеке — подставь другую?

— Нет, это ложное учение, уводящее от истины. Другой путь — это уклонение от удара. Уклониться — значит истощить силу насильника. Если ты отвечаешь ударом на удар, ты остаешься в замкнутом кругу негативных связей, отношений и переживаний.

— Но, уходя от удара, вы только больше злите противника! — не удержался Крутов. — Он же начнет вас искать...

— Тогда останови удар, но не наноси свой. Он ожидает ответа — не давай ответ, он излучает злобу и ненависть — не отвечай ненавистью и гневом, отвечай покоем и тишиной. И этот твой истинный ответ впитает злобу врага, заставит его остыть.

— Я так не умею, — после недолгого молчания покачал головой Крутов.

— Вижу, — усмехнулся дед Спиридон. — Тебе надо учиться, сынок, ибо ты не потерян. Кто желает спасти душу, тот погубит ее, а ты этого не боишься. Приходи как-нибудь, когда получишь ответы на свои вопросы, горящие внутри. Поговорим.

— О чем?

— О многом. О жизни. О человеке. О системе самореализации... которую создали еще аркты, предки славян. Ты ведь, наверное, не знаешь, что древние славяне имели более глубокие знания о строении мира, чем другие народы? В том числе китайцы, египтяне и индейцы майя.

— Почему же об этом не знаю не только я, но не знает никто?

— Хороший вопрос. И об этом мы тоже поговорим. — Спиридон встал из-за стола. — А теперь прощайте, мне надо молиться. — Он хитро посмотрел на Крутова и Елизавету и вдруг... исчез!

— А настойки моей все же попробуйте, — раздался откуда-

то издалека его басовитый голос. — Очень пользительная штука, не хуже вашего ерофеича...

Крутов и Лиза посмотрели друг на друга, потом на Евдокию Филимоновну, и старуха, улыбнувшись, сказала:

— Не обижайтесь на старого, любит почудесить.

Молодые поблагодарили стариков за угощение, попрощались и, выйдя из сада на улицу, попали как бы в другой мир, где от жары плавился асфальт и дрожащее марево раскаленного воздуха искажало перспективу. Дед Спиридон жил на окраине Ветлуги, и его сад выходил прямо к реке, за которой начинался сосновый бор, однако объяснить комфортную температуру в саду, чистоту и свежесть воздуха, ласковый ветерок и отсутствие запахов цивилизации это обстоятельство не могло. Территория дома Спиридона Пафнутьевича, патриарха неведомого древнего учения — Егора вдруг озарило! — представляла собой нечто вроде аномальной зоны со своей экологией и природными условиями. Каким-то образом дед Спиридон управлял климатом своего участка.

Этими мыслями Крутов поделился с Елизаветой, но она, к его удивлению, спорить не стала, согласилась.

— Я же тебе говорила, что в моем роду одни колдуны и ведьмы. А дед Спиридон вообще волхв.

— Я и сам это понял, — буркнул Егор, трогая машину с места. — Он гораздо мощнее, чем кажется с виду. И еще это его исчезновение... прямо чистая телепортация, телекинез... если только у меня не поехала крыша.

— Тогда она поехала и у меня. Я ведь тоже видела. Это он хотел показать тебе, что владеет кое-каким древним знанием, недаром же задавал тебе странные вопросы.

— Да понял я... Как ты думаешь, сдал я этот экзамен?

— Не знаю. — Лиза погладила руку Егора на ручке переключения скоростей. — Но мне кажется, что ты ему понравился. Может, действительно права формула: учитель находится тогда, когда ученик готов к встрече с ним?

— А я готов?

— Может быть, и нет. — Елизавета посмотрела на помрачневшее лицо Крутова и улыбнулась. — Не сердись. Вообще-то я в тебя верю. Но тебе самому придется решать, готов ты или нет.

Дальше они ехали молча, каждый со своими мыслями, все еще находясь под впечатлением встречи. Нельзя сказать, что Егор был недоволен собой, однако какая-то червоточина в душе осталась, чего-то он не заметил в расспросах деда Спиридона, чего-то не почувствовал и не понял.

ФЕДОТОВ — КОРНЕЕВ

Он стоял посреди поляны, поросшей высокой травой и еще более высокими зонтиками борщевика и дудника, и как зачарованный смотрел на торжественно замерший пихтовый лес с геометрически совершенной колоннадой кедрача. Вид был так изумителен, что душа требовала смотреть и молчать, впитывая дремотный покой и величавую гордую суть природы, проникающие во все поры тела, в сердце и в голову...

Где-то неподалеку треснул выстрел. Эхо погоняло этот звук, как мячик, между лесными великанами, и снова наступила тишина. Ираклий очнулся, достал брусок рации:

— Не надоело зверей пугать?

— Рябчик ленивый попался, — отозвалась рация голосом Корнеева, — грешно такие подарки упускать. Ты где?

Ираклий поглядел на высокое уже солнце, сориентировался:

— К юго-востоку от тебя, на поляне. Такая здесь красота, майор, что уходить не хочется!

— Ты меня удивляешь, полковник. К старости, что ли, сентиментальным стал?

— Может быть, — не обиделся Федотов. — Прежняя жизнь не давала времени на такие экскурсии, считай, я и не жил еще. Кончай охоту, пора возвращаться.

— Иду, — проворчал Корнеев.

В ожидании бывшего майора Ираклий уселся на полусгнивший ствол гигантской, поваленной в доисторические времена сосны и стал смотреть на лес, на далекие горные вершины за ним.

Прежняя жизнь осталась позади. Мечты бывшего полковника военной контрразведки об уходе от дел и возвращении на Алтай, где жили предки, начали сбываться раньше, чем он рассчитывал.

Им с Корнеевым удалось-таки добраться до Москвы и представить начальству доказательства разработки секретной лабораторией в Жуковских лесах психотронного оружия, хотя от самой лаборатории ничего не осталось. Взрыв превратил ее в ничто, в дым, а воды близлежащего болота быстро заполнили образовавшийся котлован. И все же материал был слишком значителен и серьезен, чтобы на него не обратить внимания, тем более что контрразведчики доставили образец оружия — «глушак», который оказался вполне материален и работоспособен; им тотчас же занялись эксперты управления. Однако

уже спустя три дня дело о деятельности лаборатории было закрыто, «глушак» таинственным образом исчез, а Федотову и Корнееву предложили тихо уйти в отставку.

Ошеломленный Федотов, не чувствуя за собой никакой вины, попытался было «качать права», разобраться в происходящих событиях, но его вызвал к себе начальник ВКР генерал Мячин.

— Вот что, полковник, — сказал он проникновенно, усадив его за столик с напитками и фруктами в комнате отдыха за кабинетом. — Я тебя вполне понимаю. Ты сделал дело, и сделал неплохо, хотя, с другой стороны, всегда можно придраться, что ты погубил своих людей. Успокойся на этом. Расследование не прекращено, а передано выше. — Генерал показал пальцем — куда выше. — И слава богу, как говорится, отвечать за него нам уже не придется.

— Но ведь разработка психотронного оружия запрещена...

— Не будь наивным, Ираклий Кириллович, — поморщился Мячин. — Им все равно занимаются спецслужбы всех развитых стран мира. И если мы не опередим потенциального противника, то упустим время, отстанем, а что такое психотронная атака, ты себе уже представляешь.

— Почему же психотроникой занималась негосударственная контора?

— Ты имеешь в виду Российский легион? Он уже стал государственным образованием и передан Министерству юстиции как спецподразделение УИБ: Управления информационной безопасности и контроля. Так что с этим все в порядке. Скажу тебе больше: люди, разработавшие «глушак»... э-э, генератор подавления воли, награждены президентом. Разумеется, в секретном порядке. Все законы соблюдены. А ты начинаешь бузить, искать правду.

— Все, да не все, — сказал Ираклий, действительно почувствовавший облегчение: он уже понял, что сделать ничего не сможет. — Не соблюден один маленький закончик — право человека на свободу выбора. «Глушак» отнимает у него такое право.

Генерал налил себе минералки, выпил, все еще оставаясь по-отечески терпеливым.

— Полковник, ты умный человек и должен понимать ситуацию. Мне тоже в этом деле не все нравится, но я стою на страже государственных интересов и должен думать, как обезвредить врагов, а с помощью «глушаков» задачу можно решить гораздо проще и без крови. Вот, например, как ты относишься к господину Басаеву, премьер-министру Чечни?

— Да никак, — пожал плечами Ираклий.

— А все же? Герой республики и все такое прочее...

— Будь Басаев трижды герой Ичкерии и премьер, прежде всего он — убийца! Террорист! По нем давно веревка плачет. Другое дело, что вину за то, кем он стал, должны разделить политики и генералы, фамилии которых нам хорошо известны, те, кто нашпиговал Чечню оружием и благословил войну. Вплоть до президента.

— Я не спорю, а вопрос задал к тому, что с помощью «глушака» нашему спецназу взять Басаева было бы раз плюнуть. Вот для чего такое оружие должно использоваться в первую очередь. Естественно, под жесточайшим контролем. Я тебя убедил?

— Нет, — ответил Ираклий. — Но я понял: все уже решено на таком уровне, что мое мнение ничего не значит. Как и ваше, впрочем. Разрешите идти?

Мячин посмотрел на Федотова долгим взглядом, и лицо его вдруг постарело.

— Ты еще молод, полковник, — проговорил он глухо, — и можешь позволить себе иметь собственное мнение... Иди, сдавай дела. И помни о последствиях разглашения государственной тайны. Хочешь совет? Уезжай из столицы куда-нибудь подальше, где тебя не смогут достать...

— Контролеры Легиона?

Генерал встал. Поднялся и Федотов, щелкнул каблуками, пожал протянутую руку генерала и вышел...

В зарослях гигантской травы — Ираклий знал ее название — живокость высокая, — в которых мог бы спрятаться всадник с лошадью, на краю поляны кто-то заворочался, и вскоре показалась выцветшая от солнца штормовка Корнеева. Разгребая траву руками и стволом ружья, он безошибочно вышел к сидящему Федотову, сел рядом, доставая фляжку с водой. На поясе его болтались три рябчика. Сделав глоток, он протянул флягу Ираклию, вытер усы; в последнее время он завел бородку, усы и отпустил волосы, отчего стал походить на священника.

— Да, ты прав, вид необычайно красив. Недаром Алтай в переводе с тюркского означает «золото». А не подняться ли нам повыше в горы, милостивый государь? Погулять по альпийским лугам?

— В другой раз. — Ираклий также хлебнул воды. — Ко мне сегодня должны прийти гости.

— Кто, если не секрет?

— Из местного Боевого братства. Будут, наверное, уговаривать возглавить отделение.

Корнеев фыркнул.

— Мало тебе Ордена чести? Ты магистр или не магистр?

— Орден был прикрытием операции, а Братство — нечто вроде союза бывших офицеров и солдат, воевавших на территории СНГ. Пойдешь заместителем, если соглашусь?

— Не знаю, не думал. Мне хорошо и в школе.

Корнеев уже почти месяц работал тренером по самбо в детской спортивной школе Бийска, куда устроился с помощью многочисленных родственников Ираклия, а еще он обдумывал предложение местной православной епархии стать начальником охраны монастырей и церквей. Предложение было неожиданным и исходило от протодиакона Димитрия, настоятеля Бийского женского монастыря Дягилева пустынь, доводившегося Федотову каким-то дальним родственником по материнской линии. Предложение это вначале развеселило Корнеева, не имевшего ранее никаких отношений с церковью, но после беседы с Димитрием он понял, что дело серьезней, чем он себе представлял.

— Грядет нашествие сил Сатаны, сын мой, — сказал протодиакон, по возрасту вряд ли старше бывшего майора, — нам придется защищать наши святыни, а ты — воин и можешь послужить не только церкви, но и народу своему, ибо нет выше опоры духовной, чем святые места веры.

— Вы предлагаете мне создать церковный спецназ? — удивился Сергей.

— Такой спецназ уже существует, — улыбнулся священник, вполне современный человек, пользующийся сотовым телефоном, компьютером и «Жигулями» последней модели. — Но его функции несколько сужены: охрана особо важных церковных особ, курьерская служба, анализ информации. Следует эти функции расширить.

— Я не готов, — пробормотал Корнеев после минутного молчания. — К тому же я привык жить... э-э, свободно...

— Твою свободу, сын мой, никто не собирается ограничивать, никто не станет заставлять тебя вести монашеский образ жизни. Хотя, конечно, какие-то заповеди придется соблюдать.

— Не возжелай жены ближнего своего... Так, что ли?

Димитрий снова улыбнулся.

— Примерно так. Мы навели о тебе кое-какие справки, прежде чем предложить работу, и ты нам подходишь. Слово за тобой.

— Подумать можно?

— Подумай, мы тебя не торопим. Но очень надеемся и просим о предмете беседы не делиться ни с кем.

— Даже с Ираклием?

— Он — з н а ю щ и й, с ним можно.

— Почему вы не предложили ему?

— Он посвящен в другие дела, — уклончиво ответил Димитрий. — Да снизойдет на тебя божье благословение.

Священник перекрестил Корнеева, и тому почему-то стало страшно. Если церковь стала нуждаться в защите профессиональных людей боя, значит, что-то в мире действительно изменилось, и изменилось в худшую сторону...

— Так что ты надумал? — спросил Ираклий, понявший молчание приятеля. — Пойдешь в монастырь?

Корнеев хотел отшутиться, но передумал. Признался:

— Боязно мне что-то, полковник. Туча какая-то надвигается, попы зря паниковать не станут. А ты что-нибудь знаешь о церковном спецназе?

— Кое-что слышал. Основная их работа — обеспечение безопасности визитов священнослужителей высшего ранга от архиерея до патриарха. И работают они, насколько я знаю, не хуже соответствующих управлений нашей конторы.

— Интересно было бы познакомиться с методами их работы.

— Вот и давай, устраивайся.

Корнеев снял кепку, вытер вспотевший лоб, снова надел. Он не сомневался в необходимости существования такого подразделения в недрах церкви, он сомневался в себе, в том, что будет полезен.

Родился Сергей в Архангельске в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году в потомственной чекистской семье. Дед будущего майора антитеррористического спецназа ФСБ Федор Михайлович Корнеев, комиссар госбезопасности первого ранга, занимал ответственные посты в аппарате НКВД. Отличавшийся редкой для тогдашних чекистов принципиальностью и моральной устойчивостью, он наотрез отказался от участия в арестах инженеров и ученых, причисленных к «шпионам и пособникам империализма», за что был арестован и расстрелян по личному распоряжению Берии; в пятьдесят седьмом году реабилитирован посмертно.

Отец Сергея Владимир Федорович тоже отдал четверть века служению Родине в органах государственной безопасности, пройдя нелегкий путь от простого оперативника «наружки» до полковника, главного эксперта Высшей школы КГБ, пока не умер прямо в кабинете от острой сердечной недостаточности.

Интересы Сергея в молодости отмечались похвальным разнообразием: занятия спортом, изучение иностранных языков,

радиолюбительство, автодело, дельтапланеризм, — что сыграло впоследствии свою роль. Уже в семнадцать лет Корнеев отлично водил автомобиль, имел первый разряд по стрельбе из винтовки, а год спустя стал мастером спорта по самбо. После окончания школы Сергей был призван в пограничные войска КГБ и после окончания учебки в приграничном Пяндже в составе мобильной группы погранвойск выполнял секретные задания на территории соседнего Афганистана. В советское время был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени, после девяносто четвертого — еще двумя орденами: «Честь и доблесть» и «Российский орел». С блестящим послужным списком он поступил в Высшую школу КГБ, закончил первый контрразведывательный факультет по специальности «военная контрразведка», прослужил два года в Калининграде и в тысяча девятьсот девяносто шестом переехал в Москву, где и стал работать под началом Федотова. Жениться Сергей Владимирович в свои тридцать с небольшим лет не успел. Впрочем, в этом он был схож с Ираклием, который разменял пятый десяток, но семьи так и не завел.

— Ну что, поплелись?

— Пожалуй.

Они поднялись со ствола сосны, обошли заросли крапивы и копеечника с яркими малиновыми кистями и углубились в тайгу. В трех километрах от этого места их должны были ждать лошади. Но прошагали всего километра полтора. Федотов сначала замедлил шаг, а потом совсем остановился. Остановился и Корнеев, оглянувшись на отставшего полковника.

— Ты что, устал? Или сердце схватило?

Вид у Ираклия действительно был странный, лицо заострилось, взгляд застыл, рот полуоткрылся, словно он увидел что-то удивительное в небе и хотел сказать: «О!» Через несколько секунд он очнулся, стал самим собой, присел на корточки и сказал, глядя на спутника снизу вверх:

— Нас ждут.

— Правильно, в лагере нас ждет проводник с лошадьми.

— Нет, это не из той оперы. Я чую ползущую по земле угрозу. Вот когда пригодились бы «мстители» Панкрата Воробьева... или наши парни.

— Ты думаешь?..

— Уверен, кто-то решил нас разыскать. Кстати, я еще вчера почувствовал тревогу, но не придал этому значения.

— Да кому мы нужны после отставки? Разве что нанимателям мафии?

— Может быть, и нанимателям, а может, кому другому.

— Что ты предлагаешь?

— Поиграем в старые игры? Жаль только, что арсенал наш небогат — два ружья и ножи.

— У меня еще пара стрелок есть, сам не знаю, зачем ношу.

— Пригодятся. Пойдем «иголочкой-ниточкой», я впереди. Посмотрим, кто и что за сюрприз нам приготовил. В случае чего действуем по стандарту, без всяких ограничений.

— Есть, командир!

Они сняли с себя пояса с дичью, куртки, рюкзаки, сапоги, оставаясь в одних рубашках, тренировочных брюках и носках. Подвесили всю амуницию на вершине сосенки, согнув тонкое деревце, и бесшумно устремились вперед, переходя в особое состояние готовности к бою. Оба прошли такую школу войны, разведки, нелегальной практики, что не нуждались в длительной подготовке к активным действиям.

Ничто не нарушало естественного спокойствия природы, ни один чужеродный звук, ни одно движение, и все же пружина тревоги Ираклия продолжала сжиматься, и в полукилометре от лагеря, где оставался проводник Кулюм из местных жителей и лошади, интуиция полковника «сделала стойку». Хорошо, что рубашки и брюки темные, подумал он мимолетно, определяя направление легкого ветерка и сосредоточиваясь на внутренних ощущениях. Какое-то время ему не удавалось стать п у с т ы м, потом произошел переход в это удивительное состояние, и внутренний «компас» показал на скальные останцы слева от лагеря. Впрочем, тех, кто пришел сюда поохотиться за бывшими контрразведчиками, было не меньше семи-восьми человек, и прибыли они скорее всего на вертолете: Ираклий чувствовал искусственное металлическое сооружение с теплым еще мотором в четырех километрах отсюда. Просканировав пространство начинавшегося распадка, он определил местоположение еще нескольких человек и подозвал Корнеева.

— Их предположительно восемь, пятеро расставлены вокруг лагеря, трое где-то у лошадей. Все вооружены. Предлагаю аккуратно захватить одного из них и допросить.

— Они сейчас на взводе, ждут нашего появления.

— Вот поэтому сделаем таким образом: ты отвлечешь их внимание, пойдешь один, поближе к одному из них, шумно, пусть думают, что мы возвращаемся и ни о чем не подозреваем. Но одного тебя трогать они не станут, будут ждать меня.

— Понял. Как я узнаю, что ты его взял?

— Пойдешь с рацией в руке и ружьем в другой. Пару раз демонстративно окликнешь меня, якобы для выяснения, где я и

куда выйду. Поскольку сам ты пойдешь с юга, то я должен соответственно выйти с севера, что ты им и сообщишь. Тогда все внимание они переключат на то направление.

— Поехали, — сказал быстро схватывающий ситуацию Сергей.

Через несколько минут они подобрались к сидящему в засаде человеку — он выбрал вершину небольшой пологой сопочки, даже не сопочки — шестиметровой высоты холма или бугра с зарослями ерника, — и Корнеев, поднявшись в рост, направился мимо бугра в распадок, где они разбили палатку. Вид его был живописен и необычен — идет по тайге мужик в рубашке и босиком! — но Сергей догадался об этом сам и начал на ходу раздеваться, имитируя разговор по рации с напарником, жалуясь на жару и предлагая искупаться в ближайшем ручье.

Федотов, переместившись левее, уловил шевеление на вершине бугра и поймал тусклый металлический блик — это из кустов высунулся ствол винтовки. Екнуло сердце: лишь бы сидящий в засаде не выстрелил!

Корнеев не торопясь миновал сопочку, прошагал метров двадцать под дулом винтовки и присел на сломанную лиственницу, снял носки, делая вид, что решил дать ногам отдых. Ираклий, подобравшись к холму вплотную, явственно услышал щелчок предохранителя и, не раздумывая, тенью вынесся наверх, на вершину бугра, сразу увидев лежащего за камнем, спиной к нему, мужчину в камуфляже. Среагировал тот на удивление быстро, обучен был действовать в таких ситуациях — вскочил, повернулся, бросая нож за спину кистевым вывертом, но промахнулся и выстрелить не успел, нож Ираклия вонзился ему в руку, заставив выпустить винтовку (отечественная «СВУ» со ствольной насадкой, соединяющей в себе глушитель, пламегаситель и дульный тормоз), а затем Ираклий в прыжке сбил его с ног, перехватил вторую руку с еще одним ножом и специальным приемом сломал ее в кисти. Парень вскрикнул и обмяк.

Через минуту прибежал Корнеев. Они подхватили потерявшего сознание незнакомца на руки, забрали его рацию новейшего образца — в виде дужки за ухом и каплей микрофона у губ, такие микрорации назывались «невидимками», а также оружие и бинокль с насадкой для ночного слежения, и понесли подальше от места действия, в уремную чащобу, где можно было спрятаться целому батальону солдат, по пути забрав свои вещи.

Камуфлированный спецназовец очнулся спустя десять минут, застонал, забился в руках носильщиков, пришлось уговорить его вести себя тихо. Дальше он пошел уже сам, бережно придерживая сломанную руку. Парень, в общем-то, был ни в чем не виноват, и никаких чувств к нему Ираклий не испытывал, поэтому, как только они добрались до скал Чулышманского водораздела, вправил ему кисть и сделал шину из плоского обломка дерева. Усадил под скалой. Корнеев подал ему документ парня, найденный во внутреннем кармане куртки. Ираклий развернул малиновую, с тисненым золотым двуглавым орлом книжечку, прочитал: «РЛ ЛООС. Юрий Зиновьевич Демчин, поручик II Контрольного управления», — посмотрел на хмурое лицо Сергея.

— Легион?

Корнеев кивнул, натягивая сапоги и куртку.

— Что такое ЛООС? — подошел Федотов к пленнику, по лицу которого медленно разливалась бледность.

Тот поднял голову, увидел вблизи горящие глаза Ираклия и, видно, что-то в них прочитал, потому что попытался отодвинуться. Сказал глухо:

— Особое подразделение...

— Расшифруй. И не играй в героя-партизана, поручик, начальники твои все равно этого не оценят.

— Отделение по ликвидации особо опасных свидетелей. — Демчин снова встретил взгляд полковника и вдруг стал бледнеть, буквально позеленел, закатил глаза, начал задыхаться, хватаясь здоровой рукой за горло, и Федотов два раза сильно треснул ладонью ему по щекам.

— Прекрати!

— Что с ним? — подошел Корнеев.

— Боюсь, он зомбирован. Как только кто-то пытается выяснить у него секретные сведения, срабатывает программа самоликвидации. Мы с таким эффектом уже сталкивались в Жуковке.

— Тогда мы ничего от него не добьемся.

Ираклий понаблюдал за начавшим приходить в себя поручиком неведомого II Контрольного управления Российского легиона, еще раз ударил его по щеке и быстро спросил:

— Какое задание вы получили?

— Захватить офицеров ФСБ Федотова и Корнеева, — с трудом разлепил губы Демчин. — Зомбировать... если не удастся — физически уничтожить...

Лицо поручика снова начало зеленеть, его стала бить мелкая дрожь, и Федотов со вздохом отошел, сел на камень. Рядом примостился угрюмый Корнеев, и они встретились взглядами.

— Плохи наши дела, полковник. Эти ребята не отстанут,

пока не выполнят задание. Но какого черта?! Мы же не собирались ни с кем воевать или выяснять отношения!

— Теперь придется, — пробормотал Ираклий, начиная вдруг раскачиваться, будто у него заболел зуб. — Так хотелось пожить нормальной жизнью, без тревог и волнений, так хорошо все начиналось, ах вы собаки бешеные, секретчики поганые, киллеры вонючие, властители безмозглые, что же вы заставляете мирных людей прятаться... — Так же внезапно он прервал себя, перестал раскачиваться и, посмотрев на озабоченно разглядывающего его Корнеева, усмехнулся. — Что, майор, думаешь, свихнулся командир? Видит бог, не хотел я драки и крови, но лучше бы меня не трогали!

— Что будем делать? — успокоился Сергей.

— Есть только два пути: бегство и сопротивление. Оба бесперспективны. Выбирай любой.

— Бегать я как-то не привык.

— Я тоже. Итак, выбираем второе?

— Умирать — так с музыкой. Хоть поживем без страха и упрека да пару десятков сволочей прихватим с собой на тот свет. Хорошо, что я не женился, горевать по мне будет некому.

Лучше бы было кому, подумал Ираклий, но вслух сказал:

— Есть предложение: пока нас пасут здесь, быстренько захватить их транспорт, — по-моему, километрах в шести отсюда их ждет вертолет, — и мотануться в Бийск.

— Хорошо бы захватить их аппаратуру. Он сказал — они готовы нас зомбировать.

— Да, «глушак» бы нам не помешал, но дождемся другого раза. Итак, в Бийске разделимся. Ты пойдешь в Дягилевский монастырь к протодиакону Димитрию, расскажешь о наших проблемах и согласишься на предложение возглавить службу церковной безопасности.

— Если они не передумают, узнав, что за мной тянется «хвост» Легиона.

— Не передумают и защитят, если что.

— А ты?

— А я подниму родственные связи. Ты же знаешь, во мне течет и грузинская и тюркская кровь, а это кровь горячая и древняя. Воевать мы будем на своей территории, а дома и стены помогают.

Корнеев по привычке достал флягу, отвинтил колпачок, глотнул воды и подставил ладонь под удар ладони Ираклия.

— Повоюем, командир. Что с ним будем делать?

— А ничего, оклемается — сам доберется до своих.

Через час они отыскали вертолет — новейший «Ка-60» с опознавательными знаками МЧС — Министерства чрезвычайных ситуаций — на галечном берегу Чулышмана, обезоружили и связали охранника, никак не ожидавшего появления «дичи» вблизи вертолета и загоравшего на травке над обрывом в одних штанах, связали также пилота и, оставив обоих у реки, стартовали на запад, к Бийску. Лететь им предстояло всего ничего — чуть более пятидесяти километров.

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ГОРОД ОСТАШКОВ

ВОРОБЬЕВ

Свет торшера не доставал до стен комнаты, и она была погружена в уютную полутьму. Тихо и размеренно качался маятник старинных настенных часов в футляре из темного дерева. Чтобы они не будили детей по ночам, механизм боя Панкрат вынужден был остановить в первую же ночь, как только они поселились в этом доме на берегу Селигера. Дом принадлежал бабе Ольге, родной бабушке Панкрата по материнской линии, которая без долгих разговоров переехала жить к внучке в трехкомнатную квартиру в центре Осташкова, когда пришлось решать проблему поселения новой семьи: Панкрат приехал не один — с Лидой, сестрой Крутова, и ее двумя детьми, пятилетним Антоном и семилетней Настей.

Адаптировались они на удивление быстро. Лида устроилась на работу в горздравотделе, Панкрат же на базе бывшего спортзала СКА организовал Школу выживания для бизнесменов, где начал обучать их приемам защиты от рэкетиров и бандитов, основам анализа целевых рисков, методам объединения и быстрой связи, а также взял на себя еще и обязанности тренера по рукопашному бою для охранников офисов и тех молодых предпринимателей, кто сам хотел научиться драться. Кроме того, раз в неделю Воробьев учил своих подопечных стрельбе из разного рода оружия в местном тире.

За месяц поступило столько заявок на обучение в Школе — чего Панкрат совершенно не ожидал для такого маленького городка, как Осташков, — что можно было подумать и о расширении дела, но помощников, которым он мог бы доверять, у Панкрата пока не было, и приходилось крутиться самому практически без отдыха. Идея вызвать Родиона Кокушкина, бывшего «мстителя», из его родного Богородицка под Тулой, еще только вызревала. Лишь по воскресеньям удавалось провести вечер в семейном кругу, повозиться с детьми, покататься на лодке, да и то не каждую неделю.

Зарабатывать Панкрат стал неплохо, предприниматели и

бизнесмены, желающие работать честно и никого не бояться, платили главному организатору-«сэнсею» и тренеру Школы не скупясь, поэтому Лиде можно было бы и не работать, но сидеть без дела она не любила и, как только подвернулось место — ушла в здравотдел городской администрации, благо удалось устроить Антона в детсад, а Настю в гимназию. Ухаживать за детьми согласились все родственники Воробьева, за что он был им благодарен. Никто не спросил, чьи это дети и где он отыскал жену-разведенку. Зато теперь не надо было тревожиться за тылы: где бы родители ни находились, дети были присмотрены и накормлены. Сам же Панкрат был с детства приучен к труду во имя дома и семьи и сейчас как бы возвращался к истокам родительского мироощущения. Воином и «мстителем» его сделали обстоятельства.

В принципе, именно в надежде на такую помощь Панкрат и привез Лиду с детьми к себе на родину, в старинный Осташков, начавший именоваться городом лишь по указу Екатерины II с тысяча семьсот семидесятого года. Правда, настоящим городом, хотя и небольшим по российским меркам, он стал только в пятидесятых годах двадцатого века, когда в нем начали строиться трех-, четырех- и пятиэтажные дома. И все же планировка города, несмотря на все реконструкции и стройки, сохранилась еще со времен Екатерины. Это о нем писал в прошлом веке В.А.Слепцов в журнале «Современник»: «Осташков действительно один из замечательнейших русских городов, даже единственный в своем роде...» И Панкрат вполне был солидарен с писателем, прожив в Осташкове лучшие свои годы.

Осташи испокон веков ловили рыбу в Селигере, занимались кузнечным ремеслом, выделывали кожи, валили и продавали лес. Осташковская кожа поставлялась в Петербург и Москву, другие города России, ценилась за границей, да и ныне местный кожевенный завод не потерял своего значения. Но неповторимый облик городу все же придали не промышленные предприятия, которых, к слову сказать, было совсем мало, а памятники архитектуры семнадцатого-восемнадцатого веков, которых здесь насчитывалось около полусотни. На острове же Столбный, расположенном в пяти километрах от осташковской пристани, посреди озера Селигер, находится знаменитый мужской монастырь Нилова пустынь, которому исполнилось уже более трехсот лет и который потихоньку реставрировался и перестраивался, превращаясь в музей общероссийского значения. Мальчишкой Панкрат с друзьями не раз добирался до острова на лодке и лазил по кельям и подземным казематам монастыря, играя в благородных разбойников, рыцарей и монахов...

— О чем задумался? — тихо спросила Лида, сидящая напротив в старинном фамильном кресле Воробьевых.

Панкрат очнулся. Налил в рюмки по глотку вина, поднял рюмку:

— Давай за тебя.

— Тогда лучше за нас. А еще лучше — за твоих родных, за дедов. Если бы не они...

Панкрат кивнул, опрокинул рюмку в рот, налил еще; он приобрел бутылку настоящего грузинского «Саперави».

— Да, деды у меня что надо. Даже когда жив был отец, деды играли в семье, наверное, бóльшую роль, чем он. Особенно дед Пахом. Это он мне дал имя, а не отец. Знаешь, он когда-то произнес поразившую меня тогда фразу: не дай мне бог когда-нибудь избавиться от забот о своих детях!..

— Красиво сказано, — проговорила Лидия. — У тебя вообще родственники дружные, самый настоящий клан.

— Да и ваши крутовские родичи — сила. Может быть, именно поэтому мы не боимся невзгод? Знаешь, я недавно понял, что Россия — великая держава не потому, что у нее сильная армия и куча природных ресурсов, а потому, что ее народ талантлив, трудолюбив и великодушен, культурен и духовен. В глубинке это обстоятельство становится заметней.

— Если бы не правители...

— Больной президент, бандитское правительство и кретинская Дума — еще не вся Россия. Слава богу, не на них все держится, а на дедах моих, на нас с тобой, на детях наших. Ничего, выживем.

— Не все так думают. Если бы все так думали, идиотской рекламы, пропагандирующей западный образ жизни, у нас было бы меньше.

— Жизнь России намного сложнее черно-белых декораций Запада и Америки, интереснее и значимее. И великих людей наш народ породил больше, чем любая другая нация или этнос. Даже злодеи наши были и есть страшнее и жесточе других. Кто может сравниться со Сталиным, Берией, комиссарами расстрельных комиссий, да и с Лениным тоже, по цинизму и человеконенавистничеству? Никто!

— Не возбуждайся.

— Да я спокоен. Кстати, никогда не жалел о содеянном, о том, что отомстил подонкам за смерть хороших людей.

— Давай о другом. Так хорошо сидеть вдвоем и не думать о плохом.

— Ты затронула Запад, так вот могу добавить, что ни одна голливудская звезда не сравнится с нашими великими актерами: Евстигнеевым, Смоктуновским, Леоновым, Мироновым,

Яковлевым, Табаковым, Этушем, — не говоря уже о певцах и музыкантах. Скажи, какая страна мира имеет такой ансамбль, как «Виртуозы Москвы»? Или такого певца, как Дмитрий Хворостовский? Или такого дирижера, как Ростропович?

— Ты прямо русопят, — улыбнулась Лида.

— А я и не скрываю этого, хотя и не возвеличиваю нацию до состояния вселенского жандарма, как американцы — свою, далеко не столь исключительную и талантливую. Я готов жить в мире со всеми. А у русских, между прочим, очень много недостатков, от которых не мешало бы избавиться. Ты и сама их знаешь. И подлецов среди них тоже немало, к сожалению.

Помолчали, отщипывая виноград с грозди на блюде. Лида сходила в спальню к детям, вернулась, налила себе чаю.

— Сегодня я была в Барышевском детском доме, — проговорила она с грустью, — в составе комиссии горздрава мы проверяем детские учреждения района. Если бы ты это видел! В доме пятьдесят пять детей в возрасте от трех до пятнадцати лет, и среди них нет ни одного здорового! А глава района Князева недавно вдвое урезала им довольствие. Раньше на еду каждому отпускали по пятнадцать рублей, теперь — по восемь, так что обед им, можно сказать, теперь только снится.

— Представляю, — хмуро отозвался Панкрат. — За такие дела убивать надо! И показывать по телевидению, как в Чечне шариатскую казнь показывали. Может, какая сволочь и призадумается, прежде чем сделать грязное дело. Думаешь, я не вижу, что вокруг творится? За этот месяц довелось услышать полсотни таких историй, если не больше. Вот, к примеру, директор Столбненской турбазы Косой поделился своей.

— Фамилия у него... примечательная.

— Да, что есть, то есть, но мужик, в сущности, неплохой, моложе меня года на три. Так вот год назад осташковская милиция взяла с поличным банду рэкетиров, вымогавших деньги у директоров туристической сети района, а турцентров и баз на территории района и вокруг Селигера не менее трех десятков.

— Да откуда у них деньги?

— Я тоже так думал, но, оказывается, идет процесс возрождения туристического бизнеса, народ повалил на природу, а главное, начали прибывать иностранцы.

— Тогда все ясно.

— Ну вот, оперативники и сработали: сняли процесс вымогательства скрытыми телекамерами — дело было в лесу, затем по видеосъемке установили личности бандитов и задержали всю кодлу. Четверо из семи оказались прежде судимыми, а главаря вымогателей, тридцативосьмилетнего Михаила Зеленюка, разыскивает за грабеж милиция суверенной Украины. У всех нашли оружие при обыске, чужие паспорта, свидетельства убийства предпринимателя в Твери. Но дело не в этом. Их выпустили! Неделю назад. Сначала осудили, дали кому семь, кому пять лет, а потом через год с небольшим выпустили!

— Почему?

— Дело темное. Формулировки там какие-то были заковыристые, типа: «признаки преступления не расшифрованы, роль лидера не выяснена», и так далее. В общем, суд использовал юридические казусы и ошибки следствия, адвокаты же старались вовсю, и бандиты теперь на свободе.

Панкрат выпил еще вина, зажевал виноградом.

— Больше всего не люблю адвокатов и журналистов! И те и другие готовы за деньги загнать в тюрьму невиновного человека и, наоборот, освободить из тюрьмы преступника.

— Несправедливо...

— Справедливость, Лидия свет Павловна, нам только снится, — улыбнулся Панкрат, понимая чувства жены. Оба предпочитали не вспоминать, что произошло в Жуковских лесах этим летом, в результате чего Лидии пришлось выхаживать будущего мужа две недели, пока он не оправился после разряда «глушака». Помогла Степанида, мать Лизы Качалиной, которую увез куда-то в Нижегородскую губернию Егор Крутов.

— Была у меня мысль организовать команду восстановления справедливости, — продолжал Панкрат задумчиво, — по типу описанной в одном романе организации «Стопкрим»...

— Ну и что же?

— А теперь у меня есть ты. — Панкрат встал и подхватил жену на руки. — И дети.

Так, с Лидой на руках, он тихонечко вошел в детскую спальню, постоял, глядя на них с невыразимой нежностью, и вышел.

Целоваться они начали еще в гостиной...

* * *

Лида ушла на работу еще в половине восьмого, и Панкрату пришлось развозить детей по садам и гимназиям одному, что он, правда, делал с удовольствием. В девять он наконец освободился и позавтракал, прикидывая план на день. Ему предстояло окончательно оформить регистрацию семьи на новом месте, зайти в ОВИР, посетить кое-какие магазины, чтобы купить необходимые себе и детям вещи, и оборудовать в подвале дома, а также в лодочном боксе, где хранилась лодка деда Харитона, тайники для оружия и спецоборудования, которое

Воробьев перевез с базы «мстителей» в Подмосковье. Зачем оно ему, он не знал, но бросать дорогую амуницию и богатый арсенал не хотелось.

Пригодилась и крупная сумма в валюте, экспроприированная у дорожных бандитов. Взяв небольшую часть денег, Панкрат купил себе машину среднего класса, новенький «Ситроен-Ксара», переднеприводной, с подруливающей задней осью и кучей полезных наворотов, и теперь горя не знал с доставкой и транспортировкой семейных грузов, а также родственников к себе и обратно. Гараж он оборудовал прямо во дворе дома, выходящего задами к берегу Селигера.

Он уже собирался открывать ворота, когда услышал, что к дому подъехала машина. Встрепенулась и «тихо зарычала» интуиция. Мгновение подумав, Панкрат достал из бардачка «Ситроена» штурм-нож и сунул в карман брюк. Мягко ступая, подошел к воротам, выглянул в щель.

Из подъехавшего мощного «Лендровера» вышли четверо молодых людей, похожие друг на друга, как горошины одного стручка: квадратные лица, стриженые затылки, крутые плечи, одинаковые светло-серые костюмы. Затем вылез мужчина постарше, коричневолицый, вальяжный, в белом костюме и с тростью в руке. Широкий, как у лягушки, рот его раздвинулся, он что-то сказал. Двое молодых людей открыли дверцу палисадника, поднялись на крыльцо дома, толкнули дверь в сени, а когда она не поддалась, позвонили. Еще двое подошли к воротам, также попробовали открыть их, и тогда Панкрат отодвинул засов и распахнул ворота сам. Несколько секунд длилась немая сцена: гости смотрели на хозяина, он рассматривал и оценивал их. Потом сказал почти вежливо:

— Чему обязан?

Мужчина с тростью покривил губы, что должно было означать улыбку, вошел во двор.

— Воробьев? Панкрат Кондратович?

— Он, — коротко ответил Панкрат, повернул голову к двинувшимся во двор парням. — Эй, хлопцы, вы там что-то забыли?

Коричневолицый гость продолжал улыбаться и, казалось, не обращал внимания на действия своих коллег.

— Это вы создали Школу... э-э, так сказать, выживания? — продолжал он расспросы.

Панкрат посмотрел на него, потом на накачанных молодчиков, разгуливающих по двору, покачал головой.

— Как я не люблю бесцеремонность!.. Отзовите своих наглецов, милостивый сударь, я ведь могу и рассердиться.

— Так вот, господин Воробьев, — как ни в чем не бывало продолжал человек с тростью, проигнорировав реплику Панкрата, — вам придется закрыть ее. Во-первых, у вас нет лицензии на преподавательскую и другую подобную деятельность. Во-вторых, спортклуб СКА переходит в другое подчинение, а у хозяина на него другие виды. В-третьих, нам не нравятся такие прыткие молодые люди, которые начинают свой бизнес, не спросив благословения у местных... э-э, уважаемых людей.

— Кому это — нам? — иронически поднял бровь Панкрат, чувствуя закипающий в душе гнев. — Мафиози, что ли? Я кому-то перебежал дорогу?

Глаза гостя сузились.

— Ну зачем же так... прямо? Мы бизнесмены...

— Только другого клана, теневого, не так ли? А с представителями этого клана у меня разговор короткий — через оптический прицел. Еще вопросы будут?

— А ты нахал! — сквозь зубы процедил коричневолицый. — Мы к тебе пришли с предложением, а ты...

— Это не с предложением ли влиться в ряды ваших лакеев? Таких вот, как эти «шестерки»? Или возглавить охрану какого-либо крутого босса? Платить будете, конечно, по-царски.

— Больше, чем ты думаешь.

— Премного обязан.

— Это означает — да?

— Это следует расценивать как — нет. А насчет лицензии не беспокойтесь, она у меня будет. И помещение мы найдем другое, если отберут спортзал, понравились мне ребятишки, понимаешь ли, которые ко мне приходят. А теперь убирайтесь со двора, пока я вас не выкинул.

— Ну что ж, — скучным голосом произнес коричневолицый, — наше терпение имеет пределы. Придется тебя поучить немного, чтобы на будущее знал, как разговаривать с уважаемыми людьми. Эй, Клык, начинайте.

Тот, кого назвали Клыком, поднял с земли рейку и с размаху опустил на капот «Ситроена». Раздался грохот и звон стекла.

— Ну, падаль! — выдохнул Панкрат. — Мое терпение тоже имеет пределы!

Трость внезапно вылетела из руки коричневолицего визитера и опустилась на голову парня с рейкой. Раздался вскрик, парень выронил палку, схватился рукой за ухо, из-под пальцев вытекла струйка крови. Второй качок сунул было руку за пазуху и тоже вскрикнул: трость свистнула по локтю, парализуя руку, и тут же пересекла лоб, накладывая багровую полосу. Первый парень опомнился, достал из-под полы пиджака нунчаки, умело крутанул их вокруг себя, но Панкрат не стал дожидаться демонстрации ката, как это показывают в дешевых

кинобоевиках, а сразу отбил охоту у «каратиста» использовать нунчаки: блокировал тростью удар сбоку и тут же нанес два ответных — по пальцам и костяшкам рук спортсмена. Парень взвыл, выронил свое экзотическое оружие и отступил, дуя на разбитые в кровь кулаки.

— Браво, браво! — кисло похвалил Воробьева коричневолицый босс, в то время как во двор вбегали стоявшие за воротами приятели первой пострадавшей двойки. — Может быть, ты и пулю отобьешь тростью?

Панкрат оглянулся. На него из кулака джентльмена в белом костюме смотрело дуло пистолета.

— Ну так как, живчик? Не хочешь посоревноваться со мной?

Ответить Панкрат не успел. Дверь дома, выходящая во двор, вдруг толчком распахнулась, и на пороге появился высокий, загорелый до черноты мужчина с бородой и усами «а-ля Педро Зурита» в исполнении Михаила Козакова. В руках он небрежно держал внушительного вида помповый карабин калибра двадцать три миллиметра.

— Брось пушечку-то, господин хороший!

Обалделый визитер в белом повиновался.

— А теперь шагайте все отсюда! Еще раз появитесь возле этого дома — передавлю, как тараканов!

Бородатый незнакомец, кого-то смутно напоминавший Воробьеву, видя, что компания не торопится выполнять его требование, выдвинул из-за уха усик микрорации:

— Пик-два, всех видишь? — Выслушал ответ и добавил: — Пугни их маленько.

В тот же момент нунчаки, которые подобрал их владелец, вылетели из руки парня, выбитые пулей. Выстрела слышно не было, но опытные телохранители коричневолицего визитера сразу поняли, в чем дело, заозирались, начали пятиться к воротам. Голос у их предводителя прорезался не сразу, а только когда он оказался у своего джипа.

— Мы такого не прощаем...

Договорить ему не дали.

Пуля, выпущенная из снайперской винтовки откуда-то со стороны причала, пробила боковое стекло «Лендровера», и четверка парней во главе с боссом мгновенно расселась по местам. Джип рванул с места и исчез.

Панкрат проводил его взглядом, повернулся к неожиданному соратнику, проговорил неуверенно:

— Родион?

Бородатый незнакомец осклабился.

— Узнал-таки, командир. Ну, здравствуй. А вовремя мы, однако, подоспели. Тебе и здесь спокойно жить не дают?

— До сего дня все было тихо. А кто это — мы? С тобой кто-то из наших?

— Нет, ты их не знаешь. Но команда серьезная.

— Да уж, оценил. Личный снайпер — это круто! Ты всегда так страхуешься?

— С недавнего времени. Береженого бог бережет, как говорится. Уже привык работать по полному профилю, положение обязывает. Так кто это к тебе заходил?

— Есть тут... «бизнесмены»... не нравится им, что я Школу выживания организовал, приходили знакомиться. Как ты меня нашел?

— Служба поставлена, — ухмыльнулся Родион. — Пригласишь на чаек-то? Поговорить надо.

Панкрат посмотрел на часы, махнул рукой.

— Придется менять график посещений. Заходи в дом. Помощников своих не позовешь?

— Они на работе, а я и так не один.

Панкрат хмыкнул, окинул высокую гибкую фигуру бывшего «мстителя» заинтересованным взглядом, закрыл ворота и вошел в дом. В сенях его ждал незнакомый мужчина, одетый в неброский летний костюм. Он был круглолиц, лыс, курнос и особых примет не имел, за исключением умного и цепкого взгляда.

— Архип Мережковский, — представил его Родион. — Кандидат медицинских наук, психолог, аналитик, бывший работник третьего отделения ФУМБЭП.

Панкрат, протянувший было ладонь для рукопожатия, отдернул руку. Родион засмеялся.

— Видите, как он реагирует на эту сучью аббревиатуру? Я предупреждал. — «Мститель» повернул голову к Воробьеву. — Успокойся, командир. Архип Иванович не имел и не имеет отношения к тем, с кем нам пришлось столкнуться в Жуковских лесах. Наоборот, он представляет организацию, которая...

— Давайте-ка по порядку, — мягким журчащим баритоном сказал Мережковский. — Не возражаете?

— Прошу, — сухо сказал Панкрат, пропуская гостей в горницу.

Усадив гостей за стол, он принес не остывший еще чайник, сахар, сыр, масло, хлеб, печенье, тоник из холодильника. Более горячительных напитков не предложил, и лысый Мережковский оценил этот жест.

— Я понимаю ваши чувства, Панкрат Кондратович, но, ей-богу, я ни в чем не виноват.

— О чем вы хотели со мной поговорить?

— Об очень серьезных вещах. Что вам известно о разработках так называемого психотронного оружия?

Панкрат посмотрел на Родиона. Тот кивнул.

— Архип Иванович в курсе наших «звездных» войн в Жуковских лесах.

— Допустим. Что дальше?

— Вы не ответили на вопрос.

— Мне известно, что такие разработки ведет некая негосударственная структура под названием Российский легион.

— К сожалению, уже государственная. После поднятого вами шума и ликвидации объекта на территории Жуковского района руководители... э-э, структуры, как вы изволили выразиться, испугавшись утечки информации, быстро сориентировались и сделали «подарок» президенту, сообщив о своей деятельности. Теперь Легион — секретное, но государственное образование. Однако он всего лишь часть более мощной системы, создатели которой назвали ее РВС, Реввоенсовет. Он же, в свою очередь, является частью еще большей системы — *транснациональной, пустившей корни во всех странах.* Но вернемся к нашим, отечественным, баранам.

— Подождите, — остановил оратора с журчащим голосом Панкрат. — Откуда вам все это известно?

Мережковский снисходительно улыбнулся.

— Я представляю собой организацию, кстати, такую же незаконную, какой была ваша «Час», которая борется с названным РВС, и начали мы с разведки и добычи информации. Наши люди работают во всех силовых структурах и спецслужбах, в том числе и в ФУМБЭП, с которого все началось. Я был одним из первых, кто узнал об античеловеческой сущности проводимых вторым отделением Управления экспериментов.

— Ради чего все это делается?

— Ради чего создаются реввоенсоветы? Для подготовки революций, естественно, переворотов, то есть, по сути, для захвата власти. Сменяются эпохи, режимы, формации, рождаются и гибнут цивилизации, до неузнаваемости преображаются условия существования, этика, мораль, образ жизни людей, но соискатели власти остаются удивительно похожими друг на друга, психологически и морально. И средства, при помощи которых они добиваются цели, так же поразительно похожи...

Голос бывшего работника ФУМБЭП убаюкивал, усыплял, вкрадывался в сознание, образуя там какое-то пространство безволия, и Панкрат с трудом стряхнул с себя оцепенение, с удивлением прислушиваясь к самому себе.

— Ну хорошо, не надо лекций. Итак, существует Реввоенсовет, желающий изменить ныне здравствующий строй, существует Российский легион — силовая опора РВС, и создана сеть секретных лабораторий, разрабатывающих оружие для захвата власти. Так?

Мережковский и Родион, неторопливо прихлебывающий чай, переглянулись.

— Примерно так, — кивнул Архип Иванович. — Но прежде чем перейти к цели нашей организации, давайте уясним себе цели и задачи РВС и чем это грозит отечеству.

— Его цель ясна — полная дебилизация страны, — пробормотал Панкрат, вспомнив чью-то реплику.

Мережковский мягко улыбнулся. Манера держаться у него была кошачья, мурлыкающая, ненавязчиво внушающая доверие и расположение, а глаза между тем оставались умными, испытывающими и предельно сосредоточенными, как у опытного врача-психиатра, пытающегося вылечить больного.

— Оружие, разрабатываемое в секретных лабораториях Легиона, не главное, на чем базируется замысел «революционеров». *Всякого рода «глушаки» и «болевики», то есть психотронные генераторы первого поколения,* лишь инструмент индивидуальной обработки лидеров партий, групп и движений. Замысел РВС шире — создать на территории страны квазиустойчивый криминальный эгрегор, подчинив который можно было бы приступить ко второму этапу строительства властной пирамиды нового образца, а точнее — древнего, уже испытанного природой Земли и забытого — образца типа «термитник». Управляет «термитником» один «генерал» или «царь», которому служат воины и рабы, у которых напрочь отсутствует воля.

Панкрат усмехнулся.

— Я читал подобные сценарии в фантастических романах.

Мережковский, терпеливый, как учитель или сестра-сиделка, остался спокойным и благожелательным.

— К сожалению, этот сценарий начинает воплощаться в жизнь. Еще раз повторюсь: психотронные генераторы индивидуального пользования — игрушки, вчерашний день, хотя они еще служат для «воспитания» нужных лидеров. Основные усилия руководители Проекта направили на разработку глобальных технических систем подчинения и зомбирования широких слоев населения.

— Допустим. — Панкрат помолчал. — Но если вы это знаете, почему не обратитесь в соответствующие органы, в службу безопасности, МВД, к президенту?

— Потому что мы не уверены, что лидеры этих названных

вами структур не зомбированы. Мало того, мы уверены, что так оно и есть! Стоит нам обратиться туда, и нам конец. Нас вычислят и уничтожат!

— Допустим, — пробормотал Панкрат в третий раз. — Что же вы предлагаете?

— Проект, о котором я упоминал, состоит из нескольких стадий. Первая закончилась: разработка пси-генераторов индивидуального пользования. Начинается второй этап: создание системы изменения социальной реальности в умах людей. Этот этап также состоит из двух стадий. Первая — изучение влияния информационно-психологической атаки на людей посредством телевидения и радиовещания. Давно не секрет, что при постоянном прослушивании ритмованной и особенно громкой музыки у слушателей развивается наркотический эффект, ведущий к развитию аномалий в характерах людей, с выделением стресс-гормонов, которые стирают часть записанной в мозгу информации, и человек умственно деградирует. Телевидение еще более усиливает этот эффект, процесс оглупления зрителей идет гораздо более быстрыми темпами. Идеологические установки, подаваемые с его помощью, обладают колоссальным зомбирующим действием! А если реализаторам Проекта удастся разработать компьютерную систему, объединяющую теле- и радиовещание, компьютерные сети, системы связи и локационные станции метеослужбы и обороны, — это станет основой гибели этноса! Гибели Русского государства!

Мережковский замолчал, принялся пить чай.

Молчал и Воробьев, пораженный масштабами развернутых перед ним результатов неведомого Проекта. Наконец он пришел в себя.

— Чего вы хотите?

— В России царит «культ удельных князей», — Архип Иванович позволил себе поиронизировать, — или, если хотите, групповщина. Образовалось множество групп и движений «спасения Отечества», но ни один их лидер не желает работать вместе с другими, считая свой путь единственно верным. Мы же хотим объединить все группы и партии в один антикриминальный кулак и не дать Реввоенсовету подмять под себя общество.

— Похвальное желание. А база? Одна из спецслужб, судя по вашему эффектному появлению здесь?

— База есть, это молодая, недавно созданная структура — ККОРР, то есть Федеральная Комиссия по координации оперативно-розыскной работы спецслужб. В связи с чем мы можем предложить вам работу в этой организации.

— Нет, — покачал головой Панкрат.

— Не спеши, командир, — укоризненно проговорил Родион. — Мы выяснили, что у ФУМБЭП есть еще несколько секретных объектов на территории России. Один из них спрятан где-то здесь, в Тверской губернии, даже еще точнее — на одном из островов Селигера, другой — в Нижегородской губернии. И все они, конечно же, работают на Проект. Разве ты, после того, что с тобой случилось, не хочешь поучаствовать в их ликвидации? На благо своих же детей?

Панкрат покачал головой. Мережковский остро глянул на него, отставил чашку.

— Давайте не гнать лошадей, Родион Петрович. Человеку надо подумать, прикинуть свои возможности. Кстати, Панкрат Кондратович, вы читаете газеты?

— Только «Известия», да и то редко, а что?

— Недавно по многим средствам массовой информации прошло сообщение об уничтожении какой-то психбольницы в Нижегородской губернии. Так вот банда здесь ни при чем. Эта больница была одним из секретных объектов Проекта, испытательным полигоном разработчиков психотронных излучателей, и его «зачистили», ликвидировали, когда надобность в нем отпала.

Видимо, взгляд Панкрата был весьма красноречив, столкнувшись со взглядом Мережковского, потому что тот сделал скорбную мину.

— Вот именно, мой друг, действительность более жестока, чем принято считать. И никуда от этого не уйти, не скрыться, не отделаться фразой: моя хата с краю. Могу добавить лишь одно: в рамках Проекта намечено создание и более изощренных систем подчинения людей, требующих... м-м, полигонных испытаний.

— Каких, если не секрет?

— Например, оружие на основе искусственного провоцирования стрессов с летальным исходом, оружие на основе подсознательного внушения и формирования искаженных шкал ценностей, ну и так далее.

— Что это за оружие — с формированием искажений?

— Это скорее психотронно-психологическое инициирование, в процесс которого входят навязываемые извне инородные идеологические установки, инородные ценностные установки, инородный образ жизни, инородная культура. Что уже и делается, в том числе с помощью рекламы. Объектами же

искажений являются разные социальные группы, творческая элита, правительство...

— Достаточно, — тихо сказал Панкрат.

— Нет, недостаточно, — вдруг жестко сказал Архип Иванович, так что Воробьев невольно поднял на него глаза. — Я не сказал еще одну вещь, которую вам необходимо знать: в стране стремительно растет число людей, а более всего — детей с проблемами психического развития...

— Достаточно, — остановил гостя Панкрат, — я понял. И все же скорее всего я отвечу «нет».

— Хорошо, — с неожиданной легкостью согласился Мережковский, — мы не настаиваем, хотя, признаться, надеемся на положительный ответ. Вы очень необходимый нашему движению человек.

Некоторое время они сидели молча, допивая тоник и чай, потом проницательный Мережковский поднялся.

— Я, пожалуй, прогуляюсь по берегу, если позволите, а вы пока поговорите, давно не виделись.

Он ушел. Панкрат встретил взгляд Родиона и внутренне вздрогнул: показалось, что тот его не видит, что он слеп! Впрочем, бывший «мститель» тут же подмигнул, зашевелился, похлопал себя по животу.

— Подзаправился, спасибо. Ну, что ты обо всем этом думаешь?

— Если это правда... — Панкрат помедлил, — это страшно! И все же я — пас.

— Ты же сам хотел создать нечто вроде «чистилища», мочить бандитов, киллеров, подонков... неужто перегорел?

— Может быть. Но я не вижу себя в ваших рядах, какими бы справедливыми ни казались ваши цели. Есть множество других путей...

— Твой путь — борьба за справедливость, ты это всегда подчеркивал.

Панкрат опустил голову на сжатые кулаки, перед глазами встало нежное лицо жены, лица детей...

— Нет, я хочу жить иначе! — Он поднял голову. — Хватит боли и крови! К тому же я не свободен. Мне поверила красивая женщина, выходившая меня, мне поверил ее брат... нет, я уже не воин.

— Жаль, — разочарованно вздохнул Родион. — Мы рассчитывали на тебя. Кстати, а где сейчас этот твой новый родственник, брат жены?

— Крутов? Не знаю. Где-то в Нижегородской губернии. —

Панкрат лгал, он знал, где устроился бывший полковник ФСБ Егор Крутов с женой, но не хотел говорить.

— Жаль, — повторил Родион. — Хотя мы, конечно, его найдем.

— Он тоже откажется.

— Посмотрим.

Помолчали, бесцельно вертя в руках пустые чашки. Потом Панкрат поинтересовался:

— Как они тебя нашли?

— Это еще та история, — усмехнулся Родион в бороду. — Я по старой привычке вступился за обиженных — у соседа сына украли, потребовали колоссальный выкуп... В общем, собрал я ребят, отыскали похитителей... а милиция потом отыскала меня. Мог бы и загреметь лет на семь, если бы не вытащили хлопцы из «ПД».

— Откуда?

— Так мы называем нашу организацию — «Психодав». Или «ПД».

— Остроумцы. А этого Архипа Ивановича ты хорошо знаешь? Кто он в вашей иерархии?

— Начальник аналитического управления, что-то вроде генерала.

— А ты?

— Есаул, командир оперативно-разведывательной группы. А знаю я Архипа, конечно, мало, всего пару раз-то и встречался. Он тебе не понравился?

Панкрат поморщился.

— Не красна девица, чтобы нравиться, но... где гарантия, что он представитель светлых и добрых сил, якобы консолидирующий их? Может быть, он, как раз наоборот, выявляет очаги возможного сопротивления, чтобы потом их уничтожить.

— Ну ты даешь, майор! — обиделся Родион. — Что, у меня глаз нет, по-твоему?

Панкрат встал.

— Ладно, Петрович, это я к слову. Но работать у вас не хочу. Смущает меня что-то. Не знаю что, но смущает.

Родион достал из кармашка прямоугольник белого картона, протянул Воробьеву.

— Позвони, если все-таки надумаешь. Это телефон главной конторы ККОРР в Москве, спросишь Мережковского, это его настоящая фамилия. Там он тоже числится как психолог-аналитик комиссии. Ну, бывай, командир. Рад был повидать-

ся. Смотри, не связывайся только с местной шпаной, подкараулят и...

— Я подстрахуюсь.

Панкрат проводил бывшего приятеля до калитки, внимательно оглядел улицу, набережную, но никого подозрительного не увидел. Оперативники у Родиона, подстраховывающие передвижение начальства, были высокого класса и себя не обнаруживали.

У пристани Родион сел в ожидавшую его белую «Волгу» и уехал. А Панкрат остался стоять с ощущением, что прикоснулся к какой-то опасной тайне, к бездне чужих устремлений, замыслов и планов, способной затянуть в себя и уничтожить любого, кто вознамерится выступить против.

ВЕТЛУГА

КРУТОВ

Ночью прошел небольшой дождь, и необычная для этого времени года жара спала. Утро выдалось ясным, свежим, весенним, хотя на дворе стояла середина сентября.

Крутов встал рано, в начале седьмого. Лизу будить не стал, тихонько сбежал во двор и час занимался лунг-гом, чувствуя привычный прилив сил. Умылся ледяной водой из колонки и принялся наводить порядок вокруг дома. Ремонт внутри он практически закончил, оставалось только кое-где побелить потолок, покрасить простенки и заделать решетку камина. Однако и сейчас уже внутренняя отделка дома, обновленная самодеятельным реставратором, вызывала чувство восхищения совершенством и гармонией линий, настолько хороши оказались фрески неизвестного художника, разрисовавшего оштукатуренные еще в прошлом веке стены.

Лиза проснулась, когда Егор уже заканчивал уборку двора, который после ремонта забора и хозблока тоже приобрел законченный вид. Всяческую живность типа коровы, поросенка и кур Крутов держать не собирался, поэтому ограничился одной пристройкой, где оборудовал гараж на две машины и мастерскую и оставил два стойла для лошадей. Лет сто назад, а может быть, и в послевоенное время это помещение было конюшней.

Позавтракали на природе — Крутов специально для таких дел соорудил столик под единственной березой, — поболтали о разных разностях. Говорила в основном Лиза, делившаяся впечатлениями о своей трудовой деятельности в качестве секретарши главного редактора издательского центра. Судя по всему, работа ей нравилась, и Егор порадовался этому обстоятельству. Сам он похвастаться успехами на ниве служения отечественному капитализму не мог. Ни одна из предлагаемых ему форм труда душу не грела. Сегодня должна была решиться судьба еще одного предложения, поступившего от местного союза предпринимателей: возглавить охрану Клуба молодых миллионеров Ветлуги. Если бы Егор узнал, что его соратники на Алтае и в Тверской губернии решают те же проблемы, что и он, причем абсолютно сходным путем, ему, наверное, стало бы легче.

С утра Крутов договорился с Шуриком, мужем Саши, подъехать к тем, кто разбил его машину, и попробовать договориться об оплате ремонта. Лиза мужа не торопила и не подначивала, Егор сам решил помочь парню, нрав которого «тише воды и ниже травы» стал притчей во языцех многочисленной родни Елизаветы.

Крутову очень хотелось еще раз встретиться с дедом Спиридоном, поговорить об интересующих обоих вещах, посмотреть, как он тренируется, выяснить, что это за система, позволяющая сохранять молодость духа и здоровое тело до глубокой старости, а главное — выполнять трюки вроде дедова исчезновения во время ужина. Однако набиваться самому в гости было неприлично, а Спиридон приглашать к себе бывшего полковника не спешил.

Чмокнув мужа в щеку, Лиза умчалась на работу. Задумчивый Егор еще некоторое время поковырялся в доме, доделывая начатое, потом собрался за машиной. Три дня, взятые мастером из авторемонтной мастерской, истекли, пора было забирать «Рено» из ремонта. И в этот момент у дома остановилась машина — милицейский «газик» с мигалкой на крыше. Пришлось встречать нежданного гостя, которым оказался свояк Елизаветы Петр Парамонович Качалин, полковник милиции, начальник Ветлужского Управления внутренних дел, уже предлагавший Крутову работу в управлении в качестве своего заместителя.

Они пожали друг другу руки и уселись под березой, где еще стояли не убранные хозяином остатки завтрака. Петр Качалин был старше Егора на десять лет, но выглядел моложе. Крупный, кряжистый, с большими руками, сильный, с заметной сединой в волосах, он тем не менее был быстр в движениях и вызывал ощущение танка в засаде, готового выстрелить и помчаться в атаку. Светло-голубые глаза его таили упрямство, цепкую основательность и простодушие, но не простоту. На-

чальник УВД Ветлуги славился оперативной изворотливостью и сметкой, позволявшими ему достаточно уверенно справляться со своими непростыми обязанностями. Он и с подчиненными ладил, и перед криминальными авторитетами не гнулся.

— Чему обязан? — не утерпел Крутов, слегка удивленный визитом. — Снова будете уговаривать пойти на работу в милицию?

— Вообще... хотелось, — чистосердечно признался Качалин. — Твой опыт наверняка пригодился бы моим оперативникам. Но я с решением не тороплю. Тут вот какая закавыка, Егор Лукич. «Телега» на тебя пришла в управление.

— Какая еще «телега»?

— Якобы напал ты на нашего местного уважаемого человека Павла Эдуардовича Семашко, оскорбил его действием, когда он был при исполнении... и свидетели отыскались.

Крутов усмехнулся.

— Понятно. Свидетели, конечно, его крутые телохранители. Не мытьем, так катаньем решил взять нас господин Семашко. Вы в курсе, зачем он к нам пожаловал?

— Мне рассказывали. Вам с Лизкой предложили продать хату, а здесь парк собираются разбивать.

— Не парк, — покачал головой Егор. — Я тут навел кое-какие справки. Семашко не главный заказчик, всего лишь «шестерка» местного туза по фамилии Быченко, из «новых русских». И строить они собираются не парк, а виллу для самого Быченко. Вы разве этого не знали?

Петр Парамонович отвел глаза.

— Как не знать? А ты откуда такие сведения выкопал?

— Купил... у сведущих людей. Как выяснилось, не все здесь уважают вашего Быка, есть и другие «авторитеты».

— Понятно, конкуренты. И что ты надумал?

— Не продам я наше «дворянское гнездо». — Егор встал. — Пойдемте, покажу.

Они прошли в дом, и Качалин увидел фрески в полной красе, при дневном освещении. Долго рассматривал каждую, покачивая головой, потом повернулся к наблюдавшему за ним Крутову и проговорил:

— Значит, не врала легенда-то семейная, что жил у нас когда-то какой-то знаменитый грек-художник. Да-а, такого я не ожидал увидеть.

— Я тоже, — хмыкнул Егор. — Вот хочу зарегистрировать сей дивный уголок в качестве памятника архитектуры девятнадцатого века. Поможете? Сохранить бы надо для потомков,

даже нечто вроде музея можно сделать. Мы с Лизой не против стать смотрителями.

Качалин снял фуражку, почесал макушку, снова надел.

— Мысль хорошая, может, и сработает. Забеги завтра ко мне, я провентилирую вопрос кое с кем в наших верхах. Но вообще-то с Быком... э-э, с Быченко лучше не связываться, крутой мужик, при связях и при власти, из молодых да ранних, как говорится. Бывший спортсмен, боксер, двадцать девять лет всего. Недавно его кандидатом в мэры города выдвинули.

Крутов с любопытством глянул на помрачневшее лицо начальника УВД.

— Он же мафиози! И все это знают. Как же вы с ним работать будете?

— Пытаемся отвратить эту беду, но ты не представляешь, как трудно в наше время доказать вину бандита! У него прокурор области в дружках ходит... — Петр Парамонович махнул рукой. — Бог с ним, разберемся, не бери в голову. В конце концов господь воздаст по заслугам каждому, как утверждает дед Спиридон.

— Вот только хорошо бы еще при этой жизни, — проворчал Крутов, провожая гостя до ворот. — Вы газеты читаете? Пока Быки себе виллы и особняки строят, бесквартирные граждане счеты с жизнью сводят.

— Мне этим по долгу службы заниматься приходится, — поморщился Качалин. — Это уже второй случай у нас в Ветлуге, весной мать с дочерью повесились. Матери тридцать семь, дочери шестнадцать, туберкулезом болела. Мать уборщицей в школе работала, жили в общежитии, а когда нашла работу более высокооплачиваемую, из общежития их и выперли... согласно постановлению администрации, хотя ей еще в восемьдесят пятом году отдельная квартира полагалась... Кстати, в районе случай пострашней произошел, не слышал? В Лыткарине бандиты психбольницу взорвали, больных и весь персонал перебили. Область на ушах стоит, и нас пристегнули к расследованию. Ну, бывай, полковник. Заходи завтра, решим проблему.

«Газик» уехал. Крутов постоял во дворе, переваривая полученную информацию, удивляясь растущей в душе тревоге, потом встряхнулся и побежал переодеваться. Вскоре он был в автомастерской, осмотрел подлатанную и покрашенную заново машину, сердечно поблагодарил мастера и лихо выехал из гаража. Через полчаса он встретился с Шуриком Алдухи-

ным, щупленьким парнем, выглядевшим школьником, а не взрослым человеком двадцати шести лет от роду.

— Может, не стоит? — робко спросил Шурик, садясь в машину. — Они же ясно сказали, что не заплатят.

— Это тебе ясно, — сказал Крутов. — А мне не очень. Договариваться надо с боссом, а не с его «шестерками». Где машина?

— В гараже пока стоит. Заработаю, отдам в ремонт.

— Ладно, поехали.

— Куда?

— К обидчику твоему. Я позвонил по тому телефону, что он тебе дал, выяснил адрес. Кстати, ты в курсе, кто он?

— Нет, он не представился.

— Еще бы. Он владелец сети бензоколонок в городе, парниша по фамилии Григорьев.

Крутов остановил машину возле трехэтажного пирамидального здания из бетона, стали и коричневого зеркального стекла, у которого парковались только иномарки. Это было здание «Вест-банка», в котором свил себе гнездо, то есть устроил офис, и главный бензиновый торговец города.

— Вы к кому? — вырос на пороге охранник в бронежилете и с автоматом «АКС».

— К Григорьеву, — лаконично ответил Егор.

— Он вас ждет?

— Нет, но меня примет.

— Тогда извините, без пропуска и вызова вход в банк запрещен. — Охранник начал закрывать дверь.

Крутов уперся в нее рукой, достал удостоверение офицера ФСБ.

— Читать обучен?

Охранник пробежал глазами документ, вскинул на Крутова скучающие глаза.

— Сожалею, но...

— Позвони ему, мальчик, скажи, что к нему полковник Крутов. — Егор по возможности вежливо улыбнулся. — Если не хочешь иметь дела с моей конторой. Это визит частный. Пока. Но я могу оформить и вызов. Или вот что, вызови-ка начальника своего.

Охранник мигнул, сытое лицо его слегка порозовело.

— Ждите.

Дверь закрылась. Егор и Шурик переглянулись. Взгляд парня выражал сомнение в целесообразности визита, что, наоборот, подогревало интерес Крутова к правдоискательству, хотя в глубине души он тоже не был уверен в благоприятном исходе дела.

— Попытка — не пытка, — вслух сказал он, пытаясь приободрить спутника. — Прорвемся.

Толстая, металлическая, с дубовой обивкой дверь медленно отворилась.

— Проходите.

Крутов и Шурик шагнули в тамбур, служащий одновременно и металлоискателем, вошли в роскошный вестибюль банка с мраморным полом и колоннами из ракушечника. Их ждал еще один работник банковской секьюрити, уже в строгом черном костюме и без оружия.

— Прошу следовать за мной.

Они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж здания, где у специальной стойки дежурили двое охранников в таких же черных костюмах с висящими на лацканах картонками бэджей. Провожатый провел посетителей в дальний конец коридора, нажал кнопку переговорного устройства на двери под номером 6. Над дверью торчал «глазок» миниатюрной телекамеры, и вопроса: кто идет? — не последовало. Дверь, щелкнув электромеханическим замком, отворилась.

Серьезно относится к собственной безопасности господин Григорьев, подумал Егор, прямо бункер Гитлера, а не банк, только с помощью газовой атаки и можно его отсюда сковырнуть. Интересно, если какой-то бойкий король бензоколонок имеет такие апартаменты, то какие же у господина Быченко, босса всея округи?

Приемная Григорьева поражала белизной, обилием декоративных зеркальных панелей, плоским аквариумом чуть ли не во всю стену, «глазками» телекамер по всем углам и длинноногой секретаршей с великолепной грудью. Кроме секретарши, здесь же обретались и двое сурового вида мужчин из секьюрити шефа, подозрительно ощупавшие взглядами фигуры посетителей.

Шурик совсем потерялся в этой обители власти и готов был простить все свои обиды, не входя в кабинет начальника, но Крутов был настроен иначе.

— По какому вопросу? — с деловой улыбкой спросила секретарша.

— По личному, — улыбнулся в ответ Егор.

— Как о вас доложить?

— Полковник Крутов, служба безопасности.

Улыбка девицы потускнела, она что-то нажала на пульте монитора на столе, и тотчас же пробудился скрытый динамик:

— Пусть войдет.

— Пройдите, пожалуйста. — Секретарша открыла толстую белую дверь в кабинет шефа.

— Мы пройдем вдвоем. — Егор подтолкнул Шурика вперед, и они вошли в кабинет Григорьева, не очень большой, но исключительно современный, черно-белый, с плоским телевизором у стены размерами метр на полтора, колонкой кондиционера, мебелью в стиле «мобайл» и картиной Малевича на стене слева от стола хозяина. Григорьева Крутов никогда не видел, поэтому дал себе несколько секунд на его оценку.

Вениамин Витальевич Григорьев больше всего походил на актера Юрия Соломина и был так же вежлив и культурен, что поразило Крутова до глубины души. Он не ожидал встретить бензинового короля, сочетавшего внешность актера с поведением потомственного интеллигента.

— Что привело ко мне офицера столь грозной организации, как Федеральная служба безопасности? — спросил он, с любопытством окидывая взглядом Егора и его спутника. — Присаживайтесь, как говорится, в ногах правды нет.

— Ее нигде нет, — спокойно сказал Крутов. — А привело нас к вам небольшое, как я надеюсь, недоразумение. Суть дела такова. Несколько дней назад вы совершили наезд на машину этого молодого человека...

— А-а, — в глазах Григорьева мелькнуло воспоминание, — то-то он показался мне знакомым. Действительно, было дело, виноват. Но ведь мои люди все уладили?

— Да как вам сказать? — усмехнулся Крутов. — Уладить-то они уладили, но уж как-то очень несправедливо.

— Что вы имеете в виду? Мало заплатили? — встревожился Вениамин Витальевич.

— Если это можно назвать мало... не заплатили совсем, да еще пригрозили, что, если будет жаловаться, долго не проживет.

— Не может быть!

— Господин Григорьев, я похож на шутника?

— Нет, но...

— Вот и давайте говорить, как солидные люди.

Вениамин Витальевич побарабанил пальцами по столу, наклонился к пульту селектора:

— Мариночка, вызови Кислярского.

— Слушаюсь, Вениамин Витальевич.

Через минуту в кабинет вошел могучий молодой человек с бычьей шеей, квадратными плечами и короткой стрижкой «унисекс».

— Этот гражданин утверждает, — кивнул на бледного Шурика Григорьев, — что вы не заплатили ему за ремонт машины и даже пытались запугать. Это правда?

Квадратноплечий Кислярский поглядел на Шурика, качнул маленькой по сравнению с шеей головой.

— Ну что вы, Вениамин Виталич, врет он, мы рассчитались с ним по полной программе.

Глаза Шурика стали квадратными. Крутов посмотрел на него.

— Он? Среди тех, кто с тобой разговаривал на «стрелке», был этот тип?

— Был, — пролепетал Шурик.

— Ну ты, полегче... — начал было молодой человек и через несколько мгновений лежал на ковре лицом вниз с вывернутой за спину рукой.

— Не хами, молокосос, — сказал Крутов, нажимая на предплечье парня так, что тот охнул. — Какую сумму дал тебе босс для улаживания конфликта?

— Отпустите его, полковник, — попросил Григорьев любезно, — мы сами разберемся. Я дал ему три тысячи долларов.

Крутов отпустил руку Кислярского, сел к столу снова. Молодой помощник Григорьева поднялся, потирая кисть и локоть, исподлобья глянул на Егора, и тот понял, что приобрел себе смертельного врага.

— Иди, — жестко сказал Вениамин Витальевич, — потом поговорим.

Квадратноплечий ушел.

— Вот вам деньги. — Григорьев достал пачку стодолларовых купюр, отсчитал половину, встал и вложил растерявшемуся Шурику в руку. — Надеюсь, инцидент исчерпан? Извините нас. Но, как говорится, в семье не без урода. Ведь я им плачу неплохо, можно было бы и не подрабатывать таким вот образом. Что поделаешь, рабская психология у нынешней молодежи. Еще раз извините.

Крутов поднялся. Владелец бензоколонок Ветлуги перестал ему нравиться.

— Спасибо за справедливое решение вопроса, не ожидал, честное слово.

— Пустяки. А вы, господин полковник...

— Можете называть меня Егором.

— А по батюшке?

— Лукич.

— Егор Лукич, а вы к нам как — в командировку, по служебным делам или в отпуск, отдыхать?

— На постоянное место жительства, — ответил Крутов. — До свидания. Всего доброго.

Они покинули кабинет бензинового короля, оставив его в задумчивом состоянии. В вестибюле банка наткнулись на Кислярского с двумя такими же здоровыми лбами. Все трое уставились на Крутова так, будто собирались взглядами просвер-

лить в нем дырку. Не сбавляя шага, он двинулся прямо на них, и молодые люди расступились. В спину Егору вонзился чей-то злобный шепот:

— Скоро увидимся...

Крутов не оглянулся. Сказал, когда они с Шуриком сели в машину:

— Тебя куда?

Шурик очнулся, сунул доллары — он так и нес их в руке — в карман брюк, дрожащими руками достал сигареты.

— Ну, Егор Лукич, и страху же я натерпелся! Как вам удается убеждать таких типов? Он же мог нас выгнать, и все, свидетелей-то нет.

— Мог, — задумчиво кивнул Крутов, — но либо он честный человек, что в его положении не очень реально, либо не хотел терять имиджа, либо имел какой-то расчет, либо испугался моих корочек и захотел проверить, с чем я пришел. Впрочем, что нам переживать? Пусть он переживает. Все хорошо, что хорошо кончается.

Он высадил Шурика у главпочтамта и поехал по магазинам. Домой он приехал как раз к обеду, когда сбежавшая из офиса Елизавета уже накрывала на стол.

* * *

Обещанные замом главного архитектора города Павлом Эмильевичем Семашко неприятности в виде решения местных властей о сносе старых домов по улице Герцена все еще не добрались до места назначения, поэтому Крутов решил упредить готовящийся удар лакеев Быченко и вплотную занялся оформлением «дворянской хаты» Качалиных в качестве памятника архитектуры.

Он обзавелся необходимыми бумагами в отделе культуры городской мэрии, сводил к себе две делегации инспекторов по землепользованию и оценщиков памятников старины, написал заявление о регистрации на имя мэра и взял в УВД подписанное Петром Качалиным письмо о содействии. С этими бумагами он добился приема у мэра, весьма занятого, но энергичного, неглупого и решительного человека, много сделавшего для ветлужчан, и к вечеру имел на руках документ, объявлявший дом номер семь по улице Герцена «памятником архитектуры девятнадцатого века федерального значения». Конечно, для таких деятелей, как Быченко, не существовало законов и правил, он вполне мог и проигнорировать решение мэра, однако теперь, начни он кампанию по сносу частного

сектора на понравившемся ему участке городской земли, шум поднялся бы изрядный. На какое-то время Крутов обезопасил свое жилище и уберег нервы жены от ненужного стресса.

В семь часов вечера за Елизаветой зашла Саша, поблагодарила Егора за его помощь мужу в изъятии денег на починку машины, и женщины убежали в ателье примерять платье, которое сшила Лизе подруга-свояченица. Крутов докрасил последнюю перегородку в доме — «под кирпич», полюбовался своей работой и в это время услышал шум автомобиля, остановившегося у дома. Выглянул в окно. Из подъехавшего темно-синего «Форда-Гэлэкси» неторопливо вылез мужчина в белой рубашке с галстуком и серых брюках, и Егор не поверил глазам — это был Зуб, Александр Зубко, подполковник ФСБ, командир антитеррористической группы «Витязь».

Через минуту они обнимались, хлопая друг друга по спинам, но, заглянув другу в глаза, Егор вдруг почувствовал странный толчок в сердце и озноб, «взъерошивший» кожу спины мурашками. Эта реакция подсознания, сторожевой системы организма, его крайне озадачила: так она реагировала только на сакки — ветер смерти, то есть на опасность, угрожающую жизни, между тем как к нему приехал приятель, с которым они провоевали бок о бок четыре с лишним года. И все же, привыкший доверять интуиции, Крутов мгновенно насторожился и привел себя в боевое состояние, но, чтобы не выглядеть смешным — что за вспышка подозрительности, в конце концов?! — в глазах Зубко, сделал вид, что безмерно рад визиту, и зажал чувства в кулак. Стоило обождать с выводами, разобраться в своих ощущениях, присмотреться к Александру, выяснить, с чем он пришел.

На улице быстро темнело, поэтому сели беседовать в «главной» гостиной дома — с камином; всего в доме было восемь комнат, «царские хоромы, а не жилая хата», как выразился Зубко, из них две спальни, две гостиных, рабочий кабинет, где Егор хотел установить компьютер, и столовая-кухня с электроплитой «Аристон», последним приобретением четы Крутовых.

— Давай выпьем по глоточку водочки, — предложил Егор.

— Не могу, — резко бросил Александр, но тут же поправился: — Извини, я на работе. Да и вообще в последнее время не принимаю, с души воротит.

— Я думал, ты один приехал, а ты с группой, — пошутил Крутов и получил странный взгляд Александра, встревоживший его еще больше и отбивший охоту шутить.

— Со мной двое, — пробормотал Саша, отводя взгляд.

— Кто-нибудь из наших? Так зови немедленно.

— Нет, ты их не знаешь.

— Ну и ладно, — добродушно отмахнулся Крутов, — давай хотя бы чайку выпьем, не возражаешь? Жена вкусные булочки принесла, любимчиками называются.

— Тогда уж лучше кофе.

— Кофе только растворимый, — с сожалением развел руками Егор. — Мы с Лизой его как-то не очень...

— Можно и растворимый.

Крутов принес на подносе кофе, булочки, сливки, налил себе чаю.

— Ну рассказывай, с чем пожаловал, по какому делу посетил наш медвежий угол. Неужели и здесь объявились террористы?

— Нет, я целевым назначением к тебе.

— О! — Егор с интересом посмотрел на изменившееся сосредоточенное лицо Александра. — Я понадобился начальству?

— Начальству, да не тому.

— Как тебя понимать?

— Мы хотим предложить тебе высокооплачиваемую работу.

— Очень интересно! — Крутов не подал виду, что удивлен. — И кто же это — мы? Надеюсь, не криминальные структуры?

Зубко бледно улыбнулся.

— С этой структурой ты знаком: Российский легион.

Егор засмеялся, но, вглядевшись в лицо приятеля, перестал.

— Ты шутишь?

— Отнюдь. Легион сейчас в фаворе у очень высокого лица... у президента... и работает легально. Хотя кое-какая его деятельность засекречена.

— Например, разработка психотронного оружия, — с иронией добавил Егор. Александр почувствовал иронию в тоне бывшего командира, но не отреагировал.

— В его задачи входило обеспечение секретности разработок и объектов, но не участие в самих разработках. Сейчас эта задача с него снята, он занимается более серьезными делами.

Крутов поднял бровь.

— Ты уверен, что мне это х о ч е т с я знать?

Зубко поднял на него взгляд и снова опустил.

— Лукич, ты можешь ни с чем не соглашаться, хотя это худший вариант из всех, но хотя бы выслушай. Легиону поставлена задача покончить с криминальным беспределом в стране, причем в сжатые сроки.

— Вот это масштаб! — не выдержал Егор. — Ни много ни мало — покончить — и все тут! А вы хоть представляете себе, что это означает? Придется ведь отдать под суд почти всю Думу и правительство!

Зубко порозовел, криво улыбнулся.

— Никто никого не собирается отдавать под суд. Создается особое подразделение для негласного уничтожения лидеров преступных группировок и мафиозных кланов. Создается также план по перекачке теневых капиталов в экономику страны, но это уже следующим этапом.

Крутов доел булочку, допил чай, размышляя, почему Саша перестал смотреть ему в глаза. Сказал наконец благожелательно:

— Все это прекрасно, все хорошо, прямо слезы умиления наворачиваются, но ты забыл одну прекрасную поговорку: благими намерениями вымощена дорога в ад. Не верю я твоему Легиону, хоть ты меня режь! Меня пробовал уговаривать мой бывший учитель и то не смог, а аргументы он приводил гораздо более значительные. Но вот чего я не понимаю, так это как вербовщикам Легиона удалось уговорить тебя. Чем они тебя соблазнили?

Зубко потемнел.

— Лукич, не будь ты моим...

— Я пошутил, — успокоил подполковника Егор, хотя на самом деле и не думал шутить. — Но все же интересно, каким образом ты оказался в рядах Легиона и стал активным его пропагандистом. Нет, серьезно, как они на тебя вышли?

— Это неинтересно. В одной из операций погиб Кока...

— Костя Морозов?! Когда, как?

Зубко поморщился.

— Долгая история... нас, по сути, подставили... Костя должен был отнести террористам «дипломат» с деньгами, но они запсиховали, ему приказали вернуться...

— Дальше, дальше, не тормози.

— Он почему-то не послушался... и его убили... в спину...

— Свои?!

— Нет. Снайпер был чужим и, как оказалось, «зачищал» следы.

— Ничего не понимаю! Какие следы? Откуда ты знаешь о снайпере? Да не тяни ты!

— Кока был... зомбирован.

— Что?! — Крутов в изумлении придвинулся к столу, сбил на пол чашку, но успел подхватить ее на лету. — Костю зомбировали?! Кто? Откуда у тебя такие сведения?

— Лукич, не допрашивай, не дави на психику, все узнаешь, если...

— Если соглашусь работать на вас. А если нет? Вы и меня зомбируете? И не легионеры ли «зачистили» Коку? Сначала испытали на нем что-нибудь вроде «глушака», а потом убрали, чтобы не произошло утечки информации. Не так все было?

— Лукич...

— Что Лукич?! — Крутов притянул к себе Зубко за отвороты рубашки. — Я прав? Говори!

— Руки! — послышался сзади уверенный хрипловатый голос. — Встать!

Егор оглянулся, отпуская Александра. На него от дверей поверх необычно толстого ствола пистолета смотрел незнакомый молодой человек в джинсовой безрукавке и джинсах, очень загорелый, поджарый, мускулистый, ощутимо сильный, с необычайно светлыми и какими-то м е р т в ы м и глазами.

— Заканчивай! — скомандовал он жестко, обращаясь к Зубко. — Объясни ему положение.

Александр встал из-за стола, не глядя на Крутова, бледный и подавленный, бросил хмуро:

— Не могу я!..

— Надо было сразу мне идти, — процедил сквозь зубы светловолосый, передразнил приятеля: — «Уговорю, уговорю...» Уговорил?

— Он бы тебя на порог не пустил, не то что разговаривать.

— А я бы с ним не разговаривал.

— Джентльмены, может быть, вы сообщите, что происходит? — осведомился Крутов, с холодком в душе осознавая, что пистолет в руках незнакомца вовсе не пистолет, а «глушак».

— Прости, командир... — Зубко пошел к двери, все так же избегая взгляда Егора. — Я хотел по-хорошему... чтобы ты понял...

— А ты объясни, чтобы я понял. Или тоже зомбирован, как этот тип? Как Морозов?

Зубко споткнулся на полпути к двери, замер, спина его напряглась, что означало — он принял решение, и в тот же момент Крутов прыгнул к нему, рассчитав траекторию прыжка так, чтобы Александр телом перекрыл директрису выстрела из «глушака».

Расчет оказался верным: светлоглазый гость все же промедлил и выстрелил в тот миг, когда Крутов уже был за спиной Зубко. Но полностью погасить разряд генератора Александр не мог, часть излучения все же проникла сквозь его тело и достигла головы Егора.

Впечатление было такое, будто внутри головы взорвалась граната, но не разнесла череп и тело на части, а превратила их в чугунные гири, с которыми не могли справиться мышцы, в тяжелейшие слитки металла, которые невозможно было сдвинуть с места. Сознание, однако, Егор не потерял, просто на некоторое время оглох, причем от какого-то «внутреннего» шума — вибрировала каждая клеточка тела, и потерял способность ощущать течение времени. Восприятие мира для него разбилось на пунктирное озарение: вспышка — прекрасное состояние эйфории с отчетливой картиной действительности, спина Сани Зубко перед глазами, интерьер гостиной — темнота; еще вспышка — снова удивительное ощущение отсутствия тела, полет, невесомость, впереди незнакомый парень с пистолетом, Саши уже нет, он упал — темнота; вспышка — искаженное лицо незнакомца, падающий пистолет, бесшумный просверк чьей-то ладони, прозрачный вихрь движения — темнота; и, наконец, последнее «тире пунктира» — тело на полу, склонившаяся над ним фигура в белом балахоне, с копной седых волос...

Очнулся Крутов, сидя на полу у стены гостиной, спиной к реставрированным фрескам. Прислушался к себе, удивляясь не слабости, разлившейся по телу, а отсутствию боли или других негативных ощущений после разряда «глушака». Посмотрел на два тела на полу: Саша лежал головой к двери, его напарник головой от порога. А рядом стоял высокий мощный старец, правда, не в балахоне, а в старинной русской рубахе чуть ли не до колен, с вышивкой на воротнике и груди, подпоясанный красным кушаком. Это был дед Спиридон.

— Оклемался, воин? — прогудел он в бороду. — Как себя чувствуешь?

— Как утопленник.

— Беречься надо, не доводить ситуацию до аховой. Аль не видел, что это за люди?

— Один из них мой... друг.

Спиридон покачал головой, наклонился к напарнику Зубко, вытащил у него из-под руки пси-генератор, внимательно осмотрел.

— Придумают же люди! Такого пужала я еще не видел.

— Это «глушак». — Егор, облившись потом, встал, схватился за стену — голова внезапно закружилась. — Дьявол!

— Не поминай нечистого всуе! — строго проговорил Спиридон. — Приляг, я сейчас полечу.

— Не надо, я сам. Как вы здесь оказались?

— Мимо шел, — дед усмехнулся, бросил «глушак» на стол, — случайно. Дай, думаю, загляну к военному человеку.

— Вовремя заглянули, — пробормотал Крутов. — Еще бы немного, и он бы меня окончательно ухайдокал. Как вам удалось его нейтрализовать? Не научите?

— А надобно?

— Похоже, что да.

— Потом. Кто эти люди и почему они напали?

— Долгая история...

— А я не спешу.

— Там третий в машине.

— Не беспокойся, он спит.

Егор выпрямился, не сводя вопросительного взгляда с родственника Елизаветы, и дед ответил сверкнувшим, словно молния, притягивающим и одновременно отталкивающим взглядом.

— Рассказывай все по порядку.

Доковыляв до стола, Крутов осушил целую кружку остывшего чая, сел на диван и, прикинув, с чего начать, принялся рассказывать историю своего появления в Жуковских лесах. Через пятнадцать минут закончил, выжидательно посмотрел на деда Спиридона, по лицу которого совершенно невозможно было прочитать, о чем он думает. Молчание затянулось. Дед о чем-то размышлял, оглаживая широкой ладонью бороду и глядя в пол, Егор тоже думал, в первую очередь о том, что напрасно все рассказал. Философия добра и мира, которую исповедовал столетний старец, вряд ли согласовывалась с мировоззрением Крутова, укладывающимся в слова «адекватный ответ».

— Но сюда я приехал не воевать, — добавил Егор, словно оправдываясь. — Честное слово, хочется жить мирно и тихо. Я вдруг понял, что для счастья человеку много не надо: любимая женщина да свой угол...

Спиридон Пафнутьевич внезапно улыбнулся.

— Вот тут ты ошибаешься, сынок, много надо. Семья и дом, здоровье, хлеб и соль, поле деятельности, приносящее плоды. Плоды как материальные, так и духовные. Чтобы и хлеб был на столе, и песня в душе, и детская улыбка, и теплое супружеское ложе, и чтобы хорошие соседи, и чтобы не топтали твое поле вооруженные люди, и не просили милостыню грязные бездельники, коих развелось на Руси слишком много, да чтобы тихий восход солнца...

Дед вперил в Егора свой загадочный, меняющийся, изредка вспыхивающий с и л о й взгляд.

— Очень много чего человеку надо для счастья, и нет греха в том, что он пытается это защитить.

Крутов проглотил ком в горле, не ожидая одобрения из уст адепта русской белой магии. Тот улыбнулся, но тут же стал суровым и властным.

— Ты поступил правильно, сынок, но есть и другие пути и возможности наказать супостатов. Мы об этом еще поговорим. А сейчас надо решить, что делать с ними.

— Они зомбированы... то есть подчиняются заложенной в мозгу программе. Если бы я мог депрограммировать их...

— Ну это не так уж и сложно. Я в и ж у т ь м у в голове у каждого и могу ее рассеять. С кого начнем?

— С Александра, вот с этого, — оживился Крутов, уже ничему не удивляясь.

Спиридон склонился над лежащим ничком Зубко, поводил руками над его телом, положил ладонь на затылок и застыл в такой позе. С изумлением и благоговейным ужасом Крутов увидел, как ладонь деда налилась теплым розовым свечением, это свечение струйками потекло вокруг головы Саши, потом разом всосалось в волосы и погасло. Спиридон отнял руку, разогнулся, глядя на Александра. Тот вдруг пошевелился, застонал, дотрагиваясь руками до висков и затылка, с трудом сел, глядя перед собой бессмысленным взглядом. Но вот глаза его прояснились, он увидел тело своего напарника, напрягся было, хватаясь за карман брюк, где у него лежал пистолет, но вдруг обнаружил, что находится в комнате не один. Посмотрел на возвышавшегося над ним башней деда Спиридона, перевел взгляд на сидевшего на диване Крутова.

— Что здесь происходит, командир?

— Как ты себя чувствуешь?

— Хреново... будто по мне асфальтовый каток прошелся...

— Твой приятель выстрелил в тебя из «глушака».

— Зачем?! Откуда ты?.. — Александр осекся. Глаза его расширились, потемнели. Он вспомнил, где и почему здесь находится. Перевел взгляд на тело напарника.

— Он...

— Жив, Спиридон Пафнутьевич его просто усыпил.

— Кто это?

— Родственник моей жены. А теперь сядь со мной, сосредоточься и вспомни, где, кто и как тебя зомбировал. Только не горячись. Ты был запрограммирован, а мы эту программу сняли.

Взгляд Зубко заледенел, застыл, лицо покрылось бледностью, на лбу выступил пот, однако программа самоликвидации, внедренная в мозг при зомбировании, не сработала, дед Спиридон действительно рассеял т ь м у в сознании Саши.

— Черт! Мне... я был... не помню! — Зубко с силой потер лоб, ошеломленно глянул на взиравшего на него Спиридона. — Мне было приказано...

Крутов помог Александру встать с пола, усадил на диван.

— Колись, подполковник, и благодари бога, что есть на свете люди, способные вдохнуть душу в мертвое тело.

— Ну я, пожалуй, пойду, сынки, — сказал старик. — Вы тут теперь и без меня управитесь. Этого вашего дружка не трогайте, он будет спать еще долго, но ничего не вспомнит. Заходи, Егор Лукич, поговорим.

И Спиридон исчез. Вот он стоял посреди гостиной внушительной глыбой, чуть ли не доставая макушкой потолка, а вот и нет его, только ветерок пронесся по залу и вздул кисейные занавески на окнах.

— Я сплю... — сипло пробормотал Зубко. — Это лишь дурной сон... Как он это сделал? Мистика какая-то!..

— Не знаю, — признался Егор. — Но это не сон и не мистика, Саня. Это проявление сил, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Есть какая-то система, очень древняя, славянская, уходящая корнями в наших предков — арктов...

— Ариев, ты хотел сказать?

— Арии, как и русские, и индийцы, тоже потомки арктов, северного народа, населявшего когда-то в незапамятные времена материк на месте Северного Ледовитого океана. В общем, это великая тайна, кладезь эзотерических знаний наших предков, черпать из которого может далеко не каждый.

— А ты?

— Я не исключение, Саня, я воин, и путь мой во мраке... Если повезет, может, и мне приоткроется какая-то щелочка к знаниям предков. Но давай вернемся к суровой действительности. Ты понял, что был зомбирован?

— Как он это сделал, твой дед-колдун? Как ему удалось меня декодировать?

— Не знаю, — начал терять терпение Егор. — Он целитель и маг, он многое может. Ты же видел, как он исчез? Что будем делать, подполковник? Как ты теперь вернешься назад, зная, что тебе приказано завербовать меня?

— Еще не думал. — Зубко сморщился, помотал головой, потер затылок. — Дьявол! Надо же было так бездарно влипнуть! Я же знал, чувствовал, что там засада...

— Где? Рассказывай.

Александр подошел к напарнику, наклонился над ним, покачал головой и вернулся.

— Надо же, в самом деле спит, как младенец... так вот, после гибели Коки я с Серегой...

— Погореловым?

— Да... кстати, он тоже...

— Зомбирован?!

— Так получилось. Мы с ним решили выяснить, кто стрелял... — И Зубко поведал о своем поиске и о том, как нашел квартиру, где сидел снайпер в ту злополучную ночь и где Александра ждала засада. — Дальше я ничего не помню. Очнулся в каком-то помещении, забитом аппаратурой, кругом люди в белых халатах, голова гудит и кружится, а на меня смотрит какой-то человек, громадный, как скала, под стать твоему деду, с мясистым лицом, с мощными бровями. Увидел, что я глаза открыл, улыбнулся, а меня от его улыбки чуть не вырвало... снова сознание потерял. И окончательно пришел в себя уже на базе. Как там оказался — не понял.

— И все?

— На другой день ко мне подошел новенький, недавно пришел в группу, и сказал два слова: тотус — мизер...

— Пароль. Кто-то из твоих программаторов играет в преферанс.

— Может быть. И я все вспомнил, вернее, вспомнил, что со мной сделали и что надлежит сделать мне.

— Кто с тобой... экспериментировал, помнишь? И где находится лаборатория с аппаратурой зомбирования?

Зубко опустил голову.

— Нет, это они постарались скрыть. Но кое-что я все-таки не забыл: интерьер помещения, этого глыбообразного доктора с мясистым лицом, его ассистента... Ничего, вычислю и остальное. А тогда берегитесь, сволочи! Я вам предъявлю счет!

— Тебе придется терпеть и ждать момента, в одиночку с ликвидаторами Легиона не справиться. Какое задание ты от них получил?

— Склонить тебя к сотрудничеству с руководством отдела спецопераций Легиона. В случае неудачи...

— Понятно, уничтожить.

— Нет, это в последнюю очередь. Сначала зомбировать. Пси-кодирование со временем заметно снижает возможности человека, но все же некоторое время он способен действовать эффективно. Если же он перестает думать, его «гасят».

— Понятно. Зачем нужен агент, потерявший способность действовать без ошибок? Круто работают ребята! Чем же занимается этот ваш отдел спецопераций?

— Спроси что-нибудь полегче. Знаю лишь одно: он работает под вывеской палаты мониторинга психологического состояния населения страны при Совете безопасности.

— Куда ты должен был доставить меня в случае моего... э-э, несогласия работать на Легион? Случайно не в Лыткарино?

Зубко резко поднял голову и... опустил, сказал глухо:

— Мы только что оттуда. Первой моей задачей была ликвидация объекта. Тебя я должен был отвезти в Москву.

— Значит, одна из пси-лабораторий там, где зомбировали и тебя. Поступим иначе. Когда вернешься, скажешь, что я сопротивлялся, попытался отобрать «глушак» и тебе пришлось меня убрать. На какое-то время я выпаду из поля зрения Легиона, а там что-нибудь придумаем. Тебе же придется играть роль зомбированного и дальше. Справишься?

— Куда я денусь? — усмехнулся Зубко. — Разве у меня есть выбор? От ищеек Легиона не сбежишь, и в Африке отыщут. Что делать с ним? — Саша кивнул на спящего напарника. — Каждый агент, подвергшийся зомбированию, имеет свой код, свой пароль. Стоит его назвать, и человек превращается в робота, послушно исполняющего приказы того, кто назвал пароль. Но кода Юозаса я не знаю.

— Как ты его назвал?

— Юозас, он латыш, Юозас Аузиньш.

— Новенький из твоей группы?

— Да, служил где-то в погранвойсках, если верить досье на него. Но я не верю, скорее всего парень работал в каких-то спецорганах. И этого человека лучше не декодировать, он все равно не станет с нами работать.

— Дед сказал, что усыпил его как-то по-хитрому, так что он ничего не будет помнить. Скажешь ему, что ты ликвидировал меня лично после того, как я напал на него и оглушил. Давай перенесем его в машину, пока жена не пришла. Не хочу ее расстраивать.

Они перетащили спящего Аузиньша в салон «Форда», пересадили спящего водителя на пассажирское сиденье и попрощались.

— Как тебя найти? Ты все еще на базе обитаешь? Телефон не изменился?

— Запомни на всякий случай еще один, — Зубко продиктовал номер. — Это телефон одной моей знакомой, живет на Нижней Масловке. Если не найдешь меня на базе, она будет знать, где меня искать. Прощай, командир, не поминай лихом.

— Ты не виноват.

— От этого на душе не легче. Спасибо деду скажи за то, что очистил от скверны. — Голос Саши изменился. — Но я жизнь положу, чтобы достать эту сучью контору!

— Будь осторожен.

— Ты тоже.

Они обменялись рукопожатиями, мгновение смотрели друг другу в глаза, потом Саша резко повернулся и нырнул в кабину, на место водителя. Взревев мотором, «Форд» умчался прочь, поднимая за собой хвост пыли, почти невидимый в свете далекого фонаря. Крутов остался стоять, глядя ему вслед, пока из темноты с противоположной стороны улицы не появилась Елизавета и не окликнула его.

АЛТАЙ

ФЕДОТОВ — КОРНЕЕВ

Два дня он прятался у двоюродного брата Алексея в деревне Малый Пролом под Бийском, остро ощущая нехватку прежней команды оперативников, какой руководил, будучи полковником военной контрразведки. Будь с ним хотя бы пара ребят, профессионалов «наружки», можно было бы спать спокойно, перегрузив на них наблюдение за подходами к дому; ни один подозрительный человек не миновал бы их бдительного ока. Теперь же все приходилось делать самому: создавать ложные схроны, наблюдать за всеми приезжими, анализировать ситуацию и менять «лежку», если обнаружится слежка.

Родственников и знакомых в Бийске и по всему Алтаю у Ираклия было немало, но лишь одному из них он мог рассказать о своих проблемах, да и то в сильно усеченном виде, — мужу двоюродной сестры Паши, капитану ФАПСИ[1] Михаилу Болдыреву, работавшему представителем своей серьезной организации в Бийске, под «крышей» АО «Алтай-Тур». С виду это акционерное общество закрытого типа занималось организацией туристических походов по Алтаю, на самом же деле представляло собой современный центр связи и обработки информации, оборудованный мощными компьютерами «Макинтош» и «Пентиум-II», а также аппаратурой космической спутниковой связи. Именно Миша Болдырев помог Ираклию определить координаты базы ЛООС Российского легиона — по документу, отобранному у Юрия Зиновьевича Демчина, поручика II Контрольного управления, которого Ираклий с Корнеевым захватили в лесу. И он же, капитан Болдырев, предложил Федотову возглавить местное отделение Боевого братства, объединяющего бывших офицеров и солдат, участников региональных войн на территории СНГ.

---

[1] Федеральное агентство правительственной связи и информации.

Чем капитан занимается в своем АО «Алтай-Тур», он Ираклию впрямую не сообщил, но из разговоров с ним Федотов понял, что Миша — хакер, хотя и на государственной службе. В задачи Михаила входило выявление массивов информации, представляющих угрозу безопасности существующему строю, то есть выявление неких конкурентных структур, в том числе политических и криминальных, а также «поиск полезных информационных образований, представляющих интерес для секретных технологий». Что стоит за этой обтекаемой формулировкой, можно было только догадываться. Скорее всего отдел Болдырева занимался технологической разведкой Среднеазиатского региона.

О существовании Российского легиона капитан тоже знал и сообщению Ираклия не удивился.

— Это очень серьезная контора, — сказал он Федотову при встрече. — Странно, что она имеет к тебе какие-то претензии. Мы получили приказ не совать свой нос в их дела. Я, конечно, покопаюсь в файлах, мне доступных, но сделать что-нибудь сверх того не смогу. И чем тебе помочь, не знаю. Я даже начальнику отдела не могу рассказать о твоих проблемах, несмотря на то что ты бывший коллега. Вот когда возглавишь Братство, тогда я и предложу твою кандидатуру в качестве нештатного сотрудника.

— А сейчас не можешь? Я все-таки полковник.

— Был, — хмыкнул Михаил, по молодости лет не признающий авторитетов. — Сейчас мое предложение не прозвучит, да и репутацию ты себе подмочил в своей конторе. А вот президент Боевого братства — это фигура.

— Понял, — усмехнулся Ираклий. — Любите вы людей с цацками на груди, как в добрые советские времена.

— Так ведь все мы оттуда, из тех времен и отношений, а тем более мой начальник, подполковник Габрилович, которому в декабре стукнет пятьдесят. Может, поставят кого помоложе?

— Ты не желаешь занять его место?

— Нет, — серьезно ответил Михаил. — Неинтересно. Я компьютерщик, программист, взломщик се... — он прикусил язык. — В общем, начинай трудовую деятельность в Братстве и приходи. Буду рад помочь.

После этого разговора Ираклий еще сутки отсидел у брата в Малом Проломе — почему так назвали деревню, ему так никто и не признался — и вернулся в Бийск. Через день он заявился к начальнику департамента занятости населения, занимающему кабинет в здании мэрии, и сказал, что согласен

возглавить новую неполитическую общественную организацию Боевое братство.

Формальности с регистрацией Братства были преодолены быстро, в течение двух дней, хуже дело обстояло с помещением для новой организации, но в конце концов решился и этот вопрос: Боевому братству был отдан во временное пользование полуподвал старого бийского цирка на проспекте Маршала Буденного, а спонсор — местный «Горный банк» — в лице его президента Игоря Новикова обещал в скором времени предоставить помещение в строящемся бизнес-центре на площади Георгия Победоносца.

Уже в пятницу восемнадцатого сентября Федотов приступил к обязанностям президента, или, как ему предложили назвать эту должность, генерала Братства; видимо, инициаторам создания ББ нравилась иерархия древних тайных орденов, потому что наравне с генералом они предложили называть руководителей рангом пониже инспекторами, рыцарями и мастерами, а рядовых членов Братства — кавалерами. И первое, что сделал новоиспеченный генерал, так это создал службу безопасности Братства, отобрав для этой цели десять бывших офицеров спецназа, воевавших в Афганистане и Чечне и согласившихся работать на благо своих соратников.

Конечно, Ираклий понимал, что мизерной зарплатой и красивыми словами об «офицерской чести» людей в службу не заманишь, и предпринял кое-какие меры, чтобы обеспечить рискующим жизнью ребятам сносный заработок. Для этого он договорился о встрече с президентом «Горного банка», тоже бывшим афганцем, Игорем Новиковым, и выложил ему все свои проблемы. Тот выслушал Федотова спокойно и тут же предложил помощь Братству в создании собственных фирм и обществ, приносящих доход. Одной из таких фирм мог стать Бийский леспромхоз, акции которого недавно приобрел банк, а также оружейный магазин, об открытии которого говорили уже давно. И еще одна идея зрела в голове Новикова — создать «салон бронемоды».

— Не понял, — признался Ираклий, с удивлением присматриваясь к президенту банка, приятному молодому человеку с тихим голосом, уверенными манерами и жестким умным взглядом. — Что еще за салон такой?

Новиков улыбнулся.

— Не секрет, что террористические акты против бизнесменов, банкиров, владельцев фирм и членов их семей приобретают характер национального бедствия. В столице бизнесме-

ны уже отреагировали на это созданием «индустрии страха», то есть сети магазинов, продающих бронежилеты.

Ираклий скептически покривил губы.

— Кто их будет покупать в нашей глуши, а тем более носить каждый день?

— Речь не идет о тяжелых армейских бронежилетах. Эксперты по бронированию совместно с модельерами разработали совершенно оригинальные кожаные и замшевые пиджаки, смокинги, джинсы, вечерние платья и даже купальники с пуленепробиваемой прокладкой из кевлара и отечественной суперкерамики. Я видел титановые каски, замаскированные под женские шляпки и мужские кепки, плащи с кевларовыми волокнами и даже галстуки. Между прочим, все они выдерживают удар пули от «магнума-357» или автомата «узи». Почему бы нам в Бийске не открыть такой магазинчик? Спрос будет, бизнесменов у нас становится все больше и больше, и все хотят жить. Деньги на первое время найдем, подыщите только людей.

— Попробую, — сказал заинтересованный, хотя и сомневающийся в успехе дела Ираклий. — Но ответьте мне на один больной вопрос. Вы вложили определенную сумму в создание Братства, какую именно отдачу вы хотите иметь? Зачем вам этот геморрой с его содержанием? Рассчитываете получить какую-то прибыль или... использовать для каких-то других целей?

— Вас это сильно беспокоит?

— Признаться, да. Я хочу знать пределы своей свободы, размер моего долга и то, что от меня потребуют взамен.

— Резонно, — кивнул Новиков. — Чувствуется, что вы профессионал. А на ваш прямой вопрос есть лишь один прямой ответ: банк — не благотворительная организация, хотя, конечно, может отстегивать какие-то суммы на благотворительные цели, на меценатство и поддержку предпринимателей среднего звена, но ему требуется и защита. Я надеюсь, что ваше ББ станет нам в этом смысле опорой и «крышей». На органы правопорядка, к сожалению, надежды мало.

— Я понял. — Ираклий встал, прощаясь. — Думаю, это реально.

Разговор происходил в субботу утром, а уже вечером Ираклий заметил за собой слежку. И понял, что его надежды на то, что ЛООС — служба Российского легиона по ликвидации особо опасных свидетелей — не станет доводить свое дело до конца, не оправдались. Неудача с покушением на жизни бывших контрразведчиков в лесу ее не обескуражила, а просто заставила искать другие пути к цели. Хорошо, что я не женат, вспомнил слова Корнеева Ираклий, вдруг понимая, насколько тот прав. Было бы намного труднее сохранить независимость и свободу маневра. Но мысль была одновременно и грустной: время уходило, менялись привычки, вечное движение уже не казалось нормальным образом жизни, все труднее становилось заставлять себя срываться с насиженного места, хотелось хоть изредка иметь возможность отдохнуть в уюте и покое и чувствовать рядом женщину... а может быть, и детей... пару сорванцов, к примеру.

Ираклий улыбнулся этим неожиданным мыслям, но в кабинете он был не один и постарался принять соответствующий статусу генерала вид.

— Собирайтесь, — бросил он начальнику охраны офиса Евгению Никитину, — поедем в леспромхоз, посмотрим, в каком состоянии наше приобретение, можно ли на нем заработать.

Выехав из Бийска, он и обнаружил слежку: их потрепанный «УАЗ» сопровождал черный «Гранд-Чероки» с затемненными стеклами.

* * *

С него не требовали соблюдения церковных правил и законов общежития, а также не диктовали условий отношения к высшим служителям церкви, Корнеев сам избрал линию поведения с ними, основанную на уважении к сану и одновременно на отторжении какого-либо диктата над собой. Он так и сказал протодиакону Димитрию, на что этот молодой дюжий — косая сажень в плечах — священник, отвечающий за охрану монастыря, ответил вполне в духе мирянина:

— Как бы ты ни поступил, человече, ты все равно будешь жалеть об этом. Во всем, что касается тебя лично, ты волен поступать так, как велит тебе твоя совесть, что же касается службы, ты можешь только советовать, как поступить, но не требовать немедленного исполнения приказов. Мы не солдаты, хотя многие из нас, занятые святым делом охраны сановных особ, прошли мирской путь войны. Среди нас есть даже бывшие офицеры спецназа.

— Я думал, буду такой один, — пробормотал Сергей.

Протодиакон улыбнулся.

— Я тоже когда-то был лейтенантом спецслужбы. Может быть, господь специально дал мне такой путь, чтобы я стал полезен ему в будущем как защитник веры и церкви. Я понимаю, ты решился прийти к нам не от хорошей жизни, но не

сожалей об оставленной части души, взамен получишь другую. Бог справедлив, он даст то, что ты заслужил.

— Почему-то раньше я этого не ощущал, — пробормотал Корнеев.

Беседовать с Димитрием ему приходилось чаще, чем с другими монахами Дягилевой пустыни, иеродиаконом, архидиаконом и настоятелем-игуменом, которого он лицезрел лишь однажды, но ощущение монолитности, веявшей от духовной общины монастыря, от этого не уменьшалось. Каждый служитель как бы нес в себе силу остальных, и трогать его — означало будить эту скрытую силу, способную отреагировать не только смирением или словесным порицанием, но и физически, в материальном плане. Тем более непонятной для бывшего майора контрразведки была реакция церкви на некую опасность, заставившую ее создать особую полумирскую-полумонашескую службу защиты церковных объектов и охраны высших священнослужителей.

Во время визита к игумену монастыря отцу Иоанну Корнеев все же не удержался и напрямую спросил его об этом:

— Простите меня, святой отец, если я слишком любопытен, но мне до сих пор непонятна ваша суета. Что угрожает церкви? Почему вы забеспокоились? В чем видите опасность?

Убеленный сединами отец Иоанн, пожелавший познакомиться с человеком, которого прочили в начальники службы безопасности Алтайской православной общины, благожелательно взглянул на Корнеева, но ответ дал странный, обтекаемый, требующий размышлений:

— Сын мой, опасность весьма велика, однако назвать ее конкретные приметы я не могу. Знаю одно: Сатана, — тут игумен осенил себя крестом, — решил подняться из ада к нам и пустил вперед свое воинство. Остальное ты обсудишь с теми, кто непосредственно занимается этими проблемами.

— Как же я смогу работать, не зная, кто покушается на... э-э, церковь? — пожал плечами Корнеев. — От кого я должен буду ее защищать?

— Атака Сатаны началась не сегодня и не вчера, а давно, когда образовались первые компьютерные сети. Мы тоже пользуемся этими изделиями ума и рук человеческих, но очень осторожно, каждый раз изгоняя из них дух нечистого. Тебе придется привыкнуть к этой процедуре, сколь бы смешной она тебе ни показалась.

— Не покажется.

— Тогда начинайте, благословясь, и да поможет нам бог!

Игумен осенил крестом Сергея, и Димитрий увел майора из

кельи настоятеля. Затем началось знакомство Корнеева со службой, и тут ему пришлось убедиться в том, насколько основательно поставлена охрана у невоенных людей.

Отдел специального назначения Русской Православной церкви занимал в Бийске отдельный приход, то есть специально построенное двухэтажное здание, замаскированное под реставрируемую ветхую церквушку с черненым куполом, в которой даже самый придирчивый взгляд не заметил бы ничего необычного. Мало ли таких церквушек реставрируется по Руси? На самом же деле внутри церковь представляла собой самый настоящий суперсовременный деловой центр, нашпигованный компьютерами, факсами, аппаратурой связи, телекамерами и электронными системами охраны тайны. Попасть в него можно было только при наличии специальной магнитной карты и дактилоскопической проверки, входов же в центр было восемь, причем шесть из них были подземными и начинались в полукилометре от него, замаскированные под разного рода хозяйственные постройки, магазины, другие церкви, конторы и склады.

Структура службы была многоуровневой и мало чем отличалась от структур действующих российских спецслужб. Она имела отделы анализа и обработки информации, разведки, контрразведки, исполнения поручений, дипкурьерской почты, связи, технического обеспечения, выработки решений и этического воспитания. Отличалась эта секретная епархия церкви от родственных ей структур лишь наличием «департамента веры», то есть службы архимандрита, следящей за соблюдением церковных обычаев, и «святой инквизиции», играющей роль внутреннего политотдела. Занималась эта суровая организация выявлением «антихриста» в собственных рядах, по сути выполняя задачи внутренней контрразведки. Что подразумевалось под «этическим воспитанием», Сергей узнал гораздо позже. Ошеломленный размахом деятельности церковной службы безопасности, он долго не мог прийти в себя. До знакомства с ней он понимал, что задачи охраны священнослужителей должны решаться в нынешнее время достаточно современными методами, а главное, незаметно и эффективно, однако не представлял себе, насколько все это серьезно. Особенно его поразило техническое оснащение центра, включающее компьютеры последнего поколения и комплекс спутниковой связи.

Отец Димитрий (Сергей не сразу привык называть протодиакона, который был лет на семь моложе его, отцом) понимал чувства новоиспеченного главы отдела и не торопил с вы-

ходом на работу. Вдобавок оказалось, что он занимает здесь гораздо более высокий, чем в церкви[1], пост главы отдела контрразведки. Но Корнеев не стал тянуть с приемом дел и уже на второй день после ознакомительной экскурсии занял свое рабочее место, напоминавшее монашескую келью и кабину космического корабля одновременно. К отцу же Димитрию он проникся таким доверием, что решился рассказать ему почти всю историю, происшедшую с ним и Ираклием в Жуковских лесах, закончив ее нападением ликвидаторов Легиона во время охоты в долине Чулышмана.

— Теперь они наверняка будут искать нас здесь, — добавил он, на что протодиакон с мягкой улыбкой ответил:

— Мы уже приняли кое-какие меры, пусть ищут.

— Так вы... знали?! — не поверил ушам Корнеев.

— Поскольку ты был кандидатом на протопресвитерскую должность...

— Какую?

— Начальник отдела спецназначения имеет сан протопресвитера, что примерно равняется чину полковника в мирских службах. Так вот, поскольку ты проходил проверку, мы должны были...

— Следить за мной?

— Божье око не следит за человецем, и мы должны подстраховываться. Прости, если это задевает твои чувства.

Корнеев гневно сдвинул брови, но подумал и успокоился.

— Это разумно, на вашем месте я сделал бы точно так же. Итак, вы изучили мое досье и проверили в деле...

— Иначе не пригласили бы. Что же касается твоих врагов, то они и наши враги, враги церкви, враги России. Все, кто будет работать с нами, работают не за деньги, не за коммунистическую или какую-то другую идею, и даже не во имя церкви, но во имя России. Вскоре ты убедишься в этом сам.

И Корнеев убедился, разбираясь в файлах персонального компьютера начальника отдела, скрывающих такие сведения о деяниях политиков и спецслужб страны, что волосы дыбом вставали на голове. Но все же более удивительной для Сергея оказалась не информация, а процедура «изгнания беса» из компьютера при каждом его включении.

Для этого действа всегда требовалось присутствие двух священников-монахов, один из которых, обладающий, наверное, большей духовной силой, должен был иметь сан не ниже

[1] Протодиакон — третья ступень в иерархии священнослужителей после иподиакона и диакона.

архидиакона. Именно он начинал процесс «экзорцизма», обнося процессор, монитор и клавиатуру зажженной свечой (свеча должна была гореть рядом и потом, во время работы) и шепча молитвы. Затем он же, когда компьютер включался, осенял его крестом, в то время как второй монах бил поклоны и призывал светлые силы небесные «не пущать нечистого» в это «орудие человеческого ума». Самое интересное, что при этом происходило как бы мгновенное отключение компьютера от сети — экран мигал, индикаторы на «морде» процессора тоже, а потом по экрану сверху вниз пробегала ослепительная белая полоса, словно стирая следы чьего-то присутствия.

От этой процедуры у Сергея холодела спина, хотя ни во что сверхъестественное он не верил с детства.

— Объясни мне, святой отец, — сказал как-то Корнеев Димитрию, — кого вы изгоняете из аппаратуры? Вы что, всерьез верите, что там кто-то сидит?

— Пока еще нет, — без обычной улыбки ответил протодиакон. — Но на все достаточно мощные компьютерные сети наложена «печать Сатаны». Мы просто нейтрализуем ее, ставим нечто вроде духовного запрета на ее пути в наши машины. В противном случае то, над чем мы работаем, давно стало бы достоянием Сатаны.

— Что это за «печать»?

Димитрий задумался.

— Скажем так: это некая программа, виртуальная реальность, поддерживаемая эманацией нечистых сил. Войти в нее легко, выйти — очень трудно. Примером могут послужить современные компьютерные игры, в которые играют и молодежь, и старики, и зрелые люди по многу часов кряду, уходя из реальной жизни в псевдожизнь, эрзацбытие, губя здоровье и душу. Для того чтобы быть в курсе мировых событий, мы вынуждены пользоваться и телевизорами, и компьютерами, то есть современной техникой, страхуясь при этом от проникновения в наши умы и души чужих программ.

— Вы очень хорошо разбираетесь в современной терминологии, батюшка. Дань моде?

— Дань времени, брат мой.

— Но вы всерьез при этом считаете, что ваши молитвы и свечи не пустят этого самого... нечистого.

— Молитвы и свечи — лишь атрибутика веры, на самом деле каждый раз мы инициируем духовный потенциал верующих, так называемый эгрегор. Это — реальная сила. Но ты кое в чем прав, «печать Сатаны» наши молитвы снимают, а вот от атаки духовной самого нечистого не спасут. Над этой пробле-

мой работают другие люди, в том числе и священнослужители. Нам же поставлена задача поскромней: не допустить проникновения к нам воинства Сатаны. В большинстве своем это обыкновенные люди, зомбированные с помощью некоторых технических систем, и придут они с невиданным оружием в руках, подавляющим волю, убивающим души.

— «Глушак»... — пробормотал Корнеев.

— Как ты сказал?

— Я имел в виду пси-генератор, разработчики называют его «глушаком». Мы столкнулись с ними в Жуковских лесах.

— Да, это и есть оружие Сатаны. Вернее, оружие первого уровня. Но есть и второго и третьего.

— Откуда вы знаете?

— Работаем, — улыбнулся отец Димитрий.

— И о Российском легионе знаете?

— Вся информация хранится в твоем компьютере, брат мой, знакомься. Планами и текущей работой займемся позже.

— А до меня кто был у вас начальником отдела?

— Он... ушел, — уклончиво ответил протодиакон.

— Погиб? — деловито уточнил Сергей.

— Нет, перешел на другую работу, или, как говорят, пошел на повышение. Он теперь в Москве, при патриархии.

— Так он священник?

— Нет. — Димитрий перевел разговор на другую тему, и Сергею оставалось только гадать, что за человек управлял церковным спецназом на Алтае и как ему удалось получить доступ к Московской патриархии.

В субботу утром он позвонил Федотову на его новое место работы:

— Ну как твое ББ?

— Нормально, — ответил Ираклий. — Начинаем функционировать. А твоя «святая дружина»? В монахи еще не постригся?

— Меня не возьмут, больно грехов много накопилось. Вот сделаю что-нибудь хорошее для паствы, может быть, часть грехов и сниму с души. Кстати, монахи действительно называют свой спецназ дружиной, только не святой, а тайной. Встретиться бы надо, полковник, поговорить, поделиться кое-какими впечатлениями и размышлениями.

— Наши приятели из Легиона в поле зрения не попадали?

— Пока нет. Я ведь на людях теперь почти не появляюсь, то в монастыре, то на работе. Квартиру пообещали выделить в скором времени, приглашу на новоселье. А ты ничего подозрительного не замечал?

— Тоже нет.

— Странно. Неужели они оставили нас в покое?

— Вряд ли, мы просто заставили их себя уважать. Боюсь, следующая атака будет посерьезней.

— Ничего, справимся, мои монахи обещают помочь. Они тоже не в ладах с Легионом. Ну так как, где пересечемся?

— Я вечером еду в Бийский леспромхоз, не хочешь развеяться на природе? Там и поговорим, и отдохнем, если повезет.

— Заметано. Где встретимся?

— В шесть на выезде из Бийска по Чуйскому тракту, сразу за строящимся мотелем. Я буду на белом «уазике».

— Что так слабо?

— Братство — не церковь, крутые машины позволить себе не может. До встречи.

Корнеев положил трубку, покосился на горящую на корпусе процессора свечу и углубился в изучение служебных инструкций, ограничивающих свободу действий спецназа применительно к церковной службе. Свои обязанности он уже знал, а также составил общий перечень проблем, которые надо было решить в первую очередь. Одной из них была проблема защиты в складывающихся условиях церквей, монастырей и храмов от проникновения на их территорию «шпионов» Сатаны, второй проблемой, может быть, по значимости превосходящей первую, была защита настоятелей приходов, духовных лидеров церкви от нападений «воинства Сатаны», вполне способного применить втихую пси-генераторы и аппаратуру зомбирования, с тем чтобы подчинить себе священнослужителей, а главное — духовный эгрегор церкви, заставить их служить своим целям. Это была задача из задач, таких церковный спецназ еще не решал ни в центральном регионе, ни в провинции, и Корнеев чувствовал, что над ней придется здорово поломать голову. Церковь была доступна всем, и верующим, и преступникам, и проникнуть на ее территорию агенту Легиона ничего не стоило, а как выявить в толпе верующих этого агента, не знал никто. В том числе глава контрразведки спецназа отец Димитрий. В том числе и Корнеев, от которого ждали если и не чуда, то весомой отдачи. Мысли у него кое-какие ворочались, но их прежде надо было обсудить с более опытным Ираклием, для чего Сергею и понадобилась встреча с бывшим полковником.

Впрочем, неплохо в самом деле было бы и отдохнуть, признался сам себе Сергей, голова которого распухла от обилия полученных за несколько дней сведений.

Они встретились, как и договаривались, за зданием мотеля на Чуйском тракте. С Ираклием в машине ехали двое спор-

тивного вида парней, Корнеев прибыл в сопровождении четверки личных телохранителей на белой «Волге»; хотелось проверить спецназовцев-монахов в деле, а еще было приятно ощущать себя «боссом», особо важной персоной, от которой кое-что зависело в этом мире.

Сергей пересел в «уазик» Ираклия, поздоровался с пассажирами, и Федотов, пожав ему руку, сказал:

— Оглянись назад, только осторожно.

Корнеев слегка повернул зеркальце заднего вида, оглядел стоящие у мотеля и за ним автомобили, смекнул:

— «Хвост»?!

— Он самый, — невесело усмехнулся Ираклий.

— Черный «Гранд-Чероки»?

— Молодец, глаз у тебя наметан. Что будем делать?

— Самое простое — подойти и спросить, что за люди и чего им от нас надо. Однако они этого могут не понять, начнут нервничать, хвататься за оружие. Надо сделать это внезапно.

— Как?

— Со мной пятеро моих монахов из «тайной дружины», неплохо проверить бы их в деле. Езжай вперед, не очень быстро, я за тобой. Остановишься где-нибудь за поворотом и выйдешь из машины, якобы по малой нужде.

— А ты?

— Увидишь.

Корнеев сел в свою голубую «десятку», развернулся и уехал обратно в Бийск. За ним скрылась и «Волга» сопровождения.

— Поехали, — кивнул Ираклий водителю, примерно представляя, что будет делать майор.

«УАЗ» выехал за город, через десять километров свернул с трассы направо и углубился в начинавшиеся сосново-кедровые леса. Черный «Гранд-Чероки» остался возле мотеля, и Федотов уже подумал было, что их затея провалилась — наблюдатели решили не рисковать после встречи объекта со своим приятелем, но разочароваться ему не дали. «Наружка» ЛООС тоже работала профессионально, и за «УАЗом» Федотова пошла вторая машина, «Мазда» цвета серый перламутр, с четырьмя седоками внутри. Ираклий, увидев ее в зеркальце заднего обзора, сразу уловил принадлежность машины к спецслужбе.

Проехав еще пару километров, он остановился и вышел из машины в сопровождении одного из парней, разминая затекшие мышцы ног. Сошел с обочины в лес, постоял там немного и вышел обратно. Возле «УАЗа» уже хлопотал водитель, делая вид, что меняет колесо. Второй телохранитель Ираклия курил, прохаживаясь по разбитой бетонке.

— Сзади, за поворотом, — лаконично сказал он.

— Вижу, — отозвался Ираклий, еще из леса разглядевший просверк металла сквозь кусты: «Мазда» явно следовала за ними, потому что остановилась сразу же, как только остановились они.

Обещанных действий Корнеева пришлось ждать четверть часа. Ираклий уже решил было ехать дальше, как вдруг неподалеку раздался выстрел, другой, а через несколько секунд из-за поворота дороги вышел Сергей с пистолетом в руке и помахал рукой, подзывая полковника.

Водитель сдал «УАЗ» назад, до поворота, остановился у «Мазды», окруженной со всех сторон вооруженными молодцами в обыкновенной «мирской» одежде. С монахами их роднили только бородки, усы и длинные волосы. Это, вероятно, и была дружина церковного спецназа, подчиненная Корнееву.

— Кто стрелял? — вылез из машины Ираклий, кивнул на неподвижно сидевших в «Мазде» четверых мужчин в одинаковых темных костюмах. — Они?

— Нет, я, для острастки.

— Неплохо сработали.

— Не хуже наших парней. Между прочим, «Гранд-Чероки» приказал долго жить. Мы засекли их маневр, а у моих ребят случайно оказался с собой гранатомет.

— А если это были законопослушные граждане?

— У нас был еще лазерный сканер, тоже случайно, — Корнеев ухмыльнулся, — и кое-что из переговоров внутри машины удалось прослушать. Это Легион, полковник, то самое сволочное отделение по ликвидации свидетелей, и прибыло оно по наши души. Командир группы докладывал как раз кому-то о нашей с тобой встрече и запрашивал инструкции.

— Понятно. Выводите этих в лес.

Безмолвные «монахи» Корнеева по одному выдернули из кабины «Мазды» четверых ее пассажиров, не проявлявших почему-то особых признаков беспокойства, обезоружили их, отобрали документы и отвели поглубже в лес. Допрос начал сам Ираклий, просматривая одинаковые малиновые книжечки со знакомыми надписями: РЛ ЛООС. Все сидевшие в машине мужчины, двое молодых, двое постарше, имели одинаковые звания — поручик.

— Кто старший?

Молчание.

— Плохо со слухом? Кто старший группы?

Снова ни слова в ответ.

Ираклий хладнокровно достал пистолет и выстрелил в лоб крайнего пленника.

— Повторять вопросы больше не буду. Кто старший?

— Ну я, — выступил вперед слегка побледневший мужчина с мешками под глазами.

— Какое задание вы получили от начальства?

Работники наружной оперативной службы Легиона переглянулись. Ираклий снова поднял пистолет, и стоявший рядом старший группы торопливо заговорил:

— Вы в списках...

— В списках на ликвидацию?

— Так точно.

— Как вы нас вычислили?

— Я не знаю. Нам приказали лететь в Бийск, дали конкретный адрес...

— Скорее всего у них есть все наши данные, — проворчал Корнеев. — Адреса родственников, родителей, друзей. А это, в свою очередь, означает, что они имеют доступ к файлам Конторы, в том числе кадровым.

— Это так?

— Не знаю. — Старший группы наткнулся на взгляд Ираклия и отшатнулся. — Да, руководство имеет доступ ко всем секретным материалам спецслужб. Но мы люди подневольные...

— Это уж точно, — усмехнулся Ираклий. — Волю вашу сломали давно, а потом еще и зомбировали. Хотя этого вы можете и не помнить. Проверяется же это легко. Кто давал задание ликвидировать нас? Быстро!

Губы поручика затряслись. Он побледнел еще больше, буквально до землистого оттенка, поднес руку ко лбу, и его вдруг словно пронизал разряд электричества: тело выгнулось дугой, глаза выскочили из орбит, лязгнули зубы. Он схватился руками за горло, захрипел и упал. Его напарники смотрели на своего вожака испуганно и в то же время подавленно, словно знали, что их ждет та же участь.

— Готов, — прокомментировал Корнеев. — Не жалеет генералитет Легиона своих солдат, в каждого программу самоуничтожения запихивает. Ничего они не скажут, Кириллыч, даже если что и знают. Где ваша база?! — внезапно рявкнул он, ткнув пальцем в грудь одного из поручиков помоложе.

Тот вздрогнул, открыл рот, выдохнул:

— В Бар... — и тут же замолчал, будто в рот ему вбили кляп. Лицо парня стало серым, глаза остекленели, плечи опустились. Упал он на толстый слой сосновых иголок уже мертвым.

— Где — в Бар?.. — тем же тоном обратился Корнеев к последнему пассажиру «Мазды». — В Барановичах? В Барыкине? В Барвихе?

Молодой человек, оставшийся безучастным к судьбе товарища, не сказал ничего. Просто прижал руки к сердцу, пошатнулся и упал бездыханным. Его программа самоликвидации сработала быстрее, чем у остальных легионеров ЛООС.

Корнеев и Федотов постояли над трупами, помрачневшие и молчаливые, не обращая внимания на оперативников церковной дружины, явно потрясенных случившимся, и посмотрели друг на друга.

«Ты думаешь, нас после этого оставят в покое?» — вопрошали глаза Сергея.

«Вряд ли», — отвечали глаза Ираклия.

— Куда их? — вслух спросил Корнеев.

Ираклий задумался.

— Посадите всех обратно в их машину и отвезите отсюда подальше, километров за тридцать.

— Документы?

— Документы оставьте, а оружие заберите. «Глушаков» у них случайно нет?

— Я проверил, нет. Может быть, были у тех, кто ехал в джипе.

— Жаль, парочка пси-генераторов нам бы не помешала.

— Ничего, ликвидаторы нам сами привезут «глушаки», — пошутил Корнеев. — Настырные ребята, вряд ли остановятся на достигнутом.

— И я так думаю. Видимо, простой обороной нам не отделаться.

— А лучшая оборона, как известно, — нападение. Пора вспомнить, чему нас учили, и браться за этот ЛООС основательно, с выходом на верхушку.

— Увы, майор, ты прав. Как и генерал Брусилов в свое время.

— Он тут при чем?

— Лет девяносто назад он произнес очень верные слова: «Правительства меняются, а Россия остается, и все должны служить ей по той специальности, которую выбрали».

— Наша специальность — контрразведка.

— Наша специальность — война! Война с врагами Отечества. А Легион с его лабораториями психотехники — именно такой враг и есть.

Они помогли спецназовцам Корнеева перенести погибших легионеров в их машину, один из парней сел за руль «Мазды», и Корнеев проинструктировал его, что надлежит делать. Потом сел в «УАЗ» Федотова, и они поехали в леспромхоз, занятые каждый своими мыслями. Корнеев думал о том, что его парни из «тайной дружины» зарекомендовали себя с самой лучшей стороны и что на них можно положиться, Ираклий же размышлял о том, что всякий героизм имеет пределы, а оценивается он по обыкновению лишь после смерти героя...

ВОРОБЬЕВ

Два дня он размышлял над предложением Родиона войти в состав команды «Психодав», но решения так и не переменил. Лида поверила в его желание стать семейным человеком, а не перекати-полем, а дети вдруг как по команде стали звать его папой, и это обстоятельство предопределило дальнейшие шаги бывшего командира «мстителей». Он свое отвоевал. С другой стороны, чисто мирной жизни не получалось, мир был полон придурков, подонков и бандитов, время от времени пути их пересекались с дорогой бывшего майора Службы внешней разведки, и тогда приходилось сдерживать себя, чтобы ненароком не убить наглеца, хотя руки так и чесались ответить обидчикам «контраргументально». И все же ему дважды пришлось вмешаться в чужие разборки, внезапно затрагивающие как его личные честь и достоинство, так и честь, достоинство и независимость окружающих.

Впервые Панкрат вспылил, когда в одно из воскресений конца августа, взяв с собой семью в полном составе, отправился ранним утром на лодке деда Харитона на рыбалку.

Они доплыли до острова Кличен, который многие называли Клично и даже Ключно (от слова ключ), расположенного в трех километрах от набережной Осташкова, разбили на его южном берегу, в маленькой бухточке, палатку, но отдохнуть, насладиться красотой, чистотой и тишиной природы не успели. Только Панкрат закинул удочки с высокого бережка, поросшего травой, с удовольствием показывая снасти пятилетнему Антону, как вдруг послышался звук мотора, из-за юго-восточной оконечности острова вывернулся быстроходный катер и пристал к берегу рядом с рыбаками. На его борту находилось трое мужчин в ветровках, двое молодых и один постарше. Их лица и взгляды были неприятны, и Панкрат насторожился, внутренне собрался, хотя виду не подал: ничего противозаконного, по его мнению, он не делал.

— Эй, рыбачки, — окликнул его молодой мужик с буйной шевелюрой и «боксерским» перебитым носом, — собирай свои манатки и ухалевай отсюда, здесь останавливаться и ловить рыбу запрещено.

— Кем? — хладнокровно спросил Панкрат, делая успокаивающий жест Лиде.

— Запрещено, и все. Давай, не кобызись, залезай в свое корыто, и побыстрей, нам некогда.

— Документ покажи, — тем же тоном сказал Панкрат. — Что здесь запрещено останавливаться.

— Какой документ? — удивился второй парень, со шрамом на щеке и слегка косящими глазами. — Ты чо, русского языка не понимаешь? Сказано — выметайся, значит, выметайся.

— Панкрат, — тихо позвала его Лида, — давай уедем.

Но в душе Воробьева уже родился протест, хамов он терпеть не мог, а поскольку никакого криминала в своих действиях не видел, то и вел себя соответственно.

— Ребята, я не первый год живу на свете. Или показывайте документ, запрещающий здесь ловить рыбку и останавливаться на отдых, или плывите мимо.

Пассажиры катера переглянулись.

— Не понимает, — сказал «боксер».

— Придется показать документ, — отозвался его косоглазый спутник со шрамом, и они заржали.

— Полегче, — проворчал третий мужчина, в вязаной шапочке. — Загрузите их в лодку, и пусть плывут.

— Возьми детей и быстро к лодке, — сказал Панкрат Лиде, так, чтобы не было слышно с катера. — Там под одеялом на дне...

— Я знаю, — поняла Лида, хватая Антона и Настю за руки.

Панкрат взял с собой на всякий случай помповое ружье, и она это видела.

Мужики вылезли на берег, разминаясь, двинулись к Панкрату, и по их движениям и позам он понял, что они вооружены. Дело приобретало нежелательный оборот, к тому же сильно сковывало инициативу присутствие жены и детей, но и отступать не хотелось. Причин, по которым эти пришельцы пытались выгнать рыбаков с острова, Панкрат не видел. Если бы его попросили вежливо, он скорее всего согласился бы и отвез семью на берег, повыше Осташкова, теперь же его отношение к гостям изменилось.

— Так чо ты хотел? — подошел ближе буйноволосый «боксер», демонстративно потирая кулак. — Документ? — Он сделал ударение на слоге «ку». — Вот тебе документ. — Он выхватил из-под куртки пистолет, вернее, револьвер (отечественный «кобальт» калибра 9 миллиметров). — Ну как, нравится?

— Нравится, — кивнул Воробьев и прыгнул к парню, явно не ожидавшему нападения.

Револьвер взмыл в воздух, точно подбитый снизу «пиковым валетом» — так назывался удар по запястью ребром ладони сверху вниз и одновременно удар коленом по кулаку с оружи-

ем снизу вверх, — а «боксер», крутанувшись вокруг оси, потерял равновесие и свалился с берега в воду.

— Ах ты, б...! — с изумлением выматерился второй молодой человек. — Совсем оборзел?! — Он медленно потянул из кармана ветровки рукоять пистолета, но воспользоваться им не успел.

Со стороны лодки раздался выстрел, в ствол ближайшей сосны звучно шлепнулся заряд дроби. Парень вздрогнул, от неожиданности выпуская пистолет. Панкрат обернулся.

Возле лодки стояла Лида и целилась в парня из помпового ружья. В ту же секунду, заметив движение третьего гостя, — быстро ориентируется, гаденыш! — Панкрат нырнул вниз, подхватил лежащий в траве револьвер и, еще не встав на ноги, выстрелил в борт катера.

— Сидеть!

Пожилой мужчина в шапочке замер.

— Руки!

Пожилой вытащил руку из-под мышки, где у него в кобуре, очевидно, был спрятан пистолет. Панкрат попятился к своей лодке, держа катер под дулом револьвера, взял у побледневшей, но решительно настроенной жены ружье, направил ствол на парня со шрамом:

— В катер!

Тот, ошеломленный неожиданным финалом сцены, закрыл рот и повиновался без слов. Не стал ждать приглашения и вымокший «боксер».

— Убирайтесь!

— Ты понимаешь?.. — начал было косоглазый.

— Заткнись! — оборвал его мужчина в шапочке, внимательно разглядывающий Воробьева. — Пушку-то верни, малый.

Панкрат разрядил револьвер, молча бросил его в катер.

— Мы тебя найдем, — пообещал пожилой.

Панкрат потемнел.

— Я постараюсь найти вас сам. Человек я мирный, но всегда готов ответить соответственно. Если со мной разговаривают уважительно, я понимаю, если с помощью кулака и пули, я сатанею. Этот остров не является чьей-то частной собственностью, а если является — предъявите подтверждение. Мы бы тут же ушли.

— Откуда ты такой взялся, законник? — усмехнулся пожилой.

— Специально выписали, чтобы отрезвлять таких, как вы, — усмехнулся в ответ Панкрат.

Катер затарахтел мотором, сдал назад, развернулся и ушел

за мыс. Лида и Панкрат смотрели на озеро и прислушивались к затихающему треску, пока не стало тихо. Глянули друг на друга, на детей, которые, весело лепеча, как ни в чем не бывало возились в лодке. Выстрел их ничуть не испугал.

— Кто это был? — тихо спросила Лида.

— Фиг их знает! — покачал головой Панкрат. — Вероятнее всего, местные рэкетиры, контролирующие туристский бизнес. Я тебе рассказывал случай с директором турбазы.

— Поехали домой.

Панкрат обнял жену, поцеловал в нос.

— Они больше не сунутся. Где ты научилась стрелять?

— Или я не в лесах родилась? — через силу улыбнулась женщина. — Еще среди моих детских игрушек были патроны и гранаты, найденные на местах боев и разряженные отцом.

— Воин ты мой курносый...

Полноценного отдыха в тот день так и не получилось. Лида боялась за детей, и через час они уплыли с острова на западный берег Селигера, за Америку, как называли северный «деревянный» район Осташкова, где стоял и дом Воробьевых.

Второй раз чашу терпения Воробьева переполнили слезы старушки на центральном городском рынке.

Он с Лидой приехал туда пораньше, чтобы купить овощей, картофеля и фруктов для детей, и сразу обратил внимание на двух нагловатого вида парней, обходивших торговые ряды. Они подходили к продавцам, что-то говорили, и те торопливо совали парням какие-то свертки и деньги. Панкрат понял, что это представители «хозяина», контролирующего рынок, которые собирают дань со всех торгующих, невзирая на их пол, возраст, а также на вид продукции. В принципе, ничего диковинного в этом не было. Воробьев отлично знал, что практически все рынки во всех городах России поделены между мафиозными группировками, и вмешиваться в «работу» сборщиков дани не собирался, однако его взгляд вдруг зацепился за лицо старушки в крайнем ряду, и у Панкрата екнуло сердце. Старушка была седая, сморщенная, сухонькая и маленькая, про таких говорят — божий одуванчик, и по ее лицу непрерывно текли слезы. Панкрат посмотрел в ее выцветшие прозрачно-голубоватые глаза и прочитал в них такую тоску и безнадежную покорность судьбе, что невольно подошел.

— Что случилось, бабушка? — участливо спросил он, оглядывая ее старенькое платьице, такой же платок и нехитрый товар — литровую банку брусники.

Старушка продолжала глядеть перед собой, словно не услышала вопроса. Только достала платок и промокнула глаза.

— Да ничего не случилось, — понизив голос, проговорила женщина помоложе, продающая яблоки и сливы, возле которой и пристроилась старушка. — Вон, вишь двух лоботрясов? Хошь торговать — плати десять рубликов за место. А есть навар, нет навара, их не интересует. Она-от продала две банки, и что опосля останется? Я им — бабку пожалейте, не трогайте, а они... — торговка махнула рукой.

Панкрат еще раз заглянул в глаза старушки, проглотил ком в горле, сказал Лиде: постой здесь, — и догнал сборщиков.

— Эй, уроды, — окликнул он их в спины.

«Уроды» оглянулись.

— Верните бабке червонец, побойтесь бога. Вы не обеднеете, а ей эта десятка на вес золота.

Парни переглянулись, обменялись ухмылками.

— Ты чего, мужик? — сказал один из них, картинно поиграв бицепсами. — С утра нажрался, что ли? Иди отсюда, пока ноги целы!

Продавцы и покупатели, снующие между рядами, притихли.

— Пожалейте стариков, собаки, — попытался достучаться до совести рэкетиров Панкрат, чувствуя, как кружат голову ненависть и гнев.

— Да пошел ты!..

Панкрат заметил еще двух мордоворотов у входа на рынок, глядящих в его сторону, однако решил идти до конца. Сказал проникновенно:

— Ведь надо же разбираться, сколько с кого драть. Старухто хотя бы не трогали.

— Не, он совсем ох...л! — хлопнул себя по ляжке один из сборщиков. — Вова, поговори с бобиком...

Палец Панкрата, воткнувшийся парню в солнечное сплетение, заставил его замолчать и согнуться. Второй удар и ударом-то назвать было нельзя: Панкрат просто дал звонкую пощечину напарнику пострадавшего и особым приемом перехватил его руку, заставив присесть. Так, в полуприседе, и повел его к старушке, боковым зрением отмечая движение второй двойки рэкетиров. Но несколько секунд у него еще было.

— Отдай деньги, — ласково сказал он парню, глазами показывая Лиде, чтобы она отошла в сторону.

— У-у-у... — ответил бандит.

Панкрат ослабил хватку.

— Больно? Плати, и отпущу.

Парень достал из кармашка рубахи пачку десятирублевок, Панкрат вынул из пачки две купюры, отдал старушке, во все глаза смотревшей на него.

— Бери, бабуля. Это презент от руководства рынка.

— Да что ты, сынок, мне чужого не надо, — перекрестилась старушка, — не приучена я брать чужое-то...

— Это не чужое, это твое. Где бруснику собирала? Не на Хачине случайно?

— Там, соколик, там, с Волоховщины я...

— Что тут происходит? — раздался сзади начальственно-снисходительный, с угрожающими интонациями, голос.

Панкрат обернулся. На него смотрели еще двое молодых людей, неуловимо схожих с первой парой: те же «прикиды» — брюки и рубахи с паучьей символикой, та же неряшливость в одежде, та же печать превосходства, спеси и наглости на лицах.

— А вам какое дело? — осведомился Панкрат агрессивно, зная, что подобные типы уважают лишь силу и воинственность.

Парни переглянулись. В толпе рынка, на глазах у десятков людей, они действовать не привыкли и с явным отпором, наверное, еще не встречались.

— Это наши кореша, — сказал один из них, кивая на парня, которого держал Панкрат. — А ты кто?

— Я мститель, — усмехнулся майор. — Специалист по «мокрым» делам. Еще раз увижу, что вы пристаете к старикам и старухам, требуя с них мзду, изуродую всех. Как поняли?

Молодые люди снова переглянулись, пребывая в некоторой нерешительности. Насмешливо-презрительный уверенный тон незнакомца, владеющего, судя по всему, каким-то видом борьбы, подействовал на них впечатляюще.

— Да ладно, братан, отпусти его, — миролюбиво сказал тот, что держал руки в карманах, с серьгой в ухе. — Работа у него такая.

— Это не работа, — покачал головой Панкрат. — Вот они, кто торгует, работают. Бабуля небось полдня спину гнула, ягоды собирала, а эта шваль последнюю копейку норовит отнять.

Он отпустил парня, и тот, придерживая кисть вывернутой руки, шмыгнул за спины дружков.

— На вас пахать можно, — продолжал Панкрат, — а вы над людьми издеваетесь. Проваливайте, пока я не свистнул своих коллег.

Никаких «коллег», естественно, он позвать не мог, но эти гориллы вряд ли способны были допустить, что так нагло действующий мужик ходит один.

— Ты не местный? — спросил парень с серьгой.

Панкрат молча повернулся и медленно двинулся к последнему навесу рынка, где его ждала волнующаяся жена.

— Ты больше сюда не приходи, — посоветовали ему в спину, — не то случится чего. Базар этот наш.

Панкрат не ответил. Запал его прошел, взывать к справед-

ливости этих рыночных шакалов было бесполезно, а доводить ситуацию до нового мордобоя не хотелось. Бандиты не перестали бы считать территорию рынка своей собственностью...

Не только рынки города, но и весь Осташков действительно был поделен между криминальными кланами, не терпевшими ущемления своих интересов, и честному человеку либо следовало мириться с их диктатом, либо уезжать, либо начинать партизанскую войну. Душа Панкрата бунтовала против любого из этих вариантов, но постепенно приближалось время выбора, и случай в спортзале, происшедший спустя два дня после визита Родиона, заставил Панкрата задуматься над тем, как жить дальше.

Он провел занятия по тактике оборонных действий с молодыми бизнесменами города, потом остался на тренировку с охранниками офисов и квартир и телохранителями особо важных особ и освободился только поздно вечером, в начале одиннадцатого, чувствуя себя отчего-то как выжатый лимон.

Оставшись один на освещенной площадке с ковром татами — друзей у него не появилось, хотя со всеми учениками он старался поддерживать добрые отношения, — Панкрат заставил себя позаниматься еще десять минут, прислушиваясь к голосам ребят из раздевалки и душевой, потом собрал тренировочный «инструмент»: палки, скакалки, металлические прутья, обрезки труб, цепи, крышки от кастрюль, карандаши, гайки, болты, бутылки, — все то, что могло послужить оружием в реальном бою, — сложил его в тренерской комнате и вернулся в зал, чтобы выключить свет. И внезапно почувствовал ток холодного воздуха вдоль позвоночника: интуиция подсказывала о появлении опасности.

Сзади щелкнула, закрываясь, дверь зала, на фоне стены обрисовался светлый контур человеческой фигуры. Панкрат отступил к шведской стенке с висящей на канате макиварой. Тотчас же из углов зала выступили еще четыре массивные человеческие фигуры, приблизились к освещенному панелями кругу. Свет заиграл на цепях, кастетах и резинометаллических дубинках. Тот, что стоял у двери, вышел вперед. Он был в белом костюме, с тростью в руке, но его Панкрат видел впервые.

— Тебя предупреждали, — сказал он, белозубо улыбаясь. — Пора платить. Мы тебя не убьем, покалечим маленько. А потом ты уедешь из города, нам инструкторы по самбо не нужны. Не уедешь — доберемся до жены и детей.

Господин в белом поднял вверх трость, что послужило сигналом к нападению. Ближайший из гостей, мощный, как штангист-тяжеловес, в рубашке с короткими рукавами, буквально лопавшейся на выпуклой груди, шагнул к Воробьеву и ударил его дубинкой.

Однако Панкрат уже был готов к такому повороту событий и хотя и с трудом (сил за хлопотливый день он истратил немало), но перевел себя в состояние боевой готовности. Дубинку он пропустил мимо плеча, повернувшись вокруг оси, ногой сбил гиганта на колено и, заканчивая «круг нейтрализации», нанес рубящий удар ребром ладони по мощной шее «штангиста». Тот беззвучно рухнул на татами, так что вздрогнул пол зала.

Тотчас же к Воробьеву бросились еще двое верзил, один с цепью, второй с дубинкой и кастетом. Панкрат выхватил у первого поверженного бойца его дубинку и нырнул под удар цепи; прием назывался риусуй («водяной дракон»), и парни противоядия от него не знали. Пока они разворачивались, Панкрат успел перетянуть дубинкой одного по спине, второго по колену, а затем, не дожидаясь атаки, перешел в нападение сам. Неожиданно сделал заднее сальто и с лёта ударил парня с дубинкой по руке, ломая кости запястья.

Раздался вскрик. Парень отскочил в сторону, прижимая травмированную руку к груди. Не давая опомниться его напарнику, чувствуя спиной приближение последнего противника, Панкрат увернулся от цепи, мгновенно уцепился за ее конец, но лишь для того, чтобы дернуть на себя, и тут же ударил дубинкой по вытянутой руке верзилы, разбивая в кровь кулак. С криком отступил и этот боец. Оставался еще четвертый, но он рисковать не захотел и показывать мастерство фехтования на дубинках не стал, просто метнул издали, с расстояния в восемь метров, одну за другой три звездочки сякэнов. Но поскольку Панкрат ожидал нечто подобное и владел искусством отбивания летящих предметов — в японских видах боевых искусств оно имело название тотоку хиеси, в русских видах русбое, барсе и суеве — пропеллер, — он ловко поймал все три звезды на дубинку. Они воткнулись и застряли в ней. Мысль воспользоваться ими тут же была приведена в исполнение, и звезды отправились обратно. Одна из них попала метателю в плечо, вторая в руку, и на этом «показательные выступления» четверки качков закончились.

Панкрат повернулся к гостю в белом костюме и едва успел отклониться: с тихим свистом у виска пролетел нож, воткнулся в макивару. Второй оцарапал Воробьеву плечо, а третьего — хорошо кидает, гад! — Панкрат ожидать не стал, метнул в джентльмена с тростью дубинку и прыгнул к нему сам.

Выстрелить гость не успел, хотя уже вытащил пистолет.

В дверь кто-то забарабанил кулаком, раздался голос сторожа:

— Панкрат Кондратович, что у вас за шум? Вы еще занимаетесь? Откройте.

— Уходим, — коротко сказал мужчина в белом костюме, пряча пистолет. — Везет тебе, инструктор. Договорим в следующий раз.

Четверка побитых качков во главе со своим атаманом канула в темноту спортзала, скрипнула дверь второго выхода — через котельную, и все стихло. Панкрат повернул ключ, впуская сторожа. Тот заглянул в зал, ничего особенного не заметил, поскреб в затылке.

— Надо же, никого, а мне показалось, что ты с кем-то разговариваешь.

— Если кажется — креститься надо, Федотыч, — улыбнулся Панкрат. — Это я сам с собой разговаривал, и шумел тоже я, тренировался по особой технологии. Должен же я держать форму?

— А-а-а, — уважительно протянул сторож. — Ну тогда конечно.

Потоптавшись на месте, он ушел. Панкрат вытащил из лопнувшей макивары нож, подобрал второй у стены, полюбовался на зазубрины, превращавшие ножи в пилки, покачал в руке, чувствуя хорошую балансировку холодного оружия, и положил их в сумку. Оружия у него хранилось предостаточно, однако таких ножей не было, а пригодиться они могли в любой момент.

Лиде об инциденте в спортзале он ничего не сказал. Зато перестал отпускать ее одну на работу и по магазинам, памятуя угрозу неизвестного джентльмена в белом костюме. Этот человек был очень похож на первого коричневолицего посетителя с тростью, представлявшего кого-то из местных «авторитетов», которому не понравилась деятельность руководимой Воробьевым Школы выживания, однако того Панкрат запомнил слишком хорошо, чтобы спутать с этим. Сомневаться не приходилось: кому-то хотелось обставить этот визит таким образом, будто местные бандиты еще раз решили навестить строптивого наставника Школы. Однако для чего это им понадобилось, догадаться было трудно.

Перестав ломать над этой проблемой голову, а также не заметив за собой никакой слежки, Панкрат снова окунулся в водоворот дел и несколько ослабил опеку над семьей. Детей он контролировал сам, привозил в школу-сад и увозил, а вот Лиду стал страховать через раз и опомнился, когда во вторник снова подала голос интуиция.

Лида позвонила с работы, предупредила, что задержится, Панкрат «дал добро», а когда повесил трубку телефона (он сидел в тренерской и набрасывал план работы с молодежью «на натуре»), мышцы живота свело, будто внутри шевельнулся холодный дремлющий «угорь тревоги». Поразмышляв над своими ощущениями, Панкрат снова снял трубку и набрал номер горздрава. К его удивлению, жены там не оказалось, она находилась в местной командировке.

— Куда же она поехала? — спросил он, чувствуя внезапную сухость во рту.

— В составе комиссии она проверяет функционирование медпунктов в школах, — сообщила сотрудница Лиды. — Вряд ли вернется на работу вообще.

— Где я могу ее найти?

— График достаточно большой...

— Номера школ и адреса их можете дать?

— А кто звонит? — засомневались в трубке.

— Муж.

— Она вам так нужна?

В другое время Панкрат не преминул бы пошутить, сейчас же только с трудом удержал острое словцо.

— До зарезу нужна! Будьте добры, поскорее, пожалуйста.

Сотрудница назвала номера доброго десятка школ, их адреса, и Панкрат бросил трубку, даже не поблагодарив женщину за доверие. Через пять минут, заехав к бабе Ольге и предупредив, чтобы она забрала Антона и Настю, он уже мчался на машине по городу, примерно зная маршрут следования комиссии горздрава.

Все школы, которые должна была посетить Лида, почему-то располагались в разных районах города, поэтому времени на их поиск и обследование Панкрат тратил немало. За полтора часа он объехал всего шесть школ, и везде ему говорили, что комиссия только что уехала. В седьмой школе на улице Горького ему наконец повезло: машина с представителями горздрава действительно только что отъехала и направилась на окраину Осташкова, в район новостроек на берегу Осташковского плеса. Панкрат домчал туда за четверть часа, нарушив все правила дорожного движения, какие только существовали, зато к школе он подъехал раньше, чем «рафик» комиссии.

Выяснив, что работники горздрава еще не появлялись, Панкрат решил сделать рекогносцировку местности вокруг новенькой двухэтажной школы, расположенной прямо на берегу залива, и почти сразу его взгляд зацепился за белую

«Волгу» модели 3110, стоявшую в переулке между школой и начинавшимся частным сектором города. В кабине «Волги» сидела четверка мужчин, по неподвижности и позам которых можно было предположить, что они кого-то ждут. Еще одну новенькую «Волгу» цвета «мокрый асфальт» Панкрат обнаружил на набережной. Возле нее курили двое молодых людей определенной наружности, выдающей в них людей свиты. Один из них вдруг пересек набережную, медленно прошелся вдоль школьной ограды, заглянул в машину Воробьева и вернулся. И тотчас же из «Волги» вылез еще один молодой человек в джинсовой куртке и джинсах и направился к школе.

Это наводило на некоторые размышления. Во-первых, парни явно знали «Ситроен» Воробьевых и ждали его появления. Во-вторых, они знали и о том, что в школу должна прийти комиссия, в составе которой была Лида. В-третьих, всю эту комбинацию невозможно было рассчитать заранее, а значит, за машиной Панкрата и за Лидой велось наблюдение. И вели его профессионалы, если сам Панкрат этого не замечал. У него даже мелькнула мысль, что у мафии таких профессионалов не должно было быть. Однако тут же пришла другая мысль: в начале девяностых годов во время разгона спецслужб некоторые офицеры вынуждены были уйти и подались в криминальные структуры, теперь же приходилось пожинать плоды кретинизма политиков, едва не уничтоживших лучшие кадры бывшего КГБ.

Мысль мелькнула и исчезла, времени на анализ причин появления профи спецназа в Осташкове у Панкрата не оставалось, да и не уверен он был в своих предположениях. Ситуация требовала действий, и Панкрат впервые с момента приезда в родной город пожалел, что с ним нет его «мстителей». Он бы тогда показал этой своре, поставившей цель запугать наставника Школы выживания, заставить его убраться из города, что такое команда единомышленников, ведомая бывшим майором спецопераций Службы внешней разведки.

Похвалив себя, что он начал рекогносцировку, не выходя из школы, Панкрат спустился со второго этажа на первый и, обнаружив в холле молодого человека в джинсовом костюме, вылезшего из «Волги», подошел к нему.

— Привет, — сказал он, улыбаясь, протягивая руку. — Какая встреча! Какими судьбами?

Оторопевший молодой человек, по-спортивному подтянутый и гибкий, невольно протянул свою, собираясь сказать, что Воробьев обознался, что они не знакомы, и пропустил мгновенный удар-укол тремя пальцами («клюв орла») в точку

поражения кетотсу[1] на груди. Парень охнул, широко раскрывая глаза, и обмяк. Панкрат с трудом удержал его на ногах, делая вид, что обнимает и очень рад встрече. К счастью, по вестибюлю носились школьники, шум стоял изрядный, и на взрослых никто не обратил внимания.

Панкрат довел молодого человека до раздевалки, усадил за стенкой на пол, быстро обыскал его, нашел пистолет, нож и пилку для ногтей, но никаких документов не обнаружил и резко шлепнул его по щеке:

— Кто, откуда, зачем?!

В остекленевших глазах парня зажглась искра жизни, но ответить он не успел, в раздевалку вбежали школьники, а за ними вошла молодая женщина, то ли учительница, то ли уборщица. Увидев Панкрата и парня, удивленно раскрыла глаза.

— Что вы здесь делаете?

— Молодому человеку стало плохо, — пояснил Панкрат, разгибаясь. — Вызовите милицию.

— Почему не «Скорую»? — еще больше удивилась учительница.

— Потому что он бандит.

Панкрат торопливо пересек холл, и в это время к школе подъехал «рафик» горздрава. Из кабины вылезли три женщины, среди которых была и Лида, оживленно разговаривающая с каким-то седоватым стариком. Панкрат с облегчением вздохнул. Он уже знал, как будет действовать дальше.

Когда члены комиссии пересекали холл, Панкрат быстро догнал их и взял Лиду под локоть. В испуге та отшатнулась, потом узнала мужа, остановилась, сделав успокаивающий жест спутникам, с любопытством посмотревшим на Воробьева.

— Что случилось, Панкрат? Почему ты здесь? Или с детьми что?

— С детьми все в порядке, — поспешил он успокоить жену, — а вот нам надо отсюда уходить как можно незаметней.

В глазах Лидии появилось сложное выражение тревоги, сомнения и сожаления. Она была умницей и все поняла.

— Опять к нам недобрые гости? Что им надо?

— Они хотят, чтобы я перестал заниматься тем, чем занимаюсь.

— Твоей Школой выживания?

— Школой.

— Почему?

— Местной мафии это не по нраву. Потом поговорим обо

---

[1] Кетотсу — низ грудной кости.

всем. Иди к своим, скажи, что тебе надо срочно уехать. Но со второго этажа не уходи, жди меня возле учительской.

Лида растерянно оглянулась и, как бы погаснув, заторопилась вслед за исчезнувшими на лестнице сотрудниками. Панкрат, понимая ее чувства, проводил жену глазами и вдруг боковым зрением увидел в коридорчике, ведущем к столовой, двух мужчин. Это были молодые люди из серой «Волги». Они делали вид, что беседуют и смотрят в другую сторону, но обострившееся чутье Панкрата подсказывало, что они уже начали работать. Однако более всего его поразило, что он прозевал их появление!

Поискав глазами парня, которого он обезвредил, и не найдя его, Панкрат прикинул, где тот может быть, и покрылся холодным потом. Второй этаж школы он как следует не проверил, считая, что за школой ведется только внешнее наблюдение, в то время как здесь уже могли находиться боевики той команды, которая приходила к нему в спортзал.

Они его заметили слишком поздно, не ожидая, что объект наблюдения, потерявший свободу маневра, станет сопротивляться. Панкрат уже был рядом, когда полуотвернувшийся молодой человек в костюме почувствовал его приближение и сунул руку под мышку. Время замедлило свой бег: Панкрат перешел в темп, состояние сверхскоростной реакции и движения; вокруг бегали дети, и надо было предотвратить стрельбу.

Прыжок — удар по ключице ребром ладони — обратный удар большим пальцем в ухо и последний удар указательным пальцем в горло. Поспи, крепыш! Второго молодого человека Панкрат бить не стал, толкнул в спину и, когда тот стукнулся головой о стену и оглянулся, — направил на него пистолет, отобранный у первого бойца.

— Тихо, змееныш! Как говорится, не доводи меня до совершенства. Пистолет! Ну?! Двумя пальчиками, осторожно.

Парень повиновался, вытащил из кобуры под мышкой длинноствольный «браунинг» двадцать второго калибра, протянул рукоятью вперед. Панкрат спрятал пистолет в карман, боковым зрением отметил появление давешней молоденькой учительницы и быстро произнес:

— Вы милицию вызвали?

— Нет, — растерялась женщина. — Но ведь вы... что вы тут?..

— Звоните! — рявкнул Воробьев. — Это бандиты! Я сотрудник... — Уточнять, чей он сотрудник, Панкрат не стал.

Женщина отошла, окончательно сбитая с толку, подзывая к себе детей.

— Напрасно ты это затеял, — снисходительно начал парень.

Панкрат ударил его рукоятью пистолета в лоб и, не оглядываясь, оставляя сзади изумленный детский шепот, помчался по лестнице вверх, на второй этаж, прыгая сразу через несколько ступенек. Боевиков неизвестной команды, затеявшей с ним свою игру, он увидел в конце коридора: двое вели под руки упиравшуюся Лидию, третий, заметив его, двинулся навстречу.

Если бы не дети, снующие по коридору, Панкрат просто выстрелил бы в боевика из пистолета, терять ему было нечего, а задержка была чревата похищением жены. Поэтому он избрал другой вариант развития событий: с пяти метров метнул в парня нож, от которого тот не смог увернуться (не ждал, идиот?!), — и прыгнул в окно второго этажа, закрывая голову руками. Зазвенело стекло, рассыпаясь на осколки, Панкрат вместе с выпавшей рамой удачно приземлился на кучу песка, миновав какие-то бочки и бетономешалку, оставшиеся от строителей, и рванул за угол здания, так что заныли икроножные мышцы.

Он успел вовремя. Боевики, тащившие упиравшуюся Лиду, как раз появились из двери служебного выхода и встретить его не ожидали. Однако разработчики операции предусмотрели этот вариант: за кустами черемухи ждали своего часа еще двое парней, а белая «Волга» медленно двигалась вдоль забора к воротам на хоздвор школы, готовая забрать объект похищения. Если бы Панкрат не имел опыта подобных операций и необходимой подготовки, он скорее всего попался бы в ловушку, но, во-первых, он был опытнее похитителей, во-вторых, находясь в боевом трансе, реагировал на происходящее гораздо быстрее боевиков неизвестной команды. Он не стал демонстрировать искусство рукопашного боя, а с ходу открыл огонь.

Две пули поразили парней, прятавшихся в кустах черемухи, еще одну в плечо получил молодой человек слева от Лиды. Его напарник, сориентировавшись на удивление быстро, ударил женщину кастетом в висок, выхватил пистолет, но лучше бы он этого не делал: пуля из «браунинга» вошла ему точно между глаз. Панкрат отреагировал на удар.

Бросившись к упавшей жене, он подхватил ее на руки, свернул за угол, отсекая себя от белой «Волги», пассажиры которой повыскакивали из кабины, и помчался вдоль стены здания к центральному входу, готовый в любой момент открыть огонь на поражение по любому, кто попытается его задержать. Но его пропустили!

Парень, околачивающийся возле второй «Волги» боевиков, неожиданно сиганул в кабину, и «Волга» умчалась прочь. Не готовые к серьезному отпору, похитители бежали с поля боя.

Панкрат усадил Лиду на заднее сиденье «Ситроена», считая секунды, ожидая появления белой «Волги», дал газ. Через минуту он был в километре от школы, молясь в душе, чтобы Лида была жива. Зеленоватая бледность, разлившаяся по ее лицу, пугала его все больше.

На повороте с набережной на проспект Чапаева он оглянулся, не веря глазам: погони не было. То ли на похитителей подействовала решительность Воробьева и его подготовка, то ли они получили приказ отступить, то ли существовала другая причина такого поведения. Что-то было неестественное во всех их действиях, какая-то театральность, показуха, эта мысль мелькнула у Панкрата еще в школе, но в данный момент он думал только о своей жене. Кастет мог проломить ей голову.

Но все обошлось. Лида пришла в себя сама, когда Панкрат подогнал машину к больнице «Скорой помощи» на Слюсаренко и хотел уже нести ее в приемный покой. Едва не заорал от радости, почувствовав, как она вздохнула и пошевелилась в его руках.

— Милая моя, жива, слава богу!

— Что... случилось? — еле слышно прошептала она.

— Все в порядке, сейчас врач тебя посмотрит...

— Не надо...

— Надо! — Он крепче прижал ее к груди и внес в больницу, не обращая внимания на любопытствующие взгляды посетителей, больных и медсестер, уложил в приемной палате на кушетку.

— Что с ней? — осведомился ничему не удивляющийся дежурный врач.

— Ударили по голове, возможно сотрясение мозга.

— Посмотрим, выходите.

— Доктор, вы только поосторожней...

— Вы ей кто?

— Муж.

— Ждите в коридоре, здесь вы лишний.

Панкрат поцеловал Лиду, погладил руку, слабо ответившую ему, и вышел из приемной с бурей чувств в душе. Расхаживая по коридору и анализируя происшедшее, он принял решение позвонить Родиону. В сложившейся ситуации помочь ему отбиться от местных бандитов мог только он со своей командой «ПД».

КРУТОВ

В понедельник он принял предложение президента Клуба молодых миллионеров города возглавить его службу безопасности и приступил к исполнению своих обязанностей, специфика которых была ему хорошо знакома: в те времена, когда Егор был начальником антитеррористической группы «Витязь», ему приходилось сталкиваться с работниками подобных частных служб, причем в равной степени союзниками или противниками. То есть были случаи, когда охрана фирмы помогала «витязям», и наоборот, когда препятствовала выполнению задачи. Поэтому Крутов достаточно быстро вошел в курс дела и адаптировался к новой должности. Мало того, в течение нескольких первых дней ему удалось не только определить, но и устранить существенные огрехи в организации безопасности работы и отдыха молодых ветлужских бизнесменов, что мгновенно повысило его рейтинг у подчиненных и, как следствие, было оценено руководством Клуба. Зарплата его, и без того неплохая — три тысячи «зеленых», была тут же повышена.

Со смехом рассказывая об этом Елизавете, Егор не предполагал, что в скором времени ему придется выбирать между хорошей зарплатой, моральным удовлетворением и долгом чести и что выбор будет не в пользу первого обстоятельства.

Встречался с женой он теперь гораздо реже, возвращаясь после дежурств и тренировок поздними вечерами, что немедленно сказалось на семейных отношениях: обоих стало тянуть друг к другу в большей степени. Иногда Крутов не выдерживал, срывался с работы, забирал Лизу из офиса якобы для решения исключительно важного дела и вез домой, где они, охваченные страстью, запирались и бросались в объятия, словно не виделись много лет. Такого влечения к женщине Егор не испытывал в жизни никогда и, поражаясь самому себе, но не пытаясь анализировать причины — зачем разрушать сказочный замок любви, поверять алгеброй гармонию? — начинал даже беспокоиться. К чему бы это? Что поддерживает этот удивительный пламень душ, соединивший их? Как долго он будет гореть и что ожидает их в будущем? Неужели должно что-то случиться?..

Но мысли такие приходили и уходили, а жизнь продолжалась, и он жаждал видеть и целовать жену все так же сильно, как и в первые их встречи.

Беда пришла, как всегда, неожиданно, в образе посланца из Москвы, которого Крутов знал в лицо, но не чаял увидеть никогда, с тех пор как уволился из ФСБ. Да и бедой поначалу этот визит не воспринимался. Ну, приехал человек и приехал, с предложением вернуться — работал он в отделе кадров Федеральной службы безопасности. Что же тут такого? Времена меняются, меняются начальники и отношение к тем или иным событиям. Но потом, на трезвую голову, Егор задумался и понял, что появление кадровика в Ветлуге — вещь странная и загадочная.

Во-первых, в службе не должны были знать, что искать бывшего полковника следует в Нижегородской губернии, в Ветлуге. Знал Зубко, но после депрограммирования он должен был доложить командованию Легиона о ликвидации Крутова и этим закрыть вопрос навсегда. Если ему не поверили, должны были послать команду проверки, а раз этого не сделали, то, значит, деза прошла. С другой стороны, Александр продолжал работать в конторе, руководить «Витязем», и его могли просто беречь для других целей. С третьей, кадровик с Лубянки тоже мог быть агентом Легиона, и в этом случае его визит и был проверкой выполнения Зубко задачи — ликвидации Крутова. Как бы то ни было, а Сашу необходимо было предупредить, что Егор и сделал, позвонив Александру на другой день рано утром после визита кадровика.

Саша оказался у той самой знакомой, телефон которой и дал Крутову для связи. Трубку сначала сняла хозяйка, с удивлением сказала, что никакого Зубко не знает, «тут такие не проживают», но, как только Егор назвал свою фамилию, сразу передала трубку.

— Лукич? — с некоторой настороженностью спросил Саша.

— Я, — сказал Крутов. — Хорошо, что ты на месте. Богу угодно, чтобы мы поговорили. У меня вчера был Хребтовой.

— Кто?! — изумился Зубко. — Секретчик-майор из отдела кадров, что ли?

— Он предложил мне вернуться в контору, возглавить учебно-методический центр.

— А ты?

— А я отказался. Дело не в этом. Во-первых, он мне так и не признался, откуда знает мои координаты. Если не от тебя...

— Конечно, не от меня, зуб даю. Ты что, Лукич?

— А если не от тебя, то возникает проблема: когда-нибудь твои покровители в Легионе узнают, что я жив, и возьмут тебя за задницу.

Александр помолчал.

— Почему ты думаешь, что они узнают?

— Уверен, что ты не единственный их агент в Конторе. На твоем месте я бы каким-нибудь образом подстраховался.

— Каким? — В голосе Саши прорезалась горькая нотка. — От легионеров ЛООС не спрячешься, к тому же они вооружены «глушаками». Но я что-нибудь постараюсь придумать.

— Уж придумай.

— Ты сам теперь берегись. Не дай бог, они пошлют к тебе другую команду. Кстати, не знаешь, где сейчас обитает наш коллега из контрразведки, что помог нам в Жуковских лесах?

— Федотов? Где-то на Алтае, родственники у него там, а что?

— Краем уха я слышал, что туда направляется отделение ЛООС. Федотов тоже попал в списки особо опасных свидетелей. Предупредить бы, хороший мужик.

— Если отделение уже послано, предупреждать поздно. Однако серьезно за нас взялся Легион. Буквально заставляет принять контрмеры. Что-нибудь новенькое о деятельности Легиона выяснил?

— Кое-что. Легион теперь — секретная сила президента, призванная отстаивать интересы России в любой точке земного шара. Так это звучит официально. А руководит им некто Монгол.

— Настоящую фамилию не узнал? Может быть, это мой бывший учитель, Джехангир?

— Ты же его забодал.

— А вдруг он выжил?

— Какое это имеет значение? Кто бы ни руководил Легионом, надо выходить на его атамана, а потом еще выше — на головку РВС. В общем, спасибо за предупреждение, командир. Я поберегусь. Но и ты прими меры предосторожности. Не нравится мне, что в последнее время со мной перестали контактировать курьеры Легиона.

— Что? — воскликнул Егор, но Саша уже положил трубку.

Сердце Крутова сжалось в дурном предчувствии. Зубко находился слишком далеко, чтобы он мог ему помочь. Единственный же способ уцелеть хотя бы на ближайшее время у Александра был теперь — бегство. Его могли вычислить в любую минуту и уничтожить. А еще хуже — снова запрограммировать, и тогда для самого Крутова опасность увеличивалась стократно, потому что друзей у него в этом случае не оставалось совсем. Каждый из них мог быть агентом ЛООС.

Поразмышляв над этой проблемой еще немного и не найдя альтернатив, Егор снова позвонил в Москву, но подруга Саши

сказала, что он уже ушел. Повесил трубку Егор с тяжелым сердцем. Надежды его на счастливую мирную жизнь с любимой женщиной таяли на глазах, как дым. Откуда-то подул холодный злой ветер опасности и затянул горизонт бытия черной тучей угрозы. Сомнений больше не оставалось: легионеры ЛООС в покое их не оставят, пока не добьются своего. Живые свидетели разработок психотронного оружия были им ни к чему. Надо было что-то предпринимать, пока еще оставалось время, однако Егор не знал — что именно. Вечно же бегать от преследователей в надежде сохранить жизнь было не в его характере.

Два дня он ломал голову над стратегией поведения и рисовал планы действий один фантастичнее другого. Затем решил рассказать деду Спиридону все, что знал сам, и попросить у него совета, что делать дальше. Похоже, это был единственный человек, которому можно было доверять. Но визит к деду пришлось отложить, потому что к самому Крутову снова потянулись визитеры. Неделя у него выдалась такая — принимать гостей, причем по большому счету непрошеных.

В четверг поздно вечером, когда он рассеянно слушал болтовню Елизаветы о дневных впечатлениях, что-то заставило его насторожиться. Продолжая сидеть в расслабленной позе в кресле перед телевизором, он прислушался к себе и понял, что возле дома появился человек, сосредоточенно его рассматривающий.

— Да ты меня совсем не слушаешь! — рассердилась Лиза, уютно устроившаяся в соседнем кресле с ногами, с журналом «Космополитен» на коленях.

— Подожди-ка, я сейчас. — Он встал, выключил торшер. — Посиди здесь тихонько.

— В чем дело, Егор?

— Кто-то крутится возле дома, пойду посмотрю.

— Я с тобой.

— Посиди здесь! — негромко, с мягкой непреклонностью сказал Крутов.

Прислушиваясь к долетавшим с улицы и со двора звукам, он натянул спортивный костюм, кроссовки, выскользнул во двор. Постоял несколько секунд, привыкая к темноте, обошел хозблок и через сад достиг соседнего дома. Перелез через забор в палисадник соседа, выглянул поверх штакетника на улицу. Возле калитки их дома мрак сгущался в неподвижную человеческую фигуру, но, кроме нее, на улице никого видно не было. Егор усилием воли вошел в п у с т о т у и спустя два удара сердца оказался за спиной незнакомца, вздумавшего в этот момент закурить. Палец Крутова уперся ему в спину.

— Руки!

Человек дернулся, роняя сигарету и зажигалку, замер, поднимая руки.

— Что ты тут делаешь?

— Не стреляйте, — сдавленным шепотом выговорил незнакомец. — Я просто ищу дом номер семь по улице Герцена, а тут фонаря нет и ничего не видно.

— Зачем тебе дом номер семь?

— Есть дело к хозяину.

— Какое?

— Да уберите вы пистолет! — возмутился человек. — Я не вор и не грабитель. Был бы грабителем, не стоял бы тут столбом.

Егор убрал палец.

— Заходи, я хозяин.

Незнакомец повернулся, свет звезд отразился в его глубоко посаженных глазах.

— Вы Егор Лукич Крутов? Полковник в отставке?

— Проходи, — угрюмо бросил Крутов, озадаченный тем, что гость знает его местонахождение.

— Нет надобности. Мне велено передать вам важное сообщение.

— Кем велено?

— Полковником Федотовым.

— Ираклием?!

— Так точно.

— Что случилось? Он жив?

— Жив, здоров, работает президентом Боевого братства в Бийске. На него и на его друга наехал ЛООС. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Говорит, — глухо подтвердил Крутов. — И что же?

— Федотов просто предупреждает вас о возможном появлении этого подразделения в Ветлуге. Будьте осторожны.

— Его предупреждение запоздало. Но все равно спасибо. Как ему удалось отбиться от легионеров ЛООС?

— У Братства есть соответствующая служба. Если хотите, позвоните полковнику. — Незнакомец продиктовал номер телефона. — А я пойду.

— Зайдите, поужинаете, переночуете.

— Благодарю, но у меня самолет в двенадцать.

— Вы один?

— Нет, нас двое, — усмехнулся незнакомец. — Я и «наган». Прощайте.

Он пожал руку Егору и торопливо заспешил по улице по направлению к центру города, завернул в переулок, исчез.

Крутов постоял немного, расслабленно вдыхая свежий ночной воздух, и вдруг ощутил на лице мелкие водяные капли. Поднял голову.

Звезды одна за другой гасли за надвигающейся глухой пеленой туч, начинался мелкий дождь. Подставив ему лицо, он подождал, пока дождь пойдет сильней, и вернулся в дом, где его ждала встревоженная Елизавета.

— Кто это был?

— Ты подсматривала?

— В окно.

— Это был посланец Ираклия.

В голосе Лизы послышалась тревога:

— Что ему было надо?

Крутов включил торшер, сел в кресло, не спеша отвечать. Он до сих пор не решил, рассказывать ли жене о визите зомбированного Саши Зубко, о вмешательстве деда Спиридона и о возникших в связи со всеми этими событиями проблемах. Но появление курьера Ираклия выводило проблемы на новый уровень, и Елизавета должна была знать о том, что их ожидает.

— Что молчишь? — Она залезла к нему на колени, потерлась носом о подбородок. — Я чувствую, что вокруг происходит какая-то непонятная деятельность, а ты ничего не говоришь. Это нечестно.

— Пожалуй, ты права, — вздохнул Егор, чувствуя кружащую голову, будоражащую теплоту ее тела. — Но, к сожалению, ничего хорошего и успокаивающего сообщить не могу. Грядут скорее всего очень непростые времена. — Он помолчал, целуя Лизу в вырез халата, и коротко поведал ей историю появления в Ветлуге Саши Зубко.

— Я так и знала, — после недолгого молчания сказала Лиза. — Наши разборки в Ковалях не могли закончиться просто так. Эти люди обязаны были перестраховаться. Ты уверен, что они нас найдут?

— Почти, — грустно сказал Егор, хотя был уверен на все сто процентов. — Если Саше поверили, что я ликвидирован, мы в безопасности, если нет...

— Что же нам делать?

— Ничего. Ждать. Искать союзников. Только более мощная «крыша», чем Легион, может нам помочь. Но таких крутых структур я пока не знаю.

— Может быть, твоя бывшая служба?

— ФСБ не станет прикрывать своего бывшего работника. Я не уверен, что она справится с этим, даже если я снова стану работать в Конторе.

— А твои друзья, тот же Саша?

— Они далеко, да и не смогут опекать меня все время. К тому же личный телохранитель не решит проблемы нашей безопасности, нужна именно организация, система.

— Тогда нам поможет только мафия.

— Разве что, — улыбнулся Егор, не предполагая, насколько горькая шутка жены близка к истине.

В этот вечер им удалось отгородиться от невеселых мыслей и негативных эмоций, оба были молоды, полны сил и легко забывали о неприятностях, обнимая друг друга. Но на следующий день Егору пришлось снова вспомнить об этом разговоре, потому что появились новые визитеры, и это были уже те люди, которых Крутов ждал давно, только представлял встречу в ином свете.

Он приехал домой раньше Елизаветы, собираясь окончательно очистить двор от строительного хлама, а потом забрать жену из редакции. С этого дня он решил ни на миг не выпускать ее из поля зрения, привозить на работу и отвозить домой. Была и еще одна мысль — приставить к ней классного телохранителя, который сопровождал бы ее в поездках по городу и охранял в редакции. Правда, лучшим телохранителем был бы он сам, второго такого найти было трудно, да и проблема гарантированной безопасности требовала иного решения, однако Егор пока не видел его и шел традиционным путем.

Гости объявились, как только он поставил машину во дворе. Видимо, они ждали его прибытия, заранее проникнув в дом. Егор почувствовал их, когда выключил двигатель «Рено». Не задумываясь, достал из-под сиденья старенький «макаров», оставленный ему Сашей, сунул в карман пиджака. Хотел было вооружиться еще и карабином, спрятанным в багажнике, но не успел. Одновременно открылись двери дома, выходящие во двор, и хозяйственного строения, и выскользнувшие оттуда крепкие молодые люди навели на машину Крутова стволы «овец»[1], пистолет-пулемет «ОЦ-22» калибра 9 мм, способных за несколько мгновений превратить кабину в решето. Затем из-за спины парня, прятавшегося в доме, вышел еще один мужчина в дорогом плаще из «зеркальной» ткани и сказал негромко и почти ласково:

— Не стреляйте, Егор Лукич, мы пришли с мирными намерениями. Мои мальчики просто перестраховываются.

Крутов узнал владельца сети бензоколонок Вениамина Витальевича Григорьева, у которого побывал недавно с Шури-

[1] «Овца» 197.

ком, мужем Елизаветиной родственницы. На сей раз сходство его с актером Юрием Соломиным не так бросалось в глаза, как при первой встрече.

— Очень хотелось бы верить, — хладнокровно сказал Крутов, вылезая из машины, — что ваши мальчики больше не будут играть в суперагентов в моем присутствии. Оружие, да еще скорострельное, действует на меня удручающе. Пока они его доставали, я мог пристрелить каждого по два раза.

— Я понимаю. — Григорьев сделал жест, и его «мальчики» убрали пистолеты-пулеметы под пиджаки. — Вы профессионал. Прошу прощения, больше этого не повторится. Где мы можем поговорить?

— Прошу в дом, раз уж вы его обыскали.

Григорьев улыбнулся, пригладил пальцем тонкую ниточку усов.

— Мы ничего не трогали. А дом у вас действительно старинный, красивый, даже странно, что он до сих пор не стал музеем.

— В скором времени станет.

— Да, я слышал о ваших предложениях.

Они вошли в дом. Телохранители Григорьева шагнули за ними, но Крутов захлопнул перед ними дверь и мгновенно выхватил пистолет, направив его в грудь первому, кто хотел войти следом. Последовала немая сцена, потом Вениамин Витальевич рассмеялся.

— Подождите меня на улице.

Крупногабаритные «мальчики», смерив Крутова многообещающими взглядами, протопали через прихожую к выходу. Егор провел гостя в главную залу с камином, предложил чай и кофе, но Григорьев отказался.

— Я ненадолго. Егор Лукич, мы знаем, что из органов вы уволились... м-м, не по своей воле. Не скажете, с чем это было связано?

— Это мое личное дело, — холодно отрезал Крутов, понимая подоплеку вопроса: гость спрашивал, не совершил ли полковник какого-либо преступления. — Говорите, зачем пришли. У меня мало времени.

— Хорошо, тогда приступим к делу, — согласился Вениамин Витальевич. — Мы люди серьезные, и нам хотелось бы знать, кого вы представляете сейчас. Уж очень смело и независимо себя ведете, словно за вами стоит какая-то надежная «крыша».

— КММ.

— Ну что вы, — улыбнулся Вениамин Витальевич. — Клуб молодых миллионеров не является с и л о й в нашем регионе.

Это всего лишь имиджевая организация, не способная защитить ни одного ее члена.

— Давайте зайдем с другого конца, — хмыкнул Егор. — Кого представляете вы?

— Резонно, — согласился Григорьев, не выказывая признаков нетерпения или неудовольствия. — Я представляю местную структуру, имеющую большое влияние на официальную власть.

— То есть, другими словами, мафию.

— Можно говорить и так, хотя вы вкладываете в это слово слишком много негативных эмоций. В то время как наша структура давно легализовалась в бизнесе.

Крутов с интересом посмотрел на интеллигентное лицо Григорьева, прямота которого говорила, что он абсолютно уверен в своей правоте и безнаказанности.

— Вы не боитесь таких откровений?

— Они ничего не стоят без доказательств, к тому же мы уверены, что ни на одну государственную силовую структуру вы не работаете.

— На вашем месте я бы не был столь категоричен. Но продолжайте. Кстати, я уже догадался, что вы представляете империю господина Быченко. Не правда ли? На чем же стоит ваша империя, если не секрет?

— Мы контролируем топливно-энергетический комплекс региона, а также почти всю торговлю. К сожалению — почти. Еще существуют формирования-конкуренты, называемые «уличными контролерами», которые нам мешают и которые понимают исключительно страх и силу. Уговорить их законными методами не удается.

— Понятно, вам тоже приходится применять силу. Неужели в Ветлуге столь развит уличный бизнес?

— О, этот процесс идет во всей России, города делятся различными группировками на районы, кварталы и улицы, война идет даже за отдельные дома. Есть анекдот на эту тему. Встречаются двое «новых русских»: «Кем ты сейчас работаешь?» — «Уличным продавцом». — «Ну ты и крут! И сколько же сейчас стоит одна улица?»

— Да, я слышал этот анекдот, — сказал Крутов. — Давайте не будем отвлекаться на лирические отступления. Чего вы хотите от меня? Чтобы я продал дом и переехал? Ваш первый посланник уже предлагал мне этот вариант. Я не уеду.

— Мы не настаиваем на этом варианте. В конце концов, свет клином не сошелся на этом конкретном участке земли, парк можно разбить и в другом месте, на полкилометра восточнее.

— Вы действительно хотели разбить на этом месте парк, как утверждал заместитель главного архитектора?

— Если честно, то на месте вашего и соседних домов Леонид Николаевич хотел строить казино и платную автостоянку. Но Быченко славен и кое-какими благотворительными делами. Это он реанимировал городской парк, а не мэр города Дельнюк. Это он построил швейную мастерскую для слепых, организовал оркестр, звукозаписывающую студию, сервисные предприятия, поставил завод по розливу растительного масла, расширил кладбище, примеряется к созданию аэропорта. Кто-нибудь из властных фигур от мэра до губернатора способен на такое?

— Наверное, нет, — сказал Егор, подумав. — Но что же вы все-таки хотите от меня?

— Служба безопасности Клуба молодых миллионеров — не место для такого специалиста, как вы. У нас есть два предложения. Леонид Николаевич в прошлом хороший боксер, мастер спорта и является вице-президентом Федерации бокса России. Он может предложить вам возглавить федерацию бокса Нижегородской губернии.

Крутов невольно улыбнулся.

— Я не боксер.

— Вы все равно спортсмен, владеете рукопашным боем.

— Однозначно нет.

— Тогда есть еще одно предложение. — Григорьев характерным жестом пригладил свои холеные усики. — Начальник контрразведки нашей организации. Разумеется, негласной. Что скажете?

Крутов молчал. Он вдруг вспомнил слова Лизы, что помочь им сможет только мафия. И вот представитель местной мафии сидит перед ним и предлагает пополнить ее ряды. Может быть, она в самом деле способна справиться с Легионом?

— Над чем вы задумались?

— Заманчиво, — сказал Крутов. — Но у меня есть покровители, которым не понравится мое отступничество.

— Назовите их, и мы разберемся с ними.

— Я подумаю.

— Что ж, приятно иметь дело с умным человеком. — Вениамин Витальевич встал, протянул Крутову визитку. — В случае чего позвоните или приезжайте, вы знаете, где меня можно найти.

Стукнула входная дверь. В гостиную вбежала запыхавшаяся Елизавета, круто затормозила, увидев мужчин.

— Ты дома?! Господи, там на улице какие-то типы, я так испугалась!

— Это моя жена, — сказал Крутов.

— Очень приятно, — слегка поклонился Григорьев, окидывая Лизу выразительным взглядом. — У вас очень красивая жена, Егор Лукич. — Он вдруг засмеялся. — Я тоже женат, но, когда вижу красивую женщину, чувствую себя мусульманином. До свидания.

Вениамин Витальевич еще раз поклонился, отдельно Крутову, отдельно Лизе, и вышел.

— Кто это был? — кивнула на дверь растерянная Елизавета.

— Бандит, — рассеянно ответил Крутов. — Один из боссов местной мафии.

— Ты серьезно? Что ему было нужно?

— Вербовал меня в свою гвардию.

— Полковник, не хами, — рассердилась Лиза.

— Я серьезно. Он приходил с предложением стать их наемником.

— А ты?

— Я сказал, что подумаю. Почему ты меня не дождалась? Я же просил без меня никуда не выходить, тем более вечером.

— Сидоров уехал, и я ушла раньше. — Елизавета закинула руки за шею Егора. — Мне тревожно, Крутов. Я чувствую, что приближается нечто ужасное...

— Снова Тень, и снова Дьявол... — пробормотал Егор, — как говорил поэт[1]. Не переживай, девочка, все образуется. — Он повел ее в ванную, включил воду, раздел, потом подумал и разделся сам. — Придется какое-то время потерпеть, пока все не поймут, что мы с тобой люди мирные, никого не трогаем. Все и утрясется потихоньку... — Он говорил мягко и убедительно, в глубине души не веря своим обещаниям, но жену в конце концов успокоил. А когда спустя час вынес ее из ванной, завернутую в махровое полотенце, обнаружил сидящего у камина человека. Сердце ушло в пятки, в голове вспыхнула мысль: расслабился, идиот! Нашел время...

Человек повернул голову, и на его лицо упал свет торшера. Это был Панкрат Воробьев...

* * *

Они проговорили до глубокой ночи, сначала втроем с Лизой, сообразившей легкий «ночной» ужин, а потом вдвоем, когда Елизавета ушла спать.

Панкрат рассказал о «наездах» на него местной Осташков-

[1] К. Бальмонт.

ской мафии, о визите бывшего «мстителя» Родиона Кокушкина, о его предложении войти в команду «ПД», и Крутов подивился разительному совпадению судеб: жизнь Воробьева на новом месте была почти зеркальной копией его собственной. Не совпадали только качественные характеристики организаций, предлагающих помощь тому и другому. Если Панкрату предлагали работу в команде, поставившей целью уничтожение сети лабораторий, экспериментирующих с психикой людей, то есть в организации, имеющей благородные цели, то Крутову ставила условия мафия, решившая оседлать властные государственные структуры. Однако у Егора почему-то складывалось впечатление, что наниматель Панкрата Архип Иванович Мережковский имеет и другие планы, менее благородные, делиться которыми с Воробьевым он, естественно, не стал.

— Ну что ты обо всем этом думаешь? — спросил Панкрат, притомившись.

— Я плохо знаю твоего Родиона, — задумчиво сказал Егор, глядя на бегущие в камине по сосновым поленьям язычки пламени, — но мне все это не нравится. Почему-то кажется, что нас обоих пытается завербовать одна и та же сила.

— Покровитель Родиона не бандит, — покачал головой Панкрат. — Очень умный и знающий человек.

— Вербовщики мафии и должны быть такими. Я не утверждаю, что твой Архип Иванович — мафиози, но имею определенные сомнения. Я тут недавно разговаривал с родственником Лизы, Петром Качалиным, начальником Ветлужского УВД, так вот он очень точно сформулировал проблему: по оценкам прокуратуры области, криминальное наемничество имеет тенденцию не только к территориальному расширению, но и к превращению в завершенную систему с устойчивым рынком сбыта и предложения. Ведь не секрет, что многие уволенные из спецслужб офицеры работают на мафию.

— Может быть, ты и прав, но, кроме родионовского «Психодава», защитить меня и мою семью некому. Да, я тоже задумывался, не подстроены ли были последние акции с нападениями на меня и на Лиду. Но рисковать больше ее жизнью, жизнью и здоровьем детей не могу и не хочу.

— А если на тебя наехали не бандиты?

— Ты имеешь в виду Легион, ЛООС? Да, меня предупредил Ираклий, прислал гонца.

— Меня тоже.

— Ну и что от этого меняется? Наоборот, все становится еще хуже. Если с бандитами еще как-то можно договориться,

то с ликвидаторами Легиона никогда! Их можно только уничтожить. А кто сделает это лучше, чем спецкоманда типа «ПД»?

Крутов помолчал.

— Я все понимаю, майор. Мое положение не лучше твоего, разве что детям ничто не угрожает, поскольку их нет. Может быть, махнуть всем на Алтай? Объединиться с Ираклием и дать отпор?

— И я думал над этим, — признался Панкрат с кривой улыбкой. — Чем-то мы все-таки с тобой похожи. Но уж очень не хочется выходить на тропу войны.

— Мне тоже. И тем не менее выбора нам практически не оставили. Попробуем, конечно, пошебуршиться, вдруг отстанут. Но даже если ты примешь предложение этого твоего Мережковского, не торопись доверяться ему до конца. Прежде всего осмотрись.

— Само собой. — Панкрат сморщился. — Так хорошо все начиналось! Только-только Лида успокоилась, дети от меня ни на шаг не отходят, и на тебе!..

— С кем ты их оставил?

— С монахами в Ниловой пустыни, мой свояк там пономарем служит.

Крутов невольно улыбнулся.

— У монахов мы помощи еще не просили. Думаешь, монастырь — надежное убежище?

— Не в милицию же идти? Между прочим, по словам свояка, монахи учредили какую-то собственную службу безопасности. Теперь на территорию монастыря пройти нелегко. Но это к слову. Вряд ли моих станут искать там. А вообще, как говорил Высоцкий:

Все разбилось, поломалось,
Нам осталась только малость,
Только выстрелить в висок...

— Выше голову, майор, — проворчал Егор. — Рано нам с тобой стреляться, еще есть порох в пороховницах, еще повоюем за своих близких. Держи меня в курсе событий. Какое-то время я посижу в своем миллионерском Клубе, звони туда. Если понадобится уехать, привози Лиду и детей ко мне.

— Спасибо. — Панкрат зевнул. — Извини. Но если я и соглашусь работать на «ПД», то лишь в обмен на предоставление защиты моей семье. Где ты мне постелил? Пару часов я бы поспал.

— У меня еще две спальни есть, пойдем провожу.

— Да, домина у тебя знатный! Вот строили предки!

Егор показал Панкрату спальню, и тот, стащив с себя одежду, рухнул на кровать. Через несколько секунд он уже спал.

Егор постоял у порога, разглядывая сумрачное озабоченное лицо гостя, выключил свет и пошел в свою спальню. Лиза пошевелилась во сне, одеяло сползло с нее, обнажив грудь, и Крутов, не удержавшись, поцеловал ее в сосок.

Тревоги остались за дверью спальни. На кровати спала его женщина, которую он любил, желал и готов был защищать до конца своих дней, и думать о чем-нибудь другом, кроме как о близости с ней, не хотелось. Сонная, она потянулась к нему, не открывая глаз...

МОСКВА

ЛООС

Испокон века жители Восточного административного округа столицы, имевшие возможность прогуливаться по Измайловскому лесопарку или просто пересекавшие его по какой-то надобности, считали территорию за Лебедянским прудом, огороженную тремя рядами колючей проволоки, принадлежащей старой, построенной еще до войны тюрьме. Так оно и было до начала тысяча девятьсот девяносто седьмого года, пока этой территорией не завладел Российский легион, выселив зэков и превратив тюрьму в базу ЛООС — спецподразделения для ликвидации особо опасных свидетелей. Однако о «перепрофилировании» тюрьмы жители района ничего не знали и знать не могли, этот процесс был скрыт не только от широкой общественности, но даже от чиновников Москомимущества, считающих, что ничего не изменилось: все связи тюрьмы с внешним миром сохранились и никаких приказов сверху о ликвидации объекта пенитенциарной системы на территории Измайлова им не поступало. Знали о смене «начинки» объекта лишь немногие люди в мэрии города, но они были агентами Легиона и усердно поддерживали имидж тюрьмы.

В принципе, порядки базы ЛООС мало чем отличались от порядков тюремно-лагерных заведений, рассыпанных по всей стране. Однако недовольных этими порядками среди контингента базы не было. Добровольцы знали, на что идут, соглашаясь работать в спецзоне, тех же, кто начинал проявлять признаки недовольства или усталости, ликвидировали или зомбировали, переводя в особую команду «тающих» оперативников. Бойцы этой команды направлялись на самые опасные и трудные задания и после выполнения поставленной задачи самоликвидировались во избежание утечек информации. Таким образом, не проходило месяца, чтобы состав «тающих» не пополнялся новыми бойцами. Случаи, когда «тающие» не выполнили приказ, были очень редки и, как правило, оказывались результатами форсмажорных обстоятельств, не зависящих от воли бойцов. Каждый такой случай анализировался, обсуждался на всех уровнях, и эксперты ЛООС меняли программы обучения солдат, чтобы в будущем такого не повторялось. Но случались и крупные «проколы» в работе легионеров ЛООС, когда ликвидаторы недооценивали противника и ошибались. Одним из таких «проколов» стала попытка ликвидации бывших военных контрразведчиков, полковника Федотова и майора Корнеева, после уничтожения секретного объекта Легиона в Жуковских лесах Брянщины нашедших пристанище на Алтае.

Начальник базы ЛООС в «тюрьме» Измайлова шеф-полковник Лысцов получил доклад о происшествии в Бийске спустя сутки после второй неудачной попытки ликвидации и немедленно вызвал к себе начальника группы наблюдения и разведки майора Кейюса и начальника экспертной группы Панасенко.

— Кто готовил алтайскую группу? — осведомился он, не приглашая их сесть, разглядывая бледные лица обоих немигающим змеиным взглядом.

— Дроздовский, — ответил Кейюс; литовец по национальности, он говорил по-русски с заметным акцентом. — Я лишь выдавал стартовые условия.

— Группа провалилась окончательно. Из десяти человек уцелели двое. Объекты оказались «под крышей», один из них вообще исчез. Точнее, находится под прикрытием какой-то мощной конторы и из поля зрения группы выпал. Вам все понятно?

— Я пошлю туда отделение разведки, — хмуро сказал майор. — И лично подготовлю «тающих» для перехвата. Дроздовского от работы отстранить?

— Переведите его в «тающие».

— Слушаюсь.

Полковник перевел взгляд на одутловатое, рыхлое, с мешками под глазами лицо Панасенко. Эксперт был грузен, массивен, имел громадное брюхо, покатые плечи, мыться не любил, и от него всегда несло потом, грязным бельем и прокисшим супом. При всем при том он был профессиональным психоаналитиком и блестящим социологом, способным на оригинальные решения, прогнозы и рекомендации. В свое время он

работал в группах аналитической поддержки таких известных политиков, как Жириновский и Александр Лебедь.

— Вам есть что сказать? — буркнул Лысцов.

— Я уже говорил прежде и еще раз повторюсь, — неожиданно тонким голосом произнес Панасенко. — Ликвидация профессионалов спецслужб — дело тонкое и не приемлет стандарта, если только вы не проводите войсковую операцию. Пора переходить на ниндзя-варианты с применением пси-генераторов и эс-техники[1]. Огнестрельное оружие — это уже вчерашний день.

— Поковыряйтесь в алтайском деле, может, отыщете необходимый подход к объектам. Возможно и применение вашей любимой техники, уровень объектов действительно очень высок. Идите.

Кейюс и Панасенко вышли из кабинета, но эксперт тотчас же вернулся.

— У меня есть кое-какие сомнения...

— Насчет чего?

— Неделю назад мы посылали группу в Нижегородскую губернию...

— Для ликвидации «Объекта № 4»?

— И бывшего полковника ФСБ...

— Крутова. Ну?

— Я не уверен, что выполнены оба задания. Командир группы, он же командир спецподразделения «Витязь» подполковник Зубко, по моим наблюдениям, вел себя неадекватно. Особенно в той части доклада, где речь шла об уничтожении полковника.

— Вы думаете, что он... перевербован?

— Нет, программа этого не допустит, но ведет он себя странно.

— Что вы предлагаете? Понаблюдать за ним?

— В отряде «Витязь», конечно, есть еще пара наших агентов, но вряд ли они справятся со слежкой, он их наверняка вычислит. Предлагаю послать в Ветлугу пару ребят Кейюса, пусть проверят, жив полковник Крутов или нет. Проще и эффективней способа проверки не существует.

Лысцов несколько секунд не сводил своего завораживающего взгляда с лица Панасенко, глаза которого никогда не смотрели на собеседника, и ткнул пальцем в клавишу селектора:

[1] Имеется в виду секретная электронная и лазерная техника, имеющаяся в распоряжении Министерства обороны.

— Буркин, верни Кейюса. Идите, Николай Самойлович. Спасибо за идею.

Панасенко молча вышел, но запах лука и грязного тела еще долго держался в воздухе, пока Лысцов не включил дезодорирующий кондиционер.

Разговор с вернувшимся Кейюсом не занял много времени. Закончив инструктаж, полковник позвонил заместителю командующего Российским легионом в Москве Артемию Гакову. Ответ Гакова его озадачил: заместитель командующего потребовал не трогать полковника Крутова, даже если тот еще жив.

* * *

Гаков позвонил буквально за минуту до выхода Джехангира из дома. Выслушав заместителя, Мстислав Калинович все-таки решил не откладывать запланированное заранее посещение казино «Метрополь», но прежде связался с Валягиным.

— Я подъеду, — ответил председатель Реввоенсовета. — Давно не отдыхал в казино. Там и поговорим.

Через полчаса Джехангир был в «Метрополе».

Для всех посетителей казино начинается с металлического детектора, обыска и уплаты двухсот долларов за вход. Эти меры безопасности позволяют гостям с тугими кошельками чувствовать себя комфортно даже в тускло освещенном зале, где идет игра. Но Мстислав Калинович был избавлен от процедуры проверки и уплаты взноса, и не потому, что накачанные секьюрити казино были ему знакомы, а вследствие приятельских отношений с директором казино Юнусовым. В «Метрополь» он входил не через центральный вход.

Джехангир не был особо азартным игроком, за ночь он чаще всего проигрывал пятьсот-шестьсот долларов, но мог и выиграть до двух тысяч, особенно если с ним был Тимергалин. Экстрасенс и целитель, неохотно отзывающийся на модный ныне термин энэлпер[1], способен был предугадать результаты игры и позволял себе изредка подсказывать другу верные ходы. На сей раз Джехангир прибыл в казино без него. К деньгам он был равнодушен, играл «на интерес», но не безрассудно, и главным, для чего он посещал игорный зал, было успокоение и расслабление. В ожидании Валягина Мстислав Калинович сел за джекпот, выиграл пятьдесят пять долларов и, несколько развеселившись, поднялся в бар.

[1] От НЛП — нейролингвистическое программирование.

Винсент Аркадьевич, громадный, мощный, тяжелый, как скала, — костюмы и смокинги ему шили на заказ у Юдашкина, — нашел его там, пьющего морковный сок. В последнее время Валягин стал носить с собой «антистрессовый» мячик и постоянно мял его в руках, что у собеседника обычно вызывало желание пошутить. Однако Джехангир ни разу не позволил себе ни одной шутки, ибо сам успокаивал себя по вечерам примерно так же, перебирая яшмовые четки, доставшиеся ему в наследство от прадеда, тибетского монаха. Зная вкусы председателя РВС, он заказал его любимый молдавский коньяк, себе же взял стопарик «Старорусской».

— Давно ждешь? — спросил Валягин, кивком благодаря за коньяк. Набрал в рот глоток, посмаковал, проглотил. — Кайф! Не играл?

— По маленькой.

— Выиграл?

— Немного.

— Пошли еще поиграем, мне сегодня должно повезти.

— Винсент, у нас возникли проблемы.

— Вот тут ты прав. — Валягин рассмеялся обманчиво-добродушным рокочущим басом. — Даже не представляешь, какие большие проблемы приходится решать. И первая из них — противостояние церкви. Понимаешь, дорогой мой Монгол? Церковь бунтует, и усмирить ее будет непросто.

— Я считал, что церковь нам доступнее, чем социальные и правительственные институты.

— Увы, ты не прав, генерал. По всей стране идет процесс консолидации духовенства, церковь учредила специальный институт защиты духовных лидеров, так называемый «церковный спецназ», и подчинить теперь эгрегоры веры нашей воле будет весьма сложно.

— Они узнали о наших планах? Каким образом?

— Я тоже хотел бы это выяснить. Подними всю контрразведку и разведку Гакова, но добейся результата. Пока что Проекту ничто не угрожает, но в будущем надо исключить любые утечки информации. Любые! До «часа икс» никто не должен догадываться о грядущей Революции!

— Пси-Революции.

— Если быть точными: Пси-Пирамидальной Революции. Так называется Проект. Между прочим, ты об этом знать не должен. Значит, утечка информации существует. А тайна, которую знают трое, уже перестает быть тайной. Можешь сказать, откуда тебе известна формулировка Проекта?

— От верблюда, — улыбнулся Джехангир. — Но ты можешь

не беспокоиться, председатель. Человек, от которого я это узнал, мой друг и работает только на меня.

— Кто он? Мананников? Лысцов? Щеботарь?

— Это один экстрасенс, или, как теперь говорят, энэлпер. Правда, он этого слова не любит.

— Тимергалин, что ли?

— Вот видишь, оказывается, утечка информации коснулась и моих связей.

— Во-первых, ты с ним встречаешься давно, и мы не могли не проверить, кто он и что собой представляет. Во-вторых, он мог бы стать полезным Проекту. Почему ты не представил его Директору?

— Не хочет. — Джехангир невольно дотронулся до глянцево-розового пятна на шее под правой стороной челюсти — это было все, что осталось от раны, нанесенной Мстиславу Калиновичу Крутовым во время последнего боя в лесу под Ковалями. — Не трогайте его, он меня спас... Если хотите, он мой личный помощник и советник и ни на кого больше работать не будет.

— Успокойся, — фыркнул Валягин. — Никто не собирается его насильно заставлять работать на систему. Но с его возможностями он мог бы помочь нам разрешить многие серьезные проблемы.

— С «церковным спецназом»? Умар не ходит в церковь.

— Есть другие, ждущие разрешения. Если он энэлпер, значит, владеет методами информационного воздействия на психику людей, на подсознание, чего мы и добиваемся в глобальном масштабе. Давно назрела необходимость соединить квантовую физику и мыслительные процессы живого существа в нечто единое целое, осязаемое и легко контролируемое, и нам важна любая помощь в этом направлении.

— Умар не станет работать непосредственно на Проект. Я ему уже предлагал.

— Еще раз предложи, поговори, заинтересуй, проблема не только важна для реализации наших планов, она просто-напросто интересна. К тому же мы сейчас решаем задачу создания целого института НЛП, твой Тимергалин мог бы стать его руководителем.

Джехангир покачал головой, но вслух возражать не стал, хотя подумал: он мне самому нужен.

— А зачем нам нейролингвистический институт? У нас же есть «Объект № 5» в Тверской губернии, занимающийся НЛП.

— Во-первых, это база Директора. Во-вторых, президент одержим идеей борьбы с преступностью, и мы ему поможем.

Задача нового института будет сформулирована так: поставить под контроль всю криминальную сферу страны, вывернуть наизнанку теневой капитал и заставить его работать на государство.

— Цель весьма заманчивая, но, по-моему, нереальна. А реальная — сменить власть?

— Реальная — осуществить Проект, первой стадией которого мы сейчас занимаемся. Скоро наступит вторая — этап глобального зомбирования населения с использованием суперсовременных информационных технологий, телевидения и сети Интернет, а потом наступит и третья фаза — Революция.

Валягин замолчал и допил коньяк. О том, что существуют четвертая и пятая стадии Проекта, он Мстиславу Калиновичу говорить не стал, это был не его уровень, уровень командующего Легионом. Однако он упускал из виду то самое маленькое обстоятельство, о котором они только что говорили. Это обстоятельство носило имя — Умар Гасанович Тимергалин, который имел доступ к Проекту на уровне, о котором Валягин и не подозревал. Тимергалин знал, что такое Проект, соответственно знал и Джехангир.

— Отличный коньячок, — одобрительно сказал Винсент Аркадьевич, снова начиная тискать громадной лапищей «антистрессовый» мячик. — Я от него балдею. Ну теперь выкладывай свои проблемы, и пойдем в зал, поиграем. Руки чешутся.

— У меня проблем нет, — флегматично пожал плечами Мстислав Калинович. — Я даже не женат.

— Ладно, кончай шутить, — рассмеялся Валягин. — Я женат, а проблем семейных у меня тоже нет. Зато все проблемы Проекта — мои проблемы. — Взгляд его вдруг стал острым и угрожающим. — И твои тоже.

— Я справлюсь, — сказал Джехангир. — Это все, так сказать, оперативные проблемы, тактические. Большинство офицеров, уволенных из спецслужб, не соглашается работать на Легион, их приходится или отстреливать, или зомбировать. Ваш ставленник Лысцов не справляется с обязанностями руководителя ЛООС, уже зафиксировано три провала, пора решать, что с ним делать.

— Он не мой ставленник, а Директора Проекта, осуществившего на нем какое-то «особо тонкое» зомбирование. Если Лысцов действительно не справляется, его надо убирать.

— Я не могу повлиять на Юрия Тарасовича, он и так не может простить мне гибель его зятя, майора Сватова.

— Дай мне факты, анализировать и разговаривать с Директором буду я сам. А что, собственно, произошло?

— Посланная на Алтай группа зачистки засветилась и была уничтожена. Вторая группа не смогла «погасить» клиента в Осташкове. Третья прокололась в Нижегородской губернии. Лысцов требует пси-технику, но мы и так уже потеряли несколько «глушаков», один из которых всплыл в лаборатории ФСБ. Хорошо, что это заметил наш агент.

Валягин закусил коньяк тарталеточкой с черной икрой, вытер губы салфеткой.

— Это действительно впечатляет, дорогой мой Монгол. Кого же наши бравые зомби-ребятишки никак не могут отправить на тот свет?

Джехангир помолчал, прихлебывая сок, и с неохотой сказал:

— Это наши знакомые... из Жуковских лесов... Федотов, Корнеев, Воробьев и Крутов...

Валягин смял в руке вынутый серебряный портсигар, и лицо его вдруг стало наливаться кровью, темнеть, а взгляд стал черным и страшным.

— Они... до сих пор... живы?!

— Пока да.

— Ты понимаешь, чем мы рискуем?!

— Вот поэтому и нужно убрать Лысцова. Я сам займусь этим делом, пошлю свою группу.

Валягин остыл так же внезапно, как и вспылил.

— Займись, пожалуйста. Совет не станет разбираться, кто прав, кто виноват, ты или Лысцов. Ну, готов?

Один за другим они спустились в игорный зал, сопровождаемые незаметными с виду, но прекрасно подготовленными телохранителями.

ВЕТЛУГА

СПИРИДОН КАЧАЛИН

Возраст Спиридона Пафнутьевича Качалина давно перешагнул за сто пятьдесят лет, но об этом знали лишь ближайшие его родственники да жена Евдокия Филимоновна, которая была ненамного моложе мужа. Вместе они прошли душа в душу более семидесяти лет: он — волхв, архимандрит Русского внутреннего Предиктора (еще десять лет назад Предиктор именовался Духовным Собором), она — его берегиня. В роду Качалиных в общем-то все были долгожителями, славился он и колдунами, целителями, ведуньями и видунами; не ведунами — от слова «ведать», а именно видунами — от слова «видеть», то есть теми, кто видел будущее. Дед Спиридон тоже

видел будущее, но, кроме того, он знал прошлое и регулировал настоящее. На уровне, который был ему доступен, на уровне формирования русского эгрегора. В каждый последующий момент времени он отчетливо понимал, что должен делать и как. В любой ситуации знал, кем должен быть. Он мог быть воином, а мог быть и врачом, исцеляющим любую рану, мог превратиться в юношу либо принять образ глубокого дряхлого старика. Мог сыграть роль «особо важной персоны» — чиновника или политика любого уровня, а мог выглядеть хитровато-простецким мужичком, мечтающим о хорошем урожае. Он многое знал и умел, кроме одного: не мог изменить Судьбу Мира. Этого не мог сделать даже весь Русский внутренний Предиктор светлых сил. Изменение Судьбы было под силу только Воплощенному, Мессии, приход которого ожидался еще не скоро.

О том, что к нему направляется Ходок Предиктора, или, как его можно было назвать современным языком — курьер, Спиридон Пафнутьевич узнал по изменению «цвета» приходящего извне потока пси-энергии. Опять же, говоря современным языком, — по изменению астрала, с которым контактировал Спиридон, хотя и называл это информационное поле иначе. Для связи с Предиктором и между собой волхвы не пользовались телефонами и рациями, подверженными воздействию «печати Сатаны», но передавали целевые сообщения посредством «крученого толчка» (сейчас ученые назвали бы этот способ передачи информации «возбуждением спинторсионного поля») — через астрал, подробности же дела всегда приносили Ходоки.

Спиридон Пафнутьевич на своем веку повстречал немало Ходоков, посланцев Предиктора, людей, согласившихся на внедрение тайных знаний, но этот курьер его слегка позабавил: он оказался молодой женщиной с ярко выраженной аурой ведуньи. На вид ей можно было дать не больше двадцати пяти лет, на самом же деле ей недавно исполнилось тридцать четыре. Одевалась она вполне по-современному, согласно времени года и веяниям моды: полупрозрачный плащик, брючный костюмчик песочного цвета, серые осенние туфли, сумочка «нефертити» в форме пирамидки. Длинные черные волосы она не заплетала в косу и не прятала под шляпкой или беретом, и они, рассыпанные по плечам, в сочетании с черными вразлет бровями и черными глазами придавали ей вид цыганки.

Спиридон занимался в саду ежевечерним тренингом, сохраняя физическую форму на протяжении века не ради долголетия, а для полноценного участия в драме под названием «жизнь». Даже став архимандритом Собора (тогда еще не Предиктора), то есть третьим после патриарха регулятором национального эгрегора, он не перестал быть активным защитником Родины. То есть, будучи философом и наставником, оставался воином, ибо могучая духовная держава, ее физическое тело — народ и духовное тело — культура как никогда прежде нуждались в защите, причем на всех уровнях: ментальном, интеллектуальном, мысленном и физическом. Ибо приближался час выхода в мир Сатаны, прибиравшего к рукам неустойчивые души, и земной мир медленно, но неотвратимо сползал в пучину Тьмы. Единственной опорой светлых сил и надеждой на возрождение и возвращение Творца оставалась Россия. Как бы кто к этому ни относился.

Ходок приехал на собственной машине — «Жигулях» последней модели, что говорило о влиянии технического прогресса и на такой традиционный вид связи, как курьерская служба Предиктора. Впрочем, здесь уместно дать необходимое пояснение.

Русский Предиктор — не есть организация, требующая резиденции, штаба, схрона, определенного места расположения. Это духовная структура хранителей традиций и древней русской культуры, и «рассыпана» она по всем городам и весям великой страны. Предиктору нет нужды собираться физически, как это делает правительство или любая другая политическая и властная структура, его члены (на Западе, где создавались всевозможного рода ордена и союзы, их назвали бы магистрами или генералами) были волхвами и могли общаться (не мысленно — трансперсонально), передавая не аналоговую информацию, а энергоэмоциональную, практически мгновенно. За все время своего существования — семь с половиной тысяч лет — Собор-Предиктор, ставший Русским после исхода арктов с севера на юг, не языческий и не православный, а именно духовный, собирался на физическом плане всего пять раз. Последний сбор произошел в тысяча девятьсот сорок первом году в Москве, предпоследний — в тысяча сто тридцать восьмом году в Киеве. Если же требовалось какое-то физическое воздействие, Предиктор избирал исполнителя, регулятора реальности, и направлял к нему Ходока, который знал весь Замысел. Ходок мог располагаться, жить в любом районе страны, однако же из соображений скорого исполнения миссии его находили как можно ближе к исполнителю. Как оказалось, нынешний Ходок жил и работал в Нижнем Новгороде и прежде, чем стать Ходоком и получить Замысел,

был писателем, точнее, писательницей. К этому моменту она издала уже десятка полтора книг фантастической и любовно-авантюрной тематики.

Почувствовав присутствие с и л ы, Спиридон Пафнутьевич закончил зарядку, переоделся в чистую белую рубаху и вышел к калитке, возле которой уже стояла гостья, осматривающая дом и его окрестности. Несколько мгновений они вглядывались друг в друга: оценивающе — посланница Предиктора, с кротким простодушием и смирением — дед Спиридон, потом одновременно поклонились друг другу.

— Издалека? — поинтересовался Спиридон Пафнутьевич.

— Не очень, из Нижнего, — ответила женщина, аура которой вдруг «засветилась» на ментальном плане в нежнейшем и чистейшем изумрудном «цвете». — Здравствуйте, архимандрит.

— Здрав будь, Ходок, — усмехнулся в бороду дед Спиридон. — Проходи, гостем будешь. Не чаял увидеть Ходока в облике богини.

— Так уж и богини, — лукаво улыбнулась женщина. — Скорее ведьмы.

— Это только в последние два века детей стали стращать ведьмами, перевернув и извратив смысл этого понятия, раньше их никто не боялся, потому как ведьма — значит ведунья, в е д а ю щ а я добрыми силами, помогающая людям. Ты — из них.

— Спасибо, архимандрит. Хотя, конечно, я еще только на пути к добрым силам. Зовите меня Марией.

— А ты меня дедушкой. О том, что я архимандрит Собора, посторонние знать не должны.

На крыльцо вышла Евдокия Филимоновна, окинула строгим взглядом гостью, и та, встрепенувшись, ответив на в н у т р е н н и й вопрос-взгляд, замерла на мгновение, потом улыбнулась несмело. Строгость в глазах жены деда Спиридона смягчилась, старуха поняла, кто перед ней.

— Не стой на пороге, старый, — сказала она, — веди гостью в хату, сейчас дождь пойдет. Как звать-то тебя, красавица?

— Мария, — поклонилась Ходок, пряча в душе холодок страха; баба Евдокия и в старости оставалась берегиней мужа и могла легко превратить любого супостата, намеревавшегося причинить зло Спиридону, в слепца, глухого и немого, а то и в безумца.

Они прошли в дом и расположились в светлице с единственной иконой Божьей Матери в красном углу. Евдокия Филимоновна безмолвно накрыла стол, принесла ужин и вышла. Дождь действительно уже начался, тихий шорох капель по листве деревьев проник в дом. Дед Спиридон и Мария, до этого неторопливо ведшие разговор о вещах необязательных, не относящихся к делу, замолкли, и хозяин внезапно стал другим человеком: сосредоточенным, суровым и властным. Глаза его обрели глубину ночи и силу огня.

— С чем пожаловала, Ходок?

— Предиктор обеспокоен, — сказала Мария, в глазах которой тоже вспыхнул огонь. — Иссякает творческий и энергетический потенциал почти всех этносов, кроме российского и двух-трех малых, южноазиатских. Запад и Восток приступили к поиску выходов на космическую энергию русского этноса, в результате и у нас начинается «качание потенциалов», перераспределение психоэнергетических полей.

— Я это знаю, дочка.

— Я знаю, что вы знаете, дедушка. Но без «лирических отступлений» я не сформулирую Замысел, Ходок я все же неопытный, к тому же еще женщина.

— Женщины во многом сильнее и мудрее мужчин, — улыбнулся дед Спиридон. — Ни один волхв не может обойтись без своей берегини.

— Позвольте мне продолжить. В России образовался конгломерат не только политических партий, течений и властных группировок, в том числе криминальных, но и магических групп, каждая из которых претендует на г л а в н о е изменение реальности. Но самое плохое не в этом.

— Самое плохое в том, что многие магические группы, ставшие ядрами эгрегоров, управляются черными магами, и изменить ситуацию в свою пользу Предиктор сейчас не в состоянии. В одной только первопрестольной обретается девять черных магов, образовавших, как теперь говорят, квазиустойчивый криминальный «провал». Именно на них и опирается воинство Сатаны, разрушающее здоровье нации. Идет стремительная психическая деградация населения, причем в деревнях и поселках быстрее, чем в городах, искажается духовная база, все больше рождается дебилов, детей с разного рода психическими и биологическими отклонениями... да что я говорю, дочка, ты и сама теперь все знаешь.

— Знаю, — грустно кивнула Мария. — Если бы я не стала Ходоком, вряд ли выдержала бы груз этих знаний. Но теперь попробую использовать их в своей профессиональной деятельности, как писатель. Однако мы отклонились от темы. Предиктор начинает организовывать сопротивление силам Сатаны, и это меня немного согревает. Еще есть эгрегоры, не-

подвластные влиянию извне, такие, как Православная церковь, казачьи общины...

—Церковь действительно одна из ступеней защиты духа народа, но одной ей не справиться с нашествием, несмотря на особые, «мирские» методы сопротивления. В чем Предиктор видит главную опасность?

— Сатана пытается выйти из преисподней в наш мир не традиционным путем, а через всемирную коммуникационную сеть.

— Телевидение, связь, компьютерные сети. Да, с появлением Интернета, этой «всемирной компьютерной паутины», способной как осчастливить человечество, так и бросить его в пучину деградации, опасность стала реальной. Что же мы можем сделать?

— Не смейтесь надо мной, — покраснела Мария, опуская и тут же вскидывая глаза. — Я знаю, что вы уже многое делаете для спасения народа, являясь регулюмом Предиктора и хранителем духа, но я послана для выбора конкретной цели, а вы выбраны исполнителем Замысла...

— Не обижайся, дочка, — накрыл Спиридон руку женщины своей огромной темной ладонью. — Я не был разработчиком Замысла, который ты принесла, и не знаю подробностей.

Мария почувствовала особый ток щекочущего тепла, вливавшегося в ее сердце через руку от руки архимандрита, и внезапно успокоилась.

— Вы знаете, дедушка, что, кроме светлых волхвов и черных магов, существуют еще и так называемые «серые» маги, маги равновесия или «маги свободного выбора». Они сильны, но предпочитают всегда выбирать сторону победителей.

— Я встречал таких. В столице их трое.

— Замысел заключается в том, чтобы попытаться склонить их на нашу сторону до выхода Сатаны.

Спиридон убрал руку, покачал головой, прислушиваясь к чему-то, и как бы отсутствовал некоторое время, пребывая в особом трансе. Потом очнулся, снова покачал головой.

— Это нереально.

— Есть одна возможность, — сдвинула брови Мария. — Один из ваших знакомых, муж вашей дальней родственницы, контактировал с одним из учеников «серых»...

— Уж не Крутов ли Егор? — смекнул Спиридон. — Когда же ему это удалось? Он не сказывал. Да, он воин, человек боя, но не думаю, что... и с кем же он контактировал?

— С Умаром Тимергалиным, опасно склонившимся к одной из групп воинства Сатаны, разрабатывающей психотронное оружие по так называемому Проекту «новой русской революции», которая должна будет опираться на зомбирование больших масс людей. Поговорите с Крутовым, он расскажет подробности. Но именно этот человек может повлиять на Тимергалина, обладая хотя и небольшим, но достаточным параэнергетическим запасом. Надо его только подучить, превратить в Витязя, воина магического оперирования, дать понятие Силы и знания предков. Станьте его Учителем, он должен быть неплохим учеником.

— Мир еще не родил ученика, не способного предать Учителя, — изрек с улыбкой Спиридон, оглаживая бороду. — Но я этого не боюсь. К тому же Егор Крутов мне симпатичен, в нем есть нравственный стержень русского народа, сотканный из закона справедливости. Я уже занимаюсь с ним.

— Вы... знали... Замысел?! — широко открыла глаза Мария.

— В общих чертах, дорогой мой Ходок. Все же я архимандрит, или, как теперь принято говорить, регулюм. Скажу больше: за попытками подчинить реальность наподобие Проекта стоит гораздо более серьезная программа, чем думают его творцы. Всего Проекта не знает никто... кроме Сатаны. Завладев «всемирной паутиной», он попытается подчинить всех людей, внедрившись в их подсознание. Но и это, наверное, не предел, хотя дальше начинается область догадок и гипотез. Даже видящие не могут оценить всю опасность совершенствования компьютерных технологий. Кстати, бороться с вторжением Сатаны можно и с помощью искажений компьютерных программ.

— Запуск «вирусов»?

— Запуск вирус-программ и нападений хакеров.

Мария невольно засмеялась.

— Хакеры в роли благодетелей, спасителей человечества — это что-то новое.

— Увы, но это именно так. Способные люди, интеллектуалы, но совершенно аморальные больные умы, лишенные нравственной базы, способны причинить вред и самому Сатане. Он еще возьмется за них с помощью своего воинства типа Российского легиона или бандитских формирований. Однако давай-ка закругляться, дочка. Тебе ведь надо передать часть Замысла еще одному исполнителю?

— Откуда вы знаете?

— Или оставайся у нас, отдохни с дороги, — пропустил Спиридон мимо ушей вопрос. — Завтра раненько и поедешь.

— Нет, время не терпит, — поднялась гостья. — К утру я должна быть в Твери.

— Сил хватит? Варнаков на дорогах не боишься?

— И сил хватит, и варнаков не боюсь, они меня просто не станут останавливать. Вы забыли о способностях Ходоков отводить глаза? Кстати, дедушка, вашему будущему Воину понадобится берегиня.

Дед Спиридон остро заглянул в глаза Марии.

— Это тоже в ходит в твой л и ч н ы й Замысел?

— Да, — выдержала взгляд женщина.

— У него уже есть... берегиня. Ну, может быть, не совсем берегиня, а пока только жена, но в принципе она по материнской линии ведьма и может стать его защитницей.

— Могу я хотя бы взглянуть на него?

— Не надо, — мягко, но с непреклонными интонациями сказал дед Спиридон. — Две берегини для одного человека — это слишком. Вы не уживетесь.

— И все же я хотела бы посмотреть на вашего Витязя. — Мария тоже умела быть твердой. — Замысел Предиктора может отменить только Предиктор.

— Я тоже один из регулюмов Предиктора.

— Но не весь Собор.

— Согласен, — отступил Спиридон. — Выполняй свою миссию до конца, дочка. Его адрес: улица Герцена, дом номер семь.

Мария поклонилась, не глядя в глаза деда, хотела что-то сказать, но передумала. Оглянулась на пороге.

— Простите меня, дедушка, если я слишком... настойчива. Я постараюсь не нарушить равновесия вашей семьи.

Исчезла.

Дед Спиридон дождался звука включенного автомобильного мотора, усмехнулся в усы, огладил бороду, подумав: Предиктор иногда ошибается в выборе исполнителей... и Ходоков.

Тихо скрипнула дверь из сеней в светлицу, на пороге возникла баба Евдокия, глянула на мужа не по-старчески зоркими и ясными глазами.

— Что-то не так, старый?

— Все так, берегиня, все так, да только она слишком яркая и красивая женщина. Впрочем, — он улыбнулся и прижал Евдокию к своей груди, — и ты в молодости была такой же красивой.

— Ходок появляется не зря.

— По Замыслу Предиктора мне определена роль Учителя. Будем воспитывать Витязя и пытаться воздействовать на «серого».

— Кто будет Витязем?

— Егор Крутов.

КРУТОВ

Спокойная размеренная жизнь кончилась.

Крутов окончательно это понял в понедельник вечером, после того, как пошел дождь и дом их посетила очень красивая, но странная женщина, удивительно похожая на первую его жену Наталью. Ее приближение Крутов почувствовал еще до того, как она позвонила в дверь дома: будто электрическая искра пронизала его тело через сердце, оставив ветвящийся, как зигзаг молнии, след.

Они сидели с Лизой в своем любимом зале с камином и смотрели телевизор, когда это произошло. Крутов вздрогнул, и Елизавета тотчас же заметила это, в последнее время каким-то колдовским чутьем определяя его настроение и переживания.

— Принести соку? — спросила она, внимательно посмотрев на мужа.

— Принеси, — пробормотал Егор, прислушиваясь к себе. Его ощущения не походили на те, которые возбуждала внутренняя сторожевая система, то есть врагом или опасностью «не пахло», но в том, что подсознание что-то уловило и подало сигнал, сомневаться не приходилось.

В этот момент и прозвенел входной звонок.

Елизавета с кружкой ананасового сока в руке замерла на пороге.

— Я открою.

— Побудь здесь. — Крутов рывком соскочил с кресла, запахнул халат и завязал пояс. — Я сам.

Он вышел в сени, постоял несколько мгновений, прислушиваясь к шуму дождя, других звуков не услышал и открыл дверь.

Свет близкого фонаря на улице падал на женскую фигуру в плаще за калиткой, отражался в глазах женщины и освещал ее лицо сбоку. На миг Крутову показалось, что перед ним Наталья. Сердце рванулось в груди так сильно, что все тело пронизала боль. Потом, спустя еще мгновение, он понял, что это не она. И все же незнакомка была так похожа на первую жену, что невольно мозг начинал искать объяснение феномену: может быть, это ее сестра?! Или привидение?! Или она сама, воскресшая в результате какого-то невероятного стечения обстоятельств?! Или в конце концов он просто спит и это — сон?!

Пауза затянулась. Затем незнакомка засмеялась и сказала приятным контральто:

— Кажется, меня здесь не ждали?

— Кто вы? — хрипло пробормотал Крутов.

— Я Ходок, а зовут меня Марией. Будете у деда Спиридона, передайте ему привет. Если захочет, он расскажет, кто я. А вы — Егор Крутов?

— Кто вам сказал, что я живу здесь?

За спиной Крутова в проеме двери возникла Елизавета. Незнакомка по имени Мария перевела взгляд на нее, и женщины некоторое время оценивающе смотрели друг на друга сквозь пелену мелкого дождя. Потом Лиза, не сводя потемневших глаз с незнакомки, положила руку на плечо Крутова.

— Почему не зовешь гостью в дом, Егор?

— Спасибо, я только на секунду, — отозвалась Мария. — Хотела посмотреть на Витязя. Вы Елизавета?

— А вы кто? — нахмурилась Лиза.

— Ее зовут Мария, она... — начал было Егор.

— Ходок, — слегка поклонилась женщина и посмотрела куда-то вверх, в небо, сеющее жемчужную пелену мороси. Мелкие капли покрыли ее лицо под капюшоном и в свете фонаря вспыхнули бисером, волшебно изменив и без того прекрасное лицо. — Берегите его, девушка, ему многое предстоит сделать. Прощайте.

Она отступила от калитки.

— Подождите, куда же вы! — воскликнули Крутов и Лиза в один голос.

Но гостья отступила еще дальше, миг — и она исчезла. Только серебристая пелена дождя мягко осыпала землю, улицу, деревья, скрывая за собой очертания близлежащих домов.

Посмотрев друг на друга, Крутовы вернулись в дом.

— Ты ее знаешь? — спросила Лиза, забираясь с ногами в свое любимое кресло.

— Я собирался спросить об этом у тебя, — ответил Крутов, подбрасывая в камин сосновые полешки. — Она знает Спиридона. Может, еще одна твоя родственница?

О том, что гостья жутко напомнила ему погибшую жену, он умолчал.

— Я ее никогда не видела. И волосы у нее черные, и брови, и вообще лицо совсем другого типа, чем у всех Качалиных.

— Когда ты успела все рассмотреть? — удивился Егор.

— Смогла. Она мне не родственница, но очень красивая и сильная женщина. И мне очень не понравилось, как она смотрела на тебя.

— Зато мне понравилось.

— Полковник, — с притворной угрозой сдвинула брови

Елизавета, — я не потерплю, чтобы тебя увела у меня из-под носа какая-то цыганка.

— А я здесь при чем? Не терпи. Лично мне нравятся красивые цыганки.

— Ах так?! — Лиза соскочила с кресла, прыгнула на Егора и принялась его душить. Кончилось это долгим поцелуем и обоюдным раздеванием. Уже лежа в кровати, Лиза прошептала:

— Она сказала, что пришла посмотреть на витязя. Это ты витязь?

— Не ты же, — ответил Егор, целуя ее в грудь.

— А все же непонятно, зачем она приходила...

— Спросим завтра у деда Спиридона...

Больше они не разговаривали.

На следующий день он действительно поехал после работы к Спиридону Пафнутьевичу, захватив с собой и Лизу.

Старик встретил их во дворе — колол дрова, играючи помахивая старинной работы колуном.

— А-а-а, вот и внуки пожаловали, — прогудел он в бороду, отбрасывая колун. — Я вас еще вчера ждал, али дождя испугались?

Егор выдержал острый, пытливый, все понимающий взгляд старика и понял, что тот знает о визите к ним Марии.

— Есть разговор, Спиридон Пафнутьевич, — сказал он. — Можно погулять с вами по саду?

— Отчего же не погулять в такую погоду. — Дед Спиридон кинул взгляд из-под седых мохнатых бровей на бабу Евдокию. — Займи внучку, Евдокиюшка, мы с Егоршей поговорим.

Мужчины направились в сад, сырой от прошедшего в обед дождя. Небо хмурилось, дождь вот-вот мог пойти снова, осень давала о себе знать все чаще, но было еще тепло, да и ветер дул с юга. В сентябре смеркается рано, и в саду уже было темновато.

— К нам вчера заходила женщина, — начал Егор, останавливаясь у малинника, за которым начиналось распаханное после убранной картошки поле. — Назвалась Марией... и еще сказала, что она Ходок. И будто бы вы знаете, что это такое, Спиридон Пафнутьевич.

— Знаю, сынок, — кивнул старик. — Но для того, чтобы продолжать эту тему, позволь мне задать тебе вопрос.

— Конечно, — пожал плечами Крутов, у которого отчего-то защемило сердце.

Дед Спиридон покосился на него, усмехнулся в усы и вдруг

дунул на яблоню, стоявшую в десятке шагов от него. И произошло чудо: вздрогнув, яблоня стряхнула с себя тучу водяных капель, эта туча метнулась прочь, будто под ударом ураганного ветра, и пролилась на землю в форме креста.

— Я знаю, что к тебе приходили вербовщики местной мафии, — как ни в чем не бывало продолжал старик. — Я также знаю, что они придут снова, и тебе придется решать, что делать. Но они будут не последними визитерами. ЛООС тебя не оставит в покое, пришлет проверщиков, и тебе снова придется решать, что делать.

— Я думал над этим, — признался Крутов. — Но откуда вы знаете о ЛООС? Мы вроде бы об этом не говорили.

— Теперь, возвращаясь к началу разговора, — не обратил внимания на реплику Егора дед Спиридон, — я и хочу спросить тебя, сынок: готов ли ты бороться? Готов ли защищать себя, свою жену, свой народ? Готов ли снова стать воином?

Крутов проглотил давно вертевшийся на языке ответ и молча прошелся по мокрой траве вдоль малинника, опустив голову. Мысли бежали торопливо, наталкиваясь друг на друга, многие из них касались осведомленности деда о делах, о которых он не должен был знать ничего, но основную мысль, что уходила и возвращалась, можно было выразить двумя словами: не хочу...

— Спиридон Пафнутьевич...

— Зови меня дедушкой. По сути, я глубокий старик.

— Вы только выглядите глубоким стариком, — вырвалось у Крутова. — Я хотел бы... начать... мы с Лизой... новую жизнь. Понимаете? Я уже пожалел, что вмешался в чужие разборки, проучил наглецов, дал отпор новым хозяевам жизни. Может быть, стоило согласиться и продать дом? Вы же сами говорили, что надо уметь проявлять смирение.

— Это целая наука, сынок. Ее надо изучать всю жизнь. Могу только дать совет: смирение проявляй, когда наступили на ногу лично тебе, а не твоему ребенку или жене, матери, бабушке. Смирение личностно. Что касается отпора, то люди, не имеющие решительности для отпора насилию, — рабы! И они же, кстати, не овладевшие ответственностью за свою семью, первыми становятся нищими духом. А сбившись в бездумную стаю, получивши власть, превращаются в самых жестоких тиранов.

Крутов улыбнулся.

— Мне это не грозит.

— Я знаю, — серьезно сказал Спиридон. Умные проницательные глаза его как бы увеличились на мгновение, Егор почувствовал легкое головокружение, которое тут же прошло.

— Я знаю, — повторил старик, — потому и беседую с тобой. Сердце каждого человека есть балансир между добром и злом, его работа — объективный показатель баланса энергий между человеком и внешним миром, и у тебя этот показатель выше порога смирения, потому что ты воин по природе. Но и воин обязан повиноваться законам, в первую очередь закону справедливости, даже будучи властелином пространства и времени. Желаешь ли ты обладать такой властью? Не спеши, — остановил он попытку Егора ответить. — Власть власти рознь. Власть — это реализация способности управлять теми или иными процессами в природе или обществе, и потому она не всегда соответствует положению человека, его должности и табличке на двери кабинета.

— Я понял, — пробормотал Крутов.

— Следует сказать еще и о справедливости, которая каждым человеком оценивается по-разному. Есть справедливость воина, защищающего свой дом, кров, землю, семью, близких людей, а есть справедливость волка, изучающего глаза своей жертвы с безмолвным вопросом: хочешь ли ты жить? Какую бы ты избрал?

Крутов помедлил, оценивая смысл сказанного. Его проверяли, это было ясно, и ударить лицом в грязь не хотелось.

— Я бы не стал безоговорочно избирать между этими категориями справедливости, — сказал он. — Нашему миру нужны и воины, и волки, очищающие его от больных и слабых. Но я между тем — не волк.

В глазах старика зажглась и погасла усмешка.

— Ты умеешь думать, сынок. Это хорошо. Может быть, у нас с тобой что-нибудь и получится. Как говорят философы: homo rec sacra, человек — вещь священная, но, к сожалению, далеко не всякий человек. Этот закон не распространяется на таких людей, как господин Быченко, от имени которого к тебе приходили «доброжелатели». Этот человек очень т я ж е л, тяжел массой своих неоплаченных долгов, и вряд ли сможет оплатить их сполна, даже делая справедливые дела. Однако речь не о нем.

— Я понял. Может быть, не все. Если сможете, помогите понять остальное, я постараюсь быть терпеливым учеником. Но ведь, называя меня воином, вы имели в виду нечто другое? Не только мои способности человека боя?

Дед Спиридон внезапно исчез и появился уже за кустами малины, оглянулся, как бы проверяя реакцию собеседника,

но Крутов остался невозмутимым, и старик удовлетворенно кивнул самому себе.

— Лизка в тебе не ошиблась, полковник. В потенциале она — берегиня, и ей необходим воин, которого она могла бы защищать и беречь, давать силу и дарить любовь. Вы с ней хорошо начали, дай вам бог продолжать в том же духе. Скажи честно, вчерашняя гостья понравилась тебе, запала в душу?

Крутов нахмурился, переживая вдруг неприятное чувство заглядывания в его душу, но пересилил себя, прямо взглянув на старика.

— Она очень красивая и... очень похожа на мою первую жену. Зачем она приходила к нам?

— По Замыслу группы достаточно могущественных и знающих людей, называющей себя внутренним Предиктором, она должна стать твоей берегиней.

— Я... люблю Лизу.

— Она это поняла, иначе осталась бы, но ты должен знать, что берегиня дается только один раз, и если ты ошибешься в выборе, погубишь человека, всегда готового прийти на помощь. Лизке еще многому предстоит научиться, чтобы стать берегиней, а Мария уже готова, посвящена, и путь воина ты уже начал, хотя и помимо своей воли, а опасность подстерегает тебя на каждом шагу.

— Мне не надо другой берегини, — тихо сказал Егор, перед глазами которого на миг встал образ прекрасной незнакомки в плаще.

— Хорошо, коли так. Значит, ты готов учиться быть Витязем?

Крутов хотел отшутиться, сказать, что он давно «витязь», однако посмотрел на суровое лицо старика в обрамлении светящихся в сумраке сада седых волос и коротко проговорил:

— Онэгай симасу[1].

Спиридон усмехнулся. Этот удивительный старик, легко применяющий в разговоре современную лексику, прекрасно разбирающийся в научной и философской терминологии, знал так много, что не приходилось сомневаться: он понимает собеседника еще до того, как тот собирается высказать свое мнение.

— Ты что-нибудь слышал о боевых искусствах древних славян?

— Суев, боливак...

— Нет, это достаточно хорошо сохранившиеся формы рукопашного боя, им всего две с лишним тысячи лет. Кстати, они культивируются только истинными мастерами-одиночками, всеми остальными они забыты, хотя широко известны в Азии, как...

— Кунг-фу, кэмпо? Карате?

— Совершенно верно. Боливак — вообще основа всех так называемых азиатских стилей. Но существовали и протоформы боевых искусств всего человечества, как одна из форм магического оперирования.

Дед Спиридон исчез и появился уже за спиной Крутова, которому на сей раз удалось заметить молниеносное — в форме привидения — перемещение старика.

— Как я это сделал?

Крутов почесал затылок, засмеялся.

— Если это не фокус, то магическое оперирование, да?

Засмеялся басом и Спиридон.

— Угадал. Но об этом мы поговорим завтра. Жду тебя в семь часов вечера. Ты у меня не первый ученик, но самый важный.

— Почему?

— Потому что от тебя будет зависеть исход битвы с воинством Сатаны, и ошибиться тебе никак нельзя. Мне тоже.

В саду появилась Елизавета, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, и мужчины, пережив возникший на секунду эффект единения, двинулись к ней.

* * *

Крутов ошибся. Он совершенно не представлял себе, чем занимается дед Спиридон, полагая, что знает о боевых системах если и не все, то почти все. Назвать систему, которой владел старик, просто одной из форм воинских искусств было нельзя. На самом деле смысл этой системы сводился не к эффективному владению какой-то определенной боевой техникой, чему, в общем-то, отводилось немало времени, а к самой настоящей м а г и и движений.

Оказывается, существовала древняя протославянская, созданная еще арктами, предками славян, атлантов, германцев, прибалтийских народов, индийцев, система магического оперирования реальностью ч е р е з движения, изменяющие причинно-следственные связи в мире. Вооруженный такой системой адепт посредством исполнения определенных наборов специальных движений мог влиять на многие события, причем как в положительную, так и в отрицательную сторону. То есть «танец жизни» можно было, запустив его «наоборот», сме-

[1] О н э г а й с и м а с у — пожалуйста, научите меня (*яп.*). Традиционная фраза ученика японских школ боевых искусств.

нить «танцем смерти», в зависимости от задачи, которую поставил себе мастер. Мало того, мастера магических движений могли видеть линии судьбы связанных с ними людей — как некие потоки вероятностных процессов и событий в природе.

Мастер системы, которую дед Спиридон назвал живой, мог быть как великим целителем, способным залечивать смертельные раны и болезни, так и великим мастером боя, способным сражаться со множеством противников сразу и выходить из схватки победителем. Получалось, что жива — нечто вроде генератора особого объема волшебного пространства, создаваемого оператором-мастером, где работает принцип адекватного ответа. Если мастеру ставилась задача излечить или оживить кого-то, он входил в это пространство и возбуждал энергетические резонансы тканей и полей, излечивающие раненого или больного. Если же требовалось убить врага — он также входил в ПАО[1], но с обратным знаком намерений, и добивался цели. Причем вопросом: как это сделать? — он не задавался, система действовала «автоматически», на подсознательном уровне, то есть использовалось все, что было у мастера под руками: пистолет, кинжал, камень, сучок, монета, сосновая иголка, — а при отсутствии этого арсенала оружием становились нога, рука, голова, плечо, палец. Однако в случае применения «танца смерти» существовала опасность растворения в ПАО, слишком глубокое вхождение было чревато перерождением психики исполнителя, он мог до конца жизни оставаться в нем и стать «машиной смерти», маньяком-убийцей.

— Надо уметь останавливаться на краю пропасти при достижении цели, — говорил дед Спиридон, — и это действительно великое искусство, отличающее мастера от ремесленника. Этим умением необходимо овладеть в первую очередь, ибо слишком пагубны последствия ошибки, и не только для окружающих тебя людей, но и для тебя самого.

— Вы знали таких... маньяков? — полюбопытствовал Егор.

— Мне даже пришлось усмирять одного из них.

— Но если они такие мощные «машины смерти», почему об их появлении не трубят по телевизору, не кричат газеты?

— По двум причинам, сынок. Первая: среди воинов, владеющих системой живы, такие случаи очень редки. Вторая: воин, ставший «машиной смерти», мгновенно нейтрализуется собратьями, чтобы не пострадали невинные.

— Что значит нейтрализуется — уничтожается?

— Не обязательно, есть много способов нейтрализовать

[1] ПАО — пространство адекватного ответа.

опасного человека, не убивая его. Если станешь мастером живы, поймешь это очень скоро, ибо настоящий мастер не сталкивается с противником, он ощущает или, если хочешь, видит, кто и когда хочет напасть на него или его близких, поэтому сражается не с людьми, живыми врагами, а с «линиями их намерений», которые победить проще, стоит лишь изменить реальность в свою пользу.

— Это идеал, а он вряд ли достижим, — сказал ошеломленный услышанным, но все еще скептически настроенный Крутов. — Каким образом можно изменить реальность, победить «линию намерений», еще только зреющую в голове человека?

— Просто отвести ее в сторону, чтобы противник заболел, получил травму от свалившегося на голову кирпича или приказ от начальства ехать в командировку. Это вполне осуществимо. А можно и вообще разорвать «линию», чтобы враг умер от инфаркта или спазма сосудов головного мозга. Желание напасть или убить формируется у человека до того, как он это сделает, не так ли? В каузальном плане, причинно-следственном мире, это мысленное нападение как бы уже свершилось — если идея созрела, далее она лишь проявляется в физическом мире. А мастер живы может отразить атаку раньше, организовав падение того самого кирпича на голову врага. Как иначе я узнал бы о попытке нападения на тебя твоего бывшего друга?

— Почему бывшего? Он и сейчас им остается. И он находится в опасности...

— Знаю, но помочь ему не в силах никто, даже я. Если только он сам не попробует изменить «линию намерений» своих врагов.

Крутов сжал кулаки.

— Я чувствовал, что ему плохо, но не представлял насколько. Я поеду в Москву, помогу ему скрыться...

— И погубишь себя и Лизу. ЛООС пока не уверен в том, что ты жив, и скоро пришлет контролеров. Мы их перехватим и дадим шанс твоему другу продержаться до того момента, пока ты не станешь готов к большой драке. Лишь после этого можно будет взять его в твою дружину.

— А если его убьют раньше?

— Значит, такова его судьба, сынок.

Крутов посмотрел на свои сжатые кулаки, заставил пальцы разжаться и посмотрел на задумчиво наблюдавшего за ним Спиридона.

— Я попробую помочь ему. Начинайте урок, Учитель. Я готов.

Старик покачал головой.

— У тебя хорошая физическая база, сынок, однако тебе

предстоит еще многое узнать в теории, а главное, научиться брать на себя ответственность или, как сейчас говорят, управленческие риски. К этому ты еще не готов.

— Вы ошибаетесь.

— Вспомни Джерах, — погрустнел Спиридон. — Ты до сих пор считаешь, что поступил тогда правильно?

Крутов открыл рот и закрыл, перекусывая проклятие. В ту ночь, ликвидируя террористов, захвативших ингушский курорт Джерах, он не подчинился приказу командования и довел операцию до конца, в результате чего потерял двух бойцов группы. Но корил себя не за их гибель, а за то, что не начал операцию на полчаса раньше, до приказа отступить, дав возможность террористам начать бой.

— Вот видишь, — вздохнул Спиридон, — ты и сейчас уверен в своей правоте, взяв на себя ответственность за жизнь заложников и своих солдат.

— Я военный человек и привык отвечать за последствия своих решений, — угрюмо огрызнулся Егор. — Разве существовал более правильный путь?

— Может быть, и не существовал. Но риск погубить людей был слишком велик. Тебе придется научиться сопоставлять риски и принимать решения, не основываясь на одних эмоциях и желаниях, а тем более на командирских амбициях.

Крутов молчал. Дед Спиридон покосился на возникшую за калиткой сада бабу Евдокию, сделал жест: погоди. Старуха ушла. Егор этого не заметил, ворочая в душе камни сомнений и возражений. Прошла минута, прежде чем он вернулся к действительности.

— Я постараюсь понять вас, Учитель.

— Не меня, — покачал головой старик, — сначала себя. А сейчас, пожалуй, займемся кое-какой теорией и практикой движения. Ты знаешь, что такое руны, мудры и мантры?

— Читал, — коротко ответил Егор.

— Повторим. Символические древние знаки руны — это прежде всего схемы телодвижений, служащие человеку для синхронизации с региональными, планетарными и галактическими процессами. Подстройка рун с помощью мудр и озвучивание их мантрами[1], заклинаниями, усиливает эффект. Это и есть магия движения, в которой каждый жест изменяет реальность. Но если тысячи лет назад это мог делать почти

[1] Мудры — физические упражнения, выполняемые в системе йоги (*санс.*), а также комбинации сложенных определенным образом пальцев рук; мантры — звуковые формулы для воздействия на «астральное тело» человека (*санс.*).

каждый ответственный человек, то теперь это под силу только небольшой группе людей, которых называют...

— Экстрасенсами?

— Магами, колдунами, волшебниками, в которых никто не верит, кроме малых детей. Ты ведь тоже не веришь?

— Д-да... — ответил застигнутый врасплох Крутов. — Н-нет...

Дед Спиридон утробно хрюкнул.

— И правильно делаешь. Искусство магии стало тайным и очень опасным для современного мира, потому соблюдается равновесие светлых магов, на Руси их издавна называют волхвами, и черных, чтобы мир не разрушился. Но иногда равновесие нарушается...

— В периоды войн, нашествий?

— ...в пользу черных сил, — продолжал Спиридон, не отвечая на реплику, — когда Сатана пытается выйти из темницы ада, куда его низринул Творец, и тогда приходит пора Витязя, способного восстановить равновесие. Я не хотел говорить тебе раньше времени, потому что процесс затрагивает и меня лично, однако ты — один из претендентов на это звание. Только от тебя зависит, станешь ты им или нет. Я же, волхв Спиридон Седьмой, архимандрит Русского Предиктора, назначен исполнителем Замысла, организатором Сопротивления и твоим Учителем, воин.

Крутов, смотревший на старика во все глаза, хотел было улыбнуться, но огонь, вспыхнувший в глазах старика, остановил его.

— Слушаю... Учитель.

— На сегодня достаточно, — смягчил суровый блеск во взоре архимандрит. — Твоя берегиня тебя заждалась. Продолжим завтра. Но помни, что я тебе сказал.

Крутов промолчал. Ему предстояла бессонная ночь, чтобы разобраться во всем, что он услышал, и привести в нормальное состояние свои встопорщенные чувства. Дед Спиридон не шутил, небылиц не сочинял и сумасшедшим не был, за ним стоял опыт поколений русских волхвов и воинов, и глубина этого наследия захватывала воображение.

МОСКВА

МЕРЕЖКОВСКИЙ

Архип Иванович Мережковский еще в молодости обращал на себя внимание незаурядными способностями в изучении наук и большим интересом к экстрасенсорным явлениям и способностям людей. К сорока своим годам он многого до-

стиг: стал кандидатом энергоинформационных наук, доцентом кафедры мануальной терапии Московского университета нетрадиционной медицины, лауреатом премии Гальперина. Кроме того, он вошел в состав ККОРР — Федеральной Комиссии по координации оперативно-розыскной работы в качестве консультанта по психологическим проблемам, имея огромное влияние на председателя ККОРР, которым стал начальник военной контрразведки ФСБ генерал Мячин. И, наконец, он стал заместителем начальника секретной организации «Психодав», поставившей целью уничтожение объектов, лабораторий, центров, работающих над программами влияния на психику людей. Но лишь он да несколько человек в организации знали истинные цели «Психодава». Не имеющие собственных лабораторий подобного типа, но сжигаемые жаждой власти, они мечтали подчинить себе одну из них, разрабатывающую психотронное оружие, и в тщательно рассчитанный момент выйти на политическую арену, совершить тихий государственный переворот.

Архип Иванович, конечно, знал о существовании Реввоенсовета, который опирался на военную и научно-техническую базу Российского легиона, создавшего сеть пси-лабораторий, но считал свое дело беспроигрышным, потому что всегда мог подвести под действия «Психодава» моральную основу «заботы о психическом здоровье народа», а главное, имел возможность в случае нужды натравить на РВС властные структуры, не терпящие конкуренции.

ККОРР представляла собой, по сути, мощный компьютерный центр, оборудованный в старом трехэтажном доме на Октябрьском поле, где до революции располагался институт благородных девиц, после войны — профтехучилище, а в конце восьмидесятых — начале девяностых — пединститут, переехавший в новое здание по причине ветхости старого. Дом хотели одно время снести, потом муниципальное руководство Северо-Западного округа столицы решило его отреставрировать для своих чиновничьих нужд, а когда ремонт был закончен, решением президента здание было отдано вновь созданной комиссии.

Архип Иванович Мережковский имел свой отдельный кабинет на втором этаже — с зеркальным потолком в форме шатра и метровой колонной аквариума с экзотическим скатом. Кабинет был оснащен компьютером фирмы «Макинтош» и комбайном связи с выходом на спутник. Таких кабинетов, кроме этого, у ККОРР насчитывалось пять: у председателя комиссии, бывавшего здесь не часто, у трех его заместителей и у начальника службы охраны здания. Кроме того, комиссия

располагала десятью помещениями для оперативной работы, оснащенными мощными отечественными компьютерными системами типа «Тайга», кабинетами для дежурных офицеров, офицеров связи и контроля, курьерской службы, спецбункером для оружия, столовой, библиотекой, архивом, сауной, помещением для караульной роты и отдельным блоком кабинетов для секретчиков, доступ в который был ограничен. Здесь сидели шифровальщики и программисты ККОРР, а также контрразведчики. Была предусмотрена в здании и комната для сотрудников, поддерживающих связь с представителями соответствующих служб других государств, но в ней в настоящее время обитал лишь один офицер, отвечающий за контакты со спецслужбами Белоруссии.

Работала ККОРР круглосуточно и без выходных, однако Архип Иванович имел возможность варьировать свое пребывание на рабочем месте и отдыхал строго по расписанию: в среду, пятницу и субботу. По воскресеньям он работал. Но не на ККОРР, а на «Психодав», о чем, естественно, знали только те сотрудники комиссии, которые также работали на «ПД».

В это воскресенье второй половины сентября Мережковский анализировал работу бригады вербовщиков «ПД», возглавляемую бывшим дорожным «мстителем» Родионом Кокушкиным.

Удач было три: удалось привлечь на свою сторону двух бывших офицеров спецназа и морского пехотинца. Неудачных подходов также насчитывалось три. Не захотел работать с «ПД» молодой, но совершенно «чумовой» компьютерщик, способный разобрать и собрать с завязанными глазами любой процессор. Из него можно было бы вырастить великолепного хакера. Отказались и двое аналитиков с математическим образованием, работающие на группы поддержки лидеров фракций Государственной думы. Эти кадры были поценнее исполнителей-оперативников, и Архип Иванович несколько расстроился, подумав, что их вербовку ему надо было завершить самому. Теперь же предстояла кропотливая работа по выявлению слабых сторон и амбиций всех троих кандидатов в «ПД», чтобы в конце концов склонить их к сотрудничеству. Как психолог и психиатр, Архип Иванович знал, что каждый индивид ведет себя в повседневной жизни в соответствии с определенными побуждениями, знание которых позволяет подобрать к не-му ключи и в итоге получить необходимое воздействие. К перечисленным в докладе Кокушкина лицам ему эти ключи подобрать не удалось. Зато наметился прогресс в отношении воздействия на бывшего майора Службы внешней разведки, а также бывшего командира дорожных «мстителей» Панкрата

Воробьева. Правда, команда, организовавшая на него давление под видом бандитских «наездов», потеряла двух человек убитыми и трех ранеными, но ими можно было пренебречь. Парни не тянули на высококлассных исполнителей, а овчинка стоила выделки: в случае успеха в «ПД» приходил профессионал с богатым опытом работы в самой крутой из спецслужб России.

Мережковский вывел досье Воробьева на экран компьютера, внимательно вчитываясь в текст. В данных на бывшего майора говорилось, что он упрям, настойчив в достижении поставленной цели, энергичен, склонен к риску, легко переживает неудачи, полагается исключительно на свои силы, склонен к лидерству. Зацепиться здесь в психологическом плане было за что, и Архип Иванович быстро набросал сводку характерных особенностей психотипа Воробьева, по которым его можно было бы «додавить», заставить работать на «Психодав». Поскольку он не был трусом, не боялся смерти и никогда не проявлял алчных наклонностей, сыграть можно было только на страхе за своих близких (у майора появилась жена и дети, пусть и не его, но дети, которых он любил) и на таких мотивах, как внутренний авантюризм, счеты с госсистемой (уволили его из СВР довольно «грязно») и общечеловеческая мораль (сыграть на порядочности). А так как первая фаза давления — организация нападений на него самого и на жену — прошла достаточно успешно, можно было попытаться перейти ко второй фазе, сыграть на чувствах.

— Клиент созрел, — вслух проговорил Архип Иванович, любуясь своим выводом. — Пора еще раз наведаться к господину Воробьеву в гости.

Он вывел на экран фотографию майора и встретил его колючий, сумрачный взгляд, не суливший врагам ничего хорошего. С этим человеком не стоило связываться, если он чего-то добивался, а тем более нельзя было делать его своим врагом. Мережковский вдавил на селекторе кнопку вызова помощника.

Вошел долговязый Родион, выполняющий обязанности референта ККОРР, а в «Психодаве» — агента по особым поручениям.

— Узнаешь? — кивнул на дисплей Мережковский.

— Командир, — сказал Родион и поправился: — Майор Воробьев.

— Понаблюдай за ним пару дней, лично. Мне кажется, что он уже «теплый», пора предложить нашу помощь.

— Как скажете, — ответил бывший «мститель».

Стрессовое состояние, вызванное нападением неизвестных бандитов в школе, у Лиды прошло быстро, но тем не менее Панкрат вынужден был два дня не отходить от нее, а детей не возить в школу и детсад. Все это время семья Воробьевых провела на острове Столбный, в монашеской обители Нилова пустынь, так что получилось нечто вроде небольшого отпуска на природе, успокаивающей душу и сердце лучше всяких лекарств и врачей.

Родиону он позвонил еще в воскресенье вечером, вызвав у того приступ сочувствия, и теперь ждал его со дня на день, изнывая от бездеятельности и дурных предчувствий. Преодолевать их помогало только отношение к происходящему жены, ее терпение и понимание ситуации. Панкрат еще раз убедился, какое бесценное сокровище приобрел, а также понял, что любые его попытки уберечь семью от распоясавшихся мафиози имеют право на реализацию.

Родион заявился к Воробьевым во вторник вечером, аккурат в паузу между дождями, которые заладили по нескольку раз на день. Сопровождал Кокушкина молчаливый молодой человек по имени Петя в модной ворсовой курточке и джинсах, державшийся, по мнению Панкрата, с излишней серьезностью. Впоследствии оказалось, что Петя бывший десантник, что ему всего двадцать четыре года, но к этому возрасту он уже имел три черных пояса по карате и работал в охране банка «Эксим». В «Психодаве» он получил звание лейтенанта безопасности и занял должность начальника оперативного патруля, сопровождавшего агентов по особым поручениям, одним из которых стал Родион.

Был уже поздний вечер, и они разговаривали сначала на кухне, где Лидия приготовила ужин на троих, а потом во дворе дома, в машине хозяина. Панкрат подробно рассказал Родиону о нападениях, изложил свои выводы относительно профессиональной подготовленности бандитов и замолчал, посматривая на белеющее в темноте лицо бывшего «мстителя».

— Значит, ты считаешь, что это не местные кадры? — проговорил наконец Родион.

— Но и не ликвидаторы Легиона, — убежденно сказал Панкрат. — Те действовали бы иначе, да и вооружены посерьезней. К тому же им проще всего обезвредить объект устранения с помощью «глушаков».

— Может быть, ты и прав, разберемся. Я оставлю тебе своих наблюдателей, они походят за твоей семьей, а через пару дней пришлю отделение «Тени».

— Это еще что за хреновина с морковиной?

— Спецгруппа, оперативники высокой квалификации наподобие тех, с кем работали мы в Жуковских лесах... царствие им небесное.

— Аминь! — пробормотал Панкрат.

Помолчали, поглядывая на маячивший у ворот силуэт Пети. Родион закурил.

— Командир, поскольку ты сам решил влиться в наши ряды, — на слове «сам» голос Кокушкина дрогнул, — позволь тебя предупредить. Это не приказ начальства, это совет друга. Добровольно принимая на себя обязанность — выражаясь высоким штилем — «служения высоким целям нашего движения», ты должен будешь забыть о личных выгодах и наградах. Честь служения «Психодаву» выше любых отличий и должностей.

— Этого ты мог бы и не говорить, — угрюмо оскалился Панкрат.

— Мог бы, — согласился Родион, — но должен. Кстати, о твоем положении в «ПД» с тобой будут говорить начальники, но я уверен, что оно будет высоким. Последнее, о чем я считаю своим долгом предупредить тебя, это сохранение тайны. О том, что ты работаешь на «ПД», не должен знать никто, в том числе друзья и даже жена.

Панкрат промолчал, вспоминая о своем визите к Егору Крутову. Однако делиться этой информацией он не хотел ни с кем.

— Скажи мне все-таки честно, лейтенант, — сказал он. — Чего хочет добиться твой «Психодав» на самом деле? Какие конкретные цели поставили его начальники? Только ли непосредственное уничтожение пси-лабораторий и оружия?

Родион докурил сигарету, пуская дым в окно кабины. Усмехнулся, покачав головой.

— Дотошный ты мужик, командир. Архип Иванович меня не зря предупреждал, хотя я знаю тебя лучше, чем он. Что ж, скажу все, что знаю сам. Как ты понимаешь, со мной тоже вели беседы на подобные темы, и кое-что я себе уяснил.

Прежде всего «Психодав» не является организацией, желающей наращивать политическую и гражданскую напряженность в стране, чтобы впоследствии воспользоваться вспыхнувшим кризисом. Но мы и не хотим заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой! Мы хотим заставить тех, кто жаждет насилия и смуты, понимать, что обладаем необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных военных и слишком бескомпромиссных политиков.

Родион говорил так увлеченно и гладко, что Панкрат с удивлением посмотрел на бывшего «мстителя». В былые времена войны с дорожными бандитами Кокушкин не отличался подобным красноречием и не пользовался в разговоре терминологией записного политикана. Мало того, Панкрату показалось, что он уловил в голосе Родиона завораживающие интонации Архипа Ивановича Мережковского.

— Силы, стоящие за Легионом, известны, — продолжал Кокушкин. — Они ждут своего часа и выйдут в свет на следующий же день после победы «новой революции», и это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Так вот основная цель «Психодава» — предотвратить приход этих сил!

— Что же это за силы? — позволил себе Панкрат нотку скепсиса в голосе.

— Новые коммунисты, жаждущие тотального контроля над страной. Впрочем, не только над одной отдельно взятой страной — над всем миром! Эти силы интернациональны и направляются извне, во всяком случае, есть факты связи наших революционеров с Западом, точнее, с Америкой. И уж точно очевидно, что почти все программы отечественного телевидения составляются и контролируются не в России. Достаточно заметить, что ни одно зарубежное лекарство, рекламируемое по телевидению, не излечивает больного! Просто снимает симптомы.

— Ну и что? — заинтересовался Панкрат.

— А то, что эти так называемые «лекарства» вытесняют наши, отечественные, во сто крат более эффективные, происходит постепенное накопление невылеченных болезней и, как результат, рост смертности, снижение рождаемости, деградация физическая и умственная.

— Черт возьми, Родион, где ты научился так красиво говорить? — пробормотал Панкрат, в глубине души вдруг осознавая, что все сказанное бывшим «мстителем» — правда. И даже если инструкторы Родиона, обучавшие его ораторскому искусству, добивались лишь эффекта достоверности, то информация, вложенная ими в уста Кокушкина, вполне соответствовала мировоззрению самого Панкрата.

— Я знал, что придет время, и ты поймешь, что не можешь оставаться в стороне, — сказал Родион, уловив перемену в на-

строении бывшего командира. — Твое место — среди нас. А за жену и детей не беспокойся, мы их прикроем.

— Пошли спать, — открыл дверцу машины Панкрат. — Уже поздно.

— Спасибо, командир, но мы поедем. Надо к рассвету попасть еще в одно место, я ведь порученец. А двое моих людей останутся.

— Так зови их.

— Не надо, чтобы парней видели с тобой вместе. У них есть где остановиться, а завтра утром они приступят к исполнению обязанностей.

— Хоть покажи, как они выглядят, — сердито буркнул Панкрат. — Я же могу принять их за легионеров ЛООС или за бандитов и кончить.

— Вот тебе рация. — Родион протянул Воробьеву толстый карандаш с сеточкой микрофона на торце. — Они позовут тебя сами и доложат, где расположились. Разглядишь. Ну прощай, командир.

Они обменялись рукопожатиями, Родион махнул рукой Пете, и они исчезли за воротами. Панкрат проводил их глазами, прислушался к долетавшим из центра города звукам и пошел спать. Мысли, приходящие в голову, отражали его смятенно-растерянное состояние. Не верить Родиону у него не было причин, но тот слишком разительно изменился, чтобы ему во всем можно было доверять. И все же Панкрат почувствовал облегчение: одно дело — крутиться в тисках обстоятельств одному, совсем другое — ощущать за спиной мощную поддержку.

* * *

Два дня Панкрат ездил на работу в тревоге за своих близких, предельно собранный и готовый к появлению непрошеных гостей. Парней Родиона он вычислил еще в понедельник утром, до их доклада по рации, и дал приказ обоим следовать не за ним, а за женой и детьми. Парни покочевряжились слегка, имея задание подстраховывать его, но смирились, когда Панкрат пообещал им «повыкалывать моргалы». Правда, на помощь этих наблюдателей надеяться особо не приходилось, уж слишком демонстративно они работали, словно играли в увлекательную игру, в то время как к слежке следует относиться как к сложной и тонкой работе, но с другой стороны, тот, кто захотел бы повторить нападение на семью Воробьевых, должен был призадуматься, наткнувшись на сопровождение, и какое-то время не предпринимать активных действий. Успокаивая себя таким образом, Панкрат продолжал тренировать охранников разных ведомств города в спортзале, где его хотели «поучить жизни», а также читать лекции по теории безопасности молодым бизнесменам.

Лида все поняла прекрасно и на жизнь не жаловалась, хотя, конечно же, переживала за детей, озадачив своим частым появлением воспитательницу Антона в детсаду и учительницу Насти в школе. Одобрила она и решение мужа поработать в «Психодаве», хотя Панкрат почти ничего ей не рассказал, только сообщил, что его пригласила в свои ряды секретная организация, объявившая войну «мафии».

— Кем ты там будешь? — спросила она.

— Экспертом, — не моргнув глазом, соврал Панкрат, хотя был уверен, что его включат в состав какой-нибудь из оперативных групп типа «Тени», которую обещал прислать Родион.

Слежку за собой он почувствовал во вторник вечером, когда ехал в садик за Антоном. Сначала подумал, что кто-то из парней Родиона решил подстраховать и его, потом понял, что этот «хвост» — ч у ж о й. Мгновенно сработали рефлексы разведчика, включающие внутренние «локаторы» опасности и добавляющие в кровь адреналина. Панкрат остановил машину у аптеки, заскочил внутрь и, став у окна таким образом, чтобы видеть улицу, заметил медленно движущийся мимо автомобиль — кремовый «Форд Эскорт» с московскими номерами. Трое пассажиров и водитель «Форда» осмотрели «Ситроен» Воробьева, и машина приткнулась к тротуару в полусотне метров от него.

Подождав несколько минут и никого больше не обнаружив, Панкрат связался по рации с одним из наблюдателей Родиона, которого звали Вадимом:

— Что у тебя?

— Все тихо, — отозвался Вадим. — Горизонт чист. Антон гуляет с воспитательницей по саду.

— Будь внимателен, за мной увязались какие-то крутые москвичи.

Не давая времени парню вставить слово, Панкрат вызвал второго наблюдателя по имени Лева:

— Где находишься?

— Как где — на месте, — обиделся наблюдатель. — Все нормально, жена ваша здесь, в школе, с Настей, собирается домой.

— Задержи их, я сейчас заберу сына и заеду за ними.

— Что случилось?

— Пока ничего, но какие-то типы из столицы уже прибыли. Если это не ваши коллеги, то, значит, ликвидаторы.

— Почему вы... — начал было Лева, но Панкрат выключил рацию и сел в машину.

Вопреки ожиданиям «Форд» с московским номером за ним не поехал, зато через несколько минут обнаружилась еще одна машина — зеленая «Хёндэ» и тоже с московскими номерами, и Панкрат понял, что его ведут вполне профессионально, двумя, а то и тремя машинами. Это означало, что в Осташков прибыла команда ЛООС, имеющая задание убрать опасного свидетеля. А заодно, во избежание недоразумений, и всю семью.

Панкрат не знал, что прав только наполовину. Люди, организовавшие на него давление, напавшие на него в спортзале и пытавшиеся захватить в школе Лиду, работали не на Российский легион, а на «Психодав». Теперь же прибыла настоящая группа ликвидаторов Легиона, вычислившая его местонахождение. Но даже если бы Панкрат и узнал об этом, действовать иначе не стал бы. Его задачей было сохранить семью до прибытия группы «Тень», и он собирался выполнить эту задачу во что бы то ни стало.

Первая мысль была — отправить детей и жену в монастырь. Потом пришла более хитрая мысль: открыто привезти их домой и ночью скрытно, так, чтобы не видела ни одна живая душа, переправить всех в безопасное место, в тот же монастырь Нилова пустынь на Столбном острове, под опеку брата Павла и одного из наблюдателей Родиона. А самому заняться визитерами из ЛООС. Ждать, пока его настигнет пуля снайпера, Панкрат не хотел.

Объяснять суть плана ребятам Кокушкина долго не пришлось, они сразу поняли, что надо делать и как. Панкрат велел обоим отправляться вперед и ждать его дома, сам же спокойно, не торопясь, на виду у пассажиров «Хёндэ», остановившейся в переулке за школой, посадил в машину детей, Лиду и повез домой, стараясь тем не менее не подставляться под вполне возможный выстрел из гранатомета. Он не верил в такую грубую попытку ликвидации свидетеля со стороны профи ЛООС, но считал ее возможной.

По пути Панкрат объяснил Лиде, что им предстоит новый «отдых» на лоне природы, и расстроился, когда жена заплакала.

— Ну что ты, родная, — пробормотал он, снимая правую руку с баранки и погладив Лиду по плечу. — Все обойдется, я тебе обещаю. Потерпи еще немного.

Слезы продолжали скатываться по ее щекам и жечь Панкрату душу. Он никогда не был сентиментальным или особо чувствительным, поэтому показную женскую, а тем более

мужскую слабость презирал, хотя в помощи никогда не отказывал, если видел, что в ней нуждаются искренне, но слезы жены привели его в особое пограничное состояние: хотелось утешить ее, выразить свою любовь и нежность и одновременно уничтожить всех ликвидаторов, а также их руководителей до десятого колена.

— Мам, ты чего плачешь? — спросила Настя, притихшая на заднем сиденье. Ее маленькое сердце почуяло тревогу. Даже Антон перестал возиться и глазеть по сторонам, считая машины, прохожих и магазины.

— Это я просто устала, — отозвалась Лида, торопливо вытирая глаза.

Перед выездом на набережную Панкрат увеличил скорость, отрываясь от машины преследователей, и быстро заехал во двор, боковым зрением отмечая появление на другом конце улицы белого «Форда». Стервятники слетались на пиршество, хорошо зная, где живет их жертва. Однако они ошибались, считая, что держат ситуацию под контролем. Если бы пассажиры «Форда» догадались опередить Воробьева и ждали его в доме, он ничего не смог бы предпринять. Теперь же он готов был дать нешуточный бой, похвалив себя за то, что успел перевезти из Подмосковья почти весь экспроприированный у бандитов арсенал.

У него были три пулемета: старенький «РПД» калибра семь и шестьдесят две сотых миллиметра, «ПКТ» того же калибра и современный НСВ «утес» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, четыре гранатомета, от российского «ГП-25» «костер» до американского «армскора» револьверного типа, два десятка автоматов и пистолетов-пулеметов, а также полтора десятка револьверов и пистолетов разного калибра. С этим арсеналом можно было отбиться не только от спецгруппы в восемь-двенадцать человек, но и от армейской роты. Панкрат и с собой в машине возил автомат («ОЦ-22», «овца») и пистолет «бердыш» с магазином на пятнадцать патронов, не считая ножа и наборов метательных пластин.

Вадим и Лева ждали хозяина в доме, догадавшись оставить свои машины на набережной, напротив плавучего ресторанчика «Якорь». Еще раз обсудив с ними свой план, Панкрат приступил к его выполнению, спустившись в подвал и притащив наверх три пистолета-пулемета «кедр-Б» с насадкой бесшумного боя, а также гранатомет «костер».

— Кучеряво живете, — покачал головой Вадим, переглядываясь с Левой. — Наследство от дедушки?

— Выиграл в карты, — ответил Панкрат в том же тоне. —

Выбирайте пушки и к окнам. Один следит за улицей, второй берет под наблюдение двор. Как только стемнеет, начинаем атаку первыми.

Оба наблюдателя воззрились в недоумении на мрачно-решительное лицо Воробьева.

— Вы же хотели сначала переправить семью... — пробормотал Вадим.

— Я передумал, это надо было сделать раньше. В создавшихся условиях бегать по огородам опасно. Эти парни знают свое дело и наверняка перекрыли пути отступления.

— Но у вас дети...

— Посидят в подвале, я его неплохо оборудовал. — Панкрат хотел добавить, что начал рыть на всякий случай подземный ход к озеру, но передумал. Ход не был готов, и об этом стоило лишь сожалеть.

Дети восприняли спуск в подвал как некую данность и не капризничали, тем более что с ними оставалась мама. Панкрат снес им вниз старый тюфяк, два ватных одеяла, плед, игрушки и книжки, и Лида устроила там уютный уголок, где можно было играть и спать. Но испуганной она не выглядела, в глазах женщины зажегся холодный огонек, в них зрело какое-то решение, что заставило Панкрата насторожиться и приглядеться к жене.

— Прости, — сказал он, опускаясь перед ней на корточки и глядя снизу вверх. — Это я во всем виноват. За мной тянется хвост грешных дел, и я никак не могу от него избавиться. Не надо мне было срывать тебя с насиженного места, увозить из Брянска, жила бы себе и горя не знала.

— Глупый, — улыбнулась Лида. — Я люблю тебя и согласна идти до конца, хоть на край света. — На ее глаза навернулись слезы, но решимость в их глубине не угасла. — Но дети-то ни в чем не виноваты.

— Понимаю, — кивнул он, глотая горький ком в горле. — Ты хочешь уйти? Правильное решение. Закончится эта ночь, и я отвезу тебя с детьми обратно в Брянск, на родину.

— Глупый, — повторила Лидия с грустью, запуская пальцы в его шевелюру. — Никуда я не поеду одна. Если нам суждено погибнуть, погибнем вместе. Я просто хотела попросить у тебя пистолет.

Мгновение Панкрат смотрел на жену, оставаясь неподвижным, потом порывисто обнял ее за колени, прижался к ним лицом, поднялся на ноги и жадно поцеловал в губы. Оглянулся на детей, весело закричал:

— Что примолкли, козлята? А ну покажите маме, как вы

читаете и рисуете. Кто получит хорошую оценку, тому принесу мороженое.

— Конечно, я лучше, — простодушно заявил Антон, принимаясь искать карандаши.

— Нет я, — заявила Настя. — Я уже в школе учусь.

— Завел, — с укором посмотрела на мужа Лидия.

— Разберешься, — рассмеялся Панкрат, чувствуя облегчение, и подал ей свой «бердыш». — Вот это предохранитель, отжимаешь его большим пальцем вниз, передергиваешь затвор и нажимаешь на курок. Поняла? Но я думаю, он тебе не понадобится. Прошу только об одном: что бы наверху ни происходило — не вылезай! Когда все кончится, я сам спущусь к вам. Договорились?

Лида кивнула. Панкрат еще раз поцеловал ее и поднялся из подвала в сени. Закрыл люк, навалил сверху доски, какое-то тряпье, старые полушубки и ватники и поспешил в полной темноте к своим помощникам.

— Что видно и слышно?

— У соседнего дома остановилась какая-то машина, номера я не разглядел, но похоже, это они, — доложил Вадим. — Уж больно осторожно подъехали, не зажигая фар.

— Во дворе пока тихо, — сказал Лева, — но отсюда обзор фиговый. Может, мне лучше перебраться в сарай?

— Валяй, — кивнул Панкрат после недолгого раздумья. — Но бесшумно и медленно. Стрелять только наверняка.

Лева исчез за дверью, но тут же вернулся.

— Лучше через окно, ваш двор слишком хорошо просматривается со стороны огорода.

Он открыл окно и переполз через подоконник в сад. Исчез. Подождав немного, спустился в сад и Панкрат.

Ночь надвигалась темная, беззвездная, тучи несли с запада новые дожди, сад стоял влажный, холодный, неуютный, пробираться по нему в темноте было не очень приятно, однако только через него можно было попасть в соседнюю усадьбу, что Панкрат и сделал, затратив на это четверть часа. Вадиму он приказал сидеть в доме и не выдавать себя ни звуком, ни зажженной сигаретой. Свет на кухне они выключили, и дом погрузился в темноту, как бы говоря тем, кто следил за ним, что хозяева легли спать.

Шел девятый час вечера, когда Панкрат преодолел сад и проник на территорию соседа-пенсионера, которого хорошо знал по годам юности. Передвигаться приходилось осторожно, потому что в трех окнах соседского дома горел свет, который мог выдать гостя. Машина, о которой предупреждал Вадим,

стояла с погашенными фарами чуть дальше за домом, но Панкрат сразу узнал силуэт «Хёндэ». Охотники за людьми были здесь, он чувствовал их, но они были опытными мастерами своего дела и выдавать себя не спешили.

Панкрат, вжимаясь в мокрую траву под деревянным забором соседского сада, подполз ближе и обратился в слух. Через минуту он услышал шорох осторожных шагов, тихо опустилось стекло кабины, раздался сипловатый шепот:

— Все спокойно, капитан. Дом окружен, можем начинать.

Ответа Панкрат не услышал, но он ему был уже неважен. Сомнений не оставалось: люди на «Хёндэ» и «Форде» с московскими номерами прибыли сюда не для того, чтобы любоваться достопримечательностями Осташкова, это были ликвидаторы ЛООС, и с ними можно было разговаривать на их языке.

Стараясь двигаться бесшумно, как улитка, Панкрат передвинул со спины под живот гранатомет, собираясь привстать и выглянуть в щель забора, как вдруг почувствовал касание к затылку холодного дула.

— Лежать! — негромко произнес кто-то, возникший за спиной абсолютно беззвучно. — Руки на затылок!

Панкрат замер, начиная пропускать руку под приклад гранатомета, медленно повернул голову и увидел над собой черную на фиолетовом фоне небосвода фигуру с прибором ночного видения на голове. Ствол пистолета переместился к его виску.

— Руки, я сказал!

На решение оставалось всего несколько мгновений, но Панкрат принял его без колебаний, понимая, что проиграет, если промедлит еще хотя бы сотую долю секунды.

Ствол гранатомета под ним смотрел в сторону машины с чужаками за забором, предохранительную скобу он опустил заранее, оставалось только нажать на спусковой крючок, и, когда палец наконец дотянулся до него, грянул выстрел. В то же мгновение, змеиным движением обойдя ствол пистолета, дрогнувшего в руке незнакомца, Панкрат вцепился в него левой рукой, дернул в сторону — парень начал стрелять одновременно с грохотом взрыва гранаты, нашедшей цель, — и тут же ответил очередью из «овцы», прошивая тело незнакомца снизу вверх.

Вскочив на ноги, он дал еще две очереди по горящей машине и бросился назад, к своему дому, считая секунды, ожидая выстрела в спину. Тенью промчавшись через сад, Панкрат ввалился в дом как раз в тот момент, когда сосед, у которого

вылетели в окнах все стекла, выскочил на улицу. Наверное, сделали это и жители окрестных домов, ошеломленные взрывами и стрельбой, поэтому на месте ликвидаторов Панкрат не стал бы рисковать с нападением на окруженный ими объект. Первый раунд схватки они проиграли вчистую. Однако обольщаться не стоило, терпения у ликвидаторов ЛООС хватало.

«Мне повезло, — подумал Панкрат хладнокровно, — похоже, теряю квалификацию. В следующий раз не стоит оставлять спину голой».

— Что случилось? — встретил его шепот возбужденного Вадима.

— Жди атаки! — оборвал его Панкрат. — Дом окружен. Сейчас они в шоке и не полезут, но могут попытаться сделать это поздно ночью... если только начальство не даст отбой. Как там Лева?

— Молчит.

— Ты его вызывал?

— Минут пять назад.

— И не проверил, почему он молчит?

— Так вы же велели следить за улицей...

Панкрат выругался в душе и метнулся в сени, готовый немедленно открыть стрельбу. С облегчением выдохнул застрявший в легких воздух: груда тряпья и доски над люком в подпол были не тронуты, никто из чужих здесь не появлялся. Но с другой стороны, интуиция подсказывала, что что-то произошло. Лева не отзывался не зря, его «достали».

Стоя в темноте, Панкрат пожалел о том, что не догадался снять с убитого в соседском палисаднике прибор ночного видения, приготовился к бою и, рванув дверь на себя, нырнул на землю, тут же откатываясь влево от порога, к пустой собачьей будке. За сараем справа затрепетал язычок пламени, раздался дробный глухой треск, словно по деревянному полу рассыпались грецкие орехи — это прозвучала очередь из автомата с глушителем. Пули вошли в проем двери, сыпанули по стенам сеней, где висела разнообразная домашняя утварь, нашли сковородки и горшки, разлетевшиеся с куда большим шумом, чем начавшаяся стрельба. Панкрат ответил из «овцы» на язычок пламени, перекатился еще дальше, дал вторую очередь, и в это время на улице, в противоположной от взорванной машины охотников стороне, раздался еще один взрыв.

Реакция у Панкрата и у тех, кто подкрадывался к дому, выполняя приказ командира, была разной. Воробьев воспользовался внезапно появившимся обстоятельством и мгновенно перелетел открытое пространство двора, упав слева от сарая в

тот момент, когда озадаченные новым взрывом охотники, отвлекшиеся на звук и вспышку, снова обратили лица к дому.

Их оставалось еще трое-четверо, и одного из них Панкрат вычислил сразу — по шороху шагов: киллер наступил на рассыпанный полосой вдоль заборчика за сараем шлак. Не желая выдавать себя стрельбой, Панкрат дождался еще одного скрипа и метнул в темноту «очередь» сякэнов.

Раздался вскрик, и тотчас же из-за будки туалета, стоящей за сараем, раздался тихий, похожий на удар палкой по подушке, выстрел, а за ним падение тела. Кто-то п о м о г Панкрату избавиться от противника!

В сарае что-то зашуршало, упало, покатилось, затем раздался приглушенный вопль, сменился хрипом, стоном, и все стихло. Панкрат приготовился к броску, но в этот момент из-за будки туалета прозвучал чей-то негромкий голос:

— Не стреляй, командир.

— Родион?! — не поверил ушам Панкрат.

— Я. Все кончено. — К забору вышла черная фигура, слегка подсвеченная светом разгоравшегося вдалеке на улице пожара. — Их тут было шестеро. К сожалению, Леву они успели замочить.

Панкрат расслабился, снял палец с курка «овцы», встал.

— Я не успел...

— Я знаю. Ты и так классно сработал, грохнул командира группы прямо в машине.

— Взрыв на улице — ваших рук дело?

— Ребята взорвали «Форд». Мы сейчас унесем отсюда этих гавриков и Леву, а ты иди успокой жену. Утром встретимся, поговорим.

— Может, останешься?

— Сюда скоро примчится милиция, начнет допрашивать свидетелей, а светиться нам ни к чему. — Родион поднес к губам рацию, дал команду: — Зашевелились!

Из-за сарая, а также из сарая выскользнули несколько быстрых теней, вынесли убитых охотников ЛООС и так же быстро сгинули, будто их и не было.

— Профи, — пробормотал Панкрат. — Хорошая подготовочка у твоих ребят.

— «Тень», — хмыкнул Родион. — Все прошли школу спецслужб и войн. Ну все, командир, я побежал, уже сирены воют. Раненько поутру собери тут гильзы, чтобы не отвечать потом на всякие дурацкие вопросы следствия.

Родион хлопнул Панкрата по плечу и исчез.

Со всех сторон к набережной мчались с включенными сиренами милицейские машины. Панкрат мрачно улыбнулся. Оперативникам и следователям предстояла нелегкая работа по выяснению обстоятельств «разборки» бандитов между собой.

Во двор вышел Вадим.

— Я тоже ухожу...

— Иди, — кивнул Панкрат. — Спасибо за помощь.

Потоптавшись, Вадим ушел на огороды. Панкрат прислушался к шуму на улице, встрепенулся и поспешил в дом освобождать и успокаивать жену и детей.

* * *

До утра их никто не беспокоил. Потом милиция начала обходить дома в поисках свидетелей нешуточного ночного боя, и Панкрат вынужден был долго отвечать на вопросы оперативников, следователей и разного рода милицейских начальников в штатском. Спрашивали и Лиду, но она делала круглые глаза и так успешно играла роль испуганной женщины, что ее оставили в покое. К двенадцати часам Панкрат наконец освободился, развез детей и жену по учреждениям и поехал в спорткомплекс на Парковой в некотором смятении чувств. С одной стороны, он испытывал облегчение, что удалось уничтожить всю команду ликвидаторов ЛООС, с другой — понимал, что на этом дело не закончится. Лиду и детей надо было оградить от новых нападений радикально, личная охрана проблемы не решала, да и не могла она следовать за семьей Воробьевых вечно.

Родион и Петя ждали его возле спортзала, прогуливаясь по асфальтовой дорожке на территории парка. Панкрат сделал вид, что не обратил на них внимания, вошел в здание, открыл свою тренерскую комнату. Родион появился там через минуту.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — буркнул Воробьев. — Думаю.

— О чем?

— Обо всем. Не вижу я перспективы в этом деле. ЛООС пришлет новую команду, снайперов или взрывников, и все начнется сначала.

— Сначала сюда приедут контролеры, чтобы установить причины гибели группы. А мы их перехватим и выйдем с их помощью на головку ЛООС.

— Ты так уверен в возможностях «Тени»? — скептически глянул на Кокушкина Панкрат.

— Ты сам видел их в действии. Двенадцать трупов. Ни один не ушел.

— Как вам удалось подоспеть так вовремя и сразу включиться в игру?

— Мы прибыли еще утром, осмотрелись и повели тех, кто приклеился к тебе. Так что все было подготовлено заранее.

Панкрат потемнел.

— Вы были здесь... и не предупредили?! А если бы ликвидаторы просто шмальнули по машине из гранатомета?

— Не шмальнули бы, — отмахнулся Родион. — Свидетели им ни к чему. Давай о деле, командир. Тебе надо сегодня же вечером уехать в Москву.

Панкрат перестал переодеваться в спортивную форму, уставился на бывшего «мстителя».

— Ты в своем уме? А жена, дети?

— Мы тут присмотрим за ними, не беспокойся. Группа остается со мной еще несколько дней. Получишь инструктаж, задание, побеседуешь с Архипом Ивановичем, определишься и приедешь. Потом решим, что делать дальше.

Панкрат покачал головой.

— Не поеду, пока не...

— Если хочешь освободиться от опеки ЛООС — поедешь, — усмехнулся Родион. — Это у тебя единственный шанс. И не переживай за своих, я за них отвечаю.

— Это, конечно, здорово, но...

— Я тебя когда-нибудь подводил?

— Нет, — ответил Панкрат, подумав.

— Тогда в чем дело?

Панкрат открыл рот, тщетно подыскивая аргументы, и вдруг понял, что его бывший подчиненный прав. Уберечь семью можно было только таким образом — примкнув к не менее мощной структуре, чем Легион.

ВЕТЛУГА

КРУТОВ

Он стоял на пути гиганта, сжимая в руке короткое копье с кремневым наконечником, и чувствовал его состояние, исполненное великой печали. Мамонт з н а л, что жить ему осталось совсем немного, и лишь изредка, словно исполняя заученную ритуальную роль, начинал метаться по кругу, искать брешь в цепи охотников с копьями и факелами, неистово трубить и крушить лбом скалы, попадавшиеся на пути. Но цепь

охотников неумолимо сжималась и как бы выдавливала косматого великана к краю плато, обрывавшегося в пропасть. Там, на дне пропасти, добычу уже ждали разделыватели туши, уверенные в том, что все закончится так, как рассчитал вождь племени.

Крутов тоже был уверен в победе, потому что ощущал себя не просто одним из соплеменников, но представлял собой мыслящий элемент соборной разумной системы под названием «охотничья стая», видел мамонта сразу со всех сторон, реагировал мгновенно на любое его движение и чувствовал то, что чувствовал каждый охотник. Племени не надо было переговариваться, выслушивать приказы вожака и сообщать криками о передвижении дичи, охотники сообщались между собой мысленно, связанные одним интеллектуальным полем, и связь эта была гораздо гибче, оперативней и быстрей, чем языковая, основанная на звуке. Во времена охоты на мамонтов слегка одичавшие потомки арктов общались между собой телепатически.

Мамонт затрубил, поднимая хобот. Его загоревшиеся злобой глазки нашли отступавшего к краю обрыва Крутова. Тот расчетливо бросил копье, вонзившееся в нижнюю губу гиганта. Убить он его не мог, но этого и не требовалось, надо было всего лишь раздразнить великана, заставить его забыть об осторожности.

Мамонт издал трубный вопль, теперь уже от изумления, боли и гнева, и бросился на обидчика, стоявшего на кромке обрыва. Дождавшись момента, Крутов бросил в противника острый камень, чтобы поддержать его боевой пыл, и гибким, отточенным, натренированным движением соскользнул в трещину под скалой обрыва. Мамонт завис над ним на мгновение, пытаясь понять, куда делся нахал, не удержался и с глухим стоном рухнул в пропасть.

В голове Крутова взорвалась бомба мысленного ликования соплеменников и одновременно раздался всплеск предсмертной тоски волосатого великана, смерть которого означала жизнь для племени, и все исчезло в вихре цветных пятен и смятенных чувств. Наступила тишина и темнота, протаявшая вскоре окном в доме, сквозь которое лился в горницу серый осенний свет.

Крутов вяло повернул голову, осознавая, что лежит на кушетке, и встретил пристальный взгляд деда Спиридона.

— Ну что, путешественник, где побывал на этот раз?

— Охотился на мамонта, — слабым голосом проговорил Крутов, чувствуя усталость во всем теле. Он не удивился во-

просу старика, тот уже не раз проводил с ним сеанс трансового возбуждения родовой памяти предков, и с каждым разом это удавалось все легче и легче.

— На-ка выпей. — Дед Спиридон подал ему кружку с вишневого цвета жидкостью. — Успешно поохотился?

— Мамонта жалко, — скривил губы Егор, глотнул напитка и прислушался к своим ощущениям: жидкий огонь стек по пищеводу в желудок и мгновенно разбежался по жилам. Голова прояснилась, кровь заструилась по сосудам живее, тело налилось силой, захотелось плясать и смеяться.

Он поднял на старика озадаченно-удивленный взгляд.

— Что это? Похоже на ерофеич...

— Нет, это настойка моего прадеда Перфилия, хотя, между прочим, в основе ее тоже лежат травы тирлич, девясил и туга. Идти можешь?

Крутов пошевелил пальцами и вдруг взвился в воздух, почти мгновенно преодолев несколько метров между кушеткой и дверью в горницу. Оглянулся. Дед Спиридон смотрел на него с усмешкой, покивал.

— Кое-чему ты уже выучился, сынок, на сегодня достаточно. Завтра придешь пораньше, пойдем в лес.

Крутов кивнул, шагнул было за порог, но оглянулся.

— Учитель, почему вы сами не исполните Замысел Предиктора? Вы же воин, каких мало.

Спиридон покачал головой.

— Каждый волхв — воин такого же уровня, как и я, а начинать войну мне нельзя по многим причинам. Во-первых, мы видим друг друга, то есть каждый маг чувствует каждого, в том числе и черный. Скрыть намерение от своих собратьев или врагов очень трудно. Во-вторых, существует иерархия исполнителей Замысла, и я занимаю в ней координирующую ступень. В-третьих, мне нужен ученик, способный стать Витязем баланса сил, а этот уровень мне уже недоступен.

— Вы считаете, что мне доступен?

— Я надеюсь, — смиренно ответил Спиридон. — Все зависит от того, кем себя представляешь ты.

Крутов подумал, пожал плечами.

— Человеком, не более того.

— Вот это и дает мне шанс исполнить возложенную на меня миссию, — улыбнулся старик. — Овладеть живой, чувствуя себя избранным, сверхчеловеком, — можно, добиться же исполнения Замысла — нельзя.

— Вы так и не посвятили меня в Замысел.

— Всему свое время. Могу сказать только одно: тебе предстоит выйти на «серого» мага и попытаться склонить его к сотрудничеству с Предиктором.

— И все? — В голосе Крутова прозвучало разочарование.

Дед Спиридон огладил ладонью бороду, в глазах его мелькнул колюче-насмешливый огонек.

— До сих пор это считалось непосильной задачей даже для волхва.

— Я же не волхв, — пробормотал Крутов.

— Кто знает, кем ты станешь? Путь Витязя просчитать трудно, почти невозможно. Он может пойти и вверх, в обитель светлых сил, и вниз, к повелителям черной магии. Все будет зависеть от того, какой у него останется запас человечности в душе. Система, которой я тебя обучаю, называется живой — по имени древнеславянской богини жизни, но всегда надо помнить, что Жива — сестра Перуна, бога молнии, грозы и грома, и она в любой момент может сменить милость на гнев, а то и превратиться в Марену, богиню смерти и колдовства.

Крутов потоптался на пороге, чувствуя, как его обдает жаром, — настойка деда продолжала действовать, — но все же отважился задать еще один вопрос:

— Учитель, я не понимаю... чем все-таки белая магия отличается от черной? Ведь и белый маг может убить человека, и волхвы это делали... и вы тоже...

— Ты слишком спешишь, сынок. — Взгляд старика стал пронзительным, суровым. — Ответ ты должен был найти сам. Но я все же отвечу. Белая магия не нарушает законы бытия и социума, даже если маг совершает убийство — тогда, и только тогда, если требуется покарать убийцу и спасти невинных людей. Черная же магия тем и отличается от белой, что всегда нарушает законы жизни, даже если деяние мага приносит благо. Впоследствии это благо все равно оборачивается злом. Кстати, маги, активно вмешивающиеся в природные процессы, сами подвержены не менее активным ответам мира. Это еще один аргумент в пользу того, что мне нельзя самому исполнить Замысел. Ты еще...

— Я понял, — дернул Крутов уголком губ, — я еще не маг, для всех я темная лошадка, как говорится.

Спиридон не отвел взгляда.

— До завтра, сынок. Твоя берегиня заждалась тебя.

Крутов вспомнил Марию, выругался про себя — женщина всплывала в памяти в самые неподходящие моменты — и вышел, унося в душе все понимающий взгляд старика.

Елизавета ждала его во дворе, сидя на лавочке с бабой Евдокией. Вскочила, когда задумчивый Егор спустился с крыльца.

— Вы сегодня так долго! Мы тут с бабушкой успели даже... — она замолкла, слегка покраснев, бросила быстрый взгляд на улыбнувшуюся Евдокию Филимоновну.

— Что же вы успели? — простодушно спросил Крутов.

— Позлословить о тебе. Я рассказала, какой ты бываешь несносный.

— Шутит она, — нараспев проговорила баба Евдокия. — Присохла она к тебе, кочергой не оторвешь.

Лиза притворно нахмурилась.

— Зря вы ему это говорите, бабушка Евдокия, он же нос задерет. Спасибо за урок. Мы пойдем, пожалуй. До свидания.

— Доброго здоровьица, — поклонилась старуха. — Приходите почаще.

Крутовы сели в машину, и Егор запустил двигатель.

— Так чем вы все-таки занимались?

— Танцами, — со смешком сказала Лиза, со вздохом облегчения закидывая руки за голову. — Устала...

— Танцами? — удивился Крутов.

— Баба Евдокия учила меня танцевать. Только это не совсем танец... или совсем не танец в обычном понимании этого слова. Он восходит к протоформам танцевальных телодвижений, составляющих основу магии движений. Есть специальные позы, положения тела, пальцев рук...

— Мудры.

— Мудры, хасты, которые образуют энергоинформационные резонансные контуры, способные влиять на внешние процессы.

— Зачем это тебе?

— Затем, чтобы, овладев этим искусством, я смогла когда-нибудь стать... — она прикусила губу, бросив на водителя косой взгляд.

— Берегиней? — закончил он.

— А что, не подхожу? — рассердилась Елизавета. — Да, у меня есть задатки, в роду полно ведьм было, но если тебе это не нужно...

— Да многовато для одного воина иметь двух берегинь, — бросил он с рассеянным видом.

— Ах так! — вспыхнула она. — Ту красавицу забыть не можешь? Ну и отправляйся к ней! Останови машину, я выйду.

Крутов послушно затормозил, но продолжать в том же духе не стал. Невзирая на сопротивление, притянул жену к себе и поцеловал. Шепнул ей на ухо:

— Глупая, да разве может кто-нибудь в мире сравниться с тобой? Ты моя берегиня, и никто тебя не заменит.

Елизавета перестала сопротивляться, затихла, потом спустя минуту тихо проговорила:

— Иногда я готова тебя убить... но чаще отдать за тебя жизнь. Ты меня не бросишь?

— Нет, — засмеялся Крутов. — Нам куда бы ни идти, лишь бы с вами по пути. — Тронул машину с места. — Сейчас зажжем дома камин, сварганим кофе и примемся пить блаженство. Кто нам еще нужен?

Дети, хотела сказать Лиза, но передумала. О том, что у них будет ребенок, говорить Крутову было рано. Он же снова боролся в этот момент с призраком Марии, всплывшим в памяти, и молчал до тех пор, пока не победил. Уже сворачивая на улицу Герцена, он вдруг снова впал в задумчивость.

— А все-таки странно, что дед Спиридон так быстро в меня поверил. Он же меня совсем не знал до нашего приезда.

— Знал, — опустила голову Елизавета, пряча глаза. — Ты меня точно не бросишь?

— Что ты хочешь сказать?

— Дед тебе ничего не говорил?

— Ничего, — насторожился Крутов.

— Прости меня...

— Да за что?!

— Наш приезд в Ветлугу был не случаен. Дед обратил на тебя внимание, еще когда ты барахтался в наших родных лесах.

— Каким это образом?

— Он волхв и все в и д и т. Это он предложил мне приехать сюда... — Она посмотрела на Крутова и снова опустила голову. — Ничего случайного в мире не бывает. А теперь, если хочешь, ударь меня.

Крутов подъехал к воротам дома, заглушил двигатель, погасил фары.

— Что молчишь? — еле слышно выговорила Лиза.

— Прикидываю, куда лучше ударить, — усмехнулся Егор. — Ну и дела!

Она быстро взглянула на него, в темноте фосфоресцирующе вспыхнули белки ее глаз.

— Ты... презираешь... меня?

Он повернулся к ней, положил руки на плечи, заглянул в черные омуты глаз, угадав, что они заполнены слезами.

— Я тебя люблю!

— Правда?

— Правда!

Она робко потянулась к нему губами... и целоваться в машине в полной темноте было несказанно приятно и удивительно. Очнулись они, когда по крыше кабины забарабанил дождь.

* * *

Утро выдалось на удивление тихим, кротким, теплым и солнечным, открывая сезон бабьего лета. Соответственно и настроение у Крутовых было под стать утру. Лиза умчалась на работу, напевая песенку из нового репертуара Аллы Пугачевой, а Егор целый час с удовольствием лупил ногами макивару, избивал тренировочного идола со множеством суковатых «рук» и метал в стену хозблока (бывшей конюшни) ножи и пластины. К десяти часам он был готов к активной трудовой деятельности, собрался было выезжать со двора, однако задержался: к дому подъехал серебристый «Порше-Каррера» девятьсот одиннадцатой модели. Еще один автомобиль — серый «Плимут» остановился поодаль, и Крутов понял, что это телохранители высокого гостя, коим оказался бензиновый король Ветлуги Вениамин Витальевич Григорьев, одетый в неизменный строгий костюм «от кутюр» песочного цвета. С ним был и квадратноплечий Кислярский, чей взгляд красноречиво говорил о его чувствах к хозяину «дворянской хаты».

Крутов спустился в палисадник, остановился за калиткой, выжидательно глядя на гостей.

— Доброе утро, Егор Лукич, — сказал Григорьев, не вылезая из машины, только приспустил стекло. — Как поживаете?

— Вашими молитвами, Вениамин Витальевич, — усмехнулся Крутов. — Как идут дела на бензиновом фронте?

— С бензином перебоев не предвидится, — в том же тоне отозвался Григорьев. — Вы еще не надумали?

— Это вы о чем? — с наигранным простодушием спросил Егор.

Вениамин Витальевич нахмурился, пригладил пальцем усики «а-ля Соломин», окинул Крутова взглядом с головы до ног, однако же держаться он умел и нетерпения не выказал.

— Мы имели честь кое-что вам предложить.

— А я имел честь вас выслушать, — сделал безмятежный вид Егор, — и доложил своему начальству о предложении. Оно клятвенно пообещало проанализировать предложение, но восторга не выразило. Боюсь, оно откажет.

— Насколько мне известно, — хмыкнул Григорьев, — никакого начальства у вас нет, вы, как говорится, птица свободного полета.

— Ну что вы, Вениамин Витальевич, — покачал головой Крутов, — я один не летаю, у меня есть жена, куча родственников, кое-кто из них даже ходит в местных начальниках.

— Вы имеете в виду начальника РОВД полковника Качалина? Едва ли он в состоянии защитить вас от... э-э, скажем, от бандитов, Егор Лукич. Городок у нас спокойный, но разных отморозков хватает.

— Спасибо за заботу, — вежливо сказал Крутов. — Но я способен сам защитить себя от... э-э, отморозков. С весьма большим для них уроном. Однако все равно спасибо.

— Дай я с ним поговорю, шеф, — сказал здоровяк Кислярский, приоткрывая дверцу машины.

— Рано, — задумчиво сказал Григорьев. — Товарищ еще не понял, пусть подумает, прикинет плюсы и минусы. До свидания, Егор Лукич. Надеюсь, мы вас увидим в ближайшее время.

Обе машины уехали. Крутов проводил их рассеянным взглядом, побрел к дому. Потом встрепенулся и заспешил. Через полчаса он был в своем кабинете в новом здании КММ, где его ждал сюрприз: совет Клуба молодых миллионеров прислал ему письменное уведомление о том, что решено отказаться от услуг бывшего полковника ввиду его «криминального прошлого». В вину Крутову ставили и содержание под стражей в жуковской милиции, и его участие в «бандитской» деятельности на территории Брянской губернии. Каким образом это стало известно совету КММ, приходилось только догадываться. Очевидно, связи у господина Быченко, пытавшегося завербовать в свою команду полковника ФСБ, были действительно обширны, если он сумел докопаться до прошлого Крутова, о котором знали очень немногие люди, а также смог доказать совету Клуба нецелесообразность иметь дело с офицером, уличенным в неблаговидных делах.

Ошеломленный известием, Крутов сдал дела заместителю, получил «выходное пособие» в размере шести тысяч рублей (спасибо и на том, господа молодые миллионеры, в вежливости вам не откажешь) и вышел из здания, в котором успел проработать всего полторы недели. Пытаясь разобраться в том, что произошло, он медленно побрел по улице к рынку, остановился у памятника Пушкину, проговорил мысленно: вот жизнь бекова, нас бьют, а нам некого... И в этот момент к нему подошли два совсем юных милиционера, представлявших собой новую генерацию стражей правопорядка — командированных во властные структуры бандитскими группировками и мафией (об этом Егор узнал позже от Петра Качалина).

— Эй, гражданин, — лениво сказал один из них, в то время

как второй картинно положил руку на рукоять дубинки, — пройдемте-ка с нами в отделение.

— Что?! — изумился Крутов.

— Вы пьяны, пройдемте.

«Ах, чтоб тебя!..» — выругался про себя засомневавшийся в своей трезвости Егор.

— Я, кроме кофе, сегодня ничего не пил...

— Пройдемте! — взял его под локоть второй юный мент. — В отделении разберемся.

— Нет, погодите, — уперся Крутов, видя, как прохожие начинают оглядываться, замедлять шаги и останавливаться. — Давайте разберемся здесь, я вам документы покажу...

— В отделении покажете! — стальным голосом произнес первый милиционер. — Будете сопротивляться — вам же дороже обойдется.

— Конечно, буду, — в сердцах ответил Крутов, не понимая, чего от него хотят, и одним движением выкрутился из рук молодцов в форме, столкнул их лбами. Пока они приходили в себя, достал свое многострадальное удостоверение полковника ФСБ, сунул в нос одному и другому.

— Читать умеете?

— У-у... а-а... — выдавил из себя первый страж порядка.

— А-а... э-э... — добавил второй.

— Фамилии?

— Зачем? — вытаращился первый.

— Затем, соколик мой безмозглый, чтобы выяснить у вашего начальства, где оно подбирает таких, как вы. Фамилии?

— Синицын... младший сержант...

— Вижу. Ну а твоё фамилиё, товарищ рядовой?

— Кодлин...

— Отличная фамилия, — не сдержал улыбки Крутов, — не иначе как твои предки дворянами были. И с какой же это стати вы хватаете ни в чем не повинных людей? Или выполняете план по приводам?

Милиционеры переглянулись.

— Нам сказали... подозрительный тип... показали на вас...

— Кто показал?

Снова молчаливый обмен взглядами. Крутов почувствовал неясную пока тревогу: показалось, что за ним наблюдают.

— Ладно, идите, господа юнкера. В другой раз будьте повнимательней, сначала проверьте документы у того, кто укажет на «подозрительного типа».

Крутов зашагал обратно, просеивая сферой внимания все любопытствующие взгляды собравшихся в небольшую толпу

прохожих, а когда скользнул взглядом по припаркованным вдоль тротуаров машинам, буквально укололся о взгляд не успевшего отвернуться молодого человека в салоне «Порше». Это был Кислярский, помощник Вениамина Витальевича Григорьева.

«Так вот откуда ноги растут! — догадался Крутов. — Меня просто-напросто начинают «пасти», выкручивать руки, организовывать давление. Ну-ну, мальчики, в такие игры вам со мной лучше не играть».

Он сделал вид, что ничего не заметил, сел в свой «Рено» и медленно двинулся по направлению к набережной Ветлуги, прикидывая, где лучше всего перехватить автомобиль с группой слежки. Подъезжая к таверне «Барракуда», расположенной на берегу реки и имеющей летнюю веранду над водой, он уже знал, что будет делать дальше. Серебристый «Порше» не отставал, и это даже доставляло Егору удовольствие, он должен был разрядиться после стресса, полученного в результате скоропостижного увольнения.

Припарковав машину в ряду других иномарок местной элиты — начиналось время обеда, и к таверне, известной своей рыбной кухней, съезжались гурманы, — Крутов поднялся по ступенькам и вошел в таверну, по сути — бывший ресторан, сохранивший внешнюю строгость и чопорность приема партийных бонз, но взявший и кое-что из манер западных ресторанов подобного типа. Снаружи «Барракуда» напоминала Дом культуры времен старта первого спутника, внутри имела стильный интерьер с морскими картинами, глобусами, парусами, мушкетами и кортиками. Официанты здесь ходили в бриджах и рубашках апаш, а музыка навевала ностальгию о «маленькой таверне и малютке Мэри». В меню «Барракуды» также звучала морская тема: фирменным блюдом считался сандвич со скумбрией и луком, а более экзотическим, но менее съедобным — рыба-меч с рисом, но, кроме этого, здесь можно было съесть «салат портовых грузчиков», свинину шанхайских моряков в кунжутном масле, филе камбалы в соусе из белого вина и сливок и куриную грудку «карамболь», тушенную в вине с грецкими орехами и шампиньонами.

Крутов однажды зашел сюда с Лизой ради любопытства, ему заведение понравилось, и оно же весьма подходило для исполнения задуманного плана по отсечению «хвоста».

Он не стал проходить в залы таверны, а сразу встал за колонну в холле, чтобы видеть входящих. Молодого человека в песочного цвета плаще (видимо, клевреты господина Григорьева выбирали цвет своей одежды в тон костюмам босса), во-

шедшего в таверну через несколько минут, он вычислил сразу — по особой настороженности, выдающей в человеке заданность и целеустремленность специалиста по слежке. Молодой человек бегло оглядел холл, не торопясь прошел в первый зал, и Крутов спокойно вышел из таверны через служебный ход, зная, что несколько минут в запасе у него есть.

«Порше» стоял на прежнем месте, в десятке машин от автомобиля Егора, а его пассажир — Кислярский — напряженно пялился на колоннаду центрального входа в таверну. Видимо, мастерству слежки его не обучили, иначе он посматривал бы и по сторонам. Обойдя шеренгу машин слева, Крутов подошел к «Порше», рванул дверцу и сел на место водителя.

— Какого?! — ошеломленно выговорил Кислярский, поворачиваясь, и осекся. На него, почти дружески улыбаясь, смотрел тот, за кем он обязан был «тихо и незаметно» наблюдать.

— Привет, — сказал Крутов. — Ждете кого?

Кислярский сунул руку под мышку (на нем тоже был плащ песочного цвета), и Егор нанес ребром ладони отрезвляющий удар по носу здоровяка. Достал у него из наплечной кобуры пистолет — девятимиллиметровую «беретту» (ничего не скажешь, богато живут господа мафиози), дождался, когда глаза парня перестали косить, и похлопал его по физиономии.

— Соображать можешь?

Кислярский открыл рот и закрыл, увидев в руке врага свое «штатное» оружие.

— Отлично, — кивнул Крутов. — Телефон есть?

— Что?!

— Телефон, говорю, есть сотовый? Доставай и набирай номер шефа.

Лицо здоровяка пошло красными пятнами, он крутнул желваки на скулах, но требование выполнил. Крутов забрал у него трубку, поднес к уху.

— Григорьев слушает, — раздался в трубке голос бензинового короля.

— Добрый день, Вениамин Витальевич, — приветливо сказал Крутов. — Я тут беседую с одним из ваших мускулистых мальчиков, Кислярский его фамилия, так он мне рассказывает удивительные истории. Якобы вы заставили его следить за мной, а если получится, то и постращать. Это правда?

Молчание в трубке, затем тихий невыразительный голос:

— Извините, Егор Лукич, мои парни просто перестарались. Больше этого не повторится.

— Да уж, вы уж прикажите им не понимать ваши приказания буквально, не ровен час, покалечатся или заболеют... желудком. Говорят, свинцовый горох очень плохо переваривается, знаете ли.

Крутов выключил телефон, сунул Кислярскому, открыл дверцу.

— Начальство дает отбой. Забирай своего коллегу и лети к шефу за медалями.

— Ты не представляешь, с кем свя... — начал помощник Григорьева и умолк, отдернул голову, увидев перед собой, в сантиметре от лица, сузившиеся, похолодевшие глаза Крутова.

— Это ты не представляешь, с кем связался, парень, — сказал Егор проникновенным тоном. — Хочешь жить — держись от меня подальше.

Когда Кислярский опомнился, его подопечного уже не было в машине. Подошедший водитель «Порше» с удивлением глянул на бледное лицо напарника.

— Ты чего, Кистень?

— Поехали, — буркнул Кислярский, отворачиваясь.

— Куда? А как же этот гребаный полковник? В зале его нет.

— Поехали к шефу.

Водитель завел мотор, и «Порше» выехал из ряда припаркованных у таверны автомобилей. «Рено» Крутова здесь уже не было.

Домой Егор сразу не поехал, решил сначала поговорить с Петром Качалиным о его предложении работать в УВД. В сложившихся обстоятельствах это было, видимо, лучшим выходом из положения. Сунув «беретту» в карман кожаной куртки, он выехал на улицу Островского, свернул к площади Рылеева и остановился у двухэтажного здания ветлужского Управления внутренних дел.

Петр Парамонович Качалин, начальник управления, был на месте и гостю не то чтобы обрадовался, но встретил подружески, как близкого родственника.

— Какими судьбами, Егор? — усадил он Крутова за стол, жестом показав помощнику принести кофе. — Что-нибудь случилось?

Егор коротко рассказал о своем увольнении и смущенно глянул на открытое, обветренное, каменно-неподвижное лицо полковника милиции.

— Вот теперь думаю, не зря ли я отказался от вашего предложения пойти в замы?

О том, что за ним приклеили «хвост» прихлебатели Бычен-

ко, он решил пока не говорить, дело казалось не стоящим выеденного яйца.

— Да, интересная петрушка получается, — сказал Качалин. — Не иначе снова работа господина Быченко, его холуев. Связи у него аж до Москвы тянутся, что хочешь организует и кого хочешь купит. Чего ему от тебя надо, хотелось бы знать?

— Еще одного холуя хочет заполучить, — улыбнулся Егор.

Помощник принес чашки с кофе, пряники и сыр.

— Может, напрасно сопротивляешься? Платить он будет раз в десять больше, чем могу предложить я. — Качалин взял чашку, ломтик сыра, глянул исподлобья на затвердевшее лицо гостя и усмехнулся. — Пошутил. Но если он задался целью завербовать тебя во что бы то ни стало, то будет наращивать давление до тех пор, пока ты не сдашься. Знаешь пословицу: тот, кто тебя обидел, никогда тебе этого не простит. Если надумал идти в милицию всерьез, я буду только рад. Во всяком случае, это снимет остроту ситуации и снизит уровень притязаний Быченко. Но гарантий дать не могу.

— Тогда дайте мне возможность все взвесить. Если бы у меня был миллион долларов, я, конечно, нашел бы себе другое применение, а так как его нет, придется работать.

— Есть анекдот на эту тему, — хмыкнул Петр Парамонович. — Встречаются двое «новых русских». «Послушай, если бы у тебя был миллион долларов, что бы ты сделал?» — «Как что? Раздал бы долги!» — «А остальные?» — «А остальные подождут».

Крутов знал этот старый анекдот, но заставил себя рассмеяться.

— Лихо! Однако «новые русские» могут позволить себе долги, а я нет. Ну что ж, спасибо за прием. Значит, я могу на вас рассчитывать?

— Всегда, — просто сказал Качалин, вкладывая в это слово больше смысла, чем можно было судить по ситуации.

Выйдя из здания УВД, Крутов постоял в раздумье возле машины, рассеянно поглядывая по сторонам, и снова ощутил на себе чей-то липкий, специфический — соскальзывающий взгляд. Его продолжали преследовать, и это начинало раздражать. Однако если это были люди Григорьева, то они сменили машину, ибо серебристый «Порше» Егор нигде не увидел. И тут ему пришла мысль, от которой он почувствовал себя весьма неуютно: это могли быть и контролеры ЛООС, приехавшие проверить «качество» выполнения задания предыдущей группой во главе с Зубко. В этом случае положение Егора осложнялось, а над Сашей вообще нависала реальная

угроза расправы. Впрочем, то же самое грозило и самому Крутову, разве что времени у него было побольше. Садясь в машину, он остро пожалел, что рядом с ним нет его команды или хотя бы Панкрата Воробьева, который один мог заменить трех-четырех человек.

До обеда он колесил по городу из конца в конец, заходил в десяток магазинов, на рынок, побывал даже в пивбаре, но тех, кто следил за ним, так и не обнаружил. То ли их квалификация была намного выше его опыта, то ли наблюдатели вели его с помощью новейших оптико-электронных и компьютерных систем типа малый СЭР, использующихся сверхсекретными подразделениями ГРУ. Возможностей ЛООС Крутов не знал, поэтому принял этот достаточно экзотический вариант за основу, чтобы держать себя в постоянной готовности.

В час дня он заехал за Лизой, и они пообедали в кафе «Орел» на площади Победы. Крутов рассказал жене о своем увольнении из КММ, чем огорчил ее, конечно, но о встрече с Григорьевым и о своих подозрениях насчет прибытия группы ЛООС говорить не стал, не желая пугать ее раньше времени.

— Никуда без меня не выходи, — предупредил он, провожая Лизу до издательского офиса. — В шесть я за тобой заеду, поужинаем и отправимся к деду Спиридону.

— Ты что-то скрываешь от меня, — заявила Елизавета, внимательно на него посмотрев. — И не брыкайся, я чувствую.

— Не буду брыкаться, — улыбнулся Егор, целуя ее, — но обо всем, что меня волнует, поговорим вечером.

— Обещаешь?

— Железно!

— Хорошо, уговорил. Будь внимательнее.

Лиза убежала, а Крутов задумчиво направился к машине, размышляя о чувствительности жены. Контакты с бабой Евдокией не прошли для нее даром, в последнее время Елизавета явно приобрела какие-то новые качества, постепенно превращаясь из внучки ведуньи во взрослую «ведьму» с большим запасом парапсихологических способностей. Егор после тренировок с дедом Спиридоном тоже резко повысил свой психофизический потенциал и чувствовал переживания жены все отчетливее. Особенно этот эффект сказывался во время их любовных игр, описать которые невозможно было никакими словами.

На него посмотрели одновременно с трех сторон. Мгновенно сработала сторожевая система, окуная сознание в особое состояние пустоты, организующее экстравидение и высокую

точность определения опасности. Двое посмотревших были просто прохожими, а вот третий явно имел к нему какой-то интерес. Определив его местонахождение, Крутов спокойно сел в свою машину, достал из кармана отобранную у Кислярского «беретту», снял с предохранителя и стал ждать появления главных действующих лиц. Выехать из ряда машин он мог, несмотря на то что его умело приперли с двух сторон, однако предпочел отдать инициативу в руки неведомых наблюдателей.

Через несколько секунд рядом остановился белый шестисотый «Мерседес», из которого с ходу катапультировался мужчина в светлой куртке с отливом и рванул на себя дверцу машины Крутова, держа вторую руку под полой куртки. Взгляд его упал на ствол пистолета, смотревшего прямо ему в лоб, и заранее заготовленная фраза застряла в горле.

— Опусти руку и сядь обратно, — тихо сказал Крутов, фиксируя боковым зрением всех, кто проходил по тротуару справа от машины. Люди в темно-синем «Вольво» и желтой «Мазде», запершие его автомобиль, сидели неподвижно, и это давало шанс в любой момент уйти, сделав трюк — свернув на тротуар. Этой возможности крутые парни в крутых тачках не учли.

Мужчина в куртке (лет под сорок, глаза холодные, ничего не выражающие, недобрые, такие бывают у профессиональных убийц) отступил к «Мерседесу», не спуская глаз с пистолета. Расстояние между машинами не превышало метра, и пассажиры «мерса» тоже увидели оружие в руке Егора.

— Отставить, Николай, — сказал тот, кто сидел справа от водителя, молодой, с роскошными длинными волосами цвета воронова крыла, в отличном темно-коричневом костюме с ярким галстуком. Окинул Крутова оценивающим взглядом, в котором не было страха. — Опустите пистолет, Егор Лукич. Я Быченко. Просто захотелось посмотреть на человека, который так сильно не дорожит жизнью.

— Ошибаетесь, — равнодушно сказал Крутов. — Я дорожу жизнью. Но еще более я дорожу честью. Я уже говорил вашему представителю, что не хочу работать с вами. Если вы не оставите меня в покое, я приму ответные меры.

— Какие, если не секрет?

— Секрет, — улыбнулся Крутов с простодушным видом. — Я, видите ли, специально тренирован для ведения переговоров с такими людьми, как вы. Даже сейчас вы находитесь в поле зрения моего человека, который держит вас на мушке. Так что делайте выводы, господин главный ловчий.

Быченко скользнул взглядом по домам на обеих сторонах улицы, махнул рукой водителю:

— Поехали. — Посмотрел на Крутова. — Жаль, что вы такой... независимый. Это может помешать вашему бизнесу.

«Мерседес» уехал, за ним выехали со стоянки и машины сопровождения. Стоило им скрыться, как из здания напротив, где располагался офис издательского центра, выбежала Елизавета.

— Ты еще здесь?! Что случилось?! Я почувствовала тревогу и поняла, что тебе угрожает опасность. С тобой кто-нибудь разговаривал?

— Успокойся, — с удовольствием посмотрел на раскрасневшуюся, удивительно похорошевшую жену Егор. — Все в порядке. Ты самая красивая женщина, какую я только встречал в жизни! Целуй и возвращайся, я буду дома.

Лиза поцеловала его в щеку, и Крутов тронул машину с места. Думал он в этот момент о том, поверил ли Быченко в сказку о «человеке, который держал его на мушке». Такого человека, к великому сожалению, не существовало.

АЛТАЙ

ФЕДОТОВ

— Иди ко мне, милый, — сладким голосом проговорила она, сбрасывая с себя полупрозрачную рубашку.

Ираклий протянул к ней руки, коснулся упруго-податливой груди и... проснулся. С минуту лежал, приходя в себя, утихомиривая бешено разогнавшееся сердце и усмиряя напрягшийся низ живота, потом криво улыбнулся и произнес вслух:

— Жениться тебе пора, полковник. Так и свихнуться недолго... если такие сны косяком пойдут.

После первой неудачной попытки жениться двенадцать лет назад Федотов не пытался больше связывать свою жизнь узами брака, ставить свободу в зависимость от желаний женщины. Время от времени он завязывал отношения с представительницами прекрасной половины человечества, но все они не соответствовали его понятию идеала и быстро надоедали. Ираклий любил порядок, тишину, строгость во всем, хотя при этом по характеру не склонен был подчиняться внутренней дисциплине, подавляющей инстинкты. Для него представление о совершенно правильном соотношении свобод мужчины и женщины всегда было связано с улыбкой ликующей природы, поэтичностью и любовным напряжением, с тем, что по нынешней моде называлось эросом. Страсть для него не ассоциировалась с беспорядком, а любовь — с необузданным из-

лиянием — поток, огонь, ураган, стихия, но и обвинять себя в отсутствии стремлений к семейной жизни он не мог. Не получалось — и все тут! Но жизнь проходила мимо, и тело постоянно просило главного к а с а н и я — к женщине, а душа прислушивалась к голосам нерожденных детей, и мозг послушно искал самовыражения — в иллюзии, во сне, где Ираклий не владел собой в прежней степени.

Все люди по ориентации деятельности делятся на «людей — от...» и «людей — к...». То есть одни строят жизнь таким образом, чтобы уйти от чего-то — нищеты, боли, горя, конфликта, вторые же идут к — славе, богатству, почету, пониманию, любви. Ираклий в этой раскладке занимал срединное положение и понимал это, хотя синдромом приобретенной индивидуальной беспомощности не страдал, однако ломать приоритеты и шкалы ценностей не хотел. Хотя теперь уже ясно видел, что его цель в жизни просматривается плохо, а путь хаотичен. Пора было формулировать задачу и находить пути для ее решения. Любимая женщина могла бы помочь этому.

— Да где же ее взять... — пробормотал он, заставляя себя встать и начать ежеутреннюю тренировку по системе лунг-гом.

В восемь он уже завтракал: лапша по-китайски, с овощами и перцем, травный чай, сыр. В девять был в офисе Боевого братства, где его ждал какой-то ранний посетитель в длинном сером плаще, с виду — замученный проблемами мелкий клерк.

— Вы ко мне? — спросил Ираклий.

— К вам, Ираклий Кириллович.

Ираклий насторожился, но виду не подал. Этого человека он раньше не встречал, между тем тот знал, как его зовут.

— Бывший офицер, военнослужащий? Есть проблемы? Проходите, пожалуйста.

— Офицер, но не бывший, а проблемы скорее у вас, чем у меня.

— Кто вы? — пристально глянул на бледновато-помятое лицо посетителя Федотов.

— Подполковник Калитин, заместитель начальника управления Федеральной службы безопасности по Алтайскому краю.

— О! — поднял брови Ираклий. — Такие гости и без охраны!

— Ну почему без охраны, — улыбнулся Калитин. — Один со мной, двое внизу, все как положено.

Только теперь Ираклий обратил внимание на еще одного посетителя, вернее, посетительницу, тихо сидящую в уголке приемной. Вопросительно глянул на подполковника. Тот кивнул.

— Мужикам до нее далеко.

Ираклий встретил взгляд молодой женщины и понял, что Калитин прав: это был взгляд человека, прошедшего огни и воды и великолепно владеющего собой.

— Извините, вам придется подождать здесь.

Женщина бросила еще один взгляд на своего начальника и осталась сидеть в приемной в той же позе.

Они прошли в кабинет главы Боевого братства. Ираклий усадил гостя напротив себя, предложил:

— Кофе, соки, чай?

— Спасибо, я уже завтракал, — ответил Калитин. — У меня к вам накопилось немало вопросов, Ираклий Кириллович, хотелось бы получить на них ответы. Историю вашу с увольнением из органов я знаю, в тех пределах, конечно, в которых мне позволено ее знать. Однако неясной осталась причина. Может быть, поделитесь?

— Я ушел не сам, — лаконично сказал Ираклий.

— Это-то как раз понятно. Как известно, уходят и солдаты и министры, только министры — со своих постов, а солдаты, как правило, — из жизни. Насколько я знаю, вы не из министров?

— Не успел дойти до кресла, — усмехнулся одними губами Ираклий. — Какие еще вопросы вас интересуют?

— Откуда вы знаете капитана ФАПСИ Болдырева?

— Он муж моей двоюродной сестры.

— Понятно. Вы часто с ним контактируете?

— Не очень, всего-то два раза и встречались.

— А когда виделись в последний раз?

Ираклий почувствовал тревогу.

— Дней пять назад. Что случилось, подполковник? Что вы крутите вокруг да около?

Калитин помолчал, разглядывая на столе статуэтку Георгия Победоносца, пронзающего змея.

— На него совершено нападение.

Ираклий вздрогнул.

— Та-ак! Он...

— Жив пока, находится в нашей ведомственной клинике. В него стреляли, одна пуля в легком, вторая прошила шею, но, к счастью, не задела горла и артерий.

— Кто?

— И мы хотели бы знать — кто, — поморщился Калитин.

— Надеюсь, вы пришли не за тем, чтобы предъявить обвинение мне?

— У вас нет причин.

— Спасибо и на том. Навестить его можно?

— Да, я дам разрешение. Еще вопрос: вы ничего не слышали о крутой разборке на Чуйском тракте?

— Нет, — не моргнув глазом ответил Ираклий. — А что там произошло?

— Кто-то взорвал джип «Чероки» со всеми седоками, а затем угрохал пассажиров «Мазды».

— Вы думаете, это сделал один человек? Одна группа?

— Может быть, и не одна. Значит, вы ничего об этом не слышали?

Ираклий перестал казаться добродушным.

— Знаете что, подполковник, если это допрос, то...

— Нет-нет, ни в коем разе, — замахал руками Калитин. — Я не следователь и задаю вопросы лишь ради любопытства. Дело в том, что в тот вечер в районе разборки видели ваш «УАЗ»... Но опять же, повторяю, мне нет до этого дела. Пусть такими вещами занимаются те, кому положено. Пришел же я к вам вот с чем. — Он сунул руку во внутренний карман плаща и вытащил надорванный листок бумаги с каким-то рукописным текстом. — Почитайте.

Ираклий взял лист и прочитал:

«1. Заняться поиском лиц, через которых можно выйти на объекты «л».

2. Установить прослуш. телефонов УВД и мэрии.

3. Собрать компромат на должност. лиц администрации края.

4. Склонить к сотрудничеству чиновников высш. эшелона власти края и УВД.

5. Пустить слух, что город Бийск контролируется человеком из мафиозного клана по кличке Федот.

6. Получить полную информацию о след. лицах: Федотов, бывший полковник ВК ФСБ; Корнеев, бывший майор ВК ФСБ; Дмитрий Власов, учитель, ныне — отец Димитрий, протодиакон одного из бийских монастырей.

7. Выявить всех специалистов по компьютерам и...»

Дальше текст обрывался по причине отсутствия части страницы.

Ираклий поднял глаза на посетителя.

— Что это?

Взгляд Калитина на мгновение стал по-змеиному завораживающим и острым.

— Этот документ мы обнаружили в салоне взорванного джипа. Не подскажете, почему в нем мелькает ваша фамилия? Какая связь между вами и тем, кто погиб в джипе?

— Никакой, — бесстрастно сказал Ираклий.

— И последний вопрос, — продолжал Калитин, как бы не слыша ответа. — Где, когда и кому вы наступили на мозоль, коль вами заинтересовались люди из Российского легиона?

— Откуда? — сделал изумленное лицо Ираклий.

Взгляд Калитина снова стал змеиным.

— Все погибшие в джипе пассажиры принадлежали одному из подразделений Легиона, точнее, отделу мониторинга и контроля. Почему именно вы и ваш коллега их заинтересовали? И почему именно вас видели в районе инцидента почти в то же самое время?

— Почему видели меня, я могу объяснить: я ездил в Бийский леспромхоз, который находится на Чуйском тракте. А вот почему в то же самое время взорвался джип с людьми Легиона, я не знаю. Видимо, кому-то очень не понравилась их деятельность. Подполковник, я люблю играть в открытую. Чего вы хотите?

— Кому-то... — проговорил Калитин. — Очень хотелось бы знать кому. — Он вытащил из кармана патрон и протянул Ираклию. — Вы с такими боеприпасами встречались?

Федотов повертел в пальцах девятимиллиметровый патрон, сильно заостренная удлиненная пуля которого была выкрашена в черный цвет, взвесил в руке.

— Годится для многих типов пистолетов и автоматов, но по весу меньше, чем обычный патрон.

Калитин забрал патрон, постучал ногтем по кончику пули.

— Пуля деревянная, Ираклий Кириллович, вот в чем загадка. Американские охотники, по слухам, предпочитают в последнее время именно такие патроны — с черными пулями, полагая, что это цвет смерти, но чтобы где-нибудь кто-нибудь использовал деревянные пули, я не слышал. Вы случайно не сталкивались с этим?

— Нет, — покачал головой искренне удивленный Ираклий.

— Что ж, у меня тогда все. — Калитин поднялся. — Приятно было познакомиться. Если у вас вдруг появится интересующая нас информация, не сочтите за труд позвонить. — Он протянул Федотову прямоугольничек белого картона с номером телефона. — До свидания.

Провожать гостя Ираклий не стал, махнул рукой заглянувшему в кабинет Никитину.

— Все в порядке, Женя.

— Кто это был?

— Замначальника ФСБ по Алтаю.

Начальник охраны Братства присвистнул.

— Такие люди просто так в гости не ходят. Что ему было надо?

— Интересовался, где я был вчера вечером.

— Понятно. Они не могли не отреагировать на уничтожение пассажиров «Чероки» и «Мазды».

— Уж очень быстро сработали ребята..

— Мы на подозрении?

— Думаю, что да. Будь готов к проверке... и к провокации тоже. Не понравился мне этот подполковник, очень непростой он человек и очень умный. Пытался даже меня загипнотизировать.

— Да уж, взгляд у него... как у удава.

— Ладно, иди инструктируй ребят, сейчас поедем в больницу, моего родственника подстрелили.

— Когда, за что?

— Выясним у него. Кстати, ты случайно не встречал в своей практике деревянные пули? Да еще черного цвета?

— Деревянные?! Нет, не доводилось. А вот в черный цвет пули красили «духи» из «ШИЗа».

— Исламисты?

— Была такая террористическая интернациональная организация «Шакалы Ислама» — «ШИЗ». Мы как-то нарвались на нее в Чечне, когда охотились за Радуевым. Но пули у «шакалов» были, конечно, не деревянные. Неужто за вами начали охотиться, как за оборотнями, с осиновыми пулями вместо кола?

— Евгений, ты гений! Ведь осиновые пули тоже годятся против волкодлаков и всякой нечисти! Но подполковник не сказал, где он нашел такой патрон. Может быть, к Легиону он не имеет никакого отношения. Хорошо, разберемся. Поехали.

Однако выехать в больницу к Болдыреву Ираклию удалось только через два часа. Не успел он закрыть кабинет, как заявился заместитель Федотова Алексей Косый, и тому пришлось срочно решать проблемы финансирования Братства и трудоустройства ставших на учет бывших офицеров. Затем позвонил президент «Горного банка» Новиков, с которым Ираклий договорился о поддержке приватизации леспромхоза.

— Между прочим, есть возможность поддержать своих «братков» и другим способом, — сказал Новиков, когда они закончили деловую часть переговоров.

— Продажа бронежилетов? Я уже прикинул возможности нашего участия в развертывании магазина.

— Нет, речь идет о спорте. В Барнауле недавно прошли рукопашные бои, посвященные памяти погибших в Чечне, собрали большое количество зрителей и участников. Почему бы нам не организовать подобные состязания в Бийске? А вырученные от продажи билетов деньги перечислить инвалидам всех последних войн и семьям погибших.

— Очень продуктивная идея, — согласился Ираклий, подумав. — Я непременно займусь организацией.

После разговора он заехал на Старообрядческую улицу, где строился бизнес-центр с помещением для Боевого братства, потом в особняк на Плеханова, который занимали спецслужбы города, в том числе и местное отделение ФСБ, чтобы получить допуск на посещение ведомственной больницы у подполковника Калитина, а уже оттуда Ираклий наконец добрался до Миши Болдырева, перенесшего операцию по удалению пули из легкого, но чувствовавшего себя вполне удовлетворительно, несмотря на тяжесть ранений.

Капитан лежал в отдельной палате, замотанный бинтами до подбородка, подключенный к медицинскому регистратору состояния и к капельнице. Был он бледен, с синевой под глазами, но смог улыбнуться, увидев входящего в палату Ираклия.

— Только что жена ушла, двое суток просидела у кровати. А ты от кого узнал, что я здесь?

— От твоего коллеги подполковника Калитина. — Ираклий поставил на тумбочку сумку с фруктами и кефиром, присел на стул у кровати. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, как и положено после расстрела. Калитин сам тебе позвонил?

— Он соизволил нанести визит.

Болдырев прищурился.

— Такой занятой человек, как он, зря с визитом не приходит. Как твое Боевое братство, генерал?

— Живет помаленьку, утверждается. Миша, ты видел, кто в тебя стрелял? Как это вообще произошло?

Капитан поморщился. На панелях регистратора перемигнулись индикаторы, и тотчас же в палату заглянула пожилая медсестра.

— Постарайтесь не волновать пациента, посетитель.

— Не буду, — согласился Ираклий.

Дверь закрылась.

— Строгости какие тут у вас.

— А как же, мы же не какие-то там бывшие полковники, а действующая гвардия. Видишь, даже аппаратуру японскую поставили, сама следит, сама лечит. А кто стрелял в меня, убей, не знаю, Кириллыч. В последнее время я много работал, ползал по разным секретным сетям, задерживался на работе допоздна... не поверишь, компьютера бояться стал! Он какой-

то... ну, живой, что ли! Лезу в файл, а он сопротивляется! Вообще вся работа стала туго идти, не понимаю, в чем дело.

— Может быть, просто перетрудился, устал?

— Черт его знает, может, и устал. Вот надеюсь отлежаться, отдохнуть, а потом проверю одну идею.

— Значит, ты никого не видел?

— Я в начале двенадцатого ночи выходил, голова гудит, в глазах словно песок насыпан, кого уж там увидеть можно. Сел в машину, и сразу — трах, трах! Очнулся уже в больнице.

— Он в тебя через боковое стекло стрелял?

— Нет, в спину, на заднем сиденье, гад, притаился. Но как в машину забрался — ума не приложу, ведь сигналка стояла.

— Ну, профессионалу отключить систему — раз плюнуть. А врагов у тебя нет?

— Вроде не было, ни с кем никогда не ссорился, даже когда Валентину отбил у одного коммерсанта. Он тоже на ней жениться хотел.

— А на работе завистники есть?

— Да никому до меня дела нет, я ведь чистый технарь, сижу в своей конуре и никуда не вылезаю, общаюсь только с начальством.

— М-да, странно все это. Чтобы убить человека двумя выстрелами в спину, надо иметь очень веские причины. Может быть, ты залез в чью-то секретную сеть и узнал то, что не должен был знать?

Болдырев стал дышать глубже, снова заставив отреагировать медицинский компьютер. На лбу его выступил пот.

— То же самое спрашивал у меня и Калитин...

— И что ты ему ответил?

— Никому не скажешь? — Михаил посмотрел на Ираклия с сомнением и надеждой.

Тот усмехнулся.

— Могила!

— Я влез в сервер Российского легиона, — прошептал Михаил. — Нарвался на защиту, но прошел, взломал базу данных...

— Тебе дали такое задание?! — с изумлением спросил Ираклий.

— Нет, я сам... интересно стало, пройду или не пройду...

— Сумасшедшие люди! Как говорится: средь обломков на опушке обнаружен труп старушки. — Ираклий покачал головой, не сводя изумленного взгляда с лица Михаила. — В ступе бабушка каталась, пока в «Боинг» не вписалась... Ты же самоубийца, Мишаня! Я давно подозревал, что все хакеры — помешанные, а оказывается, хакеры на госслужбе еще шизее. Ты хоть успел выйти из сети до того, как тебя обнаружили?

Болдырев проглотил ком в горле, сморщился от боли.

— Не знаю... кажется, успел...

— Ошибаешься, не успел, раз тебя решили пришить. Вычислили и тут же послали ликвидатора, на всякий случай, чтобы исключить риск утечки. Теперь тебе вообще на работе нельзя появляться, иначе попытку повторят, и гораздо успешнее. Что-нибудь успел прочитать в базе?

Ответить капитан не успел, в палату вбежала та же строгая медсестра и вытолкала Ираклия вон.

— Зайду вечером, — едва успел сказать он, прежде чем дверь палаты закрылась за ним. Подумал: а ведь парня надо охранять. Даже если он ничего особенного не успел узнать, ликвидаторы ЛООС все равно постараются убрать его. Вот сучье отродье! Как же до вас добраться?..

В офисе Федотов появился после двух часов дня, занялся было текущими делами, и в это время позвонил Корнеев:

— Где шатаешься, генерал? Необходимо встретиться.

— На ловца и зверь, я только собрался звонить тебе по тому же поводу. Приедешь ко мне? Могу и я к тебе.

— Лучше давай встретимся на нейтральной почве, в каком-нибудь небольшом кафе или вообще за городом, я освобожусь часов в шесть.

— Тогда подъезжай к семи на Горноалтайскую, дом номер шесть. Буду ждать.

— Что там такое?

— Больница УВД.

— Шутишь?

— Там лежит мой шурин Мишка Болдырев, капитан ФАПСИ, я тебе рассказывал про него. В парня выпустили две пули.

Корнеев присвистнул в трубку.

— Бандиты?

— Приедешь, расскажу. Дело темное. Похоже, на него тоже наехали наши знакомцы из ЛООС.

— Он-то каким образом попал в их поле зрения?

— До вечера.

Ираклий положил трубку и вызвал Никитина:

— Женя, пошли пару ребят посмышленей к больнице на Горноалтайской, пусть понаблюдают за обстановкой вокруг и присмотрятся ко всем входящим. Заметят что-либо подозрительное, пусть сразу звонят. Ликвидаторы могут повторить попытку, а я очень дорожу своим шурином.

— Будет сделано, генерал.

Никитин щелкнул каблуками и вышел. Ираклий задумчиво смотрел ему вслед. Парню пошел тридцатый год, а ему все еще нравилось играть в субординационно-армейские игры с безусловным подчинением старшему по званию. С другой стороны, это могло быть чертой характера. Есть люди, призвание которых — командовать, организовывать, а есть и другие, кредо которых — исполнение приказа. Женя Никитин входил в круг последних, зато исполнителем он был отличным.

До шести часов Федотову удалось провернуть кучу неотложных дел, и на встречу с Корнеевым он ехал в хорошем расположении духа.

У больницы «УАЗ» Братства встретили парни Никитина, бывшие десантники из знаменитой Чучковской бригады, Серафим и Володя, хотя парнями их можно было называть лишь условно: одному стукнуло тридцать семь, второму перевалило за сорок. Однако физические кондиции обоих внушали уважение, и Федотов взял их в охрану организации почти без колебаний. Люди они были решительные, судя по послужным спискам.

— Ничего, все спокойно, — сказал лысоватый Серафим.

— Никто не появлялся, — добавил Володя. — Мы вели наблюдение и за окном палаты, где лежит ваш свояк...

— Шурин.

— Ну, шурин. Кроме сестры, туда никто не входил.

— Благодарю за службу, — сказал Ираклий. — Женя сменит вас через час. Очень хочется надеяться, что я зря беспокоюсь за своего родственничка.

В это время на голубой «десятке» подъехал Корнеев со своими монахами-оперативниками. Поздоровался со всеми за руку, отвел Ираклия в сторону.

— Я есть хочу, может, поедем все-таки в кафе?

— Навестим Болдырева и поедем.

— Что с ним случилось?

— Он влез в компьютерную сеть Легиона.

Глаза Корнеева полезли на лоб.

— Зачем это ему понадобилось?

— Ради любопытства. Он же штатный хакер ФАПСИ, вот и бродит по чужим серверам, взламывает коды. Почему он заинтересовался именно Легионом, одному богу известно, вернее, его начальству. Видимо, все спецслужбы собирают друг на друга всякого рода компромат, агентство не исключение.

— Ты думаешь, из-за этого его и хотели замочить?

— Больше не за что. Хотя Калитин показывал мне бумажку

с планом, найденную у тех легионеров, которых мы пришили, так там черным по белому написано, что им дано задание найти всех компьютерщиков края. А Мишка не просто компьютерщик, он классный хакер.

— Что же он там раскопал?

— Черт его знает, не успел сообщить, меня выперли из палаты. Сейчас поговорим, скажет.

Но в больницу их не пропустили, несмотря на наличие у Федотова пропуска, подписанного Калитиным.

— Не велено никого пускать, — твердо сказал молодой охранник на входе, вооруженный автоматом. — Распоряжение начальства. Все пропуска отменены.

— А в чем дело? — насторожился Ираклий.

— Не велено ничего говорить. И вообще я обязан доложить о вашем появлении. Вы кто больному? Покажите документы.

Корнеев и Федотов переглянулись.

— А хрен с винтом тебе не показать? — поинтересовался Корнеев.

Охранник взялся за автомат. Корнеев показал из-под полы плаща пистолет, направленный парню в пупок. Сцену разрядил появившийся за спинами посетителей подполковник Калитин, одним взглядом оценивший ситуацию.

— Спокойно, господа, — хмуро сказал он, подходя к охраннику и разворачиваясь лицом к приятелям. — Не надо волноваться. Вам не кажется, Ираклий Кириллович, что вы проявляете нездоровое любопытство к раненому сотруднику спецслужбы?

Ираклий покосился на незаметно возникшую из-за стеклянной входной двери «мышку» — женщину-телохранителя подполковника, вежливо проговорил:

— Как раз очень даже здоровое, поскольку он является членом моей большой семьи.

— Он всего лишь муж двоюродной сестры.

— Все равно близкий человек.

Калитин перевел взгляд на Корнеева.

— А это, надо полагать, майор Корнеев Сергей Михайлович. Я вас таким и представлял. Сергей Михайлович, случайно, не ваши люди топчутся под окнами больницы?

— Мои, — сказал Ираклий. — Мне показалось, что охрана в этом учреждении довольно слабая, вот и решил поберечь родственника. Киллер-то на свободе.

— Снимите их и не вмешивайтесь не в свои дела. Мы сами позаботимся о своих сотрудниках. — Калитин повернулся к бывшим контрразведчикам спиной и зашагал через холл к

лестнице на второй этаж. Оглянулся. — Извините, генерал, — в голосе подполковника послышалась ирония, — я спешу, поговорим в следующий раз.

— Орел! — негромко сказал Корнеев, когда Калитин был уже на лестнице, но тот услышал. Еще раз оглянулся, смерил майора скептическим взглядом.

— Сергей Михайлович, а вас я жду завтра в управлении, побеседуем. Надеюсь, повестку посылать не надо? Кстати, где вы живете?

— Рядом с кладбищем, — осклабился Корнеев. — А вот завтра прийти не смогу, у меня уже запланирована важная встреча. Разве что через недельку-другую?

— Тогда я вынужден задержать вас сегодня. — Калитин кивнул, и его «мышка»-телохранитель мгновенно навела на Корнеева невесть откуда взявшийся пистолет.

— Ну, блин, орел! — с насмешливым восхищением покачал головой Сергей. — Ты у меня спросил, где я работаю? Я ведь тоже на службе. — Он склонил голову к воротнику плаща и сказал: — Ребята, ко мне!

Тотчас же в холле больницы возникла четверка оперативников Корнеева, в течение секунды оценившая обстановку и ощетинившаяся стволами пистолетов-пулеметов, и все действующие лица разыгравшейся драмы оказались под прицелом. Охранник у входа, поднявший было ствол автомата, был тут же обезоружен и повален на пол.

Ираклий засмеялся, незаметно сдвигаясь к женщине с «браунингом» в двух руках; судя по ее сузившимся глазам, она вполне могла выстрелить в Корнеева, защищая своего начальника.

— Ну? — повернул Корнеев голову к Калитину. — Будем соревноваться в стендовой стрельбе или разойдемся мирно?

В холле стал скапливаться больничный персонал. Медсестры в белых халатах, врачи и дежурные приемного отделения с удивлением взирали на вооруженных людей, не понимая, что происходит.

Подполковник посмотрел на свою помощницу, и в то же мгновение Ираклий выбил у нее пистолет из рук, поднял с плиточного пола, разглядывая оружие.

— Господин Калитин, с нами не стоит разговаривать с позиций силы. Мы ведь тоже прошли школу службы, и, смею вас уверить, не худшую. — Ираклий глянул на женщину, встретил ее красноречивый ненавидящий взгляд и, галантно поклонившись, подал ей «браунинг». — Извините, мадам, вы так решительно начали действовать, что я испугался за вас.

— Отбой, — бросил Корнеев.

Его «монахи» попрятали пистолеты-пулеметы, вернули автомат лежащему на полу охраннику, ошеломленному случившимся, исчезли за прозрачной дверью центрального входа.

— До свидания, коллега, — продолжал Сергей, небрежно сделав ручкой Калитину. — Как только освобожусь, подъеду в контору, обменяемся информацией. — Повернулся к Ираклию. — Жду на улице.

Калитин проводил его своим змеиным, многообещающим взглядом, посмотрел на невозмутимое лицо Федотова.

— Вы-то сами понимаете, Ираклий Кириллович, во что вмешиваетесь?

— Во что? — простодушно полюбопытствовал Ираклий.

— В работу службы безопасности. Или вы думаете, что, коль вы там служили, вам все позволено?

— Так ведь мы ни в чем не виноваты. Разве мы нарушили закон? Помешали кому-нибудь?

— Ваш друг угрожал оружием офицеру ФСБ при исполнении служебных обязанностей, за что его можно привлечь к уголовной ответственности.

— А вы попробуйте... если вам жизнь недорога. Он же вас предупредил, что тоже находится на службе. А оружие, кстати, первым вытащили вы, причем совершенно не по делу. Ведь у вас нет санкции прокурора, да и вашего начальства, на задержание и арест майора ФСБ, пусть и бывшего.

— Мне санкции не требуются.

— Тогда разрешите откланяться, не то вы и меня попытаетесь задержать, а я, естественно, начну сопротивляться. Хотите совет? Не трогайте майора Корнеева. Криминала за ним нет, и служба у него серьезная, а человек он горячий, может и ответить... адекватно.

— Я, кажется, вас недооценил, — кисло улыбнулся Калитин. — Где же служит этот ваш... майор?

— Он теперь принадлежит церкви, точнее, православной епархии, так что к нему нужен особый подход.

— Он священник?! Странно... друзья у него выглядят, как группа спецназа. Однако вы все-таки не понимаете, что может случиться в результате неподчинения службе безопасности. А ваше Боевое братство — всего лишь общественная организация, а не регулярный полк.

— Это больше чем полк. — Ираклий повернулся и пошел к выходу, оглянулся. — Это целая армия. Может быть, вы все же разрешите мне навестить родственника?

— Он себя плохо чувствует. Приходите завтра, а лучше через пару дней.

Ираклий улыбнулся и вышел, хотя радости, естественно, никакой не испытывал. Калитин не хотел, чтобы с Болдыревым встречались посторонние лица. То ли чувствовал, что от него утаили какую-то важную информацию, и рассчитывал ее получить, то ли точно знал, что произошло.

Корнеев ждал его в машине.

— Поехали отсюда.

— Куда?

— Недалеко есть маленький китайский ресторанчик, можем поужинать там.

— Не возражаю. — Ираклий высунулся в окно «десятки», подозвал Никитина. — Женя, следуй за нами. Ребят отсюда не снимай, но предупреди, чтобы вели наблюдение за больницей незаметно.

Один из оперативников Корнеева пересел в другую машину, и водитель тронул «десятку» с места. Кортеж из трех машин, включая «УАЗ» Боевого братства, двинулся в сторону центра города.

— Калитин нас подозревает? — утвердительным тоном спросил Корнеев.

— Думаю, что да. Но прямо не говорит, и меня это настораживает. Коллеге, хотя и бывшему, он мог бы доверять больше. Но самое плохое в другом: в том самом интересном плане легионеров наличествовал и такой пункт: «Получить полную информацию о следующих лицах: Федотов, бывший полковник военной контрразведки ФСБ, и Корнеев, бывший майор».

Взгляд Корнеева выразил его недоумение и озабоченность.

— ЛООС работает так грубо? Доверяет бумаге свои планы?

— Я тоже в этом сомневаюсь, но факт остается фактом: наши фамилии стали достоянием местного отделения конторы. Теперь мы все время будем ощущать затылком дыхание подполковника Калитина и его людей. Кстати, в том списке была и фамилия отца Димитрия, твоего зама по «церковному спецназу».

— Ты... серьезно?!

— И еще: подполковник показал мне странный патрон — с деревянной пулей, выкрашенной в черный цвет.

— Такой? — Сергей достал из кармана знакомый патрон, с минуту о чем-то размышляя.

Ираклий тронул пальцем острие пули, с любопытством посмотрел на помрачневшее лицо друга.

— Значит, это ваши боеприпасы? Зачем вам деревянные пули? Я слышал, против оборотней действуют только серебряные.

— Не издевайся, — буркнул Сергей. — При чем тут оборотни? Тут дела посерьезней. Эти осиновые пули предназначены для прямых слуг Сатаны, черных магов. Слышал о таких? Обычной пулей их не возьмешь.

— Ты веришь в это на полном серьезе?

Корнеев посмотрел на Ираклия, и тот поразился выражению его глаз: оно сочетало в себе странную обреченность, сомнение и твердую убежденность в истинности сказанного.

— Ты не представляешь, Кириллыч, как все на самом деле реально... и страшно. Да, я знаю, что такое церковь, что такое религия, которая представляет собой систему использования коллективной веры в целях создания и поддержания определенной духовной иерархии.

— Цель любой иерархии, — не удержался Ираклий, — эксплуатация индивидуумов и использование их сил во благо верхушки.

— Я знаю, — повторил Сергей. — Но я знаю и другое. Монахи никогда не поднимают панику зря. Может быть, под явлением Сатаны они понимают нечто другое, чем я, но опасность велика. И я им верю.

Они хорошие психологи, хотел сказать Ираклий, но не стал.

— В чем-то ты прав, нет дыма без огня. Но нам противостоит ЛООС, а не Сатана.

— ЛООС — всего лишь воинство Сатаны.

Ираклий хотел пошутить, но посмотрел на упрямо сжатые губы майора и передумал.

— Да, Сергей Михалыч, влипли мы с тобой в историю. Думал, хоть здесь, в Бийске, на родной земле, будет легче устроиться, а оказалось, нигде нам нет покоя. Как в песне у Высоцкого: «А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже нужны — как в русской бане лыжи».

— Знаешь что, Кириллыч, иди-ка ты к нам, в монастырь. Очень ты нужный нам человек, если говорить откровенно.

— Я подумаю, — ответил Ираклий.

С минуту они ехали молча, потом Корнеев полез в карман, достал оттуда плоский кружок черного цвета, напоминающий шайбу, но в два раза меньше.

— Вот, возьми.

— Что это?

— Защитное устройство «Форпост». Будешь работать на компьютере — подложи под монитор.

— Зачем?

— Это разработка киевских ученых. Устройство гарантированно защищает организм от негативного влияния информа-

ционной компоненты излучений монитора, телевизора, СВЧ-печей и другой электронной техники. Монахи рекомендуют ставить такие штуковины всем, кто связан с видеотехникой, но в первую очередь они, конечно, обезопасили себя.

— Ты уверен, что этот «Форпост» действует?

Корнеев угрюмо посмотрел на Ираклия.

— Не хочешь — не бери, но, может быть, это единственное в мире техническое устройство, снимающее «печать Сатаны».

ВЕТЛУГА

КРУТОВ

Два дня их никто не тревожил. Елизавета продолжала ходить на работу, Егор тренировался со Спиридоном и раздумывал, идти или не идти в милицию под начало Петра Качалина. Идти, честно говоря, не хотелось, но и сидение без дела радости не сулило. Поэтому Егор заставлял себя и дома заниматься живой, давил растущее внутри раздражение и, как мог, оттягивал решение, надеясь, что ситуация разрешится сама собой.

Елизавета видела его состояние, все понимала, но помочь не могла, зная, как можно травмировать психику мужа неосторожным советом. Выйдя однажды утром во двор в одной ночной сорочке, она застала Крутова в странной позе, напоминавшей нечто среднее между йогическими асанами випарита карани и бхуджангасана[1], и невольно засмеялась.

— Крутов, ты похож на рожающего верблюда. Долго еще будешь так стоять?

Егор выругался про себя и тут же спохватился, мысленно попросил у жены прощения. Дед Спиридон говорил, что мат тоже является мантрой энергетической поддержки, но — мантрой злых сил. Они защищают ругающегося человека, однако по-злому, что впоследствии сказывается на его судьбе.

— Я тренирую каменное состояние, — сказал он, расслабляясь. — Знаешь, сколько мышц управляет телом человеком в позе стоя? Шестьсот тридцать девять!

— Ты хочешь сказать, что тренироваться можно, просто стоя? Ничего не делая?

— Смотря что понимать под тренировкой. В древности

[1] Випарита карани — полусвеча, бхуджангасана — поза змеи.

каждый жест мастера имел значение, изменял реальность, поэтому очень важна была дисциплина позы. Но и сейчас надо уметь, как ты говоришь, «просто стоять». Ты почему так рано встала? Еще семи нет.

— Тебя рядом нет, озябла. И предчувствие у меня какое-то... дурацкое.

— Плохое?

— Скорей неопределенное. Не могу понять, в чем дело. Надвигается что-то издалека, как туча с градом, а страх при этом какой-то странный, отталкивающий и завораживающий одновременно...

— Пройдет. — Крутов глянул на светлеющий на востоке небосвод: утро дождя не предвещало. — Ты просто перезанималась с бабой Евдокией. Кстати, рассказала бы, чему она тебя научила.

— Тебе это знать необязательно, — покраснела Елизавета и убежала в дом. Но через минуту вернулась и протянула Крутову обыкновенное куриное перышко. — Возьми и всегда носи с собой. Обещаешь?

— Что это?

— Сначала пообещай, что никогда и нигде его не оставишь.

— Хорошо, клянусь.

— Это оберег.

— Куриное перо?! — Крутов перевел взгляд с лица Елизаветы на перо и обратно, собрался было пошутить, но уловил опасный блеск в глазах подруги и передумал. — Я считал, что оберег — нечто более... значимое, что ли, более ценное.

— Материал оберега не имеет значения, главное, чтобы он тебя берег, защищал. А теперь отнеси меня в дом.

— Это что — ритуал такой?

Елизавета посмотрела в глаза Егора, и тому показалось, что его обняли мягкие нежные руки, по спине и бедрам пробежали ласковые зовущие пальчики, и кровь быстрее побежала по жилам, естество напряглось, хмельная волна желания ударила в голову, закружила, понесла его в объятия жены...

— Ведьма! — прошептал он, подхватывая Лизу на руки и зарываясь лицом в ее волосы.

Без четверти девять он отвез ее на работу, мысленно сканируя пространство «полем ожидания», слежки за собой не заметил, собрался было ехать к деду Спиридону, однако его вдруг с такой силой повлекло домой, что Егор даже опешил, не понимая, что с ним происходит. Бывало, у него появлялось чувство забытой вещи, когда подсознание реагировало на изменение обстановки и пыталось сказать об этом хозяину, но в

данном случае ощущение было иным. Он ничего дома не оставил, не забыл выключить газ и запереть ворота и двери, и все же мысль вернуться опиралась на странное чувство чьего-то ожидания, не связанное с угрозой жизни.

Удивляясь самому себе, пытаясь найти причину непривычного состояния, Егор свернул на Герцена и остановился возле своей «дворянской хаты». Чувство ожидания усилилось. Тогда он вылез из машины, привычным усилием воли отключил сознание, создавая внутри себя п у с т о т у, и в темпе обследовал дом и двор, готовый, если придется, начать боевые действия или отступить.

Никого чужого и даже следов чьего-то присутствия обнаружить не удалось. Разочарованный до глубины души, Крутов вернулся на кухню, поставил джезву с кофе на плиту, и в этот момент сторожевая система организма снова встрепенулась, как собака, почуявшая приближение зверя. И тотчас же тихо залился трелью входной звонок.

Крутов проверил себя, закрыв глаза: опасностью не пахло, астральные поля почему-то формировали перед внутренним взором солнечные блики на воде, теплый свежий ветерок и цветущий сад, — вышел в сени и открыл дверь. За калиткой палисадника стояла в своем полупрозрачном плащике, не скрывающем фигуру, давешняя гостья — Мария, о которой дед Спиридон сказал, что она — Ходок. Некоторое время они глядели друг на друга, разговаривая без слов, потом Крутов опомнился и открыл калитку:

— Проходите.

— Спасибо, Егор Лукич, я ненадолго.

Ступая свободно и раскованно (на ней были красивые осенние сапожки-чулки выше колен, обтягивающие красивые, великолепной формы икры), гостья прошла в дом, излучая какое-то особое поле силы и очарования. Елизавета тоже создавала такое поле, но слабее и в несколько другом «диапазоне», с нюансами домашней теплоты и уюта.

Усадив Марию в большой гостиной с камином, Егор сварил кофе и прикатил тележку с кофейным набором, конфетами, печеньем, сыром и фруктами. «Интересно, зайди сейчас Елизавета, что бы она подумала?» — мелькнула мысль, но Крутов ее отогнал.

— Какие дела привели вас в наши края, Ходок?

Мария улыбнулась — словно солнышко просияло сквозь тучи, лицо ее стало летящим и прекрасным.

— Личные, Витязь, — ответила она. — В прошлый раз мне не удалось разглядеть вас как следует, вот и вернулась.

Крутов смешался, чувствуя к себе о с о б ы й интерес красивой и сильной женщины, но остался спокойным.

— Мне кажется, я не заслужил такого... внимания.

— Вы заслужили внимание иерархов и архимандрита Предиктора, а это поважнее любой другой оценки. В том числе моей.

— Архимандрит — это Спиридон Пафнутьевич?

— Вот видите, вы уже начинаете ориентироваться. Это славно. А как идет учеба с архимандритом? Вы уже можете формировать вокруг себя ПАО?

— Откуда вы знаете, что такое ПАО? — пробормотал Крутов.

— Пространство адекватного ответа — не тайна даже для людей непосвященных, а вот способы его формирования — это уже секрет древнеславянской системы выживания.

— Живы...

— Так ее называет Спиридон — жива, но есть и другие названия.

— Боливак?

— Боливак и суев — лишь части живы, но и они требуют такой духовной чистоты, что овладеть ими способны единицы из десятков тысяч мастеров рукопашного боя.

— Вы владеете?

— О нет, — засмеялась Мария, «просвечивая» Крутова «прожектором» своей пси-энергетики. — Жива — настоящее искусство, и дается оно немногим. А я всего лишь Ходок, женщина... берегиня. Мое оружие специфично.

Глаза гостьи наполнились тьмой, и в голове Крутова вспыхнуло желание броситься на нее, сорвать с нее одежду, обнять, зацеловать... Лишь невероятным усилием воли ему удалось разозлиться и справиться с собой.

В глубине глаз гостьи протаяли удивление и интерес.

— Вы сильный человек, Егор Лукич. Похоже, архимандрит в вас не ошибся. Но вам нужен спутник, вернее, спутница...

— Берегиня у меня уже есть, — стиснул зубы Крутов, чтобы не выругаться. Успокоил сердце, дыхание, продолжая держать мысленный блок. Однако близость красивой, необычайно сильной и притягательной женщины продолжала кружить ему голову, и означало это, что он почти целиком находится в ее власти. Образ Елизаветы всплыл в памяти лишь один раз и растаял под натиском чар гостьи. Держался Егор в настоящий момент только на самолюбии.

— А если этот выбор неверен?

Глаза Марии снова вспыхнули дивным светом. Крутова

буквально обожгло желание плоти, повлекшее его к женщине, туман безумия заполнил голову, и, уже вставая с кресла, чтобы броситься к ней, он инстинктивно схватился рукой за кармашек рубашки на груди, где лежало подаренное Елизаветой куриное перышко. Руку свело, как от удара током. Разряд неведомой энергии пронзил тело от ладони — через сердце — до кончиков пальцев на ногах и оставил в пустоте головы тихий стеклянный звон. Все стало на места. Крутов отрезвел, почувствовав облегчение и стыд, смущенно улыбнулся, встречая заинтересованно-недоверчивый взгляд Марии, пробормотал:

— Я принесу сливки...

— Не стоит, — покачала она головой, с откровенной прямотой разглядывая его порозовевшее лицо. — Мне надо было догадаться. Ваша жена подарила вам любовный оберег? Славно...

Беззвучно произнеся ругательство, но продолжая улыбаться, Крутов сходил на кухню, плеснул в лицо ледяной воды, достал сливки и минеральную воду, вернулся в гостиную.

— Кофе со сливками вкуснее, рекомендую. Так что вас все-таки привело к нам? — Он намеренно подчеркнул последние слова: «к нам».

Она поняла.

— Мне очень жаль, Витязь, что мы не встретились раньше. Но по Замыслу Предиктора я — ваша берегиня, и вам все равно придется решать, оставаться ли с ней... исполняющей личную волю архимандрита, или со мной, давно соединенной с вами астральным шнуром. Воину требуется н а с т о я щ а я берегиня, таков закон, а мы не вольны его отменять.

— Ошибаетесь, — уже совсем спокойно и учтиво сказал Крутов. — Я свободен в выборе, и ни один Замысел или закон не может мне приказать бросить женщину, которую я люблю.

— Я хочу вам добра, — погрустнела Мария. — А вы разговариваете со мной, как с врагом.

— Ничуть не бывало... — запротестовал Крутов, но она жестом заставила его замолчать.

— Время покажет, кто из нас прав, Егор Лукич. Но знайте, что существует женщина, которая в любой момент может прийти на помощь. К тому же вы можете располагать мной, как Ходоком, для исполнения своих собственных замыслов, вот мои координаты и телефон. — Она встала, протянула Егору визитку. — Запомните и сожгите. Провожать меня не надо. Будьте осторожны в выборе соратников, в нынешние времена предателем может стать даже близкий друг.

Простучали по деревянным половицам каблучки сапожек, скрипнула, открываясь и закрываясь, дверь, Крутов остался один. Сердце рванулось было следом за гостьей, напряглись мышцы, готовые бросить его на улицу, но он заставил их расслабиться, погладил пальцем теплый на ощупь кармашек с оберегом и улыбнулся, подумав: ах ты, Лиза-Лизавета, перестраховалась все-таки, уловив опасность, подсунула любовный оберег... то-то краснеешь каждый раз, увиливая от ответа на вопрос — чем занимаешься с бабой Евдокией. Ах вы бабы, бабы, как же вы боитесь соперниц!.. И ведь что главное, ваши опасения действительно имеют почву! Чего греха таить, мужики не любят постоянства. Ведь не будь оберега, устоял бы ты, друг сердешный, против такой женщины? Вряд ли...

Убрав за собой и помыв посуду, Егор еще раз умылся холодной водой и, уже направляясь в сени, почуял легкое трепыхание «удава тревоги». Сначала подумал: уж не Мария ли решила вернуться, чтобы убедиться в его твердости? Но потом сигнал опасности стал выше пороговых шумов чувствительности биосистемы под названием «психика полковника Крутова», и Егор понял, что за домом наблюдают люди, стремящиеся остаться незамеченными.

«Быки» господина Быченко? — мелькнула мысль. Неужели не успокоился хозяин города? Неужели решил додавить?

У дома остановилась машина, хлопнула дверца, послышался звонок. Крутов выглянул в окно, увидел красную «Ладу-девятку» и стоящую у калитки женщину в бежевом плаще, вздрогнул, но тут же понял, что это не Мария. Придав лицу лениво-сонное выражение, вышел к калитке.

— Здравствуйте. Вам кого, гражданочка?

Женщина была молодой, крупнотелой, с хорошо развитой фигурой спортсменки и миловидным лицом, а вот глаза у нее были маленькие и недобрые, с особым прищуром, выдающим в человеке целеустремленную натуру.

— Здесь живет Крутов Егор Лукич?

Глаза незнакомки обежали лицо Егора, и он понял, что ответ ей не требуется: она его узнала.

— А зачем он вам понадобился? — спросил Крутов, прикидывая, что может сделать в сложившейся ситуации. Он уже не раз проигрывал в уме варианты появления контролеров ЛООС и заготовил кое-какие ответные шаги, но сейчас, глядя в глаза незнакомки, вдруг сообразил, что времени на размышления ему не дадут. Контролеры не ограничатся разведкой и проверкой — жив он или нет, они наверняка получили задание ликвидировать «внезапно ожившего» свидетеля.

В голове слабо хрустнула сухая веточка — так внутренний сторож отреагировал на появление прямой угрозы. Снова Крутов ощутил на себе знакомый прицеливающийся взгляд, протянувшийся к дому откуда-то со стороны. «Снайпер! — мелькнула стремительная мысль. — Сидит где-нибудь на крыше многоэтажки за рекой, откуда дом виден достаточно хорошо. Надо было предусмотреть и этот вариант. Но если эта стерва меня узнала (каким образом? отыскалось мое фото?), то как даст сигнал? По рации или условленным жестом? И брать ли ее в расчет вместе со спутниками в машине или они только опознаватели?»

— Мне хотелось бы поговорить с господином Крутовым, — раздвинула губы в двусмысленной усмешке незнакомка.

— Сейчас позову. — Егор сделал вид, что собирается идти в дом, лениво повернулся и успел заметить почти незаметный кивок женщины, явно предназначавшийся наблюдателям со стороны.

В то же мгновение Крутов нырнул вниз перекатом и услышал треск и глухой шлепок: пуля, выпущенная из снайперской винтовки с расстояния примерно в один километр, срезала штакетину палисадника на уровне груди (в том месте, где он только что стоял) и вонзилась в бревно нижнего венца дома. Вскочи он сейчас — вторая пуля наверняка нашла бы его, да и у опознавателей было оружие, которое они готовы были пустить в ход. Начни он отступать, лавировать, шансов уйти живым (а уж раненым — точно!) они бы ему не дали. Тогда Крутов, имея под рукой из оружия только две стрелки сюрикэнов и обломок кирпича (для красоты он сделал бордюрчик из белых кирпичей вдоль дорожки к дому), немедленно атаковал контролеров ЛООС, метнувшись не к дому, а от него — к машине.

Вторая пуля снайпера расколола кирпич на дорожке, третья снесла еще две штакетины палисадника — снайпер не успевал реагировать на нестандартное перемещение объекта, а потом он и вовсе замолчал. Крутов же, метнув кирпич в женщину, успевшую вытащить из-под плаща пистолет с глушителем, попал ей в плечо (пистолет выпал у нее из руки), бросил две стрелки в парня, вылезающего из кабины «девятки». Затем в подкате подобрал выпавший пистолет, выстрелил в остальных контролеров в кабине и нырнул за колесо, ожидая очередного выстрела снайпера.

Прождав две секунды и не слыша ни одного движения или ударов пуль, он выглянул на мгновение, увидел неподвижные тела контролеров-мужчин, а также лежащую на земле в неестественной позе женщину, спрятался, еще немного подождал реакции снайпера и встал, доверившись ощущению, что снайпер стрелять больше не будет.

Редкие испуганные прохожие жались к заборам близлежащих домов, а по улице к месту схватки бежала какая-то женщина с пламенем растрепавшихся волос за спиной; именно с «пламенем», потому что Егору показалось, что волосы светятся. Он мельком взглянул на нее, отвернулся и только потом понял, что это Елизавета.

— Жив! — выдохнула она, добежав и бросаясь к нему на шею. — Господи, ты жив! Я не опоздала!

Постояв несколько мгновений в объятиях жены, чувствуя ее горячее тело и стаккато сердца, Крутов отстранил Лизу, глянул на парней в кабине «девятки», на тело, свесившееся из распахнутой дверцы, и нагнулся к незнакомке. Она была мертва, но его кирпич убить ее не мог, мог разве что травмировать плечо. Перевернув ее лицом вниз и обратно, он убедился, что в женщину не попала случайная пуля, посмотрел на Лизу, еще не погасившую огонь в глазах.

— Что ты с ней сделала?

Лиза покачала головой, прижала кулачки к груди, судорожно вздохнула, успокаивая дыхание.

— Ничего я не делала... я просто очень сильно испугалась за тебя.

Берегиня может не только ослепить человека, вспомнил Егор слова Елизаветы, произнесенные не так давно в гостях у деда Спиридона, но и оглушить, сделать его безумным и даже остановить сердце...

Неужели она сделала это, почуяв опасность, грозившую мужу?! Не умея в должной мере контролировать свои силы? Господи, какими же силами владеют берегини, защищая своих избранников?!

Крутов посмотрел на крыши многоэтажек в километре за рекой. Неужели она «достала» и снайпера?..

— Все в порядке, родная, — прижал Егор к себе жену. — Иди в дом, я сейчас приду. Только отвезу этих людей в... больницу.

Глаза Лизы сухо блеснули. Она еще не поняла, что произошло.

— Разве они... не умерли?

Крутов осмотрел тела трех спутников незнакомки в кабине «девятки», убедился, что раны от его стрел и выпущенных из чужого пистолета пуль не могли быть смертельными, парни

умерли от чего-то другого, и, подвинув водителя, погрузив на заднее сиденье тело женщины, сел за руль.

— Иди домой, я скоро вернусь.

Лиза, ссутулившись, покорно открыла калитку, ушла. Крутов тронул машину с места и вдруг заметил идущую навстречу девушку в знакомом прозрачном плаще с развевающимися черными волосами. Еще не разглядев ее как следует, он узнал Марию. Поравнявшись с ней, остановил «девятку». Некоторое время они изучали друг друга, словно не виделись много лет, потом женщина кивнула на трупы в машине.

— Сам справился?

— Помогли, — ответил Крутов.

— Кто?

— Лиза.

Брови-крылья Марии взлетели вверх.

— Она... сама убила их?!

— Вряд ли она осознавала, что делает. — Егор криво улыбнулся. — Она почувствовала, что я в опасности, и... испугалась.

— Славно, — опустила уголки губ Мария, свет в ее глазах погас. — Я не предполагала, что она сможет...

— Что?

— Пресечь циркуляцию ци по меридианам, как говорят мастера диммак. Или позвать на помощь Марену, богиню смерти, как говорят мастера живы. Поздравляю, Егор Лукич. Кажется, у вас действительно появилась берегиня.

Она посмотрела на Егора так, будто поцеловала и одновременно ударила его, помахала рукой и перешла на другую сторону улицы.

— Снайпер — ваша работа? — негромко спросил Крутов ей в спину.

Она оглянулась.

— Я не смогла вычислить его сразу...

— Все равно спасибо.

— Не за что.

Проводив ее взглядом, Егор повел машину дальше и остановился лишь в пятнадцати километрах от города, в лесу, загнав «девятку» в копну старой перепревшей соломы. Стер следы своего пребывания в салоне, обыскал мужчин — все они имели удостоверения поручиков и вахмистров Легиона — и дал крюк по лесу, выходя к мосту через Ветлугу. Через час он был дома, где его ждала встревоженная долгим отсутствием мужа Елизавета.

* * *

Остаток дня они провели вместе. Лиза сбегала на работу, предупредила начальство, что ей необходимо решить «срочные проблемы», и вернулась. Крутов не возражал, хотя ему хотелось побыть одному, осмыслить, что произошло, и выработать стратегию своих дальнейших действий. Он уже понял, что больше не стоит ждать чуда, предоставлять новым гостям из ЛООС инициативу, пассивно защищаться и надеяться на авось. Пора было забирать инициативу в свои руки и начинать упреждающую атаку. Теперь же Егор размышлял, где найти соратников для такого дела. Мысль отыскать Ираклия Федотова и Панкрата Воробьева уже не казалась преждевременной, его бывшие «братья по оружию», с которыми он сражался против единого врага в Брянских лесах, почувствовали на себе давление ликвидаторов ЛООС раньше, чем он, и, наверное, созрели для объединения.

Лизе о своих планах он ничего не сказал, предчувствуя ее реакцию. Взвалив на свои хрупкие плечи ответственность берегини, она вряд ли спокойно отпустила бы его на войну с легионерами, а рисковать жизнью Лизы, несмотря на ее открывающиеся возможности прямого воздействия на психику и физиологию людей, Крутов не хотел. Воевать с ЛООС, по его убеждению, должны были мужчины.

Придя к такому решению, Егор пожалел, что отпустил Марию. Она могла бы послужить идеальным курьером для связи с Ираклием и Панкратом. Дед Спиридон не зря назвал ее Ходоком, это вполне соответствовало Замыслу Предиктора. Теперь же, чтобы вызвать ее из Нижнего Новгорода, где она жила, требовалось время, а его-то как раз терять Егор и не имел права. Надо было лететь на Алтай и ехать к Панкрату в Осташков самому, оставив Лизу на попечение ее непростых родственников.

Настроение у Елизаветы после схватки с контролерами ЛООС было подавленное, несмотря на попытки Крутова отвлечь жену от тягостных размышлений и самоанализа, поэтому он настоял все-таки на очередном визите к старикам Качалиным, справедливо полагая, что те найдут способ утешить и отвлечь неопытную берегиню.

Так оно и случилось.

Поужинав со стариками, Крутов рассказал деду Спиридону о визите контролеров Легиона, и тот, огладив бороду, рассказал о подобном же происшествии с бабой Евдокией, когда она, тогда еще молодая, двадцатилетняя, сбежала из дома,

чтобы спасти будущего мужа, захваченного Нижегородской ЧК по ложному доносу. Не обошлось без жертв: главный палач-истязатель чекистов, допрашивающий Спиридона Пафнутьевича, умер от разрыва сердца, а трое охранников и следователь ослепли. Естественно, будущему архимандриту Предиктора пришлось бежать вместе с Евдокией, хотя он мог сделать это и без ее помощи. По Замыслу тогдашнего Предиктора, называемого в те времена Внутренним Российским Собором, он должен был выполнить важное задание по корректировке реальности (корректировка заключалась в смене большевистского лидера в Нижнем Новгороде, начавшего рьяно исполнять заповедь элитарного толпокоммунизма: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...»), и захват чекистами входил в его планы.

Посмеялись. Лиза успокоилась, повеселела, и баба Евдокия увела ее на «женскую половину» хаты. Дед Спиридон поманил Крутова за собой, они вышли в сад.

— А теперь рассказывай, что утаил за столом.

Егор не удивился прозорливости старика, тонко чувствующего состояние собеседника, и коротко сообщил о вмешательстве Марии в схватку с контролерами ЛООС.

— Да, она очень решительная женщина, — задумчиво проговорил Спиридон, — и вряд ли отступит от своего решения достичь цели. К тому же она и по Замыслу — твоя берегиня.

Крутов открыл рот, чтобы возразить, но старик остановил его жестом.

— Знаю, что ты скажешь, но иногда требуется наступать на горло собственной песне. Теряя одно, находишь другое.

— Только не в этом случае, — угрюмо буркнул Егор.

— Хочешь, я еще раз поговорю с ней?

— Не надо. — Крутов встретил всепонимающий взгляд деда, но глаз не отвел. — Я сам справлюсь. Учитель, мне пора начинать исполнение своего Замысла. Нельзя сидеть и ждать убийц ЛООС, необходимо раз и навсегда покончить с ними. А для этого я должен выйти на руководство Легиона и... убедить его не трогать нас.

— Ты не готов, сынок. И один ты не справишься.

— У меня есть друзья, которые пойдут за мной в огонь и в воду. На них тоже наехали ликвидаторы.

— Федотов и Воробьев?

— Да.

Спиридон, заложив руки за спину, прошелся по осеннему саду, начавшему сбрасывать пожелтевшую листву.

— Война — это всегда разрушение, боль и кровь...

— Вы знаете другой путь?

— Поэтому я и говорю — ты не готов. Но, с другой стороны, и времени у нас немного, воинство Сатаны слишком близко. Как говорил преподобный отец Феодор Едесский: «Так, по свойству своему путь сей жесток и труден, а по произволению совершающих его и по надеждам благим он вожделен, возлюблен и сладостен паче, нежели скорбен для душ добролюбивых». Уверен ли ты, что справишься?

Крутов задумался, долго не отвечал, уйдя мыслями в себя, забыв о присутствии старика, искал в душе и не находил, звал свое «я» и не слышал ответа, пока наконец не почувствовал чью-то сочувственную поддержку: показалось, что в голове прозвучал тихий голос Марии. Тогда он разозлился на себя и очнулся. Дед Спиридон стоял в десяти шагах и смотрел на него с простодушной усмешкой.

— Тебе еще многому предстоит учиться в процессе исполнения Замысла. Кстати, война с ЛООС не входит составной его частью. Но я буду рядом, поелику это возможно. А сейчас мы с тобой прокатимся в одно место на твоем заморском драндулете.

— Куда? — не понял Крутов.

— За город, в лес. Километрах в тридцати от Ветлуги есть заповедный уголок, урочище Кордон Взвоз называется. Предупреди Лизку, а я пока соберусь.

«Зачем?» — хотел спросить Егор, но не успел, деда в саду уже не было.

Стемнело, когда они по довольно сухой, несмотря на прошедшие дожди, проселочной дороге въехали в урочище со странным названием Кордон Взвоз и остановились у деревянной избы, сложенной из толстых сосновых неошкуренных бревен, почерневших от времени и непогоды. У избы была одна дверь и ни одного окна, и походила она больше всего на большой сарай, крытый деревянными плахами. Дед Спиридон обошел ее кругом, освещенную автомобильными фарами, однако внутрь заходить не стал, исчез за штабелем полуистлевших бревен. Крутов осмотрелся, просканировал лес и сарай в состоянии п у с т о т ы и вылез из кабины. Мистическое ощущение огромного живого существа, нависшего со всех сторон, охватило его еще на пути к урочищу, но это было всего лишь ощущение леса — протяженной и психологически чистой биосистемы, внушающей особое впечатление покоя. Других живых существ вблизи места остановки Егор не почувствовал. Однако в душе крепло убеждение, что дед приехал

сюда не ради любования природой и памятником старины, каким бы древним сарай ни казался.

— Это скит старообрядцев, — сказал старик, возникая рядом совсем не с той стороны, откуда его ждал Егор. — Ему более трехсот лет. Сейчас здесь, разумеется, никто не живет, однако разные компании изредка наведываются.

Крутов молчал. Спиридон остро глянул на него, глаза старика вспыхнули, как у кошки.

— Чего не спрашиваешь, зачем приехали в такую даль?

— Небось сами скажете.

— Это верно. Ничего загадочного, хотя тайна в нашем путешествии присутствует. Сегодня я хочу научить тебя отводить пси-удар, переходить на «другую частоту» сознания. Это очень пригодится тебе в дальнейшем. А пока изволь начать в обычном скоростном режиме боливака — для сугреву.

Внезапно дед оказался сбоку, его рука словно удлинилась на метр, почти достала до горла Крутова, но тот, озаренный пониманием, что это какой-то экзамен, уже был готов к тренировке, «перещелкнул» выключатель состояния боевого транса и ответил в режиме «спрямления истины», уходя от удара и фиксируя ответ.

Дед Спиридон еще в самом начале их занятий уважительно констатировал, что у бывшего полковника хорошая база рукопашного боя. Егор не терялся даже в максимально жестких условиях схватки, когда надо было вести бой сразу против группы противников, экономно расходуя количество движений: две цели атаки — два удара! Этот закон, оговаривающий количество движений бойца, был выведен и опробован многовековой практикой древних славян задолго до появления китайских или японских школ боевых искусств, и хотя Егор этого не знал — до общения с дедом, все же применял закон весьма эффективно, свободно, как дышал или говорил, владея большим арсеналом боевых приемов. Но лишь занимаясь с дедом Спиридоном живой, он осознал истину: мастер живы (да и любого другого вида боевых искусств) должен быть готов к бою всегда, для него нет и не может быть неожиданных ситуаций. Вопросы технического и даже тактического плана для мастера имеют лишь второстепенное значение или вообще находятся вне поля зрения, потому что он достиг состояния, когда боевые движения стали для него естественными, как ходьба, бег, улыбка, проглатывание пищи.

Крутову в каком-то смысле повезло: он был рожден воином. Учиться ему следовало уже другим категориям, таким, как знание и понимание границ между добром и злом, четкое

определение личных ориентиров на уровне непоколебимой веры в свою правоту и справедливость. И хотя занимался он с дедом недолго, всего две недели, тот успел научить Егора работать в так называемом неадекватном режиме, под которым подразумевалось умение действовать по своей логике боя, как бы не обращая внимания на действия противника, отслеживая его действия в фоновом ключе, словно между прочим, в основном периферийным зрением. Оставалось постичь главное — в х о ж д е н и е через п у с т о т у в состояние безошибочной сферы ПАО, чтобы приемы, которыми он владел, реализовывались на уровне подсознания, мгновенно, с абсолютной соотнесенностью с его реальным положением.

Дед не дал ему времени на осмысление ситуации, он ударил еще и еще раз, нападая со всех сторон, возникая за спиной, слева и справа, в самых неожиданных точках пространства боя, исчезая так же внезапно и успевая при этом нанести еще один удар — «контрольный», рассчитанный больше на отвлечение внимания, чем на поражение. Складывалось впечатление, что он задался целью покалечить или убить Крутова, потому что дважды прорывал его оборону и заставлял Егора «плавать» в состоянии болевого шока. И длилось это избиение до тех пор, пока Егор окончательно не ушел в п у с т о т у и не принял условия боя, начиная ткать собственную паутину петель защиты с неожиданной сменой секторов атаки и защиты. Он как бы перешел на другой уровень боя, диктующий более высокие категории, нежели детали исполнения того или иного приема. Этот уровень требовал анализировать уже характер движений, степень жесткости, эмоциональную окраску и этическое совершенство боя, а не технику защиты или атаки.

Мир вокруг стал прозрачен, текуч и не страшен, лес словно засветился изнутри в инфракрасном диапазоне, и на этом фоне Егору наконец удалось различить и остановить летающий силуэт Спиридона, напоминающий призрак былинного богатыря. Ответ Егора на его очередной выпад получился сам собой, он был прост и неожидан, а главное — остановил деда и пресек бой. Преимущество Спиридона в скорости и организации сферы ПАО в этот момент исчезло, бойцы стали равны, выявление победителя уже перестало иметь значение.

Спиридон вышел из темноты в освещенное фарами пространство, огладил бороду, дыша тихо и спокойно, будто не летал только что вокруг противника в вихре атак.

— Время позднее, сынок, поехали домой. Завтра продолжим.

Крутов опустил враз потяжелевшие руки, постарался спра-

виться с бурно дышащим телом. Догадка, зревшая у него в голове, наконец окончательно сформировалась.

— Учитель, вы даже не спросите у судей, прошел ли я экзамен?

Спиридон, обходивший машину спереди, остановился, некоторое время смотрел на Крутова из-под бровей темными провалами глаз, скрывающими его чувства. Потом сказал кротко:

— Грешен, сынок. Прости старика за невольный обман. Хотя все обстоит несколько в ином свете, чем ты себе представил.

— Меня... посмотрели?

Спиридон прислушался к чему-то, покачал головой, словно не соглашался с чьим-то решением, и отступил в темноту.

— Сейчас к тебе выйдут.

— Кто?

— Один из иерархов Предиктора, иерофант Сергий.

Дверь сарая, освещенная фарами машины, шевельнулась, однако из нее никто не вышел, и тем не менее у Егора возникло ощущение, что на него смотрят, внимательно, изучающе и строго. Он оглянулся и вздрогнул. В нескольких шагах сзади стоял человек невысокого роста, причем очень молодой, почти мальчик. Лицо его самым натуральным образом светилось в темноте и зачаровывало удивительным, мудрым и величавым спокойствием. На него можно было смотреть не отрываясь, очень долго.

— Здравствуй, Витязь, — произнес юноша глубоким, потрясающе властным и одновременно мягким голосом. — И меня прости за то, что пришлось тебе ехать сюда против твоей воли.

— Ничего, — пробормотал Крутов, понимая, что находится в полной власти этого хрупкого с виду мальчишки со светящимся лицом. — Почему надо было встречаться именно здесь? Разве вы не могли посмотреть на меня в доме Учителя?

Беглая улыбка промелькнула на губах иерофанта.

— Это место — не просто глухой район урочища, скит поставлен в геоаномальной зоне, которую невозможно просветить никакими радарами, в том числе — психоэнергетическими.

— Вы боитесь... черных магов?

Та же улыбка и очень мягкий ответ:

— Не боимся, но не хотим, чтобы они знали о наших делах. Архимандрит не ошибся с выбором, Егор Лукич, вы — Витязь в потенциале и очень быстро идете к полной самореализации. Но все же не торопите события. Мы не имеем права ошибаться, мир нам этого не простит, а Сатана тотчас же воспользуется малейшим промахом. Последние две тысячи лет человеческая история представляет собой его Заговор против цивилизации. Именно он, Сатана, формирует вектор целей существования человечества, несмотря на то что все еще не может выйти на свободу. Хотя предпринимает отчаянные попытки реализоваться. Вы понимаете меня?

— Понимаю, — глухо сказал Крутов.

— Идет нарастающий процесс биороботизации толпы и элиты, во что, по сути, выродилось человечество, с помощью широчайшего спектра средств воздействия на психику людей. Это и табак, и алкоголь, наркотики, телевидение, средства массовой информации вообще, психотронное оружие, с разработчиками которого вам пришлось столкнуться, но основным было и остается информационное воздействие, внушающее «правильность и свободу» извращений, создающее калейдоскоп фактов без объяснения массам концепции причинно-следственных связей.

Иерофант замолчал, изучая Крутова (он это чувствовал) своим внутренним видением, молчал и Егор, раздумывая над его словами.

— Мы еще вернемся к этому разговору, Витязь, чуть позже, у вас будет вся необходимая для исполнения Замысла информация. Запомните пока главное: в иерархии от Бога до Человека места Сатане нет! Попробуем вместе доказать это миру.

Крутов ощутил дружеское рукопожатие, хотя иерофант стоял от него в трех-четырех метрах, и в следующее мгновение юноши не стало. Словно задули свечу и на поляну упала полная темнота. Однако Егор этому явлению не удивился. Зато удивился еще одному гостю. Повернувшись на звук шагов, он увидел открытую дверь скита и подходившую по полегшей от дождей траве Марию.

— Извините, архимандрит, что я без приглашения. И вы не сердитесь на меня, Егор Лукич. Иерофант позволил мне приехать, сказав, что я вам нужна.

Крутов и дед Спиридон переглянулись.

— Да, — сказал Егор, — вы мне нужны, Ходок.

Мария обрадованно, хотя и с оттенком недоверия, подошла ближе.

— Я вас слушаю.

— Я сейчас вернусь, — сказал дед Спиридон, направляясь к скиту, скрылся за дверью.

Оставшиеся посмотрели ему вслед, потом глянули друг на друга.

— Я видела ваш бой, — сказала женщина, не пытаясь, как

прежде, воздействовать на Егора своими колдовскими чарами. — Это было очень красиво и необычно. Вы действительно великий боец. Драться на равных с адептом живы, исполнителем двух десятков Замыслов, мастером белой магии, дано не каждому. Так чем я могу вам помочь?

Крутов вдруг почувствовал какое-то странное облегчение, будто внутри него лопнул психологический нарыв.

— Маша... могу я так вас называть?

— Можете, — усмехнулась Мария.

— Может быть, мы перейдем на «ты»?

Недоверчивый и полунасмешливый взгляд с «рычанием пантеры», легкая улыбка.

— Почему бы и нет?

— Есть одно задание... если, конечно, у вас нет других дел.

— Дела подождут.

— Необходимо съездить в Осташков, найти там моего товарища Панкрата Воробьева, потом слетать на Алтай, в Бийск, и отыскать Ираклия Федотова. Пусть или свяжутся со мной, или приедут в Ветлугу.

— А если они не захотят?

— Они захотят. В крайнем случае убедите их...

— Убеди. Мы ведь перешли на «ты»?

— Убеди их приехать, Маша. Это крайне важно для дела, которое мы начинаем.

— Я поняла и все сделаю, Витязь. Будь осторожен... и по возможности счастлив. — Она вдруг оказалась рядом, обожгла губы Егора поцелуем и растворилась в ночи.

— Подожди, мы тебя подвезем, — запоздало бросил он ей вслед, потрогал губы, продолжающие гореть и щипать, проговорил глубокомысленно:

— Кто совершает поступок пьяным, всегда расплачивается трезвым...

— Поехали, сынок, — раздался из кабины «Рено» голос деда Спиридона.

Крутов оторопело заглянул в машину, не понимая, как старику удалось залезть туда незамеченным, и сел за руль.

До Ветлуги они ехали молча, потратив на весь путь всего двадцать минут, словно летели по воздуху, а не мчались по дорогам. Крутов не знал, что этим они обязаны иерофанту Сергию, протянувшему для них коридор «спрямления времени». Внешне все выглядело как и прежде: лес, дорога, мост, город, — но время «притормозило», и хотя Егор почувствовал неладное, выяснять у Спиридона ничего не стал. На губах продолжал гореть поцелуй Марии, и это мешало сосредоточиться, воспринимать действительность и думать о другом...

МОСКВА

ВОРОБЬЕВ

Он не любил долгих прощаний и уехал ранним утром, пообещав Лиде, что позвонит, как только устроится на новом месте. Вряд ли она поняла, что означает «устроиться» в организации, поставившей целью войну с государственной мафией и преступниками, разрабатывающими психотронное оружие, однако слова Панкрата ее немного успокоили и слез не вызвали. А ему почему-то запомнились больше всего ее странные слова, совсем, казалось бы, не относящиеся к теме отъезда.

— Знаешь, что меня поражает? — сказала она, стоя в гостиной в одной рубашке. — Самое распространенное слово в устах девочек-старшеклассниц — «ненавижу». Представляешь? Я побывала в десятке школ и везде слышала одно и то же. А в наше время мы больше говорили о любви...

Панкрат не сразу задумался, почему Лида вспомнила именно эту подробность своего инспекторского вояжа по школам Осташкова. Поцеловал детей, жену, произнес пару ободряющих слов и уехал с тревогой в сердце, потому что оставлял семью под защитой незнакомых людей. И лишь подъезжая к Москве, понял, что Лида иносказательно призналась ему в любви. Еще раз. Как бы робко напоминая при этом, что он обещал остаток жизни посвятить ей и детям. Тоска хлынула из сердца в голову таким мощным потоком, что Панкрат едва не повернул обратно, однако вовремя опомнился и повел машину дальше. Но в душе дал клятву при первой же возможности вернуться домой, забрать свое семейство и уехать на край света, чтобы никто не нашел.

Как ему советовал Родион, Воробьев заехал на Курский вокзал и ровно в одиннадцать часов дня позвонил по указанному номеру из подземного перехода. Ответил хрипловатый баритон:

— Федеральная комиссия.

— Архип Иванович?

— Кто это?

— Воробьев.

Голос в трубке изменился.

— С приездом, Панкрат Кондратович. Я вас жду. Знаете, как ехать?

— Октябрьское поле...

— Улица Народного ополчения, дом тридцать восемь, второй этаж, комната номер шесть. Вас пропустят.

Благополучно избежав пробок на Садовом кольце, Панкрат быстро добрался до здания бывшего пединститута, где располагалась ККОРР — Федеральная комиссия по координации оперативно-розыскной работы, и не удивился, когда дверь центрального входа сама собой распахнулась перед ним: Мережковский не зря предупреждал, что его сразу пропустят.

Кабинет консультанта ККОРР по психологическим проблемам — с зеркальным потолком в форме шатра и метровой толщины колонной аквариума с плавающим в нем скатом — на Панкрата особого впечатления не произвел, он хаживал в кабинеты пороскошнее и поэкзотичнее, однако отечественный компьютер «Тайга» с диалоговой системой ввода-вывода информации видел впервые и сразу обратил на него внимание.

— Дитя конверсии, — кивнул на него Мережковский, вставая навстречу и протягивая руку. — Мы тоже кое-что можем делать не хуже японцев и американцев.

Архип Иванович был по-деловому строг и сосредоточен, а глаза смотрели на вошедшего с отеческой заботой, что наверняка было маской опытного психолога, поэтому Панкрат решил держаться настороже, он еще помнил журчащую гипнотическую речь Мережковского во время первого знакомства, которая произвела на него неизгладимое впечатление.

— Как доехали? — продолжал Мережковский.

— Нормально.

— Кофе хотите?

— Не отказался бы.

Мережковский ткнул пальцем куда-то под стол, сказал негромко: «Кофе на двоих», — и протянул руку в сторону стола:

— Присаживайтесь, господин майор.

— Бывший майор.

— У нас вы получите другое звание, повыше. Скажем, полковника. Вас это устроит?

— По этому поводу у меня есть мнение, но я с ним не согласен.

Мережковский внимательно посмотрел на Панкрата, улыбнулся, сел за стол.

— Вы не в настроении, Панкрат Кондратович, и я вас понимаю. Ничего хорошего в том, что происходит, конечно же, нет, но дайте срок, и все изменится. Кстати, почему бы вам не перевезти семью в Москву? Легче было бы контролировать ее безопасность.

Дверь кабинета открылась, очень красивая и стильно одетая девушка с длинными стройными ногами вкатила тележку

с кофейным прибором, показала профессионально деловую улыбку и ушла. Панкрат проводил ее взглядом, взял чашку с кофе.

— А разве база ЛООС не в Москве? Зачем самим лезть зверю в пасть?

— В ближайшее время мы постараемся выбить все зубы у этого зверя... с вашей помощью, разумеется. А пока давайте определимся. В каком подразделении «ПД» вам хотелось бы работать?

— Ни в каком, — буркнул Панкрат.

Архип Иванович улыбнулся, но глаза его похолодели, стали изучающе-цепкими, в т я г и в а ю щ и м и.

— Понимаю. Могу предложить подразделение «Рэкс» — это наша разведка, или штурм-группу «БК», то есть «Боевой кулак».

— А почему не «Тень»?

— «Тень» — это спецгруппа, выполняющая особые поручения, командир у нее уже имеется. Но вы можете стать его заместителем, если хотите.

Панкрат подумал.

— Не хочу.

— Что ж, выбор за вами... полковник Воробьев. Я мог бы, конечно, взять вас и аналитиком «ПД», экспертом по спецоперациям, но нам катастрофически не хватает оперативных кадров, «людей боя», как говорится. Было бы здорово, если бы вы возглавили «Боевой кулак».

Панкрат еще немного подумал.

— Я в дальнейшем могу отказаться сотрудничать с вами?

— В любой момент, — не задумываясь, ответил Мережковский. Он действительно был очень хорошим психологом, если не выдающимся, и давно определил те струны души Воробьева, затронув которые можно было подобрать к нему ключи.

— Я согласен, — сказал наконец Воробьев.

— Вот и отлично! Глоточек коньяку ради этого случая не хотите? Нет? Тогда я выпью один. Очень уж вы, надо признаться, нужный нашему движению человек, Панкрат Кондратович. Профессионалов вашего уровня у нас пока еще маловато.

— Насколько я могу судить, ваша «Тень» состоит из достаточно сильных профи спецназа.

— «Тень» — это боевое ядро «Психодава», но и в нем насчитывается всего пятнадцать человек, слишком мало, чтобы воевать с нашими врагами открыто. Поэтому мы вынуждены только кусаться.

— Что я должен делать?

— Сегодня — поселение на базе в Барвихе, знакомство с группой. Завтра — контрольная полоса препятствий, нечто вроде пейнтбола, где вы сможете выяснить профессиональные качества каждого бойца, потом ознакомление с заданием. Послезавтра — операция.

Панкрат невольно усмехнулся, качнул головой.

— Лихо! Как в войну: с марша — в бой.

— А вы рассчитывали на тихую кабинетную жизнь? — рассмеялся в ответ Архип Иванович. — Не получится. Что же касается предстоящего задания, то, поверьте, мы не ждали специально вашего появления. Если бы вы не приехали, мы бы начали операцию без вас.

— Что за операция? Ликвидация очередной лаборатории психотронного оружия?

— Нет, не лаборатории. Объектов, подобных тому, что был взорван не без вашего участия в Жуковских лесах, у Легиона всего пять, но нам до них пока не добраться. Где они расположены, мы не знаем, вернее, знаем лишь предполагаемые районы базирования: Брянская губерния...

— Опять Брянская? Жуковка ведь тоже там расположена.

— Брянская губерния, Зауралье и озеро Селигер.

— Черт возьми! — не сдержался Панкрат.

Мережковский понимающе кивнул.

— Да, майор... простите, полковник. Один из объектов, разрабатывающих психотронику, расположен неподалеку от Осташкова, куда вы имели неосторожность переехать с семьей.

— Там моя родина...

— Тем печальней сей факт. Мы ищем этот объект, знаем даже, что работает он над созданием так называемых «болевиков», генераторов боли, и как только определим его координаты... кстати, операция, которую вам предстоит провести, связана с нашими поисками. Мы хотим захватить и допросить человека, депутата Госдумы, который должен кое-что знать о планах Реввоенсовета и о лабораториях Легиона. Но обо всем по порядку.

— Минуту, — остановил хозяина кабинета Панкрат. — Почему этим делом не занимается «Тень»? Разве захват секретоносителя не ее прерогатива?

Архип Иванович не ожидал такого вопроса, но был слишком опытен, чтобы его можно было заставить растеряться. И все же в глубине души он отдал должное уму и опыту бывшего майора Службы внешней разведки и понял, что водить его за нос долго не удастся.

— «Тень» сейчас на задании, — ответил Мережковский

спокойно. — Часть группы под началом вашего приятеля Родиона Кокушкина находится в Осташкове, вы, наверное, догадываетесь, по какой причине. Остальные члены группы заняты в другом месте. А нам упускать случай нельзя: человек, о котором идет речь, отдыхает сейчас на своей даче в Барвихе.

— Хорошо. Куда мне ехать сейчас?

— Сначала ознакомьтесь с кодексом «ПД». Вам надлежит знать свои права и обязанности.

Архип Иванович подал Панкрату листок бумаги с отпечатанным текстом. Кодекс «Психодава», именуемого здесь просто Организацией, состоял всего из четырех пунктов.

«1. Член Организации сознательно принимает на себя ответственность за свою жизнь и жизнь каждого члена Организации. Девиз: один за всех, все за одного!

2. Член Организации несет ответственность за свои слова и поступки, способные нанести вред Организации.

3. Член Организации обязуется хранить тайны Организации и не допускать утечки информации даже под угрозой смерти.

4. Член Организации имеет право быть избранным в руководящий состав Организации при достижении им определенного порога значимости и ответственности».

— Что значит — определенного? — сказал Панкрат, прочитав кодекс. — Кто определяет порог значимости и ответственности?

— Совет экспертов «ПД», — сказал Мережковский. — Вас будут судить по вашим делам, как, впрочем, и каждого члена Организации.

— Кто возглавляет совет?

— Я. — Архип Иванович прищурился. — Или я вам в этом качестве не подхожу?

— Ничего не имею против. Не хотелось бы выглядеть правительственным чиновником.

— Что вы имеете в виду?

— Каждый шаг чиновника, а тем более человека высокого ранга, прослеживается, разглядывается под микроскопом по обе стороны «баррикады» — и преступниками, и коллегами, причем неизвестно, кто больше ждет, чужие или свои, когда чиновник оступится.

— Интересное суждение. Ваше?

Панкрат смутился.

— Присутствовал когда-то при разговоре больших людей... а что, я не прав?

— В том-то и дело, что правы. Мы еще поговорим на эту увлекательную тему. Что еще вас не устраивает?

— В кодексе нет пункта, позволяющего свободный выход из вашей Организации.

Мережковский покачал головой.

— Свободный выход означал бы свободный вход в Организацию, а мы все-таки формально вне закона. Чтобы стать членом «Психодава», надо это право заслужить. Такова же и процедура выхода из него: желающий уйти должен иметь вескую причину для ухода, что тоже рассматривается советом экспертов.

— Прецеденты уже были?

— Еще нет. Но вы говорите так, будто уже собрались в ближайшее время решать проблему ухода. Вам не нравится быть оперативным работником, исполнителем? Скажите, и мы рассмотрим вопрос ввода вас в экспертную группу. Для того же, чтобы стать руководителем более высокого уровня, надо зарекомендовать...

— Я не стремлюсь стать руководителем, — сухо сказал Панкрат. — Но и работать у вас до конца жизни не намерен. Вы же понимаете, по какой причине я был вынужден обратиться к вам за помощью. Моя ближайшая цель — уничтожение ЛООС, а не всего Легиона. Когда эта цель будет достигнута, я вряд ли... в общем, посмотрим.

— Посмотрим, — легко согласился Архип Иванович. — Я уже говорил, в скором времени все изменится и вам не придется драться за свою жизнь и безопасность вашей семьи.

— Подписывать кровью ничего не надо? — пошутил Панкрат и получил в ответ беглую понимающую усмешку.

— Я не дьявол, а вы не Фауст, уважаемый Панкрат Кондратович. Достаточно вашего слова и фиксации события в памяти компьютера. Вот вам на расходы на первое время. — Мережковский подал Воробьеву пачку сторублевых купюр в банковской упаковке. — В дальнейшем будете получать зарплату у нашего бухгалтера на базе. Расходы, связанные с исполнением возложенных на вас обязанностей, будут оплачиваться отдельно. А теперь отправляйтесь к месту назначения. Мой помощник поедет с вами и покажет дорогу.

Архип Иванович снова ткнул пальцем под крышку стола.

— Саша, вызови Зинчука.

— Хорошо, Архип Иванович, — раздался из скрытого динамика женский голос.

Вызванный Зинчук — худощавый, среднего роста и приятной наружности молодой человек, в котором чувствовалась

армейская подготовка, — явился через пять минут, поздоровался с хозяином кабинета и гостем одним кивком, остановился у порога. Панкрат поймал его ничего не выражающий взгляд, оглядел фигуру и понял, что помощник Мережковского является профессионалом рукопашного боя. С виду он казался расслабленным и ни к чему не готовым, на самом же деле был готов в любой момент проявить свою реакцию и силу.

— Олег, это новый командир «БК» полковник Воробьев. Поедешь с ним на базу, покажешь, что он потребует, и познакомишь с личным составом группы. В четыре ты должен быть здесь.

— Понял. — Зинчук бросил еще один равнодушный взгляд на Панкрата. — Я подожду вас внизу.

Он вышел.

— Этот Олег случайно не из моей бывшей конторы? Или из родственной?

— Он капитан антитеррористического управления ФСБ, прикомандирован к ККОРР, но работает и на «ПД». Как вы догадались?

— По походке, — шутливо ответил Панкрат, хотя в этом была доля правды: помощник Мережковского двигался по-особому бесшумно и гибко, а такую походку дает только длительная наработка ногарэ — текучести движений.

— Желаю быстрого входа в наш коллектив. Завтра я вас навещу. — Мережковский вышел из-за стола, подал руку. — Ни пуха ни пера.

— К черту! — Панкрат вышел, ощущая затылком давящий взгляд заместителя начальника «Психодава».

Олег Зинчук возник у машины Воробьева, когда тот, оглядевшись и никого не увидев, садился в свой «Ситроен». Это в своем роде была демонстрация возможностей особиста Мережковского, и Панкрат ее оценил, хотя мог проделывать подобные трюки и сам. Открыл дверцу. Зинчук сел, и они выехали со стоянки напротив здания ККОРР, сверкающего зеркальным стеклом и металлической окантовкой межэтажных перекрытий.

В Барвиху приехали через час, не обменявшись за время пути ни единым словом. Поселок объехали справа, и по знаку проводника Панкрат свернул в лес. Через полкилометра показался мостик через небольшую речушку, названия которой Панкрат не знал, еще раз свернул вправо и остановил машину перед шлагбаумом с будочкой охраны, из которой неторопливо вышел верзила в камуфляже с автоматом под мышкой. По-

глядев издали на пассажиров «Ситроена», он молча поднял шлагбаум.

Двинулись дальше и вскоре уперлись в металлические, выкрашенные в зеленый цвет ворота с эмблемой Минздрава на створках: чаша с обвивающей ножку змеей. Ворота были врезаны в глухой забор из серых бетонных плит, рядом с ними располагалась такая же металлическая дверь с «глазком» телекамеры и металлической плитой с выпуклыми буквами: «Министерство здравоохранения России. Туберкулезный диспансер № 2». Чуть ниже висела еще одна табличка: «Вход только по пропускам».

Зинчук достал из кармана кожаной куртки толстый черный карандаш, направил его на ворота, и створки с тихим гулом начали разъезжаться в разные стороны. Показались два столбика слева и справа с выпуклыми глазами фотоэлементных датчиков.

— Красиво живете, — покачал головой Панкрат. — «Тубдиспансер» — легенда?

— Нет, настоящий, — нехотя откликнулся Зинчук. — Принадлежал Четвертому управлению Минздрава. Здесь в советские времена лечились только старперы, высокопоставленные партийные бонзы.

— Как вам удалось прибрать диспансер к рукам?

— У нас есть свои люди наверху, — дернул уголком губ Зинчук. — Кое-кого купили, кое-кого прижали, и диспансер «пришел в полную негодность».

— А куда делся контингент?

— В последнее время диспансер был закрыт из-за отсутствия финансирования, так что никого выселять не пришлось.

Машина попетляла между деревьями, лужайками и беседками, выехала к трехэтажному зданию помпезного вида с колоннадой и каменными львами у центрального входа. Здесь на площадке перед колоннами уже стояли джип «Ниссан» черного цвета, фиолетовый «Линкольн», военный «газик» и «Газель» с красными крестами по бортам. Нигде не было видно ни одного человека, но стоило Панкрату выйти из машины, как из-за колонны показался парень в пятнистой форме, без оружия и головного убора, но с армейской рацией в руке.

— Дежурный Сукачев... — начал он, однако Зинчук махнул рукой, и парень умолк.

— Это наш жилой комплекс, — сказал помощник Мережковского, — по сути — казарма, но с удобствами. Остальные сооружения: стрельбище, физгородок, полигон, «тропа разведчика», — находятся в ста метрах отсюда. Будете осматривать?

— Позже, — сказал Панкрат. — Покажите мне мои апартаменты и постройте личный состав группы.

Дежурный и Зинчук переглянулись.

— Я соберу группу в классе «А», — сказал дежурный с заминкой.

Панкрат пожал плечами, забрал из багажника сумку с личными вещами и направился следом за Зинчуком.

Его апартаменты оказались на втором этаже, выходя всеми окнами на красивую даже осенью лесную поляну. Видимо, это был когда-то номер «люкс» диспансера: три комнаты — гостиная, спальня и кабинет, прихожая, туалет, ванная комната с джакузи, высокие трехметровые потолки. В таких номерах Панкрату жить еще не приходилось.

Бегло оглядев комнаты, он бросил сумку в шкаф в прихожей, плеснул в лицо водой из-под крана и вышел в коридор, где его ждал провожатый. Один за другим они поднялись на третий этаж здания, где располагался класс «А» — бывший актовый зал. В небольшом помещении с пятью рядами стульев, способном уместить человек тридцать пять, сидели и стояли молодые парни в обычной гражданской одежде. Их было всего десять человек, и Панкрат невольно посмотрел на Зинчука, как бы спрашивая: и это все? Тот понял, слегка развел руками, шагнул в зал.

— Привет, орлы.

«Орлы» зашевелились, разглядывая вошедших, двое из них встали, еще двое остались сидеть, закинув ногу за ногу.

— Прошу любить и жаловать, — продолжал Зинчук. — Ваш новый командир полковник Воробьев.

Панкрат встал рядом, спрятав руки за спину, оглядел свою гвардию, носящую громкое название «Боевой кулак». Парни в ней были битые, опытные, это чувствовалось, но настроение некоторых из них, продолжавших сидеть как ни в чем не бывало, Панкрату не понравилось. Бойцы штурмгруппы должны были относиться к начальству с большим пиететом, а не показывать своим видом, что им сам черт не брат.

— Встать! — негромко сказал Панкрат, глядя на сидящих исподлобья.

Парни переглянулись. Один из них, худой, цыганистого вида, с черными курчавыми волосами, медленно поднялся. Второй, белобрысый, с широким рябоватым лицом, мощной фигурой и руками-кувалдами, продолжал сидеть.

— Фамилия? — бросил Панкрат Зинчуку.

Тот нахмурился, еле заметно качнул головой.

— Твердохлеб, встань.

— А чо, обязательно? — с ленивым превосходством произнес белобрысый атлет. — Мы тут все майоры да полковники.

— Пошел вон! — так же негромко лязгнул голосом Панкрат. — Ты отчислен.

— Чо?! — вылупился рябой Твердохлеб. — Я?! Да ты знаешь, кого выгоняешь?!

Панкрат шагнул к нему, глянул в белеющие глаза, дрогнул ноздрями.

— Встать!

Атлет встал.

— Вон!

Твердохлеб растерянно посмотрел на своих зачарованных происходящим коллег, на молчавшего с невозмутимым видом Зинчука, наткнулся на т е м н ы й взгляд Воробьева и вздрогнул. Попятился к двери.

— Ну, ребя, дождались командира!..

Никто ему не ответил. Белобрысый гигант потоптался еще немного и вышел, подарив Панкрату изумленно-недоверчиво-ненавидящий взгляд. Уже в коридоре он сплюнул и грубо выругался.

— Твердохлеб — единственный снайпер в группе, — сказал Зинчук безразличным тоном.

— Плевать, — ответил Панкрат. — Я его заменю на время. — Оглядел притихших бойцов группы. — Или вы к о м а н д а и п о д ч и н я е т е с ь к о м а н д и р у по законам военного времени, или вы сброд, кучка «суперменов», возомнивших, что им все позволено. Такие гибнут в первую очередь.

— Но мы и не пацаны-первогодки, — проворчал добродушного вида толстяк с заметной, несмотря на молодость, лысиной. — Прошли огни и воды. А это не казарма...

Панкрат внимательно посмотрел на него.

— Может быть, не казарма, но и не бордель. Неподчинения не потерплю! Всем ясно? Кому не нравится — можете идти на все четыре стороны. Я привык опираться на мгновенно реагирующих и надежных бойцов, которым можно доверить спину. Как фамилия?

— Прошин, Алексей.

— Где служил?

— Я работал на танковом полигоне, подрывник.

— Понятно. Следующий?

Бойцы группы по очереди назвали свои фамилии и специализацию. Четверо из них служили в воздушно-десантных войсках и воевали в Чечне, еще трое недавно работали инструкторами по рукопашному бою в системе МВД, один был уволен

из рядов антитеррористического подразделения Московского СОБРа после ранения, но, по его словам, был годен без ограничений. Парень командовал взводом, имел звание капитана и Панкрату понравился. Звали его Лев Копытов.

— А вы где работали, товарищ полковник? — спросил он.

За Панкрата ответил Зинчук:

— Панкрат Кондратович Воробьев — бывший майор спецподразделения Службы внешней разведки. Работал в Абхазии, Чечне и Таджикистане.

Среди бойцов «Боевого кулака» прошло шевеление, на парней послужной список и принадлежность командира к «крутой» конторе произвели впечатление.

— Я не мог вас видеть под Хасавюртом? — спросил стеснительный с виду парень по фамилии Ческидов, один из тех, кто воевал в Чечне.

Панкрат улыбнулся.

— Вряд ли меня мог кто-нибудь видеть. В открытую мы не работали. На сегодня все, отдыхайте. Завтра «полоса» и полигон, послезавтра дело.

— А «полосу» проходить обязательно? — подал голос все тот же Лева Копытов. — Мы все давно вышли из курсантского возраста.

— Хочу посмотреть и оценить каждого, — отрезал Панкрат. — Где ваш прежний командир?

— Погиб, — отозвался кто-то.

— Так вот я не собираюсь быть очередным трупом. Спокойной ночи. — Воробьев вышел.

— Поздравляю, — сказал ему в коридоре Зинчук. — Похоже, вы их «взяли». Но Твердохлеба выгнали напрасно. Несмотря на гонор, снайпер он хороший, весь Кавказ прошел.

— Именно из-за гонора и гибнут люди, причем в большинстве случаев — коллеги «супермена», а не он сам. Ищите другого снайпера, это ваша забота, с этим я работать не буду.

— Тогда разрешите откланяться. — Зинчук подал руку. — О задании поговорим завтра, после прохождения «полосы» и полигона.

Кивнув, помощник Мережковского удалился. Панкрат медленно побрел по коридору, спустился на второй этаж, но к себе заходить не стал, решил пройтись по территории диспансера, превращенного в базу «Психодава».

Дежурный на входе вытянулся, когда он проходил мимо. Здесь должны были находиться не только бойцы штурмгруппы, но и разведчики, аналитики, техники, хозяйственники, однако никого из них увидеть так и не удалось. Зато за камен-

ным львом крыльца Панкрата ждал громадный, как танк, господин Твердохлеб. Если бы он признал себя виноватым, стал проситься в группу, Воробьев еще подумал бы над возвращением снайпера, но тот повел себя совсем иначе.

— Эй, полковник, — окликнул он Панкрата, глотая дым сигареты, — подойди, поговорить надо.

— Сейчас, только шнурки поглажу, — бросил Панкрат, сбегая по ступенькам крыльца на площадку перед зданием диспансера и поворачивая по дорожке к поляне за домом.

Послышалось ругательство, потом топот, на плечо Панкрата легла тяжелая рука парня, рванула его назад, и в ту же секунду Панкрат гибко высвободил плечо, сделал шаг в сторону и, не глядя назад, нанес удар локтем в грудь парня — классический суки кэн многих японских школ тайдзюцу, называемый в русском стиле «обратной кочергой».

Хрюкнув, гигант согнулся, присел на ослабевших ногах, держась руками за грудь, с немым изумлением глянул на обернувшегося Воробьева.

— *Вопросы есть? — участливо спросил Панкрат.*

Твердохлеб что-то промычал, качнул головой, пытаясь выдохнуть застрявший в легких воздух.

— Вопросов нет, — констатировал Панкрат тоном Сухова из фильма «Белое солнце пустыни». — Чао, стрелок. Чтобы я тебя здесь больше не видел!

Через полчаса, обойдя территорию базы, он вернулся к лечебному корпусу диспансера, превращенному в жилую и учебную зону, и принялся разбирать свои вещи.

* * *

Группа прошла «тропу разведчика» — полосу препятствий и полигон со стрельбой по «живым» мишеням весьма неплохо, чем Панкрат остался доволен. Теперь он знал индивидуальные возможности каждого бойца и мог рассчитывать на их умение действовать в нестандартной обстановке, хотя понимал, что необходима еще проверка группы в деле. Ребята уже ходили на операции по заданиям начальства «ПД», однако с другим командиром, и Панкрату предстояло выяснить, как они поведут себя с ним.

Дача депутата Госдумы Эммануила Мананникова располагалась всего в восьми километрах от базы «Психодава», но не в Барвихе, как говорил Мережковский, а на окраине дачного поселка Усово-Тупик, в сосновом бору. Это был трехэтажный кирпичный особняк общей площадью в триста квадратных

метров, имеющий четыре спальни, две столовые, гостиную с камином, зал для лечебной физкультуры с массажной, просторный холл, зимний сад. Кроме того, на территории дачи располагались баня-сауна, открытый бассейн и теннисная площадка.

Все это Панкрат узнал от разведчиков из группы «Рэкс», они же дали ему ориентировки местности и посоветовали, как лучше всего скрытно подойти к даче, которая охранялась подразделением ОМОНа из управления охраны правительственных учреждений. Охранников насчитывалось пять человек, а вооружены они были помповыми ружьями двенадцатимиллиметрового калибра и пистолетами разных марок от отечественного «макарова» до бельгийского «браунинга».

Изучение всех материалов заняло у группы весь вечер и часть ночи с четверга на пятницу. Рано утром, переодевшись в соответствии с «легендой» в санитаров и врачей «Скорой помощи», Панкрат с тремя бойцами выехал на медицинском «рафике» к месту операции. Остальные бойцы должны были к этому времени уже прибыть к даче, подобраться к ее высокому деревянному забору как можно ближе и затаиться до сигнала «атака». В их задачу входило проникновение на территорию дачи с тыла и нападение на охрану, в то время как «медики» должны были отвлечь ее внимание.

За руль «рафика» сел сам Панкрат, и операция началась. О том, что будет дальше, после захвата Мананникова, речь не шла, об этом должна была позаботиться группа «психологической поддержки», возглавляемая капитаном Зинчуком, которая следовала за «рафиком» с десятиминутным отрывом.

Едва рассвело, когда машина «Скорой помощи» с заляпанными грязью номерами, вопя сиреной, с включенной мигалкой подлетела к дачному поселку, имеющему свою охрану на входе, и высунувшийся из кабины Воробьев заорал на выскочившего в одних спортивных штанах охранника:

— Открывай быстрей! Где тут дача депутата Мананникова? У него сердечный приступ!

Обалдевший охранник открыл ворота, махнул рукой вправо, где стояла дача «сердечника», и, спохватившись, потрусил к себе в избушку охраны. Если бы он не поверил «медикам» и начал требовать пропуск или документы, «санитары» готовы были выскочить и уговорить его, но все обошлось.

Точно так же «медики» действовали и дальше.

Панкрат остановил машину у ворот дачи депутата, посигналил, рявкнул сиреной и, когда открылась дверь в заборе

рядом с воротами, высунулся из кабины и закричал дурным голосом:

— Открывай, чего вылупился!

— В чем дело? — растерялся охранник в стандартном омоновском камуфляже, молодой шекастый парень.

— Вот пень! Ты что, не знаешь, что у хозяина приступ?! Давай быстрей, а то помрет, а на нас спишут, что не успели.

— К-какой приступ? К-кто помрет?! — в изумлении вытаращился парень.

— «Двойка», вперед! — скомандовал Панкрат, отвернувшись.

И тотчас же задние дверцы «рафика» распахнулись и на землю спрыгнули «санитары» с носилками, а с другой стороны вышел «врач» в белом халате, с чемоданчиком в руке, роль которого играл толстый Прошин, наклеивший бородку и усы.

— Э, милейший, нельзя ли побыстрей? Мы по вызову. Это ведь дача Эммануила Леонидовича Мананникова?

— Его. — Охранник перевел взгляд с «врача» на «санитаров» и обратно, заколебался. — Но мне ничего... у нас тихо... все спят...

— Открывайте, разберемся.

— Кто там, Антонов? — послышался чей-то приближающийся голос.

Охранник оглянулся.

— Да вот тут «Скорая» приехала, говорит — по вызову, будто бы у Эммы... у Эммануила приступ сердечный...

К воротам вышел еще один охранник, постарше, с полосками сержанта на рукаве куртки, оглядел «медицинскую бригаду».

— Чего шумим, граждане врачи? Что случилось?

— «Тройка», пошел! — бросил Панкрат в микрофон рации, склонившись в кабину так, чтобы этого никто не услышал.

— Мы получили вызов, — начал объяснять «врач» Прошин, — что у вас сердечный приступ...

— Я здоров, — флегматично перебил его верзила-сержант.

— Ну у вашего хозяина, господина Мананникова. Вот, тридцать две минуты назад мы выехали, у меня запись...

— Хватит лясы точить! — возмутился Панкрат, включая двигатель; это был сигнал к действию. — Мужик сейчас помрет, а вы тут рассусоливаете! Открывай ворота!

Охранники переглянулись и в ту же секунду были скручены «санитарами», словно невзначай подошедшими ближе, повалены на землю и связаны. Из глубин дачного хозяйства послышался свист: бойцы авангарда («двойка») сообщали о завершении своей части операции. Охрану удалось обезоружить чисто, без стрельбы, драки и крови.

Эммануил Леонидович Мананников, очень сильно смахивающий на первого российского президента, но помоложе и потолще (в народе про таких говорят: поперек себя шире), безмятежно спал в одной из спален на втором этаже коттеджа, один, без женщины, хотя, по наблюдениям разведчиков, приехал он сюда с некой юной особой, игравшей роль секретарши. Она спала в соседней комнате, но не проснулась, изъяли Мананникова совершенно бесшумно, даже не вырывая из объятий Морфея, только слегка мазнули по носу усыпляющим карандашом, а несли к машине на носилках, будто у хозяина дачи действительно случился сердечный приступ.

Через восемь минут с момента въезда на территорию дачного поселка «рафик» «Скорой помощи» выскочил к воротам, взвыл сиреной и исчез за поворотом дороги.

Военный «газик» с командой Зинчука ждал его в трех километрах от дач, в лесу. Мананникова перегрузили в «ГАЗ», туда же сел Панкрат. «Санитары» и «врач» пересели в подъехавшую «Газель», а за руль «рафика» сел человек Зинчука: он должен был «сделать шум» — промчаться по дороге мимо Барвихи к Москве и за Кольцевой автодорогой исчезнуть: поменять номера, вымыть машину и отогнать ее в гараж.

— Поздравляю, — сказал Зинчук Панкрату, с трудом уместившемуся в тесной кабине «газона», — операция проведена блестяще.

— Нормально, — буркнул Панкрат, поймав себя на мысли, что ему жаль захваченного пузана-депутата, продолжавшего спать и не представляющего, что ждет его впереди.

МОСКВА

«ПСИХОДАВ»

Мережковский приехал на базу спустя час после захвата группой Панкрата Воробьева депутата Мананникова, чью принадлежность к секретным структурам Российского легиона вычислили аналитики «Психодава». По их данным, Эммануил Леонидович был не только депутатом Государственной думы от фракции ЛКПР, не только заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию, но и членом Реввоенсовета, истинного повелителя Легиона.

Первичный допрос Мананникова с использованием исте-

рического нагнетания страха проводил Зинчук со своими специалистами по развязыванию языков, и когда Архип Иванович вошел в камеру, оборудованную в подвале диспансера, Мананников, пристегнутый к стене специальными браслетами, представлял собой жалкое зрелище, но при всем том молчал, не ответив ни на один вопрос допрашивающих. Увидев входящего Мережковского, он шире открыл глаза, хотел что-то сказать, но только облизнул губы.

— Узнали, Эммануил Леонидович? — улыбнулся заместитель начальника «ПД», кивнул Зинчуку. — Отвяжите его.

Мананникова отстегнули от стены, усадили на стул. Архип Иванович подал ему стакан воды, кивнул Зинчуку:

— Выйдите.

Капитан со своими подручными вышел.

— Эммануил Леонидович, давайте говорить прямо. Положение ваше незавидно. Мы знаем, кто вы и на кого работаете. Ответите на вопросы — будете жить, не ответите... сами понимаете, нам нет смысла держать вас в камере всю жизнь.

— Меня все равно убьют...

— Не скажите. Мы можем организовать похищение «с целью получения выкупа». Это ведь модно в наше время. Никто не догадается, где вы были на самом деле, даже ваши сверхпроницательные аналитики.

— Вы не представляете, какими средствами воздействия на психику они располагают.

— Представляем, — ласково сказал Архип Иванович, присаживаясь на край стола напротив пленника.

— Кто вы? — Мананников покосился на дверь; он был все еще бледен и мог в любой момент хлопнуться в обморок.

— Они больше не будут, — успокоил депутата Архип Иванович, — мы же интеллигентные люди, если, конечно, договоримся. А что вы имеете в виду? Я работаю на комиссию КОРР...

— Я знаю. На кого вы работаете еще? Не станете же вы утверждать, что ККОРР занимается антиправительственной деятельностью.

— Не стану, но и организация, к которой я принадлежу, тоже не занимается антиправительственной деятельностью, в отличие от вашего Реввоенсовета.

— Чего вы добиваетесь?

— По сути мы — чистильщики. Наша цель — сохранить государство, Россию, народ которой вы хотите превратить в послушное стадо, в толпу зомби. Наша цель — уничтожить все наработки и программы по созданию глобальных психотронных систем, и начнем мы с секретных лабораторий Легиона. А вы нам скажете, где они располагаются.

Мананников покачал головой.

— Да, я член Реввоенсовета, но информацией о лабораториях такого рода не располагаю, я занимаюсь телевидением...

— О, конечно, — все так же по-доброму улыбаясь, сказал Мережковский, доставая несколько листков бумаги из кармана пиджака. — Хотя мы знаем, что программы отечественного телевидения корректируются спецслужбами США, вы тоже приложили к этому руку. Ведь это ваши разработки информационно-психологической атаки населения используют ваши боссы в своей деятельности? — Архип Иванович развернул листы и прочитал: — «Информационно-психологическая атака, или ИПА, может проводиться в следующей последовательности. Первое: передача или фильм, возбуждающие психику. Эта передача не имеет отношения к информации, которую предстоит записать в подсознание толпы, например, к выборам или рекламе. Ее задача только включить подсознание на прием. Второе: передача, незаметно воздействующая на инстинкт самосохранения, иными словами — настройка на необходимое воздействие. Третье: запись информации в подсознание, создание в психике соответствующей установки. Эта информация кодирована и сознанием не воспринимается. И, наконец, четвертое: непосредственное воздействие на сознание. Информация передается открытым текстом, по сути это приказ типа: «Голосуй или проиграешь!», «Все на выборы!», «Покупай товар!» и даже «Свободу — народу!».

— Можете не продолжать, — поморщился Мананников. — Из этого ничего еще не следует.

— Еще как следует, — погрозил пальчиком Мережковский. — Из этого следует, что ваш Реввоенсовет главным способом управления государством — и миром! — избрал способ в обход сознания через подсознание, ибо традиционный путь долог и неэффективен. Какого бы деятеля вы ни купили, он все равно не способен смотреть в будущее вашими глазами. Как и сто лет назад, неграмотные политики продолжают опираться на неграмотных, хотя и титулованных, академиков. Не так ли?

— Чего вы хотите?

— Не спешите. Мудрецы говорят: будь смиренным на чужой территории, жди своего часа. Впрочем, наша беседа подходит к финалу. Хотим же мы немногого. Во-первых, чтобы вы дали нам координаты секретных объектов Легиона и базы ЛООС. Во-вторых, чтобы вы вывели нас на склад «глушаков»,

они весьма нам пригодятся в скором времени. И в-третьих, предлагаем вам сотрудничать с нами.

Мананников невольно усмехнулся.

— Это все? А Луну с неба доставать не надо?

— Это мы сделаем сами. Итак?

— Каким образом вы можете гарантировать мою безопасность, если я соглашусь сотрудничать с вами? Стоит мне вернуться, как меня тут же...

— Зомбируют? Мы сделаем блок. Вы будете помнить только то, что мы захотим оставить в вашей памяти.

— У вас есть «анаконда»? — недоверчиво посмотрел на Мережковского депутат.

— У нас есть очень высокого класса гипнотизеры. Уверяю вас, они справятся с делом не хуже «анаконды».

— Чепуха!

Архип Иванович развел руками, излучая сочувствие.

— Разве у вас есть выбор?

Мананников вдруг расслабился, лицо его вмиг постарело, пошло морщинами, глаза погасли.

— Я не смогу вам помочь.

— А вы постарайтесь. Повторить вопросы?

— Не стоит. Склада «глушаков» не существует. После уничтожения «Объекта № 2» в Жуковских лесах их осталось всего три десятка.

— Где они хранятся?

— Переданы в распоряжение командующего Легионом. Хотя не исключено, что какая-то часть генераторов находится у начальника ЛООС.

— Так, ясно. Где располагается база ликвидаторов?

— В Измайловском парке, на территории бывшей тюрьмы.

— Насколько мне известно, эта тюрьма — действующая.

Мананников буквально расплылся по стулу, бледнея на глазах. Казалось, его вот-вот стошнит.

— Хорошо, проверим. — Архип Иванович озабоченно заглянул в лицо пленника, вдавил на столе кнопку вызова дежурного. — Ответьте на последний вопрос, и мы положим вас в больницу. Где находятся другие объекты Легиона? Видите, я даже не спрашиваю, кто входит в состав Реввоенсовета и кто им руководит из-за бугра.

— Это не имеет значения, — совсем тихо пробормотал Мананников. — Я знаю координаты только двух объектов. Один располагается на острове Городомля на озере Селигер, там спрятана лаборатория по созданию пси-генераторов второго поколения...

— Генераторов боли? «Болевиков»?

— ...и в Алтайском крае, — продолжал, слабея, Эммануил Леонидович, — под городком Ухтомском... — Он вздрогнул, схватился рукой за сердце и сполз со стула как мешок студня.

Вбежавший в камеру Зинчук подскочил к нему, проверил пульс и выпрямился.

— Готов... но мы его сильно не били...

— Вы здесь ни при чем, — сказал Мережковский задумчиво. — Он был закодирован на самоликвидацию. Если бы мы не сделали ему пси-блокаду сразу после пробуждения, программа сработала бы раньше.

— Что с ним делать?

— Отвезти в ближайший крематорий и сжечь с соблюдением всех формальностей под чужой фамилией.

— Он что-нибудь сказал?

— Назвал координаты базы ЛООС и лаборатории по производству «болевиков». Будем готовить операции. Но сначала добудем «глушаки». Несколько штук, по его словам, находятся у начальника ЛООС полковника Лысцова. Можешь обрадовать Воробьева, это его новая цель.

ВЕТЛУГА

КРУТОВ И ДРУГИЕ

Он летел над темным ночным лесом, делая редкие взмахи огромными орлиными крыльями. Ночь была безлунной, но звездной, взгляд цепенел, стоило его бросить в небо, однако бездна внизу без единого проблеска света притягивала взор больше, хотелось заглянуть в нее и одновременно оттолкнуться, взлететь выше, чтобы исчез в душе страх, и Крутов, одинокий и гордый, — не птица и не человек — сгусток мысли, — «взмахнул» крыльями и поднялся на небывалую высоту, позволяющую одним взглядом охватить всю землю под ним, и тогда сквозь густую пятнистую темноту внизу вдруг проступила странная светящаяся паутина, как бы опутавшая весь мир...

— Интернет, — раздался внутри Егора чей-то гулкий бесстрастный голос. — База внедрения...

Темнота под крыльями начала течь, меняться, распалась на пятна и кляксы разного цвета, некоторые из них засветились мириадами звездочек, соединенных светящимися жилками, часто не совпадающими с нитями паутины. Это были города и поселки, освещенные сетью ночных фонарей. Один из них, раскинувшийся на большой площади, притягивал взор.

— Москва, — прозвучал внутри Крутова тот же голос. — Канал внедрения...

Оранжевая искра вынеслась из глубин черного массива под Москвой, стала приближаться, увеличиваться в размерах, превратилась в брызжущую струями пламени комету. Егор попытался увернуться, но скорости не хватило, и «комета», превратившаяся в раскаленный снаряд, воткнулась ему в крыло, прожгла огромную рваную дыру. Жгучая боль хлынула в голову, пронзила сердце. Крылья перестали держать парящего Крутова в воздухе, и он провалился вниз, стал падать, все быстрее и быстрее, пока не потерял сознание от неминуемого удара о землю... и подскочил на кровати с неистово колотившимся сердцем и широко раскрытыми глазами.

— Что с тобой? — проснулась Елизавета.

— Ничего, — хрипло сказал он, — сон приснился...

— Страшный?

— Странный...

— Расскажи. — Лиза подвинулась ближе, обнимая его, и Егор мгновенно успокоился. Рассказал сон, добавил:

— Спи, до утра еще далеко.

— Кто-то пытается тебя предупредить о чем-то. Только не могу понять — друг или враг.

Крутов тоже думал над этим, перебирая в памяти всех, с кем в последнее время имел дело, но так и не определил, кто из них «внедрился» в его сон или же возбудил его своей передачей. То, что это был не дед Спиридон, было понятно с самого начала. Архимандрит Предиктора нашел бы более простой способ предупредить ученика об опасности или сообщить ему необходимую информацию.

Елизавета вскоре уснула у него на груди, а он так до утра и пролежал, не сомкнув глаз, размышляя о своей жизни вообще и в частности о той миссии, которую на него возложили неведомые иерархи Предиктора, о своем отношении к ней и к людям, встречающимся на пути.

За время занятий живой с дедом Спиридоном Крутов, конечно, многому научился, уверенно постигая философию этого процесса. Он уже мог ускорять усилием воли физиологические реакции (по сути — химические процессы в мышцах и нейронах; воля в этом случае начинала играть роль катализатора) и как бы замедлять время вне сферы своего движения, мог на бессознательном уровне образовывать зону ПАО, позволяющую сражаться со многими противниками сразу и выходить из схватки победителем, мог предвидеть опасность и реагировать на нее раньше предлагаемого действия, предотвращать столкновение с ней, но того, чего Егор не знал и не

умел, все еще оставалось больше, чем он постиг, а времени на дальнейшую учебу оставалось все меньше и меньше. Посылая Марию курьером к Ираклию и Панкрату, Крутов понимал, что оттягивает момент принятия решения, однако все еще надеялся успеть перенять у деда главное: умение переходить в измененные состояния сознания, не связанные с боевым трансом, умение пользоваться собственной параэнергетикой в импульсном режиме (что позволяло Спиридону исчезать и появляться далеко от места действия) и, наконец, умение залечивать любые раны, чем в меньшей степени в сравнении с дедом, но все же владела Елизавета.

В семь утра Егор бесшумно встал и вышел во двор.

Светало. Небо хмурилось, но дождя не предвещало. Было холодно, неуютно, и Егор впервые почувствовал себя одиноким, как тот орел, в образе которого он летал во сне. Ощущение тут же прошло, — он почувствовал толчок в сердце и понял, что проснулась Лиза, — но сожаление осталось. И как бы тенью укора перед глазами проплыло видение Марии: бледная улыбка, распущенные волосы, зовущий взгляд... Стряхнув наваждение, он принялся прогонять тело сквозь комплекс упражнений живы и занимался до тех пор, пока из души не ушла смутная печаль и не вернулась прежняя решительность и уверенность в своих силах.

Позавтракали без обычной утренней болтовни. Крутов был сосредоточен на своих проблемах и молчал, Елизавета посматривала на него со скрытой тревогой и перебивать мысли не хотела. Она понимала, что близится время перемен, ничего хорошего не сулящих, и как могла оттягивала разговор на эту тему.

— Знаешь, что мне баба Евдокия заявила? — сказала Лиза, когда Егор подвез ее на работу. — Оказывается, хождение по воде — не только Христова прерогатива, волхвы тоже умеют это делать.

— Каким образом? — заинтересовался Егор. — Увеличивают поверхностное натяжение?

— Нет, тут другое. У воды много неисследованных свойств, она может быть и теплым льдом, то есть иметь структуру льда при плюсовой температуре. Ну, это, конечно, уже не обычная вода...

— Аномальная, я где-то читал об этом. А волхвы, значит, с помощью колдовства превращают обычную воду в аномальную. Спасибо за информацию, она мне очень пригодится.

Елизавета вспыхнула, уловив издевку в голосе мужа, но Егор не дал ее обиде развиться, притянул жену к себе и поцеловал.

— Не сердись, я шучу. Сегодня мы с дедом поедем на озеро Белое, и я попрошу его продемонстрировать хождение по воде. Вдруг у меня тоже получится?

Лиза оттаяла, вылезла из машины, дернув его за ухо.

— Чтобы стать таким, как дед Спиридон, надо слушаться жену. Не оставляй дома оберег, носи с собой, он предупредит тебя об опасности и поможет, если что.

Крутов клятвенно прижал руку к карману рубашки, где лежало куриное перо, и Елизавета, довольная, убежала. Егор поехал к салону моды, где работала Саша, подруга и свояченица Лизы. Он договорился встретиться там с ее мужем, Шуриком, который работал компьютерщиком в Ветлужском центре интеллектуальных систем «Метод», занимающемся разработкой интеллектпрограмм для различных сфер науки и техники. Вчера вечером Саша прибегала к ним и рассказала страшную историю о нападении на центр каких-то бандитов, уничтоживших дорогостоящую аппаратуру и унесших почти все дискеты с программным обеспечением проектов. Происшествие Крутова удивило, и он договорился с Сашей, чтобы ее муж утром заехал к ней на работу.

Однако Шурик не приехал.

— У него неприятности, — сообщила чем-то расстроенная, черноглазая и бойкая Саша. — Пропала именно его работа, что-то очень важное, с чем он возился больше года. Во-вторых, ему кажется, что за ним кто-то следит. И еще в машине кто-то рылся.

— Она разве без сигнализации стоит? — не понял Крутов.

— На сигнализации, но все равно ее открыли и обшарили. Шурик аккуратист, всегда все по полочкам раскладывает, а в кабине все было разбросано и перепутано, и даже кассеты пропали для магнитолы. Странно все это.

— Странно, — согласился Крутов. — Позвони ему, скажи, что вечером я к нему на работу подскачу, один пусть домой не едет.

— Ты ему поможешь?

— Что за вопрос.

— Спасибо, ты настоящий друг. — Саша чмокнула Егора в щеку и умчалась в недра салона моды, а Егор невольно потрогал место поцелуя, представил, что его целует другая женщина, и вернулся к машине уже в минорном настроении. Садясь за руль, он вдруг почувствовал нечто вроде электрического укола в грудь, в том месте, где кожи касался карман рубашки с куриным пером, и тут же уловил дуновение холодного ветра в затылок — верный признак чьего-то внимания к его особе.

Сделав вид, что изучает колесо машины, он ушел в состояние пустоты и уже через несколько секунд определил вектор этого внимания: за ним вели наблюдение из новой белой «Волги» с российским флагом вместо номера области. Такими машинами обычно пользовались депутаты Госдумы или высокое городское начальство, для слежки они не годились, были слишком заметны, но ошибиться Егор не мог. Через минуту подтвердилось, что он не ошибся.

Когда он уже завел двигатель и собирался отъезжать от салона моды, из «Волги» выбрался Вениамин Витальевич Григорьев собственной персоной, одетый в неизменный светлый плащ, и один, без сопровождения своих «мальчиков для имиджа», подошел к «Рено» Крутова..

— Доброе утро, Егор Лукич. Извините, что надоедаю, но у меня для вас не очень приятная новость. Решено все-таки район, где вы живете, освободить от старых домов частного сектора и построить на этом месте торговый комплекс.

— Поздравьте от меня вашего босса, господина Быченко, — равнодушно отозвался Егор, не приглашая короля бензоколонок сесть в машину. — Он очень влиятельный человек. А заодно передайте ему, что у меня найдутся весомые контраргументы против этого решения городских властей.

— Если аргументами являются возражения Петра Парамоновича Качалина, начальника УВД, — растянул в улыбке узкие губы Григорьев, — то напрасны ваши надежды. Его голос не столь громок и авторитетен, как у Леонида Николаевича. Кстати, если хотите, вы можете высказать свое мнение по этому поводу лично самому Леониду Николаевичу, он приглашает вас сегодня вечером на ужин в ресторан «Сиреневый туман». Разумеется, можете прийти с женой. Или с любовницей.

Григорьев подмигнул, поклонился и, насвистывая, двинулся к своей «Волге», из которой за ним наблюдали готовые прийти на помощь телохранители. «Волга» уехала. Крутов посидел в задумчивости несколько минут, пробормотал: «Я горько вас люблю, о бедные уроды[1]...» — и направил машину в восточную часть города, к реке, где жил дед Спиридон. Следовало с ним посоветоваться.

* * *

Они встретились на поляне возле старого скита в урочище Кордон Взвоз — дед Спиридон и юный иерофант Сергий. Дед прибыл сюда «естественным способом» — на мотоцикле, а каким образом каждый раз добирался до скита иерарх Пре-

[1] К. Бальмонт. Уроды *(сонет)*.

диктора, имевший свой дом в Березовой Пойме под Нижним Новгородом, то есть за двести с лишним километров от урочища, было не ведомо никому, в том числе и Спиридону Пафнутьевичу. Конечно, он знал магические формулы мгновенного преодоления больших расстояний, влияющие на реальность мира, но точно так же знал, что такие перемещения в пространстве оставляют след и считываются всеми магами, как белыми, так и черными, поэтому для сохранения тайны своей деятельности волхвы пользовались «паракинезом» редко. Однако иерофант Сергий владел еще каким-то способом бесшумного — в пси-плане — движения, и запеленговать его «полет» не удавалось никому.

— Рад видеть тебя в здравии, патриарх, — учтиво сказал Сергий, на щеках которого лежал юношеский румянец. Возраст иерофанта вполне соответствовал его виду — семнадцать-восемнадцать лет, но это было его второе рождение, а может быть, и третье, и опытом он обладал не меньшим, чем стопятидесятилетний дед Спиридон.

— И я рад приветствовать тебя, просветленный. Прости, что оторвал от дел, но без твоей помощи не обойтись.

— Я уже догадываюсь, что случилось. Слухи о подготовке Витязя достигли ушей...

— Слуг Сатаны, и один из них прибывает сегодня в Ветлугу, чтобы посмотреть на него.

— Кто?

— Лично Билл Гланц, пресс-атташе посольства США и он же...

— Черный маг Драко. Да, я зафиксировал изменение психопотенциалов их лагеря, но не связывал с конкретными обстоятельствами и перемещением сил. Ты считаешь, нам надо спрятать Витязя?

— Нет, они все равно найдут способ проверить его, когда он будет один, и мы не сможем ему помочь. Я предлагаю закрыть его, но таким образом, чтобы светилось только «эго», откорректированное в соответствии с низшими вибрациями тщеславия и исключительности.

Сергий с интересом посмотрел в прозрачные глаза деда, излучавшие терпеливое достоинство.

— Он сможет подыграть нам?

— Я беседовал с ним, он понимает, что происходит. Думаю, справится, тем более что имеет специальную подготовку.

— Что ж, попробуем. Кто будет нашим ассистентом, проводником?

— Его жена, Лиза.

— Берегиня?

— Она в курсе событий, я с ней тоже беседовал, перед тем как приехать сюда.

— Хорошо. Каким образом Гланц-Драко собирается смотреть Воина?

— Для этого он использовал нашего местного авторитета Леонида Николаевича Быченко, который пригласил Егора поужинать с ним в ресторане «Сиреневый туман».

— Вечером?

— В девятнадцать ноль-ноль.

— Я там буду. Подготовь берегиню, патриарх, укрепи ее силы. Она должна выдержать прямой зондирующий выпад Драко, иначе мы проиграем.

— Мы будем готовы. — Спиридон Пафнутьевич приложил руку к сердцу, поклонился, сел на мотоцикл и уехал.

Иерарх Предиктора постоял немного с задумчивым видом, глядя ему вслед, и побрел к избе скита, постепенно бледнея, становясь зыбким, полупрозрачным, прозрачным... и, еще не дойдя до избы, исчез, как бы растворился в воздухе.

* * *

Егор обедал в одиночестве, когда на улице прогудел автомобильный клаксон. В окно было видно, как из бело-голубого «ГАЗ-53» с надписью «Милиция» вышел Петр Парамонович Качалин в полковничьей форме и нетерпеливо постучал по калитке кулаком.

— Что не заходите? — вышел из дома Крутов. — Как раз к обеду. Лиза вкусные щи сварила, не хотите отведать?

— Некогда, — ответил начальник милиции, пожимая ему руку. — Я на минуту. Тебе звонили из Москвы, оставили телефон. — Он порылся в кармане кителя и достал бумажку с номером. — Будут ждать в два часа, так что поторопись.

— Кто звонил? — изумился Егор. — И почему вам?

— Кто звонил — не знаю, — усмехнулся Качалин, — женщина какая-то, знакомая деда Спиридона, а почему мне — потому что у тебя телефона в доме нет. Еще вопросы будут?

— Понял, — кивнул Егор, успокаиваясь, понимая, что это весть от Марии. — Может, все-таки зайдете?

— В следующий раз, на встречу с мэром еду, хочу ему свое мнение высказать насчет сноса этого жилого сектора с твоей «дворянской хатой».

— Разве этот вопрос еще не решен? Мне сказали, есть постановление...

— Кроме администрации города, у нас еще имеется думское собрание, так что поборемся. Ну а ты не надумал идти ко мне замом?

Егор хотел ответить уклончиво, в духе «поглядим-посмотрим», но встретил прямой, чуть холодноватый взгляд Качалина и сказал честно:

— Не надумал, Петр Парамонович. Скорее всего уеду я скоро отсюда.

— Куда?

— В Москву.

— Ну-ну. — Качалин сел в свой видавший виды транспорт, махнул рукой. — Заходи с Лизкой в гости, будем рады.

Милицейский «газик» укатил. Крутов вернулся в дом, торопливо доел щи и спустился во двор к машине. Вскоре он подъехал к центральному телеграфу города с междугородным переговорным пунктом. Вошел в кабину телефона-автомата, набрал нужный номер. Трубку сняла Мария:

— Добрый день, Егор Лукич.

— Что случилось, Маша?

— Ничего особенного не случилось. Просто Панкрат Воробьев сейчас не в Осташкове, а в Москве, попробую его отыскать. По моим сведениям, он согласился работать на одну организацию...

— «Психодав»!

— Откуда вам... тебе это известно?

— Он был у меня, советовался, что делать. Значит, они его все же уговорили.

— Если это можно назвать «уговорили». Я узнала, что на семью Панкрата и на него самого несколько раз нападали бандиты, действующие по определенной схеме. Так вот, если проанализировать инциденты, т а к действуют только спецслужбы. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Нападения были сфальсифицированы?

— Вероятно.

— Как ты узнала о нападениях? И откуда ты знаешь, как работают спецслужбы?

В трубке послышался тихий смех.

— Во-первых, господин следователь, я писательница и кое-что смыслю в профессии контрразведчика, писала об одном профессионале, генерал-лейтенанте в отставке. Во-вторых, я ведьма и в е д а ю нетрадиционными методами добычи информации, иначе меня не выбрали бы в качестве Ходока. И берегини.

Крутов не сразу нашелся, что сказать.

— Найдешь Панкрата, предупреди его обо всем. В скором времени мы встретимся, я тоже еду в Москву.

— Когда?

— Дня через три-четыре.

— Тогда я тебя подожду.

— Нет, — как можно мягче сказал Крутов. — Мне нужен Ираклий Федотов, срочно.

— Поняла. — Недолгое молчание. — Через два дня я буду на Алтае. Ты так расписал своего Ираклия, что даже заинтересовал меня.

— Ты успеешь за два дня разыскать Панкрата?

— Это не займет много времени. «Психодав» свил гнездо под крылышком ККОРР, Комиссии по координации оперативно-розыскной работы, я найду майора Воробьева через нее. Позвони мне завтра в это же время.

— Хорошо.

— Чао, Витязь. Береги себя. Целую!

Крутов самым натуральным образом ощутил прикосновение к своим губам теплых и упругих губ, невольно отшатнулся и, улыбнувшись (действительно, ведьма! везет же мне на них!), покачав головой, вышел из кабины. Но и два часа спустя он чувствовал след «виртуального» поцелуя Марии, возбуждающего естественные желания плоти не хуже наркотика. Отпустило его лишь после возвращения с работы Лизы, ушедшей пораньше, чтобы подготовиться к походу в ресторан. Неизвестно, почувствовала ли она нечто необычное в поведении мужа или нет, однако оказалась достаточно мудрой, чтобы не спрашивать его ни о чем, а затем воспользовалась своим «оружием», превзойдя соперницу, сумев разжечь Егора вспышкой страсти, закончившейся в постели безумием наслаждения друг другом.

Ровно в семь часов вечера Крутов остановил машину возле ресторана «Сиреневый туман», известного всей Ветлуге по частым бандитским разборкам, и помог Елизавете выйти.

Лиза была в вечернем черном платье от Армани, облегающем фигуру, и на нее засмотрелся даже швейцар, распахнувший двери ресторана перед молодой парой. Крутов тоже приоделся во все черное (Саша в своем салоне моды нашла ему очень приличный костюм «под Прада»), поэтому выглядел не хуже отпрыска королевского рода и вел себя, как ведут себя многие «новые русские», взлетевшие из грязи в князи.

Быченко со своей свитой уже прибыл в ресторан и ждал приглашенных в уютном «нефритовом» зале, декорированном под «африканское барокко». По стенам зала были разве-

шаны копья, луки, колчаны со стрелами, духовые ружья, плетеные щиты, бусы, маски, барабаны, калабасы и прочие атрибуты войны и быта африканских племен, по углам стояли деревянные и каменные идолы, изображавшие кровожадных богов и женщин-танцовщиц, гномы «байба-байба», засушенные экзотические цветы в вазах, горели свечи в высоких керамических подсвечниках, а оркестр играл что-то ритмованно-пощелкивающее, долженствующее, наверное, создавать музыкальный колорит Черного континента. Если бы не психологический подтекст ужина, Крутову здесь понравилось бы. Однако он помнил, зачем его пригласили в ресторан, и старался вести себя соответственно создаваемому образу крутого полковника спецназа ФСБ, в меру грубоватого, уверенного в себе, привыкшего командовать, чувствующего себя хозяином положения.

Впрочем, на него обращали внимание меньше, чем на Елизавету, что вполне устраивало обоих, но все же обостренным чутьем (Егор перед отправлением на рандеву глотнул ерофеича и был накачан энергией по горло) он ощущал некое давление на голову, будто на нее пытались накинуть скользкий шелковый платок, и почти сразу определил главное действующее лицо в разворачивающемся спектакле: по правую руку от молодого и красивого Леонида Николаевича Быченко сидел скромного вида господин и пил сок, ни на кого не обращая внимания. Но именно он и был Биллом Гланцем, черным магом Драко, не поленившимся окунуться в глубинку Нижегородской губернии и посмотреть на подготовку Витязя.

Глаза Быченко загорелись, когда в зале появилась Елизавета. Он даже встал из-за стола, предложил ей руку и усадил слева от себя, взглядом показав своей пассии, молодой смазливой особе в дорогом туалете, где она должна сесть.Таким образом Лиза оказалась между Быченко и его помощником Григорьевым, сменившим белый костюм на фиолетовый в полоску, Егору же отводилось место поодаль от них, напротив Билла Гланца, однако он тронул Вениамина Витальевича за плечо и сказал с добродушным высокомерием:

— Э-э, любезный господин Григорьев, позвольте-ка я сяду рядом с женой.

Владелец ветлужских бензоколонок бросил взгляд на босса, тот ответил ему, гости Быченко замолкли (всего за двумя сдвинутыми вместе столами умещалось десять человек вместе с парой Крутовых), и даже американец посмотрел на Егора поверх бокала с соком, прищурясь, как бы оценивая его слова. И вдруг ударил!

Его пси-выпад был не острым, атакующим, а обволакивающе-гипнотизирующим, и, если бы не принятые меры, он достиг бы цели, сломал волю Крутова, прощупал бы его резервы и возможности, но Егора прикрывали трое: дед Спиридон, Елизавета и белый маг Сергий, и Гланцу не удалось проникнуть в душу Крутова на всю глубину его потенциала. Американец смог прочитать только то, что ему оставили в мыслесфере Крутова специально.

И все же момент был критический. Драко начал пси-атаку неожиданно, причем сразу на полной мощности, а не постепенным прощупыванием, без всякой предварительной подготовки, на что рассчитывали защитники Егора. Сорвись Крутов, начни сопротивляться, устрой дуэль взглядов — и Драко все бы понял. Но Крутов выдержал экзамен, зафиксировав момент нападения и мгновенно переходя в «повернутое» относительно нормального состояние сознания, проскочив опасный подводный риф чужой воли.

Григорьев встал, пересел на другое место, и Егор с уверенным видом опустился рядом с Лизой, благосклонно выслушивающей комплименты Быченко.

— Может быть, перейдем сразу к делу, Леонид Николаевич? — не терпящим возражений тоном спросил Крутов. — Не люблю темнить, знаете ли. Правда, я не всех ваших друзей знаю...

— Господа, позвольте вам представить полковника Крутова Егора Лукича и его супругу Елизавету, — сказал Быченко, одетый по моде от Труссарди в кожаный костюм и прозрачную рубашку (издали казалось, что под пиджаком ничего нет, он надет на голое тело), открывающую мускулистую выпуклую грудь бывшего боксера, повернулся к Егору. — Кое-кого из моих друзей вы все-таки знаете, полковник. Это Вениамин Витальевич, это Николай...

Средних лет мужчина с холодными глазами киллера посмотрел на Крутова и отвел взгляд.

— Игорь Всеволодович Копейко, заместитель главы администрации города.

Седой бородатый мужчина в очках привстал и поклонился, проблеяв что-то вроде «очень-очень приятно...».

— Ирина Петровна Кочкина, президент «Ветлуга-банка».

Полная женщина с ярко накрашенными губами и в невообразимой разноцветной хламиде «под Аллу Пугачеву» бросила на Крутова равнодушный взгляд и снова стала оценивающе рассматривать Елизавету. Ее соседка, пересевшая от босса, тоже разглядывала Лизу, и Егор усмехнулся про себя. Лиза

была вызывающе женственна и красива, но для других женщин главным ее достоинством был вечерний туалет.

— А это гость из Москвы, — продолжал Быченко, повернувшись направо, — Билл Гланц, пресс-атташе посольства Соединенных Штатов, мой давний приятель.

Гланц привстал, сделал гримасу, означающую улыбку, посмотрел на Крутова иронически-участливо (этот его физический взгляд сопровождался другим в з г л я д о м — в пси-диапазоне) и снова уткнулся в бокал с соком, потеряв, казалось, интерес ко всему происходящему в зале.

Только Сергий с дедом Спиридоном, сидящие в соседнем зале, знали, что Драко сейчас сосредоточил свое внимание на Елизавете. Но за нее они не переживали: Лиза была в и д н а почти вся — как женщина и как неопытная, еще очень слабая берегиня. О том, что ее связывает с бабой Евдокией особый энергоинформационный канал, Драко догадаться не мог, даже если чувствовал «дробление» ее ауры.

— Вы успели за короткое время порядком разозлить моих парней, — сказал Быченко, картинно откидывая назад длинные волосы. — Неужели и в самом деле считаете себя суперменом?

— Не считаю, но и в обиду себя не дам, — небрежно проговорил Крутов. — К тому же за моими плечами школа, которая и не снилась вашим мальчикам.

— Речь идет не о спецподготовке. Говорят, вы владеете каким-то видом восточных единоборств. Не хотите побороться с кем-нибудь из моих парней?

— В любой момент, — все с тем же пренебрежением ответил Крутов, продолжая играть роль недалекого человека с погонами.

— А со мной?

Егор оглядел широкие плечи Быченко, покачал головой.

— Я тоже слышал, что вы боксер, мастер спорта, но боюсь, что вы все же переоцениваете свои силы.

Быченко засмеялся, посмотрел на Лизу, держащую в пальчиках бокал с шампанским.

— Он у вас всегда такой, Елизавета Романовна?

— Какой? — простодушно спросила она.

— Крутой, — снова засмеялся Леонид Николаевич. — Никого не боится?

— Хороша бы я была, выбирая труса, — сделала гримаску Елизавета. — Но могу вам честно сказать, что человека, равного ему в драке, я еще не встречала.

— Вот даже как? Вы что же, видели, как дерется ваш муж?

— Он меня защищал.

— Очень интересно! А если все-таки найдется человек, способный его побить?

Елизавета дернула плечиком.

— Тогда я разочаруюсь в себе.

— Браво!

Гости Быченко, негромко переговаривающиеся между собой и одновременно прислушивающиеся к беседе босса, оживились.

— А давайте проверим, — предложил Григорьев, разгоряченный двумя стаканчиками «Демидовской». — Здесь есть небольшой спортзальчик, я позову Кистеня... то есть Костю Кислярского, пусть померятся силами. А, Леонид Николаевич? Пусть покажут, на что способны. А то мы пристаем к человеку с предложениями и не знаем, что покупаем.

— Это меня вы, что ли, покупаете?! — сдвинул брови Крутов.

— Успокойтесь, Егор Лукич, — повел рукой Быченко, взглядом осаживая Григорьева. — Вениамин Витальевич оговорился. Ну а если на самом деле нам посоревноваться? Слабо?

— Я же сказал — в любой момент, — с раздражением бросил Егор, накрыл рукой кулачок Лизы. — Дорогая, не будешь возражать, если я выйду на минутку, разомнусь?

В глазах Елизаветы мелькнул страх, но она смогла перебороть свои чувства и улыбнулась.

— Конечно, дорогой. Но мне тоже хочется посмотреть, как ты будешь драться. Надеюсь, ты в форме?

Компания с шумом начала вставать из-за стола, потянулась к переходу на второй этаж ресторана, где начиналась закрытая территория элит-клуба «Поддубный».

Двое в соседнем зале молча смотрели друг на друга. Ни дед Спиридон, ни даже иерофант Сергий не предполагали, что продолжение с м о т р и н будет таким нетривиальным. Во время боя человек становится гораздо более уязвимым для пси-зондирования, и стоит ему забыть о контроле — игра раскроется. Все теперь зависело от самого Крутова, от его сдержанности, воли и ума.

Последним из зала выходил Билл Гланц, на секунду задержался перед дверью, прислушиваясь к чему-то, и, усмехнувшись, догнал компанию Быченко. Он уловил присутствие старого волхва, хотя и не обеспокоился по этому поводу: учитель не мог оставить своего ученика одного.

Однако иерарха Предиктора Драко не почувствовал. Его уровень не позволял пеленговать белого мага, достигшего шестой ступени самореализации.

Крутов понимал, что навязанный бой послужит проверкой не столько его физических возможностей, сколько психоэнергетических запасов, прежде всего интересующих Билла Гланца. Понимал он также и опасность этого боя, в котором нельзя было раскрываться до конца и демонстрировать все свои данные, и все же Егор был спокоен, ощущая поддержку тех, кто его любил и надеялся на него.

Спортзальчик, о котором говорил Григорьев, на самом деле представлял собой тренажерный зал, забитый всякого рода разрекламированной техникой для бодибилдинга и шейпинга. Подручные Григорьева быстро очистили угол зала, достаточный для проведения «показательных» соревнований, и на середину круга вышли бойцы: мощного сложения, с брезгливой складкой губ и угрожающим взглядом Кислярский и не уступающий ему в ширине плеч и росте, но более худощавый и тонкий в талии Егор, постаравшийся выглядеть так же самоуверенно (чего он никогда не допускал в жизни) и пренебрежительно.

Оба сбросили костюмы, переоделись в спортивные трико, принесенные откуда-то Вениамином Витальевичем, и встали друг против друга, разминая мышцы. Крутов поймал себя на мысли, что, сделай он сейчас выход в п у с т о т у, — все было бы кончено в течение долей секунды, но как раз именно этого делать и не стоило. Ему нельзя было уходить в состояние боевого транса, использующего сверхреакцию подсознания. Предстоящий поединок должен был вестись полностью на уровне сознания с жесточайшим контролем каждого движения, только так можно было создать впечатление автоматичности и стандартности арсенала приемов, демонстрации мастерства, не превышающего уровень владельца черного пояса.

— Начинайте! — махнул рукой Григорьев.

Как раз в это время Крутов помахал рукой Елизавете, как бы успокаивая жену, и, естественно, «пропустил» прыжок Кислярского и удар в горло — прямой рэнсэн, вполне способный травмировать гортань и привести к потере сознания. Правда, при этом Егор все-таки чуть отклонился, ослабляя удар, и мог бы даже в столь неудобном положении закончить бой одним петлеобразным движением: отклонить голову, перехватить руку, повернуться на пятке и локтем нанести удар по позвоночнику или почкам противника. Но он пошел другим путем.

Отскочил, хватаясь рукой за горло якобы от сильной боли, и некоторое время вяло уклонялся и блокировал удары Кислярского рукой, предплечьем и коленом; надо признаться, телохранитель Григорьева драться умел, наверное, он даже тренировался в одной из школ у-шу, Егор уловил в его постановке ударов стиль синь-и-цюань. Однако этот уровень боя был гораздо ниже того, на котором мог работать Крутов, даже не прибегая к трансу и инициированию сферы ПАО. В памяти всплыла заповедь мастеров дим-мак[1]: пока тебя не вынудят, не наноси удара. Уловив момент, Егор наконец ответил.

Кислярский, уверовав в скорую победу, атаковал его прямым ударом правой руки (миги гэдан ои цуки), Егор ушел влево, поставив внешний блок ребром ладони, этой же рукой перехватил руку Кислярского, толкнул его вперед-вниз и, одновременно перемещая левую ногу вперед, нанес удар локтем в область правой почки противника. Продолжая движение, Кислярский рухнул на пол лицом вниз, едва не разбив голову о штангу.

Егор отступил, подбоченился, гордо осмотрел ряд зрителей, хотя в этот момент был противен самому себе.

— Ну, кто еще?

— Пожалуй, я все-таки рискну, — сказал Быченко, сбрасывая кожаный пиджак, рубашку и туфли, оставаясь в одних брюках. — Деретесь вы действительно неплохо, Егор Лукич, но как-то не очень впечатляюще.

Крутов поймал косой и т е м н ы й взгляд пресс-атташе американского посольства и почувствовал, как непроизвольно сжались мышцы живота. Проверка продолжалась. Не вмешиваясь в первый бой, Драко готовился атаковать будущего Витязя в следующем поединке.

— Дорогой, — сказала Елизавета капризным тоном, — не заставляй меня нервничать.

— Постараюсь, дорогая, — легкомысленно ответил Крутов, чувствуя щекочущий голову поток ее мысленной поддержки, снимающий возбуждение.

Кислярского привели в чувство и увели. Быченко стал в стойку, сказал, улыбаясь:

— С тайским боксом вы знакомы, полковник?

— Знаком, — коротко ответил Крутов и отпрыгнул в сторону, пропуская мимо исключительно быстрый и хорошо подготовленный удар ногой, говоривший, что Быченко не просто мастер спорта по боксу, но мастер рукопашного боя, умело использующий элементы боевых искусств Восточной Азии.

Первую минуту поединка Крутов просто бегал вокруг Бы-

[1] Д и м-м а к — искусство «ядовитой руки», техника воздействия на нервные центры человека с помощью уколов пальцами и разного рода ударов.

ченко, делая вид, что с трудом сдерживает его натиск, принимая на себя град ударов, и прислушивался к своим ощущениям. Ждал нападения Билла Гланца. Вторую минуту он тоже только маневрировал, ни разу не пропустив к себе мелькающие руки (мощный все-таки мужик!) и ноги Леонида Николаевича, в какой-то степени даже увлекшись этой игрой. А когда решил начать активные действия в стиле русбоя — с пресечением атак противника в самом их зародыше, Драко наконец атаковал его, применив редкое по качеству и т о н к о с т и проникающее пси-сканирование.

Защиты от него не существовало, потому что использовалось спин-торсионное поле, так называемое «поле кручения», свободно пронизывающее любую материю, даже кипящую ядерную толщу звезд. Лишь иерофант Сергий мог справиться с такой атакой, уйдя в д в и ж е н и е, становясь п р о ц е с с о м. Егору, да и деду Спиридону тоже, это было недоступно, хотя волхв, наверное, тоже защитил бы свой мозг п у с т о т о й. Крутов же поступил иначе, совсем просто: он упал. То есть потерял сознание, неожиданно для себя самого с легкостью перейдя в трансовое состояние с «другой частотой» интеллектуальных процессов. Но прежде чем потерять сознание окончательно, Крутов дотянулся до Быченко и «лапой леопарда» сломал ему ребро.

Этот удар с полной энергоотдачей не выдерживает никакое, даже специально тренированное тело.

Следующие две минуты Егор провел с ощущением блаженного покоя, слыша каждое слово зрителей, хлопочущих над поверженным боссом; Быченко, естественно, тоже отключился от болевого шока. К Егору подскочила Елизавета, прикоснулась к нему и поняла, что он в «другом» сознании, однако тут же сориентировалась и прекрасно сыграла испуганную женщину, переживающую за мужа. Она тормошила его, шлепала по щекам, причитала и одновременно подпитывала энергетически, з а к р ы в а я его пси-сферу, насколько это было в ее силах.

Билл Гланц смотрел на все это с чисто американским любопытством, как на возню насекомых, и ушел еще до того, как друзья привели в чувство Быченко.

Крутов пришел в себя сам, оделся с помощью Елизаветы и тоже собрался уходить, когда его остановили.

— Куда же вы, полковник? — окликнул его ошеломленный происшедшим Григорьев. — Наш спор еще не закончен. Ничья.

— Вряд ли ваш босс сможет продолжать спор, — криво улыбнулся Крутов.

— Среди нас есть еще желающие потягаться с вами. Боря, ты здесь?

Из-за спин гостей Быченко вышел еще один телохранитель Вениамина Витальевича, ниже Кислярского, но шире в плечах и в талии, с квадратным мясистым лицом, словно срисованным с афиши гангстерского фильма. Елизавета тревожно глянула на мужа, но Егор успокоил ее взглядом.

Он чувствовал облегчение и о с в о б о ж д е н и е — присутствие Драко уже не давило на психику, американец посчитал свою миссию выполненной. Полковник Крутов его больше не интересовал.

— Помните наш самый первый разговор, Вениамин Витальевич? — спросил Егор. — Вы тогда очень точно и доходчиво обрисовали мне мое положение и перспективы.

— Ну и что? — не понял Григорьев.

— Тогда я не нашел контраргументов.

— Ясно, теперь вы их нашли.

— Они предельно просты.

Крутов вдруг буквально пролетел расстояние в несколько метров, отделяющее его от квадратнолицего Бори, и снизу вверх ударил его основанием ладони в нос. Раздался вскрик, парень с грохотом упал навзничь, едва ли успев осознать, что произошло. В наступившей тишине удивленно хихикнула подруга Быченко, и снова стало тихо.

Григорьев посмотрел на Крутова, потом на с трудом поднимавшегося с пола босса, кивнул кому-то. В спортзал вбежали трое парней, доставая на ходу пистолеты. Крутов оценивающе глянул на них, жалея, что не сдержался. За себя он не боялся, но рядом была Лиза, а ее жизнью он рисковать не хотел.

— Отпустите их, — глухо проговорил хозяин Ветлуги.

— Но он же... — начал воспрявший духом Кислярский.

— Пусть идут! — Быченко посмотрел на Крутова. — Предложение остается в силе, полковник. Мы... я не предполагал, что вы столь искусный боец. Подумайте, вам есть что терять.

— Вам тоже, — пожал плечами Крутов, спокойно взял Лизу под локоть и вышел.

Дед Спиридон ждал их в машине, использовав для проникновения в кабину свое искусство. Егор этому не удивился. Молча включил двигатель, тронул машину с места, не обращая внимания на внимательные взгляды парней у входа в ресторан, скорее всего — телохранителей Быченко.

Елизавета вдруг всхлипнула.

Егор посмотрел на нее, погладил по плечу.

— Ты что, солныш?

— Я испугалась... я ничего не умею... ведь тебя могли убить!

— Не могли. И ты мне здорово помогла.

— Правда? — обрадованно и недоверчиво спросила Лиза.

— Правда, — ответил за Егора дед Спиридон. — Вы достойно прошли это испытание, дети мои. Но впереди вас ждут гораздо более тяжкие. Дай вам бог выдержать их!

— Аминь! — улыбнулся Крутов.

АЛТАЙ

ФЕДОТОВ

Он стоял на вершине одинокой скалы, окруженной тайгой, и с каким-то мистическим восторгом готовился прыгнуть вниз. Страха не было. Голова эйфорически кружилась, руки дрожали и зудели, будто собирались стать крыльями, однако ноги вросли в скалу и держали его, как корни — дерево, и не позволяли приблизиться к обрыву. И все же Ираклий верил, что сможет это сделать. Верил и ждал, что ему помогут.

Где-то вверху раздался тонкий птичий вскрик.

Он поднял голову.

Сквозь ураганно несущиеся струи облаков прорвалась ослепительно белая точка, приблизилась, превращаясь в изумительно красивую белую птицу с черным хвостом и черными перьями на концах крыльев. Птица спикировала на макушку скалы и превратилась в женщину невиданной красоты с распущенными черными волосами и черными глазами. Алые губы ее раскрылись:

— Не меня ли ждешь, герой?

— Кто ты? — обрел дар речи Ираклий.

— Я птица Сирин. Не побоишься принять от меня помощь?

Сирин — темная птица, вспомнил Ираклий славянский миф, олицетворение темной силы, посланница властелина подземного мира. От головы до пояса она — женщина несравненной красоты, от пояса и ниже — птица. Кто послушает ее голос, забывает обо всем на свете, и нет сил, способных заставить его не слушать Сирин, а смерть для него в этот миг — истинное блаженство!

— Не побоюсь, — храбро ответил Ираклий. — Я ждал тебя.

— А если мифы не лгут и тебя ждет смерть?

— Значит, такова моя судьба.

— Зачем ты здесь? — Женщина-птица приблизилась.

Ираклий зачарованно разглядывал ее, любуясь необычной «ведьминой» красотой, изумительной пластикой движений, руками, летающими во время разговора, превращающимися в крылья и обратно, необыкновенно гибким станом, походкой, вызывающе женственной, сексуальной и в то же время свободной, горделивой. В живых дразнящих глазах женщины искрился такой властный призыв, что Ираклий рванулся к ней... и почувствовал, что ноги наконец вырвались из скалы, обрели былую упругость, подвижность и силу.

— Зачем ты здесь, герой? — повторила вопрос Сирин.

Ираклий очнулся, нахмурился, подошел к краю обрыва, показал вниз рукой:

— Видишь?

Посреди зеленого моря ~~тайги~~ чернела угрюмая клякса болота с частоколом мертвых серых деревьев. Сирин присмотрелась к болоту, на ее прекрасное лицо легла тень.

— «Печать Сатаны»...

— Да, — согласился Ираклий, — можно сказать и так — «печать Сатаны». Это секретный объект Легиона, где рождается новое страшное оружие. Поможешь мне его уничтожить?

Женщина-птица некоторое время рассматривала болото, повернула голову к Ираклию, в глазах ее протаяла необидная насмешка.

— Я ведь — сила темная, не боишься потерять больше, чем найти? Вдруг я попрошу взамен душу?

— Проси, — хрипло проговорил Ираклий.

Сирин улыбнулась.

— Храбрость — не синоним мудрости. Я помогу тебе, жди. — Она вдруг обожгла губы Ираклия поцелуем, отступила на шаг, превратилась в птицу и сорвалась со скалы вниз, сделала вираж, унеслась в облака.

— Жди, герой... — послышался ее птичий голос.

Ираклий опомнился, протянул руки к небу и... проснулся, все еще продолжая ощущать на губах терпкий мятный вкус ее поцелуя. Полежал немного, расслабляясь и гадая, чем вызван его странный сон с очаровательной женщиной-птицей, пробормотал:

— Снова бабы... нет, полковник, положительно тебе пришла пора обзаводиться семьей. Еще один такой сон — и ты попадешь в психушку...

На самом деле он так не думал, однако сон заставил его проанализировать собственное положение и сделать вывод: естество обманывать и ломать нельзя! Мужчина остается мужчиной лишь в общении с женщиной и обладании женщиной.

Все остальное от лукавого. Жить без женщины означает лишать себя половины прелести мира, и даже воевать, восстанавливать справедливость стоит лишь ради любимой женщины. Только вот где ты, любимая женщина? Почему не появляешься? Не птица же Сирин ты в самом деле. Хотя... кто знает? Ведь подала же весточку какая-то колдунья этим сном...

В начале девятого Ираклий заехал к сестре, чтобы узнать о состоянии ее мужа. По словам Валентины, Миша чувствовал себя лучше, однако возле него теперь постоянно находился охранник, выходивший из палаты лишь на время визита жены.

— Что бы это значило? — спросила крупнотелая, большегрудая, с пышными льняными волосами Валентина.

— Обычная мера предосторожности, — успокоил ее Ираклий, хотя сам подумал, что подполковник Калитин не зря поставил возле Болдырева круглосуточный пост, понял, наверное, что угроза жизни майора существует.

Вернувшись к машине, Ираклий отослал Женю Никитина в офис, чтобы тот сменил дежурных, а сам пешком направился на улицу Кошкина, где начал работу «салон бронемоды» — магазин по продаже бронежилетов и устройств безопасности. Никитин, отвечающий за жизнь начальника Боевого братства, заупрямился было, высказывая сомнения в целесообразности хождения шефа по Бийску без охраны, но Федотов успокоил его, сказав, что не задержится и будет в офисе к десяти часам, и Женя уехал.

В магазине Ираклий действительно пробыл недолго. Поговорил с заведующим Степаном Шкирко, бывшим афганцем, потерявшим левую ногу, примерил новые бронежилеты, партия которых только что прибыла из Барнаула, и не спеша направился к цирку, в полуподвале которого ютилось пока Боевое братство, владеющее двумя компьютерами, факсом, ксероксом и телевизором. Патрон Братства, президент «Горного банка», обещал оборудовать офис по последнему слову техники, однако для этого следовало дождаться сдачи в эксплуатацию бизнес-центра на Старообрядческой улице, где для Братства готовилось отдельное помещение.

Ровно в десять Ираклий вошел во двор цирка через служебные ворота и сразу почувствовал легкое шевеление волос на макушке. Это был сигнал опасности, подаваемый внутренним «сторожем» организма, а к его голосу Федотов привык относиться с доверием.

Во дворе, обычно пустом в утреннее время, стояли две машины: «УАЗ» Братства и вишневого цвета, заляпанный грязью чуть ли не до крыши, «Додж-Караван» с зеркальными

стеклами. В него как раз садились двое мужчин в длинных темно-коричневых плащах свободного кроя, под которыми легко можно было спрятать любое оружие.

«Додж» тут же рванул с места, лихо выкатил за ворота, чуть не сбив Ираклия. Тому показалось, что в салоне сидят четверо, и он с тревогой проводил машину взглядом. Таких неординарных тачек он в Бийске еще не видел. Чувствуя, как тревожно сжимается сердце, он бегом пересек двор, сбежал по лестнице в подвал, окликая Никитина, толкнул незапертую дверь и за порогом сразу увидел чье-то тело в старенькой камуфляжной форме.

Присел, прислушиваясь к тишине помещения, дотронулся до руки лежащего — это был Витя Загорянский, охранник Братства, — и увидел струйку крови, вытекшую из-под плеча парня. Витю застрелили в упор, пуля вошла ему точно в сердце, а бронежилета на нем, конечно, не было.

Вынув из его кобуры на ремне пистолет, Ираклий тенью метнулся дальше и увидел в коридорчике за второй дверью второго охранника, Лешу Желязного. Ему пуля попала в лоб.

Еще один труп — своего телохранителя Ираклий обнаружил в приемной: Женя сидел за столом секретарши, откинувшись на спинку кресла с остановившимся взглядом. Под его обвисшей рукой лежал пистолет. Он, вероятно, успел почувствовать, что происходит что-то неладное, но сделать ничего не смог, две пули вошли ему в грудь, а третья пробила шею.

Секретаршу Таню, девчушку двадцати лет с коротенькой прической «гаврош», Ираклий нашел в своем кабинете. Убийцы не стали тратить на нее пулю, просто сломали ей шею, и она лежала на ковре с задравшейся юбочкой, трогательно маленькая и беззащитная, с наивным удивлением в широко раскрытых глазах.

Стиснув зубы, Ираклий постоял над ней несколько секунд и метнулся к выходу. Через минуту он уже мчался по городу на «УАЗе», руководствуясь не зрелым размышлением, а инстинктом. Он был уверен, что выехавший со двора «Додж» принадлежит ликвидаторам ЛООС, и надеялся найти убийц до того, как они покинут Бийск.

Интуиция вывела его точно к месту остановки группы киллеров: вишневый «Додж» спокойно стоял на окраине Бийска возле кафе «Корифей». Ликвидаторы ЛООС даже не пытались скрыться, залечь в укромном месте, уверенные в том, что никто их искать не станет.

Первым порывом Ираклия было подойти к «Доджу» и с ходу устроить разборку: эффект внезапности и неожиданнос-

ти был на его стороне. Однако вокруг были ни о чем не подозревающие люди, и начни киллеры стрелять — а в том, что они применят оружие, сомнений не было, — появятся жертвы. Этого допустить Ираклий не хотел и принял другое решение. Поставив «УАЗ» подальше от кафе, нашел работающий телефон-автомат и позвонил на работу Корнееву. Сергей ответил тотчас же:

— У телефона.

— Серега, слушай и не перебивай. Появилась очередная банда ЛООС...

— Вот сволочи настырные! — вырвалось у Корнеева. — Урок не пошел им впрок. Извини, что перебил.

— Они убили четверых моих работников, когда меня не было в Братстве. Я у них на хвосте.

— Беру группу и еду...

— Не торопись! Приезжай один. Это наше дело! Справимся вдвоем, их всего пятеро вместе с водителем, хотя не исключено, что где-то прячутся еще и наблюдатели-разведчики. Кафе «Корифей» знаешь где? Жду.

Ираклий повесил трубку, не дожидаясь ответа майора, и зашел в продуктовый магазин, откуда было удобно наблюдать за входом в кафе.

Корнеев появился через полчаса на серенькой «Ниве» с затемненными стеклами, остановился за полсотни метров от стоянки машин возле кафе и открыл дверцу. Ираклий шмыгнул к нему в кабину, и они пожали друг другу руки.

— Где они?

— В кафе, хотя я туда не заглядывал. Завтракают, наверное, после «работы», ублюдки. Вон их машина.

— Вижу. Как это произошло?

Ираклий коротко рассказал о своих утренних делах и о том, как он столкнулся с убийцами во дворе цирка.

— Если бы я поехал сразу в Братство, возможно, мы бы с тобой уже не разговаривали.

— Они тебя узнали?

— Думаю, да, я видел их лица, когда «Додж» выезжал со двора. Но даже если они меня не узнали, то все равно будут продолжать поиски, не найдя меня на работе.

— План есть?

— Пока нет, — признался Ираклий. — Есть сильное желание войти в кафе и перегрызть всем четверым глотки! Но с другой стороны, все они зомби, подневольные люди, кроме разве что руководителя группы, и мне их жаль.

— А мне нет. Знаешь же закон: или они нас, или мы их. Так

как плана у нас нет, то придется сидеть и ждать, пока они не поедут куда-нибудь, проследить маршрут и... согласен?

— Ничего другого не остается. Ты вооружен?

Корнеев показал под курткой рукоять пистолета, достал из бардачка еще один — модернизированный «макаров» с увеличенным магазином на двенадцать патронов и глушителем.

— Есть еще звезды и стрелки, два ножа, а в багажнике припрятан автомат.

— Давай комплект звезд.

Рассовав оружие по карманам, Ираклий окончательно пришел в себя от шока, вызванного убийством ни в чем не повинных людей — особенно было жаль Танечку, — и стал наблюдать за входом в кафе и «Доджем», в котором скучал один водитель. Терпения бывшему полковнику военной контрразведки было не занимать.

Пассажиры «Доджа» появились через час, одетые, как опереточные гангстеры, в длинные темно-коричневые плащи. Трое из них были молоды, четвертый постарше, и по его жестам и виду Ираклий сделал вывод, что это вожак группы.

— Не упусти, это они.

— Не учи ученого, — огрызнулся Сергей, трогая «Ниву» вслед за «Доджем».

К их удивлению, киллеры поехали не в город, а в сторону от него, по дороге на Горноалтайск, словно собирались больше не возвращаться.

— Может быть, они посчитали работу выполненной? — с недоумением предположил Корнеев.

— Вряд ли, у них должен быть мой, да и твой тоже, фотопортрет. Скорее всего они едут на какую-то базу, не желая оставаться в городе после акции. Чего гадать? Узнаем.

Вишневый «Додж» увеличил скорость, ушел в отрыв. Машин на довольно прямом шоссе, проложенном через тайгу, было мало, и Корнеев отпустил его на полкилометра, стараясь держаться за обгоняющими их иномарками. Через двадцать километров «Додж» исчез.

— Свернул! — сказал сквозь зубы Ираклий. — Езжай помедленней, никуда они не денутся.

— Ты окрестности хорошо знаешь? Куда они могут направляться?

— Здесь недалеко есть бывший пионерлагерь и воинская часть. Больше им ехать некуда.

— Что за часть?

— Танковая. Вот, налево поворот.

— Вижу. — Корнеев притормозил, но сворачивать влево на

разбитую танковыми траками дорогу не стал: в сотне метров стояла танковая колонна. «Додж» туда проехать явно не мог.

Через сто метров свернули направо и, попетляв по узкой старой бетонке, остановились за длинной грядой, в соснячке.

Оба прекрасно ориентировались на местности и умели скрытно передвигаться, преодолевая встречающиеся на пути препятствия. И Федотову, и Корнееву приходилось участвовать в продолжительных, по пятьдесят-восемьдесят километров, маршах с изменением ритма движения, поэтому обоим не составило труда бесшумно пройти вдоль дороги к территории пионерлагеря и удостовериться в том, что машина киллеров свернула именно сюда.

Вишневый «Додж-Караван» стоял возле одноэтажного кирпичного здания с оштукатуренными когда-то, но почти полностью облупившимися стенами, очевидно, бывшего главного корпуса лагеря. Там же стояла еще одна машина, серая «Волга» с разбитой левой фарой. Ни одного человека возле машин и здания не было видно, однако из этого не следовало, что территория лагеря не охраняется.

— Что будем делать? — спросил Корнеев.

— Ждать темноты, — ответил Ираклий.

— А если они скоро двинутся обратно?

— Поедем за ними.

— Тогда, может быть... — Сергей не договорил, из двери здания показался человек в кожаной куртке, подошел к «Волге» и сел за руль.

— Идея! — мгновенно сориентировался Ираклий. — Мы успеем его перехватить, пока он будет выезжать.

Они нырнули в лес и, пробежав с полкилометра, выскочили на дорогу, там, где она делала крутой поворот. Нашли упавшее дерево, сосну, положили поперек дороги, затем спрятались: один в десятке шагов от дерева, второй поближе к повороту. Вскоре послышался шум мотора, показалась «Волга» и тут же стала замедлять ход. Не доехав двух десятков метров до препятствия, она остановилась. Водитель, не выключая двигателя, осмотрел лес по обеим сторонам бетонки, поднес к глазам бинокль, разглядывая сосну на дороге, и вдруг начал разворачиваться; чутье на опасность у него было отменное. В ту же секунду Ираклий выскочил из засады и прострелил переднее колесо «Волги», а подбежавший с другой стороны Корнеев направил на водителя пистолет.

— Выходи, — повел стволом «макарова» Ираклий.

Водитель, уже немолодой, лет под пятьдесят, темнолицый и узкоглазый, похожий на киргиза, оценивающе глянул на

одного, на другого — судя по всему, он был профессионалом и ничего не боялся — и вылез из кабины.

— В лес!

«Киргиз» направился в лес, сцепив руки на затылке. Ираклий отвел его на полсотни метров от дороги, усадил на землю и дождался Корнеева, который убрал дерево и загнал «Волгу» в лес, подальше от дороги.

— Обыщи его.

Сергей ощупал одежду водителя, достал из плечевой кобуры пистолет — «беретту» с насадкой бесшумного боя, нож с подпружиненным лезвием, зажигалку, документы. Раскрыл коричневую книжечку с тисненым золотым двуглавым орлом и прочитал:

— «Нема Насунович Дорджиев, вахмистр ЛООС, Российский легион». Ты был прав, Кириллыч, это ликвидаторы. Ничему-то их жизнь не учит. Кто по национальности будешь, вахмистр?

— Калмык, — разлепил губы водитель «Волги».

— И куда же ты собрался, один?

— Погоди, — остановил Сергея Ираклий, подошел к пленнику ближе. — Ты из группы разведки?

Мужчина глянул на него снизу вверх, но не ответил.

— Впрочем, это не имеет значения, — продолжал Ираклий. — Сколько вас приехало?

Снова молчание в ответ.

Федотов присел перед Дорджиевым на корточки и сказал с расстановкой, равнодушно глядя в его расширяющиеся зрачки:

— Мы профессионалы, вахмистр, и умеем развязывать языки. Мы не будем долго и терпеливо тебя допрашивать, но когда начнем отрезать яйца — ты скажешь все сам. Кивни, если понял.

Кадык пленника судорожно дернулся, он кивнул.

— Вот и договорились. Я не буду спрашивать, зачем вы прибыли на Алтай, это и так понятно. Ответь лишь на два-три конкретных вопроса. Сколько вас здесь всего?

— Одинадцат, — с акцентом проговорил вахмистр Легиона.

— Сколько человек сейчас в лагере?

— Восэм.

— Где остальные?

— Три в города, осталной тут, в лагэр.

— Что они собираются делать?

— Ждат рэзултат разведка... потом выезжат...

— Куда направлялся ты?

— В города.

— Конкретно.

Пленник вдруг стал бледнеть, задыхаться, на лбу его выступила испарина.

— Я толко водит машина... ничего не знай...

— Кто остался в городе? Фамилии? Где их искать?

Калмык дико глянул на Ираклия, схватился руками за горло и упал на бок. Судорожно дернувшись несколько раз, он затих. Корнеев склонился над ним, оттянул веко и разогнулся.

— Амба! Это зомби, Кириллыч. Сработал самоликвидатор. До чего же это жуткая вещь — программирование людей! На, посмотри на эту ксиву. — Он протянул еще одни «корочки», малинового цвета, все с тем же золотым двуглавым орлом.

Ираклий развернул их и прочитал: «Подателю сего следует обеспечивать содействие всем органам исполнительной власти и силовых структур, включая МВД и Федеральную службу безопасности».

Под документом стояла подпись секретаря Совета безопасности России Бориса Клюева и печать.

— Карт-бланш, — сказал ошеломленный Ираклий. — Лихо работают!

— Возьмем с собой, пригодится. Что теперь?

— Они должны как-то общаться между собой. Ты машину не обыскивал?

— Не догадался, — виновато опустил голову Корнеев. — Я сейчас...

— Пошли вместе.

Они вернулись к «Волге» ликвидаторов и, обшарив ее, обнаружили кучу спецтехники для ведения скрытого наблюдения и разведки, в том числе микрофоны направленного действия, использующие электромагнитные воронки, средства электронной разведки типа «малый СЭР» и отечественную микрорацию «суслик», представлявшую собой когтистую «кошачью лапу», которую можно было прицепить куда угодно, имеющую игольчатый микрофончик, втыкающийся в воротник пиджака или рубашки, и микродинамик, крепящийся в волосах за ухом.

— Да, хорошо живут на государственном коште господа киллеры, — со вздохом признался Корнеев. — Даже у нас не было такой спецухи.

— Твой церковный спецназ тоже не имеет такой аппаратуры?

— Это же спецуха «наружки», охране она ни к чему, но, если понадобится, мы, конечно, ее раздобудем. Возвращаемся?

— Забирай все это, положи в машину и отправляйся обратно к лагерю.

— А ты?

— Я буду через полчаса, проанализирую одну идею.

Корнеев отнес экспроприированную спецаппаратуру в «Ниву» и вернулся в лагерь, где все так же стоял вишневый «Додж».

Ираклий появился через сорок пять минут.

— Все тихо?

— Никого не видать, ни души. Отдыхают ребята от трудов праведных. Как ты думаешь, поедут они обедать или нет?

— Не знаю.

— Может быть, подберемся тихонько и возьмем их на внезапности? Всего-то восемь человек...

— Они наверняка выставили пост, калачи тертые. Подождем, не психуй.

Ждать пришлось долго, до вечера.

В начале седьмого к главному корпусу лагеря подкатила еще одна машина, тоже «Волга», но черная, из которой вылезли два человека. Навстречу им вышел мужчина в плаще, они поговорили и вошли в здание.

— Ну-ка, неси сюда СЭР, — попросил Ираклий. — Попробуем послушать, о чем они беседуют.

— СЭР сквозь стены не возьмет.

— Видишь, окно слева от входа засветилось? Там они.

Корнеев исчез и вскоре принес чемоданчик малого СЭРа, в котором умещались лазерный сканер, фотоэлектронный преобразователь и компьютер с экранчиком синтезатора изображения. Ираклий навел спаренную трубу сканера-преобразователя на окно здания, включил прибор и надел наушники. Несколько секунд ушло на настройку, потом он поднял руку, призывая Сергея не двигаться, и застыл сам. Через пару минут снял наушники, сунул их Корнееву:

— Послушай.

Тот занял его место, приник к окуляру прибора, полежал немного и повернул голову к Ираклию.

— Они ждут какого-то Арнольда...

— Наверное, это их наблюдатель в городе. В девять они собираются выезжать в город. Вычислили, сволочи, мои координаты. У нас в запасе всего два часа.

— Что ты хочешь сказать?

— Подберись к ним поближе и держи под прицелом машины, я буду через полчаса. Услышишь гул — не пугайся.

— Что ты надумал?

— Рядом танковый полк.

— Ну и что? Неужели ты собрался угнать танк?!

— Ты как никогда догадлив, майор. Жди. — Ираклий бесшумно нырнул в кусты жимолости за спиной.

Корнеев несколько секунд смотрел ему вслед вытаращенными глазами, мотнул головой, сплюнул и пробормотал в сердцах:

— Определенно у кого-то из нас поехала крыша...

В семь стемнело и похолодало, что заставило Сергея заняться зарядкой для согрева. Окно в здании лагеря засияло ярче, рядом засветилось еще одно. Однако обычного для мужской компании трепа, шуток и смеха Корнеев не услышал. Ликвидаторы ЛООС обменивались лишь редкими короткими репликами, предпочитая в основном молчать. По сути дела, это были несчастные люди, волею судьбы исполняющие приказы вышестоящего начальства, их даже можно было бы пожалеть, если бы многие из них, если не большинство, не находили в убийствах способ самоутверждения и получения своеобразного кайфа.

Сергей начал уже беспокоиться, прождав бывшего командира больше часа, когда услышал наконец приближающийся рев мотора и лязг гусениц. Мелькнули фары идущего на полной скорости танка, потом показался и он сам — мощный «Т-84» с приплюснутой башней и стодвадцатимиллиметровой пушкой. Выскочив на большой скорости на небольшой холмик перед въездом на территорию лагеря, он остановился, фары погасли. Задвигалась пушка, видимая на фоне заката, нащупывая здание брошенного пионерлагеря.

— Ё-моё! — выдохнул Корнеев, приникая к окуляру оптического преобразователя.

В стане ликвидаторов поднялся легкий переполох, они еще не поняли, что происходит. Из здания на площадку перед машинами выбежали двое людей, всматриваясь в ночной лес и дорогу. Вспыхнули фонари. Но большего сделать киллеры не успели: Ираклий выстрелил.

От танка до главного корпуса лагеря было всего метров сто пятьдесят, и промазать было невозможно. Снаряд прошил «Додж» и взорвался перед зданием, уничтожив машины и всех, кто успел выбежать наружу. Второй снаряд взорвался внутри здания, разметав его на куски, третий довершил разрушение лагеря. Никого живого на его территории, конечно же, остаться не могло.

— Чего ждешь? — возник рядом с Корнеевым Ираклий. — Ходу!

Сергей опомнился, собрал чемоданчик СЭРа и побежал за

полковником сломя голову, ощущая в душе желание перекреститься. Через несколько минут они уже мчались на «Ниве» прочь от этого места, не испытывая особого удовлетворения от содеянного. Оба понимали, что уничтожение очередной группы ликвидаторов Легиона кардинально проблемы не решает.

— Как тебе удалось увести танк? — полюбопытствовал Корнеев уже перед въездом в Бийск.

— Колонну помнишь? Так и стоят танки в лесу перед воротами, даже люки открыты.

— Без часового?

— А часовой греется в дежурке.

— Разгильдяи!

Ираклий промолчал, сворачивая на проспект Ленина, где располагалось кафе «Корифей», и остановил «Ниву» возле своего «УАЗа».

— Будь. Если понадобишься, позвоню.

— Поехали ко мне.

— Нет, переночую дома.

— Там тебя может ждать наблюдатель.

— Пусть ждет, один он не сунется.

— В Братство тоже не показывайся, там наверняка торчит милиция.

— Я туда и не собираюсь.

— А как ты оправдаешься, что отсутствовал весь день, в то время как тут на Братство кто-то напал?

— Скажу, что ездил осматривать лесничество.

Сергей подал руку Ираклию, перелез на место водителя, «Нива» уехала. Тогда Ираклий тоже сел в свой неказистый «уазик» и направил его в другую сторону, на окраину Бийска, где он снимал квартиру у знакомого.

Идти домой не хотелось. Интуиция подсказывала, что за домом ведется наблюдение. Однако Ираклий принял наблюдателя за представителя команды ЛООС, которую он только что отправил на тот свет почти в полном составе, и на внутренний голос отреагировал так, словно разговаривал с этим наблюдателем по телефону: шел бы отсюда подальше, парниша, если хочешь жить... Но он ошибся, это был не ликвидатор.

Пройдясь по комнатам пустой квартиры, он включил в гостиной свет, начал было раздеваться, собираясь принять ванну, и в это время в дверь позвонили.

Ираклий замер, полустянув с себя рубашку, надел ее снова и, вытащив из куртки, порядком измазанной в грязи, пистолет, бесшумно подобрался к двери, прислушиваясь больше к

себе, чем к тишине на лестничной площадке. И понял, что влип. За дверью явно находились несколько человек.

Звонок и вслед за ним голос:

— Ираклий Кириллович, откройте, это Калитин.

Ираклий выругался про себя, подумал, сунул пистолет под ремень за спиной, откинул засов, щелкнул замком. Дверь распахнулась, и в прихожую ворвались трое крепких молодых людей с оружием в руках. Один направил пистолет на хозяина, двое других проскользнули в гостиную и на кухню. Из-за спины парня, державшего на прицеле Федотова, вышел заместитель начальника Алтайского отделения ФСБ подполковник Калитин. У него был вид человека, терзаемого зубной болью.

— Вы заставили себя ждать, полковник.

— А в чем дело? — спокойно осведомился Ираклий. — Меня в чем-нибудь обвиняют или ваш визит следует считать дружественным жестом?

— Никого, — появился из гостиной один из парней.

Калитин кивнул.

— Обыщите его.

Ираклия умело обыскали, нашли пистолет, защелкнули на руках за спиной наручники.

— Господин Федотов, — скучным голосом сказал Калитин, — вы обвиняетесь в убийстве майора Болдырева и...

— Что?! — перебил его Ираклий. — Миша... убит?!

— ...и сотрудников Боевого братства в количестве четырех человек, — закончил Калитин. — Ведите его к машине.

— Погодите! — уперся ногами в пол Ираклий. — Давайте поговорим, подполковник. Я ни в чем...

Его ударили в спину между лопаток, и острая боль заставила Ираклия действовать. Он вывернулся из рук державших его гэбистов, ногой достал того, кто стоял сзади, и двумя ударами уложил остальных, чувствуя непривычную, туманившую голову ярость. Если бы не наручники, он бы справился с командой Калитина легко, несмотря на ее вооружение и численный перевес, но в квартиру вбежали еще двое парней, и дело приняло нежелательный оборот. Не помогло ни сверхскоростное маневрирование, ни мастерство рукопашного боя, отточенное четвертьвековым тренингом лунг-гом.

Троих помощников Калитина Ираклию удалось обездвижить надежно, но двое остальных, тоже хороших бойцов, повалили его на пол и взяли шею в болевой захват. Сознание Ираклия стало меркнуть, силы убывали, и в тот момент, когда он готов был потерять сознание окончательно, что-то произошло.

Руки, сомкнувшиеся у него на горле, разжались, хватка за

локти ослабла. Перестал маячить перед носом и пистолет Калитина.

Ираклий, с трудом сделав вдох, поднялся с пола, ничего не понимая. Его противники выглядели сейчас чистыми истуканами, безвольными куклами, они смотрели куда-то в пространство и не двигались. Так же выглядел и подполковник Калитин, уронив руки и глядя перед собой остановившимся взглядом.

— Долго будете так стоять? — раздался сзади женский голос.

Пошатнувшись, Ираклий оглянулся. На него смотрела черноволосая, очень красивая женщина, как две капли воды похожая на незнакомку из сна, назвавшуюся птицей Сирин.

— Кто... вы?!

— Меня зовут Мария, я Ходок, принесла весть от вашего друга Егора Крутова. Но давайте поспешим отсюда, Ираклий Кириллович, эти мужчины скоро очнутся. Вы в состоянии идти?

— Как вы здесь оказались?

— Случайно шла мимо, — рассердилась гостья. — Разговаривать будем потом. Вам есть где укрыться на какое-то время?

Ираклий вспомнил родственника в деревне Малый Пролом под Бийском, кивнул.

— За городом, в деревне...

— Поехали.

Мария помогла полковнику снять наручники, подтолкнула его к выходу, и Федотов, деревянно переставляя ноги, двинулся за ней. Однако очнулся вдруг, чувствуя возвращавшуюся злость, и вернулся в квартиру, чтобы забрать кое-какие вещи и оружие. Спустившись во двор, где стояли две машины Калитина с водителями, сладко спавшими за рулем, он был уже почти в форме. Мария ждала его возле «УАЗа».

В половине одиннадцатого они выехали за город, а еще через полчаса остановились перед избой Алексея, двоюродного брата Ираклия, в деревне Малый Пролом.

* * *

Впервые за свои сорок с лишним лет Ираклий чувствовал себя мальчишкой, как в детстве, горя желанием произвести впечатление, казаться умным, сильным и значительным. С трудом подавляя в себе это, он вслушивался в речь незнакомки, чудесным образом вызволившей его из рук особистов Калитина, а в голове нет-нет да и сверкала тихая молния мысли-ощущения: это она!.. это она, судьба!..

Впрочем, держался он нормально, естественно, так сказать,

в рамках приличия, сразу отбросив ернический тон и попытки понравиться, а также стараясь не выглядеть полным дураком. Однако информацию он все-таки получил от Марии столь неординарную, что скрыть удивления не мог.

Двоюродный брат Ираклия, живший под старость одиноким, принял их хорошо и предоставил избу в полное распоряжение гостей.

— Пойду к Ваньке ночевать, — сказал он, простецки посматривая на Марию, — у него родня съехала надысь, один покедова бедствует. А вы живите тут, скоко надоть, я буду днем приходить за скотиной ухаживать.

— Не тревожься, Алексей, — засмеялся Ираклий, — мы у тебя не задержимся, завтра же уедем.

— Смотрите, как вам лучше. — Брат укутался в ватник по причине ночного похолодания, нахлобучил шапку и ушел.

Гости остались одни.

Ираклий вымылся в баньке, еще теплой с воскресенья, поставил самовар, и они принялись чаевничать, с интересом присматриваясь друг к другу, пытаясь оценить отношение каждого к событиям вокруг и к общим знакомым. Аура необыкновенности окутывала посланницу Крутова, гибкую, обаятельную, исключительно сексуальную, з о в у щ у ю, умную и красивую. Ее хотелось слушать, ей хотелось подчиняться, и Ираклий все время себя сдерживал, чувствуя дурман ее женской притягательности, пока не понял, что она испытывает его, владея самыми настоящими колдовскими чарами. И как только он это осознал, стало легче, Мария перестала оказывать психологическое давление, как бы признав его силу, хотя изредка ее жест, летающие руки — изумительное совпадение сна и яви! — действовали на него как удар по сердцу и заставляли вибрировать струны души, возбуждая воображение и плоть. Он даже вспомнил чье-то стихотворение, созвучное ситуации:

Блаженна плоть, что восхотел,
и страсти неуемно жженье,
но ведаю, что душ сближенье
блаженней, чем сближенье тел.
А ты краснеешь, как коралл,
и шепчешь, будто вопрошая:
«Одно другому не мешает...»
Мешает, черт бы их побрал!..[1]

Неизвестно, ощущала ли Мария его состояние, скорее всего да, потому что Ираклий особенно-то и не старался скрыть

[1] Вадим Егоров.

свои чувства, но ни разу не ответила на его взгляды пренебрежительной гримасой, отталкивая. Что-то притягивало обоих друг к другу, и это «что-то» было сильней сознательных оценок и обыденных реалий.

Сначала они поговорили о Крутове и его проблемах.

Выяснилось, что ЛООС добрался и до него, и теперь Егор собирался выехать в Москву, чтобы раз и навсегда покончить с ликвидаторами Легиона, для чего собирал команду.

После этого Мария посвятила Ираклия в Замысел Предиктора, насколько могла, конечно, и полковник с удивлением узнал о существовании в России внутреннего соборного «разума», или эгрегора, руководимого структурой под названием Предиктор, стремящейся сохранить русский этнос. Именно Предиктор и был носителем русской национальной идеи, без которой у России-Руси не было будущего.

— Но не скатимся ли мы к нацизму, проповедуя эту идею? — не выдержал Ираклий. — Ведь уже существуют организации типа Русского национального единства, Черной сотни, откровенных фашистов, эксплуатирующих ту же идею. Это что — и есть путь Предиктора?

— Вы сами понимаете, что это не так, — возразила Мария. — Во все времена возникали крайне правые организации нацистского толка, Россия не исключение. Но и поиск национальной идеи тоже не является уникальным российским явлением. Этот путь в условиях нынешних потрясений и ломки отношений прошли почти все страны мира. Мы и тут запоздали. Речь идет не о субъективном выборе, а о велении времени, о необходимости ответа на вызов, продиктованный разломом российского общества, который, в свою очередь, инициирован адаптацией сверхсистемы под названием Сатана, с его выходом в мир, о чем мы еще поговорим отдельно. Ведь что такое национальная идея? Кстати, как вы ее себе представляете?

Ираклий улыбнулся.

— Я не социолог, готовых ответов на подобные вопросы у меня нет. А кто вы по профессии, если не секрет?

— Закончила Дальневосточный университет, исторический факультет, но сейчас — писатель.

— Я мог читать ваши книги?

— Если только интересуетесь фантастикой и историей.

— В детстве интересовался, хотя и сейчас, случается, почитываю. Итак, что такое национальная идея?

— Это всего лишь выражение высших, общих интересов нации или этноса, ее нельзя сочинить, сконструировать в кабинетах ученых или писателей, а потом издать в виде указа

президента. Она живет в глубинах народного духа, и только народ является ее носителем. Что же касается опасений по поводу пропаганды нацизма, то речь идет об идее как понятии в первую очередь духовном, мировоззренческом, а не чисто этническом. Русская идея, как она сформулирована у Пушкина, Достоевского, Соловьева, Федорова, никогда не противопоставляла русских другим народам России, а, наоборот, подчеркивала их объединительную миссию. Значимость русской идеи заключается в извечной мечте россиян о справедливом обществе, о братском единстве всех народов, населяющих страну, в традиционном миролюбии русских, живущих концепцией единения. Другое дело, что эту идею исказили...

— Кто? — остро посмотрел на собеседницу Ираклий.

Мария заглянула в его глаза, слегка улыбнулась.

— Те, кто борется с богом... и народом-богоносцем, провозгласившим устами лучших своих сынов приоритет духовных ценностей над материальными.

— Вы говорите, как философ, как лектор перед неграмотной аудиторией.

— Вы считаете себя грамотным?

Ираклий озадаченно почесал горбинку носа.

— В общем-то, в какой-то степени... но такое слышу впервые, тем более от...

— Женщины?

— Красивой женщины, добавьте, ибо до сих пор я был убежден, что ум и красота — несочетаемые понятия.

— Спасибо, Ираклий Кириллович. — В глазах Марии на миг зажегся насмешливый огонек. — Вы мне льстите.

— Нисколько. Хотя чувствуется, что вы знаете больше, чем говорите. Или я просто не должен знать больше?

— Не должен — не то слово, вы просто не готовы к восприятию массива эзотерической информации, несмотря на весь ваш богатый жизненный опыт. Не спешите, путь предстоит долгий и трудный.

— Как вас по батюшке?

— Зовите просто Марией.

— Машей можно?

— Машей меня называет лишь один человек...

— Крутов? — догадался Ираклий, слегка уязвленный известием.

Мария не ответила, допивая чай, закинула руки за голову, потянулась, так что под кофточкой рельефно обозначилась высокая грудь.

— Будем отдыхать, Ираклий Кириллович? Какие у вас планы?

Ираклий с трудом отвел взгляд от ее груди.

— Вы же сами говорите, что нас сзывает Крутов. Полечу в Москву... если не перекроют все аэропорты Алтая.

— Перекроют, но нам это не помеха. Хотя лучше, конечно, выехать за пределы края и улететь в столицу из другой области.

— Дороги тоже перекроют.

— Это я беру на себя, вы уже могли убедиться в моих возможностях. Итак?

— Завтра прокачусь в Бийск, предупрежу приятеля...

— Майора Корнеева? Я сама съезжу, вам там лучше не показываться. Напишете записку.

— Слушаю и повинуюсь! — поклонился Ираклий, сложив ладони перед грудью. — Тогда давайте укладываться спать. Только придется спать в одной комнате, спален в хате нет, как видите. Ляжете на кровати, а я постелю себе на полу, у порога, буду охранять ваш покой. — Он заколебался, решая, спрашивать то, что давно вертится на языке, или нет, и Мария помогла ему:

— Не стесняйтесь, полковник, если что непонятно.

— Только один вопрос: какой смысл вы вкладываете в слово «Сатана»? Я слышу его не впервые, причем в разных словосочетаниях типа «печать Сатаны», и меня это волнует.

— От кого вы узнали о «печати»?

— От Корнеева, а он — от своих новых коллег, на которых согласился работать.

— На кого, если не секрет?

— На церковь. Его пригласили возглавить особую службу охраны высших духовных лиц и церковных сооружений. Он называет эту службу «церковным спецназом».

Мария задумчиво прошлась по горнице, скрипя половицами, как бы прислушиваясь к этому поющему звуку, потом прошлась еще раз, и Ираклий невольно восхитился: половицы под ногами женщины перестали скрипеть!

— Да, церковь готовится. А Сатана— это разумная суперсистема, абсолютно лишенная какой-либо морали, синоним мирового Зла, и эта система в настоящий момент адаптируется к новой для нее среде.

— Какой?

— Информационные системы.

— Компьютеры?

— Все информационные системы, в том числе телевидение, радио, связь, компьютерные сети. Вот почему хакеры —

компьютерные взломщики — стали для Сатаны злейшими врагами.

Ираклий вспомнил о гибели Болдырева, помрачнел.

— Кто-то убил Мишу, мужа моей двоюродной сестры... капитана ФАПСИ, занимающегося компьютерной разведкой, то есть, по сути, хакера на госслужбе.

— За ними сейчас началась охота по всему миру, наша страна не исключение, но именно Россия становится для Сатаны пространством целей управления. Справься он с нами — мир погибнет весь! Именно по России и будет нанесен основной удар воинства Сатаны.

— Может быть, кто-нибудь нам поможет?

— Кто, дорогой полковник? Запад? Восток? Восток занят собой, а Запад скорее всячески будет тормозить наше национальное возрождение, которое наверняка ослабит его влияние на весь мир. Нет, лишь мы сами способны постоять за себя, и никто из нас не имеет права быть в стороне.

— Я не думал над такими глобальными проблемами, — пробормотал Ираклий. — Но нет ли здесь противоречия? Почему Сатана адаптируется, как вы говорите, к информсистемам, а не внедряется напрямую в конкретного человека или во всех людей сразу?

— А вот это очень хороший вопрос, — удивленно-обрадованно посмотрела на Федотова Мария. — Прямо настроение поднялось. Дело в том, что создания Бога — природа, космос, материя, планеты, живые существа, в том числе люди, — закрыты для Сатаны. Существует как бы очень высокий потенциальный барьер Божественной Воли, который Сатана не в силах преодолеть — за редким исключением. А вот формы в т о р и ч н о г о воплощения, созданные людьми в результате творческого процесса уровнем ниже, — техника вообще и компьютеры в частности, имеют высокий, но преодолимый барьер. После того, как он будет взят, Сатана примется и за людей. Так что за вашими врагами из ЛООС — прямым его воинством — стоит гораздо более серьезная Программа, чем вы можете представить.

— А вы?

Мария перестала порхать по половикам, устилавшим полы в избе Алексея, села на кровать с улыбкой во взгляде.

— Я всего лишь женщина на посылках, Ираклий Кириллович. — Взгляд ее вспыхнул, и Ираклия шатнуло. — Мне не дано видеть будущее. Планы Сатаны мне недоступны. Гасите свет, будем ложиться.

Ираклий ткнул пальцем в выключатель, вышел в сени, по-

стоял за дверью, представляя, как она снимает с себя брюки и кофту, вышел во двор. Невольно поднял голову к небу, чтобы поймать луч звезды, прорвавшийся сквозь ночные облака, и снова в голове раздался испуганно-восторженный голос второго «я»: это все-таки о н а!..

МОСКВА

ДЖЕХАНГИР

Мстислав Калинович хорошо чувствовал грядущие неприятности, но все же для точной оценки опасности, угрожающей лично ему, всегда использовал способности Тимергалина, в последнее время занявшего пост начальника нейролингвистической лаборатории в Московском центре нетрадиционной медицины. На этот раз Умар Гасанович отказался встречаться, сославшись на занятость, и Джехангиру пришлось заниматься своими проблемами самому. Размышляя над причиной отказа, при том, что они не встречались уже больше месяца, Мстислав Калинович поехал в Измайлово на базу ЛООС, чтобы лично разобраться в причинах последних неудач ликвидаторов, упустивших важных свидетелей в Тверской и Нижегородской губерниях и в Алтайском крае.

К вечеру он уже мог сделать кое-какие выводы, хотя с досадой признался самому себе, что с Тимергалиным ему было бы работать намного легче. Однако приходилось пользоваться тем, что было под рукой, то есть «глушаком» и «анакондой», после чего начальник охраны Джехангира Тарпищев лично расстрелял начальника экспертной группы Панасенко и шеф-инструктора ЛООС Дроздовского, после допроса в принципе уже переставших быть людьми. Командира группы наблюдения и разведки майора Кейюса Мстислав Калинович тоже допросил, хотя и без применения сильнодействующих средств, но расстреливать не стал, просто перевел рядовым исполнителем — вахмистром в отряд «тающих».

Получил выговор и шеф-полковник Лысцов, командир ЛООС, скрывший от генерала Легиона кое-какие подробности неудавшихся операций в Осташкове и Ветлуге.

— Укомплектуйте спецгруппу лучшими исполнителями, — сказал ему Джехангир, когда они остались в кабинете начальника базы одни. — Я дам двух своих людей. Если и это не поможет...

— Я лично возглавлю операцию, — сказал тридцатисемилетний Лысцов, бывший чемпион Европы по контактному

карате. — Но все же еще раз прошу разрешить использование пси-генераторов «удав» и «пламя». Под мою ответственность. Намного упростили бы задачу.

— «Глушаков» мало, храни те три штуки, что мы тебе дали, как зеницу ока. Но не хотелось бы «светиться» раньше времени. Случись прокол, попади «глушак» в чужие руки, и журналисты раструбят о применении психотронного оружия по всему миру.

— Один раз «глушаки» уже всплывали в недрах ФСБ, и ничего не произошло.

— Твоей заслуги в этом нет, полковник, сработали наши старые связи. Бригаде ЛООС нечем похвастаться в данном деле. Даю тебе на подготовку группы два дня. Теперь о другом. Выяснили, кто выкрал Мананникова?

— Предположительно это сделали люди Клюева.

— «Психодав»?

— Версия прорабатывается, но вероятность этого очень велика. В последнее время «ПД» резко активизировал свою деятельность. Что им надо, товарищ генерал? Почему они затеяли войну именно с нами, с Легионом, а не с другими госструктурами, занимающимися теми же проблемами?

— Потому что мы всех опередили, и Клюев, как секретарь Совбеза, это знает. Пора принимать меры. А хотят они того же, что и мы, — власти. И наши объекты они потрошат не из-за пресловутых высоких целей «борьбы с разработчиками психотронного оружия», а чтобы завладеть этим оружием. Клюев знает об испытаниях «глушаков» и устроил за ними охоту.

— Мы можем его ликвидировать в любой момент.

Джехангир усмехнулся.

— Если бы вы могли это сделать, я уже отдал бы приказ. Где нашли Мананникова?

— В районе Крылатского. Диагноз: внезапная остановка сердца. Самоликвид, конечно.

— Знать бы, что он успел рассказать, прежде чем дать дуба. — Джехангир кивнул и вышел из кабинета начальника базы. Через час он встретился с председателем РВС в его огромном кабинете в здании Генеральной прокуратуры на Большой Дмитровке.

Человек-гора беседовал с кем-то по спецтелефону с кодирующим устройством, махнул рукой на стул. Мстислав Калинович подсел к столу, отмечая перемены в облике главы Реввоенсовета: тот стал носить официальный китель заместителя Генпрокурора, — и подождал, пока Валягин закончит разговор.

— Клюев наступает нам на пятки, Винсент Аркадьевич. Вы не находите, что пора ограничить его свободу?

— Клюева пока трудно укусить. Он знает о существовании РВС и копит компромат. К тому же он опирается не только на Совет безопасности, но и на армию, на финансовую империю Березинского и на новую Комиссию по координации.

— ККОРР? Не там ли, к слову, прячется прямое руководство нашего нового недруга «Психодава»?

— Выясняй, это твои заботы, генерал.

— Клюева можно подловить и зомбировать.

— Его надо купить, тогда он принесет больше пользы Проекту, а зомбированный, он уже через полгода скатится до уровня Жиринецкого в Думе. Хотя, возможно, если не найдем подходов, обсудим и этот вариант. Меня больше беспокоят другие проблемы. Из Нижнего Новгорода вернулся Гланц.

Джехангир насторожился.

— Зачем пресс-атташе американского посольства понадобилось посещать Нижний?

— Проверял какие-то свои «поля ответственности», как он выразился.

— Проверил?

— Да, ложная тревога, по его словам. Я понял так, что ему сообщили о появлении в Нижегородской губернии какой-то силы, способной помешать Проекту в будущем, и он поехал выяснить, что это за сила.

— Кажется, я догадываюсь. Он случайно не заезжал в Ветлугу?

Теперь уже выразил озабоченность Валягин.

— Заезжал. Как ты узнал?

— И он после этого сказал, что прошла ложная тревога? По-моему, он ошибся. Хотя, честно говоря, я не понимаю, почему его заинтересовал именно этот глухой уголок России.

— Может быть, объяснишь наконец, что ты имеешь в виду?

— В Ветлуге нашел пристанище мой бывший ученик...

— Полковник Крутов, который тебя едва не угробил на Объекте под Жуковкой.

Джехангир невольно дотронулся до шеи, где из-под воротника рубашки выглядывало глянцево-розовое пятно — место попадания метательной стрелки.

— Вот почему я и удивлен. Откуда Гланцу стало известно о Крутове? Это раз. И два: какую силу может представлять бывший полковник ФСБ? Но если руководитель американского Проекта л и ч н о поехал проверить сообщение... что-то здесь не то.

— Задействуй свои каналы, определи.

— Конечно, я попытаюсь найти следы, но и вы поговорите с Бессарабом. Если Крутов, или кто там за ним стоит, представляет угрозу Проекту, почему н а ш руководитель Проекта не предпринял никаких шагов по выяснению этой угрозы? Но одно могу сказать с уверенностью: Гланц недооценил Крутова, как в свое время его недооценил я.

— Почему же ты его до сих пор не убрал?

Джехангир нахмурился.

— Мы посылали две команды... ни одна не выполнила задачи. Третью группу я возглавлю сам.

— Хорошо. Надеюсь, столь опасные свидетели, как Крутов, не будут долго гулять на свободе. Теперь о других проблемах, более важных. По оценке экспертов, нашему движению начинает активно мешать некая система, назовем ее Сопротивлением. Кстати, название предложил Гланц, хотя и не сказал, откуда он узнал о деятельности системы.

— Почему вы считаете, что она вообще существует?

— Не я считаю — эксперты, генерал. А видно это по многим признакам. Участились провалы твоих ликвидаторов из ЛООС — раз. Появились наблюдатели за объектами Легиона и его базами — два. Церковь «ощетинилась», создала специальную службу безопасности — три. Четыре: в Украинском Центре биоэнерготехнологий создан прибор «Форпост», защищающий операторов компьютерных сетей и телезрителей от негативного влияния торсионной составляющей электромагнитных излучений, что, естественно, не позволит нам влиять на людей через компьютеры и телевидение напрямую. Пятое: появились и стремительно набирают силу организации типа Международный Орден чести и Боевое братство. По сути — это тоже ядра Сопротивления, хотя еще в самом зародыше. В связи с чем твои задачи, Мстислав, усложняются. Необходимо в ближайшее время выявить связь всех этих «магистров» и «генералов» орденов с главными руководителями Сопротивления. Устроить по телевидению травлю всех этих организаций под видом «борьбы с национализмом». Ликвидировать разработчиков «Форпоста» и остановить расползание прибора по стране. И, наконец, выйти на патриархов церкви и заставить их распустить свой «спецназ», даже если при этом придется их зомбировать. Потерять массу верующих, которых легко запрограммировать даже без применения спецтехники, мы не можем. Все понял?

— Телевидение не в моей епархии, Винсент.

— Да, этим занимался Мананников, теперь придется тебе.

Впрочем, можно пойти другим путем. Захвати его зама, который возглавит Комитет по телевидению и радиовещанию, и мы его запрограммируем. Кстати, почему бы тебе не привлечь к работе на Проект твоего друга?

— Тимергалина?

— Он мог бы здорово нам помочь. К тому же он ученик одного деятеля, которого мы тоже хотели бы иметь на своей стороне.

— Он ученик академика Тиграна, президента Центра нетрадиционной медицины.

— Именно его и имел в виду Гланц.

— При чем тут он?

— Не забывай, Билл руководитель Проекта, хотя и в Штатах, и ему видней, кто представляет интерес для Проекта, а кто — опасность. Поговори с Тимергалиным, этот человек нам очень нужен.

Джехангир молча кивнул, хотя в душе не верил, что ему удастся уговорить Умара Гасановича работать на Проект.

МОСКВА

ВОРОБЬЕВ

Утром пришел Родион и принес письмо от Лиды. Жена сообщала, что у нее все в порядке, дети присмотрены и все вместе скучают по отцу и мужу. В конце письма была приписка: «Возвращайся скорей», — и Панкрат понял, что живется Лиде без него не так уж и сладко.

— Рассказывай, — сказал он, предлагая Родиону принять участие в завтраке.

— Что рассказывать? — с наигранным весельем ответил тот. — Все с твоими нормально, мои люди контролируют каждый их шаг, никаких вражеских поползновений не отмечено, да и не будет.

— Почему это? — насторожился Панкрат.

— Потому что... — Родион резко замолчал, испытывая какую-то внутреннюю борьбу, и закончил: — Ты уехал, и бандиты успокоились.

Панкрат понял, что бывший «мститель» чего-то недоговаривает, но продолжать расспросы не стал.

— Говорят, ты блестяще провел операцию, — с преувеличенным восторгом и возбуждением начал Родион, — поздравляю с первой удачей и вхождением в отряд. Теперь часто будем работать вместе. Вечером ты никуда не собираешься?

— У тебя есть предложения?

— Почему бы нам не сходить в какой-нибудь уютный ресторанчик, обмыть твой успех? Плачу я.

— Не знаю, — заколебался Панкрат. — Если будет время.

— Тогда я зайду часов в пять, готовься.

Родион ушел. Панкрат допил кофе, помыл посуду, и в это время дверь в прихожую отворилась. Считая, что это вернулся Родион, Панкрат нахмурился, собираясь задать вопрос: ну что еще? — и слова застряли у него в горле. В комнату вошла красивая черноволосая и черноглазая женщина в прозрачном плаще, закрыла за собой дверь, окинула хозяина внимательным оценивающим взглядом.

— Панкрат Кондратович Воробьев?

— А вы кто?

— Меня зовут Мария. Я приехала по поручению Егора Лукича Крутова.

— Как вы прошли на территорию базы?!

Женщина усмехнулась.

— Это было несложно. Разрешите присесть?

— Извините, — спохватился обескураженный Панкрат, — садитесь, пожалуйста. Чай будете? К сожалению, у меня тут негусто с припасами...

— Ничего не надо. — Гостья достала из пакета коробку конфет, сняла плащ, прошлась по апартаментам номера «люкс» бывшего тубдиспансера, рассматривая интерьер. — Неплохо вас устроили, Панкрат Кондратович. И платят, наверное, хорошо.

— К чему вы клоните? — хмуро спросил Панкрат. — Я работаю здесь не за высокую плату.

— Знаю, не обижайтесь. — Мария села на диван в гостиной, закинула ногу за ногу. — Я искала вас в Осташкове и виделась с вашей женой.

Панкрат замер с чайником в руке.

— Вы ее знаете?

— Она сестра Крутова, хотя и не похожа на него. Очень милая и приятная женщина.

— Спасибо. Как она там? Охранники не надоедают?

— А вот охранников я не видела. Вам что же, пообещали охранять семью?

Панкрат вспомнил заминку в речи Родиона, его оговорку, и понял, что его отношения с «Психодавом» развиваются не так, как он себе представлял.

— Кажется, меня обвели вокруг пальца...

Мария сочувственно посмотрела на Воробьева.

— «Психодаву» нужны профессионалы, чтобы подняться на уровень мобильного подразделения с высокой степенью защиты. Вас, вероятно, просто купили, инсценировав давление местной мафии. Так что будьте осторожны с этими людьми. Их цели с виду благородны, но средства, используемые для достижения целей, явно не опираются на чистую нравственную базу.

— Я сейчас же пойду и выскажу все...

— А вот этого делать не стоит. Сейчас вы слишком уязвимы. Прежде убедитесь в том, что я права, потом побеспокойтесь о семье, спрячьте ее куда-нибудь, а уж после всего этого идите к начальству вашего «Психодава» и выясняйте отношения.

Панкрат успокоился, понимая, что гостья права, налил ей чаю, сел в кресло напротив.

— И все же как вы меня нашли здесь, в Москве, на секретной базе? Да еще и свободно проникли на ее территорию.

— Как проникла — это секрет, — улыбнулась Мария. — Нашла же просто — через Комиссию по координации силовых структур.

— ККОРР? Я так и думал. Зачем Крутов послал вас ко мне?

— Не только к вам, но и к Ираклию Федотову, бывшему полковнику военной контрразведки. Причина же одна: возросшая активность ЛООС. Егор Лукич набирает команду для уничтожения этого палаческого подразделения Легиона.

Глаза Панкрата загорелись, но губы сами собой сложились в скептическую гримасу.

— Он считает, что мы справимся с ЛООС втроем? Ликвидаторов не меньше роты, и все они волкодавы.

— А вы рэкс[1], — *с* лукавым вызовом сказала Мария. — Да и Крутов с Ираклием стоят не меньше взвода. Но я думаю, что Егору удастся привлечь в команду своих друзей из «Витязя». Его задача посложней, чем просто уничтожить ЛООС.

— Вот именно. Ликвидируешь этих — появятся другие. Надо выходить на головку, на руководителей и заказчиков.

— Я не это имела в виду, хотя ваше замечание верно. Что мне передать Крутову? Он может рассчитывать на вас?

Панкрат машинально съел конфету, подошел к окну, выходящему на поляну, за которой начинался лес.

— Егор знает, что я не откажусь.

Мария тоже встала, подошла к Панкрату, остановилась за его спиной, окидывая поляну внимательным взглядом.

---

[1] Рэкс — разведчик экстра-класса (*жаргон спецназа*).

— Вы отличная мишень для снайпера, Панкрат Кондратович. Не задумывались над этим? Из леса очень удобно держать все здание под прицелом.

— Что вы хотите сказать? — повернулся к ней Панкрат, встретил ее взгляд и вздрогнул, настолько он был пронизывающим и острым.

— Будьте осторожны, — ответила Мария. — Здесь у вас друзей нет, а вы человек слишком прямой, чтобы не заиметь врагов. На вашем месте я бы подстраховалась, как тогда, в Чечне, под Грозным, когда вы брали снайпера. До скорой встречи.

Опомнился Панкрат, когда ее уже не было в комнате. Хотел было догнать, но вовремя остановился. Посланница Крутова явно обладала какими-то колдовскими способностями, позволяющими ей свободно проникать на охраняемые объекты, и помогать ей было все равно что слепому предлагать свою помощь зрячему.

Усевшись обратно в кресло, Панкрат выпил минералки и вспомнил случай, о котором упоминала Мария (от кого она узнала об этом, черт побери?!).

В девяносто пятом году отряд Воробьева вернулся в Грозный после выполнения рейда в горы и остановился в административном корпусе консервного завода, где расположилась одна из российских комендатур. Тут же выяснилось, что комендатуру каждый день обстреливает чеченский снайпер.

— Прямо житья не дает, бандит! Помоги, майор! — взмолился комендант-грузин. — Я твоим рэксам лично шашлык приготовлю, только убери снайпера!

Дело было, конечно, не в шашлыке, а в профессиональной чести, и Панкрат согласился.

«Комендачи», естественно, пытались что-то сделать, регулярно проводили рейды в направлении, откуда стрелял снайпер, — за реку, находили лежки, устраивали ловушки, подкладывая гранаты с выдернутой чекой, но все их усилия были тщетными. Снайпер возвращался, обезвреживал гранаты и снова стрелял, доведя счет потерь среди «комендачей» до шести убитых и десяти раненых.

Однако то, что «комендачи» считали препятствием, то есть реку, разделяющую комендатуру и снайперскую позицию, можно было превратить в союзника, что Панкрат и сделал.

Снайпер начал охоту в тот же день, к вечеру, словно решил продемонстрировать свое бесстрашие и неуязвимость. Комендантский взвод оседлал бронетранспортер, помчался на ту сторону реки, но, пока объезжал развалины, пересекал мост, снайпер скрылся. После этого и началась работа рэксов Воробьева. Они прочесали местность, вычислили наиболее вероятные позиции снайпера и установили два хитроумных устройства направленного взрыва, срабатывающие от радиовзрывателя, таким образом, чтобы взрывные веера перекрывали эти позиции.

Вечер и ночь прошли спокойно, а рано утром, как только снайпер начал «куковать», раздались два мощных взрыва.

Больше в этих местах снайперы не появлялись...

Кто-то вошел в номер.

Панкрат очнулся от воспоминаний, привычно нащупал рукоять «макарова» справа на бедре под рубашкой и ремнем брюк. В гостиную шагнул помощник Мережковского капитан Зинчук.

— Доброе утро, полковник. Как настроение?

— Бодрое, — угрюмо отозвался Панкрат, «не видя» протянутую руку. — По делу или как?

— По делу, — остался спокойным Зинчук. — Хотел довести до вас план работы вашей группы.

— Разве это не прерогатива командира базы?

— Он ведает обеспечением, я же координатор операций. Вас это как-то задевает?

— Давайте свой план. — Панкрат снова сел в кресло.

Зинчук внимательно посмотрел на него, решая что-то в уме, устроился на диване, где недавно сидела Мария.

— В ближайшие две недели вам предстоит доукомплектовать команду, то есть отобрать лучших из тех бойцов, что проходят обучение в лагере на Истре, уничтожить врача одной из психбольниц Москвы, работающего на Легион, захватить энэлпера из Центра нетрадиционной медицины, который подозревается в связях с руководителями Легиона, а также найти пути ликвидации секретаря Совета безопасности Клюева. Но это в перспективе. В первую очередь нам нужен командир ЛООС полковник Лысцов. Он — ваша следующая цель.

— Откуда вы знаете, что он командир ликвидаторов?

Зинчук растянул в улыбке губы.

— Работаем, полковник.

— А где находится база ЛООС, вы тоже знаете?

— В Измайлове. Но она пока нам не по зубам. Начинайте искать подходы к Лысцову. Рэкс уже взял след и скоро выдаст оценку его охране и свои соображения насчет способов перехвата. Материалы будут готовы к обеду.

— Я должен буду лично проверить сведения, — твердо сказал Панкрат. — И понаблюдать за объектом.

— Как вам будет угодно, — согласился Зинчук. — Для нас

главное результат, а каким образом он будет достигнут, неважно. Хотя прежде «Боевой кулак» использовался лишь в финальной стадии операции. Вам все понятно?

— Пока все. Жду материалы.

Зинчук хлопнул себя ладонями по бедрам, встал, направился к выходу из номера.

— Один вопрос, капитан, — остановил его Панкрат. — Какое подразделение осталось охранять мою семью?

— Разве вам не сказали? — хладнокровно сказал Зинчук, в глазах которого мигнули колючие огоньки. — «Тень», конечно. А что?

— Вопросов больше нет.

Зинчук еще раз внимательно присмотрелся к лицу Воробьева и вышел, опасный, как граната с выдернутой чекой. Панкрат усмехнулся сравнению и, вспомнив странное предупреждение Марии, невольно посмотрел на окно, выходящее в лес. Оттуда здание диспансера действительно просматривалось как на ладони. Походив еще немного по комнатам номера, он решил последовать совету, вооружился и вышел из здания, доложив дежурному, что идет тренироваться на «тропу разведчика». Сам же, обойдя полосу препятствий и стрелковый полигон, зашел зданию диспансера в тыл и полтора часа потратил на изучение подходов к поляне и поиск самых удобных позиций для снайпера, если таковой вдруг объявится. Определив места предполагаемых позиций, Панкрат подвесил над ними гранаты с ослабленной чекой таким образом, чтобы они срабатывали от близкого выстрела, замаскировал их и, довольный работой, отправился обратно, где его ждали разведчики из группы «Рэкс», выслеживающие командира ЛООС Дмитрия Лысцова.

Вечер он провел с Родионом в ресторане «Арагви», не участвуя в его попытках завязать знакомство с девушками из какой-то веселящейся рядом компании. Кончился вечер перебранкой, а затем и дракой на улице, когда к Родиону подошли парни из компании, пообещавшие еще в зале разобраться с ним «в натуре». Разборки, однако, не получилось, Родион и сам дрался неплохо, и Панкрату дал возможность размяться, а потом в дело вмешались сотрудники «Тени», подстраховывающие, как выяснилось, начальника группы во всех его походах. Инцидент закончился почти мирно, синяки, полученные противниками Родиона, считавшими себя крутыми, отрезвили парней, и они вовремя отступили, сообразив, что нарвались на еще более крутую компанию.

Родион тем не менее вечером остался доволен, а Панкрат, возвращаясь на его машине в расположение базы, призадумался об изменениях в характере бывшего «мстителя», произошедших всего за полтора месяца, что они не виделись. Родион Кокушкин никогда раньше не стал бы доводить ситуацию до конфликта, а потом еще и смаковать подробности драки и обсуждать достоинства девиц, на которых обратил внимание. Если бы Панкрат не знал, что у «Психодава» нет зомбирующей аппаратуры, он бы подумал, что Родион закодирован. И все же в психике бывшего приятеля появились какие-то странные новообразования, надломы, заставляющие относиться к нему с опаской.

Они расстались у входа в здание диспансера в начале первого ночи, и Панкрат, постояв немного на крыльце возле каменного льва, побрел к себе, чувствуя необычную душевную усталость. С одной стороны, деятельность «Психодава» по уничтожению античеловечных лабораторий внушала уважение, с другой — была не совсем ясна его конечная цель, так как уничтожение секретных лабораторий не устраняло причины создания Легионом этих объектов.

Поднимаясь на свой этаж, Панкрат встретил Леву Копытова. Бывший капитан СОБРа явно ждал его, и Панкрат почувствовал легкую тревогу. Операция по захвату командира ЛООС была назначена на завтра, члены группы должны были отдыхать.

— Почему не спишь? — негромко спросил Панкрат.

Копытов замялся, не решаясь заговорить, заторопился к себе, но оглянулся у двери в свой номер:

— Твердохлеб приходил, товарищ полковник.

— Ну и что?

— Он был навеселе... хвастался, что его взяли в команду Зинчука, и еще грозился... в ваш адрес.

Неясная тревога в душе Панкрата обрела конкретные очертания. Бывший снайпер «Боевого кулака» вполне мог сорваться с цепи, считая себя незаменимым после перехода в группу координатора операций «Психодава».

— Спасибо, Лева. Спи спокойно и не переживай.

Панкрат открыл дверь номера, прошел в гостиную, не зажигая света, подумал немного, выглядывая в окно на темную полосу леса, чувствуя всей напрягшейся нервной системой ток угрозы оттуда, и быстро приготовил нехитрую зрительную ловушку: нацепил на швабру халат, приделал к ней «голову» из куска картона, найденного в стенном шкафу. После этого он включил в спальне настольную лампу и стал «прогуливаться» по спальне и гостиной, то есть ползать по полу, держа швабру

над собой таким образом, чтобы свет лампы падал на «человеческую» фигуру и отбрасывал тень на задернутые шторы. Так он «прогуливался» минут десять, пока не заболели колени и локти, и уже собирался было плюнуть на свои страхи и лечь спать, как вдруг со звоном разлетелось стекло окна в спальне, дернулась швабра — пуля попала прямо в «основание шеи», под картонную голову, и тотчас же в лесу раздался двукратный взрыв: это сработали подвешенные им гранаты.

Он все еще таращился в темноту, надев халат на себя и выключив свет полностью, когда в дверь забарабанили дюжие кулаки. Панкрат открыл дверь, с недовольно-удивленным видом посмотрел на стоящих в коридоре невозмутимого Зинчука и возбужденного дежурного.

— С вами все в порядке, полковник?

— А в чем дело? — осведомился Воробьев. — Что там у вас взорвалось? Окно мне вышибло.

— В лесу нашли Твердохлеба, — сказал Зинчук. — Почти без головы. Нарвался на гранату.

— Что он там делал в такое время? И почему на территории базы валяются гранаты?

— Я тоже хотел бы это знать. Мне сказали, что вы прогуливались по лесу до обеда. Случайно не уронили гранату?

Панкрат заглянул в непроницаемые глаза капитана ФСБ и мрачно усмехнулся.

— Я гранаты не теряю. Надеюсь, больше никому не придет в голову гулять по лесу так поздно.

— У него была винтовка, — вставил дежурный, — и похоже, он успел один раз выстрелить.

— Он что же, любитель ночной охоты?

Дежурный в замешательстве глянул на Зинчука, и тот показал свою специфическую улыбку.

— Мои поздравления, полковник. Еще раз убеждаюсь, что наш выбор был верен. Вы очень опытный и нужный организации человек. Будет жаль, если мы по какой-либо причине не сработаемся. Спокойной ночи. Окно вам вставят утром.

Повернувшись, Зинчук направился по коридору к лестничной площадке, не отвечая на вопросы выглядывающих из своих номеров бойцов «ПД». Дежурный развел руками, пробормотал что-то и заторопился следом. Панкрат кивнул Родиону, однако обсуждать с ним ночное происшествие не стал, махнул ему рукой и вернулся в номер. Закрыл окно одеялом, лег спать, не испытывая особых угрызений совести. Его хотели убить, он защитился, а последствия его уже не касались.

* * *

Дмитрия Лысцова, командира особого подразделения Российского легиона по ликвидации особо опасных свидетелей, решено было брать у него на квартире на Четвертой улице Марьиной Рощи. Жил он в двенадцатиэтажном доме напротив тыловой части Рижского вокзала и, по наблюдениям разведчиков «Психодава», всегда оставался в квартире с воскресенья на понедельник, неукоснительно соблюдая этот закон в силу каких-то семейных традиций. Всю неделю он мог появляться дома эпизодически или не появлялся совсем, но субботу-воскресенье посвящал отдыху в семье: у него была молодая жена и восьмилетний сын плюс собака, которую он выводил гулять по вечерам. Именно в один из таких выходов и планировалось захватить еще молодого, физически одаренного, владеющего карате полковника.

Наружная служба наблюдения и разведки «Рэкс» была укомплектована бывшими сыщиками угрозыска и агентами КГБ и дело свое выполнила отлично, до мельчайших подробностей изучив маршруты Лысцова, его привычки и методы страховки. Бывший лейтенант ВДВ, пять лет выступавший за клуб ЦСКА, ставший чемпионом Европы по контактному карате, но уволенный из армии за контрабанду наркотиков, а затем получивший звание полковника Российского легиона, достиг достаточно высокого положения, чтобы быть уверенным в своих силах. Поэтому Лысцов редко оставлял для охраны дома полную команду телохранителей — двенадцать человек, довольствуясь шестью профессионалами, перешедшими в Легион из разных спецслужб. В этот вечер он не изменил своим привычкам, и его сторожили парни второй полугруппы, которым разведчики дали клички в соответствии с наружным видом: Шкаф, Громила, Пузан, Нико (получил кличку за длинные волосы, связанные в пучок на затылке), Долбонос и Грузин. Шкаф и Громила сторожили квартиру, остальные четверо сопровождали хозяина.

Для успешного проведения операции Зинчук посоветовал взять еще «Тень» под командованием Родиона, и Панкрат согласился. У него было слишком мало людей, чтобы обеспечить полное перекрытие векторов свободы Лысцова и нейтрализовать его телохранителей.

Операция началась в одиннадцать часов вечера в последнее воскресенье сентября, когда полковник вышел выгуливать собаку — внушительного вида сенбернара с тяжелой массивной головой и висячими ушами. Панкрат, знавший эту поро-

ду довольно добродушных собак, сенбернара пожалел, его в ходе операции скорее всего придется пристрелить.

Проверив по рации готовность бойцов, Панкрат дал приказ начать д в и ж е н и е. Сам он готовился включиться в процесс в финале операции для непосредственного контакта с Лысцовым.

Дмитрий Лысцов, одетый в шерстяной спортивный костюм и кроссовки, двинулся по улице вокруг дома, свернул на Второй проезд Марьиной Рощи; это был его обычный маршрут. Четверка телохранителей вела его «цугом»: один впереди, один сзади, двое по бокам. Шел двенадцатый час ночи, было холодно, сыро и темно — два фонаря по пути следования Лысцова не горели, выведенные из строя еще днем «бригадой электриков». У магазина «Продукты» сенбернар, тихонько трусивший впереди хозяина, свернул за угол, во двор соседнего дома и принялся обнюхивать мусорный контейнер. Лысцов остановился, доставая сигареты.

В это время давно целившийся снайпер группы, заменивший Твердохлеба, выстрелил, и охранник арьергарда сунулся носом в тротуар. Снайпер стрелял из «винтореза» с глушителем и инфракрасным прицелом с расстояния в сто метров, поэтому двое парней по бокам Лысцова, державшиеся в десяти-пятнадцати шагах от него, выстрела не услышали, но почувствовали неладное, синхронно включили рации, устраивая перекличку. И тотчас же молодая пара, медленно бредущая по другой стороне улицы, постоянно останавливаясь и целуясь, бросилась к правому охраннику, а старик с непокрытой седой головой, тщетно зовущий какого-то Фердинанда — он тоже «выгуливал собаку», — мгновенно оказался рядом с левым телохранителем, не ожидавшим такой прыти от пожилого человека.

Снайпер выстрелил еще раз, ранив первого телохранителя в грудь, не дав ему возможности оказать сопротивление. Двое бойцов Панкрата тут же объявились рядом и скрутили парня, первым делом срывая с него рацию. Так же поступили и остальные перехватчики, лишая телохранителей шанса сообщить о нападении своим коллегам.

Вся операция по нейтрализации телохранителей Лысцова длилась полминуты, а когда он наконец сообразил, что происходит, из люка канализации в десяти шагах от него, как чертик из табакерки, выскочил Панкрат в черном балахоне «ниндзя» (комплект «Н-1»).

Лысцов действительно был мастером-каратеком, хорошо владеющим своим боевым искусством, и хотя у него был с

собой пистолет, он им не воспользовался. Перед ним был всего один противник, принявший стойку (вообще-то стойка была нужна Панкрату лишь для отвода глаз, в реальном быстротечном бою, а тем более со многими противниками, любые стойки только становились помехой для адекватного реагирования), и у командира ЛООС, давно не имевшего себе равных среди подчиненных и коллег, сработал рефлекс, имеющий в психологии название «слон и моська».

Между бойцами протек мысленно-эмоциональный ручеек, переводимый в слова коротким диалогом: «Держись, мерзавец!» — «Да кто ты такой, чтобы угрожать мне?!» — и бой начался.

Лысцов тренировался на своем веку достаточно долго, чтобы развить кое-какие природные дарования, в том числе способность хорошо видеть в темноте, Панкрат же имел «кошачье зрение» от природы, поэтому оба видели друг друга почти так же хорошо, как и днем. Но в отличие от противника Воробьев не был скован определенной ш к о л о й со своим набором стандартных поз и движений. То есть он, конечно, владел комплексом приемов, на который мог опираться, как на инстинктивно-рефлексную базу, но арсенал его был побогаче ш к о л ы карате. В детстве Панкрат просто умел драться, выходя победителем из схватки даже с противниками старше его на четыре-пять лет. Потом его заметил школьный тренер по боксу и предложил проявить себя на ринге. Боксом молодой Панкрат занимался пять лет, пока его дядя, знаменитый во всей округе охотник и следопыт, не предложил ему заняться борьбой со странным названием суев.

Как оказалось, это был один из сохранившихся с древних времен видов славянских боевых искусств, которым владели лишь единицы из миллионов. Никаких письменных планов и пояснений суев не имел и передавался из поколения в поколение древними родами русских витязей.

Конечно, дядя не знал суев в объеме, достаточном для основания какой-то школы, да и не стремился быть учителем, но и того, что он успел передать племяннику, оказалось достаточно, чтобы Панкрат стал мастером рукопашного боя. Да и потом, работая в органах, он не сидел сложа руки, а тренировался, перепробовав почти все виды воинских искусств от карате и тайдзюцу до унибоса и самбо, пока не остановился на русбое как наиболее отвечающем современным требованиям реальных схваток. Среди его приятелей и коллег, в основном бывших, никто, кроме разве что Егора Крутова, не владел русбоем в той мере, в какой владел сам Панкрат, однако он ни-

когда не кичился своими знаниями и не устраивал показных состязаний.

Лысцов же был слеплен совсем из другого теста, иначе не занялся бы криминальным бизнесом, и даже не предполагал, что самодовольство и высокомерие являются наиболее уязвимыми звеньями его обороны.

Приняв возникшего перед ним «ниндзя» за каратека, он и действовать начал в своем агрессивно-напористом ключе, обрушив шквал ударов на ускользающего противника, а когда, взбешенный промахами, вошел в раж и почувствовал свирепое желание убить наглеца одним ударом — нарвался на ответный удар, погрузивший его в состояние грогги, «плывущего сознания».

Панкрат зашел ему в спину, выполнил болевой захват шеи и держал до тех пор, пока не подъехал «рафик» группы, замаскированный под машину «Скорой помощи».

Лысцова погрузили в машину, и Зинчук, сидевший внутри, лично сделал ему какой-то укол.

— Снимает пси-блокаду, — пояснил он в ответ на взгляд Панкрата.

— Вы думаете, что он закодирован?

— Даже если и не закодирован, все равно допрашивать будет легче, а нам срочно надо знать, где он прячет... — Зинчук замолчал, жестом показывая, что пора ехать.

— Отзываю людей, — сказал Панкрат, включая рацию. — Квартира полковника нам уже не нужна.

Он имел в виду, что существовал вариант захвата Лысцова непосредственно в квартире, если бы сорвалась операция во время выгула собаки. Ее, к сожалению, действительно пришлось убрать: как только хозяин атаковал «ниндзя», сенбернар молча рванулся на помощь и был остановлен двумя пулями из пистолета.

— Отзывайте, — согласился Зинчук. — Квартиру возьмут без вас.

— Что?! — не понял Панкрат. — Зачем? Он же в наших руках.

— У него в квартире может быть спрятано то, что мы ищем. Поехали, — кивнул водителю капитан.

Ошеломленный известием Панкрат закрыл дверцу «рафика», и тот уехал. Где-то послышались громкие возбужденные голоса, женский крик — прохожие обнаружили трупы охранников, и Панкрат, дав по рации отбой группе, спрыгнул обратно в канализационный люк.

Операция по захвату ценного секретоносителя закончилась

успешно, однако настроение от этого у командира штурм-группы «Боевой кулак» не повысилось. От него явно что-то скрывали, видя в нем прежде всего профессионала в разведывательно-диверсионной работе, которому не обязательно знать истинные цели командования. А этого Панкрат терпеть не мог!

ВЕТЛУГА

КРУТОВ

Их было четверо — мерзкие создания, похожие на людей с жабьими головами, одетые в черные, отливающие алым блеском костюмы и вооруженные огромными зазубренными с тыльной стороны тесаками. Двое из них держали полуодетую Елизавету, двое пытались вскрыть ей череп ножами. Ее пронзительный крик: «Егор, помоги!» — заставил Крутова содрогнуться и броситься на гостей из преисподней с голыми руками. Однако ярость была так велика, что превратила его в неуязвимого бойца, способного противостоять ударам тесаков, не чувствуя боли, и ломать эти страшные ножи кулаком.

Одного жабообразного Крутов проткнул его же ножом, второго буквально размазал по стенам какого-то мрачного помещения со множеством горящих в нишах свечей, но остальные успели скрыться и унести Елизавету, и Егор метнулся в погоню, проламывая телом невесть откуда появляющиеся стены.

Проломив очередную, он оказался на кладбище, прыгнул на улепетывающую тварь, схватил ее за ногу и дернул, отрывая. Дьявол ухнул филином, упал между оградок могил, превращаясь в тающее желе, его напарник наконец выпустил Елизавету и прибавил ходу, но остановился, когда Егор подхватил жену на руки, и вдруг стал расти, превращаться в великана, чья голова ушла в черное беззвездное небо. Голос слетел оттуда, гулкий и грохочущий, от которого зашатались надгробия и кресты на могилах:

— Сим повелеваю! Встаньте и идите на град белый! И никого не щадите!..

Голос истончился, превратился в свист, в шипение, исчез. Пропал и великан. Зато зашевелились могилы, из земли показались полуистлевшие мертвецы и молча двинулись туда, где вдруг засиял золочеными куполами и белокаменными стенами красивый город с хорошо знакомым Кремлем.

Неведомая сила подхватила Крутова с женой, вознесла в небо, и ему открылась чудовищная картина: по всей гигант-

ской равнине внизу тянулись призрачные вереницы и толпы мертвецов, идущих к бело-золотому городу.

— Они идут на Москву! — прошептала очнувшаяся Елизавета, по лицу которой текли слезы и кровь.

Крутов крепче прижал ее к себе и... проснулся.

Елизавета не спала, смотрела на него огромными глазами, а заметив его движение, обняла, приникла к нему всем телом.

— Что тебе снилось? Ты стонал...

Егор закрыл глаза, прогоняя остатки сна, обнял жену.

— Снилось, что мертвые по всей земле идут на Москву...

Глаза Лизы стали тревожными.

— Это плохой сон, — прошептала она. — Баба Евдокия...

— Что баба Евдокия?

— Хорошо толкует сновидения. Сбор мертвецов — это к войне...

— Авось обойдется. Я ведь не пифия, предсказывающая судьбу, а всего лишь бывший полковник службы безопасности.

— Ты — Витязь, тебе тоже дано видеть будущее.

Егор улыбнулся, рывком повернул жену на спину.

— А еще что мне дано?

Елизавета потерлась носом о его подбородок, попыталась высвободиться и притворно нахмурилась.

— Еще тебе дано пользоваться слабостью беззащитной женщины. Знаешь, который час?

— Уже утро.

— Могли бы еще час поваляться в постели.

— Мы и поваляемся.

Егор нежно поцеловал Лизу в губы, нашел рукой вздрогнувшую напрягшуюся грудь...

Через час они были на ногах. Егор проделал комплекс упражнений, вернее, магических движений живы, придающих организму гибкость и подвижность, создающих энергетический запас на весь день, а Лиза приготовила завтрак. В девять они договорились встретиться с четой Сергеевых — Сашей и Шуриком — в салоне моды, и времени было достаточно, чтобы прибраться в доме и обсудить ближайшие планы. Лиза не хотела отпускать Крутова одного в Москву, но он настоял на своем, обнадежив жену, что вызовет ее к себе, как только устроится сам.

Салон открывался в десять, поэтому у двух семейных пар был целый час на разговоры, охватывающие сразу десяток тем, главными из которых были, безусловно, капризы современной моды и размышления Шурика, из-за которых он и решился встретиться с Крутовым.

— Вы пока побеседуйте без нас, — сказала энергичная в отличие от тихого мужа Саша, — а мы тут примерим кое-что.

Шурик, выглядевший рассеянно-мрачным, и Егор уселись в пустой приемной салона в кожаные кресла и посмотрели друг на друга.

— Что случилось? — как можно мягче спросил Крутов, стараясь внушить парню уверенность. — Тебе угрожали?

— Понимаете, — Шурик отвел глаза, — я, конечно, виноват...

— В чем?

— Я иногда по заданию начальства проникаю в... в чужие файлы...

— То есть взламываешь защиту сетей и добываешь секретную информацию.

— Можно сказать и так. Но я это делаю редко, только в крайних случаях...

— Крайне интересных для специалиста, так?

Шурик поднял глаза на Егора, снова опустил, выдавил бледную улыбку.

— Вы, Егор Лукич, как следователь говорите.

— Никогда им не был. Извини, если я излишне резок.

— Ничего, все правильно. Я самый настоящий хакер и получаю деньги в фирме именно за умение работать с кодированной информацией. Но все же я не Леха Вязников...

— Это кто такой?

— Вообще-то он мой коллега, но по сути — клинический случай: сидит за компом сутками напролет, забросал ФИДО и Интернет письмами, ругая непонравившихся писателей, а теперь вообще шизанулся — разработал какой-то сногсшибательный вирус...

— Ты имеешь в виду — компьютерную вирусную программу? Откуда ты это знаешь?

Шурик снова улыбнулся, видимо вспомнив какой-то эпизод из своей жизни.

— Вообще-то это была моя идея — разработать «логическую бомбу» для вывода из строя компьютерных сетей, Леха просто украл ее у меня. — Уголки губ Шурика опустились, лицо приобрело страдальческое выражение. — Но я не виноват...

— В чем? — терпеливо спросил Егор, хотя сроду не любил людей, не договаривающих до конца.

— Леха умер вчера...

Несколько секунд Крутов не сводил взгляда с лица Шурика, пытавшегося приободриться.

— Известно, по какой причине он умер? Может быть, его убили?

— Врачи сказали — внезапная остановка сердца. Но Леха такой огромный амбал, никогда на здоровье не жаловался...

— Так! — стиснул зубы Егор, чувствуя внезапный холодок в желудке: это проснулся ментальный «сторож» организма. — Внезапные остановки сердца в наше время не редки, но тебе стоит над этим призадуматься. Ты жаловался, что за тобой следят. Не прошло наваждение?

— Я поделился с Александрой, а она рассказала своим родственникам, и Петр Парамонович выделил мне своего работника, который меня везде сопровождает. Но это же смешно — охранять меня от...

— Это не смешно! — перебил парня Егор. — Хотя я не уверен, что в случае нападения телохранитель сможет тебя защитить. Я вообще посоветовал бы тебе уехать из Ветлуги куда-нибудь подальше, к родичам, например, если они у тебя живут не здесь.

— Тетка есть во Владимире и сестра в Никополе. Но я никуда не хочу уезжать.

— Тогда жди, пока и у тебя не случится внезапный сердечный приступ.

— Вы... серьезно?

Егор понял, что перегнул палку.

— Ладно, не переживай, все скоро образуется, и ты сможешь работать, никого не страшась. Но все же держи ушки на макушке, отмечай любую необычную деталь в своем окружении и сразу сообщай Петру Парамоновичу или мне. Договорились? А что это все-таки за «логическая бомба», которую ты придумал?

— По сути, это вирусная программа-антагонист, разрушающая логические цепи процессора... ну не могу я на пальцах...

— У тебя она есть?

— У Лехи где-то была записана на дискете, я ведь с ней не работал.

— Можешь поискать и принести мне?

— Попробую, если он оставил ее на работе. Зачем она вам?

— Хочу убедиться, что такая программа существует.Только никому об этом ни слова! Очень я опасаюсь, что об увлечении твоего «клинического» приятеля узнали кое-какие спецслужбы.

— Вы думаете, что они?..

— Леху убили, парень, и ты должен это понимать. Вот почему тебе лучше всего уехать, хотя бы на время.

— Ау, мальчики! — появились в приемном зале салона Саша и Елизавета, и мужчины замерли, разглядывая своих жен.

На Елизавете был костюм под названием «очарование эклектики» — классический пиджак цвета перванш[1] и черная кружевная юбка, сквозь которую маняще просвечивали полные упругие бедра; матовые колготки модели «ап» с вертикальным рисунком существенно удлиняли ноги и создавали непередаваемый эффект женственной стройности.

Саша вышла в вечернем платье, которое можно было смело назвать кружевным шедевром. Оно было сливового цвета, с бахромой, расшитое блестящими бусинами и пайетками, с разрезом от бедра, и открывало длинные стройные ноги молодой женщины, ничуть не уступавшие по красоте ногам лучших топ-моделей мира. Впрочем, Егору все же больше нравились ноги жены.

Пауза затянулась.

Женщины переглянулись и засмеялись, довольные произведенным впечатлением.

— Готовы! — прокомментировала Саша. — Егор, как ты находишь свою половину?

— Высший класс! — оценил Крутов чистосердечно.

— А меня?

— Нет слов!

— А Шурику не нравятся длинные платья. Говорит, они меня уродуют.

— Ей больше идут короткие юбки, — буркнул Шурик. — Я с ней давно спорю, а она все равно на своем стоит.

— Ну, может быть, не всегда стоит надевать мини, — дипломатично сказал Егор.

— Вот мнение человека, который знает мир лучше, — заявила Саша и убежала, нисколько не огорченная реакцией мужа.

Елизавета лукаво подмигнула Егору и тоже скрылась за дверью.

— Есть хорошая поговорка, — сказал Крутов, глядя на подавленного Шурика, но продолжая прислушиваться к своим ощущениям. — Никогда не спорь с женщиной. Если ты ее переспоришь, она сочтет тебя грубияном, если она переспорит — примет за дурака.

— Так она же моя жена, — простодушно отозвался молодой человек.

Кто-то остановился на улице у входа в салон, заглядывая

[1] Перванш — серо-голубой цвет.

сквозь стеклянные двери внутрь. Крутов наконец определил свое состояние как «рычание сторожевого пса» и, вскочив, дернул Шурика за руку:

— Беги в рабочий зал!

Тотчас же двери с табличкой «Закрыто» распахнулись, и в приемную комнату салона заскочили двое молодых людей в одинаковых коричневых плащах. Оба были вооружены пистолетами-пулеметами с насадками бесшумного боя, и оба начали стрельбу сразу, как только ворвались в помещение, словно им было все равно, кто здесь находится. Вернее, они т о ч н о знали, за кем охотятся, но ради выполнения задачи готовы были перестрелять любое количество невинных людей.

Если бы Егор не был готов к такому повороту событий, налетчики закончили бы свою операцию успешно. Но все же один из них успел дать очередь в Шурика, который еще не добежал до второй двери, прежде чем Егор настиг стрелка и одним ударом сломал руку с пистолетом. До этого Крутов успокоил первого стрелка, сначала точным попаданием сюрикэна в голову (он носил теперь метательные звезды с собой везде), а затем ударом ноги в грудь отбросив его к двери.

Однако это было еще далеко не все.

В глубине салона, занимающего целую анфиладу комнат, в которых располагались мастерские кроя и шитья разных видов одежды, примерочные кабины, подиум, подсобные помещения, раздался женский крик, и Егор метнулся туда, уже понимая, что на салон налетела не случайная банда грабителей, а спецгруппа, имеющая целью уничтожение Шурика или самого Крутова.

Пробегая мимо скорчившегося парня, Крутов нагнулся к нему, заметил кровь под прижатыми к животу руками, страшно выругался и едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под струю пуль: дверь, ведущая в рабочую зону салона, соскочила с петель, и в приемную ворвались еще трое молодых людей, как две капли воды похожих на первых налетчиков.

Егор скользнул в п у с т о т у, и время для него замедлило ход, а пространство послушно заколебалось вокруг, как отражения предметов на воде от медленной волны, формируя необходимый объем ПАО — зону абсолютно адекватного ответа, ограниченную только его подсознательной «волей» и эффективностью приемов боя, которыми он владел.

Самое интересное было в том, что он п о н и м а л, что делает! То есть в этой сверхкороткой схватке с тремя убийцами, вооруженными пистолетами-автоматами, участвовало и его сознание, чудесным образом успевая фиксировать — как наблюдатель со стороны, — что делает хозяин, руководимый подсознанием, работающим со скоростью компьютера. И только теперь Егор понял пословицу деда Спиридона: атака мастера начинается позже атаки врага, но заканчивается раньше.

Трое нападавших не успели осознать, что происходит. Один из них умер мгновенно, второй минутой позже, третий потерял сознание, еще продолжая двигаться и стрелять, но бой уже закончился... и начался снова, потому что налетчиков было больше, группа киллеров насчитывала десять человек, и один из них имел при себе «глушак».

Он не стал пугать Крутова наличием пси-генератора или предлагать сдаться, а просто нажал на курок, и Егор с грохотом полетел в глубокий колодец с черными и невероятно скользкими стенами, безуспешно пытаясь уцепиться за них и остановить падение. В какой-то миг ему удалось притормозить, колодец здесь разделялся на два тоннеля, но один был светлее и приятнее «на вкус», и Крутов «свернул» туда. Через некоторое время он врезался в зеленоватую толщу воды, пронизанную водорослями, едва не захлебнулся, пробиваясь изо всех сил наверх, к воздуху и свету, и наконец выскочил из болота полубеспамятства, хватая воздух ртом, как рыба.

Его «падение» длилось всего две секунды, пока организм переводил сознание «на другую частоту», но за это короткое время произошло несколько важных событий.

Во-первых, повинуясь программе защиты ПАО, он все-таки успел отпрыгнуть влево с пути врывающихся в зал убийц и спрятаться за колонну с образцами тканей. Во-вторых, в тылу ворвавшейся группы началось какое-то неожиданное для самих джентльменов в плащах движение, образовался как бы тихий смерч, и они начали падать один за другим, не успевая применить оружие. Последним на пути «смерча» оказался предводитель команды, вооруженный «глушаком», но и он не смог оказать сопротивления неизвестной силе: выстрелил наугад, попытался отступить и тотчас же потерял «глушак». А уже в следующее мгновение слепое дуло пси-генератора смотрело ему в лицо, беззвучная «пуля» разряда вылетела из дула, и командир «тающих» спецотделения ЛООС застыл в ступоре.

Только теперь Крутов разглядел причину, породившую невиданный «смерч», который в течение долей секунды поразил четверых боевиков команды киллеров. Это был худощавый, хорошо сложенный и гибкий, но не атлет с виду, молодой человек с открытым спокойным скуластым лицом, на котором выделялись крупные, но твердого рисунка, губы и пронзительно-голубые, даже синие и тоже очень спокойные, уверен-

ные глаза. Он огляделся, подмигнул Крутову, нагнулся к Шурику, дотрагиваясь пальцем до шеи.

— Что с ним? — спросил Егор, не чувствуя собственных губ.

— Жив, но надо вызвать «Скорую», — ответил незнакомец раскатистым голосом. — Двигаться можешь?

— Могу... — Крутов поплелся к выходу в рабочее отделение салона, стараясь не упасть; борьба с разрядом «глушака» отняла у него все силы. — Там женщины...

— Одна ранена, но легко.

— Кто?!

Молодой человек со светящимися синими глазами спрятал отнятый у киллера «глушак» в карман джинсовой куртки, оглянулся.

— С твоей женой все в порядке, хотя ее тоже ударили по голове.

— Кто ты? — вяло поинтересовался Егор, прежде чем скрыться за дверью.

— Твой коллега, — улыбнулся молодой человек, — исполнитель Замысла. Приводи в чувство женщин, я вызову милицию и «Скорую». В следующий раз будь прозорливей. Это нападение можно было предвидеть и предотвратить.

— Я не думал, что они пошлют команду сразу после контролеров.

— Ошибаешься, это одна и та же команда. Она охотилась не только за тобой, но и за местными компьютерщиками.

В зал ворвалась бледная, с широко раскрытыми глазами Елизавета, бросилась Крутову на шею.

— Живой!

— Живой, живой, — проворчал тот, косясь на незнакомца. — Шурика подстрелили.

— А ты?

— Цел и невредим. Звони в «Скорую» и в милицию, пока мы тут поговорим.

— Кто это? — Елизавета оторвалась от мужа, посмотрела на молодого человека с синими глазами. — Если бы не он...

— Меня зовут Георгий, — поклонился тот с легкой улыбкой на губах. — Но я спешу, извините. Остальное вы доделаете без меня. — Он направился к выходу из зала в коридор.

— Постойте, — опомнился Егор, догоняя его. — Ответьте хотя бы на пару вопросов. Кто вы на самом деле?

— Я уже сказал. В другом плане я Витязь и выполняю свою миссию.

— Но я... мне сказали... что я тоже Витязь, — растерялся Крутов.

— А почему вы думаете, что Витязь должен быть один? — обернулся Георгий. — Нас много, и каждый делает свое дело. Наши материальные дороги пересеклись, хотя и не случайно, и скоро разойдутся, но духовная дорога одна, она и ведет нас по жизни. То, что ты научился уходить в измененное состояние сознания волевым усилием, это хорошо, однако настоящий мастер живы никогда не допустил бы прямого контакта с врагом.

— Я еще только иду...

— Я тоже, — тихо рассмеялся Георгий. — И довольно часто допускаю ошибки. Например, наподобие той, что только что совершил.

— Не понял.

— Я не должен был вмешиваться в сферу твоей ответственности, полковник. Твоя же ошибка состоит в том, что ты не просчитал действия врага, пустил процесс на самотек. В другой раз тебе это с рук не сойдет.

Они прошли коридором и вышли во двор, где стояла машина ликвидаторов ЛООС — вишневого цвета «Додж».

— Все, дальше меня провожать не нужно, — твердо сказал Георгий. — Прощай.

— Спасибо за помощь.

— Учти урок.

— Обещаю. Последний вопрос: зачем ЛООС уничтожает компьютерщиков, программистов и операторов?

— Только о ч е н ь хороших компьютерщиков, способных взламывать любую сетевую защиту и разрабатывать частные программы.

— То есть, по сути, хакеров?

— В общем, да. Они сбивают векторы целей структурных центров управления, несущих «печать Сатаны», что естественно ведет к разрушению контуров управления региональных структур, а через них — всей сверхсистемы.

— Что такое сверхсистема? Нет, сначала что такое «печать Сатаны»?

— У меня уже нет времени...

— Хотя бы в двух словах.

— Сверхсистема — это человечество. А «печать»... еще в сороковых годах Соединенные Штаты разработали так называемую «стратегическую компьютерную инициативу», ставшую впоследствии программой бесконечного протезирования собственного интеллекта при полном нежелании его использовать. Именно она и стала каналом просачивания в мир программы Сатаны, его «печатью». Он же инициировал создание

таких операционных систем, как «Promis», якобы для юридических ведомств, а на самом деле — программ слежки за мирными гражданами. Но тема эта обширна и требует времени. Думаю, ты получишь необходимую информацию и без меня, у тебя еще все впереди.

— Откуда вы все так хорошо знаете?

— Ну, во-первых, у меня целых три высших образования, во-вторых, я общаюсь со знающими людьми, в-третьих, по долгу службы, как эксперт Совета безопасности, я курирую вопросы политики. Так что все просто. Прощай, полковник.

— Еще раз спасибо.

— Не за что. — Георгий вскинул кулак вверх, прощаясь, и зашагал через двор, постепенно заполняющийся любопытными гражданами, обратившими внимание на шум в салоне моды, но Егор заметил, что н и о д и н человек не посмотрел на Георгия и не проводил его взглядом. Будто никто его не видел.

Секунду постояв на холодном ветру, Крутов вернулся в салон, успокоил рыдавшую над телом мужа Сашу, раненную в плечо, и стал ждать появления милиции, раздумывая, что он им будет говорить.

* * *

Шурик выжил, несмотря на потерю крови и на то, что получил две пули в грудь и одну в живот. Выжил прежде всего благодаря энергетической подпитке, осуществленной Елизаветой еще до приезда медиков, а также вмешательству бабы Евдокии, приехавшей в больницу и просидевшей в операционной в течение всего времени, пока врачи извлекали пули.

Саша отделалась сквозной дыркой в плече, которую ей «залатала» в два приема Елизавета. Сама Лиза, получив удар по голове рукоятью пистолета, вылечила себя быстро, да и Егор помог, постепенно обретая навыки второй половины искусства живы — исцеляющей, животворящей, поднимающей тонус. Свои собственные синяки и царапины, к примеру, он теперь мог врачевать без посторонней помощи, они рассасывались у него за считанные минуты.

Вместе с дежурной бригадой сотрудников милиции к салону примчался и глава РОВД Петр Качалин, благодаря вмешательству которого особых осложнений с допросом у свидетелей — Егора и Лизы — не возникло. Егор честно поведал, как все произошло, только портрет Георгия нарисовал совсем другой, да имя его не упомянул. Следователь, конечно, пытался задавать каверзные вопросы, не веря в то, что расправу над хорошо вооруженной десяткой киллеров учинили всего два человека, но, узнав, что Крутов в прошлом — полковник

Федеральной службы безопасности, немного умерил свой пыл, а под умелым давлением Качалина и вовсе перестал интересоваться прошлым Егора. Допрос, таким образом, длился всего час, после чего Крутовых отпустили и они смогли поехать в больницу, чтобы дождаться результатов операции Шурика.

Остаток дня они провели дома в довольно тягостном состоянии духа, не помогло и присутствие деда Спиридона, пытавшегося разрядить обстановку. Егор, во всем случившемся винивший только себя, сочувствующих речей не воспринимал напрочь. Георгий был прав: попытку нападения можно было предупредить, используя арсенал мастера живы и опыт деда Спиридона, раз своего опыта не хватало.

Побалагурив на разные отвлеченные темы, ни разу не коснувшись происшедших событий, дед ушел, но, как только стемнело, к Крутовым заявились новые гости, и настроение супругов резко изменилось: это были Ираклий Федотов и Мария.

Суета, возникшая после их появления, скоро улеглась, обе пары уселись в каминном зале дома и принялись делиться новостями, что заняло довольно много времени. Потом они ужинали как давние друзья, а Егор вдруг заметил, как во время обмена взглядами Марию и Ираклия как бы соединяет некая «ментальная искра», что погрузило его в странное состояние ревности и облегчения. С одной стороны, он з н а л, что никакая сила не заставит его обмануть Лизу, с другой — п о н и м а л, что теряет нечто большее, чем защиту берегини, а с третьей — обнаружил внутри себя слабо тлеющий огонек уязвленного мужского самолюбия, помноженного на вожделение красивого женского тела. Это был голос плоти, и спорить с ним было очень трудно, грустно и неприятно.

Уловила и с к р у в отношениях гостей и Лиза, тонко чувствующая оттенки недоговоренностей, взглядов и жестов, искоса посмотрела на Егора, поддразнивая и намекая на некое знание ею отношения мужа к Марии. Егор ответил ей преувеличенно возмущенным взглядом и был прощен, хотя в глубине души чувствовал, что Елизавета понимает его больше, чем он сам.

— Знаете, чего я никак не пойму, — заявил впавший в задумчивость Ираклий, — почему нас до сих пор не ликвидировали. То, что демонстрирует ЛООС, посылая свои боевые группы, больше напоминает игру, фарс, мышиную возню и никак не отражает потенциал суперкрутой организации. Да любая оперативная команда, наподобие той, что руководил я или

Егор, справилась бы с задачей ликвидации любого человека в два счета!

— Ты не прав, Ираклий Кириллович, — возразила Мария, и от внимания Крутова не ускользнуло это ее «ты». — Во-первых, вы все профессионалы, специально обученные для действий в одиночку или в составе спецгруппы. Во-вторых, вы оба обладаете недюжинными паранормальными способностями, в том числе такими, как ощущение «ветра смерти» или переход в т е м п. А в-третьих, не учитываете одной очевидной вещи: вас берегут.

— Кто? И зачем? — в один голос воскликнули Ираклий и Егор.

Женщины переглянулись и засмеялись. С каким-то внутренним облегчением и смущением Крутов отметил и этот жест, подумав, что Мария и Елизавета, кажется, понравились друг другу.

— Я могла бы ответить — судьба, — проговорила Мария, — но буду не совсем честна. Вы оба избраны Предиктором, то есть соборным сердцем России, для выполнения его Замысла — коррекции развития страны, как и многие сотни других воинов, ученых, политиков, болеющих за Россию. Предиктор — это глубинная суть русского пространства, в него входят мудрейшие и влиятельнейшие люди, а также волхвы, наделенные даром жизнетворения и изменения мировых линий. Они способны видеть будущее и влиять на него, так что примите их участие в ваших судьбах как аванс. Только учтите, что аванс этот не будет длиться вечно и его надо отрабатывать.

Ираклий и Егор обменялись понимающими взглядами. Особого удивления от признания Марии они не испытывали, подготовленные к восприятию такого рода информации, но на мир все же смотрели с разных позиций. Егор с детства воспитывался человеком боя и шел к самореализации путем постижения мира через воинские искусства. Ираклий же был воспитан в духе тибетско-алтайских учений, десять лет пробыл в Южном Китае с отцом, где обучился системе лунг-гом, и только потом получил военное образование на родине и стал контрразведчиком.

— Значит, мы не вольны сами принимать решения? — уточнил Федотов. — За нас все решил Предиктор?

— В любой момент вы можете отказаться от исполнения Замысла, выбрать свою линию поведения, и никто не будет на вас в обиде. Только не надо торговаться: а что я получу взамен и так далее. Мой отец всегда говорил: никогда не торгуйся, лучше переплати, если вещь тебе нравится, этим ты приобретешь симпатию вещи.

— Я понял, — сказал слегка смущенный отповедью Ираклий, — хотя тоже не привык торговаться. И все же хочу знать, куда меня заставляют идти...

— Не заставляют.

— Ну просят. И что конкретно я должен делать.

— Ты все узнаешь в свое время, и не от меня, от гораздо более компетентных людей. Я всего лишь Ходок, то есть проводник идей Предиктора, исполнитель его поручений. Мне еще самой надо многому научиться и многое познать, чтобы шагнуть на следующую ступень.

— Ступень чего?

— Самореализации. Человек в своем развитии может пройти семь ступеней самореализации: от младенческого наивного «дай» и «хочу», через детское «не все так просто в этом мире», юношеское «есть другие люди с их «хочу» и «я как все», к четвертому уровню, который можно назвать «возвращением к себе». Это этап индивидуализации, и на нем обычно заканчивается развитие среднего человека, хотя и его достигают далеко не все.

— Пятая ступень — это углубление в себя? — тихонько спросила Елизавета.

— Пятый уровень — это уже объединение со всем миром, с природой. Достичь его позволено мудрецам к концу жизни.

— Тогда мы не доживем, — с улыбкой сказал Ираклий.

— Или тем, кто изначально наметил себе путь постижения мира через знание себя и кому помогают Достигшие цели.

— А шестая ступень?

— Она подвластна немногим — гениям, творцам, пророкам, волхвам. Ну а седьмого уровня достигают вообще единицы, личности типа Будды или Христа, великих Посвященных. Они способны кардинальным образом влиять на развитие мира, даже не прилагая к тому каких-то особых усилий. Другое дело — х о т я т ли они изменить мир. Насколько мне известно, Будда не хотел, будучи отпетым лентяем.

Беседующие посмотрели друг на друга, на Марию, сидевшую с веселым блеском в глазах, и рассмеялись.

— Где-то внутри я тоже большой лентяй, — сообщил Ираклий. — Часами могу созерцать текущую воду или пламя костра, все остальное мне в эти моменты до лампочки.

— Ты мудр, как старик Лао Цзы, — сказал Егор. — Он тоже любил созерцать красоты природы. Ну хорошо, милые гости, мы все обсудили, все выяснили, согласились, что жизнь прекрасна независимо от того, признаем мы это или нет. Можно убить ее на злобу и удовлетворение инстинктов и амбиций, а можно потратить на любовь и понимание.

Егор поймал два по-разному заинтересованных взгляда — Марии и Лизы, но сделал вид, что не заметил.

— На повестке дня один вопрос, свойственный любой личности в России в любые времена: что делать?

— Надо ехать в Осташков, на родину Воробьева, — сказала Мария деловым тоном, сдвинув брови; посерьезнели и остальные. — Организация, в какую он попал, заинтересована лишь в одном: в переделе власти, о которой широкая общественность не имеет ни малейшего понятия, причем с помощью агрессивных информационных технологий и психотронного оружия. Своего у них нет, и они первым делом хотят отнять его у тех, у кого оно есть.

— У Легиона.

— У высших руководителей Легиона. Рядовые исполнители вряд ли знают о его существовании. Панкрат в скором времени поймет, что его обманули, начнет дергаться, и под удар неминуемо попадет его семья. Надо подстраховать ее, помочь выбраться оттуда, тем более что его жена — твоя сестра, Егор Лукич.

— Это не главное, — качнул головой Крутов. — Но если мы и поедем в Осташков, то вдвоем с Ираклием. Вы останетесь.

— Нет, — выдохнула Елизавета, — я поеду с тобой.

— Ты останешься.

— Но, Егор...

— Да пойми ты, мне будет спокойнее...

— Не спорьте, Крутовы, — сказала Мария. — Лиза, мы с тобой подъедем позже, пусть мужчины отправляются вдвоем. Твой муж прав: ему необходима свобода маневра.

Лиза посмотрела на нее, поджав губы, но не возразила, только дала понять взглядом, что не согласна с этим предложением.

— Давайте выпьем за нас, — предложила Мария, — и за тех, кто сердцем с нами.

Крутов принес бутылку водки, налил всем по глотку, и они сдвинули рюмки.

МОСКВА

ВОРОБЬЕВ

Панкрат слабо знал Библию, не относя себя ни к атеистам, ни к верующим, однако же кое-что помнил и некоторые ее заповеди: «Будет день — будет пища», «Не заботьтесь о завтрашнем дне», — считал иждивенческими, воспитывающими в людях паразитирующие настроения. Сам он привык жить в соответствии с заповедями деда: не заботься о дне сегодняшнем, о

нем позаботились твои отец, деды и прадеды, заботься о дне завтрашнем, чтобы не прокляли тебя дети и внуки. Даже служа Отечеству в столь специфической области, как внешняя разведка, Панкрат не отступал от своих принципов и выстраивал концепцию поведения на несколько шагов вперед, что позволило ему избежать многих неприятностей и бед. После переезда в Осташков с семьей он несколько ослабил контроль за воплощением в жизнь дедовых стратегий, полагая, что основные тревоги позади. Но мир был более жесток и злопамятен, чем думалось, и Панкрату снова пришлось встать на тропу войны ради того, чтобы дети и жена спали спокойно, чтобы им ничто не угрожало.

Однако, кроме беспокойства за близких людей, Панкрат начал испытывать и щемящее чувство ненужности и нелепости происходящего. С одной стороны, идеи «Психодава» были хорошо обоснованы и, теоретически, преследовали благую цель, с другой, воплощали их в жизнь люди, которым Воробьев не слишком симпатизировал. А главное, судя по обмолвкам в беседах, а также таинственной возне с захватом некоторых политических и военных деятелей, «Психодав» занимался чем-то еще, о чем его рядовые бойцы не догадывались. Панкрат же хотел знать точно и предпринял ряд шагов, чтобы выяснить истинные цели руководства «ПД», закамуфлированные высокими идеалами сохранения Российского государства.

Прежде всего он выяснил, что Дмитрий Лысцов, командир ЛООС, после допроса был убит и похоронен на дне Москвы-реки. Вопрос — зачем его понадобилось ликвидировать? — остался открытым. После этого Панкрат дождался возвращения Родиона с очередной операции и зашел к нему в номер, не уступавший по комфортабельности его собственному. Шел уже второй час ночи, и бывший «мститель», получивший звание капитана внутренних войск и группу «Тень» в подчинение, собирался ложиться спать.

— Тебе чего, командир? — открыл он дверь, не торопясь впускать Панкрата в номер. — Отдыхай, ты вчера неплохо поработал.

Панкрат выставил вперед руку с бутылкой водки.

— Давай булькнем по рюмашке, за успешное завершение операций. Чего-то я перенервничал.

Родион, до конца не снявший с себя черный комбинезон (все тот же комплект «ниндзя-1»), подумал и отступил в сторону.

— Проходи. Извини за беспорядок. Садись там у столика, доставай рюмки, я сейчас.

Пока Родион переодевался и умывался, Панкрат откупорил

бутылку «Кристалла», разлил по рюмкам, сел в кресло, разглядывая бардак в гостиной: судя по некоторым штрихам и невыветрившемуся запаху духов, здесь бывали женщины. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Кокушкин был холост, а женщин в «Психодаве» хватало, они работали практически во всех его отделах. Жили они и на базе, этажом выше.

Родион вернулся в комнату, взял рюмку, проследил за красноречивым взглядом бывшего командира, криво усмехнулся:

— Так и живем, ни в чем себе не отказываем. Ну, вздрогнули?

Они выпили, закусили бутербродами с соленым огурцом и ломтиками сала. Родион выглядел заторможенным, углубленным в какие-то размышления и практически не разговаривал, глядя прямо перед собой. Панкрат заметил его состояние и осторожно спросил:

— Что это ты такой задумчивый? Рубль потерял?

— Не надо было ее... — вздохнул Родион, очнулся, налил себе еще рюмку водки и залпом выпил, захрустел огурцом. Глаза его заблестели.

— Кого ее? — небрежно поинтересовался Панкрат.

— Жену Лысцова. Начала сопротивляться, сука, и Кремень ее...

Панкрат помрачнел.

— Значит, это твоя группа брала квартиру полковника? Зинчук мне говорил, что это задача «Тени», но не сказал, кто именно будет ее выполнять. На кой хрен вы туда полезли? Мало было самого Лысцова?

— Мало, — скривил губы Родион. — Мы должны были обыскать квартиру.

— Зачем?

— По нашим сведениям, у него были «глу...»— Родион осекся, прижал палец к губам, оглянулся. — Т-с-с, я ничего не говорил, ты ничего не слышал! Об этом никто не должен знать!

— Не боись, братан, я никому не скажу. Кто это тебя так напугал? Зинчук, что ли?

Лицо Кокушкина пошло пятнами, глаза заблестели еще сильней, подернулись флером легкого безумия. Пить водку ему было явно противопоказано.

— Ты не представляешь, — прошептал он, — как тут умеют развязывать языки! Даром что нет «глушаков»! Зинчук — координатор, он сам не занимается грязной работой, для этого существует тройка «святой инквизиции» под началом одного... академика. Бывший врач, доктор наук, работал в психиатрической правительственной клинике, теперь с нами. По-

падешь к нему в руки — пиши пропало, расскажешь даже то, чего не делал.

Родион опрокинул в рот еще одну рюмку водки, осоловел, снова прижал палец к губам.

— Все, хорош. Хочу спать. Смотри, командир, не проговорись...

Он уронил рюмку на пол, поплелся в спальню и ничком рухнул на кровать.

Панкрат встал, подошел к нему, тронул за плечо.

— Ну и как, вы нашли у Лысцова в квартире «глушаки»?

— Нашли... один...

— А зачем они вам?

— Клуб воспитания... — невнятно ответил Родион, — будем воспитывать авторитетов...

— Каких авторитетов?

Родион не ответил. Панкрат подождал немного, покачал головой, вернулся в гостиную и вылил водку из своей рюмки в бутылку. Потом внимательно осмотрел комнату, отмечая каждую деталь, пока не нашел то, что искал, — два «жучка», вмонтированные в настольную лампу и в телефон: номер прослушивался.

Вернувшись к себе, Панкрат тщательно обыскал свои апартаменты и тоже обнаружил «клопов» прослушки. Кому-то очень хотелось знать, о чем говорят между собой рядовые бойцы и командиры боевых групп «Психодава».

Спать он лег в дурном расположении духа, хотя уснул на удивление быстро. Зато снились ему такие кошмары, что он трижды просыпался за ночь, липкий от пота, пытаясь осмыслить сновидения, тут же засыпал снова, чтобы спасаться от кого-то бегством, мчаться куда-то в странном экипаже, напоминающем подводную лодку, драться с десятком ниндзя в черных балахонах, которые пытались похитить детей Лиды, и опять просыпался с криком в горле, хватаясь за оружие под подушкой. Уже утром, когда кошмары наконец перестали сниться и Панкрат почувствовал облегчение, в номер постучали.

Он встал, умылся холодной водой, мимолетно глянув на часы: шесть с минутами, для уборщицы рановато, — и открыл дверь. Перед ним стояла юная красавица в полураспахнутом халате, открывающем тугие груди с твердыми сосками. На вид ей было лет восемнадцать, но глаза, оценивающе-циничные, с призывным блеском, слегка одурманенные сном или наркотиком, выдавали ее возраст с точностью до года: двадцать во-

семь. Почему-то именно эта цифра всплыла в голове ошеломленного Панкрата.

— Ну, мне долго здесь стоять? — мурлыкающим голосом осведомилась красотка. — Может, впустишь наконец?

— А вы случайно не ошиблись номером? — осторожно спросил Панкрат.

— Какая разница? — повела плечиком гостья. — Неужели не нравлюсь?

Халат распахнулся сильнее, и стало видно, что под ним на красавице ничего нет. Крутые бедра, плоский живот, треугольник черных волос, бугорок лобка... дама была весьма соблазнительна, вполне осознавая это, и Панкрат сразу протрезвел.

— В другой раз, детка, — сухо сказал он, закрывая дверь.

В коридоре раздался смех, затем зовущий мужской голос, и все стихло. Покачав головой, Панкрат напился минералки из холодильника, добрался до кровати, но лечь не успел: в дверь снова постучали. Однако на сей раз гость был мужчина — Архип Иванович Мережковский собственной персоной. Причем не один, с капитаном Зинчуком.

— Извините, Панкрат Кондратович, за столь ранний визит, — сказал Мережковский. — Есть разговор. Разрешите войти?

Панкрат молча посторонился.

Гости прошли в номер, Зинчук заглянул в спальню, отрицательно качнул головой в ответ на взгляд Мережковского, что не ускользнуло от внимания Воробьева, и расположились в гостиной. Заместитель главы «Психодава» сел в кресло, Зинчук прислонился к косяку двери, с преувеличенным вниманием разглядывая картину на стене: зимний пейзаж.

Панкрат надел тренировочный костюм, сел на диван, не спеша задавать вопросы. Он уже понял, что его разговор с Родионом стал известен руководству и что речь пойдет именно об этом.

— Панкрат Кондратович, — произнес наконец Мережковский, — мне доложили о вашем странном любопытстве к делам нашей организации, которые никак не касаются вас лично.

Панкрат не ответил.

Гости переглянулись.

— Что вы на это скажете?

— Ничего, — лаконично сказал он.

Мережковский улыбнулся, в то время как глаза его оставались непроницаемо-холодными.

— О чем вы говорили с вашим бывшим приятелем?

— С кем?

— С Родионом Кокушкиным.

— Не помню. Почему бывшим?

— Он умер.

— Что?! — не поверил ушам Панкрат. — Как это умер? Я же недавно с ним...

— Выпивали и беседовали. Вот нам бы и хотелось выяснить, о чем вы разговаривали. Вам не кажется странным одно обстоятельство, полковник? Люди, с которыми вы дружите или конфликтуете, внезапно отдают концы. Сначала Твердохлеб, теперь Кокушкин... а?

Стремительный поток мыслей пронесся в голове Воробьева, но среди них не было ни одной дельной, и он заставил себя успокоиться.

— Я никого не убивал.

— Хорошо, допустим. В принципе идея привлечь вас к нашей работе принадлежала самому Кокушкину, за что он и пострадал. Но уж слишком легко вы с ним покончили.

— Знаете что, господин психолог, — твердо сказал Панкрат. — Вы прекрасно знаете, что я Родиона не убивал. Чего вы хотите? Говорите прямо.

— Конечно, вы убили его не руками. Вы сначала напоили его, сняли блокаду, задали интересующие вас вопросы, а уж потом сработала программа.

Панкрат окаменел.

— Вы хотите сказать, что Родион был... зомбирован?!

— Разве вы этого не знали?

— Господи! — Панкрат зажмурился, надавил пальцами на глаза, посмотрел на внимательно наблюдавшего за ним Мережковского. — Какой же я идиот! И какая же вы сволочь, Архип Иванович! Вы же говорили, что охотитесь за разработчиками психотронного оружия, и в то же время сами его используете!

— Мы применяем другие методы, — спокойно возразил Мережковский. — Сверхвысокочастотное неионизирующее излучение. Рабочую аппаратуру для этого, кстати, можно изготовить даже в кустарных условиях, но мы, естественно, используем готовые аппараты для лечения неврозов в спецклиниках и электрошокеры. СВЧ-поле внедряет информацию прямо в мозг, знаете ли, ускоряет любую психообработку подсознания. Те же методы, к слову, используют и наши враги из Легиона, однако их аппаратура намного совершенней и проще.

— «Глушаки»...

— Совершенно верно, генераторы суггестивной обработки

сознания типа «удав», которые метко названы «глушаками», генераторы боли «пламя», так называемые «болевики», стационарные комплексы «анаконда»... Да, кстати, зачем вам надо было допытываться у вашего приятеля о его работе? Знать о «глушаках»?

— Не люблю, когда меня держат за «шестерку», — глухо сказал Панкрат. — Если бы сразу рассказали мне, что охотитесь за «глушаками»...

— Что бы изменилось?

— Все! Меня бы здесь не было.

Гости снова обменялись взглядами.

— Он опасен, — с ленивым видом сказал Зинчук, разглядывая свои ногти. — И вряд ли согласится работать под контролем.

— У нас его семья.

Сердце Панкрата дало сбой.

— Это вы обо мне? — тихо осведомился он, чувствуя, как голова начинает кружиться от обиды и гнева.

Мережковский оценивающе глянул на него.

— Ведь вы действительно не станете работать под контролем, Панкрат Кондратович? Даже зная, что ваша семья в наших руках? Сбежите при первой же возможности?

— Сволочь! — одними губами произнес Панкрат.

— Разрешите, я его... — Зинчук достал из-под мышки необычной формы пистолет с толстой надульной насадкой красного цвета.

— Погоди, — остановил его Мережковский. — «Болевик» лучше испытать на ком-нибудь другом. Попробуем его убедить. Итак, дорогой мой полковник, выбора у вас нет: или — или... а цели наши не столь уж и богопротивны, как вы себе внушили. Да, нам нужна психотронная техника, но не для зомбирования мирных граждан, не ради прикрытия элитарных амбиций и псевдопатриотизма, а для борьбы с предателями народа, нации, государства, для воспитания лидеров мафиозных структур, чтобы они работали на общество, для изменения концепции управления такой великой державой, как Россия. Вы знаете, что существует директива Совета национальной безопасности США № 20/1 от восемнадцатого августа тысяча девятьсот сорок восьмого года о разрушении единого СССР? Сработала она только в девяносто первом году, но этого господам из Америки мало, и они продолжают попытки доразрушения былого монолита — России, иногда дающие результаты. Отделение Чечни — безусловно, их успех. Мы, конечно, боремся с информационно-психологической атакой, осу-

ществляемой спецслужбами из-за кордона, да и нашими тоже, через телевидение и компьютерные сети, но без психотроники победить не сможем. Вас это не убеждает?

— Нет, — ответил Панкрат, чувствуя душевную раздвоенность и дискомфорт: штатный идеолог «Психодава» был во многом прав. — Теперь модно сваливать грехи развала страны на иностранные спецслужбы.

— Вы правы, наши спецслужбы виноваты в этом не меньше, хотя главным фактором разрушения России были и остаются политики, рвущиеся к власти. Но бог с ними, с политиками. Каждый из них лишь в меру собственного понимания работает на себя, а в меру непонимания — на того, кто понимает больше. Это тема отдельного разговора. Вернемся к спецслужбам. Вы знаете, что у них уже имеются излучатели инфразвука, соответствующего по частоте собственным колебаниям внутренних органов человека, способные влиять на эти органы? Вам известно, что в работах по созданию пси-оружия были задействованы двадцать закрытых НИИ, в том числе такие, как НИИ Новосибирского академгородка, ЦНИИ психологии в Николаеве, Институт компьютерных психотехнологий в Москве...

— Зачем мне это знать? — перебил Панкрат оратора, пытаясь не поддаться его вкрадчиво-доверительному голосу.

— Я просто хочу вас известить, что методы нейролингвистического программирования и суггестирования д а в н о применяются в практике правителей нашего многострадального государства. Даже мафия имеет их на вооружении и пользуется соответствующей аппаратурой и услугами ученых и специалистов. Что дальше? Как с этим бороться, если не подобным же оружием?

Панкрат молчал.

— Вам нравится смотреть агрессивную рекламу женских прокладок, чужих лекарств, средства от перхоти и кариеса, американские боевики? Обращали ли вы внимание на то, что на девяносто девять процентов герои этих боевиков — убийцы и бандиты, внезапно превращающиеся в «добрых и хороших» парней? Анализировали ли вы районы и места действия боевиков? Свалки, помойки, трущобы, полуразрушенные корпуса заводов... Что это, если не зомбирование зрителей, навязывание абсолютно г р я з н о г о образа жизни как нормы?

Панкрат молчал.

— И последнее. Если не мы, то кто способен остановить этот поток грязи и лжи, психологической обработки нашего

народа? Зомбированный Легион? Зомбированное правительство? Зомбированная Дума?

— Не знаю, — глухо сказал Панкрат. — Но мне понятно одно: идеал, который требует использования любых средств для его достижения, есть не идеал, а дерьмо!

Мережковский посмотрел на Зинчука, потом на Панкрата, засмеялся, ударил себя ладонями по коленям (этот жест Зинчук, наверное, перенял у него) и встал.

— Вы упрямый и недалекий человек, Панкрат Кондратович. Видимо, я ошибся, полагая, что вы способны оценить и понять наши идеи. Придется показать вас нашим медикам. Идиотизм они не вылечивают, но поднять интеллект могут. Хотя мне искренне вас жаль.

— Ничего не поделаешь, — насмешливо пожал плечами Панкрат, собираясь в тугой комок мышц и нервов, — прошла любовь, завяли помидоры.

Зинчук поднял свой необычный пистолет, но, заметив напрягшееся лицо Воробьева, его готовность к броску, опустил «болевик».

— Архип Иванович, он не прочь подраться. Может быть, я попробую успокоить его иначе?

Мережковский в нерешительности остановился, посмотрел на часы.

— У нас мало времени.

— Да я быстро.

— Хорошо, подожду минуту.

Зинчук отдал ему «болевик» и тотчас же прыгнул к Панкрату, будто его метнула катапульта. Гостиная, ставшая ареной боя, была не слишком велика, к тому же почти всю ее площадь занимала мебель: два кресла, диван, овальный стол на гнутых ножках, стеклянный буфет, трюмо, торшер, телевизор на подставке, — поэтому Панкрату пришлось вспомнить школу «утки» — систему боя в ограниченных пространствах. Но и Зинчук знал приемы этой школы, хотя принципиального значения это не имело. Главным было то, что он владел редким змеиным стилем рукопашного боя ца-цюань — стилем «королевской кобры», в основе которого лежало подражание гигантской ядовитой королевской кобре — гамадриату. Панкрат знал о существовании стиля ца-цюань, разработанного еще в девятом веке монахами монастыря Кэпусы[1], но сталкивался с мастером этой школы впервые. Видимо, капитан Зинчук не один год провел в Китае, неважно — по долгу службы или нет, и смог достичь квалификации мастера шэ-цюань.

[1] Китай, юго-западная провинция Сычуань.

Тактика ца-цюань основана на трех принципах. Первый — «змеиная неподвижность». Бойцу какое-то время следует быть неподвижным и спокойным, чтобы потом неожиданно броситься на противника. Для этого используются мгновенные развороты и скручивания корпуса, круговые движения руками, резкие разгибы ног и повороты таза. Удары же, хлесткие, молниеносные, наносятся в основном кончиками четырех пальцев, сложенных вместе, или двух — так называемые «зубы змеи» и «жало змеи», а также ладонью. Руки, расслабленные и мягкие, как веревка, в начальной стадии приема, на большой скорости «обтекают» практически любую защиту противника.

Второй принцип — «слияние». Боец должен соединить в себе «внешнее и внутреннее», чтобы превратиться в настоящую змею. Это должно проявляться во всех движениях мастера, когда его кисть становится то головой змеи, наносящей быстрый выпад вперед и стремительно уходящей назад, то ее жалом.

И в-третьих, ца-цюань требует от бойца особой гибкости и подвижности всего тела. Панкрат знал, что для выработки гибкости и «состояния веревки» наставники школ шэ-цюань заставляли учеников часами ползать по камням, обтекать их и обвиваться вокруг стволов деревьев. Он и сам использовал в своей подготовке элементы такого тренинга, поддерживая суплес организма, подвижность и эластичность мышц.

Зинчук несомненно был мастером змеиного стиля. Ему не мешали ни одежда, ни мебель. Он менял стойки, как узоры калейдоскопа. Движения его ног были мягкими и текучими, как бы неспешными, но в действительности они всегда таили в себе взрыв. Он мгновенно сокращал дистанцию, наносил укол «жалом» в уязвимые точки: глаза, горло, солнечное сплетение, пах, под мышку, — отступал и тут же бил снова. Защищаться от таких приемов было очень трудно, потому что блоки против них не работали, и приходилось все время ускользать, отклоняться, отпрыгивать, рискуя наткнуться на стол или кресло и получить смертельный «укус».

Два удара Панкрат все же пропустил: в ухо и в горло, хотя и успел несколько ослабить последний поворотом тела, но потом с минуту дрался «на автопилоте», регулируя дыхание, зато поймал Зинчука на прыжке с «подползания»: капитан показал себя настоящим акробатом, вытягиваясь в струну и прыгая с пола вверх, как это делает реальная змея. Но Панкрат к этому времени был уже готов к ответу и использовал

«лапу тигра» — удар сверху ладонью с растопыренными и напряженными пальцами, что подействовало на противника, как холодный душ. Зинчук отступил, стал больше хитрить, качать торсом вправо-влево, делать обманные движения, но, так как Панкрат не атаковал, капитан снова пошел вперед, горя желанием добить смятого противника, уверенный в своем превосходстве. Однако именно самоуверенность и наказывает высоких мастеров, отрицающих духовную основу совершенствования, с пренебрежением относящихся к своим соперникам. Зинчук исключением не был.

Уже добивая Воробьева, загнав его в угол между шкафом и стеной, выбирая место последнего «змеиного укуса», он не обратил внимания на расслабленность тела противника, принимая ее за последствия своих атак, и оказался совершенно не готов к «взрыву» ответных действий, когда Панкрат наконец включил темп и, пропустив над головой очередной укол «зубами кобры», одним движением сломал Зинчуку кисть руки, а затем и челюсть — ударом ноги, когда тот вскрикнул и отпрянул.

— Браво! — раздался от двери голос Мережковского, о котором Панкрат совсем забыл. Оглянулся. Архип Иванович смотрел на него сузившимися глазами и о чем-то размышлял, держа в руке пистолет. Впрочем, это был не пистолет, а «глушак». Судьба снова сводила Панкрата с «отсекателем воли», от разряда которого его долго лечила жена.

— Вы очень сильный боец, Панкрат Кондратович, — продолжал Мережковский, бледно улыбнувшись в ответ на угрожающий взгляд победителя. — Мне очень жаль, что мы с вами не договорились. Может, передумаете? Мне теперь понадобится помощник вместо капитана.

— Он жив.

— Все равно ваши кондиции более впечатляющи, а ему теперь придется долго восстанавливаться. Итак?

— Нет.

— Жаль. — Мережковский вздохнул, направляя ствол «глушака» на Панкрата, и в это время в дверь номера кто-то постучал.

Заместитель начальника «Психодава» оглянулся, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Панкрат метнул в Мережковского нож.

Вскрикнув, тот выронил «глушак» — нож попал ему в руку, схватился было второй рукой за карман плаща, но Панкрат был уже рядом, щелчком пальца в кадык отправил Мережковского в бессознательное состояние и прыгнул в прихожую, где

уже стоял громадный загорелый парень, телохранитель Архипа Ивановича. Конечно, он был тренирован и вооружен, но вряд ли рассчитывал нарваться на атаку, зная, что шеф не один. На первый удар Панкрата — в лицо — он среагировал, заслонившись локтем, но второй — в пах — пропустил, и Панкрат добил его ребром ладони по шее. Прислушался к тишине в коридоре — никто не спешил к номеру, никто не поднимал тревогу. Тогда он в течение нескольких секунд оделся в обычный свой джинсовый костюм, рассовал по карманам метательные пластины, подобрал выпавшие у Мережковского и Зинчука «болевик» и «глушак» и выбрался из номера через окно спальни. Спрыгнул со второго этажа на траву за асфальтовой дорожкой под стеной здания, бесшумно рванул к автостоянке базы, где сел в «рафик» «Скорой помощи» и подъехал к воротам базы.

— А, это вы, товарищ полковник, — сказал часовой, включив на мгновение фонарик. — Куда это вы так рано?

— Задание, — коротко ответил Панкрат.

Часовой открыл ворота, и вскоре Воробьев был уже далеко от бывшего туберкулезного диспансера, приспособленного «Психодавом» для своих нужд.

«Рафик» он оставил на Кольцевой автодороге, присмотрел себе пятитонный самосвал возле дорожного ресторана, на неохраняемой стоянке, открыл дверцу кабины и спокойно вывел грузовик на трассу, воспользовавшись специальными навыками диверсанта, освоенными им за много лет службы. Через четыре часа он был в Осташкове, где Лида с рыданием поведала ему о том, что дети исчезли.

— Когда? — спросил он, обнимая жену, испытывая жуткое чувство холодной ненависти.

— Я только что из милиции... позвонили из школы и из садика... Антона и Настю забрала какая-то женщина, сказав, что она родственница... сижу теперь и жду...

— Где охранники?

— Утром куда-то исчезли.

Они сделали это, пока я ехал, подумал Панкрат, как о чем-то обыденном. Мережковский очнулся и дал команду похитить детей, чтобы я не рыпался. Где их теперь искать?

— Успокойся, — сказал он деревянными губами, поглаживая Лиду по спине. — Мы их найдем. Посиди дома, я съезжу в школу и в сад, выясню, как выглядела женщина.

— Я с тобой.

В дверь дома кто-то постучал.

Панкрат резко отстранил жену, шепнул:

— Спрячься в спальне.

Лида безмолвно направилась в спальню, и в это время снаружи раздался чей-то знакомый голос:

— Эй, хозяин, открывай, принимай гостей.

Панкрат открыл дверь и с облегчением увидел улыбающиеся лица Ираклия Федотова и Егора Крутова.

МОСКВА

ДЖЕХАНГИР

Очередные попытки «тающих» ликвидировать свидетелей в Алтайском крае и Ветлуге провалились. Но не череда неудач ликвидаторов заставила Джехангира задуматься о странности происходящего и даже не таинственное похищение Дмитрия Лысцова, командира ЛООС, а поведение Умара Тимергалина. Психотерапевт и экстрасенс все реже звонил и все чаще отказывался от встреч под разными предлогами, а также практически перестал консультировать Джехангира, помогать в решении возникающих проблем. Советы же его сводились теперь в основном к одному: лучший выход из создавшегося положения — отставка, уход из Легиона, обрыв всех связей с РВС. Это забавляло и одновременно злило Мстислава Калиновича, пока он наконец не прислушался к голосу собственной осторожности и не пришел к выводу, что Тимергалин ведет себя так неспроста. То ли он решил вообще порвать с кругом людей, входящих в систему Реввоенсовета, то ли в самом деле увидел опасность, угрожающую РВС в будущем. В таком случае следовало поговорить с ним по душам и выяснить причины его нежелания общаться с тем, кого он спас от неминуемой смерти в Жуковских лесах.

Однако Тимергалин и на этот раз отказался приехать к Джехангиру, сославшись на занятость.

— Умар, в чем дело? — вспылил Джехангир, прижимая к уху трубку мобильного телефона. — Что случилось? Ты заболел? Мы не встречались месяц, и у тебя снова не находится для меня двух часов. Или ты нашел других покровителей?

— У меня нет покровителей, — бесстрастно ответил Тимергалин.

— Тогда почему ты себя так ведешь? Мне нужен твой совет.

— Мстислав, я действительно занят. Могу лишь посоветовать тебе не ехать туда, куда ты собрался.

— Откуда тебе известно, куда я собираюсь ехать?

— Неважно. Я знаю, что ты хочешь возглавить группу «тающих» ЛООС для ликвидации своего бывшего ученика Егора Крутова. Не делай этого, он тебе уже не по зубам. В крайнем случае пошли профессионалов покруче.

Джехангир хмыкнул, но, так как привык доверять советам экстрасенса, возражать ему не стал.

— Когда мы сможем увидеться? Я могу в конце концов подъехать к тебе.

— Может быть, на следующей неделе, я позвоню.

— Ну хорошо, скажи тогда хотя бы, кто захватил Лысцова?

Короткое молчание в трубке и короткий ответ:

— «Психодав».

Затем связь прервалась.

Джехангир выругался, бросил трубку на стол и принялся мерить шагами кабинет. Успокоившись, вызвал аналитиков Легиона Успенского и Башкина и до обеда работал с ними, обсуждая проблемы, возникшие в связи с деятельностью таинственного фактора, мешающего работе ЛООС в частности и Легиона в целом. Фактор этот пока никак не обозначил свои приоритеты и цели, не проявил сеть своих исполнителей, но все больше начинал сказываться на работе огромного отлаженного механизма, которым за последние два года стал РВС, включивший в орбиту своего движения многие государственные структуры, создавший свою армию — Легион и готовый к перехвату власти.

В два часа дня Мстислав Калинович позвонил Валягину, собираясь предложить ему вместе пообедать, и был чрезвычайно озадачен, когда председатель РВС сухо ответил ему, что занят. У Джехангира даже вырвался смешок, уж очень голос Винсента Аркадьевича напоминал голос Тимергалина.

— Вы словно сговорились, Винсент, — сказал он, чувствуя нарастающую в душе злость. — Только что мне во встрече отказал Умар.

— Я с твоим другом не сговаривался, — тем же тоном отрезал Валягин. — А ты поразмышляй, в чем причина его отказа.

— Уже поразмышлял.

— Ну?

— Все дело в силе, которая начинает путать наши планы и которую я назвал Сопротивлением. Тимергалин, как экстрасенс, чувствует это и не хочет рисковать, вот и все. Но мне хотелось бы обсудить кое-какие наши планы. Обстоятельства таковы, что они требуют корректировки.

— Хорошо, — после долгого молчания сказал Валягин, — встретимся вечером в «Метрополе». Кто похитил твоего Лысцова, выяснил?

— Люди Клюева.

— Это я и без тебя понимаю. Кто именно? Где их база? Ее надо найти и немедленно уничтожить.

— Я бы не стал действовать столь радикально, — осторожно возразил Джехангир. — Ты же знаешь формулу: чтобы уничтожить какую-нибудь структуру, надо возглавить ее, а не сопротивляться ей.

— У нас мало времени, «Психодав» вплотную по-добрался к нашим объектам на Алтае и в Нижегородской области. Надо убирать Клюева, его помощников из KKOPP, а также подготовить к передислокации базу Директора Проекта.

— Куда?

— Есть два предложения: за Урал и в Швейцарию. Проанализируй оба.

Джехангир сложил губы трубочкой, словно собираясь свистнуть.

Сообщение Валягина говорило, что Директор Проекта Юрий Тарасович Бессараб т о ж е почувствовал опасность и готовил почву для бегства. Другими причинами объяснить его внезапное желание перебазироваться с Селигера в другое место было трудно.

— Тебе предстоит еще посетить базу на Селигере, — продолжал Валягин, — проверить систему охраны объекта и на всякий случай подготовить его к ликвидации, но так, чтобы не узнал Юрий Тарасович. Это первое. Второе: из отстойника «Объекта № 4» на Алтае сбежала группа зэков, пошли за ними горных охотников из Барнаула. Кстати, свидетелей в Бийске твои ликвидаторы снова упустили?

Джехангир нахмурился. Слова Валягина подтверждали подозрения командующего Легионом о наличии у Винсента Аркадьевича собственной разведки.

— Я лично отправлю туда...

— Никого не надо отправлять, свидетели скоро объявятся в Ветлуге. Пошли лучше пару групп туда.

— Тебе это бабка нашептала? — не удержался от сарказма Мстислав Калинович.

— Билл Гланц, — сухо ответил Валягин.

— Он-то откуда знает о свидетелях и о том, что они поедут в Ветлугу?

— В Ветлуге, дорогой генерал, живет твой ученик Крутов, не так ли? Гланц был там и видел его, а он, между прочим, экстрасенс посильнее твоего Тимергалина. Короче, брось все силы ЛООС на Ветлугу, а сам займись Селигером и «Психодавом». Да, включи в свои планы ликвидацию одного общественного деятеля, гроссмейстера Международного Ордена чести. Этот Орден в последнее время завоевал слишком большое влияние в среде нашего электората.

— Не лучше ли закодировать его?

— Не лучше, на его место придет заместитель, а он наш человек. Все, работай.

Джехангир хотел было спросить, к какому часу подойти в «Метрополь», но председатель РВС уже отключил связь.

— Не нравится мне все это, — признался Мстислав Калинович, обращаясь к телефону. — Может, Умар прав?

ВЕТЛУГА

ПСЫ ЛЕГИОНА

Они прибыли в этот небольшой заштатный городок на севере Нижегородской губернии на двух «Ми-8», принадлежащих Российскому легиону. Базы Легиона возле Ветлуги не было, и вертолеты сели в лесу около Афонихи, в трех километрах от города, где несколько дней назад останавливалась первая группа ЛООС, уничтоженная почти полностью при странных обстоятельствах в самом центре Ветлуги, в салоне моды. Оставшийся в живых наблюдатель клялся-божился, что свидетель, которого надо было ликвидировать, не догадывался о засаде, подготовленной благодаря умелой организации операции (объект договорился о встрече в салоне моды со своим приятелем-компьютерщиком, также подлежащим уничтожению), но как ему в одиночку удалось справиться с хорошо вооруженной и подготовленной группой, так и не узнал. Факт оставался фактом: бывший полковник антитеррористического спецназа ФСБ Егор Крутов остался жив, а группа потеряла восемь человек убитыми при двух раненых, умерших позже в больнице после допроса их следователем прокуратуры.

Командовал новым подразделением ЛООС майор Кащеев, прозванный за свой аскетично-скелетообразный вид Кощеем Бессмертным. До Легиона майор был старшим лейтенантом и командовал взводом охраны Министерства обороны, хорошо владел рукопашным боем и стрельбой по-македонски — с обеих рук. Благодаря длительной подготовке, опыту войн в Абхазии и Приднестровье, а также решительности и жесткой требовательности к подчиненным он был замечен кадровиками Легиона и переведен в ЛООС, где вскоре стал вторым замом полковника Лысцова. После его гибели он вполне мог

занять место командира ЛООС и новое задание считал контрольной проверкой перед повышением в должности. Поэтому решил выполнить приказ любой ценой, не считаясь с потерями ни среди бойцов команды, ни среди мирного населения, если оно случайно окажется в зоне боевых действий.

Шел майору Кащееву двадцать девятый год, хотя на вид он выглядел на все сорок, и в его глазах вечно тлел огонь неудовлетворенности и беспощадной преданности делу. Отправляя его в Ветлугу, Джехангир вполне мог рассчитывать на успех операции, даже не прибегая к прямому зомбированию майора, прозванного за неистовство и фанатизм «псом Легиона».

Деревня Афониха представляла собой хутор из семи дворов, жители которой — старики да старухи — с трудом сводили концы с концами, обрабатывая свои приусадебные участки. Цивилизация в виде газовой трубы пришла и сюда, облегчая хозяевам жизнь, в остальном же все осталось по-прежнему, нужда стучалась в двери почти каждого дома, а пенсии хватало лишь на самое необходимое: хлеб, сахар, соль, спички. Когда-то в деревне насчитывалось втрое больше дворов — при советской власти, но власть поменялась, колхозное хозяйство пришло в упадок, и большинство жителей Афонихи покинуло родные места, подалось в город. Их дома развалились, участки заросли травой и кустарником, лишь две-три избы еще держались и смотрели на дорогу черными провалами окон.

В таких избах и поселились ликвидаторы ЛООС, наскоро приведя их в порядок, заколотив окна досками и починив заборы. Долгожители Афонихи, конечно, обратили внимание на новых хозяев, но приняли их за фермеров, постепенно обживающих другие деревни окрест Нижнего Новгорода.

Один из вертолетов доставил к месту назначения машину — «Ниву» грязно-серого цвета, но одной транспортной единицы группе было мало, и Кащеев первым делом отрядил трех «специалистов» на поиски средств передвижения. Вскоре эти средства были найдены — два «жигуленка» четвертой и шестой моделей и один новенький сорок первый «Москвич», принадлежавший какому-то ротозею-чиновнику: машину удалось угнать прямо от здания городской мэрии.

Номера поменяли, машины перекрасили с помощью пульверизаторов, и Кащеев отправил команду наблюдателей, вооруженную сверхсовременной лазерно-оптической техникой для слежки, прослушивания и связи, к месту жительства ликвидируемого объекта. Уже к вечеру этого же дня поступила информация: в доме полковника Крутова на улице Герцена находятся трое — две женщины и мужчина. Одна из женщин

оказалась женой Крутова, она дважды выходила из дома в магазин и возилась во дворе. Вторая женщина, молодая и красивая, тоже выходила во двор и скорее всего гостила у Крутовых. Сам хозяин в пределах прямой видимости оптической техники наблюдателей не появлялся, но в окнах изредка мелькал чей-то мужской силуэт, что позволило наблюдателям сделать вывод: Крутов находится дома.

Единственное, чего не удалось сделать наблюдателям, расположившимся вокруг дома Крутовых по схеме перекрытия зон наблюдения, так это прослушать разговоры хозяев. В доме царила подозрительная, чуть ли не абсолютная тишина. Не слышно было ни голосов, ни шагов, ни скрипа половиц и дверей. Впечатление складывалось такое, будто хозяева сидели как мыши, боясь сделать лишнее движение, и в то же время фотоэлектронные умножители малых СЭРов ловили их перемещение на фоне полупрозрачных штор и занавесок, хотя странным образом не могли проникнуть в глубь помещений деревянного дома старинной «дворянской» постройки, будто натыкались на металлические отражатели.

О том, что разговоры хозяев прослушать не удалось, наблюдатели командиру группы не доложили, вернее, доложили, что «в доме тихо», и это было их первой ошибкой. Второй оказалась их уверенность в том, что мужчина в доме и есть хозяин, Егор Крутов. Третью же допустил сам Кощей, дав команду на проведение ночной операции по уничтожению объекта. Он торопился выполнить личный приказ командующего Легионом, получить повышение и возвыситься в собственных глазах, поэтому не стал развертывать полномасштабную матрицу ликвидации, в которую входили многовариантная слежка, выбор места ликвидации, подготовка засады, отслеживание мешающих факторов, путей отступления объекта и путей возвращения группы. Все это, по мысли майора, было лишним, раз объект находился дома в пределах прямой видимости, а дом располагался в тихой части города и никем не охранялся. Неудача первой группы на Кащеева никакого впечатления не произвела, он даже не пытался проанализировать ее, считая, что были посланы неопытные исполнители и объекту просто неслыханно повезло. Единственное, над чем задумался командир ликвидаторов, был способ ликвидации. В принципе можно было просто дать залп по окнам дома из гранатометов либо взорвать его с помощью специальных взрывных устройств. Но Кащееву почему-то захотелось посмотреть на полковника Крутова, счастливо избежавшего смерти во время первой по-

пытки ликвидации, и он отдал приказ штурмгруппе захватить его живым.

Впоследствии вскроется, что майор имел и материальное воплощение своего чувства превосходства: ему доверили «глушак», — но об этом рядовые члены группы, естественно, знать не могли.

В десять часов вечера Кащеев собрал группу и провел инструктаж, определив каждому его место в предстоящей операции. Поскольку от наблюдателей новых сведений не поступало — хозяин дома с женой и гостья никуда больше не выходили, майор распорядился заняться экипировкой.

Штурмгруппа в составе двенадцати человек переоделась в пятнистые комбинезоны «леопард», недавно поступившие на базу со складов Министерства обороны, очень удобные, легкие, прочные, не стесняющие движений, и разобрали оружие: девятимиллиметровые автоматы «вал» для бесшумной стрельбы, пистолеты-ножи «НРС-2», электрошокеры. Сам майор не переодевался, оставаясь в обыкновенной гражданской одежде и плаще, а из оружия взял только два пистолета: бесшумный «ПСС» отечественного производства и австрийский «SPP», свой любимый, с магазином на тридцать патронов. С ним он славно потрудился в свое время, воюя на стороне молдаван в Приднестровье.

В половине одиннадцатого отряд расселся по машинам и двинулся к городу. Луна уже взошла, но пряталась за тучами, было темно и холодно. Остановились у моста через реку, дальше им предстояло двигаться пешком вдоль реки до улицы Герцена, дома которой с нечетными номерами выходили на реку огородами. Наблюдатели доложили, что все спокойно, в доме объекта погас свет, никакого движения не отмечено.

— Вперед! — бросил майор, и штурмгруппа устремилась к дому номер семь, преодолевая заборы, огороды и препятствия в виде канав и стен.

В начале двенадцатого дом был окружен.

Наблюдатели с аппаратурой по-прежнему ничего не видели и не слышали, дом будто вымер, ни единого звука не доносилось из его глубин. Это действовало на нервы, и Кащеев послал к его окнам двух человек с устройствами прослушивания сквозь стекла окон и стены.

Бойцы бесшумно растаяли в ночи.

Прошла минута, другая, пятая.

— Двойка, что молчите? — поторопил их майор.

Молчание в ответ.

— Двойка! Кейюс, Мережко! В чем дело?!

Тишина в эфире.

— Шестерка, — позвал майор наблюдателей, чувствуя внезапный озноб. — Я послал двойку к дому, вы их видите?

— Нет, командир, — доложил старший группы слежки. — Они вне зоны видимости, под воротами.

Кащеев выругался, всматриваясь в дом Крутова сквозь окуляры ночного бинокля, вызвал еще двух человек:

— Паркин, Мирзоян, проверьте, куда делись эти остолопы.

Бойцы уползли, снова потянулись минуты ожидания.

— Командир, — шепнул, подобравшись ближе, помощник-телохранитель майора, — какого хрена мы ждем? Свисти атаку, через несколько секунд мы будем внутри. Вряд ли он нас ждет, иначе давно выдал бы себя, возьмем в постели теплого.

— Откликнется двойка, пойдем, — зло буркнул Кащеев.

Однако двойка так и не ответила. Замолчали и посланные за ними штурмовики, будто провалились сквозь землю. Только через несколько минут майор сообразил, что происходит нечто странное, не предусмотренное планом. Впору было давать отбой и возвращаться на базу в деревню. Но во-первых, судьба четверых бойцов группы оставалась неизвестной, а во-вторых, видимого сопротивления объект не оказывал, все происходило в абсолютной тишине, как бы естественным образом, люди просто переставали отвечать на вызовы и исчезали.

— Гранаты? — снова подполз к майору помощник. — Давай взорвем ко всем чертям весь дом!

Майор и сам обдумывал этот вариант, но все еще не оставлял надежды познакомиться с объектом лично, поэтому, в очередной раз не дождавшись ответа подчиненных, приказал начать штурм.

Восемь теней метнулись к дому Крутова с высокими, в рост человека подоконниками, мгновенно разбили окна и ворвались в дом сразу с четырех сторон, считая и окно со стороны двора.

Дюжий телохранитель майора сорвал с петель входную дверь, исчез в сенях. И наступила тишина, словно отряд нырнул не в дом с мебелью, предметами обихода, посудой и прочими «громкими» вещами, а в бездну. Кащеев осознал это, уже врываясь за телохранителем в сени, едва не споткнулся о его тело, по инерции пробежал до светлого прямоугольника двери в жилое помещение дома и остановился, прислушиваясь к неестественной тишине. Поднял оба пистолета, готовый нажать на курки при малейшем шорохе. Тишина окутала его невесомым покрывалом, и Кащееву показалось, что он оглох, утонул в призрачной трясине, не в силах сделать вдох окаменевшими

легкими. И вот наконец он увидел какую-то бесшумно и плавно движущуюся по горнице туманную фигуру со светящимися длинными белыми волосами. Женщина...

Но это оказалась не женщина — старик с пышной белой бородой, усами, развевающимися волосами и огненным взглядом.

Майор выстрелил сразу из двух пистолетов, вздрогнув от произведенного шума: негромкие в общем-то звуки показались ему пушечными залпами. Раздался звон и грохот, пули попали в сервант и в телевизор, но фигуру старика миновали. Тогда майор достал «глушак» и трижды выстрелил в приближающегося призрака. Фигура исчезла, а затем какая-то чудовищная сила вырвала «глушак» из руки Кощея, он почувствовал жгучую пощечину и отлетел к столу, с трудом удержавшись на ногах.

— Пес! — послышался за спиной негромкий, глуховатый и басистый голос.

Майор оглянулся. На него глядел высокий мощный старикан с седой шевелюрой, бородой и усами, держащий перед собой спокойно горевшую свечу. Кащеев хотел поднять пистолет в левой руке и не смог. Пошевелил замерзшими губами:

— Кто... ты?

— Корректор твоей мировой линии, пес! — ответил старик.

Из темноты за его спиной появились две женщины, черноволосая и русая, остановились чуть позади.

— Что ты с ним хочешь сделать, дедушка? — спросила русоволосая.

— Он вернется туда, откуда прибыл, — отозвался старик. — Но служить делу Сатаны уже не сможет.

— А остальные?

— Остальные тоже. — Старик вперил в застывшего майора сверкнувший взгляд. — Забирай свою стаю, пес! Возвращайся обратно и доложи начальству, что такая же перспектива ждет вас всех. Иди!

Майор безмолвно повернулся и на деревянных ногах зашагал из дома. На улице к нему присоединились остальные ликвидаторы, живые и невредимые, но выглядевшие сомнамбулами. Выстроившись по двое, они, шагая как автоматы, ведомые Кощеем, направились к реке.

Ошеломленные наблюдатели с ужасом разглядывали в свою ультраоптику эту сюрреалистическую картину, не понимая, что происходит. Но спустя минуту и они бросились наутек от этого места, подгоняемые жутким темным страхом ожидания неминуемой гибели...

КРУТОВ И ДРУГИЕ

Они не успели буквально на час с небольшим, прибыв в Осташков в начале одиннадцатого утра. Пока искали дом Воробьевых на окраине города, на берегу Селигера, прошло еще около часа, и к этому времени Лиде уже стало известно, что ее дети похищены. Метнувшись с работы домой, надеясь на чудо — вдруг дети дома?! — она встретила там гостей, рассказала им о случившемся, и Крутов тотчас же отправился с ней в школу и детсад, но изменить уже ничего не мог: дети исчезли. Тогда он отвез рыдавшую сестру обратно в дом, приказал никуда не отлучаться и снова выехал с Ираклием в город, надеясь отыскать хоть какую-нибудь зацепку в деле похищения детей. На милицию надежды было мало, судя по ее реакции на происшествие: молоденький инспектор лишь констатировал факт исчезновения детей, не удосужившись даже выяснить внешность женщины-похитительницы, представившейся родственницей Панкрата.

Впрочем, Крутову и Федотову тоже мало что удалось узнать, кроме портретных характеристик женщины: молодая, рыжеволосая, с короткой стрижкой и широкими плечами. Искать же ее по городу не имело смысла. Те, кто похищал детей, а это скорее всего были работники «Психодава», вряд ли стали бы прогуливаться с ними «на природе», рискуя быть случайно замеченными. Исчезли и телохранители Лиды, в течение последней недели сопровождавшие ее и детей по утрам и вечерам. И это их тихое исчезновение красноречивее всего говорило о причастности «психодавов» к похищению. Клубок надо было разматывать отсюда, искать места проживания охранников, выявлять их связи и возможные пути отступления.

Вернувшись к обеду в дом Воробьевых, Ираклий и Егор неожиданно застали там Панкрата, худого и почерневшего от переживаний, и тотчас же стала понятна причина объявленной ему войны. Панкрат, потрясенный случившимся, но обрадованный прибытием друзей, вкратце рассказал им свою историю отношений с «Психодавом», оглядел неподвижно-спокойные лица обоих и криво усмехнулся:

— Что скажете? Может быть, я был не прав? Не стоило мне отказываться от предложений Мережковского?

— Ты сделал то, что должен был сделать, — сказал Ираклий. — Мережковский дал тебе понять, что его интересует в первую очередь не очищение государства от накипи бандфор-

мирований, к коим спокойно можно отнести и правительство, а захват власти.

— Но он во многом прав!

— Прав, конечно, — согласился Ираклий, поглядывая на задумавшегося Крутова. — Но осознание путей Добра и Зла, о котором толкует твой Мережковский, требует прежде всего понимания нравственности, а уж потом дает право на действие. «Психодав» же пошел по другому пути, следуя заповеди Бхагават-гиты: «Если какая-либо профессиональная деятельность ведется ради удовлетворения Всевышнего Господа, все изъяны этой деятельности устраняются».

— Переведи, я сейчас туго соображаю.

— Бхагават-гита утверждает, что профессиональный бандитизм во имя Господа — свят. Беда же в том, что Господь «Психодава» — власть! Вот и все. Егор, твое мнение?

— Мужики, мне не до дискуссий, — бледно улыбнулся Панкрат. — Что будем делать?

В комнату, где разговаривали друзья, заглянула заплаканная Лида, но, заметив жест мужа, скрылась, понимая, что будет лишней.

— Похоже, нам объявили войну не только ликвидаторы Легиона, — проговорил Ираклий. — Где мы только не воевали, а? Разве что на Чукотке. Вся Россия стала одним полем боя...

Крутов наконец очнулся от своих размышлений.

— Россия уже тысячу лет — поле боя! Как только нам навязали чужую религию, так и заставили воевать. Значит, есть за что биться на нашей земле, господа офицеры. Беспричинных войн, как известно, не бывает.

— Ближе к делу, философ, — скривил губы Панкрат. — Что предлагаешь конкретно?

— Будем действовать прямо и эффектно. У тебя телефон и координаты Мережковского есть?

— Он сидит в офисе ККОРР на Октябрьском поле, есть и телефон. Ты что, собираешься ему звонить?

— Правильно, — одобрил замысел Крутова Ираклий. — Это сильный ход. У тебя есть аппарат?

— Нет.

— Тогда поедем на переговорный пункт.

— У бабы Ольги есть, через три улицы живет.

— Поехали.

Предупредив Лиду, что уходят ненадолго, они пешком добрались до многоэтажки на улице Суворова, где в одной из квартир жила тетка Панкрата по отцовской линии, и попросили старуху воспользоваться ее телефоном. Егор набрал подсказанный Панкратом номер и через минуту услышал сквозь пощелкивание скремблера голос заместителя начальника «Психодава»:

— Советник Комиссии Мережковский.

— Добрый день, Архип Иванович, — вежливо сказал Крутов, чувствуя дыхание приблизившихся вплотную Ираклия и Панкрата, слегка отодвинул обоих, чтобы не мешали слушать.

— Кто говорит?

— Я Егор Крутов, бывший полковник ФСБ, друг Панкрата Воробьева.

Секундная заминка.

— Что вам нужно?

— Архип Иванович, нам очень не хотелось бы ссориться с вами, а нужно нам совсем немногое: чтобы вы немедленно отпустили детей Панкрата. Мы знаем, что они у ваших людей.

Снова секундная пауза.

— Я не понимаю, о чем идет речь.

— Тогда я вынужден кое-что вам напомнить. Мы...

— Кто это — мы? — перебил Крутова Мережковский.

— Неважно, мы — это команда единомышленников, и сил у нас достаточно, чтобы постоять за себя. Будьте добры, не перебивайте, выслушайте предложение спокойно. Мы знаем, что вы являетесь заместителем командира организации «Психодав», нам известно также, где находится ваша база, и если вы сейчас же не скажете, где дети, сведения о вашей конторе уже через час будут переданы в некие спецорганы, которые побеспокоятся о вашей ликвидации.

— Это какие же органы? Милиция, что ли? — насмешливо осведомился Мережковский. — Угрозыск, Федеральная безопасность?

— Ну зачем же, — тем же тоном отозвался Крутов. — Есть такая лихая контора под названием Российский легион, у которой, в свою очередь, имеется карательный орган с аббревиатурой ЛООС. Ну как, годится такая блистательная перспектива?

Пауза.

— Вы блефуете, господин полковник. У вас не может быть связи с ЛООС, вы сами в розыске...

— Найти эту связь — не проблема. — Крутов подмигнул Панкрату, внимательно прислушивающемуся к разговору. — В настоящее время в городе находится группа ликвидаторов ЛООС, нам стоит только позвонить им в гостиницу.

Панкрат оскалился, толкнул Ираклия в плечо, тот молча поднял большой палец, одобряя игру Крутова.

— Мне нужно время...

— Даю вам четверть часа. У вас наверняка есть прямая связь с исполнителями в Осташкове, свяжитесь с ними и договоритесь о передаче. Через пятнадцать минут я перезвоню. И вот еще что, господин советник ККОРР, — жестко добавил Крутов. — В отличие от Воробьева я не связан ничем и никем. Если с детьми что-либо случится или вы попытаетесь предпринять контрмеры, я приму свои. Поверьте, они будут абсолютно адекватны.

Крутов положил трубку на рычаг и оглядел лица мужчин.

— Молодец, — сказал Ираклий. — Никто из нас не сказал бы лучше. Сработает?

— Должно сработать.

Панкрат ничего не сказал, только потер лоб ладонью и отвернулся.

Пятнадцать минут истекли. Егор снова снял трубку и набрал нужный номер.

— Они на озере... на острове Кличен, — сказал Мережковский, не дожидаясь вопросов. — Завтра вы можете их...

— Сегодня!

— Но вы должны представить доказательства того, что...

— Только после получения детей! Все переговоры потом. Через час мы будем на острове. Вы меня поняли?

Долгое мертвое молчание в трубке, сквозь которое наконец послышался невыразительный голос заместителя главы «Психодава»:

— Мы согласны. Прошу только об одном: верните наш психогенератор, которым завладел полковник. Понимаете, о чем речь?

— Обсудим и это. — Крутов бросил трубку на телефон, посмотрел на мрачно-напряженное лицо Панкрата. — Поздравляю с повышением в звании, майор. Оказывается, ты тоже вступил в клуб полковников?

— Где они? — не принял шутки Панкрат.

— На одном из островов Селигера, Кличен называется. Знаешь такой?

— Это совсем близко от пристани, — сорвался с места Панкрат, — в двух километрах. Помчались!

— Не суетись, — остановил его Крутов, — успеем. Нужна экипировка и оружие. Этот Архип Иванович вполне мог дать приказ уничтожить нас на острове.

— Ты думаешь, что он пойдет на такой риск?

— Вполне. Судя по голосу, это очень умный и жестокий человек, способный на все.

— Что ты еще о нем можешь сказать?

Крутов подумал и ответил четверостишием Бальмонта:

Человечек современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка — точно из морщин.

Ираклий хмыкнул.

— Очень емко и образно. Хотелось бы и мне пообщаться с ним.

— Долго вас ждать? — неприязненно поинтересовался нетерпеливый Панкрат. — Уже половина четвертого, в семь стемнеет.

— Оружие у тебя есть? Кроме того «глушака», что ты реквизировал у «психодавов»?

— У меня все есть, поехали.

Они попрощались с бабой Ольгой, огорчив ее отказом от чаепития, и вскоре были дома у Панкрата, где их со страхом и надеждой ждала Лида. Панкрат открыл люк в подпол и показал друзьям свой арсенал. Его было достаточно, чтобы вооружить целый взвод.

* * *

Пока добирались на моторной лодке от пристани до острова, Панкрат рассказал Егору о своей стычке с неизвестными охранниками Кличена во время летнего семейного отдыха.

Пошли вдвоем, вооруженные пистолетами и помповыми ружьями. Ираклий должен был присоединиться к ним по суше: Кличен соединен с материком через полуостров Житное намывной дамбой и мостом, — после высадки обоих на острове, получив сигнал о благополучном прибытии.

— Не пытался узнать, кто это был? — поинтересовался Крутов, вглядываясь в приближающийся высокий берег, за которым начинался елово-сосновый лес. Берег таил неведомую опасность, но не прямую, а как бы давнюю, скрытую, замаскированную природой, как ржавая мина времен Отечественной войны. Похоже было, никто за озером с берега в этом направлении не наблюдал.

— Не стал узнавать, — отозвался Панкрат, также рассматривающий берег в надежде увидеть какой-нибудь знак, подтвердивший бы, что их здесь ждут. — Те охранники больше напоминали браконьеров, свяжешься — себе дороже обойдется. Между прочим, нас запросто можно снять с берега из снайперки. Не чувствуешь, что за нами следят?

Егор и сам подумывал о снайперской винтовке, но был уверен, что так рисковать подручные Мережковского не станут, не зная, какие силы могут быть выставлены против них.

— Как ты с ним договорился? — продолжал нервничающий Панкрат. — Где они должны нас ждать?

— На северо-восточном мысу, — сказал Егор, понимая чувства спутника; он уже сообщил, где они должны были встретиться с людьми «Психодава», захватившими детей.

— Вот он мыс, обойди его, там мель. Только никого я не вижу.

Крутов остановил лодку, и они с минуту вглядывались в полосу леса, встающего за песчаной отмелью. Ощущение чьего-то присутствия у Егора сформировалось давно, однако п р я м о г о взгляда он не чувствовал, никто за ними как будто не следил.

— Приготовься!

Лодка тихо обогнула мыс, вошла в небольшой заливчик и приткнулась к берегу. Панкрат тотчас же выпрыгнул на песок, мгновенно преодолел откос до первых кустов, нависших над дерновым обрывом, и залег. Крутов задержался, готовый открыть огонь из ружья в случае нападения. Но все было тихо, в лесу не пошевелился ни один листок, не треснул сучок, не раздался ни один подозрительный звук. Солнце уже нырнуло за тучи низко над горизонтом, и пропитанный влагой осенний лес готовился ко сну.

Егор включил рацию:

— Мы на месте.

— Понял, я уже тоже на острове, — отозвался Ираклий. — Где вы?

— На северо-восточном мысу.

— Кто-нибудь вас встретил?

— Никого пока не видим.

— Если пойду напрямик через лес, буду у вас через полчаса.

— Иди на всякий случай «рысью», не нравится мне этот остров.

— Не волнуйся, полковник, не первый раз замужем. Мне, кстати, этот островок тоже не по нутру. Ждите.

Егор догнал Панкрата, и они одним рывком перевалили обрыв, встали за деревья.

Лес молчал. Не слышно было ни писка славки, ни теньканья пеночки, хотя в обычное время птичьи трели звучали здесь отовсюду, не мелькали по стволам сосен белки, не шуршали палой листвой мыши и землеройки, барсуки и ежи. Неизбежность зимы чувствовалась во всем, но, кроме этого,

присутствовал в здешней природе некий инородный фактор, в воздухе пахло угрозой и кровью, и это ощущение не позволяло прибывшим расслабиться.

Крутов поднял вверх указательный палец, что означало: иду первым, — и бесшумно нырнул в заросли черемухи и черной смородины, уже успевшей сбросить листву. Перешел на т е м п и «включил» п у с т о т у, расширяя диапазоны видения и чувствования, и буквально в полусотне шагов от берега наткнулся на тело человека в брезентовой куртке рыбака. Человек лежал лицом вниз в зарослях крапивы, сжимая в оцепеневшей руке снайперскую винтовку. Приблизившись, Егор разглядел в его затылке дыру и вскинул вверх кулак, призывая идущего следом Панкрата замереть и осмотреться. Оглядел лесные заросли сам, не выходя из состояния п у с т о т ы, и в десятке шагов обнаружил еще один труп. Это была женщина в черной кожаной куртке и таких же брюках. Она тоже была убита в затылок.

— Гребаный стос! — выдохнул подбежавший к Егору Панкрат. — Кто это их?!

— Лучше спроси — кто они.

— И так понятно — люди Мережковского из отряда «Тень». Ждали нас. Между прочим, с «винтарями». Кто же это их опередил? И где дети?

— Давай прочешем здесь все ямы и канавы. Но боюсь, детей мы уже не найдем.

Лицо Панкрата и вовсе стало белым, но он стиснул зубы и ничего не сказал, молча скользнул влево от трупов, в заросли ольхи, буйно разросшейся между мощными стволами сосен и елей.

Вскоре они нашли еще одного убитого: мужчина лет пятидесяти, в такой же брезентовой робе, что и первый мертвец, лежал на склоне холма лицом вверх рядом с метровой ширины квадратной дырой явно искусственного происхождения. То, что это лаз под землю, в какой-то схрон, блиндаж или землянку, подтвердила и найденная неподалеку квадратная деревянная крышка со слоем дерна, маскировавшего лаз. Нашлись и следы, говорившие, что в землянку наведывались люди.

— Схрон, — сказал Панкрат. — Причем не времен войны, а совсем свежий. Кому же понадобилось рыть его в здешних местах? Кто здесь отсиживался? Дай-ка я проверю...

— Я сам, — сказал Крутов. — Жди Ираклия, скоро должен появиться. Тогда и покумекаем, что делать дальше.

Он снова ушел в п у с т о т у, позволявшую обходиться без

фонарей и приборов ночного видения, и осторожно пролез в квадратное отверстие подземного хода.

Схрон был сделан по всем канонам диверсионной науки: коридор, ведущий к главному подземному обиталищу, был не прямым, а дважды поворачивал под прямым углом, чтобы в случае применения гранат гасить ударную волну и осколки; грунт был выбран чисто, стены хода и центрального помещения были заберкованы, пол утрамбован и выложен деревянными плахами плоской стороной вверх; потолок был сделан из двух накатов бревен и обит парусиной; кроме основного, выведены были и три запасных выхода, причем один из них ложный, тупик, где Крутов нашел еще один труп — молодого человека в прорезиненном плаще. Парень был убит ножом в шею и выстрелить — он сжимал в руке пистолет со сведенным на курке пальцем — не успел.

В центральный блиндаж Егор заходить не стал, лишь отметил для себя, что помещение имеет вполне жилой вид, что на столе стоят бутылки, чашки, тарелки, пахнет открытыми консервами: убитые здесь жили, спали и ели, — а главное, что в воздухе сохранился запах детских тел, и вылез наверх.

— Дети были здесь совсем недавно, — сказал он и замолчал, увидев жест Панкрата: палец к губам. Прислушался к глухой тишине леса и на грани восприятия ощутил тихое потрескивание сухой листвы под чьими-то ногами. К месту, где находился схрон «Психодава», с трех сторон приближались люди.

Переглянувшись, Егор и Панкрат нырнули один за другим в лаз, и тотчас же по взгорку, где они только что сидели, сыпанул град пуль. Их заметили.

— Держись за углом! — бросил Крутов, останавливая Воробьева. — Они могут запустить в лаз гранату. Я попробую выскочить через запасный выход и обойти их сзади.

— У меня с собой «глушак», — виноватым тоном сказал Панкрат. — Может, пригодится в деле? Правда, его эффективная дальность всего метров десять-пятнадцать...

— Кончатся патроны — попробуем, а пока не высовывайся, держи люк под прицелом.

Словно в ответ на слова Егора над их головами грохнуло, в коридор входа ворвалась струя раскаленного воздуха: атакующие применили гранатомет.

Крутов сжал плечо Панкрата железными пальцами и метнулся по коридору мимо центрального блиндажа схрона в боковой ход, который вывел его на край узкой и длинной промоины, заросшей кустами ольхи и липы так плотно, что продираться сквозь них было очень трудно. Однако именно на

это и рассчитывали строители схрона, вынося запасный выход в эту природную выемку, надеясь, что здесь искать лаз в подземное жилище никто не будет. И тем не менее этот выход стерегли, как и второй, замаскированный вывернутыми корнями упавшей сосны. Те, кто напал на Крутова и Воробьева, знали особенности расположения схрона, и это скорее всего именно они уничтожили группу «Психодава».

Егор вернулся к Панкрату, вкратце обрисовал положение.

— Тогда одна надежда на Ираклия, — выразил общую мысль Панкрат. — Полковник уже должен быть где-то рядом и сориентироваться по стрельбе.

Крутов посидел с ним на корточках плечом к плечу, прислушиваясь к своим ощущениям. Надо было на что-то решаться, что-то предпринимать, но вариантов действий было так мало, что, кроме как о прорыве с боем, ничего в голову не приходило.

Еще одна граната влетела в коридор через взорванный вход, лопнула с негромким стеклянным треском. Осколки густо утыкали стены и пол коридора, но до засевших за поворотом друзей долетела лишь горячая волна взрывных газов.

— Если у них есть газовые гранаты... — высказал еще одну общую мысль Панкрат, и Крутов решил действовать.

— Дай «глушак».

— Может, вместе пойдем?

— Ты попробуй пару раз пальнуть из ружья через дырку, пусть думают, что мы здесь полезем. Потом действуй по обстоятельствам.

Егор взвесил в руке холодный и тяжелый пси-генератор, снова подобрался к люку запасного выхода, подышал через нос глубоко и часто и, сформировав вокруг себя зону ПАО, дернул на себя люк и нырнул в кусты, как в воду, надеясь, что сразу его не убьют.

* * *

После отъезда мужчин и боя деда Спиридона с ликвидаторами Легиона женщины в доме Крутовых и вовсе притихли, думая лишь о том, какая опасность угрожает их друзьям и близким.

Целую ночь Елизавета не находила себе места, чувствуя каждое движение Крутова, каждый его жест, и немного успокоилась лишь наутро, когда Мария, поговорив с дедом, сказала, что они вечером выезжают в Осташков. Но так как до вечера еще надо было дожить, Лиза надумала занять себя сборами в дорогу.

В принципе вещей с собой они почти никаких решили не брать, уложили в сумки только самое необходимое, плюс легкий завтрак в дорогу и термос с горячим чаем. Но около двух часов времени это мероприятие все же заняло, а еще через час, в начале первого, Лизе стало плохо. Она вдруг абсолютно точно п о н я л а, что Егору угрожает опасность.

Несколько минут она просидела на диване, сжимая кулачки и прижав их к коленям, глядя перед собой остановившимся взглядом. Мария заметила это не сразу, она тоже нервничала, но к ее переживаниям за Крутова добавлялись переживания за Ираклия, а также за то дело, за которое они взялись, поэтому произошел как бы качественный скачок в нервном напряжении, превративший ее в сонную и спокойную с виду женщину. И все же состояние Елизаветы заставило Марию предпринять кое-какие меры для ее успокоения. Она принесла ей воды, принялась ласково уговаривать Елизавету, потом вскипятила чай и на некоторое время отвлекла жену Егора от ее мыслей. Но Лиза снова ощутила себя р я д о м с Крутовым и у ш л а в волхвование, раскидывая над мужем «зонтик» ментальной защиты. Плохо ей стало уже через полчаса: закружилась голова, родившаяся в голове боль ручейком стекла в живот и заставила шевельнуться ребенка, о котором Крутов ничего еще не знал.

Вскрикнув, Лиза схватилась за живот, расширенными глазами посмотрела на склонившуюся над ней Марию и, прошептав: «Он... в опасности... стреляют!» — потеряла сознание.

Именно в этот момент Крутов начал выход из схрона...

Мария, оберегавшая Егора в «другом диапазоне» психофизического воздействия, села на пол рядом со скорчившейся Елизаветой и превратилась в живую статую, зовущую на помощь с и л у волхвов...

* * *

Стрелки, подстерегавшие добычу с этой стороны схрона, конечно же, не сплоховали — по своим меркам, открывая огонь из автоматов на звук ломающихся веток кустарника. Но во-первых, двигался Егор в т е м п е, то есть гораздо быстрее, чем могли представить себе противники, а во-вторых, реагировал на стрельбу он намного точнее. Оба стрелка располагались с двух сторон седловидной промоины, на высших точках седла, в двадцати и в тридцати метрах от подземного выхода, и самого выхода не видели из-за кустарника, поэтому целились наугад, и, хотя бросок Егора не застал их врасплох, очереди они положили почему-то выше, чем надо (Егор не знал, что этим он был обязан вмешательству Елизаветы, своей бережи-

ни). А затем начал стрелять Крутов — с левой руки вправо, с правой — из «глушака» — влево.

Его стрельба оказалась более удачной, уровень ПАО сформировал сферу идеального ответа в сложившейся ситуации, к тому же ему помогали сразу две берегини, и оба стрелка получили свое: правый — две пули в голову, левый — разряд «глушака», хотя и не погрузивший его в транс, но заставивший на мгновение остановиться, и тут же Крутов перенес на него огонь из пистолета.

Наступила тишина.

Крутов полежал на спине среди кустов, исполосовавших его лицо и руки, переживая странное ощущение подключения к мощной и прочной, холодной и одновременно теплой, живой системе под названием «природа» — это сознание пробовало определиться, войти в подсознательную сферу хозяина, потом, не слушая предупреждающего голоса второго «я», рывком встал, сбрасывая усилием воли контур измененного состояния. И сразу понял, что сделал это напрасно.

В двадцати шагах от него на кромке возвышения стоял еще один мужчина в пятнистом комбинезоне, и ствол его автомата смотрел Крутову в грудь.

— Откуда ты такой быстрый? — негромко спросил он. — За две секунды положил двоих! Спецназ?

Крутов шевельнулся, и ствол автомата глянул ему в лоб.

— Не дергайся, мужик. Ты чей все-таки? И кто там с тобой еще?

Ответить Егор не успел. Откуда-то справа прилетел щелчок выстрела. Спрашивающий в комбинезоне вздрогнул, глаза его расширились, автомат выпал из ослабевших рук, и он полетел лицом вниз, в кусты. Крутов мгновенно отпрыгнул в сторону, прячась под кромку обрыва, и услышал знакомый голос:

— Егор, это я.

На фоне лесных зарослей над обрывом возникла бесформенная тень, превратилась в Ираклия с пистолетом в руке.

— В следующий раз будь осторожней.

— Спасибо, я твой должник.

— Где Панкрат?

— В схроне, мы тут целое подземное хозяйство нашли. Только не учли, что за ним наблюдают. Нас окружили с трех сторон.

— Я видел, как они шли, и понял, что по ваши души. Это и есть хваленый Панкратов «Психодав»?

— Нет, кто-то другой. Люди «Психодава» убиты, дети исчезли. Вероятно, эти их подстерегли и убили, а тут подоспели мы.

— Понятно. Надо брать «языка».

— Попробуем. Сколько их всего, не знаешь?

— Кроме этих троих, я видел еще двоих, ушли влево, но если ты говоришь, что схрон окружен с трех сторон, то охотников осталось человек пять-шесть. Справимся. Как пойдем?

— По кругу, один за другим.

Крутов «накинул на себя» сферу ПАО и растворился в сумраке леса, превратился в бесплотную тень, обтекающую препятствия, бесшумно просачивающуюся сквозь заросли. Ираклий тоже умел передвигаться по лесу, как опытный охотник и следопыт, но т а к перемещаться, исчезать в одном месте и возникать в другом, становиться частью природы, он не мог. Не без ревности отметив этот факт, полковник заставил себя не отвлекаться на посторонние мысли и заработал в привычном боевом режиме, основанном на применении лунг-гом. В этом состоянии он тоже превращался в боевую машину, способную на борьбу с многочисленными врагами.

Однако боя не получилось. Их противники, догадавшись об участи засадной группы, не приняли предлагаемого сценария войны и отступили. Крутов успел догнать лишь одного из боевиков неизвестной команды, раненного в результате короткой перестрелки в голову, и разрядил в него «глушак» в надежде услышать ответы на все возникшие вопросы. Боевик в камуфляже, мощного сложения молодой парень с небритой физиономией, перестал отстреливаться и вытянулся на траве во весь рост, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

Все еще находясь в состоянии п у с т о т ы, Крутов обострившимся восприятием услышал удалявшиеся шаги трех человек — противник спасался бегством к северному берегу острова, — но преследовать их не стал. Склонился над раненым.

— Кто ты?!

Гигант перевел на него взгляд, на губах его появилась кровавая пена, ставшая черной в быстро сгущавшихся сумерках.

— Вахмистр... Слипчак...

— Что за команда?!

— Служба... безопасности...

— Чья?!

— Объекта... номер... пять...

Глаза раненого стали тускнеть, «проваливаться» в себя, он умирал.

— Где дети?! Кто их забрал?!

— Они... на... — Шепот раненого стих, глаза застыли, лицо превратилось в неживое бледное пятно.

За спиной Крутова появился Ираклий, за ним возбужденный и злой Панкрат.

— Где остальные?

— Ушли.

— А этот? Успел что-нибудь рассказать?

— Два слова.

— Откуда он? Кому принадлежал?

— Службе безопасности какого-то «Объекта номер пять».

— Значит, это не ЛООС и не «Тень»?

— Скорее всего эти ребята были из охраны объекта, принадлежащего Легиону. Как они наткнулись на твоих «психодавов» с детьми, неизвестно. Факт тот, что они уничтожили группу и забрали детей.

Панкрат рванулся было в темноту леса.

— Мы их догоним...

Издалека донесся приглушенный расстоянием звук взревевшего лодочного мотора, удалился, стих.

— Не догоним, — констатировал Ираклий. — Удрали. Не больно-то гордые ребята. Мы бы своих не бросили. Видимо, объект их расположен не на острове.

— Тогда непонятно, как они оказались здесь, — погас Панкрат. — Охранники, как правило, не удаляются от охраняемого объекта.

— Он не из охраны, — тихо сказал Крутов. — Из службы безопасности, а это разные конторы. Служба обязана контролировать все подступы к секретному объекту. Вспомни свой конфликт с «рыбоохраной», когда они попытались тебя выпереть с острова. Да, объект, наверное, не здесь, но в пределах прямой видимости, то есть где-то на соседних островах. Какие острова рядом с Кличеном?

— Ближайший — Фомино, — буркнул Панкрат, — но он совсем маленький. В километре на север остров Городомля, за ним Хачин. Там и черта можно спрятать.

— Вот и начнем с них. Если легионеры не убили детей сразу, а забрали с собой, значит, они им нужны. Время у нас есть.

— Не горюй, полковник, — обнял Панкрата за плечи Ираклий. — Найдем мы твоих карапузов.

— Я бы начал прямо сейчас...

— Уходим, — твердо сказал Крутов. — Если кто-нибудь из местных жителей слышал стрельбу, сюда может нагрянуть милиция. Или подразделение Легиона. Искать начнем завтра, по науке, только дождемся Марию и Лизу. Они нам помогут.

— Чем? — скептически хмыкнул Панкрат.

— Они не только наши берегини, но и ведьмы, то есть в е д а ю щ и е тайным знанием природы. Не получится у них — вызовем деда Спиридона.

— Это еще кто такой?

Крутов промолчал.

Через час, уже в полной темноте, они поставили лодку в бокс на пристани и направились к дому Воробьевых, где ждала их возвращения не находившая себе места от переживаний жена Панкрата. Пока он успокаивал ее, Крутов сходил к бабе Ольге, позвонил в Ветлугу Петру Качалину и попросил его зайти к Елизавете, чтобы передать только одно слово: приезжайте. Он не знал, что Мария и Елизавета потеряли очень много энергии, спасая его от неминуемой гибели. После этого Егор для вежливости побеседовал с бабой Ольгой о жизни и сделал еще один звонок — в Москву. Но телефон, принадлежавший подруге Саши Зубко, не отвечал, а самое плохое — прослушивался! Егор догадался об этом по тихим щелчкам определителя номера и положил трубку. Подключение спецаппаратуры к телефону говорило о том, что Зубко или убит, или захвачен ликвидаторами ЛООС.

МОСКВА — ПОДМОСКОВЬЕ

ЛООС — «ПСИХОДАВ»

Не было ничего удивительного в том, что к советнику Комиссии по координации оперативно-розыскной работы Архипу Ивановичу Мережковскому зашел в разгар рабочего дня один из комиссаров Комиссии, Ревенко, представлявший Министерство внутренних дел. До перехода в ККОРР он работал в Московском угрозыске, имел звание подполковника и занимал должность заместителя начальника оперативно-розыскной бригады.

— Архип Иванович, — сказал он с озабоченным выражением на лице, — у меня возникла проблема, требуется твоя квалифицированная консультация.

— Всегда готов, — отозвался Мережковский, с неудовольствием выключая компьютер и разглядывая толстого, рыхлого, всегда потного Ревенко; поговаривали, что он захаживает в один из Московских «голубых» клубов, но представить его в роли гея было трудно.

— Пошли ко мне, — продолжал подполковник, — я тебе покажу результаты опроса общественного мнения, нужен нестандартный подход к проблеме, а кроме тебя, никто ее не решит. У тебя есть что-нибудь холодненькое? Минералка там, квас...

Мережковский достал из холодильника пластмассовую бутылку боржоми, налил гостю кружку. Ревенко одним духом выдул кружку и укатился за порог, вечно замученный какими-то

проблемами, многие из которых создавал он сам. Архип Иванович запер кабинет и поднялся на третий этаж здания, где располагались кабинеты руководителей ККОРР. Дверь в кабинет Ревенко была полуоткрыта, оттуда слышались чьи-то голоса. Мережковский шагнул за порог, увидел спины разговаривающих мужчин, почувствовал смутную тревогу, но сделал по инерции еще несколько шагов, прежде чем понял причину своей тревоги: кроме Ревенко, в кабинете находилось еще три человека, но ни один из них не был ему знаком.

Дверь позади тихо закрылась. Мережковский оглянулся, встретил взгляд сурового молодого человека спортивного вида, сунул было руку под мышку, но достать пистолет не успел. В голове словно взорвалась бомба, и он на некоторое время потерял способность соображать.

Очнувшись, Архип Иванович обнаружил себя сидящим на стуле посреди комнаты со связанными за спиной руками. Голова гудела, как колокол, но была ясной и звонкой, будто после сеанса отрезвляющей терапии и прогулки по лесу. Напротив за столом сидел пожилой мужчина с проседью в черных волосах, с узкими черными глазами, смуглый, с тонким и острым носом. Рядом с ним стоял тот самый спортивный молодой человек, что закрывал дверь, еще один, похожий на него, как брат, стоял за спиной Мережковского. Ревенко в кабинете отсутствовал.

— Кто вы? — спросил Архип Иванович хладнокровно. — Что все это значит?

— Это значит, что вы арестованы, господин Мережковский, — ответил смуглолицый. — Вы что-нибудь слышали о такой организации, как Реввоенсовет?

Мережковский помолчал, изучая сильное лицо незнакомца, отметил глянцевато-розовое пятно на шее, полускрытое высоким воротником рубашки, шевельнул руками.

— Развяжите.

Смуглолицый посмотрел на парня за спиной советника.

— Развяжи.

Мережковский с облегчением потряс кистями рук, начал разминать пальцы, одновременно соображая, когда его начнет искать охрана, обеспокоенная неполучением сигнала-подтверждения, что у него все в порядке, и встретил иронический взгляд черных глаз незнакомца.

— Рассчитываете на помощь? — сказал тот с усмешкой. — Напрасно. Мы уже посигналили вашим телохранителям, так что время на беседу у нас есть.

— Кто вы? — повторил Мережковский, чувствуя заползающий в душу страх и уже догадываясь, с кем имеет дело.

— Я генерал Джехангир, командующий Российским легионом. Сегодня в правительстве решен вопрос о нашем представительстве в ККОРР на правах координирующего органа. Так что теперь Комиссия, по сути, наша структура. Я не зря спрашивал вас о РВС. Дело в том, что я представляю еще и Реввоенсовет, работающий пока тайно, так сказать, в подполье, однако скоро придет время и его появления на свет божий. Хотите сотрудничать с нами?

Мережковский исподлобья посмотрел в непроницаемые глаза Джехангира и понял, что обречен. Сказал глухо:

— Чем я могу быть полезен вашему РВС? Я человек маленький...

— Бросьте, Архип Иванович, — поморщился командующий Легионом. — Мы знаем, что вы являетесь заместителем начальника «Психодава», что захват Лысцова — работа ваших людей, что вы планируете уничтожение психотронных лабораторий, ну и так далее. Повторяю вопрос: хотите работать с нами?

Мережковский почувствовал противную дрожь в желудке, попытался взять себя в руки, но мысли разбегались, путались, паническое «кто предал?!» металось по гулкому пространству головы, и прошло несколько минут, пока ему удалось справиться с собой.

— Что будет, если я откажусь?

Присутствующие в кабинете переглянулись.

— Вы все равно будете работать на нас, но уже под пси-контролем.

— Вы имеете в виду зомбирование? Впрочем, извините за детский вопрос. У меня есть время подумать?

Джехангир посмотрел на часы.

— Боюсь, что всего пара минут.

— Вам больше принесет пользы вербовка начальника «ПД».

— Дойдет очередь и до господина Клюева.

Мережковский вздрогнул. Гость недвусмысленно давал понять, что действительно знает о «Психодаве» многое, если не все.

— Можете сказать, кто меня «сдал»? Случайно не Панкрат Воробьев?

— Нет. — В глазах Джехангира мелькнула тень озабоченности. — Воробьев работает на вас?

— Работал. Мы не поняли друг друга. Что вы собираетесь делать в отношении остального руководства «ПД»?

— Во всяком случае, воевать с вами не собираемся. Для того, чтобы уничтожить конкурирующую структуру...

— Лучше всего возглавить ее.

— Вот видите, и вы понимаете в этом толк. Ваша организация просто станет частью Легиона, а вы по-прежнему будете ею управлять... с некоторым изменением вектора целей. Итак?

— Я согласен, — выдавил из себя Мережковский и уже другим тоном, деловито, добавил: — Но я боюсь, что не все подразделения «ПД» спокойно воспримут переориентацию.

— Какие именно?

— Подразделение спецназначения «Тень» подчиняется непосредственно мне, с ним проблем не возникнет, но вот штурм-группа...

— Численность?

— Пятнадцать человек.

— Где она располагается?

Мережковский вытер вспотевшие ладони о брюки, понимая, что обратной дороги у него уже не будет, пересилил себя и сказал:

— База — на территории бывшего тубдиспансера в лесу за Барвихой.

— Нечто в этом роде мы и предполагали. Что ж, Архип Иванович, поздравляю вас со вступлением в Легион. Наша беседа, естественно, записывалась, это я вам сообщаю не в качестве угрозы, а для констатации факта. Думаю, вы и сами понимаете, что может произойти в случае утечки информации. Ваша ближайшая задача — вербовка Клюева.

— Он не пойдет на контакт с вами, — покачал головой Мережковский.

— Ваше дело — заманить его туда, где мы будем его ждать, остальное, как вы сами понимаете, дело техники. — Джехангир встал. — До встречи вечером на оперативке.

Командующий Легионом вышел в сопровождении своих подручных. Мережковский остался сидеть с ощущением предстоящего взлета или падения — все зависело от его следующего шага. И все же очень хотелось жить.

В кабинет вошел потный и красный Ревенко, встретил взгляд Архипа Ивановича, нерешительно улыбнулся.

— Все в порядке?

— Ну и сволочь ты, Коля! — сказал Мережковский проникновенно.

* * *

В ночь со вторника на среду жители Барвихи и окрестных сел были разбужены ревом вертолетов и серией взрывов. Многие выскочили из своих домов, а жители новых многоэтажек высыпали на балконы и лоджии, гадая, что происходит: маневры ближайшего авиаотряда, учения или салют в честь какого-то праздника.

Компании из трех молодых людей восемнадцатилетнего возраста, возвращавшихся с дискотеки, повезло больше. Они взобрались на водокачку в районе станции Ильинское и увидели боевую карусель: три вертолета утюжили лес между Усово-Тупиком и Барвихой, поливая его огнем из пушек и пулеметов, а также сделали несколько ракетных залпов. Длилось это представление около двадцати минут, после чего вертолеты прекратили стрельбу и улетели. В потревоженные внезапными боевыми действиями леса и поселки вернулась настороженная тишина. Лишь некоторое время в районе стрельб виднелось пламя пожара, но вскоре погасло и оно.

Бывший туберкулезный диспансер Четвертого управления Минздрава исчез с лица земли, превращенный в груду развалин. А вместе с ним прекратила существование и штурмовая группа «Психодава» в полном составе. Не спасся ни один боец группы, застигнутой атакой врасплох.

ОСТАШКОВ

КРУТОВ И ДРУГИЕ

Наутро они обследовали всю территорию Кличена, но, кроме стройки на северном мысу острова, рядом с рябиновой рощей, не обнаружили ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего базу Легиона. Кличен казался вполне мирным памятником природы со следами рыбачьих и охотничьих биваков, украшенным городищем под названием Кличен-городок: здесь в тринадцатом веке стояла небольшая крепостца, разрушенная в тысяча триста девяносто третьем году новгородской охотничьей ратью.

Ираклий предположил было, что стройка — достаточно удобная маскировка, под которой можно спрятать любой секретный объект, но часовое наблюдение за территорией строительства с тремя недоделанными коттеджами не принесло доказательств в пользу предположения, и наблюдать за сиротливо слонявшимся вдоль забора охранником стройки перестали. Чтобы выявить, действительно ли в этом месте находится тщательно скрываемый объект, требовалось время и соответствующая аппаратура, а ни того, ни другого у тройки самодеятельных разведчиков не было. Точку в споре поставил Крутов, заявив, что масштабы стройки не соответствуют предполагаемой базе, что скрыть ее инфраструктуру практически невозможно и что он просто не чует в этом месте отрицательного д а в л е н и я пси-полей.

Побывали они и на месте вечернего боя с легионерами, где

не нашли ни одного трупа. Видимо, ночью здесь поработала бригада чистильщиков, что лишний раз говорило о наличии где-то неподалеку базы Легиона, подступы к которой строго и четко контролировались службой безопасности. Охранники базы не хотели привлекать лишний раз внимание общественности к охраняемому региону и делали все, чтобы скрыть следы своего присутствия на ближайших островах.

В половине десятого устроили привал, разлив по пластмассовым стаканчикам горячий кофе из термоса, прихваченного Панкратом. День выдался пасмурным, изредка накрапывал дождь, с запада заходила угрюмая темно-серая, с фиолетовым пузом, туча, предвещавшая ранний снегопад. В лесу было сыро, холодно и неуютно, однако никто о неудобствах и погоде не думал, мысль у всех была одна: где искать детей?

— Если у них есть аппаратура оптического сканирования озера, — сказал Ираклий, — то нас наверняка засекли. Может быть, подождем гостей и возьмем «языка»?

— Нереально, — буркнул нахохлившийся Панкрат. — Они знают здесь все подходы и тропы. Обложат остров со всех сторон и задавят. Надо уходить.

— Куда?

— Будем прочесывать остров за островом, пока не наткнемся на базу.

— Мы не успеем приблизиться к острову с базой, как нас уже будут встречать.

— У тебя есть другие предложения? — оскалился Панкрат.

— Нет, — признался Ираклий. — Но действовать надо в соответствии с китайской стратагемой номер один. Кто здесь в округе постоянно мозолит глаза наблюдателям базы? Кого они привыкли видеть каждый день?

Панкрат пожевал губами, обдумывая предложение, допил кофе и выбросил смятый стаканчик. Стратагема, упомянутая Федотовым, представляла собой стратегический прием сокрытия намерений и звучала так: то, что видишь изо дня в день, не вызывает опасений. Ясный день скрывает лучше, чем темная ночь.

— Что молчишь, Егор? — позвал Панкрат прислушивающегося к тишине леса Крутова. — Или учуял чего?

— Идея хорошая, — отозвался рассеянно Крутов. — Но вариантов ее исполнения в наших условиях немного. Что ты можешь предложить?

— Рыбаки.

— Раз. Еще?

— Туристы на лодках, — добавил Ираклий.

— Это летом их много, сейчас почти никто не отважится путешествовать по Селигеру в такую погоду, особенно по пле-

сам и проливам вроде Чертовых ворот, где волны поднимаются даже в тихую погоду.

— На острова ходит катер, — сказал Панкрат. — Трижды в день, от пристани до Хачина, с заходом на каждый остров. Можно сойти за местных жителей.

— Вариант, но слабый. Троих они вычислят сразу. Придется отправляться по одному, если примем его за основу. Еще?

— Один сыграет роль рыбака, второй подъедет на катере, а третьему придется поиграть в «Ихтиандра».

Все трое переглянулись.

— Не зря тебе твои «психодавы» кинули полковника, — пошутил Ираклий. — Соображаешь. Егор, а может, нам всем надеть акваланги? Только где их взять?

— У меня один имеется, — сказал Панкрат. — Придется идти так, как я предложил. Егор пусть загримируется под рыбака, ты — туриста, я подойду к острову под водой. Остается лишь определить, с какого острова начнем.

— С ближайшего, наверно.

— Пошли отсюда, — сказал Крутов. — Не нравится мне тут. Дома обсудим все варианты и посоветуемся с женщинами.

— Ты так веришь в их возможности?

— Они хорошо чувствуют изменение потенциалов полей и помогут определить координаты базы.

Панкрат хотел было сделать ироническое замечание, но вспомнил посещение Марией базы «Психодава», ее чудесное «просачивание» сквозь посты охраны и передумал.

Преодолев густой малинник на южном берегу Кличена, они сели в лодку и, сопровождаемые чьим-то внимательным оком — такое сложилось впечатление у каждого, — добрались до пристани. Дома их ждали гостьи, Мария и Елизавета, прибывшие на машине буквально полчаса назад.

Торжественной встречи не получилось. Все были озабочены происходящими событиями и радость проявляли скупо. Самым оживленным из всех выглядел Ираклий, но и он замкнулся, заметив мимолетный перегляд Крутова и Марии, хотя ничего особенного в этом перегляде и не было: глаза Марии выражали вопрос (правда — с двойным смыслом, о чем догадывался только Егор), глаза Крутова — сомнение и веру одновременно.

Сели за стол для проведения «военного совета». Лида в беседе не участвовала, готовила обед и лишь изредка присаживалась на краешек дивана рядом с Панкратом, бледная, все еще не пришедшая в себя от потрясения, с темными кругами под глазами, но с упрямо сжатыми губами. Характера ей было не занимать, весь род Крутовых отличался решительностью, мужеством и умением достойно переживать трудности жизни.

Рассказ Панкрата длился недолго, и после него наступила тишина. Женщины переваривали новую для них информацию.

— Что вам подсказывает логика? — спросила наконец Мария, поглядывая на Воробьева с женой. Она закурила, и Крутов, впервые увидев в ее руках сигарету, вдруг почувствовал ее сосредоточенность и волнение.

— Что случилось? — тихо спросил он, наклоняясь к уху женщины.

Мария покосилась на него, прищурилась, будто увидела нечто необычное, отогнала дым ладонью. Сказала негромко:

— Мертвые идут на Москву, Егор Лукич. И поход их очень опасен.

Крутов невольно посмотрел на Елизавету, недоумевая, зачем Елизавете понадобилось рассказывать Марии его сон — с мертвецами, встающими из могил, — и та слегка покраснела, хотя взгляда не отвела.

— Что сие означает конкретно, Маша?

— Реввоенсовет усиливает давление на реальность, вот что это означает, полковник. Начинается информационно-психологическая обработка властных структур, за которой последует прямая атака. Мы должны быть в столице... — она не договорила, но он и так понял финал фразы: «а не тут». Ответил коротко и твердо:

— Закончим дела здесь, поедем туда. Помогите определить координаты базы Легиона. Сможете?

Мария посмотрела на жену Панкрата, пожиравшую ее глазами, слабо улыбнулась.

— Это будет нетрудно. Трудности начнутся потом. Где мы можем уединиться с хозяйкой?

— Зачем? — с испугом вырвалось у Лиды.

Ираклий засмеялся, вставая вслед за Крутовым.

— Мы будем искать детей, — улыбнулась и Елизавета, — и ты нам будешь нужна, как... как антенна.

Лида посмотрела на нее недоверчиво, Панкрат обнял ее, погладил по плечу и вышел из горницы. За ним во двор вышли остальные мужчины, оставив женщин одних.

— Интересно, как это они определят координаты базы, не выходя отсюда? — спросил Панкрат, ни к кому не обращаясь.

— Мария обладает паранормальной чувствительностью ко всем электромагнитным и торсионным полям, — проговорил Крутов, прислушиваясь к себе. Он уже попытался самостоятельно выйти на полевой след детей Лиды, определил их координаты и теперь жаждал проверить свои способности. По его ощущениям выходило, что дети находятся в данный момент где-то в районе острова Городомля, расположенного в

километре от северного мыса Кличена, а это означало, что и секретная база Легиона, «Объект номер пять», как сказал умиравший легионер, находится там же.

Снаружи шел мелкий дождь, но мужчины не обратили на него внимания, стойко дожидаясь окончания «сеанса волхвования». В дом их позвали, успевших изрядно промокнуть, через четверть часа.

— Карта озера есть? — встретила их вопросом Мария.

Панкрат подумал и принес рекламный буклет с описанием красот озера Селигер, предназначенный для туристов. Карта Селигера в нем была, конечно, неточная, без подробностей, но кое-что определить по ней было можно.

— Это остров Городомля, — продолжала Мария, удивленно взглянув на внезапно изменившееся лицо Крутова, который получил подтверждение правильности своего экстравидения.

— По легенде, на Городомле Шишкин делал эскизы для своего знаменитого «Утра в сосновом лесу», — пробормотал Панкрат.

— Вот его центральное озеро Дивное с небольшим островком в северной части. Рядом — бывший пионерлагерь и небольшая церквушка.

— Поворотная колокольня, — снова добавил Панкрат. — Недавно ее стали реставрировать.

— Так вот дети находятся где-то здесь, недалеко от колокольни. У меня вообще такое впечатление, что они на этом маленьком островке на Дивном озере, судя по эху...

— Живы?! — пробормотал Панкрат, и голос его был так глух, будто его душили слезы.

— Конечно, живы, — кивнула Мария, быстро взглянув на Крутова, так что тот понял, что говорится это для Лиды, а не для остальных. — Я думаю, что охранники базы захватили детей случайно, и вскоре следует ожидать их визита на материк. Настя вполне способна сказать, кто ее мать и отец.

— Но ждать мы этого не станем, — покачал головой Панкрат. — Если они и заявятся сюда, мы должны будем к этому времени уже иметь козыри на руках.

— Согласен, — сказал Крутов, давая себе клятву вытащить детей сестры из секретной лаборатории Легиона живыми. Он был единственным из всех, если не считать Марии, кто понимал, как мало у них времени.

Первым в поход выступил Панкрат, имевший гидрокостюм и акваланг. Нырнув под воду недалеко от острова Житное, он должен был проплыть под водой три километра и высадиться

на южном мысу Городомли примерно к двум часам дня. После чего ему предстояло спрятать водолазное снаряжение и достичь берега внутреннего озера острова — Дивного, где, по расчетам Марии, располагалась база Легиона.

Вторым к Городомле отправился на лодке Ираклий, экипированный по местному рыбацкому стандарту: плащ-палатка с капюшоном, набор удочек, подсак, ведро, две бутылки водки, закусь и термос с горячим чаем. Из оружия он взял с собой старенький дробовик, нож и набор метательных пластин, легко закрепляемых в рукавах плаща и теплой куртки. Его задача была посложней: добраться до острова, попытаться высадиться на восточной песчаной косе, отмеченной красным буем, а если не удастся — поднять шум и отвлечь внимание сторожей территории. Затем он должен был действовать по обстоятельствам и не упустить шанс присоединиться к Панкрату у озера.

Последним уходил на рейсовом теплоходе Крутов, которого тщательно загримировали под местного жителя, возвращавшегося в поселок на северном берегу Городомли с покупками — громадной коробкой с насосом и бухтой прорезиненного шланга. Эти громоздкие «покупки» должны были в некоторой степени снять с него первоначальное подозрение в несоответствии пейзажу и колориту и не дать наблюдателям базы повода начать его проверку еще на пристани. Ну а в поселке, располагавшемся в глубине острова, на западном берегу озера Дивного, Крутов намеревался тихо-мирно исчезнуть.

Воевать они не собирались, рассчитывая лишь на проведение разведрейда и захват «языка», и взял Крутов с собой лишь холодное оружие: любимый бэтдаггер, подаренный ему еще в Жуковке Сашей Зубко, и метательные стрелки. «Глушак» нес в водонепроницаемом пакете Панкрат, и весь расчет с захватом «языка» строился именно на применении пси-генератора.

Все трое имели рации, действующие в пределах пяти километров, и могли связаться друг с другом в любой момент.

Крутов сошел с теплохода на деревянную пристань Городомли в половине второго дня. На нем был ватник, кожаная кепка, брюки цвета золы и кирзовые сапоги. Наклеенные бородка и «трехдневная щетина» разительно изменили его лицо, и узнать в пошатывающемся, явно подвыпившем мужике бывшего полковника ФСБ было вряд ли возможно.

Вместе с ним на пристань сошли две женщины, мальчишка лет четырнадцати, молодой парень и двое мужчин постарше, одетые примерно так же, как и Егор. Один из них помог ему выгрузиться: Крутов вполне натурально сыграл захмелевшего аборигена, из рук которого все падало, — и «выброска десан-

та» закончилась благополучно, хотя за пристанью внимательно наблюдали из стоявшего неподалеку у продуктового ларька внедорожника «Марш»[1] отечественного производства с импортными сверхбаллонами, прозванного за разухабистый вид «лаптежником».

Продолжая пошатываться, то и дело останавливаясь и прикладываясь к бутылке, Крутов дополз до первых домиков поселка, где и застрял, безуспешно пытаясь взгромоздить на себя облепленную грязью коробку с насосом, внутри которой, конечно, никакого насоса не было, Панкрат наложил туда всякой металлической рухляди вроде обрезков труб и уголков.

Видимо, наблюдавшим за его усилиями из «лаптежника» парням надоело ждать, когда он доберется до места назначения, и они решили проверить гостя раньше.

— Эй, дядя, — окликнул его смуглолицый усач, сидевший рядом с водителем «Марша», — где живешь-то?

— Сам-то я? — разогнулся Крутов.

— Сам-то ты.

— Да в Осташкове, где ж еще.

— А сюда как попал?

— Дак сродственник у меня туточки, Пашка Рябой, сподобил вот, зараза, насос ему купить. Помогли бы, робята, тяжело ташшить-то.

— Ты бы еще поллитру выдул, — засмеялись в машине, — сразу полегчало бы.

— Дак я уже вторую кончаю, — Крутов, пыхтя, взвалил-таки на себя коробку и двинулся к последнему домику поселка, за которым начинался лес, — а эта дрянь все тяжельше и тяжельше становится...

Из кабины «Марша» снова раздался смех, и машина покатила по дороге вправо, к длинному деревянному забору, за которым начиналась территория какой-то заброшенной стройки с возведенными наполовину стенами двухэтажного кирпичного корпуса не то рыбзавода, не то общежития.

Крутов дождался, пока «лаптежник» скроется из глаз, бросил коробку за бетонную плиту справа, туда же отправил бухту резинового шланга и шмыгнул к лесу, включая рацию:

— Все на связь!

— Я в лесу, — тотчас же отозвался Панкрат, — в километре от цели.

— Подхожу к берегу, — сообщил Ираклий. — Был бы раньше, да на озере сильное волнение, на веслах идти трудно.

[1] «Нива» модели 1992 года.

В пределах видимости моторная лодка, идет ко мне. На берегу никого не вижу. Если высажусь без эксцессов, дам знать через десять минут.

— Встречаемся все у колокольни. Конец связи.

Крутов снял сапоги, заменил их на кроссовки, ватник тоже сбросил, оставаясь в не стесняющей движения мягкой куртке, и припустил по лесу на юг, в сторону Дивного озера, на берегу которого стояла колокольня времен царствования Петра I.

Дождь перестал, но лес все равно стоял сырой и угрюмый, хотя воды под ногами было мало, дерн и слой опавшей листвы впитывали ее быстро.

В основном росли в этом лесу сосны и ели, но встречались и березы, клен, дуб, реже вяз и черемуха. Заросли можжевельника, лещины и ольхи приходилось обходить, так густо стоял здесь кустарник, сплетаясь в непроходимые альвары. Судя по неухоженности леса, гниющим стволам упавших деревьев, нога человека ступала здесь редко, лесничество же было запущено давно, и никому из областного и местного начальства не было дела до того, что леса постепенно засоряются, хиреют, заболачиваются, превращаются в рассадники мошки, малярийного комара и клеща.

Звоночек тревоги звякнул в голове Крутова, когда он выбежал к тростниковой крепи, предвестнице близкого озера. Перед крепью в обе стороны уходила хорошо утоптанная тропинка со следами рифленых подошв. Люди проходили по ней совсем недавно, обутые в армейские ботинки европейского образца. Такие ботинки носили солдаты почти всех армий НАТО и войск ООН, а также спецназовцы многих секретных подразделений. Видеть следы таких ботинок в глубине России, в лесах небольшого острова посреди озера Селигер, было по меньшей мере странно. С другой стороны, наличие следов подтверждало гипотезу о присутствии на острове базы Российского легиона, охрана которого вполне могла носить удобные натовские ботинки.

Сориентировавшись и удвоив внимание, Крутов повернул налево и бесшумно побежал по тропинке, огибающей озеро Дивное по дуге вдоль тростниковых зарослей. Через полкилометра тростник расступился, открывая серую водную гладь с видневшимся в трех сотнях метров от берега каменистым островком, на котором торчали знакомые Крутову белые антенные шары радиокомплекса. Сердце в груди прыгнуло вверх-вниз, тревожное ощущение чьего-то взгляда в спину взъерошило волосы на затылке. Присутствие на острове локатора и комплекса спутниковой связи красноречиво свидетельствовало

о расположении в здешних местах мощной технической службы, и хотя, кроме антенн, Егор на берегу озера ничего не заметил, уверенность в душе, что он на правильном пути, окрепла.

— На связь! — бросил он в микрофон рации.

— Я на берегу Дивного, — доложил Панкрат. — Вижу антенны на острове. К воде подойти не могу, мешает сетка и дозорная тропинка. Иду к колокольне.

Ираклий отозвался не сразу:

— Меня отогнали. Конфликтовать не стал, их трое, и у них автоматы. Стану в полукилометре на якорь, сооружу болвана, чтобы издали было видно рыбака с удочкой, и подойду к острову под водой. Раньше чем через час не ждите.

— Хорошо, — коротко сказал Крутов, выключая рацию.

Скользнул в лес, обходя нагромождение камней — остатки морены, сохранившейся со времен днепровского ледника, и неожиданно оказался на краю болота с мочажинами, кочками, полыньями черной или ржавой воды, с редкими искривленными деревцами, с торчащими из ям столбами старой телефонной линии. Болото было огорожено проволочным забором с транспарантами: «Осторожно! Радиация!» Но самое интересное Крутов увидел чуть позже, с удивлением обнаружив, что голова у него почему-то кружится, а глаза слезятся. Шагнув вперед, он с трудом удержался на ногах: пейзаж перед глазами стал искажаться и плыть. Испугавшись внезапного ухудшения самочувствия, он отпрянул назад за деревья. Стало немного легче, хотя давление на затылок усилилось. Впечатление складывалось такое, будто кто-то пытался накинуть ему на голову полиэтиленовый мешок.

— Дьявол! — прошептал Крутов, догадываясь, что попал в полосу какого-то мощного излучения. — Только бы не радиация в самом деле!

Отступив от болота еще на десяток шагов, он почувствовал облегчение, присел в кустах, вытирая слезы, и вспомнил, что поразило его в открывшемся болотном ландшафте. Во-первых, за болотом должно было располагаться озеро, но его не было видно! Во-вторых, к болоту с запада подходила хорошая дорога и пропадала, словно обрезанная бритвой!

«Или у меня поехала крыша, — сказал Крутов сам себе, — или здесь кроется загадка базы. Две несуразности — это уже статистика, а не обман зрения». Он достал из кармана пузырек с ерофеичем, флягу которого захватил, уезжая из Жуковки, и сделал приличный глоток. Подождал, пока организм перестроится на новый уровень энергопотребления, погладил в кармане на груди перышко-оберег и снова вышел на край болота, преодолевая начавшееся вползание в мозг щупальцев чьей-то холодной воли.

Глаза защипало, выступившие слезы мешали смотреть, но все же сквозь колеблющийся болотный пейзаж он увидел широкое бетонное поле с разбросанными по нему низкими строениями, вертолеты, какой-то бликующий металлический конус, несколько автомашин и вышку. Дорога, которая обрывалась в болото, если смотреть на нее издали, теперь вполне вписывалась в проступивший сквозь призрачно струившиеся контуры болота технологический ландшафт.

— Дьявол! — прошептал Крутов зачарованно. — База имеет пси-защиту! Не нужна и охрана! Легион научился маскировать свои объекты с помощью генераторов внушения. Как же далеко они ушли в своих экспериментах?!

— Какая встреча! — раздался в полусотне метров за спиной чей-то насмешливый голос. — А вот и наш пьяненький мужичок. Где коробку-то со шлангом потерял?

Крутов оглянулся.

К нему медленно подходили трое крепких молодых людей во главе со знакомым смуглолицым усачом, которого он час назад видел в кабине «лаптежника». Все четверо, одетые в болотного цвета десант-костюмы, были вооружены автоматами, а усач, кроме этого, поигрывал рукоятью пистолета, в котором Егор угадал «глушак».

— Заблудился, что ли? — тем же насмешливым тоном продолжал усатый. — Ватник потерял, сапоги... что делает с человеком алкоголь, а?!

Парни за его спиной дружно заржали, будто по команде, и так же одновременно смолкли. Они были так уверены в своем превосходстве, что почти перестали видеть в небритом «алкаше» противника. Даже их более опытный усатый командир расслабился, считая, что шансов спастись бегством у подозрительного «мужика» нет.

— Что молчишь? — подошел еще ближе усатый. — Язык проглотил?

Крутов, с виду расслабленный и сонный, пальцами вытянул из рукавов куртки метательные стрелки и сказал с тупым видом, оглядываясь назад:

— Робяты, откудова тут болото? Всю жисть за опятами хожу, отродясь болота не видел...

— Сейчас мы тебе его покажем, — усатый поднял «глушак», продолжая приближаться, и в то же мгновение Крутов, дождавшись состояния транса, перешел на т е м п и исчез.

То есть никуда он, конечно, не исчез, просто реакции ох-

ранников зоны не хватало, чтобы увидеть его перемещение, но для них произошло чудо (такое чудо демонстрировал Егору дед Спиридон в самом начале знакомства) — объект задержания, которого они разве что не щупали руками, растворился в воздухе, как привидение. Реагировать на это чудо они стали спустя секунду, когда Крутов ушел из сектора поражения всей четверки и оказался почти на одной линии с ними.

Усатый по инерции выстрелил из «глушака» и тут же схватился за автомат, присел, считая, что противник просто упал на землю, в кусты. Его напарники тоже пригнулись, выставив вперед стволы автоматов, выглядывая исчезнувшего «пьяницу», и потеряли драгоценные доли секунды, необходимые Крутову для занятия удобной позиции.

Взмах обеих рук, бросок. Два сякэна преодолели оставшиеся восемь метров до парней справа и безошибочно поразили обоих в ухо и висок.

Рывок, тугой свист воздуха в ушах, прыжок, удар ногой в голову, и третий автоматчик отключился еще до того, как упал в полегшую от дождей траву в нескольких метрах от того места, где стоял.

Усатый успел повернуться: глаза дикие, изумленные, зрачки расширены, зубы оскалены, пальцы на спусковых крючках автомата и «глушака», — но ему не хватило буквально сотых долей секунды, чтобы выстрелить, потому что, пока он поворачивался, бэтдаггер уже летел к нему тусклой металлической молнией и попал точно в лоб массивной рукоятью, мгновенно выбив из головы все желания и понимание ситуации.

Он все-таки успел нажать на курок автомата, дав короткую, в четыре патрона, очередь, но Крутов был уже рядом, выхватил из руки падающего «глушак» и включил рацию:

— Всем слушать! Я нарвался на сторожевой наряд! Уйти не удастся, база рядом, замаскирована излучающей сферой...

— Какой сферой? — перебил его Панкрат.

— Нечто вроде гипнотизирующего излучения, внушающего определенный образ. Видится одно, на самом деле имеется другое.

— Я где-то рядом с тобой, слышал стрельбу, иду к тебе.

— Нет! Оставайтесь на местах! У меня идея. Слушайте!

Крутов, не отключая рации, ударил лежащего навзничь усатого легионера по щеке, дождался, когда тот откроет глаза, и разрядил в него «глушак», слыша со стороны «болота» начавшийся шум: в зоне, прикрытой сферой пси-излучения, началась тревога.

— Отвечай! — жестко приказал он усатому, лицо которого

под воздействием излучения «глушака» приобрело равнодушно-бессмысленное выражение. — «Болото» — это база Легиона?

— База... взлетно-посадочный комплекс...

— Где расположена сама база?

— База... объект...

— Объект номер пять? Где он?

— На острове... на озере... под землей...

— Что это за объект?

Глаза лежащего стали расширяться, видимо, начинала работать его программа самоликвидации. Крутов заторопился:

— Кто захватил детей, мальчика и девочку, на острове Кличен?

— Служба контроля...

— Где они сейчас?!

— На объекте... их... в распоряжение Директора...

У Крутова перехватило дыхание, он понял, о каком Директоре идет речь.

— Объект — это лаборатория?! Зачем они Директору? Говори!

— Директор... Проекта... он... — Усатый замолчал, вздрогнул всем телом и застыл, глаза его остановились, остекленели.

— Слышали? — бросил Крутов в микрофон рации. — Дети на острове. Я иду туда.

— С ума сошел?! — донесся голос Панкрата. — Жди, я сейчас помогу...

— Я дам захватить себя, убивать меня сразу они не станут, попытаются выяснить, кто я такой. — Егор заметил мелькавшие по лесу зеленоватые фигуры. — Я найду способ связаться с вами — через Марию и Лизу. Ждите!

После этого он сорвал с себя наушник и усик микрофона рации, отбросил подальше в кусты, туда же отправил «глушак», хотя так и подмывало оставить его при себе, и с криком: «Не стреляйте, я сдаюсь!» — поднял руки и пошел навстречу приближавшейся цепи легионеров.

ОСТАШКОВ

ВОРОБЬЕВ И ДРУГИЕ

Елизавета отнеслась к захвату мужа в плен охраной базы внешне спокойно, только побледнела, услышав известие. Мария, уже знавшая о том, что она ждет ребенка, посматривала на Лизу с беспокойством, но та держалась хорошо и от ухаживания за собой отказывалась.

Лида восприняла все происшедшее с неменьшей невозмутимостью, и лишь глаза выдавали ее внутреннюю боль и со-

мнение в благополучном исходе событий. Вообще женщины вели себя мужественно, едва ли не сдержаннее мужчин, за что те были им благодарны.

Вернувшись к пяти часам пополудни, Панкрат и Ираклий коротко поведали историю своего разведрейда, искупались по очереди под душем и, отказавшись от обеда, вышли к ожидавшим их женщинам.

— Нельзя ли поподробнее? — встретила их вопросом Мария.

Она переоделась в белый свитер, туго обтянувший высокую грудь, и на взгляд Ираклия не прореагировала совсем.

— Как все-таки случилось, что Егор дал себя захватить?

— Это была его идея, — хмуро проговорил Панкрат, подсаживаясь к жене. — Он наткнулся на терминал базы и решил отвлечь внимание охраны от нас. Я был там, недалеко от этого места... когда его уже взяли... с виду это место натуральное болото. Если Егор прав, то легионеры в своих исследованиях ушли далеко вперед. Во всяком случае, я не слышал, чтобы где-нибудь использовались генераторы, внушающие определенные картины.

Мария перевела взгляд на подсевшего к столу Ираклия.

— Ты тоже видел болото?

— Мы обошли его кругом, еле оторвались от преследования, пришлось отбиваться от собак... — Ираклий запнулся. — Я не такой сильный экстрасенс, как Крутов, но все же колебания воздуха уловил. Стоит напрячь зрение, собрать все силы и волю в кулак, как пейзаж начинает струиться, плыть. Но без защиты от излучения пройти туда нечего и думать. Кстати, остров посреди озера Дивного, где, по словам Егора, находится вход в подземные бункеры базы или «Объекта номер пять», виден практически отовсюду, как голый каменистый клочок суши, и лишь с одной точки — мы нашли ее случайно — заметно, что на нем торчат антенны.

— То есть вся зона вокруг озера находится под прикрытием суггестивного излучения. А если идти сверху?

— Я не думаю, что сфера излучения, воздействующего на психику людей, распространяется далеко — максимум на километр, а скорее всего на сотню-другую метров. Что же касается взгляда сверху, то с самолета или вертолета, конечно, антенны и взлетно-посадочную площадку увидеть можно, да только кого это интересует? Военные самолеты над Селигером не летают, пассажирские фото- и телесъемкой не занимаются, а вознамерься прогуляться по воздуху над островом мы, нас мгновенно собьют.

— Что вы еще успели рассмотреть?

Панкрат вспомнил их спешное отступление, когда они наткнулись на патруль, обходивший секретную зону, и покачал головой. После захвата Крутова охрана предприняла прочесывание острова, и надо было срочно уходить. Они еле успели вплавь добраться до лодки, Панкрат лег на дно, а Ираклий начал грести к материковому берегу, ожидая очереди вдогон. Но все обошлось. «Рыбак» охрану если и заинтересовал, то догнать его можно было только на катере, которого в данный момент под рукой не оказалось.

— Еще мы рассмотрели бывший пионерлагерь, — сказал Ираклий, видя, что Воробьев молчит. — С виду он заброшен, однако эта «заброшенность» запросто может оказаться наведенной с помощью излучений, искажающих восприятие. Но если Легион достиг таких высот воздействия на подсознание людей...

— То что? — посмотрел на него Панкрат.

— То Россия обречена. Реввоенсовет приберет власть к рукам, а Легион подавит любые попытки народа сопротивляться поголовному зомбированию.

— Не преувеличивай, — слегка поморщилась Мария.— Если посмотреть в исторически реальное прошлое России, то можно убедиться, что на протяжении последней как минимум тысячи лет на ее территории действует скрытый российский фактор, придающий исключительную устойчивость этнической системе, который можно назвать Сопротивлением. Его деятельность менее эффектна, чем деятельность западных систем посвящения от масонства до розенкрейцеров, но более эффективна и результативна.

— Это не то ли Сопротивление, о котором ты говорила и адептом которого является дед Спиридон?

— Разница есть, но небольшая. Сопротивление деда Спиридона можно считать «народным ополчением», Сопротивление же, «встроенное» в Россию, является корректором русского пространства. Кто приходил на Русь как завоеватель, в результате Сопротивления чаще всего оставался в ней в качестве жителя, иные же, как, например, хазары, сгинули вовсе. Так что, полковник, не стоит быть таким пессимистом. Россия — единственная исторически устойчивая система, ну или одна из самых устойчивых, если принять в этот «клуб» азиатские страны: Китай, Индию, Японию. Помнишь, у Пушкина?

> ...Сильна ли Русь? — Война, и мор,
> и бунт, и внешних волн напор
> ее, беснуясь, потрясали —
> смотрите ж: все стоит она.

— Тогда почему вы все так всполошились? — пробормотал Панкрат, с тревогой поглядывающий на жену.

— Кто — все?

— Вы, дед Спиридон, весь ваш Предиктор...

— Потому что Русь требует постоянной заботы и защиты. Потому что Сопротивление — фактор не только военно-прикладной, но и духовный — также требует подпитки. Потому что Сатана существует, действует, и печать его, которой отмечен путь России последнее десятилетие, не видна разве что слепому.

Помолчали. Потом Ираклий упрямо качнул головой.

— Я не пессимист, я реалист и вижу, что происходит, но, ей-богу, не вижу силы, способной реально изменить ситуацию. Раньше в ходу была поговорка: красота спасет мир. Да не спасет она никого!

Мария подняла бровь, удивленная его горячностью.

— Красота, конечно, гораздо более устойчивое и постоянное понятие, чем сила, но ты, к сожалению, прав. Одной красоте не справиться с «печатью Сатаны», нужна еще и сила, причем сила светлая, и желание бороться. Сейчас баланс сил в мире нарушен. К древнейшим системам и методам зомбирования — курению, алкоголю, наркотикам — добавились новейшие и более быстродействующие — радио и телевидение, средства массовой информации, компьютерные сети и аппаратура прямого кодирования, и все это уже переводит влияние Сатаны на качественно иной уровень. Вот почему забеспокоился Предиктор, вот почему нам предложили выйти на поле боя в составе рати Сопротивления.

В комнате снова повисло молчание. Каждый думал о своем. Потом Панкрат сунул в рот мятную жевательную таблетку и хмуро проговорил:

— Ну и что мы можем противопоставить Сатане на этом уровне? Чем, кроме людских ресурсов, обладает ваше Сопротивление?

— Я могла бы ответить так: решающим фактором всех войн всегда были люди, а не техника и вооружение. Но я отвечу вопросом на вопрос: на основе чего можно закодировать все население страны и вообще всего мира и превратить людей в рабов?

Ираклий и Панкрат переглянулись.

— На основе искажения информации? — предположил Федотов, заинтересованный речью Марии: он вдруг открыл, насколько велик запас знаний у этой красивой и сильной женщины.

— Браво, полковник, — благосклонно посмотрела на него Мария. — Метод прост и эффективен: надо дать всем такое изначальное представление о Вселенной, о человеке, о законах социальных отношений, которое только внешне кажется правдоподобным, на деле же скрывает действительный реальный ключ познания мира. Что и проводится в жизнь воинством Сатаны последние две тысячи лет. Так вот я возвращаюсь к твоему вопросу, Панкрат Кондратович, — что мы можем противопоставить этому. Необходим катарсис, то есть очищение истории от привнесенной в нее лжи. Голоса правды пробиваются сквозь толстый слой лжи воинства Сатаны, как травинки из-под снега, они еще немногочисленны, но именно они — провозвестники весны и торжества света над тьмой. Кстати, мы — тоже «травинки» Сопротивления и должны «прорасти», то есть хорошо исполнить свой долг перед детьми и внуками.

Все невольно посмотрели на стиснувшую кулачки Лиду, которая тут же встала и торопливо вышла из залы, вытирая слезы. Всхлипнула вдруг и Елизавета, отвернулась. Панкрат посидел немного и вышел вслед за женой. Ираклий посмотрел на оставшихся женщин, встретил взгляд Марии, кивнул:

— Да, пора от общих проблем переходить к частным. Хотя Егор что-то и говорил насчет того, что свяжется с нами, надежды на это мало. Надо предпринимать свои шаги к его освобождению и возвращению детей.

— Я плохо представляю местность вокруг озера, где расположена база, — сказала Мария. — Есть ли какие-то подходы, хотя бы теоретически не предусмотренные охраной?

Лиза встрепенулась, с надеждой посмотрела на Ираклия. Тот сдержал отрицательный ответ, чтобы не пугать жену Крутова, ответил уклончиво:

— С легальных позиций проникнуть на ее территорию вряд ли возможно. Охрана уже наверняка «стоит на ушах» и ждет нас, даже если Егор ничего им не сказал. Лично я вижу всего два варианта. Первый — ночной десант, то есть прямая атака, тщательно подготовленная и спланированная. Но этот вариант требует наличия команды и соответствующей экипировки, чего у нас нет. Второй путь — проникновение на базу под видом какого-нибудь агента по специальным поручениям от командующего Легионом, везущего сообщение лично директору объекта. Но и этот путь требует подготовки и знания значительного объема необходимой информации: имен, должностей, званий, субординации, расположения резиденции Легиона и так далее. А главное — времени, которого у нас тоже нет.

— Есть третий вариант, — задумчиво сказала Мария. — Но для его осуществления потребуется помощь волхва.

— Деда Спиридона?

— Он не единственный волхв в России. Хотя, если дед согласится, шанс спасти Егора и детей существенно увеличится.

— Что ты задумала?

— На базу пойду я.

— Ты... — Ираклий хотел сказать: с ума сошла! — но пере-

хватил иронический взгляд Марии и закончил: — ...не справишься одна.

— Может быть, мы пойдем все вместе. Но для этого, повторяю, нужна помощь волхва. Давайте собирать команду: вы с Панкратом по своим каналам, я по своим.

В залу вошел Панкрат, покачал головой на взгляды женщин и Ираклия.

— Переживает... Ну, на чем мы остановились?

— Пошли поговорим, — встал из-за стола Федотов.

Они вышли во двор, жмурясь под лучами выглянувшего из-за туч низкого солнца.

— У Марии есть план, — сказал Ираклий. — Нам нужна команда. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Панкрат отрицательно качнул головой, вспоминая Родиона.

— А у тебя?

— Надо позвонить в Бийск. Но при любом раскладе он прилетит не раньше чем завтра.

— Он? Один человек?

— Серега Корнеев, бывший мой зам. Он сейчас возглавляет в Бийске местный церковный спецназ. Если ему удастся уговорить начальство, возможно, что он приедет не один.

— Что еще за церковный спецназ? Не слышал о таком.

— Церковь решила использовать мирской опыт для защиты своих интересов от посягательств воинства Сатаны.

Панкрат усмехнулся.

— Ну если уж и монахи подстраховываются таким образом, значит, дела совсем плохи. Пошли к бабе Ольге, позвонишь в Бийск.

Они сходили на городскую квартиру к тетке Воробьева, имеющей телефон, Ираклий дозвонился до Корнеева, объяснил ему ситуацию, и бывший майор твердо пообещал быть в Осташкове в течение суток. Возвращались домой молча, думая об одном и том же: каково сейчас Крутову? Выдержит ли он допросы с применением пси-техники или нет? И что он имел в виду, говоря о связи «через Марию и Лизу»?

Женщины возились на кухне, помогая Лиде сервировать стол для обеда. Они были явно возбуждены. Заметив это, Ираклий и Панкрат подошли к Марии.

— Вы случайно не опохмелились без нас, Ходок? — пошутил Ираклий.

— Случайного ничего не бывает, — улыбнулась в ответ Мария. — Случайность — это всего лишь статистическая предопределенность, обусловленная матрицей возможных состояний мира. Но повод опохмелиться появился.

— Получил? — глянул на Федотова Панкрат. — Это тебе не

с генералами общаться. А что за повод у нас появился? Неужто Егор позвонил?

— И позвонил, — подошла к ним слегка повеселевшая Елизавета. — Он сидит в каком-то «отстойнике» на острове, под землей, ждет приезда начальника, который будет его допрашивать. Дети живы, но они находятся в другом месте.

Мужчины обменялись взглядами.

— Откуда вам это известно? — пробормотал Панкрат. — Что значит, он «позвонил»? В рельс, что ли?

— Мы с Лизой провели сеанс паранормальной связи, — небрежно сказала Мария, — если вам это о чем-то говорит. Естественно, это не вербальная телефонная связь, а эмоционально-образная, но Егору все же удалось передать нам информацию. Так что он жив и здоров, ждет каких-то высокопоставленных гостей.

Ираклий пристально посмотрел в глаза женщины. Показалось, что она чего-то недоговаривает. Уловил взмах ресниц, означающий: молчи! — и понял, что Марии известно о положении Егора больше, чем Елизавете, и что это положение не столь оптимистично, как было заявлено.

— А еще я связалась с дедом Спиридоном.

— Что, тоже телепатически? То есть «паранормально»?

— Он будет здесь вечером.

— Понятно. До его появления ничего предпринимать не будем?

— У тебя есть какие-нибудь конкретные предложения?

— Ни в зуб ногой.

— Тогда предлагаю всем отдохнуть. Если дед приедет, как обещал, силы нам понадобятся еще вечером.

Панкрат потоптался возле жены, потом глазами показал Елизавете на нее, чтобы она побыла рядом с Лидой, и ушел из дома. Ираклий вышел за ним, но вернулся, чувствуя досаду и желание как-то занять себя. Ничего не придумав, он погулял по двору, разглядывая сарай и хозяйство Воробьевых, нашел сухой уголок земли под навесом, разделся до пояса и заставил себя проделать комплекс упражнений лунг-гом, повышающих тонус и энергетику организма. Через час он полностью восстановил «гармонию внешнего и внутреннего», очистил тело и мозг от «шлаков» физиологической и психологической усталости, хотел было перейти к боевому комплексу приемов и вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Опустил руки, расслабился, оглянулся, встречая заинтересованно-оценивающий взгляд Марии. Женщина сошла по ступенькам крылечка на землю, подошла ближе.

— Как называется эта гимнастика?

— Лунг-гом.

— Китай, Корея?

— Тибет. Я занимаюсь этой «гимнастикой» уже более двадцати пяти лет, с тех пор как отец привел меня к монахам Шаматхи.

— А кроме лунг-гом, больше ничем не занимался?

— Ну почему, изучал и кунг-фу, и карате, и наши отечественные самбо, унибос, барс.

— Русским стилем не увлекался?

Ираклий облился водой из бочки, наполняющейся во время дождей, накинул рубашку.

— Русский стиль — ведь это собирательное название, почти не имеющее школы. К нему можно отнести и то, что я перечислил.

— Ошибаешься, мастер. Существуют р е а л ь н ы е русские стили, которым сотни, а то и тысячи лет, разве что их адепты не афишируют своих знаний.

— Это какие же?

— Спас, например, суев, боливак. А еще уникальная во всех отношениях жива, протосистема боя, отголоски которой докатились до Китая и Японии спустя тысячелетия после того, как ушла цивилизация арктов. Кстати, Крутов близок к тому, чтобы в скором времени овладеть живой, с ним сам дед Спиридон занимается.

Ираклий почувствовал укол ревности, но не показал виду, к тому же был всерьез заинтересован новой для него информацией.

Подул холодный ветер, Мария обхватила себя руками, и они поспешили в дом, где Ираклий продолжил расспросы. Беседа их длилась и дальше, после ужина, пока не появился Панкрат. Он был хмур и озабочен, что сразу заметили все.

— Что случилось? — подбежала к нему страдающая Лида. — Где ты пропадал?

— Я заметил у дома подозрительного типа, — проговорил Панкрат. — Выключите везде свет, достаточно ночника в спальне. Пошли посмотрим, полковник. Хорошо, если я ошибся...

Мужчины вышли, сопровождаемые тревожными взглядами женщин, и появились через полчаса, сосредоточенные и серьезные.

— За домом ведется наблюдение, — сказал Ираклий негромко в ответ на вопрос в глазах Марии. — Давайте думать, что делать. Оставаться здесь небезопасно... — он не договорил.

В сенях раздался шорох, дверь тихо открылась. Мужчины

прореагировали на это с похвальной быстротой, мгновенно выхватывая оружие и беря дверь на прицел. Какая-то прозрачная фигура выросла на пороге и тут же пропала, а потом за спинами Ираклия и Панкрата раздалось покашливание. Они обернулись и застыли, одинаково потрясенные: на них смотрел высокий старик с длинными седыми волосами, перехваченными лентой через лоб, седыми усами и бородой. Одет он был в армяк или зипун, подпоясанный простой веревкой, и красивые мягкие кожаные сапоги.

— Дедушка! — воскликнула Елизавета.

Мужчины переглянулись, спрятали оружие, догадываясь, что перед ними тот, кого они ждали с не меньшим нетерпением, чем женщины, — дед Спиридон.

— Добрый вечер, добрые люди, — прогудел старик с насмешкой. — Что это вы на ночь двери не запираете? Вдруг какой лихой человек забредет?

— Лихой человек получит лихой поворот, — пробормотал Панкрат. — Это не вас ли я видел возле дома полчаса назад?

— Нет, не меня. — Дед Спиридон огляделся в полумраке комнаты, со вздохом облегчения сел на диван, по очереди посмотрел на каждого из присутствующих. — Но ты прав, Ираклий Кириллович, оставаться здесь небезопасно. Прохожий, которого видел сей молодой человек, являлся одним из воинов Сатаны, профессиональным разведчиком и солдатом Российского легиона.

— Являлся? — понимающе усмехнулся Ираклий.

— Ты имеешь в виду, жив ли он? Жив и здоров, но солдатом Легиона уже не является. Однако за ним придут другие, долго вам здесь не продержаться. Панкрат Кондратович, у тебя, говорят, в городе много родственников, у кого из них можно остановиться на какое-то время, чтобы и человеку не навредить, и самим остаться незамеченными?

Панкрат потрогал кончик носа, подумал немного.

— Или у тетки Ольги, она живет одна в двухкомнатной квартире, или у свояка Константина, у него собственный дом в Пимешках, за Троицким собором.

— Перебирайтесь туда прямо сейчас, возьмите все необходимое.

— А вы?

— Я посижу здесь немного, подожду других гостей. Приду к ночи, тогда и поговорим. Маша, останься на минутку.

— Я там отобрал оружие и снаряжение, — сказал Панкрат, обращаясь к Ираклию, — помоги погрузить в машину.

Они вышли из темной залы, уводя Лиду и Елизавету. Мария подсела к старику.

— Слушаю, архимандрит.

— Тебе придется прямо сейчас отправиться в Москву.

— Хорошо, — после недолгого молчания согласилась Мария. — Что я должна сделать?

— Найти энэлпера Умара Гасановича Тимергалина и передать ему, что у него еще есть шанс освободиться от «печати Сатаны».

Дед замолчал, закрывая глаза. Мария подождала продолжения, но его не последовало.

— Это все?

— Все, Ходок. И сразу возвращайся обратно. К сожалению, я не могу впрямую вмешиваться в здешние разборки. Мысль, как тебе известно, тоже может стать призывом Тьмы. Если я «качну законы», об этом сразу узнают черные слуги Сатаны, вмешаются в процесс, и тогда тихое восстановление справедливости, баланса сил, будет невозможно. Тебе придется на какое-то время стать одним из исполнителей Замысла.

Мария пристально вгляделась в суровое лицо деда.

— Вы хотите... бросить Егора... Витязя... одного?

— Нет, я хочу вызволить его, но использовать волхвование не могу. Ему придется выбираться с вашей помощью. Если Егор Крутов истинный Витязь, он выберется.

— Я говорила с ним через астрал...

— Не повторяй этого слова, нет никакого астрала, есть спинторсионное поле, имеющее в древнерусском языке аналог — тям.

— Егора били и пытали... хотя я, конечно, ничего не сказала Лизе. Она сама почувствовала, что ему плохо, но точно ничего не знает. Кстати, она беременна.

— Я знаю. Поэтому ее надо уберечь от чрезмерного напряжения сил, которое требуется для создания обережного зонта. Что касается Егора, то он выдержит. Я научил его «выходить из тела».

— Я все поняла, архимандрит. Вы думаете, Тимергалин как-то поможет нам?

— Он друг командующего Легионом Мстислава Джехангира, и завтра они будут здесь. Вот почему тебе надо спешить.

— Хорошо, дедушка. — Мария встала. — Еще до полуночи я буду в Москве, а к утру вернусь.

Она вышла. Дед Спиридон задумчиво смотрел ей вслед, черты лица его смягчились, но в глазах горел огонь силы и мудрости, подернутый дымкой неизбывной печали, и сейчас он меньше всего был очень старым человеком, прожившим на свете более ста пятидесяти лет.

ДЖЕХАНГИР — ТИМЕРГАЛИН

Из Москвы в Осташков они летели на легком «Ка-115», способном тем не менее перевозить до пяти пассажиров или до семисот килограммов груза. Вертолет был зарегистрирован в службе МЧС, но принадлежал Легиону, и Джехангир довольно часто использовал его для своих целей.

Командующий Легионом был слегка возбужден предстоящей встречей на базе в Осташкове со своим бывшим учеником, что благодаря природной невозмутимости выглядело так, будто у него болят зубы. Его спутник сидел совершенно неподвижно и смотрел куда-то вдаль, сквозь стенку кабины, словно пытался уловить что-то недоступное зрению обычных людей. На непривычное поведение Тимергалина Мстислав Калинович обратил внимание еще при посадке в вертолет, хотя не придал этому значения, но в конце концов спустя полчаса после старта наклонился к нему и протянул банку тоника:

— Хочешь?

Тимергалин отрицательно мотнул головой, продолжая смотреть перед собой остановившимся взглядом. Мстислав Калинович открыл банку, напился, разглядывая лицо энэлпера.

— Что ты как в воду опущенный, Умар? О чем задумался?

Тимергалин не ответил, вспоминая визит удивительной, красивой и очень сильной в пси-отношении женщины. Всю свою жизнь Умар Гасанович считал, что в человеке борется столько противоположных начал, что гармоничное их сочетание, существование вместе невозможно, однако эта женщина, назвавшаяся Марией, заставила его несколько пересмотреть свои убеждения.

Она позвонила в дверь квартиры Тимергалина ровно в полночь, когда он собирался принять ванну и лечь спать; уже давно, лет десять, он жил один. Мысленно оценив позвонившего и не ощутив угрозы, он открыл дверь и подвергся самой настоящей атаке обаянием и красотой, излучаемыми смотрящей на него с улыбкой женщиной.

— Вам кого? — спросил он дрогнувшим голосом, заставляя замолчать заговоривший внутри голос плоти и уже понимая, что перед ним не обычный человек, а паранорм, как и он сам.

— Вас, Умар Гасанович.

— Кто вы? Я вас не знаю.

— Меня зовут Мария. Могу я войти?

Тимергалин безмолвно отступил в сторону, одетый в мали-

нового цвета халат с черными атласными отворотами, проводил гостью в гостиную, включил свет, извинился и вышел, чтобы переодеться. Мария осталась стоять у порога комнаты, и Умар Гасанович улыбнулся в душе, заметив ее красноречивый взгляд, брошенный на стены гостиной из обожженного красного кирпича без всякой обработки и обклейки. Интерьер гостиной был выполнен в стиле африканского джамбе и всегда очень сильно воздействовал на гостей.

Кроме разного рода утвари: керамической и глиняной посуды, мешалок, ступок, калабас, циновок, — по стенам были развешаны маски, магические талисманы, щиты, бусы из костей и цветного стекла, оружие: копья, луки, колчаны со стрелами, дубинки с акульими зубами, каменные ножи и зазубренные диски, в нишах виднелись кожаные корешки каких-то старинных фолиантов, статуэтки гномов, подсвечники, вазы с засушенными цветами, а по углам комнаты прятались метровой высоты скульптуры: танцующего колдуна, воина и черной женщины с огромным животом. В четвертом углу красовался высокий барабан из дерева с натянутой на него шкурой зебры, прошитой воловьими жилами.

Посреди комнаты стоял круглый камень с выбитыми на нем письменами, а вокруг него располагались четыре кожаных кресла с наброшенными на них шкурами льва, леопарда, зебры и гиены.

Весь этот экзотический интерьер был выдержан в довольно мрачных бордово-черных тонах, что говорило об определенных психологических пристрастиях хозяина.

Гостья, склонив голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то, обошла комнату, не дотрагиваясь ни до чего, постояла у «стола» и села в кресло со шкурой леопарда.

Умар Гасанович появился через минуту, одетый уже в черный спортивный костюм, и поставил на камень поднос с напитками и фруктами. Сел в кресло напротив, устланное шкурой льва, отметив про себя, что гостья села таким образом, чтобы не оказаться в фокусе магической тетраграммы, образованной креслами и всем убранством комнаты, что еще больше укрепило его в своем предположении: женщина обладала чутьем и колдовским очарованием экстрасенса.

— Откуда вы меня знаете, мисс Мария? И кто вы в этой жизни, если не секрет?

— Всего лишь учитель словесности, высокочтимый хозяин, хотя это не имеет никакого значения, потому что в настоящий момент я — Ходок и исполняю волю пославших меня людей. А они знают вас достаточно хорошо, чтобы иметь надежду на ваше возвращение.

— Честно говоря, не понимаю, о чем вы.

— Не лукавьте, Умар Гасанович, все вы понимаете. Вы нам интересны не только как ученик академика Тиграна, но и как личность, имеющая свою сферу созидания, хотя она пока мала. Мне велено передать вам следующее: у вас еще есть шанс освободиться от «печати Сатаны».

— Очень интересно. И все же я не совсем...

Брови Марии сдвинулись, она провела ладонью над бокалом с вишневым соком, взяла его тонкими пальцами и сделала глоток.

— Мы знаем, что ваш друг Мстислав Калинович Джехангир работает на Реввоенсовет, полностью находящийся под контролем Сатаны. Или вы станете утверждать, что не знаете этого?

— Допустим, я знаю о существовании такого органа. Ну и что?

— Реввоенсовет является программно-адаптивным модулем, на который легла функция реализации программы, получаемой от Сатаны. О цели этой программы вы можете и не догадываться, но то, что она существует, знаете.

— Давайте разберемся с терминами, — ровным голосом произнес Тимергалин, — во избежание недоразумений. Что такое или кто такой Сатана?

Мария оценила сдержанность хозяина и его умение уходить от прямых ответов.

— В нашем понимании Сатана — это объемная соборная система-личность, но не мятежный подданный Бога, источник мирового зла, как трактует иудео-христианская традиция, а Вторая Реальность в бесконечном мире, стремящаяся изменить Божий Замысел. В санскрите это Абсолютное Бытие, высшее Я. Однако средства, которые использует Сатана для достижения своей цели, а главное — помощники, на которых он опирается, действительно являются источниками зла и врагами человеческого рода. Мы называем их воинством Сатаны, хотя не все они действуют во вред человечеству сознательно.

Тимергалин задумчиво покачал в пальцах бокал с лимонным соком.

— Вы не оригинальны.

— Мы и не стремимся быть оригинальными, мы просто з н а е м, к чему приведет так называемая «революция», экспансия Сатаны, процесс формирования его ипостаси на Земле, и стремимся сохранить цивилизацию доступными нам средствами. Вот и все.

— Ни много ни мало. Но, допустим, вы правы, и в мире действительно идет процесс формирования фактора, который вы

называете Сатаной и который, по вашим же словам, не является Злом. Чем же это плохо?

— Тем, что ему не нужны люди как личности, обладающие собственной волей и устремлениями, ему нужны люди-клетки, подчиняющиеся его воле, превращающей человечество в стадо.

Тимергалин с тем же задумчивым видом нанес внезапный гипнотизирующий удар по сознанию собеседницы и буквально провалился, то есть едва не потерял сознание сам; это больше всего походило на состояние боксера, нанесшего мощнейший удар противнику, но промазавшего в результате его уклонения. Встретив взгляд Марии, в котором сквозила неприкрытая ирония, Умар Гасанович подавил вспышку злости, откинулся на спинку кресла со слабой улыбкой на губах.

— Вы умеете убеждать, Ходок. Кстати, чей? Не Предиктора ли?

Мария выдержала все понимающий, сверкнувший ответной иронией взгляд хозяина, кивнула.

— Вы не зря общаетесь с учителем, Умар Гасанович. Академик Петр Афанасьевич Тигран когда-то получил предложение Предиктора России стать его равноправным членом, но отказался, избрав свой путь...

— Так сказать, срединный, «серый», — бесстрастно добавил Тимергалин, показывая, что знает иерархию магов. — Может быть, он просто не захотел стать глиной в чужих руках?

— Допустим, человек не хочет быть глиной, из которой скульптор собирается вылепить прекрасную статую. Но если он сам и глина, и скульптор, и статуя, то что остается от его возражений?

— Ницше?

— Петр Дмитриевич Успенский. Хотя подобные мысли высказывались и другими мудрецами прошлого. Итак, что мне передать моим друзьям?

— Я передам ваше пожелание моему учителю.

Мария поднялась, пристально посмотрела в ставшие непроницаемыми черные глаза Тимергалина.

— Почему вы должны передавать его учителю? Речь идет о вас.

Умар Гасанович встал тоже.

— Мы вполне понимаем друг друга, Ходок. Я давно ждал вашего прихода, ощущая интерес волхвов к персоне учителя, но могу совершенно точно сказать, что у нас с ним нет ответа на ваше предложение. Ни положительного, ни отрицательного.

Мария улыбнулась.

— Спасибо и на том. И все же, идущий своим «серым» путем, я хотела бы знать ваше личное мнение, а не мнение учителя. Или у вас его нет?

Тимергалин нахмурился, и они несколько мгновений фехтовали взглядами, прощупывая оборону друг друга. Хозяин отступил первым.

— Обещаю подумать над вашим предложением. Это все, что я могу сейчас сказать.

Мария выпустила из руки бокал. Тимергалин невольно сделал движение к ней, но бокал не упал на пол, а завис, будто в невесомости, и тихо скользнул по воздуху к каменному столу, опустился в центр подноса. Когда Тимергалин опомнился, гостьи уже не было в квартире...

Кто-то дотронулся до его плеча. Тимергалин очнулся, сквозь шум двигателя услышал вопрос Джехангира:

— Ты плохо себя чувствуешь, Умар?

Ответил:

— Нормально. Долго еще лететь?

— Минут десять. Я сам в нетерпении, очень хочется поговорить с моим должником. — Джехангир дотронулся пальцем до глянцевого пятна на шее. — Интересно, каким образом он оказался на острове, рядом с объектом? Ясно, что не случайно, но кто его послал? Откуда он узнал координаты объекта? Кто его покровители, с помощью которых он с такой легкостью ушел от ликвидаторов?

Тимергалин не ответил.

— Как ты думаешь, — продолжал Мстислав Калинович, — с кем он сотрудничает? Ведь не может один человек, даже такой суперпрофессионал, как Егор Крутов, действовать так эффективно долгое время?

Тимергалин снова промолчал.

— Черт, да что с тобой? — удивился Джехангир. — О чем снова задумался?

— О жизни, — невольно усмехнулся Умар Гасанович. — И о смерти. Почему эти два очень неравнозначных процесса так зависят друг от друга? Как они управляют судьбой? Или она управляет ими? Ты сам не задумывался над своей судьбой? Или над судьбой страны, в которой живешь, как завоеватель? Тебя не волнует, что в грядущем распределении приоритетов России уготована роль сырьевого придатка развитых государств и территории для утилизации отходов?

Глаза Джехангира стали круглыми, выражая все, о чем он подумал.

— Ты случайно не заболел, Умар? Что за идиотские вопросы ты задаешь? С чего это тебя вдруг стали волновать проблемы будущего России?

— Так, задумался недавно. А тебя разве эти проблемы не интересуют?

— Это ты не в огород ли РВС камешек? — догадался Мстислав Калинович. — Тебя не устраивает что-то конкретное в деятельности Совета или вся концепция целиком?

— Лично меня устраивает все. Но ведь мы с тобой живем не в пустыне, генерал, не в вакууме на Луне, а среди людей. Я знаю, ты их не любишь, да и я многих переношу с трудом, но ведь надо бы и их мнение спросить, хотят ли они жить по рецептам РВС или нет.

Джехангир крякнул, достал банку пива, сорвал крышку и выпил. Бросил смятую жестянку на пол.

— Не нравится мне твое настроение, доктор. Ты стал задавать странные вопросы. Если бы ты не был моим другом и спасителем... Да знаешь ли ты, что ставка в наших играх с РВС — обладание производственными мощностями всего человечества, а не отдельной страны? При чем тут судьба одного государства, пусть и такого уникального, как Россия?

— Но она твоя родина.

— Ну и что? На кону — власть над миром, а ты талдычишь о родине!

— И для того, чтобы получить эту власть, РВС ложится под евро-американский олигархат? А не случится ли так, что вы, сделав свое дело, станете не нужны настоящим хозяевам Проекта?

Джехангир на миг потерял свою обычную «монгольскую» невозмутимость, оторопело поглядел на спутника.

— Откуда ты знаешь о Проекте?

Умар Гасанович рассмеялся, успокаивающе похлопал его по плечу.

— Я ведь все-таки энэлпер, дорогой Мстислав, колдун в некотором роде, у меня своя разведка. Не переживай, мои знания дальше этой штуки не пойдут. — Он постучал пальцем по лбу. — А насчет остального я пошутил, проверял твою лояльность. К слову, ты был очень убедителен.

Джехангир, не уловив в голосе друга тонкой иронии, проворчал:

— Поосторожнее с такими шутками, колдун, мои боссы могут тебя неправильно понять. Вместо занятий философским эквилибром ты бы лучше привлек к нашей работе своего приятеля-академика.

— У меня много приятелей-академиков, кого ты имеешь в виду?

— Тиграна.

Умар Гасанович хотел ответить, что это невозможно, однако в это время вертолет пошел на снижение, и разговаривать стало недосуг.

Система посадки на территорию объекта отличалась от общепринятых не только применением автоматики запроса «свой-чужой», но и особой лазерной подсветкой, потому что излучение генераторов, искажающее восприятие людей и таким образом маскирующее ВПП в радиусе шестисот метров, действовало и на пилотов. Если с высоты в один километр и выше они хорошо видели остров и хозяйство объекта вместе с аэродромом, то при посадке теряли ориентацию, так как начинали видеть «болото» со всеми его прелестями и запросто могли посадить машину «ниже асфальта» взлетно-посадочного поля. Лазеры давали возможность ориентироваться уже на высоте полукилометра над землей, потому что пси-излучение теряло мощность лишь в непосредственной близости от поверхности земли, буквально в полусотне метров, в силу конфигурации «лепестков» луча, когда становилось видимым все поле со строениями аэродромного хозяйства и стоящими на нем летательными аппаратами.

Машина командующего Легионом зависла над квадратом, очерченным красными линиями в центре площадки, спружинила на полозья шасси, и тотчас же квадрат поля вместе с вертолетом стал уходить вниз, опускаться под поверхность земли. На глубине тридцати пяти метров подъемник остановился, вертолет мгновенно откатили в сторону в центре гигантского подземного ангара, и плита подъемника пошла вверх, пока не закрыла отверстие шахты.

Дверцы вертолета открылись, двое телохранителей Джехангира выбрались из кабины первыми, за ними вышел генерал, кивком ответил на приветствие шеренги вытянувшихся по стойке «смирно» двухметрового роста верзил в коричнево-салатной форме Легиона и обернулся к вылезавшему Тимергалину.

— Ну, как тебе наше хозяйство?

Умар Гасанович, никогда раньше не посещавший секретные объекты Легиона, молча пожал плечами, хотя масштабы и техническое оснащение базы произвели впечатление и на него.

К прибывшим гостям подошел сурового вида подтянутый молодой человек в форме майора Легиона, кинул два пальца к берету.

— Майор Ливенцов, начальник охраны объекта. С прибытием, товарищ генерал. Вас ждут.

Он отступил в сторону, и к Джехангиру бесшумно подкатил низкий и длинный, как торпеда, автомобильчик — электрокар. Мстислав Калинович сел за спиной водителя вместе с

одним из телохранителей, второй занял место за ним вместе с Тимергалиным, и электрокар устремился к выходу из ангара, в котором, кроме прилетевшего «Ка-115», умещались несколько других машин: небольшой вертолет «Ка-226», самолет-амфибия «Бе-103», бронетранспортер и зенитная установка «шилка-М2».

Зигзагообразный тоннель, по которому мчался кар с пассажирами, освещенный редкими люминесцентными лампами, оказался двухсотметровым и закончился в полусферической полости, заросшей лесом металлических ферм, с гладким каменным полом и десятком дверей по периметру, перекрытых толстыми плитами с гидравлическими открывателями. Это был центральный пропускной пункт базы, располагавшийся под островом озера Дивного, из которого можно было попасть в любой подземный бункер объекта.

Таких бункеров было восемь. Три из них служили лабораториями психотроники, один со своим сверхсекретным — никто никогда не бывал в этом бункере — оборудованием занимал Директор Проекта, два были заняты компьютерным и телерадиокоммуникационным комплексами, а оставшиеся использовались как складские помещения и тюрьма-«отстойник» для испытательного «материала», которым служили приговоренные к смерти преступники или люди, специально захваченные и доставленные с поверхности по заказу Директора. В «отстойнике» находился и тот, ради кого на объект прибыл сам командующий Легионом: Егор Крутов, бывший полковник антитеррористического управления ФСБ.

С шорохом колес по бетону подъехал второй электрокар, из которого ловко выпрыгнул начальник охраны.

— Вас ждет Директор, товарищ генерал. Следуйте за мной.

— Отставить, — небрежно бросил Джехангир. — Сначала я бы хотел посетить «отстойник».

— Как прикажете. — Майор снова бросил два пальца к виску, подошел к одной из бронированных дверей с номером 5, приложил к черному окошечку справа ладонь. Дверь с гулом повернулась на оси, открывая квадратный тоннель, облицованный коричневой керамической плиткой. В метре от входа вспыхнул тонкий веер лазерного сканера, образующий входной контур системы опознавания и контроля. Майор шагнул вперед, и светящаяся белая линия пробежала по его фигуре. Вспыхнули зеленым светом и погасли горизонтальные щели в стенах тоннеля. Тимергалин знал о существовании подобных сканеров, но видел один из них впервые.

Джехангир искоса посмотрел на него с видом рекламного агента, демонстрирующего товар, и Умар Гасанович понял,

что тот не зря ходит гоголем: система охраны объекта, несмотря на бросающееся в глаза отсутствие контингента живых сторожей, оценивалась командующим очень высоко.

«Отстойник», то есть, по сути, тюремный бункер, где содержались люди, предназначенные стать подопытными «кроликами» для разработчиков психотронной аппаратуры, представлял собой подземный грот естественного происхождения, как и большинство других бункеров, слегка расширенный и обработанный для нужд хозяев острова, перегороженный бетонными стенами высотой в три с половиной метра на шестнадцать квадратных камер-клеток. Каждая такая клетка размером четыре на четыре метра почти ничем не отличалась от настоящих тюремных камер, кроме системы утилизации отходов и отсутствия каких-нибудь хотя бы мало-мальских удобств. «Кроликов» в камерах практически не кормили и долго не держали по причине их использования в экспериментах, поэтому «удобства» и не были предусмотрены разработчиками «отстойника». Крыш у камер не было, их заменяла одна общая крыша — потолок пещеры, а свет горел только в двух узких коридорах между рядами камер, по которым изредка прогуливались охранники «отстойника», дежурившие у пульта с монитором контроля на входе. Телекамеры просматривали коридоры, а одна из них обозревала сверху весь грот, но включалась она редко, потому что выбираться пленникам из камер на стены не имело смысла, они все равно не могли никуда убежать, и охранники пользовались этой телекамерой только во время сдачи и приема дежурства.

Тоннель привел группу посетителей во главе с Джехангиром к еще одной двери, напоминавшей люк в банковский бункер, с «глазком» телекамеры над ней. С гулом дверь отошла в сторону, и делегация прошествовала в «отстойник», не отвечая на приветствия вытянувшихся в струнку охранников в количестве трех человек.

Полковник Егор Крутов содержался в клетке под номером 16 в конце коридора, в самом углу бункера, так что две стены клетки являлись одновременно и стенами пещеры. В этой камере он был один.

Света из коридора, падавшего в камеру, было недостаточно, чтобы разглядеть пленника, и один из охранников включил фонарь. Луч света выхватил из полумрака шершавый бетонный пол с деревянной доской у стены, неровный каменный угол и человека, сидевшего на доске в позе лотоса с руками в наручниках. Открыв глаза, он глянул, не моргая, прямо в поток света, и кривая усмешка раздвинула его запекшиеся, разбитые губы.

— О, кажется, у меня сегодня гости?

Джехангир с внутренним содроганием оглядел лицо в кровоподтеках, голые плечи в царапинах и синих полосах от ударов дубинками и повернул голову к начальнику охраны.

— Кто приказал его избить?

— Он сопротивлялся, — меланхолически пожал плечами майор. — Искалечил четверых конвоиров во время первого допроса и двух специалистов во время второго.

— Каких специалистов?

Майор смешался, поглядев на командующего Легионом, как на несмышленого ребенка.

— Специалистов полигона, подготовивших эксперимент по проверке своих теорий.

Джехангир потемнел.

— На нем испытывали излучатели?!

— Нет, только новую систему «лунный свет».

— Я же просил его не трогать! Кто приказал испытать на нем «лунный свет»?

— Директор.

Джехангир открыл рот и закрыл, проглатывая проклятие, наклонился к сидящему в той же позе Крутову, продолжавшему смотреть в отражатель фонаря и улыбаться.

— Егор, ты меня слышишь?

— Слышу, учитель. Крепко сшил вас Создатель, коль вы все-таки выжили. Или у вас есть свой ангел-хранитель?

Полковник отвел взгляд от луча света, посмотрел на Тимергалина, стоявшего справа и чуть позади Джехангира, и Умар Гасанович внезапно понял, что Крутов чувствует его присутствие.

— Чему обязан такой чести видеть вас здесь, господа? — продолжал пленник.

— Тебя переведут в другое место...

— Не стоит волноваться, учитель, мне и здесь неплохо. Зачем я вам понадобился? Хотите поприсутствовать на испытаниях новых пси-систем?

Джехангир разогнулся, сделал шаг назад, повернулся к начальнику охраны.

— Снять с него наручники и перевести в комнату со всеми удобствами.

— Не имею права, — с сожалением сказал майор. — Директор приказал держать его здесь до вечера. Он в нем очень заинтересован.

— Почему?

— У него нестандартная реакция на включение «лунного света». Вечером состоится еще один эксперимент под руководством самого Директора.

— Я должен поговорить с Юрием Тарасовичем.

— Идемте, он давно ждет вас.

Джехангир вышел в коридор, оглянулся и встретил насмешливо-сочувственный взгляд Крутова.

— Спасибо за заботу, учитель. Я этого не забуду.

— Снимите с него наручники, — сухо приказал Мстислав Калинович охраннику.

— Но я не...

— Снять, я сказал!

Охранник вздрогнул, растерянно посмотрел на майора, козырнул и вернулся в камеру.

Уходила делегация под тихий смех пленника, в котором было больше презрения, чем ненависти.

— Что такое «лунный свет»? — с любопытством спросил Тимергалин, когда они уже стояли перед дверью в бункер с резиденцией Директора Проекта.

— Система внушения виртуальной реальности, — угрюмо ответил Джехангир. — Нечто вроде компьютерной игры с эйдосенсорными эффектами.

Умар Гасанович посмотрел на плотно сжатые губы генерала и покачал головой, понимая, что пришлось пережить его бывшему ученику. Если уж разряд «глушака» лишал человека воли, разрушал психику, приводил к фрустрации восприятия, то генераторы, создающие пространство иной реальности в сознании человека, должны были вообще подавлять сознание и заставлять человека жить в воображаемом мире до полной потери им реальной оценки бытия.

ОКРЕСТНОСТИ СЕЛИГЕРА

КРУТОВ

Сначала он был огромным бездонным болотом: тонул сам в себе, сопел, вздыхал, пускал пузыри, ощущал бездонность топи и ненадежность мшисто-травяного покрова, смотрел на мир глазами кочек, хилых деревьев, осоки и тростника и в то же время понимал, что все это болото живет у него в голове...

Затем давление на мозг усилилось, и он превратился в остров посреди озера, в центре которого располагалось еще одно озерцо и на нем — маленький каменистый островок с шахтой, уходящей глубоко в недра земли. Сознание свободно скользило по поверхности озера, как огромная бесплотная рука, ощупало остров, отмечая все неровности рельефа, искусственные сооружения и машины, просочилось в шахту и обняло подзе-

мелье с его пещерами, коридорами, естественными и искусственными стенами и техническими коммуникациями. Но и это ощущение длилось недолго...

Сознание померкло, чтобы через мгновение превратить его в город с тысячами разнокалиберных домов и сотнями тысяч людей, идущих, едущих в транспорте, спящих, обедающих, занимающихся любовью и множеством других дел. Дробление сознания сопровождалось вспышками боли, хотелось закрыться от всего мира, сжаться в комок, спрятаться за непроницаемой стеной, защититься от вторжения жестокой и властной воли, заставляющей его «я» бродить по чужим пространствам мыслей и чувств, но от этого становилось еще хуже, глаза начинали распухать, вылезать из орбит, глубины головы-города раскалялись, его здания начинали корчиться в судорогах, как живые, а улицы и площади прорастали частоколом острых игл, пронзающих людей, как букашек, и тогда боль становилась невыносимой...

В какой-то момент, когда он стал гигантским компьютером и одновременно игрой, ощущая себя бегущим по лабиринтам псевдореальности, созданной компьютерной графикой, Крутов вдруг ощутил прилив ярости и ненависти, на короткое время освободивший его от зависимости, и он осознал себя пристегнутым к специальному креслу в окружении каких-то приборов, решеток и сетчатых панелей. За сетками виднелся пульт и двое операторов за ним в белых халатах, с явным удивлением наблюдавших за экранами над пультом. Сделав невероятное усилие, Крутов разорвал кожаные браслеты, пристегивающие руки и ноги к креслу, ударом ноги свернул одну из решеток и прыгнул к операторам. Он успел достать обоих, разбить компьютер и пульт, прежде чем ворвавшиеся в помещение охранники не набросили на него сеть-ловушку и какое-то время избивали его ногами и прикладами автоматов...

В голове тонко запульсировал сосудик — словно под кожу запустил острые коготки какой-то зверек. Егор очнулся от воспоминаний, успокоил возбудившийся нервный узел, радуясь, что ему все же удалось после пытки «собрать себя по частям», очистить мозг от психического «дыма» и избежать сильнейшего нервного расстройства. Вивисекторы лаборатории просчитались, испытывая на нем систему гипервнушения; методы живы, которым обучил его дед Спиридон, действовали безотказно, теперь он мог сопротивляться почти любому внушению извне, умея перескакивать «с одной колеи ума» на другую, менять состояние сознания, выходить из тела в астрал, или тям, как говорил Спиридон, и переживать психическую трансформацию без особого ущерба для здоровья. И еще

очень здорово помогал ерофеич дядьки Ивана, встряхивающий организм, увеличивающий «объем» его энергетики до уровня реактора. Охранники почему-то при обыске оставили ему пузырек с настойкой, посчитав его за лекарство или наркотик, что, впрочем, было недалеко от истины.

Мысли свернули в иное русло. Посещение камеры Джехангиром и его приятелем-экстрасенсом наводило на размышления. Не то чтобы у Крутова появилась надежда на спасение, он и сам мог бы в любой момент начать отступление, но, во-первых, информации еще не хватало, в том числе — о местонахождении детей Лиды, во-вторых, появление бывшего учителя предвещало какие-то перемены, стоило подождать и оценить их полезность.

Почувствовав, что становится холодно: температура в камере держалась на уровне десяти-двенадцати градусов, — Крутов начал комплекс упражнений, обеспечивающих энергетическую подпитку организма, потом позанимался ударно-двигательной техникой и танцами живы, пробуя силы, и остался доволен своим состоянием, насколько это было возможно при отсутствии питания (ему не давали даже воды) и после нервной перегрузки.

Посмотрев на потолок пещеры, на котором лежал слабый отсвет ламп из коридоров, Крутов подпрыгнул, уцепился пальцами за край стены, подтянулся на руках и хотел уже выбраться на стену, как вдруг внутренним слухом поймал чей-то тихий и тонкий зовущий голос. Замер, напрягая слух, пытаясь определить источник звука, вернее, не звука — пси-импульса, и спрыгнул на пол камеры. Сел спиной к бугристой каменной стене, перешел в состояние п у с т о т ы и явственно увидел перед глазами Лизу. Она протягивала к нему руки и что-то говорила. Напрягаясь так, что голову опоясал обруч боли, Егор представил, как Лиза читает стихи, и внезапно услышал другой голос, мужской:

Косы растрепаны, странная, белая
Бегает, бегает, резвая, смелая,
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается.
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую глушь...

Фигура Лизы заколебалась, превратилась в зыбкое туманное облачко, сквозь которое проступило тревожное лицо Марии с шевелящимися губами, но все тот же мужской голос, отчетливый и сильный, мешал расслышать голос женщины, продолжая читать Есенина:

Машет колдунья руками костлявыми.
Звезды моргают из туч над дубравами.
Серьгами змеи под космы привешены,
Кружится с вьюгою страшно и бешено.
Пляшет колдунья под звон сосняка.
С черною дрожью плывут облака...

Рассвирепев, Егор ударил этот голос рукой, всем телом, услышал удивленный взгляд незнакомца и крикнул внутрь себя с холодной яростью:

«Сгинь, декламатор! Найду — убью!»

Незнакомец в голове Крутова рассмеялся, подмигнул ему и исчез, оставив шлейф странных запахов-переживаний и ощущение плотного серого цвета, и сразу голос Марии стал громче:

— Егор, ты меня слышишь?

— Слышу, — отозвался Крутов, переживая внезапный приступ слабости: сеанс пси-связи требовал слишком много сил.

Лицо Марии заколебалось, изменилось, в нем проступили черты лица Елизаветы, а Егор ощутил всплеск радости: его услышали.

— Где ты находишься? Что с тобой? Тебя били? Как ты себя чувствуешь?

Вопросы вспыхивали разноцветными шлейфами, складывались в панно, проникали друг в друга, образовывая удивительный букет эмоциональных состояний и видеообразов.

— Я в камере, со мной все в порядке. Приехал мой бывший учитель, причин не знаю, но попытаюсь использовать. Дети где-то здесь, но точных координат не знаю. Выясню — попытаюсь освободить.

Образ Марии стал таять, голос пропал, только губы продолжали шевелиться, но сил у Крутова воспринимать передачу уже не осталось совсем. Вынырнув из пустоты, как ныряльщик из воды, он принялся хватать ртом воздух и успокаивать перевозбужденную нервную систему, с блаженством ощущая, как уходит головная боль.

Может быть, из-за того, что Крутов был занят самолечением, он и пропустил момент изменения обстановки. А когда наконец пришел в себя и осознал перемену, понял, что в камере он уже не один. Напряг зрение, с трудом сфокусировал взгляд на черной фигуре у порога, разглядывающей его оценивающе и с сочувствием.

— Кто здесь?

Раздавшийся в ответ мужской голос заставил Егора вздрогнуть, он был похож на тот, что недавно читал стихотворение Есенина.

— Меня зовут Умар Гасанович.

— Тимергалин, — пробормотал Егор.

— Разве мы знакомы? — поинтересовался гость.

— Заочно... я знаю, кто вы и кто ваш учитель.

— Ах вот оно в чем дело. Вам тоже не дает покоя мой учитель. Это становится забавным.

— Кому еще не дает покоя ваш учитель?

— Скажите, Витязь, — проигнорировал вопрос Егора Тимергалин, подходя ближе, — кто вас послал сюда и зачем?

— Как вы сюда вошли? — в том же тоне отозвался Крутов. — В «отстойник» посторонних не пускают. Или ваш друг выписал вам пропуск?

Тимергалин усмехнулся. Улыбнулся и Крутов, не видя, но чувствуя эту усмешку.

— Кажется, мы понимаем друг друга, — сказал гость. — Чтобы пройти сюда, пропуск мне не понадобился.

— Зачем вы пришли?

— Вы меня заинтересовали, Егор Лукич.

— Чем же?

— Уже тем, что вы находитесь здесь, в сердце Проекта. Во-вторых, вопреки мнению тюремщиков, вы здоровы и полны сил, что говорит о вашей способности восстанавливаться за очень короткое время. В-третьих, ваш учитель не оставил надежды переубедить вас и заставить работать в его команде, а он не стал бы тратить время на обыкновенного человека, к тому же того, кто едва не отправил его на тот свет.

— Я предлагал ему выбор... — пробормотал Крутов.

— Я знаю. К сожалению, Мстислав редко прислушивается к советам мудрецов. Существует такое древнее русское изречение: с уважением относись к Малому, к тебе прислушается и Великое. Или, например, такое: всегда есть шанс уступить тому, кто спешит. Мстислав не понял, что вы спешите.

— Не захотел понять.

— Пожалуй, — согласился Тимергалин.

— Зачем вы все-таки пришли? — повторил вопрос Крутов.

Гость неторопливо прошелся из угла в угол камеры, остановился напротив поднявшегося с пола пленника.

— Скажите, полковник, во что вы верите, ввязываясь в эту ненужную и бесперспективную войну с теми, кто хочет перемен? Во что или в кого вы верите вообще?

— В себя, — хмыкнул Крутов, не особенно удивляясь вопросу, — в Сопротивление. В свой народ. В Россию. Этого достаточно? Или вы имеете в виду нечто другое?

— Я просто пытаюсь понять источник вашей силы и почему такие люди, как вы, оказываетесь по другую сторону баррикад. Допустим, вы верите в народ. Но ведь верить в него слепо

нельзя! У него должна быть своя вдохновляющая национальная идея, которая основывалась бы на принципах государственности, единства Отечества, социальной справедливости, защиты прав человека, утверждения гуманистических духовных ценностей. Есть у вас такая идея? Есть ли у вашего Сопротивления цель?

— Конечно, есть, — твердо сказал Крутов. — Наша цель — снять с народа «печать Сатаны», выйти из кризиса и добиться обновления России без применения зомбирующих генераторов и психотронной техники.

— Это все?

— Этого мало? Я не сильный оратор и никудышный философ, поэтому вряд ли сформулирую российскую идею одним словом, могу сказать лишь то, что чувствую, передать ее суть. Россия — это свобода, личность, сильное народное государство. Или — Отечество, справедливость, достоинство человека.

— Совесть.

Крутов внимательно посмотрел на Тимергалина, лицо которого все время оставалось в тени, не уловил в его голосе насмешки и подтвердил:

— И совесть. Что еще вы хотите услышать?

— Почему, как вы думаете, выбор Предиктора пал на вас? Я имею в виду, что вы прошли посвящение в Витязи.

— Не знаю, — подумав, признался Крутов, озадаченный осведомленностью собеседника. — Может быть, потому, что я никогда не использовал свои навыки против нормальных добрых людей. Если вы читали русские былины, то должны были заметить, что ни разу меч русского витязя не поднимался для бравады, ради обретения им богатства или престола, ради платы или даже веры, но всегда ради защиты угнетенных и обездоленных. Ради защиты родины, культуры народа в конце концов! Конечно, я не идеальный воин, да и грехов наделал немало, но...

— «Вы молитесь давно своим богам. И ваши боги все прощают вам», — тихо и задумчиво проговорил Тимергалин. — Честно говоря, вы меня удивили, Егор Лукич. Не думал, что полковник службы безопасности может быть искусен в вопросах истории и философии. А насчет былин вы правы. Они создавались веками и отражают статистические закономерности генетических матриц потенциальных возможностей и предрасположенностей русского народа, вполне достойного уважения.

— Спасибо.

— Не за что. И последний вопрос, полковник, как говорится, на засыпку. По-вашему, что происходит?

— Где?

— В стране, в мире в целом.

— Ну... — поскреб в затылке Егор. — Если в тактическом плане, то власть в стране хочет захватить Реввоенсовет. Если в стратегическом, то происходит навязывание России, да и человечеству в целом, несостоятельной концепции развития. Навязывание сатанинской культуры, если хотите.

Тимергалин перестал ходить по камере, несколько секунд смотрел на пленника, покачал головой.

— Браво, Витязь. Будь я на месте Предиктора, я тоже выбрал бы вас. Могу добавить, чтобы вы лучше понимали свое положение: за программой Проекта, осуществляемого Директором на базе Легиона, стоит гораздо более серьезная Программа, которую вы назвали «печатью Сатаны». Я не верю, что вы с ней справитесь, я не верю, что у вас есть хотя бы один шанс из миллиона, но уважаю убежденных в своей правоте. Прощайте, Витязь, пусть удача сопутствует вам.

Что-то зазвенело на полу. Тимергалин повернулся и пошел к двери. Крутов нагнулся, нащупал рукоять ножа, взвесил его в руке, сказал негромко в удаляющуюся спину:

— Зачем вы это делаете? Зачем помогаете врагу?

Тимергалин оглянулся.

— Может быть, хочу освободиться от груза... достичь глубин и высот... может, это мой каприз. Кстати, дети вашей сестры находятся не здесь, а у озера, недалеко от колокольни. Там у Директора Проекта своя экспериментальная клиника. Поторопитесь.

Умар Гасанович исчез, дверь тихо закрылась за ним.

Крутов задумчиво прошелся по камере, вертя в пальцах нож. Визит Тимергалина поверг его в размышления, и хотя он помнил пословицу: *когда кошка оплакивает мышь, не принимай этого всерьез*, — все же был склонен полагать, что экстрасенс говорил с ним искренне и никаких козней не строил. Оставалось загадкой, что заставило Умара Гасановича пойти на этот шаг, но больше Крутова тревожил тот факт, что Тимергалин слишком многое знал, что считалось тайной среди его врагов. Он знал о существовании Предиктора, группы неординарных людей, пекущихся о благе России, знал, что у Предиктора есть оперативная сеть, называемая Сопротивлением, и знал отдельных исполнителей, входящих в Сопротивление, таких, как Крутов, посвященный в Витязи. Одно это, стань оно достоянием Легиона, могло нанести непоправимый ущерб движению, сорвать Замысел Предиктора, поставить его в безвыходное положение, усилить процесс расползания «печати Сатаны». То, что Тимергалин, похоже, ни с кем не поделился

своими знаниями, даже с другом — Джехангиром, говорило и многом. Здесь было о чем поразмышлять.

Прикинув время — около шести часов вечера, Егор проглотил остатки ерофеича, переждал метаморфозы организма, переведенного на высший уровень энергетики, и легко установил трансовый канал ментальной связи с Марией, а через нее и с Елизаветой. Поведав им добытую информацию о местонахождении детей, он услышал новость, что в Осташкове собирается команда для его освобождения, посоветовал переключить внимание на детей, веря, что выберется сам, и несколько секунд держал в мысленных объятиях жену. Контакт был таким плотным, что он буквально телом ощущал ее прикосновение и поцелуй на губах. Уже после того, как канал псисвязи истончился и растаял, Егор послал в эфир слово-мысль-чувство «люблю» и, все еще чувствуя прилив сил и уверенности, зная, что берегиня сделает все, чтобы он не пострадал, энергично принялся выполнять свой план.

Пустота приняла его в себя, как море дельфина, растворила в безмерности и одновременно обострила все чувства, добавив к ним восприятие опасности, «ветра смерти». Крутов подпрыгнул, уцепился пальцами за край стены и одним движением перевалил тело на полуметровой толщины перегородку. Замер, прислушиваясь к тишине подземной тюрьмы, гипнотизируя объектив телекамеры в потолке пещеры, по отсутствию реакции охранников понял, что они либо эту телекамеру не включили, либо не смотрят на экран, и на четвереньках, как обезьяна, бесшумно побежал по стене к выходу из «отстойника».

То, что он увидел у входа в тюремный бункер, его озадачило: все три охранника мирно спали! Один прямо на полу коридора возле первой камеры, второй за пультом монитора контроля и последний у двери. Он, очевидно, уснул сразу же, как только дверь закрылась, поэтому опирался на нее верхней частью тела.

«Тимергалин! — мелькнула мысль. — Ай да экстрасенс! Силен мужик!»

Но время торопило, и Крутов, спрыгнув со стены на пол, быстро подбежал к пульту, окидывая взглядом панель управления техникой «отстойника». Через минуту он разобрался, как открываются и блокируются двери бункеров, снял с одного из охранников мундир, переоделся. Перекрестившись, мысленно произнес: ухожу из жизни, буду через пятнадцать минут, как говорил один йог, — и отключил блокировку двери, начавшей медленно отодвигаться.

После этого вооружился автоматом охранника и приступил к операции отступления, поставив цель — найти детей Лиды и освободить их любой ценой.

ОСТАШКОВ

КОМАНДА СПАСЕНИЯ

Дом Константина, свояка Панкрата, был расположен достаточно удобно с позиций тех, кто в него перебрался. Улочка за Троицким собором, ведущая к берегу озера, в конце которой стояла вместительная хата Константина, оказалась тихой, домики частного сектора города, называвшегося Пимешками, утопали в садах, и летом жить здесь, наверное, было неплохо. Но главным достоинством этого места обитания было то, что усадьба имела скрытый ивовыми зарослями подход к озеру.

Снедаемые тревогой за судьбу товарища и похищенных детей, гости Константина, мужика шестидесяти с лишним лет, живущего бобылем, тем не менее вели себя смирно и незаметно, разрабатывая и бракуя план за планом, пока наконец перед обедом не появился дед Спиридон, ночевавший в доме Воробьевых. На вопрос Панкрата: никто не тревожил? — он ответил:

— Приходили гости да ушли ни с чем. Как тут у вас?

— Тихо, — отозвалась Мария, слегка осунувшаяся от бессонной ночи. — Мы с Лизой разговаривали с Егором еще раз, он готов действовать. Дети находятся где-то на берегу озера Дивного, в какой-то клинике возле колокольни.

— Не имея стратегической задачи, действия лучше не начинать, — проворчал старик. — Надеюсь, он это понимает. Маша, выйди-ка на минутку.

Старик и Мария вышли из дома во двор, не обращая внимания на переглянувшихся мужчин и женщин.

— Давно вернулась?

— Еще до рассвета.

— Устала?

— Немного. Ничего, я быстро восстанавливаю силы.

— Как он прореагировал на твой визит?

— У меня сложилось впечатление, будто он его ждал. Он знает о Сопротивлении, о Предикторе и сразу понял, что мы хотим выйти через него на Тиграна.

— Да, Умар Гасанович очень умный, сильный и чувствительный паранорм.

— Тогда почему он работает на воинство Сатаны, дедушка? Если все понимает?

— Умар не работает на воинство Сатаны, берегиня, он просто связан с Джехангиром, который много лет назад спас его от гибели.

— Но тем самым он его поддерживает!

— И да, и нет. Он скорее соблюдает нейтралитет, стараясь

следовать путем учителя Тиграна, оставаясь «серым» магом, магом баланса сил. Именно поэтому он не стал чинить препятствия нашему делу, предпочитая ни во что не вмешиваться.

— Вы думаете, он отступит от своих правил, станет помогать нам?

— Я не уверен, но у него нет иного выбора. Новая власть, я имею в виду даже не Реввоенсовет, а более глобальную политическую структуру — Проект Нового Управления Человечеством, — не пощадит никого, в том числе и срединных, «серых» магов, если ей удастся подмять под себя национальных Предикторов большинства стран мира. Цель Реввоенсовета — всего лишь тотальный контроль над страной, но цель Сатаны гораздо глобальнее: изменение мира по его Программе! Однако не будем углубляться в теорию, пора действовать в плане физическом. Сможешь проникнуть на объект и найти Витязя?

Мария удивленно вскинула голову и встретила глубокий, сочувствующий, все понимающий взгляд патриарха. Тот кивнул.

— Мы оба понимаем, что это очень опасно. Если не уверена, лучше откажись.

— Я... я попробую...

— Тогда все же не ходи. Ты же знаешь поговорку, Ходок: или делай, или не делай, пробовать не стоит.

— Я пройду!

— Хорошо. Над островом летают чайки, это моя связь. В случае чего они послужат антенной для пси-связи. Отправляйся на остров прямо сейчас. Через каждые полчаса будешь докладывать «в воздух», где находишься и что делаешь, я услышу.

— Уже ухожу, дедушка. Что нам делать с Витязем, когда мы встретимся?

Дед Спиридон усмехнулся в усы.

— Он будет знать, что делать.

Мария поклонилась и ушла в дом. Через несколько минут, переодевшись в брючный костюм и накинув кожаную куртку, никого не предупреждая, она тихонько выскользнула на улицу, села в свою грязную с дороги машину и уехала. Катер, развозивший жителей окрестных деревень по островам и берегам Селигера, отходил от пристани через сорок минут.

Вернувшись в дом, дед Спиридон с удовольствием напился чистой колодезной воды и подсел к мужчинам, тихо беседующим за столом.

— А где Мария? — спросил Ираклий. — Мы хотели провести совет.

— Она уехала, — коротко сказал старик.

Федотов и Воробьев с изумлением переглянулись.

— Куда?!

— На остров, к Егору. Она поможет ему выбраться оттуда. Ваша задача — освободить детей. Так как я с вами пойти не могу, вам придется начинать штурм втроем.

— Нас пока двое, — недоуменно посмотрел на Спиридона Панкрат.

— Я попросил одного своего ученика присоединиться к нам, он будет здесь с минуты на минуту.

— Мы его знаем?

— Он Витязь и уже помогал Егору в Ветлуге, но вам неизвестен. Маша мне сказала, что вы ждете кого-то еще.

— Я вызвал друга из Бийска, — проговорил Ираклий, все еще ошеломленный известием о задании Марии. — Он профессионал и тоже должен скоро появиться. Возможно, не один.

— Это хорошо, легче будет провести отвлекающую часть операции и прикрыть отход. Вы чем-то недовольны, соратники? Я гляжу, вид у вас похоронно-возмущенный. Говорите, с чем не согласны.

Панкрат посмотрел на приятеля, мрачно проворчал:

— Я не люблю, когда кто-то решает за меня...

— Понятно, — кивнул старик, перевел взгляд на Федотова. — А ты, полковник, наверное, осуждаешь меня за то, что я послал Машу в самое пекло. Хочу успокоить обоих. Маша — не просто учительша и Ходок Предиктора, она берегиня, ведьма, колдунья и умеет делать то, что никто из вас делать не в состоянии. Она найдет Егора и поможет ему освободиться. Теперь что касается ваших планов: разве я их нарушил?

Панкрат посмотрел в глаза волхва и отвел взгляд. Идеального плана они с Ираклием разработать не успели, у них не было даже просто мало-мальски приемлемого плана, так как возможности обоих были слишком ограничены.

— У вас есть конкретные предложения?

— Конечно, есть, — кивнул Спиридон. — Через час стемнеет, и мы выступим.

Панкрат подождал продолжения, покосился на Ираклия, сидевшего с непроницаемым лицом.

— И это все?

— Все.

Ираклий засмеялся, сжал плечо Воробьева.

— Успокойся, майор, мы с тобой сегодня простые солдаты, командовать парадом будет Предиктор.

Улыбнулся и дед.

— Командовать парадом будет ситуация, а не Предиктор. Я, конечно, не генерал и вроде бы как не имею права отдавать

приказы полковникам и майорам, но, если вы видите ситуацию глубже, готов подчиниться.

— Чего уж там, — проворчал, остывая, Панкрат, криво улыбнулся в ответ на красноречивый взгляд жены; она сидела с Елизаветой на старенькой кровати в углу светлицы, и обе молчали, прислушиваясь к разговору мужчин. — Все-таки хотелось бы знать, что предстоит делать.

— Группа десантируется на остров и движется к Дивному озеру, без шума снимая по пути все сторожевые посты. Затем наносит огневой удар по островку и делает вид, что пытается на него высадиться, чтобы проникнуть в шахту, ведущую к подземному объекту. Если сил окажется достаточно, часть группы нанесет удар по аэродрому. Если удастся повредить генератор гипноизлучения, маскирующий взлетно-посадочный комплекс, это будет очень здорово. Мой ученик в это время пройдет к зданию, где находятся дети, и эвакуирует их оттуда, вы прикроете его отход. Это все. Вопросы есть?

Панкрат утвердил локти на стол, опустил подбородок на сжатые кулаки и задумался. Вместо него заговорил Ираклий:

— Вы уверены, что ваш человек сможет преодолеть охрану объекта?

— Он Витязь, — ухмыльнулся в усы Спиридон, оглаживая бороду. — Егор еще только подмастерье, он — мастер. — Дед посмотрел на Лизу. — Прости, дочка, я не в обиду сказал.

— Я понимаю, — тихо проговорила Елизавета. — Можно я пойду с ними, дедушка?

— Если бы ты была одна, я бы тебе разрешил, но теперь ты отвечаешь за двоих.

— Откуда вы знаете?!

— Я много чего знаю. Твое место здесь, но мысленно ты должна быть с Егором. Это и будет твоя задача, очень ответственная и необходимая. Еще вопросы есть, воины?

— Нам бы пару «вертушек», — буркнул Панкрат. — Разнесли бы там все в пух и прах! Или десантировались бы сразу в нужном месте...

— Вертолеты вряд ли смогли бы приблизиться к острову, — покачал головой Ираклий. — У них там наверняка есть зенитно-ракетные комплексы, да и как ты достанешь объект с вертолета, если он спрятан под землю? Пойдем-ка лучше еще раз проверим экипировку. До острова будем добираться на лодках?

Спиридон отрицательно качнул головой.

— У вас будут гидрокостюмы, акваланги и снаряжение «морских львов».

Ираклий с недоверием поднял бровь.

— Это славно! Неужели в вашем Сопротивлении есть отряд боевых пловцов?

— Сопротивление — не армия, мой дорогой полковник, — мягко сказал волхв, — а с р е д а. Пространство и люди. Она способна сформировать любую оперативную команду для решения той или иной задачи. В данный момент она формирует вашу группу, а так как к острову легче всего подойти под водой, в процесс вовлечены и те силы, которые отвечают за экипировку пловцов.

— Черт! — почесал в затылке Ираклий. — Это меняет дело. Я начинаю уважать вашу организацию.

— Хотелось бы, помимо прочего, знать и базовые установки, — пробормотал окончательно успокоившийся Панкрат. — Что такое, к примеру, «печать Сатаны»? Или воинство Сатаны? Какое отношение к ним имеет Легион? Или этот ваш... Реввоенсовет? Слышал уже не раз, а толком ничего не понял. Может, объясните непосвященным хотя бы на пальцах?

— Зачем же на пальцах? — добродушно сказал Спиридон. — Давайте разберемся, чтобы вы видели цель. Начнем с «печати Сатаны».

Предположим, что некая сущность, которую мы называем Сатаной, хочет вырваться из тюрьмы, которую мы называем Адом, и подняться в нашу реальность, в мир Земли. Но так как в силу законов охраны тюрьмы, под которыми мы понимаем Божественное проклятие, сделать это физически она не может, сущность предполагает действовать иначе, «просачиваться» в наш мир по частям, начиная с тончайших атомарных вибраций и планов. Легче всего ей внедриться сначала в мертвые, с нашей точки зрения, предметы, способные влиять на их владельцев...

— В компьютеры? Это и есть «печать Сатаны»?

— В компьютерные сети — в последнюю очередь, сначала во все излучающие приборы: радиоприемники, телевизоры, нагреватели, даже фены для сушки волос. Потом — компьютеры, но уже через завербованное первичными «шпионами» воинство, то есть через людей, бессознательно подчиняющихся Программе.

— Так вот почему Легион уничтожает хакеров, — задумчиво сказал Ираклий. — Они мешают выполнению Программы, взламывая коды и запуская вирусы.

— Совершенно верно, сынок. Как говорится, не знаешь, где найдешь, где потеряешь, но на этом этапе противостояния компьютерные взломщики — хакеры — оказались как бы нашими соратниками.

— Хорошо, принимаем эту версию происходящего, так ска-

зать, «в первом чтении», как принято говорить в Госдуме. Значит, психотронная техника типа «глушаков» нужна воинству Сатаны для того, чтобы вербовать все больше сторонников?

— «Глушаки» и другого рода излучатели индивидуального пользования — первая ступень Проекта, предназначены они в основном для зомбирования лидеров социальных групп и партий, для кодирования лидеров эгрегоров. Вторая ступень — полное овладение телесетью и компьютерной «паутиной», в которую входят Интернет и сети спецслужб всего мира. Третья ступень — поэтапное зомбирование всех слоев населения, внедрение в человечество.

— Билл Гейтс, создатель Интернета, имеет отношение к Проекту?

— Конечно, имеет, хотя он всего-навсего исполнитель, один из тех, кому наплевать, что принесет его открытие людям, вред или пользу. Прообраз общемировой цифровой «нервной системы» типа Интернета был создан еще в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году одним нобелевским лауреатом, который предложил идею Пентагону и получил деньги для исследований.

— Ладно, техническая сторона дела понятна. Однако мне не совсем ясна роль Реввоенсовета и Легиона в процессе... э-э, выхода Сатаны.

— Они являются проводниками Программы в нашей стране, контактирующими с такими же проводниками в других странах.

— А ваш Предиктор при этом играет роль службы безопасности, так, что ли?

— Роль Предиктора — предвидеть опасность уничтожения мира и формировать слой носителей ответственности за судьбу цивилизации глобального уровня, как бы выспренно это ни звучало. Не скажу, что все мы, члены Предиктора, являемся гениальными прозорливцами и суперменами, мы тоже не всегда правильно оцениваем людей и ситуацию и способны ошибаться, разве только уровень последствий наших ошибок так высок, что отражается в веках.

— Давайте вернемся к Сатане, — вмешался Панкрат. — Каков его план? Чего он уже достиг, чем занят сейчас?

— Сатана занят перехватом управления в развитых странах. Где может, он расширяет сферу влияния с помощью прямой военной агрессии с оккупацией территории, что мы наблюдаем в Афганистане, Таджикистане и на Балканах, хотя и называем процесс гражданской войной. Где не может завоевать пространство быстро, он навязывает агрессию методом «культурного сотрудничества», как это делают Соединенные Штаты во

всем мире. Вообще же план Сатаны изящен и прост. Первое: овладеть системой бесструктурного управления, в которую входят пресса, телевидение, радиовещание, коммуникации, потоки жизненно важной научной информации. Второе: овладеть системами структурного управления вплоть до лидера структуры. Как он этого добивается, дело второе, но в принципе рецепт давно готов и используется многими кланами носителей сатанинской концепции управления. Последовательность действий такова: опознавание Среды, с которой столкнулось воинство Сатаны в данном регионе, формирование стереотипа опознавания на будущее, формирование вектора целей управления и концепции управления, организация управляющей структуры, чем сейчас и занимается воинство Сатаны, контроль за деятельностью структуры и подготовка ее к ликвидации после выхода в свет самого Сатаны.

— Но это общие задачи. Есть ли конкретный сценарий выхода?

— Есть и конкретный. Первый этап — революция, для организации которой и был создан Реввоенсовет в нашей стране и финансово-мафиозные группы в других странах. Второй этап — массированный психоудар по телевидению с помощью разрабатываемых психотехнических систем, внушающий полезность революции и объявляющий «всех, кто не с нами, тот против», то есть врагами. Третий — собственно технический, то есть отключение электроснабжения от центров Сопротивления вплоть до разрушения линий электропередачи. Четвертый этап — захват и ликвидация властных структур. Пятый — включение электропитания. Шестой — еще одна мощная психоатака по телевидению и всем коммуникационным сетям с целью ориентации населения на «нормальную работу во благо народа», и, наконец, последний этап — зомбирование масс, «опускание» их до уровня рабов.

Ираклий присвистнул, встречая взгляд не менее потрясенного Панкрата.

— Лихо! Бескровная революция, но с далеко идущими последствиями. Вряд ли после этого какая-нибудь страна встанет с колен, не помогут ни закон, ни церковь.

— Вот тут ты прав, Ираклий Кириллович, — вздохнул дед Спиридон, прислушиваясь к чему-то. — С одной стороны, наша Православная церковь формально против вторжения Сатаны, с другой — национальная православная элита находится в глобальной зависимости от общемирового олигархического конгломерата. Цель церкви на данный момент — всего лишь сохранение паствы, кормящей ее, а не сохранение не-

зависимости или организация освоения нравственности. Но пора заканчивать наш ликбез, прибыл мой человек.

— Вы дали ему наш новый адрес?

— Зачем? Точный адрес ему знать необязательно, он способен найти иголку в стоге сена.

Дед Спиридон вышел. Ираклий посмотрел на озадаченное лицо Панкрата и подмигнул.

— Такие вот у нас соратники, майор. Хорошо, что он с нами, а не против нас. А вот мой Корнеев задерживается. К тому же он знает лишь тот адрес, где ты жил. Как он узнает, куда мы делись? Может, сходить туда?

Ответить Панкрат не успел. В светлицу Константиновой хаты вошли сразу несколько человек, среди которых Ираклий с радостью увидел Сергея Корнеева и двух незнакомых парней. Один был помоложе и посветлее, с литыми плечами тяжеловеса, второй носил длинные темно-русые волосы по плечи, имел поджарую гибкую фигуру гимнаста и скуластое лицо со светящимися серо-голубыми глазами, взгляд которых выдавал ум и недюжинную внутреннюю силу и уверенность. Это и был ученик деда Спиридона по имени Георгий, которого старик назвал Витязем. Держался он, однако, незаметно и скромно, чем завоевал симпатии всех, в том числе и прибывших буквально следом за ним Петра Качалина, дяди Елизаветы, и сотрудника Ветлугинского РОВД, согласившегося во время отпуска неофициально поучаствовать в освобождении захваченных Легионом пленников. Видимо, этот сотрудник, лейтенант милиции по фамилии Черепанов, тоже имел какое-то отношение к Сопротивлению, потому что вопросов не задавал и вел себя спокойно.

Таким образом, отряд вырос до семи человек, что увеличивало его возможности и шансы благополучного исхода операции. Ираклий перекинулся с Корнеевым парой слов, но время торопило, и поговорить как следует им не удалось. Все семеро переоделись в гидрокостюмы, которые привез Георгий, надели акваланги, вооружились снайперскими комплексами «ВСК», называемыми «винторезами», пистолетами-пулеметами, ножами и метательными иглами, упаковали огнестрельное оружие в непромокаемые полиэтиленовые мешки. Качалину и его помощнику, кроме того, достались гранатометы, а Панкрат захватил с собой еще и «глушак», отобранный у легионеров на острове Кличен, и отряд выступил в путь, спустившись в сгущающихся сумерках огородами к озеру.

Ираклий вдруг что-то вспомнил, вернулся к провожавшему их Спиридону.

— Отец, вот вы говорили, что видите будущее, все просчитываете наперед, а наше участие в Сопротивлении вы тоже рассчитали?

— Да, сынок.

— Но ведь мы могли и отказаться?

— Если бы могли, то уже отказались бы.

— А захват Егора тоже был учтен вашим планом? Или, как там вы говорите, Замыслом?

Глаза старика метнули молнию, и Федотов невольно вздрогнул, хотя взгляд волхва не нес ни угрозы, ни гнева.

— Егор допускает тактические просчеты, но стратегия его поведения учтена Замыслом.

— Это значит, что он выкарабкается?

— Это значит, что вам надо очень постараться, чтобы он выкарабкался, и при этом уцелеть самим. Да, хочу предупредить: на острове могут происходить разные странные вещи, не обращайте на это внимания. Вернее, не принимайте их за враждебные действия. Атаку начинайте только после сигнала.

— Какого?

— Услышите.

— Я понял. Мы постараемся сделать все, что в наших силах, и даже больше.

Ираклий догнал вошедших в воду аквалангистов, и все семеро тихо растворились в черной воде озера.

ОСТРОВ ГОРОДОМЛЯ

КРУТОВ

Интуиция, а точнее — предвидение опасности, сработала, как только массивная стальная дверь «отстойника» начала отодвигаться. Состояние пустоты подсказало Егору, что впереди его ждет неприятный сюрприз. Но останавливаться было уже поздно, какой бы сюрприз ни приготовила ему судьба. Следовало доводить начатое до конца. И все же он опоздал с переводом своей «боевой машины» в пространство адекватного ответа, хотя в какой-то степени продолжал контролировать ситуацию.

В принципе контролировать ситуацию — значит не только предотвращать какое-то негативное воздействие или намерение, но извлекать максимум пользы из сложившегося положения и окружающих тебя предметов. Нельзя делить вещи на «плохие» и «хорошие». Существует лишь то, что мы в состоянии контролировать, и то, что контролю неподвластно. Готовность найти нестандартный выход из положения, реакция,

сила воли и устойчивость психики в жизни необходимы гораздо больше, чем умение наносить удары в нужную точку тела противника.

Всем этим Крутов владел в совершенстве, еще будучи полковником антитеррористического подразделения ФСБ. Занятия живой с дедом Спиридоном лишь расширили диапазон его возможностей. И все-таки место действия было слишком специфичным — вход в подземный бункер и переходный тоннель, а спектр вариантов взаимодействия с противником был слишком узок, чтобы добиться преимущества с помощью импровизации.

Мысль мелькнула и исчезла.

Перед Крутовым в тоннеле стояла группа людей. Впереди легионер в стандартной коричнево-зеленой форме и в берете с эмблемой Легиона, с майорскими звездами на погончиках, — начальник охраны базы, с которым Егор уже имел счастье «беседовать» во время первых двух допросов. За ним двое массивных молодых людей в кожаных куртках, с отсутствующим выражением квадратных лиц. Из-за их спин выглядывали двое охранников в коричневом, с автоматами на груди, и замыкали «гостевой» отряд командующий Легионом и Умар Гасанович Тимергалин с абсолютно невозмутимым лицом.

Мгновение оторопи, охватившей начальника охраны и телохранителей Джехангира, еще не прошло, когда Крутов закончил процесс формирования ПАО и начал атаку, понимая, что ничего изменить уже нельзя. Джехангир появился здесь на час раньше не случайно, он явно что-то почувствовал, иначе не взял бы с собой, кроме телохранителей, еще и охранников зоны.

Первым получил представление о возможностях пленника майор охраны, отключаясь после мгновенного парализующего укола пальцем в точку на шее. Он еще стоял на ногах, глядя перед собой широко раскрытыми, ничего не видящими глазами, когда Егор обошел его и «обработал» гигантов-телохранителей Джехангира, способных кулаками дробить скалы, но имевших такое же строение тела и нервную систему, что и нормальные люди.

Сфера ПАО создается не для эффектной демонстрации мастерства исполнителя, а для того, чтобы не дать противнику выполнить ни одного приема, обездвижить его и, если требуется, повредить его руки и ноги, остающиеся опасными эффекторами силовой физической системы. Известно немало случаев, когда даже смертельно раненный человек «прихватывал» на тот свет своего убийцу, если мог держать в руке оружие.

Поэтому «обработка» качков Егором свелась к двум ударам:

один получил удар сверху вниз в пах (прием весьма образно и поэтически назывался: «вонзать иглу в дно моря»), второй — «клюв журавля» в угол глаза. Оба парня еще только начинали падать, когда Егор проскользнул между ними и атаковал охранников базы, начавших хвататься за автоматы на груди.

Спарринг-партнерами они были никакими. Времени на сопротивление и даже на осознание происходящего им не хватило, молодые ребята никогда не встречались с мастерами рукопашного боя и защиты от приемов «утки» не знали. Зато Джехангир сориентировался быстро, и когда Крутов, одолев пятерых противников, предстал перед ним, командующий Легионом уже держал в руке необычной формы пистолет с красным набалдашником.

Егор замер на мгновение, просчитывая варианты дальнейших событий, готовый к разряду пси-генератора, приняв его за «глушак», но голос Джехангира заставил его остановиться:

— Не стоит испытывать судьбу, полковник. Один раз ты меня опередил, второго не будет. Это не «глушак», как ты, наверное, подумал, — я знаю, что на тебя его излучение почти не действует, — это генератор боли «пламя», или, в просторечии, «болевик». Могу объяснить тебе его действие во избежание недоразумений. Его разряд запускает сразу всю нервную двигательную систему, управляющую мышцами, те начинают работать с чрезмерным напряжением, а человек при этом испытывает сильнейшую боль. «Болевик» испытан на десятках «кроликов», так что можешь считать, что он сертифицирован.

Нож удобно лег в руку Крутова, но что-то смущало его в сложившейся ситуации, какая-то деталь, выпадавшая из общего сгущенного фона тревоги, угрозы и надвигающейся беды. Потом Егор понял — это было поведение Тимергалина. Экстрасенс не просто не участвовал в процессе, он вообще отсутствовал здесь, то есть находился в каком-то странном трансе.

Джехангир заметил взгляд Крутова, криво улыбнулся.

— Не могу понять, полковник, чем ты ему понравился. Может быть, ты его купил? Мне показалось подозрительным, что мой друг Умар Гасанович решил ни с того ни с сего навестить узника «отстойника», и я решил его спросить об этом. А он не ответил, представляешь? Даже после пси-атаки «глушака»! Сильный энэлпер. Он сейчас просто задавлен, все слышит и понимает, но помочь ничем уже не сможет. Как видишь, я не зря решил встретиться с тобой раньше намеченного часа, Умар спутал мои планы.

— Прошу одного, генерал, — глухо сказал Крутов, ощущая легкое эйфорическое головокружение от порции адреналина,

поступившей в кровь: сфера ПАО продолжала работать и перестраивала организм в соответствии с новыми условиями бытия. — Дайте мне спасти детей, и я обещаю вернуться.

— Не получится, — покачал головой Джехангир. — Я говорил с Директором, просил отдать тебя нам. Даже зомбированный, ты принес бы больше пользы, чем Директору в качестве подопытного «кролика». Но он не согласился. Собственно, для этого я и шел сюда, чтобы сообщить неприятное известие.

— Зачем ему малые дети? Антону всего пять лет, Насте семь.

— Думаю, ты догадываешься зачем. Отработка психотронных генераторов требует времени и всесторонних испытаний. Возвращайся в камеру, Егор, не заставляй меня испытать «болевик» на тебе.

— Так вы не поможете мне?

— Не могу, — вздохнул командующий Легионом. — Директор Проекта на этой территории имеет преимущество. Возвращайся.

Беседа затянулась, как удавка, вспомнил Крутов чье-то изречение и метнул нож. И одновременно со взмахом его руки Джехангир спустил курок «болевика».

Такой звериной дикой боли Крутов не испытывал никогда!

Показалось, что его окунули в кипяток, а потом каждая клеточка тела превратилась в самостоятельное живое существо, которое принялось кусать и грызть соседей. Последним ощущением Егора перед тем, как сознание покинуло его, было ощущение взрыва: мышцы лопнули от перенапряжения, взорвались, и его буквально расплескало по тоннелю. Но самое интересное случилось потом.

Он вдруг перестал чувствовать боль и осознал себя висящим под потолком тоннеля, как воздушный шарик. Под ним на полу лежали несколько тел, в том числе его собственное, Джехангир выронил «болевик» и держался за плечо, куда вонзился нож Крутова, Тимергалин все так же безучастно наблюдал за этой картиной, а за их спинами в тоннель врывались еще какие-то люди в белых халатах. Вслед за ними вошел низкорослый, но очень широкий мужчина с бочкообразной грудью, одетый в салатного цвета комбинезон и белый халат. У него была огромная круглая голова с редкими черными волосами и очень тяжелое, мясистое, недоброе лицо с близко посаженными глазами неопределенного цвета.

— Что здесь, черт побери, происходит, генерал? — сказал он брюзгливо.

— Все-таки он меня зацепил! — с удивлением в голосе отозвался Джехангир, выдергивая из плеча нож и зажимая рану ладонью.

— Вы его убили?

— Пришлось применить «болевик». Вы же видите, остановить его с помощью обычного оружия невозможно.

— Надо было предупредить меня, что вы идете к нему. И как вы объясните мне поступок вашего друга?

— Я еще не разбирался, Юрий Тарасович.

— Несите его ко мне в бокс, — кивнул на Крутова тяжеловес в комбинезоне. — А заодно заберите и этого выжившего из ума энэлпера, я с ним побеседую.

Тимергалина взяли под руки и вывели из тоннеля, затем подхватили за руки и ноги тело Крутова, после чего его сознание нырнуло вниз и «всосалось» в тело, чтобы в тот же миг раствориться в темноте небытия...

Очнулся он от боли в предплечье. Открыл глаза. Склонившийся над ним человек в белом халате вытащил иглу шприца из руки, похлопал его по щеке и отошел.

— Все в порядке, Юрий Тарасович, он пришел в себя.

— Свободен, — раздался густой хрипловатый голос, и в поле зрения Крутова появилась круглая голова хозяина помещения. — Как мы себя чувствуем, герой?

Крутов приподнял голову, окидывая помещение взглядом.

Больше всего оно напоминало операционную палату реанимационного центра с какими-то установками у стен, снабженными мониторами и телеэкранами. Все оборудование сверкало белизной фарфора, никелем, стеклом и керамикой, и от этого размеры помещения были трудно уловимы. Егор лежал в глубине саркофага с откинутой прозрачной крышкой, к которому подходили кабели и пучки трубок и шлангов. Над саркофагом в белом потолке помещения висела многосегментная конструкция, похожая на антенну и на раздробленное зеркало одновременно.

— Это «анаконда», — пояснил хозяин лаборатории в ответ на взгляд Крутова, — система пси-программирования, равной которой нет в мире. Мое детище.

— Кто вы?

— Разве вы не догадались? Я Директор Проекта Юрий Тарасович Бессараб. Вылезайте отсюда, полковник, мы с вами побеседуем в другом месте.

Егор с трудом выбрался из саркофага, чувствуя себя совершенно разбитым, рыхлым и тяжелым, хотя боли никакой не ощущал. Только саднило место укола в предплечье.

На панели одной из установок перемигнулись огни, что-то зашипело, затем раздался женский голос:

— Второй объект очнулся, Юрий Тарасович.

— Идемте. — Бессараб вразвалку направился к двери в соседнее помещение, которое оказалось копией первого.

В саркофаге посреди комнаты лежал голый человек, в котором Егор не сразу узнал Тимергалина. Друг Джехангира смотрел перед собой остановившимся взглядом и был больше похож на ожившую мумию. Правда, тело у него в отличие от мумии было жилистое, мускулистое, сильное.

— Этот человек более опасен, чем вы, — ухмыльнулся директор Проекта. — Поэтому я подержу его пока здесь. Надо признаться, что вы оба меня удивили. — Он протянул руку, приглашая Крутова пройти в другую комнату. — Генерал разрядил в него «глушак», а он остался в полном сознании, только потерял способность двигаться. Вас наградили импульсом из «болевика», а вы просто потеряли сознание. Ни сердце не разорвалось, ни легкие не отказали. Очень интересный материал для исследований, прямо подарок судьбы. Грех не воспользоваться.

Крутов переступил порог помещения и остановился.

Это был, очевидно, кабинет Директора, снабженный зоной отдыха и новейшим аэрофитотерапевтическим модулем, создающим оздоровительно-лечебную атмосферу в закрытом помещении. Модуль в кабинете Бессараба состоял из многих компонентов — поглощающе-озонирующих панелей и растений, но Егор узнал лишь три: розмарин, благородный лавр и душистую герань.

Стены кабинета были обшиты панелями из карельской березы, потолок состоял из матово-белых стеклянных квадратов с подсветкой, пол казался черным зеркалом, а резная мебель — вся из ценных пород дерева — была выполнена в стиле позднего английского классицизма.

— Присаживайтесь, — сказал Юрий Тарасович, проходя к овальному столику в окружении низких изящных кушеток. — Что будете пить?

— Минеральную, — отозвался Егор, начиная исподволь готовить организм к высокоэнергетической отдаче и чувствуя сопротивление тела: укол, с помощью которого его привели в чувство, содержал в себе сильную дозу расслабляющего психотропика.

Бессараб налил боржоми в прозрачный стакан с утолщающимися ко дну стенками и подал гостю. Егор выпил воду и увидел на стенке стакана самую натуральную муху. Хотел выловить ее пальцем, но заметил взгляд директора с веселым блеском и только потом разглядел, что муха на самом деле искусно упрятана в толщу стекла.

— Изделие Никольского хрустального завода, — пояснил

Юрий Тарасович, опускаясь на кушетку. — Старые мастера любили пошутить.

— Чего вы от меня хотите? — равнодушно спросил Крутов, не принимая легкого застольного тона.

Близко посаженные глазки Директора вспыхнули на мгновение.

— Давайте лучше начнем с вас, полковник. Чего хотите вы? Зачем вам в одиночку понадобилось проникать на секретный объект таким необычным способом? На что вы надеялись?

— Я уже говорил, — тем же ровным голосом ответил Егор. — Ваши люди захватили детей моей сестры...

— Не верю, — поморщился Бессараб. — Давайте начистоту, полковник. Вы же профессионал и должны понимать, что положение ваше безнадежно. А если вы все еще надеетесь на помощь друзей, то совершенно напрасно. Мы уже знаем, где они окопались, и в скором времени возьмем их всех. Итак, что вы здесь хотели найти или узнать? Секрет «анаконды»?

— Вы всерьез считаете меня агентом ЦРУ? — усмехнулся Крутов. — Если я скажу правду, вы все равно не поверите. Как говорил один мой знакомый: человек, который ищет готовых ответов, еще не знает, чего он ищет.

— А вы знаете? И при этом говорите, что не охотитесь за секретами наших лабораторий? Не странно ли, что вас все время тянет туда, где мы строим свои объекты?

Крутов с невольной жалостью посмотрел на сытое, самодовольное лицо Директора.

— Неужели вы думаете, что главный смысл жизни человека состоит в краже им чужих секретов? Да плевать мне на ваши «глушаки», «болевики» и «анаконды»! Но совсем другое дело, когда они используются во вред другим людям и вопреки их воле.

— Каким людям? — хмыкнул Бессараб. — Вы имеете в виду творческих людей, думающих? Их единицы. В нашем мире все решает толпа! А главное качество толпы — бездумье, разве не так? О свободе воли, социальной справедливости и правах человека больше всех и громче всех кричит паразитирующий люмпен всех классов. Вы и его будете защищать?

— Да, он люмпен и ненавистен мне так же, как и любому другому работающему человеку, но и он имеет право на собственное мнение. Хотя бы в части принятия законов и выбора правительства.

— Любой люмпен — человек толпы, а толпа всегда голосует так, как настоящие правители заплатят прессе, формирующей мнения и избирательные настроения толпы. Мы же просто хотим усовершенствовать этот процесс, обойтись без посред-

ников, для чего и создаем технические пси-системы вроде «анаконды». Всеобщее голосование толпы, знаете ли, и парламентаризм на этой основе не являются реальной демократией. Или у вас есть конкретные возражения?

Возражений у Крутова не было, было желание выйти отсюда и доделать дело, ради которого он и оказался в этом положении, но тонус организма повышался медленно, защитная иммунная система справлялась с отравлением с трудом. Надо было занимать хозяина кабинета пустопорожней болтовней и дальше, пока не начала работать параэнергетика тела.

— Я не могу доказать истину человеку, убежденному в том, что он имеет право казнить и миловать, решать за всех людей сразу, и стремится к захвату власти, маскируя свои устремления лозунгами «о благе народа и общества».

— Неплохо, неплохо, полковник, вы научились говорить, как политэконом советской эпохи. Интересно, кто только вбил вам в голову эту чушь о моих устремлениях? Я не скрываю, что моя цель — глобальное манипулирование человечеством с помощью технических средств, что, кстати, мгновенно решает проблемы преступности, коррупции и антагонизации общества. Или вам больше по душе мафия, пасущая вождей и управляющая странами мира? Называющая себя элитой? В то время как на самом деле эта «элита» — всего лишь толпа, допущенная к образованию?

— Мне больше по душе идеалы коммунизма... — с притворной усталостью пробормотал Крутов, не чувствуя привычной уверенности.

Юрий Тарасович улыбнулся.

— А никто не доказал, что эти идеалы ложны. Другое дело, что они недостижимы, такова уж природа человека. Импорт идей коммунизма в Россию в начале века был выгоден прежде всего экспортерам идей с Запада, заинтересованным в ослаблении и разрушении нашего государства.

— А вы, значит, в отличие от них заинтересованы в обратном, — язвительно проговорил Крутов. — Поэтому и работаете по единой программе с психоинженерами Штатов?

Лицо Директора отвердело, взгляд стал задумчиво-прицеливающимся, от всей его фигуры повеяло решимостью и властной силой.

— Вы, кажется, знаете больше, чем я думал, хотя и не понимаете, что происходит не просто смена формаций и правительств, а смена цивилизаций. Да, я убежден, что цивилизация на территории России должна уступить место другой, и лучше сделать это бескровным путем, путем пси-революции, как

предполагает мой Проект, а не путем военного переворота. Естественно, вы будете возражать?

— Буду! — твердо заявил Крутов.

— Я так и понял. Впрочем, это не имеет значения. Я хотел задать вам еще один вопрос, ради чего и затеял этот разговор, но теперь и он не имеет смысла.

— А вы задайте, не стесняйтесь, отвечу честно.

— Да вы уже, собственно, ответили, полковник. Я хотел спросить, почему вы упорно отказываетесь работать со своим учителем.

— Он перестал быть моим учителем.

— Ну все равно, вы отказываетесь служить в Легионе, и я теперь понял почему. Вы просто закодированы теми, кто вас использует на основе культа ложных ценностей. Можете не отвечать, я знаю, что вы скажете. Сейчас меня гораздо больше интересует вопрос вашей чрезвычайной психической устойчивости от влияния излучения моих пси-генераторов. Какие методы использовали ваши покровители при кодировании, не позволяющие мне проникнуть в вашу психику?

— И опять вы не поверите, — улыбнулся Крутов. — Всего лишь методы убеждения.

— Действительно, не поверю, — согласился Бессараб. — Что ж, на этом нашу беседу мы и закончим. Все остальное я узнаю позже и без вашего согласия. Ваше последнее желание, просьба?

— Только одно, — сгорбился над столом в мнимой обреченности Крутов. — Отпустите детей. Господь вам не простит их мук.

— Ну что вы, — пренебрежительно взмахнул рукой Юрий Тарасович, — Господь прощает всем и все, надо только хорошенько помолиться. Вы сами дойдете до лаборатории или вас проводить?

— Сам, — глухо сказал Крутов и превратился в п у с т о т у, объемлющую все подземное хозяйство базы со всеми его лабораториями и службами. И сразу понял, почему Директор Проекта был так спокоен во время беседы и не боялся нападения.

В стены кабинета были вделаны ячейки с оружием, управляемым с помощью компьютера, и, где бы гость ни находился, он все время был под прицелом двух-трех стволов. Правда, шанс у Егора сохранялся, если систему огня включал хозяин кабинета, вряд ли знакомый с т е м п о м, но если компьютер сам оценивал опасность, угрожающую хозяину, то опередить его не смог бы и дед Спиридон со своей сверхреакцией. А как выяснить истину в течение ближайших секунд, остающихся у Крутова, он не знал. Оставался лишь один выход — спросить

Директора напрямую, пока он еще не понял, что пленник просчитал систему защиты бункера.

— А если я попытаюсь взять вас в заложники? — с тоскливой надеждой произнес Егор, тяжело поднимаясь, делая шаг к двери.

Бессараб глотнул какой-то янтарной жидкости из стеклянной фляжки, покачал пальцем. Глаза его стали маслеными. Видимо, это был коньяк, Егор ощутил его запах.

— Не стоит и пытаться, полковник. — Директор был железно уверен в своей безопасности и раскрыть тайны защитной системы кабинета не боялся. — Здесь везде в стенах винтовки и пулеметы с автоматическим спуском. Стоит мне произнести кодовую фразу, и от вас, как говорится, останутся рожки да ножки.

— Компьютерное управление? — «догадался» Крутов с унынием в голосе. — Вы включаете его звуковой командой?

— В принципе, вербальное управление устарело, — не почувствовал подвоха Юрий Тарасович, самодовольно улыбнувшись, — в скором времени мы перейдем на мысленное, мои помощники давно работают над этой проблемой и близки к ее решению.

— Неужели это возможно?! — В голосе Крутова теперь слышался страх.

— В мире нет ничего невозможного, — философски заметил Бессараб. — Раз природой заложена такая возможность в человеке, рано или поздно она будет реализована. Да вы не волнуйтесь так, полковник, вам это пока не грозит.

— А если в разговоре с гостями вы случайно назовете пароль и компьютер начнет стрельбу?

— Не начнет, — беззаботно отмахнулся Бессараб. — Он включает систему только при непосредственной угрозе нападения на меня. Стойте, где стоите, демонстрирую. — Юрий Тарасович сделал еще глоток коньяка и произнес: — «Желтая карточка!»

Тотчас же по цепям компьютерной сети — Егор чувствовал всплески электромагнитного поля — промчалась бесшумная лавина электрических импульсов, и в стенах кабинета вспыхнули рубиновые глазки, протянув через всю комнату тоненькие лучики лазерных прицелов. Лучики скрестились на фигуре Егора, и он замер.

— Теперь стоит вам приблизиться ко мне на метр, компьютер откроет огонь. Если же я захочу избавиться от вас раньше, мне просто надо будет поменять цвет карточки. Вы меня понимаете?

— Еще бы! — упавшим голосом сказал Крутов. — Вы играете в футбол?

— Когда-то играл, сейчас заядлый болельщик, фан «Спартака». А вы?

— Я болею только за сборную... мне можно идти?

— Отбой! — скомандовал Бессараб.

Лучи лазеров погасли, и в тот же момент Крутов метнулся через кабинет к начавшему вставать с кушетки Директору, включаясь в темп. И лишь приблизившись к нему на несколько шагов, понял, что недооценил реакцию хозяина. Юрий Тарасович знал о его намерениях и сознательно провоцировал Крутова на нападение, чтобы продемонстрировать ему свои возможности. Егор был уже в двух метрах от тяжеловесной на вид фигуры Директора — двигался он намного быстрее любого спортсмена, прошло всего три-четыре тысячных доли секунды, казалось, никто не в состоянии зафиксировать этот бег, — но Юрий Тарасович все-таки успел произнести:

— «Желтая карточка!»

И Крутов с огромным трудом затормозил в метре от противника, так ловко поймавшего момент атаки. Лазерные лучики светили ему в глаза, щекотали лоб, шею и затылок, и уйти от них не было никакой возможности.

— Молодец, полковник! — усмехнулся Бессараб, любуясь готовой к прыжку фигурой Крутова. — Я восхищен! Еще ни один «кролик», а их тут побывало не меньше десятка, все профессионалы, не смог подойти ко мне так близко. Еще мгновение, и я бы не успел. Надо будет учесть это в будущем. Хотя честно признаюсь, люблю щекотать себе нервы подобными играми. А теперь прощай, мой... — Директор не договорил.

Кто-то появился в кабинете, за спиной Егора. Оглянуться он не мог, напряженно ожидая команды на уничтожение, зато перевел взгляд на вошедшего Бессараб:

— Умар Гасанович?! Вам удалось выбраться из «корыта» самостоятельно? Браво! Но остановитесь, прошу вас, вы находитесь под прицелом системы защиты. Еще шаг и...

Голос Тимергалина в ответ щелкнул, как бич:

— Ни слова! Полное молчание!

Лицо Юрия Тарасовича начало наливаться кровью, багроветь, глаза метнули молнии, было видно, что внутри его идет какая-то борьба, но все же он смог выговорить:

— Вы... не сможете... меня... остановить...

— Сможем! — раздался в кабинете еще один голос — женский. — Не двигайтесь, Директор! Вам хорошо, все идет нормально, кругом друзья, вы ощущаете наслаждение от своего состояния, расслабьтесь и сядьте!

Лицо Бессараба как по волшебству разгладилось, приобрело глуповато-счастливое выражение, в глазах появился знако-

мый масленый блеск удовольствия. Он перестал смотреть на появившихся непрошеных гостей, сел на ближайшую кушетку и расплылся по ней студнем.

Крутов, во все глаза смотревший на метаморфозу в поведении Юрия Тарасовича, медленно повернул голову к двери. Рядом с голым Тимергалиным стояла Мария и смотрела на него. Такого лица у женщины, целеустремленного, излучающего физически ощутимую силу и непреклонную волю, Егор еще не видел.

— Спасибо, Ходок, вы мне очень помогли, — сказал Тимергалин бесстрастно.

— Благодарить будете потом, когда выберемся отсюда. Егор, выходи из кабинета, только медленно. Поищи в лаборатории одежду Умара Гасановича и принеси ему.

Крутов молча повиновался, с трепетом ощущая на себе холодные взгляды лазерных прицелов. Когда он вернулся в кабинет, рубиновые лазерные трассы уже не простреливали его, Мария и Тимергалин в халате, который он снял с Директора, стояли у пульта компьютера и смотрели на экран. Компьютер, очевидно, работал в аудиорежиме, потому что Мария разговаривала с ним, как с живым человеком.

— Пароль — «РВС».

— Пароль принят, — ответил компьютер приятным женским голосом. — Какое поле вы хотели бы увидеть?

— Информационное ядро Проекта.

— Сообщите код доступа.

— «Сатана».

— Вы в системе.

Экран расцвел букетом информпакетов, выделил поле для оперативной работы.

— Мария, у нас нет времени, — сказал Тимергалин. — Сейчас начнется тревога.

— Мне нужен файл защиты, иначе мы не выйдем отсюда.

— Но вы же вошли?

— Мои энергетические запасы не безграничны, ваши, кстати, тоже. Программа допуска во все помещения базы!

— Выполняю.

По экрану побежали строки бланк-сообщений.

— Системы слежения и поражения.

— Выполняю.

— Мария...

— Переодевайтесь. — Егор сунул Тимергалину его одежду: черный свитер, черные брюки, ботинки, черную куртку. Подошел к Марии ближе и легонько поцеловал ее в ухо. — Спасибо, Маша...

Женщина вздрогнула, отшатнулась, изумленно глянула на него огромными черными глазами, в которых плескался сияющий океан энергии, прочитала в его взгляде всего лишь чувство благодарности и гневно раздула ноздри:

— Никогда больше не делай этого!

Реакция ее была необычной, и в другое время Егор сумел бы объяснить, что он имел в виду, целуя берегиню, да и сейчас он, в общем-то, понимал ее чувства, но в это время калейдоскоп схем, слов и цифр на экране компьютера прекратил верчение, и Крутов, а вместе с ним Мария и Тимергалин почувствовали чей-то выразительный, зловещий, полный угрозы и жуткой затягивающей черноты взгляд. Это ощущение было сродни удару по голове, и все вздрогнули, начиная озираться по сторонам в поисках хозяина взгляда, пока не поняли, что это смотрит на них компьютер.

Все картинки на экране исчезли, фон дисплея стал алым, и на нем проступил странный черный значок, похожий на след когтистой и костлявой человеческой руки. Затем раздался голос, уже не женский, но и не мужской, как бы не человеческий вовсе, вибрирующий и страшный:

— Поздравляю с выходом в другую реальность, смертные. Вам придется или подчиниться мне, или умереть. Что предпочитаете?

Крутов почувствовал головокружение, сердце дало сбой, свет в глазах стал меркнуть.

— Егор! — вскрикнула Мария.

На решение оставались доли секунды, никакого оружия в руках у Крутова не было, и он сделал единственное, что мог сделать в данном положении: прыгнул вперед и с выдохом вонзил кулак в алое стекло экрана.

Раздался грохот взрывающегося дисплея, визг, что-то затрещало, заискрило в тумбе стола, на котором стоял монитор, и обволакивающий, отнимающий волю взгляд отпустил людей. Сквозь толщу бетона, земли и стен просочился в кабинет тихий струнный звон сирены: на базе началась тревога.

— Уходим! — очнулась Мария, первой бросаясь к выходу. — Не отставайте!

Переглянувшиеся Крутов и Тимергалин вынуждены были последовать за ней. Но, пробегая мимо продолжавшего сидеть в расслабленной позе Бессараба, Умар Гасанович успел коснуться пальцем его щеки, и глаза Директора Проекта закатились.

— Кто это был? — догнал Марию Крутов. — Кто с нами говорил?

— Провайдер Сатаны, — ответила берегиня.

ОСТРОВ ГОРОДОМЛЯ

ВОЛХВЫ И МАГИ

Никто из пассажиров и пилотов рейса Москва — Архангельск так и не узнал причины, по которой их самолет неожиданно свернул с трассы и совершил посадку в аэропорту небольшого городка Осташков, расположенного на берегу озера Селигер. Опомнились все, когда посадка уже произошла и летчиков запросил проснувшийся, изумленный случившимся диспетчер аэропорта, мало приспособленного к приему самолетов типа «Ту-134».

Точно так же не понял причин своего поступка пилот вертолета «Ка-26», готовившегося в аэропорту Осташкова к полету в один из окрестных поселков для доставки срочного груза, но вместо этого доставившего пассажира на остров Городомлю, расположенный в южной части Селигера в трех с лишним километрах от Осташкова. Лишь высадив неизвестного, которого он совершенно не запомнил, пилот спохватился, осознал, что произошло, и долго не мог прийти в себя, решив никому не рассказывать об инциденте.

Пассажиром же, ловко использовавшим транспортные средства для достижения своих целей, был не кто иной, как Билл Гланц, пресс-атташе американского посольства, добравшийся из Москвы до Городомли, где начинали разворачиваться известные события, в рекордно короткий срок, меньше чем за полтора часа.

Вертолет высадил его уже в быстро сгущавшихся сумерках на пустой пристани острова, освещенной единственным фонарем, и Гланц сразу заметил одинокую фигуру человека, стоявшего на деревянных мостках в конце пристани. Это был высокий старик с копной нечесаных седых волос, седоусый и седобородый, одетый в прорезиненную плащ-накидку, опиравшийся на суковатую палку. Одного взгляда Гланцу было достаточно, чтобы понять, что старик ждет его.

Это казалось невероятным, о его визите на остров не мог знать никто, даже коллеги и друзья, не говоря уже о врагах, и тем не менее этот старик с темным загадочным взглядом из-под насупленных бровей ждал именно его.

Гланц огляделся, сканируя окрестности многодиапазонной сферой паранормального восприятия, никого больше в пределах прямого пси-зондажа не заметил и приблизился к старику, продолжавшему стоять на прежнем месте.

— Мы знакомы? — спросил маг по-русски.

— Нас не представляли, — отозвался старик густым сочным басом, — но я тебя знаю, колдун.

— Кто вы?

— Волхв Спиридон, архимандрит Русского Собора, и послан Собором для встречи с тобой, чтобы передать: возвращайся домой. Не вмешивайся в наши дела, мы тут как-нибудь сами разберемся.

Гланц с любопытством оглядел фигуру старика, попытался пробить его пси-защиту, ощутил силу волхва и отступил, чтобы зайти «с другой стороны». Старика он не боялся, тот не мог причинить ему вреда, но одно его присутствие здесь говорило о возможностях противоборствующей стороны, называющей себя Русским Собором, или Предиктором. Случайным совпадением их встречу объяснить было невозможно, но и предвидеть появление пресс-атташе американского посольства на острове в определенный момент времени было очень трудно.

— Не ломай голову, колдун, — усмехнулся старик. — Это же моя земля, а не твоя, а дома, как говорится, и стены помогают, також птицы и звери. К тому же волхвы — мастера по разработке «случайных совпадений». Что тебе здесь нужно?

Гланц хотел ответить резкостью, но в это время на него спикировал поток птиц, среди которых были чайки, вороны, воробьи и совы, и слова застряли у мага в горле.

— Так что тебе здесь надо, чужак? — повторил старик вопрос с той же усмешкой превосходства и уверенности, которая так взбесила Гланца.

— Я хочу навестить друга, — сухо отрезал он. — Надеюсь, это не возбраняется? И советую не задерживать меня. Вы должны понимать, на чьей стороне сила.

— Я-то как раз понимаю, а вот ты нет. Неужели ты со своими коллегами не слышишь глас Божий: вернись домой, Америка! Весь мир исходили, истоптали, испакостили, наследили, натравили друг на друга, насадили культы наживы и вечной войны «за процветание», отравили души... Только и осталось, что Россию вовлечь в этот помойный водоворот, раздробить, разрушить, превратить в полигон для нечистой силы.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мы никого не заставляем силой следовать нашему образу жизни.

— Э, мил человек, врешь и знаешь, что врешь. По какому праву, имея за спиной в своей истории геноцид как в отношении коренного населения своей же страны, так и в отношении других народов, твои Штаты ревностно учат других соблюдению прав человека? По какому праву ты вмешиваешься в наши российские разборки вместе с другими выходцами из «черной сотни»

Сатаны? Зачем ты науськиваешь лидеров Реввоенсовета на перезахват власти? Может, скажешь, что ничего этого не происходит? Что вы не «пасете авторитеты» нашей родной доблестной мафии, подбираясь к главному «пахану» — президенту?

Гланц засунул руки в карманы плаща, складывая пальцы в мудры, способствующие энергетической накачке.

— Это всего лишь блокировка некомпетентного руководителя в управлении государством. Неужели вы не видите, куда может завести вашу страну такое правительство? Абсолютно некомпетентная Дума? Безграмотная финансовая и научная элита?

— Зато ваша элита больно грамотная, — хихикнул старик. — Превратила народ в толпу, в быдло, обеспечила себе спокойную жизнь за счет сытой бездумности и пассивности этой толпы, переставшей интересоваться всем, кроме одного — как делать деньги. Что, не так? Можешь говорить прямо, мы здесь одни, твое слово против моего, ваша пропаганда против нашей правды. Хотя что такое — ваша забугорная пропаганда? Искусство лгать правдивыми фактами. Вот и вся хитрость. Я не утверждаю, что, не будь вас, в лапотной России не появилось бы свое воинство Сатаны. Мы тоже люди разные, больные и здоровые, глупые и умные, отбирающие последнее у бедняка и помогающие бескорыстно другим, но мы у с е б я д о м а и не лезем к соседям с советами, как надо жить. Оставьте нас в покое! Русский медведь терпит долго, но приходит конец и его терпению!

Над головой Гланца снова пронеслась стая птиц. Он поморщился, понимая, что теряет время.

— Вы что же, попытаетесь меня задержать?

Из темноты за спиной старика бесшумно вынырнула собака, сверкнули желтые бешеные глаза. Гланц понял, что это не собака, а волк.

— Нам нет нужды сражаться, как простые люди, — пробасил волхв, погладив холку зверя. — Мы поддерживаем баланс сил, и только. Твое вмешательство нарушает этот баланс. Возвращайся в столицу, а еще лучше — к себе домой. Сегодня наш потенциал выше лишь в некоторых районах Руси, завтра это почувствует вся ваша сатанинская рать.

— Это прогноз или только угроза? — скривил губы в пренебрежительной улыбке Гланц.

— Как известно, — раздался вдруг ниоткуда, прямо из воздуха, чей-то насмешливый голос, — прогноз отличается от программирования только его оглашением. В принципе дедушка Спиридон говорил о н а ш е й Программе, которая создана в качестве контрмеры.

И перед потрясенным магом проявилась фигура молодого

человека, почти юноши. Он был невысок, строен, одет в старенькие джинсы и куртку и не выглядел ни большим начальником, ни бойцом, но сияющие голубые глаза юноши «качали» пространство вокруг, и Гланц понял, что перед ним один из белых русских магов, с кем он меньше всего хотел бы встретиться.

— Обращаю ваше внимание еще на одно обстоятельство, — продолжал юноша с горящими глазами. — Россию можно поставить на колени, можно отравить ее чужой псевдокультурой, увлечь борьбой Добра и Зла, купить ее правительство и разрушить ее храмы, но покорить ее нельзя! Когда вы наконец поймете это и перестанете работать на Программу Сатаны?

Гланц встретил его взгляд, почувствовал мощную сдерживаемую с и л у и поежился. В голову ничего не приходило, лишь где-то глубоко в душе зрело убеждение, что Синклит магов, утвердивший его координатором новой русской революции, которая, по мысли руководителей Программы, должна была довершить рассасывание энергетического потенциала России, ошибся в выборе. Второй мыслью, окончательно испортившей настроение, была мысль, что Программа начинает давать сбои...

— Мы вас, похоже, не убедили? — с улыбкой спросил молодой маг.

— Дело не во мне...

— Я думаю, ваши друзья поймут, почему вы вернулись с полдороги. И хотя среди них есть и наши отечественные маги крупного калибра, способные влиять на реальность, все же здесь — н а ш а территория. Что было бы, появись мы в Вашингтоне или даже в Москве для участия в разборках воинов на два уровня ниже нашего? Вы первый бросили бы в нас камень с призывом: изыди, Сатана! Теперь же м ы имеем полное право на этот призыв.

— А если я вернусь не один?

— Тогда и мы соберем свою рать.

Волк у ноги старого волхва вдруг оскалил пасть, выгнул спину и на глазах ошеломленного Гланца начал превращаться в человека. Через несколько секунд рядом со стариком и молодым магом стоял угрюмого вида голый бородач с узловатыми руками и мускулистыми ногами, с мощной выпуклой грудью штангиста.

— Шел бы ты отседова, господин хороший, — хрипло посоветовал он, — а то ить кликну сородичей — только косточки и останутся! И колдовство твое рафинированное не помогеть.

Словечко «рафинированное» выпадало из общего «посконно-образного» лексикона волкодлака, но именно оно убедило Гланца в качестве волшебства, демонстрируемого русскими

волхвами. И все же он сделал последнюю попытку надавить на них, прислушиваясь к колебаниям пси-полей, говорившим посвященному, что в глубинах острова начался процесс распада прежде хорошо сбалансированных пси-систем. Кто-то проник на остров — не приходилось сомневаться, что это были воины Сопротивления, — и готовился атаковать базу Легиона с лабораториями Директора русского Проекта, так много сделавшего для реализации общемировой Программы.

— Я маг третьего Посвящения, — сказал Гланц, вытягивая вперед руки, с которых сорвались ветвистые голубые молнии. — Вам лучше уйти с моего пути!

В тот же момент на голову ему спикировали сразу три птицы: ястреб, филин и ворон, — и некоторое время Гланцу пришлось отбиваться от их когтей, клювов и крыльев, пока стоявшие напротив волхвы не засмеялись.

— Уходите, — покачал головой самый молодой из них, пряча улыбку. — Ваши посвящения ничего не стоят, потому что под ними нет той с и л ы, которой владеем мы. Вы сильны, только когда собираетесь в стаю. Мы — всегда! И сила наша не в Боге и не вере в Бога, а в вере в вечное торжество добра и справедливости.

— Но коли придется защищаться, мы возьмем в руки меч, — громыхнул своим могучим басом старый волхв. — Гляди, колдун. Как ты думаешь, что это такое? — Он достал из кармана плаща горсть патронов и бросил один Гланцу.

Тот с недоумением повертел в пальцах необычно легкий патрон с длинной острой черной пулей. Посмотрел на старика, который высыпал остальные патроны обратно в карман.

— Пуля в нем — осиновая, — мягко пояснил молодой волхв. — Их делают сейчас по всей стране для церковного спецназа. Улавливаете смысл? Черного колдуна, по нашим поверьям, можно убить осиновым колом, чтобы его черная душа ушла в дерево. Конечно, одной такой пулей настоящего колдуна убить невозможно, однако если всадить в него очередь...

Гланц отбросил патрон, внезапно ожегший ему ладонь, будто его раскалил невидимый пламень, отступил к краю пристани.

— Мне нужен транспорт.

— А летать ты еще не научился, маг третьей ступени Посвящения? — насмешливо прохрипел бородач-оборотень.

— Лодка найдется?

— Это пожалуйста, — с готовностью кивнул старый волхв, и тотчас же из темноты вынырнул катер, бесшумно разрезая волны, подошел к пристани, уткнулся кормой в причал.

— Садись и плыви на юг, он сам найдет дорогу. На берегу возле Осташкова будет ждать вертолет, он доставит тебя в

Москву. А мои помощнички присмотрят за тобой, чтобы нечаянно не обидел кто. — Дед поднял голову, щелкнул языком, и к нему на плечо с пируэта сел филин. — Ну что, Филюшка, поглядишь за этим человеком?

Филин важно кивнул, ухнул почти по-человечески: угу! — сорвался с плеча старика и растворился в ночи.

Гланц молча сел в катер, завел двигатель и отплыл, глядя на три фигуры, оставшиеся на пристани. И чем дальше отдалялся берег, тем отчетливее становился виден свет над их головами — длинный золотистый шлейф, возносившийся в небо...

ОСТРОВ ГОРОДОМЛЯ

КОМАНДА СПАСЕНИЯ

Георгий отделился от группы сразу после высадки на берег. Из оружия он взял с собой лишь бесшумный пистолет и на вопрос Панкрата: не слишком ли этого мало для решения поставленной задачи? — ответил:

— Надеюсь, оружие мне не понадобится.

Когда ученик деда Спиридона растворился в ночи, сняв с себя гидрокостюм и акваланг, Панкрат приблизился к Ираклию, проверявшему свое снаряжение.

— Как тебе нравится этот Витязь?

— Не нервничай, — отозвался Ираклий. — Он профессионал, это видно, и дед Спиридон тренировал его не зря. Или ты к нему что-то имеешь?

— Он не взял ни ножа, ни инфраоптики.

— Значит, они ему не нужны. Ну что, диверсанты? Готовы?

«Диверсанты» ответили поднятием рук.

— Пойдем «скорпионом». Я впереди, слева Корнеев и Андрей, справа Петр Парамонович с лейтенантом, сзади всех Панкрат. Возле «болота» ждем сигнала и начинаем атаку. Всем понятно?

— Что за сигнал? — поинтересовался сосредоточенный Качалин. — Мы вроде не договаривались.

— Дед Спиридон сказал, что мы услышим и поймем. Еще вопросы?

Вопросов не последовало, и отряд углубился в осенний ночной лес, пропитанный сыростью, стылой тишиной и угрозой.

Первый сторожевой патруль на подступах к взлетно-посадочной площадке базы, скрытой пси-полем, которое внушало всем, кто приближался к нему, образ болота, они обнаружили почти сразу же за береговой линией, наткнувшись на два тела

в спецкомбинезонах, лежащих поперек тропы, рядом с трупом собаки. По знаку Ираклия Панкрат подкрался к тропе, осмотрел тела и подозвал остальных.

— Кто их? — услышал он шепот Качалина.

Ответил почти беззвучно:

— Георгий прошел, больше некому. На телах ни царапины, собака еще теплая.

— Я тебе говорил, — хмыкнул Ираклий, — что он профессионал. Витязями просто так не становятся.

Группа двинулась дальше и через полкилометра наткнулась на второй патруль, обходивший остров по периметру привычным маршрутом. Сторожей оказалось трое, все они были одеты в комбинезоны спецназа со шлемами на головах, вооружены автоматами и вели собаку на поводке, крупную кавказскую овчарку.

Так получилось, что они вышли к тропе, по которой двигался наряд, буквально за полсотни шагов перед ним и сразу увидели приближавшиеся тени с призрачно светящимися руками, впереди которых двигалось пятно поярче — собака. На принятие решения отводилось не более трех-четырех секунд, стрелять пришлось буквально навскидку, и снайперы группы: Корнеев, Панкрат и сам Ираклий, — уже приникли к окулярам ночных прицелов «винторезов», собираясь открыть огонь по первой тени, за которой след в след шагали остальные бойцы патруля, как вдруг случилось то, о чем предупреждал дед Спиридон.

Собака, рванувшая было поводок в их сторону, отвернулась и с рычанием бросилась в кусты справа от тропы. Ираклий не понял, что произошло, но выяснять было некогда, группа патруля рассыпалась в стороны и подставилась под залп снайперов.

Три девятимиллиметровые пули из «винторезов» нашли свои цели, вторым выстрелом Ираклий убил собаку, и стало тихо.

— В чем дело? — поинтересовался Панкрат, поправляя прибор ночного видения. — Почему психанула собака?

— Волк, — коротко пояснил подошедший Качалин.

— Здесь есть волки?!

— Не только волки, но и другие звери, даже рыси, и все они друзья волхвов. То ли еще увидим.

— Что ж, это радует. Если уж и звери на нашей стороне...

— И птицы.

— Тем более.

Обошли погибший патруль с мертвой собакой, углубились в заросли ивы и ольхи, говорившие о близости центрального островного озерка Дивного, и вскоре вышли к тростниковой крепи, возле которой охрана аэродрома-«болота» сутки назад захватила Крутова.

Без четверти восемь все заняли свои позиции, о чем сообщили друг другу по рации, и несколько минут потратили на изучение в бинокли обстановки.

Колокольня над лесом была почти не видна на фоне беззвездного небосвода, закрытого тучами, зато удалось разглядеть «клинику» — двухэтажное кирпичное строение с узкими частыми окнами, больше похожее на здание стандартной телефонной станции, ряд каких-то навесов, вышки, круглую невысокую башню и два барака. Все это хозяйство освещалось одним зонтичного типа фонарем и было обнесено высоким сетчатым забором, вдоль которого прохаживались часовые. Каким образом туда собирался проникнуть Георгий, было совершенно непонятно, но, так как вокруг стояла тишина, а часовые продолжали топтать землю вдоль забора охраняемого объекта, Ираклий сделал вывод, что Георгий либо уже пробрался в «клинику», либо сидит где-то поблизости, так же как и они. Однако поделиться этим соображением с напарником Ираклий не успел.

Почти одновременно произошло несколько событий.

Сначала в полукилометре отсюда, в лесу, примыкавшем к «болоту» ВПП с юга, послышался длинный звериный вой, потом шум, крики и выстрелы. Затем низко над головой прижавшихся к земле людей пронеслась огромная стая птиц, направляясь в сторону шума. И наконец там вспыхнули прожектора, заработали пулеметы и где-то из-под земли донесся приглушенный вопль сирены. Началась тревога.

Но Федотов и Воробьев были достаточно опытными специалистами, чтобы начинать переглядываться, прислушиваться, гадать, что произошло, и терять на это время, они сразу приникли к окулярам прицелов и в две секунды сняли часовых. Затем, выждав минуту, хладнокровно уложили еще пятерых легионеров, выскочивших из барака с автоматами в руках, и лишь после этого Панкрат метнулся к воротам на огороженную территорию и очередью из «овцы» снес металлическую щеколду с автоматическим замком. Ударом ноги открыл створку ворот, нырнул вперед с перекатом, вгоняя еще одну очередь в дверь барака, откуда выбежал полуодетый вооруженный охранник, и бросился к зданию «клиники» с единственным светящимся на втором этаже окном-щелью.

Между тем бой в стороне взлетно-посадочного «болота» разгорался нешуточный. Кроме пулеметов и автоматов, заговорили гранатометы и скорострельные пушки, что-то взрывалось и трещало, выли звери, кричали птицы, занялся пожар, высветив низко нависшие тучи и зубчатую кромку леса. Ираклий мимолетно пожелал соратникам успеха, веря, что они ос-

танутся живы, вовремя заметил движение под навесами, послал туда несколько очередей и метнулся вслед за Панкратом, прикрывая его спину.

Однако того, что произошло в следующие мгновения, не ожидали ни тот, ни другой.

Здание «клиники» вдруг заколебалось, как отражение в воде от череды волн, и пропало! Вместо него из темноты проступил массивный бетонный куб с какой-то сложной антенной на крыше, с единственной горизонтальной щелью на фасаде.

— Ложись! — донесся до Ираклия крик Панкрата.

Не раздумывая, он нырнул на землю, и тотчас же над ним просвистел веер трассирующих пуль. Бетонный куб оказался дотом, прикрываемым завесой пси-излучения, которая формировала в сознании приближавшихся людей образ двухэтажного здания. Где находилась настоящая клиника, о которой сообщал Крутов, спрашивать было не у кого. Это была классическая ловушка, подготовленная специалистами по маскировке базы, и Панкрат с Ираклием попали в нее, как мухи в паутину, не представляя, что будут делать дальше. Спасло их лишь отключение генератора поля, маскирующего дот, да и то всего на несколько секунд. Обоим ничего не оставалось делать, как принимать бой в самом невыгодном положении, какое только могло сложиться в данной ситуации.

ОСТРОВ ГОРОДОМЛЯ

КРУТОВ И К°

В зал, объединяющий выходы из всех подземных бункеров базы, они выбрались без помех, несмотря на поднявшуюся тревогу. Впереди шла Мария, за ней Крутов, обвешанный оружием, и замыкал отряд Тимергалин, чувствующий себя не очень хорошо. Все-таки его успели накачать разной химией, и борьба с ней отнимала у него слишком много энергии.

Ни Мария, ни Тимергалин оружия в кабинете Директора Проекта не взяли, хотя там обнаружился целый арсенал: автоматы преимущественно отечественного производства, пистолеты-пулеметы, пистолеты и револьверы, новейшие переносные зенитно-ракетные комплексы «скальпель», гранатометы разных типов, мины и гранаты. Крутов же, зная, что придется пройти все круги ада, прежде чем удастся выбраться на поверхность, захватил шестнадцатизарядный «вальтер Р-99», бесшумный пистолет-пулемет «кипарис», а главное — «глушак», обнаруженный в специальной нише под стеклом, где

разместились образцы создаваемых лабораториями Легиона пси-генераторов. Егор мог бы взять с собой и «болевик» с красной насадкой, и еще какой-то экзотического вида излучатель, похожий на оружие киборга из фантастических боевиков, но они вряд ли пригодились бы в бою, предназначенные совсем для других целей.

— Только, ради бога, не начинай стрельбу! — предупредила Крутова Мария. — Я выведу вас незаметно, единственное условие — полное отсутствие агрессивных эмоций! Умар Гасанович умеет себя контролировать...

— Я тоже, — пробормотал Крутов, не обижаясь.

— Лучше бы ты не брал ничего, чтобы не было соблазна.

— Маша, вы плохо знаете возможности Витязей, — бесстрастно сказал Тимергалин. — Конечно, мы попробуем пройти без инцидентов, но наверху оружие вполне может пригодиться.

— Хорошо, — согласилась Мария, твердо сжимая губы; лицо ее побледнело, заострилось, взгляд стал глубоким, сосредоточенным, физически ощутимым. — Прошу следовать за мной, господа «подопытный материал».

Они выскользнули в тоннель, соединяющий бункер Директора с залом распределителя. Мария свернула к порталу, от которого начинался тоннель к шахте выхода на остров посреди озера Дивного: именно таким путем она проникла на базу, — но массивная стальная дверь портала отползла в сторону, и из нее в зал с лесом ферм выбежала группа легионеров в коричневой форме и специальных шлемах с прозрачными забралами.

Мария замерла. Застыли на месте и Крутов с Тимергалиным. Егор уже находился в состоянии п у с т о т ы, поэтому эмоций не проявил, хотя удержать себя от каких-либо действий при явной угрозе жизни было трудно. И все же он лишь на мгновение отвлекся на оценку ситуации, затем снова стал «пустым и прозрачным» и тем самым помог Марии и Тимергалину удержать общее, о т в о д я щ е е взгляд поле.

Пятерка легионеров не заметила их, стоящих посреди зала! Молодые сильные парни бросились к порталу, ведущему в бункер Директора, и исчезли в переходном тоннеле. Однако из портала, откуда они выбежали, появилась еще одна группа людей, теперь уже в черных мундирах, — это были охранники базы, — и Мария тихонько стала отступать назад, к порталу, ведущему в тоннель, который соединял центральные подземелья базы с комплексом подземных и надземных сооружений взлетно-посадочной площадки.

Они сориентировались вовремя.

Зал распределителя загудел, как пчелиный улей, заполнился бегущими в разные стороны людьми: охранниками в черном, сотрудниками лабораторий в белых и синих халатах, легионерами в коричнево-зеленой форме, молодыми людьми в штатском. Если бы беглецы не отступили к стене, на них наверняка кто-нибудь наткнулся бы, а вооруженные люди могли при этом среагировать и нажатием на курок. Но и стоять в оцепенении, наблюдая за метавшимися по тревоге работниками базы, было бы неправильно, поэтому Мария сосредоточилась на двери портала, через который Крутова привезли в лабораторию (через него же прибыли на базу и Джехангир с Тимергалиным). Умару Гасановичу пришлось держать защиту группы одному. Крутов заметил, как он побледнел, лицо экстрасенса покрылось бисером пота, под глазами резко проступили тени, задрожали руки, но помочь ему Егор не мог ничем, мог только сдерживать свои мысли и эмоции жестокой уздой воли и сосредоточился на п у с т о т е, словно собираясь стать ею в физическом плане.

Марии не удалось справиться с замком двери напрямую, то есть снять блокировку и включить механизм отпирания, однако она нашла другой выход.

Пробегавший мимо охранник внезапно споткнулся, затормозил, оглянулся в недоумении, словно услышал беззвучный приказ, подошел к двери портала, возле которой сгрудились беглецы, и, проделав две нехитрые манипуляции: ладонь к темному окошку опознавателя, набор трех цифр на кодофоне, — заспешил по своим делам. Дверь с гулом откатилась в сторону, открывая овальную полость со стоящими у стен торпедами электрокаров. Тоннель начинался в конце этой полости, освещенный редкими люминесцентными панелями в сводчатом потолке.

Беглецы устремились вперед, намереваясь оседлать две торпеды, и уже, казалось, были на полпути к свободе, хотя предстояло еще каким-то образом подняться наверх, но в это время впереди, где полость переходила в тоннель, с его потолка упала толстая металлическая решетка, а сзади, из зала распределителя, раздался чей-то знакомый голос:

— Задержитесь, полковник! Я знаю, что вы здесь вместе с Умаром, хотя и не вижу вас. Не заставляйте моих людей стрелять.

В проем двери вбежали несколько охранников с автоматами наперевес, а вслед за ними в пещеру вошел Джехангир в сопровождении своих гигантов-телохранителей.

— Он тебя не видит! — прошептал Крутов. — Обойди их сзади. Я атакую сбоку, ты поддержишь.

— Уходите, я их отвлеку, — скороговоркой произнес Тимергалин и, не дожидаясь возражений, шагнул назад, навстречу командующему Легионом. — Я здесь, Мстислав.

Очевидно, он неожиданно стал виден охранникам, потому что они вздрогнули и навели на него автоматы.

— Я один, — продолжал Умар Гасанович. — Крутов пошел другим путем. Надеюсь, ты не поставишь ему в вину, что он мне помог выбраться из лаборатории Юрия Тарасовича?

— Умар, мне некогда отвлекаться на пустые разговоры. Ты меня разочаровал. Где Егор? Или ты скажешь мне добровольно...

— Или ты снова разрядишь в меня «глушак», — кротко улыбнулся Тимергалин. — Знаешь, Мстислав, я не держу на тебя зла за то, что ты меня сдал, хотя свой долг я тебе вернул, когда вытащил тебя с того света в Жуковских лесах. В какой-то мере я тебе даже благодарен за этот опыт, подаривший мне знание темных сторон твоей души. И вот я думаю: неужели у тебя хватит сил снова отдать меня вивисекторам Бессараба?

Крутов понял, что Тимергалин дает им время на отступление, и начал смещаться влево, невольно заставляя Марию следовать за ним. Но и Джехангир, волчьим чутьем ощутив опасность, не стал ждать окончания тимергалинского монолога.

— Ребята, — сказал он, — тот, кого мы ищем, где-то здесь. Полейте-ка станцию свинцовыми струями.

— Стойте! — вскинул вверх сжатую в кулак руку Тимергалин, останавливая готовых к стрельбе парней. — Мстислав, если я скажу, где Крутов, ты меня отпустишь?

Джехангир заколебался на мгновение, щуря и без того узкие глаза, но посмотрел на лицо бывшего друга с плотно сжатыми почерневшими губами и покачал головой:

— Боюсь, ты мне уже не нужен, энэлпер. Ты же знаешь мой девиз: кто не со мной, тот против меня.

Егор и Мария сдвинулись влево, к электрокарам, еще на несколько метров.

— Знаю, — кивнул Тимергалин. — Но я хотел бы тебе напомнить одно место из Иоанна Богослова: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, дабы воздать каждому по делам его». Не боишься встречи с Ним?

— Ты стал сентиментален, Умар, — усмехнулся Джехангир. — В моем понимании это качество не является достоинством. Я не буду тебя убивать, Юрий Тарасович просил только задержать тебя и привести к нему, не трогая голову, и я выполню его просьбу, но вот пару пуль в ноги — за попытку бегства — выпущу лично. Говорят, энэлперы мастаки по части

заговаривания боли другим, а как насчет себя? Сможешь выдержать?

— Директор жив? — со странной интонацией спросил Тимергалин.

— А вы думали, что убили его? — саркастически скривил губы Джехангир. — Кишка тонка, энэлпер. Юрий Тарасович дружен с самим... э-э...

— Сатаной, — подсказал Умар Гасанович.

— В общем, с магом более высокого уровня, чем ты и твой учитель, Умар. Не знаю даже, чем ты мог его заинтересовать. Огонь, ребята!

Командующий Легионом вынул из-под полы кителя пистолет, и завертелась карусель короткого боя, каждое мгновение которого резко изменяло сложившуюся ситуацию.

Джехангир выстрелил. Одновременно с ним выстрелил из «глушака» Крутов. Пуля попала в бедро Тимергалину, заставив его отшатнуться и схватиться за ногу. Однако разряд пси-генератора на командующего Легионом не подействовал! Словно излучатель был неисправен или в нем отсутствовал аккумулятор. Но по болезненной судороге руки, держащей «глушак», Егор понял, что тот работает, и выстрелил еще раз, теперь уже целясь не в Джехангира, а в его телохранителей. Один из них перестал защищать босса с тыла и безвольно свалился на пол, как тряпичная кукла. Второй тоже получил дозу пси-излучения, но только насторожился, почти безошибочно определив направление выстрела и стреляя в ту сторону из пистолета-пулемета. Очередь чудом миновала Марию и Крутова.

Затем начали палить охранники, выметая пол ангара струями пуль по обе стороны от согнувшегося, прижавшего ладонь к раненому бедру Тимергалина. И тут же заговорил «кипарис» Крутова, укладывая всех охранников одной, неслышимой в грохоте автоматов, очередью.

В ангаре стало тихо.

Джехангир, с пистолетом в одной руке и «глушаком» в другой, застыл, прислушиваясь к тишине, пожирая глазами электрокары справа от себя. Его телохранитель тоже замер, быстро-быстро кося глаза вправо-влево, сжимая в руке пистолет-пулемет. Крутова они еще не видели, хотя он и «выпал» из сферы влияния Марии, потому что Егор уже зашел им за спину и бесшумно, как тень, скользил к Джехангиру.

— Полковник, — позвал командующий Легионом, направляя пистолет в голову Тимергалину, — выходи, иначе я разнесу ему черепок.

— Я здесь, — отозвался Крутов, в прыжке нанося удар ребром ладони по бычьей шее телохранителя и направляя на бывшего учителя «кипарис». — Отдайте оружие, Мстислав Калинович, я успею выстрелить раньше.

Джехангир оглянулся, мгновенно выбрасывая вперед руку с «глушаком», а второй держа под прицелом Тимергалина. И в это время закричала Мария:

— Жи́ва!

Ее крик был пронзителен и страшен, как клекот орла в смертельном падении, он заставил вздрогнуть Джехангира, подстегнул к действию Тимергалина и ввел Крутова в трансовое состояние живы, ускорявшее все жизненные процессы. Поэтому за доли секунды Крутов успел сделать множество движений: упал в ноги Джехангира, пропуская над собой очередь в спину (стреляли из-за двери) и выстрел в лицо из «глушака», выстрелил в телохранителя, целившегося с пола в «проявившуюся» Марию, дал очередь в проем двери, откуда в ангар вбегали охранники, и выбил у Джехангира из руки «глушак», хотя это оказалось уже лишним. Очередь из-за двери портала, предназначавшаяся Крутову, досталась командующему Легионом, и, несмотря на бронежилет под кителем, одна из пуль по странному стечению обстоятельств попала Джехангиру как раз в то место, куда когда-то попал сюрикэн Крутова.

Мстислав Калинович упал, зажимая рану руками, дернулся несколько раз, глядя перед собой уже ничего не видящими глазами, из уголка рта стекла на пол струйка крови, и через несколько мгновений он затих. Прядь седоватых волос над ухом откинулась, и Крутов увидел металлическую дужку и край золотистой сеточки, внезапно понимая, почему на командующего не подействовал разряд «глушака»: на нем был генератор защиты.

К сожалению, Джехангир все-таки успел выстрелить в Тимергалина, попав ему в бок. Умар Гасанович тоже упал, не имея сил сопротивляться болевому шоку. Однако Егор все еще находился в сфере ПАО и продолжал действовать, не останавливаясь ни на мгновение, спасая положение. Он вымел огнем из «кипариса» пространство зала за дверью, перенес Тимергалина в электрокар, куда тут же села все понимавшая Мария, сам включил мотор соседней торпеды и направил ее на преградившую путь в тоннель решетку.

За десяток метров от нее акробатическим прыжком соскочил с электрокара, по-кошачьи изогнувшись и вставая «на четыре лапы», дождался удара, снова дал очередь назад по двери ангара и отбросил пустой пистолет-пулемет, вскакивая в подъехавший электрокар Марии.

Первая торпеда протаранила решетку, проделав в ней рваную дыру, достаточную, чтобы в нее протиснулся второй

электрокар, и вскоре они были в сотне метров от ангара, где разыгралась драма в исполнении «актерского ансамбля» под управлением Джехангира. О судьбе бывшего учителя Егор переживал меньше всего, теперь его волновало состояние Тимергалина и то, что ждало их впереди.

КОМАНДА СПАСЕНИЯ

Дот плевался огнем по кругу, хотя атаковали его с одной стороны и всего лишь два человека, что позволило Ираклию сделать вывод об автоматическом его управлении. Однако этот вывод положения не улучшал, оба лежали на земле и не могли поднять головы, не говоря уже о каких-то ответных действиях. И неизвестно, чем бы закончился монолог автоматического пулемета, расстреливающего ночь, если бы не произошедший внутри дота взрыв.

В его щелевых амбразурах вдруг полыхнуло пламя, грохнуло, из щелей выплеснулись струи дыма, и пулеметы умолкли. Ираклию показалось, что наступила полная тишина, хотя бой в районе ВПП все еще продолжался, разве что не стало слышно рычания и воя зверей.

Панкрат подхватился с земли, метнулся к воротам, демонстрируя завидную реакцию, вслед за ним рванул стометровку и Федотов, не забывая между тем о тылах, готовый стрелять на звук и движение, и едва удержал палец на спусковом крючке «винтореза», когда из-за взорванного дота за сетчатой оградой раздался голос:

— Подождите меня, спринтеры.

Оба «спринтера» сделали один и тот же финт (одна школа!): упали на землю, перекатились влево и выставили в сторону окликнувшего их человека оружие. Но как быстро они это ни сделали, человек действовал проворнее. Он уже оказался за оградой, справа от ворот, и смещался правее, как едва заметная тень, причем так быстро, что глаза не успевали отслеживать его перемещение.

— Держитесь за мной, — послышался тот же голос, и только теперь Ираклий узнал его — это был голос Георгия.

Не дожидаясь повторения совета, Воробьев и Федотов припустили за учеником деда Спиридона и догнали его уже под деревянным навесом, стоявшим на краю площади напротив колокольни.

— Спасибо, — торопливым шепотом сказал Ираклий. — Вы нас очень выручили...

— Клиника здесь, — проговорил Георгий, дыша бесшумно

и ровно, словно не бежал только что быстрее гепарда. — Охрана внутри, двенадцать человек, все, естественно, подняты по тревоге.

— Клиника в колокольне? — не понял Панкрат.

— Никакой колокольни давно не существует, используется тот же эффект — работает генератор гипнополя.

— А на тебя разве он не действует? Ты видишь, что есть на самом деле?

— Я там уже был внутри, — продолжал Георгий, не отвечая на вопросы. — По сути, это лаборатория, где Директор со своими «вивисекторами» работал с детьми. Все они находятся в боксах-отстойниках, всего одиннадцать детей разного возраста. Выводить надо всех, поэтому я и вышел, чтобы предупредить. Одному мне справиться с этой задачей трудновато.

— Они... пытали... детей?! — севшим голосом спросил Панкрат.

— Дети живы, это главное. Потом разберемся, что с ними делали, сначала выведем.

— Наша задача? — сказал Ираклий, проглатывая ком в горле, сжал плечо Панкрата до боли, чтобы привести его в чувство.

— Я снова пойду туда, один. У вас есть рации, вызывайте сюда остальных и ждите сигнала. Как только колокольня исчезнет — я имею в виду этот видеокамуфляж, — начинайте атаку здания, только не подставляйтесь. Ваша задача — отвлечь охрану, я уберу ее сам. По окнам второго этажа не стреляйте, там дети.

И Георгий исчез. Был человек рядом — и нет человека, и даже изощренный слух Ираклия, способный уловить движение змеи по мокрой траве, не помог ему услышать шаги Витязя.

— Останусь жив — пойду к деду Спиридону в ученики, — сказал вздрагивающим голосом Панкрат. — Господи, но они-то! — Из груди Воробьева вырвался сдавленный рык. — Какое они имеют право жить, подонки?! Держать детей в качестве подопытных кроликов!..

Ираклий достал рацию, снова сжал плечо Панкрата, и тот расслабился, добавив едва слышно:

— Будьте вы прокляты!..

Корнеев ответил через минуту, голос его еле пробился сквозь треск помех:

— У нас тут светопреставление! Никогда такого не видел! «Болото» испарилось, ВПП как на ладони, охранники то ли вдрызг пьяные, то ли психи...

— Зомбированные?

— Наверное. Лезут, гады, не обращая внимания ни на что! Как вы там?

— Нашли клинику. Забирай оттуда всех наших и бегом к колокольне, мы будем вас ждать.

— Где мы их будем ждать? — встрепенулся Панкрат. — Эти навесы мне не по нутру. Зачем их столько понастроили?

— Это вентиляционные выходы. Видишь в земле решетку? Однако в самом деле сидеть здесь неуютно, давай-ка поищем позицию поудобней.

Они осмотрелись, разглядывая зеленовато мерцающий в приборах ночного видения пейзаж, еще раз отметив странную черноту колокольни за непроходимыми с виду зарослями кустарника, и перебежали под защиту развалин какого-то каменного строения. Возможно, это были остатки церквушки или старой монашеской обители.

Ждать прибытия отвлекающей группы во главе с Корнеевым пришлось около двадцати минут, и все это время в районе ВПП продолжался бой. Охранники, напуганные нападением, ошалевшие от атаки лесных зверей и птиц, палили по лесу и в белый свет, вернее, в черную ночь, как в копеечку. Отвлекающая операция удалась на славу.

Ираклий, разглядев в лесу за спиной приближавшиеся фигуры, убедился по рации, что это свои, и быстро объяснил им ситуацию. Возбужденные боем Корнеев с напарником и Петр Качалин с лейтенантом, не получившие ни одной царапины, разошлись в разные стороны, чтобы окружить колокольню, и не успели они занять позиции, как колокольня, а вместе с ней и часть навесов, забор и заросли кустарника под ее стенами исчезли! Перед замершими людьми на круглой асфальтовой площадке за высоким сетчатым забором красовалось аккуратное двухэтажное здание из стекла и бетона в форме шестилучевой звезды, с антенной спутниковой связи на крыше. Слева от здания располагалась автостоянка с тремя автомобилями: двумя «Нивами» и одной «Газелью». Справа от здания возле высокой толстой трубы стоял легкий вертолет «Ка-115».

Все это Ираклий и Панкрат разглядели в течение нескольких секунд и, помня наставления Георгия (как он, черт побери, сумел проникнуть в здание, причем не один раз?!), дружно открыли огонь по нижнему этажу «клиники». И тотчас же охрана открыла ответный огонь из пулеметов, установленных в каждом торце лучей звездообразного здания. Огонь их был так плотен, что о прямой атаке не могло быть и речи, и спасти положение могли только гранатометы, имеющиеся у Корнеева и Качалина.

Как бы в ответ на мысли Ираклия через минуту раздались два взрыва: гранатометчики поняли свою задачу, — и два пулемета на остриях лучей здания прекратили стрельбу. Затем в

стенах соседних лучей образовались дымно-огненные фонтаны двух новых взрывов, в воздух полетели осколки бетона и стекла, умолк еще один пулемет. Ираклий, долго ловивший в перекрестие прицела трепещущий язычок пламени на дульном срезе пулемета на втором этаже, поливавшего пулями их позицию, спустил наконец курок «винтореза», и пулемет захлебнулся. Следом за ним начали замолкать один за другим остальные пулеметы, и через несколько минут наступила тишина. Георгий выполнил свою задачу. Вскоре он появился из двери центрального входа в лабораторию, расположенного между двумя лучами здания, махнул рукой, призывая соратников.

— Выносите и выводите детей. Я покажу, где они находятся.

— Сюрпризов не будет? — осведомился обстоятельный Качалин.

— Весь персонал «клиники» состоял из трех человек, — ответил Георгий, делая ударение на слове «состоял», и всем стало ясно, что внутри здания в живых остались только дети, подопытный «материал».

— Может быть, мы их погрузим в вертолет? — предложил Корнеев. — Пять минут лета — и они на свободе.

Словно в ответ на его слова с неба послышался приближавшийся рокот моторов, и над лесом показались идущие на бреющем полете вертолеты. Два из них сделали круг над островом и открыли ракетный огонь по лесу в районе взлетно-посадочной площадки, третий повернул к острову на озере Дивном, однако не долетел и развернулся, направляясь к «клинике».

— Легион! — сквозь зубы процедил Панкрат. — Они вызвали на подмогу ВВС Легиона.

— Вовремя мы оттуда смылись! — почесал в затылке Корнеев.

— Я отвлеку вертолет, — сказал Георгий. — Выводите детей.

Он бросился к автостоянке, завел «Газель», включил фары и выехал с площадки, направляясь по дороге в сторону озера.

КРУТОВ

Их встретили у выхода из тоннеля в ангар с упрятанной под землю резервной техникой, где стояли вертолеты, бронетранспортер и зенитная установка. Устье тоннеля преграждала металлическая решетка, а за ней располагалась цепь охранников с прозрачными бронещитами, сквозь специальные отверстия в которых можно было вести огонь из автоматов. Необычной

формы шлемы и комбинезоны со множеством приспособлений делали их похожими на пришельцев или роботов. Когда-то в бытность свою полковником Крутову довелось носить такие спецкостюмы, называемые «киборгами».

Электрокары они благоразумно оставили в полусотне метров от выхода из тоннеля, за его изгибом. Тимергалин был без сознания, и Крутову пришлось нести его на плечах, тратя последние запасы сил. При этом он чувствовал чью-то поддержку, догадывался, что Елизавета, его берегиня, молится сейчас за него, и от этого становилось легче.

Мария тоже израсходовала море энергии при отступлении из бункера Директора и держалась теперь только на гордости и воле, а прикрывать ей надо было уже не одного человека, а двоих без всякой надежды на помощь Тимергалина.

— Там решетка, — беззвучно выдохнул ей на ухо Крутов. — Нужен гранатомет или пушка. Можно попробовать направить туда электрокар.

— Все равно нас не пропустят, — отозвалась так же беззвучно Мария. — Их там два десятка, и все вооружены. Пойдем «тенью», как и до этого, только не мешай. Сосредоточься на растворении. Тебя здесь нет, понимаешь?

Сил пошутить не оставалось, и Крутов лишь кивнул, мимолетно подумав, что они были бы отличной парой, встреться раньше на пару месяцев.

К решетке первой подошла Мария. Охранники ее не видели, как и Крутова с тяжелой ношей, хотя полсотни метров беглецам пришлось прошагать под их пристальными взглядами. Пятеро «киборгов» стерегли тоннель, держа его под дулами автоматов, высовывающимися сквозь бойницы-отверстия в бронещитах, остальные расхаживали по ангару, поглядывая вверх, на потолок ангара, сквозь который доносился приглушенный грохот боя.

Крутов увидел, как спина Марии напряглась: женщина с безумной щедростью расходовала свой последний психофизический резерв, что в скором времени могло привести ее к «красному коридору»; спортсменам известно это состояние, когда организм на пределе выбрасывает остаток сил в режиме извержения вулкана, за которым нередко следует остановка сердца и смерть.

В следующее мгновение один из охранников, слонявшихся по ангару, подошел к стене и включил механизм подъема решетки. Охранники, стоявшие лицом к тоннелю, начали переглядываться, зашевелились, оборачиваясь. Их замешательство длилось всего несколько секунд, но за это время решетка поднялась от пола на метр, и беглецам удалось войти в ангар,

хотя Крутов сделал это с великим трудом. Причем он задел ногами Тимергалина крайнего охранника, но удержался от попытки оглушить его ударом пистолета.

Охранник с недоумением посмотрел в его сторону, все еще не видя перед собой противника, протянул вперед руку, словно собираясь прощупать воздух, и в эту секунду тот, кто включил подъем решетки, вдруг открыл по своим сослуживцам огонь из автомата.

Это была последняя пси-атака Марии. Ее силы кончились. Еще миг — и она бы упала, но Крутов поддержал ее под локоть и почти бегом поволок вперед себя к бронетранспортеру, не обращая внимания на суматоху и стрельбу, ощущая странный приток сил. Это сработал обережный «зонтик» Елизаветы, во второй раз спасающей мужа от гибели. Он отвел глаза охранников, и беглецы успели добраться до коробки БТР в тот момент, когда охранника, начавшего стрельбу, убили и в ангаре наступила тишина. Только теперь защитники базы обнаружили, что в ангаре находятся посторонние. И в этот момент очнулся Тимергалин.

«Силен!» — отметил про себя Крутов, потому что сам вряд ли среагировал бы быстрее. Умару Гасановичу потребовалось всего несколько сотых долей секунды, чтобы оценить ситуацию, а затем — Крутов не поверил глазам! — он «превратился» в Джехангира.

— Ливенцова ко мне! — властно приказал «командующий Легионом», глядя поверх голов подступивших ближе охранников.

Те переглянулись, не понимая, каким образом в ангаре оказался генерал, один из них сдвинул забрало шлема:

— Он наверху, товарищ генерал.

— Опустить подъемник!

— Но мы... там идет...

— Выполнять!

— Слушаюсь.

Охранник дал кому-то знак, и плита подъемника, служившая одновременно частью потолка ангара, пошла вниз на гидравлических штангах. Выстрелы и взрывы наверху стали слышнее.

— Залезайте, — сказал «Джехангир», не оборачиваясь на спутников.

Крутов молча открыл люк бронетранспортера, всей кожей чувствуя взгляды солдат, опустил в люк слабо простонавшую Марию, спрыгнул вниз сам. Разместил женщину в отсеке десанта, сел на место водителя и завел двигатель. Через минуту на броню влез Тимергалин-«Джехангир», державшийся из пос-

ледних сил. Крутов тронул машину с места, въехал на опустившуюся платформу подъемника, и та пошла вверх.

Умар Гасанович потерял сознание, когда они были уже метрах в десяти от пола, что осталось не замеченным охранниками снизу, но за подъемником, очевидно, следили с помощью телекамеры, и оператор почувствовал неладное, хотя остановил подъем платформы с «бэтэшкой» не сразу, а когда до потолка оставалось всего полтора метра. Но и это расстояние было непреодолимым препятствием для железной коробки с пулеметом на башенке. Будь Крутов один, он, наверное, успел бы выбраться из бронетранспортера, уцепиться за край перекрытия и вылезти наверх, но с двумя свалившимися без памяти спутниками об этом не могло идти и речи, хотя взору уже открылось темное небо, высвеченная пожаром стена леса, идущие по кругу вертолеты.

— Ну, сволочи! — скрипнул зубами Егор. — Вы сами этого хотели!

Он вылез к пулемету, собираясь снять его и открыть огонь по охранникам в ангаре, но в этот момент что-то произошло. Прозрачная тень накрыла шахту подъемника, на секунду стрельба и взрывы смолкли, будто у Крутова заложило уши, затем звуки боя послышались снова, а плита подъемника дрогнула и пошла вверх.

Крутов ничего не понял, принимая неожиданный подарок судьбы, поблагодарил в душе того, кто снова включил механизм подъема, и принялся действовать, как всегда, в соответствии с изменившейся ситуацией.

Плита не дошла до края площадки несколько сантиметров, когда БТР прыгнул вперед и оказался на асфальтовом поле ВПП в окружении горящих вертолетов, автомашин, вышки командно-диспетчерского пункта. Егор остановил бронетранспортер, чтобы запихнуть внутрь Умара Гасановича, а когда вылез на броню, увидел согнувшегося над телом Тимергалина человека в черном плаще. Схватился за рукоять «глушака», торчавшего под ремнем джинсов, но вытащить не успел. Человек оглянулся, и руку Егора свело, как от удара током. На него смотрел невысокий худощавый человек с шапкой черных волос и прозрачно-серыми глазами. У него был орлиный нос, смуглое морщинистое лицо, ставшее в отсветах пожара красно-коричневым, тяжелый подбородок, а глаза притягивали, приказывали, прощупывали и предупреждали.

— Кто вы? — сглотнул горькую слюну Крутов.

— Я его учитель, — произнес незнакомец тихим, но отчетливо слышимым в трескотне и гуле голосом.

— Тигран...

Незнакомец сощурил яркие глаза.

— Кажется, я догадываюсь, с кем имею честь разговаривать. Вы Крутов? Один из Витязей Сопротивления?

— Надо убираться отсюда... Умар Гасанович ранен...

— Спасибо за помощь, Витязь. Может, еще доведется встретиться. — Учитель Тимергалина легко поднял тело ученика на руки, спрыгнул на асфальт. — Уходите к своим, они сейчас сгруппировались возле лаборатории Директора, замаскированной под колокольню. Найдете?

— Найду. А вы?

— Не волнуйтесь, мы выберемся.

Из-за горящей вышки КДП показалось несколько черных фигур, направляясь к бронетранспортеру.

— Охрана! — заторопился Крутов, берясь за рукояти пулемета.

— Не ввязывайтесь с ними в перестрелку, — посоветовал Тигран. — Они еще не знают, кто в машине, у вас есть хороший шанс прорваться.

— Но вы же...

— Нас они не заметят. — Учитель Тимергалина, академик, доктор энергоинформационных наук, доктор восточной медицины и он же — «серый» маг, маг «свободного выбора» Петр Афанасьевич Тигран улыбнулся. — Доброго пути, Витязь. Передавайте привет вашей берегине.

Учитель со своим учеником стали таять, испаряться, подернулись рябью, как изображение на экране телевизора, исчезли.

Крутов невольно огляделся вокруг, словно надеясь увидеть их поблизости, очнулся и нырнул в люк, где его ждала пришедшая в себя Мария.

— Господи, как я испугалась!.. Где мы?

— Все в порядке, уходим. Как себя чувствуешь?

— Какой-то странный прилив сил... словно меня кто-то подпитал энергетически...

— Здесь был Тигран.

— «Серый»?!

— Он забрал Умара, наверное, и тебе помог.

Бронетранспортер сорвался с места, прорвал сетчатое ограждение взлетно-посадочной площадки и устремился вдоль берега озера к темной башне колокольни. Он был уже на опушке леса, когда опомнившаяся охрана наконец открыла по нему огонь: борт и задник машины отозвались дробным грохотом от попаданий крупнокалиберных пуль. Затем грохот стих, БТР вышел из зоны обстрела. И в это время кружащие над лесом вертолеты открыли огонь по берегу озера из пушек и ракетных установок.

Неизвестно, каким образом Георгию удалось приковать внимание пилотов вертолета к «Газели», но факт оставался фактом: грозная боевая машина, получившая меткое название «крокодил», начала охоту за грузовичком, и остальным «диверсантам» во главе с Ираклием и Панкратом хватило времени, чтобы вывести из здания лаборатории детей, среди которых, к счастью, оказались и Антон с Настей. Обезумевший от радости Панкрат не хотел выпускать их из рук, прижимая обоих плачущих детей к груди, но требовалось его участие в отражении атаки охранников, группа которых появилась как из-под земли, что, впрочем, было недалеко от истины, и он поручил заботиться о детях Петру Качалину, назначенному главным эвакуатором.

Полковник ветлужской милиции не возражал, понимая, что самая важная часть операции еще впереди, и повел детей через лес к южному берегу острова, сопровождаемый своим подчиненным, легко раненным в руку, и парой Корнеева. Ираклий и Панкрат остались прикрывать их отход, помня, что им еще предстоит неизвестно каким способом найти Крутова с Марией и помочь обоим выбраться из подземелий базы.

Минут пять в свете разгоравшегося пожара — запылал второй этаж «клиники» — они отбивали атаки дюжины «киборгов», уложив половину из них и держа на расстоянии других, и в это время к месту боя подоспел бронетранспортер с эмблемой Легиона на броне, заходя по дуге к развалинам, где устроились Федотов и Воробьев.

— Уходим, — сквозь зубы процедил Панкрат. — Эх, будь у меня гранатомет!..

— Наши еще не успели уйти далеко, придется побегать.

— Тогда разделимся, ты вправо, я влево...

И в это время БТР произвел маневр, какого от него не ожидали ни оборонявшиеся, ни легионеры. Он прикрыл корпусом остатки каменной кладки, за которыми укрылись «диверсанты», развернул башню с пулеметом в сторону горящей лаборатории и дал длинную очередь, укладывая охранников на землю. Затем на броне показался человек, спрыгнул на землю, подал руку второму, оказавшемуся женщиной, и оба они припустили к развалинам, буквально пролетев, как на крыльях, три десятка метров.

Это были Крутов и Мария.

Ираклий и Панкрат вскочили. Все четверо обнялись от избытка чувств и опомнились от деликатного покашливания за спинами.

— Вы сейчас представляете отличную мишень, — сказал неизвестно откуда появившийся Георгий.

Словно услышав его слова, над лесом появился вертолет с хищно опущенным носом. Дал залп по горящей лаборатории, довершая ее разрушение, и повернулся к бронетранспортеру.

— О черт! — опомнился Панкрат. — К лесу, быстро!

Они бросились бежать к недалекой стене леса и едва успели спрятаться за деревья, когда вертолет выпустил ракету по БТР, превращая его в факел.

— А где Георгий? — спохватился Ираклий.

— Догонит, бежим дальше, этот проклятый «крокодил» не отстанет, пока не израсходует весь боезапас.

— Секунду, — бросил Крутов, возвращаясь и выглядывая из-за толстого ствола сосны на площадь с «клиникой».

Остальные последовали за ним и успели увидеть, как из развалин выметнулась вверх дымно-огненная струя, вонзилась в фонарь вертолета, и в воздухе вспыхнул грохочущий смерч взрыва. Вертолет клюнул носом, косо пошел вниз и врезался в землю неподалеку от прятавшихся в лесу людей. Второй взрыв, гораздо мощнее первого, разметал осколки боевой машины в радиусе сотни метров, высветив угрюмый ночной пейзаж и низко летящие тучи.

Георгий появился, как всегда, неожиданно, сказал негромко в спины спрятавшихся от взрыва соратников:

— Чего ждем?

Панкрат оглянулся, выругался сквозь зубы, проворчал:

— Предупреждать надо, Витязь. Где ЗРК нашел?

— Это неважно, — вмешалась в разговор Мария. — Надо немедленно догонять детей и готовить переправу на материк. Сил у хозяев еще достаточно, чтобы не выпустить нас живыми с острова. Нужен катер.

— Здесь должна где-то быть лодочная станция...

— У пристани стоит пара катеров, — сказал Георгий. — Я могу увести один.

— Одного катера будет мало на всю компанию. — Ираклий шагнул к нему. — Я с тобой.

— Хорошо, — благодарно посмотрела на Федотова Мария. — Разбежались в разные стороны. Мы к детям. — Она направилась было в лес и остановилась, заметив, что Крутов остался на месте. — Егор, в чем дело?

— Я возвращаюсь на базу, — ровным голосом проговорил Крутов.

Остановились и остальные, с недоумением и недоверием оглядываясь на него.

— Ты что, полковник? — хмуро осведомился Панкрат. —

Крыша поехала? Охренел? — Он посмотрел на Марию. — Извините...

— Вы справитесь и без меня, — продолжал Крутов. — К тому же свое основное задание я выполнил — вывел Сопротивление на «серого» мага. Не так ли, Ходок? А эта база существовать не должна. Не знаю, как Директору удалось выжить после нашего с ним... контакта, но жить он не должен!

— Ты не пройдешь один и полпути...

— Я знаю, где расположен арсенал базы и как туда пробраться, остальное дело техники. Уходите.

Егор повернулся, чтобы исчезнуть в темноте, но Мария кинулась к нему, вцепилась в руку.

— Нет!

Крутов обернулся. Несколько мгновений они стояли лицом к лицу, прекрасно видя друг друга в ночи, потом Мария обняла Егора и поцеловала, так что у него закружилась голова.

— Никогда больше этого не делай! — сказал он, с трудом отстраняя женщину, повторяя ее слова. — Передай Лизе, пусть ждет. Я вернусь.

— Ты знаешь, что она ждет ребенка?

— Что?! Откуда ты...

— Знаю. Может быть, все-таки не станешь рисковать?

Крутов несколько мгновений не сводил изумленно-недоверчивого взгляда с лица Марии, отступил.

— Я вернусь.

— Я пойду с тобой...

— Только мысленно.

— Ты все-таки слишком самоволен, чтобы стать Витязем.

— Значит, я им никогда не стану.

— Пожалуй, я тоже пойду с ним, — сказал вдруг Георгий. — Он прав, эта база не должна существовать. Кстати, ее не обязательно взрывать, достаточно затопить, взорвав центральную шахту над островком посреди озера. Но до этого мне хотелось бы покопаться в компьютере Директора, ознакомиться с подпрограммой.

— С какой программой? — не понял Ираклий, переживая острое чувство ревности и грусти; он вдруг почувствовал себя лишним.

— Существует карта стратегических интересов Реввоенсовета, как часть общей Программы изменения реальности. Ее надо извлечь.

— Если только Директор не уничтожил файлы из предосторожности.

— Дойдем — посмотрим.

— Вы оба психи... — пробормотал Панкрат. — Но я слеплен из того же теста. Я с вами.

— Тогда пойдем все вместе, — хладнокровно констатировал Ираклий. — Маша, догоняй наших одна, только будь осторожна.

— Нет, полковник, — покачал головой Крутов, — ты пойдешь с ней. На тебя теперь ложится ответственность за судьбу детей, и ты единственный, кто может довести дело до конца.

Ираклий открыл рот, чтобы возразить, но он был профессионалом и знал, что Крутов прав.

— Хорошо, я остаюсь.

— Спасибо, дружище, — сунул ему ладонь Панкрат. — Я твой должник. Доведи детей... — Он не договорил, махнул рукой и отошел.

— Ни пуха...

— К черту!

Георгий, Крутов и Воробьев исчезли в ночи, как призраки, всхлипнула вдруг Мария, опускаясь на корточки, пряча лицо в ладонях. Ираклий потоптался рядом, присел напротив и стал терпеливо ждать, пока она успокоится, не решаясь произнести ни слова, мучаясь от этого, как от зубной боли.

Из-за кустов ольхи бесшумно вынырнул волк, сверкнул яркими глазами, остановился в метре от сидящей пары и тоже стал ждать. Мария, отняв одну ладонь от лица, поманила к себе зверя, и когда тот подошел вплотную, уткнулась лицом в его шерсть и разрыдалась...

За что мы любим тех, кого любим? Почему мы их любим вопреки судьбе, положению, всему на свете? Когда человек более несчастен: когда его никто не любит или же не любит только тот, кого любит он сам?..

Задав сам себе последний вопрос, Ираклий принял решение и встал. Ему надо было успеть догнать ушедших товарищей.

Мария поняла его и отговаривать не стала. В душе ее звучала песня:

Я приду к тебе на помощь.
Я с тобой, пока ты дышишь.
Было так всегда, ты помнишь.
Будет так всегда, ты слышишь...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК БОЯ

Джерах, Ингушетия
КРУТОВ 7

Тульская губерния
ВОРОБЬЕВ 20

Москва
КРУТОВ 31

Брянская губерния
КРУТОВ 41

Деревня Ковали
КРУТОВ 50

Брянск — Жуковка
ВОРОБЬЕВ 60

Ковали
КРУТОВ 66

Жуковский район
ВОРОБЬЕВ 82

Деревня Ковали
КРУТОВ 97

Жуковский район
КРУТОВ И ДРУГИЕ 109

Жуковка
КРУТОВ 125

Москва. 29 июля
ДЖЕХАНГИР 139

Жуковский район. 29 июля
ВОРОБЬЕВ 147

Жуковка — Ковали. 30 июля
КРУТОВ 161

Брянск. 30 июля
ЛИЗА 178

Жуковский район
ВОРОБЬЕВ 183

Жуковские леса
ВОРОБЬЕВ 197

Ковали — Жуковка
КРУТОВ — ВОРОБЬЕВ 204

Жуковский район
ДУБНЕВИЧ 223

Брянск
КРУТОВ 231

Жуковские леса
ВОРОБЬЕВ 243

Брянск — Ковали
КРУТОВ 257

Брянск — Ковали
ФЕДОТОВ 269

Москва — Брянск
ДЖЕХАНГИР 274

Жуковские леса
КРУТОВ 280

Москва
ВАЛЯГИН 288

Брянск — Жуковка
ДУБНЕВИЧ 292

Жуковка
ФЕДОТОВ 299

Жуковка
КРУТОВ 311

Брянск
МОКШИН 321

Брянск — Сельцо
КРУТОВ 330

Жуковские леса
ДЖЕХАНГИР 341

Сельцо — Жуковка
КРУТОВ 346

Жуковка
ФЕДОТОВ 358

Жуковские леса
КРУТОВ 365

ПОЛЕ БОЯ

Москва
МОРОЗОВ — ЗУБКО 381

Ветлуга
КРУТОВ 395

Алтай
ФЕДОТОВ — КОРНЕЕВ 413

Тверская губерния, город Осташков
ВОРОБЬЕВ 423

Ветлуга
КРУТОВ 438
Алтай
ФЕДОТОВ — КОРНЕЕВ 457
Город Осташков
ВОРОБЬЕВ 472
Ветлуга
КРУТОВ 487
Москва
ЛООС 500
Ветлуга
СПИРИДОН КАЧАЛИН 507
Ветлуга
КРУТОВ 515
Москва
МЕРЕЖКОВСКИЙ 525
Осташков
ПАНКРАТ ВОРОБЬЕВ 529
Ветлуга
КРУТОВ 542
Алтай
ФЕДОТОВ 557
Ветлуга
КРУТОВ 572
Москва
ВОРОБЬЕВ 589
Москва
«ПСИХОДАВ» 603
Ветлуга
КРУТОВ И ДРУГИЕ 607
Алтай
ФЕДОТОВ 624
Москва
ДЖЕХАНГИР 643
Москва
ВОРОБЬЕВ 647
Ветлуга
КРУТОВ 659
Москва
ВОРОБЬЕВ 672
Москва
ДЖЕХАНГИР 684
Ветлуга
ПСЫ ЛЕГИОНА 687

Осташков
КРУТОВ И ДРУГИЕ 693
Москва — Подмосковье
ЛООС — «ПСИХОДАВ» 706
Осташков
КРУТОВ И ДРУГИЕ 710
Осташков
ВОРОБЬЕВ И ДРУГИЕ 721
Осташков
ДЖЕХАНГИР — ТИМЕРГАЛИН 731
Окрестности Селигера
КРУТОВ 741
Осташков
КОМАНДА СПАСЕНИЯ 749
Остров Городомля
КРУТОВ 757
Остров Городомля
ВОЛХВЫ И МАГИ 770
Остров Городомля
КОМАНДА СПАСЕНИЯ 775
Остров Городомля
КРУТОВ И К° 778
КОМАНДА СПАСЕНИЯ 784
КРУТОВ 787
И ВОЗМЕЗДИЕ СО МНОЮ... 792

Удел свидетелей тайных операций – смерть. Единственный шанс выжить – атаковать самому. Бывший полковник ФСБ Егор Крутов – не просто свидетель, а один из участников уничтожения секретной лаборатории по производству психотронного оружия, поэтому охота на него разворачивается по всем правилам. Однако с Человеком Боя, Витязем, владеющим воинским искусством и укрепленным верой в добро, справиться не так-то легко.

